Генри-Чарльсъ Ли.

ИСТОРІЯ ИНКВИЗИЦІИ

въ Средніе вѣка.

Переводъ съ французскаго А. В. БАШКИРОВА,

подъ редакціей С. Г. ЛОЗИНСКАГО.

Томъ первый.

ИЗДАНІЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Генри-Чарльсъ Ли.

ИСТОРІЯ ИНКВИЗИЦІИ

въ Средніе вѣка.

Переводъ съ французскаго А. В. БАШКИРОВА,

подъ редакціей С. Г. ЛОЗИНСКАГО.

Томъ первый.

ИЗДАНІЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Библиотека "Руниверс"

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ С.-Петербургъ, Прачешный, № 6.

Библиотека "Руниверс"

Предисловіе къ русскому изданію.

„Исторія Инквизиціи въ Средніе вѣка“ не нуждается въ рекомендаціи: Ли уже давно завоевалъ себѣ имя наиболѣе авторитетнаго изслѣдователя Инквизиціи, и переводъ на русскій языкъ его классической книги является долгомъ предъ наукой и, въ то же время, предъ русскимъ обществомъ, не имѣющимъ на своемъ родномъ языкѣ ни одного серьезнаго изслѣдованія въ этой области.

Двѣ черты болѣе всего характеризуютъ сочиненіе Ли: это — объективное отношеніе къ изучаемому предмету и необыкновенно обширное использованіе архивнаго матеріала. Протестантъ, свободный гражданинъ великой Заатлантической республики, Ли сумѣлъ съ чрезвычайнымъ безпристрастіемъ отнестись къ борьбѣ католической Церкви съ свободой совѣсти, съ свободой мысли и своимъ изложеніемъ заслужилъ похвалу со стороны даже тѣхъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ отстаивать право Церкви огнемъ и мечомъ искоренять ересь. Эта объективность тѣмъ болѣе поразительна, что Ли считаетъ нравоученіе задачей всякаго историческаго труда и полагаетъ, что отсутствіе нравоученія—конечно, не навязаннаго читателю, а свободно и естественно вытекающаго изъ самихъ событій—свидѣтельствовало бы о недостиженіи имъ своей главной цѣли. Другая черта „Исторіи Инквизиціи въ Средніе вѣка“—обширность архивнаго матеріала—вызвала въ Европѣ настоящую сенсацію, такъ какъ никто не могъ допустить, чтобы американскому ученому удалось собрать такой богатый матеріалъ, касающійся цѣликомъ Европы. Говорятъ даже, что отправленіе цѣнныхъ документовъ изъ европейскихъ библіотекъ и архивовъ въ Америку на имя частнаго изслѣдователя встрѣчало нѣкоторыя опасенія, и лордъ Биконсфильдъ, при посылкѣ Ли документовъ, запросилъ: but they did not come back? Эти документы, однако, не только получились обратно, но благодаря мастерскому использованію сдѣлались доступными обширнымъ кругамъ интеллигентныхъ читателей.

Настоящій переводъ „Исторіи Инквизиціи въ Средніе вѣка“ сдѣланъ не съ англійскаго оригинала, вышедшаго въ Нью-Іоркѣ въ 1888 г., а съ французскаго перевода, появившагося въ Парижѣ въ 1901—02 гг. Мы предпочли переводъ оригиналу, главнымъ образомъ, потому, что во французскомъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя добавленія и измѣненія, не имѣющіяся въ англійскомъ. Французскій переводъ, сдѣланный Соломономъ Рейнакомъ, членомъ французскаго Institut, выдающимся археологомъ и филологомъ, былъ одобренъ самимъ Ли и нигдѣ не отступаетъ отъ оригинала, если не считать тѣхъ измѣненій, которыя включены во время перевода книги Рейнакомъ самимъ Ли. Какъ и французское изданіе, русское снабжено небольшимъ историографическимъ очеркомъ, принадлежащимъ Полю Фреде-

Библиотека "Руниверс"

рику, профессору гентскаго университета, издателю Corpus Inquisitionis Neerlandicae, 1205—1520. По формѣ русское изданіе отличается какъ отъ оригинала, такъ и отъ перевода: три книги, на которыя дѣлится „Исторія Инквизиціи въ Средніе вѣка", выйдутъ не въ трехъ отдѣльныхъ томахъ, а въ двухъ, такъ что въ каждомъ томѣ русскаго изданія будутъ $1^1/_2$ книги. Русскій первый томъ охватываетъ, такимъ образомъ, не только первую книгу — „Происхожденіе и устройство Инквизиціи", но и часть второй книги — „Инквизиція въ различныхъ христіанскихъ земляхъ". Это превращеніе трехтомнаго изданія въ двухтомное (безъ малѣйшихъ притомъ сокращеній въ самомъ текстѣ) вызвано желаніемъ редакціи посвятить отдѣльный томъ исторіи Испанской Инквизиціи, т.-е. болѣе поздней Инквизиціи, Инквизиціи въ Новое время. Тѣмъ самымъ русскій читатель будетъ имѣть на своемъ языкѣ полную картину дѣятельности Инквизиціи какъ въ Средніе вѣка, такъ и въ Новое время.

Испанская Инквизиція, столь богатая трагическими моментами, издавна останавливала на себѣ вниманіе не только историковъ, но и политическихъ дѣятелей и публицистовъ, и если вслѣдствіе своего высоко-драматическаго характера она нерѣдко искажалась въ угоду той или иной религіозной либо политической партіи, то въ общемъ, однако, она гораздо болѣе извѣстна и широкимъ слоямъ общества, чѣмъ ея старшая сестра, средневѣковая Инквизиція: кровавый туманъ Испанской Инквизиціи застилалъ болѣе скромный образъ ея родоначальницы, и потребовался необыкновенный талантъ Ли, чтобы изъ-за кровавой завѣсы, изъ страшныхъ сумерекъ выглянуло на насъ истинное лицо Инквизиціи. Этому выявленію подлиннаго характера Инквизиціи Ли посвятилъ свои Средніе вѣка — столь же оригинальная, сколь и всесторонне освѣщающая работа. Въ ней мы не рѣшались ни на какія измѣненія. Иначе поступили мы съ другой работой того же Ли, съ „A History of the Inquisition of Spain", вышедшей въ четырехъ томахъ въ 1906—07 гг. Удивительно богатая фактами, отличаясь тѣмъ же безпристрастіемъ и той же объективностью, что и предшествующая работа, давая яркую картину изображаемой эпохи, она въ силу большей доступности и извѣстности изслѣдуемаго ею матеріала является менѣе оригинальнымъ и, съ исторической точки зрѣнія, менѣе цѣннымъ произведеніемъ, нежели „Исторія Инквизиціи въ Средніе вѣка". Вотъ почему мы не считали необходимымъ перевести ее цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что размѣры ея настолько обширны, что лишь затруднили бы изданіе на русскомъ языкѣ исторіи Инквизиціи. Цѣня крайне высоко изслѣдованіе Ли, ставя его выше другихъ работъ въ этой области, мы положили его „History of the Inquisition of Spain" въ основу того тома по исторіи Испанской Инквизиціи, который является какъ бы прямымъ продолженіемъ средневѣковой Инквизиціи Ли, хотя тутъ же должны замѣтить, что мы не ограничились однимъ лишь Ли и, по мѣрѣ надобности, пользовались и другими источниками, дабы въ общедоступной формѣ дать исчерпывающую, по возможности, картину дѣятельности Инквизиціи и въ Новое время.

С. Лозинскій.

С.-Петербургъ.
Августъ 1911 г.

Библиотека "Руниверс"

Исторіографія Инквизиціи.

Когда подумаешь, что Инквизиція развилась въ лонѣ Церкви, основанной на Евангеліи, то довольно трудно объяснить ее. Невольно является вопросъ: какъ могла религія, полная любви и вѣротерпимости, сжигать живыми тѣхъ, кто добровольно не принималъ ея ученій?

Уже въ Новомъ Завѣтѣ мы находимъ первый зародышъ того ужаса, который должна была позднѣе внушать ересь. Апостолъ Павелъ высказывается противъ нея съ энергіей, которая какъ бы предсказываетъ жестокость и злобу Среднихъ вѣковъ. Въ своемъ посланіи къ Титу (гл. III, ст. 10 и 11) онъ пишетъ: „Еретика послѣ перваго и второго вразумленія отвращайся, зная, что таковой развратился и грѣшитъ, будучи самоосужденъ“. Идолопоклонника онъ ставитъ наравнѣ съ прелюбодѣемъ, скупцомъ, грабителемъ и пьяницей и запрещаетъ имѣть общеніе съ ними и ѣсть съ ними. „Но“—добавляетъ онъ во второмъ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ—(гл. III, ст. 15) „не считайте его за врага, а вразумляйте какъ брата“. Съ своей стороны, полный кротости и нѣжности, апостолъ Іоаннъ говоритъ во второмъ своемъ посланіи (ст. 10): „Кто приходитъ къ Вамъ и не приноситъ Христова ученія, того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте его!“ И не сказалъ ли самъ Іисусъ Христосъ образно, понятое впослѣдствіи буквально: „Кто не пребудетъ во Мнѣ, извергнется вонъ какъ вѣтвь, и засохнетъ, а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и онѣ сгораютъ“ (Еванг. отъ Іоанна XV, 6)? Въ теченіе вѣковъ инквизиторы будутъ ссылаться на эти тексты и будутъ объяснять ихъ со слѣпою жестокостью, добавляя къ нимъ очень ясное предписаніе Ветхаго Завѣта [1]): „Если будетъ уговаривать тебя тайно братъ твой, сынъ матери твоей, или сынъ твой, или дочь твоя, или жена на лонѣ твоемъ, или другъ твой, который для тебя, какъ душа твоя, говоря: „Пойдемъ и будемъ служить богамъ инымъ, которыхъ не зналъ ты и отцы твои“, то не соглашайся съ нимъ и не слушай его; и да не пощадитъ его глазъ твой, не жалѣй его, не прикрывай его, но убей его; твоя рука прежде всѣхъ должна быть на немъ, чтобы убить его, а потомъ руки всего народа“ (Второзаконіе XIII, 6—9; ср. тамъ же, XVII, 1—6).

[1]) Въ одномъ руководствѣ, напечатанномъ въ Мадридѣ въ 1598 г., инквизиторъ Людовикъ Парамо превращаетъ Бога въ перваго инквизитора, такъ какъ Богъ наказалъ Адама и Еву послѣ ихъ грѣхопаденія; на основаніи извѣстнаго текста «Pasce oves meas» тотъ же инквизиторъ заявляетъ, что Христосъ возобновилъ и подтвердилъ Инквизицію.—Іегова и Христосъ дѣлаются, такимъ образомъ, великими инквизиторами!

Библиотека "Руниверс"

Однако, истинный смыслъ евангельскаго ученія настолько ясенъ, что первые христіане, которыхъ римскіе императоры преслѣдовали съ невѣроятною жестокостью, съ ужасомъ отрицали всякое насиліе въ вопросахъ вѣры. Несомнѣнно, принципъ религіозной терпимости долженъ былъ быть особенно дорогъ имъ. Въ подтвержденіе этого можно привести много краснорѣчивыхъ мѣстъ изъ Тертулліана, св. Кипріана, Лактанція, св. Гиларія изъ Пуатье, св. Амвросія Миланскаго, св. Григорія Назіанзина и мн. др. Но когда въ 313 г. Константинъ Великій издалъ въ Миланѣ свой Эдиктъ вѣротерпимости, положившій конецъ преслѣдованію христіанъ и вернувшій имъ ихъ церкви и конфискованное имущество, то христіанство, сильное поддержкой государства, не замедлило, въ свою очередь, начать преслѣдованія. Въ 325 г. Никейскій Соборъ грозилъ смертью тѣмъ, кто читалъ или имѣлъ у себя сочиненія ересіарха Арія; за эдиктомъ 353 г., изданнымъ императоромъ Констанціемъ противъ иновѣрцевъ (ровно черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Миланскаго эдикта о вѣротерпимости), послѣдовало ужасное законодательство Граціана, Валентиніана, Ѳеодосія и Юстиніана противъ язычниковъ, евреевъ и еретиковъ. Такимъ образомъ, принципъ подавленія ереси торжествовалъ и въ Церкви, и въ христіанскомъ государствѣ. Въ V в. св. Іоаннъ Златоустъ и св. Августинъ, одинъ на Востокѣ, а другой на Западѣ, горячо еще отвергали смертную казнь.

Послѣ этого время-отъ-времени раздавались еще отдѣльные голоса безсильнаго протеста: таковъ былъ голосъ въ 385 г. св. Мартина Турскаго, когда были казнены въ Трирѣ испанскій ересіархъ Присцилліанъ и трое его учениковъ; но уже въ 447 г. папа Левъ I Великій громко одобрилъ этотъ энергичный пріемъ. Впрочемъ, Западная Европа почти не знала ереси до тысячнаго года, когда этотъ вопросъ возникъ снова въ связи съ катарами.

Послѣдній, быть-можетъ, отголосокъ евангельской традиціи мы находимъ въ письмѣ, написанномъ около половины XI (1048 г.) столѣтія лотарингскимъ епископомъ Вазономъ своему коллегѣ въ Шалонѣ: „Господь не хочетъ смерти грѣшника... Довольно костровъ! Не будемъ убивать мечемъ тѣхъ, кого нашъ Создатель и Искупитель оставляетъ жить, чтобы они вырвались изъ путъ демона... Тѣ, кто сегодня еще еретики, могутъ завтра обратиться и стать выше насъ въ нашемъ небесномъ отечествѣ. Не началъ ли преслѣдованіемъ христіанъ св. апостолъ Павелъ? Епископы суть помазанники Бога не для того, чтобы давать смерть, а для того, чтобы приносить жизнь“. Это была лебединая пѣснь вѣротерпимости на Западѣ. Уже костры были зажжены въ 1022 г. въ Орлеанѣ королемъ Робертомъ Благочестивымъ. Папство, оказывая все большее давленіе на свѣтскую власть, постепенно поработило послѣднюю Церкви для подавленія ереси. Въ XIII в. Инквизиція была въ полномъ вооруженіи, и рука папы простиралась надъ ней по всему христіанскому міру, подчиненному ему.

Когда отъ Евангелія дошли, такимъ образомъ, до ауто-да-фе, то христіане Запада не сомнѣвались болѣе въ законности смертной казни, карающей еретика какъ самаго опаснаго изъ враговъ соціальнаго порядка. Въ концѣ XIII в. Св. Ѳома Аквинатъ въ своей „Summa theologiae“, изученіе которой предписано энци-

Библиотека "Руниверс"

кликой папы Льва XIII 1 августа 1879 г., такъ формулируетъ теорію римской Церкви по этому вопросу: „Ересь есть грѣхъ, за который виновный не только долженъ быть отлученъ отъ Церкви, но и изъятъ изъ міра смертью... Если еретикъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, то Церковь, потерявъ надежду на его спасеніе, должна заботиться о спасеніи души людей и отсѣчь его отъ себя путемъ отлученія; а затѣмъ она предоставляетъ его свѣтскому судьѣ, дабы онъ изгналъ его изъ этого міра смертью".

Какъ же смотрѣли на это сами еретики? Изъ ихъ сочиненій, которыя систематически сжигались Инквизиціей вмѣстѣ съ ихъ авторами, не осталось почти ничего. До насъ дошло только нѣсколько ядовитыхъ сирвентъ отъ трубадуровъ XIII в. противъ кровавыхъ ужасовъ альбигойскихъ крестовыхъ походовъ.

Въ іюлѣ 1410 г., наканунѣ гуситской трагедіи, разрѣшившейся кострами Констанцскаго собора, Пражскій архіепископъ сжегъ публично сочиненія Виклефа. Тотчасъ же противъ него и его духовенства была сложена на народномъ языкѣ пѣсня, одна строфа которой дошла до насъ:

Zbynèk knihi spálil,—
Zdenèk je podpátil,—
Učinil hanbu Čechóm,—
Bèda bude vsem nevèrnym popom.

А въ другой пѣснѣ съ презрительной ироніей говорится:

Zbynèk biskup abeceda spálil knichy, a nemèda, co je ne nich napsàno.

Отъ средины XV столѣтія (1460 г.) до насъ дошло двѣнадцать горькихъ строфъ, тайно разбросанныхъ по городу Аррасу, гдѣ анонимный поэтъ нападаетъ на главныхъ виновниковъ преслѣдованія вальденцевъ въ Аррасѣ:

L'inquisiteur, à sa blanche barrette,
Son velu nez et sa trongne maugrinne.
Des principaux a esté à la feste
Pour pauvres gens tirer à la gehenne...

Кромѣ этого, почти вся литература, касающаяся подавленія ереси, исходитъ отъ самихъ инквизиторовъ. Она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ опроверженій заблужденій еретиковъ и изъ руководствъ, предназначенныхъ для судей вѣры при исполненіи ими своей страшной миссіи. Среди этихъ послѣднихъ отмѣтимъ Practica Inquisitionis hereticae pravitatis тулузскаго инквизитора Бернара Ги (1331 г.) и Directorium inquisitorum, составленное около 1375 г. каталонскимъ инквизиторомъ Николаемъ Эмерикомъ. Прибавимъ еще сюда Lucerna inquisitorum haereticae pravitatis Бернара Комскаго (1510 г.), Catalogus haereticorum (1522 г.) брата Бернарда Люксембургскаго, руководства испанскихъ инквизиторовъ Іакова Симанки и Іоанна де Ройаса и нѣсколько апологій, подобныхъ сочиненію Людовика Парамо: De origine et progressu officii Sanctae Inquisitionis ejusque utilitate et dignitate libri tres (Мадридъ, 1598 г.).

Библиотека "Руниверс"

Но уже счастливые дни Инквизиціи прошли. 1 іюля 1523 г. она торжественно сожгла на большой площади Брюсселя двухъ августинскихъ монаховъ изъ Антверпена: это были первые протестанты, вошедшіе на эшафотъ. Тотчасъ же Лютеръ написалъ свой псаломъ: Ein neues Lied wir heben an!, который кончался слѣдующими пророческими словами: „Ихъ пепелъ никогда не остынетъ. Вѣтеръ разнесетъ его по всѣмъ странамъ. Лѣто стучится къ намъ въ двери; зима скрылась; нѣжные, маленькіе цвѣты уже пробиваются, и начавшіе это дѣло сумѣютъ довести его до добраго конца! Аминь". Послѣ этой „новой пѣсни" Лютера по всей Европѣ противъ Инквизиціи сказалось страшное ожесточеніе въ пѣсняхъ и пасквиляхъ нѣмецкихъ лютеранъ, французскихъ гугенотовъ, нидерландскихъ гезовъ, женевскихъ кальвинистовъ и англійскихъ пуританъ. Волна поднимается и затопляетъ литературу: Эразмъ, Рабле, Вильямъ Тиндаль, Марникъ де С.-Альдегондъ, Фишартъ, Гансъ Заксъ и много еще другихъ поэтовъ и прозаиковъ произнесли возбужденные негодованіемъ приговоры надъ Инквизиціей и инквизиторами. Особенно нападали на испанскую Инквизицію. Многотомный и ученый памфлетъ испанскаго протестанта Регинальда Гонсальва Монтана или, вѣрнѣе, Раймунда Гонсалеса де Монтесъ, ускользнувшаго въ 1558 г. изъ тюрьмы Св. Трибунала въ Севильѣ, былъ изданъ въ Гейдельбергѣ въ 1567 г. подъ заглавіемъ: Sanctae Inquisitionis Hispanicae artesaliquot delectae et palam traductae; въ немъ авторъ клеймитъ судопроизводство испанской Инквизиціи. Менѣе чѣмъ черезъ два года эта книга была переведена на французскій, нѣмецкій, англійскій и голландскій языки и обошла всю Европу. Это періодъ поношеній, которыя въ XVII столѣтіи зарождаются въ нѣмецкомъ лагерѣ, и противъ которыхъ католицизмъ выставилъ цѣлый рядъ то тонкихъ, то грубыхъ апологій, каковы, напримѣръ, сочиненія итальянца Паоло Сарпи, Боссюэ въ его спорѣ съ епископомъ Монтобанскимъ, сицилійца Антонина Діаны, совѣтника Св. Трибунала, испанца Франциска Пеньи, Цезаря Карены и другихъ.

Въ 1692 г. одна книга, изданная въ Амстердамѣ, положила начало научному изученію Инквизиціи; это—большой томъ in folio въ 800 страницъ подъ заглавіемъ: Philippi a Limborch Historia Inquisitionis..., cui subjungitur Liber sententiarum Inquisitionis Tholosanae, ab anno Christi 1307 ad annum 1323. Авторъ, протестантскій служитель диссидентской секты ремонстрантовъ, посвящаетъ свою книгу примасу англійской церкви, Кэнтерберійскому архіепископу. Онъ обѣщаетъ основываться только на буллахъ папъ и на сочиненіяхъ и актахъ, исходящихъ отъ самихъ инквизиторовъ, и онъ держитъ слово. Сначала онъ даетъ и до сихъ поръ не потерявшій своего значенія очеркъ исторіи Инквизиціи, постепенно излагая ея происхожденіе и ея успѣхи въ различныхъ католическихъ странахъ, особенно на югѣ Франціи, въ Италіи и въ испанскихъ колоніяхъ; затѣмъ онъ переходитъ къ обзору личнаго состава страшнаго трибунала, подлежавшихъ его вѣдѣнію преступленій, его судопроизводства и наказаній. Но самою цѣнною и дѣйствительно научною для того времени частью этого труда является Liber Sententiarum тулузской Инквизиціи за 1307—1323 гг.; ориги-

Библиотека "Руниверс"

налъ этого не изданнаго и крайне цѣннаго документа, повидимому, погибъ, а авторъ не отмѣтилъ его происхожденія, ограничившись замѣткой, что владѣлецъ рукописи любезно предоставилъ ему ее на четыре года, чтобы онъ могъ переписать и тщательно изучить ее.

Лимборхъ даетъ подробное описаніе рукописи, ея переплета, скрѣпъ нотаріусовъ и т. д.; въ своемъ текстѣ онъ отмѣтилъ нумерацію листовъ оригинала и сохранилъ тщательно орѳографію. Онъ желалъ бы, говоритъ онъ, чтобы столь важное сокровище было передано въ общественную библіотеку, такъ какъ оно легко можетъ погибнуть, если наслѣдники владѣльца будутъ менѣе просвѣщенны, нежели онъ; это предсказаніе, повидимому, къ сожалѣнію, оправдалось, такъ какъ до сихъ поръ рукопись не найдена.

Вотъ въ какихъ, нѣсколько патетическихъ, выраженіяхъ представляетъ Лимборхъ читателю свою находку: „Ecce tibi librum qualem typis editum hactenus non vidit Christianus orbis“. Дѣйствительно, этотъ Liber Sententiarum является исходнымъ пунктомъ и основаніемъ всѣхъ дѣйствительно научныхъ изысканій относительно Инквизиціи на югѣ Франціи, гдѣ она была такъ живуча. Картина исторіи и судопроизводства Инквизиціи, впервые нарисованная Лимборхомъ, была повторяема большинствомъ авторовъ, писавшихъ о томъ же предметѣ въ XVIII ст., какъ, напримѣръ, англичаниномъ Дж. Бекеромъ (1736 г.), который ограничился только тѣмъ, что прибавилъ нѣсколько примѣровъ и страшныхъ анекдотовъ, и работа котораго была переведена въ 1741 г. на нѣмецкій языкъ въ Копенгагенѣ. Но почти одновременно съ работою Лимборха вышла въ 1693 г. въ Кельнѣ (Парижѣ) Histoire de l'Inquisition et de son origine, написанная французскимъ аббатомъ Іаковомъ Марсолье, каноникомъ Юзеса, который, энергично отстаивая за епископами и князьями право подавлять ересь на основаніи Второзаконія, апостоловъ и ученія католической Церкви, злобно раскрываетъ злоупотребленія Святого Престола и осуждаетъ Инквизицію какъ учрежденіе ненавистное и недѣйствительное. Это скорѣе каноническое разсужденіе, чѣмъ исторія Инквизиціи, или, еще вѣрнѣе, это памфлетъ. Эта книга, съ удовольствіемъ останавливающаяся на жестокостяхъ Св. Трибунала и иллюстрированная страшными виньетками, взятыми изъ Лимборха, является любопытнымъ знаменіемъ времени. Не отнимая правъ католической Церкви на ересь, аббатъ Марсолье рѣшительно отвергаетъ Инквизицію. Интересно, что это сочиненіе было въ 1769 г. переиздано и дополнено аббатомъ Гуже, добавившимъ къ нему Discours sur quelques auteurs qui ont traité du Tribunal de l'Inquisition, гдѣ онъ разбираетъ сочиненія Эмерика, Пеньи, Парамо, Паоло и др. Что касается книги Лимборха, на которой онъ долго останавливается, и высокое значеніе которой онъ признаетъ, то онъ разбираетъ ее, понятно, въ духѣ католическомъ, но въ общемъ довольно независимо. Вліяніе Лимборха также сильно сказалось на Histoire de Languedoc, знаменитой работѣ бенедиктинцевъ Домъ-Вессета и Домъ-Девика. Онъ вдохновилъ также Вольтера и энциклопедистовъ въ ихъ замѣчательномъ походѣ въ защиту вѣротерпимости; но лишь только въ XVIII в. пускались въ область исторіи, немедленно начинались удивительно пустыя выдумки!

Библиотека "Руниверс"

Другая работа, столь же серьезная, какъ работа Лимборха, появилась только въ XIX ст.; это знаменитая Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne дона Хуана-Антонія Льоренте, вышедшая сначала во французскомъ переводѣ въ Парижѣ въ 1817 г., а немного позднѣе (1822 г.) въ испанскомъ подлинникѣ. Льоренте, каноникъ примасской церкви въ Толедо, былъ секретаремъ Инквизиціи въ Мадридѣ и изучилъ ея архивы. Когда 22 февраля 1812 г. [1]) возмутившіеся кортесы Кадикса постановили уничтожить Инквизицію, все еще дѣйствовавшую въ Испаніи [2]), то Льоренте выпустилъ въ свѣтъ въ Мадридѣ (1812—1813 гг.) два тома не изданныхъ документовъ, давшихъ важныя разоблаченія. Это было только прологомъ къ его большой исторіи, въ которой онъ воспользовался до того времени не изслѣдованными тайными архивами Инквизиціи.

Давъ въ первыхъ главахъ довольно смутный очеркъ исторіи возникновенія и перваго развитія папской Инквизиціи на Западѣ до конца XV в., авторъ переходитъ къ своей главной задачѣ, къ исторіи испанской Инквизиціи съ ея учрежденія при Фердинандѣ и Изабеллѣ до ея отмѣны въ Кадиксѣ. Черпая полной рукой изъ богатыхъ рукописныхъ собраній, доступъ къ которымъ случайно былъ открытъ ему, Льоренте могъ написать работу, немного поспѣшную, но хорошо обоснованную, о которой можно сказать много дурного, но которая серьезно еще не была опровергнута. Его книга, переведенная на нѣмецкій, голландскій и англійскій языки, произвела огромное впечатлѣніе, не изгладившееся еще и до сихъ поръ.

Знаменитый памфлетъ Жозефа де Местръ—Lettres à un gentilhomme russe sur l'Inquisition espagnole (Парижъ, 1822), несмотря на свой рѣзкій и побѣдоносный тонъ и на смѣлость, съ которою онъ защищаетъ костры въ дѣлахъ вѣры, не могъ затмить книги Льоренте. Лучшимъ отвѣтомъ, сдѣланнымъ на нее католической наукой, является книга епископа фонъ-Гефеле, Der Cardinal Ximenez und die kirchlichen Zustände Spaniens in 15 Jahrhundert (1851 г.). Нужно также упомянуть здѣсь о менѣе извѣстномъ, но замѣчательномъ сочиненіи Родриго Historia verdadera de la Inquisicion (3 тома, Мадридъ, 1876—1877 гг.) [3]).

Общая исторія происхожденія и развитія средневѣковой Инквизиціи въ различныхъ странахъ Запада была вкратцѣ, но строго научно, изслѣдована Ганомъ въ его Geschichte der Ketzer (3 т., Штуттгартъ, 1845—1850 гг.), а также въ нѣсколькихъ главахъ Histoire et doctrine de la sècte des Cathares ou Albigeois профессора богословскаго факультета въ Страсбургѣ

---

[1]) Рѣзкій памфлетъ «La Inquisicion sin mascara» Пюигбланча, вышедшій въ Кадиксѣ въ 1811 г., немало способствовалъ рѣшенію кортесовъ объ отмѣнѣ Инквизиціи. Пюигбланчъ долженъ считаться предшественникомъ Льоренте, и памфлетъ его былъ переведенъ на англійскій языкъ.

[2]) Послѣ паденія Наполеона I испанскій король Фердинандъ VII поспѣшилъ декретомъ 21 іюля 1814 г. возстановить отмѣненную Инквизицію, которая просуществовала еще цѣлыхъ шесть лѣтъ, до 1820 г. Уничтоженная въ этомъ году, она въ 1824 г. была снова возстановлена и окончательно отмѣнена лишь въ 1834 г. Впрочемъ, и послѣ этого происходили попытки возстановить Инквизицію, продолжавшіяся до изгнанія изъ Испаніи въ 1868 г. королевы Изабеллы.

[3]) См. Гаупта въ «Zeitschrift für Kirchengeschichte», т. XIII, стр. 467, № 137.

Библиотека "Руниверс"

Шмидта (1849 г.), который былъ настоящимъ предшественникомъ Ли; но его прекрасная работа осталась неизвѣстной большинству авторовъ, писавшихъ объ этомъ въ томъ же столѣтіи, таковы: пасторъ Вильямъ Гарисъ Рэль въ своей History of the Inquisition from its establishment in the twelfth century to its extinction in the nineteenth (2 тома, Лондонъ и Нью-Іоркъ, 1874 г.) и нѣмецкій журналистъ Фридолинъ Гофманъ въ своей странной Geschichte der Inquisition (2 тома, Боннъ, 1878 г.).

Тѣмъ не менѣе, приближалось время, когда исторія Инквизиціи начала окончательно вступать въ свой описательный и научный періодъ. Въ разныхъ странахъ Европы ученые начали рѣшительно собирать и изучать безъ всякой предвзятой мысли акты инквизиторовъ, еще скрывавшіеся въ архивахъ, а также буллы папъ. Такимъ путемъ профессоръ В. Молль могъ составить въ Амстердамѣ въ 1869 г. почти новую картину подавленія ереси въ Голландіи въ Средніе вѣка [1]). Десять лѣтъ спустя А. Дюверже доставилъ новые матеріалы для исторіи средневѣковой Инквизиціи въ Нидерландахъ [2]). Знаменитый бельгійскій архиваріусъ Гашаръ еще въ 1848 г. положилъ основаніе совершенно новому изученію Инквизиціи XVI в. въ Нидерландахъ, разбирая богатыя данныя, заключающіяся въ одной описи не изданныхъ документовъ, сохранившихся въ королевскихъ архивахъ Брюсселя [3]); А. Эннэ прекрасно разслѣдовалъ этотъ же вопросъ въ своей десятитомной Histoire du règne du Charles Quint en Belgique, вышедшей въ Брюсселѣ въ 1858 и 1860 гг., а амстердамскій профессоръ Гопъ Шефферъ изложилъ въ 1873 г. рѣшительное переустройство нидерландской Инквизиціи, произведенное Карломъ V въ началѣ реформаціи [4]). Въ 1877 г. лувенскій профессоръ Эдм. Пульо разсмотрѣлъ этотъ же вопросъ съ католической точки зрѣнія [5]). Съ своей стороны, пасторъ Д. Ленуаръ, Раленбекъ и профессоръ Лоншей въ Брюсселѣ дополнили картину, изучая исторію Инквизиціи въ Люттихѣ, бывшемъ независимымъ отъ собственно Нидерландовъ [6]).

Во Франціи исторія Инквизиціи изучалась не менѣе энергично и не менѣе методично. Каноникъ Дуэ написалъ въ 1879 г. книгу: Les Albigeois, leurs origine et l'action de l'Eglise au XII siècle, а въ 1886 г. онъ

---

[1]) Kerkgeschiedenis van Nederland vóór de Hervorming, 6 т., Utrecht, 1864—71 (нѣм переводъ въ 1895 г.); II т., XVI гл., стр. 125.

[2]) L'Inquisition en Belgique. Quelques notes (Bull. de l'Acad. royale de Belg. 2 ser., t. 47 стр. 863—897; 1879).—L'Inquisition en Belgique (Verviers, 1879; 2-е изд. 1888).—La Vauderie dans les Etats de Philippe le Bon (Arras, 1885).

[3]) Предисловіе къ 1-му тому его Correspondance de Philippe II sur les affaires des Pays-Bas (стр. CV—CXLIII).

[4]) Гл. II и его III Geschiedenis der Kerkhervorming in Nederland van haar ontstaan tot 1531, 2 тома, Амстердамъ, 1873 г., имѣется нѣмецкій переводъ, 1886 г.

[5]) De la répression de l'hérésie au XVI siècle, въ «Revue générale», Брюссель, т. XXVI, стр. 145—179 и 897—940.—Укажемъ для полноты очень поверхностную работу каноника Claessens'a «L'Inquisition et le régime pour la répression de l'hérésie dans les Pays-Bas du passé» (Turnhout, 1886).

[6]) D. Lancir, Histoire de la Réformation dans l'ancien pays de Liège (Брюссель, 1861 г.); Ch. Rahlenbeck, l'Eglise de Liège et la révolution (Брюссель, 1867 г.); H. Lonchay, Les édits des princes évêques de Liège en matière d'hérésie (въ сборникѣ П. Фредерика Travaux du cours pratique de l'Université de Liège (т. I, Гентъ, 1883 г.).

Библиотека "Руниверс"

издалъ Practica Inquisitionis знаменитаго инквизитора Бернара Ги. Въ то же время профессоръ тулузскаго университета Ш. Молинье въ своей диссертаціи L'Inquisition dans le Midi de la France au XIII et au XIV siècles описалъ и разобралъ почти неизвѣстные источники, сохранившіеся частью въ подлинникахъ, частью въ копіяхъ въ парижской Національной библіотекѣ, въ библіотекахъ Каркассона, Тулузы, Клермона и въ архивѣ департамента Верхней Гаронны. Воспользовавшись самъ частью этихъ не изданныхъ документовъ, онъ представилъ намъ словно живыми судей инквизиціоннаго трибунала Каркассона (1250—1258 гг.), равно какъ инквизиціонное судопроизводство и наказанія, налагаемыя ими. Тотъ же авторъ продолжалъ свои изслѣдованія относительно не изданныхъ источниковъ въ своихъ Études sur quelques manuscrits des bibliothèques d'Italie, concernant l'Inquisition et les croyances hérétiques du XII au XVII siècle (Парижъ, 1887). Рано умершій молодой ученый, Жюльенъ Гаве, попытался дать цѣлую картину въ своей замѣчательной диссертаціи L'hérésie et le bras séculier au moyen-âge jusqu'au XIII siècle (1880), смѣло взявъ почти нетронутый вопросъ и съ честью выйдя изъ его разрѣшенія.

Въ Германіи, гдѣ всѣ остальныя отрасли исторіи такъ прекрасно разработаны, не было проявлено интереса къ исторіи Инквизиціи. Много превосходныхъ работъ посвящено изслѣдованію еретическихъ сектъ и ихъ ученій, но дѣятельность Инквизиціи не была еще предметомъ дѣйствительно систематическаго изслѣдованія [1]). О вальденцахъ мы имѣемъ прекрасныя работы Дикгофа, Герцога, Мюллера, Прегера, Гаупта и др. О Виклефѣ имѣются классическія работы Лехлера и Р. Будлензига, о тампліерахъ—К. Шотмюллера, Прютца и Гмелина. О Гусѣ и сектахъ Чехіи имѣются глубокія изслѣдованія Лехлера, Готшика, Лозерта, Гефлера, Ф. фонъ Бецольда и В. Прегера, а также чешскихъ историковъ Фр. Палацкаго, А. Гиндели, Ярослава Голля и др. Но относительно исторіи собственно Инквизиціи у нѣмцевъ имѣется очень мало,—лишь то, что они называютъ Vorarbeiten: нѣсколько диссертацій, журнальныхъ статей, академическихъ замѣтокъ и нѣсколько не изданныхъ документовъ, опубликованныхъ безъ плана и системы. Можно также упомянуть три изслѣдованія о первомъ нѣмецкомъ инквизиторѣ, Конрадѣ Марбургскомъ [2]).

Знаменитый каноникъ Деллингеръ въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ всевозможные не изданные документы, касающіеся еретическихъ сектъ; послѣ его смерти боннскій профессоръ Реушъ издалъ ихъ въ двухъ интересныхъ томахъ,

---

[1]) Одинъ анонимный авторъ, повидимому, спеціально знакомый съ дѣломъ, недавно съ полной откровенностью признался въ этомъ въ кельнскомъ журналѣ «Deutsche Stimmen» 1900 г. вып. 1 января): «Unser voriger Brief hat die auffällige Thatsache zu konstatieren, das in Deutschland selbst trotz Döllingers schon im Jahre 1868 ergangenem Mahnrufe die Geschichte der Inquisition nach wie vor ein beinahe unbeackertes Feld ist». Авторъ статьи противополагаетъ этому научную дѣятельность, проявленную въ этомъ вопросѣ во Франціи, Бельгіи, Голландіи и даже Италіи.

[2]) Всѣ три озаглавлены «Konrad von Marburg». Авторы—Гаусратъ (1861 г.), Генке, (1861 г.) и Кальтнеръ (1882 г.).

Библиотека "Руниверс"

которые окажутъ большія услуги будущимъ историкамъ нѣмецкой Инквизиціи [1]). Въ послѣдніе годы своей долгой ученой карьеры берлинскій профессоръ В. Ваттенбахъ издалъ и объяснилъ документы, касающіеся подавленія ереси въ Германіи [2]). Наконецъ, Юлій Фиккеръ одновременно съ Жюльеномъ Гаве издалъ ученую диссертацію о введеніи смертной казни за ересь на Западѣ [3]).

Въ Испаніи изучали исключительно свою ужасную національную Инквизицію. Кромѣ указанной выше работы Родриго, стоитъ упомянуть о трехтомномъ трудѣ Менендеса-и-Пелайо Heterodoxos Españoles (Мадридъ, 1880 г.) и о Procedimientos de la Inquisicion (2 тома, Мадридъ, 1886 г.) Мелгареса Марина.

Въ Италіи, какъ и въ Германіи, изучали скорѣе исторію ереси, чѣмъ исторію Инквизиціи. Флорентійскіе профессора Эмиліо Комба и Феличе Токко извѣстны своими изслѣдованіями о вальденцахъ и еретикахъ итальянскаго средневѣковья. Выдающійся историкъ Паскаль Виллари занимался временемъ и идеями эпохи Савонаролы и Макіавелли. Но несправедливо будетъ обойти молчаніемъ книгу Филиппо де Бони Inquisizione e i Calabro-Valdesi (Миланъ, 1864 г.), съ которой связано сочиненіе Ломбарда, Jean-Louis Paschale et les martyrs de Calabre (Женева, 1881 г.). Оба эти труда основаны на не изданныхъ источникахъ XVI в.

Въ Англіи, которая не знала Инквизиціи въ строгомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ документовъ для ея изученія. Вниманіе ученыхъ въ ущербъ Инквизиціи поглощено тамъ изученіемъ ересей и религіозныхъ смутъ.

Въ общемъ, исторіографія Инквизиціи около 1890 г. вышла въ главныхъ странахъ европейскаго образованія на новую дорогу [4]). Въ разной степени и съ большимъ или меньшимъ интересомъ добросовѣстные и хорошо подготовленные спеціалисты заняли мѣсто хулителей или слѣпыхъ защитниковъ. Въ то же время чувствовали, какъ много предстояло еще выполнить, чтобы прійти къ результатамъ, отвѣчающимъ требованіямъ науки. Среди историковъ царствовало спасительное недовѣріе къ поспѣшнымъ и преждевременнымъ выводамъ. Въ 1881 г. Молинье, выпуская въ свѣтъ свой критическій разборъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ источниковъ исторіи Инквизиціи на югѣ Франціи, благоразумно и прозорливо замѣтилъ: „Исто-

---

[1]) Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, 1890 г. Въ его «Kleinere Schriften», также изданныхъ Реушемъ въ 1890 г., напечатаны также два анонимныхъ изслѣдованія 1867 и 1868 гг., гдѣ онъ съ большой самостоятельностью и съ широкой эрудиціей говоритъ о происхожденіи и развитіи папскихъ инквизицій въ Испаніи (стр. 286—356 и 357—405).

[2]) Ueber die Inquisition gegen die Waldenser in Pommern und der Mark Brandenburg (Берлинъ, 1886 г.).—Ueber die Secte der Brüder vom freien Geiste (Берлинъ, 1887 г.).—Ueber das Handbuch eines Inquisitors in der Kirchenbibliothek Sanct Nicolai in Greifswald (Берлинъ 1888 г.).—Matthaeus Grabow (1895 г.).

[3]) Die gesetzliche Einführung der Todesstrafe für Ketzerei (Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichtsforschung, t. I, fasc. 2, Innsbruck, 1880).

[4]) Въ 1890 г. профессоръ Финке писалъ въ «Römische Quartalschrift»: «Seit einem Jahrzehnt hat sich die kirchenhistorische Forschung mit Vorliebe der Geschichte der päpstlichen Inquisition in den ersten Jahrhunderten ihres Bestehens zugewendet und damit eine alte Unterlassungssünde wieder gut gemacht» etc.

Библиотека "Руниверс"

рія не любитъ въ настоящее время синтезовъ подобнаго рода, и мы думаемъ, что ея справедливое недовѣріе здѣсь умѣстнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Было бы лучше, какъ намъ кажется, лишній разъ примѣнить болѣе скромный методъ, который она, въ концѣ концовъ, предпочла, т.-е. приступить къ изданію отдѣльныхъ монографій о различныхъ трибуналахъ Инквизиціи. Это было бы второю частью ряда работъ, первою частью которыхъ должно бы быть изученіе источниковъ, которое мы попытались сдѣлать. Только тогда, быть-можетъ, когда будутъ устранены всѣ препятствія, можно будетъ приступить къ окончательной работѣ, трудность которой мы сейчасъ отмѣтили". Что же касается общаго труда, который будетъ озаглавленъ „Исторіей Инквизиціи", то авторъ, не задумываясь, назвалъ это „предпріятіемъ почти химерическимъ" [1]).

Но въ то время, когда Молинье писалъ эти строки, по ту сторону Атлантическаго океана одинъ доблестный старикъ, Генрихъ-Чарльсъ Ли, въ теченіе долгихъ лѣтъ собралъ единственную библіотеку и богатую коллекцію не изданныхъ документовъ по общей исторіи Инквизиціи. Не отступая передъ этой огромной задачей, онъ собралъ всѣ доступныя книги и цѣлую гору подлинныхъ документовъ, присланныхъ ему его корреспондентами въ главныхъ архивахъ Запада. Въ августѣ 1887 г. онъ окончилъ въ Филадельфіи три большихъ тома своей удивительной работы, вышедшей въ свѣтъ въ Нью-Іоркѣ въ 1888 г. подъ заглавіемъ A History of the Inquisition of the Middle Ages. Автору было 63 года, и онъ могъ посвящать ежедневно только нѣсколько часовъ своимъ любимымъ занятіямъ, такъ какъ остальное время поглощали у него дѣла: до 1880 г. онъ управлялъ крупной книжной торговлей.

Когда пароходы привезли въ Европу эту работу, и эти три большихъ тома очутились на рабочемъ столѣ историка, то всюду къ нимъ отнеслись съ недовѣріемъ, вполнѣ понятнымъ, въ особенности въ Германіи, гдѣ этотъ предметъ былъ мало разработанъ, и гдѣ только-что осмѣяли странную книгу Фридолина Гофмана. Но скоро сочиненіе американскаго историка прочли и оцѣнили по достоинству. Однимъ изъ первыхъ, пришедшихъ въ восторгъ отъ этой работы, былъ Молинье.

Недавно одинъ нѣмецкій критикъ, повидимому, изъ числа наиболѣе знакомыхъ съ исторіей Инквизиціи, давъ очень благосклонный отзывъ о другихъ работахъ Ли, такъ отозвался о его „Исторіи Инквизиціи въ Средніе вѣка": „Это центральный пунктъ всѣхъ его трудовъ. Чѣмъ болѣе изучаешь дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка, тѣмъ болѣе растетъ чувство удивленія къ тому строго научному методу, которымъ отличаются всѣ его работы". Реушъ охарактеризовалъ книгу Ли „какъ наиболѣе обширную, наиболѣе глубокую и наиболѣе разработанную исторію Инквизиціи изъ всѣхъ, какими мы обладаемъ". Сжатый очеркъ одной изъ многочисленныхъ частей этой работы привелъ ученаго Гмелина къ тому, что онъ вполнѣ принялъ заключеніе Ли относительно тампліеровъ [2]). Такой же восторженный отзывъ даютъ спеціалисты и всѣхъ другихъ странъ.

---

[1]) L'Inquisition dans le Midi de la France, введеніе, стр. XII.

[2]) Deutsche Stimmen, Кельнъ, № 19, 1 января 1900 г.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ того, работа Ли возбудила дѣятельность европейскихъ историковъ. Послѣ 1888 г. всѣ ссылаются на Ли и всѣ въ разной степени пользовались имъ. Назовемъ здѣсь главныя работы и не забудемъ прекрасныхъ диссертацій и самого Ли по спеціальнымъ вопросамъ испанской Инквизиціи [1]).

Прежде всего идутъ двѣ книги, стоящія выше другихъ: прекрасно разработанный юридическій очеркъ пражскаго профессора Камилла Геннера объ организаціи и компетенціи инквизиціоннаго суда [2]) и прекрасная картина цѣлаго, нарисованная Л. Тапономъ, президентомъ кассаціоннаго суда въ Парижѣ, Histoire des Tribunaux de l'Inquisition en France. Добавимъ сюда 5-й томъ большой классической работы берлинскаго профессора Павла Гиншіуса, Das Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten (Берл., 1895 г.), принявшаго относительно Инквизиціи взгляды и выводы Ли. Затѣмъ нужно упомянуть диссертаціи гиссенскаго библіотекаря Германа Гаупта [3]), мюнстерскаго профессора Финке [4]) и Шарля Генегюана [5]). Въ Бельгіи можно отмѣтить изданіе историческаго семинарія, руководимаго профессоромъ лувенскаго католическаго университета каноникомъ А. Коши [6]), а также практическія работы гентскаго университета [7]).

Къ этимъ изслѣдованіямъ относятся также прекрасныя работы мюнхенскаго профессора Зигмунда Рицлера [8]) и кольнскаго архиваріуса Іос. Ганзена [9]) относительно средневѣковыхъ процессовъ о колдовствѣ. Кромѣ того, Іос. Ганзенъ приготовляетъ сборникъ документовъ, касающихся Инквизиціи въ Германіи въ родѣ Corpus Inquisitionis Neerlandicae. Въ Италіи появились два прекрасныхъ сочиненія, основанныхъ на архивныхъ разысканіяхъ: Origini e vicende de l'Inquisizione in Sicilia, написанное Ла Маніа, и Il santo

---

[1]) Chapters from the religions history of Spain connected with the Inquisition, Филадельфія, 1890 г.

[2]) Beiträge zur Organisation und Competenz der päpstlichen Ketzergerichte, Лейпцигъ. 1890 г.

[3]) Geschichte der religiösen Sekten in Franken (1882 г.).—Waldensertum und Inquisition in süd-ostlichen Deutschland (Deutsche Zeitschrift für Geschichte, 1889—90).—Deutschböhmische Waldenser in 1340 (Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1894) и пр.

[4]) Studien zur Inquisitionsgeschichte (Römische Quartalschrift, 1892).

[5]) Les origines de l'Inquisition (Thèse de Genève, 1892).

[6]) Nicole Serrurier, hérétique de XV siècle (Analectes pour servir à l'histoire ecclésiastique de la Belgique, 1893).—H. Van Houtte, Lettres de Martin V concernant l'hérésie hussite dans les Pays-Bas (Analectes, 1896). — Аббатъ P. Demeuldre, Frère Jean Angeli (1482—1483). (Bulletins de la Commission royale d'histoire, 1898).

[7]) П. Фредерикъ и его ученики Corpus documentorum Inquisitionis Neerlandicae (1205—1520).—I, 1889; II, 1896; IV, 1900.—I. Фредерихсъ, Robert le Bougre, premier inquisiteur général en France, 1892 г. — Фредерихсъ, De secte der Loïsten of Antwerpsche Libertijnen (1525—1540), 1891 г.—П. Фредерикъ, Geschiedenis der Inquisitie in de Nerlanden, I, 1892; II, 1896.—Его же, Les documents de Glasgow concernant Lambert le Bègue, 1895 г.—I. I. Mulder, De witvoering der geloofsplakkaten te Antwerpen (1550—1556), 1897 г.—I. Фредерихсъ, De Inquisitie in het hertogdom Luxemburg voor en tijdens de 16.-de eeuw, 1897 г.

[8]) Geschichte der Hexenprocesse in Bayern, 1896 г.

[9]) Der «Malleus maleficorum (Westdeutsche Zeitschrift», 1898).—Inquisition und Hexenverfolgung im Mittelalter (Historische Zeitschrift, 1898). — Zauberwahn, Inquisition und Hexenprocess im Mittelalter und die Entstehung der grossen Hexenverfolgung (Мюнхенъ, 1900).

Издание подготовлено
при поддержке ПАО "Транснефть" Библиотека "Руниверс"

officio della Inquisizione in Napoli Луиджи Амабиле (2 т., 1892 г.). Въ Португаліи также появилась серьезная работа Da origem da Inquisiçâo em Portugal. Въ бывшихъ испанскихъ колоніяхъ Южной Америки донъ Медина научно разработалъ исторію Инквизиціи въ Чили и Лаплатѣ [1]).

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что исторіографія Инквизиціи прошла сначала, въ Средніе вѣка, хвалебную фазу, такъ какъ иначе не могли отзываться о ней инквизиторы и ихъ единовѣрцы. Съ реформаціей начинается періодъ горячихъ полемическихъ работъ за и противъ. Historia Inquisitionis Лимборха съ ея собраніемъ тулузскихъ приговоровъ, изданныхъ in extenso, и Histoire critique de l'Inquisition d'Espagne Льоренте медленно предвѣщаютъ новый періодъ, періодъ научнаго изученія документовъ, который особенно усиливается послѣ 1880 г. и даетъ возможность составить, наконецъ, сочиненія, безпартійныя и прочно опирающіяся на доказательства; среди нихъ первое мѣсто занимаетъ работа Ли.

Но періодъ нападокъ и апологій еще не окончился. Такова, напримѣръ, классическая по числу читателей работа Cours d'apologétique chrétienne іезуита В. Девивье, выдержавшая до 1899 г. пятнадцать изданій, одобренная шестью кардиналами и тридцатью двумя архіепископами и епископами и переведенная на нѣсколько языковъ. Авторъ защищаетъ Инквизицію, основываясь почти на томъ же, что и Жозефъ де Местръ, у котораго онъ заимствуетъ многое; онъ чистосердечно собираетъ самыя странныя свидѣтельства; Бургоэнъ, посланникъ въ Испаніи, не задумываясь говоритъ въ своемъ Tableau de l'Espagne moderne: „чтобы быть справедливымъ, я признаюсь, что на Инквизицію можно ссылаться въ наше время какъ на образецъ правосудія"; и Девивье торжественно заключаетъ: „Это потому, что инквизиторы были проникнуты тою истиною, что Феодосій Великій, Юстиніанъ, Карлъ Великій, Оттонъ Великій, Людовикъ XI, всѣ князья и всѣ цивилизованные народы, наказуя ересь и вѣроотступничество, не думали насиловать свободу совѣсти". Таково еще ученіе, выдаваемое милліонамъ католиковъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ за историческую и догматическую истину.

Но наука идетъ все впередъ—своимъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ.

Поль Фредерикъ.

Гентъ, 1900.

---

[1]) Historia del tribunal del santo officio de la Inquisicion de Cartagena de las Indias (Сантьяго, 1899 г.).—Il tribunal del santo officio de la Inquisicion en las provincias del Plata (Сантьяго, 1900 г.).

Библиотека "Руниверс"

Предисловіе автора.

Исторія Инквизиціи естественнымъ образомъ дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ каждая можетъ быть разсматриваема какъ вполнѣ самостоятельная. Гранью между ними является реформація, за исключеніемъ Испаніи, гдѣ новая Инквизиція была установлена Фердинандомъ и Изабеллой. Въ настоящемъ трудѣ я постарался дать безпристрастный очеркъ исторіи Инквизиціи въ первый періодъ ея существованія. Для второй части у меня уже собрано много матеріаловъ, и я разсчитываю въ непродолжительномъ времени использовать ихъ и дать полную исторію Инквизиціи [1]).

На Инквизицію не слѣдуетъ смотрѣть какъ на нѣчто произвольно вымышленное и данное христіанскому міру честолюбіемъ или фанатизмомъ Церкви. Она скорѣе была порождена естественной и почти неизбѣжной эволюціей различныхъ дѣйствующихъ силъ XIII в.

Нельзя понять характера развитія Инквизиціи и ея проявленія безъ внимательнаго предварительнаго изученія явленій, управлявшихъ духовной жизнью людей той эпохи, когда вырабатывалась современная цивилизація. Поэтому мы сочли нужнымъ коснуться почти всѣхъ духовныхъ и умственныхъ движеній конца Среднихъ вѣковъ и разслѣдовать условія общественной жизни въ извѣстные моменты этого періода.

Въ началѣ моихъ историческихъ трудовъ я быстро пришелъ къ убѣжденію, что самымъ вѣрнымъ основаніемъ для нашего знакомства съ данной эпохой исторіи является тщательное изученіе ея юриспруденціи, въ которой одновременно отражаются и стремленія людей, и тѣ средства ихъ удовлетворенія, которыя считались наиболѣе дѣйствительными. Вслѣдствіе этого я подробно изложилъ происхожденіе и развитіе инквизиціоннаго судопроизводства, такъ какъ, по моему мнѣнію, только такимъ образомъ можно понять дѣятельность Святого Трибунала и вліяніе его на послѣдующія поколѣнія.

Мнѣ казалось, что добытые такимъ путемъ результаты позволятъ освѣтить многіе вопросы, до сего времени неправильно толкуемые. Если при этомъ я пришелъ къ нѣкоторымъ выводамъ, несогласнымъ съ общепринятыми, то я прошу чи-

---

[1]) Въ 1906—07 гг. вышелъ въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ четырехтомный трудъ Г.-Ч. Ли, A History of the Inquisition of Spain, являющійся до извѣстной степени осуществленіемъ надежды Ли и дающій прекрасную картину Инквизиціи во второй періодъ ея существованія. Дополненіемъ къ этому труду можно считать The Inquisition in the Spanish Dependencies, Нью-Іоркъ, 1908, того же Ли. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

тателя вѣрить, что выводы эти основаны на тщательномъ изученіи всѣхъ первоисточниковъ, къ которымъ я могъ получить доступъ.

Цѣлью всякаго историческаго сочиненія должно быть нравоученіе, но, чтобы быть дѣйствительно полезнымъ, оно должно само сложиться въ умѣ читателя, а не быть ему навязано. Особенно это требуется отъ историческаго очерка, трактующаго о предметѣ, который вызывалъ самыя горячія страсти и пробуждалъ послѣдовательно то самые возвышенные, то самые низменные инстинкты.

Въ своемъ изложеніи я не старался давать нравоученія; но если я не представилъ событій такъ, что нравоученіе само вытекаетъ изъ нихъ, то я заранѣе говорю, что не достигъ своей цѣли.

Въ заключеніе мнѣ остается принести искреннюю благодарность многочисленнымъ друзьямъ и корреспондентамъ, которые помогли мнѣ въ собираніи различныхъ матеріаловъ, большая часть которыхъ не издана, и на основаніи которыхъ написана настоящая работа.

Прежде всего я долженъ съ благодарностью почтить память истиннаго джентльмена, покойнаго Джорджа П. Марша, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ представителемъ Соединенныхъ Штатовъ при итальянскомъ дворѣ. Я не имѣлъ счастья лично быть знакомъ съ нимъ, но та радушная готовность, съ которой онъ всегда помогалъ мнѣ въ моихъ розыскахъ въ Италіи, заслуживаетъ самой горячей признательности.

Особенно благодаренъ я профессору тулузскаго университета, Шарлю Молинье, за ту готовность, съ которой онъ дѣлился со мною своими поразительными свѣдѣніями по Инквизиціи Лангедока.

Въ архивахъ Флоренціи мнѣ много помогали Франчисъ Филиппъ Настъ, профессоръ Феличе Токко и докторъ Джузеппе Папалеони; въ архивахъ Неаполя—директоръ Миніери Риччьо и Леопольдо Овари; въ архивахъ Венеціи—Теодоро Тодерини и Бартоломео Чеккетти; въ архивахъ Брюсселя мнѣ много помогъ Шарль Раленбекъ. Въ Парижѣ г. Л. Сандре на мой счетъ весьма тщательно сдѣлалъ выписки изъ дорогихъ рукописныхъ собраній, особенно Національной библіотеки.

Будучи отдѣленъ тысячами миль отъ большихъ книгохранилищъ Стараго Свѣта, я чрезвычайно нуждался въ подобныхъ сотрудникахъ; и я счастливъ, что нашелъ себѣ дѣятельныхъ и преданныхъ дѣлу сотрудниковъ.

Если мнѣ удастся окончить мою задачу, то я надѣюсь выразить свою признательность еще многимъ другимъ ученымъ обоихъ полушарій, которымъ я обязанъ массою не изданныхъ матеріаловъ, касающихся дальнѣйшей исторіи Святого Трибунала.

Филадельфія (Соединенные Штаты).

Библиотека "Руниверс"

КНИГА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе и устройство.

ГЛАВА I.

Церковь.

Въ концѣ XII вѣка существованію католической церкви угрожала страшная опасность, несмотря на то, что событія послѣднихъ ста пятидесяти лѣтъ сдѣлали ее владычицей всего христіанскаго міра. Въ исторіи нѣтъ другого примѣра болѣе полнаго торжества разума надъ грубою силою. Въ эпоху смутъ и кровавыхъ битвъ гордые воины должны были склоняться передъ служителями алтаря, которые не располагали никакою матеріальною силою, и все могущество которыхъ основывалось на внутреннемъ сознаніи вѣрующихъ. Церковь представляла абсолютную монархію. Спасеніе всякаго вѣрующаго зависѣло отъ его повиновенія Церкви, отъ его готовности поднять оружіе на ея защиту; и это вѣрованіе въ эпоху, когда вѣра руководила всѣми поступками людей, породило духовный деспотизмъ, подчинившій все волѣ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ онъ находился.

Для поддержанія своего положенія Церковь нуждалась въ централизаціи власти, которая постепенно и развилась въ церковной іерархіи. Былой независимости епископа уже не существовало. Главенство римской каѳедры было признано, и она, становясь все болѣе требовательной и могущественной, захватила всемірную юрисдикцію и подчинила своей волѣ волю епископовъ. Справедливому и несправедливому, разумному и неразумному велѣнію папы нужно было подчиняться, такъ какъ некому было жаловаться на намѣстника святого Петра.

Въ болѣе узкихъ предѣлахъ и оставаясь всегда подчиненнымъ папѣ, епископъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи также пользовался абсолютной властью. Смиренный же служитель алтаря былъ лишь орудіемъ, при помощи котораго папскіе декреты и епископскія распоряженія проводились въ народъ, такъ какъ участь всѣхъ и каждаго зависѣла отъ того, кто имѣлъ право совершать таинства или отказывать въ нихъ вѣрующимъ.

Отвѣтственная за судьбу всего человѣческаго рода, Церковь должна была имѣть средства и организацію, необходимыя для выполненія столь высокой задачи. Чтобы руководить совѣстью вѣрующихъ, она создала глухую исповѣдь, которая въ разсматриваемую нами эпоху перешла почти исключительно въ руки священниковъ. Если же это оказывалось недостаточнымъ, чтобы удержать вѣрующихъ на правомъ пути, то Церковь могла прибѣгнуть къ тѣмъ духовнымъ судамъ, которые были при каждой епископской каѳедрѣ. Юрисдикція этихъ судовъ была крайне неопредѣленна, а при желаніи легко могла стать почти безпредѣльной. Всѣ вопросы, касающіеся вѣры и воспитанія, брака, наслѣдства и

Библиотека "Руниверс"

лихвенныхъ процентовъ, были, по общепризнанному мнѣнію, подсудны духовнымъ судамъ; но въ жизни человѣка было сравнительно мало такихъ вопросовъ, которые не затрагивали бы его совѣсти, слѣдовательно, не вызывали бы вмѣшательства духовнаго суда; на практикѣ это облегчалось еще тѣмъ, что всѣ договоры обыкновенно скрѣплялись клятвой.

Забота о сохраненіи чистоты душъ вызывала постоянное наблюденіе за дѣйствительными или мнимыми заблужденіями каждой отдѣльной овцы духовнаго стада; а это, давая Церкви огромное вліяніе, предоставляло ей возможность вмѣшиваться въ частную жизнь человѣка. И не только самый скромный священникъ обладалъ сверхъестественнымъ могуществомъ, которое ставило его выше окружающихъ его людей, но даже личность его и имущество его были неприкосновенны. Какъ бы ни были велики его преступленія, онъ не былъ подсуденъ свѣтскому суду: рука мірянина не могла коснуться его. Лицо духовнаго званія было подсудно только своимъ духовнымъ судамъ, которые не могли вынести смертнаго приговора; кромѣ того, всегда можно было на рѣшеніе духовнаго суда принести жалобу верховному судилищу Рима, а подобная апелляція часто была равносильна полной безнаказанности.

Въ подобномъ же исключительномъ положеніи находилась и недвижимость духовныхъ лицъ, которою щедро наградилъ Церковь цѣлый рядъ набожныхъ поколѣній, и которая занимала значительную часть наиболѣе плодородныхъ земель Европы. Кромѣ того, связанныя съ этими владѣніями сеньоріальныя права заключали въ себѣ крайне широкую свѣтскую юрисдикцію, а она предоставляла ихъ временнымъ пользователямъ тѣ же права надъ личностью, которыми обладали и феодальные сеньоры.

Пропасть между міряпами и духовенствомъ стала еще шире, когда для всѣхъ служителей алтаря сталъ обязательнымъ обѣтъ безбрачія. Сдѣлавшійся почетнымъ въ половинѣ XI столѣтія и ставшій обязательнымъ послѣ упорной столѣтней борьбы, целибатъ, рѣзко отдѣливъ священниковъ отъ міранъ, всецѣло закрѣпилъ за Церковью ея обширныя владѣнія и предоставилъ къ ея услугамъ безчисленную армію служителей, честолюбивыя стремленія которыхъ не выходили за предѣлы ея интересовъ. Человѣкъ, посвящавшій себя на служеніе Церкви, переставалъ быть гражданиномъ; онъ не имѣлъ ни заботъ, ни семейныхъ связей; Церковь была для него новымъ отечествомъ, и интересы ея были его интересами. А въ возмездіе того, чего они лишились, служители Церкви получали увѣренность въ завтрашнемъ днѣ и освобождались отъ всѣхъ мелочныхъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ; отъ нихъ требовалось лишь одно —не выходить изъ повиновенія.

Кромѣ того, Церковь принимала въ ряды своихъ служителей всякаго, не справляясь ни о его происхожденіи, ни о его соціальномъ положеніи. Въ феодальномъ обществѣ съ его классовыми перегородками возвышеніе и переходъ изъ одного сословія въ другое были почти невозможны. Правда, и въ Церкви происхожденіе облегчало доступъ къ высшимъ должностямъ, но все же въ ней можно было выдвинуться благодаря энергіи и природнымъ дарованіямъ, несмотря на низкое происхожденіе. Происхожденіе папъ Урбана II и Адріана IV очень темно; Александръ V былъ изъ нищихъ; Григорій VII былъ сынъ плотника; Бенедиктъ XII—сынъ булочника; Николай V — бѣднаго доктора; Сикстъ IV—крестьянина, Урбанъ IV и Іоаннъ XXII были сыновья сапожниковъ, а Бенедиктъ XI и Сикстъ V—сыновья пастуховъ. Просматривая церковныя лѣтописи, мы видимъ, что онѣ полны именъ людей, которые вышли изъ низшихъ слоевъ общества и достигли высшихъ ступеней въ церковной іерархіи.

Такимъ образомъ, Церковь постоянно обновлялась притокомъ свѣжей крови, и въ то время, какъ скипетры и короны зачастую попадали въ руки людей неспособныхъ, слабыхъ и вырождающихся, Церковь черпала новыя силы изъ неизсякаемаго источника благодаря тому, что двери ея были открыты тѣмъ, доступъ для которыхъ былъ запертъ повсюду. Званіе священнослужителя было несмѣняемо; обѣты, произнесенные священникомъ,

Библиотека "Руниверс"

были вѣчны; монахъ, вступившій въ монастырь, могъ выйти изъ своего ордена только для вступленія въ орденъ болѣе строгій. Итакъ, воинствующая Церковь была какъ бы арміей, расположившейся лагеремъ въ христіанской землѣ; у нея всюду были аванпосты; она была подчинена суровой дисциплинѣ; всѣ воины ея сражались за одну и ту же идею, были одѣты въ непроницаемыя латы и вооружены грознымъ оружіемъ, поражавшимъ не только тѣло, но и душу. Чего не могъ сдѣлать, на что не могъ дерзнуть главнокомандующій подобной арміи, приказанія котораго къ тому же принимались какъ велѣнія самого Бога отъ Португаліи до Палестины, отъ Сициліи до Исландіи!

«Князья,—говоритъ Іоаннъ Салисберійскій—получаютъ свою власть отъ Церкви и суть слуги священнослужителя».

«Самый послѣдній священникъ стóитъ дороже любого короля»,—восклицаетъ Гонорій Отенскій;—«князья и народы подвластны духовенству, сіяніе котораго выше ихъ сіянія настолько, насколько блескъ солнца выше блеска луны». А папа Иннокентій III провозглашалъ, что власть духовная настолько выше власти свѣтской, насколько душа выше тѣла; а свою власть и свое значеніе онъ ставилъ такъ высоко, что провозгласилъ себя намѣстникомъ Христа, помазанникомъ Бога, существомъ, стоящимъ на полъ-дорогѣ между Богомъ и человѣкомъ, низшимъ въ сравненіи съ Богомъ, но высшимъ въ сравненіи съ человѣкомъ, «тѣмъ, кто судитъ всѣхъ, и не судимъ никѣмъ».

Всѣ средневѣковые доктора учили, что папа былъ верховный владыка всей земли, что онъ господствовалъ надъ язычниками и невѣрными въ равной мѣрѣ, какъ и надъ христіанами [1]). Правда, эта столь гордо заявлявшая о себѣ власть была причиной многихъ золъ, но, тѣмъ не менѣе, для человѣчества было счастьемъ, что въ эту грубую эпоху существовала нравственная сила, которая не давала преимуществъ ни рожденію, ни военной доблести и которая могла призывать къ повиновенію божескимъ законамъ королей и знатныхъ даже тогда, когда призывъ этотъ исходилъ изъ устъ сына простого крестьянина. Такъ, напримѣръ, всѣ видѣли, какъ папа Урбанъ II, французъ очень низкаго происхожденія, осмѣлился отлучить отъ церкви своего короля Филиппа I за прелюбодѣяніе, и на глазахъ всѣхъ нравственное начало и вѣчная правда восторжествовали въ ту эпоху, когда все считалось позволительнымъ для абсолютнаго монарха.

Однако, Церковь, упрочивая себѣ господство, должна была принести немало жертвъ. Въ теченіе долгой борьбы, которая вознесла духовную власть надъ свѣтской, христіанскія добродѣтели — смиреніе, любовь къ ближнему и самоотреченіе — по большей части исчезли. Народныя массы не были уже привлекаемы тѣмъ, что дорого и симпатично въ ученіи христіанскомъ; ихъ подчиненіе было покупаемо обѣщаніемъ вѣчнаго спасенія, котораго можно было достичь вѣрою и повиновеніемъ; онѣ сдерживались то страхомъ вѣчной гибели, то боязнью непосредственнаго преслѣдованія. Обособляясь отъ свѣтскаго міра, Церковь, правда, обезпечила себя услугами рати, всецѣло преданной ея дѣлу, но зато, съ другой стороны, она породила вражду между собой и народомъ. На дѣлѣ уже перестало быть вѣрнымъ положеніе, что Церковь есть общество вѣрующихъ; это общество дѣлилось на два совершенно различныхъ класса — на пастуховъ и овецъ; и нерѣдко, и не безъ основанія приходило овцамъ на мысль, что ихъ стерегутъ для того только, чтобы короче стричь.

Духовная карьера сулила тщеславному человѣку много житейскихъ благъ, и это обстоятельство привлекало въ ряды служителей Церкви немало способныхъ людей, стре-

---

[1]) Johann. Saresberiensis. «Polycrat.», lib. IV; cap. III.—Honor. Augustod. «Summ. Glor. de Apost.», cap. V, VIII.—Innocent. PP. III. Regest. de Negot. Roman. Imp., XVIII; его же, «Serm. de Sanctis», VII; «Serm. de Diversis», III.—Eymrici «Direct. Inquisit.», изд., 1607 г., Venet., стр. 353.

Библиотека "Руниверс"

мленія которыхъ были далеко не духовнаго характера. Они менѣе заботились о спасеніи душъ, чѣмъ о неприкосновенности Церкви, о ея привилегіяхъ и о пріумноженіи ея преходящихъ богатствъ. Самыя высшія должности въ церковной іерархіи обыкновенно занимались людьми, которые ставили мірскія блага выше смиренныхъ идеаловъ христіанства.

Все это было неизбѣжно при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилось общество въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ. Нужно было быть ангеломъ, чтобы не злоупотреблять тѣмъ безмѣрнымъ авторитетомъ, который пріобрѣла себѣ Церковь. Движеніе вверхъ по іерархической лѣстницѣ опредѣлялось обычаемъ, а это вызывало цѣлый рядъ злоупотребленій и благопріятствовало имъ. Чтобы понять, почему населеніе цѣлыми толпами принимало схизму и ересь, вызывая, такимъ образомъ, войны, преслѣдованія и инквизицію, необходимо бросить взглядъ на тѣхъ, кто являлся передъ народомъ представителями Церкви; необходимо знать, къ какимъ послѣдствіямъ въ ихъ рукахъ — какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону — повелъ духовный деспотизмъ, который, въ концѣ концовъ, они направили въ свою пользу. Въ рукахъ людей мудрыхъ и благочестивыхъ этотъ деспотизмъ могъ бы поднять европейскую цивилизацію на невѣроятную высоту; въ рукахъ же священниковъ эгоистичныхъ и развратныхъ этотъ деспотизмъ могъ сдѣлаться, какъ это и случилось на дѣлѣ, орудіемъ повсемѣстнаго гнета, ввергавшаго цѣлые народы въ пучину отчаянія.

Что касается практики избранія епископовъ, то нельзя сказать, чтобы она въ эту эпоху основывалась на строго выработанныхъ законахъ. Въ теоріи здѣсь еще придерживались формы избранія духовенства съ согласія населенія епархіи; но на дѣлѣ избирателями являлись одни только соборные каноники, причемъ необходимость утвержденія выборовъ королемъ, полунезависимымъ феодальнымъ сеньоромъ и папой часто превращала всю процедуру въ пустую формальность, и избраніе зависѣло, смотря по обстоятельствамъ, или отъ короля, или отъ папы. Обойденные кандидаты все чаще и чаще начинали обращаться съ жалобами въ Римъ, какъ въ верховное судилище, и, такимъ образомъ, вліяніе святого престола постепенно возросло настолько, что во многихъ случаяхъ всѣ выборы зависѣли только отъ него одного.

На Латеранскомъ соборѣ 1139 года Иннокентій II примѣнилъ къ Церкви феодальную систему, объявивъ, что всѣ духовныя должности даются отъ папы на правахъ леннаго владѣнія. Но какія бы правила ни примѣнялись, нельзя было добиться, чтобы избранные стояли выше своихъ избирателей. Вступая въ конклавъ, кардиналы давали слѣдующую клятву: «Призываю въ свидѣтели Бога, что я изберу того, кого сочту достойнымъ быть выбраннымъ согласно волѣ Бога». Очевидно, этой клятвы было недостаточно, чтобы избранный папа явился достойнымъ намѣстникомъ Бога. Такимъ образомъ, начиная отъ самаго скромнаго приходскаго священника и до самыхъ высшихъ прелатовъ, всѣ духовныя должности могли попасть въ руки людей честолюбивыхъ, себялюбивыхъ и суетныхъ. Даже самые требовательные друзья Церкви должны были довольствоваться, если власть давалась менѣе недостойнымъ. Петръ Даміенскій, прося Григорія VI утвердить выборы фоссомбронскаго епископа, зналъ, что на него нужно наложить эпитимію раньше, чѣмъ онъ вступитъ на епископскую каѳедру; но Петръ доводитъ при этомъ до свѣдѣнія папы, что во всей епархіи нѣтъ ни одного духовнаго, который стоялъ бы выше его въ нравственномъ отношеніи; всѣ—эгоисты, всѣ—честолюбцы, всѣ жаждутъ только повышенія, не заботясь объ обязанностяхъ, связанныхъ съ нимъ, всѣ горячо желаютъ власти, но никто не думаетъ о налагаемой ею отвѣтственности [1]).

При такихъ обстоятельствахъ почти повсемѣстно была распространена симонія со

---

[1]) Gratiani P. I, «Dist.», LXII.—«Concil. Lateran.», IV, c. XXIII—XXV.—Isambert, «Anciennes lois françaises», I, 115.—P. Damiani. Lib. I. Epist. II.

Библиотека "Руниверс"

всѣмъ проистекавшимъ изъ нея зломъ, которое давало себя чувствовать какъ на избирателяхъ, такъ и на избираемыхъ. Насколько глубоко распространилось зло, лучше всего показываетъ число епископовъ, на которыхъ были сдѣланы доносы въ теченіе безплодной борьбы, предпринятой Григоріемъ VII и его преемниками противъ симоніи. По свидѣтельству Иннокентія III эту болѣзнь Церкви нельзя было излѣчить ни палліативными средствами, ни огнемъ. Петръ Кантуръ, причисленный къ лику святыхъ, ставитъ въ заслугу извѣстному кардиналу Мартину, что онъ отказался отъ 20 ливровъ, предложенныхъ ему папскимъ казначеемъ за участіе въ торжественномъ богослуженіи въ день Рождества Христова, такъ какъ деньги эти явно были результатомъ симоніи и хищенія.

Какъ неопровержимое доказательство добродѣтели Петра, кардинала с.-хризогонскаго, бывшаго прежде епископомъ города Мо, приводится разсказъ о томъ, что онъ во время только однихъ выборовъ отказался продать свой голосъ, несмотря на предложенныя ему 500 серебряныхъ марокъ.

Свѣтскіе князья были склонны, не менѣе князей духовныхъ, увеличивать свои доходы, злоупотребляя признаннымъ за ними правомъ санкціонировать выборы. Немногіе изъ нихъ слѣдовали примѣру Филиппа-Августа. Къ послѣднему, когда освободилось мѣсто настоятеля аббатства С.-Дени, явились пріоръ, экономъ и келарь аббатства, и каждый тайно отъ другихъ, прося себѣ вакантное мѣсто, предложилъ 500 ливровъ; Филиппъ-Августъ взялъ у нихъ деньги и, какъ ни въ чемъ не бывало, явился въ аббатство и избралъ въ настоятели простого монаха, скромно стоявшаго гдѣ-то въ углу, причемъ отдалъ ему и тѣ 1500 ливровъ, которые получилъ отъ искателей мѣста. Руанскій соборъ 1050 года горько жалуется на тотъ пагубный обычай, что честолюбивые люди всѣми правдами и неправдами стараются собрать какъ можно больше денегъ, чтобы при ихъ помощи получить отъ князя и его придворныхъ желаемую епископскую каѳедру. Но соборъ только отмѣчаетъ зло, не предлагая противъ него никакого средства. Его непосредственной задачей было дѣло о нормандскихъ герцогахъ, а въ то же время французскій король Генрихъ I на глазахъ у всѣхъ торговалъ епископскими каѳедрами. Онъ началъ свое царствованіе тѣмъ, что особымъ эдиктомъ запретилъ куплю и продажу всякаго высшаго мѣста подъ страхомъ конфискаціи и лишенія бенефиціи; онъ съ гордостью заявлялъ, что не желаетъ извлекать дохода изъ своего права утверждать выборы, такъ какъ самъ онъ безвозмездно получилъ отъ Бога корону, и онъ безжалостно преслѣдовалъ своихъ прелатовъ за симонію. Но съ теченіемъ времени онъ примирился съ установившимся до него обычаемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра.

Нѣкто Гелинандъ, клирикъ низкаго происхожденія и человѣкъ мало образованный, нашелъ себѣ покровителей при дворѣ Эдуарда Исповѣдника, гдѣ сумѣлъ нажить огромное состояніе. Будучи посланъ къ Генриху, онъ заключилъ съ послѣднимъ условіе, по которому онъ долженъ былъ получить первое освободившееся епископское мѣсто, и, такимъ образомъ, онъ сдѣлался епископомъ въ Ланѣ. Преемникъ Генриха, Филиппъ I, былъ извѣстенъ какъ самый продажный изъ всѣхъ своихъ современниковъ, и Гелинандъ купилъ у него, при помощи нажитыхъ въ Ланѣ денегъ, каѳедру въ Реймсѣ. Можно бы привести безконечный рядъ подобныхъ поступковъ, вліяніе которыхъ дѣйствовало страшно развращающе на нравственную сторону Церкви [1]).

---

[1]) Innocent. PP. III, «Regest.», I, 261. — P. Cantor, «Verb. abbrev.» cap. CV. — Alex. PP. III, «Epist.», 395.—Caesar Heisterb. «Dial. Mirac. Dist.», VI, c. 5.—Concil. Rotomag. ann. 1050. c. 2.—Rodolphi Glabri Hist., lib. V, cap. 5.—Guibert. Noviogent, «De vita sua», lib. III. cap. 2.—Joann. Saresberiens. «Polycrat.», lib. VII, c. 19.—«Hist. Monast. Andaginens.», c. 81.—Ruperti Tuitiensis, «Chron. S. Laurent», c. 28. 43. — «Hist. Monast. S. Laurent. Leodiens.», lib. V, c. 62; 121—3.—«Chron. Cornel. Zantfliet», ann. 1305.

Подобный же разсказъ сохранился о канцлерѣ Рожерѣ Сицилійскомъ и трехъ кандидатахъ на каѳедру епископа въ Авельянѣ.—Joann. Saresberiens. l. c.

Библиотека "Руниверс"

Даже и тогда, когда повышеніе изъ одной духовной должности въ другую не было слѣдствіемъ подкупа, результатъ бывалъ одинаково печаленъ. Непотизмъ былъ лишь другою формою того же подкупа. «Если бы—говоритъ Петръ Кантеръ—всѣ тѣ, кто возвысился въ силу своихъ семейныхъ связей, были вынуждены покинуть свои мѣста, то это вызвало бы страшный кризисъ въ Церкви».

Кромѣ того, постоянно оказывали вліяніе и другіе, еще болѣе низкіе мотивы. Филиппъ I въ наказаніе за свое сожительство съ Бертрадой, графиней Анжуйской, былъ лишенъ права утверждать епископовъ, но среди нихъ не нашлось ни одного, кто помѣшалъ бы ему продолжать пользоваться этимъ правомъ. Въ 1100 г. особого благоволенія короля заслужилъ турскій епископъ, который не обращалъ никакого вниманія на тяготѣвшее надъ королемъ отлученіе; вскорѣ послѣ этого епископъ какъ бы въ благодарность попросилъ короля, чтобы освободившаяся орлеанская каѳедра была предоставлена одному молодому человѣку, его любимцу. Пороки этого претендента на епископскую каѳедру были извѣстны всѣмъ; всѣ звали его Флорой и распѣвали на улицахъ любовныя пѣсни по его адресу. Многіе изъ духовныхъ лицъ Орлеана воспротивились назначенію къ нимъ подобнаго епископа, но на нихъ возвели разныя ложныя обвиненія и изгнали ихъ изъ города; тогда оставшіеся, скрѣпя сердце, исполнили волю короля и утѣшали себя тѣмъ, что избраніе произошло въ день св. Иннокентіевъ.

«Eligimus puerum, puerorum festa colentes,
Non nostrum morem, sed regis jussa sequentes» [1]).

Правда, время-отъ-времени появлялись среди духовенства люди высоконравственные и искренне убѣжденные, какъ, напримѣръ, Фульбертъ Шартрскій, Гильдебертъ Манесскій, Ивонъ Шартрскій, Ланфранкъ, Ансельмъ, св. Бруно, св. Бернардъ, св. Норбертъ, но всѣ ихъ усилія возстановить уваженіе къ Церкви и поднять нравственность духовенства не вели ни къ чему: зло пустило уже очень глубокіе корни, и имъ оставалось только протестовать и своей личной жизнью давать благіе примѣры, слѣдовать которымъ охотниковъ находилось мало. Въ эту эпоху грубаго насилія голоса смиренныхъ служителей Бога не могли быть услышаны, и высшія церковныя званія раздавались людямъ, искушеннымъ въ интригахъ, или такимъ, воинственныя наклонности которыхъ обезпечивали безопасность ихъ церквамъ и вассаламъ.

Воинственный характеръ прелатовъ—явленіе крайне интересное, и на немъ стоитъ остановиться подробнѣе. Богатыя аббатства и вліятельныя епископіи, по большей части, были удѣлами младшихъ членовъ знатныхъ домовъ. Благодаря только-что изложенному нами порядку выборовъ замѣстители этихъ высокихъ должностей набирались чаще среди людей воинственнаго духа, чѣмъ среди односторонникъ адептовъ религіи. Когда отлученіе отъ Церкви оказывалось не въ силахъ разоружить воинственныхъ вассаловъ или остановить набѣги сосѣдей, на сцену выступала свѣтская сила, представляемая самимъ же епископомъ, и крестьянинъ, отданный на разграбленіе, не могъ отличить разрушеній, производимыхъ феодальнымъ барономъ, отъ разрушеній, производимыхъ представителемъ Христа.

Готье, епископъ страсбургскій, объявилъ войну своимъ горожанамъ за то, что они отказались помочь ему, когда онъ вмѣшался въ ссору одного вельможи съ епископомъ мецскимъ. Такъ какъ горожане не обратили никакого вниманія на отлученіе ихъ отъ Церкви, то епископъ храбро напалъ на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ; тогда они встали подъ знамена Рудольфа Габсбургскаго, и война, опустошившая весь Эльзасъ, окончилась

[1]) P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. XXXVI.—«Chron. Turon.», 1097.—Ivon. Carnotens., lib. I, epp. LXVI LXVII.

Библиотека "Руниверс"

полной побѣдой страсбургцевъ надъ епископомъ, а Рудольфъ пріобрѣлъ здѣсь ту славу, которая доставила ему впослѣдствіи императорскій престолъ.

Хроники этой эпохи полны подобныхъ разсказовъ. Прелаты и бароны одинаково были буйны, одинаково суетны, и бароны безразлично опустошали какъ церковныя, такъ и свѣтскія земли. Благочестивый Готфридъ Бульонскій незадолго до крестоваго похода, доставившаго ему іерусалимскій престолъ, съ огнемъ и мечомъ прошелъ по богатымъ владѣніямъ аббатства Св. Тропа и довелъ его до полной нищеты. Народъ, несшій на себѣ всю тяжесть этихъ столкновеній, считалъ и бароновъ и прелатовъ въ равной степени своими врагами; послѣдніе были для него даже страшнѣе первыхъ, такъ какъ гнѣвъ ихъ обрушивался не только на тѣло, но и на души ихъ враговъ. Таково въ частности было положеніе въ Германіи, гдѣ прелаты были одновременно и князьями и священнослужителями, и гдѣ такой крупный монастырь, какъ С.-Галленское аббатство, имѣлъ свѣтскую власть надъ кантонами С.-Галленомъ и Аппенцелемъ, пока имъ не удалось сбросить съ себя это ярмо послѣ долгой и опустошительной войны. Историкъ этого аббатства съ гордостью вспоминаетъ военныя доблести многихъ аббатовъ. Говоря, напримѣръ, объ Ульрихѣ III, умершемъ въ 1117 г., онъ замѣчаетъ, что этотъ человѣкъ, растратившій свои силы въ многочисленныхъ битвахъ, въ смерти только нашелъ себѣ миръ. Все это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ соединенія въ одномъ лицѣ феодальнаго сеньора и христіанскаго прелата. Правда, въ Германіи примѣры были рельефнѣе, но и повсюду было то же.

Въ 1224 г. епископы Кутанса, Авранша и Лизье удалились изъ арміи Людовика VIII въ Туръ, испросивъ, чтобы король установилъ предварительнымъ разслѣдованіемъ, обязаны ли епископы Нормандіи нести личную службу въ королевской арміи, и если это подтвердится, то они соглашались вернуться въ ряды войска и уплатить штрафъ за свое отсутствіе. Въ 1225 г. епископъ оксерскій получилъ на одинъ годъ отпускъ съ военной службы въ виду своего болѣзненнаго состоянія, но въ то же время онъ уплатилъ за это 600 ливровъ. Въ 1272 г. мы видимъ епископовъ въ арміи Филиппа Смѣлаго, а въ 1303 и 1304 гг. Филиппъ Красивый не задумался пригласить епископовъ и вообще духовныхъ лицъ принять участіе въ его походѣ во Фландрію.

Когда дѣло шло объ ихъ личныхъ интересахъ, то епископы безъ всякихъ просьбъ обнажали оружіе. Герохъ фонъ Рейхерспергъ грозно выступаетъ противъ воинственныхъ прелатовъ, ведущихъ несправедливыя войны, нападающихъ на мирные города и наслаждающихся рѣзнею; причемъ прелаты эти избивали плѣнныхъ, не щадили ни духовныхъ, ни мірянъ и расходовали церковные доходы не на содержаніе бѣдныхъ, а на содержаніе солдатъ.

Прелатомъ такого типа былъ вормскій епископъ Лупольдъ. Онъ такъ презиралъ человѣческую жизнь, что братъ его однажды обратился къ нему со слѣдующими словами: «Ваше высокопреосвященство! мы, миряне, крайне возмущены вашимъ поведеніемъ. До принятія епископскаго сана вы, хоть нѣсколько, боялись Бога, а теперь вы совсѣмъ не боитесь Его». На это епископъ Лупольдъ отвѣтилъ: «Любезный братъ, когда мы оба очутимся въ аду, то я, если вамъ угодно, помѣняюсь съ вами мѣстомъ». Во время войнъ между императорами, Филиппомъ и Оттономъ IV, Лупольдъ со своими войсками сражался за перваго, и, когда его солдаты колебались грабить церкви, онъ увѣрялъ ихъ, что совершенно достаточно оставить въ покоѣ только кости мертвыхъ.

Всѣмъ извѣстна исторія Ричарда Англійскаго и Филиппа де-Дрё, епископа города Бовэ. Когда этотъ епископъ, равно прославившійся какъ своею жестокостью, такъ и своимъ знаніемъ военнаго дѣла, попался въ плѣнъ, то онъ обратился съ жалобой къ папѣ Целестину III на то, что плѣнъ его является нарушеніемъ привилегій церкви. Папа не одобрилъ склонности епископа къ воинственнымъ подвигамъ, но, тѣмъ не менѣе, началъ хлопотать о его освобожденіи изъ плѣна. Тогда король Ричардъ послалъ папѣ же-

Библиотека "Руниверс"

лѣзную кольчугу епископа при вопросѣ, предложенномъ въ Библіи Іакову: «Посмотри, сына ли твоего эта одежда, или нѣтъ?» Папа ничего не отвѣтилъ на это и взялъ обратно свое ходатайство. Немного позднѣе Ѳеодоръ, маркизъ Монферратскій, разбилъ и взялъ въ плѣнъ Аймона, епископа верчелльскаго. Въ это время находился въ Женевѣ кардиналъ Тальферро, папскій легатъ Арагоніи; узнавъ о святотатствѣ маркиза, онъ написалъ ему грозное посланіе, на которое тотъ отвѣтилъ ему такъ же, какъ и король Ричардъ, причемъ препроводилъ къ нему шпагу епископа, покрытую свѣжими еще пятнами крови. Но все же храбрый рыцарь понялъ, что не ему бороться противъ папскаго легата, и онъ не только освободилъ епископа, но и вернулъ ему ту крѣпость, которая вызвала войну между ними. Еще поучительнѣе случай съ епископомъ веронскимъ, который въ 1265 г. былъ взятъ въ плѣнъ со всей своей арміей Манфредомъ Сицилійскимъ. Въ это время папа Урбанъ IV энергично проповѣдывалъ крестовый походъ противъ Манфреда, которого этотъ походъ долженъ былъ лишить не только королевства, но и самой жизни; но, тѣмъ не менѣе, папа не задумался потребовать освобожденія епископа и написалъ Манфреду, что если онъ боится Бога, то тотчасъ же освободитъ своего плѣнника. Отвѣтъ Манфреда былъ весьма почтителенъ, но уклончивъ; тогда вступившій на папскій престолъ Климентъ IV добился вмѣшательства въ это дѣло Іакова Арагонскаго, и послѣдній оказался довкимъ посредникомъ: Манфредъ согласился освободить епископа подъ условіемъ, что онъ дастъ клятву не поднимать оружія противъ него. Но даже и это условіе было принято епископомъ не безъ труда. Итакъ, высшія духовныя лица заботились о полной безнаказанности подчиненныхъ имъ священнослужителей, обвиняемыхъ въ насиліи, и легко понять поэтому, что прелаты мало были расположены воздерживаться отъ насилій и возстаній [1]).

Поведеніе буйныхъ епископовъ производило такое впечатлѣніе на современниковъ, что у вѣрующихъ сложилось убѣжденіе, что ни одинъ прелатъ не можетъ войти въ царствіе небесное. Огромной популярностью пользовался разсказъ о Готфридѣ Перронскомъ, пріорѣ Клерво, избранномъ епископомъ въ Турнэ; когда святой Бернардъ и папа Евгеній III уговаривали его принять избраніе, онъ бросился лицомъ на землю и воскликнулъ: «если вы меня гоните, то я лучше сдѣлаюсь странствующимъ монахомъ, но быть епископомъ— ни за что»! На смертномъ одрѣ онъ обѣщалъ одному изъ своихъ друзей явиться ему и разсказать о своей загробной жизни. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и, явившись своему другу во время молитвы, сказалъ, что онъ находится среди избранныхъ, и что св. Троица открыла ему, что если бы онъ принялъ епископскій санъ, то былъ бы среди отверженныхъ. Петръ Блуаскій, передающій этотъ разсказъ, и Петръ Кантор, повторяющій его, повидимому, глубоко вѣрили въ его непреложность, потому что упорно отказывались отъ епископскихъ каѳедръ. Немного позднѣе одинъ парижскій ученый богословъ открыто за-

---

[1]) «Chron. Senonens», lib. V, cap. XIII—XV.—«Chron. S. Trudon.», lib. V.—Fulbert. Carnotens. «Epist.», 112.—Meizleri, «De viris illustribus S. Gallens.», lib. II, cap. 28, 30, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 45, 49, 53, 54, 56, 57, 60.—Martène, «Ampliss Collect.», 1188—9.—Vaissete, «Hist. gén. de Languedoc», т. IV, стр. 7 (изд. 1742 г.)—«Preuves des libertés de l'Eglise gallicane», II, II, 226 (Парижъ, 1651).—Gerhobi Reichersperg. «Exposit. in Psalm», LXIV, cap. 34.—Его же. «Lib. de Aedificio Dei», c. 5.—Caesar Heisterb. «Dial. Mirac. Dist., II, cap. 9.—Matt. Paris, «Hist. Angl.» ann. 1196.—Rog. Hovedens. an. 1197.—Benedicti, «Gesta Henrici II», ann. 1188.—Baggiolini. «Dolcino e i Patarini», p. 53 (Novara, 1638). Martène, «Thesaur», II, 90—93, 99, 100, 150, 151, 192.

Въ стихотвореніи одного клирика XIII в. епископы описываются слѣдующимъ образомъ:

Episcopi cornuti
Conticuere muti;
ad praedam sunt parati
et indecenter coronati,
pro virga ferunt lanceam,
pro infula galeam,
Sicut fortes incedunt
et a Deo discedunt,
Ut leones feroces
et ut aquilae veloces,
ut apri frendentes
exacuere dentes».
— «Carmina Burana», стр. 15 (Бреславль. 1883).

Библиотека "Руниверс"

явилъ, что онъ готовъ повѣрить всему, но никогда не повѣритъ, что когда-либо можетъ попасть въ селенія праведныхъ какой-либо германскій епископъ, такъ какъ всѣ они, кромѣ меча духовнаго, носятъ еще и мечъ воина.

Цезарь Гейстербахскій объясняетъ это тѣмъ, что было слишкомъ мало людей, достойныхъ епископскаго званія, и слишкомъ много епископовъ, недостойныхъ своего званія; при этомъ онъ замѣчаетъ, что бѣдствія, которыя они претерпѣвали, показываютъ, что десница Бога не участвовала въ избраніи ихъ. Трудно найти болѣе живое описаніе пороковъ и роскоши духовенства, чѣмъ то, которое оставилъ намъ Людовикъ VII; но тщетно взывалъ онъ къ папѣ Александру III, убѣждая его воспользоваться тріумфомъ надъ Фридрихомъ Барбароссой и произвести реформу Церкви [1]).

Всѣ свидѣтельства этой эпохи не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что прелаты того времени отличались склонностью къ хищенію и насилію. Они были подсудны суду только одного Рима; но нужно было дойти до самыхъ крайнихъ предѣловъ отчаянія, чтобы рѣшиться жаловаться на нихъ въ Римъ; даже и въ случаѣ подачи жалобы безнаказанность обвиняемаго была болѣе чѣмъ вѣроятна: во-первыхъ, трудно было доказать виновность; во-вторыхъ, дѣла тянулись безконечно долго, и, въ-третьихъ, всѣмъ прекрасно была извѣстна продажность римской куріи.

Правда, когда папскій престолъ занималъ энергичный и неподкупный папа, въ родѣ Иннокентія III, то была еще нѣкоторая надежда добиться справедливости; число судебныхъ дѣлъ противъ епископовъ во время этого папы показываетъ, какъ широко было распространено зло, и какіе глубокіе корни пустило оно. Но даже и при Иннокентіи III волокита въ дѣлахъ и явное нежеланіе Рима выносить обвинительные приговоры епископамъ служили достаточнымъ основаніемъ, чтобы удерживать недовольныхъ отъ возбужденія обвиненій противъ епископовъ, такъ какъ обвиненія эти легко могли кончиться печально для самихъ обвинителей.

Такъ, напримѣръ, въ 1198 г. Жераръ де Ружмонъ, архіепископъ безансонскій, былъ обвиненъ своимъ капитуломъ въ клятвопреступленіи, симоніи и кровосмѣшеніи. Вызванные въ Римъ обвинители, не отказываясь отъ предъявленныхъ ими обвиненій, не рѣшились, однако, подтвердить свою жалобу, и папа Иннокентій, приведя евангельскій разсказъ о блудницѣ, отпустилъ архіепископа съ миромъ и ограничился тѣмъ, что далъ ему совѣтъ впредь не грѣшить. Но поведеніе архіепископа не измѣнилось къ лучшему, и, въ концѣ концовъ, въ безансонской епархіи религія стала предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. Жераръ продолжалъ жить съ одной изъ своихъ родственницъ, ремпремонской аббатиссой, и съ другими наложницами, изъ которыхъ одна была монахиней, а другая—дочерью священника; ни одной церкви не освящалъ онъ, ни одного таинства не совершалъ, не получивъ предварительно крупной платы; лихоимство архіепископа разоряло подвластное ему духовенство, которое жило бѣднѣе крестьянъ и презиралось своими прихожанами. Монахамъ и монахинямъ, разъ они давали ему взятку, архіепископъ разрѣшалъ выходить изъ монастыря и вступать въ бракъ. Наконецъ, терпѣніе лопнуло, и въ 1211 г. была сдѣлана новая попытка удалить архіепископа. Черезъ годъ удалось добиться, чтобы онъ подчинился purgatio canonica, т.-е. онъ долженъ былъ представить двухъ епископовъ и трехъ аббатовъ, которые оправдали бы его на основаніи клятвенныхъ показаній. Переговоры о характерѣ присяги начались тотчасъ же и тянулись до 1214 г.; наконецъ, долготерпѣніе горожанъ истощилось, они поднялись и прогнали своего архіепископа, который удалился въ аббатство Бельо, гдѣ и умеръ въ 1225 году.

---

[1]) P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. LIV.—Pet. Blesens, «Epist.» CCXI.—Caesar, Heisterb. «Dial Mirac. Dist.», II c. 27, 28; «Dist.», VI, c. 20.—Varior. ad. Alex. PP. III. «Epist.» XXI (Migne, «Patrolog.», CC. 1379).—Pet. Blesens. «Tract. quales sint P.», II, IV.

Библиотека "Руниверс"

Совершенно такимъ же прелатомъ былъ епископъ Туля, Маге Лотарингскій. Посвященный въ 1200 г., онъ проявилъ такія хищническія наклонности, что уже черезъ два года капитулъ обратился къ папѣ Иннокентію съ просьбой о его смѣщеніи, ссылаясь на то, что онъ довелъ доходы епископской каѳедры съ 1000 ливровъ до 30; но прошло цѣлыхъ десять лѣтъ въ разслѣдованіяхъ и апелляціяхъ, прерываемыхъ всевозможными проявленіями произвола, прежде чѣмъ былъ смѣщенъ епископъ. Епископъ весь ушелъ въ охоту, разврат ъ и пиры; любимой его наложницей была его родная дочь, прижитая имъ съ одной монахиней изъ Эпинала, но, несмотря на всѣ преступленія, онъ сохранилъ въ качествѣ настоятеля въ С.-Діэ очень богатую бенефицію. Въ 1217 г. онъ подговорилъ убить своего преемника, Рено де Санлиса, а вскорѣ послѣ того его дядя Тьебо, герцогъ Лотарингскій, случайно встрѣтилъ его и убилъ на мѣстѣ. Вѣроятно, обычное правосудіе было безсильно противъ подобнаго человѣка.

Аналогично съ двумя предшествующими дѣло епископа Ванса. Папа Целестинъ III временно отстранилъ его отъ должности и вызвалъ въ Римъ по обвиненію въ цѣломъ рядѣ преступленій; но епископъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ отправлять свои обязанности. Вступивъ на папскій престолъ, Иннокентій III въ 1198 г. отлучилъ его отъ церкви, но и эта мѣра оказалась недѣйствительной. Наконецъ, въ 1204 г. Иннокентій предписалъ архіепископу эмбренскому безотлагательно приступить къ слѣдствію и отрѣшить упорствующаго епископа, если подтвердятся возведенныя на него обвиненія. Но, пока все это тянулось, состояніе епархіи стало крайне плачевно: церкви разваливались, и церковныя службы совершались лишь въ немногихъ приходахъ.

Въ Нарбоннѣ, этомъ главномъ очагѣ ереси, архіепископъ Беранже II, побочный сынъ Раймунда Беранже, графа Барселонскаго, не жилъ въ своей епархіи и даже никогда не бывалъ въ ней, предпочитая ей Арагонію, гдѣ онъ пользовался богатымъ аббатствомъ и Лериской епископіей. Въ Нарбонну онъ былъ назначенъ въ 1190 г., но не видалъ ея до 1204 г., хотя и получалъ съ нея огромные доходы, какъ законные, такъ и незаконные отъ продажи бенефицій и епископскихъ мѣстъ. На продаваемыя имъ высшія церковныя должности часто попадали люди самаго распущеннаго образа жизни. Состояніе провинціи было ужасающе, благодаря, съ одной стороны, дурному поведенію духовенства, а съ другой—смѣлости еретиковъ и обостренности партійныхъ раздоровъ. Въ 1200 г. Иннокентій III вызвалъ къ себѣ Беранже и потребовалъ отъ него подробнаго отчета. Этотъ вызовъ былъ повторенъ въ 1204 г., былъ повторяемъ онъ и еще нѣсколько лѣтъ подрядъ, но все безъ всякаго успѣха, такъ какъ архіепископъ безконечно тянулъ время, обращаясь къ папѣ съ жалобою на судъ легата. Наконецъ, въ 1210 г. Иннокентій предписалъ своему легату немедленно приступить къ разсмотрѣнію дѣла архіепископовъ Нарбонны и Оша и, не давая имъ права на апелляцію, привести надъ ними въ исполненіе все, что слѣдуетъ, согласно канонамъ; но, несмотря на все это, Беранже былъ отрѣшенъ отъ каѳедры только въ 1217 г. Весьма вѣроятно, что онъ еще многіе годы преспокойно тянулъ бы свое дѣло, если бы папскій легатъ, Арно Ситоскій, не пожелалъ себѣ его каѳедры. Мы смѣло можемъ повѣрить на слово одному писателю XIII вѣка, что дѣла о смѣщеніи прелатовъ тянулись такъ долго, и добиться удовлетворенія было такъ трудно, что даже наиболѣе виновные изъ нихъ жили, не боясь наказанія [1]).

[1]) Innocent. PP. III, «Regest.», I, 277; XIV, 125; XVI, 63, 158.—II, 31; VII, 84.—III, 24, VII, 75. 76; VIII, 106; IX, 66; X, 68; XIII, 88; XV, 93. – См. также II, 236; VI, 216; X, 182, 194; XI, 142; XII, 24, 25; XV, 186, 235; XVI, 12.—Gallia. «République Séquanoise» (изд. Duvernoy, Arbois, 1846, стр. 80).– La Porte du Théil («Notices des mss.», III, 617 и слѣд.).—«Opusc. Tripartiti» P. III, cap. IV (Fasciculi Rer. expetendarum et fugiendarum, II, 225, изд. 1690).

Въ маѣ 1212 г. легатъ Арно упоминается какъ архіепископъ Нарбонны (Innocent., PP.

Библиотека "Руниверс"

Въ то время, какъ папы закрывали глаза на самыя возмутительныя преступленія, епископы позорили себя еще тысячами такихъ вымогательствъ и притѣсненій, которыя стояли подъ защитой законовъ, такъ что жертвы ихъ никоимъ образомъ не могли найти правосудія. Вотъ одинъ разсказъ изъ цѣлаго ряда подобныхъ ему, показывающій, насколько доходнымъ считалось мѣсто епископа. Одинъ престарѣлый епископъ созвалъ своихъ племянниковъ и другихъ родственниковъ и предложилъ имъ сговориться относительно выбора ему преемника. Они остановились на одномъ изъ своихъ и въ складчину собрали значительную сумму на покупку епископской каѳедры. Къ несчастью, лицо, избранное епископомъ, умерло, не успѣвъ вступить въ должность, и у постели умирающаго собрались его родственники и осыпали его жестокими упреками за то, что онъ разорилъ ихъ, и что теперь они уже не могутъ вернуть тѣхъ денегъ, которыя заплатили *за свою часть епископской каѳедры*.

Св. Бернаръ разсказываетъ, что нерѣдко на епископскія каѳедры назначались совершенно еще дѣти, въ возрастѣ, когда думаютъ о томъ только, какъ бы вырваться изъ-подъ опеки учителей. Но быстро эти дѣти дѣлаются наглыми и высокомѣрными, начинаютъ торговать алтарями и выворачивать карманы вѣрующихъ.

Выполняя такъ свои обязанности, епископы лишь слѣдовали примѣру папъ, которые или непосредственно сами, или черезъ своихъ агентовъ были благодаря своему лихоимству грозою христіанскихъ церквей. Арнольдъ, бывшій съ 1169 по 1183 г. трирскимъ архіепископомъ, снискалъ себѣ огромную популярность тѣмъ, что защищалъ населеніе своей епархіи отъ чрезмѣрныхъ требованій папскихъ нунціевъ; всякій разъ, когда ему сообщали о ихъ приближеніи, онъ самъ выѣзжалъ имъ навстрѣчу и, богато одаривая ихъ, добивался, чтобы они, къ великой радости его собственнаго стада, не останавливаясь у него, проѣзжали прямо въ сосѣднюю епархію.

Въ 1160 г. тампліеры жаловались Александру III, что всѣ ихъ труды въ интересахъ Святой Земли сводятся почти на нѣтъ благодаря страшному лихоимству папскихъ легатовъ и нунціевъ, которые не удовлетворяются готовой квартирой и содержаніемъ, слѣдуемыми имъ по праву, а вымогаютъ еще деньги. Папа милостиво предоставилъ тампліерамъ право сокращать аппетиты его пословъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ими являлись бы кардиналы.

Еще хуже было, когда пріѣзжалъ самъ папа. Избранный папою въ Ліонѣ Климентъ V отправился оттуда въ Римъ черезъ Бордо. По дорогѣ онъ и его свита такъ беззастѣнчиво грабили церкви, что послѣ ихъ отъѣзда изъ Буржа архіепископъ Эгидій оказался совершенно разореннымъ и былъ вынужденъ ходить ежедневно по своимъ канонникамъ и выпрашивать у нихъ крохи изъ того содержанія, которое отпускалось имъ. Пребываніе папы въ богатомъ пріорствѣ Граммонъ настолько разорило монастырь, что пріоръ, отчаявшись поправить дѣла, удалился на покой, а его пріемникъ былъ вынужденъ обложить огромными налогами всѣ приписные монастыри.

Англія, послѣ позорнаго изъявленія королемъ Іоанномъ покорности, была особенно изнурена папскими поборами. Всѣ богатыя бенефиціи были розданы иностранцамъ, которые и не думали жить въ нихъ; а между тѣмъ суммы, собираемыя ими ежегодно съ острова, достигали солидной цифры — 70000 марокъ, т.-е. въ три раза превышали доходъ короля.

Всякій протестъ, всякое сопротивленіе подавлялись отлученіемъ отъ церкви. На Ліонскомъ соборѣ 1245 г. былъ поданъ адресъ отъ имени англійской церкви, гдѣ всѣ

III, «Regest.» XV, 93, 101); но въ синодикѣ аббатства св. Жюста въ Нарбоннѣ Беранже въ день своей смерти (11 августа 1213 г.) именуется еще архіепископомъ («Chron. de Saint-Just». Vaissete, изд. Privat. VIII. 218).

Библиотека "Руниверс"

злоупотребленія были указаны въ выраженіяхъ, правда, мало почтительныхъ, но зато очень энергичныхъ. Однако, это не повело ни къ чему. Десять лѣтъ спустя папскій легатъ Рустанъ потребовалъ отъ имени Александра IV огромную субсидію; на долю одного только С.-Альбанскаго аббатства приходилось 6000 марокъ. Тогда лондонскій епископъ Фулькъ заявилъ, что онъ скорѣе дастъ себя обезглавить, а епископъ ворчестерскій, Вальтеръ, заявилъ, что онъ дастъ себя скорѣе повѣсить, чѣмъ подчинится подобнымъ вопіющимъ вымогательствамъ, но ихъ упорство было сломлено. Были предъявлены подложныя долговыя обязательства, будто бы заключенныя имп въ итальянскихъ банкахъ на расходы по веденію нѣкоторыхъ дѣлъ, возбужденныхъ ими передъ римской куріей. Чтобы признать эти долги законными, Римъ не остановился даже передъ угрозой отлученія отъ церкви. Когда линкольнскій епископъ Робертъ Гростестъ увидѣлъ, что всѣ его усилія исправить подчиненное ему духовенство не что иное, какъ пустыя мечты, благодаря апелляціямъ въ Римъ, гдѣ виновные всегда могли откупиться, то онъ лично отправился къ Иннокентію IV, надѣясь добиться отъ него нѣкоторыхъ реформъ. Не добившись ровно ничего, онъ передъ самимъ папой воскликнулъ: «О, деньги, деньги! чего только не можете вы сдѣлать, въ особенности у папскаго престола въ Римѣ!»

Это злоупотребленіе правомъ апелляціи въ Римъ началось уже давно: и уже съ эпохи Карла Лысаго, когда только что было установлено это право, раздаются жалобы на то, что оно деморализуетъ духовенство. Прелаты въ родѣ Гильдебера мансскаго, которые искренне старались поднять нравственность духовенства, свидѣтельствовали, что всѣ ихъ усилія оставались тщетны, и горько жаловались на это. Но жалобы ихъ были почти безрезультатны, хотя, правда, время-отъ-времени порядочный папа, какъ, напримѣръ, Иннокентій III, и соглашался уничтожить свою грамоту о помилованіи, такъ какъ онъ издалъ ее, не ознакомившись съ подробностями дѣла, или давалъ своему прелату право безапелляціоннаго суда. Біографъ Иннокентія III воздастъ ему особую хвалу за то, что онъ уничтожалъ procinae, т.-е. дары или приношенія, дѣлаемые папѣ за полученіе отъ него граматъ. Другіе папы, болѣе коварные, старались устроить дѣло такъ, чтобы не подрывать доходовъ своей канцеляріи и въ то же время не требовать приношеній за свои посланія. Когда узурпаторъ Владиславъ заточилъ въ 1172 году въ тюрьму св. Луку, архіепископа гранскаго, то послѣдній отказался прибѣгнуть къ помощи посланій объ его освобожденіи, писанныхъ Александромъ III, говоря, что онъ не желаетъ покупать свободу цѣною симоніи [1]).

Но не однѣми только этими печальными сторонами своего судопроизводства римское судилище сѣяло неизгладимое зло въ христіанскихъ странахъ. Въ то время, когда суды феодальные были строго ограничены извѣстной территоріей; въ то время, когда судебныя функціи епископовъ не выступали за предѣлы ихъ епархій, такъ что всякій зналъ, передъ кѣмъ ему предстоитъ держать отвѣтъ, всемірная юрисдикція Рима вполнѣ естественно допускала всевозможныя злоупотребленія. Папа, въ своемъ положеніи верховнаго судіи, могъ передать, кому ему было угодно, часть своей повсемѣстно признанной власти; мало того, папская канцелярія не особенно разборчиво раздавала граматы людямъ,

---

[1]) P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 71.—S. Bernardi, «Tract. de Mor. et offic. epis.», c. VII, № 25.—«Gesta Treviror. Archiep.» cap., 92.—Prutz, «Malteser Urkunden und Regesten», Мюнхенъ, 1883, стр. 38.—Guill. Nangiac. Contin. ann. 1305.—«Hist. Prior. Grandimont» (Martène, «Ampliss. Coll.» IV, 122, 135—13).—Matt. Paris, «Hist. Ang.», ann. 1245, 1248, 1250, 1252, 1255, 1256).—Hincmari. «Epist.» XXII, 20;—Hildberti Cenoman. «Epist.» lib. II. №№ 41, 47. -8. Bernardi «De consideratione», lib. I, cap. 4.—Innocent. PP. III, «Gesta», XLI.—Его же, «Regest.», I, 330; II, 265; V, 33, 34; X, 188.—Gregor. PP. IX. Bulla «Desiderantes plurimum» (Potthast, «Reg.», I, 673).—«Chron. Augustan.», ann. 1250.—Stephani Tornacens, «Epist.» 43.—Gualt. Mapes, «De nugis curialium», dist. II. cap. VII.

Библиотека "Руниверс"

которымъ она передовѣряла судейскія права папы, подтверждая въ то же время, что всякое неисполненіе ихъ рѣшенія влечетъ за собою отлученіе отъ церкви.

Если вѣрить современнымъ свидѣтельствамъ, эти граматы продавались открыто всѣмъ, кто могъ заплатить за нихъ. По самымъ глухимъ угламъ Европы бродили люди, снабженные папскими граматами, которыми они беззастѣнчиво пользовались какъ неотразимымъ оружіемъ для вымогательства денегъ. Съ другой стороны, епископы не задумывались признавать за ними болѣе ограниченное право суда, откуда проистекалъ цѣлый рядъ недоразумѣній, которыми пользовались всевозможные проходимцы, примѣнявшіе свои полномочія для достиженія самыхъ низменныхъ интересовъ.

Эти папскія граматы давали тѣмъ, кто дѣйствительно или мнимо владѣлъ ими, полную свободу творить беззаконія, сводить личные счеты и набивать свои карманы. Въ довершеніе всего граматы эти поддѣлывались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; обращаться же въ Римъ со справками о ихъ подлинности было, само собой разумѣется, весьма неудобно. Луцій III въ 1185 г. приказалъ строго преслѣдовать шайки поддѣлывателей папскихъ граматъ, которыя дѣйствовали въ Англіи, и прибыльное ремесло которыхъ подрывало уваженіе къ граматамъ, исходившимъ, дѣйствительно, отъ римской куріи. Целестинъ III упоминаетъ о поддѣлывателяхъ, которые были только-что обнаружены въ самомъ Римѣ; его преемникъ, Иннокентій III, вступивъ на папскій престолъ, открылъ новую подобную же мастерскую, заваленную работой. Хотя имъ и были приняты всѣ мѣры къ закрытію этой фабрики, тѣмъ не менѣе, торговля ложными граматами была настолько прибыльна, что даже и этотъ энергичный папа не въ силахъ былъ положить ей конецъ. До самыхъ послѣднихъ дней своей жизни онъ неустанно преслѣдовалъ поддѣлывателей, но уничтожить ихъ онъ не могъ.

Около этого же времени епископъ Стефанъ открылъ въ своемъ городѣ Турнэ шайку поддѣлывателей, которые изобрѣли даже особый инструментъ для поддѣлки папскихъ печатей. Но въ глазахъ народа цѣна и дѣйствительнымъ и поддѣльнымъ папскимъ граматамъ была одна и та же: и тѣ и другія влекли за собой одни и тѣ же притѣсненія, вымогательства и насилія [1]).

Такимъ образомъ, римская курія была предметомъ ужаса для всѣхъ, кто приходилъ съ ней въ столкновеніе. Гильдеберъ манскій рисуетъ намъ служителей куріи торгующими правосудіемъ, затягивающими подъ тысячью пустыхъ предлоговъ окончательное рѣшеніе и забывающими о своихъ обѣщаніяхъ, когда истощались средства тяжущихся. «Они понимали какъ камень; судили какъ бревно; воспламенялись какъ огонь; они хитры какъ лисица; горды какъ волъ; прожорливы какъ минотавръ». Столѣтіе спустя Робертъ Гростестъ открыто говорилъ Иннокентію IV и его кардиналамъ, что римская курія—источникъ всякаго безчестія, и что, благодаря ей, званіе священнослужителя стало позорнымъ и безславнымъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Полтора вѣка спустя лучшіе

---

[1]) Can. 43, extra lib. I, tit. III.—Petri Exoniens. «Summula exigendi confessionis» (Harduin, VII, 1126).—Concil. Herbipolens. ann. 1187, c. 37.—Concil. apud Campinacum, ann. 1238, c. 1, 2, 7.—Concil. apud Castrum Gonterii, ann. 1253, can. unic.—Conc. Nugariolens. ann. 1290, c. 3.—Concil. Avenionens. ann. 1326, c. 49; ann. 1337, c. 59. — Conc. Bituricens. ann. 1336, c. 5. — Conc. Vaurens. ann. 1368, c. 10, 11.—Lucii PP. III, «Epist.» 252.—«Compilat.» II, tit. IX, cap. 1, 2.—Caelestin, PP. III, «Decret» XXXVIII (Migne, CCVI, 1252).—Innocent. PP. III, «Regest.» lib. I, «Epist.» 235, 349, 405, 456, 536, 540; II, 29; III, 37; VI, 120, 233, 234; VII, 26; X, 15, 79, 93; XI, 144, 161, 275; XV, 218, 223; «Supplem.» 234.—Berger, «Reg. d'Innoc.» IV, стр. LXXVI—LXXVII, № 2591, 3214, 3812, 4086.—Theiner, «Vet. Monument. Hibern. et Scotor.» № 196, стр. 75.—De Reiffenberg, «Chron. de Ph. Mouskes», I, CCXXV.

Поддѣлыватели граматъ были преданы анаѳемѣ буллою «In coena Domini», и это тяготѣло надъ ними до отмѣны этой буллы въ 1773 г.

Библиотека "Руниверс"

знатоки римской куріи подтверждали, что въ этомъ отношеніи она нисколько не измѣнилась [1]).

Разъ самъ глава церкви давалъ подобные примѣры, то понятно, что и многіе епископы пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы стричь свою паству. Петръ Канторъ, свидѣтель, достойный полнаго довѣрія, говоритъ о епископахъ, что они были ловцы денегъ, а не душъ, и что къ ихъ услугамъ были тысячи хитроумныхъ подлоговъ и обмановъ, при помощи которыхъ они очищали карманы бѣдныхъ. «У нихъ три крючка,— говоритъ онъ,—на которые они ловятъ рыбу въ мутной водѣ: во-первыхъ, исповѣдникъ, который заботится о душахъ; во-вторыхъ, діаконъ, архидіаконъ и другія духовныя лица, которыя блюдутъ интересы прелатовъ всѣми законными и незаконными средствами; и, наконецъ, сельскій священникъ, при назначеніи котораго принимается во вниманіе умѣнье обирать бѣдныхъ и драть съ нихъ послѣднюю шкуру въ пользу своего господина». Часто эти должности отдавались на откупъ, и право мучить и грабить народъ давалось тому, кто больше заплатитъ. Многочисленные разсказы и анекдоты показываютъ, съ какой ненавистью относился народъ къ этимъ людямъ. Одинъ священникъ, разсказываютъ, проигрался такъ, что у него осталось только пять су; обезумѣвъ отъ гнѣва, онъ закричалъ, что готовъ отдать послѣднее тому, кто научитъ его нанести Богу самое тяжкое оскорбленіе. Выигравшимъ признали одного изъ присутствовавшихъ, который сказалъ священнику, что если онъ желаетъ оскорбить Бога сильнѣе всѣхъ грѣшниковъ, то пусть онъ сдѣлается епископскимъ служителемъ или сборщикомъ. «Раньше—продолжаетъ Петръ Канторъ—хоть нѣсколько стѣснялись присваивать себѣ имущество богатыхъ и бѣдныхъ, но теперь это дѣлается открыто на глазахъ у всѣхъ посредствомъ всевозможныхъ подлоговъ и разныхъ новыхъ хитрыхъ способовъ вымогательства».—«Служители прелатовъ не простыя піявки, которыя сосутъ, чтобы быть потомъ раздавленными; это — винный фильтръ, который доставляетъ прелатамъ добычу разбоя, а себѣ оставляетъ осадокъ грѣха» [2]).

Эта вспышка честнаго негодованія подтверждаетъ, что главнымъ орудіемъ притѣсненій и вымогательствъ въ рукахъ епископовъ было признанное за ними право суда. Правда, немало доходовъ поступало и отъ продажи бенефицій и отъ законныхъ поборовъ за всевозможные документы; правда также, что многіе прелаты не стѣснялись извлекать нечистый доходъ изъ безнравственнаго поведенія безбрачнаго духовенства, взимая съ него особый налогъ, извѣстный подъ именемъ cullagium, уплативъ который, священникъ могъ спокойно жить со своею наложницею. Но несомнѣнно, что главнымъ источникомъ доходовъ прелатовъ и главной причиной бѣдствій народа былъ духовный судъ. Даже и въ свѣтскихъ судахъ штрафы, налагаемые судомъ, составляли видную часть доходовъ феодальныхъ сеньоровъ; а тѣмъ болѣе богатая жатва была у церковныхъ судовъ, которымъ были подсудны всѣ дѣла духовныя и большая часть дѣлъ свѣтскихъ. Такъ, напримѣръ, по словамъ Петра Кантора, таинство брака сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ со стороны мірянъ благодаря продажности епископскихъ ставленниковъ, которые заключали и расторгали союзы только для того, чтобы наполнять свои карманы. Поводъ къ расторженію брака всегда легко находили въ арсеналѣ запутанныхъ законовъ, касающихся вопроса о степеняхъ кровнаго родства.

Другимъ богатымъ источникомъ для вымогательствъ было отлученіе отъ церкви. Если какой-нибудь несчастный отказывался подчиниться незаконному требованію, его немедленно отлучали отъ церкви, но уже послѣ этого онъ долженъ былъ уплатить не

[1]) Fascic. Rerum Expetend. et Fugiend. II, 7, 254—255 (изд. 1690 г.).

[2]) P. Cantor. «Verb. abbrev.» cap. 24. — Cf. Petri Blesensis «Epist. 25; Johannes Saresberiens. «Polycrat.»; lib. VII, cap. 21; lib. VIII, cap. 17.

Библиотека "Руниверс"

только то, что съ него раньше незаконно требовали, но еще и штрафъ за снятіе съ него отлученія. Всякое промедленіе въ исполненіи рѣшенія духовнаго суда влекло за собой отлученіе отъ церкви съ цѣлымъ рядомъ вытекавшихъ отсюда поборовъ.

Если кому-либо изъ служителей церкви представлялось выгоднымъ измыслить какое-нибудь кляузное дѣло, то пользовались всякимъ пустымъ случаемъ къ вящшему горю бѣднаго народа. Когда священнику давали бенефицію, то съ него брали клятву, что онъ зорко будетъ слѣдить за всѣми ошибками своихъ прихожанъ и устраивать такъ, что виновные будутъ преслѣдуемы и подвергаемы штрафамъ; на него, кромѣ того, возлагалась обязанность слѣдить, чтобы ни одна ссора, ни одна тяжба не оканчивались миромъ. Правда, особымъ декретомъ было объявлено, что подобныя клятвы со стороны священниковъ не имѣютъ никакого значенія, но, тѣмъ не менѣе, епископы продолжали требовать ихъ. Въ примѣръ злоупотребленій этого рода приводятъ разсказъ о томъ, какъ одинъ мальчикъ, играя, нечаянно убилъ стрѣлою одного изъ своихъ товарищей. Отецъ убійцы былъ человѣкъ богатый, и были приложены всѣ старанія не допустить примиренія его съ отцомъ убитаго мальчика. Батскій архидіаконъ Петръ Блуаскій, повидимому, не ошибается, описывая епископскихъ судей какъ ехидну, превосходящихъ по своей злобѣ всѣхъ змій и василисковъ, и называя ихъ не кроткими пастухами овецъ, а злобными волками, думающими только о грабежахъ и разбоѣ [1]).

Продажность многихъ епископскихъ судовъ была еще болѣе существенной причиной бѣдствій народа и его непріязненныхъ отношеній къ Церкви. О характерѣ судебныхъ преній и о характерѣ защиты въ этихъ судахъ можно составить себѣ прекрасное понятіе на основаніи изученія реформы, предпринятой въ 1231 г. на Руанскомъ соборѣ. На этомъ соборѣ было постановлено требовать отъ адвокатовъ клятву, что они не будутъ выкрадывать бумагъ противника, не будутъ предъявлять фальшивыхъ документовъ и не будутъ выставлять лжесвидѣтелей. Не выше адвокатовъ стояли и судьи. Они не останавливались ни передъ какимъ вымогательствомъ, чтобы очистить карманы тяжущихся до послѣдняго гроша, а если ихъ злоупотребленія становились черезчуръ наглядными, то они замѣщали себя своими подчиненными, которые работали въ ихъ интересахъ. Однажды Андресское аббатство поссорилось съ монастыремъ въ Шарру, къ которому оно было приписано; послѣдній далъ знать аббатству, что онъ въ состояніи истратить передъ любымъ судилищемъ сто серебряныхъ марокъ противъ десяти марокъ своего противника; и, дѣйствительно, послѣ десятилѣтней судебной волокиты, съ троекратной апелляціей въ Римъ, аббатство нажило себѣ огромный долгъ въ 1400 парижскихъ ливровъ, причемъ подробности процесса свидѣтельствуютъ о самомъ беззастѣнчивомъ подкупѣ. Папскій дворъ и въ этомъ служилъ примѣромъ для другихъ; его извѣстность въ этомъ отношеніи сказалась въ похвальномъ словѣ, посвященномъ папѣ Евгенію III: ему ставятъ въ заслугу, что онъ прогналъ отъ себя одного пріора, который предложилъ ему золотую марку, лишь бы онъ принялъ его дѣло къ своему разсмотрѣнію [2]).

Другой родъ гнета вытекалъ изъ побужденій болѣе возвышенныхъ и давалъ лучшіе результаты, но и онъ не менѣе тяжело ложился на бѣдный народъ. Около этого времени вошло въ обычай сооружать церкви и богатые монастыри, украшенные расписными стеклами и пышною отдѣлкою. Несомнѣнно, эти зданія были выразителями горячей вѣры, но

[1]) Concil. Juliobonens. ann. 1080, c. 3, 5.—Concil. Bremens. ann. 1266. Eadmer. «Hist. Novor.» lib. IV.—Concil. Melfitan. ann. 1284, c. 5.—P. Cantor, «Verb. abbrev.» cap. 24. 79.—Innocent. PP. III, «Regest.» X, 85; XII, 37.—Petr. Blesensis «Epist.» 209.

[2]) Concil. Rotomag. ann. 1231, c. 48.—P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 23.—Innocent. PP. III, «Regest.» I, 376.—«Chron. Andres. Monast.».—«Narrat. Restaur. Abb. at. S. Mari. Tornacens.» cap. 113. 114.—Johann Saresberiens. «Polycrat.» lib. V, cap. 15; cf. lib. VI, cap. 24.

Библиотека "Руниверс"

еще въ большей степени свидѣтельствовали они о тщеславіи прелатовъ, которые руководили ихъ постройкой. Восхищаясь этими славными памятниками, мы не должны забывать, сколько ужасныхъ трудовъ и лишеній стоили они рабамъ и крестьянамъ. Петръ Кантеръ утверждаетъ, что зданія эти воздвигались на незаконные поборы съ бѣдныхъ, на ужасные барыши отъ лихвенныхъ процентовъ, на доходы отъ обмановъ и подлоговъ, которые продѣлывали quaestuarii, т.-е. продавцы индульгенцій; онъ добавляетъ, что гораздо лучше было бы огромныя суммы, истраченныя такъ непроизводительно, израсходовать на выкупъ плѣнныхъ и на помощь несчастнымъ [1]).

Невозможно было надѣяться, чтобы прелаты, подобные тѣмъ, которые тогда занимали церковныя должности, посвящали себя дѣйствительному выполненію своихъ обязанностей, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли проповѣдь и распространеніе между вѣрующими основъ вѣры и нравственности. Говорить проповѣди было главной обязанностью епископа, который былъ единственнымъ лицомъ въ епархіи, имѣвшимъ право проповѣдывать; приходскій священникъ не былъ достаточно образованъ для этого, и церковныя правила не дозволяли ему выступать съ проповѣдью безъ особаго на то разрѣшенія его непосредственнаго начальства. Но буйные и воинственные прелаты той эпохи думали о совершенно другомъ, да къ тому же они совершенно не были подготовлены къ дѣлу проповѣди. Въ 1031 г. Лиможскій соборъ выразилъ желаніе, чтобы Божье слово проповѣдывалось народу не только въ каѳедральныхъ, но и въ другихъ церквахъ, когда Богъ вдохновитъ на это компетентнаго доктора. Но Церковь продолжала бездѣйствовать до тѣхъ поръ, пока распространеніе ереси не показало ей, что она поступаетъ безразсудно, пренебрегая однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ воздѣйствія на массу. Въ 1209 г. Авиньонскій соборъ предписалъ епископамъ прилежнѣй и чаще проповѣдывать, чѣмъ раньше; если представлялся къ тому случай, то слѣдовало поручать это дѣло и другимъ лицамъ «честнымъ и скромнымъ». Въ 1215 г. большой Латеранскій соборъ призналъ, что епископы, отягощенные текущими дѣлами, не имѣютъ времени часто выступать въ качествѣ проповѣдниковъ, и потребовалъ отъ епископовъ, чтобы они подыскали и содержали на свой счетъ людей, обязанность которыхъ была бы разъѣзжать по епархіи и укрѣплять народъ въ вѣрѣ, какъ словомъ, такъ и примѣромъ. Но эти увѣщанія были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и поле проповѣди оставалось почти всецѣло въ рукахъ еретиковъ, пока, къ великому неудовольствію епископовъ, не начали своей дѣятельности монахи-проповѣдники.

Инквизиторъ трубадуръ Изарнъ прямо утверждаетъ, что инквизиція никогда бы не распространилась, если бы явились въ противовѣсъ ей хорошіе проповѣдники, и что безъ помощи доминиканцевъ она бы никогда не достигла своей цѣли [2]).

Низшее духовенство, въ нравственномъ отношеніи, не могло стоять выше епископовъ. Почти всѣ бенефиціи зависѣли отъ епископовъ, хотя правомъ раздачи духовныхъ мѣстъ нерѣдко располагали и феодальные сеньоры; этимъ же правомъ въ извѣстныхъ случаяхъ пользовались и нѣкоторыя духовныя общества, которыя зачастую замѣщали освобождающіяся мѣста людьми, избираемыми ими для этого въ свои почетные члены. Но отъ кого бы ни зависѣла раздача духовныхъ мѣстъ, на дѣлѣ выходило почти одно и то же. Всѣ буквально жалуются, что въ разсматриваемую нами эпоху бенефиціи или продавались открыто, или раздавались по протекціи, причемъ о способностяхъ и нравственныхъ качествахъ кандидата никто не справлялся. Даже самъ св. Бернаръ въ 1151 г. хлопоталъ о предоставленіи мѣста пріора совершенно недостойному молодому человѣку,

[1]) P. Cantor. «Verb. abbrev.» cap. 86.

[2]) Concil. Lemovicens. ann. 1031.—Conc. Avenionens. ann. 1209, c. 1.—Conc. Lateranens. ann. 1215, c. 10.—Millot. «Hist. litt. de Troubadours», II, 51.

Библиотека "Руниверс"

который приходился племянникомъ его другу, оксерскому епископу; правда, послѣ нѣкотораго размышленія онъ почувствовалъ угрызенія совѣсти и взялъ обратно свое ходатайство; это сдѣлать ему было тѣмъ легче, что его другъ, умирая, оставилъ своему любимому племяннику **только семь церквей**.

Въ томъ же году онъ отказалъ графу Тибо де Шампань въ бенефиціи, которую этотъ могущественный вельможа просилъ для своего сына, въ то время еще ребенка; но уже одинъ фактъ обращенія къ св. Бернару показываетъ, какъ обычна была тогда раздача бенефицій по протекціи, если онѣ не продавались за деньги.

Правда, каноническій законъ былъ полонъ прекрасныхъ правилъ, опредѣлявшихъ степень подготовки и нравственныхъ качествъ кандидатовъ на духовныя должности; но на практикѣ эти правила были мертвою буквою. Папа Александръ III съ негодованіемъ узналъ въ одинъ прекрасный день, что ковентрійскій епископъ имѣлъ обыкновеніе раздавать церкви дѣтямъ, не достигшимъ еще десятилѣтняго возраста; но онъ ограничился лишь предписаніемъ, чтобы въ этихъ случаяхъ приходы поручались викаріямъ, пока назначенное лицо не достигнетъ извѣстнаго возраста, который онъ опредѣлилъ въ четырнадцать лѣтъ. Другіе папы, болѣе снисходительные, постановили, что семилѣтній возрастъ достаточенъ для полученія простыхъ бенефицій и пребендъ.

Что касается злоупотребленія при раздачѣ духовныхъ должностей, то нельзя было ожидать, чтобы римская курія положила этому предѣлъ, такъ какъ она сама въ самыхъ широкихъ размѣрахъ злоупотребляла этимъ. Цѣлая армія прихлебателей и дармоѣдовъ, жившая подъ ея кровомъ, зорко наблюдала за богатыми бенефиціями по всей Европѣ, и папы безпрестанно писали епископамъ и капитуламъ, испрашивая мѣста для своихъ друзей [1]).

Подобная система, естественно, должна была вызвать злоупотребленіе въ видѣ соединенія въ рукахъ одного лица одновременно нѣсколькихъ приходовъ со всѣми проистекающими отсюда неудобствами. Тщетно папы-реформаторы и отдѣльные соборы издавали постановленія, направленныя къ прекращенію этого зла. Тщетно возмущенные моралисты указывали въ этомъ соблазнъ, подрывающій престижъ Церкви и равно гибельный какъ для блага душъ, такъ и для мірскихъ доходовъ церквей. Запрещенное каноническими правилами совмѣстительство, какъ и всѣ злоупотребленія, было для римской куріи источникомъ дохода; послѣдняя всегда была готова дать свое разрѣшеніе, когда владѣльцы нѣсколькихъ церквей или приходовъ выражали опасеніе, чтобы не было вмѣшательства въ ихъ дѣла. Можно было этимъ пользоваться и въ политическихъ цѣляхъ; такъ, напр., въ 1246 г. Иннокентій IV ловкимъ примѣненіемъ разрѣшенія совмѣстительства разбилъ грозившую ему коалицію французскихъ дворянъ.

Находились даже и ученые доктора богословія, которые выступали защитниками этого злоупотребленія, какъ, напр., въ 1238 г. канцлеръ парижскаго университета, извѣстный плюралистъ, магистръ Филиппъ. Его посмертная судьба послужила предостереженіемъ для другихъ. Когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, его другъ, парижскій епископъ, Гильомъ овернскій, убѣждалъ его отказаться отъ всѣхъ бенефицій, за исключеніемъ одной, обѣщая вознаградить ему всѣ убытки, если онъ выздоровѣетъ. Филиппъ отказался послѣдовать его совѣту, говоря, что ему хочется узнать, дѣйствительно ли обладаніе нѣсколькими бенефиціями осуждаетъ на вѣчную муку. Любознательность схоластика была удовлетворена: вскорѣ послѣ его смерти благочестивому епископу во время молитвы явился

---

[1]) S. Bernardi, «Epist.», 271, 274, 276. — Can. 2, 3, extra lib. I, tit. 13.—Thomassin, «Discipl. de l'Eglise», P. IV, lib. II, cap. 38.—Gaufridi Vosiensis, «Chron.», ann. 1181.—Concil. Turon. ann 1231, can. 16.—Concil. Lugdun. ann. 1274, c. 12.—P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 55, 60, 61. Innocent. PP. III, «Regest.», XI, 142.—Даже Иннокентій III нерѣдко размѣщалъ по церквамъ своихъ друзей, какъ это видно изъ его регистровъ.

Библиотека "Руниверс"

призракъ, назвавшій себя душою магистра и объявившій, что онъ осужденъ на огнь вѣчный [1]).

Набранное такимъ путемъ и находящееся подъ подобными вліяніями духовенство, за рѣдкимъ исключеніемъ, не было бичомъ людей, подчиненныхъ его духовному руководству. Бенефиція, купленная за наличныя деньги, являлась простымъ и спокойнымъ мѣстомъ, изъ котораго слѣдовало извлекать какъ можно больше доходовъ, не стѣсняясь ни лихоимствомъ, ни всевозможными поборами; прямыя же обязанности христіанскаго пастыря сводились до минимума.

Однимъ изъ наиболѣе частыхъ поводовъ къ недовольству и жалобамъ былъ вопросъ о десятинномъ налогѣ. Эта тяжелая форма налога, дѣлавшаяся прямо невыносимой благодаря хищничеству сборщиковъ, уже издавна порождала смуты и мятежи; она была главнымъ препятствіемъ въ эпоху Карла Великаго къ обращенію въ христіанство саксовъ; она же, какъ мы увидимъ ниже, вызвала въ XIII столѣтіи кровавый крестовый походъ противъ фризовъ. Во многихъ мѣстахъ народъ такъ упорно отказывался платить десятинный налогъ, что этотъ отказъ разсматривался какъ проявленіе ереси. Мы видимъ, что повсюду вопросъ о платежѣ десятины вызываетъ страшныя ссоры между пастыремъ и его паствою и порождаетъ безконечныя тяжбы между тѣми, кто считалъ себя въ правѣ пользоваться этимъ налогомъ. Послѣднее обстоятельство создало цѣлый рядъ особыхъ каноническихъ правилъ для разрѣшенія этихъ споровъ. По словамъ Карлейля, въ тотъ моментъ, когда вспыхнула французская революція, въ судебномъ производствѣ находилось не менѣе 60000 дѣлъ, вызванныхъ спорами о десятинномъ налогѣ. Первое время доходы отъ десятиннаго налога дѣлились на четыре части: одна шла епископу, другая—приходскому священнику, третья—на постройку церквей, четвертая—на бѣдныхъ. Но въ разсматриваемую нами эпоху алчность духовенства была такъ велика, что епископъ и священникъ брали себѣ каждый, елико возможно, больше, мало оставляя на церкви и ничего не оставляя на бѣдныхъ [2]).

Той части десятины, которую удавалось вырвать священнику, рѣдко хватало ему на удовлетвореніе нуждъ, тѣмъ болѣе, что онъ часто велъ разгульную жизнь, и что его грабили стоявшіе выше его на іерархической лѣстницѣ. И вотъ создается и входитъ во всеобщее употребленіе новая форма симоніи, торговля таинствами. Широкое поле для всевозможныхъ вымогательствъ давала исповѣдь, которая сдѣлалась въ это время обязательной и превратилась въ монополію священниковъ. Правда, нѣкоторые исповѣдники недо-

---

[1]) Concil. Lateran. III, ann. 1179, c. 13, 14; IV, ann. 1215, c. 29.—Innocent. PP. III, «Regest.», I, 82, 191, 471.—P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 31, 32, 34, 80.—Honor. PP. III, «Epist. ad archiep. Bituricens», ann. 1219. — Urbani PP. V, «Constit.» 1367 (Harduin. «Concil.» VII, 1767).—Isambert, «Anc. Loix Franç.», I, 252.—Matt. Paris, «Hist. Angl.», ann. 1246 (изд. 1644 г., стр. 483).—Wadding, «Annal. Minor.», ann. 1238, № 8.—D'Argentré, «Collect. judicior. de Nov. Error.», I, 1, 143. Изъ папской канцеляріи при Иннокентіи IV вышли въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1245 г. 332 бумаги, изъ которыхъ $^1/_3$ заключала разрѣшенія совмѣстительства, выданныя 65 лицамъ; значительная часть остальныхъ является также указаніемъ на обходъ каноническихъ законовъ и свидѣтельствуетъ, какъ умѣла римская курія использовать въ своихъ интересахъ пороки духовенства. Изъ № 1631 того же оффиціальнаго регистра ясно видно, съ какой жадностью набрасывались на бенефиціи умирающаго.

[2]) Clement. PP. IV, «Epist.», 456 (Martène, «Thesaur.», II, 461).—Alcuini «Epist.» 1 ad Arnon, Salisburg. (Pez, «Thesaur.», II, 1, 4).—Decreti P. II, caus. XIII.—Gratiani, «Comment. in Q.» I, cap. 1; caus. XVI, Q. I, cap. 42, 43, 45—47, 56, 57; caus. XVI, Q. VII, cap. 1—8.—Extra lib III, tit. XXX.—Concil. Rotomag. ann. 1189, c. 23.—Concil. Wigorn. ann. 1240, c. 44, 45.—Concil. Metronens. ann. 1300.—Concil. apud Pennam Fidelem, ann. 1302, c. 7.—Conc. Maghfeldens. ann. 1332. Conc. Londin, ann. 1342. c. 4, 5.—Concil. Nimociens. ann. 1298, c. 16.—Concil. Nicosiens. ann. 1340, c. 1.—Conc. Marciac. ann. 1326, c. 30.—Conc. Vaurens. ann. 1368, c. 68—70.—Gerhohi Reichersperg. «Lib. de Aedificio Dei», c. 46.

Библиотека "Руниверс"

рого брали за таинство покаянія и охотно отпускали грѣхи за цыпленка или пинту вина; но были и болѣе требовательные.

Эйнгардъ, священникъ въ Сестѣ, сдѣлалъ, по свидѣтельству одного современника, строгое внушеніе одному изъ своихъ прихожанъ, который сознался на исповѣди, что во время говѣнія онъ нарушилъ постъ. Эйнгардъ потребовалъ съ него 18 денье, стоимость 18 заказныхъ обѣденъ о спасеніи его души. Другой прихожанинъ, исповѣдуясь у того же Эйнгарда, признался, что онъ въ теченіе всего поста не имѣлъ сношеній съ женой: но и этотъ подвергся такому же штрафу въ 18 денье за то, что упустилъ случай зародить ребенка, тогда какъ его прямая обязанность—увеличеніе народонаселенія. Чтобы найти деньги, оба прихожанина должны были запродать на корню весь свой урожай. Случайно сошлись они на базарѣ и разговорились о причинахъ штрафа, наложеннаго на нихъ духовнымъ отцомъ; тогда они обратились съ жалобой на него къ декану и въ капитулъ св. Патрокла, и дѣло, къ великому соблазну вѣрныхъ, получило огласку. Но такіе пустяки не могли, конечно, отразиться дурно на карьерѣ Эйнгардта.

Всякій шагъ священника долженъ былъ, такимъ образомъ, давать ему извѣстный доходъ. Нерѣдко священникъ отказывался вѣнчать или хоронить, требуя уплаты денегъ впередъ; даже сами святыя тайны давались причастникамъ тогда, когда они приносили такъ называемую oblatio. Чтобы понять всю тяжесть этой мѣры, надо поставить себя на точку зрѣнія людей той эпохи, которые всѣ поголовно вѣрили въ пресуществленіе. Петръ Канторъ былъ правъ, говоря, что современные ему священники были хуже Іуды Искаріотскаго, продавшаго тѣло Христово за тридцать сребрениковъ; они тридцать разъ на день продаютъ Его... за одинъ сребреникъ.

Кромѣ того, многіе священники преступали правило, по которому, за исключеніемъ особо указанныхъ случаевъ, нельзя было служить болѣе одной обѣдни въ день; желавшіе соблюсти внѣшнюю благопристойность прибѣгали къ остроумной выдумкѣ: повторяя introït, они раздѣляли одну обѣдню на цѣлыхъ шесть частей и получали за каждую изъ нихъ слѣдуемую oblatio [1]).

Итакъ, при жизни вѣрующаго каждый шагъ его подлежалъ оплатѣ; но жадность духовенства не останавливалась и предъ смертнымъ ложемъ вѣрующаго: даже трупъ христіанина представлялъ извѣстную цѣнность, и вампиры ссорились изъ-за него между собою. Часто священникъ отказывалъ умирающему въ послѣднемъ напутствіи, отъ котораго зависѣло спасеніе души его въ загробномъ мірѣ, если ему не давали за это чего-либо изъ вещей умирающаго, хотя бы, напримѣръ, простыни съ его постели. Но весьма вѣроятно, что послѣднее злоупотребленіе не было особенно распространено. Значительно распространеннѣе былъ обычай пугать умирающихъ муками вѣчнаго огня, если они не оставляли своего состоянія по духовному завѣщанію на благотворительныя цѣли. Всѣмъ извѣстно, что значительная часть церковныхъ имуществъ была собрана именно такимъ путемъ, и что жалобы на это раздавались уже съ IX вѣка. Уже въ 811 г. Карлъ Великій созвалъ по всей своей имперіи провинціальные соборы и предложилъ прелатамъ вопросъ, могутъ ли они, по чистой совѣсти, называть себя отрекшимися отъ мірскихъ благъ, если всѣ ихъ помыслы направлены къ тому только, какъ бы разбогатѣть, если всѣ они сулятъ однимъ царство небесное, другимъ геенну огненную, чтобы отнять наслѣдство отъ прямыхъ наслѣдниковъ, которые, доведенные до нищеты, часто дѣлаются ворами и преступниками.

[1]) Caesar Heisterbach, «Dial. Mirac.», dist. III, cap. 40, 41.—«Hist. Monast. S. Laurent. Leodiens.», lib. V, cap. 39.—Innocent. PP. III, «Regest.», I, 220; II, 104.—P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 27—29. 38—40.—Grandjean, «Reg. de Benoit XI», № 975.—Concil. Lateran. IV, ann. 1215, cap. 63—66.—Concil. Rotomag. ann. 1231, cap. 14.—Teulet, «Layettes», II, 306, № 2428.—Const. Provin. S. Edmund, Cantuar. ann. 1236, cap. 8.—Synod. Wigorn ann. 1240, cap. 16, 26, 29.—Concil. Turon. ann. 1239, cap. 4, 17.

Библиотека "Руниверс"

Шалонскій соборъ въ 813 г. отвѣтилъ на это канономъ, запрещающимъ духовенству подобныя вымогательства и напоминающимъ, что обязанность Церкви помогать бѣднымъ, а не грабить ихъ. Турскій соборъ отвѣтилъ, что онъ произвелъ разслѣдованіе и не нашелъ никого, кто пожаловался бы на лишеніе наслѣдства. Реймскій соборъ отдѣлался благоразумнымъ молчаніемъ, а Майнцскій соборъ изъявилъ готовность возвратить прямымъ наслѣдникамъ ихъ имущества, присвоенныя такимъ путемъ. Но дѣйствіе этого вмѣшательства было непродолжительно; Церковь продолжала пріумножать свои богатства, пугая умирающихъ картинами Страшнаго Суда, а, въ концѣ концовъ, папа Александръ III въ 1170 г. постановилъ, что имѣютъ силу только тѣ духовныя завѣщанія, которыя сдѣланы въ присутствіи приходскаго священника. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бывали даже случаи отлученія нотаріуса отъ церкви за то, что онъ составилъ духовное завѣщаніе въ отсутствіи священника, причемъ тѣло покойника лишали христіанскаго погребенія. Въ оправданіе этихъ злоупотребленій ссылались на то, что эта мѣра имѣетъ цѣлью помѣшать еретику оставить свое имущество другимъ еретикамъ; но если это такъ, то зачѣмъ же, спрашивается, это примѣнялось и въ тѣхъ странахъ, гдѣ никогда не было никакихъ ересей? Раздавались по временамъ жалобы также на то, что приходскіе священники обращали въ свою личную пользу имущества, завѣщанныя на благотворительныя цѣли [1]).

Даже и послѣ смерти человѣка Церковь не упускала изъ виду его души и извлекала изъ нея выгоды. Повсемѣстно былъ распространенъ обычай оставлять значительныя суммы, чтобы Церковь своими молитвами смягчала муки чистилища; не менѣе обычны были также приношенія на поминъ души во время самихъ похоронъ. Результатомъ всего этого было то, что даже само преданіе тѣла землѣ было для духовенства крупнымъ источникомъ дохода, и поэтому, причтъ того прихода, въ которомъ жилъ и умеръ грѣшникъ, не упускалъ случая, чтобы заявить свои права на его ограбленіе. Иногда случалось, что какой-нибудь монастырь получалъ отъ умирающаго въ послѣднія минуты его жизни согласіе на то, чтобы тѣло его было погребено въ монастырѣ; но это разсматривалось какъ серьезное нарушеніе правъ приходской церкви, и было богатымъ источникомъ жалобъ, основанныхъ на томъ, что за погребеніе и за похоронныя обѣдни была опредѣленная такса. Уже въ V вѣкѣ папа Левъ Великій не задумывался въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждать алчность монастырей, которые приглашали людей подъ сѣнь своей тихой обители въ надеждѣ поживиться отъ ихъ щедротъ въ ущербъ приходскаго духовенства, которое являлось, такимъ образомъ, обманутымъ въ своихъ законныхъ разсчетахъ. Вслѣдствіе этого папа Левъ пошелъ на компромиссъ и издалъ декретъ, согласно которому половина денегъ, пріобрѣтенныхъ такимъ путемъ монастыремъ, должна была поступить въ ту церковь, прихожаниномъ которой былъ покойникъ, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ переступалъ монастырскую ограду только послѣ своей смерти. Въ концѣ концовъ, приходскія церкви объявили, что тѣло всякаго прихожанина составляетъ ихъ неотъемлемую собственность, и что никто не имѣетъ права избирать себѣ по своему усмотрѣнію мѣсто погребенія. Потребовалось не мало папскихъ указовъ раньше, чѣмъ удалось положить конецъ этимъ противозаконнымъ требованіямъ; но во всѣхъ постановленіяхъ Рима за приходскими церквами признавалось право на извѣстную часть суммы—половину, треть или чет-

[1]) Synod. Andegav. ann. 1294, cap. 3. — Capit. Car. Mag. II, ann. 811, cap. 5. — Concil. Cabillon. II, ann. 813, cap. 6. — Concil. Turonens. III, ann. 813, cap. 51. — Concil. Remens. ann. 813.—Concil. Mogunt. ann. 813, cap. 6. — Can. 10, extra lib. III, tit. XXVI. — Concil. Narbonn. ann. 1227, cap. 5.—Concil. Tolos. ann. 1228, cap. 5; ann. 1229, cap. 16.—Concil. Rotomag. ann. 1231, cap. 23. — Concil. Arlatens. ann. 1234, cap. 21; ann. 1275, cap. 8. — Constit. Provin. S. Edmund. Cantuar. ann. 1236, cap. 33.—Concil. Albiens. ann. 1254, cap. 11.—Concil. Andegav. ann. 1266, 1300.—Respons. Episc. Carcassonn. ann. 1275 (Martène, I. 1151).—Concil. Nemausiens. ann. 1284, cap. 8.—Concil. Reatinens. ann. 1309. cap. 8.—Concil. Cameracens. ann. 1317.

Библиотека "Руниверс"

верть,—завѣщанной покойникомъ на поминъ его души. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приходская церковь предъявляла свои права на полученіе извѣстной суммы по смерти всякаго своего прихожанина; это вызвало даже въ 1240 г. особое постановленіе Ворчестерскаго собора, согласно которому въ тѣхъ случаяхъ, когда уплата по таксѣ ввергала вдову и сиротъ въ нищету, Церковь должна была удовлетвориться одной третью имущества умершаго, оставляя двѣ трети его семейству. Въ Лиссабонѣ всѣ тѣ, кто не завѣщалъ Церкви своего имущества, лишались послѣдняго напутствія; обыкновенно эта часть составляла одну треть всего имущества покойника. Въ другихъ мѣстахъ существовалъ обычай, что въ пользу священника поступали носилки, на которыхъ приносили въ церковь тѣло покойнаго. Въ Наваррѣ закономъ была опредѣлена плата за упокойную обѣдню; съ крестьянъ за это брали двѣ мѣры хлѣба; съ дворянина-рыцаря—лошадь, военные доспѣхи и драгоцѣнные камни. Нерѣдко случалось, что эту тяжелую плату вносилъ король изъ своихъ личныхъ средствъ, какъ бы желая почтить память доблестнаго рыцаря. Какихъ крупныхъ размѣровъ достигала эта плата, видно изъ слѣдующаго случая: въ 1372 г. Карлъ II Наваррскій уплатилъ настоятелю францисканскаго монастыря въ Памплунѣ 30 ливровъ, чтобы выкупить лошадь, боевые доспѣхи и другія вещи, пожертвованныя въ церковь во время похоронъ Масена Сегунна де Бадосталь.

По мѣрѣ роста и развитія популярности нищенствующихъ орденовъ споры между ними и бѣлымъ духовенствомъ изъ-за покойниковъ становились болѣе жаркими, и немало возникало вызывающихъ соблазнъ процессовъ, о которыхъ мы ниже будемъ говорить подробнѣе [1]).

Особенно щекотливы были отношенія между духовенствомъ и мірянами въ вопросахъ нравственнаго порядка. Я подробно остановился на этомъ въ другомъ своемъ трудѣ, почему здѣсь коснусь этого вопроса лишь слегка. Въ разсматриваемую нами эпоху безбрачіе духовенства стало обязательнымъ въ большинствѣ странъ, зависѣвшихъ отъ римской церкви. Но жестоко ошиблись тѣ, кто, вводя целибатъ, разсчитывалъ черезъ это сдѣлать духовенство цѣломудреннымъ. Лишенный семейной обстановки, къ которой инстинктивно стремится всякій человѣкъ, священникъ вмѣсто законной жены заводилъ себѣ наложницу или сразу нѣсколько любовницъ. Обязанности священника и исповѣдника предоставляли ему въ этомъ отношеніи особыя преимущества. Это было настолько общеизвѣстно, что ни одинъ человѣкъ, каясь на исповѣди въ незаконной связи, не рѣшался назвать имени своей возлюбленной, боясь, чтобы священникъ не отбилъ ея у него. Лишь только Церкви удалось сдѣлать целибатъ обязательнымъ, какъ мы уже видимъ, что она повсюду и неустанно старается разрѣшить неразрѣшимую задачу—сохранить цѣломудріе своихъ служителей. Въ изучаемую нами эпоху нравственность вообще, и нравственность женщинъ въ частности, стояла не особенно высоко, но все же священникъ, проповѣдывавшій аскетизмъ какъ основной свой обѣтъ, и въ то же время болѣе развратный, чѣмъ большинство мірянъ, не могъ поднять въ глазахъ народной массы санъ священнослужителя; съ другой стороны, случаи съ отдѣльными личностями, гдѣ честь и спокойствіе семьи дѣлались жертвою сладострастія священника, естественно возбуждали ненависть противъ духовенства. Были между лицами духовнаго званія распространены и другіе еще болѣе худшіе пороки, и было это не только въ монастыряхъ, куда доступъ жен-

---

[1]) Decreti II, caus. XIII, q. 2.—Can. 1—10, Sexto lib. III, tit. XXVIII.—Anon. Zwetlens. «Hist. Rom. Pontif.», № 155 (Pez, «Thes.» I, III, 383).—«Narrat. Restaur. abbat. S. Martini Tomacens.», cap. 86—89.—Synod. Wigorn. ann. 1240, c. 50.—Ripoll, «Bullar. Ord. Praedic.» VII, 5.—Granijean, «Regstres de Benoit XI», № 974.—Innocent. PP. III, «Regest.». VII, 165.—G. B. de Lagrèze, «La Navarre», t. II, 165.—Concil. Avenion. ann. 1326, c. 27; ann. 1237, c. 32.—Teulet, «Layettes», II, 305, № 24, 28.—Concil. Nimociens. ann. 1296, c. 17.—Constit. Joann. Arch. Nicosiens. ann. 1321, c. 10.—Concil. Vaurens. ann. 1368, c. 13, 64.

Библиотека "Руниверс"

нинамъ былъ строго воспрещенъ; въ довершеніе же всего, все это оставалось почти всегда безнаказаннымъ.

Слѣдствіемъ обязательнаго безбрачія духовенства явилось ложное представленіе о нравственности, что было великимъ зломъ какъ для свѣтскаго общества, такъ и для Церкви. Разъ священникъ не нарушалъ открыто церковныхъ каноновъ и не вступалъ въ законный бракъ, то ему все было простительно. Въ 1064 г. одинъ священникъ Оранжа былъ уличенъ въ прелюбодѣяніи съ женой своего отца, и папа Александръ II, который много потрудился надъ введеніемъ целибата, рѣшилъ, что его не слѣдуетъ лишать права совершать таинства, чтобы онъ не впалъ въ отчаяніе; этому священнику сохранили его санъ и лишь перевели его, въ виду немощи плоти, на худшее мѣсто. Два года спустя тотъ же папа милостиво сложилъ епитимію, наложенную на одного падуанскаго священника, обвиненнаго въ кровосмѣшеніи со своею матерью; вопросъ же о томъ, оставить или нѣтъ этого священника въ духовномъ званіи, папа передалъ на усмотрѣніе мѣстнаго епископа. Трудно представить, какъ развращающе дѣйствовали подобные примѣры на массу [1]).

Но самой главной причиной деморализаціи духовенства и взаимной ненависти между нимъ и мірянами была личная неприкосновенность лицъ духовнаго званія и ихъ неподсудность свѣтскому суду, что Церкви удалось сдѣлать основнымъ положеніемъ государственнаго права. Дѣйствительно, въ эпоху насилій было необходимо въ интересахъ независимости и даже безопасности священниковъ подчинить ихъ особому спеціальному суду, но дурное дѣйствіе этого института не замедлило сказаться въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, легкость, съ которой, благодаря purgatio canonica, духовное лицо получало оправданіе, и сравнительная незначительность наказаній въ случаѣ обвиненія въ сильной степени ослабляли у духовенства чувство страха передъ закономъ. Съ другой стороны, надежда на относительную безнаказанность привлекала въ число служителей Церкви людей, совершенно испорченныхъ и порочныхъ; не бросая своихъ мірскихъ привычекъ, они вступали въ низшія духовныя должности и широко пользовались своей неподсудностью свѣтскому суду, подрывая этимъ всякое уваженіе къ духовному званію и ко всему, съ нимъ связанному.

Заступничество Иннокентія III за шлезвигскаго епископа Вальдемара показываетъ, что Церковь, опираясь на свои привилегіи, выступала на защиту тѣхъ, кто менѣе всего нуждался въ покровительствѣ. Вальдемаръ былъ незаконный сынъ датскаго короля Канута и поднялъ вооруженное возстаніе противъ царствующаго короля Вальдемара II. Возстаніе было подавлено, и онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Иннокентій обратился къ королю съ просьбой освободить епископа, ссылаясь на то, что его заключеніе въ тюрьму является нарушеніемъ привилегій Церкви. Вполнѣ понятно, что Вольдемаръ II задумался снова подвергнуть свое королевство бѣдствіямъ междоусобныхъ войнъ. Тогда папа умѣрилъ свое требованіе; онъ удовлетворился тѣмъ, что шлезвигскій епископъ будетъ отправленъ въ Венгрію и уже тамъ выпущенъ на свободу, причемъ папа ручался за него, что онъ не будетъ болѣе поднимать возстанія; но, пересмотрѣвъ дѣло, онъ перенесъ его въ Римъ. Здѣсь, несмотря на то, что епископъ былъ незаконнорожденнымъ и слѣдовательно, не могъ быть принятъ въ духовное званіе, несмотря на то, что датскіе послы подтвердили обвиненіе его въ клятвопреступленіи, прелюбодѣяніи, кровосмѣшеніи и растратѣ церковныхъ денегъ, Иннокентій, въ силу правъ и преимуществъ Церкви, возстановилъ его въ его епископіи и въ его родовомъ имѣніи, давъ ему особую привилегію—избрать себѣ викарія, если онъ опасается, что въ Шлезвигѣ ему можетъ

[1]) Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. III, cap. 27.—P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 138.—Löwenfeld, «Epist. Pontif. Rom. Ined.», №№ 92, 111 (Лейпцигъ, 1885).—См. Lea, «Historical Sketch of Sacerdotal Celibacy», 2-е изд. 1884 г.

Библиотека "Руниверс"

грозить какое-либо насиліе надъ личностью. Въ другой разъ Иннокентій на запросъ, можетъ ли свѣтская полиція арестовать и препроводить на епископскій дворъ лицо духовнаго званія, застигнутое на мѣстѣ преступленія, разъяснилъ, что это возможно только съ разрѣшенія епископа, т.-е., другими словами, невозможно никогда.

Рано ли, поздно ли, а то духовенство, за которымъ такъ любезно обезпечивали возможность дѣлать безнаказанно разныя гадости, неизбѣжно должно было явиться въ глазахъ народа бичемъ Божіимъ; и когда, мало-по-малу, въ христіанскихъ земляхъ наступило царство закона, то вновь учрежденные правильные суды встрѣтили въ преимуществахъ духовенства большую преграду, чѣмъ въ притязаніяхъ феодальныхъ сеньоровъ. Дѣло обстояло такъ: если попадался какой-либо негодяй, то онъ прежде всего старался доказать, что онъ принадлежитъ къ духовному сословію, что онъ носитъ тонзуру, и что поэтому онъ не подсуденъ свѣтскому суду; съ другой стороны, ревнивое обереганіе церковныхъ правъ, а, быть-можетъ, также и жадность къ деньгамъ, побуждали всегда епископскихъ служителей поддерживать подобныя заявленія и требовать освобожденія задержаннаго. Такимъ образомъ, Церковь являлась отвѣтственной за то, что масса преступниковъ, духовныхъ только по имени, гуляла на свободѣ, безнаказанно грабя мірянъ и дѣлая всевозможныя злодѣянія [1]).

Не менѣе возмутительныя злоупотребленія порождались также неприкосновенностью церковнаго имущества. Всякое лицо духовнаго званія, будь то истецъ или отвѣтчикъ, имѣло право обращаться къ духовному суду, а послѣдній, конечно, всегда, даже и не подкупленный, держалъ его руку, такъ что мірянину было почти невозможно найти правосудіе въ дѣлѣ съ духовнымъ лицомъ. Нѣкоторыя лица духовнаго званія скупали у мірянъ сомнительныя дѣловыя обязательства, и духовный судъ всегда удовлетворялъ по нимъ. Правда, подобная скупка векселей была запрещена соборами, но она была настолько выгоднымъ дѣломъ, что уничтожить ее было весьма нелегко.

Другое злоупотребленіе, вызывавшее горячія сѣтованія, состояло въ томъ, чтобы изводить несчастныхъ мірянъ, привлекая ихъ одновременно, по одному и тому же дѣлу, къ отвѣтственности передъ нѣсколькими духовными судами; каждое судилище въ отдѣльности приговаривало этихъ несчастныхъ къ отлученію отъ церкви, отъ чего можно было избавиться только уплатой крупнаго штрафа, причемъ приговоры эти обыкновенно выносились заочно, и судьи не считали даже нужнымъ справляться, вручены ли сторонамъ повѣстки о явкѣ на судъ. Чтобы понять, насколько тяжело ложились на мірянъ накладываемыя, такимъ образомъ, взысканія и наказанія, мы должны помнить, что знаніе юридической стороны дѣла составляло въ то время почти исключительную привилегію духовенства; обладая умомъ, изощреннымъ на схоластическихъ тонкостяхъ, лица духовнаго званія всегда могли легко восторжествовать надъ невѣжествомъ и безпомощностью своихъ случайныхъ противниковъ [2]).

Монашескіе ордены были настолько многочисленны и настолько вліятельны, что и на нихъ падаетъ отвѣтственность за все доброе и дурное, что творилось въ Церкви. Несмотря на великія услуги, оказанныя ими религіи и цивилизаціи, они особенно сильно подверглись развращающему вліянію эпохи, и ихъ добродѣтели совершенно исчезли. Въ разсматриваемое нами столѣтіе они постепенно добились признанія ихъ неподсудности

[1]) Stephani Tornacens. «Epist.» XII.—Innocent. PP. III, «Regest.», VI, 183; VIII, 192, 193; X, 209, 210, 215; XV, 202. О послѣдующей судьбѣ Вальдемара см. «Regest.» XI, 10, 173; XII, 63; XIII, 158; XV, 3; «Supplement», 187, 221, 228, 243. Cf. Arnold. Lubecens. VI, 1-; VII, 12, 13, и Vaissete, «Hist. gén. de Languedoc», IV, 80 (изд. 1742 г.)—О неприкосновенности духовенства см. Lea, «Studies in Church History», 2-е изд. 1883 г.

[2]) Concil. apud Campiniacum ann. 1238, c. 1, 6.

Библиотека "Руниверс"

епископскому суду и отдачи ихъ подъ непосредственный контроль Рима, и это было одной изъ главныхъ причинъ нравственнаго паденія монастырей. Кентерберійскій архіепископъ Ричардъ горько жаловался Александру III, что исключительное положеніе монастырей дѣйствуетъ развращающе на ихъ внутренній строй; но эти жалобы оставались безъ всякаго послѣдствія, такъ какъ контроль Рима надъ монастырями, умаляя значеніе епископовъ, увеличивалъ косвенно и непосредственно авторитетъ святого престола, давая ему могущественныхъ союзниковъ въ его борьбѣ противъ епископовъ; кромѣ того, это являлось новымъ источникомъ доходовъ римской куріи, если вѣрить Мальмсберійскому аббату, который открыто говорилъ, что онъ получилъ освобожденіе отъ подсудности суду Салисберійскаго епископа при условіи ежегодной уплаты Риму одной унціи золота.

Благодаря этому въ огромномъ большинствѣ случаевъ монастыри сдѣлались очагами разврата и мятежей; женскіе монастыри походили на публичные дома, а мужскіе монастыри обратились въ феодальные замки, и монахи воевали противъ своихъ сосѣдей не менѣе свирѣпо, чѣмъ самые буйные бароны. Кромѣ того, смерть настоятеля, власть котораго, само собой разумѣется, не была наслѣдственной, часто вызывала между претендентами споры, междоусобныя войны и внѣшнее вмѣшательство. Въ подобномъ спорѣ, возникшемъ въ 1182 г., богатое С.-Тронское аббатство было осаждено мецскимъ и льежскимъ епископами; городъ и монастырь были сожжены, а жители всѣ перебиты. Смуты тянулись до конца столѣтія, и когда имъ былъ временно положенъ конецъ, при условіи уплаты денежнаго штрафа, то несчастные бароны и разоренные крѣпостные были доведены до полной нищеты, будучи вынуждены занять крупную сумму на оплату назначенія къ нимъ честолюбиваго монаха.

Правда, не всѣ монастыри забыли, что ихъ богатства создались отъ щедротъ вѣрующихъ, и что это накладывало на нихъ извѣстныя обязанности. Во время голода 1197 г. аббатъ Гебгардтъ, хотя Гейстербахскій монастырь и не былъ еще богатъ, кормилъ иногда до 1500 человѣкъ въ день; еще щедрѣе оказался главный Геннепродскій монастырь, который кормилъ на свой счетъ до самой уборки хлѣба всѣхъ бѣдныхъ округи; въ это же время одинъ цистерціанскій монастырь въ Вестфаліи пожертвовалъ всѣ свои стада и заложилъ все до послѣдней книги и до послѣдняго церковнаго сосуда, чтобы кормить голодныхъ, толпами стоявшихъ у его воротъ. Пріятно при этомъ засвидѣтельствовать, что крупныя издержки, производимыя монастырями въ подобныхъ случаяхъ, всегда были возмѣщаемы новыми приношеніями вѣрующихъ. Этими примѣрами обыкновенно пользуются, чтобы до извѣстной степени поднять уваженіе къ монастырямъ, но не надо забывать, что изъ монастырей исходило гораздо больше зла, чѣмъ добра [1]).

Удивляться тому, что подъ монастырской сѣнью укрывалось такъ много дурного, мы не будемъ, если примемъ во вниманіе, кто давалъ монашескіе обѣты. Цезарь Гейстербахскій, горячій поклонникъ цистерціанскаго ордена, признаетъ непреложнымъ фактомъ, что худшіе монахи выходили изъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ монастыряхъ, и что часто они оказывались вѣроотступниками. Что же касается людей, вступавшихъ въ монастырь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, то мотивы, побуждавшіе ихъ отречься отъ міра хотя и были разнообразны, но всегда были эгоистичны; таковы, напримѣръ, болѣзнь, бѣдность, рабство, грозящій позоръ, страхъ смерти, боязнь ада и исканіе рая; конечно, отъ подоб-

---

[1]) Varior. ad Alex. PP. III, «Epist.», XCV (Migne, CC, 1457). Cf. Pet. Blesens., «Epist». XC.—Innocent. PP. III, «Regest.» I, 386, 476, 483, 499; V, 159; VIII, 12; IX, 209; XIII, 132; XV, 105.—Pet. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 41.—Gerhohi, «Lib. de Aedificio Dei», cap. 33; его же, «Expos. in Psalm.» LXIV, cap. 35.—«Chron. S. Trudon.», lib. III, IV, V.—«Hist. Vezeliacens.», lib. II—IV.—«Chron. Senoniens.», lib. IV, V. Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. IV, cap. 65, 66.—См. также Lea, «History of Celibacy».

Библиотека "Руниверс"

ИНКВИЗИЦІЯ.

(Съ картины J.-P. Laurens'a).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

пыхъ монаховъ трудно было ждать чего-либо добраго. Цезарь Гейстербахскій добавляетъ при этомъ, что часто преступники избѣгали заслуженнаго наказанія, вступая въ монастыри, которые становились, такимъ образомъ, какъ бы тюрьмами или домами предварительнаго заключенія. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ разсказъ о томъ, какъ одинъ баронъ, приговоренный въ 1209 г. паладиномъ Генрихомъ къ смерти, былъ спасенъ аббатомъ шонаускимъ Даніиломъ подъ условіемъ, что онъ вступитъ въ цистерціанскій орденъ. Соборъ, бывшій въ 1129 г. въ Паленсіи, прямо постановилъ, что всякій, кто обольститъ женщину или ограбитъ священника, монаха, богомольца, путника или купца, долженъ быть изгнанъ или заключенъ въ монастырь.

Немногимъ лучше были монахи изъ тѣхъ, кто подъ вліяніемъ внезапнаго угрызенія совѣсти бросалъ жизнь, запятнанную преступленіями и насиліями, и удалялся въ тихую обитель; люди эти были еще въ полной силѣ, и въ нихъ бушевали страсти. Хроники полны разсказовъ о томъ, какъ эти энергичные и безпокойные люди, не думая обуздывать своихъ страстей черною рясой, удивляли міръ своими жестокостями и выходками. Въ 1071 г. Арнульфъ III Фландрскій напалъ на Монткассель, защищая свои владѣнія отъ своего дяди, Роберта Фризскаго. Гербальдъ, рыцарь, убившій своего сюзерена, впалъ въ раскаяніе и отправился въ Римъ, гдѣ, явившись къ папѣ Григорію VII, умолялъ его отсѣчь ему руку въ искупленіе его вины. Григорій VII согласился и приказалъ своему главному повару исполнить желаніе рыцаря; но въ то же время онъ тайно распорядился, что если рыцарь, увидѣвъ поднятый топоръ, отдернетъ руку, то отрубить ему ее безъ всякой жалости; но если кающійся не дрогнетъ, то объявить ему помилованіе. Гербальдъ не двинулъ ни однимъ мускуломъ, и папа, объявивъ ему, что отнынѣ руки его принадлежатъ Богу, отправилъ его въ Клюни подъ начало святого аббата Гуго; гордый рыцарь мирно окончилъ дни свои смиреннымъ монахомъ. Но очень часто случалось, что эти необузданные люди, лишь только проходилъ первый порывъ раскаянія, снова возвращались къ своимъ старымъ привычкамъ, нарушая этимъ внутренній миръ монастырей и безопасность ихъ сосѣдей [1]).

Въ разношерстныхъ толпахъ, ютившихся подъ монастырскимъ кровомъ, невозможно было соблюдать основной принципъ устава св. Бенедикта—общность имущества.

Григорій Великій, въ бытность свою аббатомъ монастыря св. Андрея, лишилъ послѣдняго напутствія умирающаго брата и продержалъ его душу 60 дней въ чистилищѣ за то, что въ его одеждахъ нашли зашитыми три золотыхъ монеты. Но, несмотря на это, немного позднѣе монахи вѣнскаго монастыря св. Андрея были вынуждены сдѣлать постановленіе, въ силу котораго всякій монахъ, пойманный въ кражѣ одежды въ спальнѣ или чашъ и блюдъ въ трапезной, изгонялся изъ монастыря какъ святотатецъ и воръ, причемъ было постановлено—въ случаѣ продолженія подобныхъ кражъ, просить вмѣшательства епископа. Въ С.-Троицкомъ аббатствѣ около 1200 г. у каждаго монаха былъ въ стѣнѣ сзади его мѣста въ трапезной особый шкапчикъ, запиравшійся на ключъ, куда онъ по окончаніи ѣды пряталъ салфетку, ложку, чашку и тарелку, чтобы они не попали въ руки его сотрапезниковъ. Въ спальнѣ было еще хуже. Кто могъ завести себѣ сундукъ, тотъ каждое утро, вставая съ постели, запиралъ въ него ночное бѣлье; тѣ же, у кого не было сундуковъ, постоянно жаловались на кражу бѣлья [2]).

Печальная слава монаховъ омрачалась еще болѣе благодаря огромному числу gyrovagi, sarabaitae и stertzer, бородатыхъ и постриженныхъ бродягъ и нищихъ, которые подъ прикрытіемъ монашеской рясы проникали во всѣ углы христіанскаго міра,

---

[1]) Caesar. Heisterb., «Dial. Mirac.», dist. I. cap. 3, 24, 31.—Concil. Palentin. ann. 1129, cap. XII (Hard. VI, II, 2051).—«Hist. Monast. Andaginens.», cap. 34.

[2]) Gregor. PP. I, «Dialog.», IV, 55.—D'Achery, «Spicileg.», III, 382.—«Chron. S. Trudon.», lib. VI.

Библиотека "Руниверс"

питаясь милостыней и обманами, торгуя поддѣльными реликвіями и показывая ложныя чудеса. Эта язва появилась въ церкви въ IV вѣкѣ, съ основаніемъ монашества, и продолжала давить ее. Хотя и среди этихъ безпріютныхъ встрѣчались люди святой жизни и безупречной нравственности, но, тѣмъ не менѣе, странствующіе монахи повсемѣстно наводили ужасъ. Часто ловили ихъ на мѣстѣ преступленія и тутъ же безъ всякой жалости творили надъ ними самосудъ. Въ тщетной борьбѣ съ этимъ зломъ Кельнскій соборъ въ началѣ XIII вѣка формально запретилъ давать кровъ какому бы то ни было странствующему монаху на всемъ протяженіи этой огромной провинціи [1]).

Конечно, не было никогда недостатка въ серьезныхъ попыткахъ возстановить падающую дисциплину. Одинъ за другимъ различные монастыри подвергались реформамъ; но вскорѣ развратъ снова свивалъ въ нихъ свое гнѣздо. Немало было положено труда на созданіе новыхъ и болѣе строгихъ уставовъ, каковы, напримѣръ, уставы премонстрантовъ, картезіанцевъ и цистерціанцевъ, цѣль которыхъ—не допускать въ монастыри людей, не имѣющихъ истиннаго призванія; но по мѣрѣ того, какъ росла слава монастыря, щедрость вѣрующихъ наполняла его земными благами, а съ богатствомъ приходило растлѣніе. Бывало иногда и такъ, что скромная пустынь, основанная нѣсколькими отшельниками, все помышленіе которыхъ было направлено лишь къ одному—снискать вѣчное блаженство, убить грѣшную плоть, уйти отъ мірскихъ соблазновъ,—становилась обладательницей святыхъ мощей, чудодѣйственная сила которыхъ привлекала въ пустынь толпы богомольцевъ и недужныхъ, ищущихъ исцѣленія. Начинали притекать приношенія, и тихая обитель смиренныхъ отшельниковъ превращалась въ разукрашенный монастырь; суровые подвиги основателей отходили тогда въ область преданія, и монастырь наполнялся толпою монаховъ, помышлявшихъ не о спасеніи души, а о веселой жизни, монаховъ, нерадивыхъ къ добру и готовыхъ на всякое зло.

Уединенно жили мудрые основатели знаменитаго Граммонскаго пріорства, пока оно не стало во главѣ могущественнаго ордена. Когда основатель и первый пріоръ, святой Стефанъ Тьернскій, умершій въ 1124 г., началъ проявлять чудеса, исцѣливъ разбитаго параличомъ рыцаря и давъ зрѣніе слѣпому, то его простые сердцемъ сподвижники испугались, что монастырь сдѣлается богатымъ и получитъ всемірную извѣстность. Преемникъ св. Стефана, Петръ Лиможскій, предсталъ предъ его гробницей и обратился къ святому со слѣдующими, полными упрековъ, словами: «О, служитель Бога! ты указалъ намъ путь бѣдности и всегда старался вести насъ по немъ. Теперь ты хочешь совратить насъ съ прямого и узкаго пути, ведущаго къ вѣчному спасенію, на широкую дорогу, ведущую къ вѣчной гибели. Ты проповѣдывалъ уединеніе, а теперь хочешь превратить нашу пустынь въ мѣсто базара и торга. Мы уже достаточно вѣримъ въ твою святость, она не нуждается въ подтвержденіи. Перестань проявлять чудеса, ибо этимъ ты лишишь насъ смиренномудрія. Не ищи себѣ славы цѣною нашего спасенія; мы требуемъ этого отъ тебя, мы ожидаемъ этого отъ твоей любви къ намъ. Если же ты будешь поступать иначе, то мы объявляемъ тебѣ во имя даннаго нами тебѣ обѣта послушанія, что мы выроемъ твои кости и бросимъ ихъ въ рѣку». Это обращеніе, одновременно и молитвенное и угрожающее, оказало желанное дѣйствіе, и святой Стефанъ не творилъ болѣе чудесъ до своей канонизаціи, послѣдовавшей въ 1189 г. и совершенной пріоромъ Жираромъ съ благословенія папы

[1]) Augustin. «De Op. Monachor.», II, 3.—Cassiani. «De Coenob. Instit.», II, 3.—Hieron. «Epist.». XXXIX, CXXV, 16.—Regul. S. Benedicti, cap. 1.—S. Isidori Hispal. «De Eccles. Offic.», II, XVI, 3, 7.—Ludov. Pii, «De Reform. Eccles.» cap. 100.—Smaragd. «Comment. in Regulam S. Benedicti». cap. 1.—Rippol, «Bull. Ord. FF. Pradic.». I. 38.—Caesar. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. VI, cap. 20.—Catalog. Varior. Haereticor. («Bibl. Max. Patrum», изд. 1618, т. XIII стр. 309).

Библиотека "Руниверс"

Климента III; изъ того факта, что Жираръ былъ назначенъ лично папою, устранившимъ двухъ другихъ соискателей, послѣ того какъ ихъ раздоры почти совершенно разорили монастырь, мы видимъ, что страсти и мірское честолюбіе проникли уже въ ограду святой Граммонской обители и проявленіе ихъ въ ней сказалось такъ же печально, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ [1]).

Въ виду полной безуспѣшности отдѣльныхъ усилій произвести реформу монашескихъ орденовъ, нѣтъ особой надобности приводить подлинное свидѣтельство преподобнаго Гильберта, аббата Жамблу, который въ 1190 г. со стыдомъ признается, что монашество—позоръ и язва, предметъ непристойныхъ насмѣшекъ и горькихъ упрековъ въ устахъ всѣхъ христіанъ [2]).

Подъ руками подобныхъ священниковъ и монаховъ религія, само собою разумѣется, стала совершенно отличной отъ той, которую намъ завѣщали Іисусъ Христосъ и апостолъ Павелъ. Разсмотрѣніе догматовъ не входитъ въ планъ моего изслѣдованія, но здѣсь необходимо вкратцѣ указать нѣкоторыя измѣненія въ вѣрованіяхъ и обрядахъ, чтобы лучше понять отношенія между духовенствомъ и народомъ и выяснить причины религіозныхъ броженій XII и XIII вѣковъ.

Догматъ оправданія посредствомъ добрыхъ дѣлъ,—догматъ, которому Церковь въ значительной степени обязана своимъ могуществомъ и богатствомъ, по мѣрѣ своего развитія лишилъ религію ея духовной жизненной силы, замѣнивъ существенное въ ней сухимъ и бездушнымъ формализмомъ. Это не значитъ, что люди стали индифферентно относиться къ вопросу о будущей судьбѣ ихъ душъ; совершенно напротивъ: ни въ одну еще эпоху, быть-можетъ, ужасы ада, блаженство рая, постоянныя козни діавола не занимали такъ умы людей среди заботъ повседневной жизни. Но религія во многихъ отношеніяхъ превратилась въ грубый фетишизмъ. Ученые богословы поучали еще, что добрыя дѣла и подвиги благочестія могутъ имѣть значеніе тогда только, когда они сопровождаются обращеніемъ сердца къ добру, раскаяніемъ, искреннимъ желаніемъ пойти по стопамъ Христа и повести лучшую жизнь; но въ эпоху столь грубую и при нравахъ столь дикихъ гораздо легче было безпокойному грѣшнику вѣрить, что отпущеніе грѣховъ можно заслужить повтореніемъ извѣстное число разъ «Отче Нашъ» и «Богородица», соединенныхъ съ магическимъ таинствомъ покаянія. Мало того, если самъ кающійся не хотѣлъ лично заниматься этимъ, то онъ могъ поручить это одному изъ своихъ друзей или близкихъ, и заслуги, пріобрѣтенныя послѣднимъ, переносились на него. Когда на страстной недѣлѣ цѣлая толпа молящихся сходилась исповѣдывалась и оптомъ получала отпущеніе грѣховъ (продѣлывать это нерадивые и лѣнивые священники не считали за грѣхъ), то таинство покаянія превращалось въ какое-то шаманское чародѣйство, при которомъ нисколько не заботились о состояніи души человѣка [3]).

Болѣе еще выгоднымъ для Церкви и столь же гибельнымъ по своему вліянію на вѣру и нравственность было сильно въ то время распространенное вѣрованіе, что щедрыя пожертвованія послѣ смерти на сооруженіе монастырей или на украшеніе храмовъ могли загладить жестокости и грабежи всей долгой жизни грѣшника; таково же было вѣро-

[1]) Trevis. Hist. Prior. Grandimont.—Stephani Tornacensis «Epist.» 115, 152, 153, 156, 162.—Въ подтвержденіе того, что опасенія пріора были вполнѣ основательны, и что монастыри, дѣйствительно, часто напоминали собою ярмарки и базары, можно вспомнить сѣтованія собора 1233 г. въ Безье. Многіе монастыри занимались у себя розничной продажей вина изъ своихъ виноградниковъ и для привлеченія покупателей приглашали жонглеровъ, актеровъ и публичныхъ женщинъ.—Concil. Biterrens. ann. 1233, c. 23.

[2]) Gilberti Gemblac. «Epist.» V, VI.

[3]) Petri Exoniens. «Summa exigendi confess.» ann. 1287 (Harduin., VII, 1128). - Caesar. Heisterb. «Dial. Mirac.», dist. III, cap. 45.—Martène, «Ampliss. Coll.» I, 857.

Библиотека "Руниверс"

ваніе, что служба въ теченіе нѣсколькихъ недѣль противъ враговъ папы заглаживала всѣ грѣхи того, кто поднималъ крестъ на истребленіе своихъ же братьевъ христіанъ. Обычай давать индульгенціи, давать разрѣшеніе грѣховъ или, вѣрнѣе, злоупотребленіе имъ—предметъ, заслуживающій подробнаго изученія; здѣсь же мы ограничимся лишь бѣглымъ обзоромъ въ виду того, что намъ придется говорить объ этомъ еще въ дальнѣйшемъ изложеніи [1]).

Въ началѣ индульгенція была лишь выкупомъ епитиміи, была замѣною какимъ-либо богоугоднымъ дѣломъ (напримѣръ, щедрыми вкладами въ церковь) длинныхъ годовъ покаянія, которые кающіеся налагали на себя, чтобы искупить каждое отдѣльное прегрѣшеніе. Въ сущности, Гвидо, архіепископъ миланскій, прибѣгъ къ помощи индульгенціи уже въ 1059 г., когда онъ, чтобы искупить свое возмущеніе противъ святого престола, наложилъ на себя епитимію на сто лѣтъ и откупился отъ нея, замѣнивъ ее ежегоднымъ платежомъ извѣстной суммы. Полная индульгенція, т.-е. отпущеніе всѣхъ грѣховъ, имѣетъ своимъ прототипомъ обѣщаніе, данное Урбаномъ II на Клермонскомъ соборѣ въ 1095 г.; чтобы поднять христіанскій міръ на первый крестовый походъ, онъ объявилъ, что вооруженное паломничество въ Святую Землю замѣнитъ епитимію за всѣ тѣ грѣхи, въ которыхъ паломники исповѣдаются и раскаются. Алчность, съ которою было принято это предложеніе папы, показываетъ, какъ дорого цѣнили возможность освободиться отъ страха передъ адомъ, не омрачая въ то же время всей своей жизни строгостью покаянія. Простота этихъ формулъ исчезла въ XII вѣкѣ,—въ эпоху, когда схоластики выработали сакраментальную теорію, и когда вѣра въ чистилище стала всеобщей. Въ прощеніи грѣха различали отпущеніе вины (culpa) и отпущеніе наказанія (poena); разрѣшеніе, данное священникомъ, доставляло первое и спасало отъ мукъ ада, тогда какъ подвигъ покаянія или замѣна его индульгенціей доставляли второе и изводили душу изъ чистилища. Наконецъ, являются умозрѣнія Александра Гальскаго, принятыя Альбертомъ Великимъ и святымъ Ѳомою Аквинатомъ; согласно этому ученію, источникомъ индульгенцій является сокровищница заслугъ Іисуса Христа и его святыхъ, которыя Церковь могла принести Богу взамѣнъ покаянія, требуемаго отъ грѣшника; полное отпущеніе грѣховъ, т. е. полная индульгенція, содержитъ въ себѣ довольно значительную долю этихъ заслугъ, достаточную для того, чтобы освободить отъ наказанія за грѣхъ, снять p o e n a; частичное отпущеніе грѣховъ, частичная индульгенція, точно опредѣляетъ число дней или лѣтъ и то покаяніе, замѣной котораго она является. Дальнѣйшее развитіе этой теоріи гласило, что, черпая изъ этой сокровищницы, можно было ходатайствовать за души, томящіяся въ чистилищѣ, и переводить ихъ, такимъ образомъ, въ рай. Ученіе это долгое время вызывало споры въ школахъ, пока Сикстъ IV въ 1476 г. не примѣнилъ его впервые на практикѣ; послѣ нѣкоторыхъ размышленій оно вскорѣ было принято всѣми богословами. Слѣдствіемъ этого явилось существенное измѣненіе, касающееся права давать индульгенціи. Пока онѣ были простымъ выкупомъ покаянія, разрѣшалось всякому священнику давать ихъ кающимся у него; епископы и даже аббаты могли выпускать общія индульгенціи, обращавшіяся по ихъ провинціямъ. Латеранскій соборъ 1216 г. попытался положить предѣлъ все учащавшимся злоупотребленіямъ, совершенно лишивъ аббатовъ права выпускать индульгенціи и сокративъ въ этомъ отношеніи права епископовъ, которые отнынѣ могли давать индульгенціи на одинъ годъ только во время освященія церквей; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ максимальный срокъ для выпускаемыхъ ими индульгенцій опредѣлялся въ 40 дней. Но, когда индульгенція превратилась въ плату Богу, взятую изъ неисчерпаемой сокровищницы заслугъ Іисуса Христа, то рѣшили, что эта сокровищница нуждается въ особомъ казначеѣ, какимъ естественно явился папа. Такимъ образомъ,

[1]) См. Lea, «A history of confession and indulgences», 3 т. Лондонъ, 1896.

Библиотека "Руниверс"

онъ сталъ единственнымъ раздавателемъ индульгенцій, что значительно увеличило его авторитетъ и низвело епископовъ на положеніе его довѣренныхъ. Съ мірской точки зрѣнія значеніе этого факта для папства было еще крупнѣе: теперь стало легче поднимать войска на истребленіе своихъ враговъ и на расширеніе своихъ владѣній, такъ какъ огромныя тысячи воиновъ стекались подъ знамена папы, чтобы получить за участіе въ крестовомъ походѣ полное отпущеніе грѣховъ [1]).

Кромѣ того, подъ знамена папы привлекало всѣхъ то обстоятельство, что крестоносцы ipso facto освобождались отъ подсудности свѣтскимъ судамъ и наравнѣ съ лицами духовнаго званія суд лись только судомъ духовнымъ. Когда возбуждалось обвиненіе противъ крестоносца, духовный судья, подъ угрозой отлученія отъ церкви, вырывалъ его изъ рукъ свѣтскаго суда, и если онъ уличался въ какомъ-либо очень крупномъ преступленіи, какъ, напр., въ убійствѣ, то ограничивались тѣмъ, что отъ него отбирали крестъ и судили его такъ же снисходительно, какъ судили духовныхъ. Въ концѣ концовъ, это новое злоупотребленіе было признано свѣтскимъ судопроизводствомъ. Понятно, какъ притягательно дѣйствовала эта привилегія на безчестныхъ искателей приключеній, которыхъ было такъ много въ рядахъ папскихъ армій. Когда въ 1246 г. французскіе крестоносцы совершили цѣлый рядъ кражъ, изнасилованій и убійствъ, Людовикъ Святой былъ вынужденъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Иннокентія IV, и папа въ отвѣтъ написалъ своему легату, что нечего защищать подобныхъ негодяевъ [2]).

Еще болѣе щедрыми бывали обѣщанія папъ, когда затрагивались ихъ личное честолюбіе и ихъ личные интересы. Иннокентій IV, проповѣдуя послѣ смерти Фридриха I крестовый походъ противъ императора Конрада IV, обѣщалъ всѣмъ участникамъ похода болѣе широкое отпущеніе грѣховъ, чѣмъ то, которое давалось за походъ въ Святую Землю, и объявилъ, что божественная индульгенція будетъ распространяться также и на отца и мать крестоносца. Если же крестоносецъ не хотѣлъ или не могъ почему-либо исполнить даннаго имъ обѣта, онъ могъ откупиться, уплативъ извѣстную сумму, сообразно съ положеніемъ своимъ въ арміи. Такимъ путемъ римская курія получила не мало денегъ, которыя, какъ, по крайней мѣрѣ, говорили, предназначались на пользу святого дѣла.

Эта выгодная система, развиваясь постепенно все шире, стала, наконецъ, примѣняться и въ самыхъ незначительныхъ ссорахъ, которыя возбуждались папами какъ хозяевами Папской области. Если папа Александръ IV съ успѣхомъ примѣнилъ ее противъ Эччелино да Романо, то въ слѣдующемъ столѣтіи папа Іоаннъ XXII прибѣгъ къ ней не только при объявленіи войны такимъ грознымъ противникамъ, какъ Маттео Висконти и маркизъ Монтефельтре, но даже и для подавленія возстаній въ маленькихъ мѣстечкахъ, въ родѣ Осимо и Реканати въ Анконской маркѣ, или для усмиренія народа даже въ самомъ Римѣ. Остроумная система, заключавшаяся въ томъ, что отпущеніе грѣховъ давалось тѣмъ, кто поступалъ въ ряды арміи крестоносцевъ, которые затѣмъ освобождались за деньги отъ службы, въ концѣ концовъ, показалась черезчуръ сложной, и пріобрѣтеніе вѣчнаго спасенія было упрощено: оно стало прямо продаваться за деньги всѣмъ желающимъ. Такимъ путемъ папа Іоаннъ открылъ вѣрный источникъ для пріобрѣтенія средствъ на издержки по своимъ частнымъ войнамъ, продавая вѣрующимъ блаженства загробнаго міра, причемъ, чтобы вѣрующимъ было легче придти на помощь Церкви и спасти свою душу, онъ приказалъ еписко-

---

[1]) P. «Damiani Opusc.» V.—Concil. Clarom. ann. 1095, cap. 2.—Alex. de Ales. «Summae» P. IV, q. XXII, m. 1, art. 1, 2; m. 5, 6.—Albert. M. «in IV Sent.» dist. XX, art. 16.—S. Thom. Aquin. «in IV Sent.» dist. XX, q. III; dist. XLV, q. II ad 3; «Epist. Quodl.» II, art. 16.—Lea. «History of auricular confession and indulgences», III, 345 и слѣд.—Conc. Lateran. IV, cap. 60, 62.—Cap. 12, extra lib. V, tit. XXXI.

[2]) Concil. Turon. ann. 1236, c. 1.—Établiss. de Saint Louis, I, 51.—Berger, «Reg. d'Innocent IV», № 2230.

Библиотека "Руниверс"

памъ устроить повсюду филіальныя отдѣленія по продажѣ индульгенцій. Съ грустью смотрѣли епископы, какъ денежки ихъ прихожанъ пропадали въ бездонномъ карманѣ намѣстника Петра, но тщетно пытались они мѣшать этому: они уже не были болѣе независимыми, и слабыя баррикады, возводимыя ими, разлетались какъ дымъ [1]).

Еще бо̀льшимъ зломъ была разсылка по городамъ и весямъ особыхъ продавцовъ индульгенцій, quaestuarii. Иногда они носили съ собой мощи, данныя имъ за деньги на прокатъ какой-либо церковью или какимъ-либо богоугоднымъ заведеніемъ, но чаще вся ихъ поклажа состояла изъ папскихъ или епископскихъ граматъ, уполномочивающихъ ихъ за опредѣленную сумму давать отпущеніе грѣховъ. И хотя эти граматы были составлены умно и ловко, но, тѣмъ не менѣе, ихъ можно было толковать по усмотрѣнію, и продавцы считали себя въ правѣ не только обѣщать вѣчное блаженство живымъ, но и давать освобожденіе осужденнымъ, уже томящимся въ преисподней. И все это можно было купить за нѣсколько грошей. Уже въ 1215 г. Латеранскій соборъ горячо возстаетъ противъ подобныхъ пріемовъ и запрещаетъ брать мощи изъ церквей; но злоупотребленіе было настолько прибыльно, что трудно было его искоренить. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, папы и епископы непрестанно раздавали подобныя граматы, и торговля индульгенціями приняла профессіональный характеръ, причемъ, естественно, лучше торговали люди болѣе наглые. Мы вполнѣ вѣримъ псевдо-Петру Пилихдорфскому, что «безразсудное», но выгодное дѣло раздаванія индульгенцій всѣмъ безъ разбора подрывало у большинства католиковъ вѣру даже въ Церковь. Въ 1261 г. Майнцскій соборъ не могъ найти достаточно энергичныхъ выраженій, чтобы охарактеризовать вредъ, наносимый продавцами индульгенцій, которые своими мошенническими продѣлками вызываютъ къ себѣ всеобщую ненависть, которые тратятъ вырученныя ими деньги на грязные кутежи, которые обманываютъ вѣрныхъ, а послѣдніе, подъ предлогомъ, что купили себѣ отпущеніе грѣховъ, пренебрегаютъ исповѣдью. Но всѣ эти жалобы были безплодны, и злоупотребленіе продолжалось безпрепятственно, пока взрывъ всеобщаго негодованія не нашелъ себѣ горячаго выразителя въ лицѣ Лютера.

Соборы, слѣдовавшіе за Майнцскимъ, не менѣе энергично отзывались объ обманахъ и подлогахъ этихъ бродячихъ раздавателей вѣчнаго блаженства, которые продолжали блестяще торговать до самой эпохи Реформаціи. Тассони прекрасно выразилъ народное убѣжденіе, что торговля индульгенціями была вѣрнымъ источникомъ доходовъ Церкви на ея расходы по выполненію ея мірскихъ замысловъ:

Le cose della guerra andavan zoppe;
I Bolognesi richiedean danari
Al Papa, ad egli rispondeva coppe,
E mandava indulgenze per gli altari [2]).

Продажа индульгенцій прекрасно характеризуетъ ту отличительную черту религіи среднихъ вѣковъ, которую можно назвать жречествомъ. Вѣрующій не имѣлъ никогда прямыхъ сношеній со своимъ Создателемъ и рѣдко имѣлъ ихъ со Св. Дѣвой Маріей и со святыми предстателями предъ престоломъ Бога. Необходимымъ посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ являлся священникъ, который выставлялъ себя одареннымъ особой сверхъ-

[1]) Matt. Paris. «Hist. Angl.» ann. 1251 (стр. 553, изд. 1644).—«Chron. Turon.» ann. 1226.—Joannis PP. XXII, «Regest.» IV, 73, 74, 76, 77, 95, 97, 99.—Baluze et Mansi, «Miscell.» III, 242.—Concil. Ravennat. ann. 1314. c. 20.

[2]) Concil. Lateran IV, c. 62.—P. de Pilichdorf, «Contra Waldenses», cap. XXX.—Concil. Biterens. ann. 1246, c. 5.—Concil. Cenomanens. ann. 1248.—Concil. Burdegalens. ann. 1255, c. 2.—Concil. Vienn. ann. 1311 (Clementin. lib. V, tit. IX, c. 2).—Concil. Remens. ann. 1303.—Concil. Carnotens. ann. 1325, c. 18.—Martène, «Thesaur.», IV, 858.—Martène, «Ampliss. Coll.», VII, 197 и слѣд.—Concil. Moguntin. ann. 1261, c. 48.—Tassoni, «La Secchia Rapita», XII, 1.

Библиотека "Руниверс"

естественной силой; давая причастіе или отказывая въ немъ, онъ могъ рѣшать судьбу душъ; отслуживъ обѣдню, онъ могъ уменьшить или сократить томленіе души въ чистилищѣ; его рѣшенія въ исповѣдальной будкѣ опредѣляли даже истинную тяжесть грѣха. Средства, которыя давали ему господство надъ массой,—причастіе, мощи, святая вода, святое миро, молитва и заклинаніе бѣсовъ — превратились въ своего рода кумиры, одаренные особой силой, которая не зависѣла ни отъ нравственнаго и духовнаго состоянія тѣхъ, кто предлагалъ ихъ, ни отъ поведенія тѣхъ, кому они предлагались. Въ глазахъ толпы обряды религіи были просто какими-то магическими формулами, которыя какой-то таинственной силой служили духовнымъ или тѣлеснымъ нуждамъ тѣхъ, для кого онѣ совершались.

Тысячи разсказовъ и случаевъ изъ этой эпохи показываютъ, какіе глубокіе корни пустилъ разсматриваемый нами фетишизмъ въ умахъ массы благодаря старанію тѣхъ, кому это было выгодно. Авторъ одной хроники XII вѣка съ благоговѣніемъ разсказываетъ намъ, какъ въ 887 г., когда переносили въ Оксеръ мощи св. Мартина Турскаго, чтобы спасти ихъ отъ норманновъ, двое калѣкъ изъ Туреня, добывавшіе хорошія средства милостыней, рѣшили, какъ можно скорѣе, удалиться, боясь, чтобы мощи святого не исцѣлили ихъ и не лишили сладкаго куска хлѣба. Къ несчастью, они передвигались крайне медленно, такъ что мощи прибыли въ Турень раньше, чѣмъ они вышли за предѣлы провинціи, и, къ прискорбію своему, они были исцѣлены.

Горячность, съ которой князья и государства спорили за обладаніе чудодѣйственными мощами, насилія и обманы, къ которымъ прибѣгали, чтобы достать себѣ новыя мощи или удержать уже имѣвшіяся, составляютъ интересную страницу исторіи человѣческаго легковѣрія и показываютъ, насколько сильна была вѣра, что въ мощахъ сама по себѣ заключается чудодѣйственная сила, независимо ни отъ преступленій, которыми обусловлено обладаніе ими, ни отъ направленія ума ихъ владѣльцевъ.

Такъ, напр., въ томъ случаѣ, о которомъ мы только-что упоминали, Ингельгеръ Анжуйскій былъ вынужденъ, испытавъ всѣ мирныя средства, требовать отъ оксерцевъ выдачи останковъ св. Мартина вооруженною силою. Въ 1117 г. мы видимъ, какъ нѣкій Мартинъ, каноникъ церкви Боминьи въ Бретани выкралъ мощи св. Петрока изъ своей собственной церкви и передалъ ихъ въ С.-Мевеннское аббатство, которое вернуло ихъ только послѣ вмѣшательства въ это дѣло Генриха II. Два года спустя послѣ взятія Константинополя въ 1206 г. венеціанскіе дожи ворвались въ соборъ св. Софіи и украли оттуда изображеніе Св. Дѣвы, писанное по преданію евангелистомъ Лукою; несмотря на отлученіе отъ церкви и запрещеніе, произнесенное патріархомъ и скрѣпленное папскимъ легатомъ, они не выдали святой иконы. Одинъ гронингенскій купецъ, во время одной изъ своихъ торговыхъ поѣздокъ, пожелалъ получить руку святого Іоанна Крестителя, хранившуюся въ одной больницѣ, и онъ получилъ желаемое, подкупивъ любовницу сторожа, которая заставила своего возлюбленнаго выкрасть святую руку. По возвращеніи на родину, купецъ построилъ домъ и задѣлалъ святыню въ одинъ изъ столбовъ. Подъ святымъ ея покровомъ дѣла его пошли блестяще, и онъ въ скоромъ времени страшно разбогатѣлъ. Но однажды въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, всѣ бросились защищать свои дома, одинъ только нашъ купецъ остался спокоенъ, говоря, что его домъ имѣетъ надежную охрану. Дѣйствительно домъ не сгорѣлъ, но любопытство жителей было настолько возбуждено, что купецъ былъ вынужденъ признаться, какой чудодѣйственной силой сохраненъ его домъ. Тогда народъ силой отобралъ руку святого и перенесъ ее въ церковь, гдѣ она проявила много чудесъ; купецъ же совершенно разорился. Подобныя суевѣрія были грубѣе суевѣрій римлянъ, которые, осаждая какой-нибудь городъ, вызывали въ свой лагерь его бога-покровителя. Съ другой стороны, вошедшее въ всеобщее употребленіе ношеніе при себѣ амулетовъ и святыхъ предметовъ вполнѣ тожественно съ подобнымъ же явленіемъ у язычниковъ. Даже иконы и изображенія святыхъ и мучениковъ обладали таинственной силой; достаточно было, какъ

Библиотека "Руниверс"

говорили, взглянуть на образъ святого Христофора, чтобы въ этотъ день не захворать и не умереть внезапною смертью:

Christophori sancti speciem quicumque tuetur,
Illo namque die nullo languore tenetur.

Чтобы предохранить населеніе отъ болѣзней, часто рисовали на наружныхъ стѣнахъ церквей огромное изображеніе святого. Обычай рѣшать жребіемъ, какого святого избрать себѣ покровителемъ, совершавшійся торжественно предъ алтаремъ, представляетъ другое проявленіе слѣпого суевѣрія той эпохи [1]).

Святые Дары пользовались особенно сильнымъ уваженіемъ. Во время гоненія еретиковъ, поднятаго въ 1233 г. въ рейнскихъ провинціяхъ инквизиторомъ Конрадомъ Марбургскимъ, одинъ осужденный, несмотря на всѣ старанія палачей, упорно не загорался, пока одинъ догадливый священникъ не положилъ на дрова Святыхъ Даровъ. Ясно, что чары, охранявшія еретика, были разрушены болѣе сильными, но враждебными ему чарами, такъ какъ онъ тотчасъ же обратился въ пепелъ.

У этихъ же самыхъ еретиковъ былъ образъ сатаны, который давалъ предсказанія; однажды въ комнату вошелъ священникъ и вынулъ изъ-подъ рясы дарохранницу; тотчасъ же сатана призналъ себя побѣжденнымъ и упалъ на землю. Немного позднѣе къ этому же средству прибѣгъ святой Петръ Мученикъ, чтобы обличить обманъ одного миланскаго еретика; по вызову этого человѣка въ одной иновѣрческой моленной являлся чортъ въ видѣ Святой Дѣвы въ сіяніи и съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Это явленіе, сильно споспѣшествовавшее ереси, оставалось неоспоримымъ, пока святой Петръ не положилъ ему предѣла, явившись передъ чортомъ со Святыми Дарами. «Если—сказалъ онъ—ты дѣйствительно Мать Господа, то поклонись святому тѣлу Его». Въ одно мгновеніе ока чортъ исчезъ, оставивъ по себѣ невыносимый запахъ.

Освященный хлѣбъ имѣлъ въ глазахъ народа особую чудодѣйственную силу; много передавалось разсказовъ о томъ, какъ тяжело были наказаны желавшіе сдѣлать изъ него святотатственное употребленіе. Одинъ священникъ, чтобы покорить сердце добродѣтельной женщины, въ которую онъ былъ влюбленъ, сохранилъ у себя во рту облатку; онъ былъ наказанъ страшной галлюцинаціей: ему стало казаться, что онъ распухъ такъ, что не можетъ пройти въ дверь; а когда онъ зарылъ святую облатку у себя въ саду, то изъ нея выросло небольшое растеніе, причемъ къ кресту былъ пригвожденъ человѣкъ, изъ котораго сочилась кровь. Одна женщина сохранила облатку, которую она должна была проглотить, и положила ее въ улей, чтобы остановить появившуюся среди ея пчелъ эпидемію; тотчасъ же благочестивыя насѣкомыя выстроили вокругъ улья цѣлую часовню со стѣнами, окнами, крышей и колокольней, а внутри ея воздвигли алтарь, на который благоговѣйно положили облатку. Другая женщина, чтобы спасти свою капусту отъ гусеницъ истолкла облатку въ мельчайшія крошки и посыпала ими капусту, и се тотчасъ же разбилъ неизлѣчимый параличъ. Само собой разумѣется, Церковь косо смотрѣла на подобное идолопоклонство; но оно было прямымъ послѣдствіемъ католическаго ученія. Особую силу приписывали и той водѣ, въ которой священникъ вымылъ свои руки послѣ прикосновенія къ Святымъ Дарамъ; этой водѣ приписывали сверхъестественную силу, но ею запрещали пользоваться, какъ связанной съ колдовствомъ [2]).

---

[1]) Gesta Consulum Andegavens. III, 23.—Roger. Hoveden. ann. 1177.—Innocent. PP. III, «Regest.», IX, 243.—Caesar. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. VIII, c. 53. Muratori «Antiq. Med. Aevi» dissert. LVIII.—Anon. Passaviens. «adv. Waldenses», cap. 5 (Mag. Bib. Pat., XIII, 361).

[2]) Hartzheim. «Concil. German.», III, 543.—Campana. «Storia di S. Pietro Martire», lib. II, cap. 3.—Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. IX, cap. 6, 8, 24, 25.

Библиотека "Руниверс"

Сила этихъ магическихъ формулъ, опять повторяю, отнюдь не вытекала изъ набожности тѣхъ, кто къ нимъ прибѣгалъ. Въ доказательство могущества святого Ѳомы Кентерберійскаго приводится разсказъ объ одной дамѣ, которая при всякомъ случаѣ призывала его имя и даже выучила свою любимую птицу повторять: «Sancte Thoma, adjuva me!» Однажды соколъ схватилъ и понесъ эту птицу; но только-что проговорила она заученную фразу, какъ соколъ упалъ мертвый, а она невредимо вернулась къ своей госпожѣ.

Употребляя разныя чудодѣйственныя средства, мало думали о ихъ святости: бывали такіе священники, которые служили литургію въ цѣляхъ волхвованія и колдовства; совершая священные обряды, они все время проклинали своихъ враговъ и вѣрили, что это проклятіе, такъ или иначе, вызоветъ гибель помянутаго ими человѣка. Бывали даже случаи, что служили обѣдню для того, чтобы сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ древній способъ насылать порчу; вѣрили, что, если отслужить десять обѣденъ надъ восковымъ изображеніемъ своего врага, то онъ непремѣнно умретъ въ теченіе десяти дней [1]).

Даже самой исповѣдью пользовались какъ магическимъ средствомъ, чтобы помѣшать раскрытію преступленія. Такъ какъ нечистая сила, естественно, знала о всѣхъ совершенныхъ злодѣяніяхъ и могла открыть ихъ устами одержимыхъ ею, то поэтому часто пользовались бѣсноватыми какъ сыщиками для раскрытія виновныхъ. Но если преступникъ съ полнымъ сердечнымъ сокрушеніемъ исповѣдывался въ своемъ преступленіи, то отпущеніе грѣховъ, данное ему священникомъ, совершенно изглаживало его преступленіе изъ памяти нечистой силы. Это вѣрованіе, обычное у обвиняемыхъ, часто руководило ими при дачѣ показаній на судѣ; ибо даже въ томъ случаѣ, если демонъ и раскрылъ преступленіе, виновный могъ немедленно пойти на исповѣдь, а затѣмъ съ увѣренностью предстать предъ судомъ и потребовать новаго разсмотрѣнія дѣла.

Можно бы привести безконечное число подобныхъ примѣровъ, но это только утомитъ читателя. Приведенныхъ мною, я думаю, достаточно, чтобы показать, до какой степени упало въ разсматриваемую нами эпоху христіанство, основанное на язычествѣ и руководимое недостойнымъ духовенствомъ [2]).

Быть-можетъ, меня упрекнутъ, что я сгустилъ краски, рисуя картину взаимныхъ отношеній между духовенствомъ и народомъ. Не всѣ папы, конечно, были такими, какъ Иннокентій IV и Іоаннъ XXII; не всѣ епископы были жестоки и развратны; не всѣ священники видѣли свое назначеніе только въ томъ, чтобы грабить прихожанъ и соблазнять прихожанокъ. Во многихъ епископіяхъ и аббатствахъ и въ тысячахъ приходахъ, безъ сомнѣнія, встрѣчались убѣжденные прелаты и священники, которые искренне стремились исполнять дѣло Божіе и просвѣщать словомъ евангельской истины, насколько это допускалось суевѣріемъ эпохи, погруженныя во тьму души пасомыхъ ими. Но все же зло болѣе бросалось въ глаза, чѣмъ добро; скромные труженики проходили незамѣченными, тогда какъ гордость, жестокость, сладострастіе и жадность другихъ производили глубокое и сильное впечатлѣніе. Людямъ разсматриваемой эпохи, которые относились къ окружающему ихъ критически, и которые были проникнуты болѣе высокими стремленіями, Церковь представлялась такою, какою я нарисовалъ ее; и мы не должны упускать изъ виду картину ея нравственнаго безобразія, если хотимъ понять тѣ движенія, которыя потрясали тогда христіанскій міръ.

Самый достовѣрный свидѣтель положенія Церкви въ XII вѣкѣ, святой Бернаръ, никогда не переставалъ выставлять на показъ повсемѣстно господствовавшіе въ ней пороки. Когда сладострастіе, прелюбодѣяніе и кровосмѣшеніе не возбуждали болѣе приту-

[1]) Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. X, cap. 56.—Wibaldi Abbat. Corbeiens. «Epist.», 157.—P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 29.

[2]) Caesar. Heisterbac. «Dial. Mirac.», dist. III, cap. 2, 3, 6; dist. V, cap. 3.

Библиотека "Руниверс"

пившагося чувства, то спускались еще ниже по пути разврата. «Напрасно—говоритъ святой Бернаръ—были уничтожены небеснымъ огнемъ города долины; врагъ рода человѣческаго повсюду разнесъ ихъ остатки, и ихъ проклятый пепелъ заразилъ церковь. Церковь бѣдна, ограблена и несчастна, всѣ ею пренебрегаютъ, и она какъ бы обезкровлена. Ея дѣти думаютъ не о томъ, чтобы одѣть ее, а лишь о томъ, какъ бы ограбить ее; они не поддерживаютъ ея, а разоряютъ; не поднимаютъ, а унижаютъ; не питаютъ стада, а душатъ и поѣдаютъ его; устанавливаютъ таксу за грѣхи и не думаютъ о грѣшникѣ. На кого изъ епископовъ—восклицаетъ онъ—укажете вы мнѣ, который не предпочиталъ бы очищенію кармановъ своихъ духовныхъ овецъ исцѣленію ихъ отъ пороковъ?» Тѣ же жалобы слышимъ мы и отъ современника святого Бернара, Пото Прюмскаго. «Церковь—пишетъ онъ въ 1152 г.—быстро идетъ къ паденію, и ни одна рука не поднимается, чтобы поддержать ее; нѣтъ ни одного священника, достойнаго стать посредникомъ между Богомъ и людьми и приблизиться къ престолу Всевышняго съ мольбой о ниспосланіи небесной благодати» [1]).

Папскій легатъ, кардиналъ Генрихъ Альбанскій, не менѣе энергично выражается въ своей энцикликѣ къ папскимъ прелатамъ отъ 1188 г. Торжество князя мрака приближается; духовенство развратно, сладострастно, чревоугодливо; священники набираютъ бенефиціи, ходятъ на охоту, выхаживаютъ соколовъ, играютъ, торгуютъ, враждуютъ другъ съ другомъ и, что хуже всего, служатъ примѣромъ невоздержности, прогнѣвляя тѣмъ Бога и соблазняя народъ.

Около этого же времени Петръ Канторъ рисуетъ Церковь какъ «по уши погрязшую въ мірскихъ скверныхъ»; по жадности своихъ служителей, по ихъ небрежности къ своимъ обязанностямъ она хуже общества мірянъ, и это грозитъ ей страшной опасностью. Въ томъ же духѣ выражается и Гильберъ Жанблу. Большинство прелатовъ достигаетъ власти не по избранію, а по подкупу и расположенію князей; они вступаютъ въ Церковь не за тѣмъ, чтобы кормить другихъ, а чтобы кормиться самимъ; не за тѣмъ, чтобы служить другимъ, а чтобы пользоваться самимъ услугами другихъ; не за тѣмъ, чтобы сѣять, а чтобы жать; не за тѣмъ, чтобы работать, а чтобы сидѣть сложа руки; не за тѣмъ, чтобы охранять овецъ отъ волковъ, а чтобы самимъ пожирать ихъ съ жестокостью бо́льшей, чѣмъ волчья. — Св. Гильдегардъ въ своихъ пророчествахъ противопоставляетъ мірянъ и духовенство: «Прелаты—пишетъ онъ—грабятъ церкви; ихъ алчность поглощаетъ все, до чего они прикасаются. Ихъ притѣсненія доводятъ насъ до нищеты и, унижая ихъ, унижаютъ насъ... Прилично ли, что люди, носящіе тонзуру, командуютъ надъ бо́льшимъ числомъ солдатъ и водятъ бо́льшія арміи, чѣмъ міряне?... Сообразно ли съ чѣмъ-нибудь, чтобы духовное лицо было солдатомъ, а солдатъ былъ духовнымъ лицомъ?... Богъ не заповѣдалъ намъ, что одни изъ насъ должны имѣть заразъ и подрясникъ и плащъ, а другіе должны ходить голыми; нѣтъ, Онъ приказалъ, чтобы одни носили подрясникъ, а другіе—плащъ. Оставьте же плащъ мірянамъ, столь необходимый имъ въ міру, а духовенство пусть носитъ подрясникъ, потребный ему по сану» [2]).

Одной изъ главныхъ причинъ созыва Латеранскаго собора 1215 г. было желаніе исправить недостатки духовенства. Было принято очень много каноновъ, направленныхъ къ искорененію главнѣйшихъ злоупотребленій, но постановленія собора остались мертвой буквой: злоупотребленія пустили уже глубокіе корни. Четыре года спустя, папа Гонорій III

[1]) Bernardi «Serm. de Conversione», cap. 19, 20.—Его же. «Serm. 77 in Cantica», cap 1.—Его же, «Serm. 33 in Cantica», cap. 16; «Tract. de moribus et offic. Episc.» cap. VII, № № 25, 27, 28.—«De Consid.», lib. III, cap. 4, 5.—Pothon. Prumiens. «De statu domus Dei», lib. I.

[2]) Cod. Diplom. Viennens., № 163.—P. Cantor, «Verb. abbrev.», cap. 57, 59.—Gulberti Abbat. Gemblacens. «Epist.» 1.—S. Hildegardae, «Revelat. Vis.». X, cap. 16.

Библиотека "Руниверс"

въ энцикликѣ, обращенной ко всѣмъ прелатамъ христіанскаго міра, говоритъ, что онъ до сего времени все ждалъ дѣйствія постановленій собора, но что, по его мнѣнію, зло въ Церкви скорѣе растетъ, чѣмъ уменьшается. «Служители алтаря хуже животныхъ, роющихся въ навозѣ; слава ихъ—въ безчестіи, какъ слава Содома. Они—ловушка и бичъ вѣрныхъ. Многіе прелаты растрачиваютъ данныя имъ на храненіе деньги и разбрасываютъ по публичнымъ мѣстамъ церковныя средства; они даютъ повышенія людямъ недостойнымъ, расточаютъ церковные доходы на людей дурныхъ и превращаютъ церкви въ тайные притоны для своихъ родныхъ. Монахи и монахини нарушаютъ обѣты, разбиваютъ цѣпи и дѣлаются такими же презрѣнными, какъ навозъ. Поэтому-то и процвѣтаетъ ересь. Да опояшется каждый изъ васъ своимъ мечомъ, и да не щадитъ онъ ни брата своего, ни ближайшаго родственника!»

О томъ, какое дѣйствіе оказало это язвительное воззваніе, мы можемъ составить себѣ представленіе по описанію Церкви, сдѣланному въ 1250 г. линкольнскимъ епископомъ Робертомъ Гростестомъ въ присутствіи Иннокентія IV и его кардиналовъ. На подробностяхъ не стоитъ останавливаться, но выводъ тотъ, что духовенство—грязное пятно на землѣ, что это — антихристы и діаволы, надѣвшіе маску ангеловъ свѣта и превращающіе домъ молитвы въ притонъ воровъ. Когда въ 1260 г. пассаускій инквизиторъ старался выяснить причины труднаго искорененія ереси, онъ составилъ длинный списокъ преступленій, обычныхъ среди духовенства,—списокъ, ужасный по мелочи заключающихся въ немъ подробностей. И если его описаніе вѣрно хоть немного, то подобная церковь не могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ одновременно политическимъ, общественнымъ и нравственнымъ бичомъ [1]).

Таковы свидѣтельства духовныхъ лицъ по занимающему насъ вопросу. Чтобы узнать теперь, какими глазами смотрѣли на духовенство міряне, мы прежде всего приведемъ слова Гильома де Пюи-Ларанса: «Я скорѣе пойду въ священники, чѣмъ соглашусь сдѣлать это». Правда, съ такимъ же презрѣніемъ относились, въ свою очередь, и священники къ монахамъ; по словамъ Эмерика, аббата аншенскаго, священникъ никогда не вступалъ въ общеніе съ человѣкомъ, котораго онъ видѣлъ въ черной рясѣ бенедиктинца. Но народъ одинаково презиралъ и священниковъ и монаховъ. Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде прекрасно выражаетъ отношеніе народа ко всѣмъ духовнымъ, начиная отъ папы и кончая приходскимъ священникомъ: «Каѳедра св. Петра переживаетъ теперь такое же время, какъ тогда, когда она была осквернена колдовствомъ Герберта; этотъ послѣдній приготовилъ мѣсто въ аду только для себя одного, а нынѣ правящій папа влачитъ туда за собой и всѣхъ христіанъ. Зачѣмъ медлятъ громы небесные? Доколѣ, Господи, продлится Твое долготерпѣніе? Дѣло Твое обращено въ ничто, слово Твое запрещено, Твой казначей крадетъ Твои небесныя богатства, Твои слуги грабятъ и убиваютъ, и хищный волкъ стережетъ Твое стадо» [2]).

Не менѣе горячія жалобы раздаются и на другомъ концѣ Европы. Вотъ какъ, рядомъ со многими другими, отзывается о высокихъ сановникахъ Церкви, о бѣломъ духовенствѣ и монахахъ трубадуръ Раймонъ де Корне, отвѣчая какъ эхо на жалобы поэта Вальтера: «Я вижу папу, отрѣшившагося отъ всѣхъ своихъ обязанностей: онъ хочетъ разбогатѣть, онъ не заботится о бѣдныхъ, которымъ нѣтъ даже доступа къ нему. Вся цѣль его—

---

[1]) Honor. PP. III, «Epist. ad Archiep. Bituricens. (Martène, «Coll. Ampliss.», I, 1149—1151; «Thesaur. Anecd.», I, 875—877).—Fascic. Rer. Expetend. et Fugiend., II, 251 (изд. 1690 г.).—W. Preger, «Beiträge zur Geschichte der Waldesier», Мюнхенъ, 1875 г., стр. 64—67.

[2]) Guill. Pod. Laurent. «Chron. Proem.».—Narrat. Restaur. Abbat. S. Martini Tornacens., cap. 38.—Panniers, W. von der Vogelweide, «Sämmtliche Gedichte», № 110, стр. 118; ср. № 85, 111—113.

Библиотека "Руниверс"

собрать побольше сокровищъ, заставить другихъ служить себѣ, сидѣть на золототканныхъ матеріяхъ. Для этого онъ пускается въ крупную торговлю. За хорошую сумму наличными деньгами онъ раздаетъ епископскія каѳедры своимъ приближеннымъ и посылаетъ къ намъ сборщиковъ, снабженныхъ открытыми листами на сборъ милостыни, и они продаютъ имъ отпущеніе грѣховъ за мѣру ржи и за деньги... Не выше стоятъ и кардиналы; повсюду говорятъ, что съ утра до ночи ищутъ они, гдѣ бы заключить какую-нибудь грязную сдѣлку. Вамъ угодно епископство, а вамъ аббатство? Такъ несите жъ скорѣе имъ побольше денегъ: они дадутъ вамъ въ обмѣнъ на нихъ или красную шапку, или епископскій посохъ. Если вы не знаете ничего изъ того, что требуется отъ священника, такъ это не бѣда. Знаете ли, не знаете ли, а вы будете получать хорошіе доходы. Но смотрите, не торгуйтесь; платите, не жалѣя денегъ, а то какъ-разъ останетесь съ носомъ... А что дѣлаютъ епископы? Они сдираютъ кожу съ богатыхъ настоятелей своихъ епархій и продаютъ имъ свои граматы, скрѣпленныя печатями. Одному Богу извѣстно, когда они отвыкнутъ отъ этого. Да они дѣлаютъ дѣла и похуже! За деньги они постригаютъ перваго встрѣчнаго и наносятъ, такимъ образомъ, вредъ всѣмъ; не только намъ, приносимымъ въ жертву этому проходимцу, но и свѣтскимъ судамъ, которые теряютъ надъ нимъ всякую власть... Клянусь вамъ, скоро будетъ больше священниковъ и монаховъ, чѣмъ волопасовъ. Всѣ падаютъ и даютъ другимъ дурные примѣры. Эти люди взапуски другъ передъ другомъ торгуютъ таинствами и обѣднями. Исповѣдуя добрыхъ мірянъ, за которыми нѣтъ ни одного грѣха, они налагаютъ на нихъ огромныя епитиміи; и съ миромъ отпускаютъ наложницъ священниковъ... Конечно, если судить по внѣшности, монашескіе обѣты тяжелы и суровы. Но приглядитесь къ нимъ поближе: поистинѣ, монахи живутъ вдвое лучше, чѣмъ жили въ міру подъ родительскимъ кровомъ. Они поступаютъ какъ нищіе, которые, прикрываясь лохмотьями, обманываютъ людей и кормятся за ихъ счетъ. Вотъ почему такъ много бездѣльниковъ и негодяевъ поступаетъ въ монастыри; вчера у нихъ не было куска хлѣба, а завтра ихъ шутовскій нарядъ приноситъ имъ изрядный доходъ, извлекаемый изъ тысячи фокусовъ, скрытыхъ у нихъ въ мѣшкѣ».

Подобная религія неизбѣжно должна была породить ересь, подобное бѣлое и черное духовенство должно было вызвать возстаніе. И можно только удивляться, что оно появилось такъ поздно и не было болѣе общимъ [1]).

ГЛАВА II.

Ересь

Церковь, стоявшая, какъ мы видѣли, такъ далеко отъ своего идеала и такъ небрежно относившаяся къ своимъ обязанностямъ, очутилась почти неожиданно для себя передъ новыми опасностями, грозившими подорвать въ корнѣ все ея могущество. Какъ-

[1]) Raynouard, «Lexique Roman.», I, 464, опубликовалъ это «Gesta» подъ именемъ Петра Кардинала, трубадура начала XIII вѣка. Эта ошибка, основанная на одной изъ двухъ рукописей, въ которыхъ дошло до насъ это произведеніе, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ была исправлена докторомъ Нуле. Авторомъ этого произведенія былъ извѣстный Раймонъ де Корне, жившій въ первой половинѣ XIV вѣка. Отрывокъ изъ этого «Gesta», содержащій именно мѣсто, приведенное нами въ свободномъ переводѣ въ текстѣ, былъ напечатанъ съ именемъ Раймона де Корне Бартчемъ въ его «Chrestomathie provençale» (4-е изд., 363). Полное изданіе съ предисловіемъ, примѣчаніями и словаремъ сдѣлано въ 1888 г. въ Монпелье Нуле и Шабано («Deux manuscrits provençaux du XIV-e siècle»).

Библиотека "Руниверс"

разъ въ тотъ моментъ, когда она только-что отпраздновала побѣду надъ своими свѣтскими врагами—королями и императорами, новый страшный врагъ выступилъ противъ нея; этимъ врагомъ было пробуждавшееся сознаніе. Непроницаемый мракъ невѣжества X вѣка, наступившій за мимолетнымъ блескомъ цивилизаціи эпохи Каролинговъ, началъ разсѣиваться въ XI вѣкѣ передъ первыми лучами умственнаго возрожденія. Это движеніе начинаетъ заявлять о себѣ уже съ начала XII вѣка, и уже тогда можно было предвидѣть его широкое развитіе, которому суждено было сдѣлать Европу родиной искусствъ и наукъ, образованія и высокой культуры. Но, само собой разумѣется, умственный застой не могъ разрѣшиться безъ того, чтобы въ то же время не родились сомнѣніе и критика. Какъ только люди стали разсуждать и разсматривать вопросы, касавшіеся такихъ предметовъ, обсужденіе которыхъ было имъ воспрещено, они неизбѣжно должны были замѣтить печальный контрастъ между ученіемъ Церкви и ея дѣйствіями, глубокій разладъ между религіей и ея обрядовой стороной, между поведеніемъ священниковъ и монаховъ и данными ими обѣтами. Стало, въ свою очередь, колебаться и то слѣпое благоговѣніе, съ которымъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ поколѣній относился ко всему, исходившему отъ Церкви. Сочиненіе, подобное труду Абеляра, «*Sic et non*», гдѣ безпощадно были освѣщены противорѣчія между преданіемъ и папскими декреталіями, не было простымъ проявленіемъ пытливаго ума, предвѣщавшимъ возстаніе; оно угрожало Церкви въ будущемъ большими опасностями, порожденными пробужденіемъ критической способности ума. Тщетно, по распоряженію римской куріи, Граціанъ въ своихъ знаменитыхъ «Concordantia discordantium canonum» пытался доказать, что противорѣчія легко могли быть сглажены, что церковное право представляло не собраніе безпорядочной массы каноновъ, вызванныхъ необходимостью дать отвѣтъ на преходящіе запросы дня, а стройный сборникъ духовныхъ законовъ. Роковое слово было произнесено, и всѣ усилія глоссаторовъ, магистровъ логики, докторовъ богословія и цѣлой толпы теологовъ-схоластиковъ и толкователей каноническаго права, несмотря на всю ихъ діалектическую ловкость, не могли вернуть человѣческому разуму его былую непоколебимую и спокойную вѣру въ божественность ученія воинствующей Церкви. Ряды нападающихъ были, правда, еще немногочисленны, ихъ атаки были перемежающіяся, но число защитниковъ и энергія, съ которою велась защита, показываютъ, что въ Римѣ прекрасно сознавали опасность: духъ пытливаго изслѣдованія стряхнулъ, наконецъ, съ себя свой долгій сонъ.

Этотъ духъ получилъ могучій толчокъ въ Толедской школѣ, куда отважные ученики шли какъ къ живому источнику арабской, греческой и еврейской науки. Уже въ мрачный X вѣкъ папа Сильвестръ II, извѣстный подъ именемъ Герберта д'Орильяка, прославился какъ чародѣй потому только, что изучалъ запрещенныя науки въ этомъ центрѣ умственнаго движенія. Около половины XII вѣка Робертъ Ретинскій, уступая настоятельнымъ просьбамъ Петра Клюнійскаго, на время прекратилъ свои занятія астрономіей и геометріей и перевелъ Коранъ, чтобы дать своему покровителю возможность написать опроверженіе заблужденій ислама. Сочиненія Аристотеля, Птолемея, Абубекра, Авиценны, Альфараби и позднѣе Аверроеса были переведены на латинскій языкъ и съ невѣроятнымъ рвеніемъ переписывались по всему христіанскому міру. Даже и сами крестоносцы приносили съ Востока кое-какіе обрывки античной мысли, которые подхватились съ горячимъ энтузіазмомъ. Правда, въ эту эпоху наибольшимъ уваженіемъ среди наукъ пользовалась астрологія, но и другія, болѣе достойныя вниманія, науки не были въ совершенномъ пренебреженіи, и Церковь понимала, какую опасность представлялъ для нея зарождающійся интересъ къ наукамъ; это видно хотя бы изъ того, что парижскій университетъ неоднократно запрещалъ чтеніе произведеній Аристотеля.

Еще болѣе опаснымъ для Церкви было возрожденіе римскаго гражданскаго права. Было ли это возрожденіе вызвано открытіемъ рукописи «Пандектовъ» въ Амальфи, или

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ, но, начиная уже съ половины XII вѣка, римское право съ увлеченіемъ изучалось во всѣхъ научныхъ центрахъ Европы. Люди, къ великому своему удивленію, узнали, что есть судопроизводство, замѣчательно простое и справедливое, стоящее неизмѣримо выше тяжелой путаницы каноническихъ законовъ и грубаго феодальнаго обычнаго права. Эта система основывала свой авторитетъ на идеѣ непреложной справедливости, представленной Верховнымъ Повелителемъ, а не на канонѣ или декреталіи, не на словахъ папы или собора и даже не на текстахъ Священнаго Писанія. Прозорливость св. Бернара не обманула его, когда онъ въ 1149 г. безпокоился о положеніи Церкви и жаловался, что судъ сталъ отголоскомъ законовъ Юстиніана, а не законовъ Бога [1]).

Чтобы вполнѣ уяснить себѣ, какое дѣйствіе производило на мысли и чувства народа это умственное движеніе, мы должны представить себѣ общественный строй тогдашней Европы, который во многомъ рѣзко отличался отъ современнаго намъ. Не одни только хорошія установленія развили у людей въ цивилизованныхъ странахъ чувство уваженія къ законамъ и обычаямъ; распространеніе просвѣщенія и умственный прогрессъ утвердили контроль разума и уменьшили гибельное вліяніе эмоціи и импульса. Но, тѣмъ не менѣе, недавно еще, напр., во время французской революціи, мы видѣли, что безуміе легко можетъ овладѣть народомъ, и что разумъ можетъ быть заглушенъ страстью. Безумное царство террора можетъ дать намъ довольно точное представленіе о тѣхъ душевныхъ движеніяхъ, которымъ отдавались какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ народы среднихъ вѣковъ. Эти увлеченія придаютъ средневѣковой исторіи особую картинность и освѣщаютъ сѣрыя сумерки повседневной жизни вспышками благороднаго энтузіазма или возмутительнымъ проявленіемъ дикой жестокости. Мало еще привыкшее сдерживаться средневѣковое общество, только-что вступившее въ зрѣлый возрастъ, проявляло себя какъ во всемъ своемъ величіи, такъ и во всей своей низости; то оно мстило жестоко беззащитному врагу, то съ радостью приносило само себя въ жертву человѣчеству. Проявленія безумныхъ душевныхъ движеній быстро переходили изъ одной страны въ другую, пробуждая народы отъ летаргическаго сна и толкая ихъ на поступки героическіе и безумные; таковы крестовые походы, усѣявшіе пески Палестины костями вѣрующихъ, таково самобичеваніе флагеллантовъ, таково безцѣльное шатаніе съ мѣста на мѣсто шаекъ пастуховъ (pastoureaux).

Угнетенная невѣроятною бѣдностью народная масса жила подъ страхомъ скораго пришествія Антихриста, близости конца міра и Страшнаго Суда. И, дѣйствительно, условія жизни тогдашняго общества, терзаемаго постоянными войнами и давимаго тяжелой пятой феодализма, были такъ ужасны, что у простого человѣка естественно являлась вѣра въ близкое наступленіе царства Антихриста; всякое измѣненіе общественнаго строя радостно привѣтствовалось имъ, такъ какъ оно могло лишь улучшить его жизнь, сдѣлать же ее болѣе тяжелой ничто не могло. Кромѣ того, въ воображеніи всѣхъ невидимый міръ рисовался міромъ реальнымъ, неотразимо обаятельнымъ и полнымъ чудесъ. Съ одной стороны, люди чувствовали около себя злыхъ демоновъ, готовыхъ послать на нихъ разныя болѣзни, опустошить ихъ тощія нивы и виноградники и совратить души ихъ на путь вѣчной гибели; съ другой стороны, всѣ вѣрили въ присутствіе ангеловъ-хранителей и святыхъ заступниковъ, возносящихъ ихъ молитвы къ престолу Всевышняго, непосредственно обращаться къ которому сами они не могли. И вотъ среди этой-то впечатлительной массы, доступной самымъ крайнимъ порывамъ, суевѣрной и медленно пробуждавшейся отъ умственной спячки, вспыхнула война между Церковью и ересью, т.-е. между силою консерва-

[1]) Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 4, 5 (Мадридъ, 1880).—Petri Venerab. «Opp.», стр. 650 **и слѣд.** (изд. Migne).—F. Francisci Pipini, «Chron.», cap. 16.—Rigord. «De Gest. Phil. Aug.» ann. 1210.—Concil. Paris. ann. 1210.—Gregor., PP. IX, Bulla «Cum salutem», 29, апр. 1231.—S. Bernardi «De consid.», lib. I, cap. 4.—О томъ уваженіи, почти поклоненіи, съ которымъ схоластика XII вѣка относилась къ Аристотелю, см. «Metalogicus» Іоанна Салисберійскаго, lib. II, c. 16.

Библиотека "Руниверс"

тивной и силою прогрессивной; долго длилась эта война, и ни та, ни другая сторона не одержала въ ней полной побѣды.

Замѣчательно, что ереси, поколебавшія Церковь, не были на этотъ разъ простыми умозрительными тонкостями, выдвинутыми учеными богословами, какъ это было въ то время, когда догматы вѣры только еще вырабатывались; это явленіе предвѣщало ту новую цивилизацію, которая выступила на смѣну схоластики. Мы не встрѣтимъ теперь такихъ ученыхъ еретиковъ, какъ Арій или Присцилліанъ, Несторій или Евтихій, которые своимъ ученіемъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ ученіемъ Церкви, вызвали громкіе споры. Подобные споры не могли уже имѣть мѣста въ Церкви, обладавшей строгою іерархіей и выработавшей стройную догматику; правда, отъ времени до времени появлялись схоластики, которые, дѣйствительно или повидимому, расходились съ господствующимъ ученіемъ Церкви, какъ, напр., Беранже Турскій, Абеляръ, Гильберъ де ла Поре, Петръ Ломбардскій, Фолькмаръ фонъ Триффенштейнъ, но они стояли одиноко, и ихъ ученіе быстро подавлялось Церковью. Нужно замѣтить еще, что за весьма малымъ исключеніемъ господствующіе классы почти не принимали участія въ зарожденіи ереси. Съ эпохи римской имперіи Церковь и государство заключили между собою союзъ, чтобы держать народъ въ повиновеніи; каковы бы ни были мотивы, побуждавшіе государей, подобныхъ Іоанну англійскому или императору Фридриху II, отвергать притязанія духовенства, они, тѣмъ не менѣе, никогда не рѣшались касаться основныхъ положеній, на которыхъ покоилась ихъ собственная прерогатива. Какъ общее правило, можно сказать, что ересь первоначально распространилась среди массы простого народа, а уже затѣмъ ее принимали люди благороднаго происхожденія; такъ было, какъ мы это увидимъ ниже, въ Лангедокѣ и Ломбардіи. Удары, поставившіе существованіе церковной іерархіи въ дѣйствительную опасность, были нанесены людьми темными, проповѣдывавшими между бѣдными и угнетенными, оскорбленными и униженными, которые чувствовали, что Церковь не выполняла своего назначенія, видѣли, что служители ея суетны, понимали, что въ ея ученіе вкралось не мало заблужденій. Подобно тому, какъ нѣкогда Христосъ пошелъ со Своей проповѣдью къ заблудшимся овцамъ Израиля, пренебрегаемымъ и презираемымъ раввинами, такъ и проповѣдники ереси набирали себѣ послѣдователей среди вѣчныхъ жертвъ феодальнаго общества.

Ереси, привлекавшія къ себѣ толпы послѣдователей, дѣлились на два разряда; съ одной стороны стоятъ сектанты, которые, твердо сохраняя всѣ основныя положенія христіанскаго ученія, отрицали священство; съ другой стороны—манихеи.

Разсматривая эти ученія въ ихъ постепенной смѣнѣ, мы должны помнить, что всегда или почти всегда всѣ свѣдѣнія о нихъ мы черпаемъ изъ сочиненій противниковъ ереси: за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ вальденскихъ трактатовъ и служебника катаровъ, вся литература еретиковъ погибла. Мы знакомимся съ ихъ ученіемъ по дошедшей до насъ обличительной литературѣ, главною цѣлью которой было возбудить противъ еретиковъ народную ненависть; исторію ихъ борьбы и паденія мы изучаемъ по сочиненіямъ тѣхъ, кто безжалостно стеръ ихъ съ лица земли. Все, что я скажу въ похвалу еретиковъ, взято мною изъ признаній или обвиненій, исходившихъ изъ устъ ихъ смертельныхъ враговъ, и если я отвергаю нѣкоторыя взводимыя на нихъ клеветы, то только тамъ, гдѣ ясно видно сознательное или безсознательное преувеличеніе, и гдѣ обвиненія не имѣютъ никакого историческаго вѣроятія. Въ общемъ, можно a priori питать чувство уваженія къ людямъ, которые за свои убѣжденія смѣло шли на костеръ и спокойно смотрѣли въ глаза смерти. Мы уже видѣли, какъ низко пала въ нравственномъ отношеніи средневѣковая церковь, и поэтому мы не можемъ повѣрить католическимъ противникамъ ереси, когда они утверждаютъ, что масса людей выступала изъ лона Церкви, не боясь ужасныхъ преслѣдованій, только изъ одного желанія свободно удовлетворять свою нравственную распущенность.

Библиотека "Руниверс"

На самомъ же дѣлѣ, даже наиболѣе авторитетные свидѣтели Церкви, какъ мы это показали выше, согласны, что причиной или, по крайней мѣрѣ, оправданіемъ появленія ересей было паденіе нравственности среди духовенства. Одинъ инквизиторъ, много потрудившійся для искорененія ереси, объясняя причины ея успѣха, отмѣчаетъ нравственную грязь духовенства, его невѣжество, его заблужденія, безсодержательность его проповѣдей, его презрительное отношеніе къ таинствамъ и ненависть, которую питали къ нему почти всѣ вѣрующіе. Другой свидѣтель сообщаетъ намъ, что излюбленными аргументами еретиковъ были гордость, алчность и распущенность духовенства и прелатовъ. Все это, по словамъ Луки, епископа тюйскаго, сознательно боровшагося противъ ереси, увеличивалось еще разсказами о ложныхъ чудесахъ, которые появились благодаря церковнымъ обрядамъ и слабости церковнослужителей. Но врядъ ли это вполнѣ справедливо: и безъ разсказовъ о вымышленныхъ чудесахъ еретики могли для своихъ проповѣдей брать примѣры изъ дѣйствительности, которая была крайне позорна для Церкви даже по словамъ ея горячихъ защитниковъ.

Немногіе контроверсисты были такъ чистосердечны, какъ ученый авторъ трактата, приписываемаго Петру Пилихдорфскому. Возражая еретикамъ, выставлявшимъ священниковъ развратниками, ростовщиками, пьяницами, игроками, людьми, способными на всякій подлогъ, онъ восклицаетъ: «Прекрасно! Такъ что же изъ этого? Они все же остаются священниками, а самый худшій священникъ дороже самаго лучшаго мірянина. Развѣ Іуда Искаріотскій отъ того, что былъ апостоломъ, не стоялъ выше Навуходоносора, хотя послѣдній и былъ честнѣе его?» Инквизиторъ, трубадуръ Изарнъ, сказалъ общую истину, заявивъ, что ни одинъ католикъ не могъ бы быть совращенъ въ ересь, если бы около него находился добрый пастырь [1]).

Всѣ ереси, отрицавшія священство, были направлены противъ злоупотребленій, при помощи которыхъ духовенство старалось удержать за собой господство надъ душами вѣрующихъ. Исходнымъ пунктомъ всѣхъ этихъ ересей было заимствованное изъ ученія Доната положеніе, что таинства оскверняются отъ прикосновенія къ нимъ порочныхъ рукъ, такъ что, слѣдовательно, священникъ, живущій въ смертномъ грѣхѣ, не можетъ и не долженъ совершать никакихъ таинствъ. Если принять во вниманіе общій нравственный уровень тогдашняго духовенства, то примѣненіе этого положенія на практикѣ было равносильно исключенію огромнаго большинства священниковъ изъ духовнаго званія; и это положеніе въ рукахъ еретиковъ было тѣмъ болѣе могущественнымъ орудіемъ, что на него же опирался и самъ святой престолъ въ своей борьбѣ противъ женатаго духовенства. Въ 1059 г. на помѣстномъ соборѣ въ Римѣ, подъ давленіемъ папы Николая II, было постановлено, что вѣрующіе не должны присутствовать на обѣднѣ, которую служитъ священникъ, имѣющій жену или наложницу. Этотъ канонъ приглашалъ, такимъ образомъ, прихожанъ судить о поведеніи своихъ священниковъ; но онъ оставался мертвою буквою, пока папа Григорій VII не подтвердилъ его въ 1074 г. и не ввелъ его въ жизнь. Это произвело страшное смятеніе, такъ какъ цѣломудренные священники были рѣдкимъ исключеніемъ. Борьба, возникшая отсюда, была такъ горяча, что въ 1077 г. въ Камбрэ женатые или живущіе въ конкубинатѣ священники сожгли живымъ одного несчастнаго, который упорно отстаивалъ папскія постановленія. Указы Григорія VII были подтверждены Иннокентіемъ II на Реймскомъ соборѣ 1031 г. и на Латеранскомъ 1139 г.; Граціанъ включилъ эти указы въ составленный имъ сборникъ церковныхъ законовъ, въ

---

[1]) Reinerii «Contra Waldenses», cap. 3.—Tract. de modo proced. contra haeretic. (Mss. Bibl. Nat. Coll. Doat, XXX, 185 и слѣд.).—Lucae Tudensis, «De altera vita», lib. III, cap. 7—10.—P. Pilichdorf, «Contra Waldenses», cap. 16.—Passaviens. Anon. (Preger, «Beitr.», 64—67).—Raynouard, «Lexique Rom.», V, 471.

Библиотека "Руниверс"

которыхъ они сохранились и до нашего времени. Урбанъ II старался доказать, что это только вопросъ внѣшняго благочинія, и что таинства не теряютъ своей силы даже и въ томъ случаѣ, если они совершаются самыми порочными священниками; но было трудно убѣдить массы такимъ хитрымъ и тонкимъ толкованіемъ. Такой ученый богословъ, какъ Герохъ фонъ Рейхерспергъ, могъ, конечно, оставаясь истиннымъ католикомъ, утверждать, что, по его мнѣнію, все равно, будетъ ли совершать обѣдню священникъ, живущій въ конкубинатѣ, или язычникъ; но для людей, менѣе твердыхъ въ вѣрѣ, этотъ вопросъ представлялъ неразрѣшимыя трудности. Немного позднѣе, Альберо, священникъ изъ Мерка близъ Кельна, учившій, что принесеніе безкровной жертвы, совершенное порочнымъ или преступнымъ священникомъ, не имѣетъ силы, былъ вынужденъ отречься отъ своихъ словъ въ виду единогласнаго свидѣтельства отцовъ церкви, которые держались противоположнаго взгляда; тогда онъ создалъ новую теорію, по которой таинства, совершаемыя недостойнымъ священнослужителемъ, приносятъ пользу тѣмъ, кто принимаетъ ихъ, не зная о недостойномъ поведеніи священника; но, съ другой стороны, они не приносятъ пользы мертвымъ и тѣмъ, кто зналъ о дурномъ поведеніи священника. Эта теорія была признана еретической. Тогда Альберо предложилъ доказать справедливость своего ученія посредствомъ испытанія огнемъ, но его предложеніе было отвергнуто на основаніи того соображенія, что колдовство могло бы здѣсь доставить торжество ложному ученію.

Этотъ вопросъ продолжалъ волновать Церковь до 1230 г., когда папа Григорій IX положилъ ему конецъ, постановивъ, что, во-первыхъ, всякій священникъ, впавшій въ смертный грѣхъ, временно отрѣшается отъ исполненія своихъ обязанностей въ отношеніи лично самого себя, пока онъ не раскается и не получитъ отпущенія грѣха; и что, во-вторыхъ, отправляемыя имъ службы имѣютъ силу, такъ какъ онъ не отрѣшается отъ исполненія обязанностей по отношенію другихъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если грѣхъ его не сдѣлался общеизвѣстнымъ благодаря его признанію или судебному рѣшенію, или если онъ настолько очевиденъ, что въ немъ нельзя сомнѣваться. Было, конечно, немыслимо, чтобы Церковь ставила дѣйствительность таинства въ зависимость отъ нравственности священнослужителя; но остроумное рѣшеніе, принятое Григоріемъ IX, показываетъ, насколько вопросъ этотъ смущалъ вѣрующихъ, и какъ легко было еретикамъ придти къ убѣжденію, что въ рукахъ плохого священника не могло произойти пресуществленія вина и хлѣба въ тѣло и кровь Іисуса Христа. Если даже не принимать во вниманіе приведенныхъ нами выше указовъ Григорія и Иннокентія, то все же роковымъ образомъ въ глаза благочестивыхъ и размышляющихъ людей бросалась поражающая несовмѣстимость власти, предоставляемой Церковью своимъ служителямъ, со всевозможными преступленіями и пороками, которыми они безславили себя. Если признавать такой взглядъ заблужденіемъ, то это заблужденіе неизбѣжно должно было быть упорнымъ. Этого взгляда еще въ 1396 г. держался Іоаннъ Варенискій, священникъ изъ Ремуа, но его заставили отречься отъ своего ученія. Альфонсъ де Спина отмѣтилъ въ 1458 г., что это заблужденіе раздѣляется вальденцами, виклефистами и гусситами [1]).

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ антисацердотальныхъ ересяхъ предшествующаго времени; правда, онѣ были переходящи и не имѣли широкаго распространенія, но онѣ показываютъ, какъ легко могъ простой народъ возмутиться противъ Церкви, какой

---

[1]) Concil. Roman. ann. 1059, can. 3. — Lambert. Hersfeld. ann. 1074. — Gregor. PP. VII, «Epist. Extrav.», 4; «Regist.», lib. IV, ep. 20.—Concil. Remens. ann. 1131, c. 5.—Concil. Lateran. II, ann. 1139, c. 7; c. 5, 6, Decret. I, XXXII; c. 15, I. LXXXI.—Gerhohi «Dial. de different. cleri.». Его же, «Lib. contra duas haereses», c. 3, 6; «Dial. de clericis saecul. et regular.».—Anon. Libell. adv. Errores Alberonis (Martène. «Ampliss. Coll.» IX, 1251—1270).—Can. 10, extra lib. III, tit. II.—D'Argentré, «Coll. Judic. de Nov. Erroribus», I, II, 154.—Fortalicium Fidei fol. 62b (изд. 1491).

Библиотека "Руниверс"

заразительный энтузіазмъ могъ пробудить среди него смѣлый человѣкъ, выступивъ истолкователемъ общаго почти всѣмъ чувства неудовлетворенности и недовольства. Около 1108 г. на островѣ Зеландѣ появился проповѣдникъ, по имени Танхельмъ, повидимому, монахъ-вѣроотступникъ, человѣкъ ловкій и изворотливый въ диспутахъ. Онъ отрицалъ всю іерархію, начиная отъ папы и кончая послѣднимъ священникомъ, училъ, что Евхаристія осквернена прикосновеніемъ нечистыхъ рукъ, и призывалъ къ неплатежу десятины. Народъ съ жадностью внималъ его проповѣдямъ; наполнивъ Фландрію ересью, онъ основался въ Антверпенѣ и сдѣлалъ его центромъ своей дѣятельности. Этотъ городъ былъ въ то время уже многолюднымъ, богатымъ и торговымъ, но, тѣмъ не менѣе, въ немъ былъ только одинъ священникъ, который, увлеченный незаконною связью съ одной изъ своихъ родственницъ, не имѣлъ ни охоты, ни времени къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей; лишенное, такимъ образомъ, наставленій въ католической вѣрѣ населеніе города было легкой добычей для искусителя; оно послѣдовало за Танхельмомъ и оказывало ему такое благоговѣйное уваженіе, что какъ святыню хранило воду, въ которой онъ мылся. Безъ труда собралъ онъ небольшое войско въ 3000 человѣкъ, при помощи которыхъ захватилъ въ свои руки власть въ странѣ: герцогъ и епископъ были безсильны предъ нимъ. Про него ходило много всевозможныхъ разсказовъ; разсказывали, напр., что онъ выдавалъ себя за Бога, считалъ себя равнымъ Іисусу Христу, вступилъ въ бракъ съ Дѣвой Маріей и много тому подобнаго; но всѣ эти разсказы можно отбросить какъ пустыя выдумки напуганныхъ священниковъ; мало того, мы не въ правѣ даже считать Танхельма еретикомъ, такъ какъ онъ съ нѣсколькими изъ своихъ единомышленниковъ совершилъ путешествіе въ Римъ, гдѣ ходатайствовалъ о раздѣленіи обширной Утрехтской епархіи и присоединеніи части ея къ Теруанской епископіи. На возвратномъ пути изъ Рима онъ и его спутники были схвачены въ Кельнѣ и, по приказанію епископа, заключены въ тюрьму, а въ слѣдующемъ году былъ созванъ судъ, чтобы судить ихъ. Одни изъ нихъ оправдались при помощи испытанія ихъ правоты водою, другіе же предпочли искать спасенія въ бѣгствѣ. Трое изъ послѣднихъ были пойманы и сожжены живыми въ Боннѣ, предпочтя мучительную смерть отреченію отъ своихъ убѣжденій. Танхельму удалось благополучно и невредимо добраться до Брюгге, но тяготѣвшее надъ нимъ церковное проклятіе лишило его ореола, и духовенство Брюгге безъ труда добилось его изгнанія изъ города. Вѣрнымъ остался ему только Антверпенъ, гдѣ онъ продолжалъ учить до 1115 г., когда одинъ ревностный къ вѣрѣ священникъ убилъ его ударомъ палки по головѣ и отправилъ душу его въ адъ къ отцу его Сатанѣ. Но смерть Танхельма не остановила распространенія его ученія, которое продолжало процвѣтать, несмотря на то, что епископъ назначилъ двѣнадцать викаріевъ въ помощь священнику единственной въ Антверпенѣ церкви св. Михаила. Католичество окончательно было возстановлено только въ 1126 г., когда заботу объ этомъ городѣ взялъ на себя св. Норбертъ, строгій аскетъ и основатель премонстрантскаго ордена; онъ просвѣтилъ городъ свѣтомъ евангельской истины со всѣмъ пыломъ своего краснорѣчія, основалъ въ немъ новыя церкви и поставилъ въ нихъ священниками своихъ ревностныхъ учениковъ. Самые упорные изъ старыхъ еретиковъ не могли отказать въ послушаніи пастырямъ, слова и поступки которыхъ не расходились между собою и свидѣтельствовали о ихъ любви къ народу, бывшему такъ долго въ пренебреженіи. Освященныя облатки, спрятанныя по разнымъ угламъ, были снова черезъ пятнадцать лѣтъ принесены въ церкви раскаявшимися вѣрными сынами ея, и отъ ереси не осталось слѣда [1]).

[1]) Hartzheim, «Concil. German.». III. 763—766.—Meyeri «Annal. Flandriae». lib. IV, ann. 1113—1115. — Sigeberti Gemblacens. «Contin. Valcellens.» ann. 1115.—P. Abaelardi «Introd. ad Theolog.», lib. II, cap. 4. — Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1127.—«Vita S. Norberti Archiep. Magdeburg.» cap. III. №№ 79, 80.

Библиотека "Руниверс"

Немного позднѣе Эонъ де Этуаль выступилъ въ Бретани съ проповѣдью подобной же ереси, но на этотъ разъ ересіархъ былъ, несомнѣнно, человѣкъ ненормальный. Родомъ онъ былъ изъ знатной фамиліи и уже пользовался славою святого за свою отшельническую жизнь, когда однажды, пораженный словами коллекты: Per EUM qui venturus est judicare vivos et mortuos, онъ возмнилъ себя Сыномъ Божіимъ. Сумасшествіе заразительно; и вотъ скоро вокругъ Эона образовался кружокъ поклонниковъ, съ помощью которыхъ онъ началъ отбирать у церквей неправильно пріобрѣтенныя ими богатства и раздавать ихъ бѣднымъ. Ересь приняла такіе грозные размѣры, что папскій легатъ кардиналъ Альберикъ Остійскій счелъ себя вынужденнымъ въ 1145 г. выступить противъ нея съ проповѣдью въ Нантѣ, а Гюгъ, архіепископъ Руанскій, вступилъ съ Эономъ въ скучную полемику; но самымъ убѣдительнымъ аргументомъ оказалась посылка противъ еретиковъ войска. Многіе еретики, не пожелавшіе отречься отъ своихъ заблужденій, были сожжены живыми въ Алэ, а Эонъ на время скрылся въ Аквитаніи. Въ 1148 г. онъ явился въ Шампань, гдѣ, по распоряженію реймскаго архіепископа Самсона, онъ и ученики его были схвачены и отправлены къ папѣ Евгенію III на Руанскій соборъ. Здѣсь Эонъ такъ ясно доказалъ свое безуміе, что его милостиво отдали подъ надзоръ Сюжера, аббата С.-Дени, гдѣ онъ и умеръ въ скоромъ времени. Среди его учениковъ осталось много продолжавшихъ вѣрить въ него, и ихъ упорство привело ихъ на костеръ [1]).

Ереси, появившіяся около этого времени на югѣ Франціи, гдѣ общественныя условія были особенно благопріятны для ихъ распространенія, оказались болѣе долговѣчными и болѣе опасными для Церкви. Населеніе здѣсь было совершенно отлично отъ населенія сѣверной Франціи. На лигурійской и иберійской этническихъ основахъ греки, финикіяне, римляне и готы оставили свой слѣдъ; завоеватели же франки, явившіеся въ V вѣкѣ, никогда здѣсь не основывались прочно. Была даже и арабская примѣсь въ этомъ рѣдкомъ смѣшеніи племенъ, и гражданинъ Нарбонны и Марселя разнился отъ парижанина настолько, насколько разнятся между собой французскій и провансальскій языки. Феодальная связь, соединявшая графа Тулузскаго, или маркиза Провансальскаго, или герцога Аквитанскаго съ королемъ Парижскимъ или Императоромъ, была крайне слаба. Когда сюзеренныя права на Аквитанію вмѣстѣ съ рукой Элеоноры перешли къ Генриху II, то одновременныя притязанія Англіи и Франціи сохраняли независимость крупныхъ феодаловъ юга, создавая, такимъ образомъ, соперничество, послѣдствія котораго сказались во время крестовыхъ походовъ противъ альбигойцевъ.

Разница въ цивилизаціи такъ же рѣзко бросалась въ глаза, какъ и разница расовая. Нигдѣ въ Европѣ образованіе и роскошь не достигли такого высокаго развитія, какъ на югѣ Франціи. Дворянство съ увлеченіемъ отдавалось рыцарскому служенію и поэзіи, и даже въ городахъ, которые пользовались тамъ довольно широкой свободой и были благодаря торговлѣ очень богаты, жители могли гордиться такимъ высокимъ образованіемъ и такимъ просвѣщеніемъ, какихъ не было нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, на востокъ отъ Пиренеевъ. Нигдѣ въ то же время въ Европѣ духовенство не относилось такъ небрежно къ своимъ обязанностямъ и не пользовалось такимъ презрѣніемъ народа. Религіозныя убѣжденія прелатовъ и дворянъ были довольно шатки, такъ что повсюду царила сравнительная свобода относительно вопросовъ вѣры. Ни въ одной другой христіанской странѣ евреи не пользовались такими привилегіями, какъ здѣсь; они даже могли, наравнѣ

[1]) Sigib. Gemblac. «Continuat. Gemblac.» ann. 1146.—Его же «Continuat. Praemonstrat.» ann. 1148.—Roberti de Monte, «Chron.» ann. 1148.— Guill. de Newburg. lib. I, cap. 19.—Otton Frising. «De Gest. Frid. I», lib. I, cap. 54, 55.— Hugon. Rothomag. «Contra Haeret.», lib. III, cap. 6.—Schmidt, «Hist. des Cathares», I, 49.—Петръ Кантор въ своемъ «Verbum abbreviatum» передаетъ, что реймскій архіепископъ Самсонъ заключилъ Эона въ оковы и держалъ его до самой смерти на хлѣбѣ и водѣ (Migne, т. CCV, стр. 595).

Библиотека "Руниверс"

съ христіанами, владѣть землею на правѣ франкалье; ихъ принимали на государственную службу, и благодаря ихъ административнымъ способностямъ ихъ охотно брали къ себѣ на службу и прелаты и дворяне; ихъ синагоги процвѣтали, а нарбоннская еврейская школа гремѣла по всему Израилю. При подобныхъ условіяхъ даже и тѣ, кто сохранялъ еще религіозныя убѣжденія, легко могли во всякое время выступить обличителями пороковъ духовенства или начать подыскивать на его мѣсто что-либо, болѣе соотвѣтствующее ихъ стремленіямъ: если ихъ что-нибудь удерживало отъ этого, то это—или боязнь преслѣдованія, или старые предразсудки [1]).

Впервые проповѣдь антисацердотальной ереси, среди столь подготовленнаго къ ея воспріятію населенія, раздалась здѣсь въ 1106 г.; первымъ проповѣдникомъ былъ Петръ Брюйсенскій, родомъ изъ Эмбренской епархіи. Прелаты Эмбрена, Гапа и Ди тщетно старались помѣшать распространенію зла; въ концѣ концовъ, они прибѣгли къ помощи короля, и Петръ, изгнанный изъ страны, бѣжалъ въ Гасконь, гдѣ онъ открыто съ успѣхомъ проповѣдывалъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Разсказываютъ, что однажды онъ, въ доказательство своего презрѣнія къ предметамъ, почитаемымъ духовенствомъ, приказалъ спилить множество освященныхъ крестовъ, сложилъ ихъ въ кучу, поджегъ и изжарилъ на ихъ углѣхъ мясо. Но съ теченіемъ времени преслѣдованіе возобновилось, и Петръ, схваченный въ 1126 г., былъ сожженъ живымъ въ С.-Жилѣ.

Его ученіе было полнымъ отрицаніемъ таинствъ; до извѣстной степени оно было возстановленіемъ ученія Клавдія Туринскаго. Крещеніе дѣтей, говорилъ онъ, безполезно, такъ какъ вѣра другого не можетъ принести пользы лицу, не могущему извлекать выгоду изъ своей вѣры—положеніе весьма опасное и имѣвшее серьезныя послѣдствія. На томъ же основаніи совершенно излишни вклады въ церкви, раздача милостыни, обѣдни, молитвы и другія добрыя дѣла, совершаемыя въ память умершихъ, такъ какъ каждый будетъ судимъ по своимъ заслугамъ. Церкви безполезны, и ихъ слѣдуетъ разрушить, такъ какъ христіанинъ не нуждается для молитвы въ освященныхъ мѣстахъ; Богъ внимаетъ достойнымъ всюду, взываютъ ли они къ нему въ церкви или въ кабакѣ, въ священномъ мѣстѣ или на площади, предъ алтаремъ или предъ стойломъ. Церковь Христова не есть собраніе нагроможденныхъ другъ на друга камней, а единеніе и согласіе вѣрующихъ. Что касается креста, то глупо обращаться съ молитвами къ неодушевленному предмету и лучше совсѣмъ уничтожить эту эмблему, напоминающую намъ о жестокихъ страданіяхъ Іисуса Христа.

---

[1]) Saige, «Les Juifs du Languedoc», P. I, ch. II; P. II, ch. II (Парижъ, 1881). Въ концѣ XII в. Веніаминъ Тудельскій съ удивленіемъ описываетъ благосостояніе и высокую умственную культуру евреевъ въ посѣщенныхъ имъ городахъ Лангедока. О Нарбоннѣ онъ отзывается, какъ о держащей знамя закона, какъ о городѣ, откуда законъ и уваженіе къ нему распространяются по всѣмъ странамъ; тамъ живутъ мудрецы и знаменитые и удивительные люди, среди которыхъ особенно выдается Калонимъ, сынъ великаго и почтеннаго Ѳеодосія, потомка по прямой линіи Давида. Онъ держитъ въ арендѣ огромныя земли мѣстныхъ князей и не боится никого (Benj. Tudelens. «Itin. Montano interprete», Антверпенъ, 1575, стр. 14). Такъ же было и въ Испаніи гдѣ вѣрные жаловались, что имъ запрещаютъ преслѣдовать евреевъ (Lucae Tudens. «De altera vita», lib. III, cap. 3). Миссіонерская дѣятельность среди рабовъ-евреевъ обходилась очень дорого, такъ какъ епархіальный епископъ долженъ былъ уплачивать хозяину произвольно высокую плату за каждаго раба, обращеннаго въ христіанство и сдѣлавшагося, такимъ образомъ, свободнымъ (евреи не могли имѣть христіанъ рабами). Евреи были, кромѣ того, освобождены отъ уплаты десятиннаго налога (Innocent. PP. III, «Regest.», VIII, 150; IX, 150). До самаго конца XIII вѣка мы находимъ еще евреевъ-собственниковъ въ Лангедокѣ. См. Mss. Bibl. Coll. Doat, t. XXXVII, fol. 20, 146, 148, 149, 151, 152.

О независимости общинъ см. изданіе Guill. de Tudèle Fauriel'я, «Introd.», стр. LV и сл., и Mazure et Haboulet, «Fors de Béarn», стр. XLIII.

Библиотека "Руниверс"

Самымъ тяжкимъ заблужденіемъ Петра было осужденіе таинства евхаристіи. Въ эту эпоху догматъ пресуществленія не укрѣпился еще окончательно въ умахъ вѣрующихъ, и Петръ въ этомъ отношеніи пошелъ дальше Беранже Турскаго. «Народы!—восклицаетъ онъ,—не вѣрьте епископамъ, священникамъ и монахамъ: они обманываютъ и здѣсь, совершая службу на алтарѣ, гдѣ по ихъ лживымъ словамъ они фабрикуютъ тѣло Христово и даютъ его вамъ на спасеніе вашихъ душъ. Ясно, что они лгутъ, ибо тѣло Христово было сдѣлано только одинъ разъ Самимъ Христомъ на Тайной Вечерѣ, предшествовавшей Его страстямъ; и оно было дано Имъ одинъ разъ и только Своимъ ученикамъ. Съ тѣхъ поръ оно никогда не дѣлалось, никогда не давалось» [1]).

Противъ подобнаго человѣка не было другихъ мѣръ, кромѣ костра, но и пламя костра не уничтожило его ереси. Его послѣдователи, петробрюсіане продолжали открыто или тайно распространять его ученіе, и черезъ пять или шесть лѣтъ послѣ его смерти преподобный Петръ, аббатъ клюнійскій, считалъ эту ересь настолько грозной, что посвятилъ ей особый трактатъ, которому мы и обязаны тѣмъ немногимъ, что знаемъ о ней. Этотъ трактатъ былъ посвященъ епископамъ Эмбрена, Арля, Гапа и Ди и призывалъ ихъ приложить всѣ силы къ искорененію этой ереси, прибѣгая въ случаѣ надобности и къ оружію свѣтскихъ владыкъ.

На смѣну Петра Брюйсенскаго явился новый ересіархъ, еще болѣе страшный. Мы мало знаемъ о первыхъ шагахъ Генриха, монаха изъ Лозанны; онъ покинулъ свой монастырь при обстоятельствахъ, которыя позднѣе св. Бернаръ поставилъ ему въ упрекъ; но, быть-можетъ, это была первая вспышка его реформатскаго ума, жертвою котораго онъ палъ впослѣдствіи. Затѣмъ мы находимъ его въ Мансѣ, куда онъ явился, вѣроятно, въ 1116 г. Здѣсь строгостью своей жизни онъ вызвалъ къ себѣ почитаніе народа, чѣмъ и воспользовался, чтобы напасть на духовенство. Его ученіе этого періода его жизни намъ мало извѣстно; мы знаемъ лишь, что онъ отрицалъ почитаніе святыхъ, и что его проповѣдь производила такое впечатлѣніе, что женщины, увлеченныя его рѣчью, снимали съ себя драгоцѣнные камни и роскошные наряды, и что молодые люди вступали въ бракъ съ публичными женщинами, чтобы вырвать ихъ изъ когтей разврата. Проповѣдуя аскетизмъ и любовь къ ближнему, Генрихъ такъ безжалостно бичевалъ пороки Церкви, что духовенство всей епархіи было бы совершенно уничтожено, если бы дворянство не встало на его защиту. Знаменитый мансскій епископъ Жильдеберъ въ то время, когда Генрихъ выступилъ съ проповѣдью, былъ въ Римѣ; вернувшись, онъ на публичномъ диспутѣ опровергъ ересь и принудилъ Генриха удалиться изъ его епархіи, но не могъ подвергнуть его наказанію. Послѣ этого онъ появляется въ Пуатье и Бордо, затѣмъ мы теряемъ его изъ виду и уже встрѣчаемъ плѣнникомъ арльскаго епископа, который въ 1134 г. отвелъ его къ папѣ Иннокентію на Пизанскій соборъ. Здѣсь онъ былъ уличенъ въ ереси и осужденъ въ тюрьму. Спустя нѣкоторое время его освободили и сослали въ Лозаннскій монастырь, откуда онъ вышелъ, чтобы вступить въ болѣе строгій цистерціанскій орденъ въ Клерво. Мы не знаемъ, почему отказался онъ отъ своей миссіи ересіарха, но мы снова встрѣчаемъ его болѣе горячимъ, чѣмъ прежде, послѣдователемъ ученія Петра Брюйсенскаго, отрицающимъ таинство евхаристіи, обличающимъ духовенство, осуждающимъ десятинный налогъ, вклады въ церкви и всѣ другіе источники церковныхъ доходовъ и, наконецъ, утверждающимъ, что не слѣдуетъ молиться въ церквахъ.

Ареной его дѣятельности былъ югъ Франціи, гдѣ тлѣвшійся еще пепелъ петробрюсіанизма готовъ былъ снова вспыхнуть яркимъ пламенемъ. Успѣхъ его проповѣди былъ

---

[1]) Jonae Aurelians. «De cultu imaginum».—Petri Venerab. «Tract. contra Petrobrusianos».—P. Abaelardi «Introd. ad theolog.», lib. II, cap. 4.—Alphonsi da Castro, «adv. Haereses», lib. III, стр. 168 (изд. 1571 г.).—Fisquet, «La France pontificale», Эмбренъ, стр. 848.

Библиотека "Руниверс"

невѣроятный. Св. Бернаръ въ 1147 г. съ полнымъ отчаяніемъ описываетъ положеніе католической церкви въ обширныхъ владѣніяхъ Тулузскаго графства: «Церкви безъ вѣрныхъ, вѣрные безъ священниковъ, священники безъ уваженія, христіане безъ Христа. На церкви смотрятъ какъ на синагоги; не почитаютъ болѣе святилища Господа нашего и Владыки; таинствъ не считаютъ святыми, праздниковъ не празднуютъ, люди умираютъ въ грѣхахъ, и души ихъ идутъ на Страшный Судъ, не очищенныя покаяніемъ, не укрѣпленныя святымъ причастіемъ. Малыя дѣти Христа лишены жизни, такъ какъ имъ отказано въ крещеніи. Голосъ одного еретика заглушаетъ соединенные голоса апостоловъ и пророковъ, созвавшихъ всѣ народы въ лоно церкви Христовой».

Прелаты юга Франціи, не будучи въ состояніи остановить распространеніе ереси, взывали о помощи. Но дворяне оставались глухи къ этому призыву, потому что они, какъ и весь народъ, презирали духовенство и были довольны, что ученіе Генриха дастъ имъ предлогъ грабить и притѣснять Церковь. Былъ вызванъ папскій легатъ Альберикъ, который упросилъ св. Бернара сопровождать его съ шартрскимъ епископомъ Готфридомъ и съ другими выдающимися церковными дѣятелями. Св. Бернаръ былъ въ это время боленъ; но опасность, угрожавшая Церкви, пробудила его рвеніе, и онъ, не задумываясь, принялъ тяжелую миссію. Настроеніе народа со всей рѣзкостью выразилось въ пріемѣ, оказанномъ легату въ Альби; жители въ насмѣшку встрѣтили его на ослахъ и съ барабаннымъ боемъ, а когда онъ пригласилъ ихъ отслушать обѣдню, то въ церковь съ трудомъ набралось около тридцати человѣкъ. Но если вѣрить разсказамъ его учениковъ, успѣхъ св. Бернара былъ невѣроятный. Слава, предшествовавшая ему, росла со дня на день благодаря приписываемымъ ему чудесамъ не менѣе, чѣмъ благодаря его увлекательному краснорѣчію и тонкой діалектикѣ. Народъ толпами стекался слушать его проповѣди и выходилъ изъ церкви обращеннымъ на путь истины. Въ Альби св. Бернаръ прибылъ послѣ несчастнаго вступленія туда легата, и соборъ едва могъ вмѣстить толпу, собравшуюся на его проповѣдь. Кончая свою проповѣдь, святой въ слѣдующихъ выраженіяхъ заклиналъ толпу: «Покайтесь, осквернённые! Вернитесь въ лоно Церкви, и пусть всякій кающійся въ знакъ своего раскаянія подниметъ правую руку». И поднялись руки всѣхъ. Однажды, окончивъ проповѣдь передъ несмѣтной толпой, онъ уже садился на лошадь, какъ вдругъ одинъ закоренѣлый еретикъ, думая смутить его, остановилъ его и сказалъ: «Ваше высокопреподобіе, у нашего учителя, о которомъ вы отзываетесь такъ дурно, нѣтъ такой толстой и быстрой лошади, какъ ваша». — «Другъ мой,—возразилъ святой,—я не спорю съ тобой. Лошадь ѣстъ и жирѣетъ себѣ на пользу, такъ какъ она — животное, которому природой предназначено жить плотскою жизнью, не оскорбляя этимъ Бога. Но когда твой учитель, ты и я будемъ судимы предъ престоломъ Всевышняго, то толщина шей нашихъ лошадей не будетъ принята во вниманіе; каждый изъ насъ будетъ судимъ по его собственной шеѣ. Взгляни же на мою шею и скажи, толще ли она шеи твоего учителя, и въ правѣ ли ты порицать меня?» Съ этими словами онъ отбросилъ капюшонъ и обнажилъ свою длинную, худую шею, изможденную постомъ и умерщвленіемъ плоти; и смутились всѣ невѣрующіе. Правда, ему не удалось обратить на путь истины отступившихъ отъ Церкви въ Верфейлѣ, гдѣ сто рыцарей отказались слушать его, но онъ проклялъ ихъ за это, и всѣ они, какъ говорятъ, погибли ужасною смертью.

Св. Бернаръ вызвалъ Генриха на собесѣдованіе, но еретикъ благоразумно уклонился, отчасти потому, что боялся своего краснорѣчиваго противника, отчасти потому, что не былъ увѣренъ въ своей личной безопасности. Но какая бы ни была истинная причина отказа, уклоненіе Генриха отъ вызова дискредитировало его въ глазахъ очень многихъ дворянъ, дотолѣ ему покровительствовавшихъ, и онъ даже былъ вынужденъ скрыться. Католики подняли голову и, когда въ слѣдующемъ году убѣжище еретика было открыто,

Библиотека "Руниверс"

его схватили и скованнаго привели къ епископу. Какъ, гдѣ и когда онъ умеръ, намъ не извѣстно, но предполагаютъ, что онъ кончилъ дни свои въ темницѣ [1]).

Съ этого времени мы не встрѣчаемъ упоминаній, чтобы послѣдователи Генриха представляли опредѣленную секту; но, однако, въ 1151 г. одна молодая дѣвушка, чудесно вдохновленная Св. Дѣвой Маріей, обратила въ эту ересь много народу, и, по всей вѣроятности, ересь продолжала тайно существовать въ Лангедокѣ до появленія вальденцевъ, съ которыми и слились генрихіанцы. Есть указанія на то, что въ разныхъ странахъ, весьма удаленныхъ одна отъ другой, существовали небольшія группы сектантовъ, примыкавшихъ къ ученію Генриха; это—явное доказательство того, что, несмотря на преслѣдованія, идея отрицанія священства и таинства не умерла. Въ то время, когда св. Бернаръ дѣйствовалъ въ Лангедокѣ, цистейнфельдскій пріоръ Евервинъ обратился къ нему съ просьбой помочь ему въ борьбѣ съ вновь открытыми въ Кельнѣ еретиками; безъ сомнѣнія, это были манихеи и генрихіанцы, которые выдали сами себя своими постоянными спорами. Кельнскіе генрихіанцы хвалились тѣмъ, что ихъ ученіе распространено по всему христіанскому міру, и что у нихъ есть свои мученики. По всей вѣроятности, генрихіанцы же потрясли Перигоръ подъ предводительствомъ нѣкоего Понса, который своею строгою жизнью и внѣшней святостью привлекъ къ себѣ много сторонниковъ даже среди дворянъ, священниковъ, монаховъ и монахинь. Кромѣ отрицанія таинствъ, эти еретики, предваряя св. Франциска, проповѣдывали нищету, какъ необходимое условіе спасенія, и отказывались брать деньги. Движеніе, возбужденное ими, оставило слѣды въ легендахъ, связанныхъ съ ихъ именемъ. Они горячо искали преслѣдованія и громко призывали палачей; но, несмотря на свое пламенное желаніе принять мученическую смерть, они не могли быть убиты, такъ какъ ихъ повелитель Сатана освобождалъ ихъ отъ оковъ и тюрьмы. Намъ ничего не извѣстно о судьбѣ Понса и его учениковъ; но ихъ число и дѣятельность ясно показываютъ, что настроеніе умовъ было не спокойно, и что повсюду болѣе или менѣе чувствовалась нужда въ коренной реформѣ [2]).

Ересь Арнольда Брешіанскаго преслѣдовала болѣе опредѣленную цѣль. Ученикъ Абеляра, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что раздѣлялъ заблужденія своего учителя и неправильно смотрѣлъ на крещеніе дѣтей и на таинство св. евхаристіи. Но не въ его богословскихъ заблужденіяхъ было дѣло; главная его вина въ глазахъ Церкви состояла въ томъ, что онъ энергично бичевалъ пороки духовенства и возбуждалъ мірянъ отбирать у церкви присвоенныя ею привилегіи и богатства. Глубоко убѣжденный, что главною причиной наблюдаемаго въ христіанствѣ зла былъ свѣтскій характеръ духовенства, онъ училъ, что Церковь не должна имѣть ни мірскихъ имуществъ, ни права суда; что она должна строго ограничиваться отправленіемъ своихъ духовныхъ обязанностей. Человѣкъ строгой нравственности, всѣми уважаемый, безупречный въ своей аскетической жизни, высоко образованный, богато одаренный и, вдобавокъ, обладавшій неотразимымъ краснорѣчіемъ, онъ сталъ грозой духовенства и пріобрѣлъ себѣ много послѣдователей среди мірянъ, которые тѣмъ охотнѣе шли за нимъ, что его ученіе удовлетворяло ихъ мірскія стремленія и въ то же время отвѣчало ихъ мечтамъ о духовной реформѣ. Второй Латеранскій соборъ 1139 г. попытался подавить возбужденное имъ броженіе въ городахъ Ломбардіи; соборъ осудилъ его и запретилъ ему проповѣдь; но Арнольдъ отказался подчиниться этому рѣшенію,

---

[1]) S. Bernardi «Epist.» 241, 242.—Gesta pontif. Cenomonens. (D. Bouquet, т. XII, 547—551, 554). — Hildeberti Cenoman. «Epist.» 23, 24. — S. Bernardi «Vit. prim.», lib. III, cap. 6; lib. VII, p. III, ad calcem; lib. VII, cap. 17. — Guill. de Podio-Laurent. cap. 1. — Alberic. Trium Font. «Chron.» ann. 1148.

[2]) Matt. Paris, «Hist. Angl.» ann. 1151. — S. Bernardi «Epist.» 472. — Hereberti Monachi «Epist.» (D. Bouquet, XII, 550—551).

Библиотека "Руниверс"

я на слѣдующій годъ папа Иннокентій II, санкціонируя постановленія Сансскаго собора, подвергъ его тому же осужденію, какое было вынесено противъ Абеляра; онъ приказалъ обоихъ ихъ ввергнуть въ тюрьму, а сочиненія ихъ сжечь. Арнольдъ бѣжалъ во Францію, откуда былъ вынужденъ перебраться въ Швейцарію; мы видимъ его дѣйствующимъ здѣсь съ невѣроятной энергіей сначала въ Констанцѣ, а потомъ въ Цюрихѣ; причемъ св. Бернаръ неустанно преслѣдуетъ его. Если вѣрить послѣднему, быстрые успѣхи проповѣди Арнольда были поразительны, потому что «зубы его были какъ стрѣлы, а языкъ—какъ остро отточенный мечъ». Послѣ смерти Иннокентія Арнольдъ явился въ Римъ и, повидимому, въ 1145 или 1146 г. примирился съ папой Евгеніемъ III. Безчинства и безпорядки въ городѣ, которыхъ не могла сломить энергія предшественниковъ Евгенія, скоро утомили этого папу такъ, что онъ покинулъ Римъ и перебрался во Францію. Обыкновенно думаютъ, что въ этомъ событіи Арнольдъ игралъ рѣшающую роль. Тщетно св. Бернаръ писалъ увѣщанія къ римлянамъ, тщетно взывалъ онъ къ императору Конраду, убѣждая его силою возстановить папскую власть. Конрадъ въ это время высокомѣрно принималъ пословъ республики, которые приглашали его возложить на себя императорскую корону Италіи, говоря, что ихъ цѣль — возстановленіе императорской власти въ томъ видѣ, какъ она была при цезаряхъ. Вернувшись въ 1148 г. въ Италію, Евгеній въ Брешіи осудилъ Арнольда и угрожалъ отнятіемъ бенефицій тѣмъ членамъ римскаго духовенства, которые продолжали стоять на его сторонѣ. Но римляне оказались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ, и папа могъ вступить въ Римъ только подъ условіемъ, что разрѣшаетъ жить въ немъ и Арнольду.

Послѣ смерти Конрада III, въ 1152 г., Евгеній III поторопился заручиться поддержкой новаго римскаго императора Фридриха Барбароссы, убѣдивъ его, что Арнольдъ и его сторонники сговорились избрать другого императора и добиться, чтобы римская имперія была таковою не только по имени, но и на дѣлѣ. Фридрихъ полагалъ, что ему необходимо привлечь на свою сторону папу, чтобы сохранить корону. Забывъ совершенно о непримиримой враждѣ между свѣтской и духовной властью, онъ связалъ свои интересы съ интересами папы; онъ далъ ему клятвенное обѣщаніе смирить возмутившійся городъ и возстановить въ старыхъ границахъ отнятую у него область. Съ своей стороны, Евгеній обѣщалъ Фридриху, когда онъ усмиритъ Италію, короновать его и поражать враговъ его грознымъ оружіемъ отлученія отъ Церкви.

Господство римской черни не было всегда мирнымъ и спокойнымъ. Было нѣсколько мятежныхъ возстаній, во время которыхъ дворцы дворянъ и кардиналовъ были разграблены, а имъ самимъ нанесены оскорбленія; во время народнаго бунта 1154 г. былъ даже убитъ кардиналъ де Санта Пуденціана. Когда на папскій престолъ вступилъ ловкій англичанинъ Адріанъ IV, то онъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, отлучилъ отъ Церкви столицу христіанскаго міра до тѣхъ поръ, пока не будетъ изгнанъ Арнольдъ; это было передъ Пасхой, и народъ, пораженный, что ему придется встрѣтить великій праздникъ безъ святого причастія, почти сразу покинулъ Арнольда, который былъ принужденъ удалиться въ сельскій замокъ одного изъ своихъ друзей. На слѣдующій годъ Фридрихъ вступилъ въ Римъ, заключивъ предварительно съ Адріаномъ условіе относительно выдачи Арнольда. Покровителямъ послѣдняго было предложено выдать его, и они исполнили это требованіе. Церковь постаралась отстранить отъ себя всякое нареканіе въ мстительности; такъ какъ Арнольдъ былъ монахъ, то его, конечно, судилъ духовный судъ, обвинившій его въ ереси, а затѣмъ его передали, какъ осужденнаго еретика, въ руки свѣтской власти. Ему было обѣщано прощеніе, если онъ отречется отъ своихъ заблужденій, но онъ категорически отказался отъ этого, и послѣднія минуты своей жизни провелъ въ тихой молитвѣ. Даже сами палачи до слезъ были тронуты его покорностью небесной волѣ, и ему оказали особую милость: его повѣсили, а потомъ уже сожгли его трупъ, и пепелъ

Библиотека "Руниверс"

бросили въ Тибръ, чтобы римляне не сохраняли его какъ святыню и не почитали Арнольда какъ мученика. Фридрихъ Барбаросса, говорятъ, скоро раскаялся, что предалъ этого несчастнаго; но уже было поздно; въ непродолжительномъ времени ему пришлось пожалѣть, что онъ лишился союзника, который избавилъ бы его отъ унизительныхъ поклоновъ передъ папой Александромъ III [1]).

Хотя непосредственное вліяніе Арнольда было кратковременно, но его дѣятельность имѣла большое значеніе какъ проявленіе чувства недовольства, которое пробуждали у передовыхъ людей завоевательная тенденція и испорченность Церкви. Арнольдъ потерпѣлъ неудачу въ своемъ дѣлѣ; онъ погибъ потому, что не разсчиталъ точно, какія огромныя силы были противъ него, но все же его мученическая смерть не прошла безслѣдно. Его ученіе оставило глубокіе слѣды въ умахъ народной массы, и его послѣдователи въ теченіе столѣтій тайно сохраняли его ученіе и чтили его память. Римская курія прекрасно понимала, что дѣлала, когда бросила въ Тибръ пепелъ Арнольда; она заранѣе опасалась того дѣйствія, которое произвело бы на народную массу почитаніе праха своего народнаго мученика. Тайныя общества Арнольдистовъ образовались подъ именемъ «Бѣдныхъ» и приняли ученіе, что таинства могутъ совершаться только руками непорочными и не оскверненными преступленіемъ. Въ 1184 г. Арнольдисты были осуждены папою Луціемъ III на такъ называемомъ Веронскомъ соборѣ; около 1190 г. о нихъ упоминаетъ Бонаккорси, и до XVI вѣка имя ихъ встрѣчается въ спискахъ ересей, запрещенныхъ цѣлымъ рядомъ эдиктовъ и буллъ. Но есть одно доказательство того, что ихъ забыли: знаменитый глоссаторъ Іоаннъ Андреасъ, умершій въ 1384 г., замѣчаетъ, что, по всей вѣроятности, эта секта получила свое имя отъ имени своего основателя.

Когда Петръ Вальдо Ліонскій сдѣлалъ попытку болѣе мирнымъ путемъ дать господство тѣмъ же идеямъ, и когда его послѣдователи образовали общину «Ліонскихъ Бѣдныхъ», то ихъ итальянскіе братья выразили готовность дѣйствовать сообща съ новыми реформаторами. Правда, между ученіями этихъ двухъ школъ были нѣкоторыя различія, но они были настолько незначительны, что обѣ школы слились, и Церковь предала ихъ вмѣстѣ анаѳемѣ. Весьма близко къ Арнольдистамъ и Ліонскимъ Бѣднымъ стояли Umiliati; это не были еретики въ полномъ смыслѣ слова; это были странствующіе міряне, которые, къ великому соблазну духовенства, проповѣдывали и исповѣдывали [2]).

Болѣе серьезнымъ и продолжительнымъ по своимъ результатамъ было антисацердотальное направленіе, невольнымъ основателемъ котораго въ половинѣ XII вѣка явился

---

[1]) S. Bernardi «Epist.» 189, 195, 196, 243, 241.—Gualt. Mapes, «De nugis curialium», dist. I, cap. XXIV. Otton. Frisingens. «De gestis Frid. I», lib. I, cap. 27; lib. II, cap. 20.—Harduin. «Concl.», VI, II, 1224.—Martène, «Ampliss. Coll.», II, 554—558.—Gunther i «Ligurin.», lib. III, 262—348.—«Gesta di Federico I in Italia, descritti in versi latini da un anonimo contemporaneo», Римъ, 1887, стр. 31—35.—Gerhohi Reichersperg. «De investig. Antichristi», I.—Baronii «Annal.» ann. 1148, № 38.—Jaffé, «Regest.», № 6445.—Vita Adriani PP. III (Muratori, III, 441, 442).—Saechsische Weltchronik, № 301.—Cantu, «Eretici d'Italia», I, 61—63.—Tocco, «L'Eresia nel medio evo», стр. 242, 243.—Comba, «La riforma in Italia», I, 193, 194—199.—Bonghi, «Arnaldo da Brescia», Città di Castello, 1885.

[2]) Lucii PP. III «Epist.», 171.—Bonacursi «Vit. Haeretic.» (d'Achery, т. I, 214, 215).—Constit. general. Frid. ann. 1200, § 5.—Его же Constit. Ravenn. ann. 1232.—Conrad. Urspergens ann. 1210.—Pauli Aemilii «De Reb. gestis Fran.» lib. VI, (изд. 1569).—Nicolai PP. III, Bull. «Noverit Universitas», 5 mart. 1280.—Julii PP. II, Bull. «Consueverunt», 1 mart. 1511.—Innocenti PP. III, «Regest.», II, 228.—Joann. Andreae «Gloss. super. cap. Excommunicamus» (Eymeric. «Direct. inquis.», стр. 182).

Различія между французскими и итальянскими вальденцами указаны въ посланіи послѣднихъ къ нѣмецкимъ вальденцамъ послѣ собранія въ Бергамо въ 1218 г. Посланіе это было найдено Вильгельмомъ Прегеромъ въ Мюнхенской Королевской Библіотекѣ и напечатано въ его «Beiträge zur Gesch. der Waldesier im Mittelalter», Мюнхенъ, 1875.

Библиотека "Руниверс"

Петръ Вальдо. Это былъ богатый ліонскій купецъ, безъ особаго образованія, но страстно желавшій познать истины Священнаго Писанія. Для этого онъ приказалъ перевести Новый Завѣтъ, извлеченія изъ Библіи и выдержки изъ «Твореній отцовъ церкви», извѣстныя подъ именемъ «Sentences». Онъ горячо принялся за ихъ ученіе, выучилъ ихъ наизусть и пришелъ къ убѣжденію, что нигдѣ въ жизни не сохранилось апостольской чистоты, переданной намъ въ ученіи Іисуса Христа. Увлеченный евангельскимъ идеаломъ, онъ предложилъ женѣ сдѣлать выборъ между движимостью и недвижимостью; она предпочла второе; тогда онъ распродалъ все свое движимое имущество; помѣстилъ двухъ своихъ дочерей въ аббатство Фонтевро, а деньги роздалъ бѣднымъ, которые умирали тогда отъ голода. Передаютъ, что послѣ этого онъ пошелъ просить кусокъ хлѣба къ одному изъ своихъ друзей, который обѣщалъ давать ему въ теченіе всей его жизни все необходимое для удовлетворенія насущныхъ потребностей; но жена Вальдо, узнавъ объ этомъ, обратилась съ жалобой къ архіепископу, и онъ приказалъ ему брать хлѣбъ только у жены. Отнынѣ онъ посвятилъ свою жизнь проповѣдыванію евангелія по улицамъ и дорогамъ; къ нему стекалось множество подражателей обоего пола, которыхъ онъ разсылалъ какъ миссіонеровъ по сосѣднимъ городамъ. Они входили въ дома, возвѣщая евангеліе людямъ; они проповѣдывали въ церквахъ, толковали писаніе на площадяхъ и всюду находили слушателей, тѣмъ болѣе внимательныхъ, что духовенство, какъ мы видѣли выше, давно уже забросило дѣло проповѣди. Слѣдуя обычаямъ времени, они вскорѣ присвоили себѣ особое одѣяніе, причемъ, подражая апостоламъ, обулись въ сандаліи, откуда и получили имя Insabbatati или Zaptati, т.-е. «Обутые»; сами же себя они называли Li Poure de Lyod, т.-е. «Ліонскіе Бѣдные» [1]).

Начавъ поучать народъ слову Божію и толковать правила религіи, эти ревностные, но невѣжественные люди неизбѣжно должны были впадать въ заблужденія, которыя легко могъ обличить любой богословъ. Съ другой стороны, эти непризванные проповѣдники, при-

[1]) Chron. Canon. Laudun. ann. 1173 (Bouquet, XIII, 680).—Steph. de Borbone s. Bellavilla, «Lib. de VII Donis Spiritus», p. IV, tit. VII, cap. 3 (D'Argentré, «Coll. Judicior.», I, I, 85 и слѣд.)—Richard. Cluniac. «Vit. Alex. PP. III» (Murat. III, 447).—David. Augustens. «Tract. de Paup. de Lugd.» (Martène, «Thesaur.» V, 1778).—Monetae, «adv. Cath. et Wald.», lib. V, cap. 1, § 4.—Pet. Sarnens., cap. 2. - Passav. Anon. «ap.» Gretser («Mag. Bib. Pat.», изд. 1618 г., т. XIII, стр. 300).—Petri de Pilichdorf., «C. Haer. Wald.», cap. 1.—Pegnae «Comment.» 39 in Eymer. «Dir. inquis.», стр. 280).

Я думаю, что никто теперь не защищаетъ стремленія вальденцевъ выводить себя отъ первыхъ христіанъ черезъ посредство Леонистовъ и Клавдія Туринскаго. См. Ed. Montet, «Hist. litt. des Vaudois», Парижъ, 1885, стр. 32; Проф. Emil. Comba въ «Riv. Christ.», іюнь, 1882, стр. 200—206, и «Riforma in Italia, I, 233.—Бернардъ Ги («Practica», Mss. Bib. Nat. Coll. Doat, т. XXX, 185 и слѣд.), согласно свидѣтельству Ричарда Клюнійскаго и Стефана Бурбона, относитъ первые шаги П. Вальдо къ 1170 г.; Ланскій Канонъ даетъ 1173 г.

Мѣсто и годъ смерти Вальдо не извѣстны. Его французскіе послѣдователи чтили его память и память его помощника Вива и ввели даже въ свое ученіе утвержденіе, что оба они находятся въ раю; но ломбардская вѣтвь секты допускала лишь то, что они могутъ быть среди избранныхъ, если они передъ смертью примирились съ Богомъ; это различіе во взглядахъ чуть-было не вызвало раскола на собраніи въ Бергамо въ 1218 г. (W. Preger, «Beitr. zur Gesch. der Wald.», стр. 58).

Литература вальденцевъ долгое время, подъ вліяніемъ Петра Вальдо, сохраняла любовь заимствовать притчи у Отцовъ церкви. Толкованіе этихъ притчъ и библейскихъ текстовъ отличается полнымъ отсутствіемъ оригинальности. Такъ, напримѣръ, текстъ изъ «Пѣсни Пѣсней» (II, 15): «ловите намъ лисицъ, лисятъ, которыя портятъ виноградники» обыкновенно въ средніе вѣка объясняли, подразумѣвая подъ лисицами еретиковъ, а подъ виноградникомъ церковь. Въ папскихъ буллахъ, призывающихъ инквизицію усилить свою дѣятельность, еретики часто сравниваются съ лисицами, опустошающими вертоградъ Господа Бога. И вотъ вальденцы (этого примѣра достаточно) скромно повторяютъ это толкованіе (Montet, «Op. laud.», стр. 66).

Библиотека "Руниверс"

зывая людей къ покаянію и убѣждая ихъ стремиться къ вѣчному спасенію, понятно, не щадили пороковъ и преступленій духовенства. Скоро стали подниматься жалобы противъ новыхъ евангелистовъ; Іоаннъ Прекраснорукій, архіепископъ ліонскій, вызвалъ ихъ къ себѣ и запретилъ имъ проповѣдывать. Они ослушались и были отлучены отъ церкви. Тогда Петръ Вальдо обратился къ папѣ (по всей вѣроятности, къ Александру III) съ жалобой на архіепископа; папа одобрилъ его обѣтъ нищеты и разрѣшилъ проповѣдывать, если мѣстное духовенство не будетъ имѣть ничего противъ этого; первое время эта оговорка соблюдалась, но вскорѣ о ней забыли. Бѣдные не переставали выдвигать положенія, все болѣе и болѣе опасныя, и продолжали нападать на духовенство съ возрастающей энергіей. Тѣмъ не менѣе, съ Церковью они не разрывали и въ 1179 г. были даже на Латеранскомъ соборѣ, гдѣ предъявили свои толкованія Священнаго Писанія и ходатайствовали о разрѣшеніи имъ проповѣдывать. Присутствовавшій при этомъ Готье Мапъ смѣется надъ ихъ невѣжествомъ и наивностью и съ гордостью говоритъ, какъ легко ему было опровергнуть ихъ положенія, когда соборъ поручилъ ему изслѣдовать ихъ богословское ученіе. Онъ даже не чувствовалъ уваженія къ ихъ святой нищетѣ, къ ихъ подражанію апостоламъ и Христу. Позднѣе они просили у Рима разрѣшенія основать орденъ проповѣдниковъ; но Луцій III отказалъ, ссылаясь на ихъ сандаліи, на ихъ монашескія мантіи и на то, что въ ихъ странствующихъ группахъ были и женщины и мужчины; а вскорѣ, разсерженный ихъ упорствомъ, онъ предалъ ихъ анаѳемѣ на Веронскомъ соборѣ 1184 г. Они не согласились отказаться отъ своей миссіи и даже не считали себя отдѣлившимися отъ Церкви. Несмотря на новое отлученіе на Нарбоннскомъ соборѣ, они въ 1190 г. согласились на публичный диспутъ въ Нарбоннѣ, причемъ третейскимъ судьей былъ избранъ Раймонъ де Давентеръ. Рѣшеніе суда, конечно, было не въ ихъ пользу; но это собесѣдованіе крайне интересно, потому что изъ него видно, насколько къ этому времени они удалились отъ ученія католической церкви. Диспутъ вращался около слѣдующихъ шести пунктовъ: 1) они не оказываютъ повиновенія папѣ и прелатамъ; 2) всѣ, не исключая и мірянъ, имѣютъ право проповѣдывать; 3) согласно ученію апостоловъ, Богу слѣдуетъ повиноваться болѣе, чѣмъ человѣку; 4) женщины могутъ проповѣдывать; 5) обѣдни, молитвы и милостыня за поминъ души не имѣютъ никакого значенія; нѣкоторые изъ вальденцевъ, какъ говорятъ, отрицали при этомъ чистилище; 6) молитва, произнесенная въ постели, комнатѣ или конюшнѣ, дѣйствительна не менѣе молитвы, произнесенной въ церкви. Все это было въ сущности не ересь, а возстаніе противъ духовенства; но изъ обличительнаго трактата, написаннаго тогда же по порученію папы Луція III Аленомъ де л'Иль, Doctor'омъ Universalis, мы узнаемъ, что вальденцы способны были доводить свои принципы до крайнихъ предѣловъ, и что они принимали нѣкоторыя ученія, отличныя отъ ученій католической церкви [1]).

Вальденцы полагали, что слѣдуетъ повиноваться хорошимъ священникамъ, т.-е. такимъ, которые ведутъ апостольскую жизнь, и что только эти безупречные священники имѣютъ право вязать и разрѣшать грѣхи. Подобное ученіе наносило смертельный ударъ всему внутреннему строю Церкви. И дѣйствительно, если личныя заслуги, а не посвященіе, давали право совершать таинства и благословлять, то это могъ дѣлать и всякій простой человѣкъ, ведущій примѣрный образъ жизни; а такъ какъ вальденцы полагали, что всѣ они живутъ безупречно, то, слѣдовательно, всѣ они, безъ исключенія, могли отправлять всѣ священническія обязанности. Далѣе, отсюда вытекало, что богослуженіе и требы, со-

[1]) «Chron. Canon. Laudunens.» ann. 1177, 1178 (Bouquet, XIII, 682).—Stephani de Borbone l. c. -Richard. Cluniac., l. c.—David. Augustens., l. c.—Monetae, l. c. - Gualt. Mapes, «De nugis curialium», dist. I, cap. 31.—Lucii PP. III, «Epist.», 171.- Conrad. Ursperg. ann. 1210.—Bernardi Fontis Calidi «Adv. Waldenses».

Библиотека "Руниверс"

вершаемыя недостойными священниками, не имѣютъ никакого значенія; этотъ выводъ французскіе вальденцы приняли послѣ нѣкотораго колебанія, а итальянскіе — сразу, не задумываясь надъ нимъ. Ученіе, что исповѣдь передъ мірянином была такъ же дѣйствительна, какъ и исповѣдь передъ священникомъ, сильно подрывало значеніе таинства покаянія, хотя четвертый Латеранскій соборъ не призналъ еще, что исповѣдь должна быть даваема исключительно передъ священнослужителемъ; даже самъ Аленъ признаетъ, что въ случаѣ отсутствія священника можно исповѣдываться и передъ мірянином. Затѣмъ вальденцы отрицали систему индульгенцій какъ выдумку духовенства. Они признавали три существенныхъ требованія нравственности, которыя являются отличительнымъ признакомъ ихъ секты: всякая ложь есть смертный грѣхъ; всякая клятва, даже и передъ судомъ, запрещена; пролитіе крови человѣческой всегда недопустимо, даже на войнѣ и по приговору суда. Послѣднее положеніе заключало въ себѣ ученіе о непротивленіи злу и умаляло опасность, которую вальденская ересь могла оказать на нравственную сторону общества. Значительно позднѣе, въ 1217 г., одинъ хорошо освѣдомленный современникъ утверждалъ, что главныя четыре заблужденія вальденцевъ состояли въ томъ, что они носили сандаліи, подражая апостоламъ, запрещали клятву и человѣкоубійство и учили, что всякій членъ ихъ секты, въ виду того, что носилъ сандаліи, могъ въ случаѣ надобности совершать таинство евхаристіи [1]).

Все это было вызвано наивнымъ и искреннимъ желаніемъ слѣдовать словамъ Спасителя и сдѣлать евангеліе дѣйствительнымъ руководствомъ въ повседневной жизни. Но если бы эти принципы получили всеобщее признаніе, они довели бы Церковь до нищеты апостольскихъ временъ и уничтожили бы большинство различій между священнослужителями и мірянами. Сектанты были вдохновленные и истинные миссіонеры; ихъ ревность въ поискахъ прозелитовъ была безгранична; они переходили изъ страны въ страну, проповѣдуя свое ученіе и находя повсюду радушный пріемъ; особенно сердечно относились къ нимъ низшіе классы, всегда готовые принять ученіе, которое сулило имъ освобожденіе отъ тиранніи порочнаго духовенства. Передаютъ, что одинъ изъ главныхъ вальденскихъ апостоловъ носилъ съ собой разное платье, появляясь то въ видѣ сапожника, то въ видѣ цырюльника, то въ видѣ крестьянина; возможно, что цѣлью этихъ переодѣваній было желаніе обмануть преслѣдователей, но, съ другой стороны, этотъ разсказъ даетъ намъ указаніе на то, среди какихъ классовъ общества проповѣдывали преимущественно вальденцы.

Число Ліонскихъ Бѣдныхъ росло невѣроятно быстро по всей Европѣ; Церковь начала серьезно безпокоиться—и не безъ основанія, такъ какъ, по свидѣтельству одного древняго вальденскаго документа, во время Вальдо или въ эпоху, слѣдовавшую непосредственно за нимъ, на вальденскихъ соборахъ въ среднемъ собиралось до 700 чел.

Въ 1194 г., т.-е. вскорѣ послѣ Нарбонскаго собесѣдованія, Альфонсомъ II Арагонскимъ былъ данъ сигналъ къ преслѣдованію еретиковъ; опубликованный имъ по этому поводу эдиктъ интересенъ, какъ первый (если не считать Кларендонскихъ постано-

---

[1]) Alani de Insulis «Contra Haereticos», lib. II.—Disputat. inter Cathol. et Paterin. (Martène, «Thesaur.», V, 1754).—Rescript. Pauperum Lombard. 21, 22. (W. Preger, «Beitr.», 60, 61).—Eymerici «Direct. Inquis.», p. II, q. 14 (p. 278, 279).—Petri Sarnaii, «Historia Albigens.», cap. 2.—Въ 1321 г. одинъ мужчина и женщина, привлеченные тулузской инквизиціей, отказались дать присягу; причемъ они причиной своего отказа выставили не только грѣховность присяги, но и убѣжденіе, что мужчина, давшій присягу, неминуемо захворастъ, а у женщины будетъ выкидышъ («Lib. Sent. Inq. Tolosan.», изд. Limborch'a, 289).

Во время преслѣдованія пьемонтскихъ вальденцевъ въ концѣ XIV вѣка инквизиторы, между прочимъ, предлагали всѣмъ еретикамъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли, по ихъ мнѣнію, значеніе таинства, совершенныя дурными священниками? «Processus contra Valdenses» («Archivio Storico Italiano», 1865, № 39, p. 48).

Библиотека "Руниверс"

вленій) примѣръ въ современномъ обществѣ изданія свѣтскою властью закона противъ еретиковъ. Вальденцы и всѣ другіе, осужденные Церковью, еретики были признаны государственными врагами, и имъ было предписано покинуть владѣнія короля не позднѣе другого дня послѣ дня Всѣхъ святыхъ. Всякій, кто дастъ имъ пріютъ, кто накормитъ ихъ и будетъ слушать ихъ проповѣдь, будетъ судимъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, а имущество его будетъ конфисковано. Всѣмъ священникамъ было приказано читать этотъ указъ въ церквахъ по воскреснымъ днямъ, а всѣмъ чиновникамъ слѣдить за его исполненіемъ. Первый встрѣчный могъ безнаказанно ограбить еретика, не выѣхавшаго черезъ три дня послѣ назначеннаго срока; всякое насиліе и беззаконіе въ отношеніи его, кромѣ увѣчья и убійства, будетъ разсматриваться не какъ преступленіе, а какъ поступокъ, сдѣланный въ интересахъ короля. Жестокость этихъ постановленій, ставившихъ еретика внѣ закона, осуждавшихъ его, не выслушавъ его объясненій и безъ суда отдававшихъ его на волю перваго встрѣчнаго, была черезъ три года еще болѣе увеличена сыномъ Альфонса, Петромъ II. На національномъ соборѣ въ Жеронѣ въ 1197 г. онъ подтвердилъ указъ своего отца, дополнивъ его костромъ для упорствующихъ еретиковъ. Если же какой-либо знатный сеньоръ отказывался изгнать изъ предѣловъ своего владѣнія этихъ враговъ Церкви, то было приказано чиновникамъ и всему населенію епархіи, безъ всякой отвѣтственности за причиненныя убытки, схватить его въ его феодальномъ замкѣ. Всякій, кто откажется принять участіе въ этомъ походѣ, будетъ подвергнутъ штрафу въ 20 золотыхъ монетъ. Наконецъ, всѣ чиновники обязаны были черезъ недѣлю явиться къ епископу или его намѣстнику и принести присягу въ томъ, что будутъ строго исполнять новый законъ [1]).

Характеръ этого узаконенія показываетъ, въ какомъ духѣ Церковь и государство готовились выступить противъ умственнаго движенія эпохи. Какъ ни были безобидны вальденцы, на нихъ смотрѣли какъ на очень опасныхъ враговъ, какъ на людей, которыхъ слѣдуетъ преслѣдовать безъ всякой жалости. На югѣ Франціи они были уничтожены одновременно съ альбигойцами, хотя всѣ отлично знали, что эти секты ничего общаго между собой не имѣли. Въ актахъ Инквизиціи постоянно говорится «ересь и вальдеціанизмъ», причемъ подъ ересью подразумѣвается катаризмъ, какъ ересь по преимуществу. Да и сами вальденцы считали катаровъ еретиками, на которыхъ надо дѣйствовать словомъ убѣжденія, хотя преслѣдованія, которымъ они подвергались вмѣстѣ съ ними, заставляли ихъ иногда объединяться [2]).

Въ сектѣ, распространенной на огромномъ пространствѣ, отъ Арагоніи до Чехіи, и состоявшей преимущественно изъ людей бѣдныхъ и неграмотныхъ, неизбѣжно должно было появиться различіе въ ученіи и во внутреннемъ строѣ, и самостоятельное развитіе отдѣльныхъ общинъ не могло идти одинаково всюду. Работы Дикгофа, Герцога и особенно Монте показали намъ, что первые вальденцы отнюдь не были протестантами въ современномъ смыслѣ слова, и что многіе изъ нихъ, несмотря на преслѣдованіе, продолжали считать себя членами римской церкви, хотя въ то же время неустанно указывали на ея недостатки, что приводило ихъ сначала къ расколу, а затѣмъ къ ереси. У другихъ же духъ возмущенія проявлялся гораздо быстрѣе, и вотъ почему намъ, въ предѣлахъ нашей работы, невозможно дать точную и полную картину ученія вальденцевъ, которое такъ рѣзко измѣнялось въ пространствѣ времени и мѣста.

Въ XIII вѣкѣ, напр., одинъ инквизиторъ, хорошо знакомый съ ученіемъ вальденцевъ, редактируя наказъ для испытанія ихъ въ вѣрѣ, допускаетъ, что они не вѣрятъ,

---

[1]) «Rivista Christiana», мартъ 1887, стр. 92. — Pegnae, «Comment.», 39 in Eymerici «Director.», p. 281.—Steph. de Borbone, l. c.—Concil. Gerundens. ann. 1197 (Aguirre, V, 102, 103).—Marca Hispanica, p. 1381.

[2]) См. «Sentences» Петра Целлы въ собр. Doat'a, XXII.—Montet, «Hist. litt. des Vaudois», 116 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

что Святые Дары суть тѣло и кровь Христова; и дѣйствительно, въ 1332 г. мы узнаемъ, что такъ смотрѣли на евхаристію савойскіе вальденцы. Но къ этому же самому времени относится свидѣтельство Бернара Ги, что вальденцы вѣрили въ пресуществленіе; и Монте, на основаніи изученія ихъ сочиненій, доказалъ, что они, дѣйствительно, лишь позднѣе измѣнили свое мнѣніе по этому вопросу. Инквизиторъ, сжегшій въ 1392 г. на кострѣ вальденцевъ Кельна, говоритъ, что они отрицали пресуществленіе, но при этомъ добавляли, что, если бы это чудо было возможно, то оно не совершилось бы въ рукахъ недостойнаго священника. Ту же неустойчивость мы видимъ въ ихъ ученіяхъ о чистилищѣ, о предстательствѣ святыхъ, о призываніи св. Дѣвы и т. д. Бывшій отличительной чертой этой секты при возникновеніи ея антисацердотальный характеръ, по мѣрѣ ея дальнѣйшаго развитія, естественно, привелъ ее къ отрицанію всѣхъ посредниковъ, ставимыхъ Церковью между Богомъ и человѣкомъ, хотя, впрочемъ, развитіе этого ученія не было одинаково у всѣхъ вальденцевъ. Такъ, напр., сожженные въ 1212 г. въ Страсбургѣ вальденцы отрицали всякое различіе между духовнымъ и мірянином; а ломбардскія общины въ то же время избирали себѣ посредниковъ, частью пожизненныхъ, частью временныхъ. Французскіе и ломбардскіе вальденцы признавали въ эту эпоху, что таинство евхаристіи можетъ быть совершаемо только священникомъ, получившимъ посвященіе; они расходились лишь въ вопросѣ, необходимо ли при совершеніи этого таинства, чтобы священникъ былъ чистъ отъ смертнаго грѣха. Бернаръ Ги упоминаетъ три іерархическія степени у вальденцевъ—діаконъ, священникъ и епископъ; Монте въ одной рукописи 1404 г. отыскалъ даже вальденскій чинъ посвященія, а когда въ 1467 г. образовалась Община Чешскихъ Братьевъ, то они обратились къ вальденскому епископу Стефану съ просьбой посвятить имъ первыхъ епископовъ. Однако, антисацердотальная тенденція стала настолько сильна, что различіе между лицомъ духовнымъ и свѣтскимъ въ значительной степени сгладилось, и «власть ключей» была совершенно отвергнута. Въ 1400 г. Нобла Лейкцонъ заявляетъ, что со времени св. Сильвестра всѣ папы, кардиналы, епископы и аббаты не были въ состояніи отпустить ни одного смертнаго грѣха, такъ какъ власть прощать имѣетъ одинъ только Богъ; а разъ признавали непосредственное общеніе души человѣка съ Богомъ, то всѣ индульгенціи и такъ называемыя дѣла благочестія уничтожались однимъ ударомъ. Вальденцы признавали, что вѣра безъ дѣлъ мертва, но добрыя дѣла, говорили они, суть благочестіе, раскаяніе, любовь къ ближнему и справедливость, а не хожденіе по святымъ мѣстамъ, не механическое совершеніе обрядовъ, не сооруженіе церквей и не почитаніе святыхъ [1]).

Такимъ образомъ, вальденская система церковной организаціи была очень проста и

---

[1]) Tract. de Paup. de Lugd. (Martène, «Thesaur.», V, 1792).—Wadding. «Annal. Minor.» Ann. 1332, № 6.—Bern. Guidon. «Practica» P. V (Doat. XXX).—Montet, «Hist. litt.», стр. 38, 44, 45, 89, 142.—Haupt, «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1885. стр. 551.—Pet. Coelest. (Preger, «Beiträge», 68, 69).—Kaltner, «Konrad von Marburg», 69—71.—Rescript. Paup. Lombard. §§ 4, 5, 17, 19, 22, 23.—Nobla Leyczon, 409—413 ср. Montet, стр. 49, 50, 103, 104, 143.—Passaviens. Anon., cap. 5 («Mag. Bibl. Pat.», XIII, 300).—Disput. inter Cathar. et Paterin. (Martène, «Thesaur.» V, 1754).—David Augustens. (тамъ же, стр. 1778).—Lucae Tudens., «De altera Vita», lib. I, cap. 4—7.—Tract. de modo procedendi contra Haeret. (Doat. XXX).—Index Error. Waldens. («Mag. Bib. Pat.», XIII, 340).—P. de Pilichdorf «Contra Waldenses», cap. 34.—Lib. Sent. Inq. Tolos., 200, 201.—Nobla Leyczon, 17—24, 387—405, 416—423.

Во всякомъ случаѣ, было трудно отрѣшиться отъ старыхъ суевѣрій. Вальденцы Померанін въ 1394 г. вѣрили, что, если человѣкъ умретъ до истеченія года со дня исповѣди и разрѣшенія его отъ грѣховъ, душа его прямо пойдетъ въ небо. Простая бесѣда со священникомъ обезпечивала неосуждаемость въ теченіе одного года. Извѣстенъ даже одинъ случай вклада восьми марокъ на поминъ души умершаго.—Wattenbach, «Sitzungsber. der Preuss. Akad.», 1886, стр. 51, 52.

Библиотека "Руниверс"

стремилась къ тому, чтобы стать еще болѣе простой. Различіе между свѣтскими и духовными лицами было доведено до minimum'а. Мірянинъ могъ исповѣдывать, крестить и проповѣдывать; въ нѣкоторыхъ общинахъ въ великій четвергъ каждый глава семьи причащалъ своихъ домашнихъ, освящая для этого хлѣбъ и вино и самъ раздавая ихъ. Было, впрочемъ, и у нихъ правильно организованное духовенство, члены котораго, извѣстные подъ именемъ «Совершенные» или Majorales, поучали вѣрующихъ и обращали невѣрующихъ. Они отрекались отъ всякой собственности и разставались со своими женами; нѣкоторые изъ нихъ съ юныхъ лѣтъ сохраняли самое строгое цѣломудріе. Эти священники обходили земли, исповѣдуя вѣрныхъ и привлекая новыхъ послѣдователей; жили они на добровольныя подаянія трудящагося народа. Вальденцы Померанія вѣрили, что каждыя семь лѣтъ двое изъ ихъ священниковъ возносились къ вратамъ рая, гдѣ научались божественной мудрости. «Совершенные» рѣзко отличались отъ мірянъ тѣмъ, что послѣднимъ разрѣшалось, уступая передъ обстоятельствами, давать присягу, тогда какъ первые должны были скорѣе умереть, чѣмъ преступить правило, запрещающее клясться. Инквизиторы, жалуясь на то, что еретики очень ловко и хитро отражали ихъ вопросы, признавали, что при этомъ они всегда думали болѣе о спасеніи своихъ родственниковъ и друзей, чѣмъ о самихъ себѣ [1]).

Имѣя своей задачей возстановленіе евангельской простоты, религіозное ученіе вальденцевъ должно было прежде всего быть нравственнымъ. Одинъ несчастный на судѣ инквизиціи въ Тулузѣ на вопросъ, чему его учили его наставники, отвѣтилъ: «никогда не дѣлать и не говорить ничего дурного; не дѣлать другому, чего не хочешь себѣ; не лгать и не клясться». Ученіе, правда, простое, но которое оставляетъ мало желать въ практической жизни. Подобный же отвѣтъ былъ данъ целестинскому монаху Петру въ 1394 г., когда онъ дѣйствовалъ среди вальденцевъ Померанія.

Гонимая церковь почти всегда сохраняетъ свою чистоту, и люди, которые въ теченіе долгихъ и мрачныхъ вѣковъ были вынуждены тайно и подъ вѣчнымъ страхомъ костра распространять истинно-евангельское, по ихъ мнѣнію, ученіе, не могли запятнать свою высокую и святую миссію низкими пороками, въ которыхъ обвиняли ихъ нѣкоторые фанатики. И дѣйствительно, всѣ преслѣдователи, отдающіе должное вальденцамъ, всегда признавали, что ихъ внѣшній образъ жизни достоинъ похвалы, и многіе изъ нихъ отмѣчали, насколько безупречная жизнь еретиковъ была выше жизни развратнаго католическаго духовенства. Одинъ инквизиторъ, близко знакомый съ вальденцами, описываетъ ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Эти еретики отличаются нравами и языкомъ, ибо они скромны и воздержны въ рѣчахъ. Они не проявляютъ суетности въ одеждѣ, которая всегда проста и чиста. Они никогда не пускаются въ торговлю, боясь, что имъ придется обманывать и нарушать свое слово; они предпочитаютъ жить личнымъ трудомъ какъ простые рабочіе. Учителя ихъ чеботари. Они не копятъ богатствъ, довольствуясь необходимымъ. Они умѣренны и въ пищѣ и въ питьѣ. Они не посѣщаютъ ни кабаковъ, ни баловъ, ни другихъ какихъ-либо мѣстъ развлеченія. Они умѣютъ сдерживать свой гнѣвъ. Всегда найдете вы ихъ за работой; а такъ какъ они то учатъ, то учатся, то у нихъ остается мало времени на молитву. Ихъ можно еще узнать по ясности и скромности ихъ выраженій; они избѣгаютъ въ разговорѣ шутокъ, пересудовъ, неприличныхъ выраженій, лжи и божбы. Они даже не говорятъ vere или certe, считая это равносильнымъ клятвѣ». Таково оффиціальное свидѣтельство, и въ виду его мы можемъ спокойно отвергнуть тѣ розсказни, которыя умышленно распространялись среди простого народа, чтобы возбудить его ненависть къ вальденцамъ. Ихъ обвиняли въ грязныхъ половыхъ сношеніяхъ, тогда какъ въ этомъ отношеніи имъ можно сдѣлать одинъ только упрекъ, что они, подражая первымъ

[1]) Passav. Anon., c. 5.—Bernard Guidon. «Practica P. V.». — David. Augustens. (Martène, «Thes.», V, 1786).—Steph. de Borb., l. c.– Wattenbach, l. c.—Lib. Sentent. Inq. Tolosan., стр. 352.

Библиотека "Руниверс"

христіанамъ, доводили аскетизмъ до крайности. Вальденцы признавали, что половыя сношенія, даже между супругами, законны только въ томъ случаѣ, если имѣется въ виду продолженіе рода. Одинъ инквизиторъ открыто заявлялъ, что онъ не вѣритъ возводимымъ на вальденцевъ обвиненіямъ въ страшной распущенности, такъ какъ ему ни разу не удалось получить на этотъ счетъ ни одного свидѣтельства, достойнаго вѣры Ничего подобнаго не находимъ мы и въ судебныхъ процессахъ противъ еретиковъ, пока инквизиторы Пьемонта и Прованса въ XIV и XV вѣкахъ не нашли выгоднымъ для себя вымучивать пытками у своихъ несчастныхъ жертвъ признанія въ чудовищныхъ порокахъ [1]).

Ихъ упрекали еще въ томъ, что они лицемѣрно скрывали свои вѣрованія, исправно посѣщая обѣдни и бывая на исповѣди; но это вполнѣ извинительно для людей, которыхъ постоянно гнали, на которыхъ устраивались облавы, и которые, по крайней мѣрѣ, въ первое время не могли другимъ путемъ получить причастія, признаваемаго ими необходимымъ для полученія вѣчнаго спасенія. Смѣялись надъ ихъ скромной жизнью, и, дѣйствительно, это были крестьяне, работники и бѣдные люди, которыхъ всѣ презирали, и которыми Церковь интересовалась только тогда, когда нужно было потянуть съ нихъ денегъ, если они были католиками, или отправить ихъ на костеръ, если они были еретиками.

Но главнымъ преступленіемъ вальденцевъ были ихъ благоговѣйная любовь къ Священному Писанію и ревность въ обращеніи прозелитовъ. Пассаускій инквизиторъ сообщаетъ намъ, что у нихъ былъ полный переводъ Библіи на простонародный языкъ, который Церковь тщетно старалась уничтожить, и который они изучали съ невѣроятнымъ усердіемъ. Этотъ инквизиторъ лично видѣлъ одного крестьянина, который зналъ наизусть всю книгу Іова; многіе изъ вальденцевъ знали наизусть евангеліе, и, несмотря на всю простоту, они были опаснымии противниками на диспутахъ. А объ ихъ ревности въ обращеніи другихъ въ свою секту тотъ же инквизиторъ разсказываетъ, что одинъ вальденецъ въ холодную зимнюю ночь переплылъ Инсъ въ надеждѣ совратить одного католика. Мужчины и женщины, молодые и старые, всѣ безъ устали учили и учились. Послѣ долгаго трудового дня они цѣлыя ночи проводили за умственными занятіями; они не боялись проникать въ больницы и утѣшать прокаженныхъ; ученикъ, черезъ десять дней ученія, уже самъ искалъ себѣ учениковъ. «Заучивайте—говорили они—по одному слову въ день; въ концѣ года вы будете знать триста словъ и достигнете своей цѣли». Несомнѣнно, если былъ когда-либо народъ, боящійся Бога, то это были эти несчастные, гонимые и Церковью, и государствомъ, которые постоянно повторяли: «Св. Павелъ сказалъ: не лги», «св. Іаковъ сказалъ: не клянись»; «св. Петръ сказалъ: не плати зломъ за зло, а добромъ за зло». Небла Лейкціонъ въ этомъ отношеніи не добавляетъ ничего къ показаніямъ инквизиторовъ, говоря, что вальденцы шли на смерть исключительно за свою любовь къ Іисусу Христу и за ревностное исполненіе заповѣдей Бога.

Вполнѣ понятно, что при всеобщей нравственной распущенности среднихъ вѣковъ на аскетизмъ смотрѣли какъ на проявленіе ереси. Въ 1220 г. одно духовное лицо изъ Шпейера, вступившее впослѣдствіи въ строгій францискапскій орденъ, было присуждено

---

[1]) Wattenbach, «Sitzungsber. der Preuss. Akad.», 1886, стр. 51.—Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 867.—Anon. Passav., cap. 7, 8.—Refutat. Error. Waldens. «Mag. Bib. Pat.», XIII, 336.—David. August. (Martène, «Thesaurus», V, 1771—1772).—Archivio Storico Italiano, 1865, № 38, стр. 39, 40.—Rorengo, «Memor. istoriche», Torino, 1649, стр. 12.—Даже въ концѣ XIV вѣка въ дѣлахъ инквизитора, целестинскаго монаха Петра, дѣйствовавшаго отъ Штиріи до Помераніи, нѣтъ ни одного указанія на безнравственное поведеніе вальденцевъ (Preger, «Beiträge», 68—72; Wattenbach, l. c.).

Относительно аскетическаго направленія вальденцевъ, которые признавали обѣты цѣломудрія и считали обольщеніе монахини равнымъ кровосмѣшенію, см. Monlet, стр. 97, 98, 108—110. О ихъ взглядахъ на постъ см. тамъ же, стр. 99.

Библиотека "Руниверс"

къ сожженію какъ еретикъ за то только, что его проповѣдь побудила нѣсколькихъ женщинъ отказаться отъ своихъ украшеній и начать вести скромную жизнь; своимъ спасеніемъ онъ былъ обязанъ заступничеству Конрада, впослѣдствіи епископа въ Гильдесгеймѣ [1]).

Какъ глубоко вѣрили вальденцы въ правоту своего ученія, видно изъ того, что тысячи изъ нихъ съ радостью шли въ тюрьму, на пытки и на костеръ, упорно отказываясь вернуться въ лоно Церкви, которую они считали удалившейся отъ истины. Въ моихъ разысканіяхъ я наткнулся на такой случай: въ 1320 г. одна женщина была приговорена къ ужасному наказанію какъ еретичка за то только, что она отказалась принять присягу; на всѣ вопросы, касающіеся догматовъ вѣры, она отвѣчала какъ истинная католичка; но когда ей предложили спокойную жизнь подъ условіемъ, что она присягнетъ на евангеліи, она отказалась принять на свою душу грѣхъ и предпочла пойти на костеръ [2]).

Различныя антисацердотальныя секты довольно сильно отличались одна отъ другой; но въ сравненіи съ тѣми, которыя мы разсмотрѣли, остальныя имѣютъ очень мало значенія и мало извѣстны. Passagii или Circumcisi были жидовствующіе христіане, которые стремились освободиться отъ римскаго владычества подъ сѣнью Ветхаго Завѣта и отрицали божественность Іисуса Христа. Joseppini извѣстны еще менѣе; повидимому, они проповѣдывали крайній аскетизмъ и полное половое воздержаніе. Siscidentes были, вѣроятно, тожественны съ вальденцами, отъ которыхъ они отличались лишь способомъ совершенія евхаристіи. Ordibarii или Ortlibenses, послѣдователи Ортлиба Страсбургскаго, съ успѣхомъ проповѣдывавшаго въ 1216 г., были также очень близки къ вальденцамъ, но въ то же время раздѣляли заблужденія того ученія, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Runcarii, повидимому, занимали среднее мѣсто между Ліонскими бѣдными и альбигойцами или манихеями; существованіе подобной секты было почти необходимо для того, чтобы создать звено между двумя главными ересями, послѣдователи которыхъ имѣли общіе интересы и одинаково преслѣдовались [3]).

ГЛАВА III.

Катары.

Религіозныя движенія, о которыхъ мы только-что говорили, были естественнымъ результатомъ стремленія возвратить Церкви простоту апостольскихъ временъ. Но отличительной чертой религіознаго настроенія этой эпохи было то, что самая горячая ненависть

---

[1]) Lib. Sentent. Inq. Tolos., стр. 367.—Anon. Passav., cap. 1, 3, 7, 8.—Refutat. Error. Waldens. (Mag. Bib. Pat., XIII, 335).—David. Augustens (Martène, «Thesaur.», V, 1771, 1772, 1782, 1794).—P. de Pilichdorf, «Contra Error. Waldens.», cap. 1.—Innocent. PP. III, «Regest.», II, 141.—La Noblа Leyczon, 368—373.—Frat. Jordani Chron. («Analecta Franciscana», т. I, стр. 4. Quaracchi, 1885).

[2]) Mss. Bib. Nat. Coll. Moreau, 1274, fol. 72.

[3]) Bonacursi, «Vit. Haereticorum» (d'Achery, I, 211, 212).—Lucii PP. III, «Epist». 171.—Ch. Molinier, «Études sur quelques mss. des Bibliothèques d'Italie», Парижъ, 1887, стр. 21.—Muratori, «Antiq. Diss»., LX.—Constit. General. Frid. II, ann. 1220, 85.—Lucae Tudens «De altera Vita», lib. III, cap. 3.—Anon. Passav. «C. Wald.», cap. 6.—P. de Pilichdorf «C. Wald.», c. 12. Hoffmann, «Gesch. der Inquisition», II, 371.—Schmidt, «Hist. des Cathares», II, 284.

Молинье въ своемъ ученомъ трудѣ («Mém. de l'Acad. de Toulouse», 1888), подвергнувъ критическому анализу всѣ наши свѣдѣнія о Passagii, пришелъ къ заключенію, что они представляли секту катаровъ.

Библиотека "Руниверс"

къ Риму была основана на вѣрованіи, которое едва ли можно назвать христіанскимъ; это смѣшанное ученіе распространялось такъ быстро и сохранялось такъ упорно, несмотря на всѣ принимаемыя противъ него мѣры, что одно время оно угрожало даже самому существованію католицизма. Быть-можетъ, объясненіе этого факта надо искать въ томъ обаяніи, которое производитъ дуализмъ—антагонизмъ вѣчныхъ началъ добра и зла—на умы тѣхъ, кто считаетъ существованіе зла несовмѣстнымъ съ верховнымъ владычествомъ безконечно добраго и безконечно могущественнаго Бога. Когда же къ дуалистическому ученію прибавляется ученіе о переселеніи душъ, содержащее въ себѣ и награды и наказанія за земную жизнь человѣка, то легко прійти къ убѣжденію, что найдено удовлетворительное оправданіе людскихъ страданій; и понятно, что въ эпоху, когда страданія эти были почти общимъ удѣломъ, какъ это было въ XI и XII вѣкахъ, люди были склонны объяснять ученіемъ дуализма происхожденіе зла. Но эти соображенія не выясняютъ еще, почему манихеизмъ катаровъ, патареновъ или альбигойцевъ не остался только умозрительной школьной теоріей, но сдѣлался вѣрой, до такой степени возбуждавшей слѣпой фанатизмъ, что вѣрующіе не отступали ни передъ какой жертвой для распространенія своего ученія и спокойно всходили на пылающій костеръ. Широко распространенное и глубоко вкоренившееся убѣжденіе, что христіанство стало суетнымъ благодаря своему сацердотализму, что оно удалилось отъ своего прообраза, что оно должно погибнуть, уступивъ мѣсто новой религіи, можетъ въ значительной степени объяснить то безкорыстное рвеніе, которое вызвалъ нео-дуализмъ среди людей бѣдныхъ и неграмотныхъ.

Изъ всѣхъ ересей, съ которыми приходилось бороться Церкви первыхъ вѣковъ, ни одна не возбуждала столько опасеній и такого къ себѣ отвращенія, какъ манихеизмъ. Манесъ такъ искусно соединилъ древне-персидскій дуализмъ не только съ христіанствомъ, но и съ гностицизмомъ и буддизмомъ, что его ученіе нашло себѣ послѣдователей какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ, какъ среди образованныхъ людей, такъ и среди простыхъ работниковъ. Церковь инстинктивно почувствовала, что передъ ней выступаетъ новый и чрезвычайно опасный врагъ, и какъ только она получила возможность располагать поддержкой государства, она безпощадно начала преслѣдовать манихеизмъ. Среди многочисленныхъ указовъ императоровъ—и христіанъ, и язычниковъ,—указовъ, направленныхъ къ подавленію свободы мысли, наиболѣе суровыми и жестокими были указы противъ манихеевъ. Преслѣдованіе достигло своей цѣли, и послѣ долгой борьбы въ предѣлахъ имперіи были подавлены всѣ внѣшнія проявленія манихеизма, но втайнѣ это ученіе продолжало существовать даже и въ Западной Имперіи. На востокѣ манихеизмъ наружно отодвинулся къ границамъ Имперіи, но все же продолжалъ сохраняться не только во внутреннихъ провинціяхъ, но и въ самомъ Константинополѣ. Отказавшись отъ почитанія Манеса, манихеи признали своими руководителями двухъ другихъ изъ своихъ ученыхъ—Павла и Іоанна Самосатскаго, изъ которыхъ первый далъ еретикамъ свое имя—Павликіане. Во время царствованія императора Констанція, въ 653 г., нѣкто Константинъ разработалъ это ученіе, и оно удержалось, несмотря на ужасныя преслѣдованія, встрѣчаемыя съ тѣмъ же героизмомъ, который проявляли позднѣе манихеи Запада.

Оттѣсненные за границы имперіи, въ земли сарацинъ, затѣмъ опять передвинувшіеся къ границамъ имперіи, павликіане нѣкоторое время жили независимо въ горахъ Арменіи и, никому неизвѣстные, вели войны противъ Византіи. Въ VIII и IX вѣкахъ Левъ Исаврянинъ, Михаилъ Куропалатъ, Левъ Армянинъ и императрица-регентша Ѳеодора тщетно старались ихъ уничтожить; во второй половинѣ X вѣка Іоаннъ Цимисхій проявилъ вѣротерпимость и переселилъ огромное число ихъ во Ѳракію, гдѣ они быстро размножились и оказали себя одинаково способными какъ къ мирнымъ занятіямъ, такъ и къ бранному дѣлу. Въ 1115 г. Алексѣй Комненъ проводилъ лѣто въ Филиппополѣ и велъ богословскіе диспуты съ еретиками, изъ которыхъ многіе, по словамъ его дочери, обратились въ

Библиотека "Руниверс"

истинную религію [1]). Почти непосредственно за переселеніемъ манихеевъ въ Европу при Цимисхіи мы встрѣчаемъ на западѣ новые слѣды ереси, — доказательство того, что духъ прозелитизма не ослабъ у нихъ съ вѣками.

Въ своихъ основныхъ положеніяхъ ученіе павликіанъ было тожественно съ ученіемъ альбигойцевъ. Простой дуализмъ или маздеизмъ разсматриваетъ вселенную какъ произведеніе творческихъ силъ Ормузда и Аримана, причемъ каждый изъ нихъ старается парализовать дѣйствія другого, откуда и въ жизни и въ природѣ происходитъ безконечная борьба между добромъ и зломъ. Это ученіе объясняетъ причину существованія зла и въ то же время призываетъ людей придти на помощь Ормузду, поддерживая его дѣло добрыми словами, добрыми помышленіями и добрыми дѣлами. Подъ вліяніемъ гностическихъ умозрѣній Манесъ измѣнилъ это ученіе, отожествивъ добро съ духомъ, а зло съ матеріей; несомнѣнно это положеніе болѣе тонкое и болѣе философское, но оно неизбѣжно вело къ пессимизму и крайностямъ аскетизма, такъ какъ душа могла выполнить свое назначеніе только при условіи подавленія и умерщвленія плоти. Такимъ образомъ, въ ученіи павликіанъ мы находимъ два равносильныхъ начала: Богъ и Сатана, изъ которыхъ первый былъ творцомъ міра невидимаго, духовнаго и вѣчнаго, а второй—міра видимаго, вещественнаго и тлѣннаго. Іегова Ветхаго Завѣта это Сатана, а пророки и патріархи—его темные слуги, и поэтому надо отвергнуть всѣ книги Ветхаго Завѣта. Новый Завѣтъ является истиннымъ Священнымъ Писаніемъ, но Христосъ не былъ человѣкомъ; это былъ призракъ, фантомъ. Сынъ Бога, Онъ только повидимому родился отъ Дѣвы Маріи, но въ дѣйствительности сошелъ съ неба, чтобы разрушить культъ Сатаны. Переселеніе душъ обезпечиваетъ награду добрымъ и наказаніе злымъ. Таинства признавались не имѣющими никакого значенія, а священники и отцы церкви—простыми наставниками. Таковы извѣстныя намъ основныя положенія ученія павликіанъ; тожество ихъ съ основными положеніями ученія катаровъ настолько очевидно, что мы не можемъ согласиться со Шмидтомъ, который выводитъ катаровъ изъ болгарскихъ монастырей. Другое неопровержимое доказательство связи между катарами и манихеями представляетъ священное одѣяніе Совершенныхъ у катаровъ: оно несомнѣнно заимствовано у маздеевъ, у которыхъ Kosti и Sadere были существенными частями одежды вѣрующихъ [2]). Тѣ изъ катаровъ, которые носили священныя одежды, были извѣстны у инквизиторовъ подъ именемъ haereticus indutus или vestitus и считались посвященными во всѣ тайны еретическаго ученія [3]).

---

[1]) Mosaic. et roman. leg. collat. tit. XV, § 3 (Hugo, 1465).—Const. 11, 12, cod. I, V.—P. Siculi «Hist. de Manichaeis».—Zonarae «Annal.», т. III, стр. 126, 241, 242 (изд. 1557 г.).—Finlay «Hist. of Greece», 2-е изд., т. III, 65.

Другая манихейская секта—богомилы, имя которой славянскаго происхожденія,—считалась среднею между павликіанами и катарами; но это не совсѣмъ вѣрно, хотя они и могли имѣть нѣкоторое вліяніе на дуализмъ, смягченный отчасти этими еретиками. Ихъ глава, Димитрій, былъ живымъ сожженъ Алексѣемъ Комненомъ въ 1118 г. послѣ долгихъ разслѣдованій. Богомилы продолжали пользоваться относительной свободой до XIII вѣка, когда они окончательно исчезли. См. Анна Комненъ, кн. XV.—Georg. Cedren., «Sub ann. 20 Constant.».—Zonaras, т. III, стр. 238.—Balsamon, «Schol. in Nomocan.».—tit. X, cap. 8. — Schmidt, «Hist. des Cathares», I, 13—15; II, 265.

Въ серединѣ XI вѣка Пселлъ описываетъ другую манихейскую секту, называемую евхитской; евхиты учили, что Богъ-отецъ управляетъ надзвѣздными сферами, управленіе небесами онъ поручилъ своему младшему сыну, а землею—старшему. Послѣдняго почитали подъ именемъ Сатанаки (Pselli «De oper. Daemon. dial.»).

[2]) Kosti —полый цилиндрическій поясъ, сдѣланный изъ 72 сплотенныхъ шерстинокъ бѣлой шерсти и трижды охватывавшій талію. Sadere—рубашка съ длинными рукавами и съ маленькимъ карманомъ у ворота (J. Darmesteter, «Zend-Avesta», т. II, стр. 243).

[3]) P. Siculi op. cit.—Concil. Bracarense I, ann. 563.—Bleek, «Avesta», III, 4. — Haug, «Essays», 2-е изд., стр. 244, 249, 286, 367.

О сходныхъ положеніяхъ ученія катаровъ см. Radulf. Ardent., т. I, стр. II, «Hom.», XIX.—Ermengaudi «Contra Haeret.».—Epist. Leodiens. ad Lucium PP. III (Martène, «Ampliss Coll.» I,

Библиотека "Руниверс"

Но катаризмъ былъ вѣрованіемъ чисто-антисацердотальнымъ. Онъ отрицалъ весь церковный строй какъ нѣчто безполезное; въ глазахъ его римская церковь была синагогой Сатаны, спасеніе въ которой было немыслимо. Исходя изъ этого, онъ отрицалъ таинства, обѣдни, предстательство Дѣвы Маріи и святыхъ, чистилище, мощи, иконы, кресты, святую воду, индульгенціи и вообще все то, что, по словамъ священниковъ, обезпечивало вѣрнымъ вѣчное спасеніе; равнымъ образомъ, катары осуждали десятинный налогъ и приношенія, которыя дѣлали для духовенства прибыльнымъ дѣломъ присвоенную ими себѣ заботу о спасеніи душъ. Считая себя церковью Христовой, катары полагали, что они имѣютъ право вязать и разрѣшать, данное Іисусомъ Христомъ его ученикамъ; consolamentum или духовное крещеніе смывало всѣ грѣхи, но молитва не имѣла никакой силы, если грѣшникъ продолжалъ грѣшить.

Священное Писаніе катары переводили на народный языкъ, но въ молитвахъ они сохранили языкъ латинскій, и поэтому для большинства вѣрующихъ молитвы были не понятны. Для отправленія ихъ крайне простого богослуженія у нихъ было особое посвященное духовенство; но быстрый ростъ общинъ и ихъ ревность въ обращеніи другихъ въ свою секту создали въ скоромъ времени необходимость въ правильной организаціи и въ іерархіи. Катары называли себя просто «христіанами»; надъ ними стояли избираемые изъ Совершенныхъ епископъ, Filius Major, Filius Minor и діаконъ. Всякое духовное лицо трехъ высшихъ степеней имѣло при себѣ діакона, который помогалъ ему и въ случаѣ надобности замѣнялъ его; обязанности всѣхъ ихъ были почти одинаковы; впрочемъ, главной обязанностью Filii было посѣщать членовъ церкви и наставлять ихъ въ вѣрѣ. Filius Major избирался конгрегаціей, а повышеніе его въ санъ епископа происходило, когда открывалась вакансія; посвященіе совершалось черезъ наложеніе рукъ или consolamentum, которое замѣняло крещеніе и было необходимымъ обрядомъ при вступленіи въ церковь. Такъ какъ ученіе, что таинства были недѣйствительны, если совершались руками, оскверненными грѣхомъ, вызывало среди вѣрныхъ немало безпокойствъ, то часто consolamentum дѣлалось два или три раза. Обыкновенно, но не повсемѣстно, признавали, что духовное лицо низшаго сана не могло посвящать въ высшій санъ, и поэтому

776—778).—Ecberti Schonaug. «Serm. contra Catharos», т. I, cap. VIII, XI.—Gregor. Episc. Fanens. «Disput. cathol. contra haeret.».—Monetae «adv. Cath.». lib. I, cap. 1.—Arch. de l'Inquis. de Carcassone (Doat. XXXII, fol. 93).—Rainerii Saccon. «Summa». — Caesar. Heisterbac. «Dial.» dist. V, cap. 21.—Lib. Sent. Inquis. Tolos, стр. 92, 93, 249 (Limborch.) — Lib. Confess. Inq. Albiens. (Mss. Bibl. Nat. fond. lat. 11, 847).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1163.

Авторъ одного рукописнаго трактата противъ катаровъ, относящагося къ концу XIII вѣка, говоритъ, слѣдуя Монэтѣ, что возраженія катаровъ противъ Ветхаго Завѣта основывались на слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) явное противорѣчіе между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ; 2) измѣненія въ представленіи Бога въ Писаніи; 3) жестокость Бога въ Писаніи; 4) лживость, приписываемая Богу. Приведемъ одинъ примѣръ того, какъ еретики доказывали истинность своего взгляда. Они приводили 22 ст. изъ 3 гл. Бытія. «Вотъ Адамъ сталъ, какъ одинъ изъ насъ». Богъ сказалъ это объ Адамѣ послѣ его грѣхопаденія, и онъ долженъ былъ сказать правду или неправду. Если онъ сказалъ правду, то Адамъ сталъ подобенъ Богу; но Адамъ послѣ своего паденія сдѣлался грѣховнымъ, т.-е. зломъ. Если Богъ сказалъ неправду, то Онъ солгалъ; слѣдовательно, Онъ согрѣшилъ, Онъ—зло. Въ опроверженіе этого ортодоксальный полемистъ ограничивается тѣмъ, что Богъ въ данномъ случаѣ говорилъ иронически. Изъ всѣхъ разсужденій, приписываемыхъ въ этомъ трактатѣ катарамъ, ясно видно, что они превосходно знали Писаніе, а употребленіе, которое они извлекали изъ своего знанія, объясняетъ, почему Церковь запрещала міранамъ чтеніе Библіи.—Arch. de l'Inq. de Carcass. Coll. Doat. XXXVI, 91.

Въ служебникѣ катаровъ, опубликованномъ Куинтцемъ, гдѣ приводятся цитаты изъ Исаіи и Соломона («Beiträge zu den theolog. Wissenschaften», т. IV, 1852, стр. 16, 26), откуда видно, что катары не вполнѣ отвергали Ветхій Завѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

во многихъ городахъ было по два епископа, чтобы въ случаѣ смерти одного не было надобности прибѣгать для посвященія ему преемника къ помощи Filius Major [1]).

Ритуалъ катаровъ былъ суровъ въ своей простотѣ. Католическая евхаристія была замѣнена у нихъ благословеніемъ хлѣба, происходившимъ ежедневно за столомъ. Старѣйшій изъ присутствовавшихъ бралъ хлѣбъ и вино, а остальные въ это время читали молитву Господню; затѣмъ старѣйшій со словами: «Благодать Господа нашего Іисуса Христа да будетъ со всѣми нами» преломлялъ хлѣбъ и раздавалъ его присутствовавшимъ. Этотъ освященный хлѣбъ пользовался особымъ уваженіемъ среди массы катаровъ, которые въ большинствѣ были лишь вѣрующіе, credentes, и не были еще, какъ Совершенные, всецѣло присоединены къ Церкви. Часто они по цѣлымъ годамъ сохраняли кусокъ освященнаго хлѣба и время-отъ-времени съѣдали по крошкѣ его. Передъ ѣдой и питьемъ катары всегда произносили молитву; если на трапезѣ присутствовалъ Совершенный, то возсѣдавшіе, передъ тѣмъ какъ прикоснуться къ пищѣ или къ питью, говорили benedicite на что Совершенный отвѣчалъ: «Dians vos benesiga». Ежемѣсячно происходила церемонія исповѣди, на которой присутствовали всѣ вѣрующіе общины. Consolamentum или cossolament, которое соединяло душу вѣрующаго со Святымъ Духомъ и, какъ христіанское крещеніе, очищало отъ всякаго грѣха, совершалось торжественно. Оно состояло въ наложеніи рукъ и могло быть исполнено кѣмъ-либо изъ Совершенныхъ, даже и женщиной, лишь бы лицо, совершающее его, не находилось въ состояніи смертнаго грѣха, для выполненія обряда требовалось сослуженіе двухъ лицъ. Этотъ способъ принятія въ Церковь назывался инквизиторами hereticatio; обыкновенно, за исключеніемъ тѣхъ, кто желалъ вступить въ число служителей Церкви, къ этому обряду прибѣгали лишь передъ смертью; весьма возможно, что это обусловливалось боязнью преслѣдованій; но часто вѣрующій, credens, присоединялся посредствомъ обряда la covenansa, обязуясь принять consolamentum передъ смертью; это обязательство должно было быть выполнено даже и въ томъ случаѣ, если умирающій лишался употребленія языка и не могъ отвѣчать на вопросы. Самъ по себѣ, обрядъ былъ не сложенъ, но ему обыкновенно предшествовало продолжительный постъ. Священнодѣйствующій спрашивалъ вступающаго: «Братъ, желаешь ли ты принять нашу вѣру?» Послѣ многихъ колѣнопреклоненій и благословеній неофитъ отвѣчалъ: «Моли Бога обо мнѣ грѣшномъ, чтобы привелъ Онъ меня къ благому концу и сдѣлалъ изъ меня добраго христіанина». На это священнослужитель отвѣчалъ: «Да услышитъ Господь Богъ моленіе наше, и да содѣлаетъ Онъ изъ тебя добраго христіанина и да приведетъ тебя ко благому концу. Отдаешь ли ты себя Богу и Евангелію?» Если отъ вступающаго слѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, то его снова спрашивали: «Обѣщаешься ли ты, что отнынѣ ты не будешь вкушать ни мяса, ни яицъ, ни сыру, ничего животнаго, кромѣ воднаго и растительнаго; что не будешь говорить неправды, не будешь клясться, не будешь вести развратной жизни, не пойдешь одинъ, если будешь имѣть возможность найти спутника; что не отречешься отъ вѣры изъ боязни воды, огня или другого какого-либо наказанія?» Если неофитъ давалъ требуемые отъ него обѣты, то присутствовавшіе склоняли колѣни, а священнодѣйствующій накладывалъ ему на голову Евангеліе и читалъ первую главу отъ Іоанна: «Въ началѣ бѣ Слово» и т. д., послѣ этого онъ облекалъ его въ священныя одежды, и всѣ присутствующіе давали другъ другу лобзаніе мира—мужчины цѣловались между собой, а у женщинъ прикасались къ локтю.

Эта церемонія, при которой неофитъ давалъ обѣтъ вести чистую и безупречную

---

[1]) Tract. de modo procedendi contra Haereticos (Mss. Bibl. Nat. Coll. Doat, XXX, fol. 185 и слѣд.). — Rainerii Saccon. «Summa». — E. Cunitz въ «Beiträge zu den theol. Wissenschaften», 1852, т. IV, 30, 36, 85.

Библиотека "Руниверс"

жизнь, считалась символомъ отреченія отъ Духа Зла и возвращенія души къ Богу. Если вступающій находился въ бракѣ, то требовалось обязательное согласіе обоихъ супруговъ. Когда hereticatio совершалась на смертномъ одрѣ, то обыкновенно она сопровождалась обрядомъ endura или privatio. Священнодѣйствующій спрашивалъ вступающаго, желаетъ ли онъ быть исповѣдникомъ или мученикомъ; если онъ избиралъ послѣднее, то на уста ему накладывали подушку или салфетку (германскіе катары называли ее Untertuch) и въ это время читали надъ нимъ извѣстныя молитвы. Если онъ выражалъ желаніе сдѣлаться исповѣдникомъ, то онъ три дня долженъ былъ провести безъ пищи, получая лишь немного воды для утоленія жажды. Если онъ выздоравливалъ, то становился Совершеннымъ. Среди катаровъ было распространено самоубійство и нерѣдко, чтобы лишить себя жизни, прибѣгали къ обряду endura. Мученіе, претерпѣваемое передъ смертью, освобождало, по мнѣнію катаровъ, отъ мукъ загробнаго міра, и добровольное лишеніе себя жизни голодомъ, ядомъ, истолченнымъ стекломъ или открытіемъ венъ не было рѣдкостью среди катаровъ; а родственники умирающаго, съ своей стороны, обыкновенно старались еще ускорить его конецъ, полагая, что этимъ они исполняютъ свой долгъ по отношенію къ нему.

Обрядъ сектантовъ, извѣстный подъ именемъ melioramentum и называемый инквизиторами veneratio, имѣлъ въ глазахъ послѣднихъ большое значеніе, такъ какъ служилъ для нихъ доказательствомъ принадлежности къ ереси. Когда вѣрующій, credens, подходилъ къ своему духовному лицу или прощался съ нимъ, онъ трижды преклонялъ передъ нимъ колѣни, говоря: «Benedicite», на что священнослужитель отвѣчалъ: «Dians vos benesiga». Этимъ со стороны вѣрующаго выражалось уваженіе къ Святому Духу, который, какъ думали, пребывалъ на священнослужителѣ; объ этомъ обрядѣ часто упоминается въ судебныхъ процессахъ, такъ какъ онъ служилъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ виновности тѣхъ, кто совершалъ его [1]).

---

[1]) Raineri Saccon. «Summa».—Lib. Confess. Inquis. Albiens. (Mss. Bibl. Nat. fond. latin. 11, 847.—Coll. Doat. XXII, 208, 209; XXIV, 174; XXVI, 197, 259, 272.—Lib. Sent. Inquis. Tolos., стр. 10, 33, 37, 70, 71, 76, 84, 91, 125, 126, 137—139, 143, 160, 173, 179, 199.—Bern. Guidon. «Pract. P.» IV, V Doat, т. XXX).—Landulf. Senior. «Hist. Mediol». II, 27.—Anon. Passaviens «Contra Waldens.», cap. 70.—Processus contra Valdenses («Archivio Storico Italiano», 1865, № 39, стр. 57).—Описаніе обряда «hereticatio», сдѣланное нами по Raineric Saccone, подтверждено въ подробностяхъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, данныхъ передъ тулузской инквизиціей; отсюда очевидно, что оно было тожественно во всѣхъ катарскихъ общинахъ. Doat, XXII, 224, 237 и слѣд.; XXIII, 272, 344; XXIV, 71. См. также Vaissete, III, «Preuves», 386, и Comitz, «Beiträge», 1852, т. IV, стр. 12—14, 21—28, 33, 60.

Обрядъ «Endura» у катаровъ Лангедока изучалъ весьма тщательно извѣстный Ш. Молинье («Annales de la Fac. des Lettres de Bordeaux», 1881, № 3). Этотъ обрядъ не всегда ограничивался тремя днями. Насколько строго соблюдали его, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: Бланшъ, мать Виталя Гильберта, пожелала, чтобы ея больной внукъ принялъ consolamentum, и не позволила его матери дать ему молока, что вызвало смерть ребенка. (Lib. Sentent. Inq. Tolos., стр. 104). Теорія Молинье, что этотъ обычай былъ недавняго происхожденія, подтверждается отсутствіемъ упоминаній о немъ въ служебникѣ катаровъ, опубликованномъ Куницемъ; съ другой стороны, Пассаускій Анонимъ и свидѣтельства, собранныя во время пьемонтскаго процесса въ 1388 г. («Arch. Stor. loc. laud.»), подтверждаютъ, что этотъ обрядъ существовалъ не въ одномъ только Лангедокѣ.

Въ изреченіяхъ Петра Целлы (Doat, XXI, 295) приводится одинъ случай, гдѣ «consolamentum» было произведено надъ лицомъ, находившимся въ безсознательномъ состояніи, но затѣмъ выздоровѣвшимъ. Тамъ же упоминается о молодыхъ дѣвушкахъ, которыя получили «perfectio» въ очень молодыхъ годахъ и носили священныя одежды въ теченіе опредѣленнаго срока—два или три года (тамъ же, 241, 244).

Когда въ 1239 г. Робертъ де Бугръ сжегъ въ Монтъ-Вимерѣ 183 катара, ихъ вождь, извѣстный подъ именемъ архіепископа «de Moranis», входя на костеръ, далъ имъ «consolamen-

Библиотека "Руниверс"

Эти обряды, равно какъ наставленія, даваемыя при herecticatio, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сильна была у катаровъ тенденція аскетизма; и это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ дуализма, лежавшаго въ основѣ ихъ ученія. Такъ какъ все вещественное было создано Сатаной и было поэтому зломъ, то духъ велъ противъ него постоянную борьбу, и катары въ своихъ молитвахъ просили Бога не щадить ихъ тѣла, рожденнаго во грѣхѣ, но быть милостивымъ къ ихъ душѣ, заключенной въ тѣлесной оболочкѣ, какъ въ тюрьмѣ (No aias merce de la carn nada de corruptio, mais aias merce de l'esperit pausat en carcer). Отсюда вытекало требованіе избѣгать всего, что вело за собой воспроизведеніе животной жизни. Чтобы подавлять плотскія желанія, катары три дня въ недѣлю ѣли только хлѣбъ и воду, исключая тѣхъ случаевъ, когда они были въ пути; кромѣ того, въ году у нихъ было три поста по сорока дней каждый. Браки также были запрещены, и лишь немногіе еретики разрѣшали бракъ между дѣвственными молодыми людьми и дѣвственными дѣвушками при условіи, что они прекратятъ половыя сношенія послѣ рожденія перваго ребенка. Болѣе снисходительные дуалисты, безусловно запрещая бракъ для Совершенныхъ, разрѣшали его простымъ вѣрующимъ, но среди болѣе строгихъ тѣлесный бракъ замѣнялся духовнымъ единеніемъ души съ Богомъ, совершавшимся черезъ обрядъ consolamentum. Катары были убѣждены, что половое сношеніе было первороднымъ грѣхомъ Адама и Евы, запрещеннымъ плодомъ, посредствомъ котораго Сатана продолжаетъ сохранять свою власть надъ людьми. На показаніяхъ передъ судомъ Тулузской инквизиціи въ 1310 г. объ одномъ изъ наставниковъ ереси было сказано, что онъ ни за какія блага міра не коснется женщины; въ другомъ дѣлѣ одна женщина показала, что ея отецъ, послѣ того какъ надъ нимъ была совершена hereticatio, запретилъ ей прикасаться къ нему, и она не нарушила этого запрещенія даже у его смертнаго одра. Аскетизмъ катаровъ доходилъ до того, что имъ было запрещено употреблять въ пищу все животнаго происхожденія—мясо, яйца и молоко; исключеніе дѣлалось только для рыбы [1]). Осужденіе брака, запрещеніе мяса и возбраненіе клятвы были главными внѣшними признаками, на которыхъ основывались при привлеченіи къ суду Инквизиціи. Въ 1229 г. два видныхъ тосканскихъ катара, Петръ и Андрей, публично въ присутствіи папы Григорія IX отреклись отъ своихъ заблужденій; черезъ два дня они торжественно засвидѣтельствовали искренность своего обращенія, вкусивъ мяса передъ собраніемъ епископовъ, что и отмѣчено въ оффиціальномъ протоколѣ [2]).

Съ теченіемъ времени столь широко распространенная ересь неизбѣжно должна была

---

lum» со словами: «Вы, получившіе, такимъ образомъ, отъ меня разрѣшеніе грѣховъ, получите спасеніе; одинъ только я осужденъ, такъ какъ нѣтъ здѣсь высшаго меня, чтобы отпустить мнѣ грѣхи» (Alb. Trium Font. ann. 1239).

[1]) Потому, конечно, что рыбы размножаются sine coitu.

[2]) S. Bernardi, «Serm.», LXVI, «in Cantic.», cap. 3—7.—Ecberti Schonaug. «Serm.», I, V, VI, «Contra Catharos».—Bonacursi «Vit. Haeretic.». — Gregor. Fanens. «Disp. cathol. c. Haeretic.», cap. 1, 2, 11, 14.—Monetae «adv. Cath.», lib. I, cap. 1.—Cunitz, «Beitr. zu den theol. Wissenschaften», 1852, стр. 14. — Radulf. Coggeshall. «Chron. Anglic.» (Bouquet, XVIII, 92, 93).—Evervini «Epist. ad S. Bern.», cap. 3.—Concil. Lombariens. ann. 1165.—Radulf. Ardent. T. I. p. II, hom. XIX.—Ermengaud. «contra Haer. opusc.».—Bonacursus, «contra Catharos» (Baluz et Mansi, II, 581—586).—Alani de Insulis «contra Haeret.», lib. I.—Monetae «adv. Cath.», lib. IV, cap. VII, § 3.—Rainerii Saccon. «Summa».—Lib. Sentent. Inq. Tolos., стр. 111, 115.—Coll. Doat, т. XXX, fol. 185 и слѣд.; XXXII, fol. 93 и слѣд.—Steph. de Borbone (d'Argentré, «Coll. judic. de novis error.», I, 1, 91).—Archiv. Fiorent. Prov. S. Maria Novella, Giugno 26. 1229.

Вскорѣ послѣ основанія Инквизиціи извѣстный Іоаннъ Тейссейръ, защищаясь предъ судомъ Инквизиціи въ Тулузѣ, сказалъ: «Я не еретикъ, такъ какъ имѣю жену, сплю съ ней, имѣю дѣтей, ѣмъ мясо, лгу, клянусь; я вѣрующій христіанинъ (Guil. Pelisso, «Chron.», изд. Молинье, 1880, стр. 17).—См. также «Sententiae» Петра Целлы (Doat, XXI, 223).

Библиотека "Руниверс"

подраздѣлиться. Среди итальянскихъ катаровъ мы находимъ, съ одной стороны, Concorrezenses (отъ мѣста Конкорреццо близъ Монца въ Ломбардіи) и съ другой—Bajolenses (отъ Баньоло въ Піемонтѣ), которые исповѣдывали видоизмѣненную форму дуализма; по ихъ ученію, Сатана былъ ниже Бога, который позволилъ ему создать міръ и сотворить человѣка. Concorrezenses учили, что Сатана ввелъ въ тѣло человѣка слегка согрѣшившаго ангела, и они возстановляли древнюю ересь традуціанизма, утверждая, что всѣ человѣческія души произошли отъ этого безплоднаго духа. Bajolenses, напротивъ, учили, что всѣ души созданы Богомъ до сотворенія міра, и что онѣ согрѣшили уже съ того времени. Эти умозрѣнія породили легенду, въ которой Сатана является въ роли правителя неба, обязаннаго собирать всѣ хвалебныя пѣсни и псалмопѣнія, которыя ангелы должны были ежедневно возносить Богу. Восхотѣвъ сдѣлаться равнымъ Богу, Сатана похитилъ и сохранилъ для себя часть ангельскихъ хвалебныхъ пѣсенъ; узнавъ объ этомъ, Богъ замѣнилъ Сатану архангеломъ Михаиломъ, а виновнаго съ его участниками свергъ. Тогда Сатана освободилъ часть земли отъ покрывавшей ее воды и создалъ Адама и Еву. Тщетно цѣлыхъ тридцать лѣтъ старался онъ вдохнуть въ нихъ души живыя; наконецъ, ему удалось сманить съ неба двухъ сочувствовавшихъ его дѣлу ангеловъ, которые и вступили въ тѣла Адама и Евы, а затѣмъ послѣдовательно вселялись въ тѣла Еноха, Ноя, Авраама и всѣхъ пророковъ, безуспѣшно ища себѣ спасенія. Наконецъ, съ приходомъ на землю Іисуса Христа ихъ подвигъ искупленія окончился на Симеонѣ и Аннѣ [1]), и имъ было разрѣшено вернуться на небо. Души людей суть такіе же падшіе ангелы, проходящіе длинный путь искупленія.

Это вѣрованіе было такъ распространено среди катаровъ, что привело ихъ къ ученію о переселеніи душъ, весьма сходному съ подобнымъ же ученіемъ буддистовъ, хотя и видоизмѣненному вѣрованіемъ, что сошествіе на землю Іисуса Христа имѣло цѣлью освобожденіе этихъ падшихъ душъ. Пока душа не становилась достаточно совершенной для того, чтобы вознестись къ своему создателю какъ въ Moksha или въ поглощеніи въ Брамы, она должна была пройти рядъ послѣдовательныхъ существованій. Но такъ какъ душа, для искупленія своихъ грѣховъ, могла входить въ тѣла низшихъ животныхъ, то естественно, какъ и въ буддизмѣ и браманизмѣ, явился запретъ убивать все живущее кромѣ насѣкомыхъ и рыбъ. Катары, повѣшенные въ Госларѣ въ 1052 году, даже и у висѣлицы отказались зарѣзать цыпленка; въ XIII вѣкѣ это испытаніе считалось вѣрнымъ средствомъ узнать еретика [2]).

Среди еретиковъ встрѣчались рѣдкіе философскіе умы, которые сумѣли отрѣшиться отъ этихъ пустыхъ умозрѣній и предвосхитили теорію современнаго раціонализма. Въ глазахъ этихъ людей Природа заняла мѣсто Сатаны. Богъ, создавъ міръ, поручилъ его управленіе Природѣ, силѣ творческой и все уравновѣшивающей. Даже произведеніе новыхъ видовъ не есть дѣйствіе божественнаго промысла, а лишь проявленіе движенія природы—эволюція по современной терминологіи. Эти натуралисты, какъ они себя называли, отрицали подлинность чудесъ; чудеса евангельскія они старались объяснить, и

---

[1]) Luc. III, 25—38.

[2]) Rainerii Saccon. «Summa.»—Tocco, «L'Eresia nel medio aevo», стр. 75.—Gregor. Fanens. «Disput.», cap. IV.—Monetae «adv. Catharos», lib. I, cap. 1, 2, 4, 6.—Alani de Insulis «contra Haeret.», lib. I.—Ecberti Schonaug. «Serm.» I, XIII, contra Catharos.—Ermengaudi «contra Haeret. opusc.», cap. 14.—Millot, «Hist. Litt. des Troubadoures», II 64.—Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 81.—Gest. Episcop. Leodiens. lib. II, cap. 60, 61. — Stephani de Borbone (d'Argentré, «Collect. judic. de nov. Error.», I, I, 90.—Muratori, «Antiq. Ital. Diss.», LX.

Среди первыхъ христіанъ ученіе о переселеніи душъ находило много сторонниковъ, такъ какъ имъ можно было объяснять кажущуюся несправедливость суда Бога. См. Hieron. «Epist.», CXXX ad Demetriadem, 16.

Библиотека "Руниверс"

объясненія ихъ не менѣе правдоподобны, чѣмъ объясненіе Церкви; признавая, что природа управляетъ стихіями, они утверждали, что незачѣмъ обращаться къ Богу съ молитвой о ниспосланіи благопріятной погоды. Они оставили много сочиненій, и одинъ изъ ихъ католическихъ противниковъ засвидѣтельствовалъ, насколько эти сочиненія, въ особенности «Perpendiculum scientiarum», были увлекательны; о послѣднемъ сочиненіи онъ говоритъ, что оно производило на читателей глубокое впечатлѣніе благодаря смѣшенію въ немъ философскихъ идей съ удачно подобранными текстами Св. Писанія [1]).

Не касаясь слабыхъ сторонъ ученія дуализма, мы припомнимъ, сколько впечатлительныхъ и пылкихъ умовъ доходило до толкованій подобнаго рода, такъ какъ они живо чувствовали несовершенство человѣческой природы и ясно видѣли противорѣчіе между ею и созданнымъ ими идеаломъ. Такъ, напр., въ 1560 г. горячій реформаторъ Flacius Illyricus весьма близко подошелъ къ мнѣніямъ катаровъ и вызвалъ оживленные споры своимъ ученіемъ, что первородный грѣхъ не былъ простой случайностью, а вытекалъ изъ сущности человѣческой природы. Онъ утверждалъ, что въ моментъ грѣхопаденія человѣкъ совершенно и безповоротно потерялъ образъ и подобіе Божіе, что онъ сталъ подобіемъ Сатаны, такъ какъ абсолютное добро измѣнилось въ немъ въ абсолютное зло. Его друзья Musaeus и Judex вполнѣ основательно доказывали ему, что это ученіе прямо вело къ манихеизму [2]).

Очень близко подходитъ также къ манихеизму христіанскій аскетизмъ по своему отрицательному взгляду на плоть, которую онъ считаетъ врагомъ души. «Многіе—пишетъ св. Францискъ Ассизскій,—согрѣшая или получая ущербъ, обвиняютъ своего врага или своего сосѣда. Но это не справедливо, ибо всякій изъ насъ имѣетъ власть надъ своимъ врагомъ: единственный источникъ всякаго грѣха—это наше собственное тѣло. Благословенъ рабъ, держащій въ плѣну этого врага своего и стоящій на стражѣ противъ его нападеній; когда онъ ведетъ себя такимъ образомъ, ему не страшенъ никакой видимый врагъ». Въ другомъ мѣстѣ св. Францискъ заявляетъ, что тѣло его—самый страшный врагъ его, и что онъ охотно отдалъ бы его демону [3]).

По ученію доминиканца Таулера, главы германскихъ мистиковъ XIV в., человѣкъ, самъ по себѣ, не что иное, какъ сосудъ всякой скверны, существо, зачатое во злѣ и рожденное въ грѣхѣ, могущее только внушать къ себѣ отвращеніе; и этотъ взглядъ раздѣляли даже тѣ ученики Таулера, которые выдавались рѣдкою любовью и снисхожденіемъ къ ближнему.

Такъ же далеко, какъ Манесъ или Будда, въ своей ненависти къ тѣлу, этому источнику грѣха, идетъ Жанъ-Жакъ Олье, основатель большой богословской школы въ С.-Сюльписѣ. Въ своемъ «Catéchisme du Chrétien pour la vie intérieure», который, насколько я знаю, и до сихъ поръ еще употребляется въ С.-Сюльписской школѣ, онъ между прочимъ пишетъ слѣдующее: «Я не удивляюсь, что вы говорите, что нужно ненавидѣть свою плоть, что нужно питать отвращеніе къ самому себѣ, и что человѣкъ въ своемъ настоящемъ видѣ долженъ быть презираемъ... По истинѣ, нѣтъ зла, нѣтъ такого бѣдствія, которыя не должны бы упасть на него за его грѣшную плоть» [4]). Спорить при подобныхъ ученіяхъ о томъ, Богъ или Сатану слѣдуетъ считать творцомъ такого отвратительнаго существа, какъ человѣкъ, значило бы спорить о словахъ. Заранѣе можно сказать, что творцомъ человѣка не могъ быть всеблагой Богъ, начало абсолютнаго добра.

---

[1]) Lucae Tudensis, «De altera Vita», lib. III, cap. 2.

[2]) См. Herzog, «Abriss der gesammten Kirchengeschichte», III, 313.

[3]) S. Francisci «Admonit. ad. Fratres» № 9. Его же «Apoph.» XXVII.

[4]) Jundt, «Les amis de Dieu», Парижъ, 1879, стр. 77, 229.—Ср. Renan, «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», стр. 206.

Библиотека "Руниверс"

Не было ничего привлекательнаго въ ученіи катаровъ для людей чувственныхъ; скорѣе оно должно было отталкивать ихъ, и если катаризмъ могъ распространиться съ поразительной быстротой, то объясненіе этому факту нужно искать въ недовольствѣ массы Церковью за ея нравственное ничтожество и за ея тиранію. Хотя аскетизмъ, возводимый катарами въ законъ, и былъ совершенно непримѣнимъ въ дѣйствительной жизни огромной массы людей, но нравственная сторона этого ученія была по истинѣ удивительна; и въ общемъ основныя его положенія соблюдались въ жизни строго, и остававшіеся вѣрными Церкви съ чувствомъ стыда и сожалѣнія сознавались, что въ этомъ отношеніи еретики стояли много выше ихъ. Но, съ другой стороны, осужденіе брака, ученіе, что сношеніе между мужчиной и женщиной равносильно кровосмѣшенію, и другія подобныя преувеличенія вызывали толки, что кровосмѣшеніе среди еретиковъ было обычнымъ явленіемъ; разсказывались небывалыя исторіи о ночныхъ оргіяхъ, на которыхъ сразу гасились всѣ огни, и люди предавались свальному грѣху; а если послѣ этого рождался ребенокъ, то его держали надъ огнемъ, пока онъ не испускалъ духъ, а потомъ изъ тѣла этого ребенка дѣлали адскіе дары, обладавшіе такою силою, что всякій, вкусившій ихъ, не могъ болѣе выйти изъ секты. До насъ дошло много подобныхъ розсказней, которыя пускались въ обращеніе съ очевидной цѣлью возбудить противъ еретиковъ народную ненависть; но не надо забывать, что инквизиторы, т.-е. люди, знавшіе лучше всѣхъ правду объ еретикахъ, всегда утверждали, что всѣ разсказы о тайномъ развратѣ катаровъ—пустая выдумка. Я перечиталъ много сотенъ судебныхъ отчетовъ и приговоровъ и нигдѣ не нашелъ даже намека на это, кромѣ нѣсколькихъ слѣдственныхъ дѣлъ, веденныхъ въ 1387 г. Фра Антоніо Секко въ альпійскихъ долинахъ. Вообще же инквизиторы не тратили времени на подыскиваніе свидѣтельствъ въ подтвержденіе завѣдомо ложныхъ преступленій. «Если вы спросите еретиковъ, — пишетъ св. Бернаръ,—то окажется, что они самые лучшіе христіане; въ рѣчахъ ихъ вы не найдете ничего предосудительнаго, а дѣла ихъ не расходятся со словами. Согласно своему нравственному ученію, они никого не обманываютъ, никого не притѣсняютъ, никого не ударяютъ; щеки ихъ блѣдны отъ постоянныхъ постовъ, они не сидятъ, сложа руки, и трудами снискиваютъ себѣ хлѣбъ». Послѣднее заявленіе совершенно вѣрно, такъ какъ катары, въ большинствѣ случаевъ, были хорошіе крестьяне и трудолюбивые работники, которые видѣли господствующее вокругъ нихъ зло и работали съ надеждой на лучшее будущее. Богословы, состязавшіеся съ ними, считали ихъ невѣждами и мужиками; во Франціи они были извѣстны подъ именемъ Texerant (ткачей), такъ какъ ересь особенно сильно распространялась среди этихъ скромныхъ работниковъ, монотонное занятіе которыхъ давало много свободнаго времени для размышленій. Но хотя масса катаровъ и была необразована, но ихъ наставники были свѣдущіе богословы, и у нихъ была богатая народная литература, всюду, къ сожалѣнію, безслѣдно погибшая, за исключеніемъ перевода Новаго Завѣта и краткаго служебника. Ихъ глубокое знаніе Священнаго Писанія засвидѣтельствовано Лукою, епископомъ тюйскимъ, который предупреждаетъ христіанъ не вступать въ богословскіе споры съ катарами, если они не знаютъ основательно закона Божьяго и не могутъ опровергнуть положеній противника. Строгая нравственность катаровъ, насколько мы знаемъ, никогда не ослабѣвала; сто лѣтъ спустя послѣ святого Бернара, мы встрѣчаемъ тѣ же самые отзывы о нравственныхъ достоинствахъ катаровъ, которые были высказаны въ серединѣ XIII в. во Франціи. Формула исповѣди, которую они приносили въ своихъ собраніяхъ, показываетъ, насколько строго умѣли они предупреждать и подавлять суетность мысли и слова [1]).

---

[1]) Process. c. Vald. (Arch. Stor. Ital. 1865, №№ 38, 39).—«Summa c. haeret.» fratris Jacobi de Capitlis (Molinier, «Etudes», стр. 161).—S. Bern. «Serm. in Cant.» LXV, cap. 5; LXVI, cap. 1.—Gregor. Fanens. «Disput.» cap. 17.—Anonn. Passav. «contra Wald.» c. 7.—Radulf. Coggeshall.

Библиотека "Руниверс"

Но особенно страшна была для Церкви способность катаровъ къ совращенію другихъ въ свою ересь; ни усталость, ни опасность не останавливали ихъ. Ихъ миссіонеры ходили по всей Европѣ и всюду призывали къ покаянію и обращенію; ихъ можно было встрѣтить даже у подножій костровъ, на которыхъ сжигались ихъ братья. Наружно они выдавали себя за католиковъ и образцово соблюдали всѣ церковные обряды, пока, заручившись довѣріемъ сосѣдей, не начинали тайно трудиться надъ ихъ обращеніемъ. Путешествуя, они раздавали свои листки, въ которыхъ они не стѣснялись извлекать выгоду даже изъ суевѣрій католичества; такъ, напр., они сулили прощеніе грѣховъ тѣмъ, кто будетъ читать ихъ листки и распространять ихъ; или, напр., выдавали себя за посланныхъ отъ Самого Іисуса Христа и говорили, что ихъ носятъ ангелы на крыльяхъ своихъ. Разсказываютъ, что много католическихъ священниковъ перешли въ ересь благодаря чтенію этихъ листковъ, которые приносили имъ для прочтенія ихъ неграмотные прихожане; отсюда можно сдѣлать грустный выводъ о степени умственнаго развитія духовенства той эпохи. Еще болѣе достойный порицанія пріемъ былъ пущенъ въ ходъ катарами Монку во Франціи: они сдѣлали образъ Божьей Матери и нарисовали ее кривой и безобразной, говоря, что Іисусъ Христосъ, чтобы показать свое смиреніе, нарочно избралъ Себѣ въ матери такую безобразную женщину; затѣмъ они стали творить этимъ образомъ чудеса исцѣленія, притворяясь для этого больными; образъ этотъ быстро прославился настолько, что многочисленныя копіи съ него помѣщались повсюду въ церквахъ и часовняхъ, пока еретики, къ великому соблазну вѣрныхъ, не открыли своего обмана. Нѣчто подобное продѣлали и съ распятіемъ, у котораго недоставало верхней перекладины и на которомъ ноги Спасителя были сложены крестомъ и прибиты тремя гвоздями. Этотъ новый типъ распятія вызвалъ много подражаній, пока, къ великому смущенію вѣрныхъ, не открылось, что онъ былъ сдѣланъ катарами въ насмѣшку. Въ провинціи Леонъ, какъ мы увидимъ ниже, были болѣе наглые случаи обмановъ, которые также пользовались успѣхомъ [1]).

Ревность къ вѣрѣ, доводившая усердіе миссіонеровъ до сумасшествія, проявлялась также въ строгомъ соблюденіи неофитами наставленій, преподанныхъ имъ при вступленіи ихъ въ ряды Совершенныхъ. Въ этомъ отношеніи катары были вполнѣ сходны съ вальденцами. Инквизиція жаловалась, что ей съ трудомъ удавалось добиться признанія у простого вѣрующаго (credens), деревенская изворотливость котораго часто торжествовала надъ искусствомъ инквизиторовъ; но зато легко было обнаружить Совершеннаго, который никогда не говорилъ неправды и отказывался принести присягу. Одинъ изъ инквизиторовъ не совѣтуетъ своимъ товарищамъ спрашивать у подозрѣваемаго прямо: «Не катаръ ли ты?», такъ какъ отвѣтомъ будетъ простое «да». Но если предложить Со-

«Chron. Anglic.» (D. Bouquet, XVIII, 93). — Concil. Remens. ann. 1157, c. 1.—Ecberti Schonaug. «c. Cath.» serm. I, cap. 1.—Cunitz, «Beitr. zu d. theol. Wiss.» 1852, IV, 4, 12—14.—Lucae Tudens. «de alt. Vita», lib. II, 9; lib. III, 5.—Lami, «Antich. Tosc.». стр. 550.

По всей вѣроятности, катары уже въ 1178 г. имѣли переводы Новаго Завѣта на народные языки; подъ этимъ годомъ записанъ диспутъ въ Тулузѣ кардинала-легата съ двумя катарскими епископами, совершенно не знавшими латинскаго языка, но очень начитанными въ Священномъ Писаніи. Roger. Hoveden. «Annal.» ann. 1178. См. также Молинье, «Ann. de la Fac. des lettres de Bordeaux», 1883, № 3.

Аббатъ Іоахимъ подтверждаетъ внѣшнюю порядочность катаровъ и говоритъ, что успѣху ихъ дѣла много содѣйствовала развращенность духовенства. См. Tocco, «L'Eresia nel medio aevo», стр. 403.

Разсказъ о приготовленіи даровъ изъ труповъ младенцевъ, родившихся внѣ брака, былъ очень распространенъ и прилагался къ разнымъ сектамъ. Въ XI вѣкѣ Пселлъ («de oper. Daem.») разсказываетъ это объ евхитахъ; позднѣе это же разсказывалось въ народныхъ памфлетахъ о тампліерахъ и о фратичеллихъ.

[1]) Ecberti Schonaug. «contra Cath.» serm. I, cap. 2.—Caes. Heist. «Dial. Mir.» dist. V, cap. 18.—Luc. Tuden. «de alt. Vita.», lib. II, cap. 9; lib. III, cap. 9, 18.

Библиотека "Руниверс"

вершенному во имя его Бога сказать все, касающееся его, то онъ безъ утайки разскажетъ всю свою жизнь. Если принять во вниманіе, что эта откровенность вела на костеръ, то дѣйствительно интересно отмѣтить, что ни одному инквизитору не приходила въ голову мысль о нравственной высотѣ его жертвъ [1]).

Мы съ трудомъ можемъ представить себѣ, что собственно въ ученіи катаровъ порождало энтузіазмъ и ревностное исканіе мученической смерти; но никакое другое вѣроученіе не можетъ дать намъ такого длиннаго списка людей, которые предпочитали бы ужасную смерть на кострѣ вѣроотступничеству. Если бы было вѣрно, что изъ крови мучениковъ родятся сѣмена Церкви, то манихеизмъ былъ бы въ настоящее время господствующей религіей Европы. Во время перваго преслѣдованія, о которомъ сохранились извѣстія, а именно—во время преслѣдованія въ Орлеанѣ въ 1017 г., тринадцать катаровъ изъ пятнадцати остались непоколебимы предъ пылающими кострами; они отказались отречься отъ своихъ заблужденій несмотря на то, что имъ было обѣщано прощеніе, и ихъ твердость вызвала удивленіе зрителей. Когда въ 1040 г. были открыты еретики въ Монфортѣ, и миланскій архіепископъ призвалъ къ себѣ ихъ главу Джерардо, то послѣдній не замедлилъ явиться и добровольно изложилъ свое ученіе, счастливый, что ему представился случай запечатлѣть свою вѣру цѣною жизни. Катары, сожженные въ Кельнѣ въ 1163 г., произвели на всѣхъ глубокое впечатлѣніе тѣмъ радостнымъ мужествомъ, съ которымъ они встрѣтили ужасную смерть. Когда они были уже въ предсмертной агоніи, то ихъ глава Арнольдъ, по словамъ очевидцевъ, уже на половину обгорѣвшій, освободилъ руку и, протянувъ ее къ своимъ ученикамъ, съ невѣроятной кротостью сказалъ имъ: «Будьте тверды въ вѣрѣ вашей. Сегодня будете вы со святымъ Лаврентіемъ». Среди этихъ еретиковъ была одна дѣвушка поразительной красоты, возбудившая жалость даже у палачей; ее сняли съ пылающаго костра и обѣщали выдать замужъ или помѣстить въ монастырь; она сдѣлала видъ, что принимаетъ предложеніе, и спокойно стояла, пока всѣ ея товарищи не умерли мученической смертью; тогда она попросила своихъ сторожей показать ей прахъ «совратителя душъ». Они указали ей тѣло Арнольда; тогда она вырвалась изъ ихъ рукъ и, накрывъ лицо платьемъ, бросилась на догорѣвшіе останки своего учителя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ сойти въ преисподнюю. А еретики, открытые въ это же время въ Оксфордѣ, рѣшительно отказались покаяться, повторяя слова Спасителя: «Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть Царство Небесное». Осужденные на медленную и позорную смерть, они, предшествуемые своимъ вождемъ Герардомъ, весело шли къ мѣсту казни и громко пѣли: «Будьте благословенны, ибо люди гонятъ васъ». Во время крестоваго похода противъ альбигойцевъ, когда былъ взятъ замокъ Минервы, крестоносцы предложили своимъ плѣннымъ на выборъ—отреченіе или костеръ; нашлось до 180 человѣкъ, которые предпочли смерть, по поводу чего монахъ, повѣствующій объ этомъ, замѣчаетъ: «Безъ сомнѣнія, всѣ эти мученики діавола перешли изъ временнаго огня въ огнь вѣчный». Одинъ хорошо освѣдомленный инквизиторъ XIV в. говоритъ, что катары, если они не отдавались добровольно въ руки Инквизиціи, всегда были готовы умереть за свою вѣру въ противоположность вальденцамъ, которые ради сохраненія жизни не останавливались передъ притворнымъ отреченіемъ отъ ереси. Католическіе писатели изъ всѣхъ силъ стараются увѣрить насъ, что непоколебимая твердость въ убѣжденіяхъ у этихъ несчастныхъ не имѣла ничего общаго съ твердостью христіанскихъ мучениковъ, но была просто ожесточеніемъ сердца, внушеннымъ Сатаною; Фридрихъ II ставитъ катарамъ въ вину ихъ упорство, такъ какъ благодаря ему наказаніе, наложенное на виновныхъ, не устрашало другихъ [2]).

[1]) Anon. Passav., c. 6.—Proc., c. Vald. (Arch. Stor. Ital. 1865, № 39, стр. 57).

[2]) Rad. Glabri lib. III, c. 8.—Landulf. Senior. «Mediolan. Hist.» II, 27.—Caes. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. V, c. 19.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1163.—Guill. de Newburg. «Hist.

Библиотека "Руниверс"

Вполнѣ естественно, что манихеевъ обвиняли въ поклоненіи діаволу. Люди, сроднившіеся съ повседневной церковной практикой, съ покупкой всего просимаго и желаемаго цѣною молитвы, вкладовъ и добрыхъ дѣлъ, конечно, думали, что манихеи, признававшіе Сатану творцомъ всего вещественнаго, призывали его, испрашивая себѣ земныхъ благъ. Земледѣлецъ не могъ, напр., просить Бога о дарованіи ему богатаго урожая, но долженъ былъ молить объ этомъ діавола, котораго считалъ создателемъ хлѣба. Правда, была секта луциферіанъ (Luciferiani), которые боготворили Сатану, считая его братомъ Бога, несправедливо изгнаннымъ съ неба, и раздавателемъ земныхъ благъ; но эти сектанты, какъ мы увидимъ ниже, были близки къ «Братьямъ Свободнаго Духа», которые сами произошли, по всей вѣроятности, отъ Ortlibenses. Мы не находимъ ни одного свидѣтельства, чтобы катары когда-либо поколебались въ своей вѣрѣ въ Іисуса Христа или стремились къ какому-либо иному благу, кромѣ единенія съ Богомъ [1]).

Таково было вѣрованіе, быстрое распространеніе котораго по югу Европы, вполнѣ понятно, испугало Церковь. Какими бы ужасными ни казались намъ средства, направленныя къ подавленію ереси, какимъ бы чувствомъ состраданія ни проникались мы къ несчастнымъ жертвамъ убѣжденія, мы безъ всякаго колебанія можемъ утверждать, что при тѣхъ условіяхъ вопросъ о католицизмѣ былъ также вопросомъ и о цивилизаціи и прогрессѣ. Если бы катаризмъ сталъ господствующей религіей или даже религіей равноправной съ католицизмомъ, то, несомнѣнно, его вліяніе было бы гибельно. Если бы аскетизмъ, возводимый катарами въ догматъ въ вопросѣ о половыхъ сношеніяхъ, сталъ общимъ, то онъ неизбѣжно повлекъ бы за собой вымираніе человѣческаго рода; а такъ какъ это явно нелѣпо, то весьма вѣроятно, что раньше, чѣмъ человѣчество примирилось бы съ предстоящей ему гибелью и съ идеей о возвращеніи всѣхъ изгнанныхъ душъ къ ихъ создателю Богу, бракъ былъ бы замѣненъ свободнымъ сожительствомъ, что привело бы къ разрушенію идеи семьи. Осуждая видимый міръ и вообще все вещественное какъ дѣло рукъ Сатаны, катаризмъ наносилъ тяжелый ударъ стремленію людей къ улучшенію внѣшнихъ условій ихъ существованія; поэтому, если бы это вѣрованіе распространилось среди большинства людей, оно привело бы Европу въ дикое состояніе первобытныхъ временъ. Проповѣдь катаровъ не была только возстаніемъ противъ Церкви, но и отрицаніемъ человѣка передъ природой. Подобное ученіе было осуждено уже въ самомъ своемъ зародышѣ, и мы съ трудомъ можемъ понять, какъ оно могло удерживаться такъ упорно и такъ долго хотя бы и предъ лицомъ Церкви, возбуждавшей къ себѣ такъ много презрѣнія и ненависти. Конечно, преслѣдованіе вызывало экзальтацію и помогало катаризму находить себѣ послѣдователей между энтузіастами и недовольными; но мы опять повторяемъ, что, если бы катаризмъ одержалъ побѣду и сохранился въ своей первоначальной чистотѣ, онъ неизбѣжно погибъ бы подъ давленіемъ своихъ собственныхъ основныхъ заблужденій, и, кромѣ того, онъ породилъ бы жреческое сословіе, не менѣе привилегированное, чѣмъ католическое духовенство, и на немъ не замедлило бы отразиться развращающее дѣйствіе человѣческаго честолюбія, этого неизсякаемаго источника всякой неправды и всякаго гнета.

Anglic.» lib. II, c. 13.—Guillel. Nangiac. ann. 1210.—Chron. Turon. ann. 1210.—Radulf. Coggeshall. «Chron. Anglic.» (D. Bouquet, XVIII, 93).—Bernard. Guidon. «Practic.» P. IV (Doat, XXX).—S. Bernardi, «Serm. in Cantic.» LXV, c. 13.—Lucae Tudens. «de altera vita», lib. III, c. 21.—Constit. Sicular. lib. I, tit. 1.

Разсказъ о молодой кельнской дѣвушкѣ принимаетъ нѣсколько легендарную форму подъ перомъ Монеты, который переноситъ дѣйствіе въ Ломбардію (Cantu, «Eret. d'Italia», I, 88), но это лишь показываетъ, какое сильное впечатлѣніе производило мужество еретиковъ.

[1]) Radulf. Coggeshall. l. c.—Pauli Carnot. «Vet. Aganon.» lib. VI, cap. III.—Campana, «Storia di San Pietro Martire», lib. II, c. 2, p. 57.—Fragm. adv. Haeret. (Mag. Bibl. Pat. XIII, 341).—Cp. Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1315.

Библиотека "Руниверс"

Почва для воспріятія катаризма была, по всей вѣроятности, подготовлена старымъ манихеизмомъ, продолжавшимъ жить отчасти кое-гдѣ въ глуши. Въ 563 г. соборъ въ Брага въ Испаніи счелъ нужнымъ предать анаѳемѣ догматы манихеевъ, посвятивъ имъ семнадцать каноновъ. Въ первой половинѣ VIII в. въ римской діоцезѣ всякому вновь посвященному епископу напоминали папское предостереженіе не принимать уроженцевъ Африки въ монашескіе ордены, такъ какъ опытъ показалъ, что среди нихъ много манихеевъ. У Муратори напечатана анаѳема на латинскомъ языкѣ, которая направлена противъ ученія манихеевъ, и она, относясь къ 800 г., свидѣтельствуетъ, что въ это время въ Западной Европѣ были еще манихеи. Какъ мы уже упоминали, около 970 г. Іоаннъ Цимисхій переселилъ павликіанъ во Ѳракію, откуда они очень быстро распространились по всему Балканскому полуострову. Когда въ 1097 г. крестоносцы, подъ начальствомъ Богемунда Тарентскаго, прибыли въ Македонію, они узнали, что всѣ жители города Пелагоніи были еретики; они остановились и послѣ долгой осады взяли городъ, сравняли его съ землей и перебили все его населеніе. Въ Далмаціи павликіане основали приморскій городъ Дугунтію (Trau), который сталъ мѣстопребываніемъ одного изъ главныхъ ихъ епископовъ; въ эпоху Иннокентія III число павликіанъ въ славянскихъ земляхъ полуострова было огромно, они совращали мѣстныхъ жителей цѣлыми толпами и причиняли папѣ не мало хлопотъ. Даже тогда, когда катары стали очень многочисленны въ Западной Европѣ, они не забывали, что главный станъ ихъ находился на правомъ берегу Адріатики. Тамъ же, подъ вліяніемъ богомиловъ зародилась та форма дуализма, которая извѣстна подъ именемъ конкорреціанизма, и катары добровольно обращались къ балканскимъ епископамъ за разрѣшеніемъ возникавшихъ между ними богословскихъ недоразумѣній и споровъ [1]).

Вскорѣ послѣ водворенія манихеевъ въ Болгаріи вліяніе ихъ миссіонеровъ сказалось и на Западѣ. Правда, отъ этой эпохи до насъ дошло мало документальныхъ извѣстій, и намъ часто приходится довольствоваться случайными указаніями; но если мы видимъ, что Гербертъ д'Аурильякъ, избранный въ 991 г. реймскимъ архіепископомъ, счелъ необходимымъ въ своемъ исповѣданіи вѣры заявить, что Сатана творитъ зло по своей доброй волѣ, что Ветхій и Новый Завѣты имѣютъ равное значеніе, что бракъ и употребленіе мяса въ пищу разрѣшены, то мы въ правѣ заключить изъ этого, что павликіанское ученіе проникло уже на сѣверъ до Шампани, и, повидимому, катаризмъ свилъ здѣсь себѣ гнѣздо очень рано; по крайней мѣрѣ, уже въ 1000 г. одинъ крестьянинъ изъ деревни Вертю, по имени Летардъ, былъ уличенъ въ распространеніи антисацердотальнаго ученія, очевидно, манихейскаго происхожденія; говоритъ, что онъ утопился въ колодцѣ, когда его положенія были опровергнуты епископомъ Либурніемъ. Но замокъ Монъ-Вимеръ, въ окрестностяхъ Вертю, долгое время оставался центромъ ереси. Къ этому же времени относится разсказъ о равеннскомъ грамматикѣ Вильгардѣ, который по внушенію злыхъ духовъ, являвшихся ему въ видѣ Виргилія, Горація и Ювенала, составилъ изъ латинскихъ поэтовъ непогрѣшимое руководство къ жизни и распространялъ ученіе, во многомъ несогласное съ вѣрою. По всей вѣроятности, его ученіе въ основѣ своей было манихейское; оно не могло быть слѣпымъ культомъ классическихъ авторовъ, такъ какъ эта эпоха была черезчуръ ужъ груба, чтобы въ ней могъ стать популярнымъ подобный культъ; къ тому же мы знаемъ, что Вильгардъ имѣлъ многочисленныхъ учениковъ по всѣмъ городамъ Италіи, и что послѣ осужденія ихъ учителя Петромъ, архіепископомъ равеннскимъ, они были

[1]) Concil. Bracarens. I, ann. 563, cap. 1—XVII. Ср. C. Bracarens. II, ann. 572, cap. LVII—Lib. Diurn. Roman. Pontif. cap. III. Tit. 9, n. 3.—Murat. «Anecd. Ambros.» II, 112.—Guill. Tyrii lib. II, c. 13.—Innocent. PP. III «Reg.» II, 176; III, 3; V, 103, 110; VI, 14[1]), 141, 212.—См. также любопытное письмо одного патарена у Matt. Paris, «Hist. Angl.» ann. 1243 (изд. 1644, стр. 413).

Библиотека "Руниверс"

частью сожжены, частью перебиты. Эта же ересь распространилась въ Сардиніи и Испаніи, гдѣ она была подавлена съ невѣроятной жестокостью [1]).

Немного позднѣе катары появляются въ Аквитаніи, гдѣ они многихъ совратили въ ересь, которая оттуда тайно распространилась по всему югу Франціи. Въ 1017 г. ее обнаружили даже въ Орлеанѣ при обстоятельствахъ, обратившихъ на нее всеобщее вниманіе. Зараза была занесена туда пришедшей изъ Италіи женщиной, которая совратила много видныхъ лицъ мѣстнаго духовенства; они, съ ревностью неофитовъ, стали распространять новое ученіе и необдуманно послали для этого въ разныя стороны проповѣдниковъ, что и обнаружило ихъ. Узнавъ объ этомъ, король Робертъ Благочестивый немедленно поспѣшилъ въ Орлеанъ вмѣстѣ съ королевой Констанціей и созвалъ совѣтъ епископовъ, чтобы рѣшить, какія принять мѣры къ подавленію ереси. Призванные на допросъ еретики исповѣдывали свою вѣру и заявили, что они скорѣе умрутъ, чѣмъ отрекутся отъ нея. Народъ былъ такъ враждебно настроенъ противъ еретиковъ, что Робертъ поставилъ королеву у дверей церкви, гдѣ происходило собраніе, чтобы народъ не разорвалъ еретиковъ, когда они будутъ входить въ церковь. Но королева раздѣляла народную ненависть къ еретикамъ и, когда ихъ вели, ударила одного изъ нихъ (своего духовника) палкой такъ сильно, что выбила ему глазъ. Еретиковъ вывели за городскія стѣны и тамъ, предъ пылающимъ костромъ, имъ предложили отречься отъ своихъ заблужденій; они предпочли смерть, и ихъ мученическій конецъ поразилъ всѣхъ присутствовавшихъ. Всѣ, совращенные ими, были разысканы и безъ всякой жалости сожжены. Въ 1205 г. новый очагъ ереси былъ открытъ въ Люттихѣ, но эти еретики проявили меньшую твердость и получили прощеніе, послѣ того какъ отреклись отъ своихъ заблужденій.

Около этого же времени мы находимъ еретиковъ и въ Ломбардіи въ замкѣ Монфорте, близъ Асти; ихъ безжалостно преслѣдовали сосѣдніе сеньоры и епископы и сжигали повсюду, гдѣ находили. Около 1040 г. архіепископъ Миланскій Эриберто, объѣзжая свою епархію, посѣтилъ Асти и, услыхавъ разсказы объ этихъ еретикахъ, пожелалъ посмотрѣть ихъ. Они явились безъ всякаго колебанія, захвативъ съ собой своего учителя Герардо и графиню Монфорте, которая также принадлежала къ ихъ сектѣ; всѣ горячо исповѣдывали свою вѣру, и Эриберто, въ надеждѣ обратить ихъ, взялъ ихъ съ собой въ Миланъ. Не думая оправдать надеждъ епископа, они, наоборотъ, старались распространять свою ересь между любопытными, стекавшимися толпами къ ихъ тюрьмѣ; кончилось тѣмъ, что возбужденная чернь, вопреки волѣ епископа, вытащила ихъ изъ тюрьмы и предложила имъ выборъ между крестомъ и костромъ. Немногіе сдались, большинство же, закрывъ лицо руками, бросилось въ пламя. Въ 1045 г. еретики появились въ Шалонѣ; епископъ Рожеръ обратился къ люттихскому епископу Вазо съ вопросомъ, что ему дѣлать съ ними и не слѣдуетъ ли ему обратиться къ свѣтской власти, чтобы погасить ересь въ зародышѣ, пока она не охватила всего населенія; добродушный Вазо отвѣтилъ, что ихъ надо оставить на волю Бога, «ибо—добавилъ онъ—тѣ, кого сегодня міръ считаетъ плевелами, быть-можетъ, когда наступитъ жатва, будутъ собраны Богомъ вмѣстѣ съ пшеницей». «Тѣ,—писалъ онъ дальше,—кого мы считаемъ врагами Бога, могутъ быть помѣщены Имъ на небѣ выше насъ». Вазо уже слышалъ, что еретики выдѣлялись блѣднымъ цвѣтомъ лица, и что духовные судьи, воображая, что всякій блѣдный долженъ быть еретикомъ, отправили на тотъ свѣтъ огромное число добрыхъ, но блѣдныхъ католиковъ, и это заставило его быть осмотрительнымъ въ своемъ отвѣтѣ.

Уже въ 1052 г. ересь появляется въ Германіи, гдѣ благочестивый императоръ Генрихъ Черный перевѣшалъ много еретиковъ въ Госларѣ. Въ послѣдніе годы XI столѣтія

[1]) Gerberti «Epist.» 187.—Radulphi Glabri lib. II, c. 11, 12.—Epist. Leodiens. ad Lucium PP. II (Marlène, «Ampliss. Coll.» I, 776—8).

Библиотека "Руниверс"

объ еретикахъ слышно мало, хотя о нихъ поднимался въ 1056 г. вопросъ въ Тулузѣ, а въ 1062 г. въ Безье; въ 1200 г. ересь охватила уже всю Ажанскую епархію [1]).

Въ XII столѣтіи зло стало распространяться по сѣверу Франціи. Покровителемъ еретиковъ считался графъ Іоаннъ Суассонскій; но, несмотря на это, суассонскій епископъ Лизіардъ захватилъ нѣсколькихъ изъ нихъ и первый примѣнилъ къ нимъ, въ цѣляхъ обнаруженія ихъ виновности, судъ Божій, что стало впослѣдствіи правиломъ. Одинъ изъ осужденныхъ, брошенный въ воду, надъ которой было произнесено заклинаніе, всплылъ на ея поверхности; сильно смущенный этимъ, епископъ заключилъ ихъ всѣхъ въ тюрьму, а самъ отправился на соборъ въ Бовэ (1114 г.), чтобы посовѣтоваться съ другими епископами. Но чернь не раздѣляла сомнѣній епископа: боясь, что добыча ускользнетъ изъ ея рукъ, она ворвалась въ тюрьму и сожгла всѣхъ еретиковъ въ отсутствіи епископа; составитель хроники съ похвалой отзывается объ этомъ проявленіи благочестивой ревности.

Въ это же время новый очагъ катаризма былъ открытъ во Фландріи. Ересіархъ, призванный епископомъ г. Камбрэ, открыто исповѣдывалъ свои убѣжденія, и его заперли въ хижину, которую подожгли со всѣхъ сторонъ, гдѣ онъ и умеръ, славословя Бога. Въ этомъ случаѣ чернь, повидимому, была на сторонѣ осужденнаго, такъ какъ она позволила его друзьямъ собрать его останки; и здѣсь-то обнаружилось, какъ много было у него сторонниковъ, особенно среди ткачей. Въ это же время папа Паскаль II писалъ констанцскому епископу, что еретиковъ, вернувшихся въ лоно Церкви, слѣдуетъ принимать какъ друзей; отсюда мы можемъ заключить, что катаризмъ проникъ уже и въ Гельвецію [2]).

По мѣрѣ удаленія отъ XI в. случаи обнаруженія ереси становятся болѣе частыми. Въ 1144 г. ее отмѣчаютъ въ Люттихѣ, въ 1153 г.—въ Артуа, въ 1157 г.—въ Реймсѣ, въ 1163 г.—въ Везелэ, гдѣ въ то же время была сдѣлана знаменательная попытка—свергнуть свѣтскій судъ аббатства св. Мадлены. Въ 1170 г. катаризмъ проявляется въ Безансонѣ, а въ 1180 г. его снова обнаруживаютъ въ Реймсѣ. Послѣдній случай представляетъ интересныя и картинныя подробности, сохраненныя намъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ драмы, нѣкимъ Жерве де Тильбюри, бывшимъ въ то время еще молодымъ каноникомъ въ Реймсѣ. Однажды послѣ полудня онъ ѣхалъ верхомъ въ свитѣ своего архіепископа Гильома, какъ вдругъ его вниманіе привлекла красивая дѣвушка, работавшая одна въ виноградникѣ; не долго думая, онъ обратился къ ней съ любезными предложеніями, но она отвергла ихъ, говоря, что, если послушается его, будетъ безповоротно осуждена. Такая строгая добродѣтель была очевиднымъ признакомъ ереси, и архіепископъ тутъ же приказалъ отвести дѣвушку въ тюрьму, по подозрѣнію въ катаризмѣ

---

[1]) Ademari S. Cibardi «Hist.» lib. III, c. 49, 59. — Pauli Carnot. «Vet. Aganon», lib. VI, c. 3.—Frag. Hist. Aquitan. et Frag. Hist. Franc. (Pithoei «Hist. Franc. Script.» XI, 82, 84)—Radulf. Glabri «Hist.» III, 8; IV, 2.—Gesta Synod. Aurel. circa 1017 (d'Achery I, 604—6).—Chron. S. Petri Vivi.—Synod. Atrebat. ann. 1025 (Labbe et Coleti XI, 1177, 1178; Hartzheim, «Concil. German.», III, 68).—Landul. Sen. «Mediol. Hist.», II, 27.—Gesta Episcop. Leodiens. cap. 60, 61.—Hermann. Contract. ann. 1052. — Lamberti Hersfeldensis «Annal.» ann. 1053.—Schmidt, «Hist. des Cathares», I, 37.—Radulf. Ardent. T. I, P. II, Hom. 19.

Мнѣніе, что блѣдный цвѣтъ лица указываетъ на принадлежность къ ереси, не было новинкой во время Вазо. Въ IV в. блѣдность считали вѣрнымъ признакомъ аскетизма гностиковъ и манихеевъ—присцилліанъ (Sulpic. Severi «Dial.» III, cap. XI), и св. Іеронимъ сообщаетъ намъ, что православные, блѣдные отъ постовъ и умерщвленія плоти, нерѣдко принимались за манихеевъ (Hieron «Epist. ad Eustoch.» c. 5). До самаго конца XII в. блѣдность считалась признакомъ катаризма P. Cantor. «Verb. abbrev.», c. 78).

[2]) Guibert. Noviogent. «de vita sua», lib. III, cap. 17.—Schmidt, op. l., I, 47.—Martène, «Thesaur.», I, 336.

Библиотека "Руниверс"

(въ это время только-что окончилось безжалостное преслѣдованіе катаровъ Филиппомъ Фландрскимъ). Обвиняемая была допрошена архіепископомъ и назвала имя женщины, наставившей ее; послѣдняя была немедленно схвачена и на допросѣ проявила такое знакомство со Священнымъ Писаніемъ, что ни у кого не осталось сомнѣнія, что ее училъ отвѣтамъ самъ Сатана. Сбитые съ толку богословы отложили дѣло до другого дня; объ обвиняемыя рѣшительно отказались уступить, несмотря ни на угрозы, ни на обѣщанія, и ихъ единогласно присудили къ сожженію. Тогда старшая изъ женщинъ громко разсмѣялась и сказала: «Судьи неправедные и безумные! Неужели вы думаете, что сожжете меня на вашемъ огнѣ? Не боюсь я вашего приговора, мнѣ не страшенъ вашъ костеръ!». И съ этими словами она вынула изъ-подъ платья клубокъ нитокъ и, держа нитку за конецъ, бросила его за окно, громко при этомъ закричавъ: «Возьми его!». Клубокъ взвился на воздухъ; женщина вылетѣла за нимъ изъ окна и пропала... Молодая дѣвушка осталась и безропотно приняла смерть на кострѣ.

Въ 1208 г. катаризмъ появился даже въ Бретани, именно въ Нантѣ и С.-Мало [1]).

Во Фландріи ересь пустила глубокіе корни между промышленниками и мастеровыми, которые въ это время сдѣлали города центрами богатства и прогресса. Въ 1162 г. реймскій архіепископъ Генрихъ, во время своего пребыванія во Фландріи, составлявшей часть его провинціи, нашелъ тамъ широко распространившійся манихеизмъ. Въ эту эпоху въ каноническомъ правѣ не было ясныхъ и точныхъ законовъ относительно ереси, и архіепископъ, хотя и заключилъ еретиковъ въ тюрьму, позволилъ имъ, однако, обратиться къ папѣ Александру III, бывшему тогда въ Турени. Папа проявилъ милосердіе, къ великому стыду архіепископа и брата его Людовика VII, которые совѣтовали примѣнить строгость и настаивали, чтобы обвиняемые за полученіе свободы уплатили огромный штрафъ— въ 600 марокъ. Несомнѣнно, папа вынесъ подобное рѣшеніе потому, что ересь распространилась уже и въ высшихъ слояхъ общества; но, несмотря на милостивое отношеніе папы, преслѣдованіе началось съ такой силой, что многіе еретики были вынуждены покинуть страну; позднѣе мы находимъ ихъ въ Кельнѣ. Однако, двадцать лѣтъ спустя зло оказалось еще болѣе распространеннымъ, и Филиппъ, герцогъ Фландрскій, впослѣдствіи умершій въ Палестинѣ, вмѣстѣ съ реймскимъ архіепископомъ Гильомомъ ревностно преслѣдовалъ еретиковъ. Современныя свидѣтельства передаютъ, что ересь была распространена среди всѣхъ сословій; были среди еретиковъ дворяне, крестьяне, духовныя лица, солдаты, ремесленники, молодыя дѣвушки, замужнія женщины и вдовы; много изъ нихъ было сожжено, но зараза не была уничтожена [2]).

Населеніе германскихъ странъ стояло сравнительно въ сторонѣ отъ религіознаго движенія, хотя близкое сосѣдство рейнскихъ провинцій и Франціи вызывало отдѣльные случаи проявленія ереси. Отъ 1100 г. до насъ дошло извѣстіе о нѣсколькихъ еретикахъ въ Трирѣ, которые, повидимому, остались безнаказанными, хотя двое изъ нихъ были священниками; въ 1200 г. въ томъ же городѣ было снова обнаружено восемь человѣкъ еретиковъ, которые были сожжены. Въ 1145 г. въ Кельнѣ была открыта цѣлая община еретиковъ; нѣкоторые изъ нихъ были преданы суду, но, пока тянулось дѣло, чернь захватила плѣнниковъ въ свои руки и тутъ же сожгла ихъ. Повидимому, въ Кельнѣ въ эту эпоху уже существовала правильно организованная катарская церковь,

---

[1]) Epist. Leodiens. ad Lucium PP. II (Martène, «Ampl. Soll.» I, 776—778).—Alex. PP. III «Epist. 2» (тамъ же, II, 628).—Concil. Remens. ann. 1157.—Hist. Monast. Vezeliacens., lib. IV, ann. 1167. — Saes. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. V, c. 18.—Radulf. Coggeshall. ubi supra. — Innocent. PP. III «Reg.» IX, 208.

[2]) Alex. PP. III «Epist.» 118, 122.—Varior. «ad Alex. PP. III Epist.» № 16.—Annal Aquicinetens. Monast. ann. 1182, 1183.—Guill. Nangiac. ann. 1183.

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ одинъ изъ сожженныхъ называется епископомъ. Въ 1163 г. въ Кельнѣ были обнаружены восемь мужчинъ и три женщины, пришедшіе сюда изъ Фландріи, гдѣ въ это время свирѣпствовало гоненіе. Такъ какъ они держались въ сторонѣ отъ другихъ и не ходили въ церковь, то сосѣди ихъ, католики, рѣшили, что это еретики, схватили ихъ и привели къ епископу; они исповѣдывали свою вѣру и радостно пошли на костеръ. Въ это же время другіе еретики были сожжены въ Боннѣ. Вотъ и весь списокъ еретиковъ, замученныхъ въ Германіи въ XII вѣкѣ. Несомнѣнно, заходили въ нѣмецкія страны миссіонеры изъ Венгріи, Италіи и Франціи; они встрѣчаются въ Швейцаріи, Баваріи, Швабіи и Саксоніи, но число обращенныхъ ими было не велико [1]).

Не болѣе процвѣтала ересь и въ Англіи. Вскорѣ послѣ начала преслѣдованія во Фландріи, въ 1166 г. были обнаружены въ Англіи тридцать человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, повидимому, фламандцевъ, которые, убѣгая отъ благочестиваго рвенія Генриха Реймскаго, перебрались за море и выступили тамъ съ проповѣдью своего ученія. Имъ удалось соблазнить только одну женщину, да и та отреклась на судѣ отъ своихъ заблужденій; сами же они остались непреклонны. Тогда Генрихъ, поглощенный ссорой съ Бекетомъ и желавшій подчеркнуть свою вѣрность Церкви, собралъ подъ своимъ предсѣдательствомъ соборъ епископовъ въ Оксфордѣ, чтобы выяснить вопросъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности. Послѣдніе признались во всемъ и были присуждены къ наказанію кнутомъ, заклеймены знакомъ ключа на лицѣ и изгнаны изъ страны. Какое значеніе Генрихъ II придавалъ этому дѣлу, видно изъ того, что вскорѣ послѣ этого на Кларендонскомъ засѣданіи онъ особымъ постановленіемъ запретилъ принимать еретиковъ подъ страхомъ разрушенія дома лица, принявшаго ихъ; въ то же время онъ потребовалъ отъ шерифовъ присяги, что они будутъ строго соблюдать этотъ законъ и отберутъ подобную же присягу отъ всѣхъ управляющихъ имѣніями бароновъ, отъ всѣхъ рыцарей и отъ всѣхъ владѣльцевъ свободныхъ земель; послѣ паденія римской имперіи это былъ первый случай внесенія закона противъ религіозныхъ убѣжденій въ сборникъ королевскихъ указовъ. Я уже не разъ отмѣчалъ, съ какимъ героизмомъ осужденные принимали наказаніе; то же было и теперь: обнаженные до пояса, безжалостно избитые плетями, заклейменные раскаленнымъ желѣзомъ, они были въ суровую зиму изгнаны въ деревню, гдѣ погибли всѣ вмѣстѣ, такъ какъ никто не хотѣлъ дать имъ пріюта. Англія оказалась страной негостепріимной для ереси, и въ теченіе долгаго времени мы не находимъ въ ней слѣдовъ ереси. Только въ концѣ столѣтія было обнаружено нѣсколько еретиковъ въ Іоркской провинціи, а въ началѣ слѣдующаго столѣтія было открыто нѣсколько еретиковъ въ Лондонѣ, изъ которыхъ одинъ былъ сожженъ. Но, не принимая во вниманіе, этихъ отдѣльныхъ случаевъ, можно сказать, что католичество въ Англіи сохранялось въ полной чистотѣ до самаго появленія Виклифа [2]).

Италія, черезъ которую болгарская ересь проникла на западъ, была, вполнѣ естественно, сильно заражена ею; центромъ ереси считался Миланъ; отсюда выходили миссіонеры, сюда приходили учиться пилигримы изъ западныхъ странъ; здѣсь же, наконецъ, впервые появилось несчастное названіе патарены, подъ которымъ вскорѣ катары стали извѣстны у всѣхъ народовъ Европы [3]).

---

[1]) Histor. Trevirens. (d'Achery, II, 221, 222).—Alberic. Trium Font. «Chron.» ann. 1200.—Evervini Steifeld. «Epist». (S. Bernardi «Epist.» 472).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1163.—Ecberti Schonaug. «contra Cathar.» serm. VIII.—Schmidt, I, 94—96.

[2]) Guill. de Newburg. «Hist. Anglic.» lib. II. c. 13.—Matt. Paris, «Hist. Anglic.» ann. 1166 (стр. 74). – Radulf. de Diceto ann. 1166.—Radulf. Coggeshall. (D. Bouquet, XVIII, 92).—Assises de Clarendon, art. 21.—Petri Blesens. «Epist.» 113.—Schmidt, I, 99.

[3]) Сами себя еретики называли «Cathari», т.-е. чистые. Имя патарены, повидимому, появилось впервые въ Миланѣ въ половинѣ XI вѣка, во время гражданскихъ войнъ, возникшихъ

Библиотека "Руниверс"

Папы, поглощенные войною съ Имперіей и вынужденные часто покидать Италію, обращали мало вниманія на еретиковъ въ первую половину XII в., когда, однако, какъ мы знаемъ, ихъ ученіе привлекало сторонниковъ. Въ Орвіето въ 1125 г. имъ удалось даже захватить на нѣкоторое время власть въ свои руки, но послѣ кровопролитной борьбы католики низложили ихъ. Въ 1150 г. движеніе было поднято снова Діотесальви изъ Флоренціи и Герардомъ изъ Массано; епископу удалось добиться ихъ изгнанія, но ихъ мѣсто заняли двѣ женщины, Милита изъ Монтемеано и Джулитта изъ Флоренціи; ихъ благочестіе и любовь къ ближнимъ снискали имъ уваженіе духовенства и народа, пока въ 1163 г. не открылось, что онѣ стояли во главѣ многочисленной группы еретиковъ. Многіе изъ послѣднихъ были сожжены или повѣшены, другіе же изгнаны. Но въ скоромъ времени во главѣ движенія сталъ Петръ Ломбардскій и образовалъ около себя многолюдную общину, въ числѣ членовъ которой было много дворянъ. Въ концѣ столѣтія (1199 г.) былъ канонизованъ св. Петръ Паренцскій, который былъ убитъ еретиками за то, что крайне сурово преслѣдовалъ ихъ.

Безуспѣшно въ 1184 г. папа Луцій III, поддерживаемый Фридрихомъ Барбароссой, издалъ на Веронскомъ соборѣ такой строгій эдиктъ противъ еретиковъ, какихъ до того времени еще не бывало. Онъ съ негодованіемъ разсказываетъ, какъ въ Римини народъ не допустилъ начальника города принести присягу, которую отъ него требовали; почему изгнанные незадолго передъ этимъ изъ города патарены поспѣшили вернуться и спокойно

вслѣдствіе желанія папъ ввести целибатъ среди женатаго духовенства Милана. Въ романскихъ нарѣчіяхъ «pates» значитъ «старое бѣлье»; тряпичники назывались въ Ломбардіи «Patari» и кварталъ въ Миланѣ, населенный ими, еще въ XVIII в. назывался «Pattaria» или «Contrada de Pattari». Даже и въ настоящее время въ итальянскихъ городахъ встрѣчаются кварталы и улицы, которые носятъ это названіе (Schmidt, II, 279). Во время смутъ XI в. паписты поддерживали тайныя сношенія съ населеніемъ квартала Pattaria, и поэтому ихъ противники прозвали ихъ патаренами,—имя, которое они, въ концѣ концовъ, присвоили и сами себѣ (Arnulf. Mediolanens. lib. III, cap. 11; lib. IV, cap. 6. 11.—Landulf. Jun. c. 1.—Willelmi Clusiens. «Vita Benedicti abbat. Clusiens.» c. 33.—Benzon, «Commen. de reb. Henrici IV», lib. VII, cap. 2). Такъ какъ осужденіе папами браковъ духовныхъ лицъ считалось своего рода манихеизмомъ, и такъ какъ приверженцы папъ поддерживались тайными еретиками, учениками Герардо ди Монфорте, то это названіе, вполнѣ естественно, было перенесено на ломбардскихъ катаровъ, откуда оно распространилось по всей Европѣ. Въ Италіи имя «Cathari», испорченное въ Gazzari», также было въ ходу и означало еретиковъ; служители Инквизиціи назывались «Cazzagazzari», т.-е. охотники за катарами, и сами принимали это насмѣшливое прозвище (Muratori. «Antiq. Diss.», LX, т. XII, стр. 510, 616). Названіе «Cathari» сохранилось въ нѣмецкомъ «Ketzer», что значитъ «еретикъ». По ихъ происхожденію изъ Болгаріи ихъ называли также «Bulgari», «Bugari», «Bulgri», «Bugres» (Matt. Paris, ann. 1238); послѣднее названіе сохранилось въ позорномъ значеніи въ Англіи, Франціи и Италіи. Мы уже видѣли, что во Франціи они назывались также «Texerant» или «Textores», потому что среди еретиковъ было много ткачей (ср. Doat, XXIII, 209—210). Имя «Speronistae», подъ которымъ они также были извѣстны, происходитъ отъ имени Роберта Сперонскаго, епископа французскихъ катаровъ въ Италіи (Schmidt, II, 282). Крестоносцы, познакомившіеся на Востокѣ съ павликіанами, принесли ихъ имя въ испорченной формѣ «Publikani» или «Popelicans». Кромѣ того, были у катаръ и другія мѣстныя названія, а именно: «Piphili» или «Pifres» (Eberh. Schon. «Sermi», I, c. 1), «Telonarii» или «Deonarii» (d'Achery, II, 560), и, наконецъ, «Boni Homines» или «Bons Hommes». Названіе «Albigenses», происходящее отъ имени города Альби, гдѣ еретики были очень многочисленны, впервые было употреблено въ 1181 г. Готфридомъ де Вижуа (Gaufridi Vosens. «Chron.» ann. 1181) и вошло во всеобщее употребленіе во время крестовыхъ походовъ Раймунда Тулузскаго.

Различныя секты, на которыя раздѣлялись катары, были извѣстны подъ особыми именами—Albanenses, Concorrezenses, Bajolenses и т. д. (Raineri Saccon. «Summa». Ср. Muratori, «Dissert.» LX).

На оффиціальномъ языкѣ Инквизиціи XIII в. слово еретикъ всегда значитъ катаръ, вальденцы же называются своимъ именемъ. Обвиняемый допрашивался «super facto haeresis vel Valdesiae».

Библиотека "Руниверс"

зажили въ немъ. Папа грозилъ отлучить отъ Церкви весь городъ, если его эдиктъ не будетъ исполненъ въ теченіе тридцати дней.

Эти эпизоды можно разсматривать какъ примѣры борьбы, охватившей тогда многіе города Италіи. Крайнее политическое дробленіе этой страны дѣлало почти невозможнымъ примѣненіе общихъ мѣръ преслѣдованія. Подавленная въ одномъ городѣ, ересь начинала процвѣтать въ другомъ, и лишь только гроза утихала, появлялись новые миссіонеры и новые мученики. Вся сѣверная Италія, отъ подошвы Альповъ и до Папской области, была какъ бы усѣяна гнѣздами еретиковъ, которые встрѣчались даже и на югѣ до самой Калабріи.

Когда въ 1198 г. на папскій престолъ вступилъ Иннокентій III, то онъ тотчасъ же началъ дѣятельно бороться противъ ереси. Упорство еретиковъ ярко обнаружилось въ борьбѣ, вспыхнувшей тогда въ Витербо,—городѣ, гдѣ свѣтскій и духовный судъ принадлежалъ папѣ. Напуганный успѣхами ереси, Иннокентій въ мартѣ 1199 г. обратился къ жителямъ Витербо съ посланіемъ, въ которомъ подтверждались и усиливались наказанія, опредѣленныя для тѣхъ, кто будетъ принимать еретиковъ или покровительствовать имъ. Но, несмотря на это, еретики въ 1205 г. произвели городскіе выборы и избрали представителемъ города одного отлученнаго отъ Церкви. Негодованіе папы не знало границъ. «Если бы—писалъ онъ къ жителямъ Витербо—стихіи сговорились уничтожить васъ всѣхъ безъ различія пола и возраста, предавъ вашу память на вѣчный позоръ, то и это наказаніе было бы для васъ еще мало». Онъ приказалъ смѣстить новый муниципалитетъ, запретилъ исполнять его распоряженія, велѣлъ возворить обратно изгнаннаго епископа и строго соблюдать законы противъ ереси; если же, въ теченіе пятнадцати дней старый порядокъ не будетъ возстановленъ, то жители сосѣднихъ городовъ и замковъ должны поднять оружіе и поступить съ Витербо какъ съ мятежнымъ городомъ. Но дѣйствіе этихъ грозныхъ повелѣній было непродолжительно; черезъ два года, въ февралѣ 1207 г., въ городѣ вспыхнули новыя волненія, и только въ іюнѣ того же года, когда Иннокентій самъ прибылъ въ Витербо, всѣ патарены удалились изъ города; папа очистилъ городъ отъ заразы, разрушилъ всѣ дома еретиковъ и конфисковалъ ихъ имущество. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ завершилъ эти мѣры, обратившись ко всѣмъ вѣрнымъ Папской области съ эдиктомъ, которымъ предписывалось всѣмъ общинамъ внести въ ихъ мѣстные законы новыя мѣропріятія противъ еретиковъ, а должностныя лица были обязаны дать присягу, что они будутъ наблюдать, подъ страхомъ самыхъ тяжелыхъ наказаній, за исполненіемъ новыхъ законовъ. Болѣе или менѣе суровыя мѣры, принятыя въ Миланѣ, Феррарѣ, Веронѣ, Римини, Флоренціи, Прато, Піаченца, Фаэнца и Тревизо, показываютъ, какъ широко распространилось зло, какъ трудно стало бороться съ нимъ, и какую богатую пищу давало ему дурное поведеніе духовенства [1]).

Но особенно сильной была борьба на югѣ Франціи, гдѣ, какъ мы видѣли, почва болѣе благопріятствовала развитію ереси. Въ началѣ XII вѣка сопротивленіе открыто проявилось въ Альби, гдѣ народъ не допустилъ епископу Сикару и аббату изъ Кастръ посадить въ тюрьму упорствующихъ еретиковъ. Въ это же время Амелій Тулузскій примѣнилъ болѣе кроткую мѣру, пригласивъ въ свой городъ знаменитаго Роберта д'Арбриссель, проповѣди котораго, какъ говорятъ, вернули многихъ въ лоно Церкви. Въ 1119 г. подъ предсѣдательствомъ Каликста II происходилъ въ Тулузѣ соборъ, вынесшій осужденіе манихеизма; однако, соборъ былъ вынужденъ ограничиться противъ нихъ однимъ только

---

[1]) Schmidt, I, 63—65.—Muratori, «Antiq. Diss.» LX, 462—3.—Pflugk-Hartung, «Acta Pontiff. Roman. ined.». T. III, № 353.—Raynald. «Annal.» ann. 1199, № 23—25; ann. 1205, № 67; ann. 1207, № 3.—Lami. «Antich. Tosc.», стр. 491.—Innoc. PP. III. «Reg». I, 298; II, 1, 50; V, 33; VII, 37; VIII, 85, 105; IX, 7, 8, 18, 19, 166—9, 204, 213, 258; X, 54, 105, 130; XV, 189; «Gesta» CXXIII.

Библиотека "Руниверс"

отлученіемъ отъ Церкви. Замѣчательно, что Иннокентій II, изгнанный изъ Рима антипапой Pier-Leone [1]), собравъ во время своего пребыванія во Франціи въ 1131 г. большой соборъ въ Реймсѣ, не принялъ на немъ никакихъ мѣръ противъ еретиковъ; но какъ только онъ былъ возстановленъ на римскомъ престолѣ, то понялъ необходимость активной борьбы противъ ереси и на второмъ Латеранскомъ соборѣ 1139 г. издалъ эдиктъ, который интересенъ какъ первое датированное обращеніе къ помощи свѣтской силы. Катары не только отлучались отъ Церкви, но свѣтской власти предписывалось принимать мѣры какъ противъ нихъ, такъ и противъ лицъ, имъ покровительствовавшихъ. Такое же постановленіе было сдѣлано въ 1148 г. на Реймсскомъ соборѣ, запретившемъ, кому бы то ни было, пускать на свои земли еретиковъ, поселившихся въ Гаскони, въ Провансѣ или еще гдѣ-либо; не разрѣшалось даже давать еретикамъ временнаго пристанища; нарушеніе этого постановленія влекло за собой отлученіе отъ Церкви и интердиктъ [2]).

Когда папа Александръ III былъ изгнанъ изъ Рима Фридрихомъ Барбароссой и антипапой Викторомъ [3]), то онъ прибылъ во Францію и созвалъ большой соборъ въ Турѣ. Собраніе было огромное; на немъ участвовало семнадцать кардиналовъ, сто двадцать четыре епископа (въ томъ числѣ Ѳома Бекетъ) и сотни аббатовъ, не считая множества другихъ духовныхъ лицъ и мірянъ. Соборъ прежде всего, какъ слѣдуетъ, предалъ анаѳемѣ антипапу, а затѣмъ обратилъ свое вниманіе на ересь, которая, зародившись въ Тулузѣ, распространилась, подобно заразной болѣзни, по всей Гаскони, всюду поражая своимъ ядомъ вѣрныхъ чадъ Церкви. Епископамъ этихъ странъ было приказано предавать анаѳемѣ всѣхъ, кто дозволитъ еретикамъ селиться на своихъ земляхъ или будетъ что-либо продавать имъ или самъ покупать у нихъ; исключенные, такимъ образомъ, изъ общенія съ людьми, они были бы вынуждены отказаться отъ своихъ заблужденій; князьямъ предписывалось заточать еретиковъ въ тюрьмы, а имущество ихъ конфисковать. Но состоявшійся черезъ два года съѣздъ въ Ломберѣ (близъ Альби) показалъ, какъ заблуждался папа, думая, что можно запереть еретиковъ въ карантинъ. На этомъ съѣздѣ состоялся публичный диспутъ между представителями католической церкви и Bonshommes; на диспутѣ присутствовали Понсъ, архіепископъ нарбоннскій, нѣсколько епископовъ и болѣе сильныхъ сеньоровъ, между прочимъ Констанція, сестра короля Людовика VII и супруга Раймунда Тулузскаго, Тренкавель изъ Безье, Сикаръ изъ Лотрека и много другихъ. Почти все населеніе Ломбера и Альби отозвалось на приглашеніе, и, несомнѣнно, съѣзду этому придавали значеніе крупнаго государственнаго дѣла. Обѣ стороны избрали третейскихъ судей. Ходъ диспута извѣстенъ намъ изъ многихъ католическихъ источниковъ; но для насъ этотъ инцидентъ интересенъ потому только, что изъ него мы видимъ, что ересь уже ускользнула изъ власти мѣстныхъ церквей, что разумъ восторжествовалъ надъ насиліемъ, что еретики нисколько не скрывали своихъ убѣжденій, и что католическіе богословы были вынуждены уступить своимъ противникамъ и согласиться дѣлать ссылки только на Новый Завѣтъ. Безсиліе Церкви обнаружилось еще въ томъ, что съѣздъ, разбивъ всѣ положенія еретиковъ, долженъ былъ ограничиться лишь запрещеніемъ дворянамъ Ломбера оказывать покровительство катарамъ На слѣдующій годъ на соборѣ въ Кабестенѣ Понсъ, архіепископъ нарбоннскій, доставилъ себѣ платоническое удовольствіе, подтвердивъ

[1]) Послѣ смерти Гонорія II 14 февраля 1330 г. на папскій престолъ были избраны кардиналъ-пресбитеръ Pietro Pierleoni и кардиналъ-діаконъ Григорій. Такъ какъ Pierleoni былъ еврейскаго происхожденія (прадѣдъ его былъ евреемъ), то большая часть духовенства не хотѣла его признать, и онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ антипапы Анаклета II; его же соперникъ принялъ имя папы Иннокентія II. *Ped.*

[2]) Schmidt, I, 38.—Chron. Episc. Albig. (d'Achery, III, 572).—Udalr. Babenb. Cod. II, 303.—Concil. Tolosan. ann. 1119, c. 3.—Concil. Lateran. II, ann. 1139, c. 23.—Concil. Remens. ann. 1148, c. 18.

[3]) Кардиналъ Октавій, принявшій имя антипапы Виктора IV. *Ped.*

Библиотека "Руниверс"

заключенія Ломберскаго съѣзда. Деморализація достигла такихъ размѣровъ, что Понсъ не могъ наказать нѣсколькихъ монаховъ цистерціанскаго ордена за то, что они самовольно покинули монастырь и открыто стали жить съ любовницами; архіепископъ, видя свое безсиліе, обратился, повидимому безрезультатно, къ Александру III [1]).

Церковь была явно безпомощна; тотъ фактъ, что она, осуждая ученіе еретиковъ, не могла коснуться ихъ самихъ, ясно свидѣтельствуетъ, что у нея не было средствъ вести борьбу со столь сильнымъ врагомъ. И дворяне и простой народъ не хотѣли быть ея орудіемъ, а безъ ихъ помощи всѣ церковныя проклятія были, конечно, пустыми словами. Катары поняли это и черезъ два года послѣ съѣзда въ Ломберѣ они, въ 1167 г., созвали свой соборъ въ С.-Феликсѣ-де-Караманъ, близъ Тулузы. Предсѣдательствовать на соборѣ прибылъ изъ Константинополя епископъ Никита, ихъ высшее духовное лицо; прибыли также делегаты и изъ Ломбардіи. На этомъ соборѣ былъ осужденъ видоизмѣненный дуализмъ конкорреціановъ, и были избраны епископы на вакантныя каѳедры Тулузы, Валь-д'Арана, Каркассона, Альби и территоріи Франціи къ сѣверу отъ Луары; на послѣднюю каѳедру былъ избранъ Робертъ Сперонскій, позднѣе укрывшійся въ Ломбардію, гдѣ онъ далъ свое имя сектѣ сперонистовъ. Кромѣ того, на этомъ соборѣ были избраны комиссары для разграниченія Тулузской и Каркассонской епархій. Однимъ словомъ, все дѣло велось такъ, какъ-будто это былъ соборъ независимой и признанной церкви, предназначенной замѣнить собою старую римскую церковь. И, дѣйствительно, катарская церковь, опиравшаяся на любовь и уваженіе народа, чѣмъ не пользовалась церковь римская, могла тогда надѣяться на возможность своего главенства [2]).

Успѣхъ ея въ послѣдующее десятилѣтіе былъ такъ великъ, что дѣйствительно могъ породить въ ней самыя широкія иллюзіи. Раймундъ Тулузскій, вполнѣ пользовавшійся властью независимаго государя, заключилъ союзъ съ Фридрихомъ Барбароссой, призналъ антипапу Виктора и его преемниковъ и не обращалъ никакого вниманія на папу Александра III, котораго вся остальная Франція признавала законнымъ папою. Ослабленная расколомъ Церковь не могла энергично бороться съ ересью. Но въ 1177 г. сила перешла на сторону папы, и Фридрихъ изъявилъ ему покорность. Раймундъ по необходимости послѣдовалъ за своимъ сюзереномъ (значительная часть его владѣній зависѣла отъ Имперіи) и неожиданно для себя увидалъ, что онъ долженъ остановить распространеніе ереси; но, несмотря на его могущество, задача оказалась выше его силъ. Большинство жителей его городовъ, независимыхъ и привыкшихъ къ самовластію, были катары; многіе изъ его рыцарей и сеньоровъ тайно или явно покровительствовали ереси; простой же народъ презиралъ духовенство и уважалъ еретиковъ. Когда говорилъ проповѣдь еретикъ, то народъ стекался толпами слушать его; если же на каѳедру всходилъ католикъ, что бывало въ то время довольно рѣдко, то его съ ядовитой улыбкой спрашивали, по какому праву учитъ онъ слову Божію? Раймундъ, ведшій постоянныя войны съ своими могущественными вассалами и съ такими сильными сосѣдями, какъ короли Арагоніи и Англіи, не могъ, конечно, согласиться на то, чтобы уничтожить добрую половину своихъ подданныхъ; можно поэтому сомнѣваться въ искренности его желанія искоренить ересь; но, что бы тамъ ни было, а положеніе, въ которомъ онъ очутился, весьма интересно, потому что въ немъ лежалъ зародышъ тѣхъ непріятностей, которыя выпали на долю его сына и внука и повлекли, въ концѣ концовъ, паденіе его дома.

Рѣшившись сохранить, по крайней мѣрѣ, внѣшнія приличія, Раймундъ обратился

[1]) Concil. Turon. ann. 1163, c. 4.—Concil. Lombariense ann. 1165 (Harduin, VI, II, 1643—1652).—Roger de Hovoden. ann. 1176.—D. Vaissete, «Hist. gén. de Languedoc», III, 4.—Loewenfeld, «Epist. Pont. Roman. ined.» № 247 (Лейпцигъ, 1885).

[2]) D. Bouquet, XIV, 448—450.—D. Vaissete, III, 4, 537.

Библиотека "Руниверс"

за помощью къ Людовику VII и, вспомнивъ о томъ, какъ мощно Бернаръ подавилъ ересь генрихіанъ, обратился къ его преемнику, Генриху Клервосскому, настоятелю ордена цистерціанцевъ. Въ своемъ обращеніи онъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описалъ положеніе вещей въ своихъ владѣніяхъ: духовенство развращено; церкви пусты и въ развалинахъ; таинства въ презрѣніи; дуализмъ торжествуетъ надъ тринитаризмомъ. Какъ ни горячо было его желаніе стать орудіемъ Божьяго мщенія, онъ чувствовалъ себя безсильнымъ, такъ какъ всѣ наиболѣе видные изъ его подданныхъ перешли въ ересь, то же сдѣлала и вся лучшая часть простого народа. Духовныхъ наказаній болѣе не боялись; можно было добиться чего-нибудь положительнаго только силою. Если бы король согласился прибыть, то Раймундъ провелъ бы его самъ лично черезъ всю страну и самъ бы указалъ ему еретиковъ, заслуживающихъ наказанія [1]).

Англійскій король Генрихъ II, который, въ своемъ положеніи герцога Аквитанскаго, былъ очень заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, только-что заключилъ миръ съ королемъ Франціи, и оба монарха постарались соединить свои силы и вмѣстѣ пойти на помощь Раймунду. Съ своей стороны, клервосскій аббатъ написалъ Александру III, призывая его выполнить свою обязанность и подавить ересь, подобно тому какъ подавилъ онъ схизму. Самое меньшее, что могъ, по его словамъ, сдѣлать папа, это приказать своему легату, кардиналу Петру С.-Хризогонскому, остаться во Франціи и вступить въ борьбу съ еретиками. Скоро, однако, рвеніе королей остыло, и вмѣсто того, чтобы выступить со своими арміями, они ограничились тѣмъ, что послали посольство, въ составъ котораго вошли кардиналъ-легатъ, архіепископы Нарбонны и Буржа, Генрихъ Клервосскій и другіе прелаты; въ то же время они обратились съ просьбой къ графу Тулузскому, виконту Туреньскому и къ дворянамъ оказать помощь посланнымъ [2]).

Если бы Раймундъ былъ искрененъ, то онъ заслуживалъ бы не такой помощи. Короли рѣшили предоставить свободу дѣйствія духовенству, и Раймундъ былъ настолько благоразуменъ, что не пожелалъ истощать своихъ силъ въ борьбѣ со своими же подданными, тѣмъ болѣе, что въ это время противъ него составлялся по наущенію Альфонса II Арагонскаго заговоръ между дворянами Нарбонны, Нима, Монпелье и Каркасона. Охотно оказывая свое покровительство прелатамъ-миссіонерамъ, онъ и не думалъ поддерживать ихъ силою оружія. Когда они прибыли въ Тулузу, то еретики толпой окружили ихъ, встрѣтили ихъ свистомъ и ругали ихъ лицемѣрами и вѣроотступниками. Генрихъ Клервосскій утѣшаетъ себя тѣмъ, что, если бы онъ и его спутники прибыли въ Тулузу года на три позднѣе, не нашли бы тамъ ни одного католика, который вышелъ бы къ нимъ навстрѣчу.

Были составлены и розданы миссіонерамъ длинные списки еретиковъ; во главѣ стоялъ Петръ Моранъ, очень богатый и вліятельный старикъ, пользовавшійся такимъ огромнымъ уваженіемъ среди еретиковъ, что народъ называлъ его Іоанномъ Евангелистомъ; въ виду этого его намѣтили первою жертвою преслѣдованія. Долго тянулось дѣло, пока удалось уличить его въ ереси; но тогда, чтобы спасти свое состояніе отъ конфискаціи, онъ отрекся отъ ереси и согласился перенести тяжелое и унизительное наказаніе: раздѣтаго до пояса и жестоко бичуемаго съ двухъ сторонъ—епископомъ Тулузскимъ и аббатомъ изъ С.-Сернена—его провели на глазахъ несмѣтной толпы къ алтарю собора св. Стефана, гдѣ ему объявили, что онъ долженъ предпринять на три года путешествіе въ Святую Землю, а до отъѣзда ежедневно подвергаться публичному бичеванію на улицахъ Тулузы; кромѣ того, ему приказали вернуть Церкви всѣ ея занятыя имъ земли и отдать ей всѣ

[1]) Roger. Hoveden. «Annal.» ann. 1178.—D. Vaissete, III, 46—7.

[2]) Benedict. Petroburg. «Vita Henrici II», ann. 1178.—Alexandri PP. III, «Epist.», 395 (D. Bouquet, XV, 959 - 960).

Библиотека "Руниверс"

нажитыя процентами деньги, и, наконецъ, обязали уплатить графу Тулузскому пятьсотъ фунтовъ серебра какъ выкупъ за оставленныя ему земли.

Эти энергичныя мѣры произвели на всѣхъ большое впечатлѣніе, и множество катаровъ согласилось вернуться въ лоно Церкви; но что обращенія эти были весьма неискренни, видно изъ того, что Моранъ, по возвращеніи изъ Палестины, былъ три раза избираемъ въ синдики, и семья его оставалась непримиримымъ врагомъ католицизма; въ 1234 г. одинъ старикъ по имени Моранъ былъ осужденъ какъ Совершенный, а въ 1235 г. другой Моранъ, бывшій синдикомъ, былъ отлученъ отъ Церкви за то, что былъ противъ введенія Инквизиціи. Огромный штрафъ, наложенный на перваго Морана, сдѣлалъ свое дѣло, возбудивъ въ графѣ религіозное рвеніе; но и этого было мало, чтобы заставить его сдѣлать невозможное. Когда легатъ рѣшилъ уничтожить двухъ ересіарховъ—Раймунда де Беміакъ и Бернара Раймунда, катарскихъ епископовъ Валь-д'Арана и Тулузы, то онъ былъ вынужденъ дать имъ охранные листы, чтобы они согласились явиться къ нему, и ограничился лишь отлученіемъ ихъ отъ церкви. Немного позднѣе, во время слѣдствія противъ могущественнаго Рожера Тренкавеля, виконта Безье, посадившаго въ тюрьму епископа города Альби, легатъ не могъ получить полнаго удовлетворенія; правда, онъ отлучилъ Рожера отъ Церкви, но епископъ остался въ тюрьмѣ. Торжественно обставленное посольство вернулось во Францію, не сдѣлавъ, по свидѣтельству хроникъ, ничего положительнаго; правда, оно добилось, что Раймундъ Тулузскій и его дворяне издали указъ объ изгнаніи еретиковъ, но указъ этотъ остался мертвою буквой [1]).

Въ сентябрѣ того же 1178 г. Александръ III созвалъ третій Латеранскій соборъ; въ приглашеніи упоминалось о плевелахъ, которые заглушаютъ пшеницу и должны быть вырваны съ корнемъ. Соборъ собрался въ 1179 г. и отмѣтилъ, что патарены открыто совращаютъ вѣрныхъ по всей Гаскони, Альбигойѣ и графству Тулузскому; онъ призывалъ свѣтскую власть силою заставить ихъ отказаться отъ своихъ заблужденій и, какъ всегда, предавалъ анаѳемѣ еретиковъ и всѣхъ тѣхъ, кто давалъ имъ пристанище и оказывалъ покровительство; къ еретикамъ были отнесены котерцы, брабансонцы, арагонцы, наварцы, а также баски и тріавердинцы, къ которымъ мы вернемся ниже. Затѣмъ соборъ принялъ другую, болѣе внушительную мѣру, а именно—объявилъ крестовый походъ противъ всѣхъ враговъ Церкви; это былъ первый случай примѣненія этого грознаго оружія противъ христіанъ, и съ этого времени Церковь стала пользоваться и въ своихъ частныхъ распряхъ услугами этой всегда легко собираемой арміи. Прощеніе всѣхъ грѣховъ на два года было обѣщано всѣмъ, кто подниметъ оружіе на защиту святого дѣла; Церковь брала ихъ подъ свое покровительство и обѣщала вѣчное спасеніе всѣмъ, кто падетъ въ борьбѣ за ея интересы; понятно, подобныя обѣщанія привлекли подъ знамена церковной рати массу воиновъ, на душѣ которыхъ лежали всевозможныя преступленія, и которые не требовали отъ Церкви за свою службу ни копѣйки жалованья [2]).

Вернувшись съ собора, нарбоннскій архіепископъ Понсъ тотчасъ же опубликовалъ этотъ декретъ, дополнивъ его анаѳемами и интердиктами противъ тѣхъ, кто вымогалъ съ путешественниковъ новыя дорожныя пошлины, чѣмъ очень часто злоупотребляли феодальные сеньоры, и на что, какъ мы увидимъ ниже, постоянно жаловались въ дѣлахъ съ альгибойцами. Генрихъ Клервосскій отказался занять безпокойную тулузскую каѳедру, которая оставалась не занятой съ конца 1178 г., но ему дали званіе кардинала Альбано, и вскорѣ онъ

---

[1]) Roger. Hovedens. «Annal.» ann. 1178. Schmidt, I, 78.—Martène, «Thes.», I, 992.—Rob. de Monte, «Chron.» ann. 1178.—Benedict. Petroburg. «Vita Henrici II», ann. 1178.

Рожеръ Тренкавель изъ Безье не былъ еретикомъ (см. D. Vaissete, III, 49), но обращеніе, которому подвергъ онъ епископа Альби, тѣмъ ярче показываетъ, съ какимъ пренебреженіемъ относились къ Церкви даже крупные католическіе сеньоры.

[2]) Concil. Lateran. III. ann. 1179, c. 27.

Библиотека "Руниверс"

посланъ, въ качествѣ папскаго легата, проповѣдывать и вести крестовый походъ. Благодаря своему краснорѣчію онъ собралъ значительныя силы, во главѣ которыхъ въ 1181 г. онъ вступилъ во владѣнія виконта изъ Безье и осадилъ крѣпость Лаворъ, куда со многими видными патаренами скрылась дочь Раймунда Тулузскаго, виконтеса Аделаида. Современники сообщаютъ намъ, что Лаворъ былъ взятъ чудомъ, и что повсюду во Франціи были разныя знаменія, предвѣщавшія побѣду христіанъ. Роже изъ Безье поспѣшилъ смириться и клятвенно обѣщалъ не поддерживать болѣе еретиковъ. Катарскіе епископы Раймундъ де Бэміакъ и Бернаръ Раймундъ, которые были заключены въ тюрьму, отреклись отъ ереси и получили хорошіе приходы въ Тулузѣ; много и другихъ еретиковъ проявили раскаяніе, но всѣ они вернулись къ своимъ заблужденіямъ, какъ только миновала гроза. Крестоносцы были созваны подъ знамена лишь на короткое время, и уже на слѣдующій годъ кардиналъ-легатъ вернулся въ Римъ, въ сущности, не сдѣлавъ ничего и только увеличивъ ожесточеніе въ земляхъ еретиковъ, опустошенныхъ его войсками. Раймундъ Тулузскій въ это время былъ поглощенъ безнадежною войною съ арагонскимъ королемъ и, повидимому, совершенно безучастно отнесся къ крестовому походу [1]).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о котерцахъ и брабансонцахъ, которыхъ Латеранскій соборъ призналъ еретиками наравнѣ съ катарами, и съ которыми намъ не разъ еще придется встрѣчаться. Поддержка, оказываемая имъ Раймундомъ VI Тулузскимъ, была причиной враждебнаго къ нему отношенія Церкви не менѣе, чѣмъ его покровительство еретикамъ. Это были флибустьеры, предшественники тѣхъ сомнительныхъ вольныхъ бандъ, которыя, въ особенности въ XIV вѣкѣ, наводили ужасъ на мирныхъ гражданъ и нанесли огромный вредъ цивилизаціи. Разнообразіе названій, подъ которыми они были извѣстны—брабансонцы, геннегаусцы, каталонцы, арагонцы, наварцы, баски и т. д.—показываетъ, какъ широко было распространено зло, и какъ всякая отдѣльная провинція старалась отнести на счетъ сосѣдей происхожденіе этихъ разбойничьихъ шаекъ. Болѣе обычныя названія: Brigandi, Pilardi, Ruptarii, Mainatae и т. п. указываютъ на характеръ ихъ занятій; названія же Cotarelli, Paleарii, Triaverdins, Asperes, Vales открываютъ широкое поле для фантазіи этимологовъ. Банды эти составлялись изъ лѣнтяевъ, гулякъ, разоренныхъ войнами крестьянъ, бѣглыхъ рабовъ, лишенныхъ правъ, бѣжавшихъ изъ тюремъ арестантовъ, развратныхъ священниковъ и монаховъ, и вообще изъ подонковъ общества, которые всплывали наверхъ благодаря постояннымъ волненіямъ, происходившимъ въ ту эпоху. Сплоченные въ болѣе или менѣе многочисленныя группы, люди эти открыто жили въ странѣ, и если сеньорамъ представлялась надобность въ военныхъ силахъ на срокъ болѣе продолжительный, чѣмъ законный срокъ обязательной службы вассаловъ, то они являлись по первому зову ко всякому, кто давалъ имъ жалованье или возможность безнаказанно грабить. Современныя хроники полны жалобъ на постоянныя опустошенія, производимыя этими шайками, а церковныя лѣтописи отмѣчаютъ, что ихъ грабежи и разбои еще тяжелѣй ложились на церкви и монастыри, чѣмъ на феодальные замки и крестьянскія хижины. Они издѣвались надъ священниками, которыхъ называли «пѣвцами», и одной изъ ихъ любимыхъ забавъ было забивать ихъ палками до смерти, упрашивая при этомъ пропѣть что-нибудь: «Спой намъ, голубчикъ пѣвецъ! Спой, что-нибудь!» Святотатства ихъ доходили до крайнихъ предѣловъ; они, напр., укравъ дароносицу, открыто выбрасывали изъ нея Святые Дары и растаптывали ихъ ногами. Народъ смотрѣлъ на нихъ хуже, чѣмъ на еретиковъ, и считалъ ихъ атеистами. Въ 1181 г. епископъ г. Турнэ, Стефанъ, въ сильныхъ выраженіяхъ описалъ страхъ,

[1]) Gaufridi Vosiens. «Chron.» ann. 1181.—Roberti Autissiodor. «Chron.» ann. 1181.—Alberici Trium Font. «Chron.» ann. 1181.—Guillel. Nangiac. ann. 1181. — Chron. Turon. ann. 1181.—D. Vaissete, III, 57.—Guillel. de Pod.—Laurent, c. 2.

Библиотека "Руниверс"

испытанный имъ, когда онъ по порученію короля проѣзжалъ по Тулузскому графству, совершенно разоренному только-что кончившейся войною между графомъ Тулузскимъ и королемъ Арагонскимъ. Страна представляла огромную пустыню, гдѣ встрѣчались лишь разрушенныя церкви и покинутыя жителями деревни; на каждомъ шагу боялся онъ нападеній разбойниковъ и еще болѣе страшныхъ шаекъ котерцевъ. По всей вѣроятности, подъ вліяніемъ того, что на югѣ былъ объявленъ противъ нихъ крестовый походъ одновременно съ походомъ противъ еретиковъ, немного позднѣе объявили походъ и противъ разбойничьихъ шаекъ центральной Франціи. Окруженные у Шатодена, они въ іюлѣ 1183 г. потерпѣли страшное пораженіе, потерявъ убитыми, по однимъ свѣдѣніямъ, 6000 человѣкъ, а по другимъ—10500; побѣдители раздѣлили между собою, кромѣ богатой добычи, пятьсотъ публичныхъ женщинъ, бывшихъ въ разбойничьемъ станѣ. Хотя защитники порядка и называли себя миротворцами, Pacifici, но, тѣмъ не менѣе, они особою кротостью не отличались; черезъ двѣ недѣли послѣ побѣды у Шатодена они захватили шайку рыцарей большой дороги, и всѣ 1500 человѣкъ были тутъ же повѣшаны, а другимъ 80 плѣнникамъ выкололи еще глаза.

Но, несмотря на всѣ суровыя мѣры, зло продолжало существовать, такъ какъ условія, его породившія, оставались въ силѣ, и вѣчно воевавшіе со своими сосѣдями феодальные сеньоры постоянно нуждались въ услугахъ этихъ наемниковъ безъ вѣры и совѣсти [1]).

Неудача крестоваго похода 1181 г., повидимому, надолго отняла у Церкви энергію, и въ теченіе четверти столѣтія ересь могла сравнительно свободно распространяться въ Гаскони, Лангедокѣ и Провансѣ. Строго говоря, декретъ папы Луція III, данный въ Веронѣ въ 1184 г., былъ первою попыткою основать Инквизицію; но декретъ этотъ не оказалъ непосредственнаго вліянія; правда, въ 1195 г. папскій легатъ, созвавъ въ Монпелье мѣстный соборъ, подтвердилъ необходимость строгаго исполненія каноновъ Латеранскаго собора относительно еретиковъ и разбойниковъ, имущество которыхъ должно быть конфискуемо, а сами они обращаемы въ рабство [2]); но всѣ эти постановленія оставались мертвою буквою въ виду индифферентнаго отношенія дворянства, которое и не думало уничтожать часть своихъ подданныхъ въ угоду духовенства, распоряженія котораго не пользовались никакимъ уваженіемъ. Быть-можетъ, взятіе Іерусалима невѣрными въ 1186 г., также направило на Палестину сохранившійся религіозный жаръ, не оставивъ ничего на поддержаніе вѣры въ самой Европѣ. Какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что не было предпринято ни одного серьезнаго преслѣдованія ереси, пока энергичный Иннокентій III, испробовавъ безъ всякаго успѣха кроткія мѣры, не объявилъ смертельной войны противъ ереси.

Во время затишья Ліонскіе бѣдные по необходимости дѣйствовали за-одно съ катарами; рвеніе въ дѣлѣ обращенія въ ересь, бывшее сильнымъ даже при преслѣдованіяхъ, теперь съ отмѣной стѣснительныхъ условій проявилось во всей силѣ, не боясь болѣе духовенства, небрежнаго къ своимъ обязанностямъ и павшаго духомъ. Еретики проповѣдывали и обращали въ ересь, а священники думали только о томъ, какъ бы урвать часть причитающейся на ихъ долю десятины и другихъ доходовъ изъ алчныхъ рукъ дворянства и у враждебно настроенныхъ прихожанъ. Иннокентій III съ прискорбіемъ отмѣчаетъ грустный фактъ, что еретики проповѣдывали и учили открыто безъ всякой помѣхи. Вильгельмъ Тудельскій сообщаетъ, что еретики были полновластными хозяевами въ округахъ Альби, Каркасона и Лорагэ (въ Лангедокѣ), и что вся область между Бордо и Безье

[1]) Stephani Tornac. «Epist.» 92.—Gaufridi Vosiens. «Chron.» ann. 1183.—Gualt. Mapes, «de Nugis curialium», dist. I, c. XXIX.—Guillelm. Nangiac. ann. 1183.—Rigord. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1183.—Guill. Brito, «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1183.—Его же. «Philippidos», lib. I, 726–745.—Grandes Chroniques, ann. 1183.—Du Cange svv. Cotarellus, Palearii.

[2]) Lucii PP. III. «Epist.» 171.—Concil. Monspeliens. ann. 1195.

Библиотека "Руниверс"

была заражена ересью. Готье Мапъ передаетъ, что въ Бретани совершенно не было еретиковъ, но зато ихъ было много въ Анжу, а въ Аквитаніи и Бургундіи число ихъ было несмѣтно. Гильомъ де Нюи-Лорансъ говоритъ, что сатана мирно царствовалъ почти во всей южной Франціи; къ духовенству относились съ такимъ презрѣніемъ, что священники скрывали тонзуру, а епископы были вынуждены посвящать безъ разбора всякаго приходящаго; страна была какъ бы проклята и производила только тернія и волчцы, грабителей и разбойниковъ, воровъ и убійцъ, прелюбодѣевъ и ростовщиковъ. Цезарь гейстербахскій сообщаетъ, что альбигойская ересь распространялась съ такой поразительной быстротой, что въ короткое время она охватила до тысячи городовъ, и если бы еретики не были перебиты вѣрными, то вся Европа была бы охвачена ересью. Одинъ нѣмецкій инквизиторъ утверждаетъ, что въ Ломбардіи, Провансѣ и въ другихъ странахъ было больше еретическихъ богословскихъ школъ, чѣмъ истинно-католическихъ, что еретики вели публичные диспуты, на которые народъ стекался толпами, что они проповѣдывали на площадяхъ, поляхъ, въ домахъ, и что никто не осмѣливался остановить, ихъ, боясь ихъ многочисленныхъ и могущественныхъ покровителей. Какъ мы уже видѣли, у еретиковъ были правильно организованныя епархіи; у нихъ были не только мужскія школы, но и женскія, и однажды въ одномъ женскомъ монастырѣ всѣ монахини перешли въ катаризмъ, не бросивъ монастыря и не перемѣнивъ своей одежды [1]).

Вотъ до какого состоянія дошла Церковь. Занятая усиленіемъ своей свѣтской власти, она почти забыла о своихъ духовныхъ обязанностяхъ, и ея царство, основанное на духовныхъ устояхъ, падало вмѣстѣ съ ними. Рѣдко переживала Церковь такое опасное положеніе, какъ то, въ которомъ она находилась, когда тридцативосьмилѣтній Лотаріо Конти надѣлъ папскую тіару. Въ своей вступительной рѣчи онъ заявилъ, что его главной заботой будетъ уничтоженіе ереси, и, несмотря на свои безконечныя столкновенія съ императорами и королями, онъ до самой своей смерти оставался вѣренъ этой задачѣ. Къ счастью, онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для кормчаго корабля св. Петра, несомаго бурными вѣтрами черезъ подводныя скалы; правда, велъ онъ его не всегда съ достаточной мудростью, но всегда съ неослабнымъ мужествомъ и съ непоколебимой вѣрою въ свою высокую миссію [2]).

ГЛАВА IV.

Крестовые походы противъ альбигойцевъ.

Въ концѣ XII вѣка Церковь поняла, что она сама подорвала свое положеніе, и что поразительные успѣхи ереси въ значительной степени зависѣли отъ небрежнаго отношенія духовенства къ своимъ обязанностямъ и отъ упадка его нравственности.

Въ своей рѣчи при открытіи большого Латеранскаго собора Иннокентій III не задумался бросить упрекъ въ лицо собравшимся отцамъ: «Въ паденіи нравственности народа—сказалъ онъ—прежде всего виновато духовенство. Отъ него все зло въ христіанскомъ мірѣ; вѣра гаснетъ, религія падаетъ, свобода закована въ цѣпи, правосудіе попрано ногами, еретики множатся, схизматики поднимаютъ голову, невѣрные усиливаются, сарацины побѣждаютъ». Но попытка собора искоренить зло была безуспѣшна, и Гонорій III,

[1]) Innocent. PP. III, «Serm. de Tempore», XII. — Guill. de Tudela, c. II.—Gualt. Mapes, «de Nugis curial.» dist. I, c. XXX.—Guill. de Pod.-Laur. «Proem.»; срав. cap. 3, 4.—Caesar. Heisterb. dist. V, c. 21.—Stephani Tornacens. «Epist.» 92.—Anon. Passav. («Bibl. Mag. Pat». XIII, 299)—Schmidt, I, 200.

[2]) Innocent. PP. III, «Serm. de Diversis», III.

Библиотека "Руниверс"

видя свое безсиліе, былъ вынужденъ повторить слова Иннокентія, справедливости которыхъ никто не могъ оспаривать.

Однако, когда, въ 1204 г., легаты, посланные Иннокентіемъ къ альбигойцамъ, обратились къ нему съ жалобой на прелатовъ, которыхъ они не могли привести къ порядку, и распущенное поведеніе которыхъ дѣйствовало соблазняющимъ образомъ на христіанъ и давало еретикамъ богатый матеріалъ для нападокъ на Церковь,—то папа сухо посовѣтовалъ имъ заниматься своимъ прямымъ дѣломъ и не обращать вниманія на сравнительные пустяки. Этотъ отвѣтъ даетъ прекрасное понятіе о политикѣ Церкви; даже энергичный Иннокентій отказался отъ задачи счистить Авгіевы конюшни; легче, казалось, подавить волненіе мечомъ и огнемъ [1]).

Мы уже видѣли, съ какою рѣшительностью и съ какой послѣдовательностью приступилъ Иннокентій къ подавленію ереси въ Италіи; не меньшую дѣятельность и энергію проявилъ онъ и по ту сторону Альповъ, причемъ нужно отдать ему должное: онъ всегда старался строго соблюдать правосудіе и не смѣшивать виновныхъ съ невинными. Уже съ давнихъ поръ провинція Неверъ была извѣстна какъ страна наиболѣе зараженная. Мы уже упоминали о мятежѣ, поднятомъ катарами въ 1167 г. въ Везелэ, и о тѣхъ суровыхъ мѣрахъ, которыя, не уничтоживъ ереси въ корнѣ, положили конецъ ея открытому проявленію. Въ концѣ столѣтія оксерскій епископъ Гюгъ заслужилъ себѣ имя «Молота еретиковъ» благодаря той энергіи и тѣмъ успѣхамъ, которыми были отмѣчены его преслѣдованія отпавшихъ отъ Церкви; и хотя онъ славился невѣроятною алчностью, полнымъ игнорированіемъ законовъ, деспотизмомъ въ управленіи епархіей и жестокостью въ уничтоженіи своихъ личныхъ враговъ, тѣмъ не менѣе, его ревность къ вѣрѣ покрывала его многочисленные недостатки и дурные поступки. Онъ мало нуждался въ напоминаніяхъ Иннокентія, который въ 1204 г. побуждалъ его уничтожить ересь въ его епархіи. Безжалостно примѣняя конфискацію имуществъ, изгнаніе и костеръ, онъ сдѣлалъ все, что могъ для искорененія ереси; но зло пустило уже глубокіе корни и безпрестанно проявлялось то тамъ, то сямъ. Главнымъ проповѣдникомъ ереси былъ одинъ отшельникъ, по имени Іеррикъ, жившій въ пещерѣ близъ Корбиньи; благодаря усиліямъ Фулька де Нейльи удалось взять его и сжечь на кострѣ. Но катаризмъ пользовался успѣхомъ не только среди простыхъ и бѣдныхъ людей. Въ 1199 г. деканъ Невера и аббатъ монастыря св. Мартина Неверскаго обратились къ Иннокентію съ жалобой на то, что ихъ преслѣдуютъ; отвѣтъ папы показываетъ одновременно и его желаніе дать имъ полную возможность защищаться и запутанность духовнаго процесса въ ту эпоху. Епископъ Гюгъ былъ счастливѣе, когда выступилъ въ 1201 г. съ обвиненіемъ другого виднаго лица, а именно рыцаря Эверара де Шатонефъ, управляющаго владѣніями графа Гервей Неверскаго. Папскій легатъ Октавіанъ созвалъ въ Парижѣ соборъ, на который съѣхалось много епископовъ и богослововъ, чтобы судить Эверара; послѣдній былъ осужденъ, главнымъ образомъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній самого же Гюга, преданъ свѣтской власти и сожженъ живымъ. Впрочемъ, ему отсрочили казнь, чтобы онъ могъ дать отчетъ графу Гервей по управленію его владѣніями.

Его племянникъ Тьерри, такой же закоренѣлый еретикъ, бѣжалъ въ Тулузу, гдѣ черезъ пять лѣтъ онъ сдѣлался альбигойскимъ епископомъ къ великой радости еретиковъ, залучившихъ въ свои ряды французскаго вельможу. Главнымъ центромъ ереси въ Ниверпэ былъ городъ Шаритэ. Съ 1202 по 1208 г. жители этого города не разъ обращались къ суду Иннокентія, такъ какъ судъ его былъ милостивѣе суда мѣстныхъ судилищъ; и,

---

[1]) Innocent. PP. III, «Serm. de Diversis», VI; «Regest.» VII, 165; X, 54.—Honor. PP. III, «Epist. ad Archiep. Bituricens.» (Martène, «Ampl. Coll.» I, 1149—51).

Въ 1250 г. епископъ линкольнскій Робертъ Гростестъ прямо заявилъ Иннокентію V въ Лионѣ, что причиной ереси, разъѣдающей Церковь, было нравственное паденіе духовенства («Fascic. Rer. expet. et fugiend.», II, 251, изд. 1690).

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительно, въ рѣшеніяхъ папы видно похвальное желаніе быть справедливымъ, но все это не привело ни къ чему, и Шаритэ былъ однимъ изъ первыхъ городовъ, куда въ 1233 г. оказалось нужнымъ послать инквизитора. Въ Труа были въ 1200 г. сожжены восемь катаровъ, въ томъ числѣ три женщины; въ 1204 г. было сожжено нѣсколько еретиковъ въ Брэнѣ, въ ихъ числѣ былъ лучшій французскій художникъ той эпохи — Николя [1]).

Другого рода опасность угрожала въ 1199 г. церкви Меца, гдѣ нашли у вальденцевъ французскіе переводы Новаго Завѣта, Псалтыря, книги Іова и другихъ книгъ Священнаго Писанія, которыя они изучали съ невѣроятнымъ прилежаніемъ, и которыя они отказались выдать приходскимъ священникамъ; ихъ дерзость дошла до того, что они осмѣлились утверждать, будто они знаютъ Священное Писаніе лучше своихъ духовныхъ пастырей и имѣютъ право искать утѣшеніе въ его чтеніи. Дѣло было трудное, такъ какъ мірянамъ чтеніе Библіи оффиціально не было еще запрещено, а эти бѣдняки не были обвиняемы въ принадлежности къ какой-либо опредѣленной ереси. Обратились къ Иннокентію. Папа отвѣтилъ, что нѣтъ ничего предосудительнаго въ желаніи постигнуть Священное Писаніе, но что глубина его такова, что не всегда могутъ проникнуть въ нее даже самые ученые люди; слѣдовательно, это чтеніе выше разумѣнія простыхъ смертныхъ. Къ населенію Меца обратились съ увѣщаніемъ отказаться отъ своихъ чрезмѣрныхъ притязаній понимать Библію и предложили имъ съ должнымъ почтеніемъ относиться къ духовенству; при этомъ весьма прозрачно высказывалась угроза по адресу тѣхъ, кто не послѣдуетъ этому увѣщанію. А такъ какъ жители Меца продолжали по-старому усердно читать Библію, то, чтобъ прекратить это, къ нимъ послали аббата изъ Сито и двухъ другихъ духовныхъ лицъ. Но эта миссія, повидимому, не имѣла большого успѣха: еретикъ, сожженный въ 1230 г. въ Реймсѣ, имѣлъ французскій переводъ Библіи, а у еретиковъ, сожженныхъ въ 1231 г. въ Трирѣ, были переводы Библіи на нѣмецкій языкъ [2]).

Но болѣе всего, что вполнѣ понятно, безпокоило Римскую курію прочное существованіе ереси на югѣ Франціи. Въ 1195 г. Раймундъ VI Тулузскій, 38 лѣтъ отъ роду, наслѣдовалъ своему отцу; это былъ самый могущественный вассалъ во всей монархіи, почти такъ же независимый, какъ самъ сюзеренъ. Нарбоннское герцогство давало ему званіе, перваго свѣтскаго пэра Франціи; въ то же время онъ былъ сюзереномъ, болѣе или менѣе полновластнымъ, маркизата Прованскаго, графства Венессенскаго, графствъ Сенъ-Жиля, Фуа, Комменжа и Родеза, равно какъ провинцій Альбигойи, Виварэ, Жеводана, Велэ, Руерга, Керси и Аженуа. Даже въ Италіи онъ пользовался славой самаго могущественнаго графа Европы, такъ какъ среди его вассаловъ было четырнадцать графовъ, и трубадуры въ пѣсняхъ называли его равнымъ императорамъ:

Car il val tan qu'en la soa valor
Auri' assatz ad un emperador.

Даже послѣ потери большей части своихъ владѣній сынъ его, Раймундъ VII, на Рождество 1244 г. на блестящемъ съѣздѣ, бывшемъ при его дворѣ, пожаловалъ двумстамъ дворянамъ рыцарское званіе. Благодаря своимъ брачнымъ связямъ Раймундъ VII находился въ близкомъ родствѣ съ королевскими домами Кастиліи, Арагоніи, Наварры,

---

[1]) Roberti Autissiodor. «Chron.» ann. 1198—1201.—Hist. Episc. Autissiod. (D. Bouquet, XVIII, 725-6, 729).—Petri Sarnens. «Hist. Albig.» c. 3.—Innocent. PP. III «Reg.» II, 63, 99; V, 36; VI, 63, 239; IX, 110; X, 206.—Potthast, № 9152.—Alberic. Trium Fontium «Chron.» ann. 1200.—Chron. Canon. Laudun. ann. 1204 (D. Bouquet, XVIII, 713).

[2]) Regest. II, 141, 142, 235.—Revue de l'Hist. des. Relig. mars, 1889, стр. 245.—Gesta Treviror. c. 104.

Библиотека "Руниверс"

Франціи и Англіи. Въ 1196 г. онъ вступилъ въ четвертый бракъ съ Іоанной Англійской, чтобы добиться выгоднаго союза съ братомъ ея Ричардомъ; такимъ путемъ онъ избавлялся отъ опаснаго врага, который, въ качествѣ герцога Аквитаніи, сильно безпокоилъ его отца. Но этотъ союзъ съ Ричардомъ оскорбилъ Филиппа-Августа, что позднѣе имѣло печальныя послѣдствія для Раймунда. Послѣдовавшая почти въ то же время смерть Альфонса II Арагонскаго освободила его отъ другого наслѣдственнаго врага, обширныя владѣнія котораго въ южной Франціи, и еще болѣе обширныя притязанія на нее, нерѣдко угрожали Тулузскому дому полнымъ паденіемъ. Съ преемникомъ Альфонса, Петромъ II, Раймундъ вступилъ въ самыя дружескія отношенія, скрѣпленныя въ 1200 г. бракомъ его съ сестрою Петра, Элеонорой, и помолвкой въ 1205 г. его юнаго сына Раймунда VII съ дочерью арагонскаго короля, бывшею совсѣмъ еще ребенкомъ. Филиппъ-Августъ, при своемъ вступленіи на престолъ, оказывалъ ему такое дружеское расположеніе, которое, повидимому, было для него прочнымъ залогомъ мирнаго и благоденственнаго царствованія.

Обезопасивъ себя, такимъ образомъ, отъ нападеній внѣшнихъ враговъ, Раймундъ мало обращалъ вниманія на то, что папа Целестинъ III въ 1195 г. отлучилъ его отъ Церкви за то, что онъ разорилъ С.-Жильское аббатство. Иннокентій III подтвердилъ это отлученіе, но графъ и на это не обратилъ никакого вниманія. Самъ онъ не былъ еретикомъ, но благодаря своей вѣротерпимости онъ индифферентно относился къ тому, что его подданные были еретиками; одни изъ его барономъ придерживались ереси, другіе снисходительно относились къ вѣрованіямъ, которыя, отвергая притязанія Церкви, позволяли имъ грабить ее или, по крайней мѣрѣ, не заботиться о ея нуждахъ; такъ же смотрѣлъ на дѣло, несомнѣнно, и самъ Раймундъ. Когда въ 1195 г. соборъ въ Монпелье предалъ анаѳемѣ всѣхъ тѣхъ князей, которые не будутъ наблюдать за примѣненіемъ въ отношеніи еретиковъ и наемниковъ постановленій Латеранскаго собора, то онъ и не подумалъ обратить на это вниманіе. У Раймунда совершенно не было религіознаго фанатизма, и онъ поэтому не могъ въ угоду Церкви возстановлять противъ себя своихъ бароновъ, разорять свои собственныя владѣнія и подвергать себя вторженіямъ сосѣдей, которые, какъ волки, стерегли его; онъ не могъ, конечно, рисковать всѣмъ этимъ для того только, чтобы возстановить въ своихъ владѣніяхъ единство вѣры и сдѣлать своихъ подданныхъ послушными Церкви, которая была славна только своей алчностью и нравственной распущенностью. Почти цѣлое поколѣніе наслаждалось вѣротерпимостью; страна отдыхала послѣ длиннаго ряда войнъ, и простой здравый смыслъ подсказывалъ Раймунду, что ему слѣдуетъ идти по стопамъ отца. Окруженный однимъ изъ самыхъ веселыхъ и блестящихъ дворовъ Европы, любящій женщинъ, покровительствующій поэтамъ, нѣсколько безхарактерный, но боготворимый своими подданными, онъ, конечно, не могъ согласиться съ Римомъ, что главною его обязанностью было преслѣдованіе своихъ подданныхъ [1]).

Состояніе Церкви во владѣніяхъ Раймунда не могло, понятно, не вызывать негодованія такого папы, какъ Иннокентій III. Одинъ лѣтописецъ того времени передаетъ, что на нѣсколько тысячъ еретиковъ приходилось только нѣсколько католиковъ; несомнѣнно, это сообщеніе преувеличено, но изъ предшествующей главы мы видѣли, какъ быстро распространялась ересь. Состояніе Тулузской епархіи можетъ показать, съ какимъ недовѣріемъ относились тогда къ Церкви, и какъ сильно отражалась на ея благосостояніи потеря ею духовнаго престижа. Епископъ Фулькрандъ, умершій въ 1200 г., жилъ за неимѣніемъ средствъ въ чисто-апостольской нищетѣ. Слѣдуемую ему часть десятиннаго

---

[1]) Villani «Chron.» lib. V, c. 90.—Diez, «Leben und Werke der Troubadours», 424. - Guill. Pod. Laur. cap. 47. — Vaissete, изд. Privat, VIII, 538. — Petri Sarnensis «Hist. Albig.». c. 1.— Vaissete, изд. 1730, III, 101.

Библиотека "Руниверс"

налога забрали себѣ свѣтскіе сеньоры и монастыри; приходскіе священники присвоили себѣ его преміціи; на его долю оставались лишь незначительные доходы отъ нѣсколькихъ фермъ и отъ общественной хлѣбной печи, которая принадлежала ему по феодальному праву. Крайняя нужда заставила его даже начать судебное дѣло противъ своего же капитула, чтобы добиться доходовъ хотя бы съ одной пребенды и жить не впроголодь. При объѣздахъ своихъ приходовъ онъ былъ вынужденъ просить у сеньоровъ конвоя. Какъ ни плохо было мѣсто Фулькранда, однако, послѣ его смерти оно вызвало горячіе и некрасивые споры, окончившіеся въ пользу Раймунда Рабастана, архидіакона ажанскаго. Этотъ епископъ былъ еще бѣднѣе своего предшественника и для увеличенія доходовъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ симоніи; но, когда онъ, чтобы покрыть издержки по процессу съ однимъ изъ своихъ вассаловъ, Раймундомъ де Бонюи, распродалъ или заложилъ все, что оставалось еще въ распоряженіи Тулузской епископской каѳедры, его лишили сана, назначивъ ему ежегодное содержаніе въ тридцать тулузскихъ ливровъ, чего было достаточно на кусокъ чернаго хлѣба, и онъ остался вдвоемъ со злою служанкой. Его преемникомъ былъ Фулькъ Марсельскій, выдающійся трубадуръ, отрекшійся отъ міра и ставшій аббатомъ Флорежа; онъ разсказываетъ, что, когда онъ сдѣлался епископомъ, ему приходилось самому поить своихъ муловъ, такъ какъ у него некому было гонять ихъ на ближайшій водопой на Гаронну. Этотъ Фулькъ былъ человѣкомъ характера горячаго и мстительнаго; впослѣдствіи онъ опустошилъ свою діоцезу войной [1]).

Зло постоянно росло, и легко уже было предвидѣть возможность наступленія такого момента, когда римская церковь совершенно потеряетъ средиземныя провинціи Франціи. Но надо сказать къ чести еретиковъ, что имъ вполнѣ былъ чуждъ духъ преслѣдованія. Понятно, хищные сеньоры стремительно отнимали у духовенства церковныя имѣнія и доходы и не задумывались грабить лѣнивыхъ монаховъ и священниковъ, число которыхъ постоянно уменьшалось; но въ общемъ катары, хотя и считали себя церковью будущаго, никогда не прибѣгали къ силѣ для распространенія своего духовнаго господства. Довольствуясь возможностью проповѣдывать и обращать въ свою вѣру, они жили въ полной дружбѣ со своими сосѣдями-католиками; но Церковь не могла мириться съ подобнымъ положеніемъ вещей. Она всегда полагала, что свѣтская власть, не преслѣдуя другихъ вѣрованій, тѣмъ самымъ преслѣдовала свое вѣрованіе; да и въ силу закона ея существованія она не могла раздѣлять съ кѣмъ-либо свое господство надъ душами людей. Въ данномъ же случаѣ положеніе было еще серьезнѣе, такъ какъ вѣротерпимость, на которую жаловалась Церковь, грозила ей полнымъ паденіемъ, и поэтому она считала себя вынужденной принять самыя строгія мѣры не только въ силу присваиваемыхъ ею себѣ обязанностей, но и въ силу простого инстинкта самосохраненія.

Иннокентій III, вступившій на папскій престолъ 22 февраля 1198 г., уже

---

[1]) Guill. Nangiac. ann. 1207.—Vaissete, III, 128, 132.—Guill. Pod. Laur. c. 6, 7.—«Reg.» XIII, 115, 116. — Относительно состоянія другихъ епископскихъ каѳедръ — Каркассонъ, Венсъ, Агдъ, Ошъ, Нарбонна, Бордо—см. «Regest.», I, 194, III, 24; VI, 216; VII. 84; VIII, 76; XVI, 5.

Для библіографіи Фулька или Фульке Марсельскаго, бывшаго любимцемъ Раймунда V и ставшаго самымъ непримиримымъ врагомъ Раймунда VI, см. Paul Meyer, ap. Vaissete, изд. Privat. VII, 441. Данте помѣщаетъ его въ аду вмѣстѣ съ Куниццой (Cunizza), развратной сестрою Эццелина да Романо («Рай», IX); о немъ передаютъ, что, говоря однажды проповѣдь, онъ сравнилъ еретиковъ съ волками, а вѣрныхъ съ овцами. Тогда поднялся съ мѣста одинъ еретикъ, которому Симонъ де Монфоръ велѣлъ выколоть глаза и отрѣзать носъ и губы, и сказалъ: «Видали ли вы когда-нибудь волка, съ которымъ поступили какъ съ овцой»? На это Фулькъ возразилъ, что Монфоръ — прекрасная собака, хорошо искусавшая волка. Но о немъ сохранились и другіе, лучшіе разсказы; встрѣтивъ нищаго еретика, онъ подалъ ему милостыню со словами, что подаетъ на бѣдность, а не на ересь.—Chabaneau, ap. Vaissete. изд. Privat, X, 292.

Библиотека "Руниверс"

1 апрѣля писалъ архіепископу Оша, жалуясь на успѣхи ереси и высказывая опасенія относительно ея торжества. Этому прелату и его собратьямъ было предписано со всею строгостью налагать духовныя наказанія, а въ случаѣ надобности прибѣгать къ содѣйствію князей и народа. Не только еретики должны быть преслѣдуемы и наказуемы, но нужно также принимать строгія мѣры противъ всѣхъ, кто имѣетъ съ ними сношенія или подозрѣвается въ этомъ. Само собой разумѣется, прелаты могли на это отвѣтить только признаніемъ своего безсилія. Иннокентій немного подождалъ и самъ принялъ на себя инціативу: 21 апрѣля онъ послалъ во Францію двухъ комиссаровъ, Рэнье и Ги, съ грамотами къ прелатамъ, князьямъ, сеньорамъ и ко всему народу. Всѣмъ имъ предлагалось немедленно принять всевозможныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы отвратить отъ Церкви опасность, которою ей угрожалъ ростъ катаровъ и вальденцевъ, совращавшихъ народъ подвигами показной любви къ ближнимъ и мнимой справедливости. Еретики, которые не захотятъ вернуться въ лоно Церкви, должны быть изгоняемы и лишаемы всего своего имущества; если свѣтскія власти откажутся примѣнять эти мѣры или проявятъ небрежность въ ихъ примѣненіи, то на нихъ должно налагать запрещеніе; если же онѣ, наоборотъ, будутъ послушны и исполнительны, то давать имъ отпущеніе грѣховъ, какое дается идущимъ на богомолье въ Римъ или на поклоненіе св. Іакову Компостельскому. Всѣ же, кто будетъ имѣть какія-либо сношенія съ еретиками, должны быть наказуемы какъ еретики. Только черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого папа уполномочилъ Рэнье уничтожить зло въ корнѣ, разрѣшивъ ему реформу церквей и возстановленіе въ нихъ порядка; очевидно, папа считалъ репрессіи болѣе важнымъ дѣломъ.

Въ іюлѣ 1199 г. власть Рэнье была еще болѣе расширена, такъ какъ ему было дано званіе папскаго легата, и, слѣдовательно, всѣ должны были повиноваться ему и оказывать почтеніе какъ самому папѣ. Гильомъ, сеньоръ Монпелье, попросилъ, между тѣмъ, чтобы къ нему прислали легата для подавленія ереси. Хотя Гильомъ и былъ глубоко вѣрующій католикъ, но это проявленіе религіозной ревности было вызвано побочными мотивами: ему хотѣлось добиться узаконенія своихъ дѣтей отъ второй жены тогда, когда не былъ признанъ законнымъ его разводъ съ первой. Иннокентій отказалъ ему въ присылкѣ легата, и рвеніе его охладѣло. Въ то же время легатъ показалъ, что онъ безсиленъ провести реформу Церкви: онъ донесъ на двухъ очень высокопоставленныхъ лицъ, архіепископовъ Нарбонны и Оша, безнравственность и нерадѣніе которыхъ довели Церковь въ ихъ провинціяхъ до самаго плачевнаго состоянія; но процессъ объ удаленіи епископовъ тянулся десять или двѣнадцать лѣтъ. Понятно, при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи объ общей реформѣ [1]).

Можно даже сказать, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени отдѣльныя попытки поднять Церковь лишь ухудшали положеніе, такъ такъ прелаты, разъяренные, что такъ много полномочій дано непосредственнымъ представителямъ Рима, отказывались принимать участіе въ борьбѣ съ ересью. Одно время было даже опасеніе, что они пойдутъ за одно съ еретиками противъ Святого Престола, чтобы оградить самихъ себя и подчиненное имъ духовенство отъ захвата Рима.

Лѣтомъ 1202 г. Рэнье захворалъ, и его замѣнили два цистерціанскихъ монаха изъ Фонфруа — Петръ де Кастельно и Рауль, которымъ удалось безконечнымъ рядомъ наказаній и угрозой городу мщеніемъ короля вырвать у магистрата Тулузы клятвенное обѣщаніе отречься отъ ереси и изгнать еретиковъ; въ свою очередь, они поклялись, что льготы и свободы города будутъ неприкосновенны. Но едва успѣли они удалиться, какъ тулузцы забыли свои обѣщанія. Ободренные этимъ мнимымъ успѣхомъ, монахи обратились

[1]) Regest., I, 92, 93, 94, 165, 395; II, 122, 123, 298; III, 24; V, 96; VII, 17, 75; VIII, 75, 106; IX, 66; X, 68; XIII, 88; XIV, 32; XVI, 5. Vaissete, III, 117.

Библиотека "Руниверс"

съ такою же просьбою къ графу Раймунду и добились его согласія, но условія, при которыхъ имъ пришлось дѣйствовать, показываютъ, что задача ихъ была нелегкая. Когда они попросили архіепископа Нарбоннскаго сопровождать ихъ къ графу Тулузскому, то онъ не только отказалъ имъ, но даже не оказалъ никакой поддержки, и лишь съ большимъ трудомъ добились они отъ него лошадей на дорогу. Епископъ города Безье также отказался сопровождать ихъ. Они обратились къ нему съ просьбой вызвать консуловъ Безье, чтобы они отреклись отъ ереси и поклялись защищать Церковь; епископъ не двинулъ пальцемъ и даже создавалъ всякія затрудненія посланникамъ папы, и хотя, въ концѣ концовъ, ему было сказано, что магистраты за свою неявку будутъ отлучены отъ Церкви, онъ все же продолжалъ ничего не дѣлать. А, между тѣмъ, ересь въ Безье настолько процвѣтала, что виконтъ долженъ былъ разрѣшить канонникамъ укрѣпить церковь св. Петра изъ боязни, чтобы еретики не захватили ее силою. По всей вѣроятности, епископъ Безье былъ напуганъ непріятностями, постигшими его сосѣда, Каркассонскаго епископа Беранже, который за то, что пригрозилъ своей паствѣ духовными карами, былъ изгнанъ ею изъ города, и всякое сношеніе съ нимъ было запрещено подъ страхомъ крупнаго штрафа [1]).

Дерзость еретиковъ вызывала на бой энергію Иннокентія. Сестра могущественнаго графа де Фуа, Эсклармонда, вмѣстѣ съ пятью другими знатными дамами присоединилась къ ереси на публичномъ собраніи катаровъ, гдѣ присутствовало много знати и рыцарей. Было замѣчено, что только одинъ графъ не далъ катарскимъ священнослужителямъ еретическаго привѣтствія, извѣстнаго подъ именемъ v e n e r a t i o. Въ Каркассонѣ, подъ предсѣдательствомъ короля арагонскаго, Петра Католика, состоялся большой, но безрезультатный публичный диспутъ между легатами и нѣсколькими учеными еретиками. Положеніе было настолько безнадежно, что, по словамъ Иннокентія, только новый потопъ могъ очистить страну и подготовить ее къ принятію новыхъ людей [2]).

Рѣшившись испробовать крайнее средство, папа назначилъ легатомъ «аббата аббатовъ», Арнольда Ситосскаго, начальника цистерціанскаго ордена, человѣка энергичнаго, непреклоннаго поборника строгаго католицизма и одареннаго рѣдкой настойчивостью. Въ концѣ мая 1204 г. Иннокентій предоставилъ чрезвычайныя полномочія комиссіи, составленной изъ Арнольда и монаховъ Фонфруа. Прелаты зараженныхъ ересью провинцій получили строгія замѣчанія, и имъ было приказано во всемъ повиноваться легатамъ подъ страхомъ навлечь на себя гнѣвъ Святого Престола. Легатамъ было дано полномочіе «разрушать повсюду, гдѣ были еретики, все, подлежащее разрушенію, и насаждать все, подлежащее насажденію». Самостоятельность мѣстныхъ церквей была уничтожена однимъ росчеркомъ пера: Римъ объявилъ свою диктатуру.

Зная, что церковныя запрещенія потеряли всякое значеніе, Иннокентій рѣшился прибѣгнуть къ силѣ. Согласно инструкціямъ, даннымъ легатамъ, всякій не раскаявшійся еретикъ долженъ быть переданъ въ руки свѣтской власти; самъ онъ долженъ быть осужденъ на смерть, а имущество его конфисковано; сверхъ того, легаты должны были предложить Филиппу-Августу и его сыну, Людовику Львиное Сердце, если они будутъ помогать въ подавленіи ереси, полное отпущеніе грѣховъ, какъ-будто они совершили крестовый походъ въ Святую Землю; то же обѣщали всѣмъ сеньорамъ; даже и безпокойные элементы населенія были побуждаемы къ участію пріятной перспективой богатой наживы, съ одной стороны, и полнаго прощенія грѣховъ—съ другой. Особой статьей легаты были уполномочены даже отмѣнять всѣ духовныя наказанія, которыя полагались за насиліе

[1]) Petri Sarnens. c. 1, 17.—Vaissete, III, 129, 134—5; Preuves, 197.—Regest. VI, 242—3.

[2]) Petri Sarnens. c. 3. — Vaissete, III, 133, 135. — Guillem. de Tudela, IV. Я цитирую эту поэму по изданію Форіеля (1837 г.). Стихотворный переводъ, сдѣланный Мари-Лафонъ, вышелъ въ 1868 г.; критическое изданіе сдѣлано П. Мейеромъ.

Библиотека "Руниверс"

надъ личностью, если кто-нибудь провинится въ этомъ при преслѣдованіи еретиковъ. Въ то же время Иннокентій писалъ Филиппу-Августу, убѣждая его поднять мечъ на волковъ, опустошавшихъ стадо Господне. Если ему нельзя почему-либо идти самому, то пусть пошлетъ онъ своего сына или какого-нибудь опытнаго военачальника; но лишь бы онъ согласился примѣнить полученную имъ на это власть отъ неба. Папа признавалъ за нимъ право захвата и присоединенія къ своимъ владѣніямъ земель всѣхъ тѣхъ вельможъ, которые откажутся помочь ему въ его борьбѣ противъ еретиковъ [1]).

Иннокентій поставилъ на карту все—и проигралъ. Менѣе чѣмъ когда-либо желали прелаты, лишенные всякаго авторитета, оказывать содѣйствіе легатамъ. Филиппъ-Августъ не тронулся обѣщаніемъ земныхъ и небесныхъ благъ, которыми его старались прельстить. Онъ уже имѣлъ разъ отпущеніе грѣховъ за крестовый походъ и, по всей вѣроятности, находилъ, что оно не стоило принесенныхъ имъ жертвъ; къ тому же его недавнія пріобрѣтенія въ Нормандіи, Анжу, Пуату и Аквитаніи, сдѣланныя на счетъ Іоанна Англійскаго, поглощали все его вниманіе, и онъ могъ бы легко потерять ихъ, если бы въ погонѣ за новыми завоеваніями создалъ себѣ новыхъ враговъ. И онъ воздержался отозваться на призывъ папы.

Петръ де Кастельно потерялъ всякую энергію и умолялъ, чтобы ему позволили вернуться въ родное аббатство; но папа отказалъ ему, утѣшая, что Богъ вознаградитъ его по его стараніямъ, а не по ихъ успѣшности. Второе обращеніе къ Филиппу-Августу въ февралѣ 1205 г. также осталось безъ всякаго результата. Тогда въ іюнѣ слѣдующаго года Иннокентій обратился къ Петру Арагонскому и уступалъ ему всѣ земли, которыя онъ завоюетъ у еретиковъ; черезъ годъ онъ предложилъ ему и все ихъ имущество. Единственнымъ слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что Петръ захватилъ замокъ Эскюръ, принадлежавшій папѣ, но занятый катарами. Правда, положеніе дѣлъ въ Тулузѣ наружно измѣнилось, и даже были вырыты кости нѣсколькихъ людей, уличенныхъ въ ереси. Но эта пустая побѣда была тотчасъ же сведена на нѣтъ муниципалитетомъ, который издалъ законъ, воспрещающій возбуждать преслѣдованія противъ мертвыхъ, которые не были обвинены еще при жизни, если только они не приняли посвященія въ ересь (haereticatio) на одрѣ смерти [2]).

Однажды во время одного диспута, гдѣ катары, по обыкновенію, одержали побѣду, епископъ Тулузскій Фулькъ спросилъ у Понса Родельскаго, рыцаря извѣстнаго своей мудростью и своей преданностью Церкви, почему не изгоняетъ онъ изъ своихъ владѣній тѣхъ, кто явно исповѣдуетъ ересь? «Какъ же мы можемъ это сдѣлать?—возразилъ рыцарь.—Вѣдь мы учились съ ними, вѣдь у насъ есть среди нихъ родные, и, наконецъ, мы всѣ видимъ чистоту ихъ жизни». Рвеніе богослововъ было безсильно обратить это расположеніе въ дикую ненависть, и мы охотно вѣримъ сообщенію монаха изъ Во-Сернэ, что всѣ почти мѣстные сеньоры покровительствовали еретикамъ, искренне любили ихъ и отстаивали ихъ передъ Богомъ и Церковью [3]).

Все, казалось, потеряннымъ, когда одинъ непредвидѣнный случай возбудилъ рвеніе и далъ надежду приверженцамъ католицизма. Въ 1206 г., въ серединѣ лѣта, всѣ три папскихъ легата съѣхались въ Монпелье и рѣшили отказаться отъ своей миссіи. Случайно въ это же время прибылъ въ Монпелье, на обратномъ пути изъ Рима, испанскій прелатъ, епископъ Осмы, Діего де Азеведо; въ Римѣ онъ тщетно умолялъ Иннокентія дозволить ему отказаться отъ епископской каѳедры и посвятить остатокъ дней своихъ на проповѣдь слова

[1]) Regest. VII, 76, 77, 79, 165.

[2]) Regest. VII, 210, 212; VIII, 94, 97; IX, 103.—J. Havet, «L'Hérésie et le bras séculier» («Bibl. de l'Ecole des Chartes», 1880, стр. 582).

[3]) Guill. de Pod. Laurent. c. 8.—Pet. Sarnens. c. 1.

Библиотека "Руниверс"

Освобожденіе альбигойцевъ, по приговору Каркассонской Инквизиціи замурованныхъ въ стѣнѣ.

(Съ картины Laurens'a).

Библиотека "Руниверс"

Божія среди невѣрныхъ. Узнавъ рѣшеніе легатовъ, онъ приложилъ всѣ силы, чтобы убѣдить ихъ продолжать свою миссію; онъ посовѣтовалъ имъ отослать ихъ блестящую свиту и отказаться отъ внѣшней пышности, которою они себя окружали; онъ убѣждалъ ихъ идти на проповѣдь босыми и нищими, какъ апостолы. Легаты, въ концѣ концовъ, согласились на это, но просили прелата, чтобы кто-нибудь, пользующійся авторитетомъ, показалъ имъ примѣръ. Діего предложилъ себя. Онъ отослалъ всѣхъ своихъ спутниковъ и оставилъ при себѣ только одного помощника, пріора Доминика де Гузманъ, который по дорогѣ изъ Осмы въ Римъ обратилъ уже одного еретика въ Тулузѣ. Арнольдъ вернулся въ Сито, чтобы предсѣдательствовать на общемъ собраніи ордена и набрать миссіонеровъ; а два другихъ легата вмѣстѣ съ Діего и Доминикомъ начали свою новую дѣятельность въ Каркассонѣ. Здѣсь они цѣлую недѣлю вели диспуты съ ересіархами Бодуэномъ и Тьерри, изъ которыхъ послѣдній, какъ мы уже упоминали, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ былъ изгнанъ изъ Нивернэ. По свидѣтельству современниковъ имъ удалось обратить весь простой народъ, но владѣлецъ замка рѣшительно отказался изгнать двухъ ученыхъ еретиковъ [1]).

Осень и зима прошли въ подобныхъ же собесѣдованіяхъ. Въ началѣ весны 1207 г. Арнольдъ окончилъ свое собраніе и навербовалъ себѣ много добровольныхъ помощниковъ, среди которыхъ было двѣнадцать аббатовъ. На лодкахъ спустились они по Сонѣ до Роны и пѣшкомъ, безъ всякой свиты, выступили на поле своей новой дѣятельности. Здѣсь, раздѣлившись на группы по два и по три, они, босые, разошлись въ разныя стороны и начали проповѣдывать по городамъ и весямъ; три мѣсяца ходили они какъ настоящіе апостолы и всюду на своемъ пути находили тысячи еретиковъ и единицы вѣрныхъ; обращенія были рѣдки, и къ тому же они побуждали миссіонеровъ еретиковъ лишь къ болѣе усиленной работѣ. При этомъ замѣчательно рельефно сказались кротость и терпимость катаровъ: ни одинъ изъ монаховъ-проповѣдниковъ не подвергся дѣйствительной опасности; а, между тѣмъ, это были люди, которые недавно еще взывали къ наиболѣе могущественнымъ государямъ христіанскаго міра и увѣщевали ихъ уничтожить катаровъ огнемъ и мечомъ. Время-отъ-времени, монахи, правда, жаловались на оскорбленія, но никогда имъ не угрожало насиліе, за исключеніемъ, быть-можетъ, случая съ Петромъ де Кастельно, который, повидимому, возбудилъ къ себѣ въ Безье крайнюю ненависть. Несмотря на весьма широкія полномочія, которыми они были облечены, легаты были вынуждены обратиться къ Иннокентію съ просьбой, чтобы онъ разрѣшилъ имъ предоставлять право публичной проповѣди достойнымъ, по ихъ мнѣнію, лицамъ. Это свидѣтельствуетъ, какъ ревностно въ то время Церковь стремилась ограничить право проповѣди; и благопріятный отвѣтъ Иннокентія легату былъ однимъ изъ крупныхъ событій вѣка, такъ какъ онъ далъ толчокъ движенію, породившему могущественный орденъ св. Доминика [2]).

Петръ Кастельно покинулъ своихъ товарищей и отправился въ Провансъ возстановлять миръ между дворянами въ надеждѣ объединить ихъ для дѣла изгнанія еретиковъ. Такъ какъ Раймундъ Тулузскій отказался сложить оружіе, то безстрашный монахъ отлучилъ его отъ Церкви и наложилъ интердиктъ на его владѣнія. Въ концѣ концовъ, онъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ бросилъ ему въ лицо обвиненіе въ клятвопреступленіи и въ разныхъ другихъ проступкахъ. Раймундъ терпѣливо перенесъ эти упреки; а Петръ, между тѣмъ, обратился къ Иннокентію, чтобы тотъ санкціонировалъ его рѣшеніе. Къ Раймунду въ это время съ ненавистью относились всѣ паписты, которые упрекали его въ томъ, что, несмотря на свои неоднократныя клятвы, онъ совершенно не преслѣдуетъ

[1]) Pet. Sarnens. c. 3.

[2]) Pet. Sarnens. c. 3, 5.—Rob. Autissiodor. ann. 1207.—Guill. Nangiac. ann. 1207.—Guill de Pod. Laurent. c. 8.—Concil. Narbon. ann. 1208.—Regest. IX, 185.

Библиотека "Руниверс"

своихъ подданныхъ еретиковъ. Хотя онъ и оставался по внѣшности католикомъ, тѣмъ не менѣе, его обвиняли въ тайной принадлежности къ ереси; говорили, что его всегда сопровождало нѣсколько Совершенныхъ, одѣтыхъ въ обыкновенное платье, и что при немъ былъ всегда Новый Завѣтъ, чтобы въ случаѣ внезапной смерти надъ нимъ могъ быть совершенъ обрядъ посвященія въ ересь (haereticatio). Раймундъ, говорили, открыто заявилъ, что онъ охотнѣе согласится стать послѣднимъ нищимъ еретикомъ, чѣмъ быть католическимъ королемъ или императоромъ; говорили, что онъ прекрасно зналъ, что рано ли, поздно ли его лишатъ владѣній за его покровительство еретикамъ, но что онъ былъ готовъ претерпѣть за нихъ все, даже смертную казнь. Всѣ эти и многіе другіе слухи, снабженные преувеличенными разсказами о развратномъ поведеніи графа, распространялись ревностными монахами, лишь бы сдѣлать имя его ненавистнымъ; но совершенно не доказано, чтобы онъ, хотя онъ и былъ вполнѣ индифферентенъ къ вопросамъ вѣры, склонялся когда-либо къ ереси, или чтобы онъ когда-либо по собственной волѣ мѣшалъ легатамъ въ ихъ миссіонерской дѣятельности. Они свободно могли обращать еретиковъ словомъ убѣжденія, но они не могли простить Раймунду, что онъ отказывался въ угоду имъ залить свою страну кровью и предать ее огню и мечу [1]).

Особой граматой на имя Раймунда, отъ 29 мая 1207 г., Иннокентій подтвердилъ рѣшеніе легата. Въ этой граматѣ со всей страстностью отразилась та ненависть, которая накопилась противъ графа въ теченіе долгихъ лѣтъ безплодной борьбы съ нимъ. Папа угрожалъ ему мщеніемъ Бога на томъ и на этомъ свѣтѣ и писалъ, что отлученіе отъ Церкви и запрещеніе не могутъ быть сняты раньше, чѣмъ онъ не удовлетворитъ всѣхъ предъявленныхъ къ нему требованій; если же онъ будетъ медлить, то онъ будетъ лишенъ областей, полученныхъ имъ отъ Церкви, а если и это не возымѣетъ на него дѣйствія, то папа призоветъ всѣхъ христіанскихъ князей раздѣлить между собою его владѣнія, чтобы можно было навсегда очистить ихъ отъ ереси. Соображенія, приводимыя папою въ оправданіе этихъ суровыхъ мѣръ, были лишь повтореніемъ старыхъ сѣтованій; положеніе вещей, на которое жаловался папа, было въ теченіе двухъ поколѣній настолько нормальнымъ состояніемъ Лангедока, что вѣротерпимость стала какъ бы признанной мѣстнымъ государственнымъ правомъ. Далѣе Иннокентій ставилъ въ вину Раймунду, что онъ продолжалъ воевать, несмотря на приказаніе легатовъ заключить миръ, что онъ отказался пріостановить военныя дѣйствія на время праздника, что онъ не сдержалъ своей клятвы очистить свою страну отъ еретиковъ, что онъ нанесъ оскорбленіе христіанской религіи, допустивъ евреевъ на общественныя должности, что онъ ограбилъ церковь и оскорбилъ нѣсколько епископовъ, что онъ продолжаетъ пользоваться услугами наемныхъ бандъ, и что, наконецъ, онъ увеличилъ дорожныя пошлины. Можно предполагать, что этотъ длинный обвинительный актъ заключаетъ въ себѣ всѣ пункты, которые, хотя бы нѣсколько, возможно было обосновать и доказать [2]).

Нѣкоторое время папа ждалъ результатовъ своихъ угрозъ и трудовъ своихъ миссіонеровъ; но результаты были ничтожны. Раймундъ, правда, заключилъ миръ съ дворянами Прованса, и отлученіе было снято съ него; но онъ попрежнему оставался индифферентнымъ въ религіозныхъ вопросахъ, а цистерціанскіе аббаты, обезкураженные упорствомъ еретиковъ, одинъ за другимъ уходили и возвращались въ свои монастыри. Легатъ Рауль умеръ; Арнольда Ситосскаго болѣе важныя дѣла отозвали въ другое мѣсто; умеръ и епископъ Азеведо—какъ-разъ въ то время, какъ онъ собирался вернуться въ Испанію. Но Азеведо оставилъ послѣ себя во Франціи пылкаго Доминика, который посвятилъ свои силы на то, чтобы объединить вокругъ себя нѣсколько ревностныхъ людей, ядро будущаго

[1]) Pet. Sarnens., c. 3, 4.
[2]) Regest. X, 69.

Библиотека "Руниверс"

ордена проповѣдниковъ; единственнымъ представителемъ Рима оставался Петръ Кастельно, пока Рауля не замѣстилъ епископъ Консеранскій.

Всѣ средства были испробованы, и всѣ они оказались безуспѣшны; оставалось только прибѣгнуть къ помощи насилія, и Иннокентій со всей энергіей отчаянія обратился къ этому послѣднему средству. Чтобы привлечь на свою сторону Филиппа-Августа, онъ милостиво отнесся къ недоразумѣніямъ, вызваннымъ бракомъ короля съ Агнесой Меранской отъ живой его супруги Ингебурги Датской, съ которой его развели епископы. Кромѣ того, онъ обратился къ вѣрнымъ всей Франціи и послалъ особыя граматы ко всѣмъ болѣе могущественнымъ сеньорамъ. Эти граматы, отправленныя 17 ноября 1207 г., патетически изображали успѣхи ереси и безплодность всѣхъ усилій, направленныхъ на обращеніе еретиковъ на путь истины; такъ какъ на нихъ не дѣйствовали ни угрозы, ни кроткія увѣщанія, не оставалось ничего иного, какъ обращеніе къ вооруженной силѣ. Всѣмъ, кто откликнется на этотъ призывъ, было обѣщано такое же отпущеніе грѣховъ, какъ и крестоносцамъ, шедшимъ на освобожденіе гроба Господня. Церковь брала подъ свое покровительство земли тѣхъ, кто подниметъ оружіе на ея защиту, и уже впередъ отдавала имъ земли еретиковъ. Всѣмъ заимодавцамъ новыхъ крестоносцевъ предписывалось отложить взысканія по ихъ долговымъ обязательствамъ, безъ права требовать за это время проценты на капиталъ, а духовнымъ лицамъ, которыя подняли бы оружіе, разрѣшалось заложить свои доходы за два года впередъ [1]).

Дѣйствіе этого страстнаго воззванія было такое же, какъ и предшествовавшихъ. Иннокентій только-что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ возбуждалъ воинственный пылъ Европы въ пользу римскаго господства въ Константинополѣ, и пылъ этотъ, повидимому, остылъ на нѣкоторое время. Филиппъ-Августъ сухо отвѣтилъ, что его отношенія съ Англіей не позволяютъ ему раздроблять силы, но, что, если ему будетъ гарантировано перемиріе на два года, то онъ не будетъ имѣть ничего противъ того, чтобы его бароны предприняли крестовый походъ, и самъ онъ готовъ поддерживать его въ такомъ случаѣ ежедневной выдачей 50 ливровъ въ теченіе года.

Таково было положеніе вещей, когда неожиданный случай разомъ все измѣнилъ. Убійство легата Петра де Кастельно произвело такое же ужасное впечатлѣніе во всемъ христіанскомъ мірѣ, какъ тридцать-восемь лѣтъ передъ этимъ убійство Бекета. Разсказы объ этомъ трагическомъ происшествіи настолько противорѣчивы, что въ настоящее время невозможно возстановить подробности. Мы знаемъ, что Петръ рѣзко задѣвалъ за живое Раймунда въ своихъ рѣчахъ; знаемъ, далѣе, что графъ, испуганный грозящимъ ему крестовымъ походомъ, пригласилъ легатовъ на свиданіе въ С.-Жиль, заранѣе обѣщая Церкви сыновнюю покорность; наконецъ, мы знаемъ, что во время совѣщанія возникли разныя затрудненія, такъ какъ Раймундъ не находилъ возможнымъ выполнить требованія легатовъ. По провансальской версіи убіеніе Петра произошло слѣдующимъ образомъ: онъ вступилъ въ жаркій споръ по вопросамъ религіи съ однимъ изъ придворныхъ, который въ пылу спора выхватилъ кинжалъ и убилъ его; Раймундъ былъ очень огорченъ этимъ грустнымъ происшествіемъ, и надъ убійцей былъ бы немедленно произведенъ судъ, если бы ему не удалось бѣжать и скрыться у одного изъ своихъ друзей въ Бокерѣ. Въ совершенно иномъ видѣ было представлено дѣло въ донесеніи, посланномъ тогда же въ Римъ епископами Консеранса и Тулузы, которые желали возбудить гнѣвъ Иннокентія противъ Раймунда. Въ донесеніи говорится, что послѣ долгихъ и безплодныхъ разсужденій легаты заявили о своемъ желаніи уѣхать; тогда графъ началъ грозить имъ смертью, добавивъ, что онъ будетъ преслѣдовать ихъ на сушѣ и на водѣ. Аббатъ С.-Жиля и горожане, не будучи въ состояніи укротить гнѣвъ

[1]) Pet. Sarnens, c. 3, 6, 7.—Regest. X, 149, 176; XI, 11.

Библиотека "Руниверс"

графа, дали легатамъ конвой, и имъ удалось благополучно достигнуть берега Роны, гдѣ они и расположились на ночь. На другой день утромъ, 16 января 1208 г., когда легаты собирались переправиться черезъ рѣку, къ нимъ подошли два иностранца, изъ которыхъ одинъ пронзилъ Петра копьемъ; повернувшись лицомъ къ убійцѣ, Петръ воскликнулъ: «Да проститъ тебѣ Богъ, какъ я прощаю тебѣ!» Вмѣсто того, чтобы наказать виновнаго, Раймундъ оказалъ ему покровительство, наградилъ его и посадилъ даже съ собою за столъ. Къ этому въ донесеніи было добавлено, что Петръ, умершій смертью мученика, несомнѣнно проявилъ бы чудеса, если бы не помѣшало невѣріе народа. Этотъ разсказъ былъ составленъ лишь для потвержденія папскаго преданія. Весьма возможно, что гордый и могущественный графъ, раздраженный постоянными упреками и безконечными угрозами, сказалъ въ минуту гнѣва что-нибудь лишнее, что и было поспѣшно исполнено не въ мѣру ревностнымъ слугой; вѣрно также, что Раймунду никогда не удалось смыть съ себя подозрѣнія въ участіи въ этомъ убійствѣ; но, съ другой стороны, не мало есть указаній на то, что самъ Иннокентій никогда не вѣрилъ въ виновность графа [1]).

Это преступленіе дало Церкви значительное превосходство надъ врагами, и Иннокентій поторопился воспользоваться имъ въ интересахъ Церкви. 10 марта онъ разослалъ ко всѣмъ прелатамъ зараженныхъ ересью провинцій посланія, въ которыхъ предписывалось каждое воскресенье и каждый праздникъ по всѣмъ церквамъ предавать анаѳемѣ «съ колокольнымъ звономъ, надъ евангеліемъ и свѣчей» убійцъ Петра и ихъ покровителей (понимать надо— Раймунда) и налагать запрещенія на всѣ мѣста, осквернены ихъ присутствіемъ. Всѣ вассалы Раймунда были освобождены отъ принесенной ими присяги, и всякому желающему католику разрѣшалось свободно основываться въ его владѣніяхъ. Если онъ пожелаетъ просить прощенія, то въ доказательство своего раскаянія онъ долженъ прежде всего уничтожить еретиковъ. Такія граматы были посланы Филиппу-Августу и всѣмъ его главымъ баронамъ; папа краснорѣчиво убѣждалъ ихъ поднять крестъ на спасеніе Церкви; были посланы особые комиссары для переговоровъ о заключеніи перемирія на два года между Франціей и Англіей; однимъ словомъ, не было упущено ничего, лишь бы превратить въ кровожадное рвеніе то ужасное впечатлѣніе, которое дѣйствительно произвело на всѣхъ святотатственное убійство легата.

Арнольдъ Ситосскій поспѣшилъ созвать общее собраніе своего ордена; на этомъ собраніи было единогласно постановлено проповѣдывать крестовый походъ. И вскорѣ множество монаховъ стало трудиться надъ тѣмъ, чтобы зажечь народныя страсти, обѣщая по всѣмъ церквамъ и площадямъ Европы вѣчное спасеніе будущимъ крестоносцамъ [2]).

И долго тлѣвшая искра вспыхнула яркимъ пламенемъ.

Чтобы понять, съ какою силою разгорались въ средніе вѣка народныя страсти, мы должны помнить, какъ легко народы той эпохи поддавались впечатлѣнію минуты и доходили до изступленія, о которомъ у насъ сохранилось лишь одно воспоминаніе. Въ то время, какъ проповѣдывался этотъ крестовый походъ, многіе города и посады Германіи наводнились женщинами, которыя, не имѣя возможности удовлетворить свое религіозное рвеніе вступленіемъ въ ряды крестоносцевъ, раздѣвались и голыя бѣгали по улицамъ и дорогамъ. Еще болѣе яркимъ признакомъ умопзступленія той эпохи является крестовый походъ дѣтей, которыя тысячами бросали свои дома. По всей странѣ можно было видѣть толпы дѣтей, направлявшихся въ Св. Землю безъ всякаго предводителя или проводника; на вопросъ, что они хотятъ дѣлать, они отвѣчали просто, что идутъ въ Іерусалимъ. Тщетно родители запирали

[1]) Vaissete, изд. Privat. VIII, 557.—«Hist. du comté de Toulouse» (Vaissete, III, Pr. 3. 4). — Guill. de Pod. Laur. c. 9.—Pet. Sarnens. c. 9.—Rob. Antissiodor. ann. 1209.—Guill. Nangiac ann 1208.—Regest. XI. 26; XII, 106.—Guill. de Tudela. V.

[2]) Regest. XI. 26, 28, 29. 30, 31, 32, 33.—Arch. Nat. J. 430. № 2. —«Hist. du comté de Toul. (Vaissete, III, Pr. 4).

Библиотека "Руниверс"

своихъ дѣтей на замокъ; они убѣгали и пропадали. Немногіе изъ нихъ вернулись домой, и вернувшіяся не могли ничѣмъ объяснить бѣшеное желаніе, охватившее ихъ.

Не нужно также упускать изъ виду другихъ, менѣе возвышенныхъ, причинъ, привлекавшихъ людей подъ знамена крестоносцевъ; немало было такихъ, которые искали случая пограбить да погулять; немало такихъ, которые желали снискать себѣ неприкосновенность крестоносцевъ. Мы встрѣчаемъ, напр., подобный случай: одинъ негодяй вступилъ въ ряды крестоносцевъ, чтобы не платить долга, сдѣланнаго имъ на ярмаркѣ въ Лиллѣ; но въ самый послѣдній моментъ онъ былъ задержанъ и выданъ своему кредитору. Усмотрѣвъ въ этомъ нарушеніе обѣщанной папою неприкосновенности личности крестоносца, Реймскій архіепископъ отлучилъ отъ Церкви графиню Матильду Фландрскую и наложилъ запрещеніе на всю страну, чтобы добиться освобожденія неисправнаго плательщика. Графъ Овернскій Ги совершилъ непростительное преступленіе, заключивъ въ тюрьму своего брата епископа Клермонскаго, и былъ за это отлученъ отъ церкви; но онъ получилъ полное отпущеніе грѣховъ, лишь только выразилъ желаніе присоединиться къ Господней арміи. Понятно и безъ дальнѣйшихъ поясненій, каковъ былъ составъ арміи, набранной подобнымъ путемъ [1]).

Были еще и другіе мотивы, дѣлавшіе крестовый походъ популярнымъ. Между сѣверной и южной Франціей существовала старинная племенная вражда, увеличившаяся еще завистью жителей сѣвера и ихъ желаніемъ закончить франкское покореніе юга, которое такъ часто начиналось и никогда не доводилось до конца. Духовныя блага были обѣщаны тѣ же, что и за походъ въ Св. Землю, хотя послѣдній походъ былъ несравненно дороже и опаснѣе; никогда еще райскія блаженства не продавались такъ дешево. Все это предвѣщало успѣхъ походу. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Филиппъ-Августъ открыто содѣйствовалъ этому дѣлу; но онъ предоставилъ своимъ баронамъ полную свободу дѣйствій, а самъ воспользовался обстоятельствами, чтобы устроить свое бракоразводное дѣло. Подъ предлогомъ натянутыхъ отношеній съ королемъ Іоанномъ и императоромъ Оттономъ онъ отказался отъ личнаго участія; но въ то же время онъ заявилъ папѣ, что никто не имѣетъ права конфисковать владѣній Раймунда раньше, чѣмъ онъ не будетъ обвиненъ въ ереси, чего еще не было сдѣлано; когда же онъ будетъ обвиненъ, то назначить наказаніе будетъ дѣломъ сюзерена, а не Святого Престола. Все это было вполнѣ согласно съ дѣйствующимъ закономъ, такъ какъ въ судебную практику Европы не былъ введенъ еще принципъ, что подозрѣніе въ принадлежности къ ереси лишало подозрѣваемаго всѣхъ правъ; введенію этого принципа много помогло дѣло Раймунда, такъ какъ Церковь безъ всякаго суда лишила его сначала владѣній, а ужъ потомъ сдѣлала постановленіе о его низложеніи; королю оставалось только успокоиться. Но призванные Церковью подъ знамя креста были не такіе люди, чтобы остановиться передъ чѣмъ-либо изъ-за уваженія къ законамъ. Прежде всего откликнулось нѣсколько наиболѣе могущественныхъ сеньоровъ того времени—герцогъ Бургундскій, графы Невера, С.-Поля, Оксера, Монфора, Женевы, Пуатье, Фореза и много епископовъ; затѣмъ, позднѣе прибыли сильные отряды нѣмцевъ подъ предводительствомъ герцоговъ Австріи и Саксоніи и графовъ Бара, Юлиха и Берга. Шли изъ Бремена и изъ Ломбардіи. Лѣтописи сообщаютъ, что даже и нѣкоторые славянскіе князья шли съ родины катаризма сражаться противъ него въ странахъ, гдѣ онъ развился позднѣе всего. Вѣрующихъ привлекали щедрыя обѣщанія вѣчнаго спасенія, воинственныхъ влекла рыцарская слава, и всѣхъ равно привлекала добыча; можно было надѣяться, что армія крестоносцевъ,

[1]) Alberti Stadens. «Chron.», ann. 1212.—Chron. Jacob von Konigshofen («Chron. d. deutschen Städte», IX, 649).—Regest. XI. 234; XV. 199.

Библиотека "Руниверс"

набранная среди рыцарей и среди подонковъ Европы, съ корнемъ уничтожитъ преграду, которая въ теченіе трехъ столѣтій разбивала всѣ усилія Церкви [1]).

Пока собиралась гроза, Раймундъ попытался предотвратить опасность. Сознавая всю серьезность положенія, созданнаго убійствомъ прелата, онъ былъ готовъ, чтобы удержать свою власть, пожертвовать своею честью и своими подданными. Онъ поспѣшно отправился къ своему дядѣ, Филиппу-Августу, который дружески принялъ его и посовѣтовалъ ему покориться, запретивъ только обращаться за помощью къ императору Оттону. Раймундъ, бывшій вассаломъ императора по своимъ заронскимъ владѣніямъ, не послушался короля,—и это было крупною ошибкой съ его стороны, такъ какъ онъ не получилъ ничего отъ Оттона и разошелся съ королемъ. Узнавъ на обратномъ пути, что въ Обена предстоитъ подъ предсѣдательствомъ Арнольда собраніе, онъ поспѣшилъ явиться туда въ сопровожденіи своего племянника, молодого Раймунда Рожера, виконта Безье и приложилъ всѣ старанія, чтобы доказать свою невинность и заключить миръ. Холодно отказались выслушать его и предложили ему обратиться въ Римъ. Виконтъ города Безье совѣтовалъ ему бороться, но мужество Раймунда не соотвѣтствовало обстоятельствамъ. Дядя и племянникъ поссорились, и послѣдній пошелъ войной на перваго; Раймундъ же въ это время отправилъ пословъ въ Римъ узнать объ условіяхъ мира и просить о присылкѣ новыхъ легатовъ, такъ какъ прежніе были очень дурно расположены къ нему. Иннокентій потребовалъ, чтобы онъ въ доказательство своего чистосердечнаго раскаянія передалъ въ распоряженіе Церкви семь своихъ наиболѣе важныхъ крѣпостей; только на этомъ условіи соглашались выслушать его и, если онъ докажетъ свою невинность, обѣщали ему прощеніе. Раймундъ принялъ эти условія и оказалъ самый лучшій пріемъ новымъ представителямъ церкви, Мило и Ѳеодосію; послѣдніе, въ свою очередь, проявляли въ отношеніи его такое дружеское расположеніе, что графъ былъ искренне огорченъ смертью Мило въ Арлѣ и былъ увѣренъ, что въ его лицѣ онъ потерялъ своего защитника. Раймундъ не зналъ, что легаты получили отъ папы тайныя инструкціи прельщать его радужными обѣщаніями, оторвать его отъ еретиковъ, а затѣмъ, когда крестоносцы одержатъ верхъ надъ катарами, поступить съ нимъ по своему усмотрѣнію [2]).

Раймундъ былъ грубо обманутъ этой вѣроломной и безсовѣстной политикой. Онъ передалъ Ѳеодосію семь замковъ, и благодаря этому всякое сопротивленіе въ будущемъ стало для него уже труднымъ. Консулы Авиньона, Нима и С.-Жиля присягнули въ томъ, что не будутъ оказывать Раймунду повиновенія, если онъ не подчинится безъ всякихъ оговорокъ всѣмъ будущимъ приказаніямъ папы. Послѣ этого онъ примирился съ церковью на самыхъ унизительныхъ условіяхъ. Новый легатъ Мило въ сопровожденіи двадцати архіепископовъ и епископовъ прибылъ въ С.-Жиль, мѣсто предполагаемаго преступленія, и тамъ, 18 іюня 1209 г., всѣ они расположились передъ главнымъ входомъ въ храмъ. Раймундъ предсталъ передъ ними, раздѣтый до пояса, какъ кающійся грѣшникъ, и у мощей Св. Эгидія поклялся во всемъ повиноваться Церкви. Тогда легатъ взялъ эпитрахиль, петлей надѣлъ ее на шею Раймунда и ввелъ его такимъ образомъ въ церковь; во время шествія его били прутьями по спинѣ и плечамъ. Предъ алтаремъ ему было дано прощеніе. Толпа, собравшаяся посмотрѣть на униженіе графа, была такъ многолюдна, что невозможно было выйти назадъ черезъ двери. Раймунда заставили спуститься еще въ склепъ,

---

[1]) Guill. Briton. «Philippidos», VIII. 490—529.—Regest. XI, 156, 157, 158, 159, 180, 181, 182, 231, 234.—Vaissete, III, Pr. 4, 96.—Vaissete, изд. Privat, VIII, 559, 563.—Pet. Sarnens. c. 10, 14.—Guill. de Tudela, VIII, LVI, CLIV.—Alberti Stadens. «Chron.» ann. 1210.—Caes. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. V, c. 21.—Reineri Monach. Leodiens. «Chron.» ann. 1210, 1213.—Chron. Engelhussii (Leibnitz, «Script. rer. Brunsw.» II, 1113).

[2]) Guill. de Pod. Laurent. c. 13.—Vaissete, III, Pr. 4, 5. Regest. XI, 232.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ покоилось тѣло Петра де Кастельно, душа котораго, какъ говорятъ, радовалась, видя униженіе своего врага, котораго съ окровавленной спиной обвели вокругъ гробницы...

Съ богословской точки зрѣнія условія, на которыхъ Раймундъ получилъ отпущеніе, не были чрезмѣрны, хотя Церковь прекрасно знала, что онъ не могъ ихъ выполнить. Ему было приказано искоренить ересь, удалить всѣхъ евреевъ отъ занимаемыхъ ими общественныхъ должностей и распустить наемниковъ; онъ долженъ былъ вернуть церквамъ тѣ имущества, которыя у нихъ отняли, сдѣлать дороги безопасными, отмѣнить произвольныя дорожныя пошлины и свято соблюдать Миръ Божій [1]).

Цѣною всѣхъ этихъ жертвъ Раймундъ получилъ только разрѣшеніе принять участіе въ крестовомъ походѣ и присутствовать при покореніи своей страны. Черезъ четыре дня послѣ отпущенія грѣховъ онъ торжественно получилъ изъ рукъ легата Мило крестъ и далъ слѣдующую клятву: «Во имя Всемогущаго Бога! Я, Раймундъ, герцогъ Нарбоннскій, графъ Тулузскій и маркизъ Прованскій, клянусь предъ святымъ Евангеліемъ, что, когда прибудутъ въ мои владѣнія вожди крестоносцевъ, я буду во всемъ послушенъ имъ; не только въ томъ, что касается ихъ личной безопасности, но и во всемъ, что прикажутъ они въ разумѣніи своего блага и нуждъ ихъ арміи». Въ іюлѣ 1209 г. Иннокентій, какъ всегда двуличный, написалъ Раймунду, поздравляя его съ изъявленіемъ покорности и обѣщая за это ему небесныя и земныя блага; но тотъ же посланный привезъ грамату и на имя Мило, котораго папа убѣждалъ дѣйствовать такъ, какъ онъ началъ; и легатъ, узнавъ по слухамъ, что графъ отправился въ Римъ, предупредилъ объ этомъ своего повелителя, прося его не портить дѣла. «Что касается графа Тулузскаго,—писалъ онъ,—то это врагъ всякой правды и справедливости. Если онъ поѣхалъ къ вамъ, чтобы получить обратно отданные имъ мнѣ замки, какъ онъ хвастается, какъ о дѣлѣ ужъ рѣшенномъ, то не внимайте его рѣчамъ, ловкимъ только въ злословіи; но сдѣлайте такъ, чтобы онъ, какъ онъ этого заслуживаетъ, съ каждымъ днемъ все сильнѣе чувствовалъ на себѣ тяжелую руку Церкви. Выдавъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, пятнадцать человѣкъ въ залогъ своей клятвы, онъ уже преступилъ ее. Такимъ образомъ, онъ, очевидно, потерялъ всякое право какъ на Мельгейль, такъ и на семь крѣпостей, находящихся въ моихъ рукахъ. Къ тому же крѣпости эти настолько важны, что при поддержкѣ бароновъ и простого народа, преданныхъ интересамъ Церкви, намъ будетъ легко удержать ихъ за собою и выгнать его изъ страны, которую онъ осквернилъ своею скверною». Лицемѣръ и пройдоха, писавшій это письмо, былъ, по мнѣнію Раймунда, его преданнымъ другомъ и покровителемъ!

Ненависть Мило скоро дала себя почувствовать. Разрѣшеніе отъ грѣховъ, купленное Раймундомъ столь дорогою цѣною, было взято обратно; мало того, его отлучили отъ церкви, а на его владѣнія наложили запрещеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ въ теченіе тѣхъ шестидесяти дней, когда принималъ участіе въ крестовомъ походѣ, не выполнилъ невозможнаго обязательства—не изгналъ всѣхъ еретиковъ. Городъ Тулуза подвергся особой анаѳемѣ за то, что не выдалъ крестоносцамъ всѣхъ своихъ гражданъ, принадлежавшихъ къ ереси. Правда, немного позднѣе Раймунду отсрочили выполненіе принятыхъ имъ на себя обязательствъ до праздника всѣхъ святыхъ; но уже было ясно, что его заранѣе осудили, и что только полное его паденіе могло удовлетворить неумолимыхъ легатовъ [2]).

Между тѣмъ, крестоносцы собрались въ такомъ числѣ, что никогда еще, какъ съ радостью говоритъ Ситоссій аббатъ, христіанскій міръ не видѣлъ подобной арміи; говорятъ и, быть-можетъ, безъ особаго преувеличенія, что въ составъ ея входило до 20000 всадниковъ и до 200000 пѣшихъ, считая крестьянъ и простолюдиновъ, и, кромѣ того, два вспо-

[1]) Pet. Sarnens. c. 11, 12.—Regest. XII, post Epist. 85, 107.

[2]) Regest. ubi supra; XII, 89, 90, 106, 107.

Библиотека "Руниверс"

могательныхъ отряда, прибывшихъ съ Востока. Легатамъ было предоставлено право брать у мѣстнаго духовенства столько денегъ, сколько они найдутъ нужнымъ, требуя ихъ подъ угрозой отлученія отъ церкви; равнымъ образомъ и доходы мірянъ были предоставлены въ распоряженіе легатовъ, но лишь съ той оговоркой, что легаты не могли принуждать ихъ платить безъ согласія на то сеньоровъ. Располагая, такимъ образомъ, всѣми богатствами Франціи, а также имѣя въ своемъ распоряженіи неисчерпаемый источникъ доходовъ отъ продажи индульгенцій, легаты легко могли содержать разноплеменную армію, къ которой, при ея выступленіи въ походъ, намѣстникъ Бога обратился съ слѣдующими словами: «Впередъ, храбрые воины Христа! Спѣшите навстрѣчу предтечамъ Антихриста и низвергните служителей ветхозавѣтнаго змія. Доселѣ вы, быть-можетъ, сражались изъ-за преходящей славы, сразитесь теперь за славу вѣчную. Вы сражались прежде за міръ, сразитесь теперь за Бога. Мы не обѣщаемъ вамъ награды здѣсь, на землѣ, за вашу службу Богу съ оружіемъ въ рукахъ; нѣтъ, вы внидете въ царствіе небесное, и мы увѣренно обѣщаемъ вамъ это!» [1]).

Воспламененные этими словами, крестоносцы собрались 24 іюня 1209 г. въ Ліонѣ, и сюда же немедленно направился Раймундъ, чтобы завершить свой позоръ, принявъ на себя роль проводника враждебной арміи. Въ залогъ онъ далъ имъ своего собственнаго сына. Раймунда дружески встрѣтили въ Валансѣ, а затѣмъ онъ, подъ верховнымъ начальствомъ Арнольда, повелъ крестоносцевъ противъ своего племянника, виконта города Безье. Виконтъ выразилъ свою покорность легату, но послѣдній отвергъ ее; тогда виконтъ поспѣшилъ укрѣпить свои крѣпости и поднять свои войска, чтобы остановить вторженіе [2]).

Нужно отмѣтить, что эта война, носившая первоначально религіозный характеръ, принимала уже характеръ войны національной. Покорность Раймунда и готовность виконта Безье выразить покорность лишили Церковь благовиднаго предлога для враждебныхъ дѣйствій; но жители сѣвера горѣли нетерпѣніемъ закончить завоеваніе, начатое еще за семь вѣковъ передъ этимъ Хлодвигомъ, а населеніе юга—и католики, и еретики—единодушно рѣшило сопротивляться, не обращая вниманія на то, что въ началѣ кампаніи города и сеньоры дали многочисленные залоги своей вѣрности. Между защитниками страны умолкли всѣ религіозныя распри, и рѣдко мы слышимъ, чтобы вѣрные сыны Церкви оказывали крестоносцамъ поддержку, хотя они и могли бы привѣтствовать крестоносцевъ какъ спасителей, пришедшихъ избавить ихъ отъ владычества катаровъ. Причиной этого было, съ одной стороны, то, что катаризмъ никогда не проявлялъ тиранніи по отношенію къ католикамъ, а съ другой, что югъ Франціи являлъ въ эту эпоху почти единственный въ средніе вѣка примѣръ вѣротерпимости, и что чувство національнаго единства было здѣсь развито сильнѣе религіознаго фанатизма. Этимъ объясняется, почему подданные Раймунда были такъ возмущены его малодушіемъ; они постоянно убѣждали его сопротивляться до послѣдней капли крови и во всемъ и всегда выказывали вѣрность какъ ему, такъ и его сыну, до окончательнаго паденія Тулузскаго дома.

Раймундъ Рожеръ Безьерскій укрѣпилъ свою столицу, а затѣмъ скрылся въ болѣе надежную крѣпость Каркассонъ, чѣмъ привелъ своихъ подданныхъ въ сильное уныніе. Епископъ Безьерскій Регинальдъ находился въ рядахъ крестоносцевъ, и, когда они подошли

[1]) Regest. XI, 230; XII, 97, 98, 99. — Guill. de Tudela, XIII.—Vaissete, III, Pr. 10. Прекрасный образчикъ того, какъ католическіе писатели искажаютъ историческую истину, далъ намъ Левъ XIII, который, въ оффиціальномъ документѣ, представилъ альбигойцевъ стремившимися разрушить Церковь силою оружія; Церковь, по словамъ папы, была спасена не оружіемъ, а предстательствомъ св. Дѣвы, которую Церковь привлекла на свою сторону благодаря изобрѣтенію доминиканцами въ честь ея особыхъ четокъ.—Leonis PP. XIII, Epist. Encyc. «Supremi Apostolatus» 1 sept. 1883 («Acta», III, 282).

[2]) Pet. Sarnens. c. 15.—Guill. de Tud, XI, XIV.—Vaissete, III, Pr. 7.

Библиотека "Руниверс"

къ стѣнамъ города, легатъ поручилъ ему объявить городу, что онъ будетъ пощаженъ, если согласится изгнать или выдать еретиковъ, поименованныхъ въ спискѣ. Но, когда епископъ вступилъ въ городъ и обратился съ этимъ предложеніемъ къ наиболѣе виднымъ жителямъ города, они единодушно отказали ему. Католики и катары были настолько хорошими согражданами, что не могли предавать другъ друга. Они будутъ, отвѣтили они, защищаться до послѣдней капли крови, раньше, чѣмъ ихъ принудятъ пожрать собственныхъ дѣтей. Этотъ неожиданный отвѣтъ такъ разсердилъ легата, что онъ поклялся уничтожить городъ, не щадя ни пола, ни возраста и не оставить камня на камнѣ. Въ то время, какъ вожди арміи совѣтовались о предстоящей атакѣ, толпа слѣдовавшихъ за арміей людей — безоружныхъ, по свидѣтельству легатовъ, и лишь полагавшихся на Бога—ринулась на стѣны и завладѣла ими безъ вѣдома и приказаній начальниковъ арміи. Послѣдняя кинулась за толпой, и легатъ сдержалъ свое слово: произошла рѣзня, почти безпримѣрная въ лѣтописяхъ Европы. Ни одно живое существо—отъ грудного младенца и до дряхлаго старика—не было пощажено. Говорятъ, что семь тысячъ человѣкъ было избито въ церкви св. Маріи Магдалины, куда они скрылись, ища убѣжища. Сами легаты опредѣляли число убитыхъ приблизительно въ 20 000, а достойные меньшаго довѣрія лѣтописцы даютъ цифру въ четыре и пять разъ бо́льшую. Одинъ современникъ, ярый цистерціанецъ, сообщаетъ намъ, что къ легату Арнольду обратились съ вопросомъ, слѣдуетъ ли щадить католиковъ. Представитель папы, боясь, чтобы не ускользнули еретики, выдавая себя за католиковъ, далъ слѣдующій жестокій отвѣтъ: «Убивайте ихъ всѣхъ; Богъ тамъ ужъ ихъ разберетъ!» Всѣ были вырѣзаны, все было разграблено, и городъ сожженъ; въ этотъ жаркій іюльскій день заходящее солнце освѣтило лишь дымящіяся развалины и обугливше́іеся трупы,— жертву всесожженія, принесенную Богу любви и всепрощенія, котораго катары совершенно основательно могли считать началомъ зла.

Въ глазахъ истинныхъ католиковъ этотъ успѣхъ былъ непреложнымъ доказательствомъ Божьяго благоволенія къ ихъ арміи. Было немало и другихъ чудесъ, которыя укрѣпляли ихъ въ этомъ мнѣніи: хотя они необдуманно и разрушили въ окрестностяхъ всѣ мельницы, но хлѣба всегда было въ изобиліи въ ихъ лагерѣ, и стоилъ онъ дешево—тридцать хлѣбовъ продавались за денье. Было также замѣчено, что во время всей кампаніи ни ястребъ, ни воронъ, и никакая другая хищная птица не носились надъ арміей; и это было истолковано какъ выраженіе покровительства неба [1]).

Не менѣе благопріятствовали обстоятельства и небольшимъ отрядамъ крестоносцевъ, шедшимъ на соединеніе съ главною арміей. Одинъ изъ отрядовъ, предводительствуемый виконтомъ Тюреньскимъ и Ги Оверньскимъ, послѣ недолгой осады взялъ приступомъ почти неприступный замокъ Шаснейль. Гарнизонъ заключилъ съ крестоносцами договоръ, и ему была дана свобода, но жители были предоставлены на волю побѣдителей. Имъ предложили выборъ между обращеніемъ и костромъ. Такъ какъ они отказались отречься отъ своихъ заблужденій, то всѣ они были сожжены; обычное явленіе въ этой войнѣ. Другой отрядъ, шедшій подъ начальствомъ епископа города Пюи, взялъ выкупъ съ замковъ Коссада и С.-Антонина; за это онъ получилъ упрекъ въ сребролюбіи, и ему поставили въ вину, что, сохранивъ жизнь еретикамъ, онъ сохранилъ зло. Такой страхъ объялъ всю страну, что, когда въ замокъ Вильмюръ явился бѣглецъ съ извѣстіемъ, что приближаются крестоносцы, и что съ замкомъ они поступятъ, какъ поступали въ другихъ мѣстахъ, жители подожгли его, а сами бѣжали ночью. Безчисленное множество крѣпостей сдалось безъ всякаго сопротивленія или было покинуто защитниками несмотря на то, что въ нихъ

[1]) Regest, XII, 108.—Pet. Sarnens. c. 16. — Vaissete, III, 168; Pr. 10, 11.—Guill. de Pod. Laurent. c. 13.—Guill. de Tud, XVI, XXIII, XXV.—Roberti Antissiodor. «Chron.» ann. 1209. — Caes. Heisterb. «Dial. Mirac.» V. 21.

Библиотека "Руниверс"

были большіе запасы провизіи, и онѣ были хорошо укрѣплены. Гористая страна, вся усѣянная крѣпкими замками, была покорена въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, хотя она могла бы легко бороться цѣлые годы. Многолюдная Нарбонна ради своего спасенія приняла невѣроятно жестокіе законы противъ еретиковъ, уплатила крестоносцамъ крупную сумму денегъ и дала имъ въ залогъ нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ [1]).

Не останавливаясь на развалинахъ Безье, крестоносцы, предводимые Раймундомъ, быстро двинулись къ Каркассону, считавшемуся неприступною крѣпостью; здѣсь ожидалъ ихъ Раймундъ Роже. Черезъ девять дней послѣ разрушенія Безье крестоносцы уже явились подъ стѣнами Каркассона и приступили къ осадѣ. Первый пригородъ, защищенный весьма плохо, былъ взятъ и сожженъ послѣ безнадежнаго сопротивленія; второй пригородъ, хорошо укрѣпленный, оказалъ упорное сопротивленіе, но и онъ былъ, въ концѣ концовъ, взятъ крестоносцами. Оставался теперь только городъ, взять который казалось очень трудно. По преданію, Карлъ Великій семь лѣтъ безуспѣшно осаждалъ его и взялъ его только благодаря чуду. Вступили въ переговоры съ виконтомъ; ему разрѣшали свободно выйти изъ города въ сопровожденіи одиннадцати лицъ по его выбору, а городъ и всѣ жители должны были остаться на волю крестоносцевъ. Мужественный виконтъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе; но положеніе его становилось невыносимымъ: городъ былъ набитъ бѣглецами, пришедшими со всѣхъ окрестностей; лѣто было сухое, и не хватало воды; открылась эпидемія, уносившая ежедневно огромныя жертвы. Горячо желая заключить почетный миръ, Раймундъ Роже далъ заманить себя во вражескій лагерь, гдѣ его измѣнически задержали какъ плѣнника; черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, отъ дизентеріи; но иначе объяснялъ народъ его внезапную кончину. Лишившись своего вождя, жители потеряли мужество; чтобы спасти городъ отъ полнаго разрушенія, они согласились оставить все свое имущество, и имъ разрѣшили выйти только съ одними ихъ грѣхами—мужчинамъ въ штанахъ, а женщинамъ въ рубашкахъ. Городъ былъ занятъ безъ сопротивленія. На этотъ разъ не было поднято вопроса о религіозныхъ убѣжденіяхъ его жителей, и никто изъ нихъ не былъ сожженъ [2]).

Осада Каркассона выводитъ въ первый разъ на сцену двухъ людей, съ которыми намъ придется еще не разъ встрѣчаться; это—Петръ II Арагонскій и Симонъ де Монфоръ. Они являются настолько типичными представителями двухъ противоположныхъ направленій, столкнувшихся въ этой борьбѣ, что на нихъ необходимо остановиться.

Петръ былъ сюзереномъ Безье и былъ связанъ съ молодымъ виконтомъ узами самой тѣсной дружбы. Правда, онъ отказался прійти на помощь виконту, но, узнавъ о разрушеніи Безье, поспѣшилъ въ Каркассонъ, чтобы выступить посредникомъ и защитникомъ своего вассала. Старанія его не увѣнчались успѣхомъ, но съ этого времени онъ уже не могъ оставаться стороннимъ зрителемъ происходившаго вокругъ него.

Во всей Европѣ Петра считали идеаломъ южнаго рыцарства. Величественный по фигурѣ, онъ былъ первымъ знатокомъ рыцарскихъ правилъ, и во всѣхъ битвахъ онъ постоянно находился въ первыхъ рядахъ; съ того страшнаго дня, когда у Лась Навасъ де Толоза было сломлено могущество мавровъ въ Испаніи, онъ считался самымъ храбрымъ

---

[1]) Guill. de Tud. XIII, XIV.—Vaissete, III, 169, 170; Pr. 9, 10.

[2]) Regest. XII, 108; XV, 212. - Pet. Sarnens. c. 17.—Vaissete, III, Pr. 11—18. - Guill. de Tudela, XXIV, XXXIII, XL.—Guill. Nangiac. ann. 1209. - Guill. de Pod. Laurent. c. 14.—A. Molinier, ap. Vaissete, изд. Privat, VI, 296.

Домъ Вессетъ (III, 172), слѣдуя Цезарю Гейстербахскому, передаетъ, что 450 жителей Каркассона отказались отречься отъ ереси, и что 400 изъ нихъ было сожжено, а остальные повѣшены. Но отсутствіе этого сообщенія у лучше освѣдомленныхъ современниковъ лишаетъ вѣры разсказъ Цезаря Гейстербахскаго, тѣмъ болѣе, что онъ относитъ это событіе къ городу, называемому имъ Pulchravallis («Dial. Mirac.» dist. V, c. 21).

Библиотека "Руниверс"

изъ всѣхъ королей и сеньоровъ [1]). Изящный и храбрый, онъ, даже въ ту эпоху легкихъ нравовъ, считался черезчуръ распущеннымъ. Щедрость его доходила до расточительности; онъ безумно любилъ внѣшній блескъ и пышность, былъ со всѣми любезенъ и великодушенъ въ отношеніи враговъ. Подобно своему отцу, Альфонсу II, онъ былъ трубадуромъ, и пѣсни его вызывали тѣмъ больше похвалъ, что онъ самъ щедро покровительствовалъ другимъ поэтамъ, своимъ соперникамъ. Въ довершеніе всего, его религіозная ревность была такъ сильна, что онъ гордился прозвищемъ El católico. Эту ревность онъ засвидѣтельствовалъ не только безпощаднымъ указомъ противъ вальденцевъ, о которомъ мы говорили въ предшествующей главѣ, но и чрезвычайнымъ преклоненіемъ передъ Св. Престоломъ. Въ 1089 г. его предокъ, Санчо I, отдалъ Арагонское королевство подъ особое покровительство папъ, отъ которыхъ его преемники должны были получать его при своемъ вступленіи на престолъ, и которымъ они должны были платить ежегодную дань въ 500 mancus. Въ 1204 г. Петръ II рѣшился лично засвидѣтельствовать свою феодальную зависимость отъ папы; въ сопровожденіи блестящей свиты онъ отплылъ въ Римъ, гдѣ принесъ Иннокентію вѣрноподданническую присягу и, кромѣ того, обѣщался преслѣдовать ересяковъ. Онъ получилъ благословеніе папы, и папа собственноручно вручилъ ему скипетръ, порфиру и другіе знаки королевскаго достоинства. Но онъ немедленно съ выраженіемъ самаго глубокаго почтенія возложилъ все это на престолъ св. Петра, которому онъ принесъ въ даръ свое королевство, взамѣнъ чего получилъ мечъ изъ рукъ Иннокентія, причемъ обязался платить ежегодную дань и отказался отъ всѣхъ правъ патронатства надъ церквами и бенефиціями. Онъ былъ счастливъ, что въ награду за это получилъ титулъ Перваго Alferez, т.-е. знаменосца церкви, и привилегію для своихъ преемниковъ короноваться архіепископомъ въ Таррагонскомъ соборѣ. Арагонскіе дворяне находили, однако, что всѣ эти почести не стоили тѣхъ тяжелыхъ налоговъ, которые явились слѣдствіемъ сумасбродствъ ихъ повелителя; они сожалѣли также о потерѣ патронатства и права раздавать бенефиціи. Результатомъ ихъ недовольства былъ союзъ, извѣстный подъ именемъ la Unión, который въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній создавалъ большую опасность для преемниковъ Петра. Жизнь Петра была менѣе похожа на жизнь монарха, чѣмъ на жизнь героя рыцарскаго романа. При подобныхъ наклонностяхъ ему трудно было не принять участія въ войнахъ противъ альбигойцевъ, въ которыхъ къ тому же онъ былъ заинтересованъ въ силу своихъ правъ на Провансъ, Монпелье, Беарнъ, Русильонъ, Гасконь, Комменжъ и Безье [2]).

Совершенно другого характера былъ серьезный и положительный Монфоръ, который, какъ повсюду, отличился и при осадѣ Каркассона. Онъ былъ первымъ во время приступа на первый пригородъ; а когда былъ отбитъ приступъ на второй пригородъ, то онъ, въ сопровожденіи одного только оруженосца, подъ градомъ камней пошелъ спасать одного изъ крестоносцевъ, оставшагося во рву съ переломленной ногою. Младшій сынъ графа Эврё, потомка норманна Роллона, онъ по матери происходилъ отъ графа Лейчестера и рано уже пріобрѣлъ славу храбраго воина и мудраго совѣтника. Набожный до ханжества, онъ ежедневно выстаивалъ обѣдню, а беззавѣтная любовь къ нему его супруги Алисы де Монморанси, повидимому, подтверждаетъ, что репутація его, какъ человѣка цѣломудреннаго (качество, рѣдкое въ ту эпоху), была имъ вполнѣ заслужена. Въ 1201 г. онъ принялъ участіе въ крестовомъ походѣ Балдуина Фландрскаго. Когда во время продолжительной

[1]) 16 іюля 1212 г. испанцы одержали у деревни Навасъ де Толоза (у южнаго склона Сіерры Морены) рѣшительную побѣду надъ маврами. *Ред.*

[2]) Regest. VII, 223, XV, 212; XVI, 87.—Fran. Tarafae, «De reg. hisp.»—Löwenfeld, «Epist. pontif. ined.», p. 63.—Lafuente, «Hist. de Esp.» V, 492—5.—Mariana, «Hist. de Esp. XII, 2.—L. Marin. Siculi «De reb. hisp.» lib. X.—Diez, «Troubad.», 4—24.—Vaissete, III, 124.—Gest. Com. Barcenon. c. 24.

Библиотека "Руниверс"

стоянки въ Венеціи крестоносцы продали свои услуги венеціанцамъ и согласились разрушить Зару, то только одинъ Монфоръ отказался отъ этого, говоря, что онъ пошелъ сражаться противъ невѣрныхъ, а не противъ христіанъ. Вслѣдъ за этимъ онъ покинулъ армію, прибылъ въ Апулію и съ небольшимъ числомъ друзей переправился отсюда въ Палестину, гдѣ съ честью сражался за Крестъ Господень. Насколько иначе сложилась бы исторія Франціи и Англіи, если бы Монфоръ остался съ крестоносцами и послѣ взятія Константинополя! Несомнѣнно, онъ и сынъ его, Симонъ Лейчестеръ, основали бы въ Греціи или въ Ѳессаліи независимыя владѣнія, и жизнь ихъ прошла бы въ легкихъ войнахъ, безвѣстная и незамѣченная исторіей.

Въ то время, когда проповѣдывали крестовый походъ противъ альбигойцевъ, однимъ изъ горячихъ поборниковъ его былъ цистерціанскій монахъ Ги изъ Во-Сернэ, бывшій съ Монфоромъ въ Венеціи; подъ его-то вліяніемъ герцогъ Бургундскій снова вступилъ въ ряды крестоносцевъ.

Ги возилъ письма герцога къ Монфору, въ которыхъ герцогъ всячески склонялъ его принять участіе въ походѣ. Прибывъ въ Рошфоръ, замокъ Монфора, Ги нашелъ графа въ домашней часовнѣ и изложилъ ему причину своей миссіи. Монфоръ задумался, а потомъ взялъ псалтырь, открылъ наугадъ и пальцемъ указалъ аббату на стихи 91-го псалма, прося его перевести ихъ: «Ибо Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о тебѣ охранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ; на рукахъ понесутъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею»[1]). Усмотрѣвъ въ этомъ перстъ Божій, Монфоръ поднялъ крестъ и уже болѣе не опускалъ его. Мы увидимъ, что блестящая храбрость каталонскаго рыцаря была безсильна противъ хладнокровнаго мужества нормана, смотрѣвшаго на себя какъ на орудіе въ рукахъ Бога [2]).

Послѣ взятія Каркассона крестоносцы, повидимому, рѣшили, что ихъ миссія была уже окончена; они ужъ отслужили сорокъ дней,—срокъ, достаточный для полученія отпущенія грѣховъ, и съ нетерпѣніемъ порывались домой. Легатъ же естественно полагалъ, что покоренная страна должна быть занята и устроена такимъ образомъ, чтобы въ ней не могла болѣе свить себѣ гнѣзда ересь. Прежде всего ее предложили герцогу Бургундскому, а затѣмъ графамъ Невера и С.-Поля; но всѣ они были настолько благоразумны, что отказались, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что виконтъ Безье и безъ того наказанъ черезчуръ жестоко. Тогда была избрана комиссія изъ двухъ епископовъ и четырехъ рыцарей, подъ предсѣдательствомъ Арнольда, чтобы рѣшить, кому должны принадлежать завоеванныя земли; единогласно, «явно по внушенію Св. Духа», всѣ семеро остановились на Монфорѣ. Зная его благоразуміе, мы въ правѣ думать, что его первый отказъ былъ вполнѣ искрененъ; видя, что просьбы не дѣйствуютъ, легатъ, въ концѣ концовъ, прямо приказалъ ему отъ имени Св. Престола взять завоеванныя земли. Монфоръ согласился, но при условіи, что ему будетъ оказана поддержка въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя онъ предвидѣлъ. Обѣщаніе было дано, но никто и не думалъ при этомъ о его исполненіи. Графъ Неверскій, поссорившись съ герцогомъ Бургундскимъ, удалился почти тотчасъ же послѣ взятія Каркассона, и за нимъ послѣдовала большая часть крестоносцевъ. Герцогъ оставался еще нѣкоторое время, но и онъ не замедлилъ отправиться во-свояси. Монфоръ остался, приблизительно, съ 4500 человѣкъ, преимущественно бургундцевъ и нѣмцевъ, которымъ онъ долженъ былъ платить двойное жалованье [3]).

Положеніе Монфора было опасное. Въ августѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ побѣдъ,

---

[1]) Псал. XCI, 11, 12.

[2]) Pet. Sarnens. c. 16—18.—Joann. Iperii «Chron». ann. 1201.—Villehardouin, c. 55.—Alberic. Trium Font. ann. 1202.—Guill. de Tudela, XXXV.

[3]) Pet. Sarnens., c. 17 bis.—Vaissete, III, Pr. 19.—Regest. XII, 108. –Петръ изъ Во-Сернэ говоритъ, что Монфоръ могъ удержать при себѣ только тридцать рыцарей, но это, очевидно, гипербола.

Библиотека "Руниверс"

легаты на собраніи въ Авиньонѣ предписали епископамъ потребовать отъ всѣхъ рыцарей, дворянъ и городскихъ совѣтовъ ихъ епархій клятвенное обязательство уничтожить ересь. Подобная клятва была взята уже съ города Монпелье и съ другихъ городовъ, которые боялись раздѣлить судьбу города Безье. Но эти обязательства, данныя подъ вліяніемъ страха, были лишь пустою формальностью; не больше имѣло значенія изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ, принесенное Монфору его новыми вассалами. Правда, онъ разграничилъ свои владѣнія отъ владѣній Раймунда, который обѣщалъ женить своего сына на дочери Монфора, и принялъ титулы виконта Безье и Каркассона; но Петръ Арагонскій отказался принять отъ него выраженія подданничества; онъ тайно ободрялъ сеньоровъ, продолжавшихъ сопротивляться въ своихъ крѣпкихъ замкахъ, и обѣщалъ прійти къ нимъ на помощь при первой возможности. Нѣкоторые замки, уже изъявившіе свою покорность, возстали снова; другіе, занятые крестоносцами, были отняты у нихъ прежними владѣльцами. Мало-по-малу страна оправлялась отъ страха. Началась партизанская война; небольшіе отряды, находившіеся на службѣ у Монфора, были взяты въ плѣнъ, и вскорѣ его дѣйствительная власть не простиралась далѣе его копья; только съ большимъ трудомъ удалось ему однажды уговорить гарнизонъ Каркассона не покидать города. Его положеніе считалось настолько опаснымъ, что, отправляясь на осаду Терма, онъ едва нашелъ рыцаря, который согласился принять на себя начальство на время его отсутствія.

Несмотря на всѣ эти затрудненія, ему удалось покорить нѣсколько замковъ, упрочить свое господство въ странѣ альбигойцевъ и распространить его на графство Фуа. Кромѣ того, онъ старался снискать расположеніе Иннокентія, который долженъ былъ утвердить его въ новомъ званіи, и отъ котораго онъ ждалъ помощи въ будущемъ. Онъ требовалъ исправной уплаты церквамъ десятинъ и преміцій; всякій, надъ которымъ будетъ тяготѣть отлученіе отъ церкви въ теченіе сорока дней, былъ обязанъ уплатить крупный штрафъ сообразно съ своимъ имущественнымъ положеніемъ; Римъ, за розданныя имъ индульгенціи, долженъ получать ежегодно по три денье съ дыма, собираемыхъ въ страшно опустошенной странѣ; сверхъ всего, самъ графъ обѣщалъ ежегодную дань въ неопредѣленномъ размѣрѣ.

Иннокентій отвѣтилъ Монфору въ ноябрѣ мѣсяцѣ и выражалъ свою радость по поводу чудесныхъ успѣховъ, давшихъ возможность вырвать пятьсотъ городовъ и замковъ изъ когтей ереси. Онъ милостиво принималъ предложенную дань и подтверждалъ права Монфора на Безье и Альби, заклиная его неустанно трудиться надъ уничтоженіемъ ереси. Но, повидимому, плохо зная о томъ, насколько было опасно положеніе Монфора, онъ извинялся передъ нимъ, что не можетъ прійти къ нему на помощь; въ свое оправданіе папа ссылался на то, что къ нему поступаетъ масса заявленій изъ Палестины, въ которыхъ раздаются сѣтованія, что средства, столь необходимыя на нужды этой отдаленной страны, направляются на покореніе еретиковъ въ христіанскихъ земляхъ. Папа ограничился тѣмъ, что заинтересовалъ дѣломъ Монфора императора Оттона и королей Арагоніи и Кастиліи, а также нѣсколько городовъ и сеньоровъ, отъ которыхъ нельзя было ждать дѣйствительной помощи. Архіепископамъ всей зараженной ересью области было предписано потребовать отъ подчиненнаго имъ духовенства части ихъ доходовъ; войскамъ Монфора совѣтовалось вооружиться терпѣніемъ и не требовать уплаты жалованья до будущей Пасхи. Эти наказы и увѣщанія папы сильно рисковали остаться мертвою буквой. Болѣе плодотворной была идея Иннокентія совершенно освободить крестоносцевъ отъ платежа процентовъ по долгамъ. Но самой практичной мѣрой было предписаніе, данное папою всѣмъ аббатамъ и прелатамъ Безьерской, Нарбоннской, Тулузской и Альбигойской епархій удержать въ пользу Монфора всѣ имѣющіяся у нихъ на храненіи деньги упорствующихъ еретиковъ. Съ одной стороны, это показываетъ намъ, какія дружескія отношенія и какое взаимное довѣріе царили прежде въ южной Европѣ между еретиками и католическимъ

Библиотека "Руниверс"

духовенствомъ; съ другой стороны, мы видимъ отсюда, какъ понималъ Римъ самую элементарную честность [1]).

Положеніе Монфора нѣсколько улучшилось весною 1210 г., такъ какъ силы его увеличились съ прибытіемъ новыхъ отрядовъ «пилигримовъ», какъ называли себя искатели приключеній, принимавшіе участіе въ войнѣ противъ альбигойцевъ. Такъ какъ срокъ, который они отбывали по обѣту, былъ очень коротокъ, то Монфоръ рѣшилъ воспользоваться ихъ присутствіемъ, чтобы вернуть обратно потерянныя области и пріобрѣсти еще что-нибудь. Мы не станемъ входить въ подробности его многочисленныхъ походовъ, которые обыкновенно кончались взятіемъ замка, причемъ гарнизонъ его избивался, а не принимавшимъ участія въ сраженіи предлагали выборъ между подчиненіемъ Риму и костромъ. Сотни энтузіастовъ, имена которыхъ до насъ не дошли, предпочли мученическую смерть. Лаворъ, Минервъ, Кассе, Термъ свидѣтельствуютъ намъ, какъ много можетъ сдѣлать зла человѣкъ человѣку, какъ много можетъ онъ вынести и претерпѣть во славу Бога. Когда Минервъ сдался на капитуляцію, то Робертъ Мовуазенъ, самый вѣрный соратникъ Монфора, возсталъ противъ рѣшенія щадить еретиковъ, которые принесутъ раскаяніе; легатъ Арнольдъ замѣтилъ ему на это, что онъ можетъ не безпокоиться, такъ какъ, несомнѣнно, обращеній будетъ очень мало; и Арнольдъ былъ правъ: за исключеніемъ трехъ женщинъ, всѣ побѣжденные, какъ одинъ человѣкъ, отказались купить жизнь цѣною вѣроотступничества, и они избавили побѣдителей отъ труда вести ихъ на костеръ, такъ какъ сами съ радостью бросались въ пламя. Если иногда пилигримы весьма своеобразно выражали свою дикую ревность къ вѣрѣ, напр., тѣмъ, что ослѣпляли монаховъ Больбонны и отрѣзали имъ уши и носы, то мы, при видѣ подобныхъ звѣрствъ, не должны забывать, среди кого набирала въ то время Церковь своихъ воиновъ, и должны помнить, что она обезпечивала имъ неприкосновенность на томъ и на этомъ свѣтѣ, что бы они ни творили [2]).

Раймундъ, несомнѣнно, воображалъ, что онъ очень ловко спасся на счетъ своего племянника, виконта Безье; но событія скоро разочаровали его. Арнольдъ Ситосскій клятвенно засвидѣтельствовалъ его паденіе, и Монфоръ не менѣе страстно желалъ расширить свои владѣнія, чѣмъ возстановить католичество. Уже осенью 1209 г. легатъ потребовалъ отъ гражданъ Тулузы, подъ угрозой запрещенія и отлученія отъ церкви, выдачи его посланнымъ всѣхъ тѣхъ, кого они объявятъ еретиками. Жители Тулузы утверждали, что среди нихъ нѣтъ еретиковъ, что всѣ внесенные въ списки готовы засвидѣтельствовать свою невинность, и что, наконецъ, Раймундъ V, по ихъ собственному настоянію, издалъ законы, направленные противъ еретиковъ; въ силу этихъ законовъ они сожгли много еретиковъ и продолжаютъ сжигать всѣхъ, кого открываютъ; къ тому же они обратились по этому дѣлу къ папѣ. Въ это же время Монфоръ далъ знать Раймунду, что, если онъ не удовлетворитъ требованій легата, онъ силой принудитъ его къ повиновенію. Раймундъ отвѣтилъ, что онъ будетъ имѣть дѣло непосредственно съ папой и тотчасъ же обратился къ королю Филиппу-Августу и къ императору Оттону, отъ которыхъ въ отвѣтъ онъ получилъ лишь сладкія слова. Онъ больше имѣлъ успѣха, когда прибылъ въ Римъ, такъ какъ въ прав-

---

[1]) Concil. Avenion. ann. 1209.—D'Achery, «Spicil». I, 706.—Pet. Sarnens. c. 20—26, 34.—Vaissete, III, Pr. 20.—Guil. de Tudela, XXXVI.—Regest. XII, 108, 109, 122,—126, 129, 132, 135, 137; XII, 86.—Teulet, «Layettes», I, 340, № 899.—Путемъ страннаго толкованія доминиканцы доказали, что посланіе Иннокентія, утверждающее за Монфоромъ право на Альби, было подтвержденіемъ ихъ ордена и доказательствомъ, что Монфоръ принадлежалъ къ нему! (Ripoll, «Bull. Ord. FF. Praedic.». T. VII, p. 1).

[2]) Guill. de Pad. Laurent. c. 17, 18.—Guill. Nangiac. ann. 1210.—Rob. Autissiod. Chron. ann. 1211.—Vaissete, III, Pr. 29, 35.—Guill. de Tudela, XLIX, LXVIII, LXXI, LXXXIV.—Regest. XIV, 41.—Chron. Turon. ann. 1210.—Pet. Sarnens. c. 37, 52, 53.—Teulet, «Layettes», I, 371, № 968.

Библиотека "Руниверс"

ственномъ отношеніи онъ стоялъ очень высоко; ни разу еще не была доказана его виновность въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ; ни разу еще не былъ онъ судимъ; всегда оказывалъ онъ послушаніе церкви, всегда готовъ былъ подтвердить свою невинность, подвергшись принятому тогда процессу purgatio canonica; онъ перенесъ суровыя наказанія, какъ бы онъ былъ уже осужденъ; ему дали разрѣшеніе грѣховъ, какъ бы прощенному; наконецъ, онъ оказалъ важныя услуги, сражаясь противъ своихъ старинныхъ друзей, и вернулъ церквамъ все у нихъ отнятое, насколько это было въ его власти. Онъ горячо удостовѣрялъ свою невинность, просилъ суда и требовалъ возвращенія своихъ замковъ.

Сначала Иннокентій былъ, повидимому, тронутъ картиной несправедливостей, испытанныхъ Раймундомъ, и перспективой грозящаго ему паденія; но это было недолго, и папа скоро вернулся къ своей двуличной политикѣ, которая до сихъ поръ была такъ выгодна для него. Прежде всего онъ рѣшилъ, что жители Тулузы были достаточно наказаны, и приказалъ снять тяготѣвшее на нихъ отлученіе отъ церкви; что же касается Раймунда, то онъ предписалъ архіепископамъ Нарбонны и Арля созвать собраніе прелатовъ и дворянъ, чтобы судить Раймунда, какъ онъ самъ того проситъ. Если явится тамъ кто-нибудь, кто станетъ обвинять Раймунда въ ереси и въ соучастіи въ убійствѣ Петра де Кастельно, то должны быть выслушаны обѣ стороны, и вынесено рѣшеніе, которое имѣетъ быть представлено въ Римъ, гдѣ и будетъ сдѣлано окончательное постановленіе; если же обвиненіе не будетъ доказано вполнѣ ясно, то на Раймунда слѣдуетъ наложить соотвѣтствующее покаяніе, и только послѣ этого можно будетъ признать его добрымъ католикомъ и вернуть ему его замки.

По внѣшности все это было довольно законно; но задняя мысль проступаетъ въ посланіи, написанномъ тогда же папою легату Арнольду. Въ этомъ посланіи папа горячо благодаритъ легата за все имъ сдѣланное и поясняетъ, что если веденіе дѣла поручено теперь оффиціально новому комиссару Ѳеодосію, то это единственно для того, чтобы провести Раймунда; легатъ, писалъ папа, долженъ быть крючкомъ, а Ѳеодосій—наживкой. Чтобы лучше усыпить подозрѣнія Раймунда, папа на послѣдней аудіенціи подарилъ ему богатый плащъ и перстень со своего пальца [1]).

Возвращеніе графа наполнило радостью сердца тулузцевъ: запрещеніе было снято, въ скоромъ времени должны были разрѣшиться всѣ затрудненія. Легатъ Арнольдъ, немедленно примѣнившійся къ наставленіямъ папы, сразу сдѣлался привѣтливымъ и сердечнымъ; въ сопровожденіи Монфора онъ отправился къ Раймунду и блестяще былъ принятъ въ Тулузѣ; Раймундъ, говорятъ, далъ уговорить себя и уступилъ для резиденціи легата городскую цитадель—Нарбоннскій Замокъ, который легатъ передалъ Монфору, и взятіе котораго обратно стоило жизни тысячѣ людей. Раньше, чѣмъ исполнить предписаніе папы и снять запрещеніе, Арнольдъ потребовалъ отъ горожанъ уплаты тысячи тулузскихъ ливровъ; когда ему была уплачена половина этой суммы, то онъ далъ городу свое благословеніе; но такъ какъ уплата второй половины замедлилась, то онъ снова наложилъ на городъ запрещеніе, которое несчастнымъ горожанамъ удалось впослѣдствіи снять съ большимъ трудомъ [2]).

Одинъ современникъ, фанатически преданный католической вѣрѣ, передаетъ, что Ѳеодосій имѣлъ въ Тулузѣ свиданіе съ легатомъ для обсужденія вопроса, какъ лучше провести Раймунда? Дѣло было въ томъ, что нужно было найти благовидный предлогъ, чтобы обѣщаніе папы не было исполнено, такъ какъ Ѳеодосій отлично зналъ, что Раймундъ оправдается во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, и боялся, чтобы это не повлекло

---

[1]) Vaissete, III, Pr. 20, 23, 232—3.—Pet. Sarnens., c. 33, 34.—Guill. de Tudela, XL, XLII, XLIII.—Regest. XII, 152—156, 168—171, 173—176.—Teulet, «Layettes», I, 368, № 968.

[2]) Vaissete, III, Pr. 24—5, 234.—Guill. de Tud., XLIV.—Teulet, loc laud.

Библиотека "Руниверс"

за собою паденія вѣры. Проще всего было бы сослаться на то, что Раймундъ не исполнилъ возложенной на него невыполнимой задачи—не уничтожилъ ереси въ своей странѣ. Но нужно было при этомъ замаскировать грубое вѣроломство. Раймунду назначили черезъ три мѣсяца день, когда онъ долженъ былъ явиться въ С.-Жиль и оправдаться черезъ purgatio canonica въ обвиненіи въ ереси и убійствѣ легата; при этомъ ему поставили на видъ, не поскупившись на угрозы, его медленность въ искорененіи ереси. Въ назначенный день въ сентябрѣ 1210 г. огромное множество прелатовъ и дворянъ собралось въ С.-Жиль; явился и Раймундъ со своими свидѣтелями или conjuratores въ надеждѣ, что наконецъ-то онъ примирится съ Церковью. Тщетная надежда. Ему холодно объявили, что отъ него не можетъ быть принято оправданія, такъ какъ онъ открыто совершилъ клятвопреступленіе, не сдержавъ своихъ неоднократныхъ клятвенныхъ обѣщаній; а разъ его клятва не имѣетъ значенія въ дѣлахъ второстепенныхъ, то, само собой разумѣется, ей нельзя довѣрить въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ обвиненіе въ ереси и въ убійствѣ легата; не большаго довѣрія заслуживаетъ и присяга его свидѣтелей.

У человѣка болѣе твердаго характера подобное возмутительное вѣроломство возбудило бы негодованіе, но Раймундъ, подавленный внезапнымъ паденіемъ своихъ иллюзій, разразился слезами, что было принято судьями какъ новое доказательство его испорченности, и почти тотчасъ же его отлучили снова отъ Церкви. Но для соблюденія внѣшнихъ приличій ему объявили, что благопріятныя ему рѣшенія папы будутъ приведены въ исполненіе, когда онъ уничтожитъ ересь и всѣмъ своимъ поведеніемъ покажетъ себя достойнымъ снисхожденія. Очевидно, не провансальцу было тягаться съ хитрымъ и лукавымъ Римомъ, который игралъ имъ какъ кошка съ мышью. Иннокентій одобрялъ эту жестокую комедію, какъ это видно изъ письма его къ Раймунду въ декабрѣ 1210 г. Въ этомъ письмѣ папа высказывалъ сожалѣніе, что графъ до сихъ поръ еще не сдержалъ своего обѣщанія уничтожить ересь, и предупреждалъ его, что если онъ не выполнитъ этого, то владѣнія его будутъ отданы крестоносцамъ. Тотъ же курьеръ привезъ письмо и Монфору, которому папа жаловался на неаккуратное поступленіе налога въ три денье съ дыма; доказательство того, что и Иннокентій не упускалъ изъ вида денежныхъ выгодъ, извлекаемыхъ изъ преслѣдованія ереси. Увѣщанія, посланныя въ то же время графамъ Тулузы, Комменжа и Фуа, а также Гастону Беарнскому, призывали ихъ оказать помощь Монфору подъ угрозой обвиненія ихъ какъ соумышленниковъ еретиковъ; все это показываетъ, что въ умѣ папы всѣ вопросы были уже предрѣшены, и что Раймундъ заранѣе былъ безповоротно осужденъ [1]).

Наконецъ, Раймундъ, несмотря на отсутствіе проницательности, понялъ, что легаты добиваются только его паденія. Если бы дворяне Лангедока соединились, то они, по всей вѣроятности, съ успѣхомъ отражали бы спорадическія нападенія крестоносцевъ; но они были разрознены, и ихъ уничтожали по-одиночкѣ; а ихъ законный повелитель, Раймундъ, обманывался надеждами на примиреніе съ Церковью и бездѣйствовалъ. Теперь нечего было думать о томъ, что ему будутъ возвращены его замки; онъ долженъ былъ скорѣе и лучше готовиться къ неизбѣжной войнѣ. Въ виду этого, а также для того, чтобы собрать вокругъ себя своихъ подданныхъ, онъ опубликовалъ условія, которыя, по его словамъ, ему будто бы предложили на соборѣ въ Аррѣ, въ февралѣ 1211 г. Согласно этимъ условіямъ, тяжелымъ и унизительнымъ какъ для него, такъ и для народа, вся страна отдавалась подъ надзоръ легатовъ и Монфора, и, такимъ образомъ, на всѣхъ жителей, католиковъ и еретиковъ, знатныхъ и простыхъ, накладывалось позорное клеймо рабства; Раймунда же обязывали на всю жизнь удалиться въ изгнаніе въ св. Землю. Были предложены

[1]) Pet. Sarnens, c. 39.—Regest. XIII. 188, 189; XVI, 39.—Guill. de Tud., LVIII.—Teulet, «Layettes». I, 360 № 948.

Библиотека "Руниверс"

эти требованія или нѣтъ, но опубликованіе ихъ Раймундомъ возбудило гнѣвъ всего народа, который собрался около своего повелителя, готовый сопротивляться до послѣдней капли крови [1]).

Прилагая всѣ усилія, чтобы отвратить отъ себя окончательное паденіе, Раймундъ все же продолжалъ вести переговоры, изъ которыхъ можно заключить, что упомянутыя нами условія были апокрифичны. Въ декабрѣ 1210 г. мы видимъ его въ Нарбоннѣ, гдѣ онъ совѣщался съ легатами, Монфоромъ и Петромъ Арагонскимъ; сдѣланныя ему предложенія были непріемлемы, и Петръ, въ концѣ концовъ, согласился признать Монфора своимъ вассаломъ по Безье. Немного позднѣе состоялось новое собраніе въ Монпелье, опять невыгодное для Раймунда, но выгодное для Монфора, который заключилъ договоръ съ Петромъ Арагонскимъ и получилъ отъ послѣдняго въ заложники его сына Іакова. Весною 1211 г. Раймундъ имѣлъ новое свиданіе съ Монфоромъ, осаждавшимъ въ то время Лаворъ, и разрѣшилъ крестоносцамъ получать фуражъ изъ Тулузы, хотя онъ не могъ помѣшать тулузцамъ послать вспомогательный отрядъ на помощь осажденнымъ. Почти тотчасъ же послѣ взятія Лавора, 3 мая 1211 г., Монфоръ вторгнулся въ область Раймунда и взялъ нѣсколько его замковъ, повидимому, безъ всякаго объявленія войны. Тогда Раймундъ сдѣлалъ послѣднюю и неудачную попытку добиться мира; онъ предложилъ Монфору и легату всѣ свои владѣнія, за исключеніемъ Тулузы, въ залогъ того, что онъ исполнитъ все, что отъ него потребуютъ; онъ просилъ лишь о сохраненіи ему жизни и о признаніи за его сыномъ правъ на наслѣдство. Эти унизительныя предложенія были отвергнуты съ презрѣніемъ. Раймундъ упалъ уже настолько, что, повидимому, его перестали считать сколько-нибудь важнымъ факторомъ въ вопросѣ о томъ положеніи дѣлъ, которое слѣдовало установить; къ тому же ждали въ скоромъ времени прибытія графа де Баръ съ многочисленной арміей крестоносцевъ, услугами которыхъ слѣдовало какъ можно полнѣе воспользоваться въ теченіе тѣхъ сорока дней, которые они обязаны были отбыть въ рядахъ арміи. Осада Тулузы была рѣшена.

Какъ только жители Тулузы узнали о предстоящей осадѣ, они немедленно отправили пословъ къ крестоносцамъ просить пощады; при этомъ они указывали на то, что они помирились съ Церковью и принимали участіе въ осадѣ Лавора. Имъ отвѣтили, что городъ будетъ осажденъ, если они не выгонятъ Раймунда и не поклянутся, что не будутъ имѣть съ нимъ сношеній. Тулузцы, какъ одинъ человѣкъ, отвергли эти предложенія, забыли свои междоусобныя распри и счеты и приготовилась дать отпоръ. Первое серьезное пораженіе крестоносцы потерпѣли подъ стѣнами Тулузы, что служитъ прекраснымъ доказательствомъ силы республиканскихъ учрежденій. Городъ былъ хорошо укрѣпленъ и снабженъ сильнымъ гарнизономъ; графъ Фуа и графъ Комменжа прибыли по первому зову своего сюзерена. Граждане не только оставили городскія ворота открытыми, но даже продѣлали бреши въ стѣнѣ, чтобы легче было гарнизону дѣлать бѣшеныя вылазки, производившія страшный уронъ среди осаждающихъ; послѣдніе отступили 29 іюня подъ покровомъ ночи, оставивъ раненыхъ и больныхъ и страшно опустошивъ окрестности. Дома, виноградники, сады, женщины и дѣти—все было уничтожено ими въ порывѣ бѣшеной злобы. Монфоръ покинулъ мѣсто своего пораженія и отправился опустошать земли графа Фуа.

Это мужественное отраженіе тулузцами беззаконнаго вторженія было, вполнѣ естественно, истолковано какъ преступное проявленіе расположенія къ ереси. Иннокентій

[1]) Единственнымъ авторитетомъ для этого страннаго документа является Guill. de Tudela (LIX, LX, LXI), которому слѣдовали историки Тулузскаго графства (Vaissete, III, Pr. 30; ср. 204 стр. текста и 561 стр. примѣчаній, къ Hardouin, VI, 1998). Хотя современные историки принимаютъ этотъ документъ, но я не могу признать его подлиннымъ; мнѣ кажется, что Раймундъ самъ составилъ этотъ текстъ, чтобы возбудить гнѣвъ своихъ подданныхъ.

Библиотека "Руниверс"

снова отлучилъ Раймунда и его столицу отъ Церкви за то, что они «преслѣдовали» Монфора и крестоносцевъ [1]). Ободренный этимъ успѣхомъ, Раймундъ перешелъ въ наступленіе, но оно не имѣло положительныхъ результатовъ. Осада Кастельнодари окончилась пораженіемъ; равнымъ образомъ кончались обыкновенно въ пользу Монфора и слѣдовавшія за нею сраженія; военный талантъ Монфора проявился во всемъ своемъ блескѣ среди того труднаго и опаснаго положенія, въ которомъ онъ очутился. По всему христіанскому міру продолжали проповѣдывать крестовый походъ, и войска Монфора часто пополнялись новыми отрядами пилигримовъ, приходившихъ на сорокъ дней послужить святому дѣлу. Но эта помощь была ненадежна, и армія очень многочисленная сегодня, могла завтра уменьшиться до небольшой горсти людей. Но ихъ враги, хотя часто и превосходившіе ихъ по численности, никогда не отваживались на большое генеральное сраженіе; это была война осадъ и опустошеній, веденная съ обѣихъ сторонъ съ одинаковой жестокостью: плѣнниковъ зачастую вѣшали, ослѣпляли и увѣчили. Ненависть и злоба росли по мѣрѣ того, какъ Монфоръ расширялъ предѣлы своихъ владѣній, и какъ отодвигались границы владѣній Раймунда. Измѣна Балдуина, побочнаго брата Раймунда, къ которому послѣдній всегда относился съ подозрѣніемъ, и который, будучи захваченъ при Монферранѣ, присоединился передъ осадой Тулузы къ крестоносцамъ, нанесла чувствительный ударъ народному дѣлу; отношеніе къ этому жителей юга проявилось ярко въ 1214 г., когда Балдуинъ былъ измѣнически выданъ Раймунду, который тутъ же приказалъ повѣсить его, съ трудомъ разрѣшивъ ему исповѣдаться и причаститься передъ смертью [2]).

Въ началѣ 1212 г. аббатъ изъ Во-Сернэ въ награду за проявленную имъ ревность во время крестоваго похода получилъ епископскую каѳедру въ Каркассонѣ, а легатъ Арнольдъ былъ сдѣланъ нарбоннскимъ архіепископомъ на мѣсто умершаго или смѣщеннаго за бездѣйствіе Беранже. Однако, Арнольдъ не удовлетворился архіепископскимъ званіемъ и сталъ требовать себѣ герцогскаго титула, къ великому неудовольствію Монфора, который хотя и былъ преданъ всецѣло Церкви, тѣмъ не менѣе, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія уступать ей свои свѣтскія владѣнія. Возникшее отсюда охлажденіе было, повидимому, причиной того, что Арнольдъ сталъ проповѣдывать новый крестовый походъ по просьбѣ Альфонса IX Кастильскаго, которому угрожало наступленіе мавровъ, подкрѣпленныхъ новыми полчищами, прибывшими изъ Африки. Хотя Арнольдъ зналъ, что Монфоръ очень нуждался въ войскѣ, тѣмъ не менѣе, онъ во главѣ многочисленной арміи крестоносцевъ перешелъ черезъ Пиренеи и соединился съ арміями королей Арагоніи, Кастиліи и Наварры. Послѣ взятія Калатравы французскій отрядъ заявилъ, что онъ усталъ, и отказался идти дальше; но вѣчно-неутомимый Арнольдъ остался съ тѣми, кого могъ удержать, и принялъ участіе въ знаменитой битвѣ у деревни Навасъ де Толоза, гдѣ явившійся на небѣ крестъ поднялъ духъ христіанъ, и гдѣ, по свидѣтельству современниковъ, было убито до 200 000 мавровъ [3]).

Весна и осень 1212 г. были свидѣтельницами почти непрерывнаго ряда успѣховъ Монфора; владѣнія Раймунда ограничивались только Монтобаномъ и Тулузой, причемъ послѣдній городъ, переполненный бѣглецами, находился въ сущности въ осадѣ, такъ какъ засѣвшіе въ сосѣднихъ замкахъ крестоносцы производили набѣги до самыхъ городскихъ стѣнъ. Монфоръ обратился черезъ легатовъ въ Римъ съ просьбой, чтобы папа призналъ за нимъ право на вновь завоеванныя имъ земли. Иннокентій увидѣлъ тогда, къ какимъ

---

[1]) Vaissete, III, Pr. 38—40, 234—5.—Guill. de Pod. Laur. c. 18. - Guil. de Tud., LXXX, LXXXIII.—Teulet, «Layettes», I, 370, № 968; 372, № 975.

[2]) Pet. Sarnens. c. 75.—Guill. de Pod. Laur. c. 23.

[3]) Pet. Sarnens. c. 60.—Vaissete, III, 271—2. Rod. Tolet. «de Reb. Hispan.», VIII, 2, 6, 11.—Rod. Santii «Hist. Hispan», III, 35.

Библиотека "Руниверс"

печальнымъ послѣдствіямъ привели успѣхи его же собственной политики; онъ вспомнилъ, что Раймундъ, хотя его неоднократно призывали на судъ, ни разу еще не былъ судимъ и не былъ обвиненъ, а между тѣмъ онъ былъ наказанъ потерею почти всѣхъ своихъ владѣній. Отвѣтъ папы поразилъ всѣхъ своею неожиданностью. «Графъ—отвѣтилъ онъ—былъ, правда, очень виноватъ передъ Церковью, почему онъ и былъ отлученъ отъ нея, а владѣнія его были предоставлены первому пришедшему; но потеря большинства ихъ является уже наказаніемъ, и не нужно забывать, что графъ, подозрѣваемый въ ереси и убійствѣ легата, ни разу еще не былъ осужденъ». Иннокентій выражалъ при этомъ удивленіе, почему также не были ни разу исполнены его приказанія относительно того, что Раймунду должна была быть предоставлена возможность оправдаться. Безъ формальнаго суда и безъ признанія его виновнымъ его владѣнія не могли быть даны другому. Необходимо назначить надъ нимъ судъ, такъ какъ иначе на Церковь можетъ пасть обвиненіе въ обманѣ, потому что она продолжаетъ пользоваться замками, данными ей только въ залогъ. Въ заключеніе Иннокентій потребовалъ отъ легатовъ полнаго и точнаго отчета по дѣлу Раймунда. Другое письмо въ томъ же духѣ было послано Ѳеодосію и епископу Ріезскому; папа предписываетъ имъ не манкировать своими обязанностями, какъ они дѣлали это до сихъ поръ; ясный намекъ на ихъ отказъ Раймунду оправдаться согласно существующимъ законамъ. Въ это же время Иннокентій велъ длинную переписку по поводу налога съ дыма и принялъ отъ Монфора въ подарокъ тысячу марокъ. Все это бросаетъ невыгодный свѣтъ на Иннокентія какъ на честнаго и безпристрастнаго судью [1]).

Ѳеодосій и епископъ Ріезскій дали ложный отвѣтъ. Они, по ихъ словамъ, неоднократно вызывали Раймунда на судъ, но онъ и не думалъ оправдаться въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя онъ совершилъ противъ нѣкоторыхъ прелатовъ и нѣкоторыхъ церквей (довольно странное обвиненіе въ виду тѣхъ преслѣдованій, которыя Раймундъ постоянно терпѣлъ отъ Монфора). Въ то же время, чтобы показать, что они считаются съ приказаніями папы, они созвали соборъ въ Авиньонѣ; но Авиньонъ былъ, должно-быть, городъ нездоровый, такъ какъ многіе прелаты отказались ѣхать туда; захворалъ также во-время и Ѳеодосій, и собраніе пришлось поэтому отложить. Новый соборъ былъ созванъ въ Лаворѣ, укрѣпленномъ мѣстечкѣ, находившемся очень близко отъ Тулузы и бывшемъ въ рукахъ Монфора. По просьбѣ Петра Арагонскаго Монфоръ объявилъ перемиріе на восемь дней, чтобы ничто не могло помѣшать собору [2]).

Гордый своей недавней побѣдой подъ Навасъ де Толоза, Петръ считался въ то время защитникомъ вѣры, котораго нельзя было игнорировать, да къ тому же онъ выступалъ въ качествѣ покровителя Раймунда и своихъ собственныхъ вассаловъ. Его интересы въ странѣ были настолько значительны, что онъ не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ образованія такого могущественнаго владѣнія, какъ владѣніе Монфора. Завоеванныя земли заселялись французами; въ Памье только-что окончились засѣданія парламента по вопросу о введеніи въ странѣ французскаго государственнаго строя; все, повидимому, предсказывало полную перемѣну прежняго порядка. Петръ уже послалъ посольство къ папѣ съ жалобой на дѣйствія легатовъ, которыя онъ считалъ произвольными, несправедливыми и несогласными съ интересами Церкви. Онъ прибылъ въ Тулузу съ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать въ пользу своего родственника, графа Раймунда. Принявъ это рѣшеніе, онъ заявилъ о верховныхъ правахъ Арагонскаго дома надъ домомъ Тулузскимъ, противъ котораго недавно еще онъ такъ сильно враждовалъ [3]).

---

[1]) Pet. Sarnens. c. 59—64. - Reg. XV, 102, 103, 167—76.

[2]) Pet. Sarnens. c. 66.—Regest. XVI, 39.

[3]) Pet. Sarnens. c. 65.—Regest. XV, 212.—A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, VI, 407).

Библиотека "Руниверс"

Послы Петра получили отъ Иннокентія указъ на имя Монфора, которому предписывалось возстановить всѣ области, завоеванныя не у еретиковъ, а Арнольду было приказано не мѣшать дѣлу крестоваго похода противъ сарациновъ и не затягивать обѣщаніями индульгенцій войну въ Тулузскомъ графствѣ. Это вмѣшательство Иннокентія, поддержавшаго Петра, произвело глубокое впечатлѣніе. Все высшее духовенство Лангедока было созвано на помощь въ такую критическую минуту. Когда въ январѣ 1213 г. въ Лаворѣ собирался соборъ, Петръ выступилъ съ ходатайствомъ, прося по отношенію къ лишеннымъ имущества сеньорамъ скорѣе снисхожденія, чѣмъ справедливости. Онъ представилъ актъ формальнаго отреченія, подписанный Раймундомъ и его сыномъ и скрѣпленный городомъ Тулузой, и подобные же документы отъ Гастона Беарнскаго и графовъ Фуа и Комменжа; этими актами всѣ названныя лица уступали ему свои земли, свои права и юрисдикцію съ тѣмъ, что онъ можетъ примѣнять ее по своему усмотрѣнію, чтобы силою заставить населеніе исполнять распоряженія папы, въ томъ случаѣ, если оно будетъ упорствовать. Онъ просилъ, чтобы имъ были возвращены отнятыя у нихъ земли, какъ только они оправдаются передъ Церковью. Если окажется невозможнымъ судить Раймунда, то Петръ предлагалъ, чтобы онъ отрекся отъ своихъ правъ въ пользу сына; отецъ со своими рыцарями долженъ удалиться въ Испанію или Палестину сражаться съ невѣрными, а сынъ долженъ находиться подъ опекой, пока не заслужитъ довѣрія Церкви. Въ сущности это было то же самое, что Петръ уже писалъ Иннокентію [1]).

Не могло быть подчиненія болѣе полнаго, не могло быть дано болѣе прочныхъ ручательствъ. Всѣ эти оговорки, если бы ихъ приняли, повлекли бы за собой уничтоженіе еретиковъ; но собравшіеся въ Лаворѣ прелаты находились всецѣло во власти своихъ страстей, своего честолюбія и злобы; они не могли забыть испытанныхъ ими бѣдствій и зла; къ тому же они боялись мщенія, и эта боязнь дѣлала ихъ глухими ко всякому предложенію, клонившемуся къ возстановленію мира. Для ихъ благоденствія и личной безопасности нужно было полное уничтоженіе Тулузскаго дома. На соборѣ, по своему званію легатовъ, предсѣдательствовали Ѳеодосій и епископъ Ріезскій; во главѣ мѣстныхъ прелатовъ стоялъ непреклонный Арнольдъ Нарбоннскій. Всѣ внѣшнія формальности были строго соблюдены. Легаты, въ качествѣ судей, спросили прелатовъ, представлявшихъ членовъ судилища, должно ли допустить Раймунда доказать свою невинность. Отвѣтъ, представленный въ особой запискѣ, былъ отрицательный, и не только потому, что Раймундъ былъ клятвопреступникъ, но и потому, что въ теченіе послѣдней войны онъ совершилъ много новыхъ преступленій, убивая нападавшихъ на него крестоносцевъ; что же касается тяготѣвшаго надъ нимъ отлученія отъ церкви, то оно, по мнѣнію прелатовъ, могло быть снято только папою. Прикрываясь этимъ отвѣтомъ, легаты дали знать Раймунду, что они не могутъ предпринять ничего безъ разрѣшенія папы; а когда Раймундъ просилъ у нихъ состраданія и умолялъ ихъ назначить свиданіе, ему холодно отвѣтили, что это будетъ для обѣихъ сторонъ безполезною тратою денегъ и времени. Оставалось еще дать отвѣтъ королю Петру. Это приняли на себя одни прелаты безъ легатовъ, чтобы имѣть возможность сказать, что дѣла Раймунда не касаются ихъ, такъ какъ онъ самъ передалъ ихъ въ руки легатовъ; къ тому же его поступки сдѣлали его недостойнымъ сожалѣнія. Что касается трехъ другихъ, замѣшанныхъ въ дѣло сеньоровъ, то на ихъ злодѣяніяхъ остановились внимательно, а особенно на томъ, что они совершили великое преступленіе, защищаясь противъ крестоносцевъ; имъ объявили, что если они удовлетворятъ Церковь и получатъ отъ нея разрѣшеніе грѣховъ, то ихъ согласятся выслушать; но при этомъ благоразумно умолчали о томъ, какимъ путемъ можно получить разрѣшеніе грѣховъ, и даже не потрудились упомянуть о предложеніяхъ Петра Арагонскаго. Мало того,

[1]) Regest. XV, 212; XVI, 42, 47.

Библиотека "Руниверс"

Арнольдъ Нарбоннскій, какъ легатъ, написалъ королю вызывающее письмо, угрожая ему отлученіемъ отъ церкви за то, что онъ живетъ въ мирѣ съ отлученными и заподозрѣнными въ ереси. Петръ попросилъ перемирія до Троицына дня или, по крайней мѣрѣ, до Пасхи, но ему отказали въ этомъ подъ предлогомъ, что перемиріе можетъ отозваться дурно на успѣхахъ крестоваго похода, который продолжали проповѣдывать во Франціи съ ревностью, невольно вызывающей подозрѣніе относительно искренности указовъ Иннокентія въ противоположномъ смыслѣ [1]).

Это было такою пародіею на судъ, что всѣ надѣялись, что папа, подъ вліяніемъ могущественнаго Петра Арагонскаго, признаетъ процессъ недѣйствительнымъ. Ѳеодосій и нѣсколько епископовъ отправились въ Римъ съ документами, разсчитывая пустить въ ходъ свое личное вмѣшательство. Прелаты, участвовавшіе на соборѣ, послали папѣ адресъ, заклиная его не прерывать столь хорошо начатаго имъ дѣла, но срубить дерево подъ самый корень. Раймунда они описывали въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Ловко было при этомъ упомянуто о томъ, какъ старался онъ получить помощь отъ императора Оттона и какъ помогъ ему однажды Савари де-Молеонъ, намѣстникъ короля Іоанна въ Аквитаніи; это было сдѣлано съ цѣлью возбудить гнѣвъ папы противъ Раймунда, такъ какъ и Оттонъ, и Іоаннъ были нелюбимы въ Римѣ. Утверждали даже, что Раймундъ просилъ поддержки у марокканскаго султана, чѣмъ ставилъ въ опасность самое существованіе христіанства. Но боясь, что всѣхъ этихъ навѣтовъ окажется недостаточно, епископы всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ епархій завалили Иннокентія своими посланіями, въ которыхъ они увѣряли его, что миръ и благоденствіе шли по стопамъ крестоносцевъ, что религія и неприкосновенность личности были возстановлены въ странѣ, раньше разоряемой разбойниками и еретиками, и что, если бы было сдѣлано послѣднее усиліе, и была бы разрушена Тулуза со своимъ несчастнымъ исчадіемъ, достойнымъ сыновъ Содома и Гоморры, то вѣрные имѣли бы теперь новую обѣтованную землю; но если Раймундъ подниметъ голову, то снова наступитъ хаосъ, и Церкви будетъ лучше тогда искать себѣ убѣжища гдѣ-нибудь среди язычниковъ. Во всѣхъ этихъ посланіяхъ и обращеніяхъ не было сдѣлано даже и намека на предложенныя королемъ Петромъ ручательства, и онъ былъ вынужденъ, въ мартѣ 1213 г., послать непосредственно въ Римъ копіи съ актовъ отреченія, данныхъ привлеченными къ отвѣтственности сеньорами; всѣ эти копіи были засвидѣтельствованы архіепископомъ Таррагонскимъ и его суффраганами [2]).

Задача Ѳеодосія и его товарищей оказалась труднѣе, чѣмъ они разсчитывали. Иннокентій торжественно объявилъ, что Раймунду должна быть дана возможность оправдаться, и что только по суду онъ можетъ быть признанъ виновнымъ; настоящія обращенія къ папѣ есть не что иное, какъ просьба, чтобы онъ отрекся отъ своихъ собственныхъ словъ. Съ другой стороны, изъ упорства, съ какимъ отказывались возбудить дѣло, для него ясно, что обвиненія, возбужденныя противъ Раймунда съ такимъ ежесточеніемъ, были лишены доказательствъ. Въ концѣ концовъ, онъ все же уступилъ, но та медленность, съ которою онъ вынесъ свое рѣшеніе (21 мая 1213 г.), показываетъ, что нелегко ему было принять его. До насъ не дошли граматы, посланныя по этому поводу Иннокентіемъ къ легатамъ; быть-можетъ, зазрѣніе совѣсти не позволило ему внести ихъ въ свои Regesta. Онъ написалъ грозное посланіе Петру Арагонскому, приказывая ему перестать покровительствовать еретикамъ и грозя ему въ противномъ случаѣ новымъ крестовымъ походомъ. Полученные ранѣе Петромъ папскіе указы о возстановленіи владѣній, принадлежащихъ не еретикамъ, были отмѣнены, какъ невѣрно истолкованные; а графы Фуа, Коммержа и Наварры были преданы на усмотрѣніе Арнольда Нарбоннскаго. Городъ Тулуза могъ полу-

[1]) Regest. XVI, 39, 42, 43.—Pet. Sarnens. c. 66.
[2]) Regest. XVI, 40, 41, 43—47.

Библиотека "Руниверс"

чить прощеніе при условіи, что согласится на конфискацію имущества и на изгнаніе всѣхъ тѣхъ, кого укажетъ епископъ Фулькъ, непримиримый фанатикъ; никакой договоръ, никакое перемиріе и никакое обязательство, заключенное съ еретиками, не должны быть соблюдаемы. О Раймундѣ нигдѣ не говорилось ни слова, и это мертвое молчаніе было грознѣе всякаго жестокаго обвиненія: его существованія совершенно не признавали, съ нимъ не считались въ тѣхъ серьезныхъ вопросахъ, о которыхъ шла рѣчь [1]).

Въ ожиданіи рѣшенія Рима по всей Франціи энергично проповѣдывали крестовый походъ. Людовикъ Львиное Сердце, сынъ Филиппа-Августа, со многими баронами вступилъ въ ряды крестоносцевъ, и уже собирались привести въ движеніе огромную армію, какъ вдругъ Филиппъ-Августъ, задумавъ вторженіе въ Англію, остановилъ всѣ приготовленія, мѣшавшія его плану. Съ другой стороны, король Петръ все еще находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Раймундомъ и его сеньорами, отлученными отъ церкви, а городской совѣтъ Тулузы присягнулъ ему въ вѣрности. Получивъ папскій указъ, онъ сдѣлалъ видъ, что онъ считается съ нимъ, но не прекратилъ своихъ приготовленій къ войнѣ. Однимъ изъ дѣйствій Петра, дающихъ прекрасное представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ, и объ эпохѣ, былъ сдѣланный имъ шагъ, увѣнчавшійся къ тому же успѣхомъ, въ отношеніи папы Иннокентія, а именно: Петръ просилъ его подтвердить буллу Урбана II (1095 г.), которою его королевство ставилось подъ особое покровительство Святого Престола, такъ что никто, кромѣ папы, не могъ наложить на него интердикта. Sirvente одного анонимнаго трубадура показываетъ, какъ нетерпѣливо ждали Петра въ Лангедокѣ; его упрекаютъ въ медленности, его умоляютъ придти, какъ добраго короля, чтобы собрать оброкъ съ каркассонцевъ и положить предѣлъ наглости французовъ, да накажетъ ихъ Богъ! [2]).

Разрывъ былъ неизбѣженъ. Петръ Арагонскій объявилъ войну Монфору какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда въ распоряженіи послѣдняго было очень мало войска, и не приходили ожидаемыя изъ Франціи подкрѣпленія; легатъ, посланный Иннокентіемъ проповѣдывать крестовый походъ въ Палестину, направилъ на Святую землю всѣ наличныя силы. Петръ оставилъ въ Тулузѣ своихъ намѣстниковъ, а самъ вернулся въ Испанію, чтобы навербовать тамъ солдатъ. Набравъ войско, онъ перешелъ Пиренеи и былъ радостно встрѣченъ всѣми, кого покорилъ передъ этимъ Монфоръ. Прежде всего онъ двинулся къ замку Мюре въ десяти миляхъ отъ Тулузы, гдѣ Монфоръ оставилъ незначительный гарнизонъ, и соединился тамъ съ графами Тулузскимъ, Фуа и Комменжа. Ихъ соединенныя силы представляли внушительную армію, хотя она далеко не достигала ста тысячъ человѣкъ, какъ утверждаютъ панегиристы Монфора [3]). Петръ привелъ изъ Испаніи приблизительно 1000 всадниковъ; всѣ три графа, лишенные большей части своихъ владѣній, не могли выставить больше этого, и ихъ армія состояла только исключительно изъ тулузской милиціи, т.-е. изъ пѣхоты, совершенно неопытной въ военномъ дѣлѣ.

Осада Мюре началась 12 сентября 1213 г. Немедленно дали знать Монфору, находившемуся тогда въ Фанжо, въ 25 миляхъ оттуда, и располагавшему небольшою арміей, въ рядахъ которой было семь епископовъ и три аббата, присланныхъ Арнольдомъ для переговоровъ съ Петромъ. Несмотря на неравенство силъ, Монфоръ пошелъ впередъ, наспѣхъ собравъ отрядъ; предварительно же онъ отправилъ въ Каркассонъ сопровождавшую его графиню Алису; послѣдняя, въ свою очередь, убѣдила нѣсколько отрядовъ крестоносцевъ присоединиться къ ея мужу. Въ Больбоннѣ, близъ Савердёна, Монфоръ остановился выслушать обѣдню; причетникъ Моренъ, впослѣдствіи аббатъ въ Памье, выразилъ Монфору свое

---

[1]) Pet. Sarnens. c. 66, 70.—Regesta, XVI, 48.

[2]) Pet. Sarnens. c. 66—8.—Regesta, XVI, 87.—Raymond, «Lexique Roman», I, 512—3.

[3]) Pet. Sarnens. c. 69, 70.—Vaissete, III, note XVII.—A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, VII, 256).

Библиотека "Руниверс"

удивленіе, что онъ съ такою ничтожною горстью людей рѣшается на сраженіе съ такимъ знаменитымъ воиномъ, какъ король Арагонскій. Вмѣсто отвѣта Монфоръ вынулъ изъ кармана перехваченное имъ письмо Петра къ одной тулузской дамѣ, въ которой Петръ писалъ, что только изъ любви къ ней идетъ онъ изгнать французовъ изъ ея родины. На вопросъ Морена, что онъ хочетъ этимъ сказать, Монфоръ воскликнулъ: «Что я хочу сказать? Богъ поможетъ мнѣ! И я очень мало боюсь человѣка, который изъ-за любви къ женщинѣ готовъ разрушить дѣло Божье!» Полный упованія на Бога, норманнъ не сомнѣвался, что онъ разобьетъ рыцарственнаго и изящнаго испанца.

На другой день Монфоръ вошелъ въ Мюре, который былъ обложенъ только съ одной стороны; врагъ, въ надеждѣ взять въ плѣнъ самого вождя крестоносцевъ, свободно пропустилъ его. Епископы безуспѣшно старались вступить въ переговоры съ Петромъ. На другой день утромъ 13 сентября, крестоносцы, имѣвшіе не больше тысячи всадниковъ, бросились въ атаку. Когда они проходили мимо епископа Комменжскаго, послѣдній благословлялъ ихъ, говоря, что онъ выступитъ свидѣтелемъ ихъ на страшномъ судѣ Господнемъ, и что никто изъ тѣхъ, кто падетъ на полѣ брани, не будетъ томиться въ чистилищѣ за тѣ преступленія, въ которыхъ они уже покаялись на исповѣди или только думали покаяться. Прелаты и монахи собрались въ церковь и молили Бога дать побѣду ихъ воинамъ; говорятъ, что среди нихъ былъ и святой Доминикъ, и что крестоносцы своей побѣдой были обязаны, главнымъ образомъ, его молитвамъ къ Богоматери.

Такъ какъ Монфоръ шелъ въ противоположную сторону, то осаждавшіе сначала подумали, что онъ покинулъ городъ, но скоро они были поражены, увидя, что онъ поворачиваетъ, и поняли, что онъ сдѣлалъ только обходъ, чтобы напасть на нихъ на ровномъ мѣстѣ. Графъ Раймундъ совѣтовалъ встрѣтить натискъ подъ защитой повозокъ и осыпать крестоносцевъ градомъ метательныхъ снарядовъ; но гордые каталонцы отвергли этотъ благоразумный совѣтъ какъ проявленіе трусости. Всадники безпорядочной толпой бросились впередъ, оставивъ пѣхоту продолжать осаду. Петръ, скорѣе храбрый рыцарь, чѣмъ опытный полководецъ, скакалъ впереди всѣхъ и наткнулся на два эскадрона крестоносцевъ, среди которыхъ находились знаменитые рыцари Аленъ де Руси и Флоранъ де Вилль; узнавъ короля, они обрушились на него, выбили его изъ сѣдла и убили. Произведенное этимъ смятеніе обратилось въ панику, когда Монфоръ во главѣ третьяго эскадрона крестоносцевъ напалъ на каталонцевъ съ фланга. Послѣдніе бросились въ бѣгство, французы гнали ихъ по пятамъ и убивали ихъ безъ всякой жалости; но вдругъ французы прекратили преслѣдованіе и сразу повернули на лагерь, гдѣ пѣхота не знала еще о пораженіи кавалеріи. Рѣзня въ лагерѣ была невѣроятная; несчастные, которымъ удалось ускользнуть, бросались въ Гаронну, гдѣ многіе утонули, не достигнувъ другого берега. Современники сообщаютъ, что крестоносцы не потеряли убитыми и двадцати человѣкъ, тогда какъ ихъ противники потеряли отъ пятнадцати до двадцати тысячъ; весь міръ, говорятъ, увидѣлъ въ этой чудесной побѣдѣ перстъ Божій, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее воскресенье августа мѣсяца въ Римѣ была совершена большая процессія, которой предшествовалъ двухдневный постъ, чтобы испросить у неба успѣха оружію католиковъ. Но король Іаковъ, съ своей стороны, сообщаетъ, что смерть его отца, повлекшая за собою пораженіе всей арміи, была не дѣломъ чуда, но слѣдствіемъ извѣстнаго порока короля Арагоніи. Альбигойскіе дворяне, чтобы снискать его расположеніе, предложили ему своихъ женъ и дочерей, и утромъ, въ день сраженія, онъ былъ такъ истощенъ, что не могъ даже стоять на ногахъ во время обѣдни [1]).

Располагая незначительной арміей, Монфоръ не могъ воспользоваться своей побѣдой, и результаты ея были ничтожны. Жители Тулузы жаждали мира, но, когда епископъ

[1]) Pet. Sarnens. c. 70—3.—Guill. de Pod. Laurent. c. 21, 22.—Guill. Nangiac. ann. 1213.—Vaissete, III, Pr. 52—4.—Guill. de Tud. CXXV—CXL.—Zurita, «Añales de Aragon», lib. II, c. 63.—De Gest. Com. Barcenon. ann. 1213.—Bernard d'Esclot, «Cronica del Rey en Pero» c. 6.—

Библиотека "Руниверс"

Фулькъ потребовалъ отъ нихъ двѣсти человѣкъ заложниковъ, они отказались дать болѣе шестидесяти; а когда епископъ согласился на это, то они взяли обратно свои слова. Монфоръ въ это время совершилъ кровавый набѣгъ на графство Фуа и явился подъ стѣнами Тулузы; но скоро онъ былъ вынужденъ принять оборонительное положеніе. Нарбонна, куда онъ прибылъ съ самыми мирными цѣлями, отказалась открыть ему городскія ворота; то же произошло и въ Монпелье, и онъ молча долженъ былъ проглотить эти двѣ пилюли. Положеніе его въ теченіе зимы 1214 г. было очень критическое, но въ это время дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Запрещеніе проповѣдывать по Франціи крестовый походъ было отмѣнено, и ожидали прибытія послѣ Пасхи 100 000 новыхъ пилигримовъ. Кромѣ того, прибылъ новый легатъ, кардиналъ Петръ Беневентскій, снабженный отъ папы самыми широкими полномочіями, и принялъ въ Нарбоннѣ изъявленіе покорности отъ графовъ Тулузскаго, Фуа и Комменжа, отъ Эмерика, виконта Нарбоннскаго, и даже отъ города Тулузы. Всѣ обѣщали изгнать еретиковъ и исполнить всѣ требованія Церкви, представивъ въ этомъ всѣ ручательства, которыя отъ нихъ будутъ потребованы. Раймундъ передалъ легату даже всѣ свои владѣнія и обязался, если ему прикажутъ, удалиться въ Англію или въ другое мѣсто, пока ему не разрѣшатъ отправиться въ Римъ. Вернувшись въ Тулузу, онъ жилъ тамъ со своимъ сыномъ, какъ простой гражданинъ, въ домѣ Давида де Роэ. Такимъ образомъ, были удовлетворены всѣ требованія Рима, послѣ чего легатъ отпустилъ грѣхи всѣмъ, принесшимъ покаяніе, и объявилъ ихъ возсоединенными съ Церковью.

Но если страна надѣялась покорностью купить себѣ миръ, то она жестоко ошиблась. Все это было только новымъ дѣйствіемъ въ старой трагикомедіи, которую давно уже разыгрывали Иннокентій и его агенты. Легатъ просто-на-просто хотѣлъ остановить жаръ Монфора въ ту минуту, когда онъ казался слабѣе своихъ противниковъ, и въ то же время онъ хотѣлъ обманомъ удержать провинціи отъ наступательныхъ дѣйствій до прихода новыхъ полчищъ пилигримовъ. Монахъ-лѣтописецъ удивляется этому благочестивому обману, проведенному съ удивительной ловкостью и завершившемуся огромнымъ успѣхомъ. Его идущее отъ сердца восклицаніе: «О, благочестивый обманъ! О, обманное благочестіе!» даетъ намъ ключъ къ тайнамъ итальянской дипломатіи въ сношеніяхъ съ альбигойцами [1]).

Хотя Филиппъ-Августъ и велъ войну съ королемъ Іоанномъ Англійскимъ и съ императоромъ Оттономъ, однако, орды крестоносцевъ, жаждущихъ добычи и отпущенія грѣховъ, какъ потокъ, залили несчастныя провинціи юга. Первымъ ихъ подвигомъ было взятіе Моріака, и здѣсь мы впервые въ теченіе этой войны находимъ достовѣрное упоминаніе о вальденцахъ: семь этихъ сектантовъ было обнаружено среди плѣнныхъ; они открыто и горячо заявили свои вѣрованія передъ легатомъ и были сожжены при громкомъ ликованіи толпы. Монфоръ съ обычной ловкостью воспользовался прибывшими подкрѣпленіями, чтобы распространить свою власть на провинціи Ажанъ, Керси, Лимузенъ, Руэргъ и Перигоръ. Когда сопротивленія были подавлены, легатъ созвалъ въ іюнѣ 1215 г. прелатовъ на собраніе въ Монпелье; граждане не позволили Монфору войти въ городъ, такъ что ему пришлось руководить преніями изъ монастыря Тампліеровъ, находившагося

Campana, «Storia di San Piero Martire», p. 44.—Tamburini, «Ist. dell'Inquisizione», I, 351—2.—«Comentarios del Rey en Jaime», c. 8 (Mariana, IV, 267—8).

Донъ Іаковъ, въ то время шестилѣтній ребенокъ, оставался еще заложникомъ у Монфора, и, если вѣрны каталонскія хроники, ему съ великимъ трудомъ удалось получить свободу, несмотря даже на приказанія Иннокентія. — L. Marin. Sic. «De Reb Hispan.» lib. X.— Regest., XVI, 171.

[1]) Pet. Sarnens. c. 74—8.—Regest. XVI, 167, 170—172.—Guill. de Pod. Laurent. c. 24, 25.—Vaissete. III, 260—2; Pr. 239—42.—Teulet, «Layettes». I, 399—402, № 1068—9. 1073.

Библиотека "Руниверс"

за городскою стѣною; однажды его тайно провели въ собраніе; узнавъ объ этомъ, народъ приготовился напасть на него, когда его уводили окольными улицами. Собраніе смѣстило Раймунда и выбрало на его мѣсто Монфора; Иннокентій, увѣдомленный объ этомъ особымъ посольствомъ, санкціонировалъ рѣшеніе собранія. Онъ объявилъ, что Раймундъ былъ смѣщенъ за принадлежность къ ереси; его женѣ была предоставлена вдовья часть, и назначена пенсія въ сто пятьдесятъ марокъ въ годъ, гарантированная замкомъ Бокеръ. Окончательное рѣшеніе относительно покоренной области должно было состояться въ будущемъ ноябрѣ на большомъ Латеранскомъ соборѣ, до того же времени ее отдали Монфору; епископамъ предписывалось оказывать ему помощь, а жителямъ—повиновеніе. Небольшая часть доходовъ была опредѣлена на содержаніе Раймунда.

Епископъ Фулькъ вернулся въ Тулузу, въ которой онъ былъ полнымъ хозяиномъ подъ протекторатомъ легата, продолжавшаго владѣть Нарбонной и Тулузой; теперь вопросъ шелъ о томъ, чтобы спасти эти города отъ алчности Людовика Львинаго Сердца, который три года тому назадъ вступилъ въ ряды крестоносцевъ, и котораго ждали съ часу на часъ. Faidits, какъ называли лишенныхъ земель сеньоровъ и рыцарей, получили милостивое разрѣшеніе искать себѣ средства къ жизни въ странѣ подъ условіемъ, что они никогда не будутъ проникать въ замки и въ укрѣпленные стѣнами города и будутъ путешествовать на маленькой лошадкѣ, объ одной шпорѣ и безъ оружія [1]).

Побѣда при Бувинѣ избавила Францію отъ угрожавшей ей большой опасности, и наслѣдникъ престола могъ свободно теперь выполнить свое желаніе. Людовикъ явился, окруженный знатной и блестящей свитой; онъ и его рыцари легко получили отпущеніе грѣховъ за мирное пилигримство въ теченіе сорока дней. Опасенія, порожденныя его приходомъ, быстро разсѣялись. Онъ и не думалъ присоединять къ французской коронѣ ничего изъ завоеваннаго въ предшествующіе крестовые походы; его пребываніемъ воспользовались, чтобы упрочить за Монфоромъ свѣтскую инвеституру и получить приказаніе срыть стѣны двухъ главныхъ очаговъ недовольства, Нарбонны и Тулузы. Въ обладаніе Тулузой вступилъ Ги, братъ Монфора, и срылъ ея стѣны. Архіепископъ Нарбоннскій Арнольдъ, менѣе занятый интересами Церкви, чѣмъ искательствомъ герцогскаго титула, безуспѣшно протестовалъ противъ разрушенія стѣнъ Нарбонны. Передавая Монфору владѣнія Раймунда, Иннокентій сдѣлалъ исключеніе для графства Мельгейль, надъ которымъ Церковь имѣла извѣстныя права; онъ продалъ графство епископу Магелоннскому, который долженъ былъ уплатить за него огромную сумму въ 33000 марокъ, кромѣ подарковъ служащимъ при папскомъ дворѣ. Корона заявила свои права на это графство, но купля-продажа была уже совершена, и до самой революціи епископы Магелонна и Монпелье носили титулъ графовъ де-Мельгейль. Это была ничтожная часть огромной добычи, и Иннокентій поступилъ бы гораздо благороднѣе, если бы не погнался за нею [2]).

Оба Раймунда, какъ говорятъ, удалились къ англійскому двору, гдѣ король Іоаннъ далъ имъ 10000 марокъ за принесенныя ими ему вѣрноподданническія чувства. Быть-можетъ, благодаря этой безтактности Раймунда, Филиппъ-Августъ и далъ своему сыну разрѣшеніе предпринять крестовый походъ и дать Монфору инвеституру на земли, попавшія, такимъ образомъ, подъ сюзеренное владычество англійскаго короля [3]). Между тѣмъ, внѣшнія непріятности и внутренніе безпорядки не позволили Іоанну выступить на защиту Раймунда ни въ качествѣ союзника, ни въ качествѣ сюзерена, и Раймунду пришлось терпѣливо ждать большого собора, который долженъ былъ рѣшить его участь; онъ могъ надѣяться,

[1]) Pet. Sarnens. c. 80—2.—Harduin. «Concil.», VII, II, 2052.—Innoc. PP. III. Rubricella.—Teulet, «Layettes», I, 410—16, №№ 1099, 1113—16.—Guill. de Pod. Laurent. c. 24, 25.

[2]) Pet. Sarnens. c. 82.—Vaissete, III, 269; Pr. 56.

[3]) Radulph. Coggeshall. ann. 1213.

Библиотека "Руниверс"

что тамъ, по крайней мѣрѣ, выслушаютъ его, и онъ добьется справедливаго суда, въ которомъ ему такъ долго отказывали.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1213 г. папа разослалъ приглашенія на двѣнадцатый вселенскій соборъ, на которомъ предстояло обсудить вопросъ объ отнятіи Св. Земли у невѣрныхъ, о церковной реформѣ, о злоупотребленіяхъ въ Церкви, объ искорененіи ереси и объ умиротвореніи душъ. Программа занятій была составлена предварительно, и прелатамъ было дано два съ половиной года на выработку отвѣтовъ. Соборъ открылся въ заранѣе назначенный день, 1 ноября 1215 г., и честолюбіе Иннокентія было пріятно польщено, когда онъ открылъ и выступилъ въ качествѣ предсѣдателя на самомъ блестящемъ собраніи, какое когда-либо видѣлъ католическій міръ. Занятіе Константинополя франками дало на этотъ разъ возможность соединить представителей восточной и западной Церкви; патріархи Константинопольскій и Іерусалимскій присутствовали на соборѣ какъ смиренные служители св. Петра; здѣсь были представители всѣхъ монарховъ, чтобы отстаивать интересы своихъ повелителей; сюда съѣхались всѣ выдающіеся богословы, чтобы въ случаѣ надобности давать объясненія по спорнымъ вопросамъ каноническаго права; высшаго духовенства собралось больше, чѣмъ на бывшихъ раньше соборахъ; кромѣ патріарховъ, были 71 митрополитъ, 412 епископовъ, болѣе 800 аббатовъ и пріоровъ и безчисленное множество уполномоченныхъ отъ прелатовъ, которые не могли явиться лично [1]). Двѣсти лѣтъ потребовалось, чтобы Европа могла собрать свои духовныя силы на соборѣ, подобномъ тому, который когда-то происходилъ въ базиликѣ Константина. Здѣсь мы видимъ яркій примѣръ того, какъ мощно Церковь уравновѣшивала центробѣжныя силы народовъ: никакая власть міра не могла бы собрать собора, подобнаго тому, какой созвалъ въ Латеранѣ верховный глава римской церкви. Если бы не было центральной власти, проявлявшей себя съ такимъ блескомъ, то судьба современной цивилизаціи была бы совершенно другая.

Графы Тулузы, Фуа и Комменжа прибыли въ Римъ до открытія собора; здѣсь къ нимъ присоединился молодой Раймундъ; чтобы не попасться въ руки агентамъ Монфора, онъ долженъ былъ изъ Англіи перебраться во Францію и пройти эту страну въ одеждѣ купеческаго приказчика. Въ длинномъ рядѣ бесѣдъ съ Иннокентіемъ они жаловались ему на свое дѣло и сильно тронули папу. Говорятъ, что на этотъ разъ на ихъ сторону сталъ Арнольдъ Нарбоннскій, поссорившійся съ Монфоромъ; но другіе прелаты, для которыхъ это было вопросомъ чуть ли не жизни и смерти, съ такой горячностью оговорили Раймунда и такими мрачными красками нарисовали картину катастрофы, грозящей Церкви, что Иннокентій, послѣ недолгаго размышленія, рѣшилъ ничего не дѣлать въ пользу гонимыхъ сеньоровъ. Представителемъ Монфора былъ братъ его Ги. Лишь только открылся соборъ, какъ обѣ стороны обжаловали свое дѣло. Рѣшеніе отцовъ было вынесено сейчасъ же и, какъ и слѣдовало ожидать,—въ пользу борца за вѣру. Въ приговорѣ, объявленномъ Иннокентіемъ 15 декабря 1215 г., указывалось на тѣ усилія, какихъ стоило Церкви очистить отъ ереси Нарбоннскую провинцію, и отмѣчалось, что послѣ этого въ странѣ водворился миръ и спокойствіе; далѣе въ приговорѣ говорилось, что Раймундъ былъ признанъ виновнымъ въ ереси и грабежахъ, почему и былъ лишенъ власти, которою злоупотреблялъ, и осужденъ проводить остальную жизнь въ покаяніи и въ оплакиваніи своихъ грѣховъ; ему была обѣщана ежегодная пенсія въ 400 марокъ, если онъ будетъ послушенъ Церкви. Женѣ его оставлялись земли, слѣдуемыя на ея вдовью часть; по желанію она могла получить ихъ стоимость. Всѣ покоренныя крестоносцами области, включая сюда Тулузу, гнѣздо ереси, и Монтобанъ, были переданы Монфору, котораго превозносили какъ перваго борца за вѣру. Тѣ же владѣнія Раймунда, которыя не были еще покорены, отдавались Церкви, которая должна была вернуть ихъ—всѣ или часть—

[1]) Chron. Fossae Novae, ann. 1215.

Библиотека "Руниверс"

молодому Раймунду, если онъ по достиженіи совершеннолѣтія окажется достойнымъ этого. Что касается графа Раймунда, то его дѣло рѣшено въ окончательной формѣ; отнынѣ Церковь называла его только «бывшимъ графомъ», quondam comes. Рѣшенія, принятыя по отношенію графствъ Фуа и Комменжа, ограничивали, по крайней мѣрѣ, въ этомъ направленіи, притязанія графа Монфора; но для мѣстнаго дворянства они были не особенно благопріятны [1]).

Высшее судилище Церкви сказало свое слово. Но это судилище потеряло часть своего владычества надъ душами вѣрныхъ, и рѣшеніе его не только никого не успокоило, но послужило призывомъ къ возстанію. Югъ Франціи съ нетерпѣніемъ ждалъ, что, наконецъ-то, будетъ заглаженъ длинный рядъ несправедливостей; когда же надежда эта не оправдалась, то возбужденный до изступленія народъ понялъ, что спасти его можетъ только вооруженное сопротивленіе. Если Монфоръ воображалъ, что его завоеванія надолго и прочно утверждены за нимъ рѣшеніемъ Латеранскаго собора, если онъ придавалъ большое значеніе принесенной имъ вѣрноподданнической присягѣ Филиппу-Августу, то онъ показалъ одно,—какъ мало зналъ онъ тѣхъ людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Во Франціи онъ, понятно, былъ героемъ дня, и путешествіе его для принесенія присяги королю было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ: народъ толпами стекался взглянуть на борца за вѣру; духовенство во всѣхъ городахъ встрѣчало его крестнымъ ходомъ, и кто могъ прикоснуться лишь къ краю его одежды, тотъ считалъ себя уже счастливѣйшимъ изъ смертныхъ [2]).

Молодой Раймундъ имѣлъ въ это время только 18 лѣтъ, но годы несчастій закалили его; онъ отличался изяществомъ и благородствомъ манеръ и, говорятъ, произвелъ очень выгодное впечатлѣніе на Иннокентія. Папа, отпуская его, благословилъ его и далъ ему благой совѣтъ: никогда не брать ничего чужого, но защищать свое (res de l'autrui non pregas; lo teu, se degun lo te vol hostar, deffendas). Молодой человѣкъ не замедлилъ послѣдовать совѣту папы, но онъ понялъ его по-своему. Часть родовыхъ земель Тулузскаго дома, сохраненныхъ для него подъ охраной Церкви, находилась къ востоку отъ Роны; вотъ здѣсь въ началѣ 1216 г. на возвратномъ пути изъ Рима остановились отецъ съ сыномъ, чтобы сдѣлать эту мѣстность базисомъ своихъ дѣйствій. Немного спустя Раймундъ старшій отправился въ Испанію набирать войско; жители Марселя, Авиньона и Тараскона поднялись какъ одинъ человѣкъ по зову своего сеньора и горѣли нетерпѣніемъ двинуться на французовъ; къ громамъ и молніямъ, метаемымъ Церковью, они оставались равнодушны и были готовы пожертвовать и имуществомъ, и жизнью. Отнынѣ роли главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой великой драмы переходятъ къ городамъ и къ горожанамъ: битва идетъ, съ одной стороны, между тяжелымъ феодализмомъ Сѣвера, а съ другой—между городскими общинами Юга, на половину республиканскими, которыя борются за свое существованіе. Религіозный вопросъ отодвинулся на второй планъ, тѣмъ болѣе, что сами религіозныя идеи въ то время были еще очень смутны. При осадѣ замка Бокера пришлось возводить окопы противъ приведенныхъ Монфоромъ вспомогательныхъ отрядовъ, и домовый священникъ Раймунда обѣщалъ вѣчное спасеніе всякому, кто будетъ работать на траншеяхъ, и весь городъ вышелъ на работу въ надеждѣ получить отпущеніе грѣховъ; никто не думалъ, что Раймундъ и всѣ находящіеся съ нимъ отлучены отъ церкви; вѣра въ отпущеніе грѣховъ была такъ сильна, что не обращали вниманіе на то, отъ кого исходило разрѣшеніе [3]).

---

[1]) Guill. de Tud. CXLII.—Vaissete, III, 280–1; Pr. 57—63.—Teulet, «Layettes», I, 42), № 1132.—Pet. Sarnens. c. 83.—D'Achery, I, 707.—Molinier, «L'Ensevelissement du Comte de Toulouse», Анжеръ, 1885, стр. 6.

[2]) Pet. Sarnens. c. 83.

[3]) Guill. de Tudela, CLIII—VIII.—Guill. de Pod. Laur. c. 27—8.—Vaissete, III; Pr. 64—66.—Pet. Sarnens. c. 83.

Библиотека "Руниверс"

Передъ лицомъ этой новой опасности Монфоръ проявилъ свою обычную энергію; но счастье измѣнило ему, и историки Церкви высказываютъ предположеніе, что онъ падалъ подъ тяжестью отлученія, произнесеннаго противъ него неукротимымъ Арнольдомъ Нарбоннскимъ, котораго онъ оскорбилъ въ спорѣ о герцогскомъ титулѣ. Монфоръ не обратилъ никакого вниманія на это отлученіе и продолжалъ ходить къ обѣднѣ, а между тѣмъ онъ съ глубокимъ уваженіемъ относился всегда къ духовнымъ наказаніямъ, когда они налагались на его противниковъ. Вынужденный послѣ кровопролитныхъ битвъ покинуть Бокеръ, онъ, полный гнѣва, двинулся на Тулузу, которая намѣревалась признать обратно своего прежняго сеньора. Онъ сжегъ нѣсколько городскихъ кварталовъ, но горожане забаррикадировали улицы и на каждомъ шагу оказывали сопротивленіе его войскамъ. Кончили тѣмъ, что заключили договоръ: Монфоръ согласился пощадить городъ, потребовавъ съ него огромную контрибуцію въ 30 000 марокъ; но разрушилъ всѣ остатки укрѣпленій, сравнялъ рвы и обезоружилъ жителей. Несмотря на отлученіе, онъ все еще пользовался весьма сильной поддержкой Церкви. Иннокентій III умеръ 20 іюля 1216 г.; его преемникъ, Гонорій III, продолжалъ его политику, и новый легатъ, кардиналъ Бертранъ де С.-Жанъ и де С.-Поль, былъ, если это возможно, еще болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ его предшественники, въ дѣлѣ подавленія всѣми мѣрами возстанія противъ Рима. Снова стали проповѣдывать крестовый походъ. Въ началѣ 1217 г. Монфоръ во главѣ арміи крестоносцевъ и небольшого отряда, присланнаго ему на помощь королемъ Франціи, перешелъ Рону и вторгнулся въ области, оставленныя молодому Раймунду. Но онъ былъ неожиданно отозванъ извѣстіемъ, что возстала Тулуза, что она встрѣтила съ выраженіями искренней радости Раймунда VI, пришедшаго съ испанскими войсками, что графства Фуа и Комменжъ со всѣмъ мѣстнымъ дворянствомъ присоединились къ Тузузѣ и привѣтствовали своего стараго сеньора, и что, наконецъ, весьма опасно положеніе графини Монфоръ въ Нарбоннскомъ замкѣ, расположенномъ внѣ города и охраняемомъ небольшимъ гарнизономъ. Въ сентябрѣ 1217 г. началась вторая осада города, жители котораго такъ горячо стремились свергнуть иноземное иго; впрочемъ, быть-можетъ, мы видимъ здѣсь мужество отчаянія, если вѣрить современникамъ, сообщающимъ, что кардиналъ-легатъ приказалъ крестоносцамъ перебить всѣхъ, не щадя ни пола, ни возраста. Городъ не былъ укрѣпленъ, и дѣти и женщины день и ночь работали надъ его укрѣпленіемъ. Тщетно писалъ Гонорій грозныя посланія и любезныя увѣщанія королямъ Арагоніи и Франціи, молодому Раймунду, графу де Фуа, гражданамъ Тулузы, Авиньона и Марселя; тщетно постоянно давала возобновленная съ неослабною силою проповѣдь крестоваго похода новыя подкрѣпленія осаждающимъ. Осада тянулась девять долгихъ мѣсяцевъ, и бѣшеныя атаки и бѣшеныя вылазки смѣнялись въ ней длинными періодами затишья, когда рѣдѣли ряды крестоносцевъ. Ги, братъ Монфора, и Амори, его старшій сынъ, были серьезно ранены. Тяжелое положеніе главнокомандующаго дѣлалось еще тяжелѣе благодаря постояннымъ придиркамъ легата, который вѣчно кололъ ему глаза неудачами и упрекалъ его въ нерѣшительности и въ незнаніи дѣла. На другой день Иванова дня (1218 г.) Монфоръ, утомленный физически и нравственно, отказавшись сдѣлать вылазку, наблюдалъ за передѣлкой своихъ машинъ; въ это время камень, брошенный изъ метательнаго снаряда, которымъ, по тулузскому преданію, управляли женщины, нанесъ ему смертельный ударъ; его шлемъ былъ разбитъ, и онъ упалъ мертвымъ. Велика была скорбь вѣрныхъ по всей Европѣ, когда разнесся слухъ о мученической смерти знаменитаго борца за Христа, новаго Маккавея, оплота вѣры, защитника религіи. Онъ былъ погребенъ въ Верхнемъ Брюйерѣ, принадлежавшемъ монастырю Доль, и чудеса, проявленныя на его гробницѣ, свидѣтельствовали, какъ пріятны были Богу его жизнь и смерть. Но нашлись, конечно, и такіе люди, которые объясняли его внезапную смерть въ тотъ самый моментъ, когда его успѣхи, казалось, были навѣки упрочены тѣмъ,

Библиотека "Руниверс"

что, стремясь удовлетворить свое личное честолюбіе, онъ сталъ слабо преслѣдовать ересь [1]).

Если нужны другія доказательства огромнаго военнаго таланта Монфора, то можно указать на то, какъ скоро послѣ его смерти, когда власть перешла къ его сыну и преемнику Амори, рушилось все, созданное имъ съ такимъ трудомъ. Даже и во время осады его обаяніе было такъ велико, что самъ могущественный Журденъ де л'Иль Журденъ подчинился ему, какъ герцогу Нарбоннскому и графу Тулузскому, и далъ ему въ заложники Жеро, графа Арманьяка и Фезансака, Рожера, виконта Фезансакэ, и другихъ дворянъ. Припомнимъ еще, что въ февралѣ мѣсяцѣ 1218 г. жители Нарбонны, боясь Монфора, отказались принять участіе въ возстаніи. Смерть Монфора послужила сигналомъ къ освободительному движенію. Повсюду, гдѣ французскіе гарнизоны не были очень сильны, народъ поднялся, перебилъ завоевателей и призвалъ своихъ старыхъ вождей. Гонорій призналъ Амори наслѣдникомъ правъ его отца, обрекъ на изгнаніе обоихъ Раймундовъ, предоставилъ Филиппу-Августу двадцатую часть церковныхъ доходовъ, чтобы побудить его къ новому крестовому походу, и обѣщалъ полное отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто приметъ въ немъ участіе. Безуспѣшно Людовикъ Львиное Сердце, въ сопровожденіи кардинала-легата Бертрана, двинулъ на югъ прекрасную армію пилигримовъ, среди которыхъ было тридцать два графа и двадцать епископовъ. Крестоносцамъ удалось дойти до Тулузы, но третья осада не была удачнѣе двухъ первыхъ, и Людовику пришлось вернуться домой, не добывъ себѣ славы, и ограничиться лишь рѣзнею въ Мармандѣ, гдѣ было перебито до 5000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Невѣроятная жестокость крестоносцевъ и ихъ животное сластолюбіе, не щадившія ни жизни мужчинъ, ни чести женщинъ, очень сильно способствовали тому, что всюду они встрѣчали упорное сопротивленіе. Одна за другой крѣпости, еще занятыя французами, были отбиты у нихъ, и весьма немногимъ завоевателямъ удалось удержаться въ странѣ. Новый легатъ, Конрадъ, попытался въ 1220 г. основать воинствующій орденъ Рыцарей Вѣры Христовой, но онъ не принесъ никакой пользы. Отлученіе отъ церкви и лишеніе правъ наслѣдства, объявленныя папою въ 1221 г., также не произвели никакого впечатлѣнія; и когда Людовикъ въ томъ же году предпринялъ новый крестовый походъ, получивъ отъ Гонорія на покрытіе издержекъ двадцатую часть церковныхъ доходовъ, то онъ повелъ свою набранную на эти деньги армію противъ Англіи и, несмотря на протесты папы и короля, захватилъ Рошель [2]).

Доведенный до отчаянія Амори въ началѣ 1222 г. предложилъ Филиппу-Августу взять себѣ всѣ его владѣнія и всѣ его права; въ то же время онъ просилъ Гонорія поддержать это его предложеніе. 14 мая Гонорій написалъ письмо королю Франціи, убѣждая его, что это единственное средство спасти Церковь. Еретики, прятавшіеся въ пещерахъ и горахъ, когда въ странѣ хозяйничали французы, толпами стали стекаться

[1]) Pet. Sarnens. c. 83—6.—Guill. de Pod. Laur. c. 28—30.—Vaiss. III, 271—2; Pr. 66—93.—Guill. de Tud. CLVIII—CCV. — Raynald. «Ann». ann. 1217, № 52, 55—62; ann. 1218, № 55.—Martène, «Ampl. Coll.» I, 1129.—Annal. Waverl. ann. 1218.—Bern. Iterii «Chron.» ann. 1218.—Chron. Lemov. ann. 1218.—Guill. Nang. ann. 1218.—Chron. Turon. ann. 1218.—Robert. Autissiod. «Chron.» ann. 1218.—Chron. S. Taurin. Ebroicens. ann. 1218.—Chron. Ioann. Iperii ann. 1218.—Chron. Laudun. ann. 1218. Chron. S. Petri Vivi Senon. append. ann. 1218.—Alberici Trium Fontium «Chron.» ann. 1218.

[2]) Teulet, «Layettes», I, 454, № 1271; p. 461—2, № 1279—80; p. 466, № 1301; p. 475, № 1331; p. 551, № 1435; p. 518, № 1656.—Vaissete, III, 307, 316—7, 568; Pr. 98—102.—Raynald. «Annal.» ann. 1218, № 54 — 57; ann. 1227, № 44, 45. — Arch. Nat. J. 430, № 15, 16.—Guill. de Pod. Laur. c. 31 33.—Guill. Nang. ann. 1219—1220.—Bern. Iter. «Chron.» ann. 1219.—Rob. Autissiod. «Chron.» ann. 1219.—Chron. Laud., Chron. Andrens., Alb. Trium Fontium Chron. ann. 1219.—Martène, «Thesaur.» I, 881.—Rymer, «Foedera» I, 229.

Библиотека "Руниверс"

послѣ изгнанія завоевателей, и всеобщая ненависть къ иностранцамъ благопріятствовала ихъ религіозной пропагандѣ. Церковь стала поистинѣ національнымъ врагомъ, и мы вполнѣ вѣримъ данному намъ Гоноріемъ описанію печальнаго положенія католицизма въ Лангедокѣ. Тамъ открыто проповѣдывалась ересь; еретическіе епископы дерзко выступали противъ католическихъ прелатовъ, и можно было опасаться, что скоро вся страна будетъ охвачена заразой.

Несмотря на всѣ эти доводы, подкрѣпляемые двадцатой частью церковныхъ доходовъ и полнѣйшимъ отпущеніемъ всѣхъ грѣховъ, Филиппъ оставался глухъ къ словамъ папы и не собрался въ крестовый походъ; а когда Амори обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ Тибо де Шампань, то король отвѣтилъ послѣднему, что онъ совѣтуетъ ему откликнуться на зовъ Амори, но отвѣтилъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя были равносильны запрещенію. Если ему угодно начать дѣло на свой рискъ и страхъ, то король желаетъ ему полнаго успѣха, но самъ онъ не можетъ помочь ему ничѣмъ, и равнымъ образомъ не можетъ освободить его отъ обязанностей вассала въ виду своихъ натянутыхъ отношеній съ Англіей. Въ іюнѣ мѣсяцѣ настала очередь молодого Раймунда обратиться къ Филиппу-Августу, своему сеньору и родственнику; Раймундъ просилъ у него милости и въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ умолялъ его вмѣшаться въ дѣло, чтобы примирить его съ Церковью и вернуть ему, такимъ образомъ, отнятое у него право на наслѣдство [1]).

По всей вѣроятности, Раймундъ предпринялъ этотъ шагъ въ виду своего плохого здоровья; онъ и умеръ вскорѣ послѣ этого въ августѣ 1222 г. Раймундъ еще въ 1218 г. подписалъ свое духовное завѣщаніе; въ немъ онъ дѣлалъ вклады въ монастыри Тампліеровъ и Госпитальеровъ въ Тулузѣ, выражалъ желаніе вступить въ послѣдній орденъ и быть погребеннымъ средн его монаховъ. Въ самый день своей смерти онъ два раза молился въ церкви Дорады, но предсмертная агонія была очень непродолжительна, и онъ уже лишился языка, когда аббатъ изъ С.-Сернена пришелъ дать ему послѣднее напутствіе. Случившійся при этомъ госпитальеръ бросилъ на умирающаго свой плащъ съ крестомъ, чтобы дать своему монастырю право похоронить графа на своемъ кладбищѣ, но горячій приходскій священникъ изъ С.-Сернена сдернулъ плащъ, и надъ тѣломъ умирающаго вспыхнулъ жаркій споръ: аббатъ во все горло предъявлялъ свои права на трупъ, такъ какъ смерть произошла въ его приходѣ; на крикъ его собрался народъ, и онъ запретилъ ему давать хоронить тѣло покойнаго. Этотъ споръ надъ бренными останками графа Тулузскаго тѣмъ противнѣе, что Церковь запретила предавать ихъ землѣ, такъ какъ покойникъ былъ ея врагомъ. Тѣло оставалось непогребеннымъ, несмотря даже на всѣ хлопоты Раймунда VII послѣ его примиренія съ Церковью, желавшаго, чтобы душѣ его отца было дано вѣчное успокоеніе; ни къ чему не привели и данныя, собранныя слѣдственной комиссіей, назначенной въ 1247 г. папою Иннокентіемъ IV, хотя свидѣтельства ста пятидесяти лицъ подтвердили, что Раймундъ VI былъ самый благочестивый и милостивый изъ людей, и что онъ былъ всегда весьма послушнымъ слугою Церкви. Полтораста лѣтъ останки Раймунда находились въ распоряженіи крысъ монастыря Госпитальеровъ, и, когда они уже пропали, то черепъ сохранялся еще, по крайней мѣрѣ, до конца XVII вѣка какъ рѣдкій памятникъ старины [2]).

Послѣ смерти отца Раймундъ VII воспользовался благопріятными обстоятельствами, и Амори снова, въ декабрѣ мѣсяцѣ, былъ вынужденъ предложить свои права Филиппу-Августу, который снова отказался отъ нихъ. Въ маѣ 1223 года блеснула слабая надежда,

---

[1]) Vaissete, III, 319; Pr. 275, 276. — Raynald. «Annal.» ann. 1222, № 44—47. — Guill. de Pod. Laur. c. 47.—Teulet, «Layettes», I, 546, № 1537.

[2]). Guill de Pod. Laur. c. 34.—Vaissete, III, 306, 321—4.—Molinier, «L'ensevelissement de Raymond VI».

Библиотека "Руниверс"

что король Франціи предпримет крестовый походъ; легатъ Конрадъ де Порто и епископы Нима, Агда и Лодева писали ему изъ Безье, указывая на жалкое положеніе страны, гдѣ города и замки ежедневно открывали ворота еретикамъ. Король вступилъ по этому поводу въ переговоры съ Раймундомъ, и дѣло подвинулось настолько впередъ, что Гонорій писалъ своему легату, чтобы онъ позаботился объ интересахъ епископа Вивье, когда состоится ожидаемое соглашеніе. Въ виду постоянныхъ успѣховъ ереси и индифферентизма Филиппа-Августа, казалось, что надо гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ искать основъ для умиротворенія. Нужно сказать, что дѣятельность болгарскаго антипапы чрезвычайно воспламенила катаровъ: еретики изъ Лангедока шли къ нему на поклоненіе и возвращались ревностными миссіонерами; его намѣстникъ, Каркассонскій епископъ Бартелеми, называвшій себя въ подражаніе римскимъ папамъ слугою слугъ Бога, не мало и не безъ успѣха трудился надъ распространеніемъ своихъ вѣрованій. Амори и Раймундъ заключили перемиріе, послѣ чего легатъ созвалъ 6 іюля 1223 г. соборъ въ Сансѣ, и всѣ надѣялись, что этотъ соборъ внесетъ умиротвореніе. Соборъ былъ перенесенъ въ Парижъ, такъ какъ на немъ пожелалъ присутствовать Филиппъ-Августъ; король, повидимому, возлагалъ на этотъ соборъ большія надежды, такъ какъ, несмотря на мучившую его лихорадку, онъ поспѣшно отправился въ свою столицу; но 14 іюля онъ умеръ дорогою въ Медонѣ. Надежды Раймунда рушились: смерть короля дѣлала соборъ безполезнымъ и сразу измѣнила все положеніе вещей [1]).

Хотя Филиппъ-Августъ засвидѣтельствовалъ свое расположеніе къ Монфору, оставивъ ему по духовному завѣщанію 30000 ливровъ, тѣмъ не менѣе, онъ весьма благоразумно воздержался отъ всякаго компрометирующаго шага и рѣшительно отвергъ предложенія Амори. Но въ своей прозорливости онъ предвидѣлъ, что послѣ его смерти духовенство приложитъ всѣ старанія, чтобы втянуть его сына Людовика въ крестовый походъ, и что королевство останется въ рукахъ женщины и ребенка. Несомнѣнно, только изъ желанія предотвратить эту опасность, онъ такъ упорно стремился присутствовать на соборѣ, не обращая вниманія на болѣзнь. Его предчувствія скоро оправдались: уже въ самый день коронаціи Людовикъ далъ легату обѣщаніе предпринять крестовый походъ; Гонорій изъ всѣхъ силъ подстрекалъ его, и въ февралѣ 1224 г. Людовикъ принялъ отъ Амори условное отреченіе отъ всѣхъ его правъ на Лангедокъ. Такимъ образомъ, Раймундъ очутился теперь лицомъ къ лицу съ самымъ сильнымъ противникомъ, королемъ Франціи [2]).

Положеніе было полно новыхъ и непредвидѣнныхъ опасностей. Не проходило мѣсяца, чтобы Амори, доведенный до послѣдней крайности, не покидалъ нѣсколькихъ замковъ изъ тѣхъ, которые остались еще у него; жалованье солдатамъ онъ платилъ изъ денегъ, оставленныхъ ему въ наслѣдство Филиппомъ-Августомъ. Вскорѣ онъ навсегда покинулъ страну, для которой онъ и отецъ его были бичемъ Божіимъ. Теперь передъ Раймундомъ, вмѣсто этого истощеннаго безконечной войною врага, стоялъ пылкій молодой человѣкъ, располагавшій огромными средствами, накопленными Филиппомъ-Августомъ въ теченіе долгаго царствованія, и сгоравшій нетерпѣніемъ отомстить за старое пораженіе подъ стѣнами Тулузы. Уже въ февралѣ онъ написалъ грамату къ гражданамъ Нарбонны, благодарилъ ихъ за вѣрность и обѣщалъ черезъ три недѣли послѣ Пасхи войти въ страну во главѣ арміи крестоносцевъ, чтобы присоединить къ коронѣ всѣ земли, утраченныя Тулузскимъ домомъ. Въ то же время Людовикъ не хотѣлъ быть опрометчивымъ: онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ своего выступленія, чтобы Церковь гарантировала королевству

---

[1]) Vaissete, III, Pr. 276, 282. — Teulet, «Layettes», I, 561, № 1577. — Raynald. «Annal.» ann. 1222, № 48.—Matt. Paris, ann. 1223, p. 219.

[2]) Alberici Trium Font. «Chron.» ann. 1223. — Guil. de Pod. Laur. c. 34. — Vaissete III, Pr. 290. — Raynald. «Annal.» ann. 1223, № 41—45.—Teulet, «Layettes», II, 24, № 1631.

Библиотека "Руниверс"

внѣшній и внутренній миръ, чтобы крестовый походъ проповѣдывался подъ условіемъ такого же отпущенія грѣховъ, какъ походы въ Св. Землю, чтобы тѣ изъ его вассаловъ, которые откажутся пойти съ нимъ, были отлучены отъ Церкви, чтобы епископъ Буржа былъ назначенъ легатомъ вмѣсто де Порто, чтобы ему заранѣе были обѣщаны земли Раймунда, его союзниковъ и всѣхъ, кто будетъ сопротивляться крестоносцамъ, чтобы Церковь давала ему ежегодную субсидію въ 60000 парижскихъ ливровъ, и чтобы, наконецъ, ему была дана полная свобода оставаться или вернуться [1]).

Людовикъ заранѣе рѣшилъ, что эти условія будутъ приняты, и продолжалъ свои приготовленія; а Раймундъ между тѣмъ прилагалъ всѣ возможныя старанія, чтобы отвести грозу. Генрихъ III Англійскій замолвилъ за него слово у папы Гонорія, и Раймунду посовѣтовали смириться передъ Римомъ и послать туда пословъ; щедрость послѣднихъ произвела, повидимому, благопріятное впечатлѣніе на служителей куріи. Гонорій отвѣтилъ ему милостивымъ посланіемъ и обѣщалъ въ качествѣ легата прислать Романо, кардинала С.-Анджело, чтобы онъ уладилъ дѣла; королю же Людовику онъ далъ знать, что Фридрихъ II сдѣлалъ такія выгодныя предложенія въ случаѣ завоеванія Святой Земли, что нужно все принести въ жертву этому великому плану, и что продажа индульгенцій на пользу чего-либо другого въ настоящее время не можетъ быть никоимъ образомъ разрѣшена. Къ этому папа добавлялъ, что если король Франціи будетъ продолжать угрожать Раймунду, то послѣдній не замедлитъ изъявить передъ нимъ свою покорность. Въ то же время были посланы особыя предписанія Арнольду Нарбоннскому, которому приказывалось совмѣстно съ другими прелатами оказывать давленіе на Раймунда и добиться отъ него пріемлемыхъ условій.

Людовикъ, справедливо возмущенный этой двуличной политикой, во всеуслышаніе объявилъ, что онъ умываетъ руки, и далъ знать папѣ, что римская курія можетъ сама устраиваться съ Раймундомъ по своему усмотрѣнію, что онъ не вмѣшивается въ богословскіе вопросы, но что его права должны быть приняты во вниманіе, и что онъ не позволитъ вводить новыхъ поборовъ. На Парижскомъ парламентѣ 5 мая 1224 г. легатъ объявилъ недѣйствительными индульгенціи, выданныя за походъ противъ альбигойцевъ, и призналъ Раймунда добрымъ католикомъ; съ своей стороны, Людовикъ далъ объясненіе, изъ котораго видно, насколько онъ былъ возмущенъ поведеніемъ Церкви по отношенію къ нему. Во всякомъ случаѣ, его военныя приготовленія не пропали даромъ: онъ воспользовался ими, чтобы отнять у Генриха III значительную часть англійскихъ владѣній на французской территоріи [2]).

Грозу, повидимому, отклонили. Теперь оставалось только договориться объ условіяхъ умиротворенія страны; Раймундъ былъ близокъ къ окончательному паденію, и отъ него нельзя было ожидать препятствій. 2 іюня, въ день св. Троицы, онъ, сопровождаемый своими первыми вассалами, встрѣтился въ Монпелье съ Арнольдомъ и епископами и торжественно заявилъ, что будетъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ сохранять и поддерживать католическую вѣру; что онъ изгонитъ изъ нихъ всѣхъ еретиковъ по указанію Церкви; что онъ конфискуетъ все ихъ имущество, а ихъ самихъ подвергнетъ тѣлесному наказанію; что онъ установитъ миръ и распуститъ банды наемниковъ; что онъ возстановитъ права и привилегіи Церкви; что онъ уплатитъ 20000 марокъ въ возмѣщеніе убытковъ Церкви и на удовлетвореніе Амори при условіи, что послѣдній откажется отъ своихъ притязаній и выдастъ всѣ документы, подтверждающіе ихъ. Если этого мало, то онъ готовъ всецѣло подчиниться

---

[1]) Vaissete, III. Pr. 285. 291—3.— Gesta Ludovici. VIII, ann. 1224.

[2]) Rymer, Foedera, I, 271. — Vaissete, III, 239—40; Pr. 283. — Raynald. «Annal.» ann. 1224, № 40.—Gesta Ludov. VIII. ann. 1224.—Chron. Turon. ann. 1224.—Guill. Nang. 1224.—Epist. sec. XIII, t. I, № 249 (Monum. Hist. German.).

Библиотека "Руниверс"

Церкви; эта оговорка была сдѣлана въ виду его вассальныхъ отношеній къ королю. Эти условія были скрѣплены графомъ де Фуа и виконтомъ города Безье. Чтобы доказать свою искренность, Раймундъ возстановилъ стараго врага своего отца, Ѳеодосія, на епископской каѳедрѣ въ Агдѣ, которую нѣкогда занималъ бывшій легатъ, и съ которой онъ былъ согнанъ; онъ возвратилъ также церквамъ разное имущество, утраченное ими.

Предложенія Раймунда были переданы въ Римъ на одобреніе папы. Первый отвѣтъ Гонорія позволяетъ думать, что они были приняты благосклонно; онъ изъявилъ свое согласіе на то, чтобы 20 августа собрался соборъ для ихъ ратификаціи. Но, когда соборъ собрался въ Монпелье, Амори въ отчаяніи обратился къ епископамъ съ просьбой, умоляя ихъ не губить плодовъ побѣдъ. Король Франціи, говорилъ онъ, всякую минуту готовъ взять на себя его дѣло, бросить же его—значитъ произвести соблазнъ и унизить вселенскую Церковь. Епископы не обратили никакого вниманія на эту просьбу и взяли съ Раймунда и его вассаловъ клятву на условіяхъ, опредѣленныхъ раньше, лишь съ оговоркой, что по вопросу о вознагражденіи Амори нужно подождать рѣшенія папы, и что Раймундъ и его вассалы подчинятся всѣмъ приказаніямъ Церкви, которыя не будутъ оскорбительны для короля и императора. Раймундъ согласился на все и въ подтвержденіе представилъ залоги [1]).

Чего еще могла желать Церковь? Правда, Раймундъ торжествовалъ побѣду надъ нею и надъ всѣми посланными на него крестоносцами; но, взамѣнъ этого, онъ приносилъ ей такую полную повинную, какую только могли предложить его отцу въ минуту его самаго безнадежнаго положенія. Въ это самое время въ Кастель-Сарассенѣ состоялся публичный диспутъ между католическими священниками и духовными катаровъ; это являлось новымъ доказательствомъ вѣры ересиковъ въ успѣхъ своего дѣла и показывало, что нужно было идти на компромиссы, если хотѣли остановить развитіе ереси. Не менѣе знаменательнымъ было собраніе катаровъ, состоявшееся немного позднѣе въ Піессанѣ, гдѣ съ согласія тулузскаго еретическаго епископа, Гильберта де Кастръ, была образована новая Разесская епископія изъ части Тулузской и Каркассонской епархій.

Однако, превратностямъ и неожиданностямъ не предвидѣлось конца. Когда въ октябрѣ мѣсяцѣ прибыли въ Римъ послы Раймунда, чтобы получить папскую санкцію, то они столкнулись тамъ съ Ги де Монфоромъ, котораго король Франціи уполномочилъ выступить противъ нихъ. Значительное число епископовъ Лангедока думало, что миръ не обязываетъ ихъ возвращать земли, присвоенныя ими въ смутное время, и поэтому въ ихъ интересахъ было утверждать, что Раймундъ былъ еретикъ до мозга костей. Гонорій уклонялся отъ отвѣта до начала 1225 г., когда онъ послалъ во Францію кардинала Романо съ полными правами легата и съ инструкціями, въ которыхъ говорилось, что онъ долженъ дѣйствовать на Раймунда угрозами и настоять на перемиріи между Франціей и Англіей, чтобы дать Людовику полную свободу дѣйствій. Въ томъ же духѣ писалъ папа королю, а Амори онъ послалъ денегъ при граматѣ, долженствовавшей поднять его энергію. Данное имъ въ одномъ изъ его писемъ описаніе Лангедока показываетъ, на чьей сторонѣ онъ въ сущности стоялъ: «страна желѣза и мѣди,—писалъ онъ,—ржавчину которой можно уничтожить только огнемъ» [2]).

Послѣ многихъ совѣщаній съ Людовикомъ и съ главными сеньорами и епископами легатъ созвалъ народное собраніе въ Буржѣ въ ноябрѣ 1225 г. Туда явился и Раймундъ, униженно прося отпущенія грѣховъ и примиренія съ Церковью; онъ снова предлагалъ

---

[1]) Vaissete, III; Pr. 284, 296.—Vaissete, изд. Priv. VIII, 804. — Baluz. «Conc. Narbonn.», 60—64.—Gesta Ludovici VIII, ann. 1224. — Concil. Montispessulan. ann. 1224 (Harduin. VII, 131—33).—Grandes Chron. ann. 1224.—Guill. Nangiac. ann. 1224.

[2]) Vaissete, III, Pr. 284—5.—Schmidt, I, 291.—Coll. Doat, XXIII, 269—70.—Rymer, «Foedera», I, 273, 274, 281.—Raynald «Annal.» ann. 1225, № 28 — 34. — Teulet, «Layettes», II, 47, № 1694.

Библиотека "Руниверс"

представить оправданіе своимъ дѣйствіямъ и соглашался подчиниться всѣмъ требованіямъ Церкви и возстановить въ своихъ земляхъ безопасность и повиновеніе Риму. Что касается ереси, то онъ не только соглашался искоренить ее, но даже неотступно просилъ легата объѣхать поочередно всѣ его города и изслѣдовать въ нихъ вѣрованіе жителей, ручаясь, что всѣ отступающіе отъ католичества будутъ строго наказаны, и что всякій упорствующій городъ будетъ образумленъ. Самъ онъ готовъ дать полный и подробный отчетъ во всякой ошибкѣ, которую могутъ ему приписать, и готовъ подвергнуть испытанію свою преданность Церкви. Съ другой стороны, Амори предъявилъ декреты папы Иннокентія, осуждающіе Раймунда VI и передающіе его земли Симону Монфору съ согласія короля Филиппа-Августа. Послѣ долгихъ споровъ въ соборѣ легатъ рѣшилъ, чтобы каждый архіепископъ обсудилъ это дѣло отдѣльно съ своими суффраганами и далъ бы ему письменный отвѣтъ, который немедленно будетъ представленъ папѣ и королю. Все это, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, должно было обсуждаться въ глубокой тайнѣ [1]).

Одинъ случай изъ исторіи собора въ Буржѣ прекрасно рисуетъ характеръ отношеній между Римомъ и мѣстными церквами, а также характеръ того католическаго учрежденія, на судъ котораго приглашали являться еретиковъ, милостиво грозя имъ костромъ и висѣлицей. Когда соборъ разсмотрѣлъ всѣ текущія дѣла, легатъ разрѣшилъ уполномоченнымъ капитуловъ вернуться домой, но удержалъ епископовъ. Удаленные, такимъ образомъ, уполномоченные тотчасъ же заподозрили какой-то обманъ; посовѣтовавшись между собой, они отправили къ легату уполномоченныхъ, присланныхъ митрополитами, чтобы поставить легата въ извѣстность, что по имѣющимся у нихъ свѣдѣніямъ у него есть спеціальныя граматы римской куріи, объявляющія принадлежащими навсегда папѣ доходы съ двухъ пребендъ въ каждой епархіи или аббатствѣ и съ одной пребенды съ каждой монастырской церкви. Они именемъ Бога заклинали легата не дѣлать такого соблазна, ручаясь, что король и его бароны будутъ сопротивляться до послѣдней капли крови, и что это можетъ привести Церковь къ паденію. Припертый, такимъ образомъ, къ стѣнѣ, легатъ предъявилъ имѣвшіяся у него граматы и высказалъ мнѣніе, что исполненіе просьбъ папы избавитъ римскую Церковь отъ обвиненій въ алчности, положивъ предѣлъ требованіямъ и поднесеніямъ подарковъ. Делегатъ Ліона спокойно возразилъ на это, что они не хотятъ лишиться друзей въ Римѣ и очень охотно будутъ давать имъ взятки; другіе возражали, что этою мѣрою сребролюбіе не будетъ уничтожено, и что, наоборотъ, новыя богатства лишь увеличатъ алчность римлянъ и вызовутъ новыя опасныя для самого Рима осложненія; третьи, наконецъ, замѣтили, что доходы, такимъ образомъ предоставленные куріи, будутъ превышать даже доходы самого короля, и благодаря имъ члены куріи сдѣлаются настолько богаты, что правосудіе черезчуръ вздорожаетъ; кромѣ, того, ясно, какъ Божій день, что многочисленныя лица, которымъ папа поручитъ собираніе доходовъ, будутъ отличаться невѣроятнымъ лихоимствомъ и заберутъ такой контроль надъ выборами капитуловъ, что, въ концѣ концовъ, все будетъ поставлено въ полную зависимость отъ Рима. Въ заключеніе они категорически объявили легату, что въ интересахъ самого Рима отказаться отъ подобнаго проекта, такъ какъ давленіе, разъ оно будетъ повсемѣстно, неизбѣжно вызоветъ и общее возстаніе. Легатъ, видя, что сопротивленіе невозможно, согласился обойти молчаніемъ эти граматы, и добавилъ, что и онъ, съ своей стороны, не согласенъ съ ними, но не успѣлъ высказать этого, такъ какъ получилъ граматы уже послѣ прибытія во Францію. Смѣлый проектъ, съ помощью котораго римская курія разсчитывала забрать въ свои руки контроль надъ всѣми аббатствами королевства, провалился благодаря единодушной оппозиціи архіепископовъ. Еретики смѣло могли считать себя въ правѣ держаться подальше отъ подобной Церкви [2]).

---

[1]) Chron. Turonens. ann. 1225.—Matt. Paris, ann. 1225, стр. 227—9.

[2]) Chron. Turonens. ann. 1225.—Matt. Paris, ann. 1225, стр. 227 — 8. - Возможно, что составители хроники нѣсколько преувеличили, такъ какъ въ граматахъ Гонорія говорится только

Библиотека "Руниверс"

Никто не зналъ, къ какимъ заключеніямъ пришли архіепископы на своихъ тайныхъ совѣщаніяхъ, но конечный результатъ былъ ясенъ, разъ папа и король рѣшились вмѣшаться. Въ довершеніе несчастій Раймунда умеръ архіепископъ Нарбоннскій Арнольдъ, сдѣлавшійся въ послѣднее время его задушевнымъ другомъ, а на его мѣсто былъ назначенъ Петръ Аміель, одинъ изъ самыхъ смертельныхъ враговъ Раймунда. Всѣ громко и открыто говорили, что никакой почетный миръ для Церкви несовмѣстимъ съ поддержкой Раймунда, и что необходимо предоставить Людовику десятую часть духовныхъ доходовъ, если онъ изъявитъ готовность предпринять священную войну. Но король, при всемъ своемъ легкомысліи и алчности, не рѣшался помѣриться силами съ экзальтированными патріотами юга, пока у него были враждебныя отношенія съ королемъ Англіи. Поэтому онъ настаивалъ, чтобы Гонорій запретилъ Генриху III угрожать французской территоріи въ теченіе крестоваго похода. Когда Генрихъ получилъ папскія граматы, онъ съ увлеченіемъ готовился къ походу на помощь своему брату Ричарду Корнуэльскому; но его совѣтники убѣдили его не мѣшать Людовику впутаться въ такое трудное и дорогое предпріятіе; одинъ изъ нихъ, Вильгельмъ Пьерпонъ, считавшійся ученымъ астрологомъ, предсказалъ, что Людовикъ обязательно или потеряетъ жизнь, или потерпитъ полное пораженіе. Между тѣмъ были получены новыя извѣстія отъ Ричарда, который сообщалъ, что обстоятельства стали благопріятны ему; Генрихъ успокоился и, несмотря на то, что незадолго передъ этимъ онъ заключилъ союзъ въ Раймундомъ, онъ согласился на предложенія папы. Чтобы вѣрнѣе обезпечить успѣхъ крестовому походу, Церковь запретила всѣ частныя войны до его окончанія [1]).

Въ эпоху, о которой мы говоримъ, религіозный вопросъ сдѣлался только предлогомъ къ продажѣ индульгенцій и къ взиманію церковныхъ налоговъ. Если Раймундъ до сихъ поръ не началъ еще энергично преслѣдовать своихъ подданныхъ еретиковъ, то это вполнѣ понятно: угрожаемый нашествіемъ внѣшнихъ враговъ, онъ не могъ, будучи въ здравомъ разсудкѣ, оторвать отъ своего дѣла цѣлое множество людей, въ поддержкѣ которыхъ онъ сильно нуждался. Но онъ показалъ себя готовымъ на все, лишь бы примириться съ Церковью, и онъ даже убѣждалъ легата ввести Инквизицію въ его владѣніяхъ. Среди волненій, потрясавшихъ югъ, доминиканцы могли бы увеличить свое вліяніе и оставаться въ земляхъ Раймунда; когда ихъ соперники, францисканцы, явились въ Тулузу, то Раймундъ принялъ ихъ весьма любезно и помогъ имъ основаться въ странѣ. Въ этотъ самый годъ (1225) прибылъ во Францію св. Антоній Падуанскій, наиболѣе почитаемый святой ордена послѣ св. Франциска. Антоній пришелъ проповѣдывать противъ ереси; въ Тулузѣ его краснорѣчіе вызвало такое горячее преслѣдованіе еретиковъ, что онъ получилъ прозвище «Неутомимаго Молота Еретиковъ». Надвигавшаяся война была болѣе, чѣмъ всѣ ей предшествовавшія, національной: всѣ силы сѣвера, предводимыя королемъ и Церковью, двинулись на истощенныя провинціи, сюзереномъ которыхъ былъ Раймундъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ всѣми мѣрами старался отклонить надвигавшуюся опасность: онъ отлично понималъ, что ему одному придется отражать ее. Правда, его самый крупный вассалъ, графъ де Фуа, оставался вѣренъ ему; но второй за

объ одной пребендѣ въ каждой епископіи и коллегіальной церкви (Martène, «Thesaur.», I, 929). Впрочемъ, требованія Рима были только отсрочены. Въ 1380 г. Карлъ Мудрый жаловался, что почти всѣ бенефиціи Франціи принадлежали кардиналамъ, которые доходы съ нихъ уносили въ Италію, такъ что церкви приходили въ упадокъ, аббатства были заброшены, сиротскіе пріюты и пріюты для престарѣлыхъ не выполняли своего назначенія, во многихъ мѣстахъ богослуженія прекратились, и церковныя земли оставались безъ обработки. Чтобы помочь этому злу, онъ взялъ себѣ всѣ эти доходы и приказалъ употреблять ихъ согласно съ ихъ назначеніемъ (тамъ же, I, 1612).

[1]) Matt. Paris, ann. 1226, p. 229.—Vaissete, III, 349.—Kymer. «Foed.», I, 281.—Martène, «Coll. nov.», p. 104; «Thes.», I, 931.

Библиотека "Руниверс"

нимъ по значенію, графъ де Комменжъ, заключилъ частный договоръ и шелъ противъ него вмѣстѣ съ королемъ Франціи; вступилъ въ коалицію и графъ Прованскій въ то самое время, когда Іаковъ Арагонскій и Нуньесъ Санчо де Руссильонъ, боясь Людовика, запретили своимъ подданнымъ оказывать помощь еретикамъ [1]).

Дѣло организаціи крестоваго похода велось крайне энергично. Въ засѣданіи парламента, происходившаго въ Парижѣ 28 января 1226 г., сеньоры послали королю адресъ; они обѣщали ему свою помощь до послѣдняго конца. Людовикъ началъ крестовый походъ съ условіемъ, что имѣетъ право окончить его во всякое время, и его примѣру послѣдовали почти всѣ епископы и бароны, хотя многіе изъ нихъ, какъ сообщаютъ современники, сдѣлали это противъ воли, считая несправедливымъ нападать на вѣрнаго сына Церкви, который на соборѣ въ Буржѣ предложилъ все возможное съ его стороны. Амори и дядя его Ги отказались отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу короля; крестовый походъ пропозѣдывался по всей странѣ, и, какъ обыкновенно, всѣмъ крестоносцамъ давалось отпущеніе грѣховъ; легатъ ручался, что обѣщанная на пять лѣтъ десятая часть церковныхъ доходовъ будетъ не менѣе 5000 ливровъ въ годъ. Единственнымъ пятномъ, омрачавшимъ свѣтлый горизонтъ, было открытіе, что папа Гонорій послалъ граматы и легатовъ къ баронамъ Пуату и Аквитаніи, приказывая имъ въ теченіе мѣсяца возстановить свои вѣрноподданническія отношенія къ Англіи, не обращая вниманія на присягу, данную ими въ противоположномъ смыслѣ. Это странное поведеніе можно объяснить только тѣмъ, что Раймундъ или Генрихъ III поднесли ему убѣдительные подарки. Людовикъ также поспѣшилъ прибѣгнуть къ этому испытанному средству и благодаря своей щедрости добился того, что папскія граматы были скрыты. Когда это препятствіе было устранено, то состоялось новое собраніе 29 марта; на этомъ собраніи Людовикъ приказалъ своимъ вассаламъ собраться въ Буржѣ 17 мая въ полномъ вооруженіи и быть готовыми оставаться на югѣ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ будетъ тамъ. Ограниченіе срока службы сорока днями, что такъ часто вырывало у Монфора плоды побѣды, не должно было болѣе мѣшать достиженію окончательной побѣды [2]).

Въ назначенный день рыцари всего королевства собрались около своего повелителя въ Буржѣ; но до выступленія нужно было разрѣшить много вопросовъ. Безконечное число аббатовъ и делегатовъ отъ капитуловъ осадили короля, умоляя его не доводить національной церкви до состоянія рабства и не требовать съ нея назначенной папою десятины; они обѣщали добровольно удовлетворить его нужды въ деньгахъ. Король отказалъ имъ, и они разошлись по домамъ, проклиная въ душѣ и короля и крестовый походъ. Въ это время легату съ трудомъ удалось отослать домой дѣтей, женщинъ, стариковъ, нищихъ и немощныхъ, которые желали вступить въ ряды крестоносцевъ. Онъ заставилъ ихъ подъ присягой сказать, сколько у нихъ было денегъ; изъ этой суммы онъ большую часть удержалъ у себя, а ихъ распустилъ, разрѣшивъ ихъ отъ обѣта,—новый, косвенный способъ продажи разрѣшенія грѣховъ, ставшій вскорѣ обычнымъ и очень доходнымъ. Не менѣе выгодныя сдѣлки устраивалъ съ крестоносцами и Людовикъ: онъ отпускалъ за хорошія деньги тѣхъ изъ нихъ, которые не искали славы или боялись опасностей войны. Онъ заставилъ также графа де ла Марша отослать къ Раймунду его юную дочь Іоанну, помолвленную съ сыномъ графа, и сохранилъ ее, какъ мы увидимъ ниже, для болѣе почетнаго брачнаго союза. Много стеклось въ Буржъ нарбоннскихъ сеньоровъ, спѣшившихъ показать свою вѣрность и засвидѣтельствовать свои вѣрноподданническія чувства; а, главнымъ образомъ, затѣмъ, чтобы посовѣтовать королю не проходить черезъ ихъ страну, разоренную войною,

---

[1]) Waddingi «Annal. Minorum», ann. 1225, № 14.—Vaissete, III, Pr. 305, 318.—Teulet, «Layettes», II, 75, № 1758; 79, № 1768; 90, № 1794.

[2]) Vaissete, III; Pr. 300, 308—14,—Teulet, «Layettes», II, 68—9, № 1742—3.—Matt. Paris, ann. 1226, стр. 229.—Chron. Turonens. ann. 1225, 1226.

Библиотека "Руниверс"

ЛЮДОВИКЪ IX СВЯТОЙ, КОРОЛЬ ФРАНЦІИ.
(1226—1270).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

но двинуться по теченію Роны по направленію къ Авиньону; Людовикъ, для котораго это было безразлично, милостиво исполнилъ ихъ желаніе [1]).

Людовикъ выступилъ изъ Ліона во главѣ блестящей арміи, въ которой, какъ говорятъ, однихъ конныхъ было до 50000 человѣкъ. Онъ наводилъ на всѣхъ ужасъ, и многіе вассалы и города Раймунда спѣшили изъявить покорность [2]), и уже до начала военныхъ дѣйствій дѣло графа казалось проиграннымъ. Но, однако, когда армія подошла къ Авиньону, и когда Людовикъ рѣшилъ пройти черезъ городъ, горожане, испугавшись этого, заперли городскія ворота и предложили королю безпрепятственно пропустить армію вокругъ города. Разгнѣванный этимъ, король, хотя Авиньонъ и былъ въ числѣ его ленныхъ владѣній, рѣшилъ осадить городъ. Въ теченіе десяти лѣтъ отлученный отъ церкви городъ считался гнѣздомъ вальденцевъ, и поэтому кардиналъ-легатъ Романо пригласилъ крестоносцевъ оружіемъ уничтожить ересь. Но дѣло оказалось труднымъ. Съ 10 іюня приблизительно по 10 сентября граждане отчаянно защищались, нанося осаждающимъ крупный уронъ. Раймундъ опустошилъ всѣ окрестности и зорко смотрѣлъ, чтобы не провозились въ городъ съѣстные припасы. Появилась эпидемія, и тучи мухъ переносили заразу съ мертвыхъ на живыхъ. Въ довершеніе всего въ лагерѣ возникли раздоры. Петръ Моклеръ Бретонскій сердился на Людовика за то, что онъ помѣшалъ браку его съ Іоанной Фландрской, которой папа далъ разводъ, и онъ образовалъ тайный союзъ съ Тибо де Шампань и графомъ де ла Маршъ, которыхъ подозрѣвали въ сношеніяхъ съ врагомъ. Тибо послѣ сорокадневной службы покинулъ самовольно армію, вернулся въ Шампань и сталъ укрѣплять свои замки. Казалось, что столь блестяще начатый крестовый походъ былъ близокъ къ концу, но какъ-разъ въ это время осажденные, доведенные до послѣдней крайности, неожиданно согласились сдаться на капитуляцію. Если принять во вниманіе нравы и обычаи эпохи, то нужно признать легкими условія, предложенныя имъ Людовикомъ. Они должны были дать удовлетвореніе королю и Церкви и уплатить значительный выкупъ; городскія стѣны были разрушены, и триста укрѣпленныхъ домовъ сравнены съ землею. Легатъ поставилъ имъ новаго епископа Николая де Корби, который издалъ законы, направленные къ подавленію ереси. Сдача Авиньона пришлась для Людовика замѣчательно во-время: черезъ нѣсколько дней разлилась Дюранса, и лагерь его неминуемо былъ бы затопленъ [3]).

Отъ Авиньона Людовикъ двинулся на западъ, всюду получая изъявленія покорности отъ городовъ и сеньоровъ. Онъ находился уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тулузы. Оставалось, повидимому, только разрушить этотъ очагъ ереси, чтобы Раймундъ палъ безповоротно, а крестоносцы покрыли бы себя славой; но вдругъ Людовикъ неожиданно повернулъ на сѣверъ. Ни одна хроника не даетъ намъ объясненій этого страннаго движенія; безъ сомнѣнія, оно было вызвано дурнымъ санитарнымъ состояніемъ арміи и, быть-можетъ, первыми проявленіями болѣзни, которая 8 ноября пресѣкла въ Монпансье жизнь короля, чѣмъ исполнилось пророчество Мерлина: In ventris monte morietur leo pacificus; но народная молва обвиняла Тибо де Шампань въ отравленіи короля. Европа же вся полагала, что это отступленіе крестоносцевъ было вызвано крупными военными потерями, о которыхъ только молчали. Людовикъ разсчитывалъ вернуться на слѣдующій годъ и оставилъ въ покоренныхъ городахъ и замкахъ гарнизоны подъ главнымъ начальствомъ Гумберта де Божё, давъ ему помощникомъ Ги де Монфора. Ихъ подвиги были

---

[1]) Chron. Turonens. ann. 1226.—Teulet, «Layettes», II, 72, № 1751.

[2]) Нимъ, Нарбоннъ, Каркассонъ, Альби, Безье, Марсель, Кастръ, Пюилорансъ, Авиньонъ.

[3]) Matt. Paris, ann. 1226.—Teulet, «Layettes», II, 71, 78, 81, 84, 85, 89, 90, 91, 648—9.—Guill. de Pod. Laurent. c. 35.—Vaissete, III, 351, 364.—Chron. Turon. ann. 1226.—Guill. Nang. ann. 1226.—Gesta Ludovici VIII, ann. 1226.—Городъ Ажанъ, повидимому, остался вѣрнымъ Раймунду (Teulet, II, 82).

Библиотека "Руниверс"

ничтожны: они сожгли только порядочное число еретиковъ, конечно, для того, чтобы сохранить за войной ея священный характеръ [1]).

Раймундъ, спасшійся какъ бы чудомъ отъ неминуемой гибели, не сталъ терять даромъ времени и отвоевалъ часть своихъ земель. Смерть Людовика совершенно измѣнила положеніе дѣлъ, и нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, ему нечего было бояться. Правда, тринадцатилѣтній Людовикъ IX былъ немедленно коронованъ въ Реймсѣ, а регентство было предоставлено его матери Бланшъ Кастильской; но крупные бароны волновались, и заговоръ, родившійся подъ стѣнами Авиньона, продолжалъ существовать. Бретань, Шампань и Маршъ демонстративно воздержались отъ участія въ коронаціонныхъ торжествахъ, медлили принести присягу на вѣрность и завязали сношенія съ Англіей. Однако, уже въ началѣ 1227 г. заговорщики разошлись, и регентша то ласками, то милостями привлекла ихъ одного за другимъ на свою сторону; съ Генрихомъ III было заключено кратковременное перемиріе, и виконтъ де Туаръ и непосредственныя опасности были устранены.

Вступившій 19 марта 1227 г. на папскій престолъ Григорій IX принялъ подъ свое покровительство регентшу и ея сына на томъ основаніи, что они обязались вести войну противъ ереси; но посылка время-отъ-времени вспомогательныхъ отрядовъ изъ Франціи къ Божё имѣла, повидимому, одну только цѣль—оправдать взиманіе десятиннаго налога. Четыре большихъ провинцій, Реймсъ, Руанъ, Сансъ и Туръ, отказались платить этотъ налогъ, и легату пришлось разрѣшить регентшѣ захватить церковныя земли, чтобы получить съ церквей требуемыя деньги.

Раймундъ продолжалъ борьбу съ перемѣннымъ счастьемъ. На соборѣ, бывшемъ въ Нарбоннѣ великимъ постомъ 1227 г., были отлучены отъ Церкви всѣ, не сохранившіе присягу на вѣрность Людовику; это служитъ доказательствомъ того, что народъ всюду, гдѣ можно было сдѣлать это безъ большого риска, вернулся къ своему старому повелителю. Приказывая епископамъ строго разыскивать еретиковъ и предлагая свѣтскимъ властямъ наказывать ихъ, тотъ же соборъ отмѣтилъ, что даже и въ занятыхъ французами земляхъ преслѣдованіе еретиковъ значительно ослабло [2]).

Въ 1227 г. война тянулась безъ рѣшительныхъ результатовъ. Божё, подкрѣпленный Петромъ Аміелемъ Нарбоннскимъ и Фулькомъ Тулузскимъ, занялъ послѣ ожесточенной осады замокъ Беседъ, гарнизонъ котораго былъ перебитъ; а еретическій діаконъ Жеро де Моттъ и его товарищи были сожжены. Владѣлецъ замка, Паганъ де Беседъ, былъ объявленъ faidit и главою еретиковъ; сожженъ же онъ былъ только въ 1233 г. Раймундъ вернулъ Кастель-Сарассенъ, но не могъ помѣшать крестоносцамъ опустошить всю страну вплоть до стѣнъ Тулузы. Новый годъ засталъ обѣ стороны жаждущими мира. У регентши Бланшъ было много причинъ желать его заключенія. Вельможи Аквитаніи находились въ перепискѣ съ Генрихомъ III, который все еще не терялъ надежды вернуть обширную территорію, отнятую Филиппомъ-Августомъ у англійской короны. Крупные бароны ссорились и враждовали между собою, и поэтому часть королевства постоянно находилась на военномъ положеніи. Полученіе десятины становилось все болѣе труднымъ. Съ

---

[1]) Gesta Ludovici VIII, ann. 1226.—Matt. Paris, ann. 1226.—Chron. Turon. ann. 1226.—Guill. de Pod. Laurent. c. 36, 38.—Alberti Stadens. «Chron.» ann. 1226.—Vaissete, III. 363.

[2]) Chron. Turonens. ann. 1226, 1227.—Martène, «Ampliss. Coll.» I, 1210—13. Potthast, «Regesta», 7897, 7920.—Vaissete, III, Pr. 323–5.—Guill. Nangiac. ann. 1227.—Guil. de Pod. Laurent. c. 38.—Matt. Paris, ann. 1228.—Martène, «Thes.» I, 940.—Concil. Narbonens. ann. 1227, can. 13—17.—Vaissete, изд. Priv. VIII, 265. Письмо санскаго архіепископа и шартрскаго епископа отъ 1227 г. съ обѣщаніемъ оказать королю денежную поддержку за крестовый походъ противъ альбигойцевъ сохранились въ Національномъ Архивѣ Франціи. J. 428, № 8.

Библиотека "Руниверс"

другой стороны, и Раймундъ не переставалъ просить мира, и была нѣкоторая надежда укрѣпить за короной богатое наслѣдство Тулузскаго дома, такъ какъ единственной наслѣдницей Раймунда была незамужняя дочь Іоанна. Бракъ этой наслѣдницы съ однимъ изъ младшихъ братьевъ Людовика IX, съ передачей имъ и ихъ наслѣдникамъ владѣній графа, могъ мирнымъ путемъ принести тѣ же политическія выгоды, какъ и крестовый походъ. Что же касалось религіозныхъ вопросовъ, то отъ искренне-благочестиваго Раймунда, который тысячу разъ показывалъ свою готовность примѣнить суровыя мѣры, можно было ожидать ихъ удовлетворительнаго разрѣшенія.

Григорій IX былъ очень радъ положить конецъ войнѣ, начатой Иннокентіемъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Уже въ мартѣ 1228 г. онъ написалъ Людовику IX, убѣждая его заключить миръ, слѣдуя совѣтамъ легата, уполномоченнаго во всемъ помогать ему. И первыя предложенія Раймунду были сдѣланы отъ имени легата черезъ аббата Грансельва. Въ основу переговоровъ было положено сватовство; это подтверждается письмомъ папы отъ 23 іюня, въ которомъ онъ уполномочиваетъ Романо устранить препятствіе къ браку, заключавшееся въ кровномъ родствѣ сторонъ, если бракъ Іоанны съ однимъ изъ братьевъ Людовика дастъ странѣ миръ. Другое посланіе папы отъ 21 октября, призывавшее прелатовъ снова проповѣдывать крестовый походъ противъ альбигойцевъ, повидимому, указываетъ на то, что Раймундъ въ чемъ-то упорствовалъ, и надо было оказать на него давленіе. Чтобы вѣрнѣе добиться успѣха, французскія войска начали страшно опустошать его владѣнія. Наконецъ, въ декабрѣ 1228 г. Раймундъ уполномочилъ аббата Грансельва принять всѣ предложенія Тибо де Шампань, игравшаго роль посредника. Совѣщаніе произошло въ Мо въ присутствіи консуловъ Тулузы, и предварительныя условія были подписаны въ январѣ 1229 г.

Великій четвергъ 12 апрѣля 1229 г. былъ знаменательнымъ днемъ окончанія этой долгой войны. Передъ главнымъ входомъ собора Парижской Богоматери Раймундъ смиренно подошелъ къ легату и просилъ присоединить его къ Церкви; босой и въ одной рубашкѣ, какъ кающійся грѣшникъ, онъ былъ подведенъ къ алтарю; въ присутствіи высшаго духовенства и высшихъ сановниковъ государства ему было дано отпущеніе грѣховъ, и было снято отлученіе, тяготѣвшее надъ его товарищами. Послѣ этого онъ въ качествѣ плѣнника былъ помѣщенъ въ Луврѣ и оставался тамъ какъ заложникъ, пока его дочь и пять изъ его замковъ не были вручены королю, и пока не было разрушено пятьсотъ туазовъ тулузскихъ городскихъ стѣнъ [1]).

Эти условія были суровы и унизительны. Въ королевскомъ манифестѣ, гдѣ былъ опубликованъ договоръ, было представлено, что Раймундъ, слѣдуя указаніямъ легата, просилъ у Церкви и короля не суда, а милости. Онъ даетъ присягу всѣми силами преслѣдовать еретиковъ, ихъ единомышленниковъ и тѣхъ, кто даетъ имъ пристанище; онъ не долженъ щадить ни самыхъ близкихъ своихъ родныхъ, ни друзей, ни вассаловъ. Всѣ должны быть наказаны въ самое короткое время, а для обнаруженія еретиковъ должна быть основана инквизиція, наказъ которой долженъ выработать легатъ. На нужды этого судилища Раймундъ соглашался уплачивать по двѣ марки за каждаго совершеннаго, который будетъ схваченъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, и по одной маркѣ по истеченіи этого срока. Въ отношеніи другихъ еретиковъ онъ обѣщался всецѣло подчиниться всѣмъ приказаніямъ легата или папы. Его бальи, или мѣстные судьи, должны быть всѣ добрыми католиками безъ всякой тѣни подозрѣнія; онъ будетъ защищать Церковь, всѣхъ

---

[1]) Bernard. Guidon. «Vita Gregor. PP. IX» (Murat S. R. I. III, 570 1).—Guill. de Pod. Laurent. c. 38, 39.—Teulet, «Layettes», II, 144, № 1980.—Potthast, «Regesta», 8150, 8216, 8267.—Raynald. «Annal.» ann. 1228, № 20—4.—Martène, «Thes.» I, 943. — Vaissete, III, 377 — 8; Pr. 326—9, 335.

Библиотека "Руниверс"

ея членовъ и всѣ ея привилегіи; онъ будетъ подкрѣплять рѣшенія духовныхъ судовъ, подвергая конфискаціи имущество всякаго, кто будетъ оставаться отлученнымъ отъ Церкви въ теченіе года; онъ возстановитъ всѣ церковныя имѣнія, отнятыя у церквей съ самаго начала смутъ, и уплатитъ 10000 серебряныхъ марокъ за разграбленныя имущества частныхъ лицъ; онъ будетъ требовать правильной уплаты десятины; въ видѣ особаго штрафа онъ долженъ внести пять тысячъ марокъ въ пять монастырей, которые ему будутъ указаны, затѣмъ шесть тысячъ марокъ на укрѣпленіе замковъ, которые король займетъ въ обезпеченіе интересовъ Церкви, и, наконецъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ марокъ на содержаніе въ Тулузѣ въ теченіе десяти лѣтъ двухъ магистровъ богословія, двухъ докторовъ каноническаго права, шести учителей грамматики и свободныхъ искусствъ. Его покаяніе будетъ состоять въ томъ, что тотчасъ же по полученіи отпущенія грѣховъ онъ вступитъ въ ряды крестоносцевъ и не позднѣе, какъ черезъ два года, отправится на пять лѣтъ въ Палестину. Несмотря на неоднократныя напоминанія, Раймундъ никогда не исполнилъ этой епитеміи, а когда въ 1247 г. онъ сталъ, наконецъ, готовиться къ отъѣзду, смерть навсегда оставила его въ родной странѣ. Народъ же долженъ былъ принести присягу, повторяемую каждыя пять лѣтъ, въ силу которой каждый обязывался всѣми средствами преслѣдовать еретиковъ, ихъ сообщниковъ и всѣхъ, кто будетъ давать имъ пріютъ; кромѣ того, всѣ должны оказывать содѣйствіе Церкви и королю, если будетъ начато преслѣдованіе ереси.

Когда, такимъ образомъ, были обезпечены интересы Церкви и религіи, бракъ Іоанны съ однимъ изъ братьевъ короля былъ признанъ проявленіемъ особой благосклонности къ Раймунду. Не задумываясь, признали его лишеннымъ всѣхъ владѣній, но король милостиво давалъ ему область старой Тулузской епархіи съ тѣмъ, что послѣ его смерти она переходитъ къ его дочери и къ зятю; такимъ путемъ это наслѣдство было упрочено за королевскимъ домомъ. Кромѣ того, Раймунду были даны Ажанъ, Руэргъ, Керси (за исключеніемъ Кагора) и часть Альбигойи съ тѣмъ, что эти земли послѣ его смерти переходятъ къ его дочери, минуя законнаго наслѣдника; обширныя же пространства, заключенныя между герцогствомъ Нарбоннскимъ и графствами Велэ, Жеводанъ, Вивье и Лодевъ, король оставлялъ себѣ. Маркизатъ Прованскій (владѣніе Имперіи по ту сторону Роны) былъ отданъ Церкви. Такимъ образомъ, Раймундъ потерялъ двѣ трети своихъ владѣній. Кромѣ того, онъ долженъ былъ разрушить укрѣпленія Тулузы и тридцати другихъ замковъ безъ права когда-либо возводить на ихъ мѣсто новыя; онъ долженъ былъ передать королю восемь другихъ укрѣпленныхъ замковъ и ежегодно въ теченіе пяти лѣтъ выдавать ему на ихъ содержаніе по 1500 марокъ; онъ долженъ былъ принять энергичныя мѣры противъ своихъ упорствующихъ вассаловъ, въ частности противъ графа де Фуа, который, увидавъ себя покинутымъ, согласился въ томъ же году на унизительный миръ. Была объявлена всеобщая амнистія, и были возстановлены въ своихъ правахъ faiditis, или лишенные своего званія рыцари, за исключеніемъ, разумѣется, еретиковъ. Далѣе Раймундъ обязывался обезпечить общественное спокойствіе и изгнать навсегда грабителей большихъ дорогъ (routiers), къ которымъ въ теченіе уже полутораста лѣтъ Церковь относилась съ особою ненавистью. Всѣ вассалы Раймунда и весь народъ его должны были скрѣпить эти условія своею присягой и обязаться свято выполнять ихъ; сверхъ всего, если въ теченіе сорока дней послѣ объявленія онъ не исполнитъ какого-либо изъ принятыхъ имъ обязательствъ, то всѣ предоставленныя ему земли переходятъ къ королю, его подданные освобождаются отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ нему, а самъ онъ, какъ и прежде, подвергается отлученію отъ Церкви [1]).

---

[1]) Harduin. «Concil.». VII, 165—72.—Vaissete, III, 375; Pr. 329—35; 340—3.—Teulet, «Layettes», II, 147—52, № 1991—4; p. 154—7, № 1998—99, 2003—4.—Guill. de Pod. Laurent. c. 47.

Библиотека "Руниверс"

Права, которыя, такимъ образомъ, присваивалъ себѣ король на земли Раймунда, основывались, съ одной стороны, на завоеваніяхъ его отца, а съ другой—на уступкахъ, сдѣланныхъ Амори, который, черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія договора, сдѣлалъ новую—третью уступку, по которой уступалъ королю все безъ остатка, а себя самого передавалъ на его милость, чтобы не быть совершенно ограбленнымъ. Въ награду за это ему было дано право на пожизненное званіе коннетабля, мѣсто котораго за смертью Матье де Монморанси освободилось годомъ позднѣе. Въ 1237 г. онъ имѣлъ неблагоразуміе снова предъявить свои права; принялъ титулъ герцога Нарбоннскаго, сдѣлалъ безуспѣшную попытку завладѣть Дофинэ въ силу правъ на него своей жены и захватилъ графство Мельгейль. Взбѣшенный этимъ, Григорій IX наложилъ на него епитемію и велѣлъ присоединиться къ отправлявшимся въ Св. Землю крестоносцамъ. Амори подчинился, и Григорій рѣшилъ выдать ему, послѣ его отъѣзда, три тысячи марокъ изъ суммъ, собранныхъ съ крестоносцевъ за разрѣшеніе отъ даннаго ими обѣта идти въ Св. Землю. Уплата этихъ денегъ была возложена на Сансскую провинцію и на земли самого Амори. Амори отправился въ 1238 г., но злой рокъ продолжалъ преслѣдовать его; въ 1241 г. онъ попался въ плѣнъ къ сарацинамъ и былъ выкупленъ Григоріемъ за 4000 марокъ, взятыхъ изъ того же источника. Умеръ онъ въ томъ же году въ Отрантѣ на обратномъ пути изъ Палестины, окончивъ, такимъ образомъ, жизнь, полную самыхъ неожиданныхъ превратностей и почти безпрерывныхъ неудачъ [1]).

Нѣкогда могущественный Тулузскій домъ палъ окончательно; имѣвшій болѣе обширныя владѣнія, чѣмъ самъ король, графъ Тулузскій дошелъ до такого состоянія, что съ нимъ никто уже не считался, хотя въ 1234 г. Григорій IX и Фридрихъ II, уступая просьбамъ Людовика IX, вернули ему Провансъ, по всей вѣроятности, въ награду за его ревностное преслѣдованіе еретиковъ. Раймундъ не занималъ уже перваго мѣста среди шести свѣтскихъ пэровъ Франціи, а былъ низведенъ на четвертое. Парижскій договоръ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Іоаннѣ Тулузской и предназначенному ей супругу, брату Людовика, Альфонсу было въ 1229 г. по девяти лѣтъ. Свадьба ихъ состоялась въ 1237 г., и когда въ 1249 г. умеръ Раймундъ, они унаслѣдовали всѣ его земли. Въ 1271 г. они умерли одинъ за другимъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ; тогда Филиппъ III завладѣлъ не только графствомъ Тулузскимъ, но и всѣми землями, которыми Іоанна считала себя въ правѣ распорядиться по духовному завѣщанію; такимъ образомъ, власть короны распространилась на весь югъ Франціи, и ему пришлось испытать всѣ ужасы и всю тяжесть столѣтней войны. Невольно напрашивается вопросъ: неужели во время перипетій этой войны Тулузскій домъ не могъ бы стать независимымъ и основать королевство, совершенно однородное по населенію? Если этого не случилось, то только потому, что религіозный фанатизмъ, вызванный ересью катаровъ, позволилъ капетингамъ при поддержкѣ папства свести на нѣтъ въ XIII в. Тулузскій домъ.

Если такая слабая монархія, какъ Франція во время дѣтства Людовика IX, могла предъявить Раймунду столь тяжелыя и унизительныя требованія, то это случилось благодаря только тому, что споры съ Церковью довели Раймунда до полнаго нравственнаго одиночества; и ему не могли помочь ни вѣрность его подданныхъ, ни мужественное сопротивленіе, которое онъ проявлялъ въ длинномъ рядѣ нападеній. Церковная анаѳема, тяготѣвшая надъ нимъ, парализовала его дѣйствія и лежала немъ постояннымъ проклятіемъ.

---

[1]) Martène, «Ampliss. Coll.» I, 1225.—Vaissete, III, 375, 412.—Teulet, «Layettes», II, 155, № 2000.—Raynald. ann. 1237, № 31.—Rob. de Monte «Chron.» ann. 1238.—Potthast, «Regesta», 10469, 10516 — 17, 10563, 10579, 10666, 10670, 10996.—Ср. Berger, «Les registres d'Innocent IV», № 2763—69.

Относительно суммъ, собранныхъ въ Англіи въ 1230 г. отъ продажи крестоносцамъ освобожденія ихъ отъ обѣта, см. Matt. Paris, ann. 1234, стр. 276.

Библиотека "Руниверс"

Согласно государственному праву той эпохи онъ былъ внѣ закона; даже защищаясь, онъ совершалъ преступленіе, и единственнымъ средствомъ для него войти въ общество людей было примириться съ Церковью. Утомленіе и упадокъ духа сломили, въ концѣ концовъ, его мужество. Но все же правъ Бернардъ Ги, говоря, что одинъ только тотъ пунктъ, въ которомъ говорится о правахъ королевскаго дома на Тулузу, могъ бы показаться черезчуръ тяжелымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы Раймундъ былъ взятъ королемъ въ плѣнъ на полѣ битвы [1]).

Многое можно бы было привести въ оправданіе Раймунда, если бы онъ нуждался въ немъ. Родившись въ 1197 г., онъ былъ еще ребенкомъ, когда гроза разразилась надъ головой его отца; вступивъ въ сознательный возрастъ, онъ увидѣлъ свою страну добычей жестокихъ рыцарей сѣвера, наведшихъ на него бродячія орды людей, столь же жадныхъ до добычи, какъ и до индульгенцій. Въ теченіе двадцати лѣтъ несчастное населеніе, оставшееся вѣрнымъ ему, не знало ни минуты покоя. Только чудомъ во время послѣдняго крестоваго похода населеніе избавилось отъ полнаго истребленія, а будущее его рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, такъ какъ римская Церковь могла наводнить югъ новыми полчищами мародеровъ подъ сѣнью креста. Понятно, онъ не могъ быть преданнымъ сыномъ той Церкви, которая была для него всегда мачехой, но, тѣмъ не менѣе, еретикомъ онъ не былъ. Если онъ предпочиталъ скорѣе терпѣть ересь среди своихъ подданныхъ, чѣмъ казнить ихъ черезъ десятаго, то, съ другой стороны, онъ могъ спросить себя, должна ли эта вѣротерпимость быть куплена цѣною спасенія всего народа? Ему представлялся выборъ между двумя политиками: одна изъ нихъ требовала частичной жертвы, другая—полной. Первая, очевидно болѣе благоразумная, согласовалась съ природнымъ инстинктомъ самосохраненія. Разъ онъ принялъ извѣстное рѣшеніе, онъ неизмѣнно держался его и сознательно работалъ надъ уничтоженіемъ ереси, хотя не разъ и вмѣшивался, когда ревность преслѣдователей-инквизиторовъ грозила вызвать волненія. Въ общемъ Раймундъ былъ вполнѣ сыномъ своего времени; если бы онъ сталъ выше окружающихъ его, то онъ могъ бы прославиться какъ мученикъ, но народъ его отъ этого ничего не выигралъ бы.

Борьба вѣротерпимости противъ тенденціи преслѣдованія была поднята и проиграна. Послѣ такого краснорѣчиваго предупрежденія, какъ паденіе двухъ Раймундовъ, нечего было опасаться, что явятся новые владѣтельные князья, которые проявятъ терпимость къ еретикамъ. Церковь, призвавъ на помощь себѣ государство, поторопилась извлечь выгоду изъ общей побѣды, и вскорѣ среди тѣхъ, кто такъ долго мѣшалъ ей, открыла свои дѣйствія Инквизиція. Можно удивляться, что Европа такъ единодушно признала законнымъ и необходимымъ подобное превышеніе власти, зная недостатки и пороки духовенства. Но это фактъ, и фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о такомъ крайнемъ извращеніи религіи Христа, что необходимо нѣсколько остановиться на изученіи движенія, которое одно могло сдѣлать возможнымъ невозможное на первый взглядъ.

ГЛАВА V.

Преслѣдованіе.

Церковь далеко не всегда считала своею первою обязанностью бороться силою противъ несогласныхъ съ нею и накладывать на нихъ молчаніе, во что бы то ни стало. Въ простыхъ общинахъ апостольскихъ временъ вѣрные были связаны между собою узами любви; духъ ученія того времени прекрасно выразился въ обращеніи апостола Павла къ Галатамъ:

[1]) Bern. Guid. «Vita Gregor. PP. IX» (Muratori, «Script. Rer. Ital.» III, 572).

Библиотека "Руниверс"

«Братія! если и впадетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, вы, духовные, исправляйте такового въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушеннымъ. Носите бремена другъ друга и такимъ образомъ исполните Законъ Христовъ» [1]).

Іисусъ заповѣдалъ Своимъ ученикамъ прощать ихъ братьямъ семьдесять разъ семь, и въ то время, когда писалъ апостолъ Павелъ, ученіе Христа было еще настолько свѣже, что не могло быть погребено подъ массой обрядовъ и догматовъ, въ которыхъ мертвящая буква душитъ живой смыслъ. Великія вѣчныя идеи христіанства удовлетворяли горячее чувство вѣрныхъ. Догматическое богословіе со своими безконечными хитросплетеніями и метафизическими тонкостями еще не родилось; не была еще создана даже его терминологія. Надо было еще извлечь путемъ индукціи изъ выраженій, проскользнувшихъ у писателей, трактовавшихъ о совсѣмъ другихъ предметахъ, тѣ безчисленные догматы вѣры, которые провозглашала догматика; надо было еще создать ихъ путемъ дословнаго толкованія поэтическихъ метафоръ Священнаго Писанія.

Испытываешь чувство истиннаго облегченія, когда отъ тонкостей, почти недоступныхъ человѣческому разумѣнію, обращаешься къ полнымъ глубокаго смысла словамъ апостола Павла къ Тимоѳею: «Отходя въ Македонію, я просилъ тебя пребыть въ Ефесѣ и увѣщевать нѣкоторыхъ, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословіями безконечными, которыя производятъ больше споры, чѣмъ Божіе назиданіе въ вѣрѣ. Цѣль же увѣщанія есть любовь отъ чистаго сердца, и доброй совѣсти, и нелицемѣрной вѣры». [2]). Тѣхъ, кто находилъ удовольствіе въ этихъ безконечныхъ спорахъ, апостолъ Павелъ называетъ «желающими быть законоучителями, но не разумѣющими ни того, что говорятъ, ни того, что утверждаютъ», [3]) и даетъ слѣдующій совѣтъ своему любимому ученику: «Отъ глупыхъ и невѣжественныхъ состязаній уклоняйся, зная, что они рождаютъ ссоры» [4]). И часть Ебіонистовъ была согласна съ апостоломъ Павломъ, говоря: «Чистое и непорочное благочестіе передъ Богомъ и Отцомъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ и хранить себя неоскверненнымъ отъ міра» [5]).

Но уже было брошено сѣмя, которое должно было дать богатую жатву злыхъ дѣлъ и бѣдствій. Самъ апостолъ Павелъ не допускаетъ уже, чтобы отклонялись отъ ученія, приносимаго имъ: «но если бы даже мы или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема» [6]). Въ другомъ мѣстѣ апостолъ Павелъ говоритъ, что онъ предалъ Сатанѣ Именея и Александра, «дабы они научились не богохульствовать» [7]). Быстрое развитіе религіозной нетерпимости уже ясно видно въ угрозахъ Апокалипсиса, направленныхъ противъ вѣроотступниковъ и еретиковъ Семи Церквей. Богословіе не могло создаться безъ того, чтобы не выдвинуть цѣлаго ряда вопросовъ, на которые у евангелистовъ не дано отвѣта. Въ пылу спора богословы до того преувеличивали разсматриваемые ими вопросы, что ставили въ зависимость отъ нихъ даже самое существованіе христіанства. Люди стали искренно вѣрить, что ихъ противники не могутъ считаться христіанами, такъ какъ они расходятся съ ними въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ, касающихся обрядности или ученія, или въ нѣкоторыхъ догматическихъ тонкостяхъ, уловить которыя могъ только изощренный умъ схоластика. Когда Квинтилла началъ учить, что крещеніе можно совершать и безъ воды, то Тертулліанъ воскликнулъ, что отнынѣ между ними нѣтъ ничего общаго, что они поклоняются разнымъ Богамъ, и

[1]) Ап. Павла «Посланіе къ Галатамъ», VI, 1, 2.
[2]) Св. апост. Павла «Первое посланіе къ Тимоѳею», I, 3, 4, 5.
[3]) Тамъ же, I, 7.
[4]) Св. апост. Павла «Второе посланіе къ Тимоѳею», II, 23.
[5]) Соборное посланіе св. апост. Іакова, I, 27.
[6]) Св. апост. Павла «Посланіе къ Галатамъ», I, 8.
[7]) Св. апост. Павла «Первое посланіе къ Тимоѳею», I, 20.

Библиотека "Руниверс"

Христосъ ихъ не одинаковъ. Ересь донатистовъ, причинившая такъ много несчастій, была вызвана вопросомъ объ избираемости одного только епископа. Когда Евтихій въ пылу обличенія ученій Несторія дошелъ до смѣшенія двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, увѣренный, что онъ поддерживаетъ ученіе друга своего св. Кирилла, онъ неожиданно для себя былъ уличенъ въ предосудительной ереси. Его возраженія противъ тонкой риторики Евсевія изъ Дорилеи показываютъ, что онъ не понималъ тонкаго различія между substantia и subsistentia—роковая ошибка, стоившая жизни тысячамъ людей. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ шести вѣковъ въ то время, когда человѣческая пытливость разбирала безконечныя проблемы о земной жизни и о жизни будущаго вѣка, безпрерывно возникали новые вопросы, вызывавшіе ожесточенные споры. Люди, занимавшіе высокое положеніе въ Церкви, могли давать силу закона своимъ мнѣніямъ и оставались, конечно, вполнѣ вѣрными католичеству; менѣе же сильные были объявлены отпавшими отъ католичества, и дѣленіе между вѣрными и еретиками съ каждымъ вѣкомъ становилось замѣтнѣе [1]).

И не только богословская нетерпимость, не только гордость человѣческой мысли или ревность по чистотѣ вѣры возбуждали эти пагубныя страсти. Богатство и власть имѣли обаяніе въ глазахъ даже епископа и священника, и чѣмъ шире съ теченіемъ времени распространялись предѣлы Церкви, тѣмъ болѣе ея богатства и сила становились въ зависимость отъ послушанія стада. Самымъ опаснымъ мятежникомъ являлся пылкій теоретикъ, высказывавшій сомнѣнія относительно догматической правильности мнѣній лица высшаго, чѣмъ онъ, въ церковной іерархіи; и если ему удавалось собрать около себя учениковъ, то онъ становился душою возстанія, которое легко могло превратиться въ настоящую революцію. Тамъ, гдѣ еретиковъ было достаточно много, чтобы образовать свою особую общину, они не обращали никакого вниманія на то, что ихъ отсѣкали отъ Церкви; рѣшенія духовныхъ судовъ были безсильны противъ убѣжденій изувѣровъ. Результатомъ было то, что этихъ сектантовъ стали преслѣдовать съ большей жестокостью, чѣмъ самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Какъ бы ни была ничтожна первоначальная причина раскола, какъ бы ни была чиста и горяча вѣра разошедшихся съ Церковью, уже одно то, что они отказались склониться передъ признаннымъ авторитетомъ, являлось такимъ крупнымъ преступленіемъ, передъ которымъ казались ничтожными всѣ другіе грѣхи, и которое, такъ сказать, сводило къ нулю всѣ добродѣтели и все благочестіе, которыя могли проявить виновные. Даже самъ св. Августинъ въ той горячей восторженности, съ которой донатисты переносили мученическую смерть и даже искали ее, не находилъ ничего такого, что могло бы смягчить его отвращеніе къ нимъ. Если бы они имѣли въ своемъ сердцѣ Христа, то ихъ самоотреченіе заслуживало бы похвалы; но они дѣйствовали по внушенію Сатаны, какъ евангельскія свиньи, которыхъ нечистый духъ увлекъ на дно озера. Даже мученическій вѣнецъ, принятый во имя Христа, не можетъ спасти схизматиковъ и еретиковъ отъ вѣчнаго огня, гдѣ они будутъ жариться вмѣстѣ съ Сатаной [2]).

Однако, духъ преслѣдованія такъ сильно противорѣчилъ ученію Христа, что онъ не могъ восторжествовать безъ предварительной долгой и сильной борьбы, слѣды которой мы находимъ въ твореніяхъ первыхъ отцовъ Церкви. Тертулліанъ горячо защищаетъ свободу совѣсти: «навязывать религію—пишетъ онъ—дѣло, совершенно противорѣчащее религіи; никто не добивается вынужденныхъ силой выраженій преданности, и Богъ любитъ только тѣхъ, кто ищетъ Его отъ чистаго сердца». Но, когда споры съ гностиками возбуждали воинственный пылъ Тертулліана, ему не трудно было находить во Второзаконіи и Числахъ подходящіе тексты въ подтвержденіе того положенія, что упорство должно быть побѣждаемо

[1]) Tertull. «De Baptismo», c. 15.—Concil. Chalcedon. Act. 1.

[2]) Augustin. «Epist.» 185 ad Bonifac. c. III, 12.—Cyprian. «de Unit. Eccles.».—C. 3 Extra, V, 7.

Библиотека "Руниверс"

не словомъ убѣжденія, а силой оружія. Святой Кипріанъ учитъ, что мы должны стараться сдѣлаться пшеничными колосьями, а плевелы мы должны оставлять на волю Бога, и онъ приравниваетъ къ святотатцу того, кто, присваивая себѣ права Бога, разыскиваетъ и вырываетъ плевелы; но въ то же время самъ Кипріанъ, не задумываясь, отсѣкалъ отъ Церкви всѣхъ, не согласныхъ съ нимъ, и обрекалъ ихъ на вѣчную гибель; другими словами, примѣнялъ къ нимъ единственную форму преслѣдованія, практиковавшуюся въ его время. Въ сущности было вполнѣ естественно, что Церковь, сама еще гонимая, защищала принципъ вѣротерпимости, а тотъ фактъ, что даже и тогда духъ нетерпимости стремился пробиться наружу, могъ бы заранѣе показать міру, чего ждать ему отъ Церкви, когда она получитъ матеріальную возможность навязывать свое ученіе сопротивляющимся. Но, однако Лактанцій, послѣдній изъ отцовъ еще гонимой Церкви, говорилъ, что вѣра не должна быть навязываема силою, что убійства и благочестіе не имѣютъ ничего общаго между собою. Онъ добавляетъ, что никого не слѣдуетъ принуждать силою оставаться въ лонѣ Церкви, такъ какъ Богу не нужны тѣ, въ комъ нѣтъ истиннаго благочестія [1]).

Торжество нетерпимости стало неизбѣжнымъ съ того дня, когда христіанство сдѣлалось государственной религіей; но духъ нетерпимости, однако, развивался медленно, и мы въ правѣ заключить отсюда, что сильно еще чувствовалось противорѣчіе между духомъ евангелія и духомъ преслѣдованія. Какъ только догматы православія были утверждены на Никейскомъ соборѣ, Константинъ сейчасъ же пустилъ въ ходъ авторитетъ государства, чтобы установить единство ученія. Всѣ священники еретиковъ и схизматиковъ были лишены преимуществъ и неприкосновенности, которыми пользовалось духовенство; мѣста ихъ собранія были отобраны въ пользу Церкви, и имъ были запрещены какъ публичныя, такъ и частныя собранія. Интересно отмѣтить, что эти распоряженія исполнялись съ самой неутомимой энергіей въ то время, когда свободно существовали еще по всей Имперіи языческіе храмы, и когда безпрепятственно отправлялось языческое богослуженіе. Хотя учителя Церкви и думали что, ихъ главная обязанность заключается въ томъ, чтобы не допускать распространенія ученій, казавшихся гибельными для Церкви, они все же не рѣшались доводить нетерпимость до крайнихъ ея логическихъ выводовъ и добиваться единства Церкви цѣною крови. Но, повидимому, они уже подумывали объ этомъ, такъ какъ императоръ Юліанъ прямо заявляетъ, что онъ никогда не видалъ дикихъ звѣрей, которые были бы столь кровожадны, какъ большинство христіанъ въ отношеніи своихъ единовѣрцевъ. Константинъ, подъ страхомъ смерти предписалъ выдачу всѣхъ аріанскихъ книгъ, но, повидимому, никто не былъ приговоренъ за это къ смерти. Въ концѣ концовъ, императоръ, утомленный постоянными спорами, приказалъ св. Аѳанасію допускать всѣхъ христіанъ, безъ различія сектъ, до посѣщенія храмовъ; но старанія императора-миротворца были безсильны противъ возрастающей бури догматическихъ споровъ. Сообщаютъ, что Валентій въ 370 г. предалъ смерти восемьдесятъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія, пожаловавшихся ему на насиліе аріанъ; правда, это не было казнью по суду, но префекту Модесту было дано тайное приказаніе заманить указанныхъ лицъ на корабль и сжечь его въ открытомъ морѣ [2]).

Впервые примѣненіе смертной казни за принадлежность къ ереси произошло въ 385 г., и вызванный этимъ повсюду ужасъ показываетъ, что всѣ отнеслись къ казни какъ къ отвратительному новшеству. Приписанныя Присцилліану гностиче-

---

[1]) Tertull. «Apolog.» c. XXIV; «Lib. ad Scapulam», II; «adv. Gnosticos Scorpiaces», II, III. — Cyprian. «Epist. 54 ad Maximum»; «de Unit. Ecclesiae»; «Epist. 4 ad Pomponium», c. 4, 5.—Firm. Lactant. «Div. Instit.» V, 20.

[2]) Lib. XVI Cod. Theod. tit. V, 1, 2.—Sozomen. «Hist. Eccles.», I, 21; II, 20, 22, 30; III, 5.—Socrate. «Hist. Eccl.», I, 9; IV, 16.—Ammian. Marcell. XXII. 5.

Библиотека "Руниверс"

скія и манихейскія умозрѣнія вызвали то исключительное отвращеніе, которое Церковь всегда питала къ ересямъ этого рода; но, когда онъ, осужденный тираномъ Максимомъ въ Трирѣ, былъ подвергнутъ пыткѣ и преданъ казни съ шестью своими учениками, а остальные были сосланы на острова по ту сторону Бретани, то по всей Европѣ раздался громкій крикъ негодованія. Изъ двухъ епископовъ, преслѣдовавшихъ Присцилліана, Итація и Идація, одинъ былъ прогнанъ съ своей каѳедры, а другой самъ удалился на покой. Святой Мартинъ Турскій, сдѣлавшій все зависѣвшее отъ него, чтобы помѣшать этому жестокому рѣшенію, отказался имѣть общеніе не только съ этими епископами, но и съ тѣми, кто находился съ ними въ сношеніяхъ. Хотя онъ, въ концѣ концовъ, и уступилъ, чтобы испросить помилованіе для нѣсколькихъ людей, за которыхъ онъ просилъ у Максима, а также для того, чтобы помѣшать тирану преслѣдовать послѣдователей Присцилліана въ Испаніи [1]), все же онъ, несмотря на то, что къ нему сходилъ ангелъ-утѣшитель, былъ страшно огорченъ и даже утверждалъ, что на нѣкоторое время лишился силы изгонять бѣсовъ и излѣчивать недужныхъ [2]).

Если Церковь не рѣшалась еще проливать кровь, то она уже не стѣснялась прибѣгать ко всѣмъ другимъ средствамъ, чтобы доставить торжество установленной религіи. Въ началѣ V вѣка святой Іоаннъ Златоустъ учитъ, что ересь должна быть подавляема, что на уста еретиковъ должно быть накладываемо молчаніе, что они должны быть поставлены въ такое положеніе, чтобы не могли совращать другихъ, и что, наконецъ, ихъ тайныя сборища не должны быть допускаемы; но при всемъ томъ онъ добавляетъ, что къ нимъ не слѣдуетъ примѣнять смертной казни. Около того же времени святой Августинъ умоляетъ префекта Африки не предавать донатистовъ смертной казни; ибо—говоритъ онъ—если будутъ преслѣдованія, то ни одинъ священникъ не рѣшится выдать донатиста, такъ какъ онъ предпочтетъ умереть самъ, чѣмъ быть причиной смерти другого. Однако, Августинъ одобрилъ императорскіе законы, согласно которымъ донатисты изгонялись, подвергались штрафамъ, лишались церквей и права дѣлать духовныя завѣщанія; въ утѣшеніе ихъ онъ говорилъ имъ, что Богу не угодно, чтобы они умерли въ несогласіи съ единою каѳолическою Церковью. «Если—говорилъ онъ—принуждаютъ человѣка удалиться отъ зла и сотворить благо, то это не принужденіе, а проявленіе христіанской любви», а когда несчастные схизматики возражали, что вѣра не должна быть никому навязываема, то онъ заявлялъ, что это вѣрно въ принципѣ, но что грѣхъ и невѣріе должны быть наказуемы [3]).

Мало-по-малу, всѣ сомнѣнія были устранены, и люди нашли нарочитые доводы, чтобы дать свободу своей ненависти и злобѣ. Пылкій святой Іеронимъ, когда гнѣвъ его

---

[1]) Говорили, что ихъ можно узнать (какъ позднѣе катаровъ) по блѣдному цвѣту лица.

[2]) Sulp. Sev. «Hist. Sacr.», II, 47—51; ejusd. «Dial.», III, 11—13.—Prosp. Aquitan. «Chron.» ann. 385—6.—Св. Мартинъ не могъ предвидѣть, что со временемъ, въ дѣлѣ Лютера, папа выставитъ казнь Присцилліана какъ примѣръ, достойный подражанія; тотъ же папа, несмотря на то, что св. Амвросій отлучилъ отъ церкви Максима, не задумался поставить его среди «veteres ac pii imperatores» (Epist. Adriani PP. VI, nov. 15, 1522, ap. Luther, Opp. T. II, fol. 538a).

Опубликованные Schepss'омъ труды Присцилліана («Priscilliani quae supersunt», Вѣна, 1889), повидимому, доказываютъ, что его такъ называемая ересь была просто клеветнической выдумкой его враговъ Итація и Идація, и что казнь его тѣмъ болѣе гнусна, что она ни на чемъ не была основана. Но самъ Присцилліанъ проявляетъ крайнее ожесточеніе, которымъ были полны всѣ богословскіе споры того времени; защищая себя, онъ обвиняетъ Итація въ магіи и въ волшебствѣ и заявляетъ, что его слѣдовало бы предать смерти — «sed etiam gladio persequendus est» (Ibid., p. 24).

[3]) Chrysostomi «in Matth. Homil». XLVI, c. 2; ср. Homil. de Anathem. c. 4.—Augustini «Epist. 100 ad Donat.». c. 2; «Epist. 132 ad Marcellinum»; «Epist.» 105. c. 13; «Enchirid.», c. 72; «C. litt. Petilian.», lib. II, c. 83.

Библиотека "Руниверс"

былъ возбужденъ Вигилансомъ, отрицавшимъ поклоненіе мощамъ, выразилъ свое удивленіе, что епископъ не сокрушилъ тѣла этого дерзкаго еретика, чтобы спасти его душу, и утверждалъ, что благочестіе и ревность во славу Бога ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться жестокостью. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что строгость есть только извѣстная форма самой искренней любви къ ближнему, такъ какъ, наказуя тѣло, мы спасаемъ душу отъ вѣчной гибели. Черезъ шестьдесятъ два года послѣ казни Присциллiана и его единомышленниковъ, вызвавшей такое содроганіе, папа Левъ I, когда ересь снова проявилась въ 447 г., не только одобрилъ дѣйствія тирана Максима, но даже объявилъ, что если сохранять жизнь послѣдователямъ подобной, достойной осужденія, ереси, то это будетъ нарушеніемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Такимъ образомъ, рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, и Церковь окончательно была призвана всѣми средствами искоренять ересь. Нельзя не видѣть вліянія духовенства въ появленіи цѣлаго ряда императорскихъ указовъ, начиная съ эпохи Ѳеодосія Великаго, которыми упорство въ ереси наказуется смертью [1]).

Эволюціи, поворотные пункты которой мы отмѣчаемъ, въ значительной степени благопріятствовала отвѣтственность, которая падала на Церковь вслѣдствіе ея тѣсныхъ связей съ государствомъ. Когда она могла добиться отъ монарха изданія указовъ, осуждающихъ еретиковъ на изгнаніе, ссылку, каторгу и смерть, она думала, что Богъ далъ въ ея руки силу, которою отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать. Въ то же время она съ непослѣдовательностью, свойственной человѣку, утверждала, что не является отвѣтственной за казни, назначаемыя закономъ, и что руки ея никогда не обагрялись кровью. Епископъ Итацій отказался самъ выступить въ дѣлѣ Присциллiана въ качествѣ обвинителя, а выставилъ вмѣсто себя одно свѣтское лицо; ниже мы увидимъ, что къ подобнымъ же увертками прибѣгала и Инквизиція, но неискренность въ этомъ случаѣ очевидна для всякаго. Въ обширномъ сборникѣ императорскихъ указовъ, присуждающихъ еретиковъ ко всевозможнымъ лишеніямъ правъ и къ разнымъ наказаніямъ, ревностное духовенство могло находить доказательство того, что государство само считало своимъ первымъ долгомъ заботу о сохраненіи вѣры въ ея чистотѣ. Но если только государство или кто-либо изъ представителей власти проявляли хотя бы незначительное послабленіе въ отношеніи еретиковъ, то немедленно выступала на сцену Церковь и показывала свое жало. Такъ, напр., африканская церковь неоднократно требовала вмѣшательства свѣтской власти для уничтоженія донатизма; Левъ Великій настоятельно требовалъ отъ императрицы Пульхеріи уничтоженія послѣдователей ученія Евтихія; Пелагій I, понуждая Нарцисса силою подавить ересь, счелъ нужнымъ успокоить честнаго солдата, доказывая ему, что предупрежденіе или наказаніе грѣха не есть преслѣдованіе, а проявленіе любви. Это стало общимъ ученіемъ Церкви, и св. Исидоръ Севильскій ясно формулировалъ его, сказавъ, что долгъ князей не только въ томъ, чтобы быть самимъ вѣрными Церкви, но и въ томъ, чтобы поддерживать вѣру въ ея чистотѣ, примѣняя къ еретикамъ всѣ средства, доступныя имъ. Печальные результаты этого ученія, постоянно повторяемаго, проходятъ красною нитью черезъ всю исторію Церкви занимающей насъ эпохи. Ереси уничтожались одна за другой безъ всякаго снисхожденія, включительно до костра, который былъ принятъ на Константинопольскомъ соборѣ, при патріархѣ Михаилѣ Оксистѣ, какъ мѣра наказанія для богомиловъ.

Нужно, однако, сказать, что и сами еретики, когда имъ представлялся въ этому случай, также примѣняли пріемы своихъ противниковъ. Преслѣдованіе вѣрныхъ Церкви вандалами аріянами въ Африкѣ при Гензерихѣ было вполнѣ достойно господствующей

[1]) Hieronym. «Epist. 109 ad Ripar.»; «Comm. in Naum», 1, 9. — Leonis PP. I. «Epist. 15 ad Turribium». — Lib. XVI. Cod. Theodos. Tit. V, 9, 15, 34, 36, 51, 56, 64. — «Const. 11, 12, cod.» Lib. I. Tit. V. — «Novell. Theod.» II, tit. VI. — Pauli Diac. «Hist.» lib. XVI. — Basilicon lib. I, tit. 1—33.

Библиотека "Руниверс"

Церкви; а когда Гуннерихъ наслѣдовалъ своему отцу, и императоръ Зенонъ отвергъ его предложенія относительно взаимной вѣротерпимости, король вандаловъ довелъ свою ревность къ вѣрѣ до самыхъ ужасныхъ предѣловъ. Было также непродолжительное преслѣдованіе аріанами вѣрныхъ Церкви и въ Аквитаніи при Еврикѣ, королѣ визиготскомъ. Но все же нужно сказать, что вообще аріане, готы и бургунды, давали достойный подражанія примѣръ вѣротерпимости. Обращеніе этихъ народовъ отмѣчено немногими случаями жестокости, если не считать мимолетнаго возстанія, происшедшаго въ Испаніи при Левигильдѣ въ 585 г.; но это возстаніе носило скорѣе политическій, чѣмъ религіозный характеръ. Послѣдующіе же католическіе монархи издавали законы, карающіе изгнаніемъ и конфискаціей за каждое уклоненіе отъ Церкви; у варваровъ мы находимъ одинъ только примѣръ подобнаго законодательства. Французскіе Меровинги, повидимому, никогда не преслѣдовали своихъ подданныхъ аріанъ, которыхъ было много въ Бургундіи и Аквитаніи; обращеніе ихъ происходило послѣдовательно и, судя по всему, мирнымъ путемъ [1]).

До этого времени латинская Церковь принимала слабое участіе въ преслѣдованіи, такъ какъ населеніе запада было менѣе, чѣмъ населеніе востока, воспріимчиво къ изобрѣтенію и усвоенію еретическихъ ученій. Послѣ паденія Западной Имперіи латинская Церковь предприняла крупную работу, которая надолго поглотила всю ея энергію, и за которую она заслуживаетъ признательность всего міра: она направила свои силы на обращеніе и просвѣщеніе варваровъ. Вновь обращенные не были такими людьми, чтобы пускаться въ туманныя умозрѣнія; они принимали религію, которую имъ приносили, признавали безъ всякихъ разсужденій всѣ догматы и, несмотря на свою грубость и дикость, доставляли немного заботъ охранителямъ истинной вѣры. Вполнѣ естественно, что при подобныхъ условіяхъ духъ преслѣдованія угасъ. Клавдій Туринскій, уничтожившій въ своей епархіи всѣ иконы, не подвергся наказанію за свое иконоборство. Феликсу Ургельскому простили адоптіанизмъ и, несмотря на его явную неискренность, его снова присоединили къ Церкви; правда, ему не дали уже его старой епископской каѳедры, но онъ могъ спокойно жить въ Ліонѣ цѣлыхъ пятнадцать или двадцать лѣтъ; тайно онъ оставался при своихъ убѣжденіяхъ, и послѣ его смерти въ его бумагахъ нашли полное изложеніе еретическаго ученія. Не видимъ мы также, чтобы прибѣгали къ насилію, когда архіепископъ Лейдрадъ обратилъ двадцать тысячъ каталонскихъ учениковъ Феликса; главный среди нихъ Елипандъ, архіепископъ Толедскій, сохранилъ даже свою каѳедру, хотя ничто не показываетъ, чтобы онъ отрекся отъ своихъ заблужденій. Когда монахъ Готшалькъ открыто проповѣдывалъ въ Италіи, Далмаціи, Австріи и Баваріи свое еретическое ученіе о предопредѣленіи, то Рабанъ Майнцскій ограничился тѣмъ, что созвалъ соборъ, который въ присутствіи Людовика Германика осудилъ его ученіе. Но соборъ не наложилъ на него никакого наказанія, а отправилъ его къ его епископу, Гинкмару Реймскому, который, съ согласія Карла Лысаго, призналъ Готшалька на соборѣ въ Чьерси въ 849 г. неисправимымъ еретикомъ. Въ то время настолько не привыкли еще присуждать еретиковъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, что соборъ, приговоривъ Готшалька къ розгамъ, счелъ нужнымъ объяснить, что это не что иное, какъ простое бичеваніе, установленное Агдскимъ соборомъ для тѣхъ монаховъ, которые нарушили бы уставъ св. Бенедикта, отправившись странствовать безъ разрѣшительныхъ грамотъ своего епископа. Если Готшалька заключили въ тюрьму, то это

[1]) Cod. Eccles. African. c. 67, 93. — Augustin. «Epist. 185 ad Bonifac.», c. 7. — Ejusdem, «C. Cresc.» III, 47.—Possidii «Vita August.» 12.—Leonis PP. I «Epist.» 60.—Pelagii PP. I «Epist.» 1, 2.—Isidori Hispalens. «Sentent.» lib. III, c. LI, 3—6.– Balsamon, «in Photii Nomocanon», tit. IX, c. 25.—Victor. Vitens «de Persec Vandal.» lib. VII. — Victor. Tunenens. «Chron.» ann. 479.—Sidon. Apollin. «Epist.», VII, 6.—Isidor. «Hist. de Reg. Gothorum,» c. 50.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 195.– Leg. Wisigoth. lib. XII, tit. II, 1, 2; tit. III, 1, 3 (ср. Fuero Juzgo, eod. loco.).

Библиотека "Руниверс"

только для того, какъ было сказано, чтобы онъ не распространялъ своей ереси. Законы Карловинговъ были весьма мягки къ еретикамъ: ихъ только приравнивали къ язычникамъ, къ евреямъ и къ обезчещеннымъ людямъ и подвергали извѣстнымъ, предусмотрѣннымъ закономъ, ограниченіямъ [1]).

Въ X вѣкѣ Западная Европа находилась какъ бы въ умственномъ оцѣпенѣніи, что, конечно, мало благопріятствовало развитію ересей, требующему извѣстнаго напряженія умственныхъ силъ. Церковь, единолично господствуя надъ спящею совѣстью, сложила заржавленное оружіе преслѣдованія и разучилась владѣть имъ. Въ 1018 г. епископъ Бурхардтъ составилъ свой сборникъ каноническаго права, и въ немъ нѣтъ даже упоминаній о еретическихъ мнѣніяхъ и о наказаніяхъ за нихъ, если не считать нѣсколькихъ забытыхъ каноновъ, опубликованныхъ еще въ 305 г. Ельвирскимъ соборомъ относительно вѣроотступниковъ, вернувшихся въ идолопоклонство. Даже введеніе догмата о пресуществленіи было встрѣчено совершенно безучастно; только черезъ двѣсти лѣтъ послѣ Готшалька Беранже Турскій подвергъ это ученіе сомнѣнію, но такъ какъ онъ не былъ созданъ для мученическаго вѣнца, то легко уступилъ и отказался отъ своихъ взглядовъ. Болѣе горячая вѣра катаровъ, начавшихъ въ XI столѣтіи возмущать стоячія воды католической религіи, потребовала болѣе рѣшительныхъ дѣйствій; но даже и въ отношеніи этихъ, внушавшихъ отвращеніе, еретиковъ Церковь съ трудомъ только согласилась прибѣгнуть къ строгости. Это было для нея совершенно новое дѣло; она боялась стать въ противорѣчіе со своимъ собственнымъ ученіемъ, которое проповѣдывало кротость и любовь къ ближнему, и нужно было проявленіе народнаго фанатизма, чтобы пробудить ее отъ бездѣятельности. Преслѣдованіе, имѣвшее мѣсто въ Орлеанѣ въ 1017 г., не было дѣломъ Церкви, а короля Роберта Благочестиваго; немного позднѣе были зажжены костры въ Миланѣ, но народомъ, и даже противъ воли архіепископа. Церковь такъ мало была подготовлена къ своимъ новымъ и ужаснымъ обязанностямъ, что, когда въ 1045 г. были открыты въ Шалонѣ нѣсколько манихеевъ, то епископъ Роже обратился къ Льежскому епископу Вазо съ запросомъ, что съ ними дѣлать, и нужно ли предать ихъ въ руки свѣтской власти для наложенія на нихъ наказанія; добродушный Вазо отвѣтилъ на это, что не слѣдуетъ лишать ихъ жизни, такъ какъ Богъ, ихъ Создатель и Хранитель, проявилъ къ нимъ Свое долготерпѣніе и милость. Біографъ Вазо, каноникъ Ансельмъ, горячо осуждаетъ казни, бывшія въ Госларѣ въ 1052 г. при Генрихѣ III, говоря, что, если бы Вазо былъ тамъ, онъ возсталъ бы противъ этого, подобно св. Мартину въ дѣлѣ Присцилліана. Тою же кротостью отличалось поведеніе св. Арнольда Кельнскаго около 1060 г.: нѣсколько человѣкъ, несмотря на неоднократныя приказанія, продолжали ѣсть Великимъ постомъ молоко, масло и сыръ; архіепископъ разрѣшилъ имъ дѣйствовать по ихъ усмотрѣнію, добавивъ, что истинно твердые въ вѣрѣ не могутъ духовно оскорбляться различіемъ въ пищѣ. Еще въ 1144 г. Льежская Церковь радовалась, что ей съ Божьей помощью удалось вырвать большую часть уличенныхъ и осужденныхъ катаровъ изъ рукъ неистовавшей толпы, которая хотѣла ихъ сжечь. Спасенныхъ размѣстили по городскимъ монастырямъ и послали къ папѣ Луцію II запросъ, какъ поступить съ ними [2]).

---

[1]) Mag. Bib. Pat. IX. II, 875.—Chron. Turon. ann. 878.—Concil. Ratisbon. ann. 792.—C. Francfortiens. ann. 794.—C. Romanum. ann. 799.—C. Aquisgran. ann. 799.—Alcuini «Epist.» 108, 117.—Agobardi lib. «adv. Felicem», c. 5, 6.—Nic. Anton. «Bib. Vet. Hispan.» lib. VI, c. II, № 42—3 (ср. Pelayo, «Heterod. Espaй.» I, 297, 673 и сл.).—Hincmari Remens. «de Praedestinat.» II, c. 2.—Annal. Bertin. ann. 849.—Concil. Carisiacens. ann. 849 (ср. C. Agathens. ann. 506, c. 38).—Cap. Car. Mag. ann. 789, c. 44.—Capitul. Add. III, c. 90.—Насколько незначительно было ограниченіе правъ евреевъ въ эпоху Карловинговъ, см. Reginald Lane Poole, «Illustrations of the history of mediaval thought» (Лонд., 1884, стр. 47).

[2]) Burchardi «Decret.» lib. XIX, c. 133—4.—Gesta Episcop. Leodiens. lib. II, c. 60, 61.—Hist. Andaginens. Monast. c. 18.—Martène, «Ampliss. Coll.» I, 776—8.

Библиотека "Руниверс"

Мы не станемъ останавливаться на случаяхъ, приведенныхъ въ предшествующей главѣ, которые показываютъ, насколько колеблющимся было въ эту эпоху отношеніе Церкви къ ереси; не было ни опредѣленнаго взгляда, ни установившагося правила; то строго преслѣдовали еретиковъ, то относились къ нимъ снисходительно; все зависѣло отъ характера прелата, ведшаго дѣло. Теодвинъ, преемникъ Вазо по каѳедрѣ въ Льежѣ, писалъ въ 1050 г. французскому королю Генриху I, убѣждая его наказать всѣхъ единомышленниковъ Беранже Турскаго и не слушать ихъ объясненій. Эти колебанія отъ строгости къ прощенію отразились въ замѣчаніяхъ св. Бернара, сдѣланныхъ имъ по поводу событій въ Кельнѣ въ 1145 г., когда чернь, увлеченная ревностью къ вѣрѣ, несмотря на сопротивленіе духовенства, схватила катаровъ и сожгла ихъ живыми. Онъ утверждаетъ, что еретики должны быть обращаемы убѣжденіями, а не силой; если же они продолжаютъ упорствовать, то нужно прекратить съ ними всякое общеніе; одобряя ревность жителей Кельна, онъ не хвалитъ ихъ поступка; но, онъ допускаетъ, что свѣтская власть обязана мстить за оскорбленія, наносимыя Богу ересью, и, забывая, какой опасности подвергается человѣкъ, когда онъ начинаетъ считать себя орудіемъ Божьяго гнѣва, онъ приводитъ слѣдующія слова апостола Павла: «Начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро; если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое» [1]).

Папа Александръ III явно склонялся къ прощенію, когда въ 1162 г. отказался судить присланныхъ къ нему реймскимъ архіепископомъ катаровъ, сказавъ, что лучше простить виновныхъ, чѣмъ предать смерти невинныхъ. Даже еще въ концѣ XII столѣтія Петръ Канторъ утверждалъ, что апостолъ приказалъ избѣгать еретиковъ, а не убивать ихъ [2]), и онъ указывалъ, какъ непослѣдовательно строго карать самыя незначительныя отступленія отъ вѣры и оставлять безнаказанными самыя возмутительныя преступленія противъ нравственности.

Такъ же неопредѣленнымъ былъ взглядъ на вопросъ о томъ, какимъ наказаніямъ подвергать еретиковъ; мы уже неоднократно видѣли примѣры того, что еретиковъ то сожигали живыми, то приговаривали къ тюремному заключенію; потребовалось много времени, чтобы на этотъ счетъ были выработаны точныя и опредѣленныя правила. Даже въ 1163 г. Александръ III, стараясь на Турскомъ соборѣ остановить грозные успѣхи манихеизма въ Лангедокѣ, ограничился лишь тѣмъ, что предложилъ свѣтскимъ князьямъ заключать еретиковъ въ тюрьму, а ихъ имущество подвергать конфискаціи; и, однако, въ Кельнѣ въ томъ же году катары были приговорены къ сожженію на кострѣ спеціально посланными судьями. Въ 1157 г. Реймскій соборъ постановилъ клеймить еретикамъ лица раскаленнымъ желѣзомъ; то же наказаніе опредѣлилъ въ 1166 г. и Оксфордскій соборъ. Первыя мѣропріятія Иннокентія III противъ альбигойцевъ въ 1199 г. ограничивались изгнаніемъ и конфискаціей; онъ ни словомъ не намекаетъ на болѣе тяжелыя наказанія; да и указанныя имъ могли замѣняться такою легкою епитиміею, какъ путешествіе на поклоненіе святынямъ Рима или Компостеллы [3]).

Но по мѣрѣ того, какъ разгоралась борьба, наказанія становились болѣе жестокими; однако, даже самъ Симонъ де Монфоръ въ кодексѣ, опубликованномъ въ Памье 1 декабря 1212 г., не присуждаетъ еще еретиковъ къ сожженію, хотя въ этомъ же году въ Страсбургѣ было сожжено восемьдесятъ еретиковъ. Мы уже упоминали, что Петръ II Арагонскій, къ стыду своему, первый ввелъ въ сводъ законовъ эдиктомъ 1197 г. эту

---

[1]) Св. апост. Павла «Посланіе къ Римлянамъ», XIII, 4.

[2]) Dom. Bouquet, IX, 497—8.—Bernardi «Serm. in Cantica», LXIV, c. 8; LXVI, c. 12.—Alex. PP. III «Epist.» 118, 122.—Pet. Cantor. «Verb. abbrev.» c. 78, 80.

[3]) Въ Компостеллѣ имѣется соборъ въ честь св. апостола Іакова, патрона всей Испаніи, тѣло котораго, по преданію, было въ 829 г. погребено въ Компостеллѣ, откуда и названіе города—Sant-Iago de Compostella. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

варварскую форму наказанія. Примѣръ его не скоро нашелъ подражателей. Оттонъ I въ своей конституціи 1210 г. ограничиваетъ наказаніе еретиковъ изгнаніемъ ихъ изъ имперіи, конфискаціей ихъ имущества и разрушеніемъ ихъ домовъ. Фридрихъ II въ своемъ знаменитомъ статутѣ 22 ноября 1220 г., которымъ преслѣдованіе еретиковъ было введено въ государственное право Европы, ограничился по отношенію къ нимъ конфискаціей имущества и признаніемъ ихъ внѣ закона; послѣднее, впрочемъ, равнялось, въ сущности, смертной казни, такъ какъ ставило жизнь еретика въ зависимость отъ каприза перваго встрѣчнаго. Въ своей конституціи марта 1224 г. онъ пошелъ дальше и постановилъ, чтобы еретики предавались смертной казни или черезъ сожженіе, или черезъ вырываніе языка, предоставивъ суду право выбора того или другого наказанія. И только въ своей Сицилійской конституціи 1231 г. Фридрихъ сдѣлалъ обязательнымъ сожженіе на кострѣ; этотъ видъ казни особенно часто практиковался въ неаполитанскихъ владѣніяхъ императора. Равеннскій эдиктъ, изданный въ мартѣ 1232 г., опредѣляетъ смертную казнь за принадлежность къ ереси, но не указываетъ ея вида; зато Кремонскій эдиктъ, изданный въ маѣ 1238 г., распространилъ сицилійскій законъ на всю имперію и сдѣлалъ, такимъ образомъ, костеръ законнымъ наказаніемъ за ересь по всей имперіи. Позднѣе такое же постановленіе мы находимъ въ Sachsenspiegel и въ Schwabenspiegel, въ муниципальныхъ законахъ сѣверной и южной Германіи. Въ Венеціи съ 1249 г. дожъ, вступая въ управленіе, давалъ присягу сожигать всѣхъ еретиковъ. Въ 1255 г. король Кастильскій, Альфонсъ Мудрый, назначилъ сожженіе на кострѣ за переходъ изъ христіанства въ магометанство или іудейство. Во Франціи законодательство, принятое Людовикомъ Святымъ и Раймундомъ Тулузскимъ для выполненія постановленій договора 1229 г., хранитъ глубокое молчаніе относительно рода наказанія, хотя въ это время костеръ уже вошелъ во всеобщее употребленіе. И только въ 1270 г., когда Людовикъ Святой издалъ свои Etablissements, мы находимъ впервые прямую статью, осуждавшую еретиковъ на сожженіе живыми, хотя выраженія, въ которыхъ упоминаетъ о ней Боманоаръ, показываютъ, что этотъ обычай уже издавна вошелъ въ употребленіе. Англія, которая почти не знала ереси, зажгла костры позднѣе: статья de haeretico Comburendo была установлена статутомъ только въ 1401 г., когда возстаніе лоллардовъ причинило безпокойство одновременно и Церкви, и государству [1]).

Однако, этотъ жестокій обычай — сжигать еретиковъ живыми — не былъ созданъ положительнымъ закономъ; законодатель принялъ только ту форму мщенія, въ которой въ ту эпоху народная грубость находила себѣ удовлетвореніе; примѣры этого приведены

---

[1]) Concil. Turon. ann. 1163, c. 4.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1163.—Concil. Remens. ann. 1157, c. 1.—Guill. de Newburg, «Hist. Angl.» II, 15. — Innocent. PP. III «Regest.» I, 94, 165.—Contre le Franc-Alleu sans tiltre, Paris, 1629, стр. 215 сл.—H. Mutii «Chron.» ann. 1212.—Boehmer, «Reg. Imp.» V, 110. — Muratori, «Antiq. Ital.» Diss. LX (t. XII, 447). — Hist. Diplom. Frid. II. T. II, 6—8, 422—3; IV, 301; V, 201. — Constit. Sicul. I. tit. 1. — Treuga Henrici (Boehlau, «Nove Constit. Dom. Alberti», Weimar, 1858, стр. 78; ср. Boehmer, «Regest.» V, 700).—Sachsenspiegel. II, XII.—Schwabenspiegel. cap. 116, № 29; cap. 351, № 3 (изд. Senckenb.).—Archivio di Venezia, Cod. ex Brera. № 277. El Fuero real de España, lib. IV, tit. 1, ley 1.—Isambert, «Anc. loix franç.» I, 230 — 33, 257.—Hard. «Concil.» VII, 203—8.—Établissements, I, 85.—Livres de justice et de Plet, I, tit. III, 7.—Beaumanoir, «Cout. du Beauvoisis», XI, 2; XXX, 11.—2 Henry IV, c. 15 (ср. Pike, «Hist. of crime in England» I, 343—4, 489.

Правда, Bracton («De leg. Angliae», lib. III tract. II, cap. 9, 2) и Horne (Myrror of justice, cap. I, 4; cap. II, 22, cap. IV, 14) говорятъ, что за вѣроотступничество, ересь и колдовство присуждали къ костру; первый изъ нихъ даже упоминаетъ о случаѣ сожженія живымъ по рѣшенію оксфордскаго суда одного духовнаго, перешедшаго въ іудейство; но это наказаніе не было обычнымъ и принятымъ дѣйствующими законами; оно было примѣнено лишь благодаря вліянію законовѣдовъ, увлеченныхъ римской судебной практикой и приравнявшихъ измѣну Богу измѣнѣ государю. Молчаніе Britton'a (cap. VIII) и Флеты (la Fleta) (lib. I, c. 21) показываетъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ практическаго значенія.

Библиотека "Руниверс"

нами въ предшествующей главѣ. Еще въ 1219 г. въ Труа былъ схваченъ черною сумасшедшій, утверждавшій, что онъ Святой Духъ; его увязали въ ивовую корзину, обложили хворостомъ и сожгли. Нелегко опредѣлить происхожденіе этой казни; быть-можетъ, его надо искать въ языческомъ законодательствѣ Діоклетіана, осудившаго манихеевъ на сожженіе. Ужасная смерть мучениковъ въ эпоху преслѣдованія христіанства, повидимому, внушала, если не оправдывала, примѣненіе подобныхъ же наказаній въ отношеніи еретиковъ; нерѣдко сжигали колдуновъ въ силу императорскихъ указовъ, и Григорій Великій приводитъ случай, когда толпа, ослѣпленная религіозною ревностью, сожгла одного такого несчастнаго. Такъ какъ ересь считалась однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ преступленій, то желаніе, общее и духовнымъ и мірянамъ, покарать ее казнью, какъ можно болѣе строгой и ужасной, нашло подходящимъ костеръ. Къ тому же при существовавшемъ тогда способѣ толкованія Священнаго Писанія не трудно было найти въ немъ указаніе на казнь черезъ сожженіе. Въ Евангеліи Іоанна мы читаемъ: «Кто не пребудетъ во мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь; и онѣ сгораютъ» [1]). Буквальное толкованіе текстовъ Священнаго Писанія было такимъ частымъ источникомъ заблужденій и преступленій, что нечего удивляться и подобному толкованію даннаго мѣста. Толкованіе, подтвержденное декретомъ Луція III, предписавшаго отдавать еретиковъ въ руки свѣтской власти для наложенія на нихъ наказанія, ссылается на текстъ изъ Евангелія Іоанна и на императорское законодательство, а затѣмъ торжественно заключаетъ, что смерть на кострѣ является наказаніемъ, вполнѣ подходящимъ еретикамъ, «согласнымъ съ божескими и человѣческими законами, а также съ общепринятой практикой». И не слѣдуетъ думать, что изъ жалости еретиковъ удушали раньше, чѣмъ сжигали; люди, посвятившіе свою жизнь на служеніе Инквизиціи, категорически заявляютъ, что виновный долженъ быть сожженъ живымъ въ присутствіи народа; они добавляютъ, что можно сжечь населеніе цѣлаго города, если онъ является притономъ еретиковъ [2]).

Какъ ни были неопредѣленны въ продолженіе XI и XII вѣковъ отношенія Церкви къ ереси, Церковь никогда не сомнѣвалась въ томъ, какъ должна относиться къ ней свѣтская власть. Очень древній обычай, основанный на идеѣ благоприличія, запрещалъ духовному лицу принимать участіе въ приговорѣ, влекущемъ за собой смерть или увѣчье; духовное лицо не должно было даже присутствовать въ комнатѣ пытокъ, гдѣ осужденныхъ клали на кобылу. Это отвращеніе къ крови и къ страданіямъ было доведено до крайнихъ предѣловъ въ эпоху самыхъ кровавыхъ преслѣдованій. Въ то время, когда тысячи людей были преданы смерти въ Лангедокѣ, Латеранскій соборъ 1216 г. возстановилъ старые каноны, запрещавшіе духовнымъ лицамъ произносить смертные приговоры или присутствовать при казняхъ. Они не имѣли права даже дѣлать ни одной хирургической операціи, требовавшей примѣненія огня или желѣза. Въ 1255 г. соборъ въ Бордо запретилъ имъ даже писать или диктовать бумаги, относящіяся до смертныхъ приговоровъ. Церковь такъ глубоко чувствовала, какое сильное пятно наноситъ пролитіе крови, что предписывала подвергать особому обряду очищенія храмъ или кладбище, гдѣ случайно была пролита кровь; въ этомъ отношеніи шли такъ далеко, что священники не должны были допускать засѣданій судовъ въ церквахъ, такъ какъ судьи могли вынести смертный приговоръ. Если бы опасеніе принимать участіе въ составленіи приговоровъ, осуждавшихъ на смерть и пытки, было искренне, то Церковь заслуживала бы отъ насъ глубокаго

---

[1]) Евангеліе отъ Іоанна XV, 6.

[2]) Caesar. Heisterb. «Dial. Miracul». Dist. V, c. 33. — Mosiac. et Roman. Legg. Collat Tit. XV, 3 (Hugo, 1465).—Const. 3 Cod. IX, 18.—Cassiodor. «Var.» IV, XXII, XXIII.—Gregor. PP. I, Dial. I, 4.—Gloss. Hostiensis in Cap. «ad abolendam», № 11, 13 (Eymerici «Direct Inquisit.», 149—150); ср. Gloss. Joan. Andreae (ibid., p. 170—1). — Repertorium Inquisitorum s. v. «Comburi» (изд. Valent. 1494; изд. Venet. 1588, p. 127—8).

Библиотека "Руниверс"

уваженія, но это было только хитрой уловкой, чтобы снять съ себя отвѣтственность за извѣстные поступки. При преслѣдованіи ереси духовный судъ не выносилъ смертныхъ приговоровъ; онъ ограничивался признаніемъ обвиненнаго еретикомъ, послѣ чего онъ его отпускалъ, т.-е. предавалъ въ руки свѣтской власти, лицемѣрно при этомъ заклиная ее отнестись къ нему снисходительно, пощадить его жизнь и не проливать его крови. Чтобы понять это воззваніе къ милосердію и снисхожденію, нужно вспомнить, какъ смотрѣла Церковь на обязанности свѣтской власти. Инквизиторы облекли въ форму закона, что всякій, даже только подозрѣваемый въ недостаточно энергичномъ преслѣдованіи преступленій, касающихся вопросовъ внутренняго убѣжденія, самъ совершалъ преступленіе, равное ереси, и заслуживалъ такого же наказанія [1]).

Какъ только успѣхи ереси приняли угрожающіе размѣры, были возобновлены указы Льва и Пелагія. Уже въ началѣ XII столѣтія Гонорій Отенскій провозгласилъ, что необходимо прибѣгать къ мечу свѣтскихъ властей въ отношеніи тѣхъ, кто, противясь слову Божію, будетъ упорно отказываться слушаться Церкви. Въ сборникахъ канонического права Ивеса и Граціана указанія на отношенія Церкви къ еретикамъ очень малочисленны, но зато очень много положеній объ обязанностяхъ свѣтскаго монарха въ дѣлѣ искорененія ереси и о послушаніи его въ этомъ отношеніи предписаніямъ Церкви. Фридрихъ Барбаросса подтвердилъ это ученіе, заявивъ, что мечъ данъ ему для того, чтобы онъ поражалъ имъ враговъ Христа; онъ сослался на это въ 1159 г., чтобы оправдать свои враждебныя отношенія къ Александру III и свою помощь антипапѣ Виктору IV. Второй Латеранскій соборъ 1139 г. предписываетъ всѣмъ владѣтельнымъ лицамъ приводить еретиковъ въ послушаніе; а третій Латеранскій соборъ 1179 г. набожно заявляетъ, что Церковь не жаждетъ крови, но что она обращается за помощью къ свѣтской власти, потому что люди, чтобы избѣгнуть тѣлесныхъ наказаній, готовы принять исцѣленіе души. Мы уже видѣли, что первоначально всѣ эти воззванія не производили большого впечатлѣнія. Позднѣе, отчаявшись добиться отъ свѣтскихъ князей добровольной помощи, Церковь сдѣлала шагъ впередъ и взяла на себя всю отвѣтственность за наказанія, какъ тѣлесныя, такъ и духовныя, признанныя необходимыми для подавленія ереси. Декретъ Луція III, изданный на такъ называемомъ Веронскомъ соборѣ 1184 г., обязывалъ всѣхъ свѣтскихъ сувереновъ давать въ присутствіи епископа присягу, что они точно и пунктуально будутъ исполнять всѣ духовные и гражданскіе законы противъ ереси. Всякій отказъ, даже всякое упущеніе должны быть наказуемы отлученіемъ отъ Церкви, потерей власти или ограниченіемъ ея; если же вопросъ шелъ о городахъ, то они должны были быть изолированы и лишены всякаго общенія съ другими [2]).

Такимъ образомъ, Церковь силою старалась заставить свѣтскихъ князей выступить на путь преслѣдованія и, разъ принявъ подобное рѣшеніе, она стала неумолимой. Всякая нерѣшительность въ дѣлѣ преслѣдованія влекла за собою отлученіе отъ Церкви, а если это не дѣйствовало, то Церковь не задумывалась предоставлять первому встрѣчному авантюристу владѣнія не покоряющагося ей князя. Неужели подобное чудовищное вмѣшательство духовной власти должно было сдѣлаться государственнымъ закономъ? Вотъ во-

[1]) Concil. Autissiod. ann. 578, c. 33. — C. Matiscon. II ann. 585, c. 19. — C. Toletan. XI, ann. 675, c. 6. — C. 30 Decreti P. II, Caus. XXIII, Quaest. 8. — C. Lateran. IV, ann. 1215, c. 18. — C. Burdegalens. ann. 1255, c. 10. — C. Budens. ann. 1268, c. 11. — C. Nugaroliens. ann. 1303, c. 13. — C. Baiocens. ann. 1300, c. 34. — Lib. Sent. Inq. Tolosan. 208. — Bernard. Guidonis «Practica» (Mss. Bib. Nat. Coll. Doat, T. XXX, fol. 1 и сл.).

[2]) Honor. Augustod. «Summ. Glor. de Apost.», c. 5. — Ivon. «Decret.» IX, 70—79. — Gratiani «Decret.» P. II, Caus. XXIII, 9, 5. — Radevic. «de Gest. Frid. I», lib. II, c. 56. — Concil. Lateran. II ann. 1139, c. 23.—Concil. Lateran III ann. 1179, c. 27 (ср. Conc. Tolosan. ann. 1119, c. 4) Conc. Remens. ann. 1148, c. 18; Conc. Turonens. ann. 1163, c. 4). — Lucii PP. III, «Epist.» 171.

Библиотека "Руниверс"

просъ, возникшій въ эпоху крестовыхъ походовъ противъ альбигойцевъ. Какъ разрѣшили его, мы уже знаемъ. Раймундъ лишился своихъ владѣній только потому, что онъ не желалъ строго поступать съ еретиками; а сынъ его получилъ тѣ земли, которыя еще у него оставались, какъ новую инвеституру. Торжество Церкви и новаго ученія было полное.

Церковь дала почувствовать всѣмъ облеченнымъ властью, безъ различія ихъ соціальнаго положенія, что занимаемыя ими мѣста были въ сущности должностями всемірной теократіи, въ которой всѣ интересы были подчинены одной главной обязанности—поддерживать чистоту вѣры. Гегемонія Европы принадлежала священной римской имперіи, гдѣ императоръ при коронованіи посвящался въ низшій разрядъ священнослужителей и обязывался предавать анаѳемѣ всякую ересь, которая могла бы угрожать Церкви. Давая ему кольцо, папа говорилъ ему, что это символъ возлагаемой на него обязанности уничтожать ересь; опоясывая его мечемъ, папа говорилъ, что мечъ этотъ вручается ему на избіеніе враговъ Церкви. Фридрихъ II заявлялъ, что онъ получилъ императорское достоинство для того, чтобы поддерживать и распространять вѣру. Въ буллѣ Климента VI, подтверждающей избраніе Карла IV, при перечисленіи обязанностей императора на первомъ мѣстѣ стоятъ распространеніе вѣры и уничтоженіе ереси; небрежность короля Венцеслава въ подавленіи ереси Виклефа была признана достаточнымъ основаніемъ для его низложенія. Богословы утверждали, какъ непреложную истину, что императорская власть перешла отъ грековъ къ нѣмцамъ единственно для того, чтобы дать въ руки Церкви могущественное оружіе. Принципы, примѣненные въ дѣлѣ Раймунда Тулузскаго, были внесены въ каноническое право, и всякій суверенъ, князь или сеньоръ, долженъ былъ знать, что его земли будутъ отданы на разграбленіе, если онъ, несмотря на напоминанія, будетъ колебаться преслѣдовать ересь. Въ такомъ же положеніи были и всѣ свѣтскія должностныя лица. Тулузскій соборъ 1229 г. постановилъ, что всякій бальи, проявившій недостаточно рвенія въ преслѣдованіи ереси, долженъ быть лишенъ имущества и права избранія на общественныя должности. Въ 1244 г. Нарбоннскій соборъ объявилъ, что если кто-либо изъ свѣтскихъ судей промедлитъ въ дѣлѣ подавленія ереси, то онъ долженъ считаться единомышленникомъ еретиковъ и подвергнуться равному съ ними наказанію; это постановленіе было распространено и на тѣхъ, кто упуститъ благопріятный случай схватить еретика или только не придетъ на помощь задержавшимъ его. Обязанность преслѣдовать еретиковъ была возложена на всѣхъ, начиная отъ императора и кончая послѣднимъ крестьяниномъ, подъ угрозой всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ каръ, какими располагала Церковь XIII вѣка [1]).

Эти идеи, прямо или замаскированно, были введены въ государственное право Европы. Фридрихъ II принялъ ихъ въ своихъ жестокихъ указахъ противъ ереси, откуда онѣ проникли въ сборники гражданскаго и феодальнаго права и даже въ мѣстное законо-

---

[1]) Böhmer, «Regest. Imp.» V, 86.— Innoc. PP. III «Regest de Negot. Rom. Imp.» 189.—Muratori «Antiq. Ital.» diss. III.—Hartzheim, «Concil. German.» III, 540.—Cod. Epist. Rodolphi I, Auct. II, 375—7 (Лейпцигъ, 1806).—Theod. Vrie, «Hist. Concil. Constant.» lib. III, dist. 8; lib. VII, dist. 7.—Thom. Aquin. «de Princ. Regim». lib. I, c. XIV; lib. III, c. X, XIII—XVIII.—Lib. V, Extra. Tit. VII, c. 13, 3.—Conc. Tolosan. ann. 1229, c. 5. — Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 15, 16.—Zanchini, «de Haeret.» c. V. — Beaumanoir, «Coutumes du Beauvoisis», XI, 27.—См. также рѣчь епископа г. Лоди во время осужденія Яна Гуса (Von der Hardt, III, 5).

Объ обязанности князей и всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ подъ страхомъ быть обвиненными въ неисполненіи своего долга и подвергнуться преслѣдованію за ересь говорится подробно въ «Summa de casibus conscientiae» (lib. II, tit. LVIII, art. 4); это сочиненіе Actesanus'a, написанное въ 1317 г., оставалось настольной книгой до самой реформаціи.

Трактатъ «De principum Regimine», хотя и не весь принадлежитъ св. Оомѣ Аквинату, авторитетно излагаетъ теорію отношеній духовенства къ обязанностямъ свѣтскаго управленія. См. Poole. «Illustration of the History of Medieval Thought», p. 240.

Библиотека "Руниверс"

дательство. Такъ, напр., въ 1228 г., согласно Веронскимъ статутамъ, всякій начальникъ города, при своемъ вступленіи въ должность, даетъ присягу изгонять изъ города всѣхъ еретиковъ; въ Schwabenspiegel, кодексѣ, имѣвшемъ значеніе во всей южной Германіи, говорится, что суверенъ, если онъ окажется небрежнымъ въ преслѣдованіи еретиковъ, долженъ быть лишенъ всѣхъ своихъ владѣній, и что если онъ не предастъ сожженію всѣхъ тѣхъ, кого передастъ ему духовный судъ, какъ еретиковъ, то онъ долженъ быть самъ наказанъ за ересь.

Церковь зорко наблюдала за тѣмъ, чтобы это узаконеніе не оставалось мертвою буквою. Она настояла на томъ, чтобы жестокіе указы Фридриха читались и объяснялись въ высшей юридической школѣ въ Болоньѣ какъ основное положеніе законовѣдѣнія, и чтобы они были внесены въ каноническое право. Ниже мы увидимъ, что папы неоднократно приказывали вносить эти указы въ сборники законовъ городовъ и государствъ; на обязанности инквизитора лежало требовать ихъ исполненія отъ всѣхъ должностныхъ лицъ подъ страхомъ отлученія нерадивыхъ отъ Церкви. Но даже и само отлученіе, лишавшее судью власти и компетенціи, не избавляло его отъ обязанности наказывать еретиковъ по требованію епископа или инквизитора. Разъ это такъ, то ясно, что просьба инквизиторовъ передъ свѣтскими судьями о снисхожденіи къ жертвамъ, передаваемымъ свѣтской власти и обреченнымъ на костеръ, была пустою формальностью, порожденною желаніемъ духовенства не принимать открыто участія въ произнесеніи смертныхъ приговоровъ. Но съ теченіемъ времени это лицемѣріе было нѣсколько забыто; такъ, напр., въ февралѣ 1418 г. Констанцскій соборъ постановилъ, что всѣ, кто будетъ отстаивать гуситизмъ или считать Яна Гуса и Іеронима Пражскаго за святыхъ, должны быть причислены къ еретикамъ и сожжены живыми—puniantur ad ignem. Утверждать, что обращенія инквизиторовъ къ снисхожденію свѣтскихъ властей были искренни, что вся отвѣтственность за смерть еретика падала на судью, а не на инквизитора, какъ это дѣлаютъ современные защитники Инквизиціи, значитъ искажать исторію и подтасовывать факты. Мы живо представляемъ себѣ, съ какой улыбкой удивленія услыхали бы Григорій IX или Григорій XI разсужденія графа Жозефа де Местръ, утверждающаго, что ошибочно думать, чтобы когда-нибудь какой-либо католическій священникъ былъ причиною смерти одного изъ своихъ ближнихъ [1]).

---

[1]) Post. Const. 4. Cod. lib. I, tit. V.—Post. lib. Feudorum.—Lib. juris civilis Veronae c. 156.—Schwabenspiegel, изд. Senckenb. cap. 351; изд. Schilt. c. 308.—Potthast, «Reg.» 6593.—Innoc. PP. IV. Bull. «Cum adversus», 5 jun. 1252; Bull. «Ad aures», 2 apr. 1253; 31 oct. 1243; 7 jul. 1254.—Bull. «Cum fratres», maii 9, 1252.—Urbani IV Bull. «Licet ex omnibus», 20 mart. 1262, § 12.—Wadding. «Annal Minor», ann. 1258, № 7; ann. 1260, № 1; ann. 1261, № 3.—C. 6 Sexto V. 2, c. 1, 2 in Septimo V. 3.—Von der Hardt, t. IV, p. 1519.—Campana, «Vita di San Piero Martire» p. 124.—J. de Maistre, «Lettres à un gentilhomme russe sur l'Inquisition espagnole», изд. 1864, p. 17—18, 28, 34.

Одинъ писатель XIII стол. выставилъ то же положеніе, что и Ж. де Местръ, но съ еще большею силою: «Нашъ папа—пишетъ онъ—никого не убиваетъ и не приказываетъ никого убивать; но законъ убиваетъ тѣхъ, кого папа разрѣшаетъ убить; они убиваютъ сами себя, совершая поступки, за которые должны быть убиты» (Gregor. Fanens. «Disput. Cathol. et Patar.» ap. Martène, «Thes.» V, 1741).

Больше исторической истины въ словахъ одного доминиканца-фанатика, писавшаго въ 1782 г. Приведя текстъ изъ «Второзаконія» (XIII, 6—10), онъ заявляетъ, что приказаніе предавать смертной казни тѣхъ, кто совращаетъ вѣрныхъ, почти дословно сходно съ подобнымъ же закономъ святой Инквизиціи; далѣе текстами Священнаго Писанія онъ доказываетъ, что сожженіе пріятно Богу, и что огонь единственно вѣрное средство, чтобы очистить пшеницу отъ плевелъ (Lob- und Ehrenrede auf die heilige Inquisition, Вѣна, 1782, стр. 19—21).

Обращеніе къ милосердію, сдѣлавшееся позднѣе недостойнымъ лицемѣріемъ, было отъ чистаго сердца предписано Иннокентіемъ III по отношенію къ виновнымъ въ подлогѣ духовнымъ лицамъ, лишеннымъ сана и переданнымъ свѣтскимъ судамъ.—C. 27. Ext. V, 40.

Библиотека "Руниверс"

И не только внушали христіанамъ, что ихъ главная обязанность способствовать уничтоженію ереси, но даже ихъ заставляли безъ всякаго зазрѣнія совѣсти доносить на еретиковъ властямъ, вопреки всякимъ божескимъ и человѣческимъ побужденіямъ. Узы крови не служили оправданіемъ тому, кто скрывалъ еретика: сынъ долженъ былъ доносить на отца; мужъ являлся виноватымъ, если не выдавалъ своей жены на ужасную смерть. Преступная принадлежность къ ереси уничтожала всѣ узы, соединяющія людей: дѣтямъ внушали, что они должны покидать своихъ родителей; даже таинство брака не могло соединить вѣрную католичеству женщину съ мужемъ-еретикомъ. Не больше значенія имѣли и частныя обязательства. Иннокентій III напыщенно объявляетъ, что согласно канонамъ не надо соблюдать слова, даннаго тому, кто самъ не соблюдаетъ вѣрности Богу. Никакая клятва молчанія не имѣла значенія, если дѣло касалось ереси, ибо «тотъ, кто вѣренъ въ отношеніи еретика, не вѣренъ въ отношеніи Бога». Вѣроотступничество—говоритъ епископъ Лука Тудельскій,—величайшее преступленіе; вслѣдствіе этого, если кто клятвенно обѣщалъ не выдавать этого ужаснаго проступка, то онъ все же долженъ объявить объ ереси и покаяться въ клятвопреступленіи, увѣренный, что ему будетъ дано прощеніе грѣха въ виду его ревности къ вѣрѣ [1]).

Такимъ образомъ, колебаніе въ вопросѣ объ отношеніяхъ Церкви къ еретикамъ, проявленное ею въ XI и XII вѣкахъ, совершенно пропало въ XIII вѣкѣ, когда Церковь вступила съ еретиками и сектантами въ смертельную борьбу. Нѣтъ болѣе рѣчи ни о снисхожденіи, ни о милосердіи. Святой Раймундъ Пеннафортскій, компиляторъ декреталій Григорія IX, высшій авторитетъ своего времени, допускаетъ въ принципѣ, что еретикъ долженъ быть отлученъ отъ Церкви, а имущество его конфисковано, но, если этого окажется недостаточно, то къ нему должны быть примѣнены самыя суровыя наказанія, какими только располагаетъ свѣтская власть. Всякій, вѣра котораго покажется сомнительной, долженъ считаться еретикомъ; то же относится и къ схизматикамъ, которые, принимая всѣ догматы религіи, не оказываютъ римской Церкви должнаго повиновенія. И тѣ и другіе должны быть силою приведены въ лоно католической Церкви; въ оправданіе примѣненія къ упорствующимъ смертной казни, приводится библейскій разсказъ о Кореѣ, Даѳанѣ и Авиронѣ [1]).

Святой Ѳома Аквинатъ, высокій авторитетъ котораго затмилъ всѣхъ его предшественниковъ, съ неумолимою точностью устанавливаетъ слѣдующія правила. Еретикамъ не должно быть оказываемо никакого снисхожденія. Церковь въ своемъ милосердіи дважды обращается къ нимъ съ увѣщаніями; если они и послѣ этого продолжаютъ упорствовать, то они должны быть выданы свѣтской власти и изъяты изъ общества людей посредствомъ смертной казни. Въ этомъ проявляется даже безконечное милосердіе Церкви, ибо измѣнить вѣру, отъ которой зависитъ жизнь души, гораздо большее преступленіе, чѣмъ дѣлать фальшивыя монеты; и если фальшивыхъ монетчиковъ приговариваютъ къ смерти, то гораздо больше основаній казнить еретика, разъ только онъ уличенъ въ своемъ преступленіи.

Однако, Церковь въ своемъ милосердіи всегда готова принять съ распростертыми объятіями еретика, даже много разъ измѣнявшаго вѣрѣ; она готова наложить на него покаяніе, чтобы дать ему, такимъ образомъ, возможность снискать жизнь вѣчную; но кротость къ однимъ

---

[1]) Urbani PP. II «Epist.» 256.—Zanchini, «de Haeret.» c. XVIII.—Innoc. PP. III «Regest.» XI, 26.—Lucae Tudens. «de altera Vita», II, 9.

[2]) S. Raymundi «Summae» lib. I, tit. V, 2, 4, 8; tit. VI, 1.—Таково было ученіе Церкви. Zanchino Ugolini въ свое перечисленіе ересей включаетъ и небрежность въ соблюденіи папскихъ декреталій, такъ какъ въ этомъ сказывается неуваженіе къ папской власти («Tract. de Haeret.» c. II). Этотъ трудъ былъ напечатанъ въ Римѣ въ 1568 г. иждивеніемъ папы Пія V съ примѣчаніями кардинала Кампеджи: въ 1579 г. онъ былъ перепечатанъ съ добавленіями, сдѣланными Симанка (Simancas). Мои ссылки сдѣланы на копію XV вѣка, хранящуюся въ Національной Библіотекѣ, лат. рукоп. № 12532.

Библиотека "Руниверс"

не должна исключать строгости къ другимъ. Такъ, всякій еретикъ, кающійся въ своихъ заблужденіяхъ и отрекающійся отъ нихъ въ первый разъ, долженъ быть подвергнутъ покаянію, и ему должна быть оставлена жизнь; но если онъ снова впадетъ въ ересь, то хотя на него и можно наложить покаяніе, чтобы спасти его душу, но онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ быть казненъ смертью. Вотъ прямое и откровенное изложеніе политики Церкви, которой она слѣдовала всегда и неуклонно [1]).

Но не одни живые чувствовали на себѣ тяжелую руку Церкви; не избѣгали ея гнѣва также и мертвые. Не могли допустить мысли, чтобы человѣкъ, скрывшій свое беззаконіе и умершій смертью христіанина, спалъ могильнымъ сномъ на освященной землѣ, и чтобы за него возносились молитвы вѣрныхъ; онъ не только избѣжалъ заслуженнаго наказанія, но его имущество, подлежавшее конфискаціи въ пользу Церкви и государства, незаконно перешло къ его наслѣдникамъ, и его слѣдовало отобрать отъ нихъ. Для возбужденія загробныхъ процессовъ имѣлись превосходныя основанія. Въ предшествующую эпоху въ Церкви часто поднимался вопросъ, можно ли предавать отлученію отъ Церкви души умершихъ со всѣми послѣдствіями, которыя это наказаніе влекло за собой въ земной и въ загробной жизни. Съ эпохи св. Кипріана обычай отлучать мертвыхъ отъ Церкви сдѣлался всеобщимъ, и въ 382 г. св. Іоаннъ Златоустъ выступилъ противъ частаго примѣненія этого наказанія, видя въ этомъ безразсудное вмѣшательство человѣка въ судъ Божій. Въ 432 г. Левъ I сталъ на точку зрѣнія св. Іоанна Златоуста, а въ концѣ V столѣтія Геласій I и римскій соборъ санкціонировали это мнѣніе; но этотъ вопросъ былъ снова поднятъ на пятомъ вселенскомъ соборѣ 553 г. въ Константинополѣ; нужно было выяснить, могла ли Церковь предать анаѳемѣ Ѳеодорита Кирскаго, Ибаса Едесскаго и Ѳеодора Мопсуестскаго, умершихъ за сто лѣтъ передъ этимъ; большинство отцовъ собора не соглашалось съ этимъ; тогда Евтихій, человѣкъ очень начитанный въ Священномъ Писаніи, напомнилъ, что благочестивый царь Іосія не только предалъ смерти бывшихъ въ живыхъ языческихъ жрецовъ, но и вырылъ кости умершихъ раньше. Этотъ доводъ былъ признанъ неопровержимымъ, и анаѳема была произнесена, несмотря на протесты папы Вигилія, который упорно оставался при своемъ мнѣніи. Остроумная ссылка Евтихія, до того времени совершенно неизвѣстнаго, была принята Константинопольскимъ патріархомъ, и Вигилій былъ принужденъ подписаться подъ анаѳемой. Въ 618 г. Севильскій соборъ призналъ, что Церковь не имѣетъ права осуждать мертвыхъ, но въ 680 г. шестой вселенскій соборъ въ Константинополѣ широко предавалъ анаѳемѣ всѣхъ, и мертвыхъ, и живыхъ, разъ только онъ признавалъ ихъ еретиками.

Въ 897 г. Стефанъ VII счелъ себя въ правѣ вырыть тѣло своего предшественника папы Формоза, умершаго за семь мѣсяцевъ передъ этимъ; тѣло покойнаго притащили за ноги и посадили передъ собраніемъ, созваннымъ для суда надъ нимъ; такъ какъ онъ былъ признанъ виновнымъ, то у трупа отрѣзали два пальца правой руки и бросили его въ Тибръ, откуда онъ былъ случайно выловленъ и снова погребенъ. Въ слѣдующемъ году новый папа Іоаннъ IX отмѣнилъ весь этотъ судъ и объявилъ, что никто не долженъ быть судимъ послѣ смерти, такъ какъ всякому обвиняемому должна быть предоставлена возможность говорить въ свое оправданіе. Но это не помѣшало въ 905 г. Сергію III снова вырыть изъ земли тѣло Формоза, велѣть облачить его въ папскія одежды и посадить на тронъ. Послѣ новаго и торжественнаго обвиненія несчастный трупъ былъ обезглавленъ, у него были отрѣзаны три остальные пальцы правой руки, и онъ былъ брошенъ въ Тибръ. Но несправедливость этого мщенія стала очевидной для всѣхъ, когда плававшіе по волнамъ Тибра останки папы были выловлены какими-то рыбаками и перенесены въ соборъ св. Петра, причемъ статуи святыхъ склонились и привѣтствовали ихъ.

[1]) S. Thom. Aquinat. «Summae» sec. Q. XI, art. 3, 4.

Библиотека "Руниверс"

Около 1100 г. св. Ивонъ Шартрскій, первый канонистъ своего времени, категорически заявилъ, что власть Церкви вязать и разрѣшать ограничена предѣлами этого міра; что мертвые, находясь внѣ человѣческаго суда, не могутъ быть осуждаемы, и что не могутъ быть лишаемы погребенія тѣ, кто не былъ осужденъ при жизни. Но по мѣрѣ того, какъ ереси множились, и по мѣрѣ того, какъ разгоралась страстная ненависть, возбуждаемая упорствомъ еретиковъ, духовенство содрогалось отъ мысли, что кости еретиковъ могутъ осквернять церковную ограду и кладбище, и что они, вознося молитвы за умершихъ, невольно предстательствуютъ и за виновныхъ. Былъ найденъ ловкій выходъ. Веронскій соборъ 1184 г., которому слѣдовали многіе папы и соборы, оффиціально отлучилъ отъ Церкви всѣхъ еретиковъ; а по старому ученію Церкви всякій отлученный, если онъ не попроситъ отпущенія грѣховъ въ теченіе года, осуждался безповоротно; слѣдовательно, всѣ еретики, которые умерли безъ послѣдняго напутствія и не отреклись отъ ереси, уже сами себя осудили и не имѣли права на погребеніе на освященной землѣ. Хотя ихъ и нельзя было отлучить отъ Церкви,—такъ какъ это было уже ipso facto,—однако, ихъ можно было предать анаѳемѣ. Если же, по недоразумѣнію, они были погребены какъ христіане, то, какъ только обнаружилась ошибка, ихъ слѣдовало вырыть и сжечь; слѣдствіе, устанавливавшее ихъ виновность, было простымъ разслѣдованіемъ ихъ поступковъ, а не обвиненіемъ; а карательныя мѣры вытекали сами собою. Это правило было введено не безъ борьбы, какъ это видно, между прочимъ, изъ посланія Иннокентія III отъ 1207 г. къ аббату и монахамъ монастыря св. Ипполита въ Фаенцѣ, которые, несмотря на приказанія легата, отказались вырыть тѣло извѣстнаго еретика Оттона, погребеннаго на монастырскомъ кладбищѣ, и не обратили вниманія на наложенный на нихъ интердиктъ. Чтобы привести ихъ къ повиновенію, Иннокентій былъ вынужденъ пригрозить имъ болѣе строгими мѣрами наказанія. Но съ теченіемъ времени обычай вырывать тѣло еретика вошелъ во всеобщее употребленіе; было признано, что великій грѣхъ предать погребенію тѣло еретика или его покровителя, столь великій, что даже невольно виновный въ немъ могъ получить прощеніе только въ томъ случаѣ, если собственноручно выроетъ тѣло. Ниже мы увидимъ, что дѣла о мертвыхъ играли видную роль въ дѣятельности Инквизиціи [1]).

Вліяніе этого ученія и его примѣненія на практикѣ ясно отразилось на императорѣ Фридрихѣ II. Полу-итальянецъ по происхожденію и итальянецъ до мозга костей по воспитанію, онъ былъ свободомыслящимъ философомъ. Обвиненіе Григорія IX, что Фридрихъ былъ тайнымъ послѣдователемъ Магомета, и преданіе, что онъ въ тѣсномъ кружкѣ называлъ Моисея, Іисуса и Магомета тремя лжеучителями, явно противорѣчатъ одно другому, но они показываютъ, что Фридрихъ давалъ поводъ къ подобнымъ нареканіямъ. Въ то же время этотъ человѣкъ, который, по словамъ папы Григорія, причащался только для того, чтобы показать свое пренебреженіе къ отлученію отъ Церкви, былъ настолько умнымъ

---

[1]) Cypriani «Epist.» 1.—Chrysost. «Hom. de anathemate.»—Leon. PP. I «Epist.» 108, c. 2.—Gelasii PP. I «Epist.» 4, 11.—Concil. Roman. II ann. 494.—Evagrii «Hist. eccl.» lib. IV, c. 38.—Vigilii «Constit. de tribus capitulis».—Facundi «Epist. in defens. trium capit.»—Concil. Constantinopol. II ann. 553, collat. VII.—Concil. Hispalens. II ann 618, c. 5.—Concil. Constantinopol. III ann. 680, t. XII.—Jaffé, «Regest.» 303.—Synod. Rom. ann. 898 c. 1.—Chron. Turonens (Martène, «Ampliss. Coll.» V, 978—80).—Ivon Carnotens. «Epist.» 96; ejusd. «Panorm.» lib. V, c. 115—123.—Lucii PP. III Epist. 171.—Lib. V extr. tit. VII, c. 13.—Gratian. «Decret.» II Caus. XI. Q. III. c. 36, 37, 38.—F. Pegnae «Comment. in Eymerici Direct. Inquis.» 95.—Innocent. PP. III «Reg.» IX, 213.—Lib. III Extra Tit. XXVIII, c. 12.—Lib. V in Sexto Tit. I, c. 2.—Eymeric. «Direct. Inquis.», 104.

Доказательства pro и contra см. Estevan de Avila, «De censuris ecclesiasticis», Лионъ, 1869, стр. 37—40. Когда приходилось отпускать грѣхи отлученному отъ Церкви уже послѣ его смерти, то его не надо было вырывать изъ могилы, чтобы бичевать его останки: достаточно было нанести удары по могилѣ!

Библиотека "Руниверс"

политикомъ, что не могъ не понимать, что нельзя царствовать надъ христіанскимъ народомъ, не выказывая горячей ревности въ дѣлѣ истребленія еретиковъ. Онъ добился коронаціи въ соборѣ Св. Петра 22 ноября 1220 г. цѣною указа, составившаго эпоху въ исторіи преслѣдованій. Во время торжественнаго коронованія Гонорій прервалъ обѣдню, чтобы провозгласить анаѳему на всѣ ереси и на всѣхъ еретиковъ, подразумѣвая при этомъ и монарховъ, законы которыхъ затрудняли уничтоженіе еретиковъ. Фридрихъ всегда оставался вѣрнымъ принятой имъ на себя, такимъ образомъ, миссіи и, быть-можетъ, тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что, убѣжденный въ необходимости церковной реформы, онъ лелѣялъ мечту о чемъ-то въ родѣ калифата, гдѣ духовный и свѣтскій мечи будутъ оба въ его рукахъ. Но какъ бы то ни было, онъ, несмотря на его ссоры съ папами, наполнявшими все его царствованіе, дѣлался еще болѣе неумолимымъ по отношенію къ еретикамъ; какъ-разъ въ то время, когда Григорій IX трудился надъ учрежденіемъ Инквизиціи, Фридрихъ имѣлъ смѣлость убѣждать его проявить больше рвенія въ дѣлѣ защиты вѣры и указывалъ ему на себя какъ на примѣръ, достойный подражанія! [1])

Ужасная жестокость и дикая ревность, причинявшія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, во имя Іисуса Христа, невѣроятныя несчастія всему человѣчеству, были объясняемы и оправдываемы довольно различно. Извѣстные фанатики вольнодумства видѣли въ этомъ только жажду крови или самолюбивое стремленіе къ господству; философы искали этому объясненіе въ ученіи объ исключительномъ спасеніи; по ихъ ученію лица, пользующіяся авторитетомъ, имѣли право преслѣдовать упорствующихъ въ ихъ собственныхъ интересахъ и препятствовать имъ увлекать другихъ на путь вѣчной гибели. По ученію другой школы, все объясняется пережиткомъ очень древняго понятія о круговой отвѣтственности членовъ рода; это понятіе, перейдя въ христіанское ученіе, раскладывало на всѣхъ часть прегрѣшенія передъ Богомъ за то, что они не старались истребить виновныхъ. Но побудительныя причины, заставляющія людей дѣйствовать, очень сложны, и ихъ нельзя объяснять какимъ-либо однимъ предположеніемъ; если это вѣрно въ примѣненіи къ отдѣльной личности, то тѣмъ болѣе это вѣрно въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о всемъ христіанскомъ обществѣ—о духовенствѣ и мірянахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что народъ не менѣе своихъ духовныхъ пастырей горѣлъ желаніемъ возвести еретика на костеръ; въ равной степени не подлежитъ сомнѣнію, что люди самой святой доброты, самаго высокаго ума, одушевленные самымъ чистымъ желаніемъ добра ближнему, исповѣдующіе религію любви и милосердія, проявляли страшную жестокость, когда дѣло касалось ереси, и были готовы подавить ее самыми безчеловѣчными наказаніями. Святой Доминикъ и святой Францискъ, святой Бонавентура и святой Ѳома Аквинатъ, Иннокентій III и Людовикъ Святой были, каждый въ своемъ родѣ, людьми, которыми человѣчество можетъ гордиться; и, между тѣмъ, они столько же щадили еретиковъ, сколько Эццелино да Романо кровь своихъ личныхъ враговъ. Подобными людьми не руководили ни желаніе выгоды, ни жажда крови, ни стремленіе къ власти, но одно только желаніе выполнить свой долгъ; выполняя его въ той формѣ, какую мы видимъ, они являлись лишь выразителями общественнаго мнѣнія, какъ оно проявлялось съ XIII по XVII вѣкъ.

Чтобы это понять, мы должны помнить, что цивилизація той жестокой эпохи во многомъ отличалась отъ современной. Страсти были болѣе сильны, убѣжденія—болѣе пылки, пороки и добродѣтели—болѣе рельефны. Воинственный духъ господствовалъ повсюду; люди полагались болѣе на силу руки, чѣмъ на силу слова, и обыкновенно хлад-

[1]) Hist. Diplom. Fridr. II Introd. p. CDLXXXVIII, CDXCVI; II, 6—8, 422—3; IV, 409—11, 435—6; V, 459—60. — Fazelli, «De reb. sic.» dec. II, lib. VIII. — Alberic. Tr. Font. «Chron.» ann. 1228. — Raynald. «Annal.» ann. 1220, № 23. — Rich. de S. Germano, «Chron.» ann. 1223.

Библиотека "Руниверс"

покровно смотрѣли на страданія имъ подобныхъ. Духъ промышленности, который оказалъ такое сильное вліяніе на смягченіе современныхъ нравовъ, былъ еще только въ зародышѣ [1]). Суровые уголовные законы среднихъ вѣковъ показываютъ, какъ мало у человѣка того времени было развито чувство жалости. Колесованіе, четвертованіе, котелъ съ кипяткомъ, костеръ, зарываніе живыхъ въ землю, сдираніе кожи — вотъ обыкновенные пріемы, съ помощью которыхъ криминалисты того времени старались предотвратить повтореніе преступленій; видомъ ужасныхъ мученій они разсчитывали обуздать населеніе, еще мало доступное внутреннимъ движеніямъ. По англо-саксонскому закону полагалось, что если женщина-рабыня будетъ поймана въ воровствѣ, то восемьдесятъ рабынь должны принести каждая по три полѣна и сжечь виновную; сверхъ того, онѣ должны были заплатить штрафъ. Во всей средневѣковой Англіи костеръ былъ обычнымъ наказаніемъ за покушеніе на жизнь феодальнаго владѣтеля. Въ «Coutumes d'Arques», дарованныхъ С.-Бертенскимъ аббатствомъ въ 1231 г., говорится, что если сообщницей вора была его любовница, то она должна быть зарыта въ землю живою; въ случаѣ же ея беременности казнь откладывалась до ея разрѣшенія отъ бремени. Императоръ Фридрихъ II, самый блестящій монархъ своего времени, приказалъ сжечь живыми въ своемъ присутствіи взятыхъ въ плѣнъ мятежниковъ, и говорятъ даже, что онъ приказалъ заключить ихъ въ желѣзные сундуки, чтобы продлить ихъ мученія. Въ 1261 г. Людовикъ Святой отмѣнилъ примѣненіе статьи Туренскаго обычнаго права, по которому отрубали руку слугѣ, укравшему у своего господина хлѣбъ или горшокъ вина. Въ Фрисландіи поджигатель, совершившій свое преступленіе ночью, сжигался живымъ; по древне-германскому праву убійцу и поджигателя колесовали. Во Франціи женщинъ часто сжигали или зарывали живыми за самыя ничтожныя преступленія; евреевъ же вѣшали тамъ за ноги между двухъ дикихъ собакъ, а фальшивыхъ монетчиковъ бросали въ котелъ съ кипяткомъ. Въ Миланѣ итальянская изобрѣтательность придумала тысячи способовъ разнообразить и протягивать пытки. Carolina, или уголовный кодексъ Карла V, опубликованный въ 1530 г., представляетъ отвратительный сборникъ казней, въ которомъ говорится объ ослѣпленныхъ, искалѣченныхъ, изколесованныхъ, разорванныхъ раскаленными щипцами и о сожженныхъ живыми. Въ Англіи вплоть до 1542 г. отравителей бросали въ котелъ съ кипяткомъ, какъ это видно изъ дѣла Руса и Маргариты Дэви; государственная измѣна каралась повѣшеніемъ и четвертованіемъ, а домашняя — костромъ; послѣднему наказанію подверглась въ 1726 г. въ Тибурнѣ Екатерина Гайесъ за убійство мужа. По закону Христіана V Датскаго, опубликованному въ 1683 г., виновнымъ въ богохульствѣ вырѣзывали языкъ, а затѣмъ ихъ обезглавливали. Еще въ 1706 г. въ Ганноверѣ сожгли живымъ пастуха, по имени Захарій-Георгъ Флагге, за дѣланіе фальшивыхъ денегъ. Снисхожденіе нашего времени къ преступникамъ, доходящее иногда до слабости, явленіе весьма недавнее. Законодатели прежняго времени такъ мало въ общемъ занимались вопросомъ о страданіяхъ человѣка, что вырѣзываніемъ языка или выкалываніемъ глазъ было квалифицировано félonie въ Англіи только въ XV в., а, съ другой стороны, уголовный законъ былъ настолько суровъ, что еще въ царствованіе Елизаветы кража гнѣзда соколовъ считалась какъ félonie. Недавно еще, въ 1833 г., одинъ девятилѣтній ребенокъ былъ приговоренъ къ повѣшенію за то, что, разбивъ оконное стекло, укралъ на четыре су красокъ. Я думаю, изъ приведенныхъ мною примѣровъ ясно видно, что строгость наказаній возрастала, начиная съ XIII вѣка, и этотъ регрессъ циви-

[1]) M. John Fisque показалъ различіе между воинственнымъ и промышленнымъ духомъ и освѣтилъ теорію коллективной отвѣтственности въ своемъ превосходномъ трудѣ «Excursion of an Evolutionist, Essays» VIII и IX.

Теорія круговой поруки прекрасно выражена въ слѣдующихъ словахъ Zanghino: «Quia in omnes fert injuriam quod in divinam religionem committatur» («Tract. de Haeres.» с. XI).

Библиотека "Руниверс"

лизаціи я склоненъ приписать пагубному вліянію Инквизиціи на уголовный судъ Европы [1]).

Привыкшіе, такимъ образомъ, къ зрѣлищу самыхъ звѣрскихъ казней, люди вдобавокъ смотрѣли на ересь не только какъ на преступленіе, а какъ на мать всѣхъ преступленій. Ересь—говоритъ епископъ Лука Тудельскій—оправдываетъ, если проводить между ними параллель, невѣріе евреевъ; скверна ея очищаетъ мерзкое безуміе Магомета; грязь ея дѣлаетъ невинными даже Содомъ и Гоморру. Все, что есть наиболѣе худшаго въ какомъ-либо преступленіи, кажется невиннымъ въ сравненіи съ мерзостью ереси. Менѣе витіеватый, но одинаково напыщенный, Ѳома Аквинатъ со свойственной ему поразительной логикой доказываетъ, что ересь болѣе всѣхъ преступленій отдѣляетъ человѣка отъ Бога, что она—преступленіе по преимуществу, и наказанія за нее должны быть самыя тяжелыя. Въ концѣ концовъ, духовенство стало такъ чувствительно къ малѣйшей тѣни ереси, что Стефанъ Палечъ Пражскій передъ Констанцскимъ соборомъ объявилъ, что вѣрованіе, въ тысячѣ пунктахъ католическое и въ одномъ пунктѣ ложное, должно считаться еретическимъ. Человѣкъ, уличенный въ ереси и распространявшій ее, казался самимъ дьяволомъ, уловляющимъ души людей, чтобы погубить ихъ вмѣстѣ съ своей, и ни одинъ католикъ не сомнѣвался, что еретикъ былъ непосредственнымъ и дѣйствительнымъ орудіемъ Сатаны въ его вѣчной борьбѣ противъ Бога. Ужасъ, какой вызывало все это въ умахъ людей, мы можемъ представить себѣ только тогда, когда дадимъ себѣ отчетъ въ силѣ вліянія, производимаго на человѣка страшнымъ средневѣковымъ эсхатологизмомъ съ его ужасными картинами вѣчныхъ мученій и казней [2]).

Мы уже видѣли, что Церковь колебалась, что она не сразу пришла къ заключенію, которое возобладало въ XIII вѣкѣ; и это можетъ служить намъ доказательствомъ, что одной идеи о круговой порукѣ, объ отвѣтственности всѣхъ за одного передъ Богомъ недостаточно для объясненія развитія духа преслѣдованій. Несомнѣнно, чернь, вырывая еретиковъ изъ рукъ священниковъ и бросая ихъ въ огонь, дѣйствовала подъ вліяніемъ этой идеи; но само духовенство дѣйствовало подъ вліяніемъ другихъ стимуловъ. Если оно сдѣлалось безжалостнымъ, то только благодаря успѣхамъ и упорству еретиковъ. Въ тотъ моментъ, когда явилось опасеніе, что Церковь можетъ пасть передъ тайными сборищами Сатаны, народы и священники поняли, что имъ, какъ на войнѣ, нужно защищаться отъ легіоновъ Ада. Чудеснымъ образомъ Богъ приготовилъ Церковь къ этой великой задачѣ: она получила верховную власть надъ свѣтскими князьями и могла разсчитывать на ихъ повиновеніе. Отвѣтственность ея возросла одновременно съ ростомъ ея могущества; она была отвѣтственна не только за настоящее, но и за души безчисленныхъ поколѣній будущаго. Въ сравненіи съ ужасными послѣдствіями, къ которымъ вела ее кротость, какое значеніе могли имѣть страданія нѣсколькихъ тысячъ упрямцевъ, которые, глухіе къ проповѣди покаянія, шли соединиться со своимъ повелителемъ Діаволомъ нѣсколько раньше срока?

---

[1]) Ademari S. Cibardi «Hist.» lib. III, c. 36.—Dooms of Aethelstan, III, VI (Thorpe, I, 219).—Bracton. lib. III. Tract. I, c. 6.—Legg. Villae de Arkes, § 26 (D'Achery, III, 608).—Hist Diplom. Frid. II «Introd.» p. CXCVI; IV, 444.—Godefrid. S. Pantal. «Annal.» ann. 1233.—Fazelli, «de Rebus Sic.» decad. II, lib. VIII, 442.—Isambert, «Anc. Loix Franc.» I, 295.—Legg. Opstalbom. §§ 3, 4.—Treuga Henrici c. 1224 (Behlau, «Nov. Constitut. Dom. Alberti», Веймаръ, 1858, стр. 76—7).—Registre criminel du Châtelet de Paris, passim (Парижъ, 1861).—Beaumanoir, «Coutumes de Beauvoisis», c. 30, № 12.—Antiqua ducum Mediolanens. Decreta, стр. 187, 188 (Mediolani, 1654).—Legg. Capital. Caroli V, c. 103—197 (Goldast. «Constit. Imp.» III, 537—55).—London Athenaeum mar. 15, 1873, p. 338.—R. Christian. V «Jur. Danic.» art. 7.—Willenburgi «de Except. et Poenis cleric.» 42 (Jenae, 1740).—5 Henri IV, c. 5.—Descr. of Britaine, Bk. III, c. 6 (Holinshed's «Chronicles» изд. 1577, I, 106).—London Athenaeum, 1885, № 3024, p. 466

[2]) Lucae Tudens. «de alt. Vita», lib. III, c. 15.—Thom. Aquinat. «Summa», Sec. Q. X. Art. 3, 6.—Von der Hardt, t. I, p. XVI. 829.—Nic. Eymeric. «Direct. Inquis.» praefatio.

Библиотека "Руниверс"

Мы должны также имѣть въ виду характеръ, какой принимало христіанство по мѣрѣ послѣдовательнаго развитія своего богословія. Ловкіе вожди Церкви знали слова Спасителя: «Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, а исполнить» [1]). Они также знали изъ Священнаго Писанія, что Іегова радовался уничтоженію враговъ своихъ; они читали, какъ Саулъ, избранный Израилемъ въ царя, былъ наказанъ Богомъ за то, что пощадилъ Агага Амаликитянина, и что пророкъ Самуилъ разрубилъ Агага въ куски передъ Вѣчнымъ [2]); они читали, что Богъ приказалъ вырѣзать всѣхъ идолопоклонниковъ хананеянъ, и что это было исполнено безъ всякаго милосердія; читали они, что Богъ повелѣлъ Иліи убить четыреста пятьдесятъ служителей Ваала, и многое тому подобное. Они не могли понять, чтобы кротость по отношенію къ отрицающимъ истинную вѣру не была открытымъ неповиновеніемъ Богу. Въ ихъ глазахъ Іегова былъ Богомъ, Котораго можно было умилостивить только жертвами. Само ученіе объ Искупленіи вытекало изъ той идеи, что родъ человѣческій могъ быть спасенъ лишь цѣпою самой ужасной жертвы, какую могъ только придумать умъ человѣческій, цѣпою казни одного изъ лицъ Святой Троицы. Христіане поклонялись Богу, который добровольно подвергъ Себя самой мучительной и позорной казни, и во всемъ христіанскомъ мірѣ спасеніе душъ зависѣло отъ ежедневнаго воспоминанія этой жертвы во время обѣдни. Людямъ, впитавшимъ въ себя подобныя вѣрованія, легко могло казаться, что самыя жестокія наказанія, наложенныя на враговъ Божьей Церкви, были ничто сами по себѣ, и что кровь жертвъ съ радостью принималась Тѣмъ, Кто приказалъ избить всѣхъ хананеянъ безъ различія пола и возраста.

Это направленіе еще болѣе увеличилось съ развитіемъ аскетизма. Вся агіологія поучала, что земную жизнь слѣдуетъ презирать, что небесной жизни можно достигнуть презрѣніемъ удовольствій и подавленіемъ всѣхъ тѣлесныхъ потребностей человѣка. Изнуреніе и умерщвленіе плоти было самымъ вѣрнымъ путемъ въ рай, и всякій грѣхъ долженъ быть искупленъ добровольно наложеннымъ покаяніемъ. Это ученіе приводило къ двумъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны, обѣты фанатиковъ—цѣломудріе, постъ, отшельничество—доводили прямо до сумасшествія, какъ это показываютъ частые случаи самоубійства въ строгихъ монастыряхъ и одержанія бѣсами, носившія эпидимическій характеръ [3]). Когда читаешь разсказы объ аскетическихъ подвигахъ святого мученика Петра, о его постахъ, бдѣніяхъ, самобичеваніяхъ и т. п., то невольно приходишь къ мысли, что онъ былъ сумасшедшій; въ немъ ясно видны признаки умственной ненормальности, и изъ него долженъ былъ сдѣлаться опасный маніакъ, когда чувства его были возбуждаемы какимъ-либо религіознымъ вопросомъ. Съ другой стороны, люди, которые обуздывали, такимъ образомъ, обуревавшія ихъ страсти и суровыми мѣрами заставляли молчать свою мятущуюся плоть, не были способны живо чувствовать мученія тѣхъ, кто отдавалъ себя во власть Сатаны и кого только костромъ можно было спасти отъ вѣчнаго огня адскаго. Если же случайно въ сердцахъ ихъ сохранялось еще чувство жалости, и они страдали при видѣ мученій своихъ жертвъ, то они могли думать, что они совершаютъ подвигъ аскетизма и покаянія, подавляя въ себѣ чувства, порожденныя человѣческой слабостью. Въ глазахъ всѣхъ людей жизнь была мгновеніемъ въ сравненіи съ вѣчностью, и всѣ человѣческіе интересы меркли передъ главной обязанностью — спасти стадо и не допускать зараженныхъ овецъ до общенія съ другими. Сама любовь къ ближ-

---

[1]) Евангеліе отъ Матѳея, V, 17.

[2]) Первая книга Царствъ, XV, 32, 33.

[3]) Galton, «Inquiries into human faculty», 66—8. — Caes. Heisterb. «Dial. Mirac.» dist. IV. Пагубное вниманіе аскетизма на умы людей замѣчается уже съ IV вѣка; св. Іеронимъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что нерѣдко аскеты болѣе нуждались во врачѣ, чѣмъ въ священникѣ (Hieron. «Epist.» CXXV, c. 16).

Библиотека "Руниверс"

нимъ побуждала безъ всякаго колебанія прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, чтобы выполнить дѣло спасенія, выпавшее на ея долю.

Искренность людей, бывшихъ орудіемъ Инквизиціи, и ихъ глубокое убѣжденіе, что они трудились во славу Бога, подтверждаются, между прочимъ, тѣмъ, что обыкновенно ихъ поощряли къ дѣятельности дарованіемъ индульгенцій, какъ за паломничество въ Святую Землю. Кромѣ нравственнаго удовлетворенія по поводу исполненнаго долга, это была единственная награда ихъ за ихъ тяжелый трудъ, и они вполнѣ удовлетворялись ею [1]).

Если же мы хотимъ убѣдиться, что жестокость къ еретикамъ могла уживаться въ сердцѣ человѣка съ безграничной любовью къ людямъ, то намъ достаточно вспомнить доминиканскаго монаха Фра Джованни Скіо де Виченца. Глубоко пораженный ужаснымъ положеніемъ сѣверной Италіи, которую раздирали не только междоусобныя распри одного города съ другимъ и дворянъ съ горожанами, но и раздоры между членами одного и того же семейства—гвельфами и гибелинами, онъ всецѣло отдался проповѣди мира. Въ 1233 г. благодаря его краснорѣчію враждовавшія партіи въ Болоньѣ сложили оружіе, и вчерашніе враги въ какомъ-то радостномъ экстазѣ всепрощенія простили другъ другу всѣ обиды. Впечатлѣніе, произведенное его рѣчью, было настолько сильно, что городской совѣтъ просилъ его исправить по своему усмотрѣнію городскіе законы. Не меньше успѣха имѣлъ онъ въ Падуѣ, Тревизѣ, Фельтрѣ и Беллунѣ. Сеньоры Камино, Романо, Конпильяно, Санъ-Бонифачіо, республики Брешіи, Виченцы, Вероны и Мантуи избрали его третейскимъ судьей и поручили ему пересмотрѣть ихъ законы. Въ долину Пакара, близъ Вероны, созвалъ онъ огромное собраніе народовъ Ломбардіи, и вся толпа, увлеченная его вдохновеннымъ словомъ, какъ голосомъ съ неба, провозгласила общій миръ. А, между тѣмъ, этотъ самый человѣкъ, достойный ученикъ Великаго Учителя Божественной любви, не задумался, получивъ въ свои руки власть въ Веронѣ, сжечь на городской площади шестьдесятъ мужчинъ и женщинъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ города, которыхъ онъ осудилъ какъ еретиковъ. Спустя двадцать лѣтъ мы находимъ его во главѣ болонскаго отряда въ крестовомъ походѣ, поднятомъ Александромъ IV противъ Эццелина да Романо [2]).

При такомъ настроеніи умовъ фанатиковъ, даже болѣе кроткихъ и любящихъ, невозможно было требовать отъ нихъ большаго состраданія къ мученіямъ еретиковъ, чѣмъ къ мученіямъ Сатаны и его демоновъ, осужденныхъ на вѣчныя муки ада. Если справедливый и всемогущій Богъ жестоко отомстилъ тѣмъ изъ своихъ твореній, которыя оскорбили Его, то не человѣку осуждать божеское правосудіе; наоборотъ, онъ долженъ смиренно слѣдовать примѣру своего Создателя и радоваться, если представляется случай пойти по Его стопамъ. Суровые моралисты той эпохи утверждали, что христіанинъ долженъ находить удовольствіе въ созерцаніи мученій грѣшника. Пятьсотъ лѣтъ передъ этимъ Григорій Великій подтвердилъ, что счастье избранныхъ въ райскихъ селеніяхъ было бы не полно, если бы они не могли бросать своихъ взоровъ за предѣлы рая и радоваться при видѣ страданій ихъ братьевъ, пожираемыхъ вѣчнымъ огнемъ. Это представленіе о блаженствѣ избранныхъ было обще-распространеннымъ, и Церковь старалась поддерживать его. Петръ Ломбардскій, «Мысли» (Sententiae) котораго, опубликованныя въ половинѣ XII вѣка, были приняты въ школахъ какъ высшій авторитетъ, цитируя св. Григорія, останавливается на томъ счастіи, которое должны испытывать избранные при видѣ несказанныхъ бѣдствій осужденныхъ. Даже кроткій мистицизмъ св. Бонавентуры не мѣ-

[1]) Martène, «Thes.» V, 1817, 1820.—Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 20 mart, 1262, § 13.—Clem. PP. IV. Bull. «Prae cunctis mentis», 23 feb. 1266 (Arch. de l'Inq. de Carc., Doat, XXXII, 32).

[2]) Tamburini, «Storia generale dell'Inquisizione», I, 362—5, 561.—Chron. Veronens. ann. 1233 (Muratori, «Script. rer. italic». VIII, 626—7).

Библиотека "Руниверс"

шаетъ ему раздѣлять этотъ дикій взглядъ. Легко понять, что въ эпоху, когда всѣ мыслящіе люди были воспитаны въ подобныхъ понятіяхъ и считали своимъ долгомъ распространять ихъ среди народа, никакое чувство состраданія къ жертвамъ не могло отвратить даже наиболѣе сострадательныхъ отъ самыхъ ужасныхъ каръ правосудія. Уничтоженіе еретиковъ было дѣломъ, которое не могло не радовать вѣрныхъ, хотя бы они оставались простыми зрителями, и тѣмъ болѣе должны были они радоваться, если ихъ внутреннее убѣжденіе или общественное положеніе налагало на нихъ высокій долгъ преслѣдованія. Если же, несмотря на все это, въ души ихъ закрадывалось сомнѣніе, то схоластическое богословіе быстро уничтожало его, поучая, что преслѣдованіе есть проявленіе любви къ ближнему и чрезвычайно полезно для тѣхъ, противъ кого оно возбуждается [1]).

Правда, не всѣ папы были похожи на Иннокентія III, не всѣ инквизиторы—на Фра Джованни. Очень часто играли здѣсь видную роль эгоистическіе и корыстные мотивы, подобно тому, какъ играютъ они во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ; и дѣйствія даже лучшихъ изъ нихъ, несомнѣнно, внушались, сознательно или нѣтъ, гордостью и честолюбіемъ не менѣе, чѣмъ чувствомъ долга передъ Богомъ и людьми. Не нужно также упускать изъ виду, что религіозное возстаніе угрожало мірскимъ благамъ Церкви и привилегіямъ ея членовъ; сопротивленіе, которое встрѣчало всякое новшество до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ, объясняется желаніемъ удержать эти преимущества. Конечно, это желаніе низменно и эгоистично, но не надо забывать, что въ XIII вѣкѣ могущество и богатство церковной іерархіи были уже издавна признаны государственнымъ правомъ Европы. Вожди Церкви считали своей священной обязанностью сохранять унаслѣдованныя ими права и бороться за ихъ удержаніе противъ смѣлыхъ враговъ, ученіе которыхъ стремилось ниспровергнуть то, что они считали основаніемъ соціальнаго строя. Какую бы симпатію ни чувствовали мы къ претерпѣвшимъ страшныя мученія вальденцамъ и катарамъ, мы должны признать, что паденіе ихъ было неизбѣжно; оставаясь безпристрастными, мы должны одинаково оплакивать ослѣпленіе преслѣдователей и мученія преслѣдуемыхъ.

Мы не можемъ умолчать еще объ одномъ мотивѣ, болѣе низменномъ и грязномъ, который возбуждалъ дѣятельность Инквизиціи и зажигалъ дикій фанатизмъ; я говорю о конфискаціяхъ имуществъ, которыя повсюду были обычнымъ наказаніемъ еретиковъ. Къ этому вопросу мы вернемся ниже, не останавливаясь на немъ въ настоящей главѣ.

Рѣдко человѣкъ остается вѣренъ до конца своимъ принципамъ, и преслѣдователи XIII вѣка сдѣлали уступку человѣколюбію и здравому смыслу, оказавшуюся роковою для вдохновлявшей ихъ теоріи. Для полнаго оправданія своей теоріи они должны были бы распространять свой неумолимый прозелитизмъ и на всѣхъ нехристіанъ, которыхъ отдавала имъ въ руки судьба; однако, невѣрные, не просвѣщенные свѣтомъ истины, какъ, напр., евреи и сарацины, не были принуждаемы переходить въ христіанство; даже дѣтей ихъ нельзя было крестить безъ согласія родителей, такъ какъ это казалось противорѣчащимъ элементарной справедливости и опаснымъ для чистоты вѣры. Конечно, часто въ пылу гоненій, воздвигаемыхъ противъ евреевъ, упускали изъ виду этотъ принципъ, какъ, напр., во время рѣзни 1391 г., когда тысячамъ евреевъ былъ предложенъ выборъ между смертью и купелью. Вѣрно также, что благодаря новой непослѣдовательности эти вынужденныя обращенія, какъ мы увидимъ ниже, имѣли въ виду сдѣлать жертвы подсудными Церкви, которая могла судить только присоединенныхъ къ ней черезъ таинство крещенія [2]).

---

[1]) Gregor. PP. I «Homil. in Evang.» XL, 8.—Pet. Lomb. «Sentent». lib. IV, dist. 50, §§ 6, 7. Въ подтвержденіе своего положенія Петръ Ломбардскій приводитъ даже выдержку изъ св. Іеронима, но она имѣетъ совершенно другой смыслъ (Hieron. «Comment. in Isaiam», lib. XVIII, c. LXVI, vers. 24).—S. Bonavent. «Phare fac.», IV, 50.—S. Thomae Aquinat. «Contra impugn. relig.» cap. XVI, §§ 2, 3.

[2]) S. Thomae Aquinat. «Summ.» Sec. Q. X, art. 8, 12.—Zanchini, «de Haeres.» c. II.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА VI.

Нищенствующіе монахи.

Не насиліе было самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ въ борьбѣ Церкви за возстановленіе почвы, утраченной ея служителями. Правда, высшее духовенство полагалось почти исключительно на строгость и пыталось подавить открытое возстаніе, заставляя ловко дѣйствовать соединенныя силы народнаго суевѣрія и княжескаго честолюбія; но этого было мало, чтобы упрочить успѣхъ, возбудить къ себѣ снова довѣріе и снова снискать уваженіе народа. Подобное возрожденіе не могло быть дѣломъ суетныхъ и сребролюбивыхъ епископовъ. На самыхъ низшихъ ступеняхъ церковной іерархіи стояли люди, видѣвшіе яснѣе и имѣвшіе болѣе высокіе идеалы; они знали всѣ трещины зданія и въ своей скромной средѣ искали средствъ задѣлать ихъ. И этимъ людямъ Церковь обязана своимъ спасеніемъ болѣе, чѣмъ Иннокентіямъ и Монфорамъ. Энтузіазмъ, съ которымъ всюду встрѣчали ихъ призывъ, показываетъ, какъ сильно чувствовалась въ народныхъ массахъ потребность въ Церкви, которая болѣе соблюдала бы завѣты своего божественнаго Основателя.

Не надо думать, чтобы истинно благочестивые католики не замѣчали нравственной испорченности духовенства, и чтобы время отъ времени не дѣлались попытки провести церковную реформу; онѣ дѣлались даже тѣми, кого испугала бы одна мысль не только объ открытомъ возстаніи противъ Церкви, но и о тайномъ несогласіи съ нею. Смѣлыя слова св. Бернара, Героха фонъ Рейхерсперга и Петра Кантора свидѣтельствуютъ, что нравственная распущенность священниковъ и прелатовъ глубоко чувствовалась, и что къ ней относились съ суровою критикой, въ извѣстныхъ пунктахъ, конечно, строго католическою. Когда Петръ Вальдо принялъ на себя добровольную миссію возсоздать евангельскую Церковь, онъ не думалъ не только разрушать, но и опровергать существующій порядокъ вещей. Онъ былъ какъ бы принужденъ къ этому тѣмъ упорствомъ, съ которымъ его ученики обращались непосредственно къ Священному Писанію, и тѣмъ естественнымъ страхомъ, который испытываетъ консерватизмъ передъ энтузіазмомъ, легко могущимъ сдѣлаться опаснымъ. Въ концѣ XII столѣтія явился другой апостолъ, непродолжительная дѣятельность котораго нѣкоторое время внушала надежды, что удастся безъ насилія провести полную реформу въ жизни какъ народа, такъ и духовенства, и что эта реформа осуществитъ, наконецъ, тѣ прекрасныя обѣщанія, которыя Церковь дала человѣчеству.

Фулькъ изъ Нейльи былъ неизвѣстный священникъ, мало образованный и очень презиравшій школьную діалектику, но глубоко убѣжденный, что забота о душахъ людей обязываетъ его на тяжелый подвигъ проповѣди вѣры. Пораженный его ревностью, Петръ Канторъ выхлопоталъ для него у Иннокентія III разрѣшеніе проповѣдывать публично. Первый успѣхъ не оправдалъ ожиданій, но скоро опытъ и навыкъ открыли ему дорогу въ сердца людей, и легенда объясняетъ внезапное торжество его проповѣди наитіемъ св. Духа, давшимъ ему, кромѣ того, и даръ творить чудеса. Говорили, что онъ возвращалъ слухъ глухимъ, зрѣніе слѣпымъ, крѣпость разслабленнымъ; но онъ зналъ свой часъ и часто отказывалъ давать исцѣленія, говоря, что не настало еще время, и что возвращенное здоровье вовлечетъ исцѣленнаго только въ новые грѣхи. Хотя народъ и считалъ его святымъ, Saint homme, но онъ не былъ аскетомъ; въ эпоху, когда умерщвленіе плоти считалось неизбѣжнымъ спутникомъ святости, съ удивленіемъ видѣли, что онъ съ удовольствіемъ ѣлъ все, что ему давали и не соблюдалъ капуновъ праздниковъ. Къ тому же онъ

Библиотека "Руниверс"

былъ страшно вспыльчивъ и легко посылалъ къ Сатанѣ въ когти тѣхъ, кто отказывался слушать его, и всѣ были убѣждены, что эти несчастные осуждены на скорую смерть. Тысячи грѣшниковъ стекались слушать его и вступали на путь лучшей жизни, гдѣ, впрочемъ, вели себя не особенно строго. Онъ такъ успѣшно обращалъ на путь истины падшихъ женщинъ, отрекавшихся подъ вліяніемъ его проповѣди отъ міра, что исключительно для нихъ былъ основанъ въ Парижѣ монастырь св. Антонія. Много также катаровъ обратилъ онъ силою своего слова; и только благодаря ему удалось открыть въ пещерѣ въ Корбиньи извѣстнаго ересіарха изъ Ниверна, Феррика, и сжечь его живымъ. Особенно строго относился онъ къ распущенности духовенства; въ Лизьё онъ своими нападками такъ возбудилъ противъ себя духовенство, что его посадили въ тюрьму и заковали въ цѣпи; но это не помѣшало ему, одаренному даромъ творить чудеса, освободиться безъ всякой посторонней помощи и удалиться изъ города. Нѣчто подобное случилось съ нимъ въ Канѣ, гдѣ его схватили приспѣшники Ричарда Англійскаго, надѣясь этимъ угодить своему повелителю, котораго могла затрагивать грубая откровенность проповѣдника. Фулькъ предупредилъ Ричарда, чтобы онъ поторопился выдать замужъ своихъ трехъ дочерей, иначе съ нимъ случится несчастіе; король отвѣтилъ, что Фулькъ солгалъ, что онъ прекрасно знаетъ, что у него нѣтъ дочерей; на это апостолъ возразилъ, что у Ричарда есть три дочери; первую зовутъ Гордостью, вторую—Скупостью, третью—Сластолюбіемъ. Но съ Ричардомъ трудно было препираться на словахъ; онъ собралъ весь свой дворъ и, торжественно сообщивъ слова Фулька, добавилъ: «Мою Гордость я отдаю тамплiерамъ, мою Скупость—цистерціанцамъ, а мое Сластолюбіе—всѣмъ вообще прелатамъ».

Фулькъ потерялъ нѣсколько въ общественномъ мнѣніи изъ-за того, что сблизился съ Петромъ де Руаси, который, проповѣдуя нищету, собралъ огромныя богатства и былъ сдѣланъ каноникомъ въ Шартрѣ, гдѣ вскорѣ занялъ постъ канцлера. Но все же онъ сдѣлалъ бы многое, если бы папа Иннокентій III, болѣе занятый завоеваніемъ Святой Земли, чѣмъ пробужденіемъ душъ, не обратился къ нему въ 1198 г. съ просьбой проповѣдывать крестовый походъ. Фулькъ принялся за это съ обычнымъ своимъ рвеніемъ; и только благодаря ему Балдуинъ Фландрскій и другіе князья подняли крестъ; утверждали даже, что онъ собственноручно возложилъ священный символъ на одежды 200 000 пилигримовъ, преимущественно останавливаясь на бѣдныхъ, такъ какъ богатыхъ онъ не считалъ достойными этого. Такимъ образомъ, Восточная Латинская Имперія, явившаяся результатомъ крестоваго похода, въ значительной степени была созданіемъ Фулька. Злые языки, но, конечно, безъ всякаго основанія, утверждали, что онъ припряталъ огромныя суммы, собранныя благодаря его увлекательному краснорѣчію; достовѣрно одно, что христіане, сражавшіеся въ Палестинѣ, никогда не получали столько денегъ и такъ кстати, какъ при Фулькѣ, когда имъ понадобилось возстановить стѣны Тира и Птолемаиды, разрушенныя землетрясеніемъ. Умеръ Фулькъ въ Нейльи въ маѣ 1202 г., въ то самое время, когда выступили въ походъ крестоносцы, которыхъ онъ долженъ былъ сопровождать; все свое имущество онъ завѣщалъ пилигримамъ. Если бы онъ прожилъ долѣе и не отступилъ со своего прямого пути, то, несомнѣнно, своею честностью и своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ онъ добился бы прочныхъ и продолжительныхъ успѣховъ [1]).

Совершенно другимъ человѣкомъ, чѣмъ Фулькъ, былъ каталонецъ Дурандо изъ Хуески.

---

[1]) Chron. Laudunens. ann. 1198.—Ottenis de s. Blasio «Chron.» (Urstisius I, 223 sq.).—Joann. de Flissicuria (D. Bouquet, XVIII, 800).—Rob. Autissiodor. «Chron.» ann. 1198, 1202.—Rog. Hoveden. «Annal.» ann. 1198, 1202.—Rigord. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1195, 1198.—Guill. Brit. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1195.—Grandes Chron. ann. 1195, 1198.—Jacob. Vitriens. «Hist. Occid.» c. 8.—Radulph. de Coggeshall. ann 1198, 1201.—Chron. Cluniac. ann. 1198.—Chron. Leodiens. ann. 1198, 1199.—Alberic. T. Font. «Chron.» ann. 1198.—Geoffr. de Villehardouin, c. 1.—Annal. Aquicinctin. Monast. ann. 1198.—Joann. Iperii «Chron.» ann. 1201—1202.

Библиотека "Руниверс"

Несмотря на указы Альфонса и Петра и на преслѣдованія, вальденская ересь пустила въ Арагоніи глубокіе корни. Дурандо былъ однимъ изъ вождей этихъ еретиковъ и принялъ участіе въ собесѣдованіи, состоявшемся въ 1207 г. въ Памье въ присутствіи графа де Фуа, между вальденцами, съ одной стороны, и епископами Осмы, Тулузы и Консеранса—съ другой. Возможно, что св. Доминикъ также былъ тамъ; а такъ какъ между этими двумя людьми было много общаго, то явилось преданіе, что обращеніе Дурандо (единственный результатъ собесѣдованія) было вызвано краснорѣчіемъ св. Доминика. Дурандо былъ настолько горячо вѣрующій, что онъ не могъ успокоиться на одномъ своемъ личномъ спасеніи, и отнынѣ онъ посвятилъ себя обращенію заблудшихся душъ. Онъ не только писалъ различные трактаты противъ ереси, но и составилъ проектъ основанія ордена, который служилъ бы образцомъ нищеты и отреченія и всецѣло посвятилъ бы себя дѣлу проповѣди и распространенія вѣры; орденъ этотъ долженъ былъ сражаться съ еретиками тѣмъ самымъ оружіемъ, которое много помогло еретикамъ отвратить людей отъ чрезмѣрно богатой и суетной Церкви. Отдавшись этой идеѣ, онъ началъ дѣйствовать между своими бывшими единовѣрцами и многихъ изъ нихъ обратилъ какъ въ Испаніи, такъ и въ Италіи. Въ Миланѣ сто катаровъ согласились вернуться въ лоно Церкви съ условіемъ, что имъ будетъ возвращено зданіе, построенное ими для школы и разрушенное по приказанію архіепископа. Дурандо съ тремя своими спутниками явился къ папѣ Иннокентію III, который удовлетворился его исповѣданіемъ вѣры и одобрилъ его планъ. Большинство членовъ новой корпораціи составилось изъ духовныхъ лицъ, уже раньше истратившихъ все свое имущество на добрыя дѣла. Отрекаясь отъ міра, они давали обѣтъ жить въ самомъ строгомъ цѣломудріи, спать на голыхъ доскахъ за исключеніемъ случаевъ болѣзни, молиться семь разъ въ день и соблюдать свои особые посты, кромѣ установленныхъ Церковью. Нищета возводилась въ основное правило; никто не долженъ былъ думать о завтрашнемъ днѣ; никто не долженъ былъ принимать подарковъ золотомъ или серебромъ, разрѣшалось лишь принимать самое необходимое изъ пищи и одежды. Одежда была избрана бѣлаго или сѣраго цвѣта съ сандаліями, чтобы отличаться отъ вальденцевъ. Болѣе ученые должны были посвящать свое время проповѣди среди вѣрныхъ и обращенію еретиковъ, причемъ они обязывались не выставлять на видъ пороковъ духовенства; не получившіе же достаточнаго образованія должны были заниматься физическимъ трудомъ, чтобы уплатить Церкви всѣ десятины, премиціи и приношенія, которыя она требовала. Кромѣ всего этого, забота о бѣдныхъ должна была быть одной изъ самыхъ главныхъ обязанностей новаго ордена; одинъ богатый міранинъ изъ епархіи Эльна предложилъ построить имъ церковь и пріютъ на пятьдесятъ кроватей, а также раздать одежду нуждающимся [1]). Они оставляли за собой право избранія своего начальника и ни въ какомъ случаѣ не могли быть подсудны суду прелатовъ.

Этотъ уставъ Бѣдныхъ Католиковъ—какъ они сами называли себя въ отличіе отъ Ліонскихъ Бѣдныхъ или Вальденцевъ—заключалъ въ себѣ въ зародышѣ все то, что позднѣе было принято св. Доминикомъ и св. Францискомъ. Это было началомъ или, по крайней мѣрѣ, первымъ абрисомъ великихъ нищенствующихъ орденовъ; это была плодотворная идея, развитіе которой дало поразительные результаты. Если трудно допустить, чтобы св. Франциск въ Италіи заимствовалъ свою идею у Дурандо, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что св. Доминикъ во Франціи зналъ объ этомъ движеніи, и оно привело его къ мысли создать Братьевъ-проповѣдниковъ по образцу Бѣдныхъ Католиковъ. Хотя обстоятельства болѣе благопріятствовали первымъ шагамъ Дурандо, чѣмъ св. Доминика или св. Франциска, но, тѣмъ не менѣе, неудача его попытки сказалась скоро. Уже въ

[1]) Pet. Sarnens. c. 6.—Guill. Pod. Laur. c. 8.—Innocent. PP. III. «Regest.» XI, 196—7; XII, 17.

Библиотека "Руниверс"

1209 г. онъ основалъ общины въ Арагоніи, Нарбоннѣ, Безье, Узесѣ, Каркассонѣ и Нимѣ; но прелаты Лангедока отнеслись къ нему съ недовѣріемъ, и всѣ, тайно или явно, стали во враждебныя къ нему отношенія. Появились доносы по поводу присоединенія обращенныхъ еретиковъ; жаловались, что обращенія были мнимыя, и что вновь обращенные не оказывали Церкви должнаго уваженія и не соблюдали церковныхъ обрядовъ. Крестовый походъ уже начался, и казалось, что легче уничтожать, чѣмъ убѣждать; кроткіе пріемы, проповѣдуемые Дурандо и его братіей, были просто смѣшны въ эту эпоху возбужденныхъ страстей и насилія. Безуспѣшно было обращеніе Дурандо къ Иннокентію, безуспѣшно папа, разсмотрѣвшій его проектъ, съ проницательностью государственнаго человѣка бралъ его подъ свое верховное покровительство и писалъ посланіе за посланіемъ къ прелатамъ, приказывая имъ оказывать поддержку Бѣднымъ Католикамъ и напоминая имъ, что заблудшихся овецъ должно съ радостью принимать въ лоно Церкви, что души людей должны быть привлекаемы кротостью и любовью, и что, наконецъ, не слѣдуетъ обращать вниманія на мелочи. Папа оказалъ даже Дурандо особое благоволеніе, разрѣшивъ свѣтскимъ членамъ его ордена не поднимать оружія противъ христіанъ и не давать присяги на свѣтскихъ судахъ, насколько это совмѣстимо съ правосудіемъ и съ правами сюзереновъ. Все было безполезно. Страсти и ненависть, возбужденныя Иннокентіемъ въ Лангедокѣ, стали настолько остры, что онъ не могъ уже обуздать ихъ. Бѣдные Католики исчезли въ волнахъ бури, и послѣ 1212 г. о нихъ почти не упоминается; а въ 1237 г. Григорій IX предписалъ доминиканскому провинціалу въ Таррагонѣ реформировать ихъ и заставить принять уставъ одного изъ утвержденныхъ монашескихъ орденовъ. Посланіе Иннокентія IV отъ 1247 г. къ архіепископу Нарбонны и епископу Эльна запрещаетъ Бѣднымъ Католикамъ проповѣдывать. Итакъ, когда они хотѣли отдать свои силы на дѣло, которому они посвятили себя, на нихъ спѣшили наложить молчаніе. Другимъ было суждено воспользоваться всѣми послѣдствіями замѣчательнаго практичнаго проекта Дурандо [1]).

Совершенно иной успѣхъ имѣлъ Доминго де Гузманъ, котораго римская Церковь чтитъ какъ самаго великаго и самаго счастливаго изъ своихъ подвижниковъ:

Della fede cristiana santo atleta,
Benigno a'suoi e a'nemici crudo—
E negli sterpi eretici percosse
L'impeto suo più vivamente quivi
Dove le resistenze eran più grosse [2]).

Онъ родился въ 1170 г. въ Каларуэгѣ въ Старой Кастиліи отъ родителей, которыхъ доминиканцы любятъ выводить изъ царскаго рода. Святость его была такъ велика, что она отразилась даже на его матери, св. Хуаннѣ де Ага; поднимался даже вопросъ о причисленіи и его отца къ лику святыхъ. Его родители были погребены оба вмѣстѣ въ монастырѣ Санъ Педро де Гуміель, но около 1320 г. инфантъ Хуанъ Мануэль Кастильскій перенесъ тѣло Хуанны въ основанный имъ доминиканскій монастырь Санъ-Пабло де Пенафьель; тогда аббатъ монастыря Гуміель, Фра Джеронимо Орозко, перенесъ останки донъ Феликса де Гузманъ въ скрытое мѣсто, чтобы и они не сдѣлались предметомъ неумѣстнаго почитанія. Даже купель въ формѣ раковины, въ которой крестили св. Доминика, стала предметомъ особаго поклоненія набожныхъ испанцевъ; въ 1605 г. Филиппъ III приказалъ перенести ее изъ Каларуэги въ Вальядолидъ, откуда ее перенесли въ Мадридъ въ

[1]) Innocent. PP. «Regest.» XI, 98; XII, 67, 69; XIII, 63, 78, 94; XV, 90, 91, 92, 93, 96, 137, 146.—Ripoll. «Bull. Ord. FF. Praedic.» I, 96.—Berger, «Reg. d'Innoc. IV», № 2752.

[2]) Dante, «Paradiso», XII.

Библиотека "Руниверс"

СВ. ДОМИНИКЪ, основатель Доминиканскаго ордена. (1170—1221).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

королевскій монастырь св. Доминика и стали употреблять для крещенія членовъ королевскаго дома [1]).

Десять лѣтъ ученія въ университетѣ въ Паленціи сдѣлали изъ Доминика ученаго богослова, и онъ во всеоружіи выступилъ на миссіонерскую дѣятельность, которой посвятилъ всю свою жизнь. Вступивъ въ капитулъ въ Осмѣ, онъ вскорѣ занялъ тамъ мѣсто субъ-пріора, и въ этомъ званіи встрѣтили мы его сопровождающимъ своего епископа, который съ 1203 г. немало потрудился въ качествѣ миссіонера въ Лангедокѣ. Біографы Доминика сообщаютъ, что особый случай во время его перваго путешествія натолкнулъ его на путь апостольской дѣятельности: во время этого путешествія ему пришлось остановиться въ домѣ одного тулузскаго еретика, и онъ посвятилъ всю ночь на его обращеніе; первый успѣхъ, а равно неожиданное открытіе, что зло распространилось очень широко, опредѣлили его дѣятельность. Когда въ 1206 г. епископъ Діего отослалъ свою свиту, а самъ остался проповѣдывать евангеліе, то онъ удержалъ при себѣ одного только Доминика, а когда умирающій Діего отправился домой въ Испанію, то Доминикъ остался въ Лангедокѣ и сдѣлалъ его ареной своей плодотворной дѣятельности [2]).

Преданіе рисуетъ Доминика однимъ изъ главныхъ орудій паденія альбигойской ереси. Несомнѣнно, онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать на его мѣстѣ человѣкъ для дѣла, которому онъ посвятилъ свою душу; но, насколько извѣстно изъ исторіи, его вліяніе было почти незамѣтно. Монахъ изъ Во-Сернэ упоминаетъ о немъ только одинъ разъ и то какъ о спутникѣ епископа Діего, а эпитетъ, который онъ при этомъ прилагаетъ къ нему, vir totius sanctitatis, есть не что иное, какъ обычный способъ выраженія среди духовенства той эпохи. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ, кому легатъ, съ соизволенія папы Иннокентія, разрѣшилъ въ 1207 г. проповѣдывать; то же подтверждается выданнымъ имъ и дошедшимъ до насъ отпущеніемъ грѣховъ, въ которомъ онъ самъ называетъ себя каноникомъ Осмы и praedicator minimus; скромность его положенія видна изъ того, что данная имъ индульгенція была представлена на утвержденіе легата Арнольда, простымъ уполномоченнымъ котораго былъ Доминикъ. Этотъ документъ и еще разрѣшеніе, выданное имъ одному тулузскому гражданину помѣстить въ своемъ домѣ еретика, являются единственными свидѣтельствами его миссіонерской дѣятельности. Но его организаторскій талантъ уже проявился въ основаніи монастыря въ Пруйлѣ. Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ, при помощи которыхъ еретики распространяли свое ученіе, было основаніе безплатныхъ учебныхъ заведеній для бѣдныхъ дѣвушекъ изъ хорошихъ семей; чтобы ихъ побить ихъ же собственнымъ оружіемъ, Доминикъ выработалъ около 1206 г. проектъ подобнаго заведенія для католиковъ и осуществилъ его при помощи Фулька Тулузскаго. Пруиль сдѣлался скоро огромнымъ и богатымъ монастыремъ, который гордился тѣмъ, что онъ былъ колыбелью доминиканскаго ордена [3]).

О слѣдующихъ восьми годахъ жизни Доминика намъ ничего не извѣстно. Несомнѣнно, онъ неустанно работалъ надъ выполненіемъ своей миссіи, развивая въ себѣ качества, которыя впослѣдствіи сослужили ему столь хорошую службу: ловкость въ словопреніяхъ, знаніе людей и мощь, которую даетъ сосредоточеніе всѣхъ духовныхъ силъ на одной сознательно избранной задачѣ; но въ дикихъ оргіяхъ крестовыхъ походовъ онъ не принималъ никакого участія. Мы можемъ смѣло отвергнуть, какъ пустыя сплетни, разсказы о томъ, что онъ послѣдовательно отказывался отъ епископій Безье, Консеранса и Ком-

---

[1]) Bremonda «de Guzmana stirpe S. Dominici», Roma, 1740; 11, 12, 127, 133, 288.

[2]) Bern. Guid. «Tract. Magist. Ord. Praedicat.» ann. 1203—6.—Nic. de Trivetti, «Chron.» ann. 1203—9.

[3]) Pet. Sarnens. c. 7.—Innoc. PP. III, «Regest.» IX, 185.—Paramo, «de orig. offic S. Inquis.» lib. II, tit. 1, c. 2, §§ 6, 7.—Nic. de Trivetti «Chron.» ann., 1205.—Chron. Magist. Ord. Praedic. c. 1.—Bern. Guid. «Hist. Fundat. Convent.» (Martène, «Amp. Coll.» VI, 439).

Библиотека "Руниверс"

менжа, а также разсказы о тщетно проявленныхъ имъ чудесахъ среди закоренѣлыхъ катаровъ. Историческія свѣдѣнія о немъ начинаются снова послѣ того, какъ сраженіе при Мюрэ разрушило всѣ надежды графа Раймунда, и казалось, что наступило торжество католичества, и открылось широкое поле для мирнаго обращенія еретиковъ. Въ 1214 г. ему шелъ уже сорокъ-пятый годъ, и онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, но имъ ничего еще не было сдѣлано такого, что предвѣщало бы его будущую славу. Лишенныя сверхъ-естественныхъ украшеній, дошедшія до насъ, свидѣтельства о немъ рисуютъ его человѣкомъ вдумчивымъ, рѣшительнымъ, глубоко убѣжденнымъ, ревностнымъ въ дѣлѣ распространенія вѣры и въ то же время невѣроятно добрымъ и замѣчательно привлекательнымъ. Яркимъ доказательствомъ того, какое сильное впечатлѣніе производилъ онъ на своихъ современниковъ, служитъ то, что всѣ почти приписываемыя ему чудеса приносятъ людямъ одно благо; таковы—воскрешенія мертвыхъ, исцѣленія больныхъ и обращенія еретиковъ не страхомъ наказанія, а убѣжденіемъ въ томъ, что онъ говорилъ отъ имени Бога. Разсказы о его постоянныхъ аскетическихъ подвигахъ могутъ быть преувеличены; но если только вѣрить разсказамъ агіологіи о его добровольныхъ бичеваніяхъ, то, не колеблясь, слѣдуетъ допустить, что Доминикъ былъ къ себѣ такъ же строгъ, какъ и къ другимъ. Понятно, это не обязываетъ насъ вѣрить разсказу легенды о томъ, что святой, будучи еще ребенкомъ, постоянно падалъ съ кровати, предпочитая, въ своемъ раннемъ аскетизмѣ, голыя доски пола мягкой перинѣ постели. Страдаютъ также невиннымъ преувеличеніемъ картины его постоянныхъ бичеваній и его неустанныхъ бдѣній, причемъ, когда того настоятельно требовала плоть, онъ отдыхалъ на полу или въ углу церкви, гдѣ проводилъ ночи на молитвѣ; преувеличены и разсказы о его почти безпрерывныхъ молитвахъ и нечеловѣческихъ постахъ. Но, несомнѣнно, много вѣрнаго въ легендахъ о его безпредѣльной добротѣ и о его любви къ ближнему; будучи еще студентомъ, онъ во время голода продалъ всѣ свои книги, чтобы помочь несчастнымъ, окружавшимъ его со всѣхъ сторонъ; если бы Господь не остановилъ его, онъ продалъ бы въ рабство самого себя, чтобы выкупить у мавровъ одного плѣнника, о которомъ очень горевала сестра. Справедливы ли, или нѣтъ эти разсказы, но они прекрасно раскрываютъ тотъ идеалъ, который его непосредственные ученики хотѣли возсоздать въ немъ [1]).

Послѣдніе годы Доминика были свидѣтелями быстраго всхода сѣмянъ, посѣянныхъ имъ во время долгихъ лѣтъ его предшествующей скромной и трудовой жизни. Въ 1214 г. Петръ Селла, богатый гражданинъ Тулузы, рѣшилъ присоединиться къ Доминику и отдалъ ему свой прекрасный домъ близъ Нарбоннскаго замка, чтобы онъ обратилъ его въ центральный пунктъ своей апостольской дѣятельности, и этотъ домъ болѣе столѣтія служилъ главнымъ мѣстопребываніемъ Инквизиціи. Еще нѣсколько ревностныхъ людей примкнуло къ Доминику, и они начали вести монашескій образъ жизни. Тулузскій епископъ, фанатикъ Фулькъ, предоставилъ имъ шестую часть десятинныхъ доходовъ, чтобы они могли пріобрѣтать книги и другіе предметы, необходимые имъ для ихъ собственнаго обихода, а также для обученія тѣхъ, которыхъ они предназначали, главнымъ образомъ, къ дѣятельности проповѣдниковъ. Попытка Дурандо изъ Хуески въ это время потерпѣла уже полную неудачу. Доминикъ, который не могъ не знать объ этой попыткѣ, понялъ, несомнѣнно, причины ея неуспѣха и зналъ, какъ избѣжать подобной же участи. Но необ-

[1]) Lacordaire, «Vie de S. Dominique», 124.—Nic. de Trivetti «Chron.», ann. 1203.—Jac. de Voragine, «Legenda Aurea», изд. 1480, fol 88-b. 90-a.

Такъ какъ св. Францискъ получилъ стигматы, то и доминиканцы, въ свою очередь, утверждали, что св. Доминикъ удостоился особаго благоволенія. Когда открыли его гробницу, то изъ нея, по ихъ словамъ, распространилось райское благоуханіе на всю страну; оно было настолько сильно, что руки, прикоснувшіяся къ святымъ мощамъ, сохраняли его въ теченіе многихъ лѣтъ.—Prediche del Beato Fra Giordano da Rivalto, Флоренція, 1831, I, 47.

Библиотека "Руниверс"

ходимо отмѣтить, что въ его первоначальномъ проектѣ нѣтъ ни слова о примѣненіи силы. Еретики Лангедока, безпомощные, были распростерты у ногъ Монфора, представляя легкою добычу для хищниковъ; но въ проектѣ Доминика говорилось только о мирномъ обращеніи; Доминикъ видѣлъ обязанность Церкви въ томъ, чтобы наставлять и убѣждать,—обязанность, которою она такъ долго и такъ полно пренебрегала [1]).

Всѣ взоры были тогда обращены на Латеранскій соборъ, которому предстояло рѣшить участь южной Франціи. Фулькъ, отправляясь въ Римъ, захватилъ съ собой Доминика, чтобы получить отъ папы утвержденіе новой монашеской общины. Иннокентій, какъ гласитъ преданіе, колебался; недавняя неудача въ дѣлѣ Дурандо сдѣлала его нѣсколько недовѣрчивымъ къ начинаніямъ энтузіастовъ; соборъ запретилъ основаніе новыхъ монашескихъ орденовъ и постановилъ, что въ будущемъ религіозное рвеніе должно находить себѣ удовлетвореніе въ существующихъ монашескихъ общинахъ. Но колебанія Иннокентія были разсѣяны сновидѣніемъ: онъ видѣлъ во снѣ, что Латеранская Базилика пошатнулась и уже была готова упасть, когда какой-то человѣкъ, въ которомъ онъ узналъ смиреннаго Доминика, поддержалъ ее своими сильными плечами. Убѣжденный теперь, что зданіе Церкви должно быть поднято человѣкомъ, ревности котораго онъ не призналъ, Иннокентій одобрилъ его планъ съ условіемъ, что Доминикъ и его братія примутъ уставъ одного изъ существующихъ орденовъ [2]).

Вернувшись, Доминикъ собралъ свою братію въ Пруиль. Послѣдняя состояла тогда изъ шестнадцати человѣкъ, пришедшихъ съ разныхъ странъ горизонта—изъ Кастиліи, Наварры, Нормандіи, сѣверной Франціи, Лангедока, Англіи и Германіи: поразительное доказательство могущества Церкви, стиравшей и уничтожавшей всѣ національныя различія предъ религіознымъ идеаломъ. Эта монашеская община, набожная и преданная волѣ Божьей, приняла уставъ регулярныхъ канониковъ св. Августина, къ которымъ принадлежалъ Доминикъ, и избрала аббатомъ Матвѣя Гальскаго (le Gaulois); онъ былъ первымъ и послѣднимъ, носившимъ это званіе, такъ какъ внутреннее устройство ордена въ его дальнѣйшемъ развитіи измѣнилось въ томъ направленіи, чтобы одновременно обезпечить ему единство и свободу дѣйствій. Орденъ дѣлился на провинціи, и каждая изъ нихъ находилась въ вѣдѣніи своего провинціальнаго пріора; всѣ пріоры зависѣли отъ одного генерала. Всѣ должности были избирательными, и были выработаны правила для засѣданій собраній или капитуловъ, какъ провинціальныхъ, такъ и общихъ. Всякій монахъ былъ обязанъ буквально во всемъ повиноваться своему старшему. Какъ солдатъ на дѣйствительной службѣ, онъ могъ быть во всякое время посланъ на дѣло, разъ того требовалъ интересъ Церкви или ордена. Братья, дѣйствительно, были какъ бы воины рати Христовой; они не обрекали себя, какъ монахи другихъ орденовъ, на созерцательную жизнь за стѣнами монастыря; наоборотъ, они должны были жить среди мірянъ, и ихъ готовили къ этому; они хорошо умѣли убѣждать другихъ, были свѣдущи въ богословіи и риторикѣ и готовы на все рѣшиться и все перенести въ интересахъ воинствующей Церкви.

Имя Братьевъ-Проповѣдниковъ, подъ которымъ они стали извѣстны, они получили совершенно случайно. Во время Латеранскаго собора, когда Доминикъ былъ въ Римѣ, папѣ Иннокентію понадобилось послать ему записку. Онъ приказалъ своему секретарю начать ее словами: «Брату Доминику и его спутникамъ»; потомъ, подумавъ, онъ приказалъ написать: «Брату Доминику и проповѣдникамъ, которые съ нимъ»; въ концѣ концовъ, послѣ новаго размышленія, онъ написалъ: «Наставнику Доминику и братьямъ про-

---

[1]) Nic. de Trivetti «Chron.» ann. 1215.—Bernardi Guidonis «Tract. de Magist. Ord. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 400).—Hist. Ordin. Praedic. c. 1 (тамъ же, 332).

[2]) Nic. de Trivetti, loc. cit.—Chron. Magist. Ord. Praed. c. 1.—Bern. Guid. loc. cit.—Concil Lateran. IV, c. XIII.—Harduin. «Concil.» VII, 83.

Библиотека "Руниверс"

повѣдникамъ». Это названіе крайне обрадовало ихъ, и они тотчасъ же присвоили его [1]).

Интересно, что обѣта бѣдности не было въ первоначальномъ уставѣ ордена. Первымъ толчкомъ зарожденія ордена было дарованіе Селлы и предоставленіе епископомъ Фульком часть десятинныхъ доходовъ; немного спустя послѣ образованія ордена Доминикъ не задумался принять отъ Фулька три церкви, одну въ Тулузѣ, другую въ Памье и третью въ Пюилорансѣ. Стараясь объяснить это, историки ордена говорятъ, что основатели его желали ввести бѣдность въ свой уставъ, но побоялись, чтобы подобное новшество не вызывало препятствій со стороны папы при утвержденіи устава. Но такъ какъ Иннокентій уже раньше одобрилъ обѣтъ бѣдности въ проектѣ Дурандо, то это объясненіе теряетъ всякое значеніе, и мы въ правѣ не вѣрить тѣмъ легендамъ, гдѣ Доминикъ рисуется строго запрещающимъ своей братіи употребленіе денегъ. Съ другой стороны, мы знаемъ, что уже въ 1217 г. братья вступили въ споръ съ агентами Фулька по вопросу о десятинныхъ доходахъ и настаивали, чтобы всѣ церкви, насчитывающія не менѣе шести причастниковъ, были признаны приходскими и обложены этимъ налогомъ. Только позднѣе, когда успѣхъ францисканцевъ показалъ могущественное обаяніе бѣдности, этотъ обѣтъ былъ принятъ и доминиканцами на общемъ собраніи 1220 г., а въ основныя правила ордена онъ былъ внесенъ только собраніемъ 1228 г.; отнынѣ было строго запрещено братьямъ-проповѣдникамъ пріобрѣтать земли или арендныя статьи, предписывалось не просить никогда ни у кого денегъ и вмѣнялось всякому брату въ «великое прегрѣшеніе» храненіе при себѣ вещи, которую имѣть ему было воспрещено. Орденъ скоро стряхнулъ съ себя эти стѣсненія, но самъ Доминикъ въ этомъ отношеніи служилъ примѣромъ крайней строгости. Онъ умеръ въ Болоньѣ въ 1221 г. на постели брата Монета и въ его одеждѣ, такъ какъ своей постели у него не было, а его единственная одежда износилась до нитки. Когда въ 1220 г. былъ принятъ обѣтъ бѣдности, то всѣ имѣнія, которыя не были необходимы для удовлетворенія насущныхъ потребностей ордена, были переданы монастырю Пруиля, о которомъ мы упоминали выше [2]).

Теперь ордену недоставало только папскаго утвержденія. За этимъ отправился въ Римъ самъ Доминикъ. Иннокентій умеръ раньше его пріѣзда; но новый папа, Гонорій III, вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Доминика, и 21 декабря 1216 г. была получена санкція святого престола. Вернувшись въ 1217 г. въ Тулузу, Доминикъ поспѣшилъ разослать своихъ учениковъ. Одни изъ нихъ пошли въ Испанію, другіе—въ Парижъ, третьи—въ Болонью; самъ Доминикъ вернулся въ Римъ, гдѣ, благодаря благоволенію къ нему папскаго двора, онъ пріобрѣлъ много учениковъ. Тѣ, кто отправился въ Парижъ, встрѣтили тамъ самый радушный пріемъ: имъ отдали монастырь святого Іакова, гдѣ они основали знаменитый Якобинскій монастырь, существовавшій до уничтоженія ордена революціей. Причина, почему такъ сильно стремились поступать въ орденъ и міряне и духовные безъ различія положенія, объясняется разсказами о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались со стороны злого духа первые братья монастыря св. Іакова. Ихъ постоянно преслѣдовали то грозныя, то соблазнительныя видѣнія; они были вынуждены даже дежурить поочередно по ночамъ одинъ около другого. Во многихъ изъ нихъ вселился діаволъ, и они сошли съ ума. Великой помощницей была имъ Святая Дѣва, чѣмъ и объясняется обычай доминиканцевъ читать «Salve Regina» послѣ повечерія; это было подвигомъ благочестія, и, говорятъ, не разъ во время пѣнія видали, какъ Она витала надъ ними въ сіяніи свѣта. При та-

[1]) Hist. Ordin. Praedicat. c. 1, 2, 3.—Chron. Magist. Ordin. Praedic. c. 1.—Bernard. Guidonis «Tract. de Magist. Ord. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 332—4, 400).

[2]) Bernard. Guidon. «Tract. de Ordin. Praedic.» (Martène, VI, 400, 402—3).—Ejusd. «Hist. Fund. Convent. Praedic.» (ibid., 446—7).—Hist. Ordin. Praedic. c. 9.—Nic de Triveti «Chron.» ann. 1220, 1228.—Chron. Magist. Ordin. Praedic. c. 3.—Constit. Frat. Praedic. ann. 1228, Dist. I. c. 22; II, 26, 34 («Archiv für Literatur und Kirchengeschichte», 1886, стр. 209, 222, 225).

Библиотека "Руниверс"

СВ. ФРАНЦИСКЪ АССИЗСКІЙ.
(1182—1226).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

комъ душевномъ настроеніи люди были готовы и сами перенести всякое страданіе и подвергнуть тому же другихъ въ надеждѣ на вѣчное спасеніе [1]).

Въ нашъ планъ не входитъ слѣдить за подробностями удивительнаго распространенія ордена по всѣмъ странамъ Европы. Когда въ 1221 г. Доминикъ, въ качествѣ Генерала, предсѣдательствовалъ на второмъ общемъ собраніи ордена въ Болоньѣ, черезъ четыре года послѣ посылки учениковъ изъ Тулузы, орденъ уже насчитывалъ шестьдесятъ монастырей и былъ раздѣленъ на восемь провинцій—Испанія, Провансъ, Франція, Англія, Германія, Венгрія, Ломбардія и Романья. Въ томъ же году послѣдовала смерть Доминика, но дѣло его стояло прочно, и смерть его не задержала движенія могущественной машины, имъ построенной и пущенной въ ходъ. Повсюду самые образованные люди эпохи надѣвали на себя доминиканскую рясу; повсюду пользовались они уваженіемъ и почетомъ. Папство скоро оцѣнило ихъ заслуги, и мы вскорѣ уже встрѣчаемъ ихъ среди выдающихся дѣятелей куріи. Въ 1243 г. ученый Гуго Вьенскій первый изъ доминиканцевъ былъ избранъ въ кардиналы; а въ 1276 г. доминиканцы съ радостью увидѣли своего брата Петра изъ Тарентезы на престолѣ святого Петра подъ именемъ папы Иннокентія V.

Однако, тотъ фактъ, что канонизація Доминика послѣдовала нескоро послѣ его смерти, показываетъ, что онъ произвелъ на современниковъ не такое сильное впечатлѣніе, какъ увѣряютъ его ученики. Онъ умеръ въ 1221 г., и лишь 3 іюля 1234 г. папская булла причислила его къ лику святыхъ. Его великій соратникъ или, вѣрнѣе, соперникъ, Францискъ, умершій въ 1226 г., былъ канонизованъ уже черезъ два года, въ 1228 г.; молодой францисканецъ Антоній Падуанскій умеръ въ 1231 г., а былъ канонизованъ въ 1233 г.; 12 апрѣля 1252 г. былъ убитъ доминиканецъ, святой мученикъ Петръ, 31 августа былъ поднятъ вопросъ о его канонизаціи, и не прошло года послѣ его смерти (25 марта 1253 г.), какъ онъ былъ уже признанъ святымъ. Тотъ фактъ, что между смертью и канонизаціей Доминика протекло тринадцать лѣтъ, показываетъ, повидимому, что его выдающіяся заслуги были оцѣнены нескоро [2]).

Если францисканцы, въ концѣ концовъ, совершенно или почти слились съ доминиканцами, то это произошло благодаря обстоятельствамъ, которыя со всѣхъ сторонъ настоятельно требовали ихъ совмѣстной дѣятельности; но въ началѣ цѣль, преслѣдуемая каждымъ изъ орденовъ, была настолько же различна, насколько были различны характеры ихъ основателей: св. Доминикъ былъ типъ дѣятельнаго и опытнаго миссіонера, а св. Францискъ былъ идеалъ аскета-созерцателя, просвѣтленный безпредѣльной любовью и неутомимымъ служеніемъ на пользу ближняго.

Джованни Бернардоне родился въ 1182 году и былъ сыномъ богатаго купца въ Ассизѣ, который предназначалъ его къ коммерческой дѣятельности. Побывавъ со своимъ отцомъ во Франціи, молодой человѣкъ вернулся оттуда съ такимъ прекраснымъ знаніемъ французскаго языка, что друзья прозвали его Francesco. Опасная болѣзнь, которую онъ выдержалъ, когда ему было двадцать лѣтъ, рѣзко измѣнила его характеръ: выздоровѣвъ, онъ совершенно пересталъ предаваться разсѣянной жизни, какую велъ раньше въ кругу молодежи, и всего себя посвятилъ дѣламъ благотворительности, чѣмъ, быть-можетъ,

---

[1]) Nic. de Trivetti «Chron.» ann. 1215, 1217, 1218.—Chron. Magist. Ord. Praedic. c. 2.—Hist. Ordin. Praedic. c. 1, 5.—Bern. Guidon. «Tract. de Magist. Ord. Praedic.» (Martène, VI, 401).—Hist. Convent. Parisiens. Frat. Praedic. (ibid., 549—50).

[2]) Bern. Guidon. «Tract. de Magist.» (Martène, VI, 403—4).—Ejusd. «Hist. Convent. Praedic.» (ib. 459).—Nic. de Trivetti «Chron.» ann. 1221, 1243, 1276.—Hist. Ordin. Praedic. c. 7.—Mag. Bull. Roman. I, 73, 74, 77, 94.

Въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, представленныхъ доминиканцами въ 1337 г. Бенедикту XII, всей братіи насчитывалось до 12 000 (Preger, «Vorarbeiten zur einer Geschichte der deutschen Mystik» въ «Zeitschrift für d. historische Theologie», 1869, стр. 12).

Библиотека "Руниверс"

не безъ основанія, заслужилъ себѣ славу тронувшагося умомъ. Горячо желая возстановить пришедшую въ ветхость церковь св. Даміана, онъ укралъ массу вещей у своего отца и продалъ ихъ въ Фолиньо вмѣстѣ съ лошадью, на которой привезъ ихъ. Раздраженный отецъ его, убѣдившись, что сынъ твердо рѣшилъ идти своей избранной дорогой, привелъ его къ епископу, чтобы онъ передъ нимъ отрекся отъ наслѣдства. Францискъ отъ всего сердца исполнилъ это, а чтобы сдѣлать свое отреченіе болѣе полнымъ, онъ снялъ съ себя всѣ одежды, за исключеніемъ власяницы, которую носилъ для умерщвленія плоти. Чтобы прикрыть его наготу, епископъ долженъ былъ подарить ему старый плащъ одного крестьянина [1]).

Отнынѣ Францискъ повелъ скитальческую жизнь нищаго, которая, впрочемъ, давала ему такіе доходы, что на собранную имъ милостыню онъ могъ возстановить четыре пришедшихъ въ упадокъ церкви. Всѣ мысли его были направлены къ одному—трудиться для собственнаго спасенія, терпя добровольно принятое на себя нищенство и служа ближнимъ вообще, прокаженнымъ въ частности; но слава о его святости распространялась быстро, и блаженный Бернардъ де Квинтавалле обратился къ нему съ просьбой, чтобы онъ взялъ его съ собой. Отшельникъ сначала не хотѣлъ имѣть товарища; но, чтобы узнать волю Бога, онъ трижды открылъ Евангеліе и попалъ на слѣдующіе три текста, которые сдѣлались основнымъ правиломъ великаго францисканскаго ордена:

«Іисусъ сказалъ ему: если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, и слѣдуй за Мною» [2]).

«Не уподобляйтесь имъ, ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія у Него» [3]).

«Тогда Іисусъ сказалъ ученикамъ Своимъ: если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною» [4]).

Францискъ повиновался волѣ Бога и принялъ посланнаго Имъ ему спутника. Вскорѣ присоединились къ нимъ и другіе, и, въ концѣ концовъ, образовалась группа изъ восьми человѣкъ. Тогда Францискъ объявилъ, что насталъ часъ идти въ міръ проповѣдывать Евангеліе, и они разошлись по-двое во всѣ страны горизонта. Когда они сошлись снова, то къ нимъ добровольно присоединились еще четверо; тогда Францискъ выработалъ имъ уставъ, и всѣ двѣнадцать, какъ говоритъ францисканское преданіе, чтобы получить признаніе отъ папы, явились въ Римъ, гдѣ въ это время засѣдалъ Латеранскій соборъ. Когда Францискъ въ одеждѣ нищаго предсталъ предъ папой, то папа, возмущенный, приказалъ выпроводить его вонъ, но ночью явилось къ нему видѣніе, заставившее его призвать къ себѣ этого нищаго. Совѣтники папы были сильно противъ него, но краснорѣчіе и серьезная убѣжденность Франциска увлекли папу; уставъ былъ одобренъ и братьямъ было разрѣшено идти проповѣдывать слово Божье [5]).

Братья еще колебались: посвятить ли себя созерцательной жизни отшельниковъ, или всецѣло отдаться великому дѣлу евангельской проповѣди, которое открывалось передъ ними. Они удалились въ Сполето и долго тамъ совѣщались, не приходя ни къ какому

---

[1]) Bonaventurae «Vita S. Francisci», c. 1, 2, № 1—4.

[2]) Евангеліе отъ Матоея, XIX, 21.

[3]) Ibid. VI, 8.

[4]) Ibid. XVI, 24.

[5]) S. Bonaventurae, c. II, III. Этотъ разсказъ, несомнѣнно, прикрашенъ внесеніемъ въ него фактовъ изъ позднѣйшей исторіи развитія общины. Въ первое время совершенно не было рѣчи о томъ, что братія должна бросить свои обычныя занятія; наоборотъ, имъ рекомендовалось заниматься ремеслами и зарабатывать себѣ пропитаніе личнымъ трудомъ; къ прошенію же милостыни имъ разрѣшалось прибѣгать только въ случаѣ крайней нужды. См. первоначальный Уставъ въ томъ видѣ, какъ его возстановилъ проф. Карлъ Мюллеръ, «Die Anfänge d. Minoritenordens», Фрейбургъ-въ-Брейсгау, 1885, стр. 186.

Библиотека "Руниверс"

заключенію, пока видѣніе свыше не положило конца ихъ колебаніямъ; и францисканскій орденъ вмѣсто того, чтобы заглохнуть въ нѣсколькихъ пустынныхъ мѣстахъ, сдѣлался одной изъ наиболѣе могущественныхъ организацій христіанскаго міра. Однако, заброшенная хижина, гдѣ они совѣщались по возвращеніи въ Ассизъ, не предвѣщала ихъ будущаго блеска. Съ какой быстротой росъ орденъ, мы можемъ заключить изъ слѣдующаго отдѣльнаго факта: когда въ 1221 г. Францискъ созвалъ первое общее собраніе ордена, то число присутствующей братіи было отъ трехъ до пяти тысячъ, причемъ среди нихъ былъ одинъ кардиналъ и нѣсколько епископовъ; а когда на общемъ собраніи 1260 г., подъ предсѣдательствомъ Бонавентуры, произвели новое раздѣленіе ордена, то онъ былъ раздѣленъ на тридцать-три провинціи и три викаріата, всѣхъ настоятельствъ было въ немъ сто-восемьдесятъ два. Это устройство можно понять на примѣрѣ Англіи, образовавшей особую провинцію, въ которой было въ 1256 г. восемь настоятельствъ съ 49 монастырями и съ 1242 монахами. Къ этому времени орденъ проникъ уже до крайнихъ предѣловъ такъ называемаго тогда цивилизованнаго міра и даже въ окрестныя страны [1]).

Минориты, или меньшіе братья, какъ они сами изъ скромности называли себя, настолько отличались по своимъ задачамъ отъ всѣхъ существовавшихъ въ Церкви монашескихъ орденовъ, что первые ученики, посланные св. Францискомъ въ Германію и Венгрію, были встрѣчены тамъ дурно и изгнаны оттуда какъ еретики. Во Франціи ихъ приняли за катаровъ, такъ какъ строгость ихъ жизни напоминала строгость Совершенныхъ. Ихъ спрашивали, не альбигойцы ли они, а они, не зная, что это значитъ, не могли дать отвѣта, и на нихъ продолжали смотрѣть подозрительно, пока духовныя власти не запросили о нихъ папу Гонорія III. Въ Испаніи пятьсотъ миноритовъ умерли мученической смертью. Иннокентій только словесно одобрилъ ихъ орденъ; такъ какъ онъ умеръ, то надо было сдѣлать какой-либо рѣшительный шагъ, чтобы оградить братьевъ отъ преслѣдованій. Поэтому Францискъ составилъ новый уставъ, болѣе сжатый и менѣе строгій, чѣмъ первый, и представилъ его Гонорію. Папа одобрилъ его, сдѣлавъ, однако, въ немъ нѣкоторыя измѣненія, но Францискъ отказался мѣнять что-либо въ своемъ уставѣ, говоря, что всѣ пункты его не выдуманы имъ, а продиктованы самимъ Іисусомъ Христомъ, и что слова Христа не могутъ быть измѣняемы. Отсюда ученики его заключили, что ихъ уставъ написанъ по вдохновенію свыше; и это вѣрованіе стало настолько сильнымъ, что уставъ удержался безъ всякаго измѣненія, даже и въ буквѣ, хотя, какъ мы увидимъ ниже, духъ его измѣнялся не разъ благодаря хитросплетеніямъ папскихъ казуистовъ [2]).

Этотъ уставъ очень простъ; въ сущности это не что иное, какъ краткое толкованіе клятвы, которую давалъ всякій братъ въ удостовѣреніе того, что онъ будетъ жить по Евангелію въ послушаніи, въ цѣломудріи и въ нищетѣ. Всякій, желавшій вступить въ орденъ, долженъ былъ прежде всего продать свое имущество и раздѣлить его между бѣдными; если это было невозможно, то достаточно было одного желанія сдѣлать это. Всякій могъ имѣть двѣ рясы, но обязательно изъ грубой матеріи, и ихъ нужно было чинить и штопать до послѣдней возможности; обувь могли носить только тѣ, кто совершенно не могъ безъ нея обойтись. Всѣ должны были странствовать пѣшкомъ за исключеніемъ случаевъ болѣзни или крайней необходимости. Никто не долженъ былъ брать денегъ, ни самъ лично, ни черезъ третье лицо; только министры (имя, которое давалось главнымъ про-

[1]) Bonavent. «Vita Franc.» c. IV, № 10. — Frat. Jordani «Chron». («Anal. Franciscani» I, 6. Quaracchi, 1885).—Waddingi «Annal. Minorum», ann. 1260, № 14.—Th. de Eccleston, «de Adventu Minorum», collat. 2.

[2]) Frat. Jordani «Chron.» («Anal. Francisc.» I, 3).—S. Francisci «Colloq.» IX.—Lib. Conformitatum, lib. I, Fruct. 9 (изд. 1513 г., fol. 77*a*).—Potthast, «Reges.» № 7108. К. Мюллеръ пролилъ много свѣта на весьма темный вопросъ о деталяхъ устава (Die Anfänge d. Minoritenordens).

Библиотека "Руниверс"

винціаламъ) могли брать деньги, имѣя въ виду уходъ за больными и покупку одеждъ, въ особенности въ странахъ съ суровымъ климатомъ. Работа строго предписывалась всѣмъ способнымъ къ физическому труду; но вознагражденіе за нее не должно было брать деньгами, а лишь предметами, необходимыми трудящимся и ихъ братьямъ. Оговорка, требующая полной нищеты, произвела, какъ мы увидимъ ниже, расколъ въ орденѣ, и потому ее стоитъ привести дословно: «Да не имѣютъ братья ничего собственнаго, ни домовъ, ни земель, ни иного чего, и да живутъ въ міру, какъ странники и паломники, питаясь милостыней во имя Бога. Нѣтъ стыда въ этомъ, ибо Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ явился въ міръ нищимъ. Очищенные нищетою, вы, братья, унаслѣдуете Царствіе Небесное и будете тамъ царствовать. Обладая этимъ, вы ничего не должны желать иного подъ небомъ». Глава ордена, или генералъ-министръ, выбирался провинціальными министрами, которые могли и смѣстить его во всѣхъ случаяхъ, когда этого требовали общіе интересы ордена. Разрѣшенія на проповѣдь давались генераломъ, но никто изъ братьевъ не имѣлъ права проповѣдывать въ епархіи безъ разрѣшенія на то мѣстнаго епископа [1]).

Вотъ и весь уставъ; конечно, въ немъ нѣтъ ничего такого, что могло бы предвѣщать, какіе огромные результаты дастъ его исполненіе. Но прочное господство надъ страстями міра далъ францисканцамъ тотъ духъ, который вдохнулъ въ нихъ ихъ основатель. Никто со времени Іисуса Христа не воплотилъ такъ полно въ себѣ идеала христіанства, какъ св. Францискъ. Среди крайнихъ проявленій его аскетизма, граничившихъ порою съ безуміемъ, яркимъ блескомъ сіяли любовь и христіанское смиреніе, съ которыми онъ посвящалъ себя на служеніе несчастнымъ и отвергнутымъ, которыми въ эту грубую эпоху мало кто интересовался. Церковь, поглощенная своими мірскими интересами, забыла думать о тѣхъ своихъ обязанностяхъ, на которыхъ зиждилось ея господство надъ душами, и нужно было крайнее самопожертвованіе, которое проявилъ Францискъ, чтобы призвать человѣчество къ пониманію своего долга. Такъ, напр., изъ всѣхъ несчастій той эпохи, вообще богатой ими, величайшимъ несчастьемъ было быть прокаженнымъ, быть пораженнымъ Богомъ болѣзнью омерзительной, неизлѣчимой и заразительной; быть тѣмъ, кому было запрещено всякое сношеніе съ людьми, и кто, выпущенный изъ больницы за сборомъ милостыни, долженъ былъ давать знать о своемъ приближеніи ударами двухъ палокъ или трещеткой, чтобы жители, предупрежденные этимъ шумомъ, могли избѣжать соприкосновенія съ зараженнымъ; на этихъ-то людей, внушавшихъ всѣмъ отвращеніе и ужасъ, пролились преимущественно безграничная любовь и безпредѣльное милосердіе св. Франциска. Онъ желалъ, чтобы братья его ордена слѣдовали его примѣру, и когда какой-нибудь знатный или простолюдинъ просилъ принять его въ орденъ, ему говорили, что отъ него прежде всего потребуютъ смиреннаго служенія прокаженнымъ въ устроенныхъ для нихъ больницахъ. Самъ св. Францискъ не задумывался спать въ больницахъ, не обращая вниманія на опасныя язвы прокаженныхъ и не боясь подавать имъ лѣкарства и облегчать имъ какъ тѣлесныя, такъ и душевныя страданія. Въ пользу прокаженныхъ онъ сдѣлалъ даже исключеніе изъ правила, запрещавшаго братьямъ брать милостыню деньгами. Однако, въ своемъ смиренномудріи онъ запретилъ своимъ ученикамъ выводить въ народъ «братьевъ христіанъ», какъ онъ называлъ прокаженныхъ. Однажды братъ Іаковъ привелъ въ церковь одного прокаженнаго, страшно изуродованнаго болѣзнью; Францискъ высказалъ ему за это свое порицаніе; потомъ, упрекая себя въ томъ, что больной могъ принять это замѣчаніе за выраженіе презрѣнія къ нему, онъ попросилъ брата Петра Катанскаго, въ то время генералъ-министра Ордена, наложить на него покаяніе, какое онъ выберетъ самъ. Петръ, высоко почитавшій его, не могъ ему отказать; и тогда Францискъ объявилъ, что онъ

[1]) B. Francisci, «Regul.» II.

Библиотека "Руниверс"

будетъ ѣсть съ одного блюда съ прокаженнымъ. На другой день за обѣдомъ прокаженный сѣлъ за столъ, и братья содрогнулись, увидя, что Франциск ъ сталъ ѣсть съ одного блюда съ больнымъ, причемъ послѣдній бралъ пищу, которую съ нимъ раздѣлялъ святой, пальцами, сочившимися гноемъ и кровью [1]).

Конечно, подобнымъ исторіямъ нельзя вѣрить безусловно, но въ сущности это не имѣетъ большого значенія; если даже это только простыя легенды, то уже одно возникновеніе ихъ показываетъ, какое сильное впечатлѣніе производилъ Франциск ъ на своихъ учениковъ, и трудно было преувеличить силу подобнаго идеала въ ту грубую и жестокую эпоху. Достовѣрно только то, что францисканцы всегда были въ первомъ ряду, когда приходилось ходить за больными, что они работали въ больницахъ въ чумныя эпидеміи, и что средневѣковая медицина своими скромными, впрочемъ, успѣхами въ лѣченіи больныхъ много обязана ихъ просвѣщенному рвенію. Говорятъ, что любовь Франциска распространялась въ равной мѣрѣ на животныхъ, на насѣкомыхъ и птицъ, которыхъ онъ обыкновенно называлъ братьями и сестрами [2]). Всѣ дошедшіе до насъ разсказы о немъ и о его непосредственныхъ ученикахъ отличаются нѣжностью и самоотреченіемъ; въ нихъ повсюду подтверждается совершенство смиренія и терпѣнія, господство надъ страстями и неутомимое стремленіе подавить все, что дѣлаетъ человѣка несовершеннымъ, и воспроизвести идеалъ, завѣщанный намъ Христомъ. При такой точкѣ зрѣнія было недалеко до мнимыхъ богохульствъ книги «О сходствѣ жизни бл. Франциска съ жизнью Господа нашего Іисуса Христа», которыя отличаются своими почти забавными крайностями. Конечно, мы можемъ смѣяться надъ нелѣпостью нѣкоторыхъ параллелей, встрѣчающихся въ этой книгѣ, и онѣ могутъ показаться намъ только оскорбительными, когда онѣ, лишенныя всего, что ихъ ослабляло, даются въ «Алькоранѣ францисканцевъ». Мы можемъ сомнѣваться въ подлинности слѣдовъ у святого язвъ Христовыхъ, которымъ маловѣрное поколѣніе повѣрило лишь послѣ многихъ чудесъ и многихъ папскихъ буллъ Мы можемъ думать, что Сатана являлся менѣе злымъ, чѣмъ обыкновенно, безнадежно, стараясь соблазнить или напугать святого и постоянно показываясь ему въ видѣ льва или дракона. Но все же, несмотря на кричащія нелѣпости въ культѣ святого Франциска, мы видимъ, какое глубокое впечатлѣніе производили его добродѣтели на его учениковъ, создавшихъ даже разсказъ о видѣніи, въ которомъ небесный тронъ Люцифера, стоящій рядомъ съ престоломъ Всевышняго, явился пустымъ... и сохраненнымъ для Франциска [3]).

Гордости и жестокости своего времени онъ противополагалъ смиреніе и терпѣніе. «Высшая радость—говорилъ онъ—состоитъ не въ томъ, чтобы творить чудеса, излѣчивать недужныхъ, изгонять бѣсовъ, воскрешать мертвыхъ; она также не въ наукѣ, не въ знаніи всѣхъ вещей и не въ увлекательномъ краснорѣчіи, она—въ терпѣніи, съ которымъ переносятся несчастія, обиды, несправедливость и униженія». Не придавая никакого значенія своимъ добродѣтелямъ, онъ смиренно признается, что онъ не жилъ согласно съ сво-

[1]) Lib. Conformitatum lib. II. Fruct. 5, fol. 155 b.

[2]) Sorores meae hirundines...

[3]) Bonaventurae «Vita S. Franc.» c. 8.—Lib. Conformitatum lib. I, Fruct. 1, fol. 13-a; lib. III, Fruct. 3, fol. 210-a.—Thomae de Eccleston, «de Adventu Minorum». Coll. XII.—Alex. PP. IV, Bull. «Quia longum», ann. 1259.—Wadding. ann. 1256, № 19.—Mag. Bull. Roman. I, 79, 108.—Potthast. «Reg.» 10308.—См. также краснорѣчивый отзывъ о францисканцахъ M. J. S. Brewer'a въ его предисловіи къ «Monumenta Franciscana».

Въ 1496 г. парижскій университетъ осудилъ какъ ересь попытки францисканцевъ отожествить св. Франциска съ Іисусомъ Христомъ (D'Argentré, «Coll. Judic. de nov. Error.» I, II, 318).

Когда доминиканцы заявили, что св. Екатерина Сіенская имѣла слѣды язвъ Христовыхъ, то папа Сикстъ IV издалъ въ 1475 г. запрещеніе изображать св. Екатерину со слѣдами язвъ, оставивъ право на нихъ за однимъ св. Франциском ъ (Martène. «Ampliss. Coll.» VI, 1385).

Библиотека "Руниверс"

имъ уставомъ и въ оправданіе приводитъ свою слабость и свое невѣжество. Послѣдователи Франциска довели до полнаго абсурда эту страсть къ самоуниженію. Такъ, напр., Джакомо Бенедеттоне, болѣе извѣстный подъ именемъ Джакопоне да Тоди, авторъ гимна, Stabat Mater, былъ выдающійся юристъ; убитый смертью своей горячо любимой жены, онъ вступилъ въ орденъ и въ теченіе десяти лѣтъ притворялся идіотомъ, чтобы набожно радоваться побоямъ и всевозможнымъ оскорбленіямъ, которыя сыпались на подобныхъ людей [1]).

Повиновеніе предписывалось и налагалось до полнаго отреченія отъ своей воли. Масса легендъ свидѣтельствуетъ, до какой степени первые ученики подчинялись одинъ другому и своимъ старшимъ. Когда въ 1224 г. францисканцы были впервые посылаемы въ Англію, то Григорій, провинціальный министръ Франціи, спросилъ брата Вильгельма д'Эссеби, желаетъ ли онъ идти туда. Вильгельмъ отвѣтилъ, что онъ не знаетъ, желаетъ ли онъ этого или нѣтъ, такъ какъ у него не своя воля, а воля министра, и поэтому онъ желаетъ всего того, что желаетъ министръ, чтобы желалъ онъ. Нѣчто аналогичное разсказываютъ подъ 1222 г. о двухъ францисканцахъ изъ Зальцбурга. Это слѣпое повиновеніе создало въ орденѣ дисциплину, которая страшно увеличила его значеніе для Церкви, когда онъ сдѣлался орудіемъ въ рукахъ папъ. Особенно убѣждалъ Франциск своихъ братьевъ всецѣло посвятить себя на служеніе Риму, и францисканцы образовали армію, которая сыграла въ XIII вѣкѣ ту же роль, какъ іезуиты въ XVI [2]).

У св. Франциска не было и въ помыслахъ, чтобы братья жили въ праздности и занимались прошеніемъ милостыни, и мы уже видѣли, что уставъ въ ясныхъ выраженіяхъ предписываетъ имъ работу. Это предписаніе нашло себѣ самыхъ строгихъ исполнителей. Такъ, напр., третій ученикъ святого Франциска, блаженный Эгидій, снискивалъ себѣ пропитаніе самыми тяжелыми работами, какова, напр., переноска дровъ; и онъ строго всегда соблюдалъ правило—брать за трудъ не деньгами, а предметами первой необходимости. Когда онъ зарабатывалъ больше, чѣмъ было нужно ему на кусокъ насущнаго хлѣба, то онъ излишки раздавалъ нищимъ, предоставляя Богу заботу о завтрашнемъ днѣ. Было необходимо, чтобы въ эту эпоху, когда классовыя различія были такъ сильны, нашелся кто-нибудь, кто на собственномъ примѣрѣ возвелъ бы достоинство ручного труда въ христіанскую догму. Святой Бонавентура уже въ теченіе семнадцати лѣтъ стоялъ во главѣ самой могущественной въ то время организаціи христіанскаго міра, когда въ 1273 г. его избрали кардиналомъ, а между тѣмъ посолъ, привезшій ему извѣстіе объ его избраніи, засталъ его за мытьемъ посуды послѣ скромнаго монастырскаго обѣда; и святой отказался принять посла, пока не кончитъ своего дѣла, а кардинальская шапка, которую привезли ему, висѣла пока на деревѣ [3]).

Такимъ образомъ, цѣлью св. Франциска и его послѣдователей было подражаніе простому образу жизни Іисуса Христа и апостоловъ; особенно горячо стремились они къ достиженію идеала бѣдности. «Такъ какъ Іисусъ и его ученики—говорили они—не имѣли ничего собственнаго, то и истинный христіанинъ, слѣдуя ихъ примѣру, долженъ отказаться отъ всякой собственности». Конечно, онъ могъ имѣть пищу, одежду, кровъ и книги религіознаго содержанія, но всякая другая собственность строго запрещалась, и забота о завтрашнемъ днѣ должна была казаться грѣхомъ христіанину, полагающемуся на Бога.

Какъ протестъ противъ алчности Церкви эти доктрины имѣли извѣстное значеніе,

---

[1]) S. Francisc. «de Perfecta Laetitia»; ejusd. «Epist.» XI, XV.—Waddingi «Annal.» ann. 1298, № 24—40.—Cantu, «Eretici d'Italia» I, 128.

[2]) Lib. Conform. lib. I, Fruct. 8, fol. 47.—Thom. de Eccleston, «Collat.» I.—Frat. Jordani «Chron.» c. 27 («Anal. Francisc.» I, 10).—S. Franc. «Collat. Monasticae», coll. 20.

[3]) Waddingi «Annal.» ann. 1262, № 3, 4, 8; ann. 1273, № 12.

Библиотека "Руниверс"

но онѣ были доведены до крайности, до признанія бѣдности благомъ въ самой себѣ, даже болѣе, величайшимъ благомъ изъ всѣхъ благъ. «Братья,—говорилъ Францискъ: — знайте, что бѣдность—главный путь къ вѣчному спасенію, она—мать смиренномудрія, корень совершенства. Кто желаетъ достигнуть совершенной нищеты, тотъ долженъ отречься не только отъ мудрости міра, но и отъ занятія науками, дабы, отказавшись отъ всего, что имѣетъ, онъ могъ нагимъ предать себя въ руки Распятаго. Поэтому поступайте какъ нищіе и стройте себѣ маленькія хижины, чтобы жить въ нихъ не какъ у себя дома, а какъ въ домѣ чужого, подобно странникамъ и пилигримамъ». Его молитва Спасителю, чтобы Онъ даровалъ ему благодать бѣдности, весьма интересна въ своей величавой нелѣпости. Онъ называетъ бѣдность госпожею, царицей добродѣтелей, для которой сошелъ Іисусъ на землю, чтобы вступить съ ней въ бракъ и породить отъ нея всѣхъ сыновъ совершенства. Онъ всю Свою жизнь оставался неизмѣнно вѣренъ ей и на ея рукахъ испустилъ духъ Свой на крестѣ. Она одна только обладаетъ печатью, чтобы отмѣчать избранныхъ, пошедшихъ путемъ совершенства. «Даруй мнѣ, Іисусе, никогда не имѣть на землѣ ничего собственнаго и поддерживать свою плоть въ крайней нищетѣ на счетъ подаяній другихъ». Этому болѣзненно-неумѣренному стремленію къ нищетѣ Францискъ оставался вѣренъ всю жизнь; на одрѣ смерти онъ раздѣлся до нага, чтобы умереть, не имѣя ничего. Бѣдность была тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ онъ воздвигъ зданіе своего ордена. Но какъ мы увидимъ ниже, стремленіе сохранить это сверхчеловѣческое совершенство породило расколъ, давшій Инквизиціи массу жертвъ, ересь которыхъ заключалась только въ томъ, что онѣ строго слѣдовали наставленіямъ своего учителя [1]).

При всемъ этомъ въ душѣ Франциска было такъ много доброты, что онъ не могъ впасть въ уныніе; «тихую радость» онъ считалъ добродѣтелью и неустанно проповѣдывалъ ее своемъ ученикамъ. Въ глазахъ его грусть была однимъ изъ самыхъ смертоносныхъ орудій Сатаны, тогда какъ радость была благодарностью христіанина Богу за благодѣянія, которыя Онъ проливаетъ на свои созданія. Это было даже одной изъ отличительныхъ чертъ братьевъ въ первыя времена ордена. Въ простомъ и спокойномъ разсказѣ Экклестона объ ихъ прибытіи въ Англію (1224 г.) мы читаемъ, какъ девять братьевъ прибыли въ Дувръ, не зная, что они будутъ дѣлать завтра, и насъ глубоко трогаетъ картина ихъ рвенія, ихъ упованія на Бога, ихъ терпѣнія, ихъ невозмутимаго благодушія среди лишеній и разочарованій, ихъ неустанной дѣятельности на удовлетвореніе тѣлесныхъ и душевныхъ потребностей заброшенныхъ чадъ Церкви. Подобные люди были истинными апостолами, и если бы орденъ продолжалъ идти по пути, намѣченному его основателемъ, то онъ оказалъ бы неисчислимыя услуги человѣчеству [2]).

Нищенствующіе монахи вносятъ большое нововведеніе въ старое представленіе о монашествѣ. Прежнее монашество было чисто-эгоистическимъ стремленіемъ отдѣльнаго индивида къ личному спасенію; человѣкъ отказывался отъ всѣхъ обязанностей и отъ всякой отвѣтственности, налагаемыхъ жизнью. Правда, въ свое время монахи оказали міру большія услуги; выходя изъ своихъ уединенныхъ пустынь, они разносили по дикимъ еще странамъ христіанство и цивилизацію. Таковы были св. Галль, св. Колумбъ, св. Виллибродъ и ихъ спутники. Но это время давно прошло, и монашество съ теченіемъ времени впало въ состояніе гораздо худшее, чѣмъ его первоначальный эгоизмъ.

Нищенствующіе монахи явились въ христіанствѣ какъ бы откровеніемъ. Было немало людей, готовыхъ отречься отъ всѣхъ прелестей жизни и пойти по стопамъ апостоловъ, чтобы обращать грѣшниковъ и невѣрныхъ, будить заснувшую совѣсть, наставлять

[1]) S. Francis. «Collat. Monast.» coll. 5.—Ejusd. «pro Paupertate obtinenda Oratio».—Lib Conform. lib. III. Fruct. 4, fol. 215-a.

[2]) S. Francis. «Colloq.» 27.—Th. de Eccleston, «de Adventu Minorum», collat. 1, 2.

Библиотека "Руниверс"

темныхъ и нести всѣмъ спасеніе; однимъ словомъ, было немало людей, готовыхъ безвозмездно дѣлать то, чего не дѣлала Церковь за тысячи привилегій и за несмѣтныя богатства. Странствующіе пѣшкомъ по всей Европѣ подъ палящими лучами солнца или подъ холоднымъ вѣтромъ, отвергающіе подаяніе деньгами, съ благодарностью принимающіе черствый кусокъ хлѣба, часто переносящіе голодъ съ молчаливымъ смиреніемъ передъ волею Бога, не заботящіеся о завтрашнемъ днѣ, неустанно занятые дѣломъ спасенія душъ отъ когтей Сатаны, стремящіеся поднять человѣка надъ мелочными дрязгами повседневной жизни, всегда приходящіе на помощь людямъ въ ихъ слабостяхъ и вносящіе въ ихъ мрачную душу небесный свѣтъ,—вотъ въ какомъ видѣ предстали первые доминиканцы и францисканцы предъ людьми, привыкшими видѣть въ духовномъ лицѣ человѣка суетнаго, алчнаго, чувственнаго, думающаго только объ удовлетвореніи своихъ желаній. И нѣтъ ничего удивительнаго, что подобное явленіе въ значительной степени содѣйствовало возрожденію въ людяхъ вѣры въ христіанство, столь сильно пошатнувшейся; нѣтъ ничего удивительнаго, что оно распространило по всему христіанскому міру надежду на близкое возрожденіе Церкви,—надежду, которая давала терпѣніе переносить ея лихоимство и помѣшала вспыхнуть всеобщему возстанію, которое измѣнило бы характеръ современной цивилизаціи.

Нѣтъ ничего удивительнаго также и въ томъ, что народъ окружалъ нищенствующихъ монаховъ любовью и поклоненіемъ, что народная благотворительность такъ щедро одаряла ихъ, что можно было опасаться за сохраненіе ихъ основного обѣта бѣдности, и что люди, проникнутые искреннимъ убѣжденіемъ, стремились въ ихъ ряды. Самые высокіе и благородные умы могли видѣть въ образѣ нищенствующаго монаха осуществленіе ихъ лучшихъ стремленій. Всякій разъ, когда въ XIII в. человѣкъ подымался надъ своею средою, его почти навѣрняка можно найти въ одномъ изъ нищенствующихъ орденовъ. Раймундъ де Пеннафорте, Александръ Гальскій, Альбертъ Великій, св. Ѳома Аквинатъ, св. Бонавентура, Роджеръ Бэконъ, Дунсъ Скотъ,—вотъ имена, которыя достаточно ясно показываютъ, что наиболѣе богато одаренные люди стремились найти свой идеалъ въ орденахъ Доминика или Франциска. Безполезно говорить, что они не находили его тамъ, но одно ихъ присутствіе въ этихъ орденахъ показываетъ, какое впечатлѣніе производили нищенствующіе монахи на лучшіе умы своего времени, и объясняетъ, почему эти ордены такъ быстро пріобрѣли такое огромное вліяніе. Даже самъ Данте не можетъ отказать имъ въ своемъ удивленіи:

L'un fu tutto serafico in ardore,
L'altro per sapienza in terra fue
Di cherubica luce uno splendore [1]).

Организаторскіе таланты Франциска и Доминика сказались еще въ созданіи терціаріевъ. Благодаря этому установленію люди могли, не отрекаясь отъ міра, вступать въ различныя братства, помогать имъ въ ихъ трудахъ, раздѣлять съ ними славу и увеличивать ихъ вліяніе. Мы находимъ слѣды ордена Crucigeri или Крестоносцевъ, составленнаго изъ мірянъ, объединенныхъ на защиту Церкви, и возводившаго себя ко временамъ св. Елены, матери царя Константина; этотъ орденъ былъ возстановленъ въ 1215 г. на Латеранскомъ соборѣ; но нигдѣ мы не видимъ, чтобы онъ принесъ какія-либо услуги Церкви. Хотя Францискъ былъ плохой діалектикъ и неважный риторъ, однако, онъ обладалъ краснорѣчіемъ, проникавшимъ въ сердца слушателей; однажды проповѣдь его произвела такое глубокое впечатлѣніе, что все населеніе города, гдѣ онъ былъ—мужчины, женщины и дѣти,—умоляли принять ихъ въ орденъ. Такъ какъ это было совершенно невозможно, то онъ выработалъ уставъ, который дозволялъ лицамъ обоего пола, не выходя изъ міра, послѣдовать спасительному ученію и присоединиться къ ордену, который, въ

[1]) Dante, «Paradiso» XI.

Библиотека "Руниверс"

свою очередь, обѣщалъ имъ свое покровительство. Изъ ограничительныхъ обязательствъ, налагаемыхъ этимъ уставомъ на его послѣдователей, самымъ значительнымъ было запрещеніе прибѣгать къ оружію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходилось поднимать его на защиту римской Церкви, христіанской вѣры и своихъ собственныхъ земель. Проектъ былъ одобренъ папой въ 1221 г.; оффиціальнымъ названіемъ новаго установленія было «Братья и Сестры Покаянія», но въ народѣ оно стало извѣстно подъ именемъ Третьяго Ордена Миноритовъ или францисканцевъ. Подобную же общину создалъ Доминикъ, давъ ей болѣе вызывающее названіе—«Милиція Іисуса Христа». Эта идея была замѣчательно плодотворна: она въ извѣстной мѣрѣ позволила реорганизовать Церковь, уничтоживъ часть преградъ, отдѣлявшихъ мірянъ отъ духовныхъ; она дала огромную силу нищенствующимъ орденамъ, привлекая въ ихъ ряды множество ревностныхъ и серьезныхъ людей наряду съ тѣми, которые подъ вліяніемъ менѣе возвышенныхъ побужденій искали ихъ протекціи и желали пользоваться плодами ихъ вліянія. Терціаріевъ того и другого вида мы находимъ во французскомъ королевскомъ домѣ, гдѣ и Людовикъ Святой и Екатерина Медичи принадлежали къ Третьему Ордену св. Франциска [1]).

Чтобы понять значеніе и объемъ этихъ движеній, мы должны помнить, насколько впечатлительны были люди того времени, и какъ легко поддавались они увлеченіямъ минуты. Читая разсказъ о томъ, что Бертольдъ Ратисбонскій часто проповѣдывалъ передъ толпой въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, мы понимаемъ, какую страшную силу держали въ своихъ рукахъ тѣ, кто могъ говорить предъ такими массами, господствуя надъ ихъ настроеніемъ, причемъ массы эти слѣпо и горячо стремились выйти изъ того несчастнаго положенія, которое стало ихъ удѣломъ. Безотчетныя вспышки энтузіазма, время-отъ-времени загоравшіяся въ теченіе XIII в. и перемѣщавшія центръ Европы, свидѣтельствуютъ о духовномъ пробужденіи общества отъ глубокаго и продолжительнаго сна. Умы, дотолѣ безмолвные и никѣмъ не руководимые, стали задаваться вопросомъ, неужели жизнь, полная тяжелыхъ страданій, жизнь безъ всякаго луча надежды на лучшее была всѣмъ, чего можно было ждать отъ Евангелія. Церковь не сдѣлала серьезной попытки къ проведенію въ себѣ внутренней реформы и къ подъему уваженія къ себѣ среди массъ. Крайнее стремленіе къ чему-то новому, къ чему-то никому неизвѣстному зарождалось въ сердцахъ и, какъ какая-то эпидемическая болѣзнь, распространялось по деревнямъ и весямъ и изъ страны въ страну. Мы видимъ въ Германіи и Франціи новый крестовый походъ дѣтей, которыхъ Григорій IX привѣтствовалъ, говоря, что они даютъ достойный подражанія примѣръ взрослымъ, столь мало думающимъ о защитѣ отъ невѣрныхъ колыбели человѣчества и вѣры [2]).

Самымъ грознымъ и знаменательнымъ проявленіемъ этого всеобщаго внутренняго безпокойства, этого заразительнаго энтузіазма было возстаніе крестьянъ, возстаніе первыхъ бродячихъ бандъ, извѣстныхъ подъ именемъ Pastoureaux. По всей вѣроятности, ни въ одну эпоху всемірной исторіи положеніе низшихъ классовъ общества не было печальнѣе и безпросвѣтнѣе, чѣмъ въ эпоху, изучаемую нами; ужасный афоризмъ феодальнаго права, предоставлявшаго виллану жаловаться на притѣснявшаго его сеньора только одному Богу, — mès par notre usage n'a-il entre toi et ton vilein juge fors Dieu — въ короткой фразѣ резюмируетъ все униженіе и всю безпомощность большей части населенія. Никогда, должно-быть, человѣческое достоинство не унижалось въ такой отвратительной формѣ, какъ въ знаменитомъ jus primae noctis. Съ горькой ироніей труверъ Рутбефъ говоритъ, что Сатана считаетъ душу простолюдина черезчуръ низкой даже для ада; но, съ

[1]) Philip. Bergomat. «Supplem. Chronic.» lib. XIII, ann. 1215.—Bonavent. «Vita S. Francisci», c. IV, № 5; c. XI.—Regula Fratrum Sororumque de Poenitentia.—Potthast, «Reg.» № 6736, 7503, 13073.—Chron. Magist. Ordin. Praedicat., c. 2, 9.—Raynald. «Annal.» ann. 1233, № 40.—Nicolai PP. IV Bull. «Supra Montem», ann. 1289.

[2]) Chron. Augustens. ann. 1250.—Matt. Paris. ann. 1252.

Библиотека "Руниверс"

другой стороны, нѣтъ для нея мѣста и на небѣ, и она, такимъ образомъ, не находитъ себѣ пристанища даже на томъ свѣтѣ послѣ земной жизни, полной лишеній. Во многихъ отношеніяхъ интересна и поучительна Церковь, которая проповѣдывала всеобщее братство и въ то же время должна была являться посредницей между сеньоромъ и его подданнымъ и заслуживать за это признательность несчастнаго раба; на дѣлѣ было всегда наоборотъ, онъ всегда относился къ ней съ ненавистью, и, когда обездоленные и несчастные поднимали свои возстанія, они, разорвавъ свои оковы, въ первую голову обрушивались на Церковь [1]).

Неожиданно на Пасхѣ 1251 г. появился таинственный проповѣдникъ, извѣстный подъ именемъ Венгра, человѣкъ уже немолодой, одно появленіе котораго вызывало въ народѣ страхъ и поклоненіе. Онъ никогда не разжималъ одной руки, и въ ней, какъ онъ говорилъ, онъ носилъ рукописанье, данное ему самолично Божьею Матерью и содержавшее въ себѣ Ея наставленія. Нѣкоторые говорили, что въ молодости онъ перешелъ въ магометанство и долгое время жадно пилъ изъ зараженнаго источника магіи въ Толедо, пока не получилъ отъ самого Сатаны порученія увлечь на Востокъ безоружное населеніе Европы, чтобы сдѣлать, такимъ образомъ, христіанскій міръ легкой добычей Вавилонскаго повелителя. Вспоминали крестовый походъ дѣтей и утверждали, что этотъ же человѣкъ, силою своихъ колдованій, обезлюдилъ тогда такъ много домовъ, толкая дѣтей массами на вѣрную смерть отъ голода и холода. Огромнаго роста, блѣдный, одаренный краснорѣчіемъ, увлекавшимъ толпу, говорящій свободно на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, новый апостолъ пустился въ путь, проповѣдуя по городамъ и селамъ противъ богатыхъ и сильныхъ, которые спокойно смотрѣли, что Святая Земля остается въ рукахъ невѣрныхъ, и что добрый король Людовикъ IX томится въ неволѣ въ Египтѣ. Себялюбіе и честолюбіе дворянъ вывели Бога изъ терпѣнія; чтобы спасти святыя мѣста и благочестиваго короля, Богъ обратился къ бѣднымъ и униженнымъ, къ безоружнымъ и не имѣющимъ предводителей. Слова эти слушались съ удовольствіемъ, въ особенности, когда въ нихъ затрагивалось духовенство. Нищенствующіе ордены состоятъ изъ бродягъ и лицемѣровъ; цистерціанцы заботятся только о деньгахъ и земляхъ; бенедиктинцы—гордецы и обжоры; каноники думаютъ только о мірскихъ благахъ и объ удовлетвореніи плотскихъ вожделѣній; епископы и ихъ подчиненные заняты только тѣмъ, какъ бы выжать побольше денегъ, и для этого они не останавливаются ни передъ какимъ обманомъ. Когда же рѣчь заходила о Римѣ и папскомъ дворѣ, то ораторъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ для ихъ обличенія. Народъ, ненависть и презрѣніе котораго къ духовенству были безграничны, съ удовольствіемъ слушалъ эти рѣчи и горячо присоединялся къ движенію, которое обѣщало ему, такъ или иначе, перемѣну всего строя. Пастухи бросали свои стада, земледѣльцы—свои плуги, не слушая приказаній своихъ сеньоровъ, и безоружные спѣшили по стопамъ Венгра, не думая о завтрашнемъ днѣ и не спрашивая о томъ, кто накормитъ ихъ.

Не было также недостатка въ людяхъ, которые, занимая высокое положеніе и увлекшись общимъ возбужденіемъ, воображали, что Богъ проявитъ чудеса на пользу бѣдныхъ и угнетенныхъ, такъ какъ сильные міра не сумѣли оказать имъ помощи. Даже сама королева Бланшъ, мечтая спасти сына изъ плѣна, относилась одно время благосклонно къ этому движенію. Оно росло и достигло такихъ размѣровъ, что въ немъ насчитывалось болѣе ста тысячъ человѣкъ, выступавшихъ подъ сѣнью пятидесяти хоругвей, являвшихся эмблемой ихъ будущихъ побѣдъ. Естественно, подобное возстаніе привлекало не однихъ только мирныхъ и скромныхъ людей. Едва это движеніе приняло размѣры, обезпечивающіе

[1]) Pierre de Fontaines, «Conseil», ch. XXI, art. 8.—Le Grand d'Aussy, «Fabliaux», II, 112—3.—Существованіе «jus primae noctis» оспаривали, но безъ достаточнаго основанія. См. H. Ch. Lea, «Célibat sacerdotal», 2-е изд., стр. 354.

Библиотека "Руниверс"

неприкосновенность его участникамъ, какъ къ нему примкнули всѣ элементы безпорядка, которыхъ было немало въ ту эпоху, таковы ruptarii и ribaldi, сыгравшіе столь видную роль въ альбигойскихъ войнахъ. Они сбѣжались отовсюду, неся съ собой ножи и кинжалы, сабли и топоры и придавая этому огромному полчищу еще болѣе страшный видъ. Нетрудно понять, что насилія проявились тотчасъ же, такъ какъ виновность высшихъ классовъ передъ остальными была въ то время настолько вопіюща, что неизбѣжно вызывала во время смутъ кровавыя расправы.

11 іюня 1251 г. эта толпа вступила въ Орлеанъ вопреки волѣ епископа, но къ удовольствію народа, хотя богатые горожане и заперлись благоразумно въ своихъ жилищахъ. Все обошлось бы мирно, если бы одинъ горячій студентъ университета не прервалъ проповѣди Венгра и не уличилъ бы его въ обманѣ; студентъ былъ тутъ же убитъ однимъ изъ присутствовавшихъ; немедленно вспыхнули безпорядки; pastoureaux въ неистовствѣ кинулись на орлеанское духовенство, разбивали дома духовныхъ лицъ, сжигали ихъ книги, однихъ убили, а другихъ бросили въ Луару. Знаменательное явленіе: народъ, какъ сообщаютъ намъ, смотрѣлъ на это какъ безучастный зритель. Епископъ и всѣ, кто успѣлъ скрыться отъ гнѣва толпы, бѣжали ночью и тотчасъ же предали городъ отлученію, чтобы наказать населеніе за соучастіе. Узнавъ объ этомъ, королева Бланшъ воскликнула: «Богъ свидѣтель, что я думала, что эти люди въ своей простотѣ и святости возьмутъ Святую Землю! Но это какіе-то обманщики, и да будутъ они отлучены и уничтожены!» Они были въ самомъ дѣлѣ отлучены, но раньше, чѣмъ ихъ постигла анаѳема, они успѣли дойти до Буржа, гдѣ въ одной ссорѣ былъ убитъ Венгръ; тотчасъ же pastoureaux разсѣялись и наводнили всю страну своими шайками. Пробудившіяся отъ своего столбняка, власти начали преслѣдовать и безъ всякой жалости избивать ихъ какъ бѣшеныхъ собакъ. Немногочисленные бѣглецы, достигшіе Англіи, подняли тамъ до пятисотъ крестьянъ, но судьба ихъ была такова же; говорили, что главный помощникъ Венгра былъ захваченъ на суднѣ на Гароннѣ въ тотъ самый моментъ, когда онъ пытался скрыться, и что при немъ, кромѣ «волшебнаго порошка», были найдены бумаги, писанныя арабскими и халдейскими письменами, въ которыхъ Вавилонскій владыка обѣщалъ ему поддержку.

Квази-религіозный характеръ этого возстанія ясно виденъ изъ поведенія его вождей, которые разыгрывали роль епископовъ, благословляли народъ, кропили его святою водой и даже совершали браки. Благосклоннымъ пріемомъ, который pastoureaux встрѣчали повсюду, они были прежде всего обязаны своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ духовенству; новое доказательство глубокой ненависти народа къ Церкви и подтвержденіе мнѣнія высшаго духовенства, что съ эпохи Магомета ни одна болѣе серьезная опасность ни разу еще не угрожала христіанству [1]).

Еще болѣе ярко выразилось духовное настроеніе народа въ первомъ появленіи флагеллантовъ. Въ 1259 г. все населеніе Перузы совершенно неожиданно и неизвѣстно почему было охвачено какой-то острой манією покаянія. Зараза пошла дальше, и скоро вся сѣверная Италія оказалась полна десятковъ тысячъ кающихся. Дворяне и крестьяне, молодые и старые, даже пятилѣтнія дѣти попарно расхаживали повсюду въ торжественныхъ процессіяхъ, обнаженныя до пояса, съ плачемъ моля Бога о милосердіи и бичуя себя до крови ременными плетями. Женщины изъ скромности подвергали себя бичеванію дома; но мужчины, не обращая вниманія на суровую зиму, день и ночь ходили по городамъ; пред-

[1]) Matt. Paris ann. 1251 (стр. 550—2).—Guill. Nangiac. ann. 1251.—Amalrici Augerii «Vit. Pontif.» ann. 1251.—Bern. Guid. «Flor. Chronic.» (D. Bouquet, XXI, 697).—Подобное и не менѣе крупное движеніе произошло въ 1309 г. (Chron. Corn. Zanflict, ann. 1309); другое, болѣе значительное,—въ 1320 г. (Guill. Nangiac. Contin. ann. 1320.—Grandes Chron. V, 245—6.—Amal. Auger. «Vit. Pontif.», ann. 1320).

Библиотека "Руниверс"

шествуемые священниками съ крестами и хоругвями, направлялись они въ церкви и падали ницъ передъ алтарями. По словамъ современника, долины и горы оглашались воплями грѣшниковъ, взывающихъ къ Богу, музыка и свѣтскія пѣсни умолкли повсюду. Народомъ овладѣла какая-то лихорадка раскаянія. Ростовщики и воры возвращали незаконно ими нажитое; преступники исповѣдывали свои преступленія и отказывались отъ порочнаго образа жизни; двери темницъ открывались, и узники свободно выходили изъ нихъ; убійцы сами на колѣняхъ предавали себя въ руки родственниковъ убитыхъ ими, и эти родственники со слезами цѣловали ихъ; старые счеты были забыты, и изгнанники вернулись домой. Повсюду царило божественное всепрощеніе, и люди, казалось, горѣли небеснымъ огнемъ. Движеніе охватило даже рейнскія провинціи и черезъ Германію проникло въ Богемію; но всѣ туманныя, порожденныя имъ надежды разсѣялись, ибо движеніе это окончилось такъ же быстро, какъ быстро началось, и, кромѣ того, оно было признано еретическимъ. Гумбертъ Палладичино прибѣгъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы не допустить флагелляптовъ въ Миланъ; какъ только онъ узналъ объ ихъ приближеніи, онъ приказалъ поставить вдоль дороги триста висѣлицъ, и несчастные при видѣ ихъ свернули съ дороги [1]).

И вотъ, среди населенія, переживавшаго подобныя духовныя эмоціи и стремившагося улучшить какъ-нибудь свою судьбу, выступили нищенствующіе монахи, чтобы забрать въ свои руки страшное религіозное возбужденіе эпохи,—и безпримѣрно быстрое распространеніе ихъ было неизбѣжно.

Все благопріятствовало имъ. Папскій дворъ скоро увидѣлъ въ нихъ болѣе дѣйствительное, чѣмъ всѣ прежнія, средство—подчинить во всѣхъ христіанскихъ земляхъ Церковь и народъ непосредственно Святому Престолу, уничтожить независимость мѣстныхъ прелатовъ, сломить свѣтскихъ враговъ папства и завязать тѣсную связь между народомъ и намѣстникомъ св. Петра. Имъ были предоставлены всевозможныя привилегіи и льготы, и, наконецъ, Григорій IX и Иннокентій IV цѣлымъ рядомъ буллъ отъ 1240 и 1244 гг. сдѣлали ихъ совершенно независимыми отъ мѣстныхъ церковныхъ властей. Древній канонъ гласилъ, что отлученіе отъ Церкви или анаѳема могли быть сняты только тѣмъ, кто наложилъ ихъ; этотъ канонъ былъ измѣненъ въ пользу нищенствующихъ монаховъ. Не только епископы должны были давать разрѣшеніе всякому просящему доминиканцу или францисканцу, за исключеніемъ настолько важныхъ случаевъ, когда только одинъ Святой Престолъ могъ дать разрѣшеніе, но и всѣмъ пріорамъ и начальникамъ орденовъ было предоставлено право слагать со своихъ братьевъ любое духовное наказаніе, которому они могли бы подвергнуться. Эти чрезвычайныя мѣры были направлены къ тому, чтобы совершенно изъять ихъ изъ подсудности духовному суду; члены каждаго ордена были отвѣтственны только передъ своими высшими, и въ своихъ безконечныхъ странствованіяхъ по всей Европѣ они могли отнынѣ подрывать могущество и вліяніе мѣстныхъ духовныхъ властей, противопоставляя имъ всемогущество Рима, непосредственными представителями котораго они являлись.

Но, конечно, эта независимость была достигнута постепенно. Папскія граматы 1229 и 1234 гг., предписывая имъ относиться съ почтеніемъ и съ послушаніемъ къ своимъ епископамъ и разрѣшая епископамъ судить тѣхъ братьевъ, которые будутъ злоупотреблять своимъ исключительнымъ правомъ проповѣди въ цѣляхъ наживы, показываютъ, что уже рано стали раздаваться жалобы на ихъ захваты, и что Римъ былъ далекъ еще отъ мысли сдѣлать ихъ независимыми отъ церковныхъ властей. Но разъ стали на противоположную точку зрѣнія, то ее скоро довели до крайности, и рядъ узаконеній, относящихся къ орденамъ, былъ законченъ Бонифаціемъ VIII въ 1295 и 1296 гг. цѣлой серіей буллъ, ко-

---

[1]) Monach. Paduan. lib. III, ann. 1260.—Chron. F. Francisci Pipini ann. 1260.—Gesta treviror. archiep. c. 268.—Closener's Chronik («Chron. d. deutschen Städte», VIII, 73, 104).—Lami, «Antichita Toscane», 617.—Verri, «Storia di Milano» I, 264.

Библиотека "Руниверс"

торыя окончательно освобождали нищенствующихъ монаховъ отъ подсудности суду епископа; одни только статуты ордена должны быть примѣняемы къ нимъ, несмотря ни на какія положенія канонническаго права. Въ это же время повтореніемъ буллы Virtute conspicuos, болѣе извѣстной подъ именемъ Mare Magnum, папа кодифицировалъ и подтвердилъ привилегіи, дарованныя его предшественниками нищенствующимъ орденамъ [1]).

Изъятіе нищенствующихъ монаховъ отъ подсудности мѣстнымъ судамъ, кромѣ суда ихъ собственнаго ордена, порождало безконечные безпорядки во всемъ христіанскомъ мірѣ. Такъ, напр., когда въ 1435 г. легаты Базельскаго собора отправлялись въ Брюннъ, чтобы уладить соглашеніе съ гуситами, то ихъ пригласили въ Вѣну, чтобы они наложили молчаніе на одного францисканца, наглыя рѣчи котораго вызывали соблазнъ; но имъ понадобилось много труда, чтобы доказать ему, что они, представители собора, имѣли право приказывать ему. Прибывъ въ Брюннъ, они застали все населеніе въ страшномъ возбужденіи: доминиканскій провинціалъ соблазнилъ монахиню своего ордена, и она только-что родила; противъ же провинціала не было принято никакихъ мѣръ. Предосторожности, принятыя легатами передъ началомъ разбора этого дѣла, показываютъ, насколько они сами считали свою задачу трудной и опасной. Однако, они приговорили виновнаго къ лишенію сана и къ заключенію на всю жизнь въ тюрьму на хлѣбъ и на воду; но нигдѣ не видно, чтобы приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, и, повидимому, онъ, подобно многимъ другимъ, остался только на бумагѣ [2]).

Какъ бы то ни было, но отнынѣ Святой Престолъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи собственную армію, набираемую и содержимую вѣрными, защищенную отъ нападеній даже самого духовенства и всецѣло преданную интересамъ Рима. Въ 1241 г. Григорій IX далъ братьямъ право свободно жить среди отлученныхъ и принимать отъ нихъ содержаніе и пищу. Такимъ образомъ, они могли проникать всюду и служить тайными лазутчиками даже во владѣніяхъ тѣхъ, кто былъ враждебно настроенъ противъ папства. Никогда человѣческая изобрѣтательность не создавала болѣе грозной арміи, ибо монахи были полны ревности и глубоко убѣждены въ правотѣ своего дѣла, и, кромѣ того, окружавшій ихъ ореолъ высшей святости повсюду обезпечивалъ имъ расположеніе и поддержку народа и давалъ имъ большое преимущество въ ихъ постоянныхъ стычкахъ съ мѣстными церквами [3]).

Сила новой арміи въ борьбѣ Святого Престола съ его свѣтскими врагами подверглась испытанію въ продолжительной борьбѣ папъ съ Фридрихомъ II, самымъ опаснымъ врагомъ, какого когда-либо встрѣчалъ еще Римъ. Въ 1229 г. всѣ францисканцы были изгнаны изъ Неаполитанскаго королевства, такъ какъ ихъ считали папскими лазутчиками, возмущавшими подданныхъ императора. Въ 1234 г. мы встрѣчаемъ ихъ въ Англіи собирающими деньги для папы на продолженіе борьбы; прибѣгая ко всѣмъ средствамъ,—однихъ убѣждая, другихъ запугивая,—они собрали на островѣ огромныя суммы и многихъ довели до полной нищеты. Когда Григорій на Пасху 1239 г. отлучилъ императора отъ

---

[1]) Potthast. «Reg.» №№ 8324, 8326, 9775, 10905, 11169, 11296, 11319, 11399, 11415.—Ripoll. I, 99.—Matt. Paris. ann. 1234 (стр. 274—6).—Waddingi «Annal.» ann. 1295, №18.—Mag. Bull. Roman. I, 174.—Ripoll. II, 40.

[2]) Aegidii Carlerii «Lib. de Legation.» (Monum. Concil. general. saec. XV, t. 1, стр. 544—8 553, 555, 557, 563—6, 572, 577, 587, 590, 595).

[3]) Potthast «Reg.» № 11040, 11041.—Значеніе нищенствующихъ монаховъ для папскаго, господства прекрасно видно на дѣлѣ францисканца Іоанна Саррацина, уличеннаго Парижскимъ университетомъ въ 1429 г. въ томъ, что онъ открыто училъ, что вся церковная юрисдикція исходитъ исключительно отъ папы. Онъ былъ вынужденъ признать, что эта юрисдикція была дана Богомъ въ различной степени духовной іерархіи, и что авторитетъ соборовъ исходилъ не отъ папы, а отъ Св. Духа и Церкви (D'Argentré, «Coll. Judic. de nov. Error.», I, II, 227).

Библиотека "Руниверс"

Церкви, то онъ сообщилъ это отлученіе при длинномъ перечнѣ преступленій Фридриха францисканскимъ пріорамъ и поручилъ имъ читать его, подъ звукъ колокола, во всѣ воскресные и праздничные дни. На это отлученіе, которое легко могло возбудить противъ него общественное мнѣніе, императоръ отвѣтилъ новымъ указомъ объ изгнаніи. Когда Ліонскій соборъ въ 1244 г. низложилъ его, то объявить это рѣшеніе по всѣмъ городскимъ площадямъ было поручено доминиканцамъ, причемъ всѣмъ, кто будетъ ихъ слушать, было обѣщано отпущеніе грѣховъ на сорокъ дней, а братьямъ, которые подверглись бы преслѣдованію, было обѣщано полное прощеніе всѣхъ грѣховъ. Немного позднѣе мы видимъ ихъ въ той роли, которую въ якобитской Англіи и въ другихъ мѣстахъ сыграли іезуиты, а именно—въ роли устроителей заговоровъ и сѣятелей смутъ. Фридрихъ всегда утверждалъ, что заговоръ на его жизнь въ 1244 г. былъ дѣломъ францисканцевъ, которые, будучи посланы проповѣдывать тайно крестовый походъ противъ него въ его же собственныхъ земляхъ, подняли духъ его враговъ, предсказывая его близкую смерть. Когда папѣ разными интригами удалось въ 1246 г. избрать вмѣсто Фридриха Римскимъ королемъ Генриха Распа Тюрингенскаго, то Иннокентій IV обратился къ францисканцамъ съ краткимъ циркуляромъ, убѣждая ихъ воспользоваться всѣми обстоятельствами на защиту интересовъ новаго монарха и обѣщая отпущеніе грѣховъ тѣмъ, кто придетъ къ нему на помощь. Въ 1248 г. братья обоихъ орденовъ были снова посланы, какъ тайные шпіоны папы, сѣять смуты среди подданныхъ Фридриха. Императоръ, всегда любившій нищенствующихъ и покровительствовавшій имъ, горячо жаловался на это и отвѣтилъ на это вѣроломство дикой жестокостью. Доминиканецъ Симонъ де Монтесаркуло, заключенный въ тюрьму, былъ подвергнутъ одной за другой восемнадцати пыткамъ, и Фридрихъ далъ знать своему зятю, графу де Казерте, что всякій братъ, кот будетъ идти противъ его политики, долженъ быть сжигаемъ, а не лишь изгоняемъ, какъ прежде. Однако, нищенствующіе монахи продолжали проповѣдывать крестовый походъ противъ Фридриха, а послѣ его смерти противъ его сына Конрада. Говорятъ, что Эццелино да Романо, императорскій намѣстникъ въ Тревизанѣ, въ теченіе тридцатилѣтняго своего правленія предалъ смерти до шестидесяти францисканцевъ [1]).

Мало-по-малу нищенствующіе монахи начали заступать епископовъ, когда приходилось сообщать народу папскія распоряженія или приводить ихъ въ исполненіе. Въ поискахъ за бѣжавшими они представляли какъ бы сѣть невидимой полиціи, охватившую всю Европу и готовую на все. Раньше, когда поступала въ Римъ жалоба на злоупотребленія или на поведеніе какого-либо прелата, составляли комиссію изъ двухъ-трехъ епископовъ или мѣстныхъ аббатовъ и поручали ей произвести слѣдствіе и представить отчетъ или реформировать ту церковь или тотъ монастырь, гдѣ было обнаружено злоупотребленіе. Вскорѣ эти важныя обязанности стали поручаться однимъ только нищенствующимъ монахамъ, черезъ которыхъ папская власть давала себя чувствовать во всѣхъ епископскихъ дворцахъ и во всѣхъ аббатствахъ Европы. Неоднократно жаловались они на непосильную работу, которую налагалъ на нихъ ихъ верховный глава, и не разъ давались имъ обѣщанія облегчить ихъ трудъ; но они были черезчуръ полезны, и отъ услугъ ихъ отказываться было невыгодно.

Одинъ случай можетъ показать намъ, насколько еще сходно было состояніе Церкви XIII вѣка съ отмѣченнымъ нами состояніемъ ея въ XII столѣтіи, и какъ трудна была зачастую задача нищенствующихъ монаховъ. Въ 1259 г. два соискателя добивались каѳедры Трирскаго

---

[1]) Richard. de S. Germano «Chron.» ann. 1229—1239.—Potthast, «Reg.» №№ 10725, 13360.—Ripoll. I, 158, 172.—Hist. Diplom. Frid. II, т. VI, 405, 699—701, 710—711.—Waddingi «Annal.» ann. 1246, № 4; ann. 1253, № 35—6.—Martène. «Ampliss. Coll.» II, 1192.—Barbarino de Mironi, «Hist. Eccles. di Vicenza», II, 73.

Библиотека "Руниверс"

архіепископа; въ теченіе двухъ лѣтъ, къ великой выгодѣ куріи, дѣло ихъ разбиралось въ Римѣ, пока папа Александръ IV не устранилъ ихъ обоихъ. Деканъ Меца, Генрихъ фонъ Фистигенъ, подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ отправился въ Римъ и, пообѣщавъ уплатить огромные долги, сдѣланные тамъ двумя соперниками, получилъ отъ папы назначеніе на вакантную архіепископскую каѳедру. Когда онъ вернулся, то оказалось, что омофоръ удержанъ въ обезпеченіе уплаты принятыхъ имъ на себя долговыхъ обязательствъ; не дожидаясь его, онъ вступилъ въ отправленіе обязанностей архіепископа, посвятилъ себѣ викарія въ Мецѣ и предпринялъ рядъ военныхъ походовъ, во время которыхъ онъ опустошилъ аббатство св. Матѳея, а несчастныхъ монаховъ сжегъ живыми. Эти подвиги, въ связи съ неплатежомъ долговъ, вынудили Урбана IV поручить въ 1261 г. епископамъ Вормса и Шпейера и аббату Роденкирка произвести слѣдствіе надъ архіепископомъ, обвиненнымъ въ симоніи, клятвопреступленіи, убійствѣ, святотатствѣ и другихъ преступленіяхъ. Архіепископъ осыпалъ ихъ деньгами, и они успокоились. Тогда въ 1262 г. папа обратился къ двумъ францисканцамъ провинціи Трира, Вильгельму и Рорику, поручивъ имъ начать и окончить слѣдствіе подъ угрозой отлученія отъ Церкви. Эта угроза напугала всѣхъ трирскихъ францисканцевъ. Настоятель францисканцевъ и пріоръ доминиканцевъ, болѣе разумные, чѣмъ покорные, запретили несчастнымъ уполномоченнымъ приступать къ дѣлу, пригрозивъ имъ тюрьмою. Они были счастливы, что имъ по-добру, по-здорову удалось бѣжать въ Мецъ. Тогда францисканскій провинціалъ рѣшился послать въ Римъ делегатовъ съ просьбой, чтобы дѣло было отложено или поручено другимъ. Ихъ выслушали въ полномъ собраніи куріи, въ присутствіи самого Урбана и генерала ордена Бонавентуры, и папа зло отвѣтилъ имъ: «Если бы я послалъ двумъ изъ вашихъ братьевъ двѣ епископіи, то они жадно схватили бы ихъ. Вы исполните необходимое во славу Бога и Церкви». Безполезно входить во всѣ подробности этого печальнаго дѣла, тянувшагося до 1272 г. и отмѣченнаго всевозможными обманами, подлогами, насиліями и кражами [1]). Достаточно сказать, что Вильгельмъ и Рорикъ, вынужденные приняться за это дѣло, вели его безпристрастно, что римская курія во время процесса выжала изъ несчастной епархіи огромную сумму въ тридцать-три тысячи марокъ, и что слѣдствіе не помѣшало въ 1273 г. архіепископу Генриху присутствовать на коронаціи Рудольфа Габсбургскаго и имѣть при себѣ блестящую свиту въ тысячу восемьсотъ вооруженныхъ людей.

Не трудно понять, что эта роль слѣдователей, навязанная нищенствующимъ монахамъ, вызвала столкновеніе между новыми орденами и старымъ строемъ, который они стремились измѣнить. Впрочемъ, это было однимъ изъ незначительныхъ поводовъ къ антагонизму, проявившемуся въ скоромъ времени. Гораздо болѣе серьезной причиной къ несогласіямъ было предоставленіе нищенствующимъ монахамъ права проповѣди и исповѣди. Мы уже видѣли, что епископы тщательно охраняли свое право проповѣдывать, и что до выступленія святого Доминика дѣло проповѣди находилось въ полномъ забросѣ. Немного болѣе была подготовлена Церковь къ дѣлу исповѣди, которое вмѣнилъ ей въ обязанность Латеранскій соборъ, возложившій исповѣдь на приходское духовенство. Лѣнивые и чувственные, всецѣло поглощенные увеличеніемъ своихъ доходовъ, священники не заботились о душахъ своихъ прихожанъ и въ то же время не допускали никакого посторонняго вмѣшательства, которое могло бы сократить ихъ доходы. Въ многолюдномъ Монпелье была всего только одна церковь, гдѣ можно было исповѣдываться; въ 1213 г. городскіе консулы жаловались Иннокентію III и просили его разрѣшить еще четыремъ или пяти церквамъ принимать исповѣдниковъ. Въ Шпернѣ, имѣвшемъ до двухсотъ тысячъ жите-

[1]) Potthast, «Reg.» №№ 7380, 8027, 8028, 10343, 10363, 10364. 10365, 10804, 10807, 10906, 10956. 10964, 11008, 11159.—Marlène, «Thes.» V, 1812.—Hist. Diplom. Frid. II, T. III, 416.—Gest. Archiep. Trevir. c. 190—271.

Библиотека "Руниверс"

лей, еще въ 1247 г. было только четыре приходскихъ церкви. Если воинствующая Церковь желала выполнить свои обязанности, если она желала пользоваться уваженіемъ народа, то ей прежде всего нужно было излѣчиться отъ подобныхъ золъ [1]).

Въ началѣ своей дѣятельности св. Доминикъ пользовался правомъ, предоставленнымъ папою легатамъ Лангедока, давать разрѣшенія проповѣдывать; эти разрѣшенія, само собою разумѣется, не зависѣли отъ епископовъ; но въ уставѣ 1228 г. было обусловлено, что никто изъ братіи не можетъ проповѣдывать въ епархіи безъ согласія мѣстнаго епископа, и что проповѣдникъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ выставлять на видъ пороки духовенства. Св. Францискъ питалъ самое глубокое уваженіе къ существующему духовенству; онъ говорилъ, что если бы ему встрѣтились одновременно священникъ и ангелъ, то онъ поцѣловалъ бы руку священника, а ангелу сказалъ бы: «Подожди, ибо руки, которыя я любызаю, держатъ Бога Слово, и въ нихъ есть что-то сверхъестественное». Въ его уставѣ было также предусмотрѣно, что никто изъ братіи не долженъ проповѣдывать въ епархіи противъ воли епископа. Такъ какъ епископы не имѣли никакого желанія оказывать радушный пріемъ пришельцамъ, то папа Гонорій III снизошелъ до обращенія къ нимъ съ просьбой о разрѣшеніи доминиканцамъ проповѣдывать и о принятіи въ то же время мѣръ къ образованію проповѣдниковъ изъ среды бѣлаго духовенства и къ поднятію среди него богословскаго образованія. Присвоеніе нищенствующими монахами обязанностей приходскихъ проповѣдниковъ началось съ разрѣшенія монахамъ служить повсюду обѣдни на переносныхъ алтаряхъ. Это разрѣшеніе встрѣтило извѣстное противодѣйствіе, но, тѣмъ не менѣе, было введено, и когда въ 1227 г. Григорій IX ознаменовалъ свое вступленіе на папскій престолъ предоставленіемъ обоимъ орденамъ права проповѣдывать, исповѣдывать и отпускать грѣхи повсемѣстно, то странствующіе монахи, вопреки своимъ уставамъ, мало-по-малу захватили въ свои руки всѣ приходы и взяли на себя всѣ заботы о душахъ людей къ великому неудовольствію мѣстнаго духовенства, которое всегда горячо отстаивало тѣ свои права, изъ которыхъ оно извлекало свои главные доходы, и на которыхъ зиждилось его вліяніе. Поднялись жалобы, шумныя и упорныя. Иногда папы соглашались выслушивать ихъ, но чаще они отвѣчали на нихъ рѣшительнымъ подтвержденіемъ нововведеній [2]).

Еще болѣе увеличивало поводы къ столкновеніямъ то обстоятельство, что міряне повсюду оказывали самый лучшій пріемъ пришельцамъ и предпочитали ихъ своимъ священникамъ. Горячность ихъ проповѣди и слава ихъ святости привлекали народъ толпами и къ каѳедрѣ и къ исповѣдальнѣ. Благодаря опытности они были несравненно болѣе ловкими руководителями душъ, чѣмъ ихъ нерадивые соперники изъ бѣлаго духовенства, и народъ думалъ, что наложенная ими епитимія болѣе пріятна Богу, а данное ими отпущеніе грѣховъ болѣе дѣйствительно. Духовенство утверждало, что они были обязаны своимъ успѣхомъ даваемымъ ими индульгенціямъ; но монахи не безъ основанія возражали

---

[1]) Martène, «Ampliss. Collect.» I, 1146—9.—Innoc. PP. III «Regest.» XV, 240.—Berger, «Registres d'Innocent IV», № 2712.

[2]) Constit. Frat. Praedicat. ann. 1228, Dist. II, cap. 32, 33. («Arch. für. Litt. und Kirchengeschichte», 1886, стр. 224).—Innoc. PP. III. «Regest.» IX, 185.—S. Francis. «Orac.» XXII.—Ejusd. «Regul Sec.» c. 9.—Stepan. de Borbone (D'Argentré, «Collect. judic. de nov. Error», I, I, 90—1).—Bern. Guidon. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 530).—Potthast, «Regest.», №№ 6508. 6542, 6654, 6660, 7325, 7467, 7468, 7480, 7890, 10316, 10332, 10386, 10629, 10630, 10657, 10990, 10999, 11006, 11299, 15355, 16926, 16933. — Martène, «Thesaur.» I, 954. – Conc. Narbonn. ann. 1227, c. 19.—Baluze. «Concil. Gall. Narbon.» app., стр. 156—9.

Было мало прелатовъ, подобныхъ Роберту Гростесту, епископу Линкольнскому, который писалъ Іордану и Эллису, генераламъ обоихъ орденовъ, прося ихъ прислать ему братьевъ, такъ какъ—писалъ онъ—епархія его очень велика, и ему нужны помощники въ дѣлѣ проповѣди исповѣди.—«Fasc. rer. expetend. et fugiend». II, 334—5 (изд. 1690 г.).

Библиотека "Руниверс"

на это, что міряне приглашаютъ ихъ какъ къ себѣ, такъ и къ своимъ женамъ, главнымъ образомъ, потому, что приходскіе священники—пьяницы и развратники.

Прибывая куда-нибудь, братъ сейчасъ же ставилъ свой переносный алтарь на одинъ день. Его проповѣдь была увлекательна; кающіеся толпились около исповѣдальни; тогда онъ оставался еще на нѣсколько дней, а иногда поселялся навсегда. Если мѣстность была населенная, то къ нему присоединялись другіе братья. Благочестивые люди щедро одаряли ихъ; они строили скромную часовню, затѣмъ монастырь и, наконецъ, цѣлый рядъ зданій, которыя затмевали приходскую церковь и привлекали къ себѣ вѣрныхъ. Мало того, умирающіе въ послѣднія минуты жизни облекались въ рясу нищенствующихъ монаховъ, завѣщевали свое тѣло братьямъ и дѣлали ихъ своими наслѣдниками; отсюда возникали новыя ссоры, обострявшіяся все болѣе и болѣе и напоминавшія ссоры хищниковъ надъ падалью. Въ Памплунѣ въ 1247 г. нѣсколько покойниковъ оставались долгое время непогребенными изъ-за горячихъ споровъ между канониками и францисканцами. Согласились дѣлить бренные останки, и доля приходскихъ священниковъ колебалась въ предѣлахъ отъ половины до четверти: но это соглашеніе дало только поводъ къ новымъ пререканіямъ. Всякій разъ, когда дѣло доходило до явнаго разрыва, папа, хотя и желалъ избѣгнуть скандала, почти всегда рѣшалъ дѣло въ пользу монаховъ, и духовенство со смѣшаннымъ чувствомъ гнѣва и страха видѣло, какъ оно постепенно дѣлалось жертвой захвата. Въ 1268 г. въ Голландіи и въ Гельдернѣ вспыхнуло народное возстаніе; опьяненные первымъ успѣхомъ мятежники выработали программу реформъ, гдѣ было рѣшено перебить всѣхъ дворянъ, прелатовъ и монаховъ, за исключеніемъ нищенствующихъ и нѣсколькихъ приходскихъ священниковъ, нужныхъ для совершенія таинствъ. Говоря по правдѣ, духовенство сдѣлало нѣкоторыя усилія, чтобы подняться до высоты новыхъ пришельцевъ, но привычка къ лѣни была очень сильна, и только немногіе исправились. Уже въ предшествующее столѣтіе бѣлое духовенство горько жаловалось на то вліяніе, которое оказало на монашество основаніе и развитіе ордена цистерціанцевъ. Оно даже внесло горячій протестъ на третій Латеранскій соборъ въ 1179 г., говоря, что приходскимъ священникамъ грозитъ полная нищета. На этотъ разъ захватъ былъ много опаснѣе и инстинктъ самосохраненія побуждалъ духовенство къ энергичной защитѣ. Нужно было, чтобы возникла борьба за главенство между мѣстными церквами, съ одной стороны, и папствомъ съ его новой милиціей—съ другой; консервативная партія проявила при этомъ много ловкости въ выборѣ поля военныхъ дѣйствій [1]).

Парижскій университетъ былъ тогда центромъ схоластическаго богословія. Будучи космополитическаго характера, онъ мало-по-малу сталъ пользоваться уваженіемъ всей Европы благодаря длинному ряду выпущенныхъ имъ знаменитыхъ магистровъ, уроженцевъ всѣхъ концовъ Европы. Его считали оплотомъ католичества. Во всякой епархіи были его старые ученики, которые съ сыновней любовью смотрѣли на свою Alma Mater.

---

[1]) Brev. Hist. Ord. Praedic. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 357).—Extrav. Commun. lib. III, tit. VI, cap. 8.—Concil. Nimociens. ann. 1298, c. 17.—Constit. Joann. archiep. Nicos. ann. 1321, c. 10.—Conc. Avenion. ann. 1326, c. 27; ann. 1337, c. 32.—C. Vaurens. ann. 1368, c. 63, 64.—Epist. saec. XIII, T. I, № 437 («Monum. Germ. Hist.»).—Berger, «Les Registres d'Innocent IV», №№ 1875—8, 3252—5, 3413.—Ripoll. I, 25, 132—3, 153—4; II 61, 172; VII, 18.—Matt. Paris, ann. 1234, стр. 276; ann. 1235, стр. 286—7; ann. 1252, стр. 616.—Potthast, «Reg.» №№ 8786-a, 8787—9, 10052.—Trithem. «Annal. Hirsaug.» ann. 1268.—Concil. Biterrens. ann. 1233, c. 9.—C. Arelatens. ann. 1234, c. 2.—C. Albiens. ann. 1254, c. 17, 18.—S. Bonavent. «Libell. Apologet.» Quaest. 1.—Abbat. Joachimi «Concordiae», V, 49.—Подробности отвратительныхъ ссоръ изъ-за умирающихъ и умершихъ захватывающимъ образомъ сказались въ попыткѣ посредничества, предпринятой Бонифаціемъ VIII въ 1303 г., между духовенствомъ Рима и нищенствующими (Ripoll. II, 70).—Постоянныя ссоры по поводу этого были одной изъ главныхъ жалобъ францисканцевъ-спиритуаловъ (Hist. Tribulationum въ «Arch. f. Litt. und Kirchengesch.» 1886, стр. 297).

Библиотека "Руниверс"

Когда въ Парижъ прибыли первые доминиканцы, чтобы основать тамъ свой монастырь, то университетъ оказалъ имъ радушный пріемъ и принялъ ихъ въ свою ученую корпорацію. Но совершенно неожиданно въ одинъ прекрасный день возникъ споръ изъ-за такихъ пустяковъ, что ясно видно, насколько уже были натянуты отношенія между духовенствомъ и нищенствующими монахами. Университетъ всегда ревностно охранялъ свои привилегіи, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимало право суда надъ студентами. Одинъ изъ студентовъ былъ убитъ, а многіе были ранены въ дракѣ со стражей. Представленное магистратомъ объясненіе было найдено неудовлетворительнымъ, и было рѣшено закрыть университетъ; но профессора-доминиканцы, Bonushomo и Elias, продолжали свои лекціи; имъ приказали прекратить чтеніе, а студентамъ запретили посѣщать ихъ аудиторію. Они пожаловались папѣ, но папа оставилъ ихъ жалобу безъ удовлетворенія; а когда университетъ возобновилъ свои занятія, то имъ предложили дать присягу, что они будутъ строго соблюдать университетскій уставъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ не согласуется съ уставомъ ихъ ордена; они, съ своей стороны, поставили условіемъ, чтобы два профессора богословія были назначаемы изъ доминиканцевъ. Послѣ двухнедѣльныхъ безплодныхъ пререканій ихъ изгнали; тогда парижскіе провинціалы обоихъ нищенствующихъ орденовъ вступились въ это дѣло и апеллировали въ Римъ, и Иннокентій IV предложилъ университету отказаться отъ своихъ требованій. Загорѣлась открытая борьба [1]).

Университетъ не хотѣлъ принимать полумѣръ. Онъ соглашался поставить нищенствующихъ монаховъ въ условія, одинаковыя съ тѣми, въ которыхъ находились и другіе ордены, и разсчитывалъ, что, лишивъ нищенствующихъ монаховъ привилегій, которыя дѣлали ихъ столь опасными, онъ получитъ признательность епископовъ и духовенства. Прежде всего для этого надо было привлечь на свою сторону Римъ, а это было вопросомъ только денегъ. Студенты, полные энтузіазма, обложили себя данью и образовали фондъ, предназначенный на покрытіе расходовъ по сношеніямъ съ римской куріей. Главою оппозиціонной партіи былъ Вильгельмъ де Сентъ-Амуръ, пользовавшійся одинаковымъ уваженіемъ какъ профессоръ и какъ проповѣдникъ, человѣкъ образованный, краснорѣчивый и непреклонный въ своихъ убѣжденіяхъ. Его послали въ Римъ, и Иннокентій былъ близокъ къ тому, чтобы согласиться съ нимъ, что уставы нищенствующихъ орденовъ должны привести души людей къ вѣчной гибели. Вообще папа былъ покровителемъ монаховъ; онъ утвердилъ и даже расширилъ ихъ привилегіи, но въ данную минуту онъ былъ недоволенъ ими. Доминиканцы прогнѣвали его тѣмъ, что тайно приняли въ свой орденъ его любимаго двоюроднаго брата, котораго онъ предназначалъ для свѣтской карьеры; кромѣ того, они возбудили противъ себя недовольство другого папскаго двоюроднаго брата, которому они отказались продать кусокъ земли въ Генуѣ подъ постройку крѣпости-замка, который доминировалъ бы надъ всѣмъ городомъ. Въ іюлѣ и въ августѣ 1254 г. Иннокентій издалъ нѣсколько граматъ, благопріятныхъ нищенствующимъ орденамъ и направленныхъ противъ университета, а 21 ноября онъ издалъ буллу Etsi animarum, извѣстную среди нищенствующихъ монаховъ подъ именемъ «Страшной буллы», которою всѣмъ монашествующимъ орденамъ запрещалось допускать въ свои церкви въ воскресные и праздничные дни прихожанъ другихъ церквей; они не имѣли права исповѣдывать безъ особаго на то разрѣшенія приходскихъ священниковъ; они не должны были говорить проповѣдей въ своихъ церквахъ передъ обѣдней, чтобы не отвлекать молящихся отъ ихъ

[1]) Alex. PP. Bull. «Quasi lignum vitae.»—Waddingi «Annal.» ann. 1255, № 2.—Dupin, «Bibl. des auteurs ecclés.» t. X, c. VII.

О неподсудности студентовъ свѣтскому суду см. Berger, «Reg. d'Innoc. IV», № 1515.—Molinier («Guill. Bernard de Gaillac», Парижъ 1884 г., стр. 26) даетъ прекрасную картину преподаванія доминиканцевъ въ разсматриваемую нами эпоху.

Библиотека "Руниверс"

приходскихъ церквей; наконецъ, они не должны были проповѣдывать въ этихъ церквахъ, когда тамъ проповѣдывали сами епископы или кто-либо по ихъ порученію [1]).

Эта булла была поистинѣ ужасна, такъ какъ она однимъ ударомъ уничтожала зданіе, воздвигнутое цѣной стольких трудовъ и лишеній. Въ виду подобнаго бѣдствія доминиканцы не ограничились тѣмъ, что подняли на ноги самыхъ знаменитыхъ представителей своего ордена, но обратились за помощью къ самому небу. Каждому брату было приказано ежедневно послѣ утрени читать семь псалмовъ и литаніи св. Дѣвѣ Маріи и св. Доминику. Одному брату, когда онъ предавался этимъ благочестивымъ занятіямъ, явилось видѣніе: предъ нимъ предстала Св. Дѣва, просящая за доминиканцевъ своего Сына, и онъ услышалъ слѣдующія слова: «Вонми имъ, Сынъ мой, вонми имъ!». Повидимому, Іисусъ послушался, ибо, хотя мы и можемъ сомнѣваться въ справедливости доминиканскаго преданія, что Иннокентій былъ разбитъ параличомъ именно въ тотъ самый день, когда онъ подписалъ свой crudelissimum edictum, но несомнѣнно, что онъ умеръ 7 декабря, т.-е. черезъ шестнадцать дней послѣ этого; разсказывали, что одинъ благочестивый римлянинъ видѣлъ тогда въ сонномъ видѣніи, какъ душу Иннокентія приняли два разгнѣванныхъ святыхъ—Доминикъ и Францискъ. Кардиналъ д'Альбано, по злобѣ на орденъ посовѣтовавшій папѣ эти преступныя мѣры, имѣлъ неосторожность похвастаться, что онъ поставилъ нищенствующихъ монаховъ ниже епископовъ, причемъ добавилъ, что онъ надѣется поставить ихъ со временемъ ниже самаго послѣдняго священника; тотчасъ же въ его домѣ упала балка и убила его до смерти. Мы, быть-можетъ, не въ правѣ обвинять доминиканцевъ, что они помогли случаю въ этихъ несчастныхъ событіяхъ; но какъ ни странно думать, что молитвами можно убить папу и кардинала, они не безъ гордости утверждаютъ, что послѣ этихъ событій фраза: «Берегись доминиканскихъ литаній: онѣ производятъ чудеса!» стала общераспространенной [2]).

Смерть Иннокентія была спасеніемъ для монашествующихъ орденовъ. Благодаря ловкости римскаго префекта, который, мало полагаясь на Святого Духа, урѣзалъ содержаніе отцовъ конклава, новый папа былъ избранъ уже черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Иннокентія. Александръ IV былъ всецѣло на сторонѣ нищенствующихъ. Когда генералъ францисканцевъ, Іоаннъ Пармскій, по обычаю явился къ нему съ просьбою назначить одного изъ кардиналовъ «покровителемъ» ордена, то папа отказалъ ему, сказавъ, что, пока онъ живъ, орденъ не будетъ нуждаться въ другомъ покровителѣ, кромѣ его самого. Назначеніе имъ доминиканца Раймунда де Пеннафорте и францисканца Руфино папскими капелланами показало, какъ охотно подчинялся онъ вліянію нищенствующихъ орденовъ. 31 декабря, черезъ десять дней послѣ своего избранія, онъ обратился къ обоимъ орденамъ съ граматами, прося ихъ молитвъ и предстательства за него передъ Богомъ; въ тотъ же день особой энцикликой онъ отмѣнилъ ужасную буллу Иннокентія и призналъ ее не имѣющей силы [3]).

Заранѣе можно было сказать, что теперь дѣло университета проиграно; и, дѣйствительно, 14 апрѣля 1255 г. вышла булла Quasi lignum vitae, которая рѣшала споръ въ пользу доминиканцевъ. Но Вильгельмъ де Сентъ-Амуръ, вернувшись въ Парижъ, рѣшилъ продолжать войну. Онъ и его друзья начали громить нищенствующихъ съ высоты

---

[1]) Waddingi «Annal.» ann. 1254, № 4, 5; ann. 1255, № 3.—Brev. hist. ord. Praed. (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 356—7).—Potthast, «Reg.» № 15562.—Matt. Paris, ann. 1253, стр. 590.

Вильгельмъ де Сентъ-Амуръ получалъ бенефиціи. Недовольный каноникатомъ въ Бове и одною церковью съ приходомъ, онъ получилъ въ 1247 г. отъ Иннокентія нужное разрѣшеніе на другой приходъ.—Berger, «Les Registres d'Innocent IV», 3188.

[2]) Waddingi «Annal.» ann. 1254, № 3; ann. 1255, № 5.—Brevis Historia (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 357).—Martène, «Thes.» I, 1059.

[3]) Waddingi «Annal.» ann. 1254, № 20; ann. 1255, № 1.—Ripoll. I, 266—7.

Библиотека "Руниверс"

своихъ каѳедръ. Они остерегались называть ихъ по имени, но намеки ихъ были очень прозрачны; они говорили то о фарисеяхъ и публиканахъ, то о людяхъ, о которыхъ предсказывалъ пророкъ, что они введутъ царство антихриста. Новыя—говорили они—и непредвидѣнныя опасности угрожаютъ Церкви. Сатана понялъ, что онъ ничего не достигнетъ, посылая еретиковъ, которыхъ легко уничтожить; теперь онъ измѣнилъ образъ дѣйствій и выступаетъ подъ видомъ блѣднаго апокалиптическаго коня, подъ видомъ братьевъ-лицемѣровъ, которые, притворяясь святыми, колеблютъ и разрываютъ Церковь. Преслѣдованіе, которое воздвигнутъ эти лицемѣры, будетъ ужасно и превзойдетъ всѣ видѣнныя міромъ преслѣдованія ..

Вильгельмъ не упустилъ и другого, представившагося ему, оружія. Въ 1254 г. появилось сочиненіе подъ заглавіемъ «Введеніе въ Вѣчное Евангеліе», которое было приписано францисканскому генералу Іоанну Пармскому. Между францисканцами дѣйствительно было много склонныхъ къ мистицизму, который уже начиналъ тогда сказываться. Сочиненія аббата Іоахима Флорійскаго, которыя были извлечены изъ забвенія и стали изучаться, предсказывали, что въ 1260 г. падетъ существующій въ Церкви и въ государствѣ порядокъ вещей, Евангеліе Христа будетъ замѣнено новымъ, и нищенствующіе монахи станутъ на мѣсто духовной іерархіи. «Введеніе въ Вѣчное Евангеліе» привлекало вниманіе всего образованнаго міра и давало Вильгельму такой богатый матеріалъ для нападокъ, что онъ не могъ имъ не воспользоваться.

Университетъ не уступалъ. Тщетно Александръ металъ буллу за буллой противъ упорствующихъ, грозя имъ всевозможными наказаніями; тщетно, въ концѣ концовъ, обратился онъ къ Людовику Святому, ища поддержки свѣтской власти. Парижское духовенство, очень довольное случаемъ увеличить временную непопулярность нищенствующихъ, громило ихъ со всѣхъ каѳедръ и даже нападало на нихъ, пуская въ ходъ удары и угрозы; дошло до того, что монахи почти не рѣшались выходить на улицу и выпрашивать свое дневное пропитаніе. Не обращая вниманія на то, что папа просилъ короля посадить Вильгельма въ тюрьму, послѣдній издалъ памфлетъ De periculis novissimorum temporum, въ которомъ онъ горячо излагалъ основанія своихъ взглядовъ на нищенствующую братію. Онъ доказывалъ въ немъ, что папа не имѣлъ права преступать завѣты пророковъ и апостоловъ, и что послѣдніе были бы уличены въ заблужденіяхъ, если бы былъ ниспровергнутъ существующій въ Церкви порядокъ, и было бы разрѣшено проповѣдывать и исповѣдывать бродягамъ-лицемѣрамъ и лже-пророкамъ. Всѣ, живущіе нищенствомъ—лжецы, льстецы, клеветники, воры и враги правосудія. Всякій, утверждающій, что Іисусъ былъ нищимъ, отрицаетъ, что онъ былъ Мессія; это—ересіархъ, разрушающій основы всей христіанской вѣры. Здоровый и сильный человѣкъ совершаетъ святотатство, когда беретъ отъ бѣдныхъ милостыню на свои личныя нужды; если Церковь позволила это монахамъ, то она впала въ ошибку, которую нужно скорѣе исправить. Епископы обязаны очистить свои епархіи отъ этихъ святошъ; они легко могутъ сдѣлать это, и если они этого не дѣлаютъ, то на ихъ головы падетъ кровь тѣхъ, кто погибнетъ вслѣдствіе ихъ небреженія.

Святой Ѳома Аквинатъ и святой Бонавентура возражали на эти ядовитыя нападки. Первый въ трактатѣ Contra impugnantes religionem доказалъ съ искусствомъ тонкаго схоластика, что братья имѣли право поучать, проповѣдывать, исповѣдывать и жить, не работая; онъ опровергъ обвиненія, направленныя противъ ихъ нравственности и ихъ захватовъ, а также взглядъ на нихъ какъ на предтечъ антихриста. Онъ старался также установить, что они имѣли право бороться съ клевещущими на нихъ, искать защиту въ судахъ и даже, въ случаѣ надобности, охранять себя оружіемъ и карать своихъ преслѣдователей. Бонавентура въ своемъ трактатѣ De paupertate Christi утверждалъ, что примѣръ Христа является рѣшительнымъ доказательствомъ въ пользу бѣдности и нищеты,

Библиотека "Руниверс"

а въ своихъ Libellus apologeticus и Tractatus quia fratres minores praedicent онъ воспользовался пріемомъ противника и откровенно и энергично раскрылъ недостатки, пороки, грѣхи, развратъ и упадокъ бѣлаго духовенства. Еретики, видя, какъ крупные представители Церкви раскрываютъ подноготную другъ про друга, могли считать и себя въ правѣ на это, а вѣрные имѣли полное основаніе задаваться вопросомъ, можетъ ли подобное, бѣлое или черное, духовенство привести ихъ къ спасенію?

Эта словесная война не дала положительныхъ результатовъ, и разрѣшеніе кризиса пришло съ другой стороны. Какъ только появилось сочиненіе Вильгельма, то Людовикъ Святой представилъ экземпляры его папѣ Александру; съ своей стороны, университетъ послалъ въ Римъ депутацію съ Вильгельмомъ во главѣ просить объ осужденіи «Вѣчнаго Евангелія». На защиту своихъ орденовъ выступили Альбертъ Великій и Бонавентура; возникъ горячій споръ. «Вѣчное Евангеліе» и «Введеніе» въ него были осуждены съ нѣкоторыми оговорками особой комиссіей, собравшейся въ іюлѣ 1255 г. въ Ананьи; съ другой стороны, булла Romanus pontifex объявила 5 октября 1256 г., что книга Вильгельма де Сентъ-Амура полна лжи, обмана и соблазна, что она гнусна и зла. Было приказано сжечь ее передъ куріей и передъ университетомъ; всѣ экземпляры должны были быть доставлены и уничтожены въ теченіе недѣли, и всякій, кто сталъ бы защищать изложенное въ нихъ, приравнивался къ мятежникамъ. Посланные Людовикомъ Святымъ и университетомъ делегаты были принуждены подписаться подъ этимъ рѣшеніемъ и признать за нищенствующими право проповѣдывать, исповѣдывать и жить милостыней на счетъ другихъ. Отказался подписаться одинъ только Вильгельмъ. Мало того, Александръ предложилъ всѣмъ профессорамъ и проповѣдникамъ воздерживаться отъ нападокъ на нищенствующихъ и отказаться отъ обидныхъ словъ, произнесенныхъ по ихъ адресу, подъ угрозой потери, въ случаѣ неисполненія этого, своихъ бенефицій. Но этотъ послѣдній указъ исполнялся очень слабо [1]).

Побѣда нищенствующихъ монаховъ была полная. Университетъ съ проклятіями смирился передъ неодолимой силою папства, и только одинъ Вильгельмъ де Сентъ-Амуръ остался непреклоннымъ, ни въ чемъ не уступая, ни отъ чего не отказываясь. Въ ту самую минуту, когда онъ собирался вернуться во Францію въ августѣ 1257 г., папа Александръ запретилъ ему возвращаться туда и навсегда запретилъ ему выступать въ качествѣ учителя. Страхъ, наводимый имъ, былъ такъ великъ, что папа съ нарочнымъ послалъ письмо Людовику Святому, прося его закрыть мятежному богослову въѣздъ въ предѣлы королевства. Но, несмотря на все это, Вильгельмъ продолжалъ вести переписку со своими старыми товарищами и поддерживать въ парижскомъ университетѣ постоянный духъ недовольства. Тщетно Александръ запретилъ имѣть съ нимъ сношенія; его никто не слушалъ; а нищенствующіе монахи, состоявшіе преподавателями въ университетѣ, были предметомъ злыхъ шутокъ и эпиграммъ, которыя быстро распространялись повсюду; въ Вербное Воскресенье 1259 г. педель университета Гильо, Пикардійскій, прервалъ проповѣдь св. Ѳомы Аквината чтеніемъ возмутительнаго пасквиля противъ нищенствующихъ монаховъ. Но съ теченіемъ времени озлобленіе улеглось, и послѣднимъ актомъ этой ссоры было посланіе папы Александра отъ 3 декабря 1260 г., уполномочивавшее парижскаго епископа дать отпущеніе всѣмъ тѣмъ, у кого имѣлись списки сочиненія Вильгельма, съ условіемъ, чтобы они выдали ихъ на сожженіе. Вильгельмъ же продолжалъ жить въ

[1]) Ripoll. I, 289, 291, 296, 298, 301, 306, 308, 311, 312, 320, 322, 324, 333, 334, 336, 342, 345, 350.—Matt. Paris ann. 1255, стр. 611, 616.—Waddingi «Annal.» ann. 1255, № 4; ann. 1256, № 20—37.—Fasciculus rerum expetend. II, 18 и сл. (изд. 1690).—Mag. Bull. Roman. I, 112.—D'Argentré, «Coll. judic. de nov. error.» III, 170 сл.—Guill. Nangiac. «Gesta S. Ludov.» ann. 1255.—Grandes Chroniques, I, V, 373—4.—Bern. Guidon. «Chron.» (Bouquet, XXI, 698).

Библиотека "Руниверс"

изгнанія до 1264 г., когда папа Климентъ IV разрѣшилъ ему вернуться въ Парижъ. Здѣсь онъ поторопился написать новое сочиненіе на старую тему и послалъ его папѣ въ 1266 г.; но за это время, въ 1265 г., Климентъ успѣлъ выказать свое расположеніе къ нищенствующимъ буллою, которая нарочито подтверждала ихъ независимость отъ епископовъ. Какъ и можно было ожидать, папа отбросилъ книгу Вильгельма, какъ зараженную ядомъ его перваго труда. Вильгельмъ умеръ въ 1272 г., ни разу не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ, и былъ съ почестью погребенъ въ своей родной деревнѣ Сентъ-Амуръ; но и до сего времени онъ является еретикомъ въ глазахъ простодушныхъ доминиканцевъ и францисканцевъ [1]).

Въ 1623 г. въ Констансѣ вышло собраніе сочиненій Вильгельма, но доминиканцы пользовались такимъ вліяніемъ у Людовика XIII, что въ угоду имъ онъ запретилъ это изданіе. Всѣ экземпляры были отобраны; частное лицо за храненіе у себя экземпляра подвергалось штрафу въ 3000 ливровъ, а книгопродавецъ за продажу одного экземпляра подвергался смертной казни [2])!

Въ 1269 г. одинъ францисканецъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, снова поднялъ погасшій споръ, напавъ на книгу Вильгельма. Геральдъ д'Аббевиль, считающійся со святымъ Ѳомой Аквинатомъ, святымъ Бонавентурой и Робертомъ Сорбоннскимъ однимъ изъ четырехъ наиболѣе славныхъ богослововъ эпохи, отвѣтилъ отрицаніемъ ученія о бѣдности и выступилъ съ защитою принципа собственности. Святой Бонавентура выступилъ тогда противъ него со своей Apologia Pauperum, представляющей горячій панегирикъ бѣдности, и францисканскіе анналисты съ радостью сообщаютъ, что Геральдъ, уничтоженный логикой своего противника и пораженный мщеніемъ Бога, лишился умственныхъ способностей, былъ разбитъ параличомъ и умеръ ужасной смертью отъ проказы [3]).

Захватъ нищенствующими монахами всего въ свои руки возбудилъ противъ нихъ общую и глубокую вражду всего духовенства, которое боялось не только за свои привилегіи, за свои богатства и за свой авторитетъ, но понимало также, что новая папская милиція окончательно подчинитъ его Риму и лишитъ его послѣдней независимости. Эти выскочки не побоялись вступить въ борьбу съ могущественнымъ и всѣми уважаемымъ парижскимъ университетомъ, съ этимъ, по словамъ папы Александра, лучезарнымъ солнцемъ, распространяющимъ по всему міру свѣтъ чистой науки, съ этимъ тѣломъ, порождающимъ славныхъ ученыхъ, которые просвѣщаютъ христіанство и поддерживаютъ католическую вѣру. Они нашли, съ кѣмъ вступить въ пренія; борьба была продолжительная и горячая, но, благодаря могущественной поддержкѣ папы, побѣда осталась за нищенствующими. Если ужъ самъ парижскій университетъ, опирающійся на симпатіи прелатовъ всего христіанскаго міра, потерпѣлъ неудачу, то другимъ нечего было разсчитывать на успѣхъ; надо было склониться передъ этими пришельцами, о которыхъ папа, запрещая епископамъ принимать сторону университета, говорилъ, что это были «золотые фіалы, наполненные сладкимъ благоуханіемъ» [4]).

Но все же время-отъ-времени проявлялась оппозиція, хотя уже и осужденная заранѣе. Булла Климента IV отъ 1268 г., запрещающая архіепископамъ и епископамъ

---

[1]) Ripoll. I, 346, 348, 349, 352—3, 372, 375—9.—Waddingi «Annal.» ann. 1256, № 38; ann. 1257, № 1—4, 6; ann. 1259, № 3—6; ann. 1260, № 10.—Clement. PP. IV Bull. «Virtute conspicuos», 1265.—Dupin, «Bibl. des auteurs ecclés.» t. X, c. VII.

[2]) Mosheim, «de Beghardis», 27.—Сочиненіе «Pericula novissimorum temporum» было, однако, перепечатано съ двумя рѣчами С.-Амура въ «Antilogia Papae» Вольфганга фонъ Вейссенбургъ (Базель, 1555 г.). Было еще два изданія, сдѣланныхъ въ Лондонѣ; одно въ 1688 г., а другое въ 1690 г. въ изданіи Brown'a «Fasciculus rerum expetendarum et fugiendarum».

[3]) Bonaventurae «Apol. Pauper.» Resp. 1, c. 1.—Waddingi «Annal.» ann. 1269, № 6—8.

[4]) Ripoll. I, 338.

Библиотека "Руниверс"

разсуждать о привилегіяхъ, предоставленныхъ нищенствующимъ, показываетъ, что вражда не угасла и только ждала удобнаго случая, чтобы снова выйти наружу. Даже въ самомъ отдаленномъ углу Испаніи, въ Леонѣ и въ Галисіи, германдада епископовъ и аббатовъ отмѣчаетъ въ 1283 г., какъ одну изъ обязанностей союза, борьбу противъ усиленія доминиканцевъ и францисканцевъ и противъ несправедливостей, наносимыхъ ими постоянно какъ монастырямъ, такъ и бѣлому духовенству. Германдада нерѣдко старалась не допускать постройки новыхъ монастырей нищенствующихъ орденовъ или заставить ихъ удалиться отъ притѣсненій, но въ результатѣ она всегда навлекала на себя грозный гнѣвъ папы. Блеснулъ было лучъ надежды, когда на папскій престолъ вступилъ умный и образованный Іоаннъ XXI; но его нелюбовь къ нищенствующимъ сократила его жизнь, какъ раньше—жизнь Иннокентія IV. Черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ его вступленія на престолъ св. Петра на него обрушилась дворцовая крыша, и благочестивые лѣтописцы орденовъ заклеймили его память какъ память еретика и чародѣя.

Около 1284 г. толкованіе нѣкоторыхъ новыхъ уступокъ, сдѣланныхъ Мартиномъ IV, снова подняло антагонизмъ. Поднялась вся галликанская церковь. Реймскій архіепископъ для обсужденія вопроса собралъ въ 1287 г. помѣстный соборъ; онъ въ горячихъ выраженіяхъ напомнилъ тщетныя усилія духовенства разрѣшить дѣло мирнымъ путемъ, напомнилъ невыносимые захваты, чинимые монахами, и нестерпимыя оскорбленія, наносимыя ими какъ духовенству, такъ и мірянамъ, и указалъ на необходимость просить помощи Рима. Всѣ знали, что подобное обращеніе требуетъ большихъ расходовъ, но всѣ епископы согласились дать на это пять процентовъ своихъ доходовъ, а аббаты, пріоры, деканы, капитулы и приходскія церкви жертвовали на это по одному проценту отъ своихъ доходовъ. Благочестивый францисканецъ Салимбенъ говоритъ, что такимъ путемъ было собрано 100 000 турскихъ ливровъ, и что эти деньги пошли на подкупъ папы Гонорія IV. Въ Великую Пятницу 1287 г. должна была выйти его булла, запрещавшая нищенствующимъ монахамъ проповѣдывать и исповѣдывать. Они были въ отчаяніи. Но если раньше, во время Иннокентія IV, ихъ спасли молитвы доминиканцевъ, то на этотъ разъ имъ помогли молитвы францисканцевъ. Въ ночь на среду десница Господня покарала Гонорія, въ четвергъ онъ умеръ, и нищенствующіе были снова спасены. Борьба, однако, продолжалась до тѣхъ поръ, пока Бонифацій VIII не отмѣнилъ въ 1298 г. буллы Мартина IV. хотя и тогда Церкви не было дано успокоенія. Не болѣе счастливъ былъ и Бенедиктъ XI, жаловавшійся, что споръ этотъ подобенъ гидрѣ, у которой вѣчно отрастаютъ новыя головы, сколько бы ихъ ни рубить. Въ 1323 г. Іоаннъ XXII призналъ еретическимъ ученіе Іоанна де Пуальи, утверждавшаго, что исповѣдь у братьевъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ всякій-де долженъ исповѣдываться у своего приходскаго священника.

Въ 1351 г. духовенство снова поднялось противъ нищенствующихъ. Весьма возможно, что самоотверженіе братьевъ во время чумы, когда священники позорно прятались, а братья одни ухаживали за больными и напутствовали умирающихъ, подняло еще болѣе ихъ престижъ въ глазахъ народа, и захваты ихъ стали шире. Какъ бы то ни было, къ папѣ Клименту VI явилась огромная депутація кардиналовъ, епископовъ и несмѣтнаго числа священниковъ, прося его или уничтожить нищенствующіе ордены, или, по крайней мѣрѣ, сократить ихъ привилегіи; они просили папу запретить нищенствующимъ проповѣдывать и исповѣдывать, а также брать себѣ деньги за похороны, что очень обогащало ихъ и очень сокращало доходы приходскаго духовенства. Нищенствующіе не удостоили депутатовъ своимъ отвѣтомъ, и за нихъ отвѣтилъ самъ папа, заявившій, что утвержденіе просителей, будто нищенствующіе монахи безполезны для Церкви, совершенно не вѣрно, и что, наоборотъ, они приносятъ Церкви огромныя услуги. «Если вы—продолжалъ Климентъ—заставите ихъ замолчать, то о чемъ сами-то вы будете говорить народу? О смиреніи? Но вѣдь вы — первые гордецы, вы высокомѣрны и гонитесь за внѣшнимъ блескомъ! О бѣд-

Библиотека "Руниверс"

ности? Но вѣдь вы такъ жадны до денегъ, что вамъ мало было бы церковныхъ доходовъ всего міра! О цѣломудріи?... Но объ этомъ я лучше ужъ помолчу: Богъ видитъ дѣла каждаго человѣка и знаетъ, сколько изъ васъ предается сладострастію. Вы ненавидите нищенствующихъ и запираете передъ ними двери домовъ своихъ, боясь, чтобы они не увидали вашей жизни, а сами при закрытыхъ дверяхъ прокучиваете свои доходы въ компаніи прихлебателей и бездѣльниковъ. Если пошло на правду, но нечего вамъ жаловаться, что нищенствующіе получаютъ часть имущества тѣхъ покойниковъ, которыхъ они напутствовали на смертномъ одрѣ въ то время, какъ вы позорно бѣжали; нечего плакаться, что они тратятъ эти деньги на сооруженія, служащія только во славу Бога и Церкви, а не мотаютъ ихъ на кутежи и удовольствія. И обвиняете вы нищенствующихъ только потому, что не живете такъ, какъ они, что большинство изъ васъ ведетъ жизнь суетную и пустую».

Послѣ такой филиппики изъ устъ папы, котораго самого св. Бригитта обвиняла въ распущенности и развратѣ, не оставалось ничего иного, какъ покориться. Однако, прелаты не замолчали; нѣсколько лѣтъ спустя Ричардъ, архіепископъ Армагскій, громилъ съ церковной каѳедры въ Лондонѣ нищенствующихъ, которые, въ свою очередь, обвиняли его передъ Иннокентіемъ VI въ ереси. Въ 1357 г. онъ произнесъ въ свою защиту рѣчь, въ которой безъ зазрѣнія совѣсти отдѣлывалъ ихъ; но дѣло о немъ тянулось безконечно долго, и онъ умеръ въ 1360 г. въ Авиньонѣ, не дождавшись никакого рѣшенія. Въ 1373 г. францискаискій настоятель въ Сиракузахъ просилъ Григорія XI выдать ему засвидѣтельствованную копію съ буллы Іоанна XXII противъ заблужденій Іоанна де Пуальи, такъ какъ бѣлое духовенство Сициліи оспаривало право нищенствующихъ исповѣдывать. Въ 1386 г. Зальцбургскій соборъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ обличалъ соблазнъ, вызванный почти во всѣхъ приходахъ вторженіемъ этихъ странствующихъ братьевъ, которые сѣяли ссоры и служили дурнымъ примѣромъ; далѣе соборъ постановилъ, что на будущее время они не имѣютъ права проповѣдывать и исповѣдывать безъ разрѣшенія епископа и безъ особаго приглашенія мѣстнаго священника. Въ 1393 г. Майнскій архіепископъ Конрадъ II прекратилъ на время преслѣдованіе вальденцевъ и особымъ эдиктомъ объявилъ, что нищенствующіе суть волки въ овечьей шкурѣ, и запретилъ имъ исповѣдывать. Съ другой стороны, францисканецъ магистръ Іоаннъ Говельскій, публично утверждалъ въ 1408 г., что священники не имѣютъ права проповѣдывать и исповѣдывать, что это могутъ только братья; но парижскій университетъ скоро заставилъ его отказаться отъ своего положенія [1]).

Казалось, что спору не будетъ конца. Въ 1409 г. нищенствующіе жаловались,

---

[1]) Clement. PP. IV Bull. «Providentia», ann. 1268.—Memorial Historico Español, 1851, t. II, 96.—Ripoll. I, 341. 344.—Ptol. Lucens. «Hist. Eccles.» lib. XXIII, c. 21, 24—5.—Henr. Steroldis «Annal.» ann. 1287, 1299.—Annal. Dominican. Colmariens. ann. 1277.—Waddingi «Annal.» ann. 1291, № 97; ann. 1303, № 32.—Concil. Valent. ann. 1255.—Concil. Ravennat. ann. 1259.—Martène, «Ampl. Coll.» II, 1291.—Concil. Remens. ann. 1287.—Salimbene, «Chron.», 371, 378—9.—Guill. Nangiac. ann. 1298; ejusd. «Continuat». ann. 1351. — Revelat. S. Brigittae lib. VI, c. 63; ср. lib. I, c. 41.—C. 2 Extravagant. Commun. III. VI.—c. 1. Ejusd. V, 7.—Ripoll. II, 92—3.—P. de Herenthals «Vit. Ioann. XXII» ann. 1233.—Martène, «Thes.» I, 1368.—C. 2 Extravagant. Commun. V, III.—Alph. de Spina, «Fortalicium Fidei», fol. 61-a (изд. 1494).—Hecker, «Epidemics of the Middle Ages» (перев. Babington'a).—Fascic. Reg. expet. et fugiend. II. 466 (изд. 1490 г.).—Theiner, «Monum. Hibern. et Scotor.» № 634, стр. 313.—Cosentino, «Archiv. Stor. Siciliano», 1886, стр. 336.—Concil. Salisburgens. ann. 1368, c. 8.—Gudeni, «Cod. Diplom.» III, 603.—D'Argentré, «Coll. judic. de nov Error.» I, II, 178.

Во время чумы въ Монпелье изъ 140 доминиканцевъ осталось въ живыхъ только семь; въ Марселѣ умерли всѣ 160. Смертность среди францисканцевъ опредѣлялась въ 124 434 человѣка, но цифра эта явно преувеличена. Hoffmann, «Gesch. d. Inquisition», II, 374—5.

Библиотека "Руниверс"

что священники называютъ ихъ ворами и волками и требуютъ, чтобы всякій, исповѣдывавшійся у нихъ, шелъ вторично на исповѣдь къ своему приходскому священнику; такимъ образомъ, какъ указывали они, возобновлялось лжеученіе Іоанна де Пуальи, осужденное Іоанномъ XXII. Александръ V, самъ францискапецъ, отвѣтилъ на ихъ челобитную буллою Regnans in excelsis, которая грозила, что будутъ наказуемы, какъ еретики, всѣ тѣ, кто будетъ придерживаться подобнаго ученія или будетъ утверждать, что на исповѣдь у нищенствующаго монаха надо предварительно испрашивать согласіе приходскаго священника. Но папство во время Великаго Раскола перестало быть страшнымъ. Парижскій университетъ горячо вступилъ въ споръ и, подстрекаемый Жаномъ Жерсономъ, отказался принять эту буллу, заставилъ доминиканцевъ и кармелитовъ публично отречься отъ нея и изгналъ не согласившихся на это францисканцевъ и августиновъ. Жерсонъ не задумался выступить противъ буллы съ публичною проповѣдью и въ своей рѣчи указалъ четырехъ гонителей Церкви: тирановъ, еретиковъ, нищенствующихъ и антихриста. Это далеко нелестное сближеніе не могло успокоить умы; но на этотъ разъ споръ погасъ среди крупныхъ вопросовъ, поднятыхъ Констанцскимъ и Базельскимъ соборами. Послѣдній соборъ даже высказался противъ нищенствующихъ и осудилъ очень распространенное въ народѣ вѣрованіе, что всякій, умершій въ одеждѣ францисканца, оставался въ Чистилищѣ не болѣе года, такъ какъ св. Францискъ ежегодно сходитъ въ Чистилище и выводитъ въ Рай души тѣхъ, кто на землѣ послѣдовалъ за нимъ. Но, когда папство вернуло себѣ былое значеніе, оно снова употребило его на пользу своихъ любимцевъ. Въ 1446 г. Евгеній IV опубликовалъ новую буллу Gregis nobis crediti, въ которой осуждались ученія Іоанна де Пуальи, а въ 1453 г. Николай V подтвердилъ это буллою Provisionis nostrae. Эта булла была въ 1456 г. сообщена парижскому университету, но онъ не принялъ ея и объявилъ, что она подложная, что она нарушаетъ миръ и ниспровергаетъ іерархическое чиноподчиненіе. Каллистъ III продолжалъ борьбу, и такъ какъ университетъ упорствовалъ и постановилъ не принимать въ число своихъ членовъ братьевъ, которые будутъ признавать эту буллу, то онъ обратился, но безуспѣшно, къ королю Людовику XI. Правда, въ 1458 г. одинъ вальядолидскій священникъ, не признававшій за нищенствующими монахами права на отправленіе обязанностей священника, былъ вынужденъ публично отречься отъ своего мнѣнія въ своей же собственной церкви; но борьба все продолжалась, порождая въ Германіи такіе скандалы, что архіепископы Майнцскій и Трирскій совмѣстно со многими епископами и герцогомъ Баварскимъ были принуждены обратиться по этому поводу къ Святому Престолу. Была назначена коммисія изъ двухъ кардиналовъ и двухъ епископовъ, чтобы выработать условія соглашенія, которое было подписано обѣими сторонами и въ 1480 г. было утверждено Сикстомъ IV. Священники не должны были учить, что нищенствующіе ордены были разсадникомъ ереси, а братья не должны были учить, что прихожане могутъ не посѣщать обѣденъ въ своихъ приходскихъ церквахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; за это имъ давалось право исповѣдывать и отпускать грѣхи. И священники, и братья одинаково не должны были оказывать давленія на мірянъ въ вопросѣ о мѣстѣ погребенія; обѣ стороны должны были перестать оскорблять и оговаривать другъ друга въ своихъ рѣчахъ. Внесеніе этого соглашенія въ каноническій законъ показываетъ, какое значеніе придавали ему, видя въ немъ залогъ прочнаго мира для всей католической церкви. Когда въ 1484 г. были осуждены въ Парижѣ лжеученія Жана Лалье, то къ числу ихъ было отнесено возобновленіе ученія Іоанна де Пуальи и утвержденіе, что Іоаннъ XXII не имѣлъ права объявлять его еретическимъ. Однако, на Латеранскомъ соборѣ 1515 г. епископы приложили всѣ усилія, чтобы добиться отмѣны исключительныхъ привилегій нищенствующихъ монаховъ. Въ виду отказа ихъ принять участіе въ голосованіи имъ обѣщали удовлетворить ихъ требованіе, но Левъ X тянулъ дѣло, и въ слѣдующемъ году было заключено новое соглашеніе, выраженія котораго показываютъ, съ

Библиотека "Руниверс"

какимъ презрѣніемъ смотрѣли нищенствующіе на епископовъ. Заступничество, оказанное имъ при этомъ случаѣ, мало сдерживало ихъ, такъ какъ въ 1519 г. Эразмъ въ письмѣ къ Майнцскому архіепископу, кардиналу Альберту, отзывался о нихъ слѣдующимъ образомъ:

«Міръ стонетъ отъ тиранніи нищенствующихъ, которые, будучи тѣлохранителями того Престола, настолько въ то же время многочисленны и могущественны, что страшны даже самому папѣ и князьямъ. Когда папа поддерживаетъ ихъ, то онъ выше Бога, но когда онъ имъ не нравится, то власть его—одна мечта» [1]).

Нужно сказать правду, доминиканцы и францисканцы совершенно не имѣли высокихъ добродѣтелей, которыми отличались ихъ основатели. Лишь только ордены стали распространяться, какъ уже появляются лже-монахи, смѣющіеся надъ обѣтомъ бѣдности и пользующіеся проповѣдью какъ источникомъ для грязныхъ доходовъ. Въ 1233 г. Григорій IX былъ вынужденъ строго напомнить главному капитулу доминиканцевъ, что бѣдность, проповѣдуемая орденомъ, должна быть дѣйствительной, а не притворной. Постоянное употребленіе папами братьевъ въ качествѣ политическихъ лазутчиковъ, естественно, отвлекало ихъ отъ ихъ духовныхъ обязанностей, привлекало въ ихъ среду людей честолюбивыхъ и неспокойныхъ и, наконецъ, наложило на эти ордены свѣтскій характеръ, совершенно противоположный ихъ первоначальной идеѣ. Кромѣ того, братья болѣе другихъ подвергались искушеніямъ. Ведя бродячій образъ жизни, они были внѣ всякаго контроля, они были подсудны только своимъ начальникамъ и подчинялись законамъ только своего ордена; все это увеличивало и дѣлало опасной болѣе, чѣмъ когда-либо, общую всему духовенству неприкосновенность [2]).

«Ангельская религія» (Religio seraphica) францисканцевъ уже по одному тому, что стремилась къ почти сверхчеловѣческому идеалу, была подвержена всѣмъ печальнымъ превратностямъ человѣческой слабости. Это обнаружилось еще при жизни св. Франциска, который сложилъ съ себя обязанности генерала ордена вслѣдствіе злоупотребленій, которыя начали проявляться; причемъ онъ заявилъ, что онъ согласился бы оставаться генераломъ ордена, если бы братья слѣдовали по указанному имъ пути. Столкновенія между тѣми, кто вступалъ въ орденъ по убѣжденію, и тѣми, кто вступалъ въ него изъ честолюбія, были неизбѣжны. Святому Франциску не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать на смертномъ одрѣ близкіе соблазны, междоусобныя распри и преслѣдованіе тѣхъ, кто не пожелаетъ раздѣлять заблужденія. Это предчувствіе исполнилось съ поразительной точностью, равно какъ и другое предсказаніе святого о томъ, что скоро наступитъ день, когда орденъ будетъ настолько обезчещенъ, что членамъ его будетъ стыдно показываться среди народа. Преемникъ Франциска Илія сильно подвинулъ развитіе ордена, но въ направленіи, противоположномъ тому, которое было дано ему первоначально. Самый ловкій и хитрый политикъ Италіи, онъ увеличилъ вліяніе и дѣятельность францисканцевъ до такихъ предѣловъ, что нарушенія устава, ставшія очень частымъ явленіемъ, такъ сильно смутили болѣе строгихъ изъ братіи, что они принудили Григорія IX смѣнить Илію, который принялъ послѣ этого сторону Фридриха II и былъ отлученъ отъ Церкви.

Не въ природѣ человѣка отказываться отъ богатствъ, которыя такъ щедро со всѣхъ сторонъ притекали въ орденъ, что братья прибѣгали ко всѣмъ тонкостямъ діалектики,

---

[1]) D'Argentré, «Collec. Judic. de Nov. Error». I, II, 180- 4, 242, 251, 340, 347, 352, 354, 356.—Religieux de S. Denis, «Hist. de Charles VI», lib XXIX, c. 10.—Gersoni «Sermo contra Bullam Mendicantium».—Alph. de Spina, «Fortal. Fidei», fol. 61 (изд. 1494).—C. 2 Extravagant. I, 9.—Ripoll III, 206, 256, 268.—Waddingi «Annal.» ann. 1457, № 61.—H. Cornel. Agrippae «Epist.» II, 49.—Raynald. «Annal.» ann. 1515, № 1.—Concil. Lateran. Sess. XI. (Hard. IX, 1832).—Erasmi «Epist. 10», lib. XII (изд. 1642 г. стр. 585—6).

[2]) Potthast, «Reg.» № 8326, 9172, 11299.—Martène, «Thesaur.», V, 1816, 1820.

Библиотека "Руниверс"

чтобы согласовать обладаніе несмѣтными богатствами съ предписаннымъ уставомъ отрицаніемъ всякой собственности. Убогія хижины, въ которыхъ приказывалъ жить святой Францискъ, обратились въ великолѣпные дворцы, которые воздвигались по всѣмъ городамъ и какъ бы соперничали своимъ блескомъ съ богатыми соборами и роскошными аббатствами, окружавшими ихъ. Св. Бонавентура, занявшій въ 1257 г. постъ генерала ордена послѣ Іоанна Парижскаго, прекратилъ на время споръ съ Вильгельмомъ де С.-Амуромъ и разослалъ по своимъ провинціаламъ энциклику, въ которой онъ жаловался на пренебреженіе и отвращеніе, которое питали къ ордену. Онъ приписывалъ это ненасытной жаждѣ ордена къ богатству, праздности многихъ изъ его членовъ, ихъ порочной жизни, невоздержности странствующихъ братьевъ, являвшихся бременемъ для принимавшихъ ихъ и оставлявшихъ по себѣ память о скандалахъ вмѣсто того, чтобы являться примѣромъ добродѣтелей; ихъ назойливому попрошайничеству, дѣлавшему ихъ болѣе страшными, чѣмъ разбойники большихъ дорогъ; сооруженію ими богатыхъ дворцовъ, которые разоряли ихъ друзей и вызывали нападки враговъ; недостойному поведенію проповѣдниковъ и исповѣдниковъ; алчной погонѣ за посмертными вкладами и за доходами отъ похоронъ, что вызывало страшное недовольство среди духовенства; и, наконецъ, вообще невозможному ихъ поведенію, которое неизбѣжно должно было охладить благотворителей. Очевидно, энергичныя нападки де С.-Амура и жалобы духовенства были небезосновательны; но это суровое посланіе было безплодно, и черезъ десять лѣтъ Бонавентура былъ вынужденъ повторить его въ выраженіяхъ, еще болѣе рѣзкихъ. На этотъ разъ онъ особенно остановился на томъ отвращеніи, которое вызывало въ немъ наглое безстыдство нѣкоторыхъ братьевъ, которые въ своихъ рѣчахъ къ мірянамъ нападали на недостатки духовенства, производя, такимъ образомъ, соблазны и разжигая ссоры и озлобленіе. Онъ заканчивалъ свою энциклику слѣдующими словами: «Безчестная и низкая ложь—проповѣдывать полную нищету и въ то же время ни отъ чего не отказываться; на народѣ просить милостыню, какъ нищій, а дома у себя утопать въ роскоши». Но упреки св. Бонавентуры не измѣнили дѣла, и борьба внутри ордена продолжалась и дошла до того, что были признаны еретиками тѣ, кто строго слѣдовалъ уставу, какъ мы увидимъ это ниже на исторіи францисканцевъ спиритуаловъ и Fraticelli (фратичеллы).

Въ слѣдующемъ столѣтіи францисканцы и доминиканцы одинаково дали волю своимъ свѣтскимъ вожделѣніямъ. Св. Бригитта въ своихъ «Откровеніяхъ», признанныхъ Церковью внушенными свыше, прямо говоритъ, что эти монахи, «вопреки ихъ обѣту нищеты, собрали несмѣтныя богатства, что они думаютъ только о томъ, какъ бы увеличить ихъ, что они одѣваются такъ же роскошно, какъ епископы, и что многіе изъ нихъ щеголяютъ такими украшеніями и драгоцѣнностями, которыхъ не носятъ самые богатые изъ мірянъ» [1]).

Таково было развитіе нищенствующихъ орденовъ въ ихъ сложныхъ отношеніяхъ къ Церкви. Но ихъ широкая дѣятельность не ограничивалась защитою Святого Престола и возрожденіемъ религіознаго чувства, благодаря чему они, на нѣкоторое время, сумѣли снискать Риму обоготвореніе народовъ. Однимъ изъ побочныхъ занятій, которому они посвящали часть своей энергіи, было миссіонерство, и на этомъ поприщѣ они дали достойные примѣры іезуитамъ, ихъ преемникамъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Среди безпрерывныхъ трудовъ св. Франциска видное мѣсто занимаетъ обращеніе невѣрныхъ. Онъ намѣревался посѣтить Марокко въ надеждѣ обратить въ христіанство короля Мирамолина и уже прибылъ въ Испанію, но болѣзнь заставила его вернуться назадъ. Черезъ тринадцать лѣтъ послѣ своего обращенія онъ совершилъ путешествіе въ Сирію, чтобы обратить въ христі-

[1]) S. Francis. «Collat. Monast.» Collat. XXI, XXV.—Ejusd. «Prophet.» XIV, XV; «Epist.» 6, 7.—Pet. Radulphii «Hist. Seraph. Relig.» lib. I, fol. 177—8.—Th. de Eccleston «de Adv. Minorum» Collat. XII.—Waddingi «Annal.» ann. 1253, № 30.—S. Bonaventurae «Opp.» изд. 1584 г., t. I, 485—6.—Matt. Paris. ann. 1243 (стр. 414).—S. Brigittae «Revelat.» lib. IV, c. 33.

Библиотека "Руниверс"

анство вавилонскаго владыку, несмотря на то, что въ это время шла война съ сарацинами. Захваченный въ плѣнъ въ непріятельскомъ лагерѣ, онъ со своими спутниками, закованный въ цѣпи, былъ приведенъ къ владыкѣ и изъявилъ готовность, въ подтвержденіе истины своихъ вѣрованій, подвергнуться испытанію огнемъ. Владыка предложилъ ему богатые подарки, но онъ отвергъ ихъ и былъ отпущенъ на свободу. Ученики его слѣдовали его примѣру. Ни разстояніе, ни опасность никогда не останавливали ихъ миссіонерской дѣятельности. Въ этомъ отношеніи между ними и доминиканцами шло благородное соревнованіе, такъ какъ и св. Доминикъ начерталъ широкій планъ миссіонерской дѣятельности. Съ 1225 г. мы находимъ миссіонеровъ обоихъ орденовъ въ Марокко. Въ 1223 г. францисканцы были посланы для обращенія дамасскаго султана Мирамолина, калифа и вообще народовъ Азіи. Въ 1237 г. стараніями доминиканцевъ были возсоединены съ Церковью якобиты Востока; они же подвизались среди несторіанъ, грузинъ, грековъ и другихъ схизматиковъ Леванта. Такія же индульгенціи, какъ крестоносцамъ, давались и тѣмъ, кто отправлялся въ эти опасныя миссіи, гдѣ лишенія и климатъ не были единственными страшными врагами. Девяносто доминиканцевъ приняли мученическую смерть отъ кумановъ въ восточной Венгріи въ то время, когда тамъ хозяйничали орды Чингизъ-хана. Послѣ отступленія татаръ доминиканцы снова принялись за свою миссію и обратили толпы куманъ, трудясь въ то же время среди катаровъ Босніи и Далмаціи, гдѣ еретики сожгли ихъ два монастыря и убили многихъ изъ нихъ.

Булла Александра IV отъ 1258 г. даетъ намъ понятіе о размѣрахъ миссіонерской дѣятельности францисканцевъ; она адресована къ братьямъ въ земляхъ сарацинъ, язычниковъ, грековъ, болгаръ, куманъ, эѳіоповъ, сирійцевъ, иберійцевъ, аланъ, катаровъ, готовъ, зихоровъ, руссовъ, якобитовъ, нубійцевъ, несторіанъ, грузинъ, армянъ, индійцевъ, московитовъ, татаръ, мадьяръ, а также къ миссіонерамъ среди христіанъ, плѣненныхъ турками. Какимъ бы страшнымъ съ географической точки зрѣнія ни казался этотъ перечень, онъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ широко распространялась дѣятельность энергичныхъ и самоотверженныхъ братьевъ. Среди татаръ успѣхи ихъ были вначалѣ очень значительны, самъ великій ханъ принялъ крещеніе, а общее число обращенныхъ было такъ велико, что потребовалось назначить епископа, чтобы образовать изъ нихъ общину; но ханъ отступилъ отъ вѣры, миссіонеры были перебиты, и тому же подверглись многіе изъ обращенныхъ. Миссіонерство среди армянъ ознаменовалось обращеніемъ царя Гайка, вступившаго въ орденъ подъ именемъ брата Іоанна. Это не былъ единственный францисканецъ царской крови: св. Людовикъ Тулузскій, сынъ Карла Хромого Неапольскаго и Прованскаго, отказался отъ предложенной ему отцомъ короны, чтобы сдѣлаться францисканцемъ. Быть-можетъ, съ меньшимъ довѣріемъ слѣдуетъ относиться къ разсказу доминиканцевъ о томъ, что восемь миссіонеровъ проникли въ 1316 г. въ имперію владыки Іоанна Абиссинскаго и основали тамъ настолько прочную Церковь, что полвѣка спустя тамъ можно было организовать Инквизицію, во главѣ которой былъ поставленъ братъ Филиппъ, сынъ одного изъ вассальныхъ царьковъ владыки Іоанна. Въ своемъ рвеніи онъ напалъ, вооруженный духовнымъ и мірскимъ оружіемъ, на другого мѣстнаго царька, бывшаго двоеженцемъ, и былъ измѣнически умерщвленъ послѣднимъ 4 ноября 1366 г.; его мученическая смерть и его святость были засвидѣтельствованы многочисленными чудесами. Съ чувствомъ законной гордости вспоминаютъ францисканцы, что члены ихъ ордена сопровождали Христофора Колумба въ его второмъ путешествіи, горя нетерпѣніемъ начать духовное завоеваніе Новаго Свѣта [1]).

---

[1]) Bonavent. «Vita S. Francisci», c. 9.—Lacordaire, «Vie de S. Dominique», 182—8.—Potthast. «Regest.» № 7249, 7490, 7537, 7550, 9130, 9139, 9141, 10350, 10383, 10421, 11297.—Raynald. «Annal.» ann. 1233, № 22, 23; ann. 1237, № 88.—Hist. Ordin. Praedic. c. 8 (Martène, «Ampl. Coll.»

Библиотека "Руниверс"

Но насъ занимаетъ другое спеціальное поле дѣятельности нищенствующихъ; это—обращеніе и преслѣдованіе еретиковъ, Инквизиція, которую они сдѣлали своимъ орудіемъ. Она должна была неизбѣжно попасть въ ихъ руки, какъ только безсиліе старыхъ духовныхъ судовъ сдѣлало необходимымъ созданіе новаго учрежденія. Открыть еретика и доказать его вину было нелегко; для этого нужно было имѣть спеціальную подготовку, именно ту самую, которую старались дать своимъ адептамъ ордены, подготовляя ихъ къ дѣятельности проповѣдниковъ и исповѣдниковъ. Не связанные съ мѣстомъ, воины Креста Господня, готовые по первому знаку идти на самый край свѣта, всей душой преданные Святому Престолу, они были незамѣнимыми слугами папской Инквизиціи, которой суждено было постепенно замѣнить собою епископскій судъ и привести въ подчиненіе мѣстныя церкви.

Мнѣніе, что Доминикъ былъ основателемъ Инквизиціи и первымъ генералъ-инквизиторомъ, неразрывно связано съ католической традиціей; его подтвердили всѣ историки ордена и всѣ панегиристы Инквизиціи; оно было санкціонировано Сикстомъ V въ буллѣ Invictarum, а чтобы устранить всякое сомнѣніе, приводятъ буллу Иннокентія III, возлагающую на Доминика обязанности генералъ-инквизитора. Но мы можемъ сказать, что ни одно церковное преданіе не покоится на болѣе шаткомъ основаніи. Несомнѣнно, Доминикъ лучшіе годы своей жизни посвятилъ борьбѣ съ еретиками; вполнѣ достовѣрно также, что онъ, какъ и всѣ остальные ревностные миссіонеры того времени, если не удавалось ему убѣдить еретика, съ радостью являлся у пылающаго костра; но въ этомъ онъ не отличался отъ другихъ фанатиковъ, и онъ не сдѣлалъ никакой особой попытки организовать правильное преслѣдованіе. Впрочемъ, съ 1215 г., когда онъ положилъ первое основаніе своего ордена, онъ исключительно и съ такимъ увлеченіемъ занялся имъ, что отказался отъ своей долго лелѣянной мечты окончить дни свои миссіонеромъ въ Палестинѣ. Мы увидимъ ниже, что только черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти можно говорить о папской Инквизиціи какъ о правильномъ учрежденіи. Видное участіе въ этомъ преемниковъ Франциска объясняетъ возникновеніе связанной съ его именемъ легенды, которой можно придавать такую же вѣру, какъ и другому утвержденію историка ордена, по словамъ котораго болѣе ста тысячъ еретиковъ было обращено ученіемъ, заслугами и чудесами святого [1]).

Не менѣе страдаетъ преувеличеніемъ и легендарнымъ характеромъ утвержденіе, что

VI, 338).—Chron. Magist. Ordin. Praedic. c. 3 («Ibid.» 350–1).—Waddingi «Annall.» ann. 1258, № 1; ann. 1278, № 10, 11, 12; ann. 1284, № 2; ann. 1288, № 3, 36; ann. 1289, № 1; ann. 1294 № 12; ann. 1492, № 2; ann. 1493, № 2—8.—Rodulphii «Hist. Seraph. Relig.» lib. I, fol. 120.—Paramo, «De orig. offic. S. Inquisit.», 238.

Въ 1246 г. Иннокентій IV получилъ крайне любезное письмо отъ Эдесскаго правителя Меликъ-эль-Мансуръ-Нассира, который выражалъ, между прочимъ, сожалѣніе, что незнаніе языковъ помѣшало ему вступить въ богословскій диспутъ съ доминиканцами, присланными для его обращенія.—Berger, «Registres d'Innocent IV», № 3031.

[1]) Campana, «Vita di S. Piero Martire», 257.—Juan de Mata, «Santoral de S. Domingo y S. Francisco», fol. 13.—Zurita, «Añales de Aragon». lib. II, c. 63.– «Ricchinii «Procem. ad Monetam», dissert. I, стр. XXXI.–Paramo «De origin. Offic. S. Inquis». lib. II, tit. II, c. 1.—Pegnae» Comment. in Eymeric.», 461.—Chron. Magist. Ord. Praedic. c. 2 (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 348).–Monteiro, «Historia da S. Inquisição», P. I, liv. I, c. XXV, XLVIII.

Интересно для характеристики болѣе мягкихъ нравовъ XIX в. познакомиться съ работой ученаго и ревностнаго доминиканца Лакордера («Vie de S. Dominique»), вышедшей въ 1842 г. и старающейся доказать, что Доминикъ не былъ причастенъ къ жестокостямъ Инквизиціи; а за сто лѣтъ передъ этимъ не менѣе ученый доминиканецъ Риккини ставилъ въ особую честь святому ея основаніе. Но послѣ Лакордера произошла реакція, и аббатъ Дуэ (Douais) рѣшительно, опираясь на авторитетъ Сикста V, утверждаетъ, что «Св. Доминикъ получилъ отъ папы полномочія основать Инквизицію послѣ 1209 г.» («Sources de l'Histoire de l'Inquisition» въ «Revue des questions historiques», 1 октября 1881 г., стр. 400).

Библиотека "Руниверс"

организація Инквизиціи и ея упрочевіе было дѣломъ одного ордена. Буллы Григорія IX, на которыя ссылаются въ подтвержденіе этого, суть не что иное, какъ частныя посланія папы, адресованныя къ извѣстнымъ доминиканскимъ провинціаламъ; въ этихъ граматахъ папа проситъ ихъ послать хорошо подготовленныхъ братьевъ проповѣдывать противъ ереси, допрашивать еретиковъ и преслѣдовать распространителей ереси. Иногда подобнымъ же образомъ доминиканцамъ поручали вести судебные процессы противъ еретиковъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ; при этомъ папа проситъ епископовъ извинить это вторженіе въ ихъ права, оправдываясь тѣмъ, что братья очень хорошо умѣютъ убѣждать отпавшихъ, и что у епископовъ такъ много разнообразныхъ обязанностей, что имъ некогда обратить все свое вниманіе на это дѣло. Въ сущности Римъ никогда не возлагалъ оффиціально на доминиканцевъ инквизиторскихъ обязанностей; не было также, говоря строго, никакого оффиціальнаго постановленія объ учрежденіи Инквизиціи. Доминиканцы были только наиболѣе подходящимъ и лучше подготовленнымъ орудіемъ для розыска скрывающихся еретиковъ, тѣмъ болѣе, что ихъ главной обязанностью была проповѣдь и обращеніе. Когда же обращеніе отступило на второй планъ, а на первый планъ стало преслѣдованіе, то не менѣе полезными оказались и францисканцы, которые раздѣлили съ доминиканцами сомнительную честь и всѣ труды по организаціи Инквизиціи.

Впрочемъ, всякій разъ, какъ того требовали обстоятельства, не задумывались возлагать инквизиторскія обязанности и на любое духовное лицо. Такъ, напр., уже въ 1258 г. папа назначилъ инквизиторами въ Альби двухъ канониковъ Лодева; ниже мы увидимъ, съ какой дикой энергіей отправлялъ въ концѣ четырнадцатаго вѣка Петръ Целестинскій обязанности папскаго инквизитора отъ береговъ Балтійскаго моря до Штиріи [1]).

Несомнѣнно, что первые инквизиторы, получившіе это имя, были изъ доминиканцевъ. Когда, послѣ заключенія договора между Раймундомъ Тулузскимъ и Людовикомъ Святымъ, серьезно принялись за уничтоженіе альбигойской ереси, то епископскіе суды оказались не въ силахъ выполнить эту задачу, и были посланы доминиканцы, которые должны были работать подъ руководствомъ епископовъ. Понемногу въ руки доминиканцевъ перешло дѣло борьбы съ ересью и на сѣверѣ Франціи. Въ 1232 г. ихъ рекомендовали Таррагонскому архіепископу въ Арагоніи какъ людей, опытныхъ въ дѣлѣ розыска еретиковъ. Формально веденіе разслѣдованій было поручено имъ въ 1249 г. Вскорѣ югъ Франціи былъ раздѣленъ между ними и францисканцами; доминиканцамъ была поручена западная часть, а францисканцамъ—графство Венессенъ, Провансъ, Форкалькье и имперскія земли въ провинціяхъ Арль, Э и Эмбренъ. Въ Италіи, послѣ нѣсколькихъ столкновеній между двумя орденами, Иннокентій IV въ 1254 г. предоставилъ доминиканцамъ Ломбардію, Романью, Тревизо и Геную, а центральная часть полуострова была отдана францисканцамъ; въ Неаполѣ въ это время Инквизиція не была еще введена. Но это распредѣленіе не всегда строго соблюдалося, и мы находимъ иногда францисканскихъ инквизиторовъ въ Миланѣ, Романьи и Тревизѣ. Въ Германіи и въ Австріи, какъ мы увидимъ ниже, Инквизиція никогда не пускала глубоко корней, но, поскольку она была тамъ, она находилась въ рукахъ доминиканцевъ; францисканцы же дѣйствовали только въ Далмаціи и Богеміи [2]).

---

[1]) Gregor. PP. IX Bull. «Ille humani generis», 22 apr., 1233.—Potthast, «Reg.» № 9143, 9152, 9153, 9155, 9386, 9388, 9995, 10362.—Innoc. PP. IV Bull. «Inter alia», 20 oct. 1248 (Baluze et Mansi, I, 208).—Arch. de l'Inquis. de Carcassonne (Coll. Doat, XXXI, fol. 21).—Archives de l'Evêché d'Albi (тамъ же, XXXI, 255).

[2]) Concil. Narbonn. ann. 1235.—Concil. Biterrens. ann. 1233; ann. 1246.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 17, 18.—Martène «Thes.» V, 1806, 1808—10, 1817, 1819—20.—Ripoll. I, 38.—Aguirre, «Concil. Hispan.» VI, 155—6.—Raynald. «Annal.» ann. 1233, № 40, 59 sq.—Waddingi «Annal.» ann. 1246, № 2; ann. 1254, № 7, 8; ann. 1257, № 17; ann. 1259, № 3; ann. 1277, № 10; ann. 1286, № 4; ann. 1288, № 14—16.—Rodulphii «Hist. Seraph. Relig.» lib. I, fol. 126b.—Potthast, «Reg.» № 9386, 9388, 9762, 9766, 9993, 10052, 11245, 15304, 15330, 15069.

Библиотека "Руниверс"

Иногда оба ордена работали совмѣстно. Въ 1237 г. францисканецъ Этьенъ де Сенъ-Тибери былъ присоединенъ къ доминиканцу Гильому Арно въ Тулузѣ, въ надеждѣ, что репутація относительной кротости, которою славились францисканцы, смягчитъ отвращеніе населенія къ новому учрежденію. Въ апрѣлѣ 1238 г. Григорій IX назначилъ провинціаловъ обоихъ орденовъ въ Арагоніи инквизиторами этого королевства; то же и въ томъ же году сдѣлалъ онъ и въ Наваррѣ. Въ 1255 г. францисканскій настоятель Парижа былъ, вмѣстѣ съ доминиканскимъ пріоромъ, поставленъ во главѣ французской инквизиціи; въ 1267 г. оба ордена посылаютъ инквизиторовъ въ Бургундію и Лотарингію; въ 1311 г. два доминиканца и одинъ францисканецъ совмѣстно являются инквизиторами въ Равеннѣ. Но все же казалось болѣе благоразумнымъ строго разграничить юрисдикцію обоихъ орденовъ, чтобы предотвратить страшную вспышку взаимной ненависти, которая росла между ними со дня на день; эта ненависть началась уже давно, и обѣ стороны только искали случая, чтобы удовлетворить ее, не стѣсняясь въ средствахъ, что грозило Церкви крупнымъ скандаломъ и большою опасностью. Такъ, напр., въ 1266 г. горячая ссора возникла между доминиканцами Марселя и францисканцемъ инквизиторомъ этого города. Раздоръ распространился по всему Провансу—въ Форкалькье, Авиньонѣ, Арлѣ, Бокерѣ, Монпелье и Каркассонѣ; повсюду они публично проповѣдывали другъ противъ друга и возводили другъ на друга всевозможныя обвиненія. Многочисленныя посланія Климента IV показываютъ, что папа былъ принужденъ вмѣшаться въ дѣло; онъ запрещаетъ на будущее время инквизиторамъ пользоваться своею властью для взаимныхъ преслѣдованій, хотя бы виновность одной изъ сторонъ и была вполнѣ очевидной; это свидѣтельствуетъ, что во время этой борьбы пользовались всѣми средствами, предоставляемыми Инквизиціей. Но, повидимому, это запрещеніе соблюдалось не особенно строго, такъ какъ два столѣтія спустя, въ 1479 г., Сикстъ IV былъ снова принужденъ запретить инквизиторамъ привлекать къ суду членовъ соперничавшаго съ ними ордена. Какъ ревностно охраняли они границы своихъ территорій, прекрасно видно изъ спора, возникшаго въ 1290 г. по поводу Тревиза. Эта территорія принадлежала доминиканцамъ, но въ теченіе многихъ лѣтъ обязанности инквизитора исполнялъ въ ней францисканецъ Филиппъ Бонаккорсо. Когда въ 1289 г. онъ получилъ епископскую каѳедру въ Трентѣ, доминиканцы, считавшіе, что инквизиторскія обязанности въ Тревизѣ были возложены на нихъ, возмутились, когда ихъ передали опять францисканцу брату Бонаджункта. Ломбардскій инквизиторъ, доминиканецъ братъ Пагано, и его викарій, братъ Вивіано, зашли такъ далеко въ своемъ сопротивленіи, что въ Веронѣ вспыхнули серьезные безпорядки; въ дѣло долженъ былъ вмѣшаться Николай IV, наказавшій виновныхъ лишеніемъ навсегда права отправленія ихъ обязанностей. Еретики, конечно, съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ ихъ преслѣдователи занимались преслѣдованіемъ другъ друга.

Вражда между двумя орденами была настолько сильна, что Климентъ IV счелъ необходимымъ опредѣлить, чтобы между ихъ владѣніями постоянно находилась нейтральная полоса, по крайней мѣрѣ, въ 3000 футовъ; распоряженіе это вызвало цѣлый рядъ всевозможныхъ недоразумѣній. Возникли даже споры о правѣ на мѣсто въ процессіяхъ и при погребеніяхъ, и въ 1423 г. Мартинъ V призналъ это право за доминиканцами. Ниже мы увидимъ, какое важное значеніе имѣла эта непримиримая вражда въ исторіи развитія средневѣковой Церкви [1]).

---

[1]) Mss. Bibl. Nat. «Coll. Doat», XXI, 143; XXXII, 15.—Matt. Paris, «Hist. Angl.» ann. 1243 (стр. 414).—Guill. de Pod. Laur. c. 43.—Raynald. «Annal.» ann. 1238, № 51.—Harduin «Concil.» VII, 1319.—Paramo, «De orig. Inq.» 244.—Waddingi «Annal.» ann. 1238, № 6, 7; ann. 1266, № 8; ann. 1277, № 10; ann. 1291, № 14.—Potthast, «Reg.» № 16132.—Sixti PP. IV Bull. «Sacri Praedicatorum», 26 iulii 1479.—Martène, «Thes.» II, 346, 353, 359, 451.—Ripoll. II, 82, 164, 617, 695.

Безпорядки въ Марселѣ показываютъ, какимъ покровительствомъ пользовались всегда

Библиотека "Руниверс"

Мы показали, что въ обществѣ XIII вѣка, поглощенномъ своими личными дѣлами, не было силы болѣе дѣятельной, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ отношеніи, чѣмъ нищенствующіе ордены. Но въ общемъ они, быть-можетъ, принесли добро тѣмъ, что безспорно отсрочили взрывъ революціи, къ которой Европа не была еще подготовлена. Хотя ихъ первоначальное самоотреченіе и было добродѣтелью весьма рѣдкою и весьма хрупкою и не могло долго оставаться въ своей чистотѣ и неприкосновенности, но все же, несмотря на то, что нищенствующіе монахи быстро спустились до уровня окружавшаго ихъ общества, смѣло можно сказать, что труды ихъ и ихъ старанія не пропали даромъ. Они напомнили людямъ нѣкоторыя забытыя ими евангельскія истины и научили ихъ понимать свои обязанности въ отношеніи своихъ ближнихъ. Легендарное преданіе того и другого ордена показываетъ, до какой степени они цѣнили и прославляли свои собственныя заслуги. Пока, гласитъ это преданіе, святой Доминикъ и святой Францискъ ожидали еще апробаціи Иннокентія III, одному святому человѣку было видѣніе, что Спаситель размахиваетъ тремя стрѣлами, желая разрушить міръ. На вопросъ Святой Дѣвы, зачѣмъ Онъ желаетъ сдѣлать это, Онъ отвѣтилъ: «Міръ полонъ гордости, алчности и сладострастія; Я очень долго терпѣлъ, теперь же хочу разрушить его этими стрѣлами». Святая Дѣва пала на колѣни и просила Его за людей; но мольбы Ея оставались тщетными, пока Она не открыла Своему Сыну, что у Нея есть два вѣрныхъ служителя, и что они научатъ міръ Его закону. Тогда Христосъ пожелалъ увидѣть этихъ двухъ поборниковъ вѣры, и Она показала Ему Доминика и Франциска, и гнѣвъ Его улегся.

Благочестивый авторъ этого разсказа не предвидѣлъ, конечно, что въ 1627 г. Урбанъ VIII будетъ вынужденъ лишить нищенствующихъ монаховъ Кордовы ихъ неприкосновенности и подчинить ихъ суду епископовъ, въ надеждѣ помѣшать этимъ соблазнять имъ своихъ духовныхъ дочерей, злоупотребляя таинствомъ покаянія [1]).

ГЛАВА VII.

Установленіе Инквизиціи.

Постепенная организація Инквизиціи была естественнымъ результатомъ эволюціи соціальныхъ силъ, дѣйствіе которыхъ мы только-что разсмотрѣли. Альбигойскіе крестовые походы положили конецъ открытому сопротивленію, но число еретиковъ не уменьшалось, только было труднѣе обнаруживать ихъ, такъ какъ они стали тщательнѣе скрываться. Торжество грубой силы увеличило отвѣтственность Церкви, въ то время какъ ея безсиліе обнаружилось въ чрезвычайномъ распространеніи ереси въ теченіе XII вѣка. Мы уже

нищенствующіе монахи. Два духовныхъ лица, давшія по наущенію доминиканцевъ ложную присягу противъ инквизитора, были приговорены къ пожизненному тюремному заключенію, лишенію сана и бенефицій; епископъ, принявшій ихъ присягу, былъ временно отстраненъ отъ исполненія своихъ обязанностей и лишенъ права суда; но братья, подкупившіе ихъ дать ложныя показанія, были признаны невиновными, принесли унизительныя извиненія и были отправлены въ другую провинцію (Martène, l. c.).

Былъ поднятъ вопросъ о томъ, кто былъ братъ Филиппо Бонаккорсо, доминиканецъ или францисканецъ? Wadding (l. c.) приводитъ буллу отъ 1277 г., гдѣ онъ названъ францисканцемъ; но другая булла (Coll. Doat. XXXII, fol. 155) выставляетъ его доминиканцемъ.

[1]) Anon. Cartus. «de Relig.Orig.», c. 309 (Martène, «Ampl. Coll.» VI, 68).—Lib. Conformitatum, lib. I, fruct. II. fol. 16 b.—Mss. Bibl. Bodleian. Arch. S. 130.

Библиотека "Руниверс"

Осужденный въ „санбенито“.

(„Евр. Энциклопедія“).

Знамя Инквизиціи.

(„Евр. Энциклопедія“).

Инквизиціонная процессія.

(„Евр. Энциклопедія“).

Библиотека "Руниверс"

видѣли, какъ неумѣло мѣстные прелаты пытались отвѣтить на новые запросы, обращенные къ ихъ ревности. Въ принципѣ, разъ есть основаніе предполагать скрытое преступленіе, въ процессѣ имѣется три опредѣленныхъ момента: обнаруженіе виновнаго, доказательство его виновности и, наконецъ, его наказаніе. Труднѣе всего было раскрыть и доказать преступленіе ереси, и когда развитіе ея принимало угрожающіе размѣры, то тѣ духовныя лица, которымъ слѣдовало подавить ее, должны были провести дѣло черезъ эти три неизбѣжныя ступени.

Епископы, погруженные, по большей части, въ свои мірскіе интересы, ожидали, пока народная молва не указывала имъ на отдѣльнаго человѣка или на цѣлую группу людей, какъ на зараженныхъ ересью. Когда виновность подозрѣваемаго лица была выяснена, то рѣдко находили внѣшнія доказательства его вины, ибо, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ многочисленность отпавшихъ дѣлала невозможнымъ примѣненіе репрессій, сектанты всюду очень старательно исполняли всѣ обряды религіи; съ другой стороны, духовенство, мало свѣдущее въ богословіи, обыкновенно было не въ состояніи добиться признанія у людей, привыкшихъ къ размышленію и болѣе развитыхъ, чѣмъ оно.

Къ счастью, пытка еще не примѣнялась въ судебной практикѣ; но дикое примѣненіе ордалій, къ которымъ такъ часто прибѣгали, показываетъ, насколько духовенство чувствовало себя безсильнымъ передъ лицомъ своихъ новыхъ обязанностей. Даже самъ св. Бернаръ одобрилъ эту мѣру, а Реймскій соборъ 1157 г. узаконилъ примѣненіе ея въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подозрѣвалась ересь. Отдѣльные, болѣе просвѣщенные отцы Церкви относились къ ней скептически, и Петръ Канторъ приводитъ много примѣровъ въ доказательство ея несправедливости. Одна бѣдная женщина, обвиненная въ катаризмѣ, была лишена пищи, пока на исповѣди у декана она не убѣдила его въ своей невинности и не получила отъ него совѣта подвергнуться испытанію раскаленнымъ желѣзомъ, но она выиграла только то, что подвергла себя дважды дѣйствію огня: сначала раскаленнаго желѣза, а потомъ костра. Тому же Суду Божьему былъ подвергнутъ собраніемъ епископовъ одинъ добрый католикъ, навлекшій на себя подозрѣніе своею бѣдностью и блѣдностью; онъ отказался отъ испытанія, настаивая, чтобы епископы доказали ему, что человѣкъ, искушая Бога, не совершаетъ смертнаго грѣха. Это желаніе несчастнаго было принято какъ непреложное доказательство его принадлежности къ ереси, и онъ безъ долгихъ околичностей былъ переданъ въ руки свѣтскихъ властей и сожженъ живымъ. Но мало-по-малу, благодаря знакомству съ римскимъ правомъ, этотъ судебный пріемъ потерялъ уваженіе въ глазахъ Церкви; Иннокентій III оффиціально запретилъ его въ 1212 г., когда епископъ страсбургскій, Генрихъ Веринген, примѣнилъ его, чтобы уличить огромное число еретиковъ. Латеранскій соборъ 1215 г., слѣдуя примѣру Александра III и Луція III, запретилъ лицамъ духовнаго званія участвовать въ какомъ-либо Божьемъ Судѣ. Невѣжественные прелаты были поставлены въ крайнее затрудненіе: какъ же узнать правду, не прибѣгая къ Суду Божьему? Въ 1170 г. Безансонскій епископъ далъ характерный примѣръ того, какъ современная ему юрисдикція пользовалась одновременно силами и Неба и Ада. Въ его епархіи проявилось нѣсколько еретиковъ, творившихъ чудеса. Онъ, какъ говорятъ, былъ человѣкъ образованный, но, тѣмъ не менѣе, чтобы разсѣять свои сомнѣнія относительно пришельцевъ — святые они или еретики — обратился къ одному духовному лицу, очень свѣдущему въ некромантіи, и поручилъ ему узнать истину отъ Сатаны. Хитрый духовный сумѣлъ обмануть чорта и добиться отъ него чистосердечнаго признанія, и, такимъ образомъ, онъ узналъ, что пришельцы были его слугами. Тотчасъ у нихъ отобрали помогавшіе имъ амулеты, и народъ, сначала стоявшій за нихъ, безъ всякой жалости бросилъ ихъ въ огонь [1]).

[1]) S. Bern., «Serm.» LXVI in Cantic. c. 12.—Hist. Vizeliacens. lib. IV.—Concil. Remens, ann. 1137, c. 1.—Caesar. Heisterb. «Dial. Mirac.» III, 16, 17; V, 18.—Guibert. Noviogent. «de.

Библиотека "Руниверс"

Когда не прибѣгали къ сверхъестественнымъ способамъ раскрытія истины, то судопроизводство было черезчуръ сложно, чтобы дать дѣйствительный результатъ, въ виду того, что зло было сильно распространено, и виновныхъ было очень много. Въ 1204 г. реймскій архіепископъ Ги для суда надъ нѣсколькими открытыми въ Ренне еретиками призвалъ графа Роберта, двоюроднаго брата Филиппа-Августа, графиню Іоланду и много другихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; всѣ несчастные были приговорены къ сожженію. Въ 1211 г., когда неверскій епископъ Гуго обвинилъ въ катаризмѣ рыцаря Эверара де Шатонефъ, легатъ Октавіанъ собралъ для суда надъ нимъ въ Парижѣ архіепископовъ, епископовъ и профессоровъ университета, которые и вынесли обвинительный приговоръ. Все это еще осложнялось высшимъ и всемірнымъ судомъ Рима, который давалъ людямъ богатымъ и ловкимъ возможность безконечно затягивать дѣло и часто жить безнаказанно. Такъ, напр., въ 1211 г. одинъ канонникъ изъ Лангра, обвиненный въ ереси, былъ призванъ мѣстнымъ епископомъ на собраніе богослововъ, чтобы они испытали его. Хотя съ него взяли клятву, что онъ явится, и хотя онъ далъ даже ручательство въ этомъ, онъ не явился и былъ осужденъ заочно послѣ трехъ дней ожиданія. Вдругъ онъ явился въ Римъ и заявилъ папѣ Иннокентію, что его заставили поклясться и представить поручителей уже послѣ того, какъ онъ обратился къ суду Святого Престола. Папа отослалъ его къ Санскому архіепископу, къ Неверскому епископу и къ магистру Роберту де Корзонъ, которые должны были испытать его католичество. Черезъ два года, въ 1213 г., мы снова находимъ его въ Римѣ, причемъ онъ объяснялъ, что въ назначенный часъ онъ побоялся явиться передъ судьями, такъ какъ народъ былъ настолько возбужденъ противъ еретиковъ, что сжигалъ не только виновныхъ, но и подозрѣваемыхъ. Онъ просилъ защиты папы и права подвергнуться purgatio canonica въ Римѣ. Иннокентій снова отправилъ его обратно, предписавъ прелатамъ дать ему охранный листъ и заботиться о его безопасности до тѣхъ поръ, пока не будетъ разсмотрѣно его дѣло. Не представляетъ особаго интереса узнать, былъ ли онъ виновенъ или невиненъ, былъ ли онъ осужденъ или оправданъ, но случай съ нимъ прекрасно показываетъ, что практиковавшаяся тогда система мѣшала дѣйствительному подавленію ереси [1]).

Даже тогда, когда удавалось установить виновность, скала наказаній представляла ту же неопредѣленность. По дѣлу катаровъ, которые въ 1144 г. сознались въ своихъ убѣжденіяхъ въ Льежѣ, и которыхъ съ трудомъ удалось спасти отъ ярости толпы, духовныя власти обратились къ Луцію III съ вопросомъ, какъ поступить съ виновными? Подозрѣваемые въ ереси, схваченные въ 1162 г. во Фландріи, были отосланы на судъ Александра III, бывшаго тогда во Франціи; но папа отослалъ ихъ къ Реймскому архіепископу. Гильомъ, аббатъ Везелэ, пользовался правомъ неограниченнаго суда; однако, въ 1167 г., имѣя въ своихъ рукахъ нѣсколько еретиковъ, которые признались въ ереси, онъ встрѣтилъ такія затрудненія, что обратился къ собравшейся толпѣ съ вопросомъ, какое наказаніе наложить на виновныхъ? Единодушный крикъ: «Сожги ихъ!» былъ ему отвѣтомъ, и это рѣшеніе было тотчасъ же приведено въ исполненіе; одинъ изъ несчастныхъ отрекся отъ своихъ заблужденій и былъ подвергнутъ испытанію водою, которое было для него неблагопріятно; послѣ чего, несмотря на громкіе крики народа, требовавшаго, чтобы его сожгли, онъ былъ публично наказанъ кнутомъ и изгнанъ. Въ 1114 г. Реймскій епископъ, обнаруживъ нѣсколько еретиковъ при помощи испытанія водой, отправился на соборъ въ Бове, чтобы выяснить, какому наказанію слѣдуетъ ихъ подвергнуть; во время его отсутствія народъ, боясь, что епископы помилуютъ ихъ, разбилъ тюрьму и сжегъ узниковъ [2]).

---

vita sua» lib. III, c. 18.—Pet. Cantor. «Verb. abbrev.» c. 78.—Innoc. PP. III «Reg.» XIV, 138.—Alex. PP. III «Epist.» 74.—C. 8. Extra V. XXXIV.—Conc. Lateran. IV, c. 18.

[1]) Chron. Laudunens. Canon. ann. 1204 (D. Bouquet, XVIII, 713).—Chronolog. Roberti Autissiodor. ann. 1201.—Innoc. PP. III «Reg.» XIV, 15; XVI, 17.

[2]) Martène, «Ampl. Coll.» I, 776—8.—Alex. PP. III, «Epist.» 118, 122; Varior. ad Alex. III, «Epist.» 16.—Hist. Vizeliacens. lib. IV. Guibert. Naviogent., l. c.

Библиотека "Руниверс"

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы Церковь совершенно не располагала средствами для подавленія ереси, которое она считала одной изъ своихъ обязанностей. Въ началѣ карловингскаго возрожденія предписанія папы Захаріи св. Бонифацію показываютъ, что единственное судопроизводство, допускаемое въ то время, состояло въ томъ, что созывался соборъ, и виновный отсылался въ Римъ, чтобы тамъ его судили уже окончательно. Просвѣтительная политика Карла Великаго примѣнила всѣ судебные пріемы, которые могли бы поддержать въ имперіи порядокъ и безопасность; въ его правительственной системѣ епископамъ было дано видное мѣсто. Имъ было поручено строго возбранять, совмѣстно съ свѣтскими чиновниками, всѣ суевѣрія и пережитки язычества, постоянно объѣзжать свои епархіи, производя разслѣдованія по всѣмъ преступленіямъ, оскорбляющимъ Бога; такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ сосредоточилась значительная часть судебной власти, хотя они постоянно оставались въ этомъ отношеніи въ зависимости отъ государства. Во время волненій, которыя сопровождали распаденіе имперіи, когда феодальная система развивалась на развалинахъ монархіи, епископы мало-по-малу освободились отъ всякой зависимости отъ короны и, кромѣ того, пріобрѣли широкія права и огромную власть въ предѣлахъ каноническаго права, считавшагося тогда выше гражданскаго или муниципальнаго закона. Такимъ образомъ, образовались духовные суды, которые были въ каждой епископіи и которые пользовались исключительною судебной властью въ области, постоянно расширявшейся. Естественно, заблужденія въ дѣлѣ вѣры подлежали ихъ вѣдѣнію и могли быть судимы только ими [1]).

Устройство и функціонированіе этихъ судовъ получили сильный толчокъ благодаря изученію римскаго права со второй половины XII вѣка. Знаніе составляло такую исключительную привилегію духовенства, что вначалѣ было очень мало людей не-духовнаго званія, которые были бы способны проникнуть въ тайны Кодекса и Дигестъ. Еще во второй половинѣ XIII в. Рожеръ Бекон жалуется, что гражданскій адвокатъ, даже совершенно незнакомый съ каноническимъ правомъ и богословіемъ, имѣлъ гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ богословъ; и онъ съ горечью восклицаетъ, что Церковь управляется адвокатами къ великому ущербу христіанскаго міра. Такимъ образомъ, еще задолго до того, какъ феодальные и сеньоріальные суды испытали на себѣ вліяніе римскаго права, оно глубоко видоизмѣнило принципы и пріемы духовнаго судопроизводства. Старый архидіаконъ уступилъ свое мѣсто, не безъ проклятій, епископскому судьѣ, извѣстному подъ именемъ консисторскаго или ординарнаго, который обыкновенно былъ докторомъ utriusque juris, права каноническаго и права гражданскаго; результаты этой перемѣны сказались скоро, и духовное судопроизводство стало значительно выше грубаго феодальнаго и обычнаго права. Кромѣ того, скоро около этихъ епископскихъ судовъ съютилось множество адвокатовъ изъ лицъ духовнаго званія, которые зачастую были менѣе скромны, чѣмъ рьяны по отношенію къ своимъ кліентамъ; въ ихъ лицѣ средніе вѣка впервые ознакомились съ представителями сословія присяжныхъ повѣренныхъ [2]).

По примѣру гражданскаго процесса, процессъ уголовный заключалъ въ себѣ три момента дѣйствія: accusatio, denunciatio, inquisitio. Въ accusatio выступалъ обвини-

---

[1]) Hartzheim, «Concil. German.» I, 76, 85—6.—Capit. Car. Mag. ann. 769, c. 6; capit. II, ann. 813, c. 1.—Gratiani «Decret.» P. I, dist. X.—Въ другомъ мѣстѣ я показалъ, какъ благодаря Лже-Декреталіямъ развивалась духовная юрисдикція Церкви во время анархіи, которою отмѣченъ конецъ имперіи карловинговъ. См. Lea, «Studies in Church History», 2-е изд., стр. 81—7, 326—339.

[2]) S. Bernardi «de Consideratione», lib. I c. 4.—Rogeri Bacon «Op. Tert.» c. XXIV.—Pet. Blesens. «Epist.» 202.—Concil. Rotomag. ann. 1231, c. 48.—Относительно того, какъ быстро приняла Церковь римское право, см. собраніе декреталій Александра III, «post. Concil. Lateran.».

Библиотека "Руниверс"

тель, который несъ на себѣ оффиціальную отвѣтственность и подвергался въ случаѣ неуспѣха talio. Denunciatio была оффиціальнымъ дѣломъ государственнаго чиновника, какъ, напр., testis synodalis или архидіаконъ, который созывалъ судъ и просилъ его разобрать дѣло противъ обнаруженныхъ имъ виновныхъ сообразно съ долгомъ, налагаемымъ на него его служебными обязанностями. Въ inquisitio консисторскій судья вызывалъ на судъ подозрѣваемое лицо, подвергая его, въ случаѣ надобности, предварительному заключенію; обвиненіе, или capitula inquisitionis, предъявлялось ему, и его допрашивали по этому поводу съ тѣмъ ограниченіемъ, что ничто, непричастное обвиненію не могло быть введено въ него позднѣе для увеличенія его вины. Если обвиняемый не признавался въ своемъ преступленіи, судья приступалъ къ допросу свидѣтелей, и хотя ихъ допрашивали въ отсутствіи обвиняемаго, тѣмъ не менѣе, ему сообщали ихъ имена и ихъ показанія; онъ, въ свою очередь, могъ вызвать своихъ свидѣтелей, и его адвокатъ могъ свободно защищать его всѣми средствами, включая сюда аргументы, возраженія и апелляціи. Наконецъ, судья выносилъ свое рѣшеніе; если виновность была сомнительна, онъ приговаривалъ къ purgatio canonica, т.-е. къ присягѣ въ подтвержденіе невиновности, приносимой вмѣстѣ съ обвинителемъ опредѣленнымъ числомъ лицъ, равныхъ ему по положенію, число которыхъ опредѣлялось сообразно съ характеромъ и тяжестью преступленія. Когда осужденіе было установлено слѣдственнымъ процессомъ, то наказаніе было всегда болѣе легкое, чѣмъ въ случаѣ обвиненія или доноса. Не видѣли опасности въ судопроизводствѣ, въ которомъ судья былъ въ то же время и обвинителемъ; вообще человѣкъ долженъ былъ считаться виновнымъ, пока судья не могъ разслѣдовать его дѣла, и было недостаточно, если его виновность подтверждалась небольшимъ числомъ лицъ или его личными врагами, или людьми, недостойными довѣрія. Важно вспомнить эти справедливыя правила епископской юрисдикціи въ то время, когда мы подходимъ къ изученію новыхъ методовъ, которые Инквизиція не побоялась установить на подобномъ фундаментѣ [1]).

Въ теоріи существовала также общая система розыска или постояннаго слѣдствія для раскрытія всякихъ преступленій, въ томъ числѣ и ереси. Такъ какъ примѣненіе этой системы породило инквизицію, то намъ слѣдуетъ остановиться на ней. Идея правильнаго розыска нарушителей закона была свойственна какъ гражданскому, такъ и каноническому суду. Хотя въ римскомъ правѣ и не существовало должности государственнаго прокурора, но проконсулъ долженъ былъ разыскивать виновныхъ и наказывать ихъ; въ 202 г. Септимій Северъ выдѣлилъ преслѣдованіе христіанъ изъ этого оффиціальнаго розыска. Missi Dominici Карла Великаго были чиновниками, обязанными объѣзжать имперію, собирая справки о всѣхъ случаяхъ безпорядка, преступленія, несправедливости, и они имѣли право суда какъ надъ мірянами, такъ и надъ духовными. Принимая жалобы и обвиненія, они имѣли четыре засѣданія въ годъ и имѣли право оправдывать и наказывать всѣхъ безъ различія положенія. Этотъ институтъ сохранялся наслѣдниками Карла Великаго до тѣхъ поръ, пока стоялъ твердо авторитетъ императорской власти; послѣ капетингской революціи, какъ только династія стала располагать правомъ суда за узкими предѣлами своего феодальнаго владѣнія, она приняла аналогичную систему inquisitorum, которые должны были контролировать дѣйствія чиновниковъ и наблюдать за исполненіемъ законовъ. Та же идея сказалась въ разъѣздныхъ судьяхъ Англіи — самое позднее съ 1166 г., съ эпохи Кларендонскихъ Засѣданій; слѣдствія, къ которымъ приступали въ эту эпоху противъ тѣхъ, кто казался подозрительнымъ въ глазахъ населенія, породили систему Grand Jury, прототипъ папской Инквизиціи въ первоначальномъ ея видѣ. Тѣ «инквизиторы и разслѣдователи», которыхъ мы находимъ въ 1228 г. въ Веронѣ, и которыхъ государство

[1]) Fouraier, «Les officialités du moyen-âge», Парижъ, 1850; стр. 256 и сл., 273—'.—Cap. 19, 21, §§ 1, 2, Extra V. 1.

Библиотека "Руниверс"

употребляло для раскрытія и наказанія богохульниковъ, имѣли тотъ же характеръ. Еще болѣе полную аналогію мы находимъ въ сардинскихъ Jurados XIV в., какъ назывались въ каждомъ округѣ избранные и принесшіе присягу жители, обязанные развѣдывать о преступленіяхъ, находить виновныхъ и представлять ихъ на судъ [1]).

Церковь, вполнѣ естественно, усвоила эту систему. Мы только-что видѣли, что Карлъ Великій приказывалъ епископамъ старательно объѣзжать ихъ епархіи, разыскивая преступленія; по мѣрѣ роста компетенціи духовныхъ судовъ, увеличивалась эта слѣдственная обязанность и, по крайней мѣрѣ, номинально, получила правильное устройство. Уже съ начала X вѣка мы видимъ практику (ложно приписываемую папѣ Евтихіану), которой позднѣе подражала Инквизиція. Когда прибывалъ въ приходъ епископъ, то все населеніе должно было собраться на мѣстный приходскій сходъ; тогда онъ избиралъ изъ числа людей зрѣлаго возраста и завѣдомой честности нѣсколькихъ, которые на святыхъ мощахъ давали клятву открыть безъ страха и лицепріятія все, что они знали или могли узнать впослѣдствіи, касающееся преступленій или злодѣяній, требующихъ слѣдствія. Эти testes synodales стали правильно функціонирующимъ институтомъ Церкви — по крайней мѣрѣ, въ теоріи,—и былъ составленъ длинный вопросный листъ для руководства епископовъ при ихъ выборѣ, чтобы никакое отступленіе не могло ускользнуть отъ проницательности Инквизиціи. Но эти благоразумныя и хорошо обдуманныя мѣры оставались благодаря небрежности епископовъ мертвою буквою. Когда Линкольнскій реформаторъ, епископъ Робертъ Гростестъ, въ 1246 г., по наущенію францисканцевъ, приказалъ произвести общее разслѣдованіе относительно нравственности жителей его епархіи, то эффектъ былъ неожиданный, такъ какъ ясно обнаружилось, насколько забыли о самомъ институтѣ. Архидіаконы и деканы созвали дворянъ и простолюдиновъ и испытывали ихъ подъ присягой согласно съ каноническими предписаніями; но эта процедура породила такіе соблазны, что король Генрихъ III былъ вынужденъ вмѣшаться и приказать своимъ бальи прекратить ее [2]).

Такимъ образомъ, Церковь на бумагѣ обладала хорошо составленной организаціей для раскрытія и испытанія еретиковъ. Ей не хватало только способныхъ исполнителей; и успѣхи ереси до эпохи альбигойскихъ крестовыхъ походовъ показываютъ, до чего епископы, поглощенные заботой объ увеличеніи своихъ доходовъ, оставляли въ небреженіи свои прямыя обязанности. Тщетно цѣлый рядъ папъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, дѣлали попытки возбудить ихъ ревность по мѣрѣ того, какъ росла смѣлость еретиковъ. Отъ имени собранія прелатовъ, которые въ 1184 г. присутствовали въ Веронѣ при совѣщаніи Луція III и Фридриха Барбароссы, папа, уступая настояніямъ императора и съ одобренія епископовъ, издалъ декреталій, и если бы онъ исполнялся точно, то онъ повлекъ бы за

---

[1]) Fr. 13, Dig. I (Ulpian). Allard, «Hist. des persécutions» Парижъ, 1885; стр. III.—Capit. Car. Mag. I. ann. 802; III. ann. 810; III. ann. 812.—Capit. Ludov. Pii V. VI. ann. 819; ann. 823. c. 28; Capit. Wormatiens. ann 829.—Caroli Calvi Capit apud. Carisiacum ann. 857; Edict. Pistens. ann. 864.—Carolomanni Capit. ann. 884.—Guill. Nangiac. Gest. S. Ludov. ann. 1255 (D. Bouquet. XX, 394, 400).—Du Cange, s. v. «Inquisitores».—Les. Olim. T. III, 169, 181, 211, 231, 358, 471, 501, 522, 529, 616.—Assisae de Clarendon, § 1 (Stubbs' «Select. Charters», 137; ср. стр. 25.—Stubbs' «Constitutional. History», I, 99—100, 313, 530, 695—6.—Lib. Juris Civilis Veronae c. 171 (изд. 1728 г., стр. 130).—Carta de Logu, cap. XVI (изд. 1805 г., стр. 30—2).

[2]) Reginon. «de Eccles. discip.» lib. II, c. 1—3.—Burchardi «Decret.» lib. I, c. 91—4.—Gratiani «Decret.» P. II, c. XXXV. Q. VI, c. 7.—C. 7, Extra II, XXI.—Matt. Paris, ann. 1246 (изд. 1644 г., стр. 480).

О продолжительныхъ и безплодныхъ усиліяхъ Церкви провести систему testes synodales см. Бенедикта XIV «de Synodo dioecesana» lib. IV, cap. III. Еще въ 1590 г. С. Торрибо старался опредѣлить ихъ обязанности на своихъ епархіальныхъ синодахъ Лима (Haroldus, «Lima Limata», Roma. 1673, стр. 290).

Библиотека "Руниверс"

собой учрежденіе епископской, а не папской инквизиціи. Кромѣ обязательной для всѣхъ суверенов присяги помогать Церкви въ преслѣдованіи ереси, было приказано всѣмъ архіепископамъ и епископамъ посѣщать—лично или черезъ своихъ архидіаконовъ или другихъ духовныхъ лицъ—разъ или два въ годъ всѣ тѣ приходы, гдѣ было малѣйшее подозрѣніе въ существованіи ереси; они должны были заставить дать клятву двухъ или трехъ людей хорошей репутаціи, или, въ случаѣ надобности всѣхъ жителей, что они выдадутъ всякаго подозрѣваемаго въ ереси или принадлежащаго къ тайному обществу, или живущаго иначе, чѣмъ большинство вѣрныхъ. Прелатъ долженъ былъ призвать къ себѣ указанныхъ ему такимъ образомъ людей и, если они не могли оправдаться, наказать ихъ по своему усмотрѣнію. Равнымъ образомъ всѣ тѣ, кто откажется дать присягу вслѣдствіе излишней щепетильности, должны быть осуждены ipso facto и наказаны какъ еретики. Упорствующіе еретики, отказывающіеся отречься и вернуться въ лоно Церкви послѣ должной епитиміи, а также тѣ, которые снова впадутъ въ заблужденіе послѣ того, какъ отрекутся отъ него, должны быть переданы въ руки свѣтской власти, чтобы получить заслуженное ими наказаніе. Во всемъ этомъ не было ничего новаго; хотѣли лишь воскресить существующія учрежденія и сдѣлать попытку напомнить епископамъ объ ихъ обязанностяхъ. Но важный шагъ былъ сдѣланъ, когда папа въ отношеніи ереси отмѣнилъ всѣ изъятія отъ епископскаго суда и подчинилъ епископамъ привилегированные монашескіе ордены, которые зависѣли непосредственно отъ Рима. Кромѣ того, покровители ереси были объявлены неправоспособными быть адвокатами или свидѣтелями, равно какъ отправлять какую-либо общественную должность [1]).

Мы уже видѣли, что это усиліе совершенно разбилось о бездѣятельность епископовъ. Но дѣло обстояло такъ, что, въ виду общаго индифферентизма свѣтскихъ властей, даже и рвеніе ихъ осталось бы безъ всякаго результата. Когда епископъ изъ Кастеляно писалъ Луцію III, что катары многихъ совращали въ Венеціи, и спрашивалъ его инструкцій, то папа ограничился тѣмъ, что посовѣтовалъ ему накладывать епитиміи на тѣхъ, кого онъ могъ бы возсоединить съ Церковью, и брать съ нихъ письменное обязательство, что въ случаѣ ихъ новаго отпаденія имущество ихъ будетъ подвергнуто конфискаціи. Что касается упорствующихъ, то онъ долженъ публично отлучить ихъ и постараться убѣдить дожа и народъ не посѣщать ихъ, преслѣдовать ихъ и раздѣлить ихъ имущество между вѣрными. Но всего этого было мало для возбужденія епископовъ; оружіе ржавѣло въ ихъ лѣнивыхъ рукахъ, и число еретиковъ росло и множилось, такъ что, въ концѣ концовъ, Римъ былъ вынужденъ, чтобы не потерять своей власти, призвать вѣрныхъ къ оружію. Но онъ понялъ, что грубой побѣды мало, если онъ въ то же время не организуетъ преслѣдованія на новыхъ принципахъ. Въ то время какъ Монфоръ и его банды угрожали еретикамъ, въ Авиньонѣ собрался въ 1209 г. соборъ подъ предсѣдательствомъ папскаго легата Гуго и принялъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя, въ сущности, суть не что иное, какъ подтвержденіе тѣхъ мѣръ, которыя предписалъ за двадцать-пять лѣтъ передъ этимъ папа Луцій III. Существенное измѣненіе заключалось въ томъ, что допускалось вмѣшательство священниковъ, которые въ каждомъ приходѣ должны были быть присоединяемы къ мірянамъ, testes synodales, или къ мѣстнымъ разслѣдователямъ ереси. Эта система, утвержденная въ 1215 г. соборомъ въ Монпелье, вызвала многочисленныя преслѣдованія и сооруженія многихъ костровъ. Когда въ 1215 г. собрался Латеранскій соборъ, чтобы утвердить, повидимому, обезпеченныя за Церковью побѣды, инструкціи Луція III были подтверждены въ томъ же смыслѣ. Надѣялись обезпечить ихъ точное исполненіе, рѣшивъ, что всѣ епископы, которые будутъ небрежно исполнять свои обязанности въ этомъ отношеніи, будутъ смѣщены и замѣщены другими, болѣе способными бороться противъ ереси [2]).

[1]) Lucii PP. III «Epist.» 171.

[2]) Concil. Avenionens. ann. 1209, c. 2.—Concil. Monspessul. ann. 1215, c. 46.—Collect. Lip-

Библиотека "Руниверс"

Эта угроза высшаго въ христіанскомъ мірѣ собора не оказала желательнаго дѣйствія. Правда, то тамъ, то сямъ появлялись фанатики въ родѣ Фулька Тулузскаго или Генриха Страсбургскаго, которые всѣ свои силы клали на подавленіе ереси, но большинство прелатовъ оставалось небрежнымъ, какъ и прежде, и мы не находимъ слѣда, чтобы постарались Инквизицію изъ теоріи перевести на практику. Нарбоннскій соборъ 1227 г. предписалъ всѣмъ епископамъ назначить въ каждой епархіи testes synodales, чтобы разыскивать еретиковъ и другихъ отпавшихъ и доносить о нихъ епископскимъ чиновникамъ; но прелаты собора, удовлетворившись этимъ проявленіемъ энергіи, разошлись по домамъ и предоставили вещи ихъ естественному ходу. Мы и безъ свидѣтельства современника Луки Тюи знаемъ, что большинство епископовъ относилось безразлично къ ереси, а другіе обращали ее въ источникъ доходовъ. Когда ихъ упрекали въ бездѣятельности, они отвѣчали: «Какъ осуждать людей, которые не уличены въ преступленіи и не признаются въ немъ»? Не болѣе успѣха имѣлъ соборъ въ Безье 1234 г., когда онъ приказалъ приходскимъ священникамъ составлять списки подозрѣваемыхъ и строго наблюдать за ними [1]). Апатію свѣтскаго духовенства ничто не трогало.

Образовывая по временамъ нѣчто въ родѣ Инквизиціи легатовъ, папы старались оправдать это индифферентизмомъ епископовъ. По мѣрѣ того, какъ юрисдикція папъ расширилась подъ вліяніемъ системы Григорія VII, легатъ сдѣлался очень полезнымъ орудіемъ, чтобы дать почувствовать могущество папы во внутреннихъ дѣлахъ епархіи. Являясь прямыми и полномочными представителями намѣстника Бога, легаты несли съ собою и представляли высшую власть Святого Престола въ самыхъ отдаленныхъ углахъ христіанскаго міра. Было неизбѣжно, чтобы въ одинъ прекрасный день ихъ употребили для возбужденія вялаго преслѣдованія. Мы уже видѣли, какую роль они играли въ дѣлахъ альбигойцевъ, начиная съ эпохи Генриха Ситоскаго и до эпохи кардинала Романо. При отсутствіи всякаго правильнаго судопроизводства ими пользовались даже и въ спеціальныхъ случаяхъ, чтобы выставить невѣжество мѣстныхъ прелатовъ; такъ, напр., въ 1224 г. Гонорій III приказалъ Гильдесгеймскому епископу Конраду представить на судъ легата Чинтіо, кардинала Опорто, Генриха Миннеке, пріора монастыря С.-Маріи въ Гослярѣ, котораго епископъ держалъ въ тюрьмѣ по подозрѣнію въ ереси. А въ Тулузѣ, послѣ Парижскаго договора 1229 г., былъ данъ самый замѣчательный примѣръ совмѣстной дѣятельности легата и епископа—свидѣтельство неясности, которая господствовала еще относительно роли, перешедшей къ Инквизиціи. Въ іюлѣ графъ Раймундъ, примирившійся съ Церковью, возвратился въ свои владѣнія въ сопровожденіи кардинала-легата Романо; онъ долженъ былъ обезпечить себѣ исполненіе договора и распустить шайки «пилигримовъ», которые мстили за свое разочарованіе, уничтожая посѣвы и создавая въ странѣ голодъ. Въ сентябрѣ въ Тулузѣ собрался соборъ, на который явились всѣ прелаты Лангедока и большая часть наиболѣе вліятельныхъ бароновъ. Этотъ соборъ принялъ канонъ, опять предписывавшій всѣмъ архіепископамъ, епископамъ и независимымъ аббатамъ примѣнять на практикѣ систему testes synodales; но не видно, чтобы это постановленіе было исполнено. Однако, по настоянію легата и Фулька Тулузскаго, самъ соборъ превратился въ трибуналъ Инквизиціи. Былъ открытъ совершенный катаръ Гильемъ де Солье, который, будучи обращенъ, былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, чтобы онъ могъ быть свидѣтелемъ противъ своихъ прежнихъ собратьевъ; съ своей стороны, Фулькъ проявилъ ревность, разыскивая повсюду другихъ свидѣтелей. Всѣ присутствовавшіе епископы посвятили свои силы допросу ихъ, а

sions. Tit. LIV. cap. 2 (Friedberg, «Quinque compilat. antiquae», 204).—Douais, «Les sources de l'histoire de l'Inquisition», въ «Révue des questions historiques», 1-е окт., 1881 г., стр. 401.—Concil. Lateran. IV, c. 2.

[1]) Concil. Narbon. ann. 1227, c. 14.—Lucae Tudens. «De altera vita» c. 19.—Concil. Biterr. ann. 1234, c. 5.

Библиотека "Руниверс"

затѣмъ послали Фульку ихъ письменныя показанія, такъ что, говорятъ намъ, огромная работа была окончена въ самое короткое время. Было выяснено, что еретики обѣщали другъ другу хранить тайну, и что отъ нихъ почти ничего нельзя было узнать; но нѣкоторые изъ нихъ, болѣе богобоязненные, забѣжали впередъ и принесли сознаніе; тогда, чтобы быть возсоединенными съ Церковью, они, по существующей практикѣ, должны были сказать все, что знали про другихъ еретиковъ. Такимъ образомъ, было собрано очень много свидѣтельствъ, которыя легатъ сталъ изучать, чтобы сдѣлать постановленіе относительно обвиняемыхъ; взявъ дѣло, онъ изъ Тулузы перебрался въ Монпелье. Небольшое число болѣе смѣлыхъ отпавшихъ пыталось защищаться юридически и просило сообщить имъ имена свидѣтелей; для этого они даже послѣдовали за легатомъ въ Монпелье. Но послѣдній, ссылаясь на то, что хотѣли предать смерти доносчиковъ, ловко увернулся, представивъ обвиняемымъ общій списокъ всѣхъ свидѣтелей, такъ что несчастные были вынуждены покориться, не имѣя возможности защищаться. Послѣ этого легатъ отправился въ Оранжъ на другой соборъ и оттуда сообщилъ Фульку приговоры, которые были объявлены обвиняемымъ, собраннымъ для этого въ церкви св. Іакова. Все слѣдственное дѣло было отвезено легатомъ въ Римъ изъ боязни, чтобы оно не попало въ руки людей мстителей и не вызвало насилій противъ свидѣтелей. На самомъ дѣлѣ многіе свидѣтели, которыхъ только подозрѣвали, были немного позднѣе перебиты [1]).

Все это показываетъ, насколько епископская или легатская Инквизиція были неудобны, даже въ самыхъ энергичныхъ рукахъ, насколько это судопроизводство было неправильно и неопредѣленно. Въ послѣдующіе годы мы находимъ нѣсколько примѣровъ употребленія testes synodales, какъ, напр., на соборѣ въ Арлѣ въ 1234 г., на соборѣ въ Турѣ въ 1239 г., на соборахъ въ Безье въ 1246 г. и въ Альби въ 1254 г., а равнымъ образомъ въ граматѣ Альфонса де Пуатье, который въ 1257 г. убѣждалъ епископовъ учредить этихъ свидѣтелей согласно канонамъ Тулузскаго собора. За эти же годы встрѣчаются также и отдѣльные случаи Инквизиціи легатовъ. Въ 1237 г. инквизиторы Тулузы дѣйствовали съ полномочіями легатовъ, какъ уполномоченные легата Іоанна Віенскаго; когда въ томъ же году населеніе Монпелье просило помощи папы въ борьбѣ противъ ереси, то послѣдній послалъ Іоанна Віенскаго, поручивъ ему строго разслѣдовать дѣло. Равнымъ образомъ не были приняты во вниманіе права епископовъ въ 1239 г., когда Григорій IX предписалъ тулузскимъ инквизиторамъ слѣдовать указаніямъ его легата. Однако, само воспоминаніе объ этихъ обязанностяхъ легатовъ скоро такъ совершенно забылось, что въ 1351 г. флорентинскія власти просили папскаго легата взять обратно жалобу, предъявленную имъ противъ аббата камальдульцевъ, такъ какъ-де республика никогда не допускала, чтобы ея граждане судились по такимъ обвиненіямъ кѣмъ-либо другимъ, кромѣ инквизиторовъ. Когда въ 1257 г. инквизиторы Лангедока жаловались на инквизиторскую ревность Авиньонскаго епископа, легата Зона, то Александръ IV рѣшилъ, что его легатъ не имѣлъ никакого права дѣйствовать такъ за предѣлами своей епархіи [2]).

Общественное мнѣніе господствующихъ классовъ Европы требовало, чтобы ересь была, во что бы то ни стало, уничтожена; и, однако, когда кончилось открытое сопротивленіе, желанная цѣль, казалось, была дальше, чѣмъ когда-либо прежде. Епископъ и легатъ не были способны обнаруживать еретиковъ, прикрывавшихся плащемъ вѣрности католи-

[1]) Potthast. № 7260.—Concil. Tolosan. ann. 1229, c. 1, 2.—Guill. de Pod. Laur. c. 40.—Guil. Pelisso, «Chron.» (изд. Molinier, стр. 16).

[2]) Concil. Arelatens. ann. 1234, c. 5.—Concil. Turonens. ann. 1239, c. 1.—Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 1.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 1.—Archives de l'Inq. de Carcassonne (Coll. Doat, XXX, 250).—Vaissete, III, Priv. стр. 385—6.—Raynald. «Annal.» ann. 1237, № 32.—Archives de France. J. 150, №№ 19, 20.—Archivio di Firenze, «Riformagioni», cl. V, fol. 80.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat. XXXI, 239).

Библиотека "Руниверс"

честву; а когда случайно открывалось гнѣздо еретиковъ, то консисторскій судья обыкновенно не былъ ни достаточно подготовленъ, ни достаточно ловокъ, чтобы вырвать признаніе у тѣхъ, которые выставляли себя совершенно во всемъ согласными съ ученіями Рима. При отсутствіи открытой вражды къ Церкви, было довольно трудно раскрыть тайныя мысли сектантовъ; для этого нужны были спеціально подготовленные люди, единственнымъ дѣломъ которыхъ было бы изслѣдованіе чужихъ убѣжденій; такъ какъ необходимость въ этомъ становилась все болѣе настоятельной, то два новыхъ фактора помогли разрѣшенію задачи.

Первымъ факторомъ была организація нищенствующихъ орденовъ, особенно пригодныхъ на работу, которая была не подъ силу епископскимъ судамъ. Учрежденіе этихъ орденовъ казалось вмѣшательствомъ Провидѣнія, пожелавшаго дать церкви Христа оружіе, котораго у нея недоставало. Разъ была сознана необходимость спеціальныхъ и постоянныхъ судовъ, исключительно назначенныхъ для подавленія ереси, то казалось естественнымъ, чтобы они были совершенно изъяты изъ-подъ вліянія мѣстныхъ страстей и личныхъ счетовъ, которые могли погубить невиннаго, или изъ-подъ вліянія мѣстной протекціи, которая могла оказать покровительство виновному. Если, сверхъ всего, слѣдователями и судьями являлись люди, спеціально подготовленные для раскрытія и обращенія еретиковъ, если они безповоротно отреклись отъ міра, если, наконецъ, они не могли обогащаться и были нечувствительны къ приманкамъ мірскихъ наслажденій, то, казалось, безпристрастное и строгое выполненіе ими своихъ обязанностей было гарантировано. Съ одной стороны, дѣйствительно, надо было охранять чистоту вѣры; съ другой — можно было разсчитывать, что здѣсь не будетъ ни давленія, ни безполезныхъ жестокостей, вызываемыхъ частными интересами и личною местью. Огромная популярность монаховъ обезпечивала имъ со стороны населенія усердное содѣйствіе, на какое не могли разсчитывать епископы, обыкновенно находившіеся во враждебныхъ отношеніяхъ со своими духовными чадами, а также и съ могущественными баронами и сеньорами, поддержка которыхъ была необходима. Конечно, нищенствующіе ордены были особенно преданы папству, и они сдѣлали изъ Инквизиціи могущественное орудіе для увеличенія вліянія Рима и для уничтоженія послѣднихъ остатковъ независимости мѣстныхъ церквей. Но если эти соображенія помогли въ теченіе времени расширенію ихъ дѣятельности, то совершенно невѣроятно, чтобы они руководили учрежденіемъ въ началѣ его. Такимъ образомъ, въ глазахъ общества XIII вѣка, устройство Инквизиціи, врученной въ руки доминиканцевъ и францискацевъ, казалось естественнымъ и даже неизбѣжнымъ лѣкарствомъ противъ золъ, которыя тяготѣли надъ этой эпохой.

Другимъ факторомъ, споспѣшествовавшимъ успѣхамъ Церкви въ предпринятой ею задачѣ преслѣдованія, было свѣтское законодательство противъ ереси, которое начало тогда облекаться въ опредѣленную форму. Мы уже видѣли, что въ Англіи и въ Арагоніи въ XII вѣкѣ появлялись отдѣльные эдикты, направленные противъ ереси; но весь ихъ историческій интересъ заключается только въ томъ, что они показываютъ отсутствіе уголовнаго кодекса. Фридрихъ Барбаросса не сдѣлалъ ничего, чтобы привести въ исполненіе правила, опубликованныя Луціемъ III въ Веронѣ въ 1184 г., хотя они и были санкціонированы императоромъ. Дѣйствіе обычнаго права, принятаго Монфоромъ въ 1212 г. въ Памье, естественно прекратилось одновременно съ его непродолжительнымъ господствомъ. Правда, были нѣкоторыя попытки законодательства относительно еретиковъ, когда въ 1194 г. императоръ Генрихъ VI предписалъ конфисковать ихъ имущество, накладывать на нихъ суровыя наказанія, разрушать ихъ дома и подвергать крупнымъ штрафамъ общины и отдѣльныхъ лицъ, если они не будутъ содѣйствовать ихъ задержанію; но тотъ фактъ, что въ 1210 г. эти предписанія были снова подтверждены Оттономъ IV, показываетъ, что они скоро были забыты. Нѣкоторые дошедшіе до насъ отъ той эпохи эдикты свидѣтель-

Библиотека "Руниверс"

ствуютъ о неправильномъ и случайномъ характерѣ мѣропріятій свѣтской власти противъ ереси. Такъ, напр., въ 1217 г. Нуньезъ Санчо де Росельонъ постановилъ, что еретики должны стоять внѣ закона; въ 1228 г. Іаковъ I Арагонскій послѣдовалъ его примѣру, что можетъ служить доказательствомъ, что эта мѣра была нововведеніемъ. Съ другой стороны, статуты Пиньероля 1220 г. ограничиваются лишь наложеніемъ штрафа въ десять су на всякое завѣдомо вальденское помѣщеніе. За нѣсколько дней до своей смерти Людовикъ VIII, король французскій, предписалъ за ересь конфискацію имущества и лишеніе всѣхъ правъ, а государственнымъ чиновникамъ получили приказаніе непосредственно карать всѣхъ тѣхъ, кто будетъ уличенъ въ ереси. По дѣйствовавшимъ въ 1227 г. статутамъ Флоренціи епископъ во всѣхъ случаяхъ преслѣдованія ереси долженъ былъ дѣйствовать совмѣстно съ подестатомъ, что было серьезнымъ ограниченіемъ автономіи епископскихъ судовъ. Въ Миланѣ въ 1228 г. были приняты новые законы по настоянію папскаго легата Готфрида; всѣ еретики должны быть изгнаны изъ предѣловъ республики, дома ихъ должны быть разрушены, имущество конфисковано, личность ихъ поставлена внѣ закона; болѣе или менѣе крупному штрафу подвергался всякій, кто далъ бы имъ пристанище. Для розыска еретиковъ, которыхъ должны были допрашивать и судить архіепископъ и подестатъ, была учреждена полу-свѣтская, полу-духовная инквизиція; причемъ подестатъ долженъ былъ въ десятидневный срокъ предавать смертной казни всѣхъ, кто будетъ уличенъ въ ереси. Въ Германіи въ 1231 г. вышло постановленіе Генриха VII, опредѣлявшее судьбу имѣній, конфискованныхъ у еретиковъ; аллодіальныя владѣнія могли быть переданы ихъ наслѣдникамъ, что, какъ мы увидимъ ниже, противорѣчило всему послѣдующему законодательству [1]).

Чтобы создать и пустить въ ходъ стройную систему преслѣдованія, надо было сломить центробѣжную тенденцію средневѣкового законодательства, которое рельефнѣе всего сказалось въ свободной Наваррѣ, гдѣ всякій сколько-нибудь значительный городъ имѣлъ свой собственный fuero, гдѣ почти всякій домъ имѣлъ свой обычай. Иннокентій III попытался на Латеранскомъ соборѣ 1215 г., обезпечить единство цѣлымъ рядомъ суровыхъ постановленій, опредѣлявшихъ положеніе Церкви въ отношеніи еретиковъ, а также обязанности свѣтской власти, которая должна была уничтожать ихъ подъ угрозой обвиненія въ вѣроломствѣ. Это составило даже особую главу въ каноническомъ правѣ, но вслѣдствіе полнаго отсутствія дѣятельной помощи свѣтскихъ властей, всѣ эти предписанія долгое время оставались мертвою буквой. Ожесточенному врагу Церкви, Фридриху II, было предназначено судьбой уничтожить въ большей части Европы особенности мѣстныхъ законовъ и отдать населеніе на усмотрѣніе соглядатаевъ, которыхъ папы находили нужнымъ посылать къ нему. Онъ нуждался въ расположеніи Гонорія III, чтобы быть коронованнымъ въ 1220 г.; а когда произошелъ неизбѣжный разрывъ, то въ его интересахъ было снять съ себя обвиненіе въ ереси, которое такъ часто бросали ему, и поэтому онъ проявлялъ особое рвеніе въ преслѣдованіи еретиковъ, хотя, несомнѣнно, что, если бы онъ былъ свободенъ въ дѣйствіяхъ, благодаря своему философскому индифферентизму терпѣлъ бы всякое вѣрованіе, которое не было бы опаснымъ для его власти [2]).

Въ рядѣ указовъ, вышедшихъ съ 1220 по 1239 г., Фридрихъ II опубликовалъ подробный и безжалостный кодексъ преслѣдованія, основанный на канонахъ Латеранскаго собора. Тѣ, которыхъ только подозрѣвали въ ереси, должны были по распоряженію Церкви

[1]) Lami, «Antichità Toscane», стр. 484, 504, 524.—Muratori, «Antiq. Ital.» Diss. LX (т. XII, стр. 447).- D'Achery «Spicil.» III, 588, 598.—Charvaz, «Origine dei Valdesi», Турин, 1838, app. № XXII.—Isambert. «Anc. Loix Franç.» I, 228.—Corio, «Hist. Milanese,» ann. 1228—9.—Hist. Diplom. Fridr. II, т. III, стр. 446.

[2]) De Lagrèze, «La Navarre Française» I, XXI; II, 6.—Conc. Lateran. IV, c. 3. (C. 13 Extra V. VII).

Библиотека "Руниверс"

подвергнуться purgatio подъ страхомъ лишенія гражданскихъ правъ и изгнанія изъ предѣловъ Имперіи; если они находились въ подобномъ положеніи въ теченіе года, то ихъ осуждали какъ еретиковъ. Всѣ еретики, безъ различія ихъ ученій, были внѣ закона; разъ они были осуждены Церковью, ихъ слѣдовало выдать свѣтскимъ властямъ для того, чтобы ихъ сожгли живыми. Если изъ страха передъ смертью они отступали отъ своихъ вѣрованій, то ихъ слѣдовало заключить въ тюрьму на всю остальную жизнь и наложить на нихъ епитимію; если же они снова впадали въ свои заблужденія, то ихъ нужно было предать смерти, такъ какъ ихъ обращеніе было неискренне. Все имущество еретиковъ подлежало конфискаціи, и ихъ законные наслѣдники лишались права наслѣдованія. Ихъ дѣти до второго поколѣнія признавались неправоспособными занимать какую-либо должность, если они не заслуживали прощенія, сдѣлавъ доносъ на своего отца или на какого-либо еретика. Всѣ вѣрующіе, соумышленники, покровители, защитники или ходатаи еретиковъ подлежали вѣчному изгнанію, ихъ имущество подвергалось конфискаціи, а ихъ дѣти раздѣляли участь дѣтей еретиковъ. Защищавшіе заблужденія еретиковъ должны были разсматриваться какъ еретики, если только они не мѣняли своего поведенія послѣ предупрежденія. Дома еретиковъ и тѣхъ, кто давалъ имъ пристанище, должны быть разрушены и болѣе не возобновляемы.

Хотя свидѣтельство еретика не принималось въ судахъ, но было сдѣлано исключеніе, если его показанія были направлены противъ другого еретика. Всякій, облеченный государственною властью, чиновникъ или магистратъ долженъ былъ давать присягу, что онъ будетъ работать на уничтоженіе тѣхъ, кого Церковь признаетъ еретиками, подъ страхомъ потери власти. Если свѣтскій сеньоръ, призванный Церковью изгнать еретиковъ изъ своихъ владѣній, не исполнитъ этого въ теченіе болѣе чѣмъ одного года, то его земли можетъ занять всякій первый католикъ, который, послѣ того какъ изгонитъ изъ нихъ еретиковъ, можетъ спокойно владѣть ими, не нарушая правъ сюзерена, при условіи, что не будетъ идти противъ него.

Когда была учреждена папская Инквизиція, Фридрихъ въ 1232 г. поторопился предоставить въ распоряженіе инквизиторовъ всѣ силы государства; они имѣли право требовать вмѣшательства чиновниковъ, чтобы схватить тѣхъ, кого они признавали еретиками, и держать ихъ подъ арестомъ до произнесенія приговора, по которому виновныхъ слѣдовало предать смерти [1]).

Это ужасное законодательство было принято Церковью съ большой радостью, и въ отличіе отъ прежнихъ не осталось мертвою буквою. Коронаціонный эдиктъ 1220 г. былъ посланъ Гоноріемъ въ болонскій университетъ, чтобы его читали и объясняли при изученіи права. Онъ былъ внесенъ въ утвержденный сборникъ феодальнаго права, и его самыя суровыя предписанія стали отнынѣ частью гражданскаго кодекса. Рядъ послѣдующихъ эдиктовъ Фридриха былъ обнародованъ папами при помощи буллъ, которыя приказывали всѣмъ государствамъ и всѣмъ городамъ внести навѣки эти законы въ ихъ

[1]) Hit. Diplom. Frid. II. T. II, 4—6, 422 t. IV, 6—8, 299—302; t. V 201, 279—80. Коронаціонный эдиктъ, послужившій основаніемъ для всего послѣдующаго законодательства, былъ редактированъ папской куріей и за двѣ недѣли до церемоніи отосланъ епископу-легату Тускулума съ приказаніемъ получить императорскую скрѣпу и вернуть этотъ документъ, чтобы можно было обнародовать его отъ имени императора въ церкви св. Петра (Raynald. «Annal.» ann. 1220, № 19.—Hist. Diplom. I. II, 880). Для духовенства той эпохи было вопросомъ жизни, чтобы Церковь толкнула свѣтскихъ монарховъ на путь самаго суроваго преслѣдованія.

Несомнѣнно, признаніе эдиктами Фридриха II еретиковъ стоящими внѣ закона позволило Инквизиціи признать въ принципѣ, что еретикъ могъ быть ограбленъ всякимъ и во всякое время, и что грабитель могъ присвоить себѣ все его имущество при томъ условіи, само собой разумѣется, чтобы онъ самъ не былъ служителемъ святого трибунала («Tract. de Inquisitione», Doat, XXXVI).

Библиотека "Руниверс"

мѣстные кодексы. Наблюденіе за этимъ было возложено на инквизиторовъ, которые должны были также брать съ чиновниковъ и магистратовъ присягу, что они будутъ руководствоваться этими эдиктами, и отлучать ихъ въ случаѣ отказа дать присягу. Когда въ 1222 г. магистраты города Ріети приняли законы, шедшіе въ разрѣзъ съ законами Фридриха, то Гонорій предписалъ, чтобы виновные были немедленно смѣщены; въ 1227 г. населеніе Римини оказало сопротивленіе, но было принуждено смириться; въ 1253 г. нѣкоторые ломбардскіе города колебались, но ихъ посѣтили инквизиторы Иннокентія IV, и они были скоро выведены на правый путь; въ 1254 г. Асти принялъ эдикты, какъ нераздѣльную часть своего мѣстнаго законодательства; 10 сентября 1225 г. его примѣру послѣдовалъ Комо; даже въ 1335 г. при пересмотрѣ флорентинскихъ законовъ эти эдикты пользовались еще уваженіемъ. Наконецъ, они были внесены въ послѣднія добавленія къ Corpus juris какъ основныя положенія каноническаго закона, и, по крайней мѣрѣ, номинально, они не отмѣнены и до сего времени [1]).

Такимъ образомъ, значительная часть Европы отъ Сициліи до Сѣвернаго моря узнала костеръ; не замедлили послѣдовать благому примѣру и западныя страны. Одновременно съ Парижскимъ трактатомъ 1229 г. вышелъ отъ имени малолѣтняго Людовика IX королевскій указъ, обѣщавшій Церкви въ ея борьбѣ съ еретиками помощь королевскихъ чиновниковъ. Въ земляхъ, которыя остались въ рукахъ графа Раймунда, колебанія его политики порождали многочисленныя жалобы; наконецъ, въ 1234 г. онъ былъ принужденъ обнародовать съ согласія прелатовъ и бароновъ уставъ, выработанный фанатикомъ Раймундомъ дю Фога Тулузскимъ, въ который вошли всѣ пункты закона Фридриха, и который установилъ конфискацію имущества всякаго, кто, вопреки призыву Церкви, откажется помочь схватить или заключить въ тюрьму еретика. Въ сборникахъ и юридическихъ сочиненіяхъ послѣдней половины XIII вѣка мы находимъ эту систему уже вполнѣ установившейся, какъ законъ общій для всей страны; въ 1315 г. Людовикъ Сварливый распространилъ дѣйствіе эдиктовъ Фридриха на всю Францію [2]).

Въ Арагоніи Іаковъ I эдиктомъ запретилъ всѣмъ еретикамъ проникать въ его владѣнія, несомнѣнно, въ виду массы бѣглецовъ, приходившихъ изъ Лангедока, гдѣ въ это время (1226 г.) былъ съ крестоносцами Людовикъ VIII. Въ 1234 г. онъ совмѣстно со своими прелатами редактировалъ цѣлый рядъ законовъ, касающихся учрежденія самой суровой епископской Инквизиціи при поддержкѣ королевскихъ чиновниковъ; въ нихъ мы впервые находимъ изданное свѣтской властью запрещеніе переводить Библію на народный языкъ. Всѣ, у кого имѣлись переводы Ветхаго и Новаго Завѣта in romancio, должны были въ теченіе восьми дней принести ихъ къ епископамъ для сожженія; тѣмъ же, кто не исполнитъ этого, грозило подозрѣніе въ ереси. Такимъ образомъ, за исключеніемъ остальной части Пиренейскаго полуострова и народовъ сѣвера, гдѣ ересь никогда не пускала своихъ корней, всѣ христіанскія государства подчинились Церкви въ дѣлѣ подавленія ереси; и когда была учреждена Инквизиція, то соблюденіе этого законодательства было одною изъ

---

[1]) Hist. Diplom. Fridr. II. T. II, 7.—Post Lib. Feudorum.—Post consts. IV. XIX Cod. I, V.—Innoc. PP. IV. Bull. «Cum adversus», 1243, 1252, 1254; Bull. «Orthodoxae» 27 apr. 14 maii 1252.—Alex. PP. IV Bull. «Cum. adversus», 1258.—Ejusd. Bull. «Cupientes», 1260.—Clement. PP. IV. Bull. «Cum adversus», 1265.—Wadding. «Annal. Minor.» ann. 1261. № 3; ann. 1289. № 20. Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 1262, § 12.—Epistt. saeculi XIII, № 191 (Monum. Hist. German.).—Eymerici «Direct. Inquis.» изд. Pegnae, 1607, стр. 392.—Innoc. PP IV. Bull. «Ad Aures», 2 apr. 1253. — Sclopis, «Antica Legislazione del Piemonte», 440. — Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Executio», № 3. Archivio di Firenze, «Reformagioni», classe II, dist. I № 14.—Potthast, № 7672.—C. 2 in Septimo, V. 3.

[2]) Isambert, «Anc. Loix, Franç.» I, 230—33; III, 126.—Harduin. «Concil.» VII, 203—8.—Guil. de Pod. Laur. c. 42.—«Etablissement», liv. I, c. 85, 123.—«Livres de Justice et de Plet» liv. I, tit. III, § 7.

Библиотека "Руниверс"

ПАПА ГРИГОРІЙ IX.
(1227—1241).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

главныхъ обязанностей инквизиторовъ, бдительность которыхъ должна была гарантировать его полное и неуклонное примѣненіе [1]).

Въ Италіи въ эту переходную эпоху ревность къ вѣрѣ или простое соревнованіе были причиной многочисленныхъ попытокъ основанія свѣтской инквизиціи. Въ Римѣ въ 1231 г. Григорій IX составилъ рядъ правилъ, которыя были опубликованы отъ имени римскаго народа сенаторомъ Аннибальдо. На сенатора возлагалась обязанность арестовывать всѣхъ тѣхъ, на кого укажутъ ему какъ на еретиковъ, если доносъ на нихъ будетъ сдѣланъ инквизиторомъ или просто добрымъ католикомъ; наказаніе должно было быть приведено въ исполненіе черезъ 8 дней послѣ осужденія. Изъ ихъ имущества, подвергавшагося конфискаціи, треть слѣдовала свидѣтелю, треть сенатору и треть предназначалась на возстановленіе городскихъ стѣнъ. Всякій домъ, гдѣ имъ дали бы пріютъ, долженъ быть разрушенъ, а мѣсто его обращено подъ свалку нечистотъ. Съ вѣрующими поступали какъ съ еретиками; соумышленники, покровители и т. п. лишались третьей части своего имущества, которое шло на сооруженіе стѣнъ. Всякій, кто не доносилъ на извѣстнаго ему еретика, подвергался штрафу въ двадцать лиръ; сенаторъ, который небрежно исполнялъ законъ, подвергался штрафу въ двѣсти марокъ и лишался права занимать государственныя должности. Чтобы оцѣнить всю тяжесть этихъ штрафовъ, мы должны вспомнить о бѣдственномъ положеніи Италіи той эпохи, о скудости повседневной жизни, о рѣдкости благородныхъ металловъ, засвидѣтельствованной отсутствіемъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній на одеждѣ того времени. Не удовольствовавшись тѣмъ, что эти суровыя правила были обнародованы на мѣстѣ, Григорій IX разослалъ ихъ въ копіи ко всѣмъ архіепископамъ и владѣтельнымъ князьямъ Европы съ приказаніемъ примѣнять ихъ на практикѣ въ ихъ владѣніяхъ, гдѣ въ теченіе нѣкотораго времени они служили основаніемъ для судопроизводства Инквизиціи. Въ Римѣ преслѣдованіе еретиковъ удалось превосходно, и вѣрные могли радоваться при видѣ многочисленныхъ пылающихъ костровъ. Ободренный успѣхомъ, папа издалъ Декреталій, легшій въ основаніе всего послѣдующаго инквизиціоннаго законодательства, въ силу котораго осужденные еретики должны были передаваться въ руки свѣтской власти для полученія примѣрнаго наказанія; тѣ, кто возвращался въ лоно Церкви, подвергались пожизненному тюремному заключенію, и всякій, узнавшій о малѣйшемъ проявленіи ереси, долженъ былъ доносить о немъ духовнымъ властямъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви [2]).

Въ то же время Фридрихъ II, желавшій, насколько возможно, ограничить вліяніе Рима въ своихъ Неаполитанскихъ владѣніяхъ, возложилъ тамъ дѣло преслѣдованія на чиновниковъ короны. Въ своихъ Сицилійскихъ Конституціяхъ, изданныхъ въ 1231 г., онъ приказалъ своимъ представителямъ тщательно разыскивать «еретиковъ, скрывавшихся во мракѣ». При самой ничтожной тѣни подозрѣнія подозрѣваемые должны быть задерживаемы и испытуемы духовными лицами, и тѣ, кто окажется хоть въ чемъ-нибудь несогласнымъ съ католической религіей, должны были, въ случаѣ упорства, идти на костеръ, котораго, повидимому, они сами искали. Всякій, кто осмѣлится вступиться за нихъ, испытаетъ на себѣ гнѣвъ императора. Если мы примемъ во вниманіе, что это законодательство исходило отъ императора вольнодумца, то мы поймемъ, какъ велика была тогда сила общественнаго мнѣнія, бороться съ которымъ не осмѣлился даже Фридрихъ II; и онъ не огра-

[1]) Archives Nat. de France, J. 426, № 4.—Martène, «Ampl. Coll.» VII, 123–4.—Bernard Guidon. «Practica» P. IV (Coll. Doat, XXX).—Clement. PP. IV. Bull. «Prae cunctis», 23 febr. 1266.—Тулузскій соборъ уже въ 1229 г. запретилъ мірянамъ имѣть Св. Писаніе даже на лангинскомъ языкѣ (Concil. Tolos. ann. 1229, c. 14).

[2]) Raynald., «Annal.», ann. 1231, №№ 13, 18.—Ripoll., I, 38.—Ricobaldi Ferrar, «Hist. Imp.» ann. 1234.—Paramo, «de orig. Offic. S. Inq.», 177.—Richardi de S. Germano, «Chron.», ann. 1231.—C. 15 Extra V, VII (въ этомъ канонѣ noluerint, очевидно, ошибка—вмѣсто voluerint).—Hartzheim, «Concil. German.» III, 540.

Библиотека "Руниверс"

ничился однѣми пустыми угрозами, такъ какъ тотчасъ же послѣдовалъ длинный рядъ преслѣдованій. Два года спустя императоръ писалъ Григорію, жалуясь, что всего этого недостаточно, и ересь ширится, и извѣщалъ его, что онъ предписалъ судьѣ каждаго округа предпринять разслѣдованіе въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми прелатами. Епископамъ онъ вмѣнялъ въ обязанность объѣзжать ихъ епархіи въ сопровожденіи, если понадобится, нарочно назначенныхъ для этого судей. Въ каждой провинціи два раза въ годъ происходили засѣданія главнаго суда, на которыхъ ересь каралась наравнѣ съ другими преступленіями. Однако, Григорій былъ далекъ отъ того, чтобы поздравить Фридриха съ учрежденіемъ правильнаго преслѣдованія; наоборотъ, онъ отвѣтилъ ему, что ревность его идетъ по ложному пути, такъ какъ онъ караетъ своихъ личныхъ враговъ и скорѣе сжигаетъ добрыхъ католиковъ, чѣмъ еретиковъ [1]).

Среди этихъ неопредѣленныхъ и неправильныхъ усилій, направленныхъ къ подавленію ереси, Святому Престолу было естественно вмѣшаться и постараться найти однообразную систему для выполненія этой великой задачи; можно только удивляться, что онъ поздно взялся за это, и что въ началѣ своего вмѣшательства онъ дѣйствовалъ крайне неувѣренно и робко.

Въ 1226 г. попытались положить предѣлъ быстрому распространенію катаризма во Флоренціи тѣмъ, что арестовали еретическаго епископа Филиппа Патернона, діоцеза котораго простиралась отъ Пизы до Ареццо. Согласно законамъ Флоренціи, его судили вмѣстѣ архіепископъ и подестатъ. Но онъ прервалъ судъ, отрекшись отъ своихъ заблужденій, и былъ выпущенъ на свободу. Однако, вскорѣ онъ снова отпалъ отъ католичества и сдѣлался еще болѣе нетерпимымъ катаромъ. Въ 1227 г. одинъ обращенный еретикъ пожаловался на это вѣроотступничество Григорію IX, и папа, только что вступившій на престолъ Святого Петра, поторопился исправить зло, назначивъ слѣдствіе, которое можно разсматривать какъ первый случай папской Инквизиціи. Посланіе, датированное 20 іюня 1227 г., уполномочивало пріора доминиканскаго монастыря Санта-Марія-Новелла, Джованни ди Салерно, совмѣстно съ однимъ изъ братьевъ и каноникомъ Бернардо возбудить противъ Патернона и его приверженцевъ судебное дѣло и заставить ихъ отречься; въ случаѣ ихъ упорства они должны были дѣйствовать согласно съ канонами Латеранскаго собора и, если понадобится, пригласить себѣ на помощь духовныхъ и мірянъ епископій Флоренціи и Фіезоле. Такимъ образомъ, папа не задумался вторгнуться въ юрисдикцію епископа Флоренціи; но, съ другой стороны, онъ не могъ примѣнить другого законодательства, кромѣ каноновъ Латеранскаго собора. Папскимъ уполномоченнымъ удалось захватить епископа Патернона, но его силою отбили его друзья, и онъ скрылся, оставивъ свою епархію своему преемнику Торселло [2]).

Бр. Джованни сохранялъ папское полномочіе до самой своей смерти, когда его замѣнилъ другой доминиканецъ Альдобрандино Кавальканти. Но ихъ юрисдикція была еще крайне неопредѣленна, такъ какъ въ іюнѣ 1229 г. аббатъ изъ С.-Миніато представилъ къ папѣ въ Перузу двухъ ересіарховъ, Андрея и Петра, которые были вынуждены публично отречься въ присутствіи папскаго двора; въ 1234 г. мы неоднократно видимъ, что Григорій IX лично вмѣшивается, отпускаетъ обвиненнаго на поруки и посылаетъ частные наказы дѣйствующему инквизитору. Но все же Инквизиція уже принимала опредѣленную форму, такъ какъ немного позднѣе было открыто много еретиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были сожжены живыми (судебныя дѣла сохранились до нашего времени въ архивахъ аббатства С.-Марія-Новелла). Несомнѣнно также, что еще не думали объ основаніи постоян-

[1]) Constit. Sicular., lib. I. Tit. I.—Hist. Diplom. Fridr. II. T. IV, 1, 35, 444.—Rich. de S. Germano, «Chron.», ann. 1233.—Giannone, «Istoria civile di Napoli», lib. XVII, c. 6; XIX, c. 5.

[2]) Lami, «Antichità Toscane», 493—4, 509—10, 516.

Библиотека "Руниверс"

наго учрежденія, какъ это видно изъ выработанныхъ въ 1233 г. епископомъ Ардинго статутовъ преслѣдованія, одобренныхъ Григоріемъ и внесенныхъ по его приказанію въ сборникъ статутовъ Флоренціи. Епископъ выступаетъ тамъ еще представителемъ Церкви въ дѣлѣ преслѣдованія, и нѣтъ никакого намека на инквизиторовъ. Подестатъ былъ обязанъ задержать всякаго, на кого укажетъ ему епископъ, и покарать его черезъ восемь дней послѣ того, какъ епископъ вынесетъ осужденіе; другіе пункты взяты изъ эдиктовъ Фридриха II. Братъ Альдобрандино, повидимому, придавалъ больше значенія проповѣди, чѣмъ преслѣдованію; но вообще, во всѣхъ скрѣпленныхъ имъ документахъ, онъ нигдѣ не называетъ себя инквизиторомъ, и нужно сказать, что его усилія помѣшать распространенію ереси были столь же безрезультатны, какъ и усилія епископа Ардинго. Въ 1235 г., въ то время, какъ проектъ правильной Инквизиціи по всей Европѣ облекался въ плоть, Григорій назначилъ доминиканскаго провинціала въ Римѣ инквизиторомъ своей обширной области, охватывавшей Сицилію и Тоскану; но эта область оказалась, повидимому, черезчуръ обширной, и въ 1240 г. мы видимъ городъ Флоренцію въ вѣдѣніи брата Руджіери Кальканьи. Это былъ человѣкъ, очень расположенный расширить свои прерогативы и усилить свою власть; но только въ 1243 г. онъ назвалъ себя впервые Inquisitor Dominі Parae in Tuscia. Въ рѣшеніи, постановленномъ имъ въ 1245 г., онъ именуетъ себя инквизиторомъ епископа Ардинго и папы и гордится даннымъ ему отъ епископа порученіемъ. Въ дѣлопроизводствѣ этой эпохи еще сильно сказывается рудиментарный характеръ Инквизиціи. Подъ признаніемъ 1244 г. подписались только два frati, имени инквизитора подъ нимъ не имѣется. Отъ 1245 г. одни рѣшенія дошли до насъ, подписанныя однимъ Руджіери, тогда какъ въ другихъ дѣлахъ онъ дѣйствовалъ совмѣстно съ епископомъ Ардинго. Можно сказать, что онъ былъ истиннымъ творцомъ Инквизиціи во Флоренціи, когда въ 1243 г. онъ объявилъ свой судъ независимымъ отъ С.-Марія-Новелла, избравъ членами своего суда двухъ или трехъ выдающихся братьевъ монастыря и употребивъ общественныхъ нотаріусовъ для веденія письменныхъ протоколовъ дѣлопроизводства [1]).

Изъ предыдущаго видно, какъ постепенно развивалась Инквизиція. Это не было установленіе, зрѣло задуманное и систематически основанное, но медленный процессъ эволюціи, которому помогли элементы, неизбѣжные тогда для достиженія намѣченной цѣли. Когда Григорій, познавъ тщету надеждъ, возлагавшихся на ревность епископовъ, сдѣлалъ попытку примѣнить часть свѣтскаго законодательства противъ ереси, то братья-проповѣдники были самымъ подходящимъ орудіемъ для выполненія его замысла. Ниже мы увидимъ, какъ попытка, предпринятая впервые во Флоренціи, была повторена въ Арагоніи, Лангедокѣ и въ Германіи; сравнительный успѣхъ, которымъ увѣнчалась эта попытка, вызвалъ, какъ естественное послѣдствіе, устройство постоянной и общей Инквизиціи.

Нѣкоторые историки утверждали, что Инквизиція родилась 20 апрѣля 1233 г., когда были подписаны двѣ буллы Григорія, поручающія доминиканцамъ дѣло преслѣдованія ереси; но апологетическій тонъ, съ которымъ папа обращается къ прелатамъ, показываетъ, что онъ считалъ ихъ мало расположенными перенести вмѣшательство въ ихъ власть; съ другой стороны, характеръ его наставленій свидѣтельствуетъ, что онъ не давалъ себѣ яснаго отчета о послѣдствіяхъ этого нововведенія. Въ дѣйствительности, ближайшей задачей папы, казалось, было скорѣе наказаніе священниковъ и другихъ духовныхъ, которые, согласно очень многочисленнымъ на нихъ жалобамъ, способствовали еретикамъ, научая ихъ, какъ лучше отвѣчать, какъ скрыть свои истинныя вѣрованія и притвориться католикомъ. Подтвердивъ необходимость подавить ересь и упомянувъ о божественномъ уста-

[1]) Lami, op. cit., 511, 519—22, 528, 531, 543—4, 546—7, 554, 557, 559.—Archiv. de Firenze, prov. S. Maria Novella 1227, Giugn. 20; 1229, Giugn. 24; 1235, Agost. 23.—Ughelli, «Italia Sacra», III, 146—7.—Ripoll, I, 69, 71.

Библиотека "Руниверс"

новленіи братьевъ-проповѣдниковъ, посвятившихъ свои силы на распространеніе сѣмянъ добра и на уничтоженіе плевелъ, Григорій такъ кончаетъ свое обращеніе къ епископамъ: «Видя, что вы поглощены вихремъ заботъ, и что съ трудомъ можете дышать подъ гнетомъ тяготящихъ васъ тревогъ, мы находимъ полезнымъ облегчить ваше бремя, чтобы вы могли легче переносить его. Поэтому мы рѣшили послать братьевъ-проповѣдниковъ къ еретикамъ Франціи и сосѣднихъ провинцій и умоляемъ и убѣждаемъ васъ во имя уваженія, которое питаете вы къ Святому Престолу, дружески принять ихъ, хорошо обходиться съ ними, помогать имъ вашимъ благорасположеніемъ, и вашими совѣтами, и вашей поддержкой, дабы они могли хорошо выполнить свою задачу». Другая булла обращается «къ пріорамъ и братьямъ ордена проповѣдниковъ, инквизиторамъ». Упомянувъ о сыновьяхъ погибели, защищающихъ ересь, она продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: «Вотъ поэтому во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы будете проповѣдывать, вы уполномачиваетесь,—въ случаѣ если грѣшники, несмотря на предупрежденіе, будутъ продолжать защищать ересь,—навсегда лишать духовныхъ ихъ бенефицій и преслѣдовать ихъ и всѣхъ другихъ судомъ, безапелляціонно, призывая на помощь свѣтскую власть, если въ этомъ встрѣтится надобность, и прекращая ихъ упорство, если нужно, посредствомъ безапелляціоннаго наложенія на нихъ духовныхъ наказаній» [1]).

Предоставляя, такимъ образомъ, всѣмъ доминиканскимъ проповѣдникамъ полномочія легатовъ и право безапелляціоннаго суда, папа поступалъ опрометчиво. Это могло только раздражить духовенство, какъ мы увидимъ ниже при изложеніи положенія дѣлъ въ Германіи. Скоро Григорій примѣнилъ болѣе практическую мѣру. Немного спустя послѣ опубликованія буллъ въ апрѣлѣ 1233 г., онъ поручилъ провинціальному пріору Тулузы указать хорошо подготовленныхъ братьевъ, чтобы проповѣдывать въ епархіи крестовый походъ и преслѣдовать судомъ еретиковъ, сообразно съ новыми статутами. Хотя во всемъ этомъ и было еще нѣкоторое смѣшеніе власти, но Григорій основалъ систему, которая осталась незыблемой основою Инквизиціи, а именно: предоставленіе провинціалу права назначать извѣстныхъ братьевъ, подготовленныхъ къ выполненію своей задачи, которые въ предѣлахъ ихъ провинцій должны были пользоваться данной имъ Святымъ Престоломъ властью въ дѣлѣ розыска и испытанія еретиковъ. Сообразно съ этимъ рѣшеніемъ, провинціалъ назначилъ братьевъ Петра Селлу и Гильема Арно, труды которыхъ мы изложимъ въ слѣдующей главѣ. Такимъ образомъ, Инквизицію, какъ правильную организацію, можно считать уже установленной, хотя нужно отмѣтить, что эти первые инквизиторы въ оффиціальныхъ документахъ именуютъ себя облеченными легатскими полномочіями, а не папскими. Не было еще вопроса о созданіи общаго и постояннаго установленія, какъ это, напр., видно изъ жалобы Сансскаго архіепископа на вторженіе инквизиторовъ въ его провинцію, на что Григорій отвѣтилъ граматою отъ 4 февраля 1234 г., которою отмѣнялъ свои распоряженія по этому предмету и намекалъ, что архіепископъ могъ бы въ будущемъ обратиться за помощью къ доминиканцамъ, если бы онъ подумалъ, что ихъ бо́льшая опытность въ борьбѣ противъ еретиковъ можетъ помочь ему въ его намѣреніяхъ [2]).

---

[1]) Ripoll I. 45, 47.—C. 8 § 8, Sexto V. 2.—Gregor. PP. XI Bull. «Ille humani generis», «Licet ad capiendos».—Potthast, №№ 9143, 9152, 9235.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 21, 25).

[2]) Potthast, № 9263; ср. №№ 9316, 9388.—Guill. de Pod. Laur. c. 43.—Coll. Doat, XXI 143, 153.—Ripoll. I. 66.

Самъ Гильемъ Арно обыкновенно называлъ себя дѣйствующимъ въ качествѣ легата, иногда же уполномоченнымъ доминиканскимъ провинціаломъ. Во многихъ рѣшеніяхъ, касающихся сеньоровъ Ніора въ февралѣ и мартѣ 1236 г., онъ дѣйствуетъ совмѣстно съ архидіакономъ Каркассона, причемъ оба пользуются полномочіями легата. Очевидно, въ эту эпоху не было еще правильной Инквизиціи (Coll. Doat, XXI, 160, 163, 165, 166).

Библиотека "Руниверс"

Около того же времени Григорій писалъ епископамъ Нарбонны, грозя имъ своимъ гнѣвомъ, если они не будутъ налагать на еретиковъ заслуженныхъ наказаній; но въ этомъ посланіи нѣтъ даже намека на Инквизицію. 1 октября 1234 г. архіепископъ Нарбонны, Петръ Аміель заставилъ вѣрныхъ дать клятву, что они будутъ доносить на всѣхъ еретиковъ или лично ему, или его подчиненнымъ, какъ-будто бы онъ не зналъ еще о существованіи спеціальныхъ инквизиторовъ; даже когда эти послѣдніе получили порученіе дѣйствовать, ихъ власть и ихъ отвѣтственность, ихъ обязанности и права оставались совершенно неопредѣленны и не выяснены. Такъ какъ въ нихъ видѣли простыхъ епископскихъ помощниковъ въ отправленіи старой судебной практики противъ ереси, то естественно, что епископы возлагали на нихъ всѣ дѣла этого рода, разъ они возникали. И, дѣйствительно, многіе вопросы, касающіеся мѣръ противъ еретиковъ, были разрѣшены не только по римскимъ статутамъ Григорія отъ 1231 г., но также согласно канонамъ Тулузскаго собора 1229 г. и соборовъ Безье и Арля 1234 г., которые занимались лишь тѣмъ, чтобы поднять и организовать епископскую Инквизицію; но, тѣмъ не менѣе, постоянно являлись на практикѣ новыя затрудненія относительно разныхъ мелочей, и чувствовалась настоятельная потребность какого-либо кодекса, чтобы сдѣлать преслѣдованіе дѣйствительнымъ. Отсрочка на нѣсколько лѣтъ Инквизиціи по просьбѣ графа Раймунда задержала эту кодификацію; но, когда Инквизиція возобновила свои дѣйствія въ 1241 г., надобность стала настоятельной, и всѣ вообще были того мнѣнія, что ожидаемый кодексъ долженъ былъ выйти съ одобренія епископовъ. Мнѣнія, представленныя въ 1241 г. Гильемомъ Арно, показываютъ, что не только епископъ тулузскій Раймундъ былъ въ качествѣ засѣдателя, но что въ частности было спрошено мнѣніе архіепископа Нарбоннскаго.

Чтобы опредѣлить главные принципы, которыми должна была руководствоваться Инквизиція, въ 1243 и 1244 гг. созвали въ Нарбоннѣ большое собраніе отъ трехъ провинцій Нарбонны, Арля и Э; длинный рядъ каноновъ, принятыхъ по этому случаю, сталъ уставомъ инквизиторской дѣятельности. Эти каноны были адресованы: «Нашимъ любимымъ и вѣрнымъ сынамъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ, братьямъ-проповѣдникамъ и инквизиторамъ». Епископы выражаются осторожно въ слѣдующихъ словахъ: «Мы пишемъ вамъ эти вещи не потому, что хотѣли бы связать ваше мнѣніе, ибо неприлично ограничивать свободу, предоставленную вашему благоразумію, формулами или правилами иными, чѣмъ исходящими отъ Святого Престола; но мы желаемъ придти на помощь вамъ въ вашемъ самопожертвованіи, согласно съ указаніями, полученными нами отъ Святого Престола, чая, что вы, несущіе на себѣ наши тяготы, должны находить у насъ помощь и совѣтъ отъ чистаго сердца». Несмотря на эти умилительныя выраженія, общій тонъ посланія вполнѣ повелительный какъ въ опредѣленіи юрисдикціи, такъ и въ указаніяхъ относительно того, какъ поступать съ еретиками. Вещь достойная вниманія, что, передавая полностью другимъ наблюденіе за ихъ словеснымъ стадомъ, эти добрые пастыри ревностно оставляли за собой выгоды, которыя разсчитывали извлечь изъ преслѣдованій. Они, въ сущности, говорятъ новымъ инквизиторамъ: «Вы должны воздерживаться отъ участія въ денежныхъ наказаніяхъ и штрафахъ, какъ для поддержанія чести вашего ордена, такъ и потому, что вы будете поглощены вашими занятіями». Тщательно охраняя, такимъ образомъ, свои финансовые интересы, епископы отказывались отъ другого важнаго, но менѣе прибыльнаго, дѣла, отъ права суда и приведенія въ исполненіе рѣшеній. Рѣшенія этой эпохи постановлялись отъ имени инквизиторовъ, хотя, если въ нихъ принималъ участіе епископъ или другое важное лицо, что случалось часто, ихъ упоминали какъ членовъ суда [1]).

Передача Инквизиціи древней епископской юрисдикціи по дѣламъ еретиковъ необхо-

[1]) Vaissete, III. Pr. 364, 370—1.—Concil. Tolosan. ann. 1229.—Concil. Biterrens ann. 1234.—Concil. Arelatens. ann. 1234.—Concil. Narbonn. ann. 1244.—Coll. Doat, XXI, 143, 155, 158.

Библиотека "Руниверс"

димо дѣлала отношенія между епископами и инквизиторами очень щекотливыми. Новое учрежденіе не могло основаться иначе, какъ цѣною многочисленныхъ столкновеній, которыя вызываютъ колебанія политики, направленной въ разныя эпохи къ опредѣленію и урегулированію ихъ отношеній. Въ Италіи епископская независимость была уничтожена давно и епископы не могли серьезно помѣшать присвоенію ихъ юрисдикціи. Въ Германіи князья, епископы съ завистью смотрѣли на пришельцевъ и никогда не позволяли имъ прочно и навсегда основаться въ странѣ. Во Франціи, и въ особенности въ Лангедокѣ, хотя прелаты и были болѣе независимы, чѣмъ въ Италіи, распространеніе ереси требовало дѣятельности и бдительности, много превышавшихъ ихъ силы, и они увидали себя вынужденными принести въ жертву часть своихъ прерогативъ, чтобы избѣжать болѣе тяжелой обязанности неуклонно исполнять свои функціи. Во всякомъ случаѣ, они уступили не безъ борьбы, слѣды которой можно видѣть въ рядѣ усилій, направленныхъ къ тому, чтобы установить modus vivendi между различными судилищами.

Мы только-что видѣли, что инквизиторы сначала позволяли себѣ постановлять рѣшенія отъ своего имени, не упоминая епископовъ. Это присвоеніе епископской юрисдикціи представляло очень крупное новшество, которое не могло быть продолжительнымъ; такъ, почти тотчасъ же кардиналъ-легатъ Альбано писалъ черезъ Нарбоннскаго архіепископа инквизиторамъ, чтобы они не осуждали еретиковъ и не накладывали епитимій, не снесшись предварительно съ епископами. Это распоряженіе пришлось повторить и сдѣлать его болѣе точнымъ; въ томъ же смыслѣ былъ рѣшенъ этотъ вопросъ въ 1246 г. на соборѣ въ Безье, гдѣ епископы уступили штрафы, которые должны были служить на издержки Инквизиціи, и выработали другой рядъ подробныхъ указаній для руководства инквизиторовъ, «охотно уступая смиреннымъ просьбамъ, съ которыми вы къ намъ обратились». Въ теченіе нѣкотораго времени папы продолжали считать епископовъ отвѣтственными за подавленіе ереси въ ихъ епархіяхъ и, слѣдовательно, истиннымъ источникомъ правосудія. Въ 1245 г. Иннокентій IV, разрѣшая инквизиторамъ измѣнять или смягчать приговоры, оговорился, что это должно быть съ согласія епископа. Въ 1246 г. онъ предписалъ епископу Ажана тщательно наблюдать за ересью, согласно правиламъ, утвержденнымъ кардиналъ-легатомъ Альбано, и давать индульгенціи съ тѣмъ же правомъ, какимъ пользовался инквизиторъ. Въ 1247 г. онъ говоритъ объ епископахъ какъ о настоящихъ судьяхъ ереси, предписывая имъ безъ устали работать надъ обращеніемъ грѣшниковъ раньше, чѣмъ вынести рѣшеніе, влекущее за собою смерть, пожизненную тюрьму или паломничество за моря; даже въ случаяхъ упорствующихъ еретиковъ они должны внимательно обсудить съ инквизиторомъ или съ другими свѣдущими лицами вопросъ, требуютъ ли спасеніе грѣшника и интересы вѣры, чтобы приговоръ былъ вынесенъ, или чтобы его можно отложить.

Несмотря на эти указанія, мы не находимъ въ рѣшеніяхъ Бернара Ко съ 1246 по 1248 г. никакихъ слѣдовъ вмѣшательства епископовъ. Очевидно, существовали антагонизмъ и зависть. Въ 1248 г. Валанскій соборъ былъ вынужденъ заставить епископовъ объявлять и исполнять рѣшенія инквизиторовъ подъ угрозой, что имъ будетъ запрещенъ входъ въ ихъ собственныя церкви, — доказательство, что рѣшенія постановлялись безъ участія епископовъ, и что епископы не были склонны приводить ихъ въ исполненіе. Въ 1249 г. Нарбоннскій архіепископъ жаловался папѣ, что инквизиторъ Петръ Дюранъ и его товарищи отпустили грѣхи, безъ его вѣдома, рыцарю Петру Кугунгаму, который былъ уличенъ въ ереси; въ отвѣтъ на это Иннокентій тотчасъ же отмѣнилъ все судопроизводство. На дѣлѣ власть миловать считалась принадлежащей одному только Святому Престолу, и мы находимъ въ эту эпоху много примѣровъ, гдѣ Иннокентій передавалъ эту власть епископамъ съ оговоркой, или безъ нея, дѣйствовать въ согласіи съ инквизиторами. Въ концѣ концовъ, этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ принятіемъ принципа

Библиотека "Руниверс"

оставленія въ каждомъ рѣшеніи права за вынесшимъ его измѣнить его, увеличить, смягчить и отмѣнить [1]).

Такъ какъ инквизиторы въ 1246 г. ждали еще, чтобы епископы оплачивали ихъ расходы, то они поэтому, по крайней мѣрѣ въ теоріи, призывали себя простыми помощниками епископскихъ судовъ. Кромѣ того, епископы должны были возводить тюрьмы для заключенія обращенныхъ, и хотя они и избавились отъ этой обязанности, которую принялъ на себя король, тѣмъ не менѣе, соборъ, бывшій въ Альби въ 1254 г. подъ предсѣдательствомъ папскаго легата Зона Авиньонскаго, постановилъ, чтобы эти тюрьмы находились подъ наблюденіемъ епископовъ. Тотъ же соборъ выработалъ цѣлый рядъ подробныхъ указаній относительно того, какъ поступать съ еретиками. Это было послѣднее проявленіе епископской власти въ этомъ вопросѣ, такъ какъ всѣ послѣдующія постановленія исходили уже непосредственно отъ Святого Престола. Даже такой опытный преслѣдователь, какъ Бернаръ Ко, который въ своихъ рѣшеніяхъ совершенно игнорировалъ юрисдикцію епископовъ, признавалъ въ 1248 г., что онъ подчиненъ епископамъ, спрашивая мнѣнія Гильема Нарбоннскаго, на что архіепископъ отвѣтилъ не только совѣтами, относящимися до спеціальныхъ случаевъ, но и общими указаніями. Въ 1250 и 1251 гг. этотъ архіепископъ энергично, на свой собственный счетъ, занимался Инквизиціей и наказывалъ еретиковъ безъ участія папскихъ инквизиторовъ. Въ брево Иннокентія IV въ 1251 г. имѣется намекъ на проектъ, впослѣдствіи оставленный, передать всѣ подобныя дѣла въ руки епископовъ. Несмотря на всѣ эти проявленія реакціи, пришельцы продолжали расширять свою дѣятельность цѣною борьбы, о которой мы можемъ, въ виду отрывочности нашихъ свѣдѣній, только догадываться, но напряженность которой должна была возрастать благодаря враждебнымъ отношеніямъ бѣлаго духовенства къ нищенствующимъ. Хотятъ видѣть попытку спасти ихъ авторитетъ отъ грозившей ему опасности въ предложеніи, сдѣланномъ въ 1252 г. епископами Тулузы, Альби, Ажана и Карпантра: они предлагали уступить всю власть инквизиторовъ доминиканцамъ, которыхъ изберутъ комиссары Альфонса де Пуатье при условіи, что во всѣхъ рѣшеніяхъ будутъ спрашивать ихъ мнѣнія, обѣщая при этомъ соблюдать во всѣхъ случаяхъ правила, установленныя Инквизиціей.

Этотъ вопросъ объ участіи епископовъ въ рѣшеніяхъ былъ предметомъ продолжительныхъ споровъ. Если бы на прежнія предписанія, признававшія это право вмѣшательства, не смотрѣли съ презрѣніемъ, то Иннокентій IV не былъ бы вынужденъ въ 1254 г. подтвердить, чтобы осужденія на смерть или на пожизненное тюремное заключеніе не постановлялись безъ согласія епископа. Въ 1255 г. онъ приказалъ епископу и инквизитору совмѣстно обсудить всѣ темныя мѣста законовъ противъ еретиковъ и установить также легкія наказанія, въ видѣ лишенія должностей и бенефицій. Это признаніе епископской юрисдикціи было отмѣнено Александромъ IV, который послѣ нѣкоторыхъ размышленій сдѣлалъ инквизиторовъ независимыми, освободивъ ихъ отъ обязанности совѣтоваться съ епископами, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ еретикахъ, упорствующихъ и уличенныхъ въ своемъ преступленія (1257 г.). Онъ повторилъ то же рѣшеніе въ 1260 г., послѣ чего послѣдовала реакція. Въ 1262 г. Урбанъ IV составилъ подробный наказъ,

---

[1]) Vaissete, III, 452.—Concil. Biterrens. ann. 1246.—Berger, «Les Registres d'Innocent IV», №№ 2043, 3867, 3868.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 68, 74, 75, 77, 80, 152, 182).—Potthast, №№ 12744, 15805. — Mss. Bib. Nat. fonds latin № 9992. — Conc. Valentin. ann. 1248 c. 10.—Baluz. «Concil. Narbonn», app. стр. 100.

Система, принятая соборами Лангедока, сдѣлалась общею. Въ 1248 г. Иннокентій IV приказалъ архіепископу и инквизитору Нарбонны послать въ копіяхъ правила ихъ судопроизводства провинціалу Испаніи и Раймунду Пеннафорте, чтобы они примѣнялись и на полуостровѣ (Baluz et Mansi I, 208); ихъ каноны часто приводятся въ руководствахъ средневѣковой Инквизиціи.

Библиотека "Руниверс"

которымъ онъ снова подтвердилъ необходи мость совѣщаній съ епископами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ влекъ за собой смертную казнь или пожизненное заключеніе; въ томъ же духѣ высказался въ 1265 г. Климентъ IV. Но, повидимому, эти распоряженія были отмѣнены какимъ-либо послѣдующимъ актомъ или просто вышли изъ употребленія, такъ какъ въ 1273 г. Григорій X, упомянувъ объ отмѣнѣ Александромъ IV совѣщаній, предписалъ, чтобы инквизиторы, постановляя приговоры, совѣтовались съ епископами или ихъ довѣренными такъ, чтобы епископскій авторитетъ всегда имѣлъ участіе въ столь серьезныхъ рѣшеніяхъ. До этой эпохи Инквизиція разсматривалась, повидимому, только какъ временная мѣра, вызванная исключительными потребностями, и всякій папа при своемъ вступленіи опубликовывалъ рядъ буллъ, подтверждающихъ власть инквизиторовъ. Но ересь была замѣчательно упорна; населеніе приняло новое учрежденіе, польза котораго выразилась во многомъ и внѣ предѣловъ охраненія вѣры; на него начали смотрѣть какъ на существенный элементъ церковной организаціи, и оно поэтому стало пользоваться почти слѣпымъ уваженіемъ. Рѣшеніе Григорія относительно согласія епископа и инквизитора во всѣхъ случаяхъ тяжелыхъ осужденій осталось отнынѣ въ силѣ. Ниже мы увидимъ, что, когда Климентъ V попытался воспрепятствовать скандальнымъ злоупотребленіямъ инквизиторской властью, онъ искалъ средства въ незначительномъ расширеніи правъ наблюденія и отвѣтственности епископовъ, подражая въ этомъ подобной же попыткѣ, сдѣланной Филиппомъ Красивымъ. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда между епископомъ и инквизиторомъ существовали дружескія отношенія, эта незначительная гарантія, даваемая обвиняемому, сводилась на нѣтъ, такъ какъ одинъ давалъ другому право дѣйствовать отъ его имени; извѣстны случаи, гдѣ епископъ дѣйствовалъ какъ уполномоченный инквизитора, и наоборотъ. Вопросъ о томъ, могъ ли одинъ изъ двухъ безъ содѣйствія другого постановить оправдательный приговоръ, много занималъ канонистовъ, и разные авторитеты высказывались и за и противъ; но, повидимому, большинство склонялось къ утвердительному рѣшенію [1]).

Право надзора епископовъ значительно увеличилось, по крайней мѣрѣ, въ Италіи, въ отношеніи важнаго финансоваго вопроса, когда въ 1288 г. Николай IV предписалъ, что всѣ суммы, получаемыя отъ штрафовъ и конфискацій, должны передаваться на руки людей, избранныхъ съ согласія епископа и инквизитора, и что онѣ могутъ расходоваться только съ разрѣшенія епископа, которому долженъ представляться подробный отчетъ въ нихъ. Это было серьезнымъ ограниченіемъ независимости инквизиторовъ; но мѣра эта продержалась не долго. Епископы скоро стали злоупотреблять своимъ правомъ надзора, требуя себѣ часть добычи подъ предлогомъ, что они сами вели разслѣдованія. Бенедиктъ XI въ 1304 г. положилъ конецъ этому непристойному спору, отмѣнивъ постановленія своего предшественника. Епископамъ было запрещено требовать отчетовъ; отнынѣ инквизиторы должны были представлять ихъ только въ папскую канцелярію или особымъ уполномоченнымъ папы [2]).

Если, такимъ образомъ, были вполнѣ понятны колебанія въ упорядоченіи щекотливыхъ отношеній между надлежащими судебными властями, то въ отношеніяхъ Инквизиціи

---

[1]) Concil. Biterrens. ann. 1246.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 156; XXX, 107—9; XXXI, 149, 180, 216). Vaissete, III, Pr. 479, 496—7.—Martène, «Thesaur.», I. 1045.—Ripoll. I, 194.—Innoc. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 30 mai 1254.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 24.—Alex. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 20 jan. 1257; ejusd. Bull. «Ad Capiendum», ann. 1257.—Clement. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 17 sept. 1265.—Gregor. PP. X. Bull. «Prae cunctis mentis», 20 apr. 1273.—Lib. Sent. Inq. Tolosan. p a s s.—C. 17 Sexto V. 2. Eymeric. Direct. Inq., стр. 580.—Albert. Repert. Inq. s. v. «Episcopus».—Zanchini «Tract. de Haeret.» XV.—Isambert. II, 747.—Pegnae, «Commen. in Eymeric.», стр. 578.

[2]) Wadding. «Annal. Minorum» ann. 1288, № 17.—c. Extrav. Commun. VIII.

Библиотека "Руниверс"

къ обществу не было неопредѣленности. Уже въ самые первые годы, когда Инквизиція находилась въ эмбріональномъ состояніи, она оказала такія услуги, подчиняя ересь свѣтскимъ законамъ, что со всѣхъ сторонъ желали дать ей прочную организацію, чтобы она могла еще дѣятельнѣе помогать раскрытію и наказанію религіозныхъ преступленій. Смерть Фридриха II (1250), унесшая главнаго врага папства, дала послѣднему возможность присвоить себѣ и подтвердить къ своей выгодѣ суровые эдикты этого императора. Вслѣдствіе этого Иннокентій IV 15 мая 1252 г. разослалъ ко всѣмъ владѣтельнымъ лицамъ Италіи свою знаменитую буллу Ad extirpanda, устанавливавшую систематическое преслѣдованіе какъ существенный элементъ соціальнаго строя каждаго государства и каждаго города, хотя плохо опредѣленный кругъ дѣйствій епископовъ, инквизиторовъ и монаховъ свидѣтельствуетъ, насколько ихъ относительныя области были еще слабо разграничены. Всѣмъ начальникамъ исполнительной власти было приказано изгонять еретиковъ, приравненныхъ къ колдунамъ. Всякій, открывшій еретика, могъ завладѣть его личностью и его имуществомъ. Всякій главный магистратъ, черезъ три дня послѣ вступленія въ свои служебныя обязанности, долженъ былъ избрать, по указанію своего епископа и двухъ монаховъ отъ каждаго нищенствующаго ордена, двѣнадцать добрыхъ католиковъ при двухъ нотаріусахъ и двухъ или болѣе служащихъ, вся обязанность которыхъ заключалась бы въ задержаніи еретиковъ, въ конфискаціи ихъ имущества и въ выдачѣ ихъ епископу или его викаріямъ. Ихъ содержаніе и расходы по ихъ поѣздкамъ должны были оплачиваться государствомъ; ихъ свидѣтельство принималось безъ присяги; никакое свидѣтельство не имѣло силы противъ единогласнаго свидѣтельства троихъ изъ нихъ. Они несли свои обязанности въ теченіе шести мѣсяцевъ; по истеченіи этого срока они могли быть оставлены снова; во всякое время они могли быть устранены и смѣщены по просьбѣ епископа и монаховъ. Третья часть поступленій отъ штрафовъ и конфискацій слѣдовала имъ по праву; они были освобождены отъ всякой службы, несовмѣстной съ ихъ обязанностями; никакой законъ, существующій или могущій выйти, не могъ помѣшать ихъ дѣятельности. Глава свѣтской власти долженъ былъ командировать къ нимъ, по ихъ просьбѣ, своего засѣдателя или рыцаря; всякій житель долженъ былъ подъ угрозой крупнаго штрафа оказывать имъ содѣйствіе, если бы они попросили его. Когда эти слѣдователи или инквизиторы посѣщали часть области, подчиненной ихъ юрисдикціи, ихъ долженъ былъ сопровождать уполномоченный монарха, избранный ими самими или епископомъ. Прибывъ въ городъ или деревню, этотъ уполномоченный долженъ былъ призвать трехъ людей, пользовавшихся хорошей репутаціей, или даже всѣхъ окрестныхъ жителей и принудить ихъ подъ присягою указать всѣхъ еретиковъ, или указать ихъ имущество, или лицъ, у которыхъ происходятъ тайныя сборища, и которыя живутъ не такъ, какъ вообще всѣ вѣрные. Государство должно было задерживать всѣхъ подозрѣваемыхъ, заключать ихъ въ тюрьмы, препровождать ихъ подъ надежнымъ конвоемъ къ епископу или инквизитору и въ теченіе пятнадцати дней, согласно съ эдиктами Фридриха, приводить въ исполненіе всякое рѣшеніе, вынесенное по обвиненію въ ереси. Кромѣ того, свѣтская власть была обязана по простому требованію примѣнять пытку къ тѣмъ, кто откажется выдать всѣхъ извѣстныхъ ему еретиковъ. Если при задержаніи оказывалось какое-либо сопротивленіе, то была отвѣтственна вся община, и она должна была платить огромный штрафъ, если она въ теченіе трехъ дней не выдастъ всѣхъ принимавшихъ участіе въ возмущеніи. Исполнительная власть должна была еще приказать составить четыре списка тѣхъ, кто былъ объявленъ обезчещеннымъ или приговоренъ къ изгнанію за ересь; одинъ изъ нихъ долженъ былъ три раза въ годъ читаться публично, второй—долженъ былъ быть переданъ епископу, третій—доминиканцамъ, а четвертый—францисканцамъ. Она также должна была наблюдать за тѣмъ, чтобы дома были разрушены черезъ десять дней послѣ произнесенія рѣшенія, и слѣдить за поступленіемъ штрафовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Тѣ,

Библиотека "Руниверс"

кто былъ не въ состояніи уплатить, заключались въ тюрьму и держались тамъ, пока за нихъ не вносили слѣдуемаго штрафа. Доходъ отъ штрафовъ, отъ смягченій наказаній и отъ конфискацій раздѣлялся на три части: одна шла городу, другая—лицамъ, которымъ было поручено слѣдствіе, третья—епископу и инквизиторамъ, которые должны были употреблять ее на преслѣдованіе еретиковъ.

Самыя серьезныя мѣры были приняты, чтобы эти суровыя предписанія исполнялись повсюду со всею строгостью. Они должны быть внесены навсегда во всѣ сборники мѣстныхъ статутовъ, наряду со всѣми законами, которые папа могъ бы опубликовать впослѣдствіи, подъ угрозой отлученія отъ Церкви чиновниковъ, которые отказались бы это сдѣлать, и наложенія интердикта на города. Владѣтели, власти и ихъ чиновники должны были давать присягу на соблюденіе этихъ законовъ подъ страхомъ отлученія отъ должности. Всякая попытка измѣнить эти законы была преступленіемъ, виновный въ которомъ карался вѣчнымъ лишеніемъ добраго имени, штрафомъ и изгнаніемъ; всякая небрежность въ ихъ исполненіи наказывалась, какъ клятвопреступленіе, вѣчнымъ позоромъ, штрафомъ въ двѣсти марокъ и подозрѣніемъ въ ереси, что влекло за собой потерю должности и лишеніе навсегда права на какое-либо другое мѣсто. Всякое лицо, облеченное властью, въ продолженіе десяти дней со дня вступленія въ свои обязанности, должно было избрать, по указанію епископа или нищенствующихъ, трехъ добрыхъ католиковъ, которые подъ присягой брали бы на себя обязанность разслѣдовать дѣйствія его предшественника и возбудить противъ него преслѣдованіе за всякое уклоненіе отъ повиновенія. Кромѣ всего этого, всякій подеста, въ началѣ и въ концѣ своего правленія, долженъ былъ распорядиться о чтеніи буллъ въ публичныхъ мѣстахъ, указанныхъ епископомъ и инквизиторами, и изъять изъ книги статутовъ всѣ законы, которые могли быть въ противорѣчіи съ нею. Въ то же время Иннокентій разослалъ инструкціи инквизиторамъ, приказывая имъ подъ страхомъ отлученія отъ Церкви настоять на внесеніи этой буллы и эдиктовъ Фридриха въ статуты всѣхъ городовъ и государствъ. Немного позднѣе онъ имъ предоставилъ опасную привилегію толковать, совмѣстно съ епископомъ, всѣ пункты мѣстныхъ законовъ, относящіеся къ ереси.

Всѣ эти предписанія не были, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, горячечнымъ бредомъ больного ума. Дѣло идетъ о законодательствѣ положительномъ, практическомъ, зрѣло обдуманномъ и утвержденномъ въ виду строго намѣченной политической цѣли. Состояніе общественнаго мнѣнія той эпохи прекрасно характеризуется тѣмъ фактомъ, что столь деспотическія мѣры были приняты безъ всякаго сопротивленія.

Въ 1254 г. Иннокентій IV сдѣлалъ въ буллѣ нѣкоторыя незначительныя измѣненія, внушенныя опытомъ. Въ 1255, 1256 и 1257 гг. Александръ IV пересмотрѣлъ буллу, разрѣшилъ нѣкоторыя возникшія сомнѣнія и остановился на необходимости назначить повсюду слѣдователей для разслѣдованія дѣйствій уходящихъ со службы магистратовъ. Въ 1259 г. онъ переиздалъ буллу въ своемъ сборникѣ. Въ 1265 г. Климентъ IV снова опубликовалъ ее съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ которыхъ главное состояло въ томъ, что онъ прибавилъ слово «инквизиторы» тамъ, гдѣ Иннокентій указывалъ только на епископовъ и монаховъ, показывая, такимъ образомъ, что за это время Инквизиція сдѣлалась преимущественнымъ орудіемъ для преслѣдованія еретиковъ. Въ слѣдующемъ году онъ подтвердилъ указъ, данный Иннокентіемъ Инквизиторамъ, повелѣвавшій внести во всѣ сборники статутовъ, подъ страхомъ отлученія и интердикта, его узаконеніе, а равно узаконеніе его предшественниковъ. Это показываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было оказано сопротивленіе, но незначительное число примѣровъ, которые можно привести въ подтвержденіе этого, свидѣтельствуетъ, что огромное большинство городовъ подчинилось безропотно. Въ 1256 г. Александръ IV узналъ, что власти Генуи проявляли какую-то злую волю; онъ далъ имъ пятнадцать дней срока для прекращенія оппозиціи, подъ угрозой духовнаго наказанія и интердикта. Такъ же поступилъ онъ въ 1258 г. съ мага-

Библиотека "Руниверс"

стратами Мантуи. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что булла оставалась внесенной въ статуты Флоренціи до пересмотра ихъ въ 1355 г., ясно показываетъ, что указы папы точно исполнялись въ продолженіе болѣе ста лѣтъ [1]).

Въ Италіи эти мѣры доставили Инквизиціи прекрасно организованный и оплачиваемый государствомъ составъ служащихъ, который сдѣлалъ изъ нея установленіе, превосходно вооруженное для выполненія своихъ задачъ. Мы не знаемъ, было ли приложено папами стараніе къ примѣненію ихъ буллъ въ другихъ странахъ; но если были попытки, то онѣ окончились неудачей, такъ какъ по ту сторону Альповъ эти предписанія никогда не имѣли силы. Впрочемъ, это было неважно, пока законъ, консервативный духъ руководящихъ классовъ и благочестіе монарховъ шли рука-объ-руку, чтобы облегчить повсюду и во всемъ задачу инквизиторовъ. Согласно Парижскому трактату всѣ государственные чиновники были обязаны содѣйствовать Инквизиціи и задерживать еретиковъ; всѣ мужчины старше четырнадцати лѣтъ, всѣ дѣвушки и женщины старше двѣнадцати лѣтъ должны были приносить присягу, что будутъ доносить на виновныхъ епископамъ. Нарбоннскій соборъ 1229 г. привелъ въ исполненіе всѣ эти рѣшенія. Соборъ въ Альби въ 1254 г. помѣстилъ инквизиторовъ среди тѣхъ, кому нужно было доносить на еретиковъ; онъ угрожалъ церковнымъ запрещеніемъ всѣмъ свѣтскимъ сеньорамъ, которые пренебрегли бы обязанностью помогать Инквизиціи и приводить въ исполненіе ея приговоры къ смертной казни или къ конфискаціи. Содѣйствіе, потребованное такимъ образомъ, было дано отъ чистаго сердца. Всякій инквизиторъ имѣлъ при себѣ королевскія граматы, уполномачивающія его обращаться ко всѣмъ государственнымъ чиновникамъ, чтобы они содѣйствовали ему, сопровождали его и помогали ему во время его поѣздокъ. Въ одной запискѣ, помѣченной 1317 г., Бернаръ Ги говоритъ, что инквизиторы, снабженные этими граматами, легко получаютъ содѣйствіе бальи, сержантовъ и другихъ чиновниковъ, какъ королевскихъ, такъ и сеньоральныхъ, безъ которыхъ они не могли бы достигнуть крупныхъ результатовъ. И не только во Франціи дѣло обстояло такъ, ибо Эмерикъ, писавшій въ Арагоніи, сообщаетъ намъ, что первымъ дѣйствіемъ инквизитора, по полученіи полномочія, было представить его королю и главному начальнику и просить у него открытые листы, заявляя при этомъ, что они согласно канонамъ должны ему дать таковые, если желаютъ избѣжать многочисленныхъ наказаній, налагаемыхъ буллами Ad abolendam и Ut inquisitionis. Затѣмъ онъ долженъ представить эти листы чиновникамъ и заставить ихъ поклясться, что они будутъ во всемъ повиноваться тѣмъ приказаніямъ, которыя онъ дастъ имъ во время отправленія своихъ обязанностей. Итакъ, все могущество государства было предоставлено въ распоряженіе святой Инквизиціи. Болѣе того, всякое частное лицо было обязано оказывать ей свое содѣйствіе; всякое уклоненіе грозило ему отлученіемъ отъ Церкви какъ соумышленника ереси, а эта мѣра могла черезъ годъ навлечь на него обви-

---

[1]) Innoc. PP. IV. Bull. «Ad. extirpanda», ann. 1252 (Mag. Bull. Roman. I, 91).—Ejusd. Bull. «Orthodoxae», 1252 (Ripoll. I. 208, ср. VII, 28).—Ejusd. Bull. «Ut commissum», 1254 (Ibid. I. 258).—Ejusd. Bull. «Volentis», 1254 (Ibid. I, 251).—Ejusd. Bull. «Cum venerabilis», 1253 (Mag. Bull. Roman. I. 93—4).—Ejusd. Bull. «Cum in constitutionibus», 1254 (Pegnae app. 19).—Alex. PP. IV. Bull. «Cum secundum», 1255 (M. B. R. I. 106).—Ejusd. Bull. «Exortis in agro», 1256 (Pegnae app., стр. 20).—Ejusd. Bull. «Exortis in agris», 1256 (Ripoll. I. 297).—Ejusd. Bull. «Delecti filii», 1256 (Ripoll. I, 312).—Ejusd. Bull. «Cum vos», 1256 (Ripoll. I, 314).—Ejusd. Bull. «Felicis recordationis», 1257 (M. B. R. I. 106).—Ejusd. Bull. «Implacida», 1257 (M. B. R. I. 113).—Ejusd. Bull. «Implacida», 1258 (Potthast. № 17302).—Ejusd. Bull. «Ad. extirpanda», 1259 (Pegnae app., стр. 30).—Clement. PP. IV. Bull. «Ad extirpanda», 1265 (M. B. R. I. 148—51).—Ejusd. Bull. «Ad extirpanda», 1226 (Pegnae app., стр. 43).—Archivio di Firenze, Riformagioni, Classe II, Distinzione I, № 14.—Около 1330 г. Бернаръ Ги (Practica P. IV.—Coll. Doat, XXX) упоминаетъ предписанія буллы Иннокентія IV, какъ составляющія часть привилегій итальянскихъ инквизиторовъ.

Библиотека "Руниверс"

неніе въ ереси со всѣми своими страшными послѣдствіями. Такимъ образомъ, частныя лица, какъ и государство, волей или неволей становились помощниками Инквизиціи [1]).

Право отмѣнять всѣ законы, которые мѣшали свободному дѣйствію Инквизиціи, одинаково примѣнялось по обѣ стороны Альповъ. Когда въ 1257 г. Александръ IV съ негодованіемъ узналъ, что Мантуя приняла нѣкоторые статуты, противорѣчащіе абсолютизму Инквизиціи, онъ немедленно приказалъ архіепископу Мантуи изслѣдовать дѣло и уничтожить все, что могло бы помѣшать или задержать дѣйствія святого трибунала. Въ случаѣ сопротивленія онъ долженъ былъ отлучить магистратовъ отъ Церкви, а на городъ наложить интердиктъ. Въ 1275 г. Урбанъ IV распространилъ повсюду примѣненіе этого распоряженія, взятаго изъ буллы Ad extirpanda, и оно было введено въ каноническій законъ какъ выраженіе безспорныхъ правъ Церкви. Такимъ образомъ, Инквизиція становилась настоящей хозяйкой законодательства всѣхъ странъ, которое она могла измѣнить по своему усмотрѣнію; и не вина Церкви, если какой-нибудь пылкій монархъ, въ родѣ Филиппа Красиваго, осмѣливался, воспользовавшись случаемъ, подвергнуть себя божественному мщенію, защищая права своихъ подданныхъ [2]).

По сю сторону Альповъ не было принято, какъ въ Италіи, что расходы Инквизиціи должны были падать на государство, но королевская щедрость широко заботилась объ этомъ; къ тому же расходы на Инквизицію не были велики. Доминиканскіе монастыри давали ей у себя мѣсто для засѣданій, а государственные чиновники были обязаны, какъ мы уже видѣли, оказывать ей всѣ услуги, въ которыхъ она нуждалась. Если епископы не радѣли постройкой и содержаніемъ тюремъ, то ревность королей взяла эти обязанности на себя. Отъ 1317 г. мы узнаемъ, что въ теченіе восьми лѣтъ король истратилъ 630 турскихъ ливровъ на содержаніе одной только тулузской тюрьмы, и что онъ также правильно платилъ тюремщикамъ. Сверхъ всего, инквизиторы имѣли право во всякое время пригласить въ помощь себѣ экспертовъ, которые не могли отказать имъ въ освѣщеніи дѣла. Всѣ научныя силы королевства были обязаны прежде всего бороться противъ ереси и были безплатно предоставлены къ услугамъ Инквизиціи; ей, равнымъ образомъ, должны были повиноваться и міряне, и прелаты [3]).

Что власть, предоставленная, такимъ образомъ, Инквизиціи, была реальна, а не проблематична, видно изъ дѣла Капелло ди Кіа, могущественнаго сеньора римской провинціи, который навлекъ на себя подозрѣніе въ ереси, былъ осужденъ, приговоренъ къ изгнанію и подвергся конфискаціи всего имущества (1260). Такъ какъ онъ отказался покориться, то инквизиторъ, братъ Андрей, призвалъ на помощь жителей сосѣдняго города Витербо; они, послушные ему, выставили цѣлую армію, во главѣ которой инквизиторъ осадилъ Капелло въ его замкѣ Колле-Казале. Капелло благоразумно перевелъ свое имущество на имя знатнаго римлянина по имени Піетро-Джакомо Сурди, и благочестивое пред-

---

[1]) Bernard. Guidon. «Gravamina» (Coll. Doat, XXX, 90 и сл.).—Concil. Narbonn. ann. 1229 c. 1, 2.—Concil. Albiens. ann. 1254 c. 3, 5, 8.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat. XXX, 110—111, 127; XXXI, 250).—Vaissete, III. Pr. 528—9, 536.—Arch. di Napoli, Registro 6, lett. D, fol. 180.—Eymerici «Direct. Inquis.» 390—1, 560—1.—Bernardi Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

Иногда инквизитору было довольно трудно получить королевскія жалованныя граматы. Когда въ 1269 г. францисканцы Бертранъ де Рошъ и Понсъ де Ривъ были назначены инквизиторами въ Форкалькье, они были вынуждены отправиться сначала въ Палермо, гдѣ находился тогда Карлъ Анжуйскій, и гдѣ онъ вручилъ имъ граматы къ своему сенешалю и къ другимъ своимъ чиновникамъ (4 августа 1269 г.).—Arch. di Napoli, Registro 6, lett. D, fol. 180. Ср. Registro 20, lett. B, fol. 91.

[2]) Mag. Bull. Roman. I, 118.—C. 9 Sexto V. I.—Zanchini, «Tract. de Haeret.» c. XXXI.—Ср. Eymerici, «Direct. Inq.», 561.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Statutum».

[3]) Bernard. Guidon. «Gravamina» Doat. XXX, 107—9).—Alex. PP. IV. Bull. «Cupientes», 15 apr. 1225; ejusd. Bull. «Exortis in agro», 15 mar. 1256.

Библиотека "Руниверс"

пріятіе витербцевъ было остановлено указомъ сенатора Рима, запретившаго насиліе надъ имуществомъ добраго гражданина-католика. Тогда въ дѣло вмѣшался Александръ IV, приказавшій Сурди отказаться отъ участія въ тяжбѣ, такъ какъ права его на владѣнія замкомъ не имѣютъ никакой силы; въ то же время онъ приказалъ сенатору не мѣшать дѣлу и горячо благодарилъ витербцевъ за ревность и храбрость, съ которыми они явились къ услугамъ брата Андрея. На дѣлѣ же, послѣдній только примѣнилъ на практикѣ власть, которую Цангино считалъ неразрывной съ обязанностями инквизитора, а именно—открыто поднимать войну противъ еретиковъ и противъ ереси [1]).

Въ этихъ почти безграничныхъ предѣлахъ власти инквизиторы, по большей части, дѣйствовали безконтрольно и безотвѣтственно; даже папскій легатъ не долженъ былъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла или развѣдывать о ереси въ предѣлахъ ихъ компетенціи. Ихъ нельзя было отлучить отъ Церкви за преступленіе по службѣ, и представитель Святого Престола не могъ даже временно отстранить ихъ отъ должности. Если же и случалось подобное, то отлученіе или отстраненіе отъ должности не имѣли никакого значенія, если они не были сдѣланы без ъ особаго полномочія папы. Въ 1245 г. инквизиторы получили право прощать своихъ въ чемъ-либо провинившихся слугъ; съ 1261 г. они могли взаимно оправдывать другъ друга за всѣ дѣйствія по Инквизиціи; а такъ какъ у каждаго инквизитора былъ подчиненный, всегда готовый оказать ему эту услугу, то онъ благодаря этому былъ совершенно неуязвимъ. Наконецъ, инквизиторы освобождались отъ всякаго повиновенія своимъ провинціаламъ и генераламъ; имъ даже было запрещено получать отъ нихъ бумаги, касающіяся ихъ служебной дѣятельности; они были обезопасены отъ всякой попытки подорвать ихъ кредитъ при куріи, такъ какъ имъ дано было исключительное право отправляться въ Римъ во всякое время, когда имъ вздумается, и оставаться тамъ, сколько захотятъ, несмотря даже на запрещеніе провинціала или главныхъ капитуловъ. Первоначально ихъ полномочія прекращались со смертью папы, отъ котораго они ихъ получили, но съ 1267 года эти полномочія были объявлены постоянными [2]).

Вопросъ о несмѣняемости инквизиторовъ находился въ прямой связи съ вопросомъ объ ихъ подчиненности или объ ихъ независимости и вызывалъ много противорѣчивыхъ постановленій. Такъ какъ первоначально право ихъ назначенія принадлежало провинціаламъ, то естественно они же удаляли и замѣщали ихъ послѣ совѣщанія съ «видными» членами ордена. Въ 1244 г. Иннокентій IV издалъ указъ, что провинціалы и генералы нищенствующихъ орденовъ имѣли полное право смѣщать, увольнять и замѣщать всѣхъ членовъ ихъ орденовъ, которые несли инквизиторскія обязанности, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они получили полномочіе отъ папы. Двѣнадцать лѣтъ спустя колеблющаяся политика Александра IV вызвала со стороны инквизиторовъ серьезную попытку добиться полной независимости. Въ 1256 г. онъ утвердилъ за провинціалами право смѣщенія инквизиторовъ; въ іюлѣ 1257 г. онъ отнялъ у нихъ это право, а 9 декабря того же года снова призналъ его за ними буллою Quod super nonnullis, которая много

[1]) Pegnae «Append. ad «Eymeric.» 37—8.—Zanchini, «Tract. de Haeretic.» c. XXXVII.

[2]) Arch Nat. de France J. 431, № 23.—Innoc. PP. IV. Bull. «Devotionis», 2 maii 1245, (Coll. Doat, XXXI, 70).—Berger, »Reg. d' Innoc. IV», № 1963.—Ripoll. I. 132; II. 504, 610, 614.—Alex. PP. IV. Bull. «Ut. negotium», 5 mart. 1261.—Urban. PP. IV. Bull. «Ut negotium» 4 aug. 1262.—Mag. Bull. Roman. I. 116, 120, 126, 139, 267, 420.—C. 10. Sexto V. 2.—Potthast №№ 13057, 18389, 18419, 19559.—Bern. Guidon. Practica» P. IV (Doat, XXX).—Eymeric. «Direct. Inquis.» 136—7.

Интересно отмѣтить, что вопросъ о томъ, кончается ли полномочіе инквизитора со смертью папы, давшаго его, былъ еще спорнымъ въ 1290 г., когда онъ былъ разрѣшенъ Николаемъ IV буллою «Ne aliquo» (Potthast, № 23302) въ смыслѣ его непрерывности. Въ предшествовавшую эпоху Александръ IV, возлагая на себя тіару (1255 г.), счелъ нужнымъ возобновить полномочія такого выдающагося инквизитора, какъ Райнеріо Сакконе (Ripoll. I. 275).

Библиотека "Руниверс"

разъ была подтверждена какъ имъ, такъ и его преемниками. Послѣдующіе папы давали противорѣчивые указы, пока, наконецъ, Бонифацій VIII не высказался за право смѣщенія; но инквизиторы добились того, что это право могло быть примѣняемо только посредствомъ правильнаго судебнаго процесса, т.-е. на практикѣ оно сводилось къ нулю. Правда, согласно реформамъ Климента V, отлученіе отъ Церкви, снять которое могъ только папа, налагалось на инквизиторовъ ipso facto за три рода преступленій: 1) за незаконныя преслѣдованія, вызванныя дружбою, личной враждой или алчностью, и за небрежность въ преслѣдованіи, исходящую изъ тѣхъ же мотивовъ; 2) за вымогательство денегъ и 3) за конфискацію церковныхъ имуществъ въ видѣ наказанія проступковъ духовнаго лица; но эти мѣры, противъ которыхъ энергично протестовалъ Бернаръ Ги, указывали только отношеніе куріи и не имѣли практическаго значенія [1]).

Францисканцы старались привести своихъ инквизиторовъ къ повиновенію, давая имъ полномочія на опредѣленный срокъ. Такъ, напр., въ 1320 г. генералъ ордена Михаилъ ди Чезена опредѣлилъ его въ пять лѣтъ,—срокъ, который, повидимому, долгое время оставался въ силѣ; мы видимъ, напр., что въ 1375 г. Григорій XI обратился къ генералу францисканцевъ съ просьбой оставить въ должности римскаго инквизитора брата Габріеля ди Витербо въ виду его выдающихся заслугъ. Въ 1439 г. обязанности инквизитора Флоренціи были возложены на бр. Франческо да Микеле, чтобы отнять полномочія у бр. Джакопо делла Біада; отсюда ясно, что назначенія продолжали дѣлаться на опредѣленный срокъ, хотя Евгеній IV въ 1432 г. предоставилъ генералу францисканцевъ Гильельмо ди Казале полное право назначать и устранять инквизиторовъ. Доминиканцы, повидимому, не примѣняли этого способа; мало того, всѣ подобныя мѣры были не въ состояніи установить подчиненіе и дисциплину въ виду постояннаго вмѣшательства Св. Престола, которое всегда можно было вызвать при извѣстномъ умѣніи. Инквизиторскія полномочія безпрестанно давались папою, и, повидимому, ихъ въ такомъ случаѣ могъ отобрать только одинъ папа. Но даже если этого и не было, то на практикѣ не имѣло большого значенія, что папы признавали въ теоріи за провинціалами право смѣщать, такъ какъ они всегда были готовы вмѣшаться въ дѣло и рѣшить его по-своему. Въ 1323 г. Іоаннъ XXII далъ брату Пьеро ди Перуджіа, инквизитору Ассиза, граматы, которыя заранѣе ограждали его противъ возможности отрѣшенія отъ должности или перемѣщенія. Въ 1339 г. былъ поднятъ вопросъ объ извѣстномъ Джованни ди Борго, перемѣщенномъ генераломъ францисканцевъ и возвращенномъ на старое мѣсто Бенедиктомъ XII. Еще болѣе роковымъ для поддержанія порядка было дѣло Франциско ди Сала; его назначилъ провинціалъ Арагоніи, его преемникъ его устранилъ, а папа Мартинъ V въ 1419 г. возстановилъ его, признавъ его къ тому же несмѣняемымъ. Однако, въ 1439 г. Евгеній IV, а въ 1474 г. Сикстъ IV подтвердили постановленія Климента IV, согласно которымъ инквизиторы могли быть перемѣщаемы какъ генералами, такъ и провинціалами. Въ 1479 г. Сикстъ IV распорядился, чтобы всѣ жалобы, возбуждаемыя инквизиторами, направлялись къ генералу ихъ ордена, за которымъ было признано право наказывать и перемѣщать ихъ [2]).

---

[1]) Coll. Doat, XXXI, 73; XXXII, 15, 105.—Alex. PP. IV. Bull. «Odore suavi», 13 mail 1256; ejusd. Bull. «Catholicae fidei», 15 jul. 1257; ejusd. Bull. «Quod. super nonnullis», 9 dec. 1257; ejusd. Bull. «Meminimus», 13 apr. 1258.—Clem. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 30 sept. 1265.—C. 1, 2, Clementin. V. 2.—Bern. Guid. «Gravam» (Doat, XXX, 114).—Innoc. PP. VI. Bull. «Odore suavi», 9 jun. 1355 («Bulario de la Orden de Santiago». T. III, fol. 550 in Archiv. Nacion. de Espana).

[2]) Wadding. ann. 1323, № 17; ann. 1327. № 5, ann. 1339, № 1; ann. 1347, № 10, 11; ann. 1375, № 30; ann. 1432, № 10, 11; ann. 1474, № 17—19.—Archivio di Firenze. Prov. del. Convento di S. Croce, 26 ott. 1439.—Ripoll. II. 342—44, 570—1.—Sixti PP. IV. Bull. «Sacri», 16 jul. 1479, § 11.

Библиотека "Руниверс"

Естественнымъ слѣдствіемъ этого противорѣчиваго законодательства было то, что инквизиторы являлись отвѣтственными передъ своими начальниками какъ монахи, но не какъ инквизиторы; въ качествѣ послѣднихъ они давали отчетъ только папѣ и утверждали, что ихъ могутъ смѣстить только въ случаѣ доказанной неспособности выполнять свою задачу вслѣдствіе старости, болѣзни или невѣжества. Что касается ихъ викаріевъ и ихъ подчиненныхъ, то они полагали, что послѣдніе были подсудны только имъ однимъ; всякая попытка провинціала устранить одного изъ этихъ подчиненныхъ, являясь дѣйствіемъ, направленнымъ противъ правильнаго хода Инквизиціи, должна была вызывать подозрѣніе въ ереси. И нелегко, конечно, было вмѣшиваться въ дѣла людей, столь страшно вооруженныхъ и воодушевленныхъ духомъ рѣшимости. Горячность, съ которой Эмерикъ разбираетъ этотъ вопросъ, даетъ возможность догадываться о пылкости, съ которой велась борьба, шедшая непрестанно между провинціалами и инквизиторами. Злоупотребленія и безпорядки, вызванные подобнымъ положеніемъ вещей, вынудили Іоанна XXIII вмѣшаться и объявить, чтобы инквизиторы во всемъ были подчинены своимъ старшимъ и во всемъ слушались бы ихъ. Но Великій Расколъ подорвалъ авторитетъ папы, и Іоанна XXIII мало кто слушалъ. Послѣ возстановленія единства въ Констанцѣ въ 1418 г. Мартинъ V поторопился подтвердить распоряженія своего предшественника. Къ сожалѣнію, ненасытная алчность римской куріи, всегда готовой соблазниться на деньги, ставила роковое препятствіе къ установленію дисциплины; къ тому же тѣ, кто былъ назначенъ прямо папою, не могли высказывать подчиненія старшимъ членамъ своего ордена [1]).

Замѣтки Эмерика свидѣтельствуютъ, что инквизиторъ не долженъ былъ стѣсняться преслѣдовать своего старшаго. Его юрисдикція была на дѣлѣ почти безпредѣльна, такъ какъ угроза въ подозрѣніи въ ереси тяготѣла, равнымъ образомъ, и на великихъ міра сего и на малыхъ. Въ угоду Инквизиціи было даже отмѣнено право убѣжища въ церквахъ, и даже сама неприкосновенность нищенствующихъ орденовъ не защищала ихъ отъ ея юрисдикціи. Въ теоріи короли были также подсудны ей; но Эмерикъ благоразумно замѣчаетъ, что если въ дѣлѣ замѣшано подобное лицо, то лучше обратиться къ папѣ и ждать его указаній. Было одно лицо, которое избѣгало тиранніи Инквизиціи. Епископскій санъ сохранилъ еще значительную часть своего прежняго огромнаго престижа, часть достаточную, чтобы оградить отъ нападеній инквизитора, если послѣдній, по крайней мѣрѣ, не представлялъ особыхъ, данныхъ ad hoc, папскихъ граматъ. Если вѣра епископа казалась подозрительной, то инквизиторъ былъ обязанъ тщательно собрать всѣ доказательства и представить ихъ на разсмотрѣніе Рима. Въ 1327 г. Іоаннъ XXII сдѣлалъ еще новое исключеніе, вызванное заносчивостью инквизитора Сициліи, Матье де Понтиньи, который осмѣлился отлучить отъ Церкви Гильома де Бале, архидіакона города Фрежюса, папскаго капеллана и представителя Авиньонской куріи въ Кампаніи и Приморской провинціи. Разгнѣванный папа опубликовалъ декреталій, воспрещающій всѣмъ судьямъ и инквизиторамъ нападать на должностныхъ лицъ и нунціевъ Св. Престола, если они не получатъ на это особыхъ полномочныхъ граматъ. Смѣлость Матье де Понтиньи хорошо показываетъ самомнѣніе и самонадѣянность членовъ Инквизиціи. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что міряне обыкновенно называли ихъ: «Ваше Монашеское Величество», указываетъ, какое сильное впечатлѣніе производили на умы массы ихъ неограниченное всемогущество и безотвѣтственность [2]).

Если епископы ускользали отъ суда Инквизиціи, то они никоимъ образомъ не были

[1]) Eymeric., 540—9, 553.—Arch. di Firenze, Prov. del Conv. di S. Croce, 16 apr. 1418.

[2]) Eymerici «Direct. Inquis.», стр. 559.—Greg. PP. X. Bull. 20 apr. 1273 (Martène, «Thes.» V. 1821.)—Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. VIII.—Johann. PP. XXII. Bull. «Ex parte vestra», 3 jul. 1322 (Wadding. III. 291).—C. 16 Sexto V. 2.—C. 3. Extrav. Commun. V. 3—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat. XXXVII, 204).

Библиотека "Руниверс"

изъяты отъ повиновенія инквизиторамъ. Въ грамотѣ о назначеніи, получаемой послѣдними отъ папы, говорилось, что архіепископы, епископы, аббаты и всѣ остальные прелаты должны сообразоваться съ ихъ приказаніями во всемъ, что касалось задачи Инквизиціи подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, отрѣшенія отъ должности и интердикта. Повелительный и высокомѣрный тонъ, съ которымъ отдавали инквизиторы свои приказанія епископскимъ служащимъ, показываетъ, что это не было пустою формальностью. Несмотря на то, что папа, обращаясь къ епископу, называлъ его «уважаемымъ братомъ», а обращаясь къ инквизитору, называлъ его «дорогимъ сыномъ», инквизиторы считали себя, какъ прямыхъ уполномоченныхъ Святого Престола, выше епископовъ, и если лицо было одновременно вызываемо епископомъ и инквизиторомъ, то оно должно было сначала явиться по вызову послѣдняго. Инквизитору должны были повиноваться какъ самому папѣ, и епископъ не могъ уклониться отъ этого. Это входило въ политику папъ, такъ какъ инквизиторъ былъ подходящимъ орудіемъ для приведенія епископовъ въ подчиненіе. Такъ, напр., въ 1296 г. Бонифацій VIII, предписывая епископамъ уничтожить нѣкоторыхъ отшельниковъ и нищенствующихъ, не получившихъ санкціи Церкви, одновременно послалъ копія съ своей буллы инквизиторамъ съ приказаніемъ возбуждать ревность епископовъ и доносить ему о небрежныхъ.

Однако, несмотря на то, что инквизиторы завоевали себѣ столь высокое положеніе, Инквизиція служила ступенью на епископскую каѳедру. Подобныя функціи давали людямъ честолюбивымъ огромное вліяніе, которымъ они постоянно злоупотребляли, чтобы продвинуться выше по іерархической лѣстницѣ. Между первыми инквизиторами мы встрѣчаемъ бр. Альдобрандино Кавальканти во Флоренціи, который сдѣлался епископомъ въ Витербо, а преемникъ его, брата Руджіеро Кальканьи, въ 1245 г. былъ вознагражденъ за свои услуги епископскою каѳедрою въ Кастро. Я ограничусь одною Флоренціей; ея инквизиторъ братъ Андреа да Перуджіа, былъ сдѣланъ епископомъ въ 1343 г., а его преемникъ братъ Піетро ди Аквила, въ 1346 г. возведенъ въ санъ епископа въ Сантанджело деи Ломбарди; на его мѣсто инквизиторомъ былъ назначенъ братъ Микеле ди Лапо; а въ 1350 г. сеньорія ходатайствовала передъ папой о назначеніи его епископомъ Флоренціи.

Инквизиторское служеніе давало также возможность возвышенія и въ самомъ орденѣ, и это не упускалось изъ виду. Такъ, напр., въ спискѣ доминиканскихъ провинціаловъ Саксоніи за вторую половину XIV столѣтія три брата, занимавшіе одинъ за другимъ эту должность съ 1369 по 1382 гг. — Вальтеръ Керлингеръ, Германъ Гельстеде и Генрихъ фонъ Альбрехтъ—были раньше инквизиторами [1]).

Не слѣдуетъ думать, что это грандіозное зданіе, которое такъ долго давило христіанскій міръ, могло быть воздвигнуто безъ сопротивленія, несмотря на все покровительство папъ и королей. Когда мы перейдемъ къ детальному изученію исторіи Инквизиціи, то встрѣтимъ многочисленные примѣры народныхъ сопротивленій, безжалостно и быстро подавленныхъ. Конечно, чтобы рѣшиться поднять свой голосъ противъ Инквизиціи, какъ бы ни было жестоко и ненавистно ея поведеніе, надо было отличаться особымъ мужествомъ. По правиламъ каноническихъ законовъ, всякій, кто препятствовалъ инквизитору въ его дѣятельности или подстрекалъ къ этому другихъ, ipso facto подвергался отлученію отъ Церкви; по истеченіи года его уже на законномъ основаніи объявляли еретикомъ, безъ всякихъ лишнихъ церемоній передавали въ руки свѣтской власти и сжигали безъ суда

---

[1]) Pegnae «App. ad Eymeric.», стр. 66—7.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXII, 143, 147).—Eymeric. «Direct. Inq.» 537—8.—Albert. «Repert. Inq.» изд. 1494, s. v. «Delegatus».—Franz Ehrle, «Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte», 1886, стр. 158.—Lami, «Antichità Toscane», стр. 583.—Archivio di Firenze, Riformagioni, classe V, № 129, fol. 46, 62—70.—Martène, «Ampl. Coll.» VI. 344.

Библиотека "Руниверс"

и безъ надежды на снисхожденіе. Ужасная власть, предоставленная, такимъ образомъ, инквизитору, становилась еще болѣе грозной благодаря растяжимости понятія «преступленіе, выражавшееся въ противодѣйствіи Инквизиціи»; это преступленіе было плохо квалифицировано, но преслѣдовалось оно съ неослабной энергіей. Если смерть освобождала обвиненныхъ отъ мщенія Церкви, то Инквизиція не забывала ихъ, и гнѣвъ ея обрушивался на ихъ дѣтей и внуковъ. Во время процесса брата Бернара Делисье въ 1319 г. было рѣшено, что онъ виновенъ въ сопротивленіи Инквизиціи, такъ какъ нѣсколько расширилъ власть агентовъ, избранныхъ городомъ Альби, чтобы принести жалобу папѣ Клименту V на дѣйствія епископа и инквизитора [1]).

Если бы епископы дѣйствовали единодушно, они, конечно, могли бы отстоять свою юрисдикцію отъ этихъ посягательствъ и сохранить свое духовное стадо отъ ужасовъ, которые обрушились на него. Къ несчастью, прелаты не умѣли дѣйствовать сообща. Одни изъ нихъ были мрачные фанатики, которые съ радостью привѣтствовали Инквизицію и оказывали ей свое содѣйствіе; другіе оставались индифферентны; третьи, наконецъ, а такихъ было большинство, поглощенные свѣтскими занятіями и спорами, были скорѣе даже рады, что ихъ избавили отъ тяжелыхъ обязанностей, заниматься которыми у нихъ не было ни охоты, ни времени. Ни одинъ изъ нихъ не рѣшался поднять голосъ противъ учрежденія, которое, по мнѣнію всѣхъ благочестивыхъ душъ, отвѣчало самымъ настоятельнымъ потребностямъ эпохи. Неизбѣжная зависть епископовъ сказалась только въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ тщетно хлопотали о томъ, чтобы предоставленныя нищенствующимъ обязанности были возложены на нихъ. Мы видимъ извѣстную ревность въ преслѣдованіи еретиковъ при помощи старой системы синодальныхъ свидѣтелей на Турскомъ соборѣ 1239 г., на соборѣ въ Безье въ 1246 г., въ Альби въ 1254 г. Соборъ въ Лиллѣ въ 1251 г. сдѣлалъ болѣе рѣшительный шагъ, чтобы вернуть утраченную почву, не только приказавъ епископамъ заниматься разслѣдованіями въ ихъ епархіяхъ, но и потребовавъ отъ Инквизиціи выдачи всѣхъ ея архивовъ епископскимъ судьямъ. Такъ какъ это ходатайство собора не было удовлетворено, то соборъ Альби 1254 г. сдѣлалъ другую, столь же безплодную попытку, потребовавъ представленія копій съ этихъ документовъ. Немного позднѣе 1250 г. одинъ инквизиторъ жаловался, что еретики воспрянули духомъ и стали болѣе наглыми благодаря тому, что инквизиторы подвергались вѣчно нападкамъ, обвинялись въ небрежности, въ лѣни и неумѣніи отличать невинныхъ отъ виновныхъ. «Эти наговоры—продолжаетъ инквизиторъ—исходятъ отъ свѣтскихъ и духовныхъ судей, которые кричатъ о своей готовности искоренить ересь, но на дѣлѣ охотно даютъ себя подкупать или склоняются тайно на сторону ереси, такъ какъ среди еретиковъ у нихъ есть родственники или друзья». Этотъ примѣръ показываетъ, на что обращали вниманіе соперничающіе судьи, и какъ мало дружескими были отношенія между старой и новой организаціей [2]).

На захваты инквизиторовъ епископы обыкновенно отвѣчали тонкими кляузами, которыя, будучи перенесенными на усмотрѣніе Св. Престола, разрѣшались всегда въ самомъ благопріятномъ для монаховъ смыслѣ. Въ 1330 г. инквизиторъ Генрихъ де Шамэ жалуется Іоанну XXII, что Магелонскій епископъ мѣшаетъ его дѣятельности въ Монпелье, ссылаясь на извѣстныя папскія привилегіи, которыя были даны ему; въ своемъ отвѣтѣ папа приказываетъ ему заниматься своимъ дѣломъ, не обращая вниманія на возраженія епископа. Въ 1441 г. архіепископъ Нарбоннскій и всѣ его викаріи обратились съ жалобой къ Евгенію IV на чрезмѣрныя требованія Инквизиціи и просили его отложить всякое оконча-

[1]) Mss. Bibl. Nat. fonds latin, № 4270, fol. 146, 165.

[2]) Concil. Turonens. ann. 1239, c. 1.—Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 1.—Conc. Albiens., ann. 1254 c. 1, 21.—Conc. Insulan. ann. 1251, c. 2.—Tract. de Paup. de Lugduno (Martène, «Thes.» V. 1793).

Библиотека "Руниверс"

тельное рѣшеніе, пока онъ не получитъ подробностей. Папа не сталъ ждать, но отвѣтилъ, что инквизиторъ ихъ уже обвинилъ въ томъ, что они мѣшаютъ его дѣятельности, что главнѣйшей осязанностью его, папы, въ отношеніи Церкви является истребленіе ереси, и что самое вѣрное средство снискать его расположеніе—это содѣйствовать Инквизиціи; это учрежденіе создано для того, чтобы снять съ епископовъ часть лежащей на нихъ тяжести, и папа былъ бы крайне недоволенъ, если бы увидѣлъ, что на него дѣлаются нападки. Чтобы показать свое желаніе возстановить согласіе, инквизиторъ долженъ былъ взять назадъ свою жалобу, но всѣ возбужденныя епископами жалобы, само собой разумѣется, должны быть признаны неосновательными. Очевидно, во всѣхъ жалобахъ подобнаго рода епископамъ приходилось считаться съ очень сильнымъ противникомъ. Въ началѣ Великаго Раскола инквизиторы должны были приносить подобную феодальной присягу папѣ, отъ котораго они получали полномочія, а также и его преемникамъ: очевидное доказательство, что папы смотрѣли на Инквизицію какъ на орудіе для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ замысловъ и личныхъ интересовъ [1]).

Народы Сѣвера были черезчуръ удалены отъ центра ереси, чтобы на нихъ распространилась язва въ то время, когда верховное главенство папы укрѣплялось инквизиторами изъ нищенствующихъ орденовъ. Ни на Британскихъ островахъ, ни въ Даніи, ни на Скандинавскомъ полуостровѣ эдикты Фридриха II не получили примѣненія. Когда въ 1277 г. Робертъ Кильверби, Кентерберійскій архіепископъ, и оксфордскіе магистры раскрыли извѣстныя заблужденія, происходящія изъ аверроизма, когда въ 1286 г. архіепископъ Пекгемъ осудилъ ересь Ричарда Крапуеля, и когда въ 1368 г. архіепископъ Лангемъ объявилъ еретическими тридцать схоластическихъ усмотрѣній,—то не было законовъ, чтобы покарать эти заблужденія, хотя законовѣды и пытались ввести костеръ какъ карательную мѣру, и хотя она и была примѣнена Оксфордскимъ соборомъ уже въ 1222 г. по отношенію къ одному духовному, перешедшему въ іудейство. Ниже мы увидимъ, что въ дѣлѣ тампліеровъ потребовалось вмѣшательство папской Инквизиціи, чтобы добиться осужденія. Но даже и тогда она настолько противорѣчила духу англійскихъ установленій, что не могла акклиматизоваться въ Англіи и погибла вскорѣ послѣ своего введенія. Когда появился Виклефъ и за нимъ послѣдовали лолларды, то идея, господствовавшая въ Англіи относительно взаимныхъ отношеній Церкви и государства, была уже такова, что никому и въ умъ не пришло обращаться въ Римъ за спеціальнымъ судомъ, чтобы подавить эти новыя опасности. Статутъ 25 мая 1382 г. уполномочиваетъ короля при помощи его шерифовъ задерживать бродячихъ проповѣдниковъ Виклефа, равно какъ покровителей и послѣдователей ереси, и заключать ихъ въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока они не будутъ оправданы «selonc reson et la ley de seinte esglise»; въ іюлѣ слѣдующаго года королевскія граматы предписывали оксфордскимъ властямъ вчинить разслѣдованіе относительно еретическихъ направленій въ университетѣ. Слабость короля Ричарда II дала лоллардамъ возможность сдѣлаться весьма опасной политической и религіозной партіей; но революція, возведшая Генриха IV на престолъ, ослабила ихъ положеніе.

Новая династія нуждалась въ помощи Церкви и постаралась поскорѣе заслужить ея расположеніе. Въ 1240 г. королевскій указъ, скрѣпленный парламентомъ, осудилъ Соутре на костеръ; затѣмъ статутъ De haeretico comburendo впервые установилъ смертную казнь какъ нормальное наказаніе за ересь въ Англіи. Этотъ же статутъ запрещалъ проповѣдь всѣмъ, кромѣ тѣхъ, кто имѣлъ на это право ex officio; онъ запрещалъ распространеніе еретическихъ ученій и книгъ; онъ уполномочивалъ епископовъ хватать уклонившихся и содержать ихъ въ тюрьмѣ, пока они не будутъ оправданы или не откажутся отъ своихъ заблужденій; наконецъ, онъ предписывалъ епископамъ въ теченіе трехъ мѣ-

[1]) Arch. de l'Inq. de Carcassonne (Doat, XXXV. 85, 184).—Ripoll. II, 297, 311; III, 135.

Библиотека "Руниверс"

сяцевъ со дня арестованія разобрать дѣло подозрѣваемыхъ. Въ случаѣ болѣе легкихъ преступленій епископы могли наложить по своему усмотрѣнію тюрьму и штрафъ; послѣдній поступалъ въ пользу королевскаго казначейства. Въ вопросѣ объ упорной ереси или о возвращеніи въ ересь, что по каноническимъ законамъ влекло передачу виновнаго въ руки свѣтской власти, единственными судьями были епископы и ихъ уполномоченные; когда осужденнаго передавали свѣтскому суду, то шерифъ графства или меръ и сержанты ближайшаго города должны были сжечь его на высокомъ мѣстѣ въ присутствіи народа. Генрихъ V продолжалъ идти этимъ путемъ, и законъ 1414 г. установилъ по всему королевству видъ Инквизиціи полу-свѣтской, полу-духовной, дѣйствіе которой особо облегчала англійская система великихъ разслѣдованій. При такомъ законодательствѣ костры умножились, и лоллардизмъ былъ быстро подавленъ. Въ 1533 г. Генрихъ VIII отмѣнилъ законъ 1400 г., но полностью сохранилъ законы 1382 и 1414 гг., а равнымъ образомъ и сожженіе на кострѣ для упорствующихъ еретиковъ и рецидивистовъ. Въ это время всегда опасное вмѣшательство политики въ религію и обратно сдѣлало изъ костра настоящее instrumentum regni. Одною изъ первыхъ мѣръ Эдуарда VI была отмѣна этого закона, а равно законовъ 1382 и 1414 гг. и всего жестокаго законодательства шести пунктовъ (Six Articles). Съ реакціей, наступившей при Филиппѣ и Маріи, суровые законы противъ ереси снова входятъ въ употребленіе. Едва испанскій бракъ былъ заключенъ, какъ угодливый парламентъ возобновилъ законы 1382, 1400 и 1414 гг., и въ послѣдующіе годы зажглось много костровъ по странѣ. Но парламентъ Елизаветы поторопился отмѣнить все законодательство Филиппа и Маріи, а также и всѣ старые законы, которымъ они дали силу; но, тѣмъ не менѣе, законъ De haeretico comburendo сдѣлался нераздѣльной частью англійскаго закона, и только въ 1677 г. Карлъ II отмѣнилъ его и рѣшилъ, что духовные суды, въ случаяхъ атеизма, богохульства, ереси, схизмы и другихъ преступленій противъ религіи, могли только присуждать къ отлученію отъ Церкви, отрѣшенію отъ должности, разжалованію и къ другимъ церковнымъ наказаніямъ, за исключеніемъ смертной казни. Въ Шотландіи смертная казнь была отмѣнена позднѣе, чѣмъ въ Англіи; послѣднее преслѣдованіе за ересь въ предѣлахъ Британскихъ острововъ имѣло мѣсто въ 1687 г., когда въ Эдинбургѣ былъ повѣшенъ молодой человѣкъ 18 лѣтъ отъ роду, студентъ-медикъ по имени Экенхидъ (Aikenhead) [1]).

Въ Ирландіи воинствующій францисканецъ, епископъ Оссори, Ричардъ Ледредъ велъ продолжительную борьбу съ многими еретиками, съ лэди Алисой Кителеръ, обвиненной въ колдовствѣ, и съ ея сообщниками. Въ Ирландіи такъ мало были знакомы съ законами, касающимися ереси, что гражданскіе чины сначала отказались, даже съ негодованіемъ, принести присягу, предписанную канонами, на то, что они будутъ содѣйствовать инквизиторамъ въ ихъ работѣ; но, въ концѣ концовъ, Ледредъ заставилъ ихъ подчиниться и сжегъ въ 1325 г. нѣсколько обвиненныхъ. Но позднѣе, въ виду крайне враждебнаго отношенія къ нему наиболѣе видныхъ жителей острова, онъ былъ самъ обвиненъ въ ереси и долженъ былъ бѣжать, и только въ 1354 г. онъ могъ спокойно снова поселиться въ своей епархіи, хотя еще въ 1335 г. папа Бенедиктъ VII писалъ Эдуарду III, сожалѣя, что въ Англіи отсутствуетъ такое полезное учрежденіе, какъ Инквизиція, и убѣждалъ его поддержать благочестиваго епископа Оссори въ его борьбѣ съ еретиками, которую представлялъ при этомъ въ сильно преувеличенномъ видѣ. Даже самъ дублинскій архіепископъ

[1]) D'Argentré, «Collect. Judic.» I. 1, 185, 234.—Harduin. «Concil.» VII. 1065—8, 1864.—Capgrave's «Chronicle», ann. 1286.—Nic. Trivetti «Chron.» ann. 1222 (d'Achery III, 188).—Bracton. lib. III Tit. II, cap. 9 § 2.—Myrror of Justice, cap. I, § 4; cap. II, § 22; cap. IV, § 14.—5 Rich. II. c. 5.—Rymer's «Foedera», VII. 363, 447, 458.—2 Henr. IV. c. 15.—Concil. Oxoniens. ann. 1408, c. 13.—2 Henr. V. c. 7.—25 Henr. VIII. c. 14.—1 Edw. VI. c. 12, § 3.—1 Eliz. c. 1, § 15.—29 Car. II. c. 9.—«London. Athen.» may 31, 1873; nov. 29, 1884.

Библиотека "Руниверс"

Александръ былъ обвиненъ, какъ покровитель ереси, въ 1347 г., такъ какъ возсталъ противъ насилій Ледреда; его преемникъ, архіепископъ Іоаннъ, получилъ въ 1351 г. указъ принять самыя строгія мѣры къ наказанію тѣхъ, кто бѣжалъ изъ Оссори и искалъ убѣжища въ его епархіи [1]).

Когда волненія, поднятыя гуситами, приняли опасный оборотъ, и явилось опасеніе, чтобы ересь не распространилась на сѣверѣ, Мартинъ V въ 1421 г. уполномочилъ шлезвигскаго епископа назначить францисканскаго монаха Николая Жана инквизиторомъ Даніи, Норвегіи и Швеціи; но мы не находимъ слѣдовъ его дѣятельности въ этихъ странахъ, и можно сказать, что тамъ Инквизиція никогда не имѣла реальнаго существованія [2]).

Такъ какъ дѣло обращенія схизматиковъ и еретиковъ въ средніе вѣка находилось исключительно въ рукахъ доминиканцевъ и францисканцевъ, то основанныя ими церкви всегда были устроены такъ, чтобы охранять въ чистотѣ вѣру вновь обращенныхъ. Такимъ путемъ Инквизиція основалась въ Азіи и въ Африкѣ. Братъ Раймундъ Марціусъ почитается основателемъ Инквизиціи въ Тунисѣ и Марокко. Въ 1370 г. Григорій XI назначилъ инквизиторомъ на Востокъ брата Іоанна Галла, который совмѣстно съ братомъ Иліей Малымъ, какъ увѣряютъ, насадилъ Инквизицію въ Арменіи, Грузіи, Россіи и Валахіи; верхняя Арменія была обязана этимъ благодѣяніемъ брату Бартоломею Понко. По смерти брата Галла, Урбанъ VI около 1378 г. предписалъ генералу доминиканцевъ назначить трехъ инквизиторовъ, одного въ Арменію и Грузію, другого въ Грецію и Татарію, третьяго—въ Россію и Валахію. Въ 1389 г. одинъ изъ нихъ, братъ Андрей де Каффа, получилъ разрѣшеніе взять себѣ помощника для своей огромной области, Греціи и Татаріи. Въ XIV в., повидимому, инквизиторъ считался непремѣннымъ членомъ всякой религіозной миссіи. Даже въ сказочной эѳіопской имперіи владыки Іоанна въ Абиссиніи была, какъ говорятъ, основана Инквизиція доминиканцемъ Св. Пантелеоне, и другая въ Нубіи братомъ Бартоломео де Тибули, который считается здѣсь святымъ. Нельзя не отдать должнаго безкорыстному рвенію людей, посвятившихъ себя распространенію евангелія среди варваровъ, и охотно допускаютъ, что основанныя ими инквизиціи были сравнительно безвредны, такъ какъ онѣ не руководствовались ужасными эдиктами Фридриха II и Людовика Святого [3]).

Остатки Іерусалимскаго королевства узнали безразсудную ревность инквизитора раньше, чѣмъ пали окончательно. По словамъ Николая IV, перваго папы изъ францисканцевъ, неудачи войны зародили тамъ сѣмена ереси и іудейства, и въ 1290 г. онъ предоставилъ своему легату Николаю, патріарху Іерусалимскому, полное право назначить тамъ инквизиторовъ въ согласіи съ провинціалами нищенствующихъ. Это было исполнено, но нѣсколько запоздало: взятіе Акры (19 мая 1291 г.) окончательно изгнало христіанъ изъ Св. Земли и положило конецъ не долгому существованію сирійской Инквизиціи. Она была, однако, возстановлена въ 1375 г. Григоріемъ XI, который уполномочилъ францисканскаго провинціала въ Св. Землѣ ввести должность инквизитора въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ, чтобы бороться съ стремленіями къ вѣроотступничеству, которое проявляли христіанскіе паломники, всегда многочисленные въ этихъ странахъ [4]).

---

[1]) Wright, «Proceedings against Dame Alice Kyteler», Camden Soc. 1843.—Wadding. «Annal.» ann. 1317, № 56; ann. 1335, № 5—6.—Theiner, «Monum Hibern. et Scotor.» № 531—2, стр. 269, № 570—1, стр. 286; № 599, стр. 299.

[2]) Wadding. «Annal.» ann. 1421, № 1.

[3]) Paramo, стр. 252—3.—Monteiro, «Historia da Santo Inquisiçao», P. I. lib. I, c. 59.—Ripoll. II, 299, 310; III, 9, 110.

[4]) Wadding. «Annal.» ann. 1290, № 2; ann. 1375, №№ 27, 28.—Достойно замѣчанія, что въ Іерусалимскомъ латинскомъ королевствѣ ересь была, повидимому, подсудна свѣтскому трибуналу; рыцарь-еретикъ имѣлъ право быть судимымъ равными себѣ (Assises de Jérusalem, Haute Cour, c. 318; изд. Kausler, Штуттгартъ 1838, стр. 367—8).

Библиотека "Руниверс"

Не нужно думать, что торжество Инквизиціи надъ епископами предоставило ей исключительное право преслѣдованія. Обычная епископская юрисдикція оставалась неприкосновенной. Въ 1240 г. тулузскій епископъ и его пріоръ вели безъ Инквизиціи разслѣдованіе по вопросу ереси сеньоровъ Ніора. Ревностные епископы часто дѣйствовали совмѣстно съ инквизиторами при допросахъ еретиковъ, а также и самостоятельно производили разслѣдованіе. Такъ, напр., въ 1299 г. въ Альби цѣлый рядъ процессовъ былъ разсмотрѣнъ епископомъ, иногда совмѣстно съ каркассонскимъ инквизиторомъ Николаемъ д'Аббевилемъ, иногда совмѣстно съ тулузскимъ инквизиторомъ Бертраномъ Клермонскимъ, иногда совмѣстно съ ними обоими. Вначалѣ, какъ мы видѣли, инквизиторъ былъ только помощникомъ епископа, и послѣдній нисколько не былъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей по уничтоженію ереси. Иногда епископы сами назначали инквизиторовъ, чтобы дѣйствовать продуктивнѣе; имена подобныхъ инквизиторовъ, дѣйствовавшихъ отъ имени парбоннскихъ архіепископовъ, мы находимъ въ документахъ 1251 и 1325 гг. Кромѣ того, ничто не мѣшало ревностному епископу получить отъ папы полномочія инквизитора, какъ, напр., сдѣлалъ это каркассонскій епископъ Гильемъ Арно, который, будучи епископомъ, стоялъ съ 1249 по 1255 г. во главѣ каркассонскаго трибунала и дѣйствовалъ съ такой энергіей, которой могли бы позавидовать доминиканцы [1]).

Однако, было трудно, чтобы епископы и инквизиторы, дѣйствуя совмѣстно, не пришли въ столкновеніе. Вскорѣ стали утверждать, что нѣкоторые епископы, чтобы спасти своихъ друзей отъ рвенія инквизиторовъ, преслѣдовали ихъ передъ своимъ собственнымъ трибуналомъ. Чтобы положить предѣлъ этимъ недоразумѣніямъ, Урбанъ IV въ 1262 г. уполномочилъ инквизиторовъ вести всѣ дѣла по своему усмотрѣнію, не справляясь о томъ, разсматриваются ли эти дѣла епископами или нѣтъ? Это предписаніе было съ знаменательными добавленіями подтверждено Климентомъ IV въ 1265 и 1266 гг. Въ 1273 г. Григорій X провозгласилъ этотъ же принципъ, вошедшій въ практику Церкви и въ каноническое право; было рѣшено, что и епископы и инквизиторы могли одновременно и независимо разсматривать одно и то же дѣло, сообщая время-отъ-времени другъ другу результаты дѣлопроизводства. Для постановленія рѣшенія требовалось ихъ согласіе; въ случаѣ же разногласія дѣло должно было быть передано на рѣшеніе папы. Но даже и тогда, когда епископъ одинъ велъ дѣло, подсудное его суду, онъ только съ согласія инквизитора могъ вынести окончательное рѣшеніе [2]).

Одно время ставили вопросъ, не отмѣняетъ ли совершенно юрисдикцію епископовъ въ отношеніи ереси предоставленіе папою инквизитору права дѣйствовать въ той же епархіи. Одинъ изъ самыхъ выдающихся юристовъ той эпохи, Ги Фукуа, разсматривалъ этотъ вопросъ въ своихъ «Quaestiones», бывшихъ долгое время авторитетомъ для трибуналовъ Инквизиціи, и далъ на него утвердительный отвѣтъ; однако, сдѣлавшись подъ именемъ Климента IV папою, Ги въ упомянутыхъ нами выше буллахъ 1265 и 1266 гг. показалъ, что онъ измѣнилъ свой взглядъ; также и Григорій X ясно заявилъ, что епископская юрисдикція остается неприкосновенной. Однако, доктора каноническаго права продолжали сомнѣваться въ этомъ, и въ теченіе нѣкотораго времени епископская юрисдикція въ отношеніи

[1]) Trésor des Chartes du Roi en Carcassonne (Doat, XXI, 34—49).—Lib. Confess. Inquis. Albiae (Mss. Bib. Nat. fon. lat. 11847).—Archives Nat. de France, J. 431, №№ 22—29.—Vaissete III, 446.—Coll. Doat, XXVII. 161.—Molinier, «L'Inquis. dans le Midi de la France», Парижъ, 1880, стр. 275—6.

[2]) Mag. Bull. Roman. I. 122.—Wadding «Annal.» ann. 1265, № 3.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Coll. Doat, XXXII, 32).—Martène «Thesaur». 1818.—C. 17, Sexto V. 2.—C. 1 Extrar. Comm. V. 3.—Eymeric. «Direct. Inquis.» стр. 539, 580—1.—C. 1, § 1, Clement. V. 3.

Булла Урбана (1262 г.) въ сущности тожественна съ буллою 1264 г. «Prae cunctis», которая была напечатана Бутарикомъ въ трудѣ «S. Louis et Alphonse de Toulouse» стр. 443 сл.

Библиотека "Руниверс"

ереси почти ни въ чемъ себя не проявляла. Было мало прелатовъ болѣе дѣятельныхъ, чѣмъ Буржскій архіепископъ Симонъ, который въ продолженіе 1284—1291 гг. не одинъ разъ посѣтилъ епархіи Миди, Альби, Родеза, Кагора и др.; но въ отчетахъ объ этихъ посѣщеніяхъ нѣтъ нигдѣ упоминанія о разслѣдованіяхъ по дѣламъ ереси, если не считать дѣла 1285 г., въ которомъ онъ заставилъ ростовщиковъ Гурдона поклясться, что они не считаютъ себя таковыми, хотя ростовщичество было подсудно Инквизиціи только тогда, когда оно превращалось въ ересь благодаря притязанію ростовщиковъ считать свое занятіе законнымъ. Но около 1298 г. Бонифацій VIII придалъ новую силу юрисдикціи епископовъ, и мы видимъ, какое тогда произвелъ волненіе между своими духовными чадами епископъ Альби, Бергардъ де Кастане, своею строгостью по отношенію къ еретикамъ. Вскорѣ послѣ этого Климентъ V, желая положить конецъ жестокостямъ Инквизиціи, расширилъ функціи епископовъ; глоссаторы утверждали, что инквизиторы нисколько не освобождали епископовъ отъ обязанности бороться противъ ереси, и что папа могъ смѣстить епископа, если онъ будетъ пренебрегать этою обязанностью; но, тѣмъ не менѣе, Бернаръ Ги уже послѣ появленія Климентинъ заявляетъ, что не удобно, чтобы епископскій судья вызывалъ къ себѣ лицъ, о которыхъ уже ведется дѣло Инквизиціей. Но если, съ одной стороны, власть епископа была ограничена тѣмъ, что онъ долженъ былъ придти къ соглашенію съ инквизиторомъ раньше, чѣмъ преслѣдовать кого-либо, то съ другой—она возросла благодаря предоставленному епископу праву вызывать свидѣтелей и обвиняемыхъ, бѣжавшихъ въ другія епархіи. Подобная неопредѣленность положенія сильно затрудняла епископовъ; ихъ усилія обезпечить себѣ часть въ штрафахъ и конфискаціяхъ не приводили ни къ чему; имъ отвѣчали, что съ нихъ и ихъ подчиненныхъ достаточно получаемыхъ ими доходовъ. Геніальнымъ схоластикамъ удалось путемъ логическихъ умозаключеній устранить это возраженіе относительно епископовъ, когда они дѣйствовали лично сами; но оно оставалось въ силѣ относительно лицъ, подчиненныхъ епископу, и послѣдніе тяготились нести всѣ расходы, тогда какъ Инквизиція, по крайней мѣрѣ, въ Италіи, имѣла контроль надъ конфискаціями и не давала никакихъ отчетовъ епископу [1]).

[1]) Vaissete, III, 515.—Archidiac. Gloss. sup. c. 17, 20 Sexto V. 2. Harduin. VII. 1017—19.—C. 17, 19 Sexto V. 2.—C. 1. Clement. V. 3.—Concil. Melodun. ann. 1300, № 4.—Bernard. Guidon. «Hist. Conv. Albiens.» (Bouquet, XXI, 767).—Albert. «Repert. Inquis.» s. v. «Episcopus».—Guid. Fulcod. «Quaest.» I.—Ripoll. I. 512; VII. 53.—Joan. Andreae Gloss. sup. c. 13, § 8 Extra. V. VII.—Eymerici, «Direct. Inquis.» 626, 637, 650.—C. 1 Extrav. commun. V. 3.—Bernard. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Bona haereticorum».

Уже съ 1257 г. Инквизиція распространила свою юрисдикцію на ростовщичество, считавшееся видомъ ереси (Alex. PP. IV. Bull. «Quod super nonnullis» [Arch. de l'Inquis. de Carcass. Doat, XXXI, 244]; булла эта часто повторялась. См. Raynald. «Annal.» ann. 1258, № 23; Potthast «Reg.» №№ 17745, 18396; Eymeric. «Direct. Inquis.» изд. Pegnae, стр. 133. Ср. c. 8, § 5 Sexto V. 2.) Ліонскій соборъ 1274 г. (can. 26, 27), касаясь ростовщичества, говоритъ, что это преступленіе должно караться епископскими судьями. Вѣнскій соборъ 1311 г. предписалъ инквизиторамъ преслѣдовать людей, утверждающихъ, что ростовщичество не грѣхъ (c. 1, § 2, Clementin. V. 5); но каноны этого собора были опубликованы только въ 1317 г., и этимъ можно объяснить то обстоятельство, что Astexanus, писавшій въ томъ же году, говоритъ, что инквизиторы не должны заниматься вопросомъ о ростовщичествѣ («Summa de casibus conscientiae», lib. II, tit. LVIII, art. 8). Около конца столѣтія ему послѣдовалъ Эмерикъ («Direct. Inquis.», стр. 106), который не совѣтуетъ инквизиторамъ отвращаться отъ своей прямой цѣли и направлять свое вниманіе на дѣла этого рода. Цанчино возводитъ въ правило, что человѣкъ можетъ быть извѣстнымъ ростовщикомъ, богохульникомъ и прелюбодѣемъ, не будучи еретикомъ; но если онъ, кромѣ этого, проявляетъ презрѣніе къ религіи, не посѣщая богослуженій, не принимая причастія, не соблюдая постовъ и другихъ предписаній Церкви, то на него падаетъ подозрѣніе въ ереси, и инквизиторы могутъ преслѣдовать его (Zanchini, «Tract. de Haeret.» c. XXXV).

Мы увидимъ, что ростовщичество сдѣлалось очень выгоднымъ полемъ дѣятельности для Инквизиціи въ эпоху, когда уменьшеніе ереси лишило ее законной области. Такъ какъ это преступленіе было подсудно свѣтскимъ судамъ (см. Vaissete, IV, 164), то не было никакого основанія подводить его подъ духовную юрисдикцію.

Библиотека "Руниверс"

Въ первую четверть XIV ст. при господствѣ законовъ Бонифація VIII и Климента V епископская Инквизиція неизбѣжно должна была возродиться. Даже въ Италіи провинціальный Миланскій соборъ, бывшій въ Бергамо въ 1311 г. подъ предсѣдательствомъ архіепископа Гастона Торріани, создалъ полную систему Инквизиціи по образцу папской. Возраставшее могущество Висконти, враждебныхъ папству, парализовало доминиканцевъ, и была сдѣлана энергичная попытка замѣнить ихъ. Было поручено настоятелю приходской церкви или монастыря каждаго города избрать людей, исключительною задачею которыхъ было бы разыскивать еретиковъ; эти люди должны были пользоваться привилегіями и неприкосновенностью доминиканскихъ инквизиторовъ. Всѣмъ гражданамъ, начиная съ сеньора и до послѣдняго крестьянина, было предложено оказывать помощь по первому зову. Нѣкоторыя дѣла, бывшія въ Безье, Памье и Монпелье въ 1319 и 1320 гг., показываютъ намъ, что епископскіе суды въ это время дѣйствовали энергично, то при участіи инквизитора въ качествѣ ассесора, то при совмѣстной работѣ папскаго и епископскаго инквизиторовъ. Въ 1322 г. одинъ изъ епископскихъ инквизиторовъ, представитель епархіи Ока, вступилъ въ споръ даже съ самымъ Бернаромъ Ги по поводу одного арестованнаго, предъявивъ на него свои права. Когда въ 1319 г. знаменитый противникъ Инквизиціи, братъ Бернаръ Делисье, подвергся суду за то, что мѣшалъ ея дѣятельности, то Іоаннъ XXII назначилъ по этому поводу спеціальную комиссію изъ архіепископа Тулузы и епископовъ Памье и С.-Папуля; одинъ изъ самыхъ опытныхъ инквизиторовъ той эпохи, Жанъ де Бонъ Каркассонскій, выступилъ при этомъ въ качествѣ обвинителя, а не судьи [1]).

Въ Германіи около этого времени произошла внезапная вспышка епископской дѣятельности въ преслѣдованіяхъ, поднятыхъ страсбургскимъ епископомъ и кельнскимъ архіепископомъ противъ бегардовъ. Это привело почти къ открытой борьбѣ между духовенствомъ и доминиканцами по дѣлу магистра Эккарта, основателя мистической нѣмецкой школы, изъ которой вышли Сузо и Таулеръ. Весь орденъ съ гордостью смотрѣлъ на него какъ на самаго выдающагося своего члена; онъ успѣшно преподавалъ богословіе въ парижскомъ университетѣ; въ 1303 г., когда вся Германія была раздѣлена на двѣ провинціи, онъ былъ первымъ провинціальнымъ пріоромъ Саксоніи; въ 1307 г. генералъ назначилъ его викаріемъ Чехіи; въ 1326 г. онъ преподавалъ богословіе въ доминиканской школѣ въ Кельнѣ, и тогда-то его заподозрили въ причастіи къ ереси бегардовъ, противъ которыхъ велось жестокое преслѣдованіе. Его мистицизмъ приближался къ ихъ пантеизму, и весьма возможно, что бегарды пытались прикрыться громкимъ именемъ Эккарта. На общемъ собраніи въ 1325 г. раздавались жалобы, что въ Германіи нѣкоторые члены ордена излагали народу на его языкѣ ученія, которыя могли повести къ заблужденіямъ; разслѣдованіе по этому поводу было поручено пріору Анжера Жервезу. Около этого же времени Іоаннъ XXII назначилъ профессора кельнской доминиканской школы, Николая Страсбургскаго, инквизиторомъ Германіи и поручилъ ему разслѣдовать вѣрованія и труды братьевъ. Немного спустя архіепископъ, возбужденный борьбою съ бегардами, назначилъ двухъ комиссаровъ для разсмотрѣнія дѣла Эккарта. Николай Страсбургскій самъ былъ склоненъ къ мистицизму; все дѣлало его снисходительнымъ къ обвиняемымъ, и онъ въ іюлѣ 1326 г. оправдалъ Эккарта. Это рѣшеніе не понравилось епископскимъ инквизиторамъ, однимъ изъ которыхъ былъ францисканецъ, и они начали собирать свидѣтельства противъ Эккарта. Послѣ шестимѣсячнаго разслѣдованія они 14 января 1327 г. попросили Николая (на что имѣли полное право) сообщить имъ дѣлопроизводство. Николай явился въ сопровожденіи десяти монаховъ не съ тѣмъ, чтобы выказать повиновеніе вызову комиссаровъ, а съ тѣмъ, чтобы торжественно заявить свой протестъ противъ

[1]) Coll. Doat, XXVII. 7; XXXIV. 87.—Concil. Bergamens. ann. 1311, Rubr. 1.—Mss. Bibl. Nat. Coll. Moreau, 1274, fol. 72—Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 26 282, 351—2.

Библиотека "Руниверс"

всего ихъ дѣла и потребовать себѣ apostoli, или апелляціонныя граматы къ папѣ, ссылаясь на то, что доминиканцы не были подсудны епископской Инквизиціи, и что самъ онъ былъ назначенный папою инквизиторъ съ неограниченной властью. Правда, въ 1184 г. Луцій III подтвердилъ неприкосновенность монашескихъ орденовъ въ дѣлахъ ереси; но доминиканскій орденъ былъ основанъ позднѣе.

Епископскіе инквизиторы поторопились отвѣтить и въ тотъ же день возбудили дѣло противъ самого Николая, который тотчасъ же послалъ жалобу папѣ. Кромѣ того, они вызвали на 31 января Эккарта, но онъ явился еще 24-го въ сопровожденіи многочисленныхъ приверженцевъ и съ негодованіемъ выразилъ свой протестъ, жалуясь на медленность дѣла, марающаго его имя, тогда какъ его можно было окончить шесть мѣсяцевъ тому назадъ; онъ добавилъ при этомъ, что противъ него пользовались свидѣтельствами доминиканцевъ, замаранныхъ разными преступленіями. Эккартъ потребовалъ apostoli и опредѣлилъ 4-е мая послѣднимъ срокомъ подачи жалобы въ Римъ. Епископскіе инквизиторы по закону имѣли тридцать дней срока для отвѣта на это требованіе.

Чтобы показать, насколько его имя пострадало отъ всего этого дѣла, онъ сдѣлалъ 13 февраля одинъ незаконный съ юридической точки зрѣнія шагъ, позволившій утверждать, что онъ самъ отрекся отъ своихъ заблужденій. Послѣ произнесенія проповѣди въ доминиканской церкви онъ велѣлъ прочесть бумагу, въ которой онъ оправдывалъ себя передъ народомъ отъ возбужденныхъ противъ него обвиненій въ ереси, отрицая, что онъ говорилъ, что будто бы его мизинецъ сотворилъ все, или что въ душѣ существовало несозданное и несоздаваемое начало. По истеченіи тридцатидневнаго срока, 22 февраля, инквизиторы архіепископа отказали Эккарту дать apostoli. Немного спустя, утомленный этимъ долгимъ дѣломъ, онъ умеръ, но орденъ пользовался достаточнымъ вліяніемъ у Іоанна XXII для того, чтобы добиться перенесенія всего дѣла въ Авиньонъ. Тамъ поведеніе архіепископа было признано правильнымъ, и 27 марта 1329 г. было вынесено рѣшеніе, признавшее въ ученіи Эккарта 17 еретическихъ пунктовъ и 11 подозрительныхъ. Хотя приписанное ему отреченіе и спасло его тѣло отъ вырытія и сожженія, но, тѣмъ не менѣе, этотъ приговоръ вполнѣ оправдывалъ архіепископа, и на одинъ разъ старый порядокъ взялъ верхъ надъ новымъ. Было объявлено, что ересь Эккарта была доказана какъ разслѣдованіемъ (Инквизиціей) архіепископа, дѣйствовавшаго вполнѣ законно, такъ и разслѣдованіемъ, произведеннымъ послѣ этого въ Авиньонѣ по распоряженію папы. Это рѣшеніе тѣмъ болѣе знаменательно, что въ это время Іоаннъ XXII имѣлъ серьезное основаніе заискивать у доминиканцевъ, такъ какъ велъ ожесточенную борьбу противъ Людовика Баварскаго и противъ недовольной партіи францисканцевъ [1]).

---

[1]) W. Preger, «Meister Eckart und die Inquisition», Мюнхенъ, 1869. — Denifle, «Archiv für Litteratur- und Kirchengeschichte», 1886, стр. 616, 640.—Raynald. ann. 1329, №№ 70—2.— Gust. Schmidt, «Päpstliche Urkunden und Regesten», Галл., 1866, стр. 223. — Ср. Eymeric. «Direct. Inquis.», стр. 453 и сл.

Власть Инквизиціи надъ имѣвшими спеціальныя привилегіи нищенствующими орденами въ разныя эпохи была различна. Судъ надъ ними былъ предоставленъ ей въ 1254 г. буллою Иннокентія IV «No commissum vobis» (Ripoll. I. 252). Лѣтъ черезъ двѣсти Пій II предоставилъ судъ надъ францисканцами ихъ собственному генералъ-министру. Въ 1479 г. Сикстъ IV золотою буллою «Sacri praedicatorum» (§ 12) запретилъ инквизиторамъ преслѣдовать членовъ другого нищенствующаго ордена (Mag. Bull. Roman. I. 420). Вскорѣ послѣ этого Иннокентій VIII запротилъ всѣмъ инквизиторамъ судить францисканцевъ; но съ развитіемъ лютеранства эта мѣра показалась опасной, и въ 1530 г. Климентъ VII уничтожилъ всѣ изъятія буллою «Cum Sicut» (§ 2) и сдѣлалъ всѣхъ монаховъ подсудными Инквизиціи (Mag. Bull. Roman. I. 681). Это было подтверждено въ 1562 г. Піемъ IV въ буллѣ «Pastoris aeterni» (Eymeric. «Direct. Inquis.» Append. стр. 127; Pegnae, «Comment.», стр. 557).

Вопросъ о томъ, имѣлъ ли право епископъ возбуждать противъ инквизитора дѣло по обвиненію его въ ереси, былъ спорнымъ и, по всей вѣроятности, никогда не былъ разрѣшенъ на

Библиотека "Руниверс"

Епископская Инквизиція получила признаніе Церкви. Парижскій соборъ 1350 г. говоритъ о преслѣдованіи еретиковъ какъ о главной обязанности епископа; онъ дастъ инструкціи епископскимъ судьямъ, опредѣляющія ихъ права арестовывать подозрѣваемыхъ и обращаться къ свѣтскимъ властямъ съ тѣми же требованіями, какъ и Инквизиція. Одно бреве Урбана V въ 1363 г. относится къ одному рыцарю и пяти дворянамъ, заподозрѣннымъ въ ереси и находившимся въ то время подъ стражей у каркассонскаго епископа; папа приказалъ судить ихъ епископу или инквизитору, или обоимъ совмѣстно, но чтобы приговоры были представлены ему. Когда епископъ осмѣливался возстать противъ вмѣшательства инквизитора, то онъ могъ всегда заставить уважать свои права. Въ 1423 г. каркассонскій инквизиторъ прибылъ въ Альби, гдѣ велѣлъ принести присягу двумъ нотаріусамъ и нѣсколькимъ подчиненнымъ ему лицамъ, которые должны были дѣйствовать отъ его имени; затѣмъ онъ приказалъ собрать нѣкоторыя свидѣтельскія показанія по дѣлу, которое онъ велъ, и заставилъ свидѣтелей поклясться, что они будутъ хранить все въ тайнѣ, пока не будетъ извѣщенъ обвиняемый. Епископъ Альби пожаловался на это какъ на вмѣшательство въ его юрисдикцію. Онъ заявилъ, что должностныя лица имѣли право приносить присягу только въ присутствіи его судьи или представителя послѣдняго; наложенное на свидѣтелей обязательство хранить въ тайнѣ ихъ показанія, добавлялъ епископъ, могло только помѣшать его собственному разслѣдованію, такъ какъ лишало его свидѣтельскихъ показаній, въ случаѣ если онъ самъ примется за это дѣло. Этотъ протестъ показываетъ тѣ столкновенія и то соперничество, которыя неизбѣжно вызывались существованіемъ двухъ параллельныхъ юридическихъ факторовъ. Въ настоящемъ случаѣ посредникомъ былъ избранъ каркассонскій епископъ; инквизиторъ призналъ себя виновнымъ и отмѣнилъ свои дѣйствія, и было публично объявлено о послѣдовавшемъ примиреніи.

Однако, несмотря на это и подобныя ему столкновенія, на практикѣ, въ концѣ концовъ, установился modus vivendi. Писавшій въ 1375 г. Эмерикъ представляетъ намъ почти всегда епископа и инквизитора дѣйствующими совмѣстно и не только въ постановкѣ рѣшенія, но и во всемъ дѣлѣ; онъ, повидимому, старается доказать, что Инквизиція нисколько не нарушала епископской юрисдикціи и не освобождала епископа отъ его обязанностей. Столѣтіемъ позднѣе Шпренгеръ, разсматривая юрисдикцію Инквизиціи съ точки зрѣнія инквизитора, приходитъ почти къ тому же выводу; и въ папскихъ указахъ, дававшихся инквизиторамъ, обыкновенно дѣлалась оговорка, что они не должны ничѣмъ нарушать инквизиціонной юрисдикціи епископскихъ судей. Но, благодаря обычной небрежности служащихъ епископа, инквизиторы часто вторгались въ ихъ область, и жалобы на эти вторженія раздавались постоянно до наступленія реформаціи [1]).

Съ технической точки зрѣнія не было никакой разницы между Инквизиціей епископовъ и папы. Правосудная система дѣлопроизводства, взятая епископскими судами изъ римскаго права, была оставлена; епископовъ уполномочивали и даже побуждали слѣдовать инквизиціонной системѣ, которая представляла жалкую карикатуру суда. Поэтому, излагая исторію этого учрежденія, нѣтъ никакой надобности дѣлать различіе между двумя ея вѣтвями; на дѣйствія той и другой надо смотрѣть какъ на вызванныя одними и

практикѣ. Эмерикъ утверждаетъ, что епископъ самъ не имѣетъ права вести дѣло, а долженъ передать его папѣ; но Пегна въ своихъ «Комментаріяхъ» приводитъ крупныхъ авторовъ, смотрѣвшихъ на это дѣло иначе (Eymeric., op. cit., стр. 558—9).

[1]) Concil. Parisiens. ann. 1350, c. 3, 4.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXV, 132).—Arch. de l'Evêché d'Albi (Doat, XXXV, 187).—Eymerici, «Direct. Inquis.», стр. 529.—Sprengeri «Mall. Maleficar.» P. III. Q. 1.—Ripoll. II. 311, 324, 351.—Cornel. Agrippae «de Vanitate Scientiarum», cap. XCVI.

Однако, булла Николая V, обращенная къ инквизитору Франціи въ 1451 г., повидимому, ставила его дѣятельность въ полную независимость отъ епископа (Ripoll. III. 301).

Библиотека "Руниверс"

тѣми же стремленіями, одними и тѣми же методами и стремившіяся къ одной цѣли одинаковыми средствами [1]).

Однако, папская Инквизиція въ виду огромной задачи, предложенной ея разрѣшенію, была гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ епископская. Какъ бы ни былъ энергиченъ епископскій судья, его труды были обособлены, временны и несистематичны; папская же Инквизиція, наоборотъ, покрыла всю континентальную Европу сѣтью судовъ, въ которыхъ засѣдали люди, не имѣвшіе другихъ занятій. Ихъ дѣятельность была не только непрерывна, какъ дѣйствіе законовъ природы, но и постоянна; эти два обстоятельства отнимали у еретиковъ надежду выиграть время и скрыться, переходя изъ одной страны въ другую. Своими прекрасно составленными регистрами Инквизиція образовала настоящую международную полицію въ ту эпоху, когда взаимныя сношенія между народами были еще чрезвычайно слабы. Руки Инквизиціи были длинны, память ея неногрѣшима; и мы безъ труда понимаемъ, какой мистическій ужасъ внушала Инквизиція благодаря, съ одной стороны, таинственности, окружавшей ея дѣятельность, а съ другой—благодаря своей сверхъестественной бдительности. Если она хотѣла вести дѣло публично, то она призывала всѣхъ вѣрныхъ и приказывала имъ схватить какого-нибудь ересіарха, обѣщая имъ за это вѣчное блаженство на томъ свѣтѣ и соотвѣтственное вознагражденіе на этомъ; всякій священникъ того прихода, гдѣ могъ скрываться обвиняемый, долженъ былъ повторять вызовъ, чтобы его слышали всѣ прихожане. Если предпочитали вести дѣло втайнѣ, то для этого были шпіоны и спеціальные низшіе служащіе. Исторія всякой еретической семьи за время нѣсколькихъ поколѣній могла быть всегда извлечена на свѣтъ изъ архивовъ разныхъ судовъ Инквизиціи. Одна счастливая поимка, сопровождавшаяся сознаніемъ, вырваннымъ пыткой, могла раскрыть слѣды сотенъ людей, считавшихъ себя до того времени въ безопасности; и каждая новая жертва давала новый рядъ разоблаченій. Еретикъ жилъ какъ бы на вулканѣ, который во всякое время могъ начать изверженіе и поглотить его. Во время ужаснаго преслѣдованія, поднятаго противъ францисканцевъ-спиритуаловъ въ 1317 и 1318 гг., много сострадательныхъ людей помогало бѣглецамъ, смѣло являлось у костра и утѣшало, какъ могло, новыхъ мучениковъ. Одни изъ нихъ, зная, что ихъ подозрѣваютъ, бѣжали и перемѣнили имя; другіе остались въ тѣни, и всѣ уже думали, что дѣло ихъ позабыто. Вдругъ въ 1325 г. какой-то неожиданный случай (по всей вѣроятности, сознаніе какого-либо узника) навелъ Инквизицію на ихъ слѣдъ. Человѣкъ двадцать несчастныхъ было заключено въ тюрьму, гдѣ просидѣли годъ или два; здѣсь, отрѣзанные отъ всего міра, они пали духомъ, сознались постепенно въ своихъ прегрѣшеніяхъ, на половину уже позабытыхъ, и подверглись духовнымъ наказаніямъ. Еще поучительнѣе дѣло Гильельмы Маза де Кастръ, потерявшей въ 1302 г. мужа. Въ первыя минуты тоски по мужѣ она слушала двухъ вальденскихъ миссіонеровъ, поученія которыхъ укрѣпляли ее. Они были у нея только два раза—и то ночью, такъ что она имѣла полное право говорить, что никогда ихъ не видала. Черезъ двадцать-пять лѣтъ безупречной строго-католической жизни ее въ 1327 г. вытребовала каркассонская Инквизиція; она созналась въ своемъ, одинъ только разъ бывшемъ, нарушеніи вѣры и принесла покаяніе. Такимъ образомъ, святой трибуналъ не забывалъ ничего и ничего не прощалъ. Онъ останавливался на всѣхъ мелочахъ. Въ 1325 г. одна женщина, по имени Манента Роза, была приведена на каркассонскій трибуналъ какъ еретичка-рецидивистка; поводомъ къ преслѣдованію послужило то, что ее видѣли, послѣ того какъ она отреклась отъ ереси спиритуаловъ, разговаривающей съ однимъ подозрѣваемымъ человѣкомъ, и что она переслала черезъ него два су одной больной женщинѣ, также находившейся подъ подозрѣніемъ [2]).

[1]) C. 17 Sexto V. 2.—См. «Modus examinandi haereticos», напечатанный Гретсеромъ (Mag. Bibl. Patrum. XIII, 311) и составленный для нѣмецкой епископской Инквизиціи.

[2]) Coll. Doat, XXXVII, 7; XXIX, 5.

Библиотека "Руниверс"

Бѣжать было безполезно. Приметы бѣжавшихъ еретиковъ немедленно разсылались по всей Европѣ. Объ арестахъ подозрительныхъ людей трибуналы сообщали одинъ другому, и несчастная жертва направлялась въ ту страну и въ тотъ городъ, гдѣ ея показанія могли принести бо́льшую пользу, раскрывъ другихъ виновныхъ. Въ 1287 г. среди арестованныхъ въ Тревизѣ еретиковъ было нѣсколько пришедшихъ изъ Франціи, и французскіе инквизиторы тотчасъ потребовали ихъ себѣ, въ особенности одного изъ нихъ, бывшаго епископомъ катаровъ. Папа Николай IV немедленно приказалъ тревизскому инквизитору отослать ихъ во Францію, но предварительно выпытать у нихъ все, что возможно. Въ глазахъ людей папская Инквизиція была всевѣдущей, всемогущей и вездѣсущей [1]).

Иногда, правда, польза, приносимая этимъ учрежденіемъ, ослаблялась ссорами, особенно порождавшимися взаимной ненавистью францисканцевъ и доминиканцевъ. Я уже упоминалъ о недоразумѣніяхъ, возникшихъ на этой почвѣ въ Марселѣ въ 1266 г. и въ Веронѣ въ 1291 г. Этотъ недостатокъ единодушія сказался также въ 1327 г., когда былъ арестованъ въ Провансѣ хорошо извѣстный спиритуалъ Петръ Тренкавель, бѣжавшій изъ каркассонской тюрьмы, а также бѣжавшая тоже изъ тюрьмы дочь его, Андрея. Очевидно, они подлежали суду того трибунала, отъ котораго они скрылись бѣгствомъ; но францискан-скій инквизиторъ Прованса, братъ Михаилъ, отказался выдать ихъ, и каркассонскій трибуналъ былъ вынужденъ обратиться съ жалобой къ Іоанну XXII, который приказалъ Михаилу немедленно выдать своихъ плѣнниковъ. Но если принять во вниманіе несовершенство человѣческой природы, то нельзя не согласиться, что недоразумѣнія подобнаго рода происходили сравнительно рѣдко [2]).

Чтобы справедливо управлять столь могущественной организаціей, отъ которой зависѣли жизнь и благосостояніе милліоновъ людей, надо было имѣть почти сверхъ-человѣческую мудрость и добродѣтель. Каковъ же былъ идеалъ людей, которымъ было поручено текущее дѣло св. трибунала? Наиболѣе опытный инквизиторъ своего времени, Бернаръ Ги, заканчиваетъ свои подробныя инструкціи относительно дѣлопроизводства нѣкоторыми общими совѣтами, касающимися поведенія и характера инквизитора. Инквизиторъ, говоритъ онъ, долженъ быть дѣятеленъ и энергиченъ въ своемъ рвеніи къ истинной вѣрѣ, въ дѣлѣ спасенія душъ и истребленія ереси. Онъ долженъ оставаться всегда спокойнымъ и невозмутимымъ среди всякихъ непріятностей и недоразумѣній. Онъ долженъ быть дѣятеленъ физически, такъ какъ привычка къ лѣни ослабляетъ всякую энергію. Онъ долженъ быть безстрашенъ и не бояться даже смерти, но, не отступая ни передъ какой опасностью, онъ не долженъ безразсудно идти ей навстрѣчу. Онъ долженъ быть недоступенъ просьбамъ и подходамъ тѣхъ, кто будетъ стараться привлечь его на свою сторону; но въ то же время сердце его не должно быть безчувственнымъ, и онъ не долженъ отказывать въ отсрочкахъ и въ смягченіи наказанія, принимая во вниманіе обстоятельства и мѣсто. Онъ не долженъ быть слабымъ и искать любви и популярности, такъ какъ это можетъ дурно отразиться на его дѣлѣ. Въ сомнительныхъ вопросахъ онъ долженъ дѣйствовать осмотрительно и не давать легко вѣры тому, что кажется вѣроятнымъ, но часто бываетъ невѣрно. Онъ не долженъ отбрасывать упрямо противоположное мнѣніе, такъ какъ часто кажущееся на первый взглядъ невѣроятнымъ оказывается впослѣдствіи истиной. Онъ долженъ внимательно разспрашивать и выслушивать и тщательно разслѣдовать, чтобы терпѣливо освѣтить все дѣло. Когда онъ выноситъ смертный приговоръ, то выраженіе лица его можетъ свидѣтельствовать о его сожалѣніи, чтобы не казалось, что онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ гнѣва и жестокости, но приговоръ его долженъ оставаться неизмѣннымъ. Если онъ налагаетъ денежное наказаніе, то лицо его должно сохранять строгое выраженіе, чтобы не

---

[1]) Coll. Doat, XXX, 132; XXXII, 155.

[2]) Coll. Doat, XXXV, 18.

Библиотека "Руниверс"

подумали, что онъ дѣйствуетъ изъ алчности. Пусть въ его взглядѣ проглядываютъ всегда любовь къ правдѣ и милосердіе, чтобы не думали, что его рѣшенія вынесены подъ вліяніемъ алчности или жестокости [1]).

Для точной оцѣнки трудовъ Инквизиціи и ея вліянія мы должны теперь нѣсколько подробно изучить ея методы и ея судопроизводство. Только такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи понять вполнѣ ея дѣятельность, такъ какъ тѣ уроки, которые извлечемъ мы изъ этого разслѣдованія, имѣютъ, быть-можетъ, наиболѣе серьезное значеніе среди всего, чему она можетъ научить насъ.

ГЛАВА VIII.

Устройство Инквизиціи.

Мы уже видѣли, что Церковь поняла, что словомъ убѣжденія нельзя остановить распространеніе ереси. Проповѣди св. Бернара, Фулька изъ Нейльи, Дурандо де Хуеска, св. Доминика, св. Франциска отличались самымъ горячимъ краснорѣчіемъ; всѣ эти проповѣдники, надѣясь убѣдить и вернуть въ лоно Церкви отпавшихъ, давали примѣръ самаго высокаго самоотреченія; но ихъ старанія потерпѣли неудачу; тогда Церковь прибѣгла къ силѣ и безъ всякой пощады примѣнила ее.

Первымъ слѣдствіемъ этой новой церковной политики было то, что еретики начали скрываться. Тогда, чтобы пожать плоды своей побѣды, Церковь нашла нужнымъ организовать правильное преслѣдованіе въ цѣляхъ раскрытія и уничтоженія спрятавшихся еретиковъ. Для этого были употреблены нищенствующіе ордены; учрежденные первоначально съ цѣлью борьбы съ заблужденіями словомъ и примѣромъ, они скоро стали агентами немилосердной репрессіи.

Устройство Инквизиціи было настолько же просто, насколько цѣлесообразно въ достиженіи цѣли. Она не стремилась поражать умы своимъ внѣшнимъ блескомъ, она парализовала ихъ терроромъ. Она оставила свѣтскимъ прелатамъ богатыя одежды, величественную пышность богослуженія, блестящія процессіи и длинный рядъ служителей. Инквизиторъ носилъ скромную рясу своего ордена; въ городъ входилъ онъ или одинъ, или сопровождаемый нѣсколькими вооруженными слугами, которые составляли его личную стражу и были исполнителями его приказаній. Главной ареной его дѣятельности были стѣны зданія святого трибунала, откуда онъ разсылалъ свои приказы и распоряжался судьбою цѣлыхъ народовъ, окруженный молчаніемъ и таинственностью, въ тысячу разъ болѣе внушительными, чѣмъ внѣшнее великолѣпіе епископовъ.

О плодотворной работѣ, а не о внѣшности, заботилась Инквизиція. Это было зданіе, воздвигнутое людьми серьезными, рѣшительными, всецѣло преданными одной идеѣ; людьми, которые знали, чего они хотятъ, и отбрасывали съ презрѣніемъ все, что могло помѣшать ихъ дѣятельности.

Вначалѣ, какъ мы видѣли, инквизиторами были простые монахи, выбираемые одинъ за другимъ, чтобы преслѣдовать еретиковъ и выяснять степень ихъ виновности. Ихъ дѣятельность, естественно, ограничивалась предѣлами провинцій нищенствующихъ орденовъ, изъ которыхъ каждая охватывала большое число епископій, и провинціалы которыхъ назначали инквизиторовъ. Хотя на главный городъ провинціи съ его монастыремъ ордена и съ его тюрьмами стали скоро смотрѣть какъ на резиденцію Инквизиціи, но все же инкви-

---

[1]) Bern. Guidon. «Practica P. IV ad finem» (Doat, XXX). Тотъ же портретъ совершеннаго инквизитора я нашелъ въ рукописи «Tractatus de Inquisitione» (Doat, XXXVI).

Библиотека "Руниверс"

зиторъ былъ обязанъ постоянно находиться въ разъѣздахъ и собирать народъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ дѣлали это раньше епископы при своихъ пастырскихъ объѣздахъ, обѣщая, кромѣ того, отпущеніе грѣховъ на время отъ двадцати до сорока дней всѣмъ тѣмъ, кто являлся на его призывъ. Правда, инквизиторы Тулузы вначалѣ основались въ этомъ городѣ и вызывали къ себѣ всѣхъ, кого хотѣли допрашивать, но этотъ порядокъ вызвалъ такія жалобы, что въ 1237 г. легатъ Іоаннъ Віенскій приказалъ самимъ инквизиторамъ выѣзжать на мѣста. Слѣдствіемъ этого былъ ихъ выѣздъ въ Кастельнодари, гдѣ народъ встрѣтилъ ихъ весьма дурно, такъ какъ заранѣе условились не выдавать никого; тогда они перебрались въ Пюилоренсъ; сюда они прибыли, никѣмъ не жданные, и могли благодаря этому собрать много свидѣтельскихъ показаній. Убійства, происшедшія въ Авиньонѣ въ 1242 г. показали, что эти разслѣдованія на мѣстахъ не всегда были безопасны; тѣмъ не менѣе, ихъ продолжали предписывать и кардиналъ Альбано въ 1234 г., и соборъ 1246 г., въ Безье Въ 1247 г. Иннокентій IV уполномочилъ инквизиторовъ въ случаѣ опасности вызывать еретиковъ и свидѣтелей въ какое-либо безопасное мѣсто, но личные объѣзды остались попрежнему въ силѣ: въ Италіи они предписывались буллами Ad extirpanda; о нихъ, какъ о чемъ-то, вошедшемъ въ обычай, говоритъ современный нѣмецкій инквизиторъ; въ сѣверной Франціи въ 1278 г. братъ Симонъ Дюваль созывалъ народъ на мѣстахъ; въ 1330 г. Бернаръ Ги говоритъ о нихъ какъ объ исключительной привилегіи Инквизиціи, а около 1375 г. Эмерикъ описываетъ этотъ порядокъ какъ установившійся уже изстари [1]).

Нельзя представить что-либо болѣе дѣйствительное, чѣмъ эти объѣзды. Съ теченіемъ времени, когда была усовершенствована система шпіоновъ и служителей (familiares), они стали менѣе обычны; но въ первые годы Инквизиціи они принесли ей огромныя услуги. За нѣсколько дней до своего прибытія инквизиторъ извѣщалъ духовныя власти, чтобы онѣ въ назначенное время созвали народъ, обѣщая извѣстныя индульгенціи тѣмъ, кто явится. Часто инквизиторы добавляли при этомъ, что не явившіеся будутъ подвергнуты отлученію; но это было съ ихъ стороны превышеніемъ власти, и подобныя отлученія признавались не имѣющими силы. Къ собранному такимъ путемъ населенію инквизиторъ обращался съ рѣчью о чистотѣ вѣры; затѣмъ онъ требовалъ всѣхъ жителей извѣстнаго района явиться къ нему въ теченіе шести или десяти дней и сообщить ему все, что имъ извѣстно относительно лицъ, виновныхъ въ ереси или подозрѣваемыхъ въ этомъ, также относительно лицъ, говорившихъ что-либо несогласное съ догматами вѣры или ведущихъ жизнь, отличную отъ жизни большинства вѣрныхъ. Всякій, кто не повиновался этому приказанію, подвергался ipso facto отлученію отъ Церкви, которое могъ снять только одинъ инквизиторъ; а повиновеніе давало индульгенцію на три года.

Въ то же время инквизиторъ провозглашалъ «срокъ милосердія», продолжительностью отъ пятнадцати до тридцати дней, въ теченіе котораго всякій добровольно явившійся еретикъ получалъ снисхожденіе, если онъ сознавался въ своихъ заблужденіяхъ, отрекался отъ нихъ и давалъ подробныя свѣдѣнія о своихъ единовѣрцахъ. Это снисхожденіе иногда было полнымъ, иногда же оно обусловливало только отмѣну болѣе суровыхъ мѣръ наказанія, каковы: смерть, тюрьма, конфискація и изгнаніе. Впервые свѣдѣнія объ этой ми-

---

[1]) Gregor. PP. IX. Bull. «Ille humani generis» 20 mai 1236 (Eymer. «App.», стр. 3),—Vaissete, III, 410- 11.—Guill. Pod. Laur., c. 43. — Concil. Biterr. ann. 1246, app. c. 1.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat XXXI, 5).—Raynald. ann. 1243, № 31.—Innoc. PP. IV. Bull. «Quia sicut», 13 nov. 1247 (Potthast, «Reg.» 12766.—Doat, XXXI, 112).—Ejusd. Bull., «Ad extirp.» § 31.—Anon. Passaviens. (Mag. Bib. Pat. XIII, 308).—Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thes.» V, 1809—11).—Alex. PP. IV Bull., «Cupientes», 4 mart. 1260 (Mag. Bull. Rom. I, 119).—Ripoll. I, 128.—Guill. Pelisso, «Chron.», изд. Molinier, стр. 27.—Bernardi Guidon. «Practica» P. IV (Doat. XXX).—Eymeric. «Direct. Inquis. , стр. 407—9.—Mss. Bib. Nat. fond. lat., № 14930, fol. 220.

Библиотека "Руниверс"

лости, ограниченной опредѣленнымъ срокомъ, мы находимъ подъ 1235 годомъ. Въ 1237 г. одинъ виновный отдѣлался благодаря этому легкой епитиміей; ему приказали совершить два небольшихъ паломничества, уплатить Инквизиціи штрафъ въ десять ливровъ morlaas—«во имя любви къ Богу», и въ теченіе всей своей остальной жизни помогать ежедневно одному нищему. По окончаніи «срока милосердія» никому не давалось прощенія; во время этой отсрочки инквизиторъ долженъ былъ сидѣть дома, всегда готовый принимать сознанія и доносы; длинные ряды вопросовъ были выработаны уже заранѣе, чтобы облегчить ему допросъ являвшихся. Еще въ 1387 г. братъ Антоніо Секко, въ дѣлѣ еретиковъ вальденскихъ долинъ, началъ съ того, что вывѣсилъ по церквамъ Пиньероля объявленіе, что всякій, который въ теченіе восьми дней самъ донесетъ на себя или донесетъ на другихъ, избавится отъ всякаго публичнаго наказанія, за исключеніемъ случаевъ ложной клятвы, данной передъ Инквизиціей. Всѣ, кто отказывался явиться, отлучались отъ Церкви [1]).

Бернаръ Ги утверждаетъ, что этотъ порядокъ веденія дѣлъ былъ очень плодотворенъ не только потому, что онъ вызывалъ много обращеній, но и потому, что онъ доставлялъ указанія на многихъ еретиковъ, которые остались бы неизвѣстными: всякій кающійся былъ обязанъ указывать всѣхъ, кого онъ зналъ или подозрѣвалъ. Особенно настаиваетъ онъ на дѣйствительности подобнаго разслѣдованія, когда дѣло шло о томъ, чтобы схватить Совершенныхъ катаровъ, которыхъ, благодаря ихъ обыкновенно скрытной жизни, могли выдать только лица, пользующіяся ихъ довѣріемъ. Легко представить себѣ, какой ужасъ охватывалъ общину, когда въ ней неожиданно появлялся инквизиторъ и выпускалъ свое обращеніе. Никто не могъ знать, какіе толки ходили о немъ; никто не могъ знать, къ чему прибѣгнутъ личная вражда и фанатизмъ, чтобы скомпрометировать его передъ инквизиторомъ. И католики и еретики имѣли равное основаніе волноваться. Человѣкъ, который почувствовалъ склонность къ ереси, не имѣлъ уже болѣе ни минуты покоя при мысли, что слово, сказанное имъ мимоходомъ, могло быть перенесено во всякое время его близкими и его самыми дорогими друзьями; подъ вліяніемъ этой мысли онъ уступалъ передъ чувствомъ страха и выдавалъ другого изъ боязни не быть выданнымъ самому. Григорій IX съ гордостью вспоминаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ родители выдавали своихъ дѣтей, дѣти—своихъ родителей, мужья—женъ, жены—мужей. Мы смѣло можемъ вѣрить Бернару Ги, что всякое разоблаченіе вело за собой новыя, пока, въ концѣ концовъ, вся страна не покрывалась невидимой сѣтью; онъ добавляетъ при этомъ, что многочисленныя конфискаціи, бывшія слѣдствіемъ этой системы, также играли здѣсь видную роль [2]).

Ареной этихъ предварительныхъ дѣйствій обыкновенно являлся монастырь того ордена, къ которому принадлежалъ инквизиторъ, если въ данной мѣстности былъ такой монастырь, или дворецъ епископа, если таковой былъ въ городѣ. Въ другихъ случаяхъ занимались церкви или муниципальныя зданія, такъ какъ всѣ власти, и свѣтскія и духовныя, были обязаны оказывать все, зависѣвшее отъ нихъ, содѣйствіе. Тѣмъ не менѣе, у каждаго инквизитора была своя главная квартира, гдѣ онъ долженъ былъ хранить показанія обвинителей и признанія обвиняемыхъ; туда также уводилъ онъ подъ конвоемъ, который обязаны были давать ему свѣтскія власти, арестованныхъ, которыхъ, по его мнѣнію, надо было

---

[1]) Guill. Pod. Laur. c. 43. — Vaissete, III, 402, 403, 404; Pr. 386. — Raynald. «Annal.» ann. 1243, № 31.—Concil. Narbonn. ann. 1244. c. I.—Concil. Biterr. ann. 1246, append., c. 2, 5.—Angeli de Clavasio «Summa angel.» s. v. «Inquisitor» § 9.—Arch. de l'Inq. de Carcass. circa 1245 (Doat, XXXI, 5).—Guid. Fulcod. Quaest. II.—Bern. Guid. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Eymerici «Direct. Inquis.» 407—9.—Practica super Inquis. (Mss. Bib. Nat. fond. lat. № 14930, fol. 227—8).—Archivio Storico Italiano, 1865, № 38, стр. 16—17.

[2]) Bern. Guid. loc. cit.—Ripoll. I, 46.

Библиотека "Руниверс"

держать при себѣ; что же касается другихъ, то онъ ограничивался тѣмъ, что приказывалъ имъ явиться къ нему въ опредѣленный день, потребовавъ отъ нихъ предварительныя поручительства.

Въ первое время мѣстомъ засѣданія судилища былъ монастырь нищенствующихъ; общественная же или епископская тюрьма была къ услугамъ инквизитора для помѣщенія его арестованныхъ. Со временемъ были выстроены спеціальныя зданія, снабженныя одиночными камерами и темницами [1]), гдѣ несчастные всегда находились подъ наблюденіемъ своихъ будущихъ судей. Здѣсь же обыкновенно происходило судебное разбирательство, хотя иногда оно имѣло мѣсто и во дворцѣ епископа, особенно если этотъ послѣдній былъ ревностенъ и работалъ вмѣстѣ съ инквизиторомъ.

Въ первое время не было надобности въ опредѣленіи минимальнаго возраста инквизитора; провинціалъ могъ выбрать любого изъ членовъ своего ордена. Повидимому, были часты случаи назначенія молодыхъ неопытныхъ людей, такъ какъ Климентъ V, въ своей реформѣ Инквизиціи, опредѣлилъ минимальный возрастъ инквизитора въ сорокъ лѣтъ. Бернаръ Ги протестовалъ противъ этого, указывая на то, что часто болѣе молодые люди были способны къ выполненію инквизиторскихъ обязанностей, и что не требовалось извѣстнаго возраста для епископовъ и ихъ викаріевъ, а они, между тѣмъ, пользовались инквизиторскою властью. Тѣмъ не менѣе, изданное правило осталось въ силѣ. Въ 1422 г. тулузскій провинціалъ назначилъ инквизиторомъ въ Каркассонъ брата Раймунда Лилльскаго, имѣвшаго только тридцать два года; хотя онъ и былъ утвержденъ генераломъ ордена, но все же обратились къ Мартину V, который предписалъ оффиціалу Але произвести разслѣдованіе и, если братъ будетъ признанъ достойнымъ, то сдѣлать для него исключеніе изъ канона Климента [2]).

По большей части, дѣла велись однимъ инквизиторомъ, но иногда ихъ было двое. Ведшій дѣло инквизиторъ обыкновенно имѣлъ помощниковъ, которые производили слѣдствіе и снимали предварительный допросъ; онъ могъ просить провинціала дать ему столько помощниковъ, сколько находилъ нужнымъ, но не имѣлъ права самъ выбирать ихъ. Иногда въ томъ случаѣ, когда епископъ горѣлъ жаромъ преслѣдованія, онъ самолично выступалъ въ роли помощника инквизитора; чаще же имъ являлся пріоръ мѣстнаго доминиканскаго монастыря. Тамъ, гдѣ государство несло издержки по содержанію Инквизиціи, повидимому, былъ извѣстный контроль за числомъ помощниковъ инквизитора; такъ, напр., въ Неаполѣ въ 1269 г. Карлъ Анжуйскій давалъ инквизитору только по одному помощнику [3]).

Эти помощники замѣняли инквизитора во время его отсутствія и, такимъ образомъ, слились съ комиссарами, ставшими существеннымъ элементомъ Инквизиціи. Уже съ XII в. установилось, что уполномоченный Рима, облеченный судебною властью, могъ передовѣрять свои права другому лицу; въ 1246 г. соборъ въ Безье далъ инквизитору право назначать вмѣсто себя уполномоченнаго всякій разъ, когда онъ находилъ нужнымъ произвести разслѣдованіе на мѣстѣ, куда не могъ отправиться самъ лично. Иногда давались особыя порученія; такъ, напр., Понсъ де Порнакъ, инквизиторъ Тулузы, уполномочилъ въ 1276 г. доминиканскаго пріора изъ Монтобана разслѣдовать дѣло Бернара де Сольгакъ и, запечатавъ, переслать допросъ къ нему.

---

[1]) Одиночная камера, устроенная вдоль стѣны, называлась «muros», въ противоположность собственно темницѣ, называвшейся «carcer».

[2]) C. 2. Clement. V. III. — Bern. Guidon. «Gravam». (Doat, XXX, 117—128). — Ripoll. II, 610.—Въ 1431 г. Евгеній IV сдѣлалъ исключеніе, назначивъ инквизиторомъ одно лицо 36 лѣтъ (Ripoll. III, 9).

[3]) Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 4.—Molinier, стр. 129, 131, 281-2.—Hauréau, «Bernard Délicieux», 28.—Waddingi «Annal.» ann. 1261, № 2.—Urbani PP. IV. Bull. «Ne catholicae fidei», 26 oct. 1262. — Bern. Guidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX).—Eymerici «Direct. Inquis.», 557, 577.—Archivio di Napoli, Mss. Chiocarello. T. VIII; ibid. Registro C, Lett. D, f. 35.

Библиотека "Руниверс"

Провинціи инквизиторовъ были настолько обширны, что приходилось раздѣлять работу, въ особенности въ первое время, когда еретики были очень многочисленны и требовали цѣлую армію слѣдователей. Но право назначать полномочныхъ комиссаровъ было признано за инквизиторомъ закономъ, повидимому, только въ 1262 г. Урбаномъ IV, а въ концѣ столѣтія потребовалось подтвержденіе этой привилегіи со стороны Бонифація VIII. Эти комиссары или викаріи отличались отъ помощниковъ тѣмъ, что ихъ назначалъ и увольнялъ лично самъ инквизиторъ. Какъ мы уже говорили, они сдѣлались существеннымъ элементомъ Инквизиціи и вели дѣла въ мѣстностяхъ, весьма удаленныхъ отъ главнаго судилища. Если Инквизиторъ былъ въ отсутствіи или былъ занятъ, то одинъ изъ нихъ могъ временно замѣстить его; инквизиторъ могъ также назначить себѣ викарнаго Послѣ реформъ Климента въ 1317 г. эти комиссары, какъ и ихъ начальники, не могли быть моложе сорока лѣтъ. Они были облечены полною инквизиторской властью, они могли вызывать, арестовывать и допрашивать свидѣтелей и подозрѣваемыхъ, они могли даже прибѣгать къ пыткѣ и приговаривать къ тюрьмѣ. Вопросъ, имѣютъ ли они право приговаривать къ смертной казни, былъ спорный, и Эмерикъ держится того мнѣнія, что это право должно принадлежать только одному инквизитору; но какъ мы увидимъ ниже, на дѣлѣ Жанны д'Аркъ и вальденцевъ Арраса, что это ограниченіе соблюдалось далеко не всегда. Упомянемъ еще, что въ отличіе отъ инквизиторовъ комиссары не имѣли права назначать вмѣсто себя уполномоченныхъ [1]).

Позднѣе, время-отъ-времени, выступаетъ еще другой членъ суда Инквизиціи, носящій званіе совѣтника. Въ 1370 г. каркассонская Инквизиція считала себя въ правѣ назначать трехъ совѣтниковъ, которые были освобождаемы отъ всякихъ мѣстныхъ налоговъ. Въ одномъ документѣ 1423 г. этимъ лицомъ является не доминиканецъ, а лиценціатъ правъ. Несомнѣнно, подобный совѣтникъ былъ крайне полезенъ судилищу, хотя его оффиціальное положеніе было неопредѣленно. Цангино говоритъ намъ, что въ общемъ инквизиторы были совершенно незнакомы съ законами. Въ большинствѣ случаевъ это не имѣло значенія, такъ какъ судопроизводство было въ высшей степени произвольно, и рѣдко обвиненный рѣшался жаловаться на рѣшеніе; но случалось, что жертвы Инквизиціи проявляли упрямство, тогда она нуждалась въ совѣтахъ лица, знакомаго съ законами и съ налагаемою ими отвѣтственностью. Эмерикъ всякому комиссару совѣтуетъ оградить себя содѣйствіемъ скромнаго адвоката, чтобы избѣгнуть ошибокъ, которыя могутъ повредить Инквизиціи, вызвать вмѣшательство папы и, быть-можетъ, лишить его мѣста [2]).

Такъ какъ глубокая таинственность была существенной чертой всѣхъ судебныхъ дѣлъ Инквизиціи, какъ только упрочилось ея положеніе, то сдѣлалось общимъ правиломъ, что показанія и свидѣтелей и обвиняемыхъ дѣлались обязательно въ присутствіи двухъ безпристрастныхъ людей, не принадлежавшихъ къ Инквизиціи, но приносившихъ клятву хранить въ тайнѣ все, что услышатъ. Инквизиторъ могъ для этого пригласить любое лицо по своему усмотрѣнію. Преимущественно такими представителями общества бывали лица духовнаго званія, обыкновенно доминиканцы, «люди скромные и религіозные», которые должны

[1]) C. 11, 19, 20 Extra I. 29. Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 3.—Coll. Doat, XXV, 230.—Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 20 mar. 1262.—Guid. Fulcod. «Quaest.» IV. — C. 11 Sexto v. 2.—C. 2. Clement. V, 3.—Bernardi Guid. «Practica», P. IV (Doat, XXX). —Eymerici «Direct. Inq.», стр. 403—6.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXX.

Непонятно, почему въ 1276 г. ломбардскіе инквизиторы братъ, Никколо да Кремона и братъ Даніелэ Жуссано, собрали въ Піаченцѣ экспертовъ для рѣшенія вопроса, имѣютъ ли они право или нѣтъ назначать делегатовъ; вопросъ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ (Campi, «Dell'Historia Ecclesiastica de Piacenza», P. II, стр. 308—9).

[2]) Archives de l'Evêché d'Albi (Doat, XXXV, 136, 187).—Zanchini, «Tract. de Haeret.» c. XV.—Eymerici «Direct.», стр. 407.

Библиотека "Руниверс"

были вмѣстѣ съ нотаріусомъ подписать протоколъ показаній и удостовѣрить его правильность. Хотя объ этомъ и не говорится ничего въ наказахъ собора въ Безье 1246 г., но показанія, дошедшія до насъ отъ 1244 г., свидѣтельствуютъ, что это уже вошло въ обычай. Частое подтвержденіе этого правила рядомъ послѣдовательныхъ папъ, и тотъ фактъ, что оно было внесено въ каноническіе законы, показываютъ, что ему придавали большое значеніе какъ средству помѣшать нарушенію справедливости и придать всему судопроизводству видъ безпристрастнаго. Но и въ этомъ, какъ и во всемъ, инквизиторы передѣлали законъ въ свою пользу и, не стѣсняясь, отбрасывали всѣ ничтожныя ограниченія, которыя папы ставили ихъ могуществу.

Въ 1325 г. одинъ священникъ, по имени Петръ де Торнамиръ, обвиненный въ принадлежности къ францисканцамъ-спиритуаламъ, былъ приведенъ умирающимъ передъ каркассонскую Инквизицію. Инквизиторъ былъ въ отсутствіи. Его замѣститель и нотаріусъ въ присутствіи трехъ мірянъ стали отбирать показанія, но обвиняемый умеръ, не окончивъ ихъ; когда онъ уже лишился дара слова, вошли два доминиканца и, не посмотрѣвъ на то, что показанія не были закончены, скрѣпили ихъ, подписавшись подъ ними. На основаніи этого неправильнаго суда было поднято преслѣдованіе противъ умершаго священника; но этимъ были затронуты интересы наслѣдниковъ, которые желали спасти имущество отъ конфискаціи. Споръ тянулся тридцать-два года, и, когда въ 1357 г. инквизиторъ попросилъ собраніе экспертовъ утвердить приговоръ, двадцать-пять юристовъ высказались противъ, и только двое—оба доминиканца—защищали его. Немного позднѣе Эмерикъ объяснилъ своимъ братьямъ, какъ обходить это правило, когда оно было стѣснительно: достаточно было въ концѣ протокола допроса засвидѣтельствовать присутствіе двухъ достойныхъ довѣрія лицъ, послѣ прочтенія показаній лицу, давшему ихъ.

Ни одно постороннее лицо не имѣло права присутствовать на судѣ; исключеніе дѣлалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ только въ Авиньонѣ, гдѣ около половины XIII в. представители магистратуры временно добились для себя и нѣсколькихъ сеньоровъ права присутствовать при судоговореніи. Въ другихъ же мѣстахъ повсюду несчастные, защищавшіе передъ судьями свою жизнь, были всецѣло въ рукахъ инквизитора и его креатуръ [1]).

Составъ судилища дополнялся нотаріусомъ, видным и весьма уважаемымъ должностнымъ лицомъ среднихъ вѣковъ. Все судопроизводство Инквизиціи, всѣ вопросы и отвѣты записывались; всякій свидѣтель и всякій обвиняемый были обязаны удостовѣрить правильность своихъ показаній, когда они прочитывались имъ въ концѣ допроса, и приговоръ основывался исключительно на показаніяхъ, добытыхъ такимъ путемъ. Обязанность нотаріуса была очень тяжелой, и иногда въ помощь ему приглашались писцы; но онъ былъ обязанъ лично скрѣплять всѣ документы. Текущія дѣла судилища давали груду бумагъ; ихъ всѣ надо было переписать для архивовъ; кромѣ того, различныя инквизиціи постоянно обмѣнивались копіями со своихъ дѣлъ, такъ что все это давало огромную работу. Инквизиторъ могъ и здѣсь потребовать безплатной помощи любого подходящаго для этого лица; но было опасно довѣрять веденіе всѣхъ этихъ бумагъ людямъ, не получившимъ спеціальной подготовки. Въ первое время можно было потребовать услугъ любого нотаріуса, преимущественно кого-нибудь изъ доминиканцевъ, кто былъ раньше нотаріусомъ; если не было подъ руками ни одного нотаріуса, то вмѣсто него можно было взять двухъ «скромныхъ» людей. Подобная замѣна, къ которой прибѣгали инквизиторы во время своихъ разъѣздовъ, часто вызывала затрудненія. Въ городахъ, гдѣ происходили

[1]) Coll. Doat, XXII, 273 сл.—Innoc. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 30 mai 1254. — Bern. Guidonis «Practica», P. IV (Doat, XXX).—Clem. PP. IV. Bull. «Prae Cunctis», 23 feb. 1266—C. 11 § 1 Sexto V. 2.—Concil. Biterr. ann. 1246, c. 4.—Alex. PP. IV. Bull. «Prae Cunctis», 9 nov. 1256.—Archiv. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXIV, 11).—Molinier. «L'Inquis. dans le midi de la France», стр. 219, 287.—Eymerici «Direct. Inq.», стр. 426.

Библиотека "Руниверс"

постоянныя засѣданія Инквизиціи, нотаріусомъ было опредѣленное и получавшее жалованье должностное лицо. Когда была сдѣлана Климентомъ V попытка реформы, то было предписано, чтобы этотъ нотаріусъ давалъ присягу передъ епископомъ и передъ инквизиторомъ. На это возражалъ Бернаръ Ги, указывая на то, что часто непредвидѣнныя условія дѣла требуютъ увеличенія числа нотаріусовъ, и что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было общественныхъ нотаріусовъ, ихъ обязанности должны исполняться компетентными лицами; часто, добавляетъ онъ, случается, что виновные вдругъ сознаются, но если ихъ показанія не будутъ тотчасъ же записаны, то они берутъ назадъ свои слова и начинаютъ искажать истину. Странная вещь—инквизиторъ не имѣлъ права назначать нотаріуса! «Онъ можетъ, говоритъ Эмерикъ, предложить папѣ трехъ или четырехъ лицъ, но назначеніе зависитъ только отъ папы. Этотъ порядокъ вызываетъ такое недовольство среди мѣстныхъ властей, что инквизиторъ сдѣлаетъ умнѣе, если удовлетворится нотаріусами епископовъ или нотаріусами свѣтскихъ магистратовъ» [1]).

Огромная масса документовъ, порожденная этими безчисленными руками, составляла предметъ особой заботы; ея значеніе было оцѣнено съ самаго начала. Въ 1235 г. былъ поднятъ вопросъ о сознаніяхъ раскаивающихся, и ихъ стали тщательно записывать въ особыя спеціальныя книги. Вскорѣ это вошло во всеобщій обычай; инквизиторамъ было приказано сохранять все судопроизводство отъ перваго вызова въ судъ до приговора вмѣстѣ со спискомъ тѣхъ, кто далъ присягу защищать вѣру и преслѣдовать ересь. Этотъ указъ неоднократно повторялся; кромѣ того, было предписано, чтобы со всѣхъ документовъ снимались копіи, и чтобы одна изъ нихъ помѣщалась въ безопасномъ мѣстѣ или передавалась епископу. Книга Приговоровъ тулузской инквизиціи, за періодъ времени отъ 1308 по 1323 г., напечатанная Ламборхомъ, кончается перечнемъ 636 осужденныхъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ и распредѣленныхъ по мѣсту жительства; противъ каждаго имени сдѣлана ссылка на страницу, гдѣ оно упоминается, и краткое указаніе на наложенное на каждаго наказаніе, а равно на всѣ въ немъ послѣдовавшія измѣненія. Такимъ образомъ, если должностному лицу нужно было собрать свѣдѣнія о жителяхъ какого-нибудь поселка, то онъ сразу могъ узнать, кто изъ жителей находился въ подозрѣніи, и какое рѣшеніе было принято относительно него. Первый попавшійся примѣръ изъ этой книги показываетъ, насколько точны и подробны были первоначальные списки. Въ 1316 г. была приведена на судъ одна старуха; было обнаружено, что въ 1268 г., т.-е. почти полъ-вѣка тому назадъ, она отреклась отъ ереси и была возсоединена съ Церковью. Такъ какъ это увеличивало ея вину, то несчастная была приговорена провести остатокъ дней своихъ въ тюрьмѣ и оковахъ. Такимъ путемъ съ теченіемъ времени Инквизиція собрала огромный запасъ справокъ, которыя не только увеличивали ея могущество, но и дѣлали ее предметомъ ужаса всего міра. Такъ какъ имущество потомковъ еретиковъ подлежало конфискаціи, и такъ какъ ихъ можно было всегда признать неполноправными, то тайны семействъ, столь тщательно хранимыя въ архивахъ Инквизиціи, давали ей возможность, когда она это находила нужнымъ, уничтожать тысячи невинныхъ.

---

[1]) Bern. Guid. «Practica», P. IV (Doat, XXX).—Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», ann. 1262, §§ 6, 7, 8 (Mag. Bull. Rom. I, 122).—C. 1 § 3 Clement. V. 3.—Coll. Doat, XXX, 109—110.—Eymerici «Direct. Inq.», стр. 550.

Какое видное значеніе придавали нотаріусамъ и вопросу объ ихъ числѣ, видно изъ папскихъ привилегій, касающихся нотаріусовъ. Такъ, напр., 27 ноября 1295 г. Бонифацій VIII разрѣшилъ Ліонскому архіепископу назначить пять нотаріусовъ; 22 января 1296 г. онъ позволилъ епископу аррасскому назначить трехъ, а епископу амьенскому двухъ (Thomas, «Registres de Boniface VIII», I, № 640 bis 660, 678 bis).

Въ 1286 г. французскій провинціалъ жаловался Гонорію IV на малочисленность нотаріусовъ въ королевствѣ, и папа разрѣшилъ ему назначить еще двухъ (Ripoll. II, 16).

Библиотека "Руниверс"

Вдобавокъ, она особенно ловко умѣла раскрывать предосудительныя дѣянія предковъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе возбудить противъ себя ея недовольство, а по временамъ и ея алчность. Въ 1306 г. во время волненій въ Альби, когда королевскій судья (viguier), или губернаторъ, сталъ на сторону народа, инквизиторъ Жофруа д'Абли опубликовалъ, что онъ нашелъ въ спискахъ, что дѣдъ судьи былъ еретикомъ, и что, слѣдовательно, его внукъ не имѣетъ права занимать должность. Такимъ образомъ, всѣ, не только живые, но и мертвые, были въ полномъ распоряженіи Инквизиціи [1]).

Стремленіе поддѣлывать списки, когда нужно было поразить врага, было весьма сильно, и враги инквизиціи не задумывались утверждать, что это продѣлывалось частенько. Братъ Бернаръ Делисье, говоря отъ имени всего францисканскаго ордена въ Лангедокѣ, въ одномъ документѣ отъ 1300 г. заявляетъ, что эти списки не только не заслуживаютъ довѣрія, но что на нихъ вообще смотрятъ какъ на подложные. Ниже мы увидимъ, что эти слова не были лишены основанія. Народное недовѣріе увеличивалось еще благодаря тому обстоятельству, что всякое лицо, имѣвшее у себя документы, относящіеся до судопроизводства Инквизиціи или до преслѣдованій еретиковъ, подлежало отлученію отъ Церкви. Съ другой стороны, тѣ, спокойствію которыхъ эти списки угрожали, стремились ихъ уничтожить, и извѣстны многочисленные случаи, направленные къ этому. Уже въ 1235 г. граждане Нарбонны, возмутившись противъ Инквизиціи, уничтожили ея реестры и книги. Указъ, изданный въ 1254 г. соборомъ въ Альби, о снятіи копій съ дѣлъ Инквизиціи и о помѣщеніи ихъ въ безопасное мѣсто, былъ, несомнѣнно, вызванъ другой попыткой уничтожить архивы, сдѣланной въ 1248 г. еретиками Нарбонны: во время собранія епископовъ въ этомъ городѣ было совершено нападеніе на двухъ лицъ, нестихъ дѣла, въ которыхъ были и списки еретиковъ; оба они были убиты, а документы сожжены. Около 1285 г. въ Каркассонѣ консулами города былъ раскрытъ заговоръ, въ которомъ участвовало нѣсколько высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, съ цѣлью уничтоженія архивовъ Инквизиціи. Заговорщики подкупили одного изъ слугъ Инквизиціи, Бернара Гаррика, который согласился сжечь архивы, но заговоръ былъ раскрытъ, и заговорщики наказаны. Одинъ изъ нихъ, адвокатъ, по имени Гильемъ Гаррикъ, около тридцати лѣтъ томился въ тюрьмѣ и былъ судимъ лишь въ 1321 г. [2]).

Не менѣе грозными были и самые скромные служители Инквизиціи. Таковы были сторожа, разсыльные, шпіоны, bravi, извѣстные подъ общимъ именемъ слугъ—familiares, всѣ они наводили ужасъ на населеніе. Служба ихъ не была безопасна и не привлекала къ себѣ людей честныхъ и мирныхъ; но зато она сулила тысячи выгодъ людямъ потерянным и бродягамъ. Они не только наслаждались неподсудностью свѣтскимъ судамъ, что было у нихъ общаго со всѣми служителями Церкви, но благодаря особому праву, предоставленному Иннокентіемъ IV въ 1245 г. инквизиторамъ, отпускать своимъ слугамъ всѣ грѣхи, они были неподсудны даже и духовнымъ судамъ. Кромѣ того, всякое оскорбленіе, оказанное служителямъ Инквизиціи, разсматривалось какъ дѣйствіе, мѣшающее правильному ходу работъ Инквизиціи, и почти приравнивалось къ ереси; если кто-нибудь осмѣливался оказывать сопротивленіе при нападеніи этихъ людей, то виновный предавался суду того судилища, которому принадлежалъ нападавшій. Поставленные такимъ образомъ въ исключительное положеніе, они могли дѣлать съ беззащитнымъ народомъ все,

---

[1]) Guill. Pelisso «Chron.», изд. Molinier, 28. — Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 6. — Concil. Biterren. ann. 1246, c. 31, 37.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 21.—Alex. PP. IV. Bull. «Licet vobis», 7 dec. 1255; ejusd. Bull. «Prae cunctis», 9 nov. 1255, 13 dec. 1255. — Lib. Sent. Inq. Tolosan. 198 9.—Coll. Doat, XXXIV, 104.

[2]) Arch. de l'Inq. de Carsass. (Doat, XXXIV, 123). — Ripoll. I, 356, 393.—Vaissete. III, 406; Pr. 467.—Coll. Doat. XXXI, 105, 149.—Molinier, 35. — Bern. Guid. «Hist. Conv Carcass.» (D. Bouquet, XXI, 743).—Lib. Sent. Inquis. Tolosan., 282.

Библиотека "Руниверс"

что угодно, и легко представить себѣ, какія вымогательства творили они безнаказанно, угрожая арестами и доносами въ то время, когда попасть въ руки Инквизиціи было величайшимъ несчастіемъ безразлично какъ для вѣрнаго католика, такъ и для еретика [1]). Этотъ общественный бичъ сдѣлался еще болѣе грознымъ, когда служителямъ Инквизиціи было разрѣшено носить оружіе. Убійства въ провинціи Авиньона въ 1242 г., убійство Петра Мученика и другіе подобные инциденты оправдывали съ внѣшней стороны желаніе инквизиторовъ имѣть вооруженныхъ стражниковъ; къ тому же розыскъ и поимка еретиковъ нерѣдко были сопряжены съ опасностью. Но все же удивительно было предоставлять привилегію носить оружіе людямъ, на которыхъ не простиралось дѣйствіе закона. Въ эту бурную эпоху ношеніе оружія было строго запрещено во всѣхъ мирныхъ общинахъ. Уже съ XI вѣка оно было запрещено въ Пистойѣ; въ 1228 г.—въ Веронѣ; въ Болоньѣ только рыцари и врачи имѣли право носить оружіе и держать при себѣ одного вооруженнаго тѣлохранителя. Въ Миланѣ указъ Іоанна Галеаса 1386 г. запрещаетъ ношеніе оружія, но дозволяетъ епископамъ вооружать служителей, живущихъ подъ одной съ ними кровлей. Въ Парижѣ постановленіемъ 1288 г. было запрещено ношеніе отточенныхъ ножей, шпагъ и тому подобнаго оружія. Въ Бокерѣ указъ 1320 г. грозитъ различными наказаніями, въ томъ числѣ отнятіемъ руки, всякому, кто будетъ носить оружіе; исключеніе было сдѣлано для путешественниковъ: имъ разрѣшалось имѣть шпаги и кортики. Эти законы принесли огромную пользу цивилизаціи, но они были сведены почти на нѣтъ, когда инквизиторъ получилъ право вооружать, кого ему угодно, и, кромѣ того, ограждать своихъ слугъ привилегіями и неприкосновенностью святой Инквизиціи [2]).

Въ 1249 г. скандалы и злоупотребленія, проистекавшія отъ неограниченнаго числа слугъ и писцовъ Инквизиціи, которые угнетали и обирали народъ, вызвали негодующее посланіе Иннокентія IV, потребовавшаго, чтобы ихъ число соотвѣтствовало дѣйствительной надобности въ ихъ услугахъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ Инквизиція содержалась на счетъ государства, злоупотребленія подобнаго рода не находили себѣ мѣста. Такъ, въ Неаполѣ Карлъ Анжуйскій ограничилъ число вооруженныхъ слугъ отдѣльнаго инквизитора тремя. Когда Бернаръ Ги протестовалъ противъ реформъ Климента V, онъ указалъ на контрастъ между Франціей, гдѣ инквизиторы зависѣли отъ свѣтскихъ властей и были вынуждены довольствоваться нѣсколькими служителями, и Италіей, гдѣ они пользовались почти неограниченной свободой. Дѣйствительно, въ Италіи Инквизиція была независима и жила на свои собственныя средства, такъ какъ получала часть отъ штрафовъ и конфискацій. Климентъ V запретилъ безполезное увеличеніе числа служителей и злоупотребленіе правомъ носить оружіе, но его благія усилія не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1321 г. Іоаннъ XXII упрекалъ ломбардскихъ инквизиторовъ за то, что они вызвали безпорядки и волненія въ Болоньѣ, такъ какъ вооруженными слугами были у нихъ отъявленные висѣльники, которые совершали убійства и угнетали жителей. Въ 1337 г. папскій нунцій, архіепископъ Эмбрена Бертранъ, лично убѣдился, что разрѣшенія, даваемыя инквизиторомъ на ношеніе оружія, были причиной волненій во Флоренціи и угрожали безопасности горожанъ; и онъ запретилъ ему имѣть при себѣ болѣе двѣнадцати вооруженныхъ слугъ, поручившись, что свѣтскія власти въ случаѣ надобности окажутъ ему помощь при поимкѣ еретиковъ; но, тѣмъ не менѣе, девять лѣтъ спустя новый инквизиторъ, братъ Пьеро ди Аквила, былъ об-

[1]) Paramo, «De orig. offic. S. Inquis.», 102. – Pegnae «Comment. in Eymeric.», 584. Arch. de l'Inq. de Carcass. (Coll. Doat, XXXI, 70; XXXII, 143).

[2]) Statuta Pistoriensia, c. 109 (Zachariae «Anecd. Med. Aevi», 23). — Lib. juris civilis Veronae, ann. 1228, c. 104, 183 (Верона, 1728) - Statut. criminal. communis Bononiae, изд. 1525 г., fol. 38 (ср. Barbarano de Mironi, «Hist. eccles. di Vicenza», II, 69). — Antiqua Ducum Mediolan. Decreta (изд. 1654 г., стр. 95). – Statuta Criminalia Mediolani, Bergomi, 1594, cap. 127). — Actes du Parl. de Paris, I, 257. — Vaissete, изд. Privat. X. Pr. 610.

Библиотека "Руниверс"

виненъ въ томъ, что онъ продалъ разрѣшеніе носить оружіе болѣе чѣмъ двумстамъ пятидесяти лицамъ, что давало ему около тысячи флориновъ золотомъ ежегоднаго дохода и нарушало общественную безопасность. Тогда былъ изданъ новый законъ, ограничивавшій число вооруженныхъ слугъ инквизитора шестью; епископъ Флоренціи могъ имѣть двѣнадцать, епископъ Фіезоле—шесть, но всѣ они должны были носить на видномъ мѣстѣ отличительные знаки своего господина. Однако, торговля правомъ ношенія оружія была настолько прибыльна, что флорентинскій кодексъ 1355 г. прибѣгъ къ другой мѣрѣ, чтобы прекратить это злоупотребленіе: всякое лицо, схваченное съ оружіемъ, хотя бы и заявлявшее, что оно получило право на его ношеніе, подвергалось изгнанію изъ республики, и ему запрещалось въ теченіе года жить ближе 50 миль отъ города; причемъ отъ него требовалось поручительство. Даже самъ подестатъ не могъ разрѣшить ношенія оружія подъ угрозой обвиненія въ клятвопреступленіи и штрафа въ 500 ливровъ. Это законодательство нарушало привилегіи Церкви и дало поводъ къ одной изъ жалобъ Григорія IX, когда онъ въ 1376 г. отлучилъ республику отъ Церкви. Когда въ 1378 г. Флоренція должна была покориться, то однимъ изъ условій, предложенныхъ ей, было предоставленіе папскому комиссару права вычеркнуть изъ книги статутовъ всѣ тѣ законы, которые онъ признаетъ неудобными. Однако, инквизиторская милиція вела себя такъ, что въ 1386 г. пришлось прибѣгнуть къ другому средству для ея ограниченія: двумъ епископамъ и инквизитору было запрещено имѣть вооруженныхъ слугъ, которые должны были бы платить налогъ и быть внесенными въ списки гражданъ; тѣхъ, кому они давали разрѣшеніе на ношеніе оружія, правители города объявляли ихъ слугами, и это объявленіе не должно было возобновляться ежегодно особой грамотой. Это правило, ограничивавшее зло, было удержано и при пересмотрѣ кодекса въ 1415 г.

Несомнѣнно, аналогичная борьба, слѣдовъ которой не сохранилось въ исторіи, происходила около этой эпохи въ большей части итальянскихъ городовъ, стремившихся охранять мирныхъ жителей отъ наемныхъ убійцъ Инквизиціи. Необходимость въ этомъ чувствовалась даже въ Венеціи, гдѣ, однако, Инквизиція зависѣла отъ государства, которое благоразумно сохранило свои права, взявъ на себя издержки по содержанію этого установленія. Въ августѣ 1450 г. великій совѣтъ, большинствомъ четырнадцати голосовъ противъ двухъ, призналъ, что инквизиторъ сдѣлалъ злоупотребленіе, продавъ двѣнадцати лицамъ право ношенія оружія; подобная толпа, рѣшили члены совѣта, совершенно излишня, такъ какъ инквизиторъ всегда можетъ потребовать содѣйствія отъ свѣтской власти; поэтому онъ, согласно съ древнимъ обычаемъ, долженъ довольствоваться четырьмя вооруженными слугами. Но черезъ шесть мѣсяцевъ, въ февралѣ 1451 г., это законодательство было измѣнено по просьбѣ генералъ-министра францисканскаго ордена; инквизитору было разрѣшено имѣть до двѣнадцати слугъ, при условіи удостовѣренія полиціи, что они дѣйствительно употребляются на нужды Инквизиціи. Но Эмерикъ все же находитъ, что всѣ подобныя ограниченія незаконны, и что всякая свѣтская власть, мѣшающая служителямъ Инквизиціи носить оружіе, «препятствуетъ ея дѣятельности» и должна разсматриваться какъ соучастница ереси. Съ своей стороны, Бернаръ Ги полагаетъ, что только инквизиторъ можетъ опредѣлить число нужныхъ ему слугъ, и Цангино соглашается, что ограниченіе ихъ числа—преступленіе, которое инквизиторъ долженъ обуздывать по своему усмотрѣнію [1]).

[1]) Arch. de l' Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 81).—Archivio di Napoli, Mss. Chiocarello T. VIII; Registro 13. Lettre A, fol. 64; Reg. 6, Lettre D, fol. 35.—Coll. Doat. XXX, 119—20.—C. 2 Clement. V. 3.—Johann. PP. XXII. Bull. «Exegit ordinis», 2 maii, 1321.—Archiv. di Firenze, Riformagioni. Archiv. Diplom. XXVII, LXXVIII—IX; Riform. Classe II, Distinz. 1, № 14.—Villani, Cronica, lib. XII, c. 58.—Archivio di Venezia, Misti. Cons. X. vol. XIII, 192; vol. XIV, 29. – Eymeric. «Direct. Inq.» 374—5.—Bern. Guidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX).—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXXI.—Urbani PP. IV Bull. «Licet ex omnibus», 1262 (Mag. Bull. Rom. I, 123) — Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Inquisitores», № 14.—См. также Farinacii «de Haeresi Quaest.» 182, №№ 89—94.

Библиотека "Руниверс"

Въ предшествующей главѣ я упоминалъ о правѣ, столь часто заявляемомъ и примѣняемомъ, а именно о правѣ отмѣнять всѣ мѣстные статуты, неблагопріятные Инквизиціи, а также объ обязанности, наложенной на всѣхъ свѣтскихъ должностныхъ лицъ, являться по первому требованію на помощь Инквизиціи. Это право было настолько общепризнано и было такъ полно проведено въ жизнь, что Инквизиція стала выше даже государства, всѣ средства котораго были къ ея услугамъ. Присяга въ послушаніи, которую инквизиторъ могъ потребовать отъ любого должностного лица, не была пустою формальностью: всякій, кто отказывался дать ее, подвергался отлученію отъ Церкви, а это, въ случаѣ упорства, влекло за собой обвиненіе въ ереси, а въ случаѣ смиренія — унизительное покаяніе. Если небрежно относившіеся къ своимъ обязанностямъ инквизиторы не требовали иногда этой присяги, то другіе смотрѣли на это, какъ на свою главную обязанность. Бернаръ Ги на всѣхъ своихъ ауто-да-фе торжественно требовалъ этой присяги отъ всѣхъ королевскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ городскихъ властей, и когда въ маѣ 1309 г. королевскій сенешаль провинціи Тулузы и Альбигойи, Жанъ де Мокошэнъ, отказался принести присягу, ему скоро дали понять его ошибку, и онъ немедленно смирился. Въ 1329 г. Генрихъ де Шамэ, инквизиторъ Каркассона, обратился къ Филиппу Валуа съ просьбой подтвердить привилегіи Инквизиціи; король отвѣтилъ указомъ, въ которомъ объявлялъ, что всѣ герцоги, графы, бароны, сенешали, прево, уѣздные и земскіе судьи, кастеляны, пристава и другіе судебные чины обязаны повиноваться инквизиторамъ и ихъ комиссарамъ; они должны арестовывать и содержать въ тюрьмѣ всѣхъ еретиковъ и подозрѣваемыхъ въ ереси и, равнымъ образомъ, давать по первому требованію инквизиторамъ, ихъ комиссарамъ и гонцамъ, въ предѣлахъ своей судебной власти, пропуски, помощь и покровительство во всемъ, что касается задачъ Инквизиціи.

Когда общественный чиновникъ медлилъ оказать содѣйствіе, то тотчасъ же онъ подвергался наказанію. Такъ, въ 1303 г. вице-подестатъ Бонрико ди Буска отказался дать людей представителямъ миланской инквизиціи, и тотчасъ же его приговорили къ штрафу въ сто имперскихъ су, которые онъ долженъ былъ уплатить въ пять дней. Даже тогда, когда должностное лицо было отлучено отъ Церкви и поэтому становилось неправоспособнымъ, отъ него можно было потребовать повиновенія приказаніямъ инквизитора, но ему давали понять, что, несмотря на это, въ другихъ случаяхъ онъ все же не имѣетъ права исполнять своихъ обязанностей [1]).

Далѣе Инквизиція въ большей или меньшей степени пользовалась услугами всего католическаго населенія, особенно духовенства. Всякій, подъ страхомъ быть причисленнымъ къ числу покровителей ереси, долженъ былъ выдавать еретиковъ; онъ долженъ былъ также самъ задерживать еретиковъ, какъ узналъ это на своемъ горькомъ опытѣ Бернаръ де С.-Женэ въ 1242 г., когда попалъ подъ судъ тулузской инквизиціи за то, что не задержалъ, когда могъ это сдѣлать, извѣстныхъ еретиковъ, и былъ приговоренъ къ епитиміи посѣтить святыни Пюи, С.-Жиля и Компостелла. Кромѣ того, приходскіе священники были обязаны, когда отъ нихъ требовалось, высылать своихъ прихожанъ на судъ и объявлять всѣ приговоры отлученія отъ Церкви. Они были обязаны наблюдать за кающимися

---

[1]) Concil. Albiens. ann. 1254, c. 7.—Eymeric. «Direct. Inquis.», 392—402.—Gloss. Hostiens. super. cap. «Excommunicamus», «moneamus».—Gloss. Joann. Andreae sup. eod. loc.—Lib. Sent. Inq. Tolosan. 1, 7, 36, 39, 292.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat. XXVII, 118).—Isambert, «Anc. Loix Franc.» IV, 364—5.—Ogniben Andrea, «I Guglielmiti del Secolo XIII», Перуза, 1867, стр. 111.—Alex. PP. IV Bull. «Quaesivistis», 28 maii, 1260.

Должность бальи во Франціи покупалась, но самъ бальи перепродать ее не могъ, и поэтому понятно, что всякій бальи боялся потерять свою должность въ случаѣ неповиновенія требованіямъ инквизиторовъ.—Statuta Ludov. IX ann. 1254, c. XXV—VII (Vaissete изд. Privat, VIII, 1349).

Библиотека "Руниверс"

и ручаться, что наложенныя на нихъ епитиміи ими выполнены. Правильная система мѣстной полиціи, внушенная древнимъ институтомъ синодальныхъ свидѣтелей, была уничтожена соборомъ 1246 г. въ Безье; инквизиторъ былъ уполномоченъ назначать въ каждомъ приходѣ священника и одного или двухъ мірянъ, на обязанности которыхъ лежало разыскивать еретиковъ, посѣщать дома, въ особенности уединенныя мѣста ихъ собраній, слѣдить за исполненіемъ епитиміи и различныхъ приговоровъ Инквизиціи. Практическое руководство, составленное въ эту эпоху, предписываетъ инквизиторамъ повсюду учреждать подобную полицію. Чего же еще желать? Всѣ средства страны, какъ общественныя, такъ и частныя, были къ услугамъ Инквизиціи [1]).

Огромное значеніе въ устройствѣ Инквизиціи имѣло то собраніе, на которомъ рѣшалась участь обвиняемаго. Въ принципѣ инквизиторъ не могъ вынести единоличнаго приговора. Мы уже видѣли, какъ послѣ различныхъ колебаній было признано необходимымъ участіе епископовъ. Но такъ какъ инквизиторы не обращали вниманія на это ограниченіе ихъ власти, то Климентъ V призналъ не имѣющими значенія и силы всѣ приговоры, постановленные ими одними; однако, чтобы избѣжать медленности въ дѣлахъ, папа разрѣшилъ, чтобы согласіе епископовъ давалось письменно, если по истеченіи восьми дней нельзя было устроить совѣщанія. Судя по нѣсколькимъ дошедшимъ до насъ образчикамъ этихъ письменныхъ мнѣній, они были чрезвычайно кратки и не могли служить серьезной помѣхой произволу инквизиторовъ. Но, тѣмъ не менѣе, Бернаръ Ги горько жалуется на это призрачное стѣсненіе, потому что прежде законъ объ епископскомъ участіи совершенно не соблюдался; въ оправданіе своихъ замѣчаній, онъ указываетъ на то, что одинъ епископъ въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ задержалъ объявленіе приговора по дѣлу нѣсколькихъ лицъ его епархіи, а изъ-за другого пришлось на шесть мѣсяцевъ отсрочить торжественное ауто-да-фе. Самъ онъ до щепетильности строго соблюдалъ всѣ правила, какъ раньше, такъ и послѣ указовъ Климента, и въ протоколахъ тѣхъ ауто, которыя онъ совершалъ въ Тулузѣ, всегда тщательно отмѣчалось присутствіе епископовъ или ихъ представителей изъ епархій, откуда были обвиненные. Но, рядомъ съ этимъ, мы видимъ Бернара Ги принимающимъ делегацію епископовъ Кагора, С.-Папуля и Монтобана, которые предоставили ему право замѣнить ихъ на ауто 30 сентября 1319 г. Это бывало довольно часто, и инквизиторы безпрестанно выносили приговоры, пользуясь властью, предоставленной имъ епископами; такъ было, напр., при преслѣдованіи вальденцевъ Пьемонта въ 1387 г.; то же было и въ 1474 г. въ процессѣ колдуній Канавеза. Бывали также случаи давленія инквизитора на епископовъ; такъ, напр., въ 1318 г. въ началѣ преслѣдованія францисканцевъ-спиритуаловъ епископы Нарбоннской провинціи были вынуждены согласиться на сожженіе нѣсколькихъ несчастныхъ, такъ какъ инквизиторъ пригрозилъ имъ, что донесетъ на нихъ папѣ, ревность котораго въ дѣлѣ преслѣдованія была хорошо всѣмъ извѣстна [2]).

Такъ какъ въ первое время при назначеніи инквизиторовъ болѣе принималась во вниманіе ихъ ревность къ вѣрѣ, чѣмъ ихъ знанія, и такъ какъ обыкновенно они были очень невѣжественны, то вскорѣ нашли нужнымъ прибавить къ нимъ для постановленія рѣшенія людей, изучившихъ гражданскіе и каноническіе законы; эта наука была въ ту эпоху, благодаря сложности законовъ, настолько трудна, что требовала работы цѣлой

---

[1]) Zanchini «Tract. de Haeret.», c. 5.—Coll. Doat, XXI, 226, 308.—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 18.—Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 34.—Practica super Inquisit. (Mss. Bibl. Nat. fonds. lat. № 14930, fol. 223—4).

[2]) C. 1, § 1, Clement. V. 3.—Eymeric. «Direct. Inq.», 580.—Coll. Doat, XXXI, 57.—Bern. Guidon, «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Coll. Doat, XXX, 104.—Lib. Sent. Inq. Tolosan. passim, особенно стр. 208—10.—Ibid. 300.—Archiv. Stor. Ital. № 38, стр. 26, 99. — Curiosità di storia subalpina (1874), 215.

Библиотека "Руниверс"

жизни. Инквизиторамъ было дано право приглашать свѣдущихъ людей, чтобы съ ними вмѣстѣ разсматривать показанія, и чтобы пользоваться ихъ совѣтами при постановленіи приговора. Приглашенные не имѣли права отказываться нести трудъ безплатно, хотя инквизиторъ и могъ, если находилъ нужнымъ, оплачивать его. Но, повидимому, присутствіе почетныхъ гражданъ, при обвиненіи важныхъ еретиковъ, имѣло цѣлью скорѣе увеличить торжественность совѣщанія, чѣмъ дать помощь судьямъ; такъ, напр., въ 1237 г. при осужденіи Аламана Роэ Тулузскаго въ совѣщаніи принимали участіе епископъ тулузскій, аббатъ изъ Муасака, доминиканскіе и францисканскіе провинціалы и много почетныхъ гражданъ. Дѣйствительно, огромное число дѣлъ, разсмотрѣнныхъ лангедокской Инквизиціей въ теченіе первыхъ лѣтъ ея существованія, исключаетъ, повидимому, возможность серьезнаго совѣщанія, въ которомъ принимали бы участіе совѣтники со стороны, тѣмъ болѣе, что уже рано вошло въ обычай группировать обвиняемыхъ, участь которыхъ была уже рѣшена и объявлялась въ Sermo, или въ торжественномъ Auto da fe. Однако, внѣшняя форма соблюдалась, и въ 1247 г. при постановленіи приговора Бернаромъ Ко и Жаномъ де С.-Пьеръ по дѣлу семи еретиковъ рецидивистовъ, было отмѣчено, что приговоръ вынесенъ послѣ совѣщанія «со многими прелатами и другими видными людьми». Совѣщаніе назначалось на пятницу, такъ какъ Sermo всегда происходило по воскресеньямъ; засѣдателями должны были быть юристы и нищенствующіе монахи, назначенные инквизиторомъ, который опредѣлялъ и ихъ число. Они клялись надъ евангеліемъ сохранять тайну и судить по совѣсти, слѣдуя внушеніямъ Бога; затѣмъ инквизиторъ читалъ имъ докладъ по каждому дѣлу, опуская иногда имена обвиняемыхъ, и они произносили одно изъ слѣдующихъ рѣшеній: «Епитимія по усмотрѣнію инквизитора»; «Осужденный долженъ быть заключенъ въ тюрьму или выданъ свѣтской власти». Посреди стола, вокругъ котораго сидѣли судьи, лежало евангеліе, чтобы, какъ говорили, ихъ приговоръ былъ вдохновляемъ Богомъ, и чтобы передъ глазами у нихъ было высшее правосудіе [1]).

Можно предполагать, что, по большей части, это судопроизводство было чисто-формальное. Во-первыхъ, инквизиторъ могъ представить всякое дѣло такъ, какъ онъ самъ понималъ его, а, во-вторыхъ, обыкновенно созывали такъ много свѣдущихъ людей, что детальное изученіе дѣла было совершенно невозможно. Такъ, напр., каркассонскій инквизиторъ, Генрихъ де Шамэ, собралъ 10 декабря 1328 г. въ Нарбоннѣ на совѣщаніе сорокъ-два каноника, юриста и свѣдущихъ людей, которымъ предстояло засѣдать вмѣстѣ съ нимъ и съ судьей епископскаго суда; въ теченіе имѣвшихся въ его распоряженіи двухъ дней это многолюдное собраніе разсмотрѣло тридцать-четыре дѣла, откуда ясно, что разсмотрѣло оно ихъ довольно поверхностно. Только въ двухъ дѣлахъ мнѣнія раздѣлились, да и то въ вопросахъ третьестепенной важности. 8 сентября 1329 г. тотъ же инквизиторъ засѣдалъ въ Каркассонѣ въ другомъ собраніи, на которомъ было сорокъ-семь человѣкъ свѣдущихъ людей; сорокъ дѣлъ разобрали въ два дня. Но не всегда дѣло шло такъ гладко. Изъ Нарбонны Генрихъ де Шамэ перешелъ въ Памье, гдѣ 7 января 1329 г. онъ собралъ тридцать-пять свѣдущихъ людей съ тулузскимъ епископомъ во главѣ. Съ первыхъ же дней много дѣлъ было отложено; возникли горячіе споры, и, повидимому, должны были голосовать постановленіе. Съ другой стороны, всѣхъ еретиковъ, такъ называемыхъ вѣрующихъ, соединяли въ одну группу, и оптомъ приговаривали къ тюрьмѣ,

---

[1]) Alex. PP. IV. Bull. «Cupientes», 15 ap. 1255.—Ejusd. Bull. «Prae cunctis» 9 nov. 1256.—Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», § 10, 1262 (Mag. Bull. Rom. I, 122).—Bern. Guid. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Zanchini «de Haeret.» c. XV.—Bern. Comens. «Lucerna Inquisitor s. v. Advocatus».—Coll. Doat. XXI, 143; XXVII, 156–62, 232; XXXI. 139.—Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thes.» V, 1795).—Tractatus de. Inquis. (Doat, XXXVI).—Mss. Bibl. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 205.

Библиотека "Руниверс"

предоставивъ инквизитору опредѣлить условія заключенія для каждаго изъ нихъ отдѣльно. Подобный пріемъ показываетъ, что эти суды, многочисленные по составу и не продолжительные по времени засѣданій, были фиктивны. Отмѣтимъ еще, что послѣднее упомянутое нами собраніе сочло также нужнымъ установить правила относительно наказанія лжесвидѣтелей.

19 мая 1329 г. тридцать-пять свѣдущихъ людей собралось въ Безье, по приглашенію того же Генриха де Шамэ. Дѣло шло объ одномъ францисканскомъ монахѣ Петрѣ Жульенѣ. Всѣ признали, что онъ снова впалъ въ расколъ, но многіе настаивали на снисхожденіи. Послѣ долгихъ пререканій инквизиторъ распустилъ ихъ до вечера и просилъ, во время перерыва, отыскать предлогъ къ снисхожденію. Вечеромъ возобновились споры, и дѣло было отложено подъ предлогомъ, что не извѣстно, сколько времени можетъ присутствовать епископъ при разборѣ дѣла о лишеніи монаха его званія. Наконецъ, экспертамъ предложили, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, изложить свои мнѣнія на письмѣ; мнѣнія раздѣлились: одни требовали простой епитиміи, другіе—выдачи виновнаго свѣтской власти. Послѣ этого собраніе было распущено, и было сдѣлано новое совѣщаніе съ нѣсколькими болѣе выдающимися его членами; на этомъ совѣщаніи рѣшили обратиться за совѣтомъ въ Авиньонъ, Тулузу или Монпелье и произвести новое разслѣдованіе на ауто-да-фе въ Каркассонѣ. Достаточно сказать, что не пришли ни къ чему [1]).

Мы не станемъ повторять, что инквизиторы, строго соблюдая формы, всегда считали себя въ правѣ дѣйствовать по усмотрѣнію. Въ приговорахъ, выходившихъ послѣ протоколовъ совѣщаній, часто встрѣчаются имена осужденныхъ, о которыхъ на судѣ не было и рѣчи; напр., послѣ собранія въ Памье, проявившаго рѣдкую инициативу, вынесли приговоръ, осудившій пять покойниковъ, изъ которыхъ только о двоихъ говорилось на судѣ. Тогда же Эрмессенда, дочь Раймунда Монье, была приговорена за лжесвидѣтельство къ murus largus, т.-е. къ простому тюремному заключенію; но инквизиторъ замѣнилъ это наказаніе, подвергнувъ ее murus strictus, т.-е. тюремному заключенію въ ножныхъ оковахъ. Вопросъ о томъ, долженъ ли инквизиторъ безусловно слѣдовать принятымъ рѣшеніямъ, былъ спорный; Эмерикъ рѣшалъ его въ утвердительномъ смыслѣ, но Бернардъ Комскій положительно утверждаетъ, что рѣшенія эти не имѣютъ никакого значенія [2]).

Признанная закономъ необходимость совѣщаній съ епископами объясняетъ намъ происхожденіе Sermo generalis, или Ауто-да-фе. Было ясно, что невозможно собирать всѣхъ судей для каждаго отдѣльнаго случая; дѣла соединились, и время-отъ-времени устраивалось торжество, долженствовавшее навести ужасъ на еретиковъ и утвердить вѣрныхъ въ вѣрѣ. Въ первую эпоху Инквизиціи во Флоренціи въ 1245 г., когда инквизиторъ Руджіери Кальканьи и епископъ Ардинго ревностно дѣйствовали совмѣстно, и когда еще не прибѣгали къ помощи свѣдущихъ людей, еретиковъ судили и казнили ежедневно, то по одиночкѣ, то группами въ два или три человѣка; но уже тогда начали собирать народъ въ соборъ, гдѣ и читали рѣшеніе, снабжая его нужными толкованіями. Дошедшій до насъ отрывокъ реестра рѣшеній Бернара изъ Ко и Жана де С.-Пьеръ въ Тулузѣ за время съ марта 1246 г. по іюнь 1248 г. также свидѣтельствуетъ объ отсутствіи внѣшнихъ формальностей. Ауто или Sermones совершались въ немногочисленные дни перерывовъ—въ маѣ 1246 г. такихъ дней было пять,—и часто дѣло здѣсь шло только объ одномъ или двухъ еретикахъ, что исключаетъ участіе въ дѣлѣ епископа, тѣмъ болѣе, что имя его никогда не упоминалось въ приговорѣ; но всегда отмѣчается присутствіе нѣсколькихъ мѣстныхъ судей, какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ, и церемонія происходила

[1]) Coll. Doat, XXVII, 118, 140, 156, 162.

[2]) Coll. Doat, XXVII, 118, 131, 133.—Eymeric, «Direct. Inq.», 630.—Bern. Comens. «Lucerna Inquisit. s. v. Advocatus».

Библиотека "Руниверс"

обыкновенно въ притворѣ церкви С.-Сернена, хотя иногда отмѣчаютъ и другія мѣста, напр., городскую ратушу (два случая); отсюда ясно, что божественная литургія не составляла еще части торжества [1]).

Съ теченіемъ времени церемонія становится болѣе внушительной, и происходитъ она по воскресеньямъ, причемъ въ этотъ день были запрещены всякія другія проповѣди; воскресенье Рождественскаго поста и дни большихъ праздниковъ были исключены. Съ высоты всѣхъ каѳедръ священники приглашали народъ присутствовать на торжествѣ и заслужить, такимъ образомъ, сорокадневное отпущеніе грѣховъ. Въ центрѣ церкви воздвигалось нѣчто въ родѣ сцены; тамъ помѣщались кающіеся, окруженные духовными и свѣтскими чиновниками. Инквизиторъ произносилъ рѣчь, послѣ которой представители свѣтской власти приносили присягу въ повиновеніи, и торжественно провозглашалось отлученіе отъ Церкви всѣхъ, кто такъ или иначе помѣшаетъ дѣйствіямъ святого трибунала. Затѣмъ нотаріусъ прочитывалъ на народномъ языкѣ показанія, спрашивая послѣ каждаго изъ нихъ у обвиненнаго, чистосердечно ли оно дано имъ; впрочемъ, съ этимъ вопросомъ обращались только къ тѣмъ, кто былъ дѣйствительно «кающимся» и не могъ произвести скандала, уличивъ ихъ во лжи. На утвердительный отвѣтъ обвиненнаго его спрашивали, хочетъ ли онъ раскаяться, или, упорствуя въ ереси, погубить и тѣло и душу? Онъ выражалъ желаніе принести покаяніе, и тогда читалось отреченіе, которое онъ повторялъ слово за словомъ; послѣ этого инквизиторъ объявлялъ, что съ него ipso facto снимается отлученіе отъ Церкви, и обѣщалъ ему снисхожденіе, если онъ будетъ впредь вести себя согласно съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое будетъ ему объявлено. Кающіеся слѣдовали одинъ за другимъ, начиная съ менѣе виновныхъ; къ концу приберегались тѣ, кого нужно было «освободить», т.-е. предать въ руки свѣтской власти; торжественное объявленіе приговора надъ ними происходило на площади, гдѣ для этого воздвигался особый помостъ; вызывалось это заботой, чтобы храмъ Божій не былъ оскверненъ объявленіемъ приговора, влекущаго за собой пролитіе крови; изъ того же побужденія это откладывалось на будни. Но казнь всегда происходила на другой день, дабы дать время осужденнымъ покаяться, чтобы души ихъ не попали изъ огня временнаго въ огнь вѣчный. Тщательно заботились о томъ, чтобы они не обращались къ народу, боясь, что заявленія ихъ о своей невинности можетъ вызвать нежелательныя проявленія сочувствія [2]).

Не трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе производило на умы это ужасное торжество, на которое, по приказанію Инквизиціи, стекались всѣ великіе и сильные страны, чтобы смиренно присягнуть въ повиновеніи и присутствовать свидѣтелями отправленія своихъ обязанностей высшею властью, державшей въ своихъ рукахъ земную и загробную жизнь человѣка. Большое ауто-де-фе, совершенное въ апрѣлѣ 1310 г. Бернаромъ Ги въ Тулузѣ, тянулось съ воскресенья 5-го числа по четвергъ 9-го. Сначала смягчили епитиміи, наложенныя на нѣкоторыхъ достойныхъ прощенія кающихся; затѣмъ двадцать лицъ были присуждены носить кресты и совершить паломничества; шестьдесятъ-пять лицъ было приговорено къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, изъ нихъ трое въ оковахъ; и, наконецъ, восемнадцать человѣкъ были переданы въ руки свѣтской власти и сожжены живыми. На ауто въ апрѣлѣ 1312 г. пятьдесятъ-одинъ человѣкъ были присуждены носить кресты и восемьдесятъ шесть—къ тюрьмѣ; было конфисковано имущество десяти покойниковъ, послѣ того какъ было объявлено, что они заслужили тюремное заключеніе; были вырыты и сожжены тридцать-шесть труповъ; пять человѣкъ были пере-

[1]) Lami, «Antichità Toscane», 557—9.—Coll. Doat, XXXI, 139.—Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 9992.—Alex. PP. IV. Bull. «Prae cunctis», § 15, 9 nov. 1256.

[2]) Eymeric, «Direct. Inquis.», 503—12.—Doctrina de modo Procedendi (Martène, «Thes.» V 1795—6).—Tract. de Paup. de Lugduno (ib. 1792).—Lib. Sent. Inquis. Tolosan. 1, 6, 39, 98.

Библиотека "Руниверс"

даны свѣтской власти и сожжены живыми, и пять человѣкъ были осуждены заочно. Вѣра, проявлявшая себя подобными жертвоприношеніями, понятно, могла возбуждать не любовь, а только одинъ ужасъ. Иногда случалось, что какой-нибудь упорный еретикъ нарушалъ порядокъ торжества. Такъ, напр., въ 1309 г. знаменитый ученый катаръ Аміель де Перль громко исповѣдывалъ свое неправовѣріе, а когда его осудили, то онъ наложилъ на себя endura, отказавшись отъ пищи и питья. Боясь, что жертва ускользнетъ изъ его рукъ, Бернаръ сократилъ процедуру и устроилъ для него спеціальное ауто. Подобный же случай произошелъ въ 1313 г. Петръ Раймундъ, вѣрующій катаръ, на ауто 1310 г. отрекся и былъ возсоединенъ съ Церковью. Осужденный на тюремное заключеніе, онъ, сидя въ одиночной камерѣ, раскаялся въ своей слабости. Нравственныя мученія несчастнаго были настолько сильны, что онъ, въ концѣ концовъ, громко заявилъ, что онъ снова вернулся къ ереси, что онъ желаетъ жить и умереть катаромъ и жалѣетъ только объ одномъ, что не можетъ подвергнуться обряду еретикаціи. Онъ наложилъ на себя endura и послѣ шести дней поста видѣлъ уже желанный конецъ; но ревностные служители Бога любви поторопились осудить его и устроить маленькое ауто для него и еще нѣсколькихъ другихъ, чтобы не лишать костра его добычи [1]).

Сколько твердости требовалось отъ катаровъ, чтобы въ теченіе цѣлаго столѣтія противостоять подобной организаціи, бывшей къ тому же въ рукахъ людей энергичныхъ и неутомимыхъ! Какъ велика была духовная сила вальденцевъ, уничтожить которыхъ такъ и не удалось! Для еретика не было никакой надежды найти спасеніе даже въ бѣгствѣ, такъ какъ Инквизиція бодрствовала повсюду. Схватывали по подозрѣнію чужеземца, выясняли, откуда онъ родомъ, и посылали гонцовъ на мѣсто его рожденія, и оттуда мѣстная инквизиція высылала о немъ всѣ нужныя справки; тогда, смотря по обстоятельствамъ, его судили на мѣстѣ или пересылали на родину, такъ какъ всякій судъ Инквизиціи могъ судить не только жителей своего округа, но и иностранцевъ. Когда бѣжалъ Джакопо делла Кіуза, одинъ изъ убійцъ св. Петра Мученика, распоряженія о его поимкѣ были разосланы повсюду, до Каркассона включительно. Но все же время-отъ-времени возникали затрудненія. Когда Инквизиція не получила еще окончательнаго устройства, Іаковъ I Арагонскій жаловался на тулузскаго инквизитора, Бернарда Ко, что онъ вызывалъ къ себѣ его подданныхъ, и Иннокентій (безъ особеннаго, впрочемъ, успѣха) предписалъ прекратить это злоупотребленіе. Иногда два судилища вызывали одного и того же обвиняемаго; относительно этихъ случаевъ Нарбоннскій соборъ 1244 г. рѣшилъ, что обвиняемаго судитъ тотъ инквизиторъ, который первый возбудилъ дѣло. Но если принять во вниманіе соперничество между доминиканцами и францисканцами, то нельзя не удивляться, что такъ мало возникало споровъ въ самой Инквизиціи. Когда возникали подобные споры, то всѣми мѣрами старались ихъ подавить; если смотрѣть издали, то получается такое впечатлѣніе, что религіозная ревность горячо борется противъ ереси, не внося въ народъ соблазновъ внутреннихъ раздоровъ [2]).

Нѣсколько примѣровъ покажутъ намъ, съ какой неукротимой энергіей совершала Инквизиція свое дѣло. Подъ владычествомъ Гогенштауфеновъ объ Сициліи были мѣстомъ прибѣжища для массы еретиковъ, бѣжавшихъ отъ строгостей лангедокской инквизиціи. Фридрихъ II, безжалостный, когда находилъ это выгоднымъ для себя, не былъ воодушевленъ,

---

[1]) Lib. Sent. Inquis. Tolosan., стр. 37, 39, 93, 99, 175, 178—9.

[2]) Lib. Sentent. Inq. Tolos. 252—4.—Mss. Bibl. Nat. fon. lat., 11847 ad finem.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 83, 94—5).—Guid. Fulcod. Quaest. V.—Alex. PP. IV Bull. «Cupientes», 4 mart. 1260.—Urbani PP. IV Bull. «Licet ex omnibus», § 11, 1262.—Ejusd. Bull. «Prae cunctis», 2 aug. 1264.—C. 2. Sexto V, 2.—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. VIII.—Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 20.—Eymeric. «Direct. Inquis.», 461—5.

Библиотека "Руниверс"

подобно Инквизиціи, яростью постоянныхъ преслѣдованій. Послѣ его смерти борьба Манфреда противъ папства облегчила, несомнѣнно, участь еретиковъ; но, когда Карлъ Анжуйскій овладѣлъ королевствомъ, на правахъ вассала Рима, французскіе инквизиторы поспѣшили за нимъ; уже черезъ семь мѣсяцевъ послѣ казни Конрадина, 31 мая 1269 г., Карлъ разослалъ циркулярныя граматы ко всѣмъ знатнымъ и ко всѣмъ магистратамъ, объявляя имъ, что скоро прибудутъ лично сами инквизиторы Франціи или пришлютъ своихъ уполномоченныхъ, чтобы забрать бѣжавшихъ еретиковъ, и онъ приказывалъ своимъ подданнымъ оказывать имъ по первому требованію всякое содѣйствіе. Юрисдикція инквизитора была въ сущности настолько же личная, насколько и мѣстная, и, куда бы онъ ни являлся, онъ всегда оставался облеченнымъ судебною властью. Когда въ 1359 г. нѣсколько евреевъ, обратившихся въ христіанство, а затѣмъ снова вернувшихся въ іудейство, бѣжало изъ Прованса въ Испанію, то Иннокентій VI уполномочилъ провансальскаго инквизитора, Бернара де Пюи, преслѣдовать ихъ, задержать, судить, осудить и наказать всюду, гдѣ онъ найдетъ ихъ, причемъ онъ могъ требовать помощи отъ свѣтской власти; одновременно съ этимъ папа писалъ королямъ Арагоніи и Кастиліи, чтобы они оказывали Бернару всякое содѣйствіе [1]).

Арно Изарнъ, пятнадцатилѣтній юноша, былъ приговоренъ въ 1309 г. въ Тулузѣ, послѣ двухлѣтняго тюремнаго заключенія, носить кресты и совершить извѣстныя паломничества; вся вина его состояла лишь въ томъ, что разъ, по приказанію отца, онъ преклонился передъ еретикомъ. Болѣе года носилъ онъ видимые знаки своего позора, но потомъ, такъ какъ они мѣшали ему снискивать пропитаніе, онъ снялъ ихъ и получилъ мѣсто перевозчика на Гаронѣ между Муасакомъ и Бордо. Въ своемъ невѣжествѣ онъ считалъ себя въ безопасности; но полиція Инквизиціи бодрствовала надъ нимъ. Вызванный на судъ въ 1312 г., онъ побоялся явиться, несмотря на убѣдительныя просьбы отца, который обнадеживалъ его возможностью снисхожденія. Въ 1315 г. его отлучили заочно отъ Церкви; на слѣдующій годъ онъ былъ объявленъ еретикомъ и осужденъ на ауто-да-фе 1319 г. Въ 1321 г. Бернаръ Ги распорядился заключить его въ тюрьму въ Муасакѣ, но по дорогѣ онъ бѣжалъ, былъ пойманъ и приведенъ въ Тулузу. Хотя за все это время онъ не былъ уличенъ ни въ чемъ еретическомъ, тѣмъ не менѣе, его неповиновеніе Инквизиціи было признано достойнымъ смертной казни; но ему оказали снисхожденіе, осудивъ его въ 1322 г. на пожизненное заключеніе въ тюрьму на хлѣбъ и на воду. Такимъ образомъ, Инквизиція не только повсюду закидывала свои сѣти, но и не брезгала самой скромной добычей [2]).

Въ 1255 г. доминиканскій монахъ Александріи, Николло да Верчелли, сознался своему субъ-пріору въ нѣкоторыхъ еретическихъ вѣрованіяхъ и былъ немедленно изгнанъ. Тогда онъ вступилъ въ сосѣдній цистерціанскій монастырь, но, боясь преслѣдованій Инквизиціи, тайно перебрался въ одинъ монастырь по ту сторону Альповъ; но немедленно Александръ IV разослалъ граматы ко всѣмъ цистерціанскимъ аббатамъ, ко всѣмъ архіепископамъ и епископамъ, предписывая имъ схватить несчастнаго и выслать его къ ломбардскому инквизитору Райнеріо Сакконе [3]).

Единственно, чего недоставало Инквизиціи, это—главы, которому слѣпо подчинялись бы всѣ подвластные ему, и который единолично направлялъ бы ходъ машины. Папа, заваленный работой, не бралъ на себя подобной роли; ему надо было имѣть рядомъ съ собою другое лицо, которое исполняло бы обязанности генералъ-инквизитора. Нужда въ

[1]) Archivio di Napoli, Registro 3, Lett. A, foll. 61.—Waddingi «Annal.» ann. 1359, №№ 1—3.

[2]) Lib. sentent. Inq. Tolosan. 350—1

[3]) Ripoll. I, 285.

Библиотека "Руниверс"

этомъ стала ощущаться уже рано, и въ 1262 г. Урбанъ IV стремился удовлетворить ее, приказавъ всѣмъ инквизиторамъ направлять ихъ донесенія къ Каетану Орсини, кардиналу С.-Никколо in carcere Tulliano, сообщать ему о всѣхъ препятствіяхъ, которыя встрѣтятся ими при выполненіи ихъ обязанностей, и во всемъ сообразаться съ его наказами. Кардиналъ Орсини самъ считалъ себя генералъ-инквизиторомъ и старался подчинить непосредственно себѣ суды Инквизиціи. 19 мая 1273 г. онъ приказалъ итальянскимъ инквизиторамъ облегчить инквизиторамъ Франціи трудъ по переписыванію показаній, какъ хранившихся въ ихъ архивахъ, такъ и могущихъ быть въ будущемъ. Постоянный переходъ катаровъ и вальденцевъ изъ Франціи въ Италію давалъ огромное значеніе этимъ показаніямъ, и французскіе инквизиторы уже просили у него высылки копій съ показаніями, данныхъ передъ судами Италіи; но чрезвычайная растянутость этихъ документовъ дѣлала задачу невѣроятно долгой и дорогой, и даже сами выраженія граматы кардинала показываютъ, что онъ не разсчитывалъ на ея исполненіе. Мы не знаемъ, были ли дѣлаемы дальнѣйшія попытки, чтобы привести въ исполненіе этотъ грандіозный проектъ, который страшно увеличилъ бы могущество Инквизиціи; но уже одно его появленіе свидѣтельствуетъ, что Орсини очень серьезно относился къ своимъ обязанностямъ и стремился къ дѣйствительной централизаціи. Другая его грамата, помѣченная 24 мая 1273 г., написанная къ инквизиторамъ Франціи, свидѣтельствуетъ, что въ теченіе извѣстнаго времени наказы служителямъ Инквизиціи исходили отъ него [1]).

До насъ не дошло другихъ свѣдѣній о его дѣятельности; но его вступленіе въ 1277 г. на папскій престолъ, подъ именемъ Николая III, указываетъ, быть-можетъ на то, что онъ благодаря своей дѣятельности достигъ значительнаго могущества. Когда онъ назначилъ на освободившееся послѣ его избранія въ папы мѣсто генералъ-инквизитора своего племянника, кардинала Латино Малебранка, то, повидимому, онъ хотѣлъ сохранить этотъ постъ за своей фамиліей, чтобы быть увѣреннымъ въ своей личной безопасности. Малебранка былъ деканомъ собора кардиналовъ. Его вліяніе сказалось въ 1294 г., когда онъ положилъ конецъ долгому конклаву, добившись избранія пустынника Петра Морроне въ папы подъ именемъ Целестина V; но онъ не пережилъ непродолжительнаго первосвященства послѣдняго, а гордый Бонифацій VIII нашелъ безполезнымъ и неудобнымъ этотъ опасный постъ. Онъ оставался незанятымъ, пока Климентъ VI не возстановилъ его для Гильома, кардинала С.-Стефано in monte Celio, который проявилъ свою ревность приказаніемъ сжечь многихъ еретиковъ. Послѣ его смерти не было болѣе генералъ-инквизиторовъ, и вообще этотъ институтъ не оказалъ никакого вліянія на развитіе Инквизиціи [2]).

ГЛАВА IX.

Судопроизводство Инквизиціи.

Судопроизводство епископскихъ судовъ, о которомъ была рѣчь въ одной изъ предшествующихъ главъ, было основано на принципахъ римскаго права; какія бы ни были на практикѣ злоупотребленія, судъ въ теоріи былъ справедливый и подчинялся строго

---

[1]) Ripoll. I, 434.—Pegnae «Comment. in Eymeric.» 406—7.—Waddingi «Annal. Regest. Nich. PP. III», № 10.—Arch. de l'Inq. de Carass. (Doat, XXXII, 101).—Raynald. ann. 1278, № 78.—Mss. Bibl. Nat. fond. lat. № 14930, fol. 218.

[2]) Paramo «de Orig. offic. S. Inquis.», 124—5.—Waddingi «Annal.» ann. 1294, № 1.—Milman «Latin Christianity», IV, 487.

Библиотека "Руниверс"

опредѣленнымъ правиламъ. Съ Инквизиціей все это исчезло. Чтобы уяснить себѣ ея юридическіе пріемы, нужно составить себѣ понятіе о томъ, какъ понималъ инквизиторъ свои отношенія къ обвиняемымъ, которыхъ приводили къ нему на судъ. Въ качествѣ судьи онъ охранялъ вѣру и каралъ оскорбленія, нанесенныя ересью Богу. Но онъ былъ болѣе чѣмъ судья; онъ былъ духовникъ, боровшійся за спасеніе душъ, влекомыхъ заблужденіемъ въ вѣчную гибель. Эта двойственная роль давала ему гораздо бо́льшую власть, чѣмъ та, которою пользовались свѣтскіе судьи, тѣмъ болѣе, что онъ стремился выполнить свою святую миссію, не стѣсняясь выборомъ средствъ. Если виновный надѣялся на какое-либо снисхожденіе за свое преступленіе, простить которое было нельзя, то онъ прежде всего долженъ былъ выказать полнѣйшее повиновеніе духовному отцу, который заботился о спасеніи его отъ мукъ ада. Когда обвиняемый являлся передъ судилищемъ, то прежде всего отъ него требовали присяги, что онъ будетъ повиноваться Церкви, что будетъ правдиво отвѣчать на всѣ вопросы, которые будутъ ему предлагаемы, что выдастъ всѣхъ извѣстныхъ ему еретиковъ, и что выполнитъ всякую епитимію, которую могутъ наложить на него; если онъ отказывался дать подобную присягу, то онъ этимъ самъ себя объявлялъ изобличеннымъ и закоснѣлымъ еретикомъ [1]).

Обязанность инквизитора отличалась отъ обязанности обыкновеннаго судьи еще тѣмъ, что онъ долженъ былъ не только установить факты, но и вывѣдать самыя сокровенныя мысли и задушевныя мнѣнія своего плѣнника. Въ сущности, для инквизитора факты были лишь признаками, которые онъ могъ, по своему усмотрѣнію, принимать во вниманіе или нѣтъ. Преступленіе, которое онъ преслѣдовалъ, было преступленіемъ духовнымъ, и какъ бы ни были преступны въ уголовномъ отношеніи дѣйствія виновныхъ, они не подлежали его юрисдикціи; поэтому, напримѣръ, убійцы Петра Мученика были судимы не какъ убійцы, а какъ сторонники ереси и противники Инквизиціи. Ростовщикъ былъ подсуденъ суду Инквизиціи только тогда, когда онъ подтверждалъ или доказывалъ своими дѣйствіями, что онъ не считаетъ ростовщичество преступленіемъ. Колдунъ былъ подсуденъ Инквизиціи только въ томъ случаѣ, если изъ его поступковъ было видно, что онъ болѣе полагается на могущество демонической силы, чѣмъ на Бога, или въ томъ случаѣ, если онъ проповѣдывалъ ложныя идеи относительно таинствъ. Цангино передаетъ намъ, что онъ присутствовалъ при судѣ надъ однимъ священникомъ, который жилъ съ наложницей; онъ былъ наказанъ не за безнравственное поведеніе, а за то, что ежедневно служилъ обѣдню, будучи нравственно оскверненъ, и въ свое оправданіе ссылался на то, что онъ думалъ, что облаченіе въ священныя одежды очищаетъ отъ всякой скверны. Простое сомнѣніе считалось своего рода ересью, и одной изъ задачъ инквизитора было убѣдиться въ томъ, что религіозныя убѣжденія вѣрныхъ были тверды и непоколебимы [2]). Внѣшніе поступки и слова не имѣли никакого значенія; обвиняемый могъ аккуратно

---

[1]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 5, 103).—Zanchini, Tract. de Haeret.» c. IX. Повидимому, Инквизиція къ сѣверу отъ Альповъ требовала въ предварительной присягѣ отъ обвиняемаго лишь обѣщанія говорить правду (Eymeric., 421). Въ Италіи она была такова, какъ мы привели въ текстѣ. Со времени процессовъ противъ Гильельмитовъ въ Миланѣ въ 1300 г. обвиняемые должны были, кромѣ того, вносить залогъ въ размѣрѣ отъ 10 до 50 имперскихъ ливровъ въ обезпеченіе того, что они не нарушатъ присяги, и передавать все свое имущество инквизитору, но этотъ штрафъ не освобождалъ ихъ отъ духовнаго наказанія. Такова была, по моему мнѣнію, практика ломбардской инквизиціи. — Ogniben Andrea, «I Guglielmiti del secolo XIII», Перуза, 1867 г., стр. 5—6, 13, 27, 35, 37 и сл.

Во время нѣкоторыхъ процессовъ о колдовствѣ, бывшихъ въ Пьемонтѣ въ 1474 г., эта присяга усиливалась угрозой отреченія отъ Церкви и «tratti di corde», т.-е. пыткой, извѣстной подъ именемъ «strappado», которую примѣняли отъ десяти до двадцати-пяти разъ. Кромѣ того, взыскивали крупный штрафъ.—P. Vayra, «Curiosità di storia subalpina», €82, 693.

[2]) Zanchini. «Tract. de Haeret.» c. II.

Библиотека "Руниверс"

КАМЕРА ПЫТОКЪ (14-ый вѣкъ).

(„Atlas der Kulturgeschichte", Brockhaus).

СУДЕБНАЯ КАМЕРА (15-ый вѣкъ).

(„Atlas der Kulturgeschichte", Brockhaus).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

ходить къ обѣднѣ, могъ щедро жертвовать на церкви, исповѣдываться и причащаться и, тѣмъ не менѣе, быть еретикомъ въ глубинѣ своего сердца. Приведенный на судъ Инквизиціи, онъ могъ исповѣдывать полное подчиненіе рѣшеніямъ Святого Престола, могъ проявить самую строгую вѣрность католичеству, могъ выразить готовность безъ спора подписать все, что отъ него потребуютъ, и, однако, быть тайнымъ катаромъ или вальденцемъ, который заслуживаетъ костра. Конечно, немногіе еретики имѣли мужество открыто исповѣдывать свою вѣру предъ судилищемъ, и нелегко было добросовѣстному судьѣ, горячо желавшему уничтожить лисицъ, расхищающихъ виноградъ Господень, раскрыть тайники сердца; и мы не можемъ удивляться поэтому, что онъ спѣшилъ сбросить съ себя оковы правильнаго судопроизводства, которыя, не допуская его до беззаконныхъ дѣйствій, могли бы сдѣлать тщетными всѣ его старанія. Еще менѣе можемъ мы удивляться тому, что фанатическая ревность, произвольная жестокость и ненавистная алчность много соревновали въ созданіи системы, ужасы которой нельзя передать словами. Только одна наука могла безпристрастно разрѣшить проблемы, ежедневно представлявшіяся инквизиторамъ; слабые люди, принужденные стремиться къ опредѣленной цѣли, неизбѣжно пришли къ практическому выводу, что лучше принести въ жертву сто невинныхъ, чѣмъ упустить одного виновнаго.

Такимъ образомъ, изъ трехъ формъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія—обвиненіе, доносъ и розыскъ,—послѣдняя, естественно, изъ исключенія обратилась въ правило и въ то же время утратила тѣ свои стороны, которыя до извѣстной степени парализовали ея опасное дѣйствіе. Если являлся формальный обвинитель, то инквизиторъ долженъ былъ предупредить его, что ему угрожаетъ talio, если онъ выступитъ самолично; съ общаго молчаливаго согласія эта форма возбужденія уголовнаго преслѣдованія была устранена подъ предлогомъ, что она вызывала пререканія, т.-е. давала обвиняемому возможность защищаться. Въ 1304 г. инквизиторъ, братъ Ландульфо, наложилъ штрафъ въ сто-пятьдесятъ золотыхъ унцій на городъ Реате за то, что, обвинивъ оффиціально одного человѣка въ ереси, городъ не могъ доказать своего обвиненія. Такимъ образомъ, выступленіе въ роли открытаго обвинителя было сопряжено съ реальной опасностью, и Инквизиція не преминула дать это почувствовать. Доносъ былъ менѣе подверженъ критическому разбору, такъ какъ тогда инквизиторъ дѣйствовалъ ex officio; но онъ не былъ обыченъ, и съ самыхъ первыхъ дней основанія Инквизиціи розыскъ сталъ почти исключительною формою возбужденія дѣла [1]).

Всѣ мѣры, гарантирующія обвиняемаго, были, какъ мы увидимъ ниже, не только

---

[1]) Eymeric. «Direct. Inquis», 413—11.—Archivio di Napoli, Reg. 138, lett. F, fol. 105.

Чтобы понять различіе между судопроизводствомъ Инквизиціи и судопроизводствомъ свѣтскихъ судовъ, достаточно указать на практику послѣднихъ въ Миланѣ въ первую половину XIV в. Обвинитель, возбуждая уголовное обвиненіе, былъ обязанъ дать подписку и представить полное ручательство, что, въ случаѣ недоказанности обвиненія, онъ безропотно понесетъ должное наказаніе и вознаградитъ убытки обвиняемаго; въ противномъ случаѣ его подвергали тюремному заключенію до окончанія дѣла. Приговоръ же судьи былъ обязанъ вынести въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Приступая къ разслѣдованію, судья предупреждалъ объ этомъ обвиняемаго. Послѣдній имѣлъ право взять себѣ защитника и потребовать сообщенія именъ свидѣтелей и ихъ показаній. Начавъ дѣло, судья, подъ страхомъ штрафа въ 50 ливровъ, долженъ былъ окончить его въ теченіе тридцати дней.—«Statuta criminalia Mediolani, e tenebris in lucem edita», Bergami, 1594 г., c. 1—3, 153.

Правда, подъ вліяніемъ Инквизиціи свѣтскіе суды перестали соблюдать эти разумныя мѣры, ограждавшія правосудіе; но здѣсь слѣдуетъ вспомнить, какая глубокая таинственность окружала судопроизводство, и какими безконечными отсрочками и нарушеніями элементарной справедливости отличался судъ Инквизиціи. Часто раздавались жалобы на то, что дурной примѣръ судовъ Инквизиціи портилъ свѣтскій судъ. Въ 1329 г. консулы Безье жаловались Филиппу Валуа, что его судьи не охраняютъ интересовъ обвинителей и принуждаютъ ихъ къ удо-

Библиотека "Руниверс"

отмѣнены, но на обвиняемаго уже заранѣе смотрѣли какъ на виновнаго. Въ 1278 г. одинъ опытный инквизиторъ принимаетъ за правило и выставляетъ всеобщимъ обычаемъ, что въ областяхъ, сильно подозрѣваемыхъ въ ереси, нужно вызывать на судъ всякаго отдѣльнаго жителя, нужно требовать отъ него отреченія отъ ереси и подвергать его подробному допросу о немъ самомъ и о другихъ,—допросу, малѣйшая неоткровенность въ которомъ должна была позднѣе привести къ ужаснымъ наказаніямъ, которыя полагались для впавшихъ снова въ ересь. Большія разслѣдованія, произведенныя въ 1245 и 1246 гг. подъ руководствомъ Бернара Ко и Жана де С.-Пьеръ, показываютъ, что это не было лишь простымъ теоретическимъ выводомъ. Въ протоколахъ говорится о 230 допросахъ жителей маленькаго городка провинціи Авиньона, о 100 допросахъ въ Фанжо и о 420 допросахъ въ Масъ-С.-Пуэльсесъ [1]).

Никто, достигшій того возраста, въ которомъ, по мнѣнію Церкви, онъ былъ отвѣтственъ за свои поступки, не могъ отказаться отъ обязанности давать показанія передъ инквизиторомъ. Соборы Тулузы, Безье и Альби, предписывая требовать клятву отреченія отъ всего населенія, опредѣлили этотъ возрастъ въ четырнадцать лѣтъ для мужчинъ и въ двѣнадцать для женщинъ; другіе ограничивались объясненіемъ, что дѣти должны быть достаточно развиты, чтобы понимать значеніе присяги; третьи считали отвѣтственными всѣхъ, начиная съ семилѣтняго возраста; наконецъ, нѣкоторые опредѣляли предѣльный возрастъ въ девять съ половиной лѣтъ для дѣвочекъ и въ десять съ половиной для мальчиковъ. Правда, въ латинскихъ земляхъ, гдѣ законное совершеннолѣтіе наступало только въ двадцать-пять лѣтъ, никто моложе этого возраста не могъ быть вызванъ на судъ; но это препятствіе обходили легко: назначали опекуна, подъ прикрытіемъ котораго несовершеннолѣтняго пытали и казнили; и когда намъ говорятъ, что нельзя было подвергать пыткѣ кого-либо моложе четырнадцати лѣтъ, то намъ даютъ возможность составить себѣ представленіе о минимальномъ возрастѣ, когда человѣкъ дѣлался отвѣтственнымъ по обвиненію его въ ереси [2]).

Отсутствіе считалось неявкой и только увеличивало заранѣе предполагаемую виновность новымъ и непростительнымъ прегрѣшеніемъ; кромѣ того, на практикѣ неявка считалась равной сознанію. Даже еще раньше, чѣмъ возникъ вопросъ объ учрежденіи Инквизиціи, процессъ розыска вошелъ въ судебную практику духовныхъ судовъ; такъ, напр., Иннокентій III низложилъ епископа Кура на основаніи свидѣтельствъ, собранныхъ его комиссарами ex parte, такъ какъ епископъ, несмотря на неоднократные вызовы, не являлся къ нимъ. Какое огромное значеніе придавали этому правилу, ясно изъ того, что Раймундъ де Пеннафорте внесъ его въ каноническое право, чтобы доказать, что, въ случаяхъ неявки, показаній, добытыхъ розыскомъ (inquisitio), было достаточно для обвиненія безъ litis contestatio, т.-е. безъ рѣчей со стороны обвиненія и защиты. Поэтому вполнѣ послѣдовательно, что если одна изъ сторонъ не являлась на судъ, послѣ того, какъ былъ объявленъ вызовъ о явкѣ въ ея приходской церкви и прошелъ законный срокъ, то не задумывались вынести обвинительный приговоръ in absentia; отсутствіе обвиняемаго благочестиво замѣщалось «присутствіемъ Бога и Евангелія» въ тотъ моментъ, когда читался приговоръ. На дѣлѣ неявка уже оправдывала обвиненіе. Фридрихъ II въ

влетворенію обвиняемыхъ въ случаѣ недоказанности обвиненія; король тотчасъ же распорядился прекратить это «злоупотребленіе».—Vaissete, изд. Privat. X. Pr. 687.

[1]) Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thesaur.», V, 1805).—Molinier, «L'inquisition dans le midi de la France», 186—7.

[2]) Concil. Tolosan. ann. 1229 c. 10.—Concil. Biterrens., ann. 1244. c. 31.—Concil. Albiens. ann. 1542 c. 5.—Modus examinandi haereticos (Mag. Bib. Patrum XIII, 341).—Joann. Andreae «Gloss. sup.», c. 13. Sexto V, 2.- Pegnae «Comment. in Eymeric.», 490.- Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Minor», «Torturae» № 33.

Библиотека "Руниверс"

своемъ эдиктѣ 1220 г. объявилъ, слѣдуя Латеранскому собору 1215 г., что всякій подозрѣваемый, который не докажетъ своей невиновности въ теченіе года, долженъ быть осужденъ какъ еретикъ; это постановленіе было распространено и на отсутствующихъ, которые подлежали осужденію черезъ годъ послѣ отлученія ихъ отъ Церкви, безразлично, были ли собраны или нѣтъ доказательства противъ нихъ. Фактъ, что человѣкъ оставался въ теченіе года отлученнымъ отъ Церкви, не стараясь снять съ себя отлученія, разсматривался какъ ересь, отрицающая таинства и не признающая за Церковью права вязать и разрѣшать; нѣкоторые изъ власть имѣющихъ были настолько суровы въ этомъ отношеніи, что соборъ въ Безье грозилъ карою за ересь всѣмъ, кто остался бы отлученнымъ отъ Церкви въ продолженіе сорока дней. Не считались даже съ принятымъ закономъ двѣнадцатимѣсячнымъ срокомъ, ибо инквизиторы, вызывая на судъ отсутствующихъ, вызывали ихъ не только затѣмъ, чтобы они явились въ судъ, а и затѣмъ, чтобы они очистились въ опредѣленный срокъ; лишь только истекъ этотъ срокъ, обвиняемый превращался въ виновнаго. Однако, въ подобныхъ случаяхъ рѣдко предавали осужденнаго въ руки свѣтской власти; обыкновенно Инквизиція удовлетворялась тѣмъ, что приговаривала къ пожизненной тюрьмѣ тѣхъ, кого нельзя было обвинить въ какомъ-либо другомъ преступленіи, кромѣ уклоненія отъ суда, хотя бы они, попавъ въ ея руки, и соглашались покориться и дать отреченіе [1]).

Даже въ могилѣ нельзя было скрыться. Не обращали вниманія, что грѣшникъ предсталъ уже передъ судомъ Всевышняго; вѣра должна быть отомщена его осужденіемъ, и религіозное чувство вѣрныхъ должно было быть удовлетворено его наказаніемъ. Если онъ заслуживалъ только тюрьмы или другого легкаго наказанія, то ограничивались тѣмъ, что вырывали его кости и бросали ихъ на вѣтеръ; если же его ересь заслуживала костра, то останки его торжественно сжигались. Его потомкамъ и наслѣдникамъ, на которыхъ со всею своею тяжестью обрушивались конфискація всего имущества и ограниченіе личныхъ правъ, предоставлялось какое-то подобіе защиты. Безпощадное рвеніе, проявлявшееся въ этихъ посмертныхъ процессахъ, ясно сказалось въ дѣлѣ Арманно Понджилупо Феррарскаго, изъ-за останковъ котораго въ теченіе тридцати-двухъ лѣтъ спорили епископъ и инквизиторъ Феррары; побѣда въ 1301 г. осталась на сторонѣ Инквизиціи. И въ этомъ отношеніи Церковь не руководствовалась опредѣленными предписаніями, какъ это узнали на собственномъ горькомъ опытѣ наслѣдники и потомки Герарда Флорентійскаго; въ 1313 г. инквизиторъ, братъ Гримальдо, возбудилъ и довелъ до конца обвиненіе противъ ихъ предка, умершаго въ 1250 г. [2]).

Судъ Инквизиціи былъ страшно опасенъ, такъ какъ обвинитель въ немъ былъ одновременно и судьей. Когда это было первоначально введено въ духовные суды, то увидали, что необходимо принять серьезныя мѣры для предотвращенія могущихъ быть злоупотребленій. Опасность становилась еще болѣе грозной, когда судьею выступалъ полупомѣшанный фанатикъ, заранѣе уже видѣвшій во всякомъ схваченномъ еретика, котораго, во что бы то ни стало, слѣдуетъ уличить и осудить. Не меньше было опасности, когда судьей былъ просто алчный человѣкъ, искавшій поживы въ штрафахъ и конфискаціяхъ.

---

[1]) C. 8. Extra II, 14.—Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 19.—Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 8; Append., c. 14.—Guid. Fulcod. Quaest. VI. —Coll. Doat. XXI, 143.—Eymeric. «Direct. Inq.», 382, 495, 528—31.—Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 175, 367—74.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. II, VIII, IX.—Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 221.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Contumax», «Convincitur».—Concil. Lateran. IV, ann. 1215, c. 28.—Hist. Diplom. Frid. II T. II, 4.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 28.—Alex. PP. IV Bull. «Consultationi vestrae», 28 maii 1260.—C. 13. Extra V. 38 (ср. Concil. Trident. Sess. 25 «de Reform.» c., 3).—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXI, 83).—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Procedere», № 10.

[2]) Muratori, «Antiquit. Ital. Dissert.» 60.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXIV, XL.—Lami, «Antichità Toscane», 497.

Библиотека "Руниверс"

Тѣмъ не менѣе, Церковь проповѣдывала ученіе, что инквизиторъ былъ духовный и безпристрастный отецъ, который въ своихъ заботахъ о спасеніи душъ не могъ быть стѣсняемъ никакими правилами. Всякія мѣропріятія, которыя ограждали интересы обвиняемыхъ, и необходимость которыхъ въ самыхъ обыденныхъ юридическихъ процессахъ была признана вѣковымъ опытомъ, были умышленно устранены въ дѣлахъ, гдѣ рѣчь шла о жизни и добромъ имени обвиняемыхъ, гдѣ судьба ихъ въ теченіе трехъ поколѣній ставилась на карту. Не задумываясь, разрѣшали «въ интересахъ вѣры» всякій сомнительный вопросъ. Инквизиторъ былъ уполномоченъ и подготовленъ къ тому, чтобы судъ его былъ коротокъ; онъ не стѣснялся формой, не позволялъ, чтобы ему мѣшали юридическія правила и хитросплетенія адвокатовъ; онъ, елико возможно, сокращалъ судопроизводство, лишая обвиняемаго самой обыкновенной возможности сказать слово въ свою защиту, онъ не давалъ ему права на апелляціи и отсрочки. Ни на одной стадіи судебнаго процесса невозможно было достигнуть законнаго заключенія путемъ упущенія формальностей, которыя выработалъ вѣковой опытъ, чтобы помѣшать беззаконію, и чтобы дать судьѣ почувствовать всю тяжесть отвѣтственности [1]).

Если бы судопроизводство было публично, то гнусность этой системы была бы, безъ сомнѣнія, ослаблена; но Инквизиція облекала дѣло глубокою тайною даже послѣ произнесенія приговора; она была готова поразить умы толпы позднѣе, развертывая передъ ней ужасныя торжества ауто-да-фе. Если не приходилось дѣлать объявленія объ отсутствующемъ, то даже вызовъ на судъ человѣка, только подозрѣваемаго въ ереси, дѣлался тайно. О томъ, что происходило послѣ явки обвиняемаго предъ судилищемъ, знали немногіе «скромные» люди, избранные судьею и давшіе присягу хранить все въ тайнѣ; даже свѣдущіе люди, призванные дать свое заключеніе о судьбѣ обвиненнаго, были обязаны сохранять молчаніе. Съ такимъ же тщаніемъ сохранялись тайны этого мрачнаго судилища; мы знаемъ отъ Бернара Ги, что выдержки изъ протоколовъ могли сообщаться только въ исключительныхъ случаяхъ и съ крайней осторожностью. Парамо, этотъ странный схоластикъ, утверждающій, что первымъ инквизиторомъ былъ Богъ, и что образцомъ инквизиторскаго судопроизводства было осужденіе Адама и Евы, побѣдоносно замѣчаетъ, что Богъ судилъ ихъ втайнѣ, давъ, такимъ образомъ, примѣръ для Инквизиціи, и она должна поэтому избѣгать хитрыхъ уловокъ, въ которыхъ виновные могли бы искать спасенія, дѣйствуя, что весьма возможно для нихъ, по внушенію хитраго Змія. Богъ не созывалъ свидѣтелей потому только, что виновные сознались; и Парамо ссылается на высшіе юридическіе авторитеты, что добровольнаго признанія Адама и Евы достаточно для оправданія наложеннаго на нихъ наказанія. Эта нелѣпость, полная богохульства, можетъ вызвать у насъ улыбку, но она также вызываетъ въ насъ грустныя мысли, такъ какъ даетъ понятіе о томъ, какъ смотрѣли сами инквизиторы на свои обязанности, уподобляя себя Богу и приписывая себѣ безотвѣтственное могущество, которое благодаря людскимъ страстямъ обратилось въ орудіе гнета и беззаконія. Судопроизводство Инквизиціи, происходившее при плотно закрытыхъ дверяхъ и свободное отъ всякихъ законныхъ формальностей, было, по свидѣтельству Цангино, вполнѣ произвольнымъ. Ниже намъ представится много случаевъ отмѣтить, какъ пользовались инквизиторы своею безграничною властью [2]).

---

[1]) Alex. PP. IV. Bull. «Prae cunctis» § 11, 9 nov. 1256.—Ejusd. Bull. «Curientes», 10 dec. 1257; 4 mart. 1264.—Urbani PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus». ann. 1262 (Mag. Bull. Rom. I. 122).—Ejusdem Bull. «Prae cunctis», 2 aug. 1264.—Clement. PP. IV Bull. «Prae cunctis», 23 feb. 1266.—C. 20 Sexto V. 2.—Joann. Andreae «Gloss. sup. cod.»—C. 2 Clement. V. 11.—Bernardi Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Eymeric. «Direct. Inquis.» 583.

[2]) Doctrina de modo procedendi (Martene, «Thesaur.» V, 1811—12).—Concil. Biterren. ann. 1246, Appen. c. 16.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 156, 162, 178).—Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 102).—Ejusd. «Practica» (Doat, XXIX, 94). - Eymeric. «Direct. Inquis.» 631—33.—Jacob. Laudens. «Orat. ad Concil. Constant.» (Von der Hardt III, 60).—Paramo, «De orig. offic. S. Inquis.», 32—3.—Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. IX.

Библиотека "Руниверс"

Обыкновенно ходъ инквизиціоннаго процесса былъ слѣдующій. Указывали инквизитору на отдѣльное лицо какъ на подозрѣваемое въ ереси, или имя его было произнесено какимъ-либо задержаннымъ при его сознаніяхъ; приступали къ негласному разслѣдованію и собирали всѣ возможныя свидѣтельства на его счетъ; затѣмъ его тайно требовали явиться въ судъ въ такой-то день и часъ и брали съ него поручительство; если казалось, что онъ намѣревается бѣжать, его неожиданно арестовывали и держали подъ арестомъ до дня явки на судъ. По закону вызовъ въ судъ долженъ былъ повториться до трехъ разъ, но это правило не соблюдалось. Когда преслѣдованіе было основано на народной молвѣ, то въ качествѣ свидѣтелей вызывали первыхъ попавшихся, и когда количество догадокъ и пустыхъ слуховъ, раскрашенныхъ этими свидѣтелями, боявшимися навлечь на себя обвиненіе въ сочувствіи къ ереси, казалось достаточнымъ для возбужденія мотивированнаго дѣла, то неожиданно наносили ударъ. Такимъ образомъ, обвиняемаго осуждали уже заранѣе; на него смотрѣли какъ на виновнаго уже по одному тому, что его вызывали на судъ. Единственнымъ средствомъ спастись было для него признать всѣ собранныя противъ него обвиненія, отречься отъ ереси и согласиться на всякую епитимію, которую могли бы наложить на него. Если же при наличности свидѣтельствъ противъ него онъ упорно отрицалъ свою виновность и настаивалъ на своей вѣрности католичеству, то онъ превращался въ нераскаяннаго, закоренѣлаго еретика, который долженъ быть выданъ свѣтской власти и сожженъ живымъ. Итакъ, все судопроизводство было крайне просто, и одинъ инквизиторъ XV вѣка прекрасно охарактеризовалъ его, придя къ выводу, что обвиняемаго не слѣдуетъ отпускать на свободу, взявъ съ него поручительство. Если, говоритъ онъ, кто-либо сознается въ ереси и не приноситъ раскаянія, то его надо выдать въ руки свѣтской власти и предать смерти; если онъ раскаивается, то его слѣдуетъ подвергнуть пожизненному тюремному заключенію, если онъ отрицаетъ свою виновность и будетъ уличенъ во лжи свидѣтельскими показаніями, то онъ, какъ закоснѣлый, долженъ быть выданъ свѣтской власти и казненъ [1]).

По многимъ основаніямъ, однако, инквизиторъ старался, если возможно, добиться сознанія. Во многихъ случаяхъ—несомнѣнно, въ большинствѣ—свидѣтельскія показанія, достаточныя по точному смыслу для мотивировки подозрѣнія, были все же крайне неопредѣленны и крайне неясны, чтобы можно было основать на нихъ обвиненіе. Всякій пустой слухъ, всякое необдуманное слово принимались къ свѣдѣнію; малѣйшій предлогъ получалъ большое значеніе, когда инквизиторъ доказалъ его важность, и когда онъ влекъ за собой штрафы

---

[1]) Eymeric. «Direct. Inq.», 413, 418, 423—4, 461—5, 521—4.—Zanchini. «Tract. de Haeret.», c. IX.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis. s. v. Impoenitens.»—Albertin. «Repert. Inquis. s. v. Cautio».

Противоположность между этимъ судопроизводствомъ и свѣтскимъ судомъ ясно отмѣчена въ грамотѣ, данной Альфонсомъ де Пуатье городу Озону (въ Оверни) около 1260 г. Всякій обвиненный въ преступленіи на основаніи слуховъ, ходившихъ въ народѣ, могъ оправдаться, принеся присягу, которую долженъ былъ подтвердить одинъ законный соприсяжникъ, если только не было на лицо истца или обвинителя; никто безъ своего согласія не могъ быть судимъ инквизиціоннымъ судомъ.—См. также Chassaing, «Spicilegium Brivatense», Парижъ, 1886, стр. 92.

Это послѣднее предписаніе осуждаетъ постепенное вторженіе въ свѣтскіе суды инквизиціоннаго судопроизводства, которое особенно привлекало судей лѣнивыхъ и склонныхъ къ произволу. Но имъ пренебрегали и старались держать его подъ сукномъ, какъ свидѣтельствуетъ грамота, данная въ 1276 г. Іаковымъ II Арагонскимъ своимъ подданнымъ Майорки. Онъ обѣщаетъ, что впредь никогда не будетъ примѣняться инквизиціонное судопроизводство безъ предварительнаго извѣщенія объ этомъ заинтересованнаго лица; послѣднее можетъ потребовать присягу отъ всѣхъ свидѣтелей, и ему должна быть дана полная возможность защищаться.— Villanueva, «Viage literario», XXII, 318. Но даже и въ этой смягченной формѣ арагонцы отказывались принять инквизиціонное судопроизводство и просили, чтобы его примѣняли только въ отношеніи королевскихъ чиновниковъ, виновныхъ въ преступленіяхъ по службѣ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ необходимо заявленіе обвинителя.—«Observantiae regni Aragonum», 1662 fol. 24, 37.

Библиотека "Руниверс"

и конфискаціи, столь прибыльныя для вѣры. Даже и въ томъ случаѣ, если свидѣтельства были убѣдительны, другія не менѣе вѣскія соображенія заставляли инквизитора «обработать» своего плѣнника, добиться, чтобы онъ сознался и предалъ себя на милость судей. За исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда еретики съ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ судей, признаніе сопровождалось всегда изъявленіемъ обращенія и раскаянія. Такимъ образомъ, не только вырывали душу изъ когтей сатаны, но вновь обращенный долженъ былъ еще показать свое чистосердечіе и выдать всѣхъ извѣстныхъ ему еретиковъ и всѣхъ подозрѣваемыхъ имъ въ ереси, прокладывая, такимъ образомъ, новые пути для дальнѣйшаго преслѣдованія.

Бернаръ Ги, цитируя одного изъ своихъ предшественниковъ, краснорѣчиво замѣчаетъ, что если внѣшнія доказательства были недостаточно ясны, то душа инквизитора страшно мучилась. И, дѣйствительно, съ одной стороны, его мучила совѣсть, если онъ наказывалъ подозрѣваемаго, который не сознался и не былъ уличенъ въ преступленіи; съ другой — онъ страдалъ еще сильнѣе, зная по опыту ловкость этихъ людей, если они благодаря своей хитрости ускользали къ великому вреду вѣры отъ заслуженнаго наказанія. Успѣхъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлалъ ихъ болѣе смѣлыми и въ то же время болѣе опытными на будущее время, а міряне возмущались безсиліемъ Инквизиціи: вѣдь надъ ней ловко надсмѣялись невѣжественные люди; надъ ней, которой толпа приписывала такое всевѣдѣніе, надъ ней, отъ которой не могъ ускользнуть ни одинъ еретикъ! Отсюда ясно, что открытіе виновныхъ затрагивало инквизиторское самолюбіе.

Въ другомъ мѣстѣ Бернаръ Ги настаиваетъ на томъ, что обращеніе еретиковъ имѣетъ огромное значеніе для вѣры не только потому, что они должны при этомъ выдать своихъ единомышленниковъ и указать ихъ пристанища и мѣста тайныхъ сборищъ, но и потому, что тѣ, кто попадалъ въ руки Инквизиціи, были болѣе расположены сознать свои заблужденія и вернуться въ лоно истинной Церкви. Уже въ 1246 г. соборъ въ Безье отмѣтилъ пользу, приносимую подобными обращеніями, и призывалъ инквизиторовъ не жалѣть для этого своихъ трудовъ. Всѣ писатели Инквизиціи единогласно заявляютъ, что выдача единомышленниковъ—необходимое доказательство чистосердечнаго обращенія. Кающійся еретикъ, не соглашавшійся на подобную измѣну, тщетно сталъ бы просить присоединенія къ Церкви и снисхожденія; отказъ его выдать своихъ друзей и близкихъ принимался какъ доказательство того, что онъ не раскаялся, и его немедленно выдавали въ руки свѣтской власти; здѣсь было то же, что въ римскомъ правѣ, гдѣ обратившійся манихей подлежалъ смертной казни, если онъ продолжалъ вращаться среди манихеевъ и не выдавалъ ихъ. Практическая польза этого ужаснаго требованія ясно выразилась въ дѣлѣ Сорины Риго, сознавшейся въ Тулузѣ въ 1254 г.; ея сознаніе дополнялось перечнемъ именъ 169 человѣкъ, выданныхъ ею, съ указаніемъ ихъ мѣста жительства.

Нѣкто Гильемъ Сикредъ изъ Тулузы отрекся отъ ереси и былъ возсоединенъ съ Церковью въ 1262 г.; спустя пятьдесятъ лѣтъ, въ 1311 г., онъ былъ у смертнаго одра своего брата, надъ которымъ былъ совершенъ обрядъ еретикаціи; Гильемъ тщетно противился этому, но доносчикомъ не выступилъ. Возникло дѣло; отъ Гильема потребовали объясненій причинъ его молчанія; онъ объяснилъ, что ему не хотѣлось вредить своимъ племянникамъ, которымъ угрожала конфискація. За это его подвергли пожизненному заключенію въ тюрьму! Доносы были такъ важны для Инквизиціи, что она требовала ихъ и обѣщаніями и угрозами. Бернаръ Ги говоритъ, что тѣ, кто является добровольно и высказываетъ свою ревность, выдавая другихъ, должны получать не только полное помилованіе, но и вознагражденіе отъ прелатовъ и князей. Выдача только одного Совершеннаго гарантировала безнаказанность и, быть-можетъ, вдобавокъ еще и награду [1]).

---

[1]) Bernard Guidon. «Practica» P. IV, V. (Doat, XXX).—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append.

Библиотека "Руниверс"

Горячее стремленіе инквизитора добиться сознанія, кромѣ приведенныхъ нами мотивовъ, основывалось еще на желаніи успокоить свою совѣсть. Когда дѣло шло объ обычномъ преступленіи, то судья обыкновенно могъ удостовѣриться, что оно дѣйствительно совершено, раньше, чѣмъ возбудить противъ отдѣльнаго лица преслѣдованіе за убійство или воровство. Во многихъ случаяхъ, и даже въ большинствѣ, инквизиторъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ, имѣется ли передъ нимъ преступленіе. На извѣстнаго человѣка падало подозрѣніе въ томъ, что онъ былъ въ дружбѣ съ людьми, которые впослѣдствіи оказались еретиками; подавалъ имъ милостыню или помогалъ имъ еще чѣмъ-либо и даже присутствовалъ на собраніи еретиковъ; но все это не мѣшало ему быть искреннимъ католикомъ, и, равнымъ образомъ, онъ могъ, не выдавая себя ничѣмъ, быть закоснѣлымъ еретикомъ. Тотъ фактъ, что онъ лично исповѣдывалъ католичество, не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ опытъ показалъ, что большинство еретиковъ было готово подписаться, подъ чѣмъ угодно, и что преслѣдованіе научило ихъ скрывать свои вѣрованія подъ личиной строгаго католичества. Такимъ образомъ, вопросъ о сознаніяхъ получилъ огромное значеніе, и для достиженія его напрягали всѣ силы и не стѣснялись въ выборѣ средствъ. Вымогательство признаній стало, такъ сказать, центромъ судебной процедуры Инквизиціи, и мы должны остановиться на этомъ какъ потому, что сказали выше, такъ и потому, что этотъ пріемъ оказывалъ огромное и печальное вліяніе на всю юридическую систему центральной Европы въ теченіе цѣлыхъ пяти столѣтій.

Наиболѣе простымъ способомъ добиться признанія былъ, естественно, допросъ обвиняемаго. Инквизиторъ подготовлялся къ нему, сопоставляя и изучая всѣ противорѣчивыя показанія, тогда какъ узникъ оставался въ полномъ невѣдѣніи о собранныхъ противъ него уликахъ. Умѣнье вести допросъ было главнымъ достоинствомъ инквизитора, и нѣкоторые опытные братья составили руководства для начинающихъ, въ которыхъ содержатся длинные ряды вопросовъ, назначенныхъ для еретиковъ различныхъ сектъ. Здѣсь мы видимъ, какъ развивалось и передавалось отъ одного къ другому особаго рода тонкое искусство, состоявшее, по большей части, въ умѣньѣ разставлять сѣти обвиняемымъ, ставить ихъ въ тупикъ и въ противорѣчія съ самимъ собой. Уже въ первое время учрежденія Инквизиціи консулы Нарбонны жаловались консуламъ Нима, что инквизиторы при допросахъ прибѣгаютъ къ діалектикѣ, полной софизмовъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ учащіеся на схоластическихъ диспутахъ; а въ то же время (это было бы смѣшно, если бы не было грустно) ветераны Инквизиціи жаловались на двоедушіе своихъ жертвъ, выставляли ихъ лукавство, ихъ иногда удачныя усилія не обвинить самихъ себя; все это старались объяснять тѣмъ, что недобросовѣстные священники учили еретиковъ давать уклончивые отвѣты по вопросамъ вѣры [1]).

Одинъ опытный инквизиторъ составилъ для руководства своимъ преемникамъ образецъ допроса еретика и показалъ, какіе извороты и увертки могутъ они встрѣтить со стороны тѣхъ, кто не заявлялъ открыто о своихъ заблужденіяхъ. Полъ-вѣка спустя Бернаръ Ги воспроизвелъ этотъ примѣрный допросъ въ своихъ «Practica». Мы приведемъ его здѣсь какъ характерный примѣръ того, что ежедневно происходило, когда подготовлен-

---

c. 16.—Tractat. de Paup. de Lugdun. (Martène, «Thesaur.», V, 1791—4).—Anon. Passaviens. (Mag. Bib. Pat. XIII, 308).—Const. XVI. Cod. I, V.—Molinier, «L'inquis. dans le midi de la France», 240.—Lib. Sent. Inq. Tolosan., 147.—Epist. Petri Card. Alban. (Doat, XXXI, 5).—Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 114).

[1]) Bernard. Guidon. «Practica» P. V (Doat, XXX).—Modus examinandi haereticos (Mag. Bib. Pat. XIII, 342).—Tract. de Paup. de Lugdun. (Martène, «Thes.», V, 1793—4).—Mss. Vatic. № 8568 (Ricchini, «Prolog. ad Monetam», p. XXIII).—Anon. Passav. (Mag. Bib. Pat. XIII, 301).—Molinier, «L'inquis. dans le midi de la France», 234.—Alex. PP. IV Bull. «Quod super nonnullis», § 10, 15 dec. 1258.

Библиотека "Руниверс"

ный длинными годами ученія инквизиторъ сталкивался съ темнымъ крестьяниномъ, инстинктивно боровшимся за свою жизнь и за свои убѣжденія.

«Когда приводятъ еретика на судъ, то онъ принимаетъ самонадѣянный видъ, какъ-будто бы онъ увѣренъ въ томъ, что невиненъ. Я его спрашиваю, зачѣмъ привели его ко мнѣ. Съ вѣжливой улыбкой онъ отвѣчаетъ, что онъ ожидаетъ отъ меня объясненій этого».

«Я.—Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы еретикъ, что вы вѣруете и учите несогласно съ вѣрованіемъ и ученіемъ Святой Церкви».

«Обвиняемый (поднимая глаза къ небу съ выраженіемъ энергичнаго протеста).—Сударь, вы знаете, что я невиновенъ, и что я никогда не исповѣдывалъ другой вѣры, кромѣ истинной христіанской».

«Я.—Вы называете вашу вѣру христіанской, потому что считаете нашу ложной и еретической. Но я спрашиваю васъ, не принимали ли вы когда-либо другихъ вѣрованій, кромѣ тѣхъ, которыя считаетъ истинными римская Церковь»?

«Обв.—Я вѣрую въ то, во что вѣруетъ римская Церковь, и чему вы публично поучаете насъ.

«Я.—Быть-можетъ, въ Римѣ есть нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, которыя принадлежатъ къ вашей сектѣ, которую вы считаете римскою Церковью. Когда я проповѣдую, я говорю многое, что у насъ общее съ вами, напр., что есть Богъ, и вы вѣруете въ часть того, что я проповѣдую; но въ то же время вы можете быть еретикомъ, отказываясь вѣровать въ другія вещи, которымъ слѣдуетъ вѣровать».

«Обв.—Я вѣрую во все то, во что долженъ вѣровать христіанинъ».

«Я.—Эти хитрости я знаю. Вы думаете, что христіанинъ долженъ вѣровать въ то, во что вѣруютъ члены вашей секты. Но мы теряемъ время въ подобныхъ разговорахъ. Скажите прямо: вѣруете ли вы въ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого»?

«Обв.—Вѣрую».

«Я.—Вѣруете ли вы въ Іисуса Христа, рождшагося отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, страдавшаго, воскресшаго и восшедшаго на небеса»?

«Обв. (быстро)—Вѣрую».

«Я.—Вѣруете ли вы, что за обѣдней, совершаемой священнослужителями, хлѣбъ и вино божественной силою превращаются въ тѣло и кровь Іисуса Христа»?

«Обв.—Да развѣ я не долженъ вѣровать въ это»?

«Я.—Я васъ спрашиваю не о томъ, должны ли вы вѣровать, а вѣруете ли»?

«Обв.—Я вѣрую во все, чему приказываете вѣровать вы и хорошіе ученые люди».

«Я.—Эти хорошіе ученые принадлежатъ къ вашей сектѣ; если я согласенъ съ ними, то вы вѣрите мнѣ, если же нѣтъ, то не вѣрите».

«Обв.—Я охотно вѣрую, какъ вы, если вы поучаете меня тому, что хорошо для меня».

«Я.—Вы считаете въ моемъ ученіи хорошимъ для себя то, что въ немъ согласно съ ученіемъ вашихъ ученыхъ. Ну, хорошо, скажите: вѣрите ли вы, что на престолѣ въ алтарѣ находится тѣло Господа Нашего Іисуса Христа»?

«Обв. (рѣзко).—Вѣрю этому».

«Я.—Вы знаете, что тамъ есть тѣло, и что всѣ тѣла суть тѣла нашего Господа. Я васъ спрашиваю: находящееся тамъ тѣло есть ли истинное тѣло Господа, рождшагося отъ Дѣвы, распятаго, воскресшаго, восшедшаго на небеса и т. д.»?

«Обв.—А вы сами вѣрите этому»?

«Я.—Вполнѣ».

«Обв.—Я тоже вѣрю этому».

«Я.—Вы вѣрите, что я вѣрю; но я васъ спрашиваю не объ этомъ, а о томъ, вѣрите ли вы сами этому»?

«Обв.—Если вы хотите перетолковывать всѣ мои слова по-своему, а не понимать ихъ просто и ясно, то я не знаю, какъ еще говорить. Я человѣкъ простой и темный и убѣдительно прошу васъ не придираться къ словамъ».

«Я.—Если вы человѣкъ простой, то и отвѣчайте просто, не виляя въ стороны».

«Обв.—Я готовъ».

«Я.—Тогда не угодно ли вамъ покласться, что вы никогда не учили ничему несогласному съ вѣрою, признаваемой нами истинной».

«Обв. (блѣднѣя).—Если я долженъ дать присягу, то я готовъ поклясться».

«Я.—Я васъ спрашиваю не о томъ, должны ли вы дать присягу, а о томъ, хотите ли вы дать ее».

Библиотека "Руниверс"

«Обв.—Если вы приказываете мнѣ дать присягу, то я присягну».

«Я.—Я не принуждаю васъ давать присягу, ибо вы, вѣря, что клясться запрещено, свалите грѣхъ на меня, который принудилъ бы васъ къ нему; но если вы желаете присягнуть, то я приму вашу присягу».

«Обв.—Для чего же я буду присягать, разъ вы не приказываете этого»?

«Я.—Для того, чтобы снять съ себя подозрѣніе въ ереси».

«Обв.—Безъ вашей помощи я не знаю, какъ приступить къ этому».

«Я.—Если бы мнѣ пришлось приносить присягу, то я поднялъ бы руку, сложилъ бы пальцы и сказалъ бы: Богъ—мой свидѣтель, что я никогда не слѣдовалъ ереси, никогда не вѣрилъ тому, что несогласно съ истинной вѣрой».

«Тогда онъ бормочетъ, какъ-будто не можетъ повторить словъ, и дѣлаетъ видъ, что говоритъ отъ имени другого лица, такъ что, не принося настоящей присяги, онъ въ то же время хочетъ показать, что дастъ ее. Въ другихъ случаяхъ онъ обращаетъ присягу въ своего рода молитву, напр.: «Да будетъ мнѣ свидѣтелемъ Богъ, что я не еретикъ»; и если его послѣ этого спрашиваютъ: «Поклялись ли вы»?, то онъ отвѣчаетъ: «Развѣ вы не слышали»? Прижатый къ стѣнѣ, онъ обращается къ милосердію судьи и говоритъ ему: «Если я согрѣшилъ, то я согласенъ покаяться; помогите мнѣ смыть съ себя несправедливое и недобросовѣстное обвиненіе». Но энергичный инквизиторъ не долженъ позволять останавливать себя подобнымъ образомъ, онъ долженъ неуклонно идти впередъ, пока не добьется отъ обвиняемаго сознанія въ заблужденіяхъ или, по меньшей мѣрѣ, открытаго отреченія подъ присягой, такъ что, если позднѣе обнаружится, что онъ далъ ложную клятву, то его можно будетъ, не подвергая новому допросу, предать въ руки свѣтской власти. Если обвиняемый соглашается клятвенно подтвердить, что онъ не еретикъ, то я говорю ему слѣдующее: «Если вы собираетесь дать присягу для того, чтобы избѣжать костра, то ваша присяга меня не удовлетворитъ, ни десять, ни сто, ни тысяча, ибо вы взаимно разрѣшаете другъ другу извѣстное число клятвъ, данныхъ въ силу необходимости. Кромѣ того, если я имѣю, противъ васъ, какъ думаю, свидѣтельства, расходящіяся съ вашими словами, ваши клятвы не спасутъ васъ отъ костра. Вы только осквернite вашу совѣсть и не избавитесь отъ смерти. Но если вы просто сознаетесь въ вашихъ заблужденіяхъ, то къ вамъ можно будетъ отнестись съ снисхожденіемъ». Я видалъ людей, которые, устрашенные этою рѣчью, приносили признаніе» [1]).

Этоть же инквизиторъ приводитъ наглядный примѣръ того, какъ искусно простые люди умѣли обходить хитрые вопросы самыхъ изощренныхъ ищеекъ святого трибунала. Одна простая служанка въ теченіе нѣсколькихъ дней увертывалась отъ разспросовъ самыхъ избранныхъ слѣдователей, и она избѣгла бы ихъ рукъ, если бы на ней не нашли кости только-что сожженнаго еретика; по словамъ одной изъ своихъ подругъ, собиравшей съ ней вмѣстѣ кости мученика, она сохранила эту кость какъ святыню. Но инквизиторъ не говоритъ ничего о томъ, сколько милліоновъ добрыхъ католиковъ, доведенныхъ до безумія безчестной игрой, жертвой которой они сдѣлались, сбитыхъ съ пути тонкостями схоластическаго богословія, не умѣвшихъ отвѣчать на ехидные вопросы, напуганные ужасами костра въ случаѣ ихъ запирательства, въ отчаяніи сознавались въ преступленіи, которое съ такой самоувѣренностью приписывалось имъ, и подтверждали искренность своего обращенія оговорами своихъ сосѣдей, лишь бы искупить свои мнимыя прегрѣшенія конфискаціей имущества и пожизненной тюрьмой.

Случалось, однако, что невиновность или хитрость обвиняемаго торжествовала надъ всѣми усиліями инквизитора; но въ этомъ случаѣ въ распоряженіи инквизитора оставались еще другія средства. Здѣсь мы касаемся самой возмутительной страницы этой исторіи...

Людская непослѣдовательность въ своихъ столь разнообразныхъ проявленіяхъ никогда не выставлялась въ такомъ печальномъ свѣтѣ, какъ въ наставленіяхъ ветерановъ святого трибунала молодымъ братьямъ, выступавшимъ на смѣну имъ. Наставленія эти передавались только посвященнымъ, и поэтому они отличаются большой откровенностью. Знакомые

[1]) Tract. de Paup. de Lugduno (Martène, «Thesaur.», V, 1792).—Ср. Bernard. Guidon. «Practica» P. V (Doat, XXX).

Библиотека "Руниверс"

изъ долгаго опыта со всѣмъ, чѣмъ можно тронуть человѣческое сердце; научепные не только раскрывать всѣ тонкости словопреній, но и искать и находить самые чувствительные пункты, чтобы затронуть совѣсть; безжалостно налагающіе самыя ужасныя тѣлесныя и умственныя страданія, то въ сырой тюрьмѣ, гдѣ держали несчастнаго цѣлыми годами, то болѣе острыми муками застѣнка, то, наконецъ, холоднымъ воздѣйствіемъ на естественныя привязанности; то дающіе безъ всякаго зазрѣнія совѣсти надежду, то пугающіе; прибѣгающіе съ цинизмомъ безразлично ко всѣмъ уловкамъ обмана и лжи въ отношеніи несчастныхъ, предварительно истощенныхъ голодомъ,—эти люди давали совѣты, которые кажутся исходящими отъ демоновъ, ликующихъ, когда они въ своемъ безграничномъ могуществѣ удовлетворили свою страстную злобу надъ беззащитными, несчастными жертвами. И въ то же время среди всѣхъ этихъ ужасовъ ярко свѣтится убѣжденіе, что они трудятся за дѣло Бога. Никакой трудъ не тяжелъ для нихъ, когда они могутъ спасти душу отъ вѣчной погибели; ничто не кажется имъ возмутительнымъ, когда они могутъ довести слабаго человѣка до созданія его прегрѣшеній и до смытія ихъ чистосердечнымъ раскаяніемъ; ихъ терпѣніе безпредѣльно, если они могутъ избѣгнуть осужденія невиннаго. Вся эта словесная борьба между судьей и обвиняемымъ, всѣ эти обманы, всѣ эти тѣлесныя и душевныя пытки, столь жестоко пускаемыя въ ходъ, чтобы вырвать признаніе, не были, однако, направлены только къ тому, чтобы дать Инквизиціи лишнія жертвы; инквизитора поучали одинаково серьезно, одинаково добросовѣстно относиться и къ упорствующимъ, противъ которыхъ имѣлись вѣскія доказательства, и къ подозрѣваемымъ, преступленіе которыхъ только предполагалось. Въ первомъ случаѣ они стремились спасти душу, которой грозила вѣчная гибель за гордое упорство; во второмъ случаѣ они стремились спасти духовное стадо, не пуская на свободу больную овцу, которая могла бы заразить другихъ. Для жертвы было безразлично, какими мотивами руководился его преслѣдователь, такъ какъ обдуманная жестокость часто бываетъ болѣе хладнокровной и болѣе разсчитанной, болѣе неумолимой и болѣе дѣйствительной, чѣмъ гнѣвъ и ярость; но безпристрастный историкъ долженъ помнить, что, если многіе инквизиторы были ограниченные люди, которые, не задумываясь, отдавались рутинѣ, замѣнявшей имъ призваніе, если многіе изъ нихъ были алчные и кровожадные тираны, которые дѣйствовали исключительно подъ вліяніемъ честолюбія или личныхъ интересовъ, то были и другіе, и много такихъ другихъ, которые думали, что они выполняютъ высокую и святую задачу, отправляя на костеръ нераскаяннаго еретика или спасая, при помощи невыразимо подлыхъ средствъ, изъ когтей Сатаны душу, которую онъ считалъ уже своею. Ихъ учили, что лучше дать ускользнуть виновному, чѣмъ наказать невиннаго, и вслѣдствіе этого имъ нужны были или прямыя свидѣтельства, или признанія. За неимѣніемъ прямыхъ уликъ совѣсть судьи требовала отъ него примѣненія всего возможнаго, чтобы вырвать признаніе у жертвы. Виноватъ былъ не онъ, а система, орудіемъ которой онъ былъ [1]).

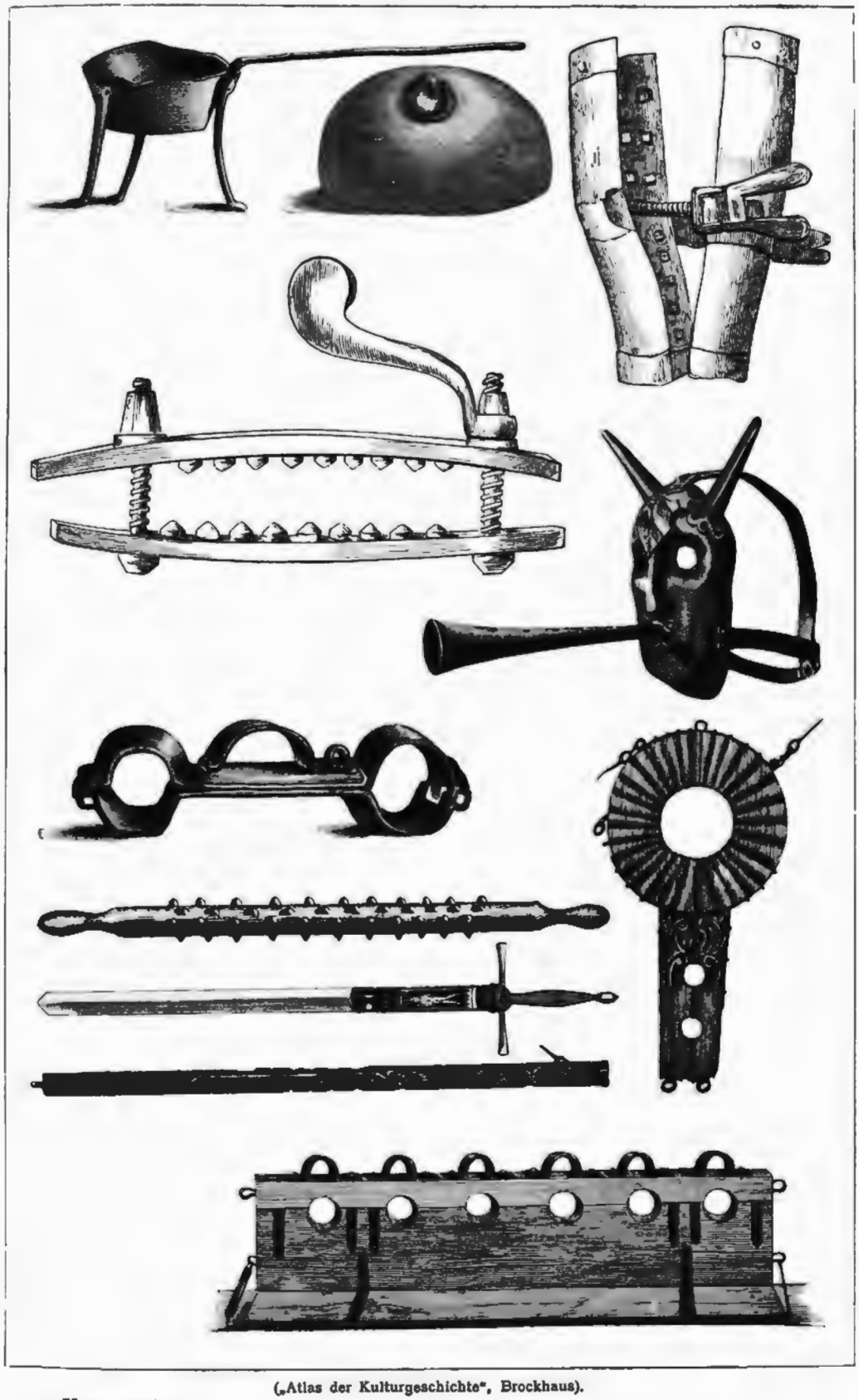
Средства, которыми располагалъ инквизиторъ, чтобы вынудить признаніе, можно раздѣлить на двѣ категоріи—обманъ и пытка; послѣдняя состояла изъ всевозможныхъ физическихъ и нравственныхъ мукъ.

Менѣе жестокимъ средствомъ, чтобы вызвать признаніе у обвиняемаго, было слѣдующее. Слѣдователь долженъ былъ считать уже установленнымъ тотъ фактъ, который ему слѣдовало еще доказать, и долженъ былъ разспрашивать о разныхъ мелкихъ подробностяхъ, напр., спрашивать обвиняемаго, *сколько* разъ исповѣдывалъ онъ ересь, или въ какой комнатѣ своего дома принималъ онъ еретиковъ. При этомъ инквизитору рекомендуется во время допроса перелистывать дѣло, какъ-будто онъ справляется въ немъ, а потомъ рѣзко объявить обвиняемому, что онъ говоритъ неправду, что дѣло было вотъ такъ-то и

[1]) Practica super Inquisitione (Mss. Bil. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 221).

Библиотека "Руниверс"

ОРУДІЯ ПЫТКИ.



(„Atlas der Kulturgeschichte", Brockhaus).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

такъ-то; онъ можетъ также взять первую попавшуюся бумагу и сдѣлать видъ, что онъ читаетъ въ ней «все, что можетъ ввести обвиняемаго въ обманъ»; или еще онъ можетъ сказать ему, что извѣстные ученые его секты примѣшали его къ дѣлу въ своихъ показаніяхъ. Чтобы сдѣлать эту ложь болѣе дѣйствительной, было приказано тюремщикамъ входить въ довѣріе заключенныхъ, выказывать къ нимъ сочувствіе и сожалѣніе, убѣждать ихъ скорѣе сознаться, такъ какъ инквизиторъ-де человѣкъ мягкій, который отнесется къ нимъ снисходительно. Затѣмъ инквизиторъ долженъ былъ заявить, что у него есть неоспоримыя доказательства, и что, если бы обвиняемый пожелалъ сознаться и назвать тѣхъ, кто ввелъ его въ заблужденіе, то его тотчасъ освободили бы. Болѣе хитрая уловка состояла въ томъ, что съ заключеннымъ обращались кротко, а не сурово; подсылали къ нему въ камеру испытанныхъ агентовъ снискать его довѣріе и побудить его къ признанію обѣщаніями снисхожденія и заступничества. Въ удобный моментъ являлся лично самъ инквизиторъ и подтверждалъ эти обѣщанія, мысленно говоря, что все, что дѣлается для обращенія еретиковъ, есть актъ милосердія, что епитимія есть проявленіе любви къ ближнему и духовное лѣкарство, и когда несчастный просилъ снисхожденія за свои разоблаченія, то его успокаивали, говоря, что для него будетъ сдѣлано гораздо больше, чѣмъ онъ проситъ [1]).

При такой организаціи, естественно, шпіоны играли видную роль. Испытаннымъ агентамъ, проникавшимъ въ камеру заключеннаго, было приказано вести его отъ признанія къ признанію, пока они не получатъ достаточно матеріала для его обвиненія, такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ. Передаютъ, что обыкновенно для этой цѣли употреблялись обращенные еретики. Одинъ изъ нихъ отправлялся къ обвиняемому и говорилъ ему, что его обращеніе было притворное; въ одинъ прекрасный день, послѣ цѣлаго ряда бесѣдъ, онъ приходилъ къ нему позднѣе обыкновеннаго, и дверь за нимъ запиралась засовомъ. Тогда впотьмахъ завязывался откровенный разговоръ, а сзади двери въ тѣни скрывались свидѣтели и нотаріусъ, которые подслушивали всѣ слова жертвы. Всегда, когда это было возможно, пользовались услугами товарищей по заключенію, которые и получали извѣстное воздаяніе за эти услуги. Въ приговорѣ по дѣлу нѣкоего Карма, 17 января 1329 г., виновнаго въ самыхъ гнусныхъ дѣяніяхъ колдовства, въ перечнѣ смягчающихъ вину обстоятельствъ говорится, между прочимъ, что, будучи въ тюрьмѣ съ нѣсколькими еретиками, онъ способствовалъ вызвать у нихъ признанія и открылъ многія тайны, довѣренныя ими ему, къ великому благу Инквизиціи, которая надѣялась и еще извлечь изъ нихъ многое.

Но примѣнялись также одновременно съ этимъ и жестокія мѣры. Уличенный или только подозрѣваемый въ ереси лишался правъ. Тѣло его отдавалось на благоусмотрѣніе Церкви, и если самое мучительное физическое страданіе могло принудить его сознать свое заблужденіе, то не останавливались ни передъ какимъ мученіемъ, чтобы спасти его душу. Среди чудесъ св. Франциска, которыя вызвали его канонизацію, приводятъ разсказъ объ извѣстномъ Пьетро Ассизскомъ; онъ былъ заключенъ въ Римѣ въ тюрьму по обвиненію въ ереси и переданъ въ руки епископа Тоди, который, желая обратить его, заключилъ его въ оковы и посадилъ въ темную камеру на хлѣбъ и воду. Доведенный, такимъ образомъ, муками до раскаянія, онъ, обливаясь слезами, воззвалъ къ св. Франциску наканунѣ праздника въ честь его памяти. Тронутый его ревностью, святой явился и приказалъ заключенному выйти. Цѣпи упали, и двери тюрьмы растворились; но несчастный такъ обезумѣлъ, что уцѣпился за дверь и началъ громко кричать; на его крики прибѣжали тюремщики, тотчасъ же явился въ тюрьму и благочестивый епископъ; онъ прекло-

[1]) Tract. de Paup. de Lugduno (Martène. «Thes.» V. 1793).—Eymeric. «Direct. Inquis.», 433—4.—Modus examinandi haereticos (Mss. Bib. Pat. XIII, 341).

Библиотека "Руниверс"

нился предъ божественной силой и послалъ папѣ разбитыя оковы, какъ свидѣтельство чуда. Еще поразительнѣе случай, приводимый Ниддеромъ, какъ происшедшій въ бытность его профессоромъ вѣнскаго университета. Одинъ священникъ, впавшій въ ересь, былъ ввергнутъ въ тюрьму своимъ епископомъ; самые выдающіеся богословы, трудившіеся надъ его обращеніемъ, признавались, что онъ былъ не менѣе ихъ силенъ въ діалектикѣ. Полагая, что муки просвѣщаютъ разумъ, они, въ концѣ концовъ, приказали крѣпко привязать его къ столбу. Веревки, впивавшіяся въ мясо, вызывали такія мученія у несчастнаго, что, когда они пришли къ нему на другой день, онъ настойчиво умолялъ ихъ, чтобы его развязали и сожгли. Они безстрастно отказали ему и оставили его привязаннымъ еще на двадцать-четыре часа. Къ концу этого времени пытки и истощеніе сломили его упрямство; онъ смиренно отрекся отъ заблужденій, удалился въ монастырь Политъ и велъ тамъ послѣ этого примѣрную жизнь [1]).

Понятно каждому, что Инквизиція не задумывалась прибѣгать къ энергичнымъ мѣрамъ, чтобы сломить упорство заключеннаго, который отказывался сознаться или отречься. Если надѣялись достигнуть цѣли, играя на его семейной привязанности, то допускали къ нему въ камеру жену и дѣтей, слезы и убѣжденія которыхъ могли склонить его. Послѣ угрозъ прибѣгали къ ласкамъ. Заключеннаго выводили изъ его смрадной тюрьмы и помѣщали въ удобной комнатѣ, гдѣ его хорошо кормили и гдѣ съ нимъ обращались съ видимой добротой въ разсчетѣ, что его рѣшимость ослабнетъ, колеблясь между надеждой и отчаяніемъ. Искусный въ умѣньѣ дѣйствовать надъ сердцемъ человѣка, инквизиторъ послѣдовательно примѣнялъ всѣ пріемы, которые могли дать ему побѣду въ неравной борьбѣ противъ несчастнаго, выданнаго ему безъ всякой защиты. Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ пріемовъ была медленная пытка безконечными отсрочками разбора дѣла. Арестованный, который отказывался признаться, или признанія котораго казались неполными, отсылался въ свою камеру, и ему предоставлялось размышлять въ уединеніи и въ темнотѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаевъ, Инквизиція не дорожила временемъ: она могла ждать. Послѣ многихъ недѣль или мѣсяцевъ наступалъ, наконецъ, день, когда заключенный просилъ выслушать его снова; если его отвѣты были опять неудовлетворительны, его снова запирали, и онъ могъ, такимъ образомъ, цѣлые годы и даже десятки лѣтъ терпѣть предварительное заключеніе. Если только смерть не освобождала его, онъ почти всегда сдавался; всѣ авторы единогласно признаютъ благотворное, хотя и медленное, дѣйствіе одиночнаго заключенія. Только этимъ—иначе трудно понять—можно объяснять страшную медленность многихъ процессовъ Инквизиціи. Часто бывало, что между первымъ допросомъ заключеннаго и окончательнымъ рѣшеніемъ протекало три, пять или десять лѣтъ; у насъ есть даже примѣры еще болѣе долгихъ отсрочекъ. Бернальда, жена Гильема де Монтегю, была заключена въ тюрьму въ Тулузѣ въ 1297 г. и въ томъ же году принесла признаніе, но въ дѣйствительности она была приговорена къ тюрьмѣ только на ауто 1310 г. Я уже упоминалъ о Гильемѣ Гаррикѣ, котораго привели въ Каркассонъ для дачи сознанія въ 1321 г. послѣ почти тридцатилѣтняго тюремнаго заключенія. На ауто-да-фе 1319 г. въ Тулузѣ былъ осужденъ извѣстный Гильемъ Салаверъ, который далъ недостаточныя признанія въ 1299 г. и новыя въ 1316 г.; онъ держался такъ стойко, что Бернаръ Ги, побѣжденный, наконецъ, его упорствомъ, отпустилъ его, приказавъ ему только въ видѣ епитиміи носить кресты, принявъ во вниманіе его двадцатилѣтнее заключеніе. На этомъ же ауто было осуждено десять несчастныхъ, которые только-что скончались въ тюрьмѣ; двое изъ нихъ дали свои первыя признанія въ 1305 г., одинъ—въ 1306, двое—въ 1311 и одинъ—въ 1315 г. Этотъ ужасный пріемъ не практиковался ни однимъ другимъ судилищемъ. Гильемъ Салаверъ былъ однимъ изъ участни-

[1]) Wadding. «Annal. ann.» 1228, № 45.—Nideri «Formicar.» lib. III, c. 10.

Библиотека "Руниверс"

ковъ въ безпорядкахъ въ Альби въ 1299 г.; многихъ привлеченныхъ по этому дѣлу судили почти немедленно и осудили епископъ Бернаръ де Кастене и каркассонскій инквизиторъ Николай д'Аббевиль; но нѣкоторымъ досталась болѣе жестокая участь—заключеніе безъ всякаго суда. Обратились къ папѣ, и Климентъ V написалъ въ 1310 г. епископу и инквизитору, назвавъ по имени десять несчастныхъ, среди которыхъ было нѣсколько уважаемыхъ гражданъ Альби, которые сидѣли въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда восемь лѣтъ и болѣе; нѣкоторые изъ нихъ сидѣли прикованными на цѣпь въ тѣсныхъ и темныхъ камерахъ. Папа приказалъ немедленно произвести надъ ними судъ; его не послушали, и въ слѣдующей своей граматѣ онъ упоминаетъ, что нѣсколько заключенныхъ уже умерло, и снова повторяетъ свое приказаніе рѣшить судьбу оставшихся въ живыхъ. Еще разъ инквизиторъ, дѣйствовавшій только по-своему, ослушался. Въ 1319 г. кромѣ Гильема Салаверъ, двое другихъ—Гильемъ Кальвери и Изарнъ Колли—были выведены изъ темницы и отреклись отъ признаній, вызванныхъ у нихъ пытками. Кальвери и Салаверъ попали на ауто, торжественно совершенное въ Тулузѣ въ томъ же году. Мы не знаемъ, какому наказанію подвергся Колли, но въ отчетахъ королевскаго комиссара Арнольда д'Ассали о конфискаціяхъ 1322—3 гг. упоминается собственность нѣкоего Isarnus Colli condemnatus, такъ что его конечная судьба не подлежитъ сомнѣнію. Въ ауто 1319 г. выступаютъ также имена двухъ гражданъ Корда Дуранда Буасá и Бернара Увріе (уже скончавшихся), сознанія которыхъ помѣчены 1301 и 1300 годами; несомнѣнно, они принадлежали къ тому же разряду несчастныхъ, которымъ приходилось терзаться въ безвыходномъ отчаяніи десятки лѣтъ [1]).

Когда хотѣли ускорить результаты, то ухудшали положеніе узника настолько, что оно становилось прямо невыносимымъ. Какъ мы увидимъ ниже, тюрьмы Инквизиціи были вообще невѣроятныя конуры, но всегда была возможность, если это было въ интересахъ инквизитора, сдѣлать ихъ еще болѣе ужасными. Durus carcer et arcta vita — положеніе узника на цѣпи, полумертваго отъ голода, въ ямѣ безъ воздуха — считалось прекраснымъ средствомъ добиться сознанія. Ниже мы увидимъ примѣръ этого жестокаго обращенія, которому подвергся въ 1263 г. одинъ свидѣтель, когда старались уничтожить могущественный домъ графовъ Фуа. Отмѣчали, что соотвѣтственное уменьшеніе пищи ослабляло волю настолько же, насколько и тѣло, и узникъ дѣлался менѣе способнымъ устоять передъ угрозами смерти, смѣняемыми обѣщаніями снисхожденія. Достаточно сказать, что голодъ считался однимъ изъ дозволенныхъ закономъ и особенно дѣйствительныхъ средствъ, чтобы привести къ соглашенію свидѣтелей и обвиняемыхъ. Въ 1306 г. послѣ оффиціальнаго слѣдствія папа Климентъ V объявилъ, что узники обыкновенно были вынуждаемы приносить признанія цѣлымъ рядомъ мукъ, которымъ ихъ подвергали въ тюрьмѣ, таковы: лишеніе постели, лишеніе пищи и пытка [2]).

Можно удивляться, что инквизиторы, имѣя въ своемъ распоряженіи такъ много понудительныхъ средствъ, находили нужнымъ прибѣгать къ болѣе грубымъ и простымъ орудіямъ застѣнка. Употребленіе кобылы и дыбы затрагивало къ тому же такъ грубо

---

[1]) Eymeric. «Direct. Inq.» 514, 521. — Concil. Biterr. ann. 1246, App. c. 17. — Innoc. PP. IV. Bull. «Illius vicis», 12 nov. 1247.—Lib. confess. Inq. Albiens. (Mss. Bib. Nat. fon. lat. 11847).—Bern. Guid. «Practica» P. V (Doat, XXX).—Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thes». V, 1795).—Molinier, «L'Inq. dans le midi de la France», 330.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 709).—Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 22, 76, 102, 118—50, 158—62, 184, 216—8, 220- 1, 228, 244—8, 266—7, 282—5.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXIV, 89).—Arch. de l'hôtel. de ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45).—Coll. Doat. XXXIV, 189.

[2]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI. 57).—Vaissete, III. Pr. 551—3.—Tract. de Paup. de Lugduno (Martène, «Thes.» V, 1787).—Joann. Andreae «Gloss. sup.» c. I, Clement. V, 3. — Bernar. Guidon. «Practica», P. V (Doat, XXX). — Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXIV, 45).

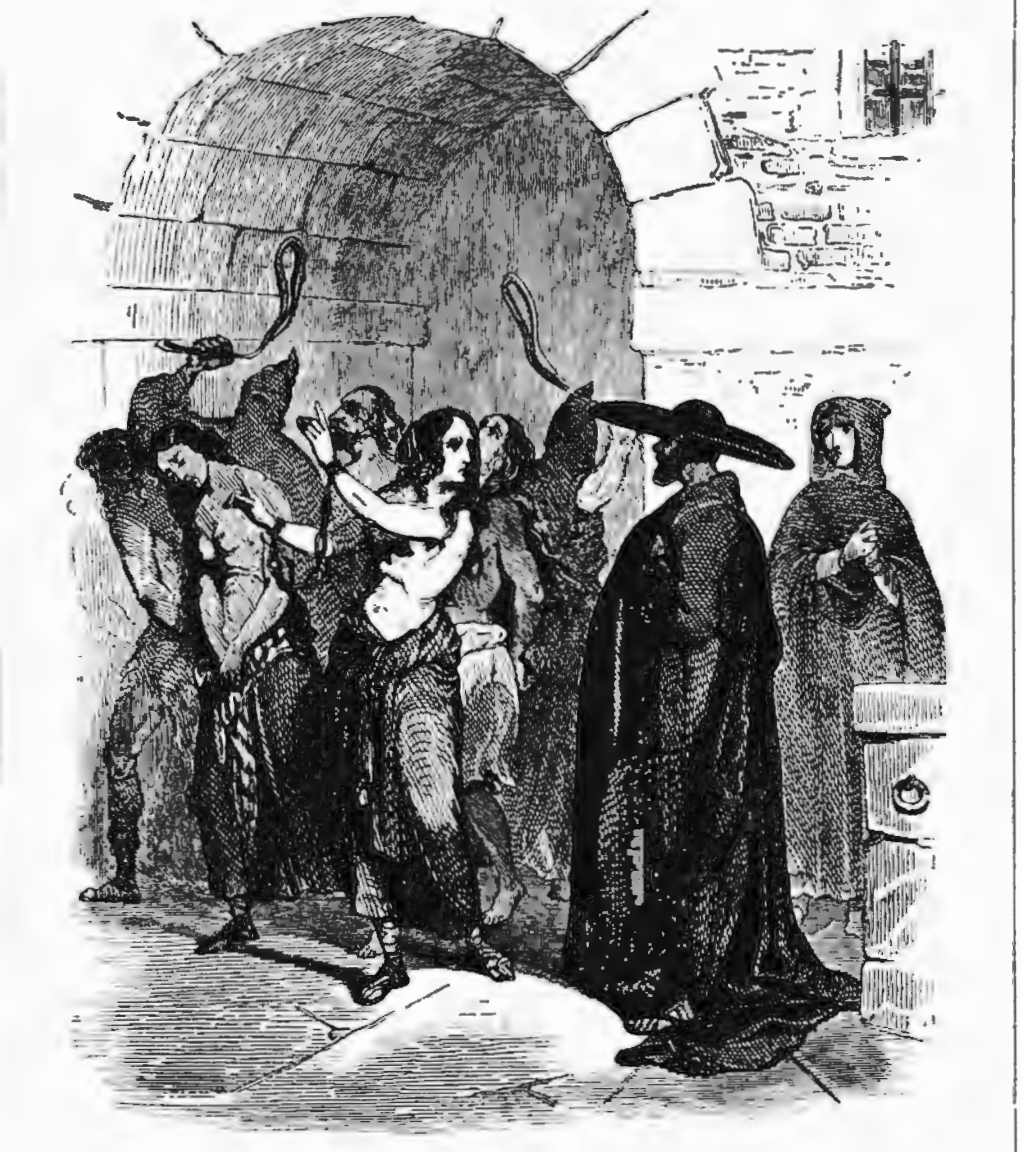
Библиотека "Руниверс"

не только основные принципы христіанства, но и всѣ традиціи Церкви, что примѣненіе этихъ средствъ Инквизиціей для распространенія и возстановленія вѣры представляетъ одну изъ самыхъ печальныхъ аномалій этой мрачной эпохи. Я въ другомъ мѣстѣ отмѣтилъ уже, съ какой твердостью Церковь возставала противъ пытки; въ грубый XII вѣкъ Граціанъ заявляетъ, считая это принятымъ положеніемъ канонического права, что ни одно признаніе не должно быть вынуждаемо муками. Кромѣ того, за исключеніемъ вестготовъ, варвары, создавшіе государства современной Европы, не знали пытки, и ихъ законодательныя системы развились независимо отъ этого чудовищнаго обычая. И только тогда, когда римскіе законы стали пользоваться уваженіемъ, и когда Латеранскій соборъ 1215 г. запретилъ ордаліи, законовѣды стали чувствовать необходимость прибѣгнуть къ пыткѣ какъ къ быстрому способу разслѣдованія. Болѣе древніе примѣры, найденные мною, содержатся въ Веронскомъ кодексѣ 1228 г. и въ Сицилійскихъ Конституціяхъ Фридриха 1231 г. но въ обоихъ случаяхъ пытка примѣнялась съ оговорками и послѣ зрѣлаго размышленія. Даже самъ Фридрихъ въ своихъ жестокихъ эдиктахъ 1220 и 1239 гг. не упоминаетъ о ней; согласно съ Веронскимъ декретомъ Луція III, онъ для людей, подозрѣваемыхъ въ ереси, предписываетъ обычную мѣру purgatorium canonicum. Но идея о пыткѣ пошла быстрыми шагами въ Италіи. Когда въ 1252 г. Иннокентій IV издалъ свою буллу Ad extirpanda, онъ одобрилъ примѣненіе пытки для раскрытія ереси. Однако, вполнѣ законное уваженіе къ стариннымъ предубѣжденіямъ не позволило Церкви уполномочить лично инквизиторовъ или ихъ помощниковъ примѣнять пытку въ отношеніи подозрѣваемыхъ; было поручено свѣтскимъ властямъ принуждать всѣхъ захваченныхъ еретиковъ признаться и выдать своихъ соумышленниковъ, прибѣгая для этого къ пыткамъ, которыя должны были щадить жизнь и цѣлость тѣла, «подобно тому, какъ воры и разбойники должны признаться въ своихъ преступленіяхъ и назвать своихъ соучастниковъ». Оставшіеся въ силѣ церковные каноны запрещали лицамъ духовнаго званія принимать въ этомъ участіе и даже присутствовать при пыткѣ, такъ что, если увлеченный ревностью инквизиторъ приходилъ посмотрѣть на страданія своей жертвы, онъ долженъ былъ очиститься раньше, чѣмъ снова приступить къ отправленію своихъ обязанностей. Это не соотвѣтствовало политикѣ Инквизиціи. Быть-можетъ, внѣ Италіи, гдѣ пытка была еще почти неизвѣстна, Инквизиція встрѣчала какія-либо затрудненія въ своемъ стремленіи обезпечить себѣ въ этомъ содѣйствіе государственныхъ чиновниковъ; она всегда и повсюду жаловалась на усложненіе судопроизводства, которое нарушало полную тайну, необходимую для ея дѣйствій. Такъ, въ 1256 г. четыре года спустя послѣ буллы Иннокентія IV, Александръ IV лицемѣрно устранилъ затрудненіе, давъ инквизиторамъ и ихъ помощникамъ право взаимно отпускать другъ другу грѣхи и взаимно условиться относительно разрѣшенія за «неправильности». Это разрѣшеніе, неоднократно подтверждаемое, разсматривалось какъ устраняющее всякое препятствіе: отнынѣ непосредственно самъ инквизиторъ и его помощники могли подвергать подозрѣваемаго пыткѣ. Въ Неаполѣ, гдѣ Инквизиція была слабо организована, до конца XIII вѣка она употребляла въ качествѣ заплечныхъ мастеровъ государственныхъ чиновниковъ, въ другихъ мѣстахъ ими являлись сами инквизиторы и ихъ помощники. Даже въ самомъ Неаполѣ въ 1305 г. братъ Томасо д'Аверса употреблялъ самыя дикія пытки въ отношеніи францисканскихъ спиритуаловъ, а когда онъ увидѣлъ, что этими мѣрами нельзя довести ихъ до самообвиненія, то онъ прибѣгъ къ геніальному средству: онъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не давалъ ѣсть одному изъ самыхъ молодыхъ братьевъ, а затѣмъ далъ ему изрядное количество крѣпкаго вина; когда несчастный опьянѣлъ, то было уже нетрудно заставить его признаться, что и онъ, и его сорокъ товарищей были всѣ еретиками [1]).

[1]) Lea, «Superstition and Force», 3-е изд. 1878 г., 419—20.—Lib. Jur. Civ. Veron. ann. 1228, c. 75.—Constit. Sicular. Lib. I. tit. 27.- Frid. II. Edict. 1220, § 5.—Innoc. PP. IV.

Библиотека "Руниверс"

ПЫТКА.—I.



(„Mystères de l'Inquisition", C.-V. de Féréal).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

Пытка сокращала трату времени, и не приходилось долго держать обвиняемаго подъ арестомъ; это былъ скорый и дѣйствительный пріемъ, чтобы добиться желаемыхъ признаній, и онъ скоро пріобрѣлъ себѣ расположеніе Инквизиціи, тогда какъ свѣтскій судъ медлилъ примѣнить его. Въ 1260 г. въ граматѣ, данной Альфонсомъ де Пуатье городу Озону, спеціально говорится, чтобы обвиняемые, каково бы ни было возводимое на нихъ преступленіе, отнюдь не подвергались пыткѣ. Это ясно показываетъ, что пытка медленно входила въ употребленіе. Въ 1291 г. Филиппъ Красивый счелъ нужнымъ ограничить злоупотребленіе; въ своихъ граматахъ сенешалю Каркассона онъ упоминаетъ о недавнемъ введеніи пытки Инквизиціей, причемъ слѣдствіемъ этого явились осужденія невинныхъ, и по всей странѣ распространились ропотъ и уныніе. Онъ не могъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла святого трибунала, но онъ смягчилъ зло, запретивъ производить аресты по одному простому требованію инквизиторовъ. Какъ можно было предвидѣть, эта мѣра была только палліативомъ; безразличное отношеніе къ человѣческимъ страданіямъ росло по привычкѣ, и злоупотребленія этимъ позорнымъ пріемомъ разслѣдованія стали только хуже и чаще. Когда крики отчаянія населенія понудили Климента V назначить слѣдствіе по поводу беззаконій каркассонской Инквизиціи, то кардиналы, посланные въ этотъ городъ въ 1306 г., были предварительно увѣдомлены, что пытки, которымъ подвергались обвиняемые, были настолько ужасны, что заставляли искать смерти; и, дѣйствительно, въ документахъ слѣдствія пытка упоминается какъ пріемъ совершенно обычный. Но нужно отмѣтить, что въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ судопроизводства Инквизиціи упоминанія о пыткѣ чрезвычайно рѣдки. Вѣроятно, чувствовали, что упоминаніемъ о пыткахъ ослабляли до извѣстной степени значеніе добытыхъ свидѣтельскихъ показаній. Такъ, въ дѣлахъ Изарна Колли и Гильема Кальвери, о которыхъ мы уже упоминали, говорится, что они отреклись отъ своихъ показаній, данныхъ подъ пыткой; но въ протоколахъ, содержащихъ эти показанія, нѣтъ никакихъ указаній на примѣненіе пытки. Въ 636 приговорахъ, занесенныхъ въ тулузскій списокъ съ 1309 по 1323 г., единственное упоминаніе о примѣненіи пытки мы встрѣчаемъ въ дѣлѣ Кальвери, тогда какъ есть много примѣровъ показаній, данныхъ осужденными, уже лишившимися надежды на спасеніе; очевидно, всѣ эти показанія были даны подъ пыткой. Въ эту эпоху тулузская Инквизиція находилась въ рукахъ Бернара Ги, который горячо настаивалъ на пользѣ пытки какъ вѣрномъ средствѣ заставить говорить не только обвиняемыхъ, но и свидѣтелей; и трудно сомнѣваться, чтобы онъ самъ лично не прибѣгалъ къ ней [1]).

Слѣдствіе, назначенное Климентомъ въ 1306 г., привело къ попыткѣ произвести реформу, которая въ 1311 г. была одобрена Вьенскимъ соборомъ; но Климентъ со своей обычной нерѣшительностью откладывалъ изданіе каноновъ, принятыхъ соборомъ, до самой своей смерти, и они были изданы только въ октябрѣ 1317 г. его преемникомъ Іоанномъ XXII. Среди злоупотребленій, которыя онъ думалъ сократить, было злоупотребленіе

Bull. «Ad extirpanda», § 26.—Concil. Antissiodor. ann. 578, c. 33.—Concil. Matiscon. II ann. 585, c. 19.—Alex. PP. IV. Bull. «Ut negotium» 7 julii 1258 (Doat, XXXI, 196); Ejusd Bull. «Ne inquisitionis», 19 apr. 1259.—Urbani PP. IV. Bull. «Ut negotium», 1260, 1262 (Ripoll. I, 430; Mag. Bull. Rom. I, 132).—Clement. PP. IV. Bull. «Ne inquisitionis», 13 jan. 1266.—Bern. Guidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX).—Pegnae «Comment. in Eymeric.», 593.—Archivio di Napoli, Mss. Chioccarello, T. VIII.—Historia Tribulationum («Arch. für Litt. und Kirchengesch.», 1886, стр. 324).

Самое древнее упоминаніе о примѣненіи пытки въ Лангедокѣ относится къ 1254 г., когда Людовикъ Святой запретилъ примѣнять ее, если имѣлись показанія только одного свидѣтеля.—Vaissete, изд. Privat, XIII, 1348.

[1]) Chassaing, «Spicil. Brivatense», 92.—Vaissete, IV. Pr. 97—8.—Archives de l'Hôtel de ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45 sq.).—Lib. Confess. Inq. Albiens. (Mss. Bib. Nat. f. lat. 11847).—Lib. Sent. Inq. Tolosan. 46—78, 132, 169—74, 180—2, 266—7.—Bern. Guidon. «Practica» P. IV, V (Doat, XXX).

Библиотека "Руниверс"

пыткой; для этого онъ предписалъ, чтобы она примѣнялась только съ согласія епископа, если съ нимъ можно было снестись въ теченіе восьми дней. Бернаръ Ги протестовалъ, говоря, что этимъ создаются препятствія для дѣятельности Инквизиціи, и предложилъ замѣнить редакцію папы другой, совершенно ничего не значащей и гласившей, что пытка можетъ быть примѣняема только «послѣ зрѣлаго и серьезнаго размышленія»; но его протестъ не имѣлъ успѣха, и правила Климента сдѣлались и остались закономъ для Церкви [1]).

Но инквизиторы вообще очень мало привыкли къ дисциплинѣ и не могли долго мириться съ подобнымъ ограниченіемъ ихъ привилегій. Правда, неповиновеніе лишало ихъ судъ законной силы, и несчастный, перенесшій ужасныя пытки, примѣненныя безъ согласія епископа, могъ обратиться съ жалобой къ папѣ; но это не удовлетворяло его за претерпѣнныя муки; кромѣ того, до Рима было далеко, и большинство жертвъ Инквизиціи было очень бѣдно и безпомощно, чтобы прибѣгать къ этой призрачной защитѣ. Въ «Practica» Бернара Ги, написанныхъ, по всей вѣроятности, около 1328—30 гг., говорится только о совѣщаніяхъ съ экспертами, а не съ епископами. Эмерикъ придерживается Клементинъ, но его указанія, касающіяся вопроса, какъ поступать въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ, свидѣтельствуетъ, что нарушенія эти были очень часты; что касается Цанчино, то онъ смѣло утверждаетъ, что этотъ канонъ долженъ быть толкуемъ какъ разрѣшающій пытку съ одобренія епископа и л и инквизитора. Въ теченіе извѣстныхъ судебныхъ процессовъ противъ вальденцевъ Пьемонта въ 1387 г., если обвиняемый не сознавался на первомъ допросѣ, то надписывали, что «инквизиторъ остался недоволенъ»; узнику давали двадцать-четыре часа сроку на дополненіе своихъ показаній; во время перерыва его подвергали пыткѣ, чтобы ослабить его волю; затѣмъ на другое утро, если онъ оказывался послушнымъ, отмѣчали, что признаніе было сдѣлано безъ пытки и не въ застѣнкѣ. Кромѣ того, тонкіе схоластики разъяснили, что Климентъ говорилъ вообще о пыткѣ, а не упомянулъ именно о свидѣтеляхъ; отсюда заключили, что пытка свидѣтелей—самое вопіющее злоупотребленіе Инквизиціи—была оставлена на усмотрѣніе инквизиторовъ; въ концѣ концовъ, это было принято, какъ правило. Еще шагъ, и признали, что обвиняемый, послѣ того, какъ былъ уличенъ свидѣтельскими показаніями или признался самъ, становился, въ свою очередь, свидѣтелемъ по вопросу о виновности своихъ друзей, и что, слѣдовательно, его можно было подвергать сколько угодно пыткѣ, чтобы добиться отъ него разоблаченій. Да даже тогда, когда соблюдались правила Климента, восьмидневный срокъ, предписанный имъ, давалъ инквизитору возможность дѣйствовать по своему усмотрѣнію, разъ истекъ установленный срокъ [2]).

Всѣми признавалось, что свидѣтелей можно подвергать пыткѣ, если будетъ видно, что они скрываютъ правду; но законовѣды расходились въ мнѣніяхъ относительно того, при какихъ условіяхъ оправдывалось примѣненіе пытки въ отношеніи обвиняемаго. Очевидно, если только не было прочнаго основанія полагать, что имѣется дѣло съ еретикомъ,

---

[1]) C. 1, § 1, Clement. V. 3.—Bern. Guid. «Gravamina» (Doat, XXX, 100, 120).—Eymeric. «Direct. Inquis.», 422.—Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. XV.

[2]) Eymeric. «Direct. Inq.», 453—5.—Bern. Guidon. «Practica» P. V (Doat, XXX).—Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. IX, XIV.—Processus contra Waldenses («Arch. storico italiano», № 38, стр. 20, 22, 24 сл.).—Pauli de Leazariis, «Gloss. sup.», c. 1, Clement. V, 3.—Silvest. Prieriat. de Strigimagar. «Mirand.», lib. III, c. 1.—Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Jejunia», «Torturae».

Что правила Климента на практикѣ скоро вышли изъ употребленія, видно изъ того, что въ 1506 г. Карлъ III Савойскій, въ видѣ особой привилегіи, добился отъ Юлія II, чтобы инквизиторы не заключали въ тюрьму и не осуждали никого безъ согласія судей епископскаго суда; въ 1515 г. Левъ X предписалъ даже, чтобы они давали свое согласіе и на арестъ.—Sclopis, «Antica Legislazione del Piemont», 484.

Библиотека "Руниверс"

примѣненіе подобнаго способа розыска не находило себѣ оправданія. Эмерикъ говоритъ, что, когда имѣется два свидѣтеля противъ обвиняемаго, человѣкъ, пользовавшійся хорошей репутаціей, можетъ быть подвергнутъ пыткѣ; тогда какъ человѣкъ дурной репутаціи можетъ быть прямо осужденъ и подвергнутъ пыткѣ на основаніи показаній одного свидѣтеля. Цангино, съ своей стороны, утверждаетъ, что показаній одного уважаемаго лица достаточно, чтобы приступить къ пыткѣ, какой бы репутаціей ни пользовался обвиняемый; Бернардъ Комоскій доходитъ до того, что заявляетъ, что для этого достаточно «народной молвы». Со временемъ были выработаны подробныя инструкціи для руководства инквизиторовъ по этому вопросу; но ихъ считали безполезными, такъ какъ окончательное рѣшеніе было предоставлено усмотрѣнію судьи. Само собой разумѣется, немного нужно было, чтобы оправдать примѣненіе этого усмотрѣнія, такъ какъ законовѣды считали достаточнымъ поводомъ, если обвиняемый на допросѣ проявлялъ страхъ, запинался или мѣнялъ выраженія своихъ отвѣтовъ, хотя бы противъ него и не существовало никакихъ свидѣтельскихъ показаній [1]).

Правила, принятыя Инквизиціей для примѣненія пытки, были впослѣдствіи усвоены свѣтскими судами всего христіанскаго міра и поэтому заслуживаютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Эмерикъ, указанія котораго по этому вопросу разработаны лучше и подробнѣе другихъ, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ лучшихъ, признаетъ, что этотъ вопросъ вызываетъ большія затрудненія, разрѣшеніе которыхъ неопредѣленно. Пытка должна была быть умѣренная, и при этомъ должно тщательно избѣгать пролитія крови; но какъ нужно понимать «умѣренность» въ этомъ дѣлѣ? Нѣкоторые узники были настолько слабы, что при первомъ оборотѣ блока, сознавались во всемъ, что отъ нихъ требовали; другіе же были настолько упорны, что готовы были претерпѣть все, и добиться правды отъ нихъ было невозможно. Изъ тѣхъ, кто уже подвергался подобному опыту, одни могли сдѣлаться болѣе выносливыми, другіе—болѣе слабыми, ибо руки нѣкоторыхъ становились болѣе твердыми, но у большинства онѣ навсегда дѣлались болѣе слабыми. Въ общемъ, взглядъ судьи былъ исключительнымъ правиломъ, которое играло здѣсь роль.

По закону, должны были присутствовать и епископъ и инквизиторъ. Узнику показывали орудія пытки и убѣждали признаться. Если онъ отказывался, его раздѣвали и скручивали веревками, затѣмъ снова убѣждали говорить, обѣщая ему снисхожденіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ было можно его примѣнить. Это часто достигало желательнаго эффекта, и мы въ правѣ думать, что дѣйствительность пытки не столько вытекала изъ ея непосредственнаго дѣйствія, сколько отъ страшнаго ужаса, который внушала она множеству слабыхъ душъ. Но если угрозы и увѣщанія не достигали цѣли, то пытку примѣняли съ постепенно возрастающей жестокостью. Если обвиняемый продолжалъ упорствовать, то приносили новыя орудія пытки и предупреждали жертву, что они одинъ за другимъ будутъ примѣнены къ ней; если же и послѣ этого несчастная жертва не ослабѣвала, то ее развязывали и назначали на другой или третій день продолженіе пытокъ. По правилу пытка могла примѣняться только одинъ разъ; но это предписаніе, какъ вообще всѣ тѣ, которыя были направлены въ пользу обвиняемаго, легко обходилось; достаточно было приказать не повторить, а лишь продолжить пытку; и, какъ бы ни былъ великъ перерывъ между двумя послѣдовательными дѣйствіями, почтенные казуисты могли продолжать ихъ безконечно. Можно было также заявить, что добыты новыя свидѣтельскія показанія, и что они требуютъ для полнаго освѣщенія новыхъ пытокъ. Если старанія инквизиторовъ продолжали разбиваться объ упрямство жертвы, то ее подвергали тѣмъ же или еще болѣе тяжелымъ пыткамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не добивались ничего послѣ мученій, най-

[1]) Eymeric. «Direct. Inq.», 480, 592, 614.—Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. IX.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis». s. vv. «Indicium», «Torturae», № 19, 25.

Библиотека "Руниверс"

денныхъ судьями достаточными, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, слѣдовало отпускать несчастныхъ на свободу съ удостовѣреніемъ, что за ними не найдено никакой ви другіе же думали, что ихъ слѣдуетъ оставлять въ тюрьмѣ. Процессъ Бернара Делисье въ 1319 г. показываетъ намъ другое хитросплетеніе, чтобы обойти запрещеніе повторныхъ пытокъ: разслѣдователи могли, во всякій моментъ слѣдствія, приказать примѣнить пытку, чтобы удовлетворить ихъ любознательность по одному пункту и безконечно продолжать ее ради освѣщенія соприкасающихся пунктовъ.

Всякое признаніе, добытое въ застѣнкѣ, должно было быть потомъ подтверждено. Обыкновенно пытка примѣнялась до тѣхъ поръ, пока обвиняемый не выражалъ желанія сознаться; тогда его развязывали и вносили въ сосѣднюю залу, гдѣ выслушивали его признанія. Если же признаніе было сдѣлано въ компатѣ пытокъ, то его послѣ читали узнику и спрашивали его, правдиво ли оно? Существовало, правда, правило, предписывавшее перерывъ въ двадцать-четыре часа между пыткою и признаніемъ или подтвержденіемъ признанія, но обыкновенно это не исполнялось. Молчаніе считалось знакомъ согласія. Продолжительность молчанія опредѣлялась судьями, которые должны были принимать во вниманіе возрастъ, полъ и физическое или нравственное состояніе узника. Во всѣхъ случаяхъ признаніе записывалось въ протоколъ съ отмѣткою, что оно сдѣлано добровольно, безъ угрозъ и принужденія. Если обвиняемый отрекался отъ своего признанія, то его можно было снова подвергнуть пыткѣ, которая являлась лишь продолженіемъ прежней (заботливо говорятъ намъ), за исключеніемъ случая, когда рѣшали, что онъ уже былъ «достаточно» подвергнутъ пыткѣ. [1]).

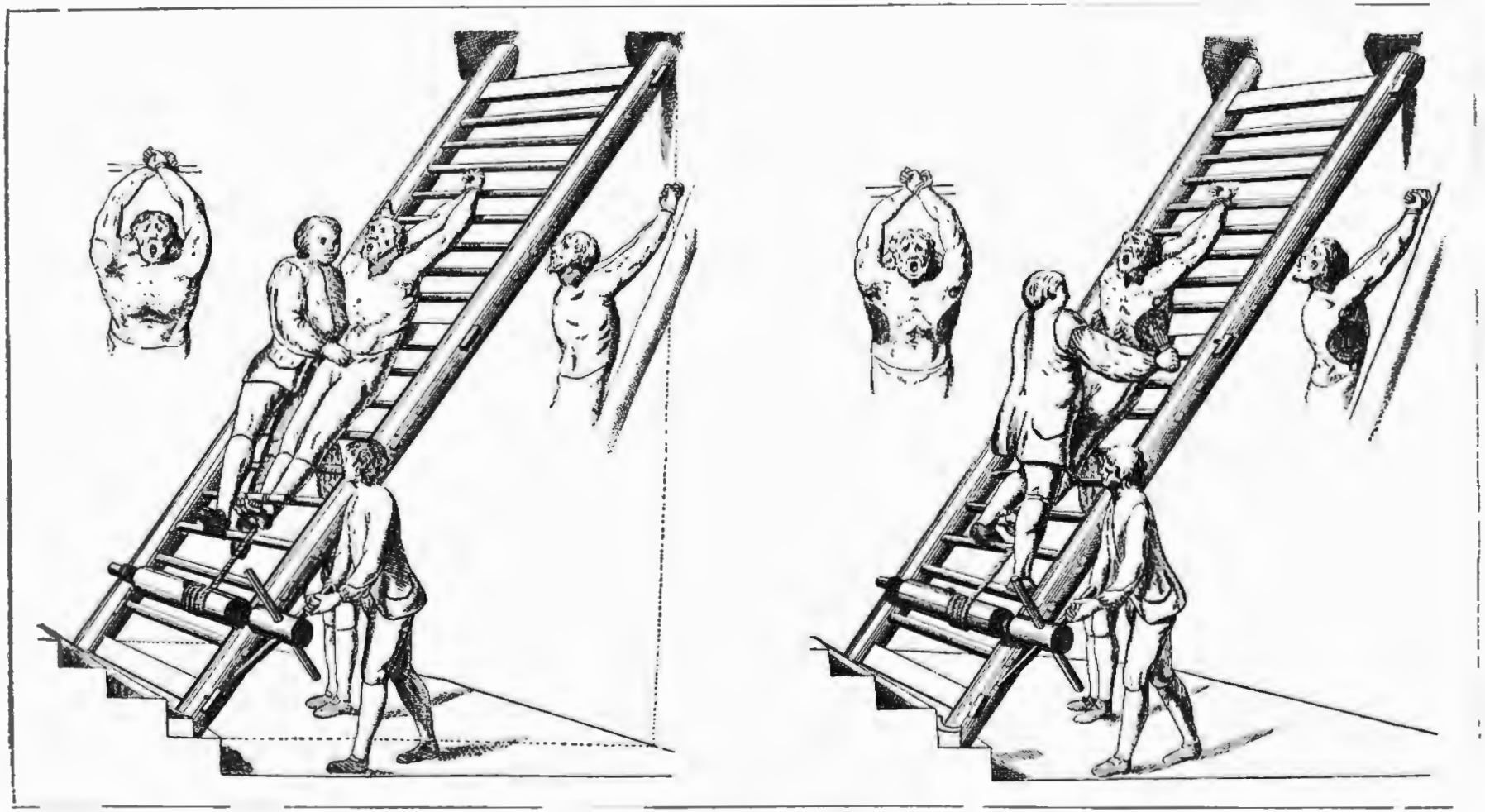
Отреченіе отъ признаній возбуждало трудный вопросъ, который вызвалъ среди законовѣдовъ разногласія и на практикѣ не привелъ къ однообразному рѣшенію. Оно ставило инквизитора въ скверное положеніе, и въ виду характера средствъ, примѣняемыхъ для полученія признаній, оно должно было быть частымъ явленіемъ: поэтому нужно было принимать строгія мѣры для его предупрежденія. Нѣкоторые писатели различаютъ признанія, сдѣланныя добровольно, отъ признаній, полученныхъ подъ пыткою или подъ угрозами; но это различіе на практикѣ не принималось во вниманіе. Наиболѣе мягкое мнѣніе высказано Эмерикомъ; онъ говоритъ, что если пытка была примѣнена въ «достаточной мѣрѣ», то обвиняемый, который упорно отрекается, долженъ быть отпущенъ на свободу. Но это мнѣніе единичное. Другіе требуютъ, чтобы обвиняемый былъ принужденъ «отречься отъ своего отреченія» повтореніемъ пытки. Третьи, наконецъ, удовлетворяются утвержденіемъ, что отреченіе представляетъ «помѣху дѣятельности Инквизиціи», и что поэтому его должно карать отлученіемъ отъ Церкви, которому равнымъ образомъ должны подвергнуться и нотаріусы, которые помогали составленію отреченій. Въ общемъ полагали, что признаніе правдиво, а отреченіе—клятвопреступленіе, свидѣтельствующее, что обвиняемый нераскаянный еретикъ и рецидивистъ, котораго безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ слѣдуетъ выдать свѣтскимъ властямъ. Правда, въ дѣлѣ Гильема Кальвери, осужденнаго въ 1319 г. Бернаромъ Ги за отреченіе отъ своихъ признаній, обвиненный получилъ пятнадцатидневную отсрочку, чтобы отказаться отъ отреченія; но это была добрая воля инквизитора. Строгость,

---

[1]) Ey[illegible] «Direct. Inq.», 480—2.—Mss. Bib. Nat. fonds lat. № 4270, fol. 101, 146.—Responsa Prudentum (Doat, XXXVII, 83 сл.).—Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Confessio», «Torturae».

Какъ тщательно скрывали инквизиторы средства, употребленныя ими для того, чтобы вынудить признанія, ясно видно изъ дѣла Гильема Салавера 1303 г. Его заставляютъ заявить, что признаніе, сдѣланное имъ въ предшествовавшемъ году, «esse veram, non faciam vi tormentorum, amore, gratia, odio, timore, vel favore alicujus, non subornatus nec inductus minis vel blanditiis, sed seductus per aliquem, nec amens, nec stultus, sed bona mente» (Mss. Bib. Nat. fonds latin, № 11847). Слѣдовательно, Салаверъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ жертвъ, которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, пытали безъ всякой пощады.

Библиотека "Руниверс"



(„Die Tortur. Geschichte der Folter im Kriminalverfahren aller Völker und Zeiten", Franz Helbing).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

съ которой обыкновенно судили, засвидѣтельствована замѣткой Цангино. Если, говоритъ онъ, человѣкъ сознался и отказался отъ своихъ словъ и, отпущенный на свободу съ наложеніемъ на него епитиміи, станетъ публично утверждать, что онъ былъ вынужденъ къ сознанію страхомъ, то на него надо смотрѣть какъ на не раскаявшагося еретика, котораго слѣдуетъ сжечь какъ рецидивиста. Ниже, когда мы будемъ говорить о мученіяхъ, которымъ были подвергнуты тампліеры, мы увидимъ, насколько это замѣчаніе было важно. Другимъ щекотливымъ вопросомъ былъ тотъ случай, когда взятое обратно признаніе инкриминировало третьи лица; въ этомъ случаѣ, по мнѣнію самыхъ снисходительныхъ, слѣдовало или оставить въ силѣ это признаніе, или, по крайней мѣрѣ, наказать сдѣлавшаго его какъ лжесвидѣтеля. Такъ какъ ни одно сознаніе не считалось достаточнымъ, если не были названы имена соучастниковъ, то инквизиторы, не смотрѣвшіе на отрекшихся какъ на рецидивистовъ, могли утѣшиться, присудивъ ихъ къ пожизненному тюремному заключенію за лжесвидѣтельство [1]).

Усовершенствованное и дополненное, такимъ образомъ, судопроизводство Инквизиціи было спокойно за свою жертву. Ни одинъ обвиняемый не могъ ускользнуть, когда судья уже заранѣе рѣшилъ осудить его. Форма, въ которую облеклось это судопроизводство въ свѣтскихъ судахъ, была менѣе произвольна и менѣе дѣйствительна. Однако, сэръ Джонъ Фортескю, канцлеръ Генриха IV, имѣвшій тысячи случаевъ наблюдать ее во время своего изгнанія, говоритъ, что она отдавала жизнь каждаго человѣка на волю его врага, который могъ подкупить двухъ неизвѣстныхъ свидѣтелей для поддержанія его обвиненія [2]).

ГЛАВА X.

Свидѣтельскія показанія.

Въ предшествующей главѣ мы отмѣтили стремленіе инквизиціоннаго суда принять характеръ поединка между судьей и обвиняемымъ. Это печальное явленіе было плодомъ системы и вытекало изъ задачи, возложенной на инквизитора: хотѣли, чтобы онъ проникъ въ сердце человѣка, чтобы онъ вывѣдалъ все сокровенное. Его профессіональная гордость не менѣе, чѣмъ ревность по вѣрѣ, побуждала его показать всѣми средствами, что онъ не дастъ провести себя несчастнымъ, приведеннымъ къ нему на судъ.

Свидѣтельскимъ показаніямъ въ этой борьбѣ вообще не придавали большого значенія, если только они не давали повода къ задержанію и преслѣдованію или не были средствомъ для устрашенія. Съ этой цѣлью собирали самые незначительные слухи, даже исходившіе отъ завѣдомаго клеветника, такъ какъ его можно было всегда освободить отъ явки на судъ [3]). Настоящимъ мѣстомъ поединка была совѣсть заключеннаго; признаніе его было наградой побѣды. Но, тѣмъ не менѣе, стоитъ остановиться на томъ, какова была практика Инквизиціи въ отношеніи свидѣтельскихъ показаній; мы видимъ здѣсь, какъ предвзятое рѣшеніе вести все «въ интересахъ вѣры» породило судъ, хуже котораго никогда не изобрѣталъ человѣкъ, и какъ привело оно къ обычнымъ послѣдствіямъ—къ возмутительному беззаконію. Люди, безъ сомнѣнія, честные во всѣхъ другихъ отноше-

---

[1]) Eymeric. «Direct. Inquis.», 481.—Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Confessio», «Impoenitens», «Torturae», № 48.—Responsa Prudentum (Doat. XXXVII, 83 сл.).—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 126; XXXII, 251).—Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 266—7.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXIII.

[2]) Fortescue, «De laudibis legum Angliae», c. XXVII.

[3]) Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. vv. «Infamia», «Inquisitores», № 7.

Библиотека "Руниверс"

ніяхъ, совершенно просто и вполнѣ откровенно создавали правила, шедшія въ разрѣзъ съ принципами элементарной справедливости; и это даетъ намъ полезный урокъ, показывая, какъ унизительно дѣйствуетъ фанатизмъ, совращающій и развращающій даже наиболѣе даровитыхъ и наиболѣе здравомыслящихъ людей.

Регулярные духовные суды отнюдь не послужили примѣромъ въ этомъ отношеніи. Ихъ судопроизводство, основанное на гражданскомъ правѣ, признавало и примѣняло правила послѣдняго относительно свидѣтельскихъ показаній и обязывало обвинителя подтвердить свое обвиненіе. Въ своихъ наказахъ относительно катаровъ Иннокентій III напоминалъ мѣстнымъ властямъ, что самое сильное подозрѣніе не есть еще доказательство, и что его одного недостаточно для осужденія въ столь серьезномъ дѣлѣ; это правило было внесено въ каноническіе законы, но для инквизиторовъ оно сдѣлалось только поводомъ для вымогательствъ признаній силою. Нижеслѣдующія слова Бернара Ги показываютъ, до какой степени инквизиторы считали себя свободными отъ всякаго ограниченія: «Обвиняемые не должны быть осуждены, если только они не сознаются или не будутъ уличены свидѣтелями; конечно, при этомъ надо сообразоваться не съ обычными законами, какъ при другихъ преступленіяхъ, а съ частными узаконеніями и привилегіями, предоставленными инквизиторамъ святымъ престоломъ, *ибо есть много такого, что свойственно одной только Инквизиціи*» [1]).

Уже почти въ самомъ началѣ дѣятельности святого трибунала была сдѣлана попытка опредѣлить, въ чемъ состояло проявленіе ереси. Перечисляя различныя указанія касательно этого вопроса, Нарбоннскій соборъ 1244 г. заключаетъ ихъ заявленіемъ, что достаточно, если обвиняемый будетъ уличенъ въ томъ, что «онъ выказывалъ довѣріе еретикамъ или считалъ ихъ добрыми людьми» (bos homes). *Добытыя свидѣтельскія* показанія были настолько же ничтожны и неосязаемы, какъ и тѣ факты, которые желали подтвердить ими. Просматривая многотомныя серіи допросовъ и показаній, сохранившіяся въ архивахъ Инквизиціи, мы видимъ, что свидѣтелямъ не только предоставляли право, но ихъ даже убѣждали говорить все, что взбредетъ имъ на умъ. Огромное значеніе придавали народной молвѣ и общественному мнѣнію; для его подтвержденія принимали на вѣру всѣ слова свидѣтеля, даже основанныя на личномъ предубѣжденіи, на сплетняхъ, на пустыхъ слухахъ или безсмысленной болтовнѣ. Все, что могло повредить обвиняемому, жадно разыскивалось и тщательно записывалось. Когда въ 1240 г. старались разорить сеньоровъ Ніора, то изъ ста-восьмидесяти допрошенныхъ свидѣтелей едва нашелся одинъ, который могъ бы подтвердить, какъ очевидецъ, какой-либо фактъ, говорящій противъ обвиняемыхъ. Въ 1254 г. Арно Бо де Монреаль былъ объявленъ «подозрѣваемымъ въ ереси» за то только, что навѣщалъ свою мать и помогалъ ей въ нуждѣ послѣ совершенія надъ нею обряда *еретикаціи*; противъ него нельзя было сказать ничего другого, но и этого было достаточно, такъ какъ Арно былъ обязанъ донести на свою мать, чтобы ее сожгли живою. Въ концѣ концовъ, возвели въ правило, что мужъ или жена, зная, что одинъ изъ нихъ исповѣдуетъ ересь, должны донести объ этомъ въ теченіе года; въ противномъ случаѣ они становились соучастниками и безъ дальнѣйшаго разслѣдованія осуждались какъ еретики [2]).

Конечно, добросовѣстный инквизиторъ не обманывалъ себя относительно того, что онъ вертится въ заколдованномъ кругу, но онъ заглушалъ голосъ совѣсти, убѣждая себя, что онъ

---

[1]) Fournier, «Les officialités au moyen-âge», 177—8.—C. 14 Extra II. 23.—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

[2]) Concil. Narbonn., ann. 1244, c. 29.—Trésor des chartes du roi en Carcassone (Doat, XXI. 34).—Molinier, «L'inquis. dans le midi», 342.—«Livres de Justice et de Plet», liv. I, tit. III, § 7.

Библиотека "Руниверс"

можетъ открыть ясные признаки ереси. У авторовъ мы находимъ длинный перечень этихъ признаковъ. Такъ, напримѣръ, въ дѣлѣ катаровъ достаточно было показать, что обвиняемый «преклонялся передъ Совершеннымъ, просилъ у него благословенія, ѣлъ или сохранялъ благословленный имъ хлѣбъ, по доброй волѣ присутствовалъ при еретикаціи, принялъ convenansa, чтобы возсоединиться съ еретиками на смертномъ одрѣ и т. п. Отличительными признаками вальденцевъ считалось слѣдующее: исповѣдываться у человѣка, не получившаго отъ католическаго епископа права вязать и разрѣшать грѣхи, и подчиняться наложенной имъ епитиміи; молиться по обычаю вальденцевъ, преклоняя колѣна на скамью; присутствовать на вальденскомъ богослуженіи; принять отъ вальденскаго священника благословенія или освященный хлѣбъ. Все это легко было каталогизировать, но, кромѣ этого, было много сомнительныхъ случаевъ, вызывавшихъ крупныя разногласія.

Соборъ, бывшій въ Альби въ 1254 г., постановилъ, что посѣщеніе дома завѣдомаго еретика измѣняло простое подозрѣніе въ сильное; а отъ Бернара Ги мы узнаемъ, что нѣкоторымъ инквизиторамъ для осужденія было достаточно такихъ фактовъ, какъ посѣщеніе еретиковъ, подача имъ милостыни, указаніе имъ дороги и т. п. Но самъ Бернаръ, соглашаясь съ Ги Фукуа, не раздѣляетъ этого мнѣнія, «ибо—говоритъ онъ—человѣкъ можетъ дѣлать все это изъ дружбы или изъ-за платы». «Сердце человѣка—добавляетъ онъ—глубоко, и трудно проникнуть въ него», но инквизиторъ старается довольствоваться тѣмъ, что все, чего нельзя истолковать въ пользу обвиняемаго, должно разсматривать въ неблагопріятномъ для него смыслѣ. Безуспѣшно стали бы мы искать въ цѣломъ рядѣ вопросовъ хотя бы одного вопроса относительно вѣрованій обвиняемаго. И это весьма знаменательно. Всю свою энергію инквизиторъ употреблялъ на то, чтобы получить показанія касательно его внѣшнихъ поступковъ. Отсюда естественно вытекало, что почти все представлялось на благоусмотрѣніе инквизитора, и что окончательное рѣшеніе зависѣло отъ его настроенія болѣе, чѣмъ отъ доказательствъ виновности или невиновности подсудимаго. Достаточно одного примѣра, чтобы видѣть, отъ какихъ шаткихъ уликъ зависѣла жизнь человѣка. Въ 1234 г. флорентійскій купецъ въ Парижѣ, Аккурсіо Альдобрандини, познакомился съ нѣсколькими иностранцами, съ которыми онъ не разъ бесѣдовалъ и которымъ потомъ изъ простой вѣжливости кланялся при встрѣчѣ; однажды онъ даже далъ ихъ слугѣ десять су. Когда онъ узналъ, что его новые знакомые—еретики, онъ увидѣлъ, что поклоны его имъ могли быть истолкованы какъ выраженіе почитанія, veneratio, а это было главнымъ признакомъ ереси. Онъ поспѣшилъ въ Римъ и представилъ все дѣло Григорію IX, который потребовалъ отъ него залогъ и поручилъ епископу Флоренціи произвести разслѣдованіе о предкахъ Аккурсіо. Слѣдствіе, произведенное кардиналами Остіи и Пренесте, дало самые благопріятные результаты; Аккурсіо отдѣлался епитиміей, наложенной на него папскимъ духовникомъ Раймундомъ Пеннафорте, и Григорій запретилъ парижскимъ инквизиторамъ преслѣдовать его.

При подобной системѣ самый набожный католикъ ни одной минуты не могъ чувствовать себя въ безопасности [1]).

Несмотря на всѣ эти усилія разрѣшить неразрѣшимое, было неизбѣжно, что въ большинствѣ случаевъ только одно признаніе обвиняемаго могло удостовѣрить фактъ; поэтому, чтобы избѣгнуть печальной случайности оправдать тѣхъ, отъ кого нельзя было добиться сознанія, измыслили новое преступленіе—«подозрѣніе въ ереси». Это открывало широкое

---

[1]) Concil. Albiens. ann. 1254, c. 27.—Guid. Fulcod. «Quaest.». IX.—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Lib. Confess. Inq. Albiens. (Mss. Bib. Nat. fonds lat., 11847).—Ripoll I. 72.

Библиотека "Руниверс"

поле для безконечныхъ тонкостей, которыми съ увлеченіемъ занимались ученые юристы, дѣлавшіе изъ своей мнимой науки достойную соперницу схоластическаго богословія. Начали съ того, что стали различать три степени подозрѣнія—легкое, сильное и тяжелое; глоссаторы съ увлеченіемъ трудились надъ опредѣленіемъ количества и качества свидѣтельскихъ показаній, обусловливавшихъ одну изъ трехъ степеней подозрѣнія, причемъ заранѣе принималось, что окончательное рѣшеніе этого вопроса на практикѣ зависѣло отъ благоусмотрѣнія судьи. Намъ теперь, конечно, покажется страннымъ, какъ могло правосудіе карать человѣка, противъ котораго не было ни одной положительной улики, карать по одному только подозрѣнію; но въ глазахъ инквизитора было несправедливостью передъ Богомъ и передъ людьми отпустить безнаказаннымъ человѣка, католицизмъ котораго находился подъ сомнѣніемъ. Это ученіе, какъ и многія другія, принятыя Инквизиціей, проникло въ уголовное право всѣхъ странъ и въ теченіе многихъ столѣтій искажало его [1]).

Обыкновенно признавали, что для осужденія человѣка, пользующагося хорошей репутаціей, необходимы два свидѣтеля, хотя нѣкоторые инквизиторы требовали большаго числа. Однако, если можно было опасаться, что обвиненіе не состоится по недостатку свидѣтелей, то вопросъ разрѣшался инквизиторомъ всецѣло по его усмотрѣнію; признавали, что если нельзя было вызвать двухъ свидѣтелей для подтвержденія одного и того же факта, то достаточно было двухъ отдѣльныхъ свидѣтелей, которые могли бы засвидѣтельствовать два однородныхъ факта. Если же былъ всего одинъ свидѣтель, то все равно обвиняемый подвергался purgatio canonica. Если свидѣтель отказывался отъ своего перваго показанія, бывшаго благопріятнымъ обвиняемому, то первое показаніе не принималось во вниманіе; но если показаніе было неблагопріятно, то уже отреченіе не имѣло значенія [2]).

Тѣми же соображеніями руководствовались при допущеніи свидѣтелями людей, пользовавшихся дурною репутаціей. Римское право отвергало показанія соучастниковъ, и это правило было усвоено Церковью. Въ лже-декреталіяхъ говорится, что не должны быть допускаемы въ качествѣ обвинителей еретики, лица подозрѣваемыя въ ереси, отлученные отъ Церкви, убійцы, воры, колдуны, гадатели, грабители, прелюбодѣи, лжесвидѣтели и вѣрующіе въ предсказанія и волхвованія. Но, когда Церковь начала преслѣдовать еретиковъ, всѣ эти благоразумныя ограниченія были забыты. Уже съ эпохи Граціана стали, если дѣло шло объ ереси, допускать въ качествѣ свидѣтелей еретиковъ и людей опороченныхъ. Эдикты Фридриха II лишали еретиковъ права выступать свидѣтелями, но они допускались свидѣтелями противъ другихъ еретиковъ. Однако, этотъ вопросъ возбуждалъ нѣкоторое сомнѣніе, какъ это видно по легатской инквизиціи, бывшей въ Тулузѣ въ 1229 г.; одинъ обращенный еретикъ, Гильемъ Солье, былъ возстановленъ въ своихъ правахъ для того, чтобы имѣли значеніе его показанія противъ его бывшихъ единовѣрцевъ. Еще въ 1260 г. Александръ IV былъ вынужденъ успокаивать французскихъ инквизиторовъ, увѣряя ихъ, что они, не задумываясь, могутъ пользоваться свидѣтельскими показаніями еретиковъ. Но вскорѣ уже этотъ принципъ былъ принятъ повсемѣстно, былъ внесенъ въ каноническое право и утвержденъ практикою. И, дѣйствительно, если бы дѣло обстояло иначе, то Инквизиція была бы лишена одного изъ наиболѣе плодотворныхъ пріемовъ для раскрытія и преслѣдованія еретиковъ. Мало того, отлученные отъ Церкви, клятвопреступ-

[1]) Eymeric. «Direct. Inquis.», 376—81.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. III.

[2]) Archidiaconi «Gloss. super.», c. XI, § 1 Sexto V. 2.—Joann. Andreae «Gloss. super.», c. XIII, § 7. Extra V. 7.—Eymeric. «Direct. Inquis.», 445, 615—16.—Guid. Fulcodii «Quaest.» XIV.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XIII, XIV.—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

Если въ свѣтскихъ судахъ свидѣтель подтверждалъ невиновность обвиняемаго, а потомъ отказывался отъ своихъ словъ; то имѣющимъ значеніе считалось первое показаніе, а второе не принималось во вниманіе, въ дѣлахъ же ереси принимались во вниманіе только тѣ свидѣтельскія показанія, которыя были неблагопріятны обвиняемому.—Ponzinibii «de Lamiis» c., 84.

Библиотека "Руниверс"

ники, опороченные, ростовщики, публичныя женщины и всѣ, кто по уголовнымъ законамъ той эпохи былъ лишенъ права выступать въ качествѣ свидѣтелей, имѣли законное право показывать противъ еретиковъ; и только смертельная вражда оставалась законнымъ поводомъ для отвода свидѣтелей [1]).

Согласно дѣйствовавшему уголовному закону государствъ Италіи никто не могъ быть свидѣтелемъ моложе двадцати лѣтъ; но въ дѣлахъ о ереси допускались показанія и болѣе молодыхъ людей, и эти показанія, хотя и не законныя, признавались достаточными для оправданія пытки. Во Франціи, повидимому, возрастъ не былъ такъ строго опредѣленъ, и рѣшеніе этого вопроса, какъ и многихъ другихъ, предоставлялось на усмотрѣніе инквизитора. Въ виду того, что соборъ въ Альби опредѣлилъ, что семилѣтнія дѣти должны посѣщать Церковь и знать «Вѣрую», «Отче Нашъ» и «Богородицу», мы въ правѣ заключить, что не допускались показанія лицъ моложе этого возраста. Въ протоколахъ Инквизиціи возрастъ свидѣтелей указывается рѣдко; однако, я отмѣтилъ одно дѣло 1244 г. объ открытіи цѣлаго гнѣзда еретиковъ Монсегюра, гдѣ свидѣтелемъ выступаетъ десятилѣтній мальчикъ Арманъ Оливье. Онъ признался, что сталъ вѣрующимъ катаромъ съ того времени, какъ достигъ сознательнаго возраста, и, такимъ образомъ, онъ являлся отвѣтственнымъ какъ за себя, такъ и за другихъ. Его показаніе противъ отца и сестры и противъ другихъ, приблизительно семидесяти, лицъ было принято серьезно; онъ назвалъ по имени шестьдесятъ лицъ, бывшихъ годъ тому назадъ на проповѣди катарскаго епископа. Невѣроятная память столь юнаго свидѣтеля, повидимому, никому не показалась подозрительной, и показанія ребенка были рѣшающими для всѣхъ поименованныхъ имъ несчастныхъ, которые, по его словамъ, подходили подъ благословеніе своего духовнаго вождя [2]).

Жены, дѣти и слуги обвиняемыхъ не могли свидѣтельствовать въ ихъ пользу; но если ихъ показанія были неблагопріятны обвиняемымъ, то ихъ принимали съ удовольствіемъ и даже считали особенно вѣскими. Въ такомъ же положеніи были и свидѣтели еретики, показанія которыхъ, какъ мы видѣли, принимались только въ томъ случаѣ, если они были направлены противъ обвиняемыхъ. Однимъ словомъ, единственнымъ поводомъ къ отводу свидѣтеля была личная ненависть; если свидѣтель былъ смертельнымъ врагомъ заключеннаго, то допускали, что его показанія скорѣе вызывались личною ненавистью, чѣмъ ревностью къ вѣрѣ, и его отводили. Когда дѣло шло о покойникѣ, то показанію священника, исповѣдывавшаго и напутствовавшаго его, не придавали значенія; но если тотъ же священникъ свидѣтельствовалъ, что покойникъ признался ему въ ереси, отрекся отъ нея и получилъ разрѣшеніе, то кости его не вырывались и не сжигались, но его наслѣдники должны были подвергнуться штрафу или конфискаціи, которымъ подвергся бы онъ при своей жизни [3]).

---

[1]) C. 17 Cod. IX. II (Honor. 423).—Pseudo-Julii Epist. II, c. 18 (Gratiani «Decret.» P. II, caus. V. Q. 3, c. 5.)—Pseudo-Eutychiani Epist. ad Episcopos Siciliae.—Gratiani «Comment. in Decret.» P. II, caus. II. Q. 7, c. 22; caus. VI. Q. 1, c. 19.—Hist. Diplom. Fridr. II. T. IV, 299—300.—Guill. Pod. Laur., c. 40.—Alex. PP. IV. Bull. «Consuluit», 6 maii 1360, (Doat, XXXI, 205); ejusdem Bull. «Quod super nonnullis», 9 dec. 1257; 15 dec. 1258.—c. 5. Sexto V. 2.—C. 8. § 3. Sexto V. 2.—Conc. Biterrens. ann. 1246, c. 12.—Jacob. Laudun. «Orat. in Conc. Constant.» (Von der Hardt, III, 60).—Mss. Bib. Nat. f. lat., 14930, fol. 221.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XI, XIII.—Eymeric. «Direct. Inq.», 602—6.—По англійскимъ законамъ той эпохи преступники и ихъ соучастники не могли быть свидѣтелями даже въ дѣлѣ государственной измѣны (Bracton, Lib. III, tract. II, cap. 3, № 1).

[2]) Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Testis», № 14.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 18.—Coll. Doat, XXII, 237 сл.

По германскому феодальному закону свидѣтели моложе 18 лѣтъ не допускались.—«Saechsisches Lehenrechtbuch», c. 49 (Daniels. Берлинъ. 1863 г., стр. 113).

[3]) Eymeric. «Direct. Inquis.», 611—13.—Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 255.—Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 14.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat., XXXI, 149).

Библиотека "Руниверс"

Само собой разумѣется, никто не могъ отказаться выступить въ качествѣ свидѣтеля; никакая привилегія, никакой обѣтъ, никакая присяга не освобождали отъ этой обязанности. Если свидѣтель не желалъ или колебался давать показанія, то рядомъ съ заломъ суда находился застѣнокъ, къ орудіямъ котораго прибѣгали для убѣжденія свидѣтелей еще свободнѣе, чѣмъ для убѣжденія обвиняемыхъ. Полагали, что ихъ примѣненіе устраняло всякое сомнѣніе относительно искренности показаній, и только благодаря Инквизиціи это ужасное злоупотребленіе продержалось такъ долго въ уголовномъ правѣ всей Европы. Въ своемъ фанатическомъ стремленіи добиться всѣхъ возможныхъ указаній на еретиковъ инквизиторы не уважали даже тайны исповѣди. Священникамъ было приказано требовать отъ исповѣдующихся сообщеній всего, что они знали объ еретикахъ и о людяхъ, сочувствующихъ ереси. Тайну исповѣди нарушить открыто было неудобно, и поэтому желательнаго результата достигали косвеннымъ путемъ. Если исповѣдникъ узнавалъ что-либо, касающееся ереси, то онъ долженъ былъ остановиться на этомъ и приложить всѣ усилія, чтобы убѣдить кающагося донести объ этомъ подлежащимъ властямъ; если же его убѣжденіе оставалось тщетнымъ, то онъ долженъ былъ, не называя именъ, посовѣтоваться съ людьми «опытными и богобоязненными» и спросить ихъ, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ. Не трудно догадаться, чѣмъ кончались подобныя совѣщанія, такъ какъ уже одинъ тотъ фактъ, что въ подобномъ дѣлѣ приходилось обращаться за совѣтами, показываетъ, что тайна исповѣди не считалась неприкосновенной [1]).

Ересь, естественно, считалась такимъ грѣхомъ, отпустить который могъ только одинъ папа, а не заурядный исповѣдникъ. Такъ, напримѣръ, одинъ альбигоецъ изъ Реальмона, почувствовавъ угрызенія совѣсти послѣ посѣщенія тайнаго собранія катаровъ, отыскалъ какого-то францисканца и исповѣдывался передъ нимъ; монахъ наложилъ на него обычную епитимію, состоявшую изъ незначительныхъ паломничествъ и нѣкоторыхъ другихъ актовъ покаянія [2]). Но, когда несчастный вернулся, Инквизиція его схватила, судила и заключила въ тюрьму, а выполненная имъ епитимія была признана не имѣющей значенія.

Послѣ этого бѣглаго очерка отношеній инквизиціоннаго суда къ свидѣтельскимъ показаніямъ мы безусловно вѣримъ тѣмъ законовѣдамъ, которые говорили, что осужденіе за ересь выносилось легче, чѣмъ за какое-либо другое преступленіе. Инквизиторовъ учили, что достаточно самаго легкаго показанія—probatur quis haereticus ex levi causa. Но какъ ни отвратительна эта система, были въ ней и еще болѣе темныя стороны: самымъ гнуснымъ въ Инквизиціи было то, что обвиняемому не сообщали именъ свидѣтелей, выступавшихъ противъ него.

Въ обыкновенныхъ судахъ, даже если дѣло возбуждалось въ порядкѣ сыска, обвиняемому сообщали имена свидѣтелей и ихъ показанія. Мы знаемъ, что, когда въ 1229 г. легатъ Романо производилъ розыскъ въ Тулузѣ, обвиняемые слѣдовали за нимъ до самаго Монпелье, умоляя его сказать имъ имена свидѣтелей; кардиналъ призналъ ихъ желаніе законнымъ, но ограничился только тѣмъ, что показалъ имъ длинный списокъ всѣхъ свидѣтелей, привлеченныхъ слѣдствіемъ, сказавъ въ свое оправданіе, что боится подвергнуть опасности жизнь свидѣтелей отъ руки уличенныхъ ими. Правда, подобное опасеніе имѣло основаніе: инквизиторы и лѣтописцы приводятъ нѣсколько случаевъ убійствъ на этой почвѣ; напр., ихъ было шесть въ Тулузѣ за время съ 1301 по 1310 г. Подобные случаи понятны, и, быть-можетъ, боязнь дикой расправы могла бы принести пользу и обуздать недобросовѣстность доносчиковъ. Но тотъ фактъ, что Церковь систематически ссылалась въ свое оправданіе на это ничтожное обстоятельство, ясно показываетъ, что она понимала,

[1]) Guid. Fulcod. «Quaest.», VIII.—Pegnae «Comment. in Eymeric.», 601.—Zanchini «Tract. de Haeretic.», c. XIII. -Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thesaur.», V, 1802).

[2]) Vaissete, IV, 41.

Библиотека "Руниверс"

ПЫТКА.—III.

(„Mystères de l'Inquisition", C.-V. de Féréal).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

что нарушаетъ правосудіе, и стыдилась этого, такъ какъ ни въ какихъ другихъ уголовныхъ дѣлахъ не принималось подобной предосторожности. Уже въ 1244 и 1246 г. соборы въ Нарбоннѣ и Безье запрещаютъ инквизиторамъ какимъ бы то ни было способомъ выдавать свидѣтелей, мотивируя это «благоразумнымъ желаніемъ» Святого Престола. Когда Иннокентій IV и его преемники вырабатывали правила инквизиціоннаго судопроизводства, то запрещеніе объявлять имена свидѣтелей изъ боязни подвергнуть ихъ опасности иногда подтверждалось, а иногда отмѣнялось. Когда же Бонифацій VIII внесъ въ каноническое право статью объ умолчаніи именъ свидѣтелей, то онъ особенно убѣждалъ епископовъ и инквизиторовъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи сознательно и осмотрительно, не скрывать именъ свидѣтелей, если ихъ сообщеніе не представляло для нихъ опасности, и открывать ихъ по миновапіи опасности, если таковая была. Въ 1299 г. римскіе евреи жаловались Бонифацію, что инквизиторы скрывали отъ нихъ имена обвинителей и свидѣтелей. Папа положилъ резолюцію, что евреи, хотя и очень богатые, были беззащитны, и поэтому ихъ не слѣдовало подвергать притѣсненію и неправосудію, какимъ былъ процессъ, вызвавшій ихъ жалобу. Они, въ концѣ концовъ, добились своего, но это, безъ сомнѣнія, обошлось имъ не дешево. Но въ общемъ инквизиторы не обращали ни малѣйшаго вниманія на убѣжденія Бонифація подобно тому, какъ соборы въ Нарбоннѣ и Безье не обратили вниманія на подобныя же инструкціи кардинала Альбано. Хотя въ руководствахъ для инквизиторовъ обыкновенно и упоминается условіе грозящей опасности, но, тѣмъ не менѣе, въ инструкціяхъ относительно веденія процесса всегда признается какъ обязательное правило, что заключенный не долженъ знать именъ свидѣтелей обвиненія. Уже въ эпоху Ги Фукуа скрываніе именъ свидѣтелей практиковалось, по его словамъ, повсемѣстно; одно рукописное руководство, почти современное Ги, отмѣчаетъ этотъ обычай какъ общее правило; позднѣе Эмерикъ и Бернардъ Комскій говорятъ, что случаи, гдѣ не было бы опасности для свидѣтелей, очень рѣдки, что опасность для нихъ велика, если обвиняемый богатъ и могущественъ, но она еще больше, если онъ бѣденъ и, если его друзьямъ нечего терять. Очевидно, Эмерикъ считаетъ удобнѣе прямо отказывать въ сообщеніи именъ, чѣмъ прибѣгать къ пріему добросовѣстныхъ инквизиторовъ, слѣдовавшихъ примѣру кардинала Романо. Этотъ пріемъ состоялъ въ томъ, что предъявляли имена свидѣтелей, выписавъ ихъ предварительно на особый листъ въ такомъ порядкѣ, что невозможно было узнать, кто изъ нихъ что показалъ, или ихъ перемѣшивали съ именами другихъ лицъ такъ, что защита никоимъ образомъ не могла отдѣлить именъ свидѣтелей. Время-отъ-времени принимали систему, нѣсколько менѣе беззаконную, но столь же дѣйствительную; она состояла въ томъ, что часть свидѣтелей приносила присягу въ присутствіи обвиняемаго, а остальные допрашивались въ его отсутствіи. Такъ, напримѣръ, въ 1319 г. во время процесса Бернара Делисье изъ сорокавосьми свидѣтелей, показанія которыхъ упоминаются въ протоколѣ допроса, только шестнадцать принесли присягу въ его присутствіи; а въ отчетѣ по дѣлу Яна Гуса (1414 г.) говорится, что въ извѣстный моментъ пятнадцать свидѣтелей было введено къ нему въ камеру и что они тамъ въ его присутствіи принесли присягу [1]).

[1]) Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Probatio», № 3.—Archidiaconi «Gloss. sup.», c. XI, § 1 Sexto V. 2.—Guill. Pod. Laur., c. 40.—Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 102).—Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 22.—Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 4, 10.—Arch. de l'Inq. de Carc. (Doat, XXXI, 5).—Innoc. PP. IV. Bull. «Cum negotium», 9 mart. 1254; ejusd. Bull. «Ut commissum», 21 jun. 1254.—Alex. PP. IV. Bull. «Licet vobis», 7 dec. 1255; ejusd. Bull. «Prae cunctis», § 6, 9 nov. 1256; ejusd. Bull. «Super extirpatione», § 9, 1258.—Clem. PP. IV. Bull. «Licet ex omnibus», 17 sept. 1265.—Ejusd. Bull. «Prae cunctis», 23 feb. 1266.—Guid. Fulcod. Quaest. XV.—Mss. Bib. Nat. f. lat., № 14930, fol. 221.—C. 20, Sexto V. 2.—Digard, «Reg. de Boniface VIII», t. II, 412. № 3063.—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Responsa Prudentum (Doat, XXXVII).—Eymeric. «Direct. Inquis.», 450, 610, 614, 626, 627; cp. Pegnae «Comment.», 627—8.—Mss. Bib. Nat. f. lat., № 4270.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Nomina».—Mladenovic «Relatio» (Palacky, Documenta Joannis Hus», 252—3).

Библиотека "Руниверс"

Отказъ въ сообщеніи именъ свидѣтелей былъ только первымъ шагомъ; вскорѣ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ процессахъ, стали держать въ тайнѣ и свидѣтельскія показанія. Обвиняемаго судили тогда на основаніи данныхъ, которыхъ онъ не видѣлъ, и которыя исходили отъ неизвѣстныхъ ему свидѣтелей. Такъ какъ за обвиняемымъ въ принципѣ не признавали никакихъ правъ, то инквизиторъ могъ безъ зазрѣнія совѣсти позволять себѣ все, что, по его мнѣнію, могло послужить интересамъ вѣры. Такъ, напримѣръ, если свидѣтель обвиненія бралъ свои слова назадъ, то это держалось въ тайнѣ отъ обвиняемаго, такъ какъ это могло бы сдѣлать его защиту болѣе смѣлою; но въ то же время судьѣ рекомендуется имѣть это въ виду при вынесеніи приговора. Забота Инквизиціи о безопасности свидѣтелей заходила такъ далеко, что инквизиторъ могъ, если находилъ это нужнымъ, отказать обвиняемому въ выдачѣ копіи свидѣтельскихъ показаній. Свободный отъ всякаго надзора и судившій на практикѣ безапелляціонно, инквизиторъ, по своему усмотрѣнію, устранялъ или отмѣнялъ всѣ законы, охранявшіе интересы защиты, когда этого, по его мнѣнію, требовали интересы вѣры [1]).

Эта таинственность, освобождавшая свидѣтелей и обвинителей отъ всякой отвѣтственности, вызывала массу злоупотребленій, и видное мѣсто среди нихъ занимало низменное побужденіе, дававшее полную возможность удовлетворять навѣтами свою личную ненависть. Даже безъ спеціальнаго намѣренія повредить своему ближнему, несчастный, воля котораго была разбита мученіями и пыткой, могъ въ минуту своего запоздалаго раскаянія раскрасить свою исторію, внеся въ нее имена всѣхъ своихъ знакомыхъ и заявивъ, что они бывали на тайныхъ сборищахъ и при еретикаціяхъ. Несомнѣнно, задача Инквизиціи значительно осложнялась вслѣдствіе покровительства, которое она оказывала доносчикамъ и еретикамъ; это сдѣлало ее орудіемъ и пособницей безконечнаго числа лжесвидѣтелей. Инквизиторы прекрасно сознавали эту опасность и часто принимали противъ нея мѣры предосторожности: они предупреждали свидѣтеля о наказаніяхъ, налагаемыхъ за ложную присягу, впередъ заставляли его дать согласіе подчиниться имъ и тщательно допрашивали его, чтобы узнать, не подкупленъ ли онъ. Время-отъ-времени встрѣчается добросовѣстный судья, въ родѣ Бернара Ги, который старательно разбирается въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, сравниваетъ ихъ и разсматриваетъ противорѣчія, показывающія, что, по крайней мѣрѣ, одно изъ нихъ ложно. Мы знаемъ два такихъ случая изъ его практики—отъ 1312 и отъ 1316 гг.; особенно интересенъ первый случай.

Нѣкто Понсъ Арно явился безъ всякаго вызова и обвинилъ своего сына Петра въ томъ, что онъ пытался совершить надъ нимъ еретикацію, когда онъ, какъ думали, находился при смерти. Сынъ отрицалъ это обвиненіе. Бернаръ выяснилъ, что въ указанное время Понсъ не былъ боленъ, и что въ мѣстности, указанной отцомъ, никогда не было еретиковъ. Имѣя въ рукахъ эти справки, онъ заставилъ обвинителя сознаться, что онъ выдумалъ всю эту исторію съ цѣлью погубить сына. Этотъ случай дѣлаетъ честь инквизитору, но въ то же время онъ прекрасно показываетъ, какими тенетами была опутана тогда жизнь всякаго человѣка. Подобный же случай произошелъ въ 1329 г. въ Каркассонѣ, гдѣ инквизиторъ Генрихъ де Шамэ раскрылъ настоящій заговоръ, направленный на жизнь невиннаго; ему удалось заставить пятерыхъ лжесвидѣтелей сознаться въ ихъ преступленіи. Хотя лжесвидѣтельство каралось очень строго, но, тѣмъ не менѣе, оно становилось все болѣе частымъ, такъ какъ раскрытіе его дѣлалось все болѣе труднымъ. Въ немногочисленныхъ дошедшихъ до насъ документахъ упоминается о шести лжесвидѣтеляхъ (изъ нихъ два священника и одинъ духовный), осужденныхъ въ 1323 г. на аутода-фе въ Памье; четверо были осуждены въ Нарбоннѣ въ декабрѣ 1328 г.; одинъ — въ

[1]) Responsa Prudentium (Doat. XXXVII).—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Tradere».—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. IX.

Библиотека "Руниверс"

Памье черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого; еще четверо—опять въ Памье въ январѣ 1329 г. и еще семь (въ томъ числѣ одинъ нотаріусъ) — въ Каркассонѣ въ сентябрѣ того же года. По этимъ даннымъ мы можемъ заключить, что если бы архивы Инквизиціи были доступны намъ въ ихъ полномъ объемѣ, то списокъ лжесвидѣтелей былъ бы ужасающе длиненъ, и мы открыли бы огромное число юридическихъ ошибокъ въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ лжесвидѣтели не были уличены во-время. Намъ совершенно лишне узнать отъ Эмерика, что свидѣтели часто сговаривались погубить невиннаго; но мы можемъ не раздѣлять его убѣжденія, что тщательное разслѣдованіе позволяло инквизитору всегда обнаружить обманъ. Куда еще дальше можетъ идти логика Инквизиціи, чѣмъ въ афоризмѣ Цангини, утверждающаго, что свидѣтель, отрекшійся отъ своего неблагопріятнаго обвиняемому показанія, долженъ быть наказанъ какъ лжесвидѣтель, но что его показаніе, тѣмъ не менѣе, должно быть сохранено и имѣть рѣшающее вліяніе на приговоръ [1])?

Съ лжесвидѣтелемъ, если его уличали, поступали такъ же строго, какъ съ еретикомъ. Ему на спину и на грудь пришивали по два длинныхъ куска краснаго сукна въ формѣ языковъ, и въ теченіе всей остальной своей жизни онъ былъ осужденъ носить эти знаки позора; по воскресеньямъ, во время обѣдни, его выставляли на показъ народу на особыхъ подмосткахъ передъ церковными дверями и обыкновенно подвергали пожизненному тюремному заключенію. Въ 1322 г. нѣкто, по имени Гильемъ Моръ, былъ осужденъ за то, что въ сообществѣ съ другими лицами поддѣлалъ бумаги Инквизиціи, которыя давали ему возможность вызывать неповинныхъ людей по обвиненію въ ереси и угрозами вымогать съ нихъ деньги; его присудили носить на спинѣ и груди красные листы, вмѣсто обычныхъ красныхъ языковъ. Но, впрочемъ, наказанія были не одинаково строги. Лжесвидѣтели, осужденные въ Памье въ 1323 г., не были приговорены къ тюремному заключенію; а зато въ 1328 г. четверо лжесвидѣтелей въ Нарбоннѣ были признаны особенно виновными, такъ какъ они были подкуплены личными врагами обвиняемаго: ихъ приговорили къ пожизненному тюремному заключенію на хлѣбъ и на воду въ ножныхъ и ручныхъ оковахъ. Совѣщаніе экспертовъ, бывшее въ Памье на ауто въ январѣ 1329 г., постановило, что лжесвидѣтели должны не только подвергаться тюремному заключенію, но и вознаграждать убытки, причиненные ими обвиняемымъ. Этотъ старинный принципъ talio былъ еще болѣе широко примѣненъ въ 1518 г. Львомъ X, предписавшимъ испанской инквизиціи выдавать въ руки свѣтской власти тѣхъ лжесвидѣтелей, которымъ удалось бы нанести существенный ущербъ своимъ жертвамъ. Выраженія, употребляемыя папою, показываютъ, что случаи лжесвидѣтельства были еще часты. Цангино свидѣтельствуетъ, что въ его время не было еще опредѣленнаго закономъ наказанія, и лжесвидѣтели наказывались «по усмотрѣнію инквизитора»: новый примѣръ тенденціи, проникавшей все инквизиціонное судопроизводство,—ставить какъ можно меньше стѣсненій трибуналамъ, давать имъ неограниченную власть и возлагать всю надежду на Бога, во имя и во славу котораго они трудились, чтобы Онъ просвѣтилъ ихъ при выполненіи ими ихъ миссіи [2]).

---

[1]) Lib. Confess. Inq. Albiens. (Mss. Bib. Nat. f. lat., № 11847).—Lib. Sentent. Inq. Tolos., 96—7, 180, 393.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 118, 123, 140, 149, 178, 204—16).—Eymeric. «Direct. Inq.», 521.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XIV.

[2]) Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 297, 303.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 119, 133, 140, 241). Pegnae «Comment. in Eymeric.», 625.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XIV

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА XI.

Защита.

Изъ сказаннаго выше видно, что святая Инквизиція особенно ограничивала права защиты и ставила ей всякія затрудненія. Все предварительное слѣдствіе велось въ тайнѣ и не сообщалось обвиняемому. Дѣло его было уже предрѣшено раньше его арестованія; его могли допрашивать, убѣждать сознаться, держать цѣлые годы въ тюрьмѣ и подвергать пыткамъ раньше, чѣмъ онъ узналъ, какія именно улики имѣлись противъ него. И только тогда, когда у него было вырвано сознаніе, или когда инквизиторъ терялъ всякую надежду на это, ему сообщали имѣвшіяся противъ него показанія, причемъ имена свидѣтелей обыкновенно умалчивались. Эта ужасная система представляетъ полную противоположность съ просвѣщенной заботой избѣжать малѣйшей несправедливости, которая вдохновляла епископскіе суды той же эпохи. Согласно канонамъ Латеранскаго собора, касающимся компетенціи консисторскихъ судей, «обвиняемый долженъ былъ присутствовать при разслѣдованіи его дѣла, если оно не велось въ его отсутствіи по причинѣ его неявки; ему предъявлялись всѣ жалобы, чтобы онъ могъ дать на нихъ свои объясненія; имена свидѣтелей, равно какъ и ихъ показанія, должны были быть обнародованы, и должны были быть допущены всѣ законные отводы, «такъ какъ сохраненіе именъ въ тайнѣ могло возбуждать клевету, а отказъ въ отводѣ могъ бы открыть широкое поле для дѣятельности лжесвидѣтелей» [1]).

Какъ рѣзко отличалось отъ этого положеніе обвиняемаго по подозрѣнію въ ереси, который заранѣе всегда считался виновнымъ! Инквизиторъ думалъ не о томъ, чтобы избѣжать несправедливости, а о томъ, чтобы заставить обвиняемаго сознаться въ своемъ прегрѣшеніи и умолять о возсоединеніи его съ церковью. Чтобы легче этого добиться, систематически низвели до minimum всѣ преимущества защиты.

Правда, соборъ 1246 г. въ Безье постановилъ, чтобы обвиняемому широко была предоставлена возможность защиты, включая сюда необходимые судебные сроки, возможность отводовъ и право опроверженія; эти правила были направлены къ тому, чтобы уменьшить произволъ, которымъ уже тогда отличалась дѣятельность Инквизиціи, но на нихъ никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Первоначально таинственность позволяла судьѣ дѣлать все, что, по его мнѣнію, было нужно; а потомъ, чтобы сдѣлать произволъ еще болѣе абсолютнымъ, обвиняемаго лишили права имѣть защитника. Въ то время, какъ и теперь, сложность и сбивчивость законныхъ формальностей ставила всякаго, пришедшаго въ соприкосновеніе съ судомъ, въ необходимость обращаться къ помощи опытнаго и свѣдущаго юриста. Это такъ ясно понимали всѣ, что въ епископскихъ судахъ часто давали бѣднымъ безплатнаго защитника. Въ хартіи, дарованной въ 1212 г. Симономъ де Монфоромъ его новымъ провинціямъ, говорится, что правосудіе будетъ всегда безплатнымъ, и что неимущіе истцы будутъ пользоваться безвозмездно юридическою помощью. То же находимъ и въ испанскихъ законахъ той эпохи. Разъ право на защиту признавалось въ дѣлахъ сравнительно незначительныхъ, то казалось чудовищнымъ лишать его тѣхъ, кто боролся за свое существованіе предъ трибуналомъ, гдѣ обвинитель былъ въ то же время и судьей; и Церковь вначалѣ нѣсколько колебалась, но она добилась своего путемъ обхода. Декреталій Иннокентія III, внесенный въ каноническое право, за-

[1]) Concil. Lateran. IV, ann. 1215, c. 8.

Библиотека "Руниверс"

прещалъ адвокатамъ и актуаріусамъ оказывать содѣйствіе еретикамъ и лицамъ, сочувствующимъ ереси, а также выступать вмѣсто нихъ въ судахъ. Это запрещеніе, которое по мысли папы, несомнѣнно, относилось только до завѣдомо закоснѣлыхъ еретиковъ, было вскорѣ распространено на людей, только подозрѣваемыхъ, которые боролись единственно изъ-за того, чтобы доказать свою невиновность. Соборы Валанса и Альби въ 1248 и въ 1254 годахъ, предупреждая инквизиторовъ противъ адвокатскихъ уловокъ, многозначительно напоминали имъ постановленіе канонического права, толкуя, что его слѣдуетъ примѣнять къ адвокату, который осмѣлился бы защищать еретика. Эта точка зрѣнія стала настолько господствующей, что Бернаръ Гп, не задумываясь, признаетъ сочувствующими ереси адвокатовъ еретиковъ; а мы знаемъ, что всякій, объявленный сочувствующимъ ереси, признавался по закону еретикомъ, если въ теченіе года не удовлетворялъ инквизитора. Если мы прибавимъ къ этому постоянно повторяемыя напоминанія инквизиторамъ вести дѣла, не обращая вниманія на законныя формальности и на крючкотворство адвокатовъ, если вспомнимъ предупрежденія, постоянно даваемыя нотаріусамъ, что редактированіе отреченія отъ признанія дѣлало ихъ единомышленниками еретика, — то поймемъ, что не было никакой надобности оффиціально лишать обвиняемыхъ помощи адвоката. Эмерикъ подчеркиваетъ, что обвиняемый имѣетъ право взять себѣ защитника, и что препятствіе ему въ этомъ является законнымъ поводомъ къ апелляціи; но въ то же время онъ утверждаетъ, что инквизиторъ можетъ возбудить преслѣдованіе противъ адвоката или нотаріуса, выступившаго защитникомъ еретика. Столѣтіемъ раньше въ одномъ рукописномъ руководствѣ предписывалось инквизиторамъ преслѣдовать, какъ сочувствующихъ ереси, адвокатовъ, которые взяли бы на себя защиту еретиковъ; причемъ добавляется, что если этими защитниками явятся лица духовнаго званія, то ихъ слѣдуетъ лишать навсегда бенефицій. Все это постепенно перешло въ извѣстный принципъ канонического права, что адвокатъ еретика долженъ быть отрѣшаемъ отъ своихъ обязанностей и отмѣчаемъ навсегда пятномъ позора. Не удивительно поэтому, что, въ концѣ концовъ, инквизиторы приняли за правило запрещать адвокатамъ выступать въ судахъ Инквизиціи.

Однако, эта несправедливость смягчалась тѣмъ обстоятельствомъ, что обращеніе къ помощи адвоката могло быть столь же опасно для обвиняемаго, какъ и для его защитника. Инквизиція имѣла право пользоваться всѣми справками, какія только можно собрать; она могла вызвать адвоката въ качествѣ свидѣтеля, заставить его выдать ей имѣвшіеся у него документы и узнать отъ него все, что было сказано между нимъ и его кліентомъ. Впрочемъ, всѣ эти соображенія представляютъ лишь теоретическій интересъ, такъ какъ сомнительно, чтобы какой-нибудь адвокатъ рѣшился выступать на судѣ Инквизиціи. Какой ужасъ наводилъ этотъ судъ, прекрасно видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1300 г. францисканскій провинціалъ поручилъ брату Бернару Делисье выступить въ качествѣ защитника памяти Кастель Фабри. Каркассонскій инквизиторъ Николай д'Аббевиль грубо отказалъ ему въ аудіенціи, и Бернаръ во всемъ городѣ не могъ найти ни одного нотаріуса, который осмѣлился бы помочь ему написать законный протестъ; всѣ боялись ареста и преслѣдованій, если выступятъ въ чемъ-либо противъ грозной тиранніи инквизитора. Бернару пришлось ждать цѣлыхъ двѣнадцать дней, пока по его зову не прибылъ изъ отдаленнаго города нотаріусъ, чтобы выполнить простую формальность! Мѣстныя должностныя лица имѣли полное основаніе бояться гнѣва Николая: нѣсколько лѣтъ передъ этимъ онъ не задумался посадить въ тюрьму нотаріуса, осмѣлившагося написать жалобу королю Франціи отъ имени жителей Каркассона [1]).

[1]) Concil. Biterrens. ann. 1246, append. c. 8.—Concil. Campinacens. ann. 1238 c. 14.—Contre le Franc-Alleu sans Titre, Paris, 1629, стр. 216.—Fuero Real de Espana, lib. I, tit. IX, leg. 1.—Fournier, «Les officialités...», 289.—C. 11 Extra V. 7.—Concil. Valentin. ann. 1248, c. 11.—Concil. Albiens. ann. 1254 c. 23.—Bern. Guid. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Eymeric. «Direct.

Библиотека "Руниверс"

Все, изложенное нами, даетъ намъ ясное представленіе о томъ, какимъ духомъ были проникнуты всѣ дѣйствія Инквизиціи; организаторы святого трибунала прекрасно знали, чего хотѣли, закрывая двери предъ тонкостями и искусствомъ защиты; по общему признанію, она могла прибѣгать только къ одному—отводу свидѣтелей обвиненія. Какъ мы уже видѣли, свидѣтель могъ быть отведенъ въ случаѣ смертельной вражды къ обвиняемому; но, чтобы вражда была признана таковою, необходимымъ условіемъ было пролитіе крови, или, по крайней мѣрѣ, ссора между сторонами должна была быть настолько крупною, чтобы могла вызвать кровопролитіе. Такъ какъ въ этомъ была вся надежда защиты, то мы поймемъ, насколько жестокъ былъ почти общепринятый обычай скрывать отъ обвиняемаго имена свидѣтелей обвиненія. Несчастному приходилось на удачу называть имена лицъ, которыя могли замѣшать его въ дѣло. Если онъ указывалъ на кого-либо изъ свидѣтелей какъ на своего личнаго врага, то его допрашивали о причинахъ вражды; инквизиторъ разсматривалъ мотивы ссоры и рѣшалъ, достаточны ли они, или нѣтъ для отвода свидѣтеля. Добросовѣстные законовѣды, въ родѣ Ги Фукуа, и инквизиторы, въ родѣ Эмерика, высказывали желаніе, чтобы судьи сами освѣдомлялись относительно свидѣтелей и устраняли тѣхъ, кѣмъ, повидимому, руководила ненависть; но большинство старалось лишить несчастныхъ той послѣдней соломенки, за которую хватается утопающій. Одна изъ ихъ хитрыхъ уловокъ состояла въ томъ, что они въ концѣ допроса, какъ бы безъ всякаго умысла, спрашивали у обвиняемаго, не имѣетъ ли онъ такихъ озлобленныхъ враговъ, которые стали бы показывать ложно противъ него; если, пойманный врасплохъ, онъ отвѣчалъ отрицательно, то для него не была уже болѣе возможной никакая дальнѣйшая защита. Въ другихъ случаяхъ обвиняемому предъявляли самаго враждебнаго ему свидѣтеля и спрашивали, знаетъ ли онъ его; отрицательный отвѣтъ лишалъ его возможности ссылаться въ будущемъ на личную вражду. Обвиняемому обыкновенно никогда не позволяли вызывать своихъ свидѣтелей, за исключеніемъ того случая, когда требовалось установить враждебныя отношенія кого-либо изъ его обвинителей. Въ силу признанной закономъ фикціи предполагали, что инквизиторъ разсматривалъ вопросъ всесторонне и одинаково соблюдалъ интересы какъ защиты, такъ и обвиненія. Но мы, кончая съ этимъ вопросомъ, можемъ сказать, что если обвиняемому не удавалось угадать именъ своихъ враговъ и опровергнуть ихъ показанія, то осужденіе его было неизбѣжно [1]).

Во время господства варварскаго обычая poenae fortis et durae въ Англіи заключеннаго, который отказывался подтвердить свою виновность или невиновность, душили до смерти, такъ какъ не могло быть судебнаго разбирательства тамъ, гдѣ не было ни сознанія, ни отрицанія. Конечно, пріемъ этотъ былъ очень жестокъ, но онъ былъ внушенъ твердымъ чувствомъ справедливости, принципомъ, что самый послѣдній негодяй долженъ былъ имѣть возможность установить свою невинность. Инквизиціонная система была гораздо хуже: если обвиняемый отказывался говорить въ свою защиту, то все равно судопроизводство шло своимъ порядкомъ; этотъ отказъ признавался равнымъ отказу явиться

Inquis.—446, 452, 565, 568.—Angeli de Clavasio, «Summa angelica» s. v. «Haereticus, § 20.—Mss. Bib. Nat. f. l., № 14930, fol. 220.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquisitor.» s. vv. «Advocatus», «Defensor».—C. 13. § 7, Extra V. 7.—Alex. PP. IV. Bull. «Cupientes», 4 mart. 1260.—Arch. de l'Inq. de Carcassone (Doat, XXXIV, 123).—Vaissete, IV. 72.

[1]) Guid. Fulcod. «Quaest.» XV.—Eymeric. «Direct. Inquis.» 446, 450, 607, 610, 614.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. IX, XII.—Litt. Petri Albanens. (Doat, XXXI, 5).

Въ дѣлахъ каркассонской инквизиціи за періодъ времени съ 1249 по 1258 г. Молинье нашелъ два случая, гдѣ обвиняемому удалось добиться вызова своихъ свидѣтелей. Въ одномъ случаѣ Вилланьеръ выставилъ двухъ свидѣтелей, подтвердившихъ его alibi; въ другомъ—Гильомъ Негръ представилъ грамату о воссоединеніи его съ Церковью и о выполненіи имъ епитиміи. Въ обоихъ случаяхъ защита выиграла дѣло («L'Inquis. dans le Midi», 346).

Библиотека "Руниверс"

на судъ; и и, еще лучше, въ немъ видѣли актъ признанія и обвиняемаго немедленно выдавали въ руки свѣтской власти на сожженіе. Но нужно оговориться, что подобные случаи были рѣдки, такъ какъ пытка развязывала языки заключеннымъ [1]).

Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, до какой невѣроятной простоты было доведено судопроизводство Инквизиціи благодаря отсутствію адвокатовъ и страшному стѣсненію защиты.

19 іюня 1252 г. былъ вызванъ каркассонской инквизиціей П. Морре; его спросили, желаетъ ли онъ защищаться отъ возведенныхъ противъ него обвиненій? Въ свою защиту онъ могъ сказать только одно, что у него есть враги, и назвалъ пятерыхъ. Очевидно, онъ не угадалъ одного изъ своихъ обвинителей, такъ какъ ему дали послѣ этого прочесть показанія обвиненія и три раза спросили, не имѣетъ ли онъ добавить чего-нибудь. Онъ отвѣтилъ отрицательно, и дѣло кончилось постановленіемъ рѣшенія 29 января. Два года спустя, въ 1254 г., тамъ же въ Каркассонѣ извѣстный Бернаръ Понсъ былъ болѣе счастливъ, такъ какъ ему удалось вѣрно угадать, назвавъ своимъ смертельнымъ врагомъ свою собственную жену, и до насъ дошло послѣдующее за симъ разслѣдованіе о характерѣ вражды супруговъ. Было допрошено три свидѣтеля, которые всѣ подъ присягой показали, что жена Понса была дурная женщина; одинъ показалъ, что она была поймана мужемъ въ прелюбодѣяніи; другой—что мужъ побилъ ее за это; третій—что онъ недавно еще слышалъ, какъ она желала смерти своему мужу, чтобы выйти за нѣкоего Іюгъ Оле (Pug Oler), и говорила, что согласилась бы быть прокаженной, лишь бы это случилось. Хотя этого, повидимому, было достаточно, однако, Понсу, какъ кажется, не удалось избѣгнуть наказанія. Въ сущности обвиняемый, пытавшійся защищаться, имѣлъ такъ мало надежды на успѣхъ, что часто онъ въ самомъ началѣ уже отказывался отъ защиты. 26 августа 1252 г. въ Каркассонѣ Арно Фабри отказался получить предложенную ему инквизиторомъ копію показаній свидѣтелей, говорившихъ противъ него. Часто въ приговорахъ находимъ мы выраженіе, устанавливающее тотъ фактъ, что осужденный имѣлъ возможность защищаться, но отказался отъ этого; отсюда ясно, что подобные отказы не были исключеніемъ [2]).

Въ случаѣ возбужденія дѣлъ противъ умершихъ на судъ для защиты покойника вызывались его дѣти или его наслѣдники. Оглашеніемъ по церквамъ вызывали на судъ всякаго заинтересованнаго въ дѣлѣ, владѣлъ ли онъ имуществомъ покойнаго, или еще по чему-либо. Въ третьемъ оглашеніи объявлялось, что если никто не явится въ назначенный день, то все равно будетъ вынесенъ приговоръ. Такъ, напр., въ 1327 г. каркассонскій инквизиторъ Жанъ Дюпра приказываетъ священникамъ всѣхъ церквей въ діоцезахъ Каркассона, Нарбонны и Алэ объявлять о данномъ дѣлѣ во время обѣдни всякое воскресеніе и всякій праздникъ до дня разбора дѣла и прислать ему нотаріальное удостовѣреніе того, что оглашеніе производилося правильно. Въ приговорахъ по дѣламъ объ умершихъ всегда тщательно отмѣчаются эти предварительныя оглашенія. Но, несмотря на это притворное стремленіе сохранить справедливость, суды надъ мертвыми были не меньшей карикатурой на правосудіе, чѣмъ суды, жертвой которыхъ являлись живые. На ауто, бывшемъ въ Тулузѣ въ 1309 г., было осуждено четверо покойниковъ; въ одномъ случаѣ никто не явился на судъ, а въ трехъ другихъ явившіеся наслѣдники отказались отъ всякой защиты. Въ дѣлѣ Кастель Фабри, о которомъ мы уже упоминали выше, наслѣдники явились, такъ какъ имущество покойника было велико; но инквизиторъ, Николай д'Аббевиль, лишилъ ихъ всякой возможности сказать что-либо въ защиту. Въ

---

[1]) Coll. Doat. XXXI, 149.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Taciturnitas».

[2]) Registre de l'Inq. de Carcass. (Mss. Bib. Nat. f. lat. nouv. acquis. 139, f. 33, 44, 62).—Practica super Inquisitione (Mss. Bib. Nat. f. lat. № 14930, fol. 212).

Библиотека "Руниверс"

дѣлѣ Петра де Тормамира наслѣдникамъ удалось, въ концѣ концовъ, добиться отмѣны приговора, въ виду крупныхъ нарушеній закона при веденіи дѣла, но для этого потребовалось тридцать-два года упорной борьбы, причемъ все это время имущество покойнаго находилось подъ секвестромъ. Иногда въ дѣлахъ объ еретикаціи на одрѣ смерти дѣти ссылались на non compos, что въ принципѣ считалось допустимымъ, но такъ какъ подтвердить это могли только люди безукоризненные, съ точки зрѣнія католицизма, и посторонніе семейству умершаго, то, понятно, лишь очень рѣдко подтверждалась ссылка наслѣдниковъ [1]).

На практикѣ никто, попавъ въ руки Инквизиціи, не могъ разсчитывать на спасеніе; въ теоріи онъ имѣлъ право, какъ и въ другихъ судахъ, отвести своего судью, но рѣшаться на это было крайне опасно, и мы вполнѣ вѣримъ Бернарду Комскому, что этого никогда не бывало на дѣлѣ. Нельзя было оправдываться невѣжествомъ, такъ какъ, по словамъ Бернара Ги, невѣжда долженъ раздѣлить осужденіе своего господина, Отца Лжи. Того, кто упорно отрицалъ приписываемую ему вину и даже выражалъ готовность исповѣдывать вѣру и во всемъ повиноваться Церкви, считали закоренѣлымъ и нераскаяннымъ еретикомъ, недостойнымъ снисхожденія. Самоубійство въ тюрьмѣ считалось не раскаяніемъ, а сознаніемъ въ своемъ прегрѣшеніи. Правда, сумасшествіе или опьянѣніе могли быть признаны обстоятельствами, смягчающими слова еретиковъ, если обвиняемый сердечнымъ сокрушеніемъ искупалъ свою вину; но при всякомъ положеніи дѣла онъ прежде всего долженъ былъ склониться предъ заключеніемъ, къ которому пришелъ инквизиторъ ex parte, а въ противномъ случаѣ его выдавали свѣтскимъ властямъ [2]).

Слова Бернара Делисье были святая истина, когда онъ въ присутствіи Филиппа Красиваго и его двора заявилъ, что если бы святые Петръ и Павелъ были обвинены въ преклоненіи (adoratio) предъ еретиками, и Инквизиція возбудила бы противъ нихъ преслѣдованіе, то они никоимъ образомъ не могли бы оправдаться. Спрошенные о вѣрѣ, они отвѣтили бы, какъ магистры богословія и отцы Церкви; но когда имъ сказали бы, что они преклонялись передъ еретиками, и они спросили бы: «передъ какими?», то имъ назвали бы нѣсколькихъ извѣстныхъ въ странѣ людей, не давъ никакихъ объясненій. Если бы они попросили указаній на время и мѣсто, то имъ не дали бы ихъ, и если бы они спросили имена свидѣтелей, то не услышали бы ни одного. «Какимъ же образомъ, вскричалъ Бернаръ, могли бы святые апостолы говорить въ свою защиту, особенно при томъ условіи, что всякаго, явившагося къ нимъ на помощь, сейчасъ же обвинили бы въ сочувствіи ереси»? Все это безусловно вѣрно. Жертва была связана путами, вырваться изъ которыхъ ей было невозможно, и всякая попытка освободиться отъ нихъ еще только хуже затягивала узлы [3]).

Въ теоріи, правда, можно было въ случаѣ медленности или неправильности судопроизводства жаловаться на святую Инквизицію папѣ, какъ на епископа митрополиту; но эту жалобу нужно было принести раньше объявленія приговора, который былъ окончательнымъ. Это право обжалованья могло имѣть нѣкоторое сдерживающее вліяніе на епископовъ, когда на нихъ еще лежала инквизиторская юрисдикція. Но когда стали дѣйствовать инквизиторы, то отъ ихъ доброй воли зависѣло принять или отвергнуть

---

[1]) Concil. Biterrens. ann. 1246, append. c. 18.—Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thes.» V. 1813).—Coll. Doat, XXVII, 97—98; XXIX, 27; XXXIV, 123; XXXV, 61; XXXVIII, 166.—Lib. Sentent. Inq. Tolos. 33—4.—Molinier, «L'Inquis. dans le Midi de la France», 287.—Alex. PP. IV. Bull. «Olim ex parte», 24 sept.; 13 oct. 1258; Urbani PP. IV. Bull. «Idem», 21 aug. 1262 (Mag. Bull. Rom. I. 117).

[2]) Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Recusatio».—Bern. Guid. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. II, VII.—Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 26.—Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 9. Eymeric. «Direct. Inquis.» 572.

[3]) Mss. Bib. Nat. f. lat., № 4270, fol. 139.

Библиотека "Руниверс"

ПЫТКА.—IV.

(Гравюра XV вѣка, репрод. въ „Richter und Rechtspflege in der deutschen Vergangenheit" F. Heinemann).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

apostoli, т.-е. граматы о направленіи дѣла папѣ; другими словами, они могли по своему усмотрѣнію выбирать изъ нихъ подтверждающія это или, наоборотъ, отрицающія; первыя допускали апелляцію, вторыя оставляли дѣло въ рукахъ инквизитора, если папа не требовалъ его оффиціально. Но это, понятно, бывало очень рѣдко, и вся эта процедура благодаря своей сложности была доступна людямъ, только очень хорошо освѣдомленнымъ въ законахъ. Обвиняемый, въ родѣ магистра Эккарта, котораго поддерживалъ весь доминиканскій орденъ, могъ прибѣгнуть къ ней, хотя въ результатѣ Іоаннъ XXII отнесся къ нему не лучше, чѣмъ кельнскій архіепископъ. Когда въ 1323 г. парижскій инквизиторъ, братъ Морисъ, обвинилъ въ ереси Партенэ, одного изъ самыхъ вліятельныхъ вельможъ Пуату, и Карлъ Красивый заключилъ его въ Тампль, то онъ принесъ жалобу на Мориса, ссылаясь на личную ненависть послѣдняго. Король Карлъ подъ усиленной охраной отправилъ его къ папѣ Іоанну XXII въ Авиньонъ. Сначала папа отказался принять жалобу, но потомъ, уступая настояніямъ друзей Партенэ, онъ согласился назначить нѣсколько епископовъ засѣдателями при инквизиторѣ, и благодаря этому послѣ долгихъ мытарствъ Партенэ былъ освобожденъ. Подобные случаи, понятно, были рѣдкимъ исключеніемъ; совершенно иная была участь людей бѣдныхъ и незнатныхъ, которые наполняли темницы Инквизиціи и выступали на ея ауто-да-фе. Руководства для инквизиторовъ не стѣсняются поучать ихъ коварнымъ и мошенническимъ уловкамъ, при помощи которыхъ они могли бы обойти всѣ попытки подать на нихъ жалобу, когда это было вызвано нарушеніемъ правилъ съ ихъ стороны [1]).

Но былъ, однако, цѣлый рядъ другихъ случаевъ, гдѣ папа могъ вмѣшаться въ дѣло, ибо Святой Престолъ былъ проникнутъ самодержавнымъ духомъ и не признавалъ для себя никакихъ законовъ. Курія всегда была жадна до денегъ, а, кромѣ Италіи, она не имѣла нигдѣ доли въ конфискаціяхъ. Поэтому понятно, что богатые люди, все состояніе которыхъ было поставлено на карту, соглашались раздѣлить его съ папскимъ дворомъ, лишь бы добиться его всемогущаго вмѣшательства. Уже въ 1245 г. епископы Лангедока жалуются Иннокентію IV, что многіе еретики, благодаря подобной уловкѣ, ускользаютъ отъ наказанія. Граматы папскихъ духовниковъ давали неприкосновенность не только тѣмъ, кто попалъ подъ судъ, но и тѣмъ, кто опасался вызова въ судъ, тѣмъ, кто былъ отлученъ отъ церкви за уклоненіе отъ суда, и тѣмъ, кто былъ уже осужденъ. Я нашелъ много случаевъ подобнаго вторженія Святого Престола въ дѣла Святого Трибунала; одинъ изъ нихъ прекрасно показываетъ, на чемъ основывали и чѣмъ оправдывали подобное вмѣшательство. Граматами отъ 28 декабря 1248 г. папскій духовникъ Альгезіусъ предписалъ освободить безъ конфискаціи имущества тѣхъ заключенныхъ Инквизиціей въ тюрьму, которые сознались въ ереси; однимъ изъ мотивовъ этого были ихъ щедрыя пожертвованія на пользу Святой Земли. Нѣтъ ничего удивительнаго, что иногда инквизиторы возмущались противъ этого, и разъ одинъ изъ нихъ далъ Куріи хорошій урокъ. Въ 1249 г. нѣсколько жителей Лиму, осужденныхъ на ношеніе крестовъ и на тяжелыя епитиміи, получили отъ Иннокентія IV указъ, равнявшійся частичному помилованью; тогда инквизиторы, чтобы показать свое презрѣніе къ этому указу, дали этимъ людямъ полное прощеніе; тогда Иннокентій поспѣшилъ возстановить обвинительный приговоръ, такъ что всѣ труды несчастныхъ пропали даромъ. Болѣе скромнымъ было вмѣшательство въ 1255 г. Александра IV въ дѣло Эмерика де Брессоль де Кастель-Сарразенъ, осужденнаго за еретическіе поступки, совершенные тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ объяснилъ, что уже исполнилъ большую часть наложенной на него епитиміи, но что закончить ее ему мѣ-

[1]) Pegnae «Comment. in Eymeric.», 675.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXIX.—Eymeric. «Direct. Inq.», 453—5. Grandes Chron. ann. 1323.—Guill. Nangiac. Contin. ann. 1323.—Chron. de Jean de S. Victor. Contin. ann. 1323.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. vv. «Appellatio», «Exceptio» № 2.

Библиотека "Руниверс"

шаютъ преклонный возрастъ и бѣдность; въ отвѣтъ на это ходатайство папа разрѣшилъ инквизиторамъ смягчить оставшееся наказаніе, замѣнивъ его дѣлами благочестія. Въ 1298 г. Бонифацій отмѣнилъ основанное на законѣ ограниченіе правъ внуковъ и правнуковъ нѣкоего Клавиджеммы изъ Милана, принявшаго еретикацію на смертномъ одрѣ; имъ были возвращены развалины ихъ разрушеннаго дома, но конфискованное имущество возвращено имъ не было. Знаменательный случай произошелъ въ 1371 г., когда Григорій XI разрѣшилъ каркассонскому инквизитору выпустить на свободу Бидона де Пюи-Гильема, приговореннаго къ пожизненному тюремному заключенію и принесшаго раскаяніе; свое вмѣшательство папа мотивировалъ тѣмъ, что никакая другая власть не могла смягчить наказанія [1]).

Но въ виду того, что папское вмѣшательство противорѣчило закону и было исключеніемъ, его не стоитъ принимать во вниманіе при разсмотрѣніи впечатлѣнія, производимаго дѣйствіями инквизиціоннаго судопроизводства. Впечатлѣніе это было таково, что осужденіе въ той или иной формѣ считалось неизбѣжнымъ. Въ реестрѣ каркассонской инквизиціи за періодъ времени съ 1249 по 1258 г. записано около 200 дѣлъ, и нѣтъ ни одного случая, чтобы заключенный былъ выпущенъ изъ тюрьмы какъ невиновный. Правда, въ протоколѣ допроса Ализаи Дебаксъ (Alizaïs Debax) отъ 27 марта 1249 г., мы находимъ слѣдующую замѣтку: «Она не была допрошена вторично, такъ . ее признали невиновной», но это—кажущееся исключеніе уничтожается второю замѣткою: Cruce signata est, показывающей, что она была осуждена на ношеніе крестовъ, которые должны были свидѣтельствовать о непогрѣшимости святой Инквизиціи. Если противъ человѣка не было никакихъ уликъ, и онъ отказывался признаться во взводимомъ на него прегрѣшеніи, то его держали въ тюрьмѣ столько времени, сколько было угодно инквизитору; наконецъ, если поводомъ къ его обвиненію была косвенная улика, и подозрѣніе было легкое, то онъ могъ быть отпущенъ на свободу со внесеніемъ залога и подъ условіемъ стоять у дверей Инквизиціи отъ завтрака до обѣда и отъ обѣда до ужина, ожидая, не явится ли новаго противъ него свидѣтельства, и не будетъ ли инквизиторъ въ состояніи доказать его виновность, напередъ признанную несомнѣнной. Къ сѣверу отъ Альповъ было общимъ правиломъ, что никто не долженъ былъ быть оправданъ. Если обвиненіе совершенно падало, то инквизиціонный судъ могъ только вынести вердиктъ: «обвиненіе не доказано»; указывали только фактъ, что улики не подтвердились, но не говорили, что за даннымъ человѣкомъ не было никакой вины. Инквизиторамъ приказывалось никогда не объявлять никого невиновнымъ, такъ какъ это могло бы служить помѣхой, если бы впослѣдствіи на основаніи новыхъ обвиненій возникло—дѣло. Однако, возможно, что въ Италіи въ XIV вѣкѣ это правило не соблюдалось, такъ какъ Цангино даетъ формулу объявленія обвиняемаго невиновнымъ, основанную—знаменательная вещь на томъ, что свидѣтельскія показанія были даны по злобѣ [2]).

Климентъ V призналъ подобную систему несправедливой, какъ это ясно изъ того, что онъ внесъ въ каноническое право разъясненіе, изъ выраженій котораго видно, что инквизиторы въ ущербъ интересамъ вѣрныхъ злоупотребляли въ примѣненіи предписаній, направленныхъ къ защитѣ вѣры; онъ запрещаетъ имъ судить несправедливо, дѣйствовать лицепріятно, руководиться ненавистью или алчностью, грозя за это ipso facto отлученіемъ отъ Церкви, снять которое можетъ только Св. Престолъ. Бернаръ Ги горячо опровергалъ

---

[1]) Vaissete, III, 462; Pr. 447.—Coll. Doat, XXXI. 152, 169, 283; XXXII, 69; XXXV, 134. Potthast № 10292, 10311, 10317, 18723, 18895.—Ripoll, I, 287.—Coll. Doat, XXXV, 134. - Digard, «Reg. de Boniface VIII», t. II, стр. 121, № 2577.

[2]) Molinier, «L'Inquisition dans le midi», 332—3.—Responsa Prudentum (Doat, XXXVII.—Bern. Guidon. «Practica» P. V (Doat, XXX). — Eimeric. «Direct. Inquisit.», 474. -Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XII.

Библиотека "Руниверс"

эти обвиненія, тожественныя, по его словамъ, съ тѣми, которыя, къ великому прискорбію святой Инквизиціи, возводили еретики на Святой Трибуналъ. «Обвиненіе невиннаго въ ереси, добавляетъ онъ, достойно строгаго осужденія, но возводить клевету на святую Инквизицію совершенно иное дѣло. Несмотря на опроверженіе обвиненій, направленныхъ противъ нея, канонъ Климента даетъ имъ обоснованіе и наполняетъ радостью еретиковъ». Если еретики, какъ говоритъ Ги, дѣйствительно радовались, то напрасно они радовались, такъ какъ Инквизиція шла своимъ путемъ, и благонамѣренныя усилія Климента не увѣнчались успѣхомъ [1]).

Признаніе подозрѣнія виною значительно облегчало Инквизиціи возможность не выносить оправдательныхъ приговоровъ. Эта практика взята была изъ кодексовъ варваровъ, по которымъ обвиняемый долженъ былъ доказать свою невиновность или черезъ ордалій, или черезъ purgatorio (по англійской терминологіи wager of law), т.-е. онъ долженъ былъ представить опредѣленное число друзей, которые вмѣстѣ съ нимъ подтвердили бы подъ присягой, что обвиненіе было недобросовѣстно. Эдиктомъ Фридриха II предписывалось, что подобнымъ образомъ должны были доказать свою невиновность подозрѣваемые въ ереси, если этого требовала Церковь; въ противномъ же случаѣ они лишались покровительства закона; если на нихъ было наложено это наказаніе, и тяготѣло оно надъ ними въ теченіе года, то ихъ съ полнымъ правомъ осуждали какъ еретиковъ. Это узаконеніе значительно отягчало подозрѣніе въ ереси и тщательно соблюдалось.

Подозрѣніе могло возникнуть разными путями, но особенно порождала его общественная молва. Достаточно было не принести въ опредѣленное время клятвеннаго отреченія отъ ереси, наложеннаго на всѣхъ жителей Лангедока, достаточно было упустить случай донести на еретика, достаточно было имѣть у себя еретическія сочиненія. Такое широкое толкованіе, данное понятію о преступленіи, вызвало тысячи новыхъ осложненій. Вальденцы учили, что не нужно лгать, клясться, прелюбодѣйствовать, что всякому надо воздавать должное, что слѣдуетъ ходить въ церковь, платить десятину и другіе налоги въ пользу духовенства. Слѣдовало ли разсматривать, какъ подозрѣваемыхъ въ ереси, тѣхъ, кто слушался этихъ мудрыхъ наставленій и соблюдалъ ихъ? Этотъ вопросъ былъ предложенъ инквизитору и онъ, обсудивъ его, отвѣтилъ утвердительно: подобные люди должны считаться подозрѣваемыми въ ереси и подвергнуться purgatio. Герсонъ давалъ себѣ ясный отчетъ въ затрудненіяхъ, которыя вызывала на практикѣ теорія обвиненія по подозрѣнію; онъ совѣтуетъ всегда имѣть въ виду, насколько разнообразны бываютъ обычаи въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ и т. п.; но Инквизиція не останавливалась на подобныхъ мелочахъ. Было легче считать подозрѣваемыхъ виновными, принять три степени подозрѣнія (легкое, сильное и тяжелое), подвергать подозрѣваемыхъ наказанію и объявлять неправоспособными не только подозрѣваемыхъ, но и ихъ потомковъ. Въ концѣ концовъ, даже отказались дать опредѣленіе каждой изъ трехъ степеней подозрѣнія и предоставили на усмотрѣніе инквизитора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять степень подозрѣнія. Эмерикъ толкуетъ, что подозрѣваемые не суть еще еретики, что ихъ нельзя осуждать наравнѣ съ послѣдними, и что на нихъ слѣдуетъ налагать болѣе легкое наказаніе, за исключеніемъ случаевъ тяжелаго подозрѣнія. Но въ самыхъ словахъ его заключается самое жестокое осужденіе всей этой системы; какъ, спрашивается, могъ обвиняемый снять съ себя «тяжелое» подозрѣніе, если онъ не могъ выставлять свидѣтелей? Обвиняемый могъ совершенно не быть еретикомъ; но если онъ отказывался отречься отъ ереси и дать удовлетвореніе, т.-е. если онъ, другими словами, отказывался косвенно сознаться въ своей мнимой винѣ, то его слѣдовало выдать въ руки свѣтской власти; если онъ сознавался и просилъ возсоединить его съ Церковью, то его слѣдовало заключить въ тюрьму на всю его остальную жизнь [2]).

[1]) C. 1. Clement. V. 3. — Bern.-Guidon «Gravamina» (Doat, XXX, 112).

[2]) Hist. Dipl. Frid. II. T. II, p. 1. — Concil. Tolosan. ann. 1229, c. 18. — Concil. Albiens.

Библиотека "Руниверс"

Въ случаѣ легкаго или сильнаго подозрѣнія обвиняемый долженъ былъ доставить нѣсколько лицъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ клятвенно подтвердили бы его невиновность. Эти лица (соприсяжники) должны были принадлежать къ одному съ нимъ сословію, знать его лично и прежде всего принести клятву въ томъ, что они всегда считали его хорошимъ католикомъ, а потомъ, что они считаютъ вполнѣ искренней его клятву въ своей невинности. Число ихъ мѣнялось по усмотрѣнію инквизитора и сообразно со степенью подозрѣнія, оно колебалось между тремя и двадцатью — тридцатью и даже болѣе. Если дѣло шло объ иностранцахъ, которые никого не знали, то инквизиторъ долженъ былъ удовольствоваться малымъ. Эта соприсяга не была пустою формальностью, и, какъ обыкновенно, все было направлено противъ обвиняемаго. Если ему не удавалось доставить назначенное число соприсяжниковъ, или если онъ не успѣвалъ сдѣлать это въ теченіе годичнаго срока, то примѣнялся законъ Фридриха II, и обыкновенно его приговаривали къ костру какъ еретика; нѣкоторые инквизиторы, правда, признавали, что это было лишь косвенной, а не прямой уликой, и что подозрѣваемый могъ избѣгнуть костра, раскаявшись и отрекшись отъ заблужденій, чтобы послѣ этого, какъ само собою разумѣется, подвергнуться пожизненному тюремному заключенію. Если же обвиняемому удавалось обѣлить себя путемъ соприсяги, то его все равно не объявляли невиннымъ. Въ случаѣ, если подозрѣніе, падавшее на него, признавалось т я ж е л ы м ъ, его имѣли право наказать; даже въ томъ случаѣ, если подозрѣніе было л е г к о е, уже одинъ тотъ фактъ, что онъ попалъ въ число подозрѣваемыхъ, навсегда накладывалъ на него пятно безславія. Съ интересной непослѣдовательностью, которая характеризовала все судопроизводство Инквизиціи, обвиняемаго заставляли отречься отъ ереси, послѣ того, какъ онъ установилъ свою невиновность; это отреченіе хранилось въ его дѣлѣ, и если впослѣдствіи противъ него снова возникало обвиненіе, то тотъ фактъ, что онъ ускользнулъ отъ перваго обвиненія, считался доказательствомъ его виновности. Если purgatio было вызвано л е г к и м ъ подозрѣніемъ, то, въ случаѣ новаго обвиненія, на него налагалось болѣе тяжелое наказаніе; если же подозрѣніе было т я ж е л ы м ъ, то на обвиняемаго смотрѣли какъ на рецидивиста, не заслуживающаго снисхожденія, и его выдавали безъ суда въ руки свѣтской власти. Примѣненіе этого беззаконія на практикѣ особенно интересно, такъ какъ въ немъ отразился духъ Инквизиціи. Такъ какъ этотъ порядокъ былъ черезчуръ строгъ, то къ p u r g a t i o прибѣгали сравнительно рѣдко, и Цаппини, говоря объ этомъ, замѣчаетъ, что этотъ обычай не пользуется широкимъ распространеніемъ; но, тѣмъ не менѣе, стоитъ вспомнить одинъ случай его примѣненія: въ 1336 г. въ Ангермюнде инквизиторъ Іорданъ потребовалъ доказательства своей невинности соприсягой отъ цѣлаго ряда лицъ, обвиненныхъ въ таинственной луциферіанской ереси; четырнадцать человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, не могли выставить нужнаго числа соприсяжниковъ, и всѣ они были сожжены живыми [1]).

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемому разрѣшалось присоединиться къ Церкви, отъ него обязательно требовали отреченія отъ ереси. Было нѣсколько формулъ отреченія, смотря, во-первыхъ, по тому, какое было подозрѣніе, л е г к о е, с и л ь н о е или т я ж е л о е,

---

ann. 1254, c. 16.—Concil. Tarraconens. ann. 1242.—Eymeric. «Direct. Inq.». 367—8, 380—4. 494—5, 500. — Concil. Biterrens. ann. 1246, «append.» c. 31, 36. — Zanchini «Tract. de Haeret.», V, VI, XX. — Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thes.» V, 1802.—Gersonis «de Protestatione», consid. XII.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Praesumptio», № 5.—Isambert, «Anc. Loix Françaises», IV, 364.—Cp. Cornel. Agrippa, «De Vanitate Scientiarum», cap. XCVI. - Ponzibii «de Lamiis», cap. 88.

[1]) Concil. Tarraconens. ann. 1242.—Eymeric. «Direct. Inq.», 376—8, 475—6.—Born. Comens. «Lucerna Inquis». s. v. v. «Practica», Purgatio».—Albertini «Repertor. Inquis.» s.v. «Deficiens».—Gregor. PP. XI. Bull. «Excommunicamus», 20 aug. 1229.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. VII, XVII.—Martini «App. ad Mosheim de Beghardis», 537.

Библиотека "Руниверс"

а, во-вторыхъ, смотря по тому, сознался ли и раскаялся ли обвиняемый. Обрядъ совершался публично, на ауто-да-фе, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, каковы, напримѣръ, тѣ, въ которыхъ обвиняемыми являлись духовныя лица, видъ которыхъ могъ вызвать соблазнъ въ народѣ; часто отреченіе сопровождалось денежнымъ штрафомъ, гарантировавшимъ соблюденіе обвиняемымъ наложенныхъ на него обязательствъ. Самымъ главнымъ пунктомъ отреченія было то, что кающійся отрекался отъ ереси вообще, въ частности отъ той ереси, въ которой его обвиняли. Послѣ этого въ случаѣ новаго заблужденія его можно было всегда безъ всякаго суда выдать въ руки свѣтской власти, если только отреченіе не было вызвано легкимъ подозрѣніемъ. Понятно, что подобное отреченіе отъ ереси in genere было необходимо, такъ какъ въ противномъ случаѣ отрекшійся отъ катаризма могъ впасть въ ересь вальденцевъ, и его нельзя было бы судить какъ рецидивиста. На дѣлѣ подобная перемѣна религіозныхъ убѣжденій не могла имѣть мѣста, но тотъ фактъ, что инквизиторы предвидѣли ея возможность, показываетъ намъ, насколько они заботились о внѣшней формѣ, и какъ мало они думали о томъ, что мы называемъ справедливостью.

Какое важное значеніе придавали акту отреченія, хорошо видно изъ одного дѣла тулузской инквизиціи 1310 г. Сибилла, жена Бернара Борелля, была вынуждена сознаться и отречься въ 1305 г.; но такъ какъ она продолжала соблюдать еретическіе обряды, то ее вторично арестовали въ 1309 г., и она снова созналась. Какъ еретичка-рецидивистка она безповоротно подлежала сожженію, но, къ ея счастью, въ архивахъ Св. Трибунала не могли найти ея перваго отреченія, и, хотя все остальное дѣло 1305 г. сохранилось, тѣмъ не менѣе, ее судили какъ привлеченную въ первый разъ и приговорили только къ пожизненному тюремному заключенію [1]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда подозрѣваемые въ ереси доказывали свою невиновность путемъ соприсяги, отреченіе, естественно, не заключало въ себѣ сознанія. Но при обвиненіи въ ереси, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, отъ обвиняемаго раньше, чѣмъ его допускали до отреченія, требовалось сознаніе въ томъ, въ чемъ его обвиняли. Отрицаніе вины считалось признакомъ закоснѣлости и въ силу этого влекло за собою костеръ; сознаніе было обязательнымъ условіемъ допущенія до отреченія. Въ обыкновенныхъ случаяхъ, гдѣ примѣнялись пытки, сознаніе давалось почти всегда; но бывали исключительные случаи, выходящіе изъ ряда повседневныхъ, гдѣ, какъ, напр., въ дѣлѣ Яна Гуса, пытка не была примѣняема, и гдѣ обвиняемый отрицалъ всѣ возводимыя противъ него улики; и если мы хотимъ понять всѣ послѣдствія дѣлъ подобнаго рода, то не должны забывать, что отреченію должно было всегда предшествовать сознаніе.

ГЛАВА XII.

Приговоръ.

Карательныя функціи Инквизиціи были основаны на фикціи, которую необходимо выяснить, чтобы можно было впослѣдствіи дать справедливую оцѣнку извѣстной части дѣятельности Св. Трибунала. По теоріи въ задачу Инквизиціи не входило налагать наказанія; миссія ея была въ томъ, чтобы спасти души заблудшихся, направить ихъ на путь спа-

[1]) Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 6, 12.—Muratori, «Antiq. Ital.» Dissert. LX.—Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thés.», V, 1801—1).—Eymeric. «Direct. Inquis.», 376, 486–7, 492—8.—Lib. Sentent. Inquis. Tolos., 67, 215.

Библиотека "Руниверс"

сенія и наложить епитиміи на тѣхъ, кто вступалъ на этотъ путь, подобно тому, какъ дѣлалъ это исповѣдникъ въ отношеніи своихъ духовныхъ дѣтей. Ея приговоры не были, какъ приговоры свѣтскаго суда, мщеніемъ общества виновнымъ; они не имѣли также своей цѣлью при помощи внушаемаго ими страха помѣшать распространенію преступленія; они имѣли въ виду лишь благо заблудшихся душъ, очищеніе или искупленіе ихъ отъ грѣховъ.

Въ этомъ духѣ обыкновенно говорятъ сами инквизиторы о своей обязанности. Когда они приговаривали несчастнаго къ пожизненной тюрьмѣ, то обычной формулой, послѣ того какъ судопроизводство Св. Трибунала было строго опредѣлено, было простое повелѣніе виновному предать себя тюремному заключенію и посадить себя на хлѣбъ и на воду, что представляло епитимію; затѣмъ ему объявляли, что онъ не долженъ выходить изъ тюрьмы подъ страхомъ отлученія отъ Церкви и признанія его клятвопреступникомъ и нераскаявшимся еретикомъ. Если ему удавалось бѣжать, то въ приказѣ о выдачѣ его онъ выставлялся безумцемъ, отвергшимъ спасительное лѣкарство и презрѣвшимъ вино и елей, которыми хотѣли уврачевать его раны... [1]).

Въ принципѣ число наказаній, которыя могъ накладывать инквизиторъ, было весьма ограничено. Онъ никогда не приговаривалъ къ смертной казни, но просто лишалъ покровительства Церкви закоренѣлаго и нераскаявшагося грѣшника или рецидивиста, новое паденіе котораго показывало, что нельзя было полагаться на его раскаяніе. За исключеніемъ Италіи, инквизиторъ никогда не подвергалъ конфискаціи имущества еретика, но лишь констатировалъ наличность преступленія, которое по свѣтскимъ законамъ лишало виновнаго права владѣть собственностью. Самое большее, что могъ наложить инквизиторъ, это—штрафъ въ видѣ епитиміи, причемъ деньги шли на добрыя дѣла. Судъ его былъ судомъ только духовнымъ; онъ судилъ грѣхи и предписывалъ духовныя врачеванія, слѣдуя внушенію евангелія, которое всегда лежало раскрытымъ передъ нимъ. Такова была, по крайней мѣрѣ, теорія, и ея не нужно упускать изъ виду, если мы хотимъ понять многое изъ того, что иначе показалось бы намъ нелогичнымъ и непослѣдовательнымъ, въ особенности въ вопросѣ о свободѣ дѣйствій инквизитора въ отношеніи кающихся. Судья человѣческой совѣсти, онъ не былъ связанъ никакими законами, никакими правилами; вызванные имъ были въ точномъ смыслѣ слова въ его полномъ распоряженіи, и никакая сила, кромѣ Св. Престола, не могла измѣнить ни одной іоты въ его приговорѣ [2]).

Слѣдствіемъ такой свободы дѣйствій инквизитора иногда являлось прощеніе тамъ, гдѣ мы его совсѣмъ не ожидаемъ. Такъ было, напр., въ дѣлѣ объ убійствѣ св. Петра Мученика. Одинъ изъ наемныхъ убійцъ, Пьетро Бальзамо, извѣстный подъ именемъ Карино, былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія, и побѣгъ его изъ тюрьмы вызвалъ въ Миланѣ цѣлую революцію, но, когда онъ былъ снова схваченъ и принесъ раскаяніе, его простили и разрѣшили вступить въ доминиканскій орденъ, гдѣ онъ мирно скончался съ ореоломъ б л а ж е н н а г о (beato). И хотя Церковь не разрѣшила оказывать ему открытое поклоненіе, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ въ 1505 г., подъ именемъ блаженнаго Ацерина, изображенъ среди святыхъ доминиканцевъ на хорахъ церкви во имя св. мученика Эвсторджіо. Повидимому, ни одинъ изъ убійцъ не былъ казненъ, и главный подстрекатель

---

[1]) Guid. Fulcod. «Quaest.», XIII, XIV.—Ripoll. I, 254.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXI, 139).—Arch. de l'évêché d'Albi (Doat, XXXV, 69).—Lib. Sent. Inq. Tolos., 32.—Eymeric., «Direct. Inquis.», 465, 643.—Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. XX.

Хотя въ приговорахъ Бернара Ко отъ 1246—8 гг. тюремное заключеніе считается епитиміей, способъ выраженія болѣе рѣшителенъ, чѣмъ въ позднѣйшемъ судопроизводствѣ (Mss. Bib. Nat. fon. lat., 9992).

[2]) Arch. de l'évêché d'Albi (Doat, XXXV, 69).—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 232).—Concil. Narbonn. ann. 1234, c. 5.—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 29.—Eymeric. Direct. Inq., 506—7. Zanchini, «Tract. de Haeret.», c. XVI.—Guid. Fulcod. «Quaest.» XV.

Библиотека "Руниверс"

къ преступленію, Стефано Конфалоніере д'Аліате, еретикъ и извѣстный покровитель еретиковъ былъ заключенъ пожизненно въ тюрьму только въ 1295 г., черезъ сорокъ три года, послѣ длиннаго ряда отреченій и новыхъ паденій. То же было и немного позднѣе, когда по дѣлу убійства инквизитора франциска Петра да Брачьано былъ доставленъ миланскому инквизитору, Райнеріо Сакконе, Манфредъ ди Сесто, вооруживший убійцъ. Онъ сознался въ своемъ преступленіи и въ другихъ проступкахъ на пользу ереси, но ему было только приказано явиться къ папѣ и ожидать отъ него наложенія епитиміи; но такъ какъ онъ выказалъ презрительное неповиновеніе, то Иннокентій IV приказалъ магистратамъ всей Италіи задержать его и заключить въ тюрьму, гдѣ бы онъ ни попался [1]).

Однако, это ученіе, представлявшее Церковь любящею матерью, которая съ болью сердца наказуетъ въ ихъ же интересахъ своихъ дѣтей, послужило лишь къ тому, чтобы сдѣлать большую часть дѣйствій Инквизиціи болѣе безжалостными. Сопротивлявшіеся ея благодѣтельнымъ усиліямъ становились виновными въ неблагодарности и непослушаніи, темнаго пятна котораго ничто не могло изгладить. Это были отцеубійцы, недостойные снисхожденія; и если ихъ биченали, то имъ же еще оказывали этимъ особую милость. Мы уже видѣли, какъ мало инквизиторъ въ своихъ стремленіяхъ открыть и направить на путь истины еретиковъ обращалъ вниманія на человѣческія страданія; онъ не давалъ права предполагать, что онъ будетъ болѣе мягкимъ, имѣя дѣло съ больными душами, ищущими отъ него отпущенія грѣховъ и духовнаго наказанія; только кающійся, принесшій сознаніе въ своемъ преступленіи и раскаявшійся въ немъ, являлся передъ трибуналомъ, чтобы принять надлежащее наказаніе; всѣ же остальные предавались въ руки свѣтской власти.

Насколько неосновательна была эта теорія, видно изъ того, что юридическія права Инквизиціи распространялись не на однихъ только еретиковъ, добровольно отступившихъ отъ догматовъ Церкви. Защитники ереси и люди, сочувствовавшіе ей, всѣ, кто давалъ еретикамъ пристанище, милостыню или покровительство, всѣ, кто упускалъ случай донести на нихъ властямъ или задержать ихъ,—всѣ эти люди, какъ бы ни была извѣстна ихъ преданность католицизму, навлекали на себя подозрѣніе въ ереси. Если подозрѣніе было тяжелое, то оно приравнивалось къ ереси; если же это было сильное или легкое, то все же, какъ мы видѣли, оно было опасно. Цангино учитъ, что если еретикъ раскаивается, если онъ исповѣдуетъ свои грѣхи священнику, если на него будетъ наложена епитимія, и онъ получитъ отпущеніе грѣховъ, то онъ, несомнѣнно, можетъ освободиться отъ ада и омыть свои грѣхи въ глазахъ Бога, но онъ не долженъ избѣгнуть земного наказанія и предается въ руки Инквизиціи. А послѣдняя не любила упускать своей добычи. Признавая дѣйствительность таинства покаянія, она, чтобы устранить возможную отъ этого помѣху, запретила священникамъ принимать исповѣдь отъ еретиковъ, предоставивъ ихъ епископамъ и инквизиторамъ. Не является ли это еще новымъ и поразительнымъ доказательствомъ того, что поведеніе св. Инквизиціи шло въ разрѣзъ съ ея ученіемъ [2]).

Епитиміи, обыкновенно налагаемыя Инквизиціей, не были очень разнообразны. Прежде всего онѣ заключались въ подвигахъ благочестія, таковы: чтеніе молитвъ, посѣщеніе храмовъ, строгое исполненіе обрядовъ, посты, хожденія по святымъ мѣстамъ, пожертвованія на дѣла благотворительности, и вообще во всемъ, что имѣлъ право наложить духовникъ на приходящихъ къ нему кающихся. Этого было достаточно въ случаяхъ не особо важныхъ прегрѣшеній. Затѣмъ шли роспае confusibiles епитиміи унизительныя и позорныя, изъ которыхъ наиболѣе тяжелою было ношеніе желтыхъ крестовъ на одеждѣ; и, нако-

[1]) Tamburini, «Istoria dell'Inquiz.» I, 492—502.—Bern. Corio, «Hist. di Milano», ann. 1252.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 204).—Ripoll. I. 244, 280, 389.

[2]) Concil. Tarraconens. ann. 1242.—Innoc. PP. IV. Bull. «Noverit universitas», 1254 (Mag. Bull. Rom. I, 103). - Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Eymeric. «Direct. Inquis.». 3 S—72, 376 S. – Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXXIII.

Библиотека "Руниверс"

нецъ, — самое суровое наказаніе, какое могла наложить св. Инквизиція, murus или тюрьма. Конфискація, какъ я уже оговорился, была лишь побочнымъ наказаніемъ и зависѣла, наравнѣ съ костромъ, отъ свѣтскихъ властей. Кромѣ того, соборы въ Нарбоннѣ и Безье предписываютъ изгнаніе изъ родины на время или навсегда, но, повидимому, эта мѣра наказанія примѣнялась такъ рѣдко, что на ней не стоитъ и останавливаться; но все же она упоминается въ наиболѣе древнихъ приговорахъ и фигурируетъ среди духовныхъ наказаній, подвергнуться которымъ изъявили согласіе раскаявшіеся еретики [1]).

Ересь была столь тяжелымъ преступленіемъ, что ее нельзя было загладить ни сердечнымъ сокрушеніемъ, ни возвратомъ къ добру. Хотя Церковь объявляла, что она съ радостью принимаетъ въ свои материнскія объятія заблудшихся и раскаявшихся, но, тѣмъ не менѣе, обратный путь къ ней былъ труденъ для виновнаго, и грѣхъ его могъ быть омытъ только цѣною епитимій, достаточно суровыхъ, чтобы свидѣтельствовать объ искренности его обращенія. Еще до основанія Инквизиціи, около 1208 г., св. Доминикъ, бывшій въ то время въ распоряженіи легата Арно, обратилъ одного катара, по имени Понсъ Рожеръ, и наложилъ на него епитимію, текстъ которой дошелъ до насъ. Она даетъ намъ ясное представленіе о томъ, что считала Церковь обязательнымъ условіемъ возсоединенія въ то время, когда она пускала въ ходъ всѣ средства, чтобы привлечь къ себѣ еретиковъ, и не прибѣгала еще, кромѣ исключительныхъ случаевъ, къ насилію. Подрядъ три воскресенія кающійся долженъ былъ являться обнаженнымъ до пояса, и священникъ долженъ былъ бичевать его отъ городскихъ воротъ Тревиля до дверей церкви; онъ долженъ навсегда отказаться отъ мяса, яицъ и сыра, кромѣ дней Пасхи, Пятидесятницы и Рождества Христова; а въ эти дни, наоборотъ, онъ долженъ былъ вкушать все это, въ доказательство своего отреченія отъ заблужденій манихеизма. Два раза въ годъ, по сорока дней каждый разъ, онъ долженъ былъ воздерживаться отъ рыбы; три дня въ недѣлю онъ не долженъ ѣсть ни рыбы, ни масла, ни пить вина и соблюдать строгій постъ, если позволятъ его здоровье и родъ занятій. Онъ долженъ носить монашеское одѣяніе съ изображеніемъ маленькаго крестика на каждой груди. Если возможно, онъ ежедневно долженъ ходить къ обѣднѣ, а по праздникамъ и къ вечернѣ; семь разъ въ день онъ долженъ читать часы и, кромѣ того, десять разъ днемъ и двадцать разъ ночью «Отче Нашъ». Онъ долженъ соблюдать самое полное цѣломудріе. Ежемѣсячно онъ долженъ представлять эту бумагу священнику, который долженъ слѣдить за соблюденіемъ имъ всего въ ней написаннаго; и такой образъ жизни онъ долженъ вести до тѣхъ поръ, пока легатъ не найдетъ возможнымъ освободить его отъ епитиміи. Всякое нарушеніе епитиміи превращаетъ его въ клятвопреступника и еретика, котораго должно изгнать изъ общества вѣрныхъ [2]).

Мы видимъ на этомъ примѣрѣ, сколько различныхъ видовъ епитиміи могъ соединять во-едино духовный отецъ по своему усмотрѣнію. Такимъ же характеромъ отличался очень снисходительный приговоръ, вынесенный въ 1258 г. каркассонскимъ инквизиторомъ противъ Раймунда Марія, который признался въ разныхъ еретическихъ поступкахъ, совершенныхъ лѣтъ 30—40 передъ этимъ, и на основаніи этого и другихъ соображеній подлежалъ снисхожденію. Мы встрѣчаемся здѣсь также съ замѣной дѣлъ благочестія уплатою извѣстной суммы денегъ. Раймундъ долженъ былъ поститься съ пятницы послѣ Михайлова дня (29 сентября) до Пасхи и не долженъ былъ вообще никогда ѣсть мяса по пятницамъ, но онъ могъ замѣнить этотъ постъ уплатой каждый разъ одного денье бѣдному. Ежедневно семь разъ онъ долженъ читать «Pater Noster» и «Ave Maria». Въ теченіе трехъ лѣтъ

---

[1]) Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 3.—Concil. Biterrens. ann. 1246, append. c. 28.—Coll. Doat, XXI, 200.—Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992.

[2]) Paramo, «De orig. Offic. S. Inquis.», lib. II, Tit. I, c. 2, § 6.—Martène, «Thès.», I, 802.—Coll. Doat, XXXI, 1.

Библиотека "Руниверс"

онъ долженъ посѣтить святыни св. Маріи де Рошъ-Амуръ, св. Ру д'Алисканъ, св. Эгидія де Воверть, св. Вильгельма де Дезеръ, св. Іакова Компостельскаго и отовсюду доставить удостовѣренія отъ настоятелей. Взамѣнъ другихъ епитимій онъ долженъ дать шесть турскихъ ливровъ епископу Альби на построеніе часовни. Онъ долженъ ходить къ обѣднѣ, по крайней мѣрѣ, всякое воскресеніе и каждый праздникъ и въ эти дни воздерживаться отъ всякой работы. Другая подобная же епитимія была наложена на одного картезіанца изъ Лубатьера, обвиненнаго въ принадлежности къ францисканцамъ-спиритуалистамъ. Онъ долженъ былъ не выходить изъ аббатства въ теченіе трехъ лѣтъ и все это время не говорить ни слова, кромѣ крайне исключительныхъ случаевъ. Въ продолженіе цѣлаго года въ присутствіи всей братіи онъ ежедневно долженъ былъ исповѣдывать, что Іоаннъ XXII есть истинный папа, и что повиновеніе ему обязательно; кромѣ того, онъ долженъ былъ наложить на себя нѣкоторые особые посты и повторять извѣстныя мѣста изъ литургіи и псалтыри. Подобныя епитиміи могли разнообразиться до безконечности по желанію инквизитора [1]).

Во всемъ приведенномъ нами нѣтъ упоминаній о бичеваніи; но оно было столь обычнымъ условіемъ епитиміи, что часто оно подразумѣвалось, когда предписывались паломничества и посѣщеніе церквей. Мы уже видѣли, что Раймундъ Тулузскій былъ подвергнутъ бичеванію, и, какъ ни противна кажется намъ эта мѣра, мы не должны забывать, что въ глазахъ людей той эпохи она не заключала въ себѣ ничего унизительнаго. Соборы въ Нарбоннѣ и Безье въ 1244 и 1246 гг., а также соборъ въ Таррагонѣ, въ 1242 г. упоминаютъ о бичеваніи какъ о наказаніи, принадлежащемъ къ разряду легкихъ, налагаемыхъ на добровольно обращающихся и кающихся въ теченіе срока милосердія. Но все же наказаніе это было далеко не легкое. Кающійся, обнаженный, насколько позволяли благопристройность и температура, всякое воскресеніе во время обѣдни, между Апостоломъ и Евангеліемъ, подходилъ къ священнику съ розгой въ рукѣ, и священникъ наносилъ ему частые удары на глазахъ у всѣхъ вѣрныхъ. Поразительная интермедія среди божественной литургіи! Въ первое воскресеніе каждаго мѣсяца кающійся долженъ былъ послѣ обѣдни обходить всѣ дома, гдѣ онъ видѣлъ еретиковъ, и получить тамъ такіе же удары розгой; онъ долженъ былъ въ томъ же одѣяніи, т.-е. полуголый, сопровождать всѣ торжественныя процессіи и получать удары при каждой остановкѣ и по окончаніи. Если даже городъ находился подъ запрещеніемъ, или онъ самъ былъ отлученъ отъ Церкви, онъ долженъ былъ все равно выполнять епитимію, которая длилась столько времени, сколько было угодно инквизитору, длилась часто до самой смерти несчастнаго; одинъ только инквизиторъ могъ положить ей конецъ. До насъ дошло рѣшеніе Бернара Ги отъ 1330 г., дарующее прощеніе кающимся, которые, благодаря своему терпѣнію и покорности въ тюрьмѣ, заслужили уменьшеніе наложеннаго на нихъ наказанія; почти тожественныя рѣшенія встрѣчаются и раньше, послѣ организаціи Инквизиціи [2]).

Паломничество считалось одной изъ самыхъ легкихъ формъ наказанія; но это только сравнительно съ другими: идти на поклоненіе святымъ мѣстамъ надо было пѣшкомъ, а число этихъ мѣстъ было обыкновенно такъ велико, что обходъ ихъ всѣхъ требовалъ нѣсколькихъ лѣтъ жизни, въ теченіе которыхъ семья кающагося могла умереть съ голоду. Одинъ изъ самыхъ умѣренныхъ инквизиторовъ, Петръ Селла, часто между другими паломничествами предписывалъ паломничества въ Компостель и Кэнтерберн съ многочисленными остановками въ попутныхъ церквахъ; въ одномъ случаѣ паломничество въ Компостель было

---

[1]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 255).—Coll. Doat, XXVII, 136.

[2]) Concil. Tarraconens. ann. 1242.—Concil. Narbonn. ann. 1241, c. 1.—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 6.—Bern. Guidon. «Practica» (Doat. XXIX, 54).—Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 214.

Библиотека "Руниверс"

предписано болѣе чѣмъ девяностолѣтнему старцу за то только, что онъ разговаривалъ съ еретиками. Хотя гостепріимство, оказываемое путникамъ многочисленными монастырями и облегчало эти путешествія, но все же паломничества были и опасны и утомительны. Но хожденія по святымъ мѣстамъ были такъ обычны въ средніе вѣка и такъ часто налагались при обыкновенныхъ епитиміяхъ, что Инквизиція естественно должна была налагать ихъ. Въ ту эпоху человѣкъ такъ заботился о спасеніи своей души, что въ Римъ, по свидѣтельству современника, во время юбилея 1300 года ежедневно приходило до 20000 богомольцевъ, и поэтому кающійся, который отдѣлался одними хожденіями по святымъ мѣстамъ, могъ думать, что съ нимъ поступили очень милостиво [1]).

Паломничества, налагаемыя Инквизиціей, дѣлились на два разряда—большія и малыя. Въ Лангедокѣ въ случаѣ большихъ паломничествъ назначались Римъ, Компостель, Кэнтербери и Кельнъ. Малыхъ было девятнадцать къ мѣстнымъ святынямъ Парижа и Булони. За какія преступленія накладывались они, видно изъ приговора, вынесеннаго Бернаромъ Ги въ 1322 г. по дѣлу трехъ обвиняемыхъ, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что лѣтъ 15 или 20 тому назадъ они видѣли вальденскихъ наставниковъ въ домахъ своихъ родителей, не зная, что это за люди. Чтобы загладить это прегрѣшеніе, кающіеся должны были посѣтить въ теченіе трехъ мѣсяцевъ семнадцать святыхъ мѣстъ между Бордо и Віенной и, согласно обычаю, принести изъ каждаго мѣста удостовѣреніе о томъ, что они тамъ были. Въ данномъ случаѣ сдѣлана оговорка, что они не должны носить крестовъ, и я думаю, что это избавляло ихъ отъ бичеванія, которому подвергались при первомъ появленіи въ церкви всѣ кающіеся, отмѣченные крестами. Подъ 1308 г. мы встрѣчаемъ одинъ случай, когда осужденный былъ освобожденъ отъ хожденій по святымъ мѣстамъ въ виду его преклоннаго возраста и слабости; ему замѣнили ихъ посѣщеніемъ два раза въ годъ всѣхъ церквей въ самой Тулузѣ. Подобные примѣры снисхожденія такъ рѣдки въ практикѣ Инквизиціи, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ [2]).

Въ первое время дѣятельности Инквизиціи назначалось паломничество въ Палестину, куда кающіеся должны были идти въ качествѣ крестоносцевъ. Легатъ Романо налагалъ эту епитимію на всѣхъ подозрѣваемыхъ въ ереси; но, когда преслѣдованіе охватило весь Лангедокъ, число этихъ подневольныхъ крестоносцевъ стало такъ велико, что стали опасаться, какъ бы они не исказили вѣры даже на ея родинѣ. Въ 1242 или 1243 г. папа запретилъ вербовать крестоносцевъ среди еретиковъ; а въ 1246 г. соборъ въ Безье предоставляетъ на усмотрѣніе инквизитора разрѣшеніе вопроса, должны ли кающіеся лично нести службу за моремъ, или посылать вмѣсто себя вооруженнаго человѣка, или сражаться за вѣру противъ еретиковъ или сарацинъ ближе къ своему дому. Также по своему усмотрѣнію инквизиторы могли опредѣлять срокъ службы, который обыкновенно былъ отъ двухъ до трехъ лѣтъ и въ исключительныхъ случаяхъ отъ семи до восьми. Отправлявшіеся въ Святую Землю должны были принести удостовѣренія, скрѣпленныя патріархомъ Іерусалима или Акры. Когда, послѣ долгихъ отсрочекъ, графъ Раймундъ началъ приготовляться къ выполненію своего обѣта отправиться въ Святую Землю, то онъ получилъ въ 1247 г. отъ папы Иннокентія IV буллу, разрѣшавшую архіепископу Оха и епископу Ажана замѣнить паломничествомъ за море временное ношеніе крестовъ и тюремное заключеніе и даже епитиміи, наложенныя на всю жизнь, если инквизиторъ, наложившій ихъ, согласится на это. Въ слѣдующемъ году эта мѣра была распространена и на владѣнія графа Монфора, благодаря чему мы опять встрѣчаемъ много кающихся въ рядахъ крестоносцевъ. До насъ дошло поученіе, данное инквизиторами Каркассона 5 октября 1251 г. въ церкви святого

[1]) Coll. Doat, XXI, 222.—Waddingi. «Annal.» ann. 1300, № 1.—ср. Molinier, «L'Inquis. dans le midi», 400—1.

[2]) Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXVII, 11).—Lib. Sentent. Inq. Tolosan., стр. 1, 310—1.

Библиотека "Руниверс"

Михаила тѣмъ, кто носилъ кресты и кто кончилъ носить ихъ; ихъ приглашаютъ сдержать слово и отплыть при первомъ случаѣ въ Святую Землю. Въ реестрѣ каркассонско-й инквизиціи часто встрѣчаются приказанія кающимся принять участіе въ крестовомъ походѣ. Печальные результаты похода Людовика Святого и паденіе Іерусалимскаго королевства вывели изъ обычая эту форму епитиміи, хотя время-отъ-времени ее продолжали еще накладывать. Еще въ 1321 г. Гильемъ Гаррикъ былъ осужденъ отправиться при первомъ случаѣ въ Святую Землю и оставаться тамъ, пока инквизиторъ не призоветъ его обратно; въ случаѣ законныхъ препятствій (онъ былъ очень старъ и изможденъ тридцатилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ) онъ могъ послать вмѣсто себя здороваго вооруженнаго человѣка; но если онъ не сдѣлаетъ этого и не отправится самъ, то ему грозило пожизненное тюремное заключеніе. Этотъ приговоръ представляетъ намъ, кромѣ того, рѣдкій примѣръ изгнанія, такъ какъ Гильему было приказано, если онъ пошлетъ въ Святую Землю вмѣсто себя другого, избрать себѣ опредѣленное мѣстожительство и оставаться тамъ, сколько заблагоразсудится инквизитору [1]).

Эти наказанія не затрагивали ни соціальнаго положенія, ни репутаціи кающагося. Не таково было, на первый взглядъ несравненно болѣе легкое осужденіе носить кресты. Это было прежде всего наказаніе унизительное, poena confusibilis. Мы видѣли, что уже въ 1208 г. св. Доминикъ приказалъ еретикамъ носить на груди два маленькихъ крестика какъ знаменіе ихъ грѣха и раскаянія. Какимъ-то противорѣчіемъ кажется, что символъ искупленія, который съ гордостью носили крестоносцы и воинствующіе ордены, превратился для обращенныхъ почти въ непереносимое наказаніе; но послѣ того, какъ Церковь стала употреблять его какъ видимый знакъ грѣха и позора, люди охотно предпочли бы ему всякую другую опалу. Два маленькихъ крестика св. Доминика превратились въ двѣ большихъ холщевыхъ нашивки шафраннаго цвѣта, перекладины которыхъ были въ $2^1/_2$ дюйма шириною, въ $2^1/_2$ фута высотою и въ 2 фута длиною; одинъ крестъ нашивался на спинѣ, другой на груди; иногда, впрочемъ, ограничивались однимъ крестомъ на груди. Если во время своего процесса обращенный давалъ ложную присягу, то сверху прибавляли вторую поперечную перекладину; если онъ былъ Совершенный, то нашивался третій крестъ на шапкѣ. Въ другихъ случаяхъ узникъ, отпущенный на поруки, долженъ былъ носить молотъ. Мы уже говорили о красныхъ языкахъ, нашиваемыхъ на лжесвидѣтелей, и о листахъ, которые носили поддѣлыватели документовъ, но было еще много другихъ знаковъ униженія, до которыхъ могъ додуматься инквизиторъ. Эти клейма кающійся долженъ былъ носить какъ дома, такъ и внѣ его, и долженъ былъ замѣнять ихъ новыми, когда они приходили въ ветхость. Во второй половинѣ XIII вѣка отправлявшимся въ крестовый походъ за море разрѣшалось снять эти кресты на время похода съ условіемъ снова нашить ихъ по возвращеніи. Въ началѣ дѣятельности Инквизиціи это унизительное наказаніе обыкновенно ограничивали срокомъ отъ одного года до восьми лѣтъ; но впослѣдствіи наказаніе это накладывалось постоянно на всю жизнь, хотя инквизиторъ имѣлъ право всегда сложить его въ виду хорошаго поведенія кающагося. Такъ, напр., на ауто-да-фе 1309 г. Бернаръ Ги разрѣшилъ Раймундѣ, женѣ Этьена Го, снять кресты, носить которые она была осуждена лѣтъ сорокъ передъ этимъ Понсомъ де Пуайэ и Этьеномъ де Гатинъ [2]).

---

[1]) Wadding. «Annal.» ann. 1238, № 7.—Concil. Narbonn. ann. 1244 c. 2.—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 26, 29.—Berger. «Les Registres d'Innocent IV», №№ 3508, 3677, 3866.—Coll. Doat, XXXI, 17.—Vaissete, III, Pr. 466.—Mss. Bib. Nat., fon. lat., nouv. acquis., 139, fol. 8.—Molinier, «L'Inquis. dans le Midi», 408—9.—Lib. Sentent. Inq. Tolos., 284—5.—Coll. Doat, XXI, 185, 187, 217.

[2]) Conc. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 26.—Lib. Sentent. Inq. Tolos. 8. 13, 130, 228. Въ Италіи кресты, повидимому, дѣлались изъ краснаго сукна (Archiv. di Firenze, Prov.

Библиотека "Руниверс"

Нарбоннскій соборъ 1229 г. предписалъ ношеніе крестовъ всѣмъ обращеннымъ, которые добровольно отреклись отъ ереси, какъ доказательство того, что они питаютъ отвращеніе къ своимъ прежнимъ заблужденіямъ. Повидимому, эту епитимію находили тяжелой, и дѣлались попытки освободиться отъ нея, такъ какъ статуты Раймунда отъ 1234 г. и собора въ Безье того же года грозятъ конфискаціей имущества тѣмъ, кто откажется носить эти видимые знаки позора или будетъ скрывать ихъ. Другіе соборы, подтверждая это постановленіе, распространяли его на всѣхъ, кто возсоединится съ Церковью. Валанскій соборъ 1248 г. постановилъ, что ослушники безъ всякаго сожалѣнія должны быть принуждены загладить свою вину, а въ случаѣ повторенія ея съ ними должно быть поступлено какъ съ бѣжавшими изъ тюрьмы, и къ нимъ должны быть примѣнены всѣ тѣ наказанія, которымъ подлежатъ нераскаявшіеся еретики. Въ 1251 г. одинъ кающійся, собираясь отплыть въ крестовый походъ, рѣшилъ, что можетъ снять съ себя кресты раньше выступленія въ походъ; за это онъ попалъ подъ судъ, его присудили всякое первое воскресенье каждаго мѣсяца приходить въ Каркассонъ босикомъ, въ одной рубашкѣ и штанахъ и обходить всѣ городскія церкви, подвергаясь бичеванію; и это наказаніе должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока онъ не сядетъ на корабль [1]).

Эти суровыя мѣры показываютъ, до чего невыносимо было ношеніе крестовъ. Петръ Селла приговаривалъ къ этому наказанію только за тяжелыя прегрѣшенія и всегда на опредѣленное число лѣтъ; позднѣе это наказаніе стали примѣнять при каждомъ случаѣ и на всю жизнь. Несчастный кающійся былъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ, и ему было страшно трудно зарабатывать себѣ дневное пропитаніе. Въ первыя времена Инквизиціи, когда большинство населенія Лангедока состояло изъ еретиковъ, и когда людей, отмѣченныхъ крестами, было такъ много, что даже боялись ихъ появленія въ Палестинѣ, то соборъ въ Безье въ 1246 г. счелъ нужнымъ объяснить населенію, чтобы оно оказывало хорошій пріемъ кающимся; онъ запретилъ насмѣхаться надъ ними и отказываться отъ сношеній съ ними, такъ какъ, пояснилъ соборъ, наглядное выраженіе покаянія должно у всѣхъ вѣрныхъ вызывать чувство удовлетворенія и служить поводомъ къ привѣтствію. Но хотя кающіеся и находились подъ особымъ покровительствомъ Церкви, тѣмъ не менѣе, она настолько ревностно проповѣдывала ненависть къ ереси, что не могла смягчить отношеній массы къ тѣмъ, которыхъ она клеймила. Въ 1252 г. каркассонская инквизиція вызвала на судъ Раймунду Манифасье за то, что она сняла съ себя кресты; она оправдывалась, говоря, что ея плащъ изорвался, и что она не могла сдѣлать новаго за неимѣніемъ средствъ; что же касается креста на пелеринкѣ, то его запретила носить ей хозяйка, давшая ей новую пелеринку безъ креста. Болѣе поучителенъ случай съ Арнольдомъ Изарномъ, о которомъ мы уже упоминали: промучившись годъ, онъ увидѣлъ, что ему не заработать себѣ куска хлѣба съ этими знаками униженія [2]).

Инквизиція прекрасно понимала, что положеніе кающихся было ужасно, и иногда она милостиво облегчала его. Такъ, напр., въ 1250 г. въ Каркассонѣ было разрѣшено Петру Пельга снять кресты на время поѣздки во Францію. Бернаръ Ги свидѣтельствуетъ, что молодымъ дѣвушкамъ часто разрѣшалось снимать кресты, такъ какъ съ ними онѣ

S. Maria Novella, 31 oct. 1327). — Въ XIII в. есть отдѣльное упоминаніе о другой роепа confusibilis, состоявшей въ томъ, что кающійся носилъ деревянный воротникъ. Она упоминается въ Шартрѣ, въ 1233, но другого подобнаго примѣра не встрѣчается (Ripoll, I, 46).

[1]) Concil. Narbonn. ann. 1229, c. 10.—Statut. Raymondi ann. 1234 (Hardouin, VII, 205).—Concil. Biterrens. ann. 1234, c. 4.—Concil. Tarraconens. ann. 1242.—Concil. Narbonn. ann. 1244. c. 4.—Concil. Valentin. ann. 1248, c. 13.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 4.—Mss. Bib. Nat., fon. lat., nouv. acquis., 139, fol. 2.

[2]) Coll. Doat, XXI, 185 и слѣд.—Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 6.—Molinier, «L'Inquis. dans le Midi», 412.—Lib. Sent. Inq. Tolosan. 350.

Библиотека "Руниверс"

не могли бы выйти замужъ. Въ одномъ изъ образцовъ его «Practica», касающихся освобожденія кающихся отъ ношенія крестовъ, перечисляются разнообразные мотивы, обыкновенно примѣнявшіеся въ этомъ случаѣ: преклонный возрастъ, или слабость (несомнѣнно потому, что старикъ или больной не могли заставить молчать насмѣшниковъ), или наличность у кающагося семьи, которую нужно кормить, или дочерей, которыхъ нужно выдать замужъ. Еще болѣе внушительны формулы воззваній, угрожающія преслѣдованіемъ за помѣху дѣйствіямъ Инквизиціи и осужденіемъ на ношеніе крестовъ всѣмъ, кто будетъ издѣваться надъ кающимся, будетъ гнать ихъ или мѣшать имъ слѣдовать ихъ призванію; но безплодность этихъ обращеній засвидѣтельствована указами свѣтскимъ властямъ, которымъ предписывалось искоренять подобныя злоупотребленія. Въ концѣ концовъ, подобныя напоминанія сдѣлались обязательною частью всѣхъ ауто-да-фе. Все это показываетъ, что ношеніе креста, этой эмблемы христіанства, было однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній. Санбенито позднѣйшей испанской Инквизиціи происходитъ отъ нашлечника съ крестами шафраннаго цвѣта, который надѣвали на приговоренныхъ къ тюремному заключенію, когда въ извѣстные праздники ихъ выставляли у дверей церкви, чтобы ихъ ужасный видъ и униженіе поучали народъ [1]).

Въ первое время возникновенія Инквизиціи вопросъ о томъ, могутъ ли инквизиторы налагать штрафы, былъ спорнымъ. Обѣтъ бѣдности, даваемый нищенствующими монахами, которымъ было поручено святое дѣло Инквизиціи, еще не пришелъ въ забвеніе, и трудно было примириться, видя, какъ они богатѣютъ благодаря законному или незаконному примѣненію своей почти безграничной власти. Но они скоро пошли по этому пути. Мы уже приводили приговоръ отъ 1237 г., которымъ нѣкто Понсъ Гримоарди, добровольно обратившійся, былъ присужденъ уплатить инквизитору десять ливровъ morlaas. Въ 1245 г. приговоръ, вынесенный во Флоренціи неутомимымъ инквизиторомъ Руджіери Кальканьи, показываетъ, что штрафы стали тамъ обычнымъ наказаніемъ. И не безъ основанія Нарбонскій соборъ 1244 г. въ своихъ инструкціяхъ инквизиторамъ предписываетъ имъ не приговаривать къ денежнымъ наказаніямъ какъ въ интересахъ добраго имени ордена, такъ и въ виду того, что имъ надлежало выполнить много другого. Самъ орденъ чувствовалъ, что эти замѣчанія справедливы. Такъ какъ инквизиторы, по крайней мѣрѣ, въ теоріи не вышли еще изъ-подъ надзора своихъ старшихъ, то провинціальный капитулъ въ Монпелье въ 1242 г. пытался примѣнить на дѣлѣ правила Ордена и запретилъ монахамъ налагать на будущее время штрафы и взыскивать наложенные ранѣе. Но на это постановленіе мало обратили вниманія, какъ это видно изъ буллы Иннокентія IV отъ 1245 г., въ которой папа, желая сохранить доброе имя инквизиторовъ, повелѣваетъ, чтобы штрафы получались двумя лицами, избранными епископомъ и инквизиторомъ, съ тѣмъ, чтобы они шли на постройку тюремъ и на содержаніе заключенныхъ. Чтобы согласоваться съ буллою Иннокентія IV, соборъ въ Безье въ 1246 г. отмѣнилъ постановленіе Нарбонскаго собора и постановилъ, чтобы штрафы шли на тюрьмы и на покрытіе необходимыхъ расходовъ Инквизиціи. Несомнѣнно, епископы охотно приняли это постановленіе, чтобы не платить изъ своего кармана тѣхъ издержекъ, которыя проистекали изъ ихъ епископской юрисдикціи. Въ современномъ наставленіи инквизиторамъ назначеніе штрафныхъ денегъ опредѣлялось въ указанномъ смыслѣ, но злоупотребленія не замедлили возникнуть, и уже въ 1249 г. Иннокентій IV жестоко упрекалъ инквизиторовъ за ихъ лихоимство къ ущербу обращеннымъ, къ стыду Св. Престола и къ соблазну вѣрныхъ. Повидимому, этотъ упрекъ, не оказалъ желаннаго дѣйствія, такъ какъ въ 1251 г. папа совершенно запретилъ Инкви-

[1]) Molinier, op. cit. 404, 414—15.—Bernard. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX. 115).—Ejusd. «Practica», P. II (Doat, XXIX, 75).—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat XXXVII, 107. 135, 149).—Eymerici «Direct. Inq.», 496—99

Библиотека "Руниверс"

зиторамъ накладывать штрафы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можно было наложить другое наказаніе. Но инквизиторы добились отмѣны этого запрещенія и присвоили право накладывать денежныя наказанія по своему усмотрѣнію. Суммы, собранныя такимъ путемъ, само собой разумѣется, должны были идти на добрыя дѣла, подразумѣвая подъ этимъ и расходы св. Инквизиціи; а такъ какъ всѣ деньги поступали въ руки лично инквизиторамъ, то, вѣроятно, ихъ не тратили на сторонніе нужды, а расходовали «благопристойно, не вызывая соблазна среди мірянъ», какъ совѣтовалъ это Эмерикъ. Въ приговорахъ, вынесенныхъ бр. Антоніо Секко по дѣлу крестьянъ вальденскихъ долинъ въ 1387 г., осужденіе на ношеніе крестовъ обыкновенно сопровождалось штрафомъ отъ 5 до 10 флориновъ золотомъ, уплачиваемыхъ Инквизиціи «на покрытіе расходовъ по дѣлу». Государство попыталось-было получить себѣ часть въ этихъ деньгахъ, но его притязанія были отвергнуты собраніемъ экспертовъ, созваннымъ въ Піаченцѣ въ 1276 г. ломбардскими инквизиторами, бр. Никколо да Кремона и бр. Даніело да Джуссано. Первый тулузскій инквизиторъ Петръ Селла накладывалъ денежныя наказанія, назначеніе которыхъ было болѣе разумно: кромѣ паломничествъ и другихъ наказаній, осужденный обязывался содержать на свой счетъ, нѣсколько лѣтъ или цѣлую жизнь, священника или одного бѣднаго изъ своей страны [1]).

Въ позднѣйшую эпоху выставляли на видъ, что штрафъ принципіально не допустимъ, такъ какъ, если обвиняемый—еретикъ, то все его имущество должно быть конфисковано, если же онъ невиновенъ, то онъ не долженъ быть наказанъ. На это инквизиторы возражали, что, кромѣ еретиковъ, есть еще сторонники и защитники ереси, люди, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они произнесли неосторожное слово; на этихъ людей можно было и даже слѣдовало накладывать штрафы. Такимъ образомъ, злоупотребленіе осталось, такъ какъ оно было выгодно для инквизиціи [2]).

Отъ штрафовъ нельзя отдѣлять замѣну наложенныхъ наказаній уплатою извѣстной суммы. Мы уже говорили, какъ былъ распространенъ и прибыленъ обычай «слагать» съ крестоносцевъ обѣты; неминуемо аналогичное злоупотребленіе должно было запятнать и отношенія Церкви къ кающимся, которыхъ Инквизиція передавала ей въ руки. Скоро было найдено оправданіе, а именно, что деньги, собранныя такимъ образомъ, должны идти на дѣла благочестія, а какое дѣло было болѣе благочестивымъ, чѣмъ удовлетвореніе нуждъ тѣхъ, кто ревностно трудился надъ сохраненіемъ вѣры въ ея чистотѣ. Примѣромъ здѣсь служилъ Св. Престолъ. Мы уже видѣли, что въ 1248 г. папскій духовникъ Альгизій приказалъ отъ имени Иннокентія IV освободить десять заключенныхъ, сознавшихся въ ереси, на томъ основаніи, что они пожертвовали крупныя суммы на Св. Землю. Въ томъ же году Иннокентій оффиціально разрѣшилъ Альгизію сложить наказаніе нѣсколькимъ еретикамъ безъ согласія инквизиторовъ, и онъ предоставилъ полное право архіепископу Оха замѣнить «благотворительностью» духовныя наказанія, наложенныя на возсоединенныхъ съ Церковью еретиковъ. Въ это время Раймундъ готовился къ крестовому походу, и предлогъ былъ хорошій. Еретики желали только одного—спасти свою жизнь цѣною имущества, и проектъ обѣщалъ хорошіе доходы. Въ виду этого въ 1249 г. Альгизій былъ посланъ въ Лангедокъ съ широкими полномочіями замѣнять наложенныя инквизиторами наказанія

---

[1]) Vaissete, III. Pr. 386.—Lami, «Antichità Toscane», 560.—Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 17.—Innoc. PP. IV. Bull. «Quia te», 19 jan. 1245 (Doat, XXXI, 71).—Molinier. op. cit. 23, 190.—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 27.—Practica super Inquis. (Mss. Bit. Nat., fon. lat., № 14930, fol. 222)—Innoc. PP. IV. Bull «Cum a quibusdam», 14 maii 1249 (Doat, XXXI. 81, 116).—Coll. Doat, XXXIII, 198.—Ripoll. I. 194.—Eymerici «Direct. Inq.», 648—9, 653.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XIX, XX, XLI—Archiv. Storico Italiano, № 38, стр. 27, 42.—Campi, «Dell. Hist. Eccles. di Piacenza», P. II, 309.—Coll. Doat, XXI, 185 и слѣд.

[2]) Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Poenam».

Библиотека "Руниверс"

Допросъ, сопровождаемый пыткой водою.
(Съ современной гравюры).

Пытка посредствомъ „испанскихъ сапогъ".
(Съ современной гравюры).

Библиотека "Руниверс"

штрафами, предназначаемыми на нужды Церкви и Св. Земли, и раздавать всѣ необходимыя разрѣшенія грѣховъ, не обращая вниманія на привилегіи Инквизиціи. Не трудно догадаться, что инквизиторы не замедлили послѣдовать доброму примѣру. Въ извѣстныхъ намъ случаяхъ обыкновенно опредѣляется, на какое благочестивое дѣло должны пойти деньги; такъ, напр., въ 1255 г. тулузскіе инквизиторы отмѣнили наказанія, наложенныя ими на двѣнадцать главныхъ гражданъ Лавора, подъ условіемъ, чтобы они внесли извѣстную сумму на сооруженіе храма, который впослѣдствіи сталъ каѳедральнымъ соборомъ этого города; въ 1258 г. они то же сдѣлали и въ пользу церкви въ Нажакѣ. Мосты были предметомъ общественнаго пользованія, и поэтому постройка мостовъ была подведена подъ растяжимое понятіе «благочестивыхъ дѣлъ». Въ 1310 г. въ Тулузѣ Матье Эйшаръ былъ освобожденъ отъ ношенія крестовъ и отъ паломничествъ подъ условіемъ денежнаго взноса сорока турскихъ ливровъ на постройку моста на Тонненсѣ. Въ формулѣ подобныхъ мировыхъ сдѣлокъ, составленной Бернаромъ Ги, говорится, что помилованіе, сложеніе паломничествъ или другихъ духовныхъ наказаній допускаются при уплатѣ 40 ливровъ на постройку извѣстнаго моста, или извѣстной церкви, или «на дѣла благочестія по нашему усмотрѣнію». Послѣдняя оговорка показываетъ, что деньги, вносимыя взамѣнъ наказанія, не всегда шли на общественныя дѣла. Такъ, напр., до насъ дошли бумаги нарбоннскаго инквизитора отъ 1264 г., который далъ прощеніе Гильему де Пюи въ виду пожертвованія имъ 150 турскихъ ливровъ на пользу Инквизиціи. Величина этихъ суммъ показываетъ, какъ сильно желали кающіеся покончить дѣло миромъ, и какъ велика была у инквизиторовъ власть вымогать деньги. Если инквизиторъ былъ человѣкомъ честнымъ, то онъ могъ, конечно, устоять противъ соблазна; но если это былъ человѣкъ алчный, то онъ пользовался почти безгранично легкой возможностью вымогать деньги у несчастныхъ, беззащитныхъ жертвъ. Эта система сохранилась до послѣднихъ дней Инквизиціи. Во время Николая V бр. Мигель, инквизиторъ арагонскій, смертельно оскорбилъ нѣсколько видныхъ сановниковъ, дѣйствуя согласно инструкціямъ папы; они за это схватили его и продержали девять мѣсяцевъ подъ замкомъ. Это было возмутительное нападеніе на Инквизицію. Въ 1458 г. Пій II приказалъ архіепископу Саррагоссы выкопать кости одного изъ виновныхъ и послать ихъ въ Римъ на судъ; но онъ добавилъ при этомъ, что архіепископъ по своему усмотрѣнію можетъ замѣнить это наказаніе штрафомъ на нужды войны противъ турокъ и переслать эти деньги въ папскую канцелярію. Само собой разумѣется, что смертный приговоръ законнымъ путемъ никогда не могъ быть выкупленъ деньгами [1]).

Когда кающійся умиралъ, не выполнивъ своей епитиміи, то случай для подобныхъ сдѣлокъ былъ особо благопріятенъ. Смерть не освобождала людей отъ Инквизиціи и отнюдь не смягчала ея преслѣдованій. На практикѣ здѣсь могло быть различіе между тѣми, кто умиралъ, смиренно выполняя свою епитимію, но не успѣвъ довести ее до конца, и между тѣми, кто добровольно не захотѣлъ подчиниться ей; но по буквѣ закона невыполненіе духовнаго наказанія влекло за собой обвиненіе въ ереси безразлично какъ для живого, такъ и для мертваго. Такъ, напр., въ 1329 г. каркассонская инквизиція приказала вырыть и сжечь кости семи лицъ, которыя, не исполнивъ наложенныхъ на нихъ епитимій, умерли въ ереси; это естественно влекло конфискацію ихъ имущества и грозило ихъ потомкамъ, кромѣ разоренія, еще извѣстными ограниченіями правъ, о которыхъ мы говорили выше. Соборы Нарбонны и Альби предписали инквизиторамъ требовать удовлетворенія отъ наслѣдниковъ тѣхъ, кто умеръ до суда, если они должны были быть осуждены на

[1]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 152).—Arch. Nat. de France, J. 430, № 1 — Berger, «Les Registres d'Innoc. IV», № 4093. - Vaissete. III, 460, 462. — Molinier, op. cit., 174, 283—4, 391, 396—7. Lib. sent. Inq. Tolos., 40.—Bern. Guidonis «Practica» (Doat, XXIX, 83).—Coll. Doat. XXXI, 292.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXV, 192).—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XIX.

Библиотека "Руниверс"

ношеніе крестовъ, а также отъ наслѣдниковъ тѣхъ, кто сознался и былъ осужденъ, но умеръ раньше, чѣмъ могъ начать или выполнить епитимію. Ги Фукуа высказываетъ предположеніе, что въ подобномъ случаѣ кающійся попадаетъ въ Чистилище, и онъ приходитъ къ выводу, что съ его наслѣдниковъ ничего не слѣдуетъ требовать; но его авторитетъ долженъ былъ клониться передъ болѣе прибыльнымъ ученіемъ соборовъ, и современное руководство предписывало инквизиторамъ требовать «приличнаго удовлетворенія». Есть что-то особенно отталкивающее въ той алчности, съ которой преслѣдовали за предѣлами могилы тѣхъ, кто смиренно сознался, раскаялся и былъ принятъ въ лоно Матери-Церкви; но Инквизиція не знала жалости и отбирала все до послѣдняго гроша. Такъ, напр., инквизиторъ Каркассона предписалъ пятилѣтнее паломничество въ Св. Землю нѣкоему Жану Видалю; но онъ умеръ, не успѣвъ выполнить этого. 21 марта 1252 г. его наслѣдники, вызванные на судъ, показали подъ присягой, что все имущество покойнаго равнялось 20 ливрамъ, и дали залогъ, что во всемъ признаютъ рѣшеніе инквизитора. Послѣднее было объявлено въ августѣ, и отъ наслѣдниковъ было потребовано 20 ливровъ, т.-е. все состояніе покойнаго. А вотъ другой случай. Раймундъ Барбайра умеръ, не совершивъ нѣсколькихъ паломничествъ, къ которымъ, равно какъ и къ ношенію крестовъ, онъ былъ присужденъ. Опись его имущества показала, что у него были слѣдующія вещи: кровать, одежда, шкафъ, нѣсколько головъ скота и 4 су; все перешло къ его роднымъ. И вотъ 7 марта 1256 г. инквизиторъ потребовалъ отъ наслѣдниковъ этого убогаго имущества уплаты 40 су къ Пасхѣ, взявъ съ нихъ поручительство. Подобные случаи освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ духъ и пріемы Инквизиціи, а также тотъ гнетъ, которымъ давила она несчастное населеніе, предоставленное на ея произволъ. Даже въ томъ случаѣ, если дѣло шло только о предполагаемыхъ сторонникахъ ереси, которые не были еретиками, ихъ наслѣдники все равно должны были подчиняться всякому денежному наказанію, которое было бы наложено на умершихъ [1]).

Другимъ, болѣе законнымъ, источникомъ доходовъ, но также породившимъ крупныя злоупотребленія, былъ обычай требовать залоги. Послѣдніе, конечно, могли быть оставлены обвиняемыми и служили, такимъ образомъ, незаконнымъ поводомъ къ смягченію наказанія. Этотъ обычай вошелъ въ употребленіе съ первыхъ дней Инквизиціи и примѣнялся въ теченіе всего судопроизводства отъ перваго вызова на судъ до объявленія окончательнаго рѣшенія и даже послѣ, такъ какъ случалось, что заключенныхъ освобождали подъ условіемъ, что они явятся по первому требованію, а въ видѣ гарантіи они вносили залогъ. Обращенный, получившій прощеніе послѣ отреченія отъ ереси, также долженъ былъ внести залогъ, обѣщаясь не впадать болѣе въ заблужденія. Такъ, напр., въ 1234 г. одинъ знатный миланецъ Лантельмо былъ обязанъ внести 2000 ливровъ, а за двухъ флорентинскихъ купцовъ друзья внесли 2000 серебряныхъ марокъ. Въ 1244 г. барони изъ Флоренціи обѣщали, уплативъ залогъ въ 1000 ливровъ, повиноваться приказаніямъ Церкви; въ 1252 г. нѣкто Гильемъ Рожеръ обязался, внеся въ обезпеченіе 100 ливровъ, отплыть съ первымъ кораблемъ въ Св. Землю и оставаться тамъ три года. Гарантія всегда требовалась денежная, и инквизитору было запрещено принимать ее изъ рукъ еретиковъ, вина которыхъ влекла полную конфискацію всего имущества; но это правило соблюдалось плохо, и часто находили друзей обвиняемаго, которые вносили за него требуемый залогъ. Оставленный залогъ долженъ былъ поступать въ пользу инквизитора иногда непосредственно, иногда при посредствѣ епископовъ, и идти на покрытіе расходовъ Инквизиціи. Обыкновенная форма залога предоставляла въ распоряженіе инквизитора все имущество заинтересован-

[1]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 236).—Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 19.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 25.—Guid. Fulcod. «Quaest.» VII.—Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 14930, fol. 221—2). — Molinier, op. cit., 365, 392. — Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Inquisitores», № 18.

Библиотека "Руниверс"

ПЫТКА.—VI.

(„Atlas der Kulturgeschichte", Brockhaus).

(Mystères de l'Inquisiton", C.-V. de Féréal).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

наго лица и имущество двухъ поручителей, каждаго порознь и обоихъ вмѣстѣ; по общему правилу къ залогу можно было прибѣгнуть всегда, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда обвиненіе было очень тяжелое, или когда преступникъ не могъ представить никакого залога [1]).

Невозможно было, чтобы эти разныя уловки набивать карманы, торгуя приговорами Инквизиціи, не породили почти повсемѣстно растлѣнія. Чтобы получить разрѣшеніе на внесеніе залога, нужно было заручиться согласіемъ инквизитора, производство котораго было окружено такою таинственностью, что онъ ничѣмъ не рисковалъ, назначая цѣну за свою снисходительность. Если принять во вниманіе, что всякій, перешедшій семилѣтній возрастъ, могъ подвергнуться подозрѣнію въ ереси, что было неизгладимымъ пятномъ, которое могъ наложить одинъ простой вызовъ въ судъ, то нетрудно понять, какая широкая арена раскрывалась алчности инквизитора, его фискаловъ и слугъ. Мы располагаемъ большимъ числомъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ того, что инквизиторское могущество часто бывало средствомъ для вымогательствъ и шантажа. Въ 1302 г. Бонифацій VIII писалъ доминиканскому провинціалу въ Ломбардіи, что до него дошли прискорбныя жалобы на францисканскихъ инквизиторовъ Падуи и Виченцы, виновныхъ въ томъ, что они вымогали огромныя суммы у мужчинъ и женщинъ и подвергали ихъ тысячѣ притѣсненій. Папа наивно прибавляетъ, какъ увеличивающее ихъ вину, то обстоятельство, что они не употребляли своихъ незаконныхъ доходовъ ни на пользу Св. Трибунала, ни на пользу римской Церкви, ни на пользу своего ордена; отсюда можно заключить, что частенько закрывали глаза на эти вымогательства, разъ прибыль распредѣлялась разумно. Бонифацій поручилъ Ги, епископу Сента, произвести разслѣдованіе, и такъ какъ жалобы подтвердились, то онъ приказалъ провинціалу замѣстить виновныхъ доминиканцами [2]). Эта перемѣна не облегчила участи несчастныхъ притѣсняемыхъ, ибо уже въ слѣдующемъ году юрисконсультъ Падуи, Маскате де Мосчери, обратился къ папѣ Бенедикту и жаловался ему на новаго инквизитора, доминиканца бр. Бенигно, который возбудилъ противъ него дѣло съ единственной цѣлью сорвать деньги. Въ 1304 г. Бенедиктъ былъ вынужденъ сдѣлать серьезное внушеніе инквизиторамъ Падуи и Виченцы въ виду доходившихъ до него жалобъ по дѣламъ добрыхъ католиковъ, которыхъ безсовѣстно преслѣдовали при помощи лжесвидѣтелей. Понятно теперь, почему строгіе францисканцы жаловались, что инквизиторы изъ ихъ ордена путешествовали по странѣ на лошади, а не ходили босые пѣшкомъ, какъ это предписывалось ихъ уставомъ. Въ эту же эпоху раздавались однородныя жалобы и на доминиканцевъ Лангедока. Нелегко было сдвинуть Римъ съ мѣста, но, наконецъ, разслѣдованіе, назначенное Климентомъ V, убѣдило его, что обвиненія были вполнѣ справедливы. На Вѣнскомъ соборѣ 1311 г. папа велѣлъ принять каноны, внесенные въ Corpus Juris, выраженія которыхъ говорятъ довольно ясно о томъ, что народы, отданные во власть Инквизиціи, знали черезчуръ хорошо, что Инквизиція часто пользовалась своимъ могуществомъ для вымогательства денегъ съ невинныхъ и за деньги оставляла на свободѣ виновныхъ. Въ наказаніе за подобные проступки Климентъ предлагалъ отлученіе отъ Церкви

---

[1]) Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 17.—Conc. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 15.—Innoc. PP. IV. Bull. «Com. venerabilis», 29 jan. 1253; Bull. «Cum per nostras», 30 jan. 1253; Bull. «Super extirpatione», 30 maii 1254.—Alex. PP. IV. Bull. «Super extirpatione» 13 nov. 1258; 20 sept. 1259; Bull. «Ad. audientiam», 23 jan. 1260.—Berger, «Les Registres d'Innoc. IV», № 3904.—Ripoll, I. 69, 71, 223—4, 247.—Lami, «Antichità Toscane», 576.—Mss. Bib. Nat., fon. lat., nouv. acquis. 139, fol. 43.—Eymerici «Direct. Inq.», 638.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XIX.—Bern. Guid. «Practica» P. V (Doat, XXX).—Albert. «Repert. Inq.» s. v. «Cautio».—Право вносить залогъ, за исключеніемъ случаевъ уголовнаго обвиненія, было оффиціально признано свѣтскимъ судомъ. См., напр., Isambert, «Anc. loix franc.», III, 57.

[2]) Только въ 1477 г. Сикстъ IV по просьбѣ дожа Андреа Вендрамино отмѣнили декретъ Бонифація и назначилъ инквизиторомъ въ Падую и Виченцу франциканца Джованни до Клуджіа (Archivio Vaticano, Sixto IV, Reg. T. I, fol. 108).

Библиотека "Руниверс"

ipso facto; Бернаръ Ги находилъ это черезчуръ жестокимъ, ибо отлученіе отъ Церкви уничтожило бы всѣ дѣянія провинившагося—какъ добрыя, такъ и дурныя. Но результатъ не оправдалъ ни надеждъ папы, ни опасеній инквизитора: инквизиторы продолжали богатѣть, а народъ стонать отъ ихъ тиранніи. Въ 1338 г. папа былъ вынужденъ приступить къ разслѣдованію по поводу возмутительнаго торга, заключеннаго городомъ Альби, уплатившимъ каркассонскому инквизитору крупную сумму денегъ за то, чтобы онъ выпустилъ на свободу нѣсколькихъ гражданъ, обвиненныхъ въ ереси. Въ 1337 г. Бенедиктъ XII приказалъ своему нунцію въ Италіи Бертрану, архіепископу Эмбрена, провѣрить жалобы, которыя неслись со всѣхъ мѣстъ полуострова на вымогательство инквизиторовъ, на ихъ продажность, на ихъ преступную снисходительность. Нунцію было дано право отстранять отъ службы; и изъ того, какъ онъ воспользовался этимъ правомъ, видно, какія глубокіе корни пустило уже зло. Однако, дѣйствіе подобныхъ мѣръ было непродолжительно.

Въ 1346 г. Флорентинская республика возмутилась противъ своего инквизитора Петро ди Аквила, котораго она обвиняла въ различныхъ проступкахъ и, между прочимъ, въ вымогательствѣ. Онъ бѣжалъ и отказался явиться во время слѣдствія, хотя ему и предлагали охранный листъ. Одинъ только свидѣтель показалъ подъ присягой 66 случаевъ вымогательства; согласно частной запискѣ, дошедшей до насъ, суммы, незаконно взимаемыя, колебались отъ 25 до 1700 флориновъ золотомъ. Виллани ручается, что въ два года этотъ грабитель собралъ болѣе 7000 флориновъ; сумма огромная для той эпохи; а такъ какъ въ то время во Флоренціи не было еретиковъ, то инквизиторъ обогатился такъ быстро на дѣлахъ о ростовщикахъ и невольнаго богохульства. Что касается ростовщичества, то примѣромъ въ этомъ, по словамъ Альваро Пелайо, служили тосканскіе епископы, которые раздавали подъ проценты церковныя деньги; но инквизиторы опасались касаться прелатовъ. Что касается богохульства, то мы знаемъ отъ Эмерика, съ какой радостью находилъ онъ ересь въ простой божбѣ. Безъ сомнѣнія, Боккачьо имѣлъ въ виду бр. Петра, описавъ флорентинскаго инквизитора, который, подобно всѣмъ своимъ собратьямъ, имѣлъ глаза рыси, чтобы открывать ересь богатыхъ, и который содралъ огромную сумму съ одного гражданина, виновнаго въ томъ, что онъ сказалъ, что у него такое прекрасное вино, что и самъ бы Христосъ не отказался выпить. Случай, бывшій въ 1403 г., съ Маріею дю Канекъ, мѣнялой въ Камбрэ, показываетъ какъ ловко Инквизиція, когда число еретиковъ стало ничтожно, умѣла изыскивать средства, искажая самые незначительные поступки. Вызванная на епископскій судъ, она, безъ всякой задней мысли, высказала мнѣніе, что ее неудобно допрашивать подъ присягой по дѣлу противъ ея собственнаго корыстолюбія и ея собственной чести. За это она подверглась преслѣдованію со стороны уполномоченнаго инквизитора Николая Перонскаго и была присуждена къ различнымъ наказаніямъ, въ томъ числѣ къ прекращенію своего торговаго дѣла на девять лѣтъ и къ уплатѣ 80 золотыхъ кронъ «въ возмѣщеніе расходовъ» [1]).

Строгость, съ которою толковались каноны противъ лихоимства, рельефно выразилась въ дѣлѣ, представленномъ парижскому университету въ 1490 г. Было спрошено мнѣніе богословскаго факультета объ одномъ контрактѣ, согласно которому одна церковь купила

---

[1]) Molinier. op. cit., 299—302.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat. XXXIV, 5). Быть-можетъ, стоитъ отмѣтить, что Рипольль, печатая эту буллу Бонифація VIII (т. II, 61), благоразумно опустилъ подробности преступленій, совершенныхъ инквизиторами.—Grandjean, «Reg. de Benoît XI», №№ 169, 509.—Chron. Girardi de Fracheto Contin. ann. 1303 (D. Bouquet, XXI. 22 3). — Articuli Transgressionum («Archiv fur Litt. und Kirchengeschichte», 1887, стр. 104. C. 1. § 4, c. 2. Clement. V. 3. — Bernardi Guid. Gravamina» (Doat, XXX. 118—9).—Coll. Doat, XXXV. 113.—Rippoll, VII, 61.—Archivio di Firenze, Riformazioni, Classe XI. Distinz. I. № 39.—Villani. «Chronica», XII, 58.—Alvar. Pelag. «De Planct. Eccles.», lib. II, art. VII. — Eymerici. «Direct. Inq.», 332.—Decamerone, Giorn. I. Nov. 6.—Arch. administr. de Reims, III, 641.

Библиотека "Руниверс"

за триста ливровъ ежегодный доходъ въ двадцать ливровъ, доставляемый извѣстными землями, съ правомъ потребовать назадъ покупную цѣну, предупредивъ за два мѣсяца, тогда какъ частное соглашеніе признавало за землевладѣльцемъ право выкупа въ теченіе девяти лѣтъ. Отсюда одинъ изъ многочисленныхъ процессовъ, къ которымъ прибѣгали, когда развились промышленность и торговля, чтобы обойти запрещеніе ссуды подъ проценты. Этотъ контрактъ оставался въ силѣ двадцать-шесть лѣтъ раньше, чѣмъ подвергся подозрѣнію, и былъ представленъ на разсмотрѣніе университета. Была назначена комиссія изъ двѣнадцати докторовъ, которые обсудили вопросъ и рѣшили одиннадцатью голосами противъ одного, что контрактъ этотъ лихвенный, и что ежегодные платежи должны быть разсматриваемы какъ частичные платежи покупной суммы [1]).

Злоупотребленія Инквизиціи были неискоренимы. Корнелій Агриппа ручается, что инквизиторы имѣли обыкновеніе замѣнять тѣлесныя наказанія штрафами и даже налагать ежегодный оброкъ за свою снисходительность. Во время его пребыванія въ Миланской республикѣ въ 1515 г. онъ былъ свидѣтелемъ волненія, вызваннаго хищничествомъ этихъ людей, которые вымогали огромныя суммы у женщинъ благороднаго происхожденія; когда мужья раскрыли все дѣло, то инквизиторы съ трудомъ ускользнули живыми [2]).

Я остановился на этой сторонѣ характера Инквизиціи, такъ какъ на нее мало обращали вниманія, несмотря на всю массу золъ и страданій, причиненныхъ ею. Костеръ похитилъ сравнительно мало жертвъ. Какъ ни были ужасны мрачныя тюрьмы, куда инквизиторъ запрятывалъ своихъ мучениковъ, Инквизиція гораздо болѣе внушала страха и отчаянія постоянной угрозой лишенія имущества, которая, какъ Дамокловъ мечъ, висѣла надъ головою всѣхъ и каждаго. Не сегодня — завтра она могла довести до нищеты любое семейство. Рѣдко жертвы осмѣливались кричать, еще рѣже крики ихъ доходили по назначенію; но до насъ дошло достаточно отдѣльныхъ случаевъ, чтобы мы могли представить себѣ, до какой степени святой трибуналъ только благодаря своему могуществу грабить сталъ бичемъ отданнаго въ его власть населенія. Рано уже поняли богатые люди, что благоразумнѣе для нихъ было заручиться расположеніемъ людей, столь грозно вооруженныхъ. Въ 1244 г. доминиканскій капитулъ Кагора былъ вынужденъ вмѣшаться; онъ приказалъ инквизиторамъ отнюдь не позволять братьямъ брать подарки и подношенія, которые подрывали доброе имя ихъ ордена; но эти сомнѣнія скоро были забыты, и мы видимъ, что такой возвышенной души человѣкъ, какъ Эмерикъ, утверждаетъ, что инквизиторы могутъ принимать приношенія, хотя они и могутъ отказаться, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, отъ подношеній, дѣлаемыхъ людьми, приведенными на ихъ судилище. Такъ какъ Инквизиція представляла свои отчеты только папской канцеляріи, то ея служителямъ нечего было бояться ни разслѣдованій, ни доносовъ. Имъ нечего даже было бояться и гнѣва небеснаго, такъ какъ уже сами ихъ служебныя обязанности обезпечивали имъ полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ, въ которыхъ они исповѣдывались и раскаивались. Защищенные, такимъ образомъ, отъ всего какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ, они дѣйствовали, какъ хотѣли, и никакое угрызеніе совѣсти не смущало ихъ духа [3]).

Только одно чисто-свѣтское наказаніе входило въ компетенцію Инквизиціи: указаніе домовъ, подлежащихъ уничтоженію, какъ осквернениыхъ ересью. Происхожденіе этого страннаго обычая нелегко раскрыть. По римскому императорскому закону зданія, въ которыхъ съ согласія владѣльца собирались еретики, должны были быть конфискуемы и поступать въ пользу Церкви; но между тѣмъ, лишь только ересь стала грозною силою, мы видимъ, что разрушеніе домовъ предписывается свѣтскими властями чрезвычайно еди-

[1]) D'Argentré, «Collect. Judic. de nov. Error.», I. II. 323.
[2]) Cornel. Agrippa, «De vanitate scientiar.», cap. XCVI.
[3]) Molinier, op. cit. 307.—Eymerici, «Direct. Inq. », 650, 685.

Библиотека "Руниверс"

подушно. Первый примѣръ этого закона я встрѣтилъ подъ 1166 годомъ: Assises de Clarendon предписали сносить всѣ дома, гдѣ еретики находили пріютъ. Подобный же указъ былъ изданъ императоромъ Генрихомъ VI въ 1194 г. (Пратскій эдиктъ), Оттономъ IV въ 1210 г., Фридрихомъ II въ 1232 г. (Равеннскій эдиктъ), который дополнилъ, такимъ образомъ, свой коронаціонный эдиктъ 1220 г., гдѣ это предписаніе было упущено. Оно было уже внесено въ Веронскій кодексъ 1228 г. для всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда владѣльцы дома въ недѣльный срокъ не удалятъ изъ дома своихъ жильцовъ еретиковъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ мы находимъ его въ статутахъ Флоренціи, и оно фигурируетъ въ папскихъ буллахъ, опредѣляющихъ судопроизводство Инквизиціи. Во Франціи Тулузскій соборъ 1229 г. постановилъ, что всякій домъ, въ которомъ былъ принятъ еретикъ, подлежалъ разрушенію, и графъ Раймундъ въ 1234 г. далъ этому постановленію силу закона. Оно, естественно, вносилось въ узаконенія послѣдующихъ соборовъ, которые вырабатывали права инквизиторскаго суда, и было принято Людовикомъ Святымъ. Повидимому, только въ одной Кастиліи это предписаніе не соблюдалось благодаря, конечно, непосредственному вліянію римскаго права на ея законодательство; въ «Partidas» говорится, что дома, давшіе пристанище еретикамъ, должны быть просто переданы Церкви. Но повсюду ихъ срывали, и мѣсто, на которомъ они были построены, считалось проклятымъ и должно было служить для свалки нечистотъ, негодныхъ для жилья людей; однако, матеріалы, оставшіеся отъ ломки, могли быть употреблены на благотворительныя цѣли, если только въ приговорѣ Инквизиціи не говорилось объ ихъ окончательномъ истребленіи. Этотъ приговоръ препровождался приходскому священнику, который былъ обязанъ объявлять его во время обѣдни подрядъ три воскресенія [1]).

Во Франціи королевскіе чиновники, вѣдавшіе конфискацію, въ концѣ концовъ, начали протестовать противъ разрушенія частной собственности, иногда очень крупной, такъ какъ оно распространялось какъ на замокъ вельможи, такъ и на хижину крестьянина. Въ 1329 г. каркассонскій инквизиторъ, Генрихъ де Шамэ, добился отъ Филиппа Валуа подтвержденія правила и въ томъ же году на ауто, происходившемъ въ сентябрѣ, онъ имѣлъ удовольствіе приказать разрушить четыре дома и одну ферму, надъ владѣльцами которыхъ былъ совершенъ передъ смертью обрядъ е р е т и к а ц і и. Но спустя полстолѣтія между представителями короля и инквизиторами Дофинэ возникъ споръ по этому поводу, результаты котораго были совершенно иные. Карлъ V, посовѣтовавшись предварительно съ папой, опубликовалъ 19 октября 1378 г. указы, въ силу которыхъ разрушеніе недвижимости, какъ карательная мѣра, было отмѣнено.

Такимъ же образомъ выразился духъ независимости и въ сѣверной Германіи: «Sachsenspiegel» предписываетъ, что ни одинъ домъ не долженъ подвергнуться разрушенію, за исключеніемъ того случая, когда тамъ будетъ совершено изнасилованіе женщины. Въ Италіи обычай продолжалъ существовать, такъ какъ тамъ конфискаціи производились не въ пользу князей; но признали, что владѣлецъ могъ сохранить свой домъ, если онъ не зналъ о томъ, что имъ пользовались для дурного дѣла. Но юристы все еще спорили относительно запрещенія навсегда строить новый домъ на этомъ мѣстѣ; одни утверждали, что непрерывное владѣніе земельнымъ участкомъ католикомъ въ теченіе 40 лѣтъ давало ему право на постройку на этомъ участкѣ новаго дома; другіе же настаивали на томъ, что дѣйствіе приговора Инквизиціи распространялось навсегда и не могло быть отмѣнено.

---

[1]) Const. V, VIII, § 3, Cod. I. V.—Assis. Clar. art. 21.—Lami, «Antich. Toscane», 124. — Hist. Dipl. Frid. II, t. IV, 299—300. — Lib. Jur. Civ. Venonae c. 156.—Alex. PP. IV. Bull. «Ad exstirp.» § 21.—Conc. Tolos. ann. 1229, c. 6.—Stat. Raym. ann. 1234 (Hard. VII, 203).—Vaiss. III. Pr. 370—1.—Conc. Biterr. ann. 1246, Append. c. 35.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 6.—Établissements, I. 36.—Siete Partidas, P. VII. Tit. XXVI, l. 5. — Bern. Guidon. «Practica» Doat. (XXIX, 89)—Lib. Sent. Inq. Tolos. 4, 80, 81, 168.

Библиотека "Руниверс"

Со временемъ инквизиторы присвоили себѣ право давать разрѣшенія на возведеніе построекъ на проклятыхъ участкахъ, и они извлекали отсюда крупные доходы, хотя, конечно, нелегко имъ было оправдать подобныя разрѣшенія [1]).

Другое свѣтское наказаніе можетъ служить примѣромъ почти неограниченной власти инквизиторовъ въ выборѣ наказаній. Когда въ 1321 г. городъ Кордъ, долгое время бунтовавшій противъ своего епископа и своего инквизитора, выразилъ покорность, то Бернаръ Ги и Жанъ де Бонъ наложили на него слѣдующее наказаніе: выстроить часовню опредѣленной величины въ честь святого Петра Мученика, святой Цециліи, святого Людовика и святого Доминика и поставить надъ алтаремъ деревянныя или каменныя статуи всѣхъ этихъ святыхъ; чтобы довершить униженіе города, порталъ приказали украсить статуями епископа и двухъ инквизиторовъ; все было приказано окончить въ теченіе двухъ лѣтъ подъ страхомъ штрафа въ 500 турскихъ ливровъ, которые должны были удвоиться по истеченіи новой двухлѣтней отсрочки. Населеніе Корда поторопилось выстроить часовню, но колебалось почтить статуями своихъ гонителей; черезъ двадцать-семь лѣтъ, въ 1348 г., городскія власти были вызваны тулузской инквизиціей, и имъ пришлось дать залогъ въ обезпеченіе немедленнаго окончанія портала и постановки статуй инквизиторовъ [2]).

Самая суровая кара, которую могли наложить сами инквизиторы, было тюремное заключеніе. Согласно ученію Инквизиціи, это, въ сущности, не было наказаніемъ, но средствомъ для кающагося получить, подвергнувъ себя посту на водѣ и хлѣбѣ, отпущеніе своихъ прегрѣшеній; въ то же время постоянный бдительный надзоръ удерживалъ его на правомъ пути и не допускалъ его заразить все стадо. Само собой разумѣется, это духовное наказаніе налагалось только на обратившихся. Мятущійся еретикъ, упорствовавшій въ своемъ непослушаніи, упрямо отказывавшійся сознаться въ ереси и твердившій о своей невиновности, не могъ быть подвергнутъ этому духовному наказанію; его передавали въ руки свѣтской власти, т.е. въ руки палача [3]).

Въ силу буллы Григорія IX «Excommunicamus» отъ 1229 г. всѣхъ тѣхъ, кто, будучи задержаннымъ, отказывался отъ заблужденій изъ страха смерти, слѣдовало подвергать пожизненному заключенію. Почти одновременно предписалъ то же и Тулузскій соборъ, добавивъ, что нужно помѣшать обратившимся противъ воли совращать другихъ. Равеннскій эдиктъ Фридриха II 1232 г. усвоилъ это правило и далъ ему на долгое время значеніе закона. Арльскій соборъ 1234 г. обратилъ вниманіе на постоянное возвращеніе къ ереси обращенныхъ силою и предлагалъ епископамъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы къ нимъ примѣнялось пожизненное тюремное заключеніе. Въ то время еретики-рецидивисты не считались еще погибшими безвозвратно, и ихъ не передавали свѣтской власти, но навсегда запирали въ тюрьму [4]).

Зародившаяся Инквизиція нашла это правило уже прочно установившимся и примѣнила его съ неумолимой энергіей, которую она вносила во всѣ свои служебныя дѣй-

---

[1]) Isambert, «Anc. loix franc.», IV, 364; V, 491.—Rippoll, I, 252.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 248). — Sachsenspiegel, Buch III, Art. I. — Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXXIX, XL.

[2]) Lib. Sent. Inq. Tolosan., 280.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXV, 122).

[3]) Zanchini. «Tract. de Haeret.», c. X.

[4]) Gregor. PP. IX. Bull. «Excommunicamus», 28 aug. 1229.—Concil. Narbonn. ann. 1229, c. 9.—Hist. Diplom. Fridr. II, T. IV, 300.—Concil. Arelat. ann. 1234, c. 6.—Vaissete, III. Pr. 314.

Булла Григорія IX, внесенная въ каноническое право, осуждаетъ на пожизненное тюремное заключеніе тѣхъ, кто rediro noluerint (C. 15, § 1, Extra V. VII); но послѣднее слово, очевидно, ошибка вмѣсто voluerint, такъ какъ упорствующіе еретики выдавались свѣтской власти. Въ изданномъ немного позднѣе Равеннскомъ эдиктѣ Фридриха II говорится, что пожизненное тюремное заключеніе обращенныхъ согласно съ канонами Церкви.

Библиотека "Руниверс"

ствія. Это, говорили, была особая милость по отношенію къ людямъ, потерявшимъ всякое право на снисхожденіе. Исключеній здѣсь не допускалось. Нарбоннскій соборъ 1244 г. точно объявилъ, что, если нѣтъ особой папской индульгенціи, не слѣдуетъ никогда мужа щадить ради жены, жену—ради мужа, отца—ради дѣтей, единственнымъ кормильцемъ которыхъ онъ былъ; ни возрастъ, ни болѣзнь не должны были вліять на смягченіе приговора. Всякій, кто не являлся въ теченіе срока милосердія, чтобы сознаться и выдать своихъ единомышленниковъ, долженъ былъ подвергнуться этому наказанію, которое всегда должно быть пожизненнымъ. Устрашенные дѣятельностью инквизиторовъ, пропустившіе опредѣленный срокъ, являлись толпою, умоляя, чтобы ихъ возсоединили съ Церковью. Въ виду широкаго распространенія ереси въ Лангедокѣ эта толпа стала такъ велика, что епископы заявили о невозможности для нихъ кормить такую массу заключенныхъ и даже о невозможности найти достаточно камней и извести для сооруженія для нихъ тюремъ. Тогда было предписано инквизиторамъ отсрочить до рѣшенія папы заключеніе обращенныхъ, кромѣ предупрежденія случаевъ закоснѣлости въ грѣхахъ, вѣроотступничества и бѣгства. Повидимому, Иннокентій IV не былъ склоненъ къ снисхожденію, такъ какъ въ 1246 г. соборъ въ Безье предписалъ заключать въ тюрьму всѣхъ, пропустившихъ срокъ, совѣтуя, впрочемъ, смягчать наказаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно грозило смертью родителямъ или дѣтямъ. Такимъ образомъ, тюрьма сдѣлалась обычнымъ наказаніемъ для всѣхъ, за исключеніемъ упорствующихъ еретиковъ, которые сжигались. Однимъ только рѣшеніемъ, объявленнымъ въ Тулузѣ 19 февраля 1237 г., было приговорено къ этому наказанію отъ двадцати до тридцати кающихся, которыхъ пришлось временно запереть въ частные дома, пока не освободились для нихъ мѣста въ тюрьмѣ. Въ отрывкѣ книги рѣшеній тулузской инквизиціи за время съ 1246 по 1248 г., содержащемъ сто-девяносто-два дѣла (въ томъ числѣ сорокъ-три заочныхъ рѣшенія), наказаніе всегда одно и то же—тюрьма. Сто-двадцать-семь лицъ были осуждены на пожизненное тюремное заключеніе, шесть на десять лѣтъ, шестнадцать на неопредѣленный срокъ, какъ заблагоразсудится Церкви; только нѣсколько позднѣе стали согласоваться съ рѣшеніемъ Нарбоннскаго собора и приговаривать всегда на всю жизнь. Съ теченіемъ времени здѣсь стали дѣлать нѣкоторыя смягченія, такъ какъ не всѣ инквизиторы были такого закала, какъ Бернаръ Ко, ставшій въ то время во главѣ тулузской инквизиціи; но до самаго послѣдняго времени пожизненная тюрьма осталась духовною карою по преимуществу, несмотря на то, что декреты Фридриха и каноны Тулузскаго и Нарбоннскаго соборовъ считались примѣнимы только къ тѣмъ, кто отрекся «чистосердечно» уже послѣ преслѣдованія [1]).

Изъ дошедшихъ до насъ приговоровъ позднѣйшей эпохи часто трудно понять, почему одинъ виновный приговоренъ къ тюрьмѣ, а другой за то же преступленіе отпущенъ на свободу съ обязательствомъ носить кресты. Быть-можетъ, дѣлали различіе между тѣми, кто обращался съ радостью, и тѣми, кто обращался по принужденію. Вотъ примѣръ, показывающій, съ какою жестокостью такой человѣкъ, какъ Бернаръ Ги, принадлежавшій къ числу наиболѣе просвѣщенныхъ инквизиторовъ, могъ примѣнять ужасный законъ, которымъ вооружила себя Церковь. Нѣкто Петръ Раймундъ Доминикъ, вызванный на судъ въ 1309 г., бѣжалъ и былъ отлученъ отъ Церкви; осужденный въ 1315 г., какъ уклонившійся отъ суда еретикъ, онъ въ 1321 г. явился добровольно, выговоривъ себѣ сохраненіе жизни. Его еретическіе поступки не представляли ничего особеннаго, и въ оправданіе своей неявки онъ ссылался на то, что на рукахъ у него была жена и семеро дѣтей, которыя могли бы умереть безъ него съ голоду; и все же онъ былъ заключенъ пожизненно въ тюрьму.

---

[1]) Concil. Tarracon. ann. 1242.—Concil. Narbonn. ann. 1246, c. 9, 19.—Concil. Biterr. ann. 1246, Append. c. 20.—Coll. Doat, XXI, 152.—Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992.—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

Библиотека "Руниверс"

ПЫТКА.—VII.

(„Histoire abrégée de l'Inquisition d'Espagne", Llorente).

(„Histoire abrégée de l'Inquisition d'Espagne", Llorente).

Библиотека "Руниверс"

Суровый Бернаръ Ко не всегда былъ столь жестокосерденъ. Въ 1246 г. онъ осудилъ на пожизненное тюремное заключеніе Бернара Саббатье, еретика-рецидивиста, но, въ виду того, что отецъ виновнаго, больной и престарѣлый, былъ хорошимъ католикомъ, сыну было разрѣшено остаться при отцѣ до его смерти и кормить его своими трудами, подъ условіемъ ношенія крестовъ [1]).

Было два вида тюремнаго заключенія: строгое (murus strictus, durus или arctus) и смягченное (murus largus). Но въ обоихъ случаяхъ заключенный получалъ только хлѣбъ и воду, содержался въ одиночной камерѣ и не могъ ни съ кѣмъ имѣть сношеній изъ боязни, чтобы его не совратили другіе или онъ другихъ. Впрочемъ, послѣднее правило соблюдалось нестрого, ибо около 1306 г. Жофруа д'Абли отмѣчаетъ, какъ злоупотребленіе, посѣщенія заключенныхъ духовными и мірянами обоего пола. Допускались свиданія супруговъ, если они оба были заключены, или даже если только одинъ изъ нихъ содержался въ тюрьмѣ. Въ концѣ XIV вѣка Эмерикъ допускаетъ, что можно разрѣшать свиданія съ заключенными ревностнымъ католикамъ, но онъ запрещаетъ свиданія женщинамъ и простому народу, такъ какъ, добавляетъ онъ, обращенные очень склонны къ возврату въ ересь, очень способны заражать другихъ и вообще кончаютъ костромъ [2]).

Лица, подвергнутыя простому аресту, murus largus, могли, если вели себя хорошо выходить на короткое время въ корридоры, гдѣ имъ удавалось иногда обмѣняться нѣсколькими словами и входить въ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ. Кардиналы, посѣтившіе тюрьму Каркассона и предписавшіе мѣры, смягчающія ея строгости, приказали оказывать снисхожденіе людямъ старымъ и слабымъ. Заключенный въ murus strictus содержался въ ножныхъ оковахъ въ узкой и темной камерѣ; часто онъ былъ прикованъ еще къ стѣнѣ. Это наказаніе налагалось на тѣхъ, преступныя дѣянія которыхъ носили характеръ соблазна, или на тѣхъ, кто нарушалъ присягу, давъ неполное признаніе; но это всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія инквизитора. Я встрѣтилъ подъ 1328 г. случай, гдѣ еретикъ былъ приговоренъ къ murus strictissimus, въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ. Когда виновные принадлежали къ монашескому ордену, то обыкновенно наказаніе хранилось въ тайнѣ, и осужденный заключался въ тюрьму монастыря своего ордена; для этого при монастыряхъ обыкновенно имѣлись одиночныя камеры, гдѣ условія содержанія были не лучше, чѣмъ въ епископскихъ тюрьмахъ. Жанна, вдова де ла Туръ, монахиня изъ Леспенассъ, причастная къ ересямъ катаровъ и вальденцевъ и нарушившая присягу при принесеніи сознанія, была приговорена въ 1246 г. къ одиночному заключенію въ тюрьмѣ при своемъ монастырѣ; никто не долженъ былъ проникать къ ней, никто не могъ ее видѣть, пищу передавали ей черезъ нарочно устроенную форточку. Это была могила живыхъ, извѣстная подъ именемъ in pace [3]).

---

[1]) Lib. Sent. Inq. Tolos., passim, 347 — 9. — Eymerici «Direct. Inq.», 507.—Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992.—Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 14930, fol. 222).

[2]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXIII, 143). — Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 23, 25.—Eymerici «Direct. Inquis.», 507.

[3]) Arch. de l'Hôtel de Ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45).—Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 100).—Lib. Sent. Inq. Tolos. 32, 200, 287.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII,136, 156).—Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992.

Суровость тюремнаго заключенія въ монастыряхъ, называемаго in pace или vade in pacem, была такова, что подвергшіеся ей быстро умирали въ агоніи отчаянія. Въ 1350 г. тулузскій архіепископъ просилъ короля Іоанна велѣть смягчить суровость заточенія, и король вслѣдствіе этого издалъ указъ, въ силу котораго настоятель монастыря былъ долженъ два раза въ мѣсяцъ навѣщать и утѣшать заключеннаго; послѣднему же, кромѣ этого, предоставлялось право просить, чтобы два раза въ мѣсяцъ его навѣщали монахи. Это незначительное смягченіе грубыхъ обычаевъ показалось столь позорнымъ доминиканцамъ и францисканцамъ, что они обра-

Библиотека "Руниверс"

Когда не заботились о томъ, чтобы проявлять строгость по отношенію къ заключеннымъ, то она неизбѣжно уменьшилась. Такъ, напр., изъ разныхъ отдѣльно разсѣянныхъ въ различныхъ дѣлахъ замѣтокъ мы видимъ, что узники поддерживали довольно частыя сношенія какъ между собою, такъ и съ внѣшнимъ міромъ; однако, стражѣ предписывалось не допускать никакихъ сношеній, которыя могли бы ожесточить сердца заключенныхъ или отвратить ихъ отъ полнаго признанія [1]).

Само тюремное начальство не заботилось о томъ, чтобы облегчить участь заключенныхъ. Сеньоры, имѣвшіе судебную власть, и города, обязанные содержать тюрьмы, смотрѣли на нихъ какъ на тяжелое бремя. Когда попадалъ въ тюрьму должникъ, то, хотя законъ ограничивалъ его задержаніе сорока днями и предписывалъ давать ему приличный столъ, однако, все это обыкновенно игнорировалось, такъ какъ чѣмъ хуже содержали его, тѣмъ больше онъ старался выйти скорѣе на свободу. Виновнымъ же узникамъ давали только хлѣбъ и воду; если они умирали отъ истощенія, то меньше было расходу. Заключенный, имѣвшій деньги и друзей, могъ, конечно, добиться лучшаго обращенія; но для еретиковъ это было почти невозможно, такъ какъ имущество ихъ было конфисковано, и было опасно всякое малѣйшее проявленіе участія къ нимъ [2]).

Огромное число узниковъ, вслѣдствіе энергичныхъ дѣйствій Инквизиціи Лангедока, выдвинуло трудный вопросъ о постройкѣ и содержаніи новыхъ тюремъ. Въ принципѣ, эта обязанность падала на епископовъ, бездѣятельность которыхъ въ отношеніи еретиковъ была выкуплена энергіей монаховъ; епископы на Тулузскомъ соборѣ въ 1229 г. соглашались съ этимъ съ той оговоркой, что содержаніе богатыхъ еретиковъ должно падать на тѣхъ, кто пользовался доходами съ ихъ конфискованныхъ имуществъ. Однако, это бремя стало настолько тяжело, что на Нарбонскомъ соборѣ 1244 г. они предложили употреблять на сооруженіе и содержаніе тюремъ кающихся, которые, не будь новаго папскаго декрета, отправились бы съ крестоносцами въ Св. Землю. Слѣдовало опасаться, говорили они, чтобы «прелаты не были черезчуръ обременены неимущими обращенными и не оказались бы не въ состояніи содержать ихъ въ виду ихъ многочисленности». Два года спустя въ Безье они заявили, что постройка и содержаніе тюремъ должны ложиться на тѣхъ, кто пользовался доходами отъ конфискацій, и что можно было прибавить къ этому штрафы, налагаемые инквизиторами. Это было довольно основательно; но монахи иначе смотрѣли на это. Въ 1249 г. Иннокентій IV снова подтвердилъ, что это дѣло епископовъ; онъ поставилъ имъ въ упрекъ, что они не выполняютъ своихъ обязанностей, и предписалъ имъ быть болѣе исполнительными. Наконецъ, въ 1254 г. соборъ въ Альби окончательно рѣшилъ, чтобы владѣльцы конфискованныхъ имѣній удѣляли на помѣщеніе и содержаніе своихъ предшественниковъ по владѣнію, а если еретики окажутся безъ всякихъ средствъ, то чтобы города или сеньоры, на землѣ которыхъ они были захвачены, пополняли расходы и были обязаны нести ихъ подъ страхомъ отлученія отъ Церкви. Но, тѣмъ не менѣе, отвѣтственность епископовъ была столь очевидна, что нѣкоторые ревностные инквизиторы

тились къ папѣ Клименту VI съ просьбой возстановить старый порядокъ. Папа отказалъ имъ.—Chron. Bardin. ann. 1350 (Vaissete IV, Pr. 29).

Англійскій законъ той же эпохи запрещаетъ заковывать узниковъ въ цѣпи (Bracton, Lib. III. Tract. I, cap. 6).

[1]) Lib. Sent. Inq. Tolos. 102, 153, 231, 252—4.301.—Muratori, «Antiq. Dissert.» LX (T. XII 519).—Bern. Guid. «Practica» P. V (Doat, XXX).—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 7).

[2]) Beaumanoir, «Coutumes Beauvoisis», cap. 51, № 7.—G. B. de Lagrèze, «La Navarre française», II, 339).

Въ отчетахъ тулузскаго сенешальства за 1337 г. упоминаются 30 су, истраченные въ ноябрѣ 1333 г. на покупку соломы для узниковъ, *чтобы не дать имъ умереть зимою отъ холода*. Другія суммы, составляющія 83 су 11 денье, были назначены на поправку цѣпей и оковъ, что гарантировало суровость тюремнаго заключенія.—Vaissete, изд. Privat. X. Pr. 798—9.

Библиотека "Руниверс"

возбуждали вопросъ о преслѣдованіи ихъ за небрежность въ дѣлѣ постройки тюремъ, какъ людей сочувствующихъ ереси; но Ги Фукуа благоразумно совѣтуетъ не прибѣгать къ этому, а рекомендуетъ передавать всѣ подобныя дѣла на обсужденіе Св. Престола [1]).

Можно представить себѣ, насколько было тяжело положеніе заключенныхъ, когда ихъ гонители и грабители торговались о томъ, кому изъ нихъ давать имъ хлѣбъ и воду. Святой Людовикъ, сюзеренъ территорій, уступленныхъ по Парижскому трактату, извлекавшій широкою рукою доходы отъ конфискацій, призналъ, что эти доходы налагали на него извѣстныя обязательства. Въ 1233 г. онъ взялъ на себя содержаніе тюремъ въ Тулузѣ, Каркассонѣ и Безье. Въ 1246 г. онъ приказалъ своему сенешалю передать въ распоряженіе инквизиторовъ подходящія тюрьмы въ Каркассонѣ и Безье и доставлять заключеннымъ ихъ ежедневную порцію хлѣба и воды. Въ 1258 г. онъ предписалъ своему каркассонскому сенешалю немедленно окончить начатыя тюрьмы; онъ прекрасно знаетъ, что прелаты и бароны, на земляхъ которыхъ были захвачены еретики, должны обезпечить ихъ содержаніе, но, чтобы избѣжать непріятныхъ осложненій, онъ соглашается принять всѣ расходы на счетъ королевскаго казначейства, безъ возврата ихъ впослѣдствіи сеньорами. Послѣ смерти Альфонса и Жанны Тулузскихъ, въ 1272 г., всѣ области, гдѣ свирѣпствовала Инквизиція, и за малымъ изъятіемъ всѣ конфискованныя имущества перешли къ королю Франціи; съ этого времени содержаніе тюремъ, включая сюда и жалованье тюремщикамъ, легло на корону, за исключеніемъ, быть-можетъ, Альби, гдѣ епископъ, имѣвшій свою часть въ добычѣ, участвовалъ, повидимому, и въ расходахъ. Среди просьбъ Генриха де Шамэ, удовлетворенныхъ Филиппомъ Валуа въ 1329 г., была, между прочимъ, слѣдующая: чтобы инквизиціонная тюрьма въ Каркассонѣ была ремонтирована королемъ, и чтобы всѣ, имѣющіе часть въ конфискованныхъ имуществахъ, приняли въ этомъ участіе pro tatа. Согласно этому, сенешаль насчиталъ на графа де Фуа 302 ливра 11 су и 9 денье; графъ отказался уплатить ему эту сумму и обжаловалъ королю; чѣмъ кончилось это дѣло, не извѣстно. Изъ одного постановленія Парижскаго парламента въ 1304 г. явствуетъ, что субсидія отъ короля на пищу каждаго заключеннаго достигала трехъ денье въ день,—суммы, повидимому, достаточной, хотя Жакъ де Полиньякъ, завѣдывавшій каркассонской тюрьмой и наказанный за растрату, тратилъ на это восемь денье. Этотъ крупный расходъ не послужилъ прецедентомъ, и въ 1337 г. мы снова находимъ тотъ же расходъ въ три денье въ день. Расходы по содержанію подвергнутыхъ предварительному заключенію и ожидавшихъ суда, повидимому, производила сама Инквизиція, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если у обвиняемаго не было имущества, изъ котораго можно было бы брать на его содержаніе. Однако, мы знаемъ, что въ 1458 г. въ Утрехтѣ содержался въ епископской тюрьмѣ одинъ бѣдный заключенный, который зарабатывалъ себѣ пропитаніе ткачествомъ. Въ Италіи, гдѣ конфискованное имущество дѣлилось на три части, Инквизиція сама производила расходы и не нуждалась въ князьяхъ. Въ Неаполѣ, дѣйствительно, пользовались королевскими тюрьмами, но для заключенія въ нихъ требовался королевскій указъ [2]).

Хотя нормальнымъ раціономъ заключенныхъ были хлѣбъ и вода, тѣмъ не менѣе, Инквизиція позволяла своимъ узникамъ получать извнѣ другую пищу, вино и деньги; объ

---

[1]) Concil. Tolosan. ann. 1229, c. 11.—Concil. Valentin. ann. 1234, c. 5.—Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 4.—Coll. Doat, XXXI, 157.—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 23, 27.—Innoc. PP. IV. Bull. «Cum sicut», 1 mart. 1249 (Doat, XXXI, 114).—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 24.—Guid. Fulcod. «Quaest.» X.

[2]) Molinier, op. cit. 435. — Vaissete, III. Pr. 536. — Vaissete, изд. Privat. VIII, 1206. — Arch. de l'Hôtel de ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45) — Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 100).—Isambert. «Anc. loix. franç.» IV, 364.—Vaissete, изд. Privat, X, Pr. 693 4, 813—14. — Les. Olim, III, 148.—Hauréau, «Bernard Délicieux», 19.—Frédéricq. «Corpus document. inquisit. neerland.» I, 339. — Archivio di Napoli, Reg. 113, Lett. A, fol. 385; Reg. 154, Lett. C. fol. 85; Mss. Chioccarelli, T. VIII.

Библиотека "Руниверс"

этомъ такъ часто упоминается, что это можно считать прочно установившимся обычаемъ. Сборъ производился между тайными приверженцами ереси, и цѣль его была улучшить положеніе лишенныхъ свободы братьевъ; и если мы вспомнимъ, какой опасности подвергали они себя, то мы не можемъ не удивляться безкорыстному самоотверженію тѣхъ, кто рѣшался протягивать руку гонимымъ [1]).

При постройкѣ тюремъ, естественно, старались сократить расходы и экономить мѣсто, нисколько не заботясь о здоровьѣ и удобствахъ ихъ подневольныхъ жильцовъ. Папскія инструкціи гласили, что онѣ должны состоять изъ маленькихъ темныхъ камеръ, каждая для одного арестанта; условія содержанія должны быть очень суровы, но не опасны для жизни заключеннаго. Сдѣланное Молинье описаніе Башни Инквизиціи въ Каркассонѣ, служившей инквизиторской тюрьмой, показываетъ, что указанія Рима въ данномъ случаѣ соблюдались свято. Это было ужасное мѣсто, состоявшее изъ небольшихъ камеръ безъ воздуха и свѣта, гдѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ несчастные кающіеся влачили невыразимо печальную жизнь, гораздо худшую, чѣмъ короткая агонія костра. Въ этой юдоли печали они были предоставлены всецѣло на произволъ тюремщиковъ; жалобъ ихъ никто никогда не слушалъ; если заключенный жаловался на какой-либо актъ насилія, то его даже клятвенное показаніе устраняли съ пренебреженіемъ, тогда какъ всякое слово тюремныхъ служителей принималось на вѣру. Инструкціи, данныя въ 1282 г. братомъ Жанномъ Галандомъ, инквизиторомъ Каркассона, тюремщику Раулю и его женѣ Бертрандѣ, проливаютъ яркій свѣтъ на тюремные порядки. Имъ грозятъ безповоротнымъ увольненіемъ, если впредь они будутъ ссужать заключенныхъ деньгами или получать отъ нихъ подарки, если они будутъ присваивать себѣ деньги или вещи умершихъ, если они будутъ позволять заключеннымъ отворять первую дверь, если они будутъ ѣсть вмѣстѣ съ ними, если они будутъ употреблять тюремныхъ служителей на разныя услуги или посылки, если они будутъ играть съ ними или будутъ позволять имъ играть другъ съ другомъ и т. д. [2]).

Несомнѣнно, если заключенный имѣлъ деньги, то онъ могъ заручиться расположеніемъ честнаго Рауля; но приведенная нами инструкція обходитъ молчаніемъ одно изъ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій, ложившихся темнымъ пятномъ на тюрьмы; мы говоримъ о присвоеніи смотрителями денегъ и пищи, присылаемыхъ заключеннымъ ихъ друзьями. Естественно, всевозможные обманы выростали какъ грибы на этой глубоко зараженной почвѣ. Въ 1304 г. Уголино Полиньякъ, смотритель королевской тюрьмы въ Каркассонѣ, былъ судимъ за то, что присваивалъ себѣ часть королевской субсидіи, и за то, что цѣлые годы сохранялъ въ спискахъ имена умершихъ и клалъ себѣ въ карманъ деньги, передаваемыя имъ ихъ друзьями; но свидѣтельскія показанія были признаны недостаточными для его осужденія. Кардиналы, которымъ немного позднѣе Климентъ V поручилъ произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ Инквизиціи въ Лангедокѣ, вкратцѣ указали на обычные обманы, заставивъ назначенныхъ ими новыхъ тюремщиковъ поклясться, что они будутъ давать заключеннымъ всю пищу, которая имъ слѣдуетъ отъ короля, а также ту, которую присылаютъ имъ ихъ друзья—объявленіе, подтвержденное декреталіями Климента V. Донесенія кардиналовъ свидѣтельствуютъ, какое ужасное впечатлѣніе произвели на нихъ обнаруженные ими факты. Въ Каркассонѣ они совершенно отобрали завѣдываніе тюрьмою отъ инквизитора Жоффруа д'Абли и передали его епископу; они приказали немедленно возстановить камеры верхняго этажа, чтобы можно было перевезти туда престарѣлыхъ и слабыхъ. Въ Альби они освободили закованныхъ въ кандалы заключенныхъ, предписали

[1]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 14. 16). Muratori «Antiq. Dissert.» LX (T. XII, 500, 507, 529, 535). — Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 252—4, 307.—Tract. de Haeres. Paup. de Lug. (Martène, «Thès.», V, 1786).

[2]) Practica super. Inquis. (Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 14930. fol. 222).—Molinier, op. cit. 449.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXII, 125; XXXVII, 83).

Библиотека "Руниверс"

освѣтить камеры и въ мѣсячный срокъ выстроить болѣе лучшія. Не меньше были недовольны они порядками и въ Тулузѣ. Повсюду раздавались жалобы на скудость пищи, на отсутствіе кроватей, на частое повтореніе пытокъ. Реформы кардиналовъ, главнымъ образомъ, были направлены къ тому, чтобы разграничить отвѣтственность епископа и инквизитора, безъ соглашенія которыхъ не могли послѣдовать осужденія на тюремное заключеніе; всякій изъ нихъ долженъ былъ назначать своего тюремщика, у каждаго тюремщика должны быть ключи отъ всѣхъ камеръ, и онъ долженъ былъ поклясться, что никогда не будетъ говорить съ заключеннымъ, иначе какъ въ присутствіи своего товарища. Эти палліативныя мѣры, одобренныя папою Климентомъ, не могли принести большой пользы. Бернаръ Ги горько жаловался, что папа опозорилъ Инквизицію, объявивъ во всеуслышаніе, что были мошенничества и насилія во внутренней жизни ея тюремъ, и онъ заранѣе утверждалъ, что новыя правила непримѣнимы. Хотя правила эти весьма слабо ограничивали произволъ инквизиторовъ, мы можемъ быть увѣрены, что они соблюдались недолго. Черезъ нѣсколько лѣтъ Бернаръ Ги въ своихъ «Practica» признаетъ, что право заключить кого-либо въ тюрьму принадлежитъ исключительно инквизитору; онъ съ презрѣніемъ приводитъ одно только заглавіе канона Климента и тотчасъ ссылается, какъ-будто она продолжала еще дѣйствовать, на буллу Климента IV, которая предоставляла всѣ права инквизитору и не упоминала объ епископѣ. А въ концѣ столѣтія Эмерикъ находилъ каноны Климента незаслуживающими быть внесенными въ его работу, такъ какъ, говоритъ онъ, ихъ нигдѣ не соблюдаютъ въ виду ихъ непримѣнимости. Однако, около 1500 г. Бернаръ Комскій признавалъ, что указу Климента можно слѣдовать, когда рѣчь идетъ о тюремномъ заключеніи послѣ рѣшенія суда; но онъ признаетъ, что только одинъ инквизиторъ можетъ наблюдать за тюрьмой и ея жителями до и во время суда [1]).

При подобныхъ тюремщикахъ довольно частые побѣги изъ тюрьмы были, вѣроятно, дѣломъ подкупа; иногда даже удавалась убѣгать закованнымъ заключеннымъ. Но чаще всего конецъ ихъ страданіямъ приносила смерть, вызываемая ужасною грязью, въ которой имъ приходилось гнить. Смертность въ этихъ тюрьмахъ была огромна. Однако, нѣкоторые выдерживали цѣлые годы, и до насъ дошло дѣло одной женщины, которую милостиво выпустили на свободу подъ условіемъ ношенія крестовъ послѣ того, какъ она тридцать-пять лѣтъ просидѣла въ тулузской тюрьмѣ. Въ ауто-да-фе мы часто встрѣчаемъ приговоры, по дѣламъ заключенныхъ, умершихъ до окончанія процесса. На ауто въ 1300 г. упоминается десять лицъ, умершихъ уже послѣ того, какъ они сознались въ ереси, но раньше рѣшенія ихъ дѣла; въ ауто 1319 г. было восемь подобныхъ случаевъ. Каркассонская тюрьма была, повидимому, почти также смертоносна, какъ и тулузская. Въ ауто 1325 г. имѣются приговоры по дѣлу четырехъ умершихъ; въ ауто 1328 г. пяти; такъ какъ, повидимому, имъ не вели списковъ, то только по этимъ даннымъ мы можемъ составить себѣ понятіе объ ужасномъ санитарномъ состояніи тюремъ [2]).

Тюрьма, вполнѣ естественно, была мѣрою наказанія, которую чаще всего примѣняли

---

[1]) Les Olim, III, 148.—Arch. de l'Hotel de ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45).—Bern. Guidon. «Gravam.» (Doat, XXX, 105—8).—Ejusd. «Practica», P. IV, c. 1.—Eymeric. «Direct. Inq.», 587.—Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Carcer».

Мѣсто изъ «Practica», на которое сдѣланъ намекъ, находится въ одной рукописи въ Bibl. Nat. fon. lat., № 14579, fol. 258. Въ рукописи, напечатанной Дуэ (Парижъ, 1885 г., стр. 179), нѣтъ упоминанія о Климентинахъ.

Въ 1325 г. епископъ Оссори Ричардъ Ледредъ воспользовался канономъ Климентинъ, чтобы присвоить себѣ право надзора надъ Вильямомъ Утлоу (Outlaw), котораго онъ арестовалъ въ замкѣ Килькенни какъ покровителя колдуновъ (епископской тюрьмы, повидимому, не было).—Wright's «Proceedings against Dame Alice Kyteler», Camden Soc., 1843, стр. 31.

[2]) Lib. Sent. Inq. Tolos., 8, 13, 14, 19, 25, 26, 29, 158—62, 246—8, 255—61.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 7. 131; XXVIII, 164).

Библиотека "Руниверс"

инквизиторы. Въ записи приговоровъ Бернара Ги, охватывающей его дѣятельность съ 1308 по 1322 гг., приводится 636 обвинительныхъ приговоровъ, распредѣляющихся слѣдующимъ образомъ:

Лица, выданныя свѣтской власти и сожженныя живыми	40
Останки умершихъ, вырытые и сожженные	67
Осужденные къ тюремному заключенію	300
Вырытые останки лицъ, которыя были бы присуждены къ тюремному заключенію	21
Осужденные на ношеніе крестовъ	138
Осужденные на паломничества	16
Изгнаніе въ Св. Землю	1
Бѣглецы	36
Осужденіе Талмуда	1
Дома, подлежащіе разрушенію	16
	636

Эта таблица, безъ сомнѣнія, даетъ точное представленіе о томъ, какое наказаніе накладывалось сравнительно чаще.

Нужно еще отмѣтить одну особенность инквизиторскихъ приговоровъ: они всегда оканчивались стереотипнымъ выраженіемъ, оставлявшимъ за инквизиторомъ право по произволу измѣнять, смягчать, увеличивать и возобновлять наказаніе. Уже въ 1244 г. Нарбоннскій соборъ предписалъ инквизиторамъ оставлять всегда за собой это право, и съ теченіемъ времени это вошло въ неизмѣнное правило. Въ 1245 г. Иннокентій IV предоставилъ инквизиторамъ, дѣйствовавшимъ совмѣстно съ епископами, право измѣнять наложенное наказаніе. Обыкновенно эти измѣненія приговоровъ дѣлались при участіи епископа, но Цангини учитъ, что его согласіе было существенно только въ томъ случаѣ, если дѣло шло о лицахъ духовнаго званія. Однако, инквизиторъ не могъ сложить наказанія; эта привилегія принадлежала одному только папѣ: ересь была такимъ неизгладимымъ преступленіемъ, что только представитель Бога обладалъ властью снять это пятно [1]).

Право смягченія наказанія примѣнялось часто; имъ пользовались, чтобы добиться отъ кающихся болѣе точныхъ показаній, какъ доказательства ихъ чистосердечнаго раскаянія, а, быть-можетъ, также и для того, чтобы чрезмѣрно не наполнять тюремъ. Такъ, напр., въ спискѣ приговоровъ Бернара Ги мы находимъ 119 случаевъ освобожденія изъ тюрьмы съ условіемъ носить кресты; изъ этихъ 119 освобожденныхъ 51-му были впослѣдствіи сняты и кресты. Кромѣ того, тамъ же имѣется 87 случаевъ осужденіе на ношеніе крестовъ, причемъ этимъ осужденнымъ было дано прощеніе. Подобнымъ милосердіемъ отличалась не одна тулузская инквизиція. Въ 1328 г. однимъ постановленіемъ были освобождены двадцать-три заключенныхъ въ Каркассонѣ; тюрьма была замѣнена имъ ношеніемъ крестовъ, паломничествами и другими духовными подвигами. А въ 1329 г. въ Каркассонѣ же благодаря смягченію приговора были освобождены изъ тюрьмы десять кающихся, и между ними баронъ де Монреаль; ихъ обязали пожизненно носить желтые кресты и совершить двадцать-одно паломничество, причемъ они должны были посѣтить святыни, отстоящія одна отъ другой такъ далеко, какъ Римъ, Компостель, Кантербери и Кельнъ. Они должны были всю свою послѣдующую жизнь, каждое воскресеніе и каждый праздникъ, являться съ розгами къ священнику, совершающему литургію, и получать отъ него спасительные удары въ присутствіи вѣрныхъ; кромѣ того, они должны были принимать участіе во всѣхъ процес-

[1]) Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 7.—Innoc. PP. IV. Bull. «Ut commissum» 20 jan. 1245 (Doat. XXXI, 68.)—Vaissete, III. Pr. 468.—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append., c. 20.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXI, XXXVIII.

Библиотека "Руниверс"

„Histoire abrégée de l'Inquisition d'Espagne", Llorente).

(„Die Tortur. Geschichte der Folter im Kriminalverfahren aller Völker und Zeiten", Fr. Helbing).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

сіяхъ и подвергаться бичеванію на конечномъ пунктѣ. При подобныхъ условіяхъ жизнь была невыносимой, и смерть являлась освободительницей [1]).

Какъ въ приговорахъ обвинительныхъ, такъ и въ этихъ, смягчающихъ наказаніе, оставлялось за инквизиторомъ право измѣненія и возстановленія наказанія съ указаніемъ или безъ указанія основаній къ тому. Разъ Инквизиція наложила на человѣка свое клеймо, она никогда не выпускала своей добычи, и ея высшее милосердіе равнялось exeat освобожденнаго каторжника. Никогда не выносила она помилованія. Соборъ въ Безье 1246 г. и Иннокентій IV въ 1247 г. объявили инквизиторамъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда они освобождали заключеннаго, они должны были предупредить его, что при первомъ поводѣ къ подозрѣнію онъ будетъ наказанъ безъ всякой жалости, и должны были оставить за собою право заключить его снова въ тюрьму безъ всякаго суда и слѣдствія, если этого требовали интересы Церкви. Эти условія сохранялись въ обрядникахъ и предписывались руководствами. Кающійся долженъ былъ знать, что свобода, предоставленная ему, всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія и произвола судьи, который во всякое время могъ велѣть отвести его въ тюрьму и заковать въ цѣпи; въ своемъ клятвенномъ отреченіи онъ ручался своею личностью и всѣмъ своимъ имуществомъ, что явится по первому зову. Если Бернаръ Ги въ своемъ «Formularium» приводитъ текстъ милостиваго рѣшенія, слагающаго всякое личное наказаніе и всѣ ограниченія правъ наслѣдниковъ обвиненнаго, то тутъ же онъ заключаетъ, что эту формулу не надо никогда употреблять или во всякомъ случаѣ, очень рѣдко.

Когда дѣло было выдающейся важности, напр., поимка виднаго ученаго еретика, то инквизиторы могли обѣщать полное и совершенное помилованіе его ученикамъ, если они выдадутъ его; но пріятно замѣтить здѣсь, что эти обѣщанія почти никогда не производили желаемаго эффекта. Если были наложены особыя духовныя епитиміи, то инквизиторъ могъ, по ихъ выполненіи, объявить кающагося человѣкомъ хорошей жизни и честныхъ нравовъ; но это никоимъ образомъ не уничтожало оговорки, сдѣланной въ первоначальномъ приговорѣ. Снисходительность Инквизиціи никогда не доходила до прощенія; она удовлетворялась тѣмъ, что давала отсрочку, dum bene se gesserit, и человѣкъ, надъ которымъ былъ уже разъ постановленъ приговоръ, могъ всегда ожидать, что его позовутъ и снова подвергнутъ или прежнему, или еще болѣе тяжелому наказанію. Вся жизнь его отнынѣ принадлежала молчаливому и таинственному судьѣ, который могъ разбить ее, не выслушавъ его оправданій, не объяснивъ причинъ. Онъ навсегда отдавался подъ надзоръ инквизиціонной полиціи, состоявшей изъ приходскаго священника, монаховъ, духовныхъ лицъ и всего населенія, которымъ приказывалось доносить о всякомъ упущеніи, сдѣланномъ имъ въ исполненіи наложенной на него епитиміи, о всякомъ подозрительномъ словѣ или дѣйствіи — за что онъ ipso facto подвергался ужаснымъ наказаніямъ какъ еретикъ-рецидивистъ. Ничего не было легче для личнаго врага, какъ уничтожить подобнаго человѣка, и сдѣлать это было тѣмъ легче, что доносчикъ зналъ, что имя его будетъ сохранено въ тайнѣ. Мы вполнѣ справедливо жалѣемъ жертвы костра и тюрьмы; но было ли ихъ положеніе болѣе печально, чѣмъ участь множества мужчинъ и женщинъ, ставшихъ рабами Инквизиціи, послѣ того, какъ она пролила на нихъ свое лицемѣрное милосердіе? Вся жизнь ихъ была сплошнымъ безпокойствомъ, и не было у нихъ надежды на отдыхъ [2]).

Даже смерть жертвъ Инквизиціи не отнимала у нея оружія. Мы уже не разъ говорили о вырытіи праха тѣхъ, кого своевременная смерть, казалось, отдала уже на судъ Божій.

---

[1]) Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXVII, 2, 192).

[2]) Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 40, 118, 122, 137, 139, 146, 147.—Bern. Guidon. «Practica» (Doat. XXIX, 85).—Ejusd. P. V (Doat, XXX).—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 21, 22.—Vaissete, III. Pr. 467.—Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 14930, fol. 222, 224).—Pegnae «Comment. in Eymeric.», 509.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XX.

Библиотека "Руниверс"

Если обвиняемый умиралъ послѣ сознанія и раскаянія, то онъ все равно долженъ былъ понести то наказаніе, которое понесъ бы, оставаясь въ живыхъ; и вырытіе тѣла изъ земли замѣняло заключеніе въ тюрьму; съ другой стороны, наслѣдники его должны были подвергнуться легкой епитиміи, которую можно было замѣнить деньгами. Но если обвиняемый умиралъ, не принеся сознанія, и если были указанія на его ересь, то онъ попадалъ въ число нераскаявшихся еретиковъ, останки его выдавались въ руки свѣтской власти, а имущество конфисковалось. Послѣднее обстоятельство выясняетъ, почему подобныя казни были такъ часты, какъ мы это видѣли въ приведенной нами таблицѣ. Добавимъ еще, что если свѣтскія власти колебались вырыть тѣло, то ихъ принуждали къ этому угрозой отлученія отъ Церкви [1]).

Такую же ярость испытывали на себѣ и потомки несчастныхъ. Измѣна, по римскому праву, наказывалась съ неумолимой жестокостью, и постановленія этого права постоянно приводятся защитниками канонического права какъ прецеденты для наказанія ереси, съ замѣчаніемъ, что измѣнять Богу въ тысячу разъ ужаснѣе, чѣмъ государю. Быть-можетъ, было естественно, что духовное лицо, въ своемъ рвеніи защищать царствіе Божіе, слѣдовало примѣру римскихъ императоровъ и даже шло дальше. и это можетъ объяснить, если не оправдать, многія гнусныя, противныя черты инквизиціоннаго суда. Въ Кодексѣ Юстиніана наказаніе за измѣну увеличивалось постановленіемъ, въ силу котораго дѣти виновнаго признавались не имѣющими права занимать общественныя должности и наслѣдовать по боковой линіи. Тулузскій соборъ 1229 г. объявилъ не имѣющими права избранія на должности даже тѣхъ изъ еретиковъ, кто обратился добровольно; естественно, что послѣ этого Фридрихъ II примѣнилъ къ ереси римскій законъ и распространилъ его дѣйствіе и на внуковъ виновнаго. Это увеличеніе наказанія какъ остатокъ отъ узаконеній Фридриха было весьма охотно принято Церковью. Однако, Александръ IV въ буллѣ 1257 г., много разъ повторявшейся его преемниками, пояснилъ, что это не распространялось на тѣ случаи, гдѣ виновный далъ публичное покаяніе и выполнилъ епитимію; Бонифацій VIII пошелъ дальше и отмѣнилъ ограниченіе правъ для внуковъ съ материнской стороны. Измѣненный, такимъ образомъ, законъ Фридриха сохранился въ каноническомъ правѣ [2]).

Инквизиція такъ сильно нуждалась въ содѣйствіи свѣтскихъ чиновниковъ, что до извѣстной степени ее можно извинить, что она старалась лишать права службы тѣхъ, кто могъ бы имѣть извѣстную симпатію къ еретикамъ. Но такъ какъ не было установлено никакой давности, чтобы остановить ее въ ея процессахъ противъ мертвыхъ, то нельзя было остановить и ея наступательныя дѣйствія въ отношеніи наслѣдниковъ еретиковъ. Архивы Инквизиціи сдѣлались, такимъ образомъ, источникомъ безчисленныхъ притѣсненій, направленныхъ противъ тѣхъ, кто давно или недавно имѣлъ связь съ еретикомъ. Никто не могъ быть спокоенъ, что въ одинъ прекрасный день не откроютъ или не сфабрикуютъ какого-нибудь свидѣтельскаго показанія противъ кого-либо изъ его родителей или предковъ, давно уже сошедшихъ въ могилу; этого было бы достаточно, чтобы навѣки разбить его карьеру. Въ 1288 г. Филиппъ Красивый писалъ каркассонскому сенешалю, что Раймундъ Виталь Авиньонскій отправлялъ въ этомъ городѣ обязанности нотаріуса, хотя его дѣдъ со стороны матери, Роже Изарнъ, кончилъ свою жизнь на кострѣ какъ еретикъ; если это вѣрно, то сенешаль долженъ отставить нотаріуса. Въ 1292 г. сержантъ королевской арміи, Гиро д'Отривъ, подвергся слѣдствію по подобному же поводу; Гильемъ де С.-Сейнъ,

---

[1]) Concil. Arelatens. ann. 1234, c. 11.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 26.—Lib. Sent. Inq. Tolosan., 162–7, 203, 246–7, 251—2.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXVII.

[2]) Const. 5. Cod. IX. VIII. Concil. Tolosan ann. 1229, c. 10. — Hist. Diplom. Fridr II. T. IV, 8, 302.—Innoc. PP. IV. Bull. «Ut commissum», 21, jun. 1254.—Allex. PP. IV. Bull. «Quod super nonnullis» 9 dec. 1257 (Doat, XXXI, 244).—Raynald. ann. 1258, № 23.—Potthast, №№ 17745, 18396.—Eymerici «Direct. Inq.» 123.—C. 15, Sexto V. II.

Библиотека "Руниверс"

инквизиторъ Каркассона, доставилъ королевскому прокурору документы, изъ которыхъ было видно, что отецъ и мать Гиро въ 1256 г. сознались въ ереси; а дядя его, Раймундъ Карбоннель, былъ сожженъ въ 1276 г. какъ совершенный еретикъ. Въ этомъ случаѣ къ королевской власти прибѣгли, чтобы она отрѣшила чиновника отъ должности; но ученіе Инквизиціи предоставляло и самому инквизитору право удалить со службы любое лицо, отецъ или дѣдъ котораго былъ еретикомъ или сторонникомъ ереси. Поэтому, когда кающійся выполнялъ наложенную на него епитимію, то дѣти его часто изъ предосторожности брали объ этомъ оффиціальное удостовѣреніе, которое впослѣдствіи давало имъ возможность получить службу. Въ отдѣльныхъ случаяхъ инквизиторъ имѣлъ право снимать съ наслѣдниковъ еретиковъ тяготѣвшее надъ ними ограниченіе гражданскихъ правъ; но, какъ и въ вопросѣ объ епитиміи, это было лишь отсрочкой наказанія, которую во всякое время можно было отмѣнить по первому подозрѣнію о симпатіяхъ къ ереси [1]). Благодаря этому бывали и такіе случаи, что потомки еретиковъ занимали даже духовныя должности; мы знаемъ объ одномъ монахѣ изъ Клюни, который слушалъ лекціи въ Парижѣ въ то время, какъ его родители были осуждены за ересь; онъ утверждалъ, что ничего не зналъ объ ихъ заблужденіяхъ и обратился къ папскому духовнику съ просьбой принять его въ монахи; и пріору было предложено постричь его, если его жизнь и поведеніе свидѣтельствуютъ, что онъ достоинъ этого. Если кто-либо былъ посвященъ въ священники и получилъ бенефицію до осужденія своихъ родителей, то законъ не имѣлъ обратной силы [2]).

Въ основѣ всѣхъ приговоровъ Инквизиціи лежалъ приговоръ объ отлученіи отъ Церкви, на которомъ, если можно такъ сказать, зиждилось все ея могущество. Въ теоріи духовныя наказанія, налагаемыя Инквизиціей, были тожественны съ тѣми, при посредствѣ которыхъ всякое облеченное властью духовное лицо могло лишить человѣка вѣчнаго спасенія; но духовенство такъ осрамилось, что анаѳема въ устахъ священника, котораго не боялись и не уважали, потеряла, по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемую эпоху, въ значительной степени свое значеніе. Наоборотъ, духовныя наказанія Инквизиціи были оружіемъ въ рукахъ небольшого числа людей, избранныхъ за ихъ энергію, и никто не могъ безнаказанно относиться къ нимъ безъ уваженія; къ тому же свѣтскія власти были обязаны изгонять всякаго какъ еретика или сторонника ереси, кого отлучилъ отъ Церкви инквизиторъ, и конфисковать его имущество. Не безъ основанія инквизиторы хвалились, что ихъ проклятіе по четыремъ причинамъ могущественнѣе проклятія остального духовенства: они могли заставить свѣтскую власть признать отлученнаго внѣ закона; они могли принудить ее конфисковать его имущество; они могли осудить какъ еретика любого, который оставался отлученнымъ въ теченіе года; и, наконецъ, они могли отлучить всякаго, кто сталъ бы поддерживать сношенія съ отлученнымъ. Такимъ образомъ, Инквизиція добилась, чтобы безпрекословно слушались ея призыва и подчинялись налагаемымъ ею наказаніямъ. Для приведенія въ исполненіе своихъ приговоровъ она пользовалась услугами свѣтской власти; она устраняла всѣ законы и статуты, которые противорѣчили ея судопроизводству; она подтверждала, что царствіе Божіе, представляемое ею на землѣ, было выше царствъ земныхъ. Изъ всѣхъ отлученій самымъ страшнымъ было отлученіе инквизитора, и самые отчаянные не рѣшались бравировать имъ, такъ какъ они знали, что за это имъ грозило въ близкомъ будущемъ ужасное мщеніе [3]).

---

[1]) Eymeric. «Direct. Inq.», 571.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXII, 156).—Regist. Curiae Franciae de Carcassonne (Doat, XXXII, 241).—Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Inquisitores», № 19.—Lib. Sentent. Inq. Tolosan. Index.—Waddingi «Regest. Nich. PP. III», № 10.

[2]) «Formulary of the Papal Penitentiary». Philadelphie, 1892, Rubr. XLI, XLII.

[3]) Ripoll. I, 208, 394.—Tractatus de Inquisitione (Doat, XXXVI).—Bern. Gnidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX).—Eymerici «Direct. Inquis.», 360—1.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА XIII.

Конфискація.

Хотя конфискація, какъ мы покажемъ сейчасъ, лишь въ слабой степени была прямымъ дѣломъ Инквизиціи, однако, граница была здѣсь скорѣе номинальная, чѣмъ дѣйствительная; вѣдь въ сущности даже тамъ, гдѣ инквизиторъ не объявлялъ конфискаціи, она сама собой вытекала изъ его приговора. Поэтому она представляла одно изъ самыхъ страшныхъ наказаній, примѣненіе котораго зависѣло отъ власти инквизитора, и на ней стоитъ остановиться тѣмъ болѣе подробнѣе, что дѣйствіе ея давало себяо чень тяжело чувствовать населенію.

И здѣсь, какъ вообще, надо искать корень въ римскомъ правѣ. Правда, императорскіе эдикты противъ еретиковъ, при всей ихъ жестокости, не доходили до того, чтобы косвенно наказывать невиновныхъ; даже тогда, когда присуждались къ смертной казни ненавидимые всѣми манихеи, ихъ имущество не подвергалось конфискаціи, если ихъ наслѣдники не были наравнѣ съ ними еретиками. Дѣти, оставшіяся вѣрны религіи, наслѣдовали своему отцу-еретику, который, въ силу своей ереси, не могъ ни лишить ихъ наслѣдства, ни оставить духовнаго завѣщанія. Иначе обстояло дѣло при обыкновенныхъ преступленіяхъ. Всякое осужденіе къ ссылкѣ или къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ влекло за собой конфискацію, хотя жена осужденнаго могла потребовать себѣ вдовью часть и все, полученное ею въ даръ до совершенія преступленія; то же могли сдѣлать и дѣти, освободившіяся отъ patria potestas. Все остальное принадлежало фиску. Въ случаяхъ оскорбленія величества или измѣны виновный могъ быть осужденъ даже послѣ смерти; тогда его имущество подвергалось конфискаціи, такъ какъ оно переходило въ фискъ *съ того момента, когда было задумано преступленіе*. Эти законы Восточной Римской Имперіи представляли арсеналъ, откуда заимствовали папы и короли, чтобы сдѣлать преслѣдованіе ереси привлекательнымъ и выгоднымъ [1]).

Король Рожеръ, занимавшій престолъ Обѣихъ Сицилій въ теченіе первой половины XII вѣка, повидимому, первый примѣнилъ римскій законъ, предписавъ конфискацію имущества всѣхъ тѣхъ, кто отпалъ бы отъ католической вѣры—все равно въ восточное православіе, магометанство или іудейство. Но Церковь не сниметъ съ себя упрека въ томъ, что она ввела это во всѣ законодательства Европы какъ наказаніе за преступленія въ вопросахъ внутренняго убѣжденія. Большой Турскій соборъ, бывшій въ 1163 г. подъ предсѣдательствомъ Александра III, предписалъ всѣмъ свѣтскимъ князьямъ заключать еретиковъ въ тюрьму, а имущество ихъ конфисковать. Луцій III, грозя еретикамъ конфискаціями, попытался въ своихъ Веронскихъ декреталіяхъ 1184 г. повернуть въ пользу Церкви всѣ конфискуемыя имущества. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Иннокентія III, въ его двойной роли свѣтскаго князя и главы Церкви, было изданіе эдикта къ своимъ Витербскимъ подданнымъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Мы повелѣваемъ, чтобы въ областяхъ, подчиненныхъ нашему свѣтскому суду, имущества еретиковъ подвергались конфискаціи; что касается остальныхъ странъ, то мы повелѣваемъ, чтобы эта мѣра примѣнялась свѣтскими князьями подъ страхомъ наложенія на нихъ духовныхъ наказаній. Имущества еретиковъ, отрекающихся отъ ереси, не будутъ

---

[1]) Const. 13, 15, 17 Cod. I. V; 2, 3, 4, 7, 8, 9, Cod. IX. XLIX; 5, 6 Cod. IX, XLIX; 5, 6 Cod. IX. XIII.

Библиотека "Руниверс"

возвращены имъ, если только не будетъ благоугодно кому-нибудь сжалиться надъ ними. По закону виновные въ оскорбленіи величества наказуются смертью и, имущество ихъ конфискуется, лишь изъ милости дѣтямъ ихъ оставляется жизнь; равнымъ образомъ, и съ гораздо большимъ основаніемъ, должны быть отсѣчены отъ Христа и лишены имущества тѣ, кто уклоняется отъ вѣры и оскорбляетъ Сына Божьяго, такъ какъ гораздо больше вины посягать на величіе Божіе, чѣмъ на величіе земного владыки» [1]).

Этотъ декреталій, внесенный въ каноническое право, имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ онъ резюмируетъ все ученіе Церкви относительно наказанія еретиковъ. По примѣру римскаго закона объ оскорбленіи величества имущество еретика признается утраченнымъ имъ съ момента проявленія имъ ереси. Если онъ отрекался отъ своихъ заблужденій, то имущество ему возвращалось только въ видѣ особой милости. Когда духовные суды объявляли кого-либо еретикомъ въ настоящемъ или прошедшемъ времени, то конфискація дѣлалась, такъ сказать, сама собою; наложеніе запрещенія на имущество было на обязанности свѣтской власти, и только отъ нея одной зависѣло пощадить имущество виновнаго, примѣнивъ къ нему снисхожденіе, равнявшееся подарку. Ничего изъ изложеннаго нами не слѣдуетъ упускать изъ виду, если мы хотимъ вѣрно понять нѣкоторыя подробности, которыя часто истолковывались невѣрно.

Декреталій Иннокентія подтверждаетъ, кромѣ того, тотъ фактъ, что въ началѣ борьбы противъ ереси Церковь встрѣчала, главнымъ образомъ, въ вопросѣ о конфискаціяхъ препятствіе въ томъ, чтобы убѣдить или понудить свѣтскія власти выполнять свои обязанности, присваивая себѣ имущества еретиковъ. Въ этомъ состояло одно изъ главныхъ преступленій Раймунда VI Тулузскаго, которое потребовало столь долгаго искупленія, какъ объяснилъ ему это Иннокентій въ 1210 г. Его сынъ избѣгъ этого упрека. Въ статутахъ 1234 г., согласно съ указомъ Людовика VIII отъ 1226 г. и Людовика IX отъ 1229 г., онъ объявилъ конфискацію имущества не только еретиковъ, но всѣхъ тѣхъ, кто тѣмъ или инымъ способомъ покровительствовалъ еретикамъ и отказывался содѣйствовать ихъ поимкѣ. Однако, его политика не всегда согласовалась съ его законами, и не разъ являлась необходимость возбуждать его рвеніе. Позднѣе, когда пропала всякая опасность вооруженнаго сопротивленія, князья въ общемъ стали проявлять большую ревность въ дѣлѣ увеличенія своихъ скудныхъ доходовъ при помощи конфискацій, и законодательство всей Европы освятило принципъ ограбленія еретиковъ. Но, тѣмъ не менѣе, Церковь иногда находила нужнымъ поощрять ревность грабителей и повторять по адресу снисходительныхъ или небрежныхъ свои наставленія и обычныя угрозы [2]).

Отношеніе Инквизиціи къ конфискованнымъ имуществамъ въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ было различно. Во Франціи былъ общепринятъ принципъ римскаго за-

---

[1]) Const. Sicular. lib. I, tit. 3.—Concil. Turon. ann. 1163, c. 4.—Lucii PP. III. Epist. 171.—Innoc. PP. III Regest. II, 1.—Cap. 10 Extra V. 7.

По всей вѣроятности, имѣнія Петра Морана Тулузскаго были конфискованы въ 1178 г. въ пользу графа на основаніи Турскаго канона; Морану было позволено выкупить ихъ, внеся штрафъ въ 500 серебряныхъ ливровъ (Ruger. Hoveden. «Annal.», ann. 1178).

Декретъ Альфонса II Арагонскаго противъ вальденцевъ, изданный въ 1194 г. (Regnae «Commont. 39 in Eymeric.», 281, распространяетъ конфискацію и на покровителей ереси, но мы не находимъ слѣдовъ примѣненія этого декрета, равно какъ и послѣдующихъ каноновъ Жеронскаго собора 1197 г. (Aguirre, V. 102—3). То же можно сказать объ эдиктахъ Генриха VI, изданныхъ въ 1194 г. и повторенныхъ Оттономъ IV въ 1310 г. (Lami, «Antich. Toscane», 484,

[2]) Innoc. PP. III. Regest. XII, 154 (Cap. 26 Extra V. [XI).—Isamberi, «Anc. loix franç.» I, 228, 232.—Harduin. VII, 203—8.—Vaissete, III. Pr. 385.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 26.—Innoc. PP. IV. Bull. «Cum fratres», ann. 1252 (Mag. Bull. Roman. I, 90).

Конфискація въ средніе вѣка была обычнымъ источникомъ бюджета. Въ Австріи со временъ Альфреда измѣна влекла за собой потерю жизни и имущества (Alfred's Dooms 4.—Thorpe I. 63); и это двойное наказаніе оставалось въ законѣ до 1870 г. (Low and Pullinsg

Библиотека "Руниверс"

кона; право на собственность, разъ вина была установлена, переходило фиску; инквизиторъ тамъ ничѣмъ не пользовался; онъ только устанавливалъ степень виновности извѣстнаго лица и предоставлялъ государству всѣ дальнѣйшія дѣйствія. Такъ, напр., Ги Фукуа разсматриваетъ вопросъ о конфискаціяхъ какъ стоящій совершенно внѣ функцій инквизитора, который самое большее можетъ или дать совѣтъ свѣтскимъ властямъ, или вмѣшаться, чтобы выговорить снисхожденіе; впрочемъ, онъ признаетъ, что не подлежитъ конфискаціи на законномъ основаніи имущество только тѣхъ, кто является по доброй волѣ и сознается раньше, чѣмъ успѣли собрать противъ него какія-либо улики. Согласно съ сказаннымъ приговоры французской Инквизиціи вообще не упоминаютъ совсѣмъ о конфискаціи, хотя мы случайно знаемъ нѣсколько случаевъ, встрѣчающихся въ судебныхъ отчетахъ, гдѣ земельныя владѣнія были проданы въ пользу фиска, тогда какъ въ приговорѣ не было на то прямого указанія. Въ осужденіяхъ, вынесенныхъ противъ отсутствующихъ и умершихъ, иногда указывалось на конфискацію, какъ-будто государство въ этомъ случаѣ нуждалось въ указаніи; но практика въ этомъ отношеніи была неодинакова. Въ приговорѣ, который 24 ноября 1241 г. объявили Гильемъ Арно и Этьенъ де С.-Тибери по дѣлу двухъ отсутствовавшихъ, ихъ имущество оставлялось законнымъ наслѣдникамъ. Въ реестрѣ Бернара Ко (1246 — 1248), съ одной стороны, находимъ тридцать-два случая заочныхъ рѣшеній, гдѣ конфискація указана въ приговорѣ, а, съ другой—девять совершенно однородныхъ, гдѣ о ней ничего не говорится. Приговоръ каркассонской инквизиціи отъ 12 декабря 1328 г. по дѣлу о пяти умершихъ, которые были бы приговорены къ тюрьмѣ, если бы остались живы, кончается словами: Et consequenter bona ipsorum dicimus confiscanda, тогда какъ приговоръ отъ 24 февраля 1325 г., касающійся четырехъ покойниковъ, не имѣетъ подобнаго заключенія.

Въ сущности, строго говоря, признавали, что инквизиторъ не имѣлъ права накладывать конфискацію безъ разрѣшенія фиска; обычай оказывать снисхожденіе тѣмъ, кто являлся добровольно и признавался, былъ основанъ на уступкѣ, сдѣланной по этому поводу въ 1235 г. Раймундомъ Тулузскимъ инквизиціи Лангедока. Тотчасъ какъ лицо, подозрѣваемое въ ереси, вызывалось на судъ или подвергалось задержанію, свѣтскія власти накладывали секвестръ на его имущество и сообщали объ этомъ его должникамъ. Несомнѣнно, когда состоялось осужденіе, инквизиторъ извѣщалъ о немъ, кого слѣдовало; но въ общемъ эти извѣщенія, повидимому, не отмѣчались въ архивахъ Св. Трибунала, хотя одно древнее руководство отмѣчаетъ среди обязанностей инквизитора обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы конфискація была произведена. Позднѣе, въ 1328 г. въ протоколѣ одного собранія экспертовъ въ Памье упоминается присутствіе Арно Ассали, королевскаго прокурора въ Каркассонѣ; отсюда можно заключить, что въ это время данный чиновникъ уже присутствовалъ обыкновенно на совѣщаніяхъ, чтобы быстро узнать рѣшеніе, которое вызывало его вмѣшательство [1]).

«Dict. of English history, 469). Во Франціи убійство, лжесвидѣтельство, измѣна, человѣкоубійство и насиліе карались смертью и конфискаціей (Beaumanoir, «Coutumes de Beauvoisis», XXX, 2—5). По германскому феодальному праву человѣкъ могъ потерять свой ленъ вслѣдствіе разныхъ преступленій; но различали, если преступленіе было совершено противъ сеньора, то ленъ переходилъ къ нему; если же было совершено простое преступленіе, то онъ переходилъ къ наслѣдникамъ виновнаго (Feudor. lib. I. Tit. XXIII—XXIV). Въ Наваррѣ конфискація примѣнялась въ случаѣ самоубійства, убійства, измѣны и даже нанесенія побоевъ и ранъ, если покушеніе было совершено въ мѣстности, гдѣ жили королева и дѣти короля. До насъ дошло дѣло о конфискаціи имущества одного человѣка за то, что онъ ударилъ другого въ Олитѣ, мѣстности, расположенной въ одной милѣ отъ Тафаллы, гдѣ случайно въ это время находилась королева (G. B. de Lagrèze, «La Navarre française», II, 335).

[1]) Guid. Fulcod. «Quaest.» XV.—Coll. Doat, XXI, 154; XXXIII, 207; XXXIV, 189; XXXV, 68.—Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 9992.—Coll. Doat, XXVIII, 131, 164.—Resp. Prudentium (Doat,

Библиотека "Руниверс"

Въ Италіи опредѣленное правило въ этомъ отношеніи установилось нескоро. Буллой Иннокентія IV отъ 1252 г. предписывалось властямъ Ломбардіи, Тревизо и Романіи конфисковать имущество всѣхъ отлученныхъ отъ Церкви какъ еретиковъ, или какъ помощниковъ, или сторонниковъ еретиковъ, чѣмъ признавалось, что право конфискаціи принадлежало свѣтской власти. Но въ скоромъ времени папѣ удалось присвоить себѣ часть добычи, даже за предѣлами церковной имперіи, какъ это видно изъ буллъ «Ad extirpanda» Иннокентія IV и Александра IV, и съ этого времени Инквизиція получила прямой интересъ въ этихъ грабежахъ. Такимъ образомъ, болѣе или менѣе индифферентное отношеніе французскихъ судовъ не нашло себѣ подражателей по другую сторону горъ. На практикѣ были безчисленныя отклоненія. Цангино сообщаетъ, что раньше конфискаціи объявлялись въ папской области духовными судьями, а въ другихъ мѣстахъ свѣтскими властями; но что въ его время (около 1320 г.) это по всей Италіи зависѣло отъ юрисдикціи епископскихъ и инквизиторскихъ судовъ, такъ что свѣтскія власти ничего объ этомъ не знали. Онъ добавляетъ, что конфискація въ случаѣ ереси предписывается закономъ, и что инквизиторы не въ правѣ отмѣнить ее за исключеніемъ случаевъ добровольнаго обращенія и съ согласія епископа. Однако, хотя преступленіе ipso facto уже влекло за собой конфискацію, привести ее въ исполненіе можно было лишь послѣ постановленія по этому дѣлу приговора. Вотъ почему въ обвинительныхъ актахъ, исходящихъ отъ итальянской инквизиціи, конфискація предписывалась оффиціально, и свѣтскія власти предупреждались не вмѣшиваться, если только ихъ не просили объ этомъ [1]).

Уже съ первыхъ временъ въ нѣкоторыхъ городахъ итальянскіе инквизиторы выражали желаніе не только предписывать, но и контролировать конфискаціи. Около 1245 г. флорентійскій инквизиторъ Руджіери Кальканьи осуждаетъ, какъ еретика-рецидивиста, одного катара по имени Діотайути и налагаетъ на него штрафъ въ сто лиръ. Руджіери увѣдомляетъ о полученіи этой суммы, которая должна быть передана папѣ или употреблена на пропаганду вѣры; въ то же время онъ уступаетъ остальное имущество еретика его женѣ Джакобѣ, показывая этимъ, что онъ считаетъ себя, какъ бы собственникомъ всего имущества Діотайути. Однако, это не привилось, такъ какъ въ 1283 г. мы встрѣчаемъ постановленіе подестата города Флоренціи, по смыслу котораго инквизиторъ бр. Соломонъ да Лукка извѣщалъ, что вдова Рувиноза, только-что скончавшаяся, умерла, оставаясь еретичкою, и что ея имущество должно быть конфисковано; почему подестатъ приказываетъ наложить арестъ на ея имущество и продать его, а вырученныя деньги распредѣлить сообразно съ папскими постановленіями. Но съ теченіемъ времени инквизиторы становятся полными хозяевами всего получаемаго отъ конфискацій. Въ 1327 г. муниципальныя власти Флоренціи передаютъ доминиканцамъ одинъ конфискованный домъ, и въ документѣ точно обозначается, что эта передача состоялась съ согласія инквизитора. Даже въ Неаполѣ король Робертъ въ 1324 г. предписалъ инквизиторамъ уплатить 50 унцій золота изъ доли, приходившейся на его часть изъ конфискацій, пріору церкви Св. Доминика въ Неаполѣ на ея окончательную отдѣлку [2]).

XXXVII, 83).—Grandes Chroniques, ann. 1323.—Les Olim. T. I, 556.—Guill. Pelisso «Chron.», изд. Molinier, стр. 27.—Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat. fon. lat., № 14930, fol. 224).—Coll. Doat, XXVII, fol. 118.

Когда въ 1460 г. французская инквизиція, въ то время почти угасшая, возродилась для преслѣдованія колдуновъ Арраса, конфискація, какъ наказаніе, примѣнялась часто.—Mém. de Jacques du Clerc. liv. IV, ch. 4.

[1]) Coll. Doat, XXXI, 175.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XVIII, XXV, XXVI, XLI.—Archivio Storico Italiano, № 38, стр. 29.

[2]) Lami, «Antichità Toscane», 560, 588—9.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXVI.—Arch. di Firenze, Prov. S. Maria Novella, nov. 18, 1327.—Archivio di Napoli, Regist. 253. Lett. A. fol. 63.

Библиотека "Руниверс"

Въ Германіи Вормскій сеймъ (1321) показываетъ, что въ понятіяхъ феодальнаго общества ересь смѣшивалась съ измѣною, такъ какъ онъ установляетъ, что аллодіальныя земли и личныя владѣнія осужденнаго поступаютъ его наслѣдникамъ, а ленныя помѣстья переходятъ въ пользу сюзерена. Если онъ былъ рабомъ, то его имущество поступало во владѣніе его господина; но изъ общей суммы удерживали расходы по приведенію въ исполненіе казни на кострѣ и судебное вознагражденіе сеньора-судьи. Два года спустя, въ 1323 г., Майнцскій соборъ возсталъ противъ несправедливости (давно уже, какъ и въ другихъ мѣстахъ, появившейся въ Германіи) смотрѣть на всякаго обвиняемаго какъ на преступника и поступать съ его имуществомъ какъ съ имуществомъ осужденнаго. Онъ постановилъ, чтобы имущество обвиняемыхъ оставалось неприкосновеннымъ до окончанія суда, и грозилъ отлученіемъ отъ Церкви всякому, кто до этого времени захватилъ бы это имущество или откупилъ бы его. Однако, когда императоръ Карлъ IV сдѣлалъ попытку ввести Инквизицію въ Германіи (1369), то онъ принялъ итальянскій обычай и приказалъ третью часть конфискованнаго имущества отдавать инквизиторамъ [1]).

Невозможно точно опредѣлить степень вины, влекшей за собой конфискацію. Даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ инквизиторъ номинально не имѣлъ никакой доли въ конфискаціи, верховная власть, которою онъ располагалъ относительно обвиняемаго, на дѣлѣ дѣлала его полнымъ хозяиномъ его имущества, и сообщеніе имъ своего приговора свѣтскимъ властямъ равнялось безапелляціонному рѣшенію. Весьма вѣроятно, что пріемы измѣнялись сообразно съ эпохами и характеромъ различныхъ инквизиторовъ. Мы видѣли, что Иннокентій III предписывалъ конфискацію во всѣхъ случаяхъ ереси; но нелегко было точно опредѣлить, въ чемъ состояла ересь. Въ статутахъ Раймунда конфискація постигла не только еретиковъ, но и сторонниковъ ереси. Соборъ въ Безье въ 1233 г. настаивалъ, чтобы она примѣнялась и противъ обратившихся и возсоединенныхъ съ Церковью, которые были осуждены на ношеніе крестовъ; соборы же въ Безье 1246 г. и Альби 1254 г. требовали ея примѣненія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда инквизиторы присуждали къ тюрьмѣ. Однако, въ приговорѣ отъ 19 февраля 1237 г., которымъ инквизиторы Тулузы приговорили отъ двадцати до тридцати кающихся къ пожизненной тюрьмѣ, имѣется только угроза конфискаціей въ случаѣ, если кающіеся не выполнятъ наказанія. Въ концѣ концовъ, юристы условились признавать тюремное заключеніе какъ условіе, достаточное для конфискаціи имущества.

Людовикъ Святой пошелъ даже дальше. Когда въ 1259 г. онъ смягчилъ свой указъ 1229 г., то онъ предписалъ конфисковать имущество не только тѣхъ, кто былъ присужденъ къ тюрьмѣ, но и тѣхъ, кто не являлся по вызову, и тѣхъ, въ домахъ которыхъ были обнаружены еретики; его чиновники должны были узнать отъ инквизитора до окончанія суда, заслуживаетъ ли обвиняемый тюрьмы, и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, наложить арестъ на его имущество. Впослѣдствіи святой король рѣшилъ, чтобы наслѣдники возстановлялись во владѣніи имуществомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда еретикъ заявилъ готовность обратиться раньше вызова Инквизиціи, или когда онъ вступилъ въ монашескій орденъ и мирно кончилъ тамъ дни свои. Эти оговорки, которыя казались проявленіемъ высшей снисходительности, показываютъ, насколько широко примѣнялась повсемѣстно конфискація, и съ какой неумолимой жестокостью былъ прилагаемъ принципъ, что одно ничтожное проявленіе ереси лишало человѣка права собственности. Даже въ концѣ XV вѣка было общимъ правиломъ, что конфискація была вполнѣ законна, тогда

[1]) Hist. Diplom. Frid. II. T. III, 466.—Kaltner, «Konrad von. Marburg und die Inquisition», Прага, 1882, стр. 147.—Mosheim, «de Beghardis», 347.

Библиотека "Руниверс"

какъ возвратъ имущества воссоединенному съ Церковью еретику являлся актомъ милосердія, требовавшаго особаго мотивированнаго постановленія [1]).

Дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго, мы можемъ заключить, что заточеніе въ тюрьму обратившагося и воссоединеннаго съ Церковью влекло за собою конфискацію имущества, а такъ какъ пожизненная тюрьма была обычной формой духовнаго наказанія, то и конфискація была обычнымъ явленіемъ. Возможны, однако, и исключенія. Десять заключенныхъ, выпущенныхъ въ 1248 г. Иннокентіемъ IV на свободу, уже довольно долгое время томились въ тюрьмѣ (нѣкоторые четыре и болѣе года); но щедрыя пожертвованія на Св. Землю, которыми они купили себѣ свободу, показываютъ, что или они, или ихъ друзья должны были располагать еще крупными средствами, если только необходимыя деньги не были добыты посредствомъ заклада имущества, подлежащаго возвращенію. Равнымъ образомъ, когда въ 1248 г. былъ присужденъ къ тюрьмѣ Бернаромъ Ко нѣкто Аламанъ де Роэ, приговоромъ предписывались уплата аннюитета извѣстному лицу и вознагражденіе за грабежи, въ которыхъ онъ оказался виновнымъ; отсюда ясно, что у него оставалось нѣкоторое имущество. Но, такъ какъ въ теченіе десяти лѣтъ онъ находился въ бѣгахъ, и приговоръ былъ заочный, надо думать, что эти деньги были собраны съ его имущества, конфискованнаго государствомъ.

Подобныя исключенія, болѣе мнимыя, чѣмъ дѣйствительныя, могутъ быть объяснены, и все судопроизводство Инквизиціи, вмѣстѣ взятое, очень ясно показываетъ, что тюрьма и конфискація были нераздѣльны. Иногда даже въ приговорахъ относительно умершихъ говорится, что они признаны достойными тюремнаго заключенія съ единственной цѣлью: лишить ихъ наслѣдниковъ права наслѣдованія. Правда, въ позднѣйшую эпоху Эмерикъ, разсматривающій эти вопросы мимоходомъ, какъ-будто они не касались инквизитора, выражается такъ, что можно подумать, что конфискація примѣнялась только тогда, когда еретикъ не раскаивался и не отрекался отъ ереси до вынесенія приговора; но Пегна, комментаторъ Эмерика, ясно показываетъ, что это ошибка. Цангино признаетъ установившимся фактомъ, что ересь влечетъ за собой потерю имущества, но онъ добавляетъ, что денежныя наказанія не могутъ быть налагаемы, потому что осужденный терялъ все свое имущество, хотя можно было въ этомъ отношеніи оказать ему снисхожденіе съ согласія епископа; но простое подозрѣніе въ ереси не должно влечь за собой конфискаціи [2]).

Въ первомъ порывѣ своего рвенія преслѣдователи подвергали конфискаціи все. Но въ 1237 г. Григорій IX призналъ, что приданое женъ-католичекъ должно въ извѣстныхъ случаяхъ оставаться неприкосновеннымъ, а въ 1247 г. Иннокентій IV возвелъ въ правило, что приданое должно возвращаться женамъ и не должно подвергаться конфискаціямъ, хотя ересь и не обусловливала развода. Людовикъ Святой принялъ это правило въ 1258 г. Однако, оно было подчинено крупнымъ ограниченіямъ, такъ какъ по каноническому праву жена не могла ничего требовать назадъ, если во время своего выхода замужъ она знала объ ереси своего мужа, а по мнѣнію нѣкоторыхъ даже и въ томъ случаѣ, если она, узнавъ объ ереси своего мужа, продолжала жить съ нимъ и, наконецъ, если не донесла объ этомъ въ законный сорокадневный срокъ послѣ обнаруженія ереси

---

[1]) Harduin. VII, 203.—Concil. Biterrens. ann. 1233, c. 4; ann 1246, Append. c. 5.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 26.—Coll. Doat, XXI, 151.—Guid. Fulcod. «Quaest.» XV.—Isambert, «Anc. loix franç.», I, 257.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 263).—Bernardi Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Filii».

[2]) Archives le l'Inq. de Carcassonne (Doat, XXXI, 152).—Berger, «Registres d'Innoc. IV», № 1844.—Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 9992.—Lib. Sentent. Inq. Tolos. 158—62.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 98).—Eymerici «Direct. Inquis.», 665—5.—Zanchini «Tract. de Haeret.». c. XVIII, XIX, XXV.

Библиотека "Руниверс"

мужа. А такъ какъ дѣти лишались права на наслѣдство, то жена еретика сохраняла свое приданное только при жизни, а послѣ ея смерти оно поступало въ фискъ [1]).

Хотя конфискація въ принципѣ была дѣломъ государства, однако, распредѣленіе добычи не подчинялось разъ навсегда опредѣленному правилу. До организаціи Инквизиціи, когда были сожжены въ Страсбургѣ вальденцы, имущество послѣднихъ было поровну распредѣлено между Церковью и свѣтскими властями. Луцій III, какъ мы видѣли, пытался присвоить Церкви исключительное право на доходы отъ конфискацій. Въ церковныхъ областяхъ эта монополія была понятна, и Иннокентій IV въ своей буллѣ Ad extirpanda 1252 г. выказалъ свое безкорыстіе, предназначивъ всю добычу грабежа на поощреніе дальнѣйшихъ преслѣдованій: одна треть была предоставлена мѣстнымъ властямъ, одна треть — служителямъ Инквизиціи, а остальное—епископу и инквизитору съ тѣмъ, чтобы они употребляли эти деньги исключительно на розыскъ еретиковъ. Эти предписанія были сохранены Александромъ IV и Климентомъ IV въ позднѣйшихъ редакціяхъ этой буллы. Не взятые залоги переходили полностью въ руки инквизитора. Но вскорѣ пришли къ убѣжденію, что приведенное нами выше правило распространялось только на независимыя государства Италіи, такъ какъ Александръ IV въ 1260 г. приказалъ инквизиторамъ Рима и Сполето продать конфискованныя у еретиковъ имущества и вырученныя деньги передать самому папѣ; а въ слѣдующемъ 1261 г. Урбанъ IV получаетъ 320 ливровъ, вырученныхъ отъ конфискацій въ Сполето [2]).

Со временемъ, какъ въ Церковной области, такъ и въ остальной Италіи установился обычай распредѣлять выручку отъ конфискацій между общиной, Инквизиціей и папской канцеляріей; епископы, по словамъ Бенедикта XI, присвоивали себѣ часть, которая полагалась имъ на преслѣдованіе ереси, и, такимъ образомъ, хотя и косвенно, принимали участіе въ хищничествѣ. Одинъ флорентинскій документъ 1283 г. показываетъ намъ, что эта система была въ то время уже введена, а другіе акты отъ слѣдующаго пятидесятилѣтія свидѣтельствуютъ, что республика имѣла обыкновеніе назначать уполномоченныхъ на предметъ полученія отъ ея имени конфискованныхъ имуществъ. Въ 1319 г. городъ Флоренція пожертвовалъ свою часть за десять лѣтъ впередъ на построеніе церкви Santa Reparata. Суммы, получаемыя такимъ образомъ, должны были достигать крупныхъ размѣровъ; въ 1299 г. инквизиторы заявили республикѣ, что Св. Трибуналъ нуждается въ деньгахъ на уплату жалованья служащимъ и ходатайствуетъ о разрѣшеніи помѣщать въ недвижимость суммы, которыя слѣдуютъ Инквизиціи, дабы обезпечить будущность дѣла. Это ходатайство было удовлетворено въ размѣрѣ до тысячи ливровъ съ условіемъ, чтобы Св. Трибуналъ не касался части, слѣдуемой городу. Эта оговорка показываетъ, какъ мало вѣрили въ честность инквизиторовъ, и есть основаніе думать, что недовѣріе это было основательно. Въ эту эпоху храмъ всецѣло попалъ въ руки торгашей, и имъ было почти невозможно оставаться честными тогда, когда преслѣдованіе, какъ мы это видѣли въ предшествующей главѣ, стало прибыльной аферой. Горячій поборникъ истины, францисканецъ Альваро Пелайо, епископъ Сильвы, писавшій въ 1335 г., горько упрекалъ своихъ братьевъ, несшихъ инквизиторскія обязанности, за злоупотребленія, которыя они позволяли себѣ съ деньгами, слѣдуемыми Св. Трибуналу. Онъ открыто говорилъ, что распредѣленіе доходовъ, предписанное папою, обыкновенно не соблюдалось; инквизиторы захва-

---

[1]) Archives de l'Evêché de Béziers (Doat, XXXI, 35).—Potthast, № 12743.—Isambert, op. cit., I, 257.—C. 14 Sexto V. 2.—Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXV.—«Livres de Jostice et de Plet». Liv. I, Tit. III, § 7.

[2]) Hoffmann, «Geschichte der Inquisition», II, 370.—Lucii PP. III. Epist. 171, Innoc. PP. IV. Bull. «Ad extirpanda», § 34.—Ejusd. Bull. «Super extirpatione», 30 maii 1254 (Ripoll, I, 247).—Alex. PP. IV. Bull. «Discretioni» (Mag. Bull. Rom. I, 120).—Potthast, № 18200.

Библиотека "Руниверс"

тывали себѣ все, тратили доходы отъ конфискацій на себя лично или раздавали ихъ своимъ родственникамъ.

Случайно въ архивахъ Флоренціи сохранилось нѣсколько документовъ, подтверждающихъ это обвиненіе. Повидимому, въ 1343 г. Климентъ VI получилъ доказательства того, что инквизиторы Флоренціи и Лукки обманывали папскую канцелярію относительно причитающейся на ея долю третьей части штрафовъ и конфискацій; вслѣдствіе этого онъ послалъ primicerio Лукки, Пьетро ди Витале, приказъ вернуть задержанныя деньги и возбудить преслѣдованіе противъ виновныхъ. Чѣмъ кончилось дѣло, мы не знаемъ, но, повидимому, папа немного выигралъ. На мѣсто одного изъ воровъ былъ назначенъ Пьетро ди Аквила, очень уважаемый францисканецъ; но черезъ два года онъ такъ усвоилъ пріемы своей профессіи, что былъ вынужденъ обратиться въ бѣгство, вслѣдствіе преслѣдованія primicerio и республики, которыя обвиняли его въ растратѣ денегъ [1]).

Въ Неаполѣ, подъ владычествомъ Анжуйскаго дома, съ перваго дня установленія Инквизиціи Карлъ Анжуйскій обезпечилъ за собой исключительное право на конфискаціи съ такой же быстротой, какъ короли Франціи. Уже въ мартѣ 1270 г. онъ пишетъ своимъ агентамъ въ Принчипато Ультра, что въ Беневентѣ только-что сожгли трехъ еретиковъ, имущество которыхъ надо привести въ извѣстность и описать. Тѣмъ не менѣе, въ 1290 г. Карлъ II приказалъ, чтобы штрафы и конфискаціи распредѣлялись на три части; одна въ пользу королевскаго фиска, другая—на пропаганду вѣры и третья—на Инквизицію. Исключеніе было сдѣлано для феодальныхъ владѣній, которыя должны были идти коронѣ или ихъ непосредственному сюзерену [2]).

Въ Венеціи соглашеніе 1289 г. между сеньоріей и Николаемъ IV, которымъ республика признавала введеніе Инквизиціи, оговаривало, что всѣ доходы Св. Трибунала будутъ находиться въ распоряженіи государства; и, повидимому, это постановленіе соблюдалось. Въ Пьеконтѣ конфискаціи дѣлились между государствомъ и Инквизиціей, пока во второй половинѣ XV вѣка Амедей IX не присвоилъ ихъ всѣ фиску, предоставивъ Инквизиціи лишь оплату расходовъ по веденію дѣла [3]).

Въ другихъ государствахъ Италіи папская курія скоро нашла, что ея часть стала недостаточной; она нашла это съ того времени, какъ ей не стало нужнымъ покупать себѣ, черезъ уступку третьей части добычи, содѣйствія свѣтской власти. Законовѣды не согласны между собою относительно времени, когда это произошло, но несомнѣнно въ первой четверти XIV столѣтія Церкви удалось присвоить себѣ всѣ доходы отъ конфискацій, которые равномѣрно дѣлились между Инквизиціей и папской канцеляріей. Насколько хищнически черпали изъ этого доходнаго источника, ясно видно изъ одного происшествія, случившагося въ Пизѣ въ 1304 г. Инквизиторъ Анджелло да Реджіо осудилъ одного умершаго гражданина, Лотеріо Бонамичи, и конфисковалъ его имущество, часть котораго была отдана имъ, а другая была продана за цѣну, найденную куріей низкою. Послѣ этого Бенедиктъ XI, приказавъ епископу Остіи не наказывать инквизитора, предписалъ ему по своему усмотрѣнію примѣнять духовныя наказанія при розыскахъ новыхъ владѣльцевъ проданныхъ имѣній, чтобы отобрать ихъ у нихъ. Наконецъ, въ 1438 г. Евгеній IV великодушно предоставилъ епископамъ часть, слѣдуемую куріи, чтобы возбудить ихъ ревность противъ еретиковъ. Тамъ, гдѣ епископъ былъ въ то же время свѣтскимъ владыкой, конфискаціи должны были также распредѣляться между Инквизиціей и имъ. Бернардъ

---

[1]) Nich. PP. IV. Bull. «Habet vestrae». 3 oct. 1290.—Raynald. ann. 1438, № 24.—Lami, «Antichità Toscane», 588—9.—Alv. Pelag. «de Planctu Eccles.», lib. II, art. 67.—Archivio di Firenze, Riformagioni, Classe V, № 110; Classe XI, Distinz. 1, № 59.

[2]) Arch. di Napoli. Reg. 9, Lett. C, fol. 90; Regist. 51, Lett. A, fol. 9; Reg. 98, Lett. B. foll. 13; Reg. 113, Lett. A, fol. 194; Mss. Chiocorelli, t. VIII.

[3]) Albizio, «Risposto al P. Paolo Sarpi», 25.—Sclopis, «Antica Legislazione del Piemonte». 485.

Библиотека "Руниверс"

Комскій, писавшій въ 1590 г., утверждаетъ, что всѣ доходы отъ конфискацій по закону принадлежатъ инквизитору, который можетъ ими распоряжаться по своему усмотрѣнію; но тутъ же онъ замѣчаетъ, что этотъ вопросъ теменъ и неясенъ въ виду противорѣчій между папскими опредѣленіями и судебной практикой въ разныхъ странахъ [1]).

Въ Испаніи было принято за правило, что, если еретикъ былъ лицомъ духовнаго званія или свѣтскимъ вассаломъ Церкви, то Церковь получала его конфискованное имущество; въ противномъ случаѣ, оно поступало свѣтскому сеньору [2]).

Эта манера грабить несчастныя жертвы преслѣдованія особенно отвратительна тѣмъ, что примѣръ подавала здѣсь сама Церковь; и примѣръ этотъ, до извѣстной степени, можетъ послужить извиненіемъ государствамъ, которыя слѣдовали ему тамъ, гдѣ имѣли достаточную власть. Понужденія, необходимыя въ первое время, чтобы побуждать свѣтскихъ князей конфисковать имущество ихъ подданныхъ еретиковъ, скоро стали излишними; это была въ полномъ смыслѣ слова добыча, и никогда стремленіе людей извлечь себѣ пользу изъ несчастія себѣ подобныхъ не достигало такихъ размѣровъ.

Въ Лангедокѣ Инквизиція вначалѣ пыталась присвоить себѣ доходы отъ конфискацій, чтобы употребить ихъ на постройку и содержаніе тюремъ; но успѣха она не имѣла. Въ феодальной системѣ конфискаціи должны были поступать въ пользу сеньора верховнаго судьи. Быстрое распространеніе королевской юрисдикціи во Франціи въ теченіе второй половины XIII в. окончилось тѣмъ, что сдѣлало короля почти исключительнымъ обладателемъ конфискованныхъ имѣній. Вначалѣ, впрочемъ, раздавались жалобы изъ-за раздѣла добычи. Послѣ Парижскаго трактата 1229 г. Людовикъ Святой, раздавая лены въ земляхъ, только-что присоединенныхъ къ коронѣ, повидимому, хотѣлъ разрубить Гордіевъ узелъ; сохранивъ за собою конфискацію имущества еретиковъ. Вскорѣ оказалось, что онъ былъ счастливо вдохновленъ. Маршалы де Мирпуа, члены фамиліи искателей приключеній, пришедшей съ Монфоромъ, потребовали себѣ движимое имущество всѣхъ еретиковъ, захваченныхъ на ихъ земляхъ, даже въ томъ случаѣ, если это имущество находилось во владѣніяхъ короля; требованіе ихъ было отвергнуто Парижскимъ парламентомъ 1269 г. Епископы потребовали всѣ имѣнія еретиковъ, которыя находились въ юридической отъ нихъ зависимости, и на Лилльскомъ соборѣ (въ Венессенскомъ графствѣ) 1251 г. грозили отлученіемъ отъ Церкви всякому, кто будетъ оспаривать у нихъ эти имѣнія. Насколько эти притязанія были мало основательны, выяснилось изъ соглашенія, заключеннаго въ 1229 г., съ благословенія легата Романо, между епископомъ Безье и королемъ; право короля на конфискованное имущество было признано неоспоримымъ, и епископы выговорили себѣ только то, что, если бы эти имѣнія были ленными, или если бы король вновь уступилъ ихъ, они были бы подчинены сеньоріальнымъ правамъ епископа; если же, наоборотъ, король сохранитъ ихъ, то епископъ долженъ получить лишь нѣкоторое удовлетвореніе за свои сюзеренныя права. Это свидѣтельствуетъ о недовольствѣ, строго говоря, вполнѣ законномъ, такъ какъ послѣ того, какъ ленныя владѣнія еретиковъ были пріобрѣтены короной, епископы-сюзерены почувствовали себя оскорбленными въ ихъ правѣ преслѣдованія ереси.

[1]) Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XIX, XXVI. XLI. Ср. Pegnae «Comment. in Eymeric.». 659.—Grandjean, «Reg. de Benoit XI», № 299.—Raynald. ann. 1438. № 24.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Bona haereticorum», №№ 6, 8.—Уже въ 1387 г. въ приговорахъ Антоніо Секко относительно вальденцевъ альпійскихъ долинъ говорится, что конфискаціи должны исключительно идти въ пользу Инквизиціи (Archiv. Storico Italiano, № 38, стр. 29, 36, 50).

Надо сказать къ чести Бенедикта XI, что въ 1304 г. онъ поручилъ брату Симону, инквизитору Рима, возвратить имущества, неправильно конфискованныя его предшественниками, и смягчить наложенныя ими наказанія, если онъ найдетъ ихъ чрезчуръ суровыми (Grandjean, № 1174).

[2]) Alonsi de Spina «Fortalicii Fidei», lib. II, consid. XI (fol. 74, изд. 1594 г.).

Библиотека "Руниверс"

Были сдѣланы различныя попытки, чтобы примирить интересы въ этомъ, постоянно возрождавшемся вопросѣ о конфискованныхъ имѣніяхъ. Въ 1234 г. король заключилъ сдѣлку, въ силу которой онъ обязался въ теченіе года и одного дня отказаться отъ всѣхъ имуществъ, конфискованныхъ въ его пользу. Соборъ 1246 г. въ Безье принялъ по этому поводу особый канонъ, но на него не обратили должнаго вниманія, и, наконецъ, въ 1255 г. Людовикъ Святой согласился, что всѣ земли, подчиненныя епископу и подвергшіяся конфискаціи, должны быть раздѣлены на двѣ равныя части, причемъ за епископомъ признавалось право въ теченіе двухъ мѣсяцевъ выкупить королевскую часть за цѣну, опредѣленную третьими лицами; если это право не было использовано, то король могъ черезъ годъ и одинъ день передать эти земли другому лицу на условіяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, на которыхъ владѣлъ его предшественникъ, и за ту же плату; но признали, что все движимое имущество должно перейти въ коронѣ. Подобное соглашеніе могло только способствовать быстрому росту земельной собственности, зависѣвшей отъ епископовъ. Мы видѣли, что передъ крестовыми походами тулузскіе епископы были бѣдны какъ апостолы; въ теченіе слѣдующаго столѣтія вся страна обѣднѣла, города терпѣли страшную нужду, а, между тѣмъ, когда въ 1317 г. Іоаннъ XXII выдѣлилъ шесть новыхъ епископій изъ тулузской епархіи, то онъ выставилъ мотивомъ этого огромные доходы епископа, доходившіе до 40000 турскихъ ливровъ въ годъ; и это въ то время, когда епархія потеряла почти половину своей территоріи благодаря тому, что Бонифацій VIII образовалъ епархію Памье [1])!

Особенно дѣятельны и ловки въ этой сатурналіи грабежа и хищничества оказались епископы Альби. Воспользовавшись смутной эпохой войны, они присвоили себѣ разныя права, въ томъ числѣ право верховнаго суда и конфискаціи, что вызвало тянувшіеся цѣлыхъ тридцать лѣтъ споры между ними и представителями короны. Они проявили чрезвычайное рвеніе въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ, что было не менѣе прибыльно для ихъ кармана, чѣмъ полезно для вѣры. Въ 1247 г. епископъ Бертранъ получилъ отъ Иннокентія IV особыя инквизиторскія полномочія, несомнѣнно, для того, чтобы укрѣпить за собой свѣтскія права, и въ слѣдующемъ году онъ сдѣлалъ блестящія дѣла, продавая осужденнымъ и раскаявшимся еретикамъ смягченіе наказаній. Эта торговля была очень прибыльна, но незаконна; и, когда въ 1253 г. Альфонсъ де Пуатье задумалъ обогатиться этимъ путемъ, его открыто остановили архіепископъ Нарбонны и епископъ Тулузы, заявившіе, что подобныя злоупотребленія соблазняютъ вѣрныхъ и угрожаютъ паденіемъ религіи. Наконецъ, чтобы покончить съ требованіями епископа относительно конфискованныхъ имѣній, Людовикъ Святой въ декабрѣ 1264 г. заключилъ соглашеніе съ Бернаромъ де Комбэ, занимавшимъ каѳедру въ Альби, которое было тотчасъ же

---

[1]) Mss. Bib. Nat. fon. lat. № 14930, fol. 224.—«Livres de Justice et de Plet», liv. I, tit. III, § 7. — Vaissete, III, 391. — Les Olim, I, 317. — Mss. Bib. Nat. fond. alt. № 11847. — Concil. Insulan. ann. 1251, c. 3.—Teulet, «Layettes», II, 165.—Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 4.—Vaissete, изд. Privat, VIII, 975.—Baluz, «Concil. Narbonn.» Append. 96—9.—Coll. Doat, XXXV, 48. Ср. Berger, «Reg. d'Innoc. IV» №№ 1543—4 1547—8. — Vaissete, IV. 170.—Baudouin, «Lettres inéd. de Philippe le Bel», Парижъ, 1886 г., стр. XI.

Вопреки чувству справедливости, которое обыкновенно проявлялъ Людовикъ Святой, онъ далеко не былъ равнодушенъ къ пріобрѣтеніямъ, на которыя его современники смотрѣли какъ на справедливыя. Въ 1246 г. произошла своего рода razzia, направленная противъ евреевъ Каркассона, которыхъ заключили въ тюрьму. Въ іюлѣ Людовикъ писалъ своему сенешалю, что онъ хочетъ извлечь изъ этихъ евреевъ какъ можно больше денегъ, поэтому ихъ должно держать крайне строго; и въ то же время король проситъ сообщить ему, какую сумму можно выжать съ нихъ. Въ августѣ онъ пишетъ, что предложенная ими сумма черезчуръ мала, и поручаетъ сенешалю вымучить съ нихъ столько, сколько можно.—Vaissete. изд. Privat., VIII, 1191—2.

Библиотека "Руниверс"

утверждено Урбаномъ IV. Прелату полагалась половина имѣній, конфискованныхъ въ его епархіи; часть короля въ недвижимыхъ имѣніяхъ переходила къ епископу, если они не были отчуждены въ теченіе года, и поступала въ его полную собственность, если они не были проданы въ теченіе трехъ лѣтъ. Вотъ почему въ прокурорскихъ отчетахъ по Каркассонскому округу всѣ конфискованныя въ Альби имущества дѣлились между королемъ и епископомъ. Хотя часть епископа въ наличныхъ деньгахъ съ Иванова дня 1322 г. по Ивановъ день 1323 г. достигала только ста-шестидесяти ливровъ, но бывали годы, когда епископы получали гораздо больше. Въ 1300 г. епископъ Бернаръ де Кастане великодушно уступилъ доминиканской церкви въ Альби свою часть въ имѣніяхъ двухъ гражданъ, Гильема Эмерика и Жана де Кастане, осужденныхъ послѣ смерти; эта часть была болѣе тысячи ливровъ. Нетрудно догадаться, что сдѣлки съ короной порождали многочисленные конфликты. Безуспѣшно Филиппъ Красивый въ 1307 г. настаивалъ на соблюденіи соглашеній и на возвратѣ захваченныхъ имѣній. Въ 1316 г. епископъ Альби потребовалъ себѣ недвижимыя имущества, которыя не были проданы въ теченіе трехъ лѣтъ; на это требованіе прокуроръ Арно Ассали отвѣтилъ, что онъ не могъ произвести продажи по законнымъ и уважительнымъ причинамъ; наконецъ, сенешаль Эмерикъ де Крозо нашелъ, что дѣйствительно прокуроръ не могъ продать, и что права короны остались неприкосновенными [1]).

Но коллективный грабежъ, дававшій огромную практику адвокатамъ, порождалъ не одни подобные вопросы. Процессъ, начатый епископами Родеза изъ-за нѣкоторыхъ земель, конфискованныхъ у еретиковъ и поступившихъ во владѣніе короны, тянулся тридцать лѣтъ и, наконецъ, перешелъ въ парижскій парламентъ, который просто прекратилъ все дѣло на томъ основаніи, что лица, поддерживавшія права короны, не имѣли необходимыхъ для этого полномочій. Другой процессъ между королемъ и Элеонорой де Монфоръ, графиней Вандомской, изъ-за имущества Жана Бодье и Раймунда Кальвери тянулся почти такъ же долго и былъ не менѣе запутанъ; конфискація была произведена въ 1300 г., въ 1327 г. процессъ все еще тянулся и кончился компромиссомъ только въ 1335 г. [2]).

Не всѣ прелаты были такъ алчны, какъ епископы Альби, изъ которыхъ одинъ жалуется еще въ 1328 г., что жертвы прибѣгаютъ къ разнымъ хитрымъ уловкамъ, чтобы сохранить для своего семейства кусокъ хлѣба; но князья и ихъ представители были безжалостны, если можно было чѣмъ-либо поживиться. Я уже говорилъ, что лишь только подозрѣваемый вызывался Инквизиціей, какъ на его имущество накладывался секвестръ, и его должниковъ увѣдомляли, чтобы они уплатили королю всѣ должныя ими суммы. Карлъ Анжуйскій ввелъ этотъ пріемъ въ Неаполѣ, и королевскій указъ объ арестованіи шестидесяти-девяти еретиковъ въ 1269 г. приказывалъ равнымъ образомъ отобрать ихъ имущество въ пользу короля. Чиновники уже заранѣе были такъ убѣждены, что судъ окончится осужденіемъ обвиняемыхъ, что часто они не дожидались окончанія дѣла, но уже раньше производили конфискацію. Это злоупотребленіе восходитъ и къ первымъ днямъ Инквизиціи. Въ 1237 г. Григорій IX жаловался на него и запретилъ его, но безъ всякаго успѣха; въ 1246 г. соборъ въ Безье снова осудилъ это злоупотребленіе, сдѣлавъ оговорку только на тотъ случай, если подсудимый сознательно примкнетъ къ завѣдомымъ еретикамъ. Когда въ 1259 г. Людовикъ Святой смягчилъ суровые пріемы конфискаціи, онъ косвенно запретилъ поспѣшное наложеніе ареста на

[1]) A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, VII. 284—9; VIII. 919).—Coll. Doat. XXXIV. 131, 135, 189; XXXV. 93. Urbani PP. IV Epist. 62 (Martène, «Thesaur.», II. 94.—Bern. Guidon. «Hist. Conv. Albiens.».—Vaissete. III. Pr. 467, 500.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat. XXXI. 113, 116).

[2]) C. Molinier. «L'Inquis. dans le Midi», 101.—Les Olim. III, 1126—9, 1440—2. См. также I, 920.

Библиотека "Руниверс"

имущество, предписавъ своимъ чиновникамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не былъ присужденъ къ тюрьмѣ, допускать его или его наслѣдниковъ ходатайствовать о снятіи секвестра; но если на-лицо имѣлось подозрѣніе въ ереси, то имущество могло быть возвращено только при условіи представленія залога, въ обезпеченіе того, что оно перейдетъ въ государство въ случаѣ, если въ теченіе пяти лѣтъ подозрѣніе въ ереси будетъ доказано; до того же времени оно не могло быть отчуждено. Однако, продолжали по старому производить предварительныя конфискаціи, такъ что Бонифацій VIII счелъ нужнымъ внести въ каноническое право новое запрещеніе этого хищничества. Но и изъ этого не вышло никакого толка. Инквизиція настолько распространила идею, что всякій обвиняемый виновенъ, и что изъ ея рукъ нельзя было выскользнуть, что чиновники считали себя внѣ всякой опасности, дѣйствуя по простому подозрѣнію.

Изъ разныхъ источниковъ мы знаемъ одинъ подобный случай, бывшій, несомнѣнно, единственнымъ. Во время преслѣдованія въ Альби въ 1300 г. извѣстный Жанъ Бодье былъ допрошенъ въ первый разъ 20 января; онъ не сознался ни въ чемъ. На второмъ допросѣ 5 февраля онъ признался въ ереси и 7 марта былъ осужденъ; но его конфискованное имущество было продано уже 29 января, т.-е. не только до окончанія суда, но и до сознанія обвиняемаго. Гильемъ Гаррикъ, обвиненный въ участіи въ заговорѣ, составленномъ съ цѣлью уничтоженія списковъ инквизитора въ Каркассонѣ (1284 г.), былъ осужденъ только въ 1319 г., но уже въ 1301 г. графъ Фуа и королевскіе чиновники спорятъ изъ-за обладанія его конфискованнымъ замкомъ де Монтейра [1]).

Донесеніе Жана д'Арси, сенешаля Руэрга, Альфонсу де Пуатье около 1253 г. краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, съ какою страшною алчностью производилось это хищеніе. Епископъ Родеза велъ ожесточенную борьбу противъ еретиковъ и передалъ въ руки свѣтской власти въ Нажакѣ нѣкоего Гуго Парера, котораго сенешаль тотчасъ же приказалъ сжечь живымъ; его конфискованное имущество превышало 1000 турскихъ ливровъ. Но д'Арси, узнавъ, что епископъ вызвалъ на судъ въ Родезъ еще шесть другихъ гражданъ Нажака, поспѣшилъ въ епископскій городъ, чтобы не допустить ущерба интересовъ своего повелителя. Епископъ сказалъ ему, что эти шесть лицъ—еретики, и что онъ выручитъ отъ конфискаціи ихъ имущества 100000 су въ пользу графа; но съ согласія членовъ своего суда онъ просилъ сенешаля оставить часть имущества въ пользу дѣтей обвиняемыхъ; усердный слуга графа отказалъ епископу въ этой просьбѣ. Тогда епископъ, которому дали дурной совѣтъ, не взирая на права графа, попытался избѣгнуть конфискаціи, приговоривъ еретиковъ къ разнымъ легкимъ епитиміямъ. Но сенешаль, не мѣшкая, наложилъ арестъ на имущество, послѣ чего онъ далъ изъ него нѣкоторыя крохи кающимся и ихъ дѣтямъ, что не помѣшало ему, какъ писалъ онъ въ своемъ донесеніи, заполучить до тысячи ливровъ; онъ кончаетъ свой рапортъ совѣтомъ графу, что, если онъ не желаетъ быть обманываемымъ, ему надо назначить кого-нибудь наблюдать за дѣйствіями епископа. Съ своей стороны, епископы жаловались, что чиновники Альфонса позволяли еретикамъ, беря съ нихъ взятки, сохранять за собой часть имущества и осуждали на костеръ несчастныхъ, совершенно этого не заслуживавшихъ, съ единственной цѣлью захватить ихъ имущество. Эти гнусныя злоупотребленія сдѣлались настолько невыносимыми, что въ 1254 г. чиновники Альфонса, въ томъ числѣ Ги Фукуа, попытались прекратить ихъ, издавъ общее правило; но трудно было устранить, эти безобразія, вытекавшія изъ самаго характера института. Несмотря на свою жадность,

[1]) Arch. de l'Évêché d'Albi (Doat, XXXV, 83).—Les Olim, I, 556.—Archivio di Napoli, Regist. 4, Lett. B, fol. 47.—Arch. de l'Évêché de Béziers (Doat, XXXI, 35). – Concil. Biterrens. ann. 1246, c. 3.—Isambert, «Anc. loix franç.» I, 257.—C. 39 Sexto V. 2.—Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 11847. — Coll. Doat, XXXV, 68. — Molinier, «L'Inq. dans le Midi», 102. — Vaissete изд. Privat, X. Pr. 370. слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Альфонсъ соглашался дѣлить свою добычу съ тѣми, благодаря которымъ она добывалась; мы знаемъ много примѣровъ его щедрости, безкорыстіе которой, впрочемъ, весьма сомнительно. Въ 1268 г. онъ предоставилъ Инквизиціи ежегодный доходъ въ 100 ливровъ отъ конфискованныхъ имуществъ одного еретика; въ 1270 г. онъ повелѣваетъ построить часовню на деньги подобнаго же происхожденія [1]).

Понятно, хищники прикладывали особое стараніе, разыскивая повсюду, что бы конфисковать. Списокъ конфискацій, произведенныхъ каркассонскими прокурорами за время съ 1302 по 1313 г., дошелъ до насъ въ рукописи; мы видимъ изъ него, съ какимъ тщаніемъ разыскивали должниковъ осужденнаго даже въ томъ случаѣ, если дѣло шло о нѣсколькихъ су. Въ дѣлѣ богатаго заключеннаго, Гильема де Фенасъ, потребовалось отъ восьми до десяти лѣтъ, чтобы подвести активъ, причемъ было 859 должниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ долженъ всего пять денье. Съ другой стороны, никогда не поднимали вопроса объ уплатѣ долговъ обвиненнаго; такимъ образомъ, примѣняли принципъ, въ силу котораго еретикъ не могъ законнымъ образомъ дѣлать долги, и безъ зазрѣнія совѣсти обирали его должниковъ. Вельможи настаивали, что суммы, должныя однимъ изъ ихъ вассаловъ, должны были поступать въ ихъ пользу, но Филиппъ Валуа рѣшилъ въ 1329 г., что, когда долги должны были уплачиваться по мѣстожительству еретика, то сумма должна поступать въ королевскую казну, а вассальныя отношенія должниковъ не должны быть принимаемы при этомъ во вниманіе. Другой примѣръ отвратительной алчности хищниковъ находимъ мы въ процессѣ, который въ 1302 г. разсматривался въ парижскомъ парламентѣ. По смерти рыцаря Гильема Прюнеля и его жены Изабеллы опека надъ сиротами, естественно, должна была перейти къ ихъ ближайшему родственнику, рыцарю Бернару де Монтескье; но послѣдній нѣсколько лѣтъ передъ этимъ былъ сожженъ какъ еретикъ, и имѣнія его конфискованы. Сенешаль Каркассона заявилъ, что имущество наслѣдниковъ представляло посмертное пріобрѣтеніе Бернара, и поэтому наложилъ на него арестъ Но племянникъ, другой Бернаръ де Монтескье, обжаловалъ это рѣшеніе и добился его отмѣны [2]).

Не менѣе энергично разыскивались и отчужденныя имѣнія. Такъ какъ согласно съ римскимъ закономъ вѣроломство шло совмѣстно съ ересью, то еретикъ не могъ совершать актовъ, и всякая продажа, всякій даръ, сдѣланные имъ, считались не имѣющими законной силы даже и въ томъ случаѣ, если отчужденный предметъ перешелъ послѣ этого черезъ нѣсколько рукъ. Владѣлецъ долженъ былъ выдать его безъ всякаго вознагражденія, если только стоимость самаго акта передачи не заключалась въ имѣніяхъ еретика. Въ 1272 г. Карлъ Анжуйскій писалъ изъ Неаполя своему викѣ и его помощнику въ Марсели, увѣдомляя ихъ, что нѣкая Марія Роберта раньше, чѣмъ ее присудили къ тюрьмѣ за ересь, продала домъ; имъ предписывалось отобрать его, продать съ аукціона и сообщить о томъ, сколько выручатъ. Такъ какъ они не исполнили этого приказа, то ихъ смѣстили и назначили новыхъ чиновниковъ, которымъ Карлъ повторилъ свои приказанія, обязавъ ихъ исполнить ихъ подъ личной отвѣтственностью. Въ то же время онъ написалъ своему сенешалю, чтобы онъ понаблюдалъ за исполненіемъ этого дѣла, которому онъ придавалъ огромное значеніе [3]).

---

[1]) Boutaric, «Saint Louis et Alphonse de Poitiers», Парижъ, 1870 г., стр. 455—6.—Douais, «Les sources de l'hist. de l'Inquis.» въ Rev. des quest. histor., oct. 1881, стр. 436.—Coll. Doat, XXXII, 51, 64.

[2]) Arch. de l'Évêché d'Albi (Doat, XXXIII, 201—72).—Coll. Doat, XXXV, 93.—Les Olim, II, 111.

[3]) Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Bona haereticorum».—Archidiac. Gloss. sup. c. 19 Sexto V. 2.—Arch. di Napoli, Regist. 15. Lett. C, fol. 77, 78.

Англійскій законъ относительно измѣны имѣлъ также обратную силу, и всѣ отчужденія, сдѣланныя послѣ преступленія, считались недѣйствительными (Bracton, lib. III, tract. II, cap. 13, № 8).

Въ Испаніи магистръ Іаковъ де ласъ Сейесъ въ своихъ «Flores de las Leyes», посвя-

Библиотека "Руниверс"

Жестокость этихъ хищничествъ еще болѣе увеличивалась вслѣдствіе безжалостнаго способа, которымъ они производились. Лишь только арестовывали кого-либо по подозрѣнію въ ереси, какъ сейчасъ накладывали секвестръ на его имущество, и оно поступало государственнымъ чиновникамъ, которые могли вернуть ему его только въ томъ мало вѣроятномъ случаѣ, если доказательства его вины будутъ признаны недостаточными. Въ опись вносилось все до домашней утвари и наличной провизіи включительно [1]). Такимъ образомъ, былъ ли онъ виновенъ, или нѣтъ, но семейство его выбрасывалось на улицу, осужденное на голодную смерть или вынужденное обращаться къ другимъ за помощью; а разсчитывать на подобную помощь было очень трудно, такъ какъ оказавшій ее легко могъ навлечь на себя преслѣдованіе и обвиненіе въ сочувствіи еретику. Ужасная масса мученій, единственной причиной которыхъ было только это судопроизводство!

Въ этомъ безумномъ вихрѣ хищеній исполнители не упускали, конечно, случая нагрѣть себѣ руки. Въ 1304 г. Іаковъ де Полиньякъ, бывшій въ теченіе двадцати лѣтъ смотрителемъ инквизиціонной тюрьмы въ Каркассонѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими чиновниками, вѣдавшими конфискаціи, былъ уличенъ въ присвоеніи себѣ цѣлаго ряда имѣній, въ томъ числѣ одного замка, нѣсколькихъ фермъ, виноградниковъ, садовъ и много движимости; ихъ всѣхъ присудили вернуть королю все незаконно присвоенное [2]).

Пріятно отъ этихъ ужасовъ перейти къ дѣлу, возбудившему большой интересъ во Фландріи въ эпоху, когда дѣятельность Инквизиціи въ этой странѣ стала столь ничтожной, что о конфискаціяхъ почти совсѣмъ забыли. Епископъ Турнэ и викарій Инквизиціи осудили въ Лиллѣ извѣстное число еретиковъ, которые были сожжены живыми. Они конфисковали ихъ имущество, объявивъ движимость принадлежащею Церкви и инквизитору, а остальное—фиску. Городскія власти Лилля смѣло вмѣшались и заявили, что одна изъ вольностей ихъ города обусловливала, что ни одинъ изъ гражданъ не можетъ быть одновременно лишенъ жизни и имущества. Затѣмъ отъ имени дѣтей одной изъ жертвъ они обратились съ жалобой къ папѣ. Совѣтники сюзерена, Филиппа Добраго Бургундскаго, потребовали предоставленія ему права на все конфискованное имущество, тогда какъ духовенство требовало возстановленія правила о возвратѣ движимости осужденнаго. Такъ какъ этотъ споръ, гдѣ были заинтересованы три стороны, грозилъ перейти въ долгій и дорогой, то согласились предоставить дѣло на усмотрѣніе самого герцога. Послѣдній съ рѣдкимъ благоразуміемъ, при всеобщемъ одобреніи, примирилъ стороны въ 1430 г.: онъ рѣшилъ, что постановленіе о конфискаціи не имѣетъ силы, и что имущество осужденныхъ должно перейти къ ихъ наслѣдникамъ; онъ умышленно добавилъ, чтобы права Церкви, Инквизиціи, города и государства сохранялись ненарушимыми при всякомъ подобномъ случаѣ, *который, впрочемъ, нельзя предвидѣть*. Но въ 1460 г. во время ужаснаго преслѣдованія колдуновъ Арраса герцогъ проявилъ меньше безкорыстія; движимое имущество несчастныхъ было присоединено къ богатствамъ епископа, а ихъ недвижимое имущество было конфисковано въ пользу фиска, несмотря на заявленія города, основанныя на признанныхъ за нимъ привилегіяхъ [3]).

щенныхъ Альфонсу X, устанавливаетъ какъ правило простой справедливости, что конфискованныя имущества должны поступать со всѣми лежащими на нихъ долгами («Memorial historico español», 1851 г., т. II, стр. 219).

[1]) Coll. Doat, XXXII, 309, 316.

[2]) Les Olim, II, 147.—Doat. XXVI, 253.

[3]) Archives générales de Belgique, Papiers d'État, V, 405.—Mém. de Jacques du Clercq, liv. IV, ch. 4, 14.

Въ Аррасѣ хартія 1335 г., подтвержденная Карломъ V въ 1369 г., защищала горожанъ отъ конфискаціи въ случаѣ осужденія за преступленіе надлежащимъ судомъ.—Duverger, «La Vaudérie dans les États de Philippe le Bon», Аррасъ, 1885 г., стр. 60.

Библиотека "Руниверс"

Эти массовыя конфискаціи не только навлекали жестокія и незаслуженныя бѣдствія на тысячи женщинъ и беззащитныхъ дѣтей, доведенныхъ до нищенства, но онѣ настолько парализовали общественную жизнь и повседневныя сношенія между собою людей, что трудно себѣ даже представить. Нельзя было поручиться ни за одну сдѣлку. Ни одинъ заимодавецъ, ни одинъ покупатель не могъ быть увѣренъ въ правовѣріи того лица, съ которымъ имѣлъ дѣло; мало того, кромѣ утраты права на владѣніе въ случаѣ ереси, почти неограниченное право возбуждать процессы противъ умершихъ черезъ много лѣтъ мѣшало всякому быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ и спокойно пользоваться своимъ благопріобрѣтеннымъ или унаслѣдованнымъ имѣніемъ.

Давность относительно требованій римской Церкви была установлена въ теоріи только столѣтняя, считая при этомъ не со дня совершенія преступленія, а со времени его раскрытія. Хотя нѣкоторые юристы полагали, что дѣло противъ покойниковъ могло быть поднимаемо въ теченіе пяти лѣтъ со дня ихъ смерти, другіе, однако, утверждали, что для этого нѣтъ срока, и практика Инквизиціи показываетъ, что послѣднее мнѣніе пользовалось бо́льшимъ уваженіемъ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ церковная давность опредѣлялась въ сорокъ лѣтъ; но, чтобы сослаться на нее, нужно было, чтобы собственникъ имѣнія могъ установить, что онъ никогда не подозрѣвалъ прежняго владѣльца въ ереси, и что онъ умеръ, пользуясь репутаціей ничѣмъ не замараннаго католика. Въ противномъ случаѣ право на владѣніе являлось спорнымъ [1]).

Мы уже видѣли, что дѣла противъ покойниковъ были пародіей суда: защита тамъ была невозможна, и конфискація неизбѣжна. Дѣло Герардо Флорентинскаго показываетъ, насколько легко могли семьи разориться вслѣдствіе подобныхъ обвиненій. Герардо былъ человѣкъ богатый и могущественный, принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ и древнѣйшихъ родовъ и былъ консуломъ въ 1218 г. Тайный еретикъ, онъ на смертномъ одрѣ между 1246 и 1250 гг. подвергъ себя обряду еретикаціи. Казалось, объ этомъ уже забыли, когда въ 1313 г. инквизиторъ Флоренціи, бр. Гримальдо, возбудилъ преслѣдованіе противъ его памяти и выигралъ тяжбу. Послѣдовало осужденіе, которое распространилось на его дѣтей и внуковъ; всѣ они были лишены имущества и подверглись ограниченію правъ какъ потомки еретика. Въ эпоху, когда подобныя возмутительныя вещи привѣтствовались какъ яркое свидѣтельство благочестиваго рвенія, никто не могъ быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ; бѣдные и богатые одинаково жили подъ вѣчнымъ страхомъ ограбленія [2]).

Нѣсколько иной, но столь же поучительный примѣръ даетъ намъ дѣло Жеро де Пюи-Жерме. Его отецъ былъ осужденъ за ересь при Раймундѣ VII Тулузскомъ, который великодушно вернулъ конфискованныя имѣнія. Но двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Раймунда

---

[1]) C. 6, 8, 9, 14, Sexto XII. 26.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Bona haereticorum».—Eymerici «Direct. Inquis.», 570—2.—Zanchini «Tract. de Haeret.» c. XXIV.—J. F. Ponzinib. «de Lamiis», c. 76.

Какъ ни былъ въ эту эпоху строгъ англійскій законъ противъ измѣны, но, по крайней мѣрѣ, онъ преслѣдовалъ измѣнника только живого; если же онъ умиралъ раньше, чѣмъ былъ осужденъ, то имущества его не трогали (Bracton, Lib. III, Tract, II, cap. 13, № 17).

[2]) Lami, «Antich. Tosc.», 497, 536—7.—Правда, когда въ 1335 г. каркассонскій инквизиторъ, Генрихъ Шамэ, послалъ въ римскую курію свидѣтельскія показанія, данныя противъ восемнадцати уже умершихъ лицъ, обвиняемыхъ въ еретическихъ поступкахъ, совершенныхъ между 1284 и 1290 гг., то папа отвѣтилъ, что не слѣдуетъ придавать значенія противорѣчивой болтовнѣ лицъ, повторявшихъ слова, сказанныя много лѣтъ тому назадъ. Относительно этихъ же самыхъ лицъ уже было раньше сдѣлано три разслѣдованія, не давшія никакихъ результатовъ, и папскіе совѣтники полагали, что нужно прекратить дѣло.—Vaissete, изд. Privat, IX, 401.

Въ 1247 г. Гильемъ Пьеръ де Вентру жаловался Людовику Святому, что каркассонскій сенешаль захватилъ имущество, перешедшее къ нему отъ матери, такъ какъ его дѣдъ черезъ семнадцать лѣтъ послѣ своей смерти былъ обвиненъ въ ереси. Подобный фактъ много

Библиотека "Руниверс"

ревностные агенты Альфонса отобрали ихъ снова. Тогда Жеро обратился съ жалобой къ Альфонсу, который назначилъ разслѣдованіе, но мы не знаемъ, чѣмъ окончилось это дѣло [1]).

И не только все то, что еретикъ отчудилъ, отнималось у новыхъ владѣльцевъ, но долги, заключенные имъ, залоги и другія его обязательства не имѣли значенія. Даже когда Людовикъ Святой ослабилъ ужасы конфискацій въ Лангедокѣ, онъ могъ сдѣлать только одно,— чтобы заимодавцы получали удовлетвореніе по долгамъ, сдѣланнымъ еретикамъ и ранѣе пѣрваго проявленія ими ереси; обязательства же, сдѣланныя послѣ этого проявленія ереси, дату котораго опредѣлить точно было почти всегда невозможно, не подлежали удовлетворенію. Такъ какъ никто не могъ поручиться за правовѣріе своего сосѣда, то, понятно, до какой степени были стѣснены и парализованы самыя простыя сдѣлки — и это въ ту эпоху, когда въ Европѣ промышленность и торговля только еще начинали развиваться. Инквизиція не только задушила умственныя стремленія XIII вѣка, но также могущественно остановила и матеріальный прогрессъ. Это вмѣстѣ съ ужасами преслѣдованія способствовало уничтоженію многообѣщавшей цивилизаціи южной Франціи и перенесенію въ Англію и Голландію, гдѣ Инквизиція относительно не пользовалась большимъ вліяніемъ, первенства въ торговлѣ и промышленности, проложившаго дорогу богатству, могуществу и свободѣ [2])

Просвѣщенные итальянскіе города въ эпоху зарождавшагося благосостоянія обезпокоились, испугавшись удара, грозящаго имъ отъ Инквизиціи. Во Флоренціи думали найти спасеніе, требуя отъ продавца земли предоставленія гарантіи противъ возможности инквизиторской конфискаціи; обыкновенно эта гарантія представлялась въ видѣ третьей части, которую также могли прекрасно отобрать. Это въ сущности было замѣной одного зла другимъ; и скоро поняли, что подобное положеніе вещей невыносимо. Республика торжественно обратилась къ Мартину V, выставивъ ему, какія печальныя недоразумѣнія произошли уже и произойдутъ еще благодаря конфискаціямъ имѣній еретиковъ, перешедшихъ въ руки вѣрныхъ католиковъ. Папа принялъ сторону республики и особою буллою, отъ 22 ноября 1283 г., приказалъ флорентинскимъ инквизиторамъ на будущее время воздерживаться отъ подобныхъ конфискацій [3]).

Князья, получавшіе выгоду отъ конфискацій, сознавали, что они были обязаны нести на себѣ издержки Инквизиціи; ихъ личный интересъ былъ настолько значителенъ, что побуждалъ ихъ поддерживать учрежденіе, столь выгодное для ихъ фиска. Въ теоріи было безспорно, что епископы должны были нести расходы по борьбѣ съ ересью; инквизиторы Лангедока вначалѣ старались добиться отъ нихъ необходимыхъ средствъ, настаивая, чтобы, по крайней мѣрѣ, денежныя наказанія въ видѣ штрафовъ, наложенныя въ цѣляхъ употребленія ихъ на дѣла благотворительности, шли на вознагражденіе нотаріусовъ и канцелярскихъ служителей Инквизиціи. Но эти хлопоты были безуспѣшны, такъ какъ, по словамъ Ги Фукуа (Климентъ IV), руки епископовъ были цѣпки и кошельки туги. Въ сѣверной и центральной Италіи благодаря штрафамъ и конфискаціямъ Инквизиція вела свои расходы широко. Въ Венеціи государство оплачивало расходы и получало доходы. Въ Неаполѣ государи изъ Анжуйскаго дома первоначально усвоили такое же отношеніе; они брали себѣ конфискованныя имущества, но заботились о содержаніи заключенныхъ и, кромѣ того, платили

говоритъ относительно способа примѣненія этой системы. Людовикъ Святой приказалъ разслѣдовать дѣло и донести ему.—Vaissete, изд. Privat, VIII, 1196.

[1]) Vaissete, изд. Privat, VIII, 1641.

[2]) Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXVII.—Isambert, «Anc. loix franç.». I, 257. Однако, до насъ дошло одно дѣло отъ 1269 г., гдѣ кредиторъ двухъ еретиковъ обращается къ Альфонсу де Пуатье съ просьбой уплатить ему изъ имущества осужденныхъ; Альфонсъ приказалъ произвести разслѣдованія объ обстоятельствахъ, при которыхъ дана была ссуда.— Vaissete, изд. Privat, VIII, 1682.

[3]) Lami, «Antich. Toscane», 593.—Arch. di Firenze. «Reformagioni», classe V, № 110.

Библиотека "Руниверс"

каждому инквизитору augustal, т.-е. четверть унца золота, ежедневно на его личные расходы, на его товарища, на нотаріуса и на трехъ его слугъ съ ихъ лошадьми. Эти деньги взимались съ неаполькихъ таможенныхъ пошлинъ, которыми были обложены желѣзо, смола и соль; приказы объ уплатѣ обыкновенно дѣлались на шесть мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ должны были возобновляться; но часто бывали большія просрочки, и инквизиторы не безъ основанія жаловались на это, хотя королевскимъ чиновникамъ грозилъ штрафъ въ случаѣ промедленія. Однако, я нашелъ одну бумагу, адресованную въ 1272 г. инквизитору бр. Маттео ди Кастелламаре, по которой ему предоставлялось вознагражденіе за цѣлый годъ, съ уплатою за шесть мѣсяцевъ впередъ. Когда въ 1290 г. Карлъ II произвелъ, согласно указамъ папы, раздѣлъ добычи отъ конфискацій, онъ, однако, продолжалъ принимать участіе въ расходахъ Инквизиціи, хотя и въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ. 16 мая 1294 г. онъ предписалъ платить брату Бартоломео ди Аквила ежедневно по четыре tareni (одна тридцатая часть унца золота), а 7 іюля то же года онъ назначилъ на личное содержаніе инквизитора по пяти унцій въ мѣсяцъ [1]).

Во Франціи въ первое время мы видимъ нѣкоторую неопредѣленность. Право епископовъ были настолько ясно, что они не могли отказываться отъ несенія, по крайней мѣрѣ, части расходовъ. До установленія Инквизиціи эта обязанность состояла почти исключительно въ содержаніи обратившихся заключенныхъ. На Турскомъ соборѣ епископы согласились содержать заключенныхъ, если у нихъ не было собственныхъ средствъ; но содержаніе тѣхъ заключенныхъ, имущество которыхъ подверглось конфискаціи, должно было падать на князей, получавшихъ барыши отъ конфискацій. Это постановленіе, равно какъ и сдѣланное позднѣе, въ 1254 г., соборомъ Альби, произвело запутанность и мало примѣнялось. Статуты Раймунда, въ 1234 г., вошли въ мельчайшія подробности по вопросу о конфискаціяхъ, но не сдѣлали ничего относительно снабженія новой Инквизиціи необходимыми средствами. Вопросъ оставался открытымъ.

Въ 1237 г. Григорій IX жалуется, что королевскіе чиновники не платятъ ничего на содержаніе заключенныхъ, имущество которыхъ они конфисковали. Когда въ 1246 г. собрался въ соборъ Безье, то кардиналъ-легатъ д'Альбано напомнилъ епископамъ, что они обязаны давать деньги согласно съ рѣшеніемъ собора въ Монпелье, протоколы котораго до насъ не дошли. Это было непріятно добрымъ епископамъ; какъ мы уже видѣли, они требовали, чтобы тюрьмы строились иждивеніемъ тѣхъ, кто получалъ доходы отъ конфискацій, и предлагали на содержаніе тюремъ и инквизиторовъ употреблять штрафныя деньги. Но Людовикъ Святой не могъ допустить, чтобы богоугодное дѣло пало по недостатку средствъ; въ 1248 г. онъ беретъ на себя всѣ расходы Инквизиціи во всѣхъ земляхъ короны; мы уже видѣли выше, какъ онъ взялъ на себя расходы по содержанію тюремъ и заключенныхъ. Въ 1246 г. онъ приказалъ сенешалю Каркассона выдавать инквизиторамъ ежедневно по десять су изъ доходовъ отъ конфискацій. Можно думать, что Раймундъ не особенно охотно принялъ на себя содержаніе института, которому онъ всячески мѣшалъ, пока могъ бороться за спасеніе своихъ подданныхъ; но, когда въ 1249 г. ему наслѣдовали Жанна и Альфонсъ де Пуатье, послѣдній, человѣкъ алчный и коварный, нашелъ для себя выгоднымъ возбуждать рвеніе тѣхъ, которые обогащали его своими грабежами. Онъ не только оплачивалъ расходы опредѣленныхъ трибуналовъ, но также приказалъ своимъ сенешалямъ заботиться о нуждахъ инквизиторовъ и ихъ служителей во время ихъ поѣздокъ по его владѣніямъ. Заботливость его простиралась на всѣ мелочи. Въ 1268 г. Гильемъ де Монтрейль, инквизиторъ Тулузы, увѣдомляетъ его, что онъ пригласилъ

[1]) Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 14930, fol. 228.—Guid. Fulcod., «Quaest.», III.—Archiv. di Napoli, Reg. 6, lett. B, fol. 35; Reg. 10, lett. B, fol. 6, 7, 96; Reg. 11, lett. C, fol. 40; Reg. 13, lett. A, fol. 212; Reg. 51, lett. A, fol. 9; Reg. 71, lett. M, fol. 382, 385, 440; Reg. 98, lett. B, fol. 13; Reg. 113, lett. A, fol. 194; Reg. 253, lett. A, fol. 63; Mss. Chioccorelli, t. VIII.

Библиотека "Руниверс"

нотаріуса съ платой ему шесть денье въ день и одного служителя по четыре денье въ день; Альфонсъ немедленно приказываетъ платить эти деньги отъ его имени. Не менѣе жадный до денегъ, Карлъ Анжуйскій находилъ время, среди своихъ многочисленныхъ отлучекъ въ Италію, наблюдать за тѣмъ, чтобы его сенешали въ Провансѣ и въ Форкалькье принимали участіе въ расходахъ Инквизиціи, слѣдуя тѣмъ же принципамъ, которыми руководился король въ своихъ владѣніяхъ [1]).

Какъ ни великъ былъ доходъ фиска благодаря дѣятельности инквизиторовъ, послѣдніе, однако, иногда представляли его себѣ въ преувеличенномъ видѣ и позволяли себѣ расходы, которые казались чрезмѣрными тѣмъ, кому приходилось оплачивать ихъ. Уже въ 1242 и 1244 гг., когда князья не сдѣлали еще запасовъ для Св. Трибунала, и когда епископы еще энергично отстаивали штрафныя деньги, роскошь и сумасбродство нѣкоторыхъ инквизиторовъ навлекали на нихъ порицаніе ихъ же собственнаго ордена, какъ свидѣтельствуютъ это провинціальные капитулы доминиканцевъ, бывшіе въ Монпелье и Авиньонѣ. Конечно, было несправедливо упрекать въ этомъ всѣхъ инквизиторовъ, но несомнѣнно, что многіе изъ нихъ заслуживали порицанія, и что они располагали множествомъ средствъ, законныхъ и незаконныхъ, чтобы добывать себѣ деньги. Интересно бы знать, напр., какъ могъ Бернаръ Ко, предсѣдательствовавшій до самой своей смерти (1252) въ тулузскомъ трибуналѣ, будучи доминиканцемъ, слѣдовательно, не имѣя права имѣть личную собственность, какъ могъ онъ, спрашиваемъ мы, дѣлать щедрыя пожертвованія на монастырь Ажана, основанный въ 1249 г.? Даже самому Альфонсу де Пуатье надоѣли, въ концѣ концовъ, требованія тѣхъ, которые столь хорошо удовлетворяли его жажду къ деньгамъ. Въ конфиденціальномъ письмѣ отъ 1268 г. онъ жалуется на огромные расходы, произведенные инквизиторами Тулузы, Понсомъ де Пуайе и Этьеномъ де Гатинъ; онъ поручалъ своему агенту убѣдить ихъ перебраться въ Лаворъ, гдѣ, надѣялись, они будутъ скромнѣе. Альфонсъ предлагалъ имъ Лаворскій замокъ или любой другой, который могъ бы служить одновременно и тюрьмою; хитрый князь писалъ имъ, что, желая дать имъ возможность расширить свою дѣятельность, онъ готовъ дать имъ обширный замокъ [2]).

Любопытныя данныя о расходахъ Инквизиціи за 1322—3 г. мы находимъ въ счетахъ Арно Ассали, прокурора Каркассона и Безье, по счастью дошедшихъ до насъ. Изъ доходовъ отъ конфискаціи прокуроръ оплачивалъ всѣ расходы Инквизиціи — содержаніе заключенныхъ, розыскъ свидѣтелей, преслѣдованіе бѣглецовъ, расходы по ауто-да-фе, включая сюда угощенія экспертовъ и сукно шафраннаго цвѣта для крестовъ кающимся. Мы узнаемъ изъ этого же источника, что жалованье инквизитора достигало ста-пятидесяти ливровъ въ годъ, и что уплачивалось оно очень неаккуратно. Братъ Отбертъ, назначенный великимъ постомъ 1316 г., не получалъ ничего до 1322 г., когда, вслѣдствіе бумаги короля Карла Красиваго, ему уплатили разомъ жалованье за шесть лѣтъ, т.-е. 900 ливровъ. Хотя въ эту эпоху число конфискаціи начало падать, все же оно было еще значительно. Ассали за годъ получилъ 2219 ливровъ 7 су и 10 денье; расходы же его за это время, считая довольно крупные судебные расходы и уплату сразу большой суммы

---

[1]) Concil. Tolosan. ann. 1229, c. 9.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 24.—Harduin. VII, 415.—Arch. de l'Évêché de Béziers (Doat, XXXI, 35).—Concil. Biterrens. ann. 1246. c. 22.—D. Bouquet, T. XXI, 262, 264, 266, 278 и слѣд.—Vaissete, изд. Privat, VIII, 1206, 1573.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 250).—Archivio di Napoli, Regist. 20, lett. B, fol. 91.

Какъ тщательно требовалъ Альфонсъ доходовъ отъ конфискаціи, видно изъ одного его письма къ своему сенешалю Іакову де Буа, отъ котораго онъ требуетъ отчета (25 марта 1268 г., Vaissete, изд. Privat, VIII, 1274).

[2]) Molinier. «L'Inquis. dans le Midi», 308.—Bern. Guidon. «Fundat. convent. Praedicat.» (Martène, «Thesaur.», VI, 481).—Boutaric. «S. Louis et Alphonse de Poitiers», 456—7.

Библиотека "Руниверс"

Отберту, достигли 1168 ливровъ 11 су и 4 денье, такъ что коронѣ осталось чистыхъ 1050 ливровъ [1]).

Безспорно, что преслѣдованіе, какъ нѣчто правильное и постоянное, всецѣло опиралось на конфискаціи; только онѣ одни поддерживали это горячее рвеніе къ вѣрѣ, которое медленно угасало, когда изсякали доходы. Когда катары исчезли подъ ударами Бернара Ги, началось все возраставшее паденіе Инквизиціи. Другіе еретики — спиритуалы, дольцинисты, фратичелли—были нищіе, которые отрицали всякую собственность; вальденцы были бѣдные крестьяне или пастухи; самое большое, что изрѣдка давало хорошую поживу, были колдунъ или ростовщикъ; тѣмъ не менѣе, еще до 1337 г. обязанность бальи по дѣламъ конфискаціи за ересь въ Тулузѣ была довольно-таки прибыльная, и желающихъ занять ее находилось много; за предшествующій годъ она дала 640 ливровъ 10 су [2]).

Неудача первой попытки ввести Инквизицію во Франшъ-Конте совершенно ясно показываетъ, что религіозное рвеніе было тѣсно связано съ желаніемъ заполучить имѣніе ближняго. Герцогъ Бургундскій Іоаннъ представилъ въ 1248 г. Иннокентію IV, что вальденская ересь распространяется по Безансонской провинціи, и просилъ папу пріостановить зло. Не хотѣлъ ли Іоаннъ нести расходовъ, или жатва давала плохой сборъ, мы не можемъ сказать; но только монахи, посланные въ Бургундію, просили, чтобы ихъ отозвали, говоря, что, благодаря отсутствію средствъ, ихъ усилія остаются безплодными. Александръ IV въ 1255 г. благосклонно удовлетворилъ ихъ просьбу. Тѣмъ же объясняется неудача попытокъ основать Инквизицію въ Португаліи. Когда въ 1376 г. Григорій XI предписалъ лиссабонскому епископу назначить францисканца инквизиторомъ въ королевство, то онъ постановилъ, чтобы назначенное лицо получало въ годъ 200 флориновъ золотомъ, распредѣляемыхъ между епископскими каѳедрами пропорціонально ихъ платежамъ на папскій дворъ. Отвѣтомъ на предписаніе папы было полное бездѣйствіе, проистекавшее только отъ нежеланія епископовъ нести новые расходы; то же можно сказать и въ объясненіе неудачи Бонифація IX, когда онъ назначилъ бр. Винцента лиссабонскаго инквизиторомъ Испаніи и возложилъ его содержаніе на мѣстныхъ прелатовъ [3]).

Самая циничная попытка покрыть расходы Инквизиціи была сдѣлана императоромъ Карломъ IV, когда онъ старался въ 1369 г. прочно основать Инквизицію въ Германіи. Еретиковъ было мало, и они были бѣдны; конфискація ихъ имущества сулила ненадежное содержаніе ревностному Керлингеру и его товарищамъ. Ниже мы увидимъ, какъ безъ всякаго суда были конфискованы дома неповинныхъ ни въ чемъ бегардовъ и бегиновъ, чтобы дать помѣщенія для инквизиторовъ и ихъ тюремъ; города были приглашены получить часть отъ этихъ насилій: этимъ надѣялись привлечь расположеніе народа. Но все разбилось о непобѣдимое отвращеніе, которое внушала въ Германіи Инквизиція народу и прелатамъ [4]).

Эмерикъ, писавшій въ Арагоніи около 1375 г., говоритъ, что вопросъ о содержаніи Инквизиціи обсуждался уже давно, но никогда не былъ точно разрѣшенъ. Наиболѣе распространеннымъ среди духовенства было мнѣніе, что тяжесть содержанія Инквизиціи должна была падать на свѣтскихъ князей, которые пользовались доходами отъ конфискацій, а, слѣдовательно, должны были нести и извѣстныя обязанности; но въ

---

[1]) Coll. Doat, XXXIV, 189.—Въ 1317 г. доходы были гораздо меньше. До насъ дошла квитанція королевскаго казначея въ Каркассонѣ, Лотаря Бланка, выданная Ассали 24 сентября 1317 г.; чистый доходъ, за вычетомъ жалованья чиновниковъ и другихъ расходовъ, равнялся 495 ливрамъ 6 су 11 денье.

[2]) Doat, XXXV, 79, 100.—Vaissete, изд. Privat, 705, 777, 783.

[3]) Potthast, №№ 13000, 15995.—Monteiro, «Historia da Santo Inquisição», p. I, lib. II, c. 34, 35.

[4]) Mosheim, «de Beghardis», 356—63.

Библиотека "Руниверс"

наши дни, съ грустью замѣчаетъ Эмерикъ, мало уже упорствующихъ еретиковъ, еще менѣе еретиковъ-рецидивистовъ, и почти нѣтъ еретиковъ богатыхъ, такъ что князья, не получая большихъ доходовъ, мало расположены производить расходы. Слѣдовало бы найти другую комбинацію, но всѣ предлагаемыя наталкиваются на непріятныя и серьезныя возраженія; и по этому поводу Эмерикъ жалуется, что столь полезное и столь необходимое для христіанскаго міра учрежденіе такъ необезпечено въ завтрашнемъ днѣ [1]).

Пока Эмерикъ сѣтовалъ, вопросъ представлялся въ самомъ прозаическомъ видѣ. Еще въ 1337 г. въ отчеты тулузскаго сенешальства вносятся расходы на ауто-да-фе, на поддержаніе недвижимыхъ имѣній Инквизиціи, на жалованье инквизитору и его помощникамъ и на содержаніе заключенныхъ. Но безпорядокъ и бѣдность, бывшіе слѣдствіемъ Столѣтней войны, скоро вычеркнули изъ бюджета эти статьи расхода. Въ 1375 г. Григорій XI убѣждалъ короля Сициліи Фридриха разрѣшить инквизитору взять конфискованныя имѣнія, чтобы дѣло спасенія душъ не нуждалось въ средствахъ. Одновременно онъ сдѣлалъ энергичную попытку уничтожить вальденцевъ, число которыхъ размножилось въ Дофинэ. Нужно было строить новыя тюрьмы, нужно было кормить массу заключенныхъ, и папа повелѣлъ отнести этотъ расходъ на счетъ прелатовъ, благодаря небрежности которыхъ усилилась ересь. Но, хотя онъ грозилъ упорствующимъ отлученіемъ отъ Церкви, однако, кошельки епископовъ оставались закрытыми, и вскорѣ инквизиторъ потребовалъ часть конфискованныхъ имуществъ, мотивируя это требованіе полнымъ отсутствіемъ средствъ на содержаніе своего трибунала. Королевскіе чиновники настаивали на удержаніи всего конфискованнаго, и возникъ горячій споръ, который былъ доведенъ до короля Карла Мудраго. Послѣдній вошелъ въ соглашеніе съ Св. Престоломъ и въ 1378 г. опубликовалъ указъ, которымъ онъ сохранялъ за собой всѣ доходы конфискаціи и назначалъ инквизитору ежегодное содержаніе въ 190 турскихъ ливровъ (то же, что получали трибуналы Тулузы и Каркассона), изъ которыхъ должны были оплачиваться всѣ расходы Инквизиціи; при этомъ король добавлялъ, что, если эта сумма не будетъ уплачиваться правильно, то инквизиторъ имѣетъ право брать эти деньги самъ лично изъ конфискованныхъ имуществъ. Во время ужасныхъ безпорядковъ, вызванныхъ безуміемъ Карла VI, этотъ договоръ перестали соблюдать. Въ 1409 г. Александръ V предоставилъ на рѣшеніе своего легата вопросъ, долженъ ли инквизиторъ Дофинэ получать по триста флориновъ золотомъ въ годъ, уплату которыхъ возложить на евреевъ Авиньона, или по десяти флориновъ въ годъ съ каждаго епископа своей обширной провинціи, или, наконецъ, возложить содержаніе инквизитора и его людей во время ихъ пребыванія въ отдѣльной епархіи на епископа этой епархіи. Но внѣшняя война и внутреннія междоусобія вскорѣ уничтожили всѣ источники доходовъ. Въ 1432 г. эмбренскій инквизиторъ, бр. Петръ Фабри, будучи вызванъ на Констанцскій соборъ, отвѣтилъ, что онъ не можетъ явиться, такъ какъ, съ одной стороны, у него много дѣла съ вальденцами, а съ другой—онъ совершенно не имѣетъ средствъ на поѣздку. «Я никогда, добавилъ онъ, не беру ни одного су у Церкви Божьей и не получаю ни откуда никакого жалованья» [2]).

Конечно, было бы несправедливо говорить, что скупость и жажда къ грабежу были главными двигателями Инквизиціи; но нельзя отрицать, что эти низкія страсти играли видную роль. Вспомнимъ только о жалобахъ, во имя интересовъ фиска, на неприкосновенность, обѣщанную тѣмъ, кто сознается въ теченіе *срока милосердія*; вспомнимъ объ отвѣтѣ Бернара Ги, указывавшаго на то, что кающіеся должны выдавать своихъ соумышленниковъ и что, слѣдовательно, индульгенція должна идти въ пользу фиска. Всѣ

[1]) Eymeric. «Direct. Inquis.», 652—3.

[2]) Vaissete, изд. Privat, X. Pr. 791—2, 802.—Raynald. ann. 1375, № 26.—Wadding. ann. 1375, №№ 21, 22; 1409, № 13.—Isambert, «Anc. loix franç.», V. 491.—Martène, «Ampliss. Coll.», VIII, 161—3.

Библиотека "Руниверс"

занимавшіеся преслѣдованіемъ всегда имѣли въ виду матеріальную выгоду [1]). Не заинтересованная матеріально Инквизиція не пережила бы первой вспышки фанатизма, породившаго ее; она могла бы существовать только въ теченіе одного поколѣнія, а затѣмъ исчезла бы и возродилась бы снова съ возрожденіемъ ереси; и катаризмъ, противъ котораго не было бы систематическаго и долгаго преслѣдованія, могъ бы избѣгнуть полнаго уничтоженія. Но въ силу законовъ о конфискаціи еретики сами сдѣлались виновниками своего паденія. Алчность и фанатизмъ подали другъ другу руку и въ теченіе цѣлаго столѣтія были сильными двигателями жестокаго, непрерывнаго и неумолимаго преслѣдованія, которое выполнило свои планы и прекратилось только за отсутствіемъ жертвъ.

ГЛАВА XIV.

Костеръ.

Смертная казнь, какъ и конфискація, была мѣрою которую въ теоріи Инквизиція не примѣняла. Ея дѣло было употребить всѣ усилія, чтобы вернуть еретика въ лоно Церкви; если онъ упорствовалъ, или если его обращеніе было притворнымъ, ей нечего было съ нимъ болѣе дѣлать. Какъ не католикъ, онъ не подлежалъ юрисдикціи Церкви, которую онъ отвергалъ, и Церковь была вынуждена объявить его еретикомъ и лишить своего покровительства. Первоначально приговоръ былъ только простымъ осужденіемъ за ересь и сопровождался отлученіемъ отъ Церкви или объявленіемъ, что виновный не считается болѣе подсуднымъ суду Церкви; иногда добавлялось, что онъ передается свѣтскому суду, что онъ **отпущенъ на волю**—ужасное выраженіе, обозначавшее, что окончилось уже прямое вмѣшательство Церкви въ его судьбу. Съ теченіемъ времени приговоры стали пространнѣе; часто уже начинаетъ встрѣчаться замѣчаніе, поясняющее, что Церковь ничего не можетъ болѣе сдѣлать, чтобы загладить прегрѣшенія виновнаго, и передача его въ руки свѣтской власти сопровождается слѣдующими знаменательными словами: debita animadversione puniendum, т.-е «да будетъ наказанъ по заслугамъ». Лицемѣрное обращеніе, въ которомъ Инквизиція заклинала свѣтскія власти пощадить жизнь и тѣло отпавшаго, не встрѣчается въ старинныхъ приговорахъ и никогда не формулировалось точно [2]).

Инквизиторъ Пегна не задумывается признать, что это воззваніе къ милосердію было пустою формальностью, и объясняетъ, что къ нему прибѣгали только съ той цѣлью, чтобы не казалось, что инквизиторы согласны на пролитіе крови, такъ какъ это было бы нарушеніемъ каноническихъ правилъ. Но въ то же время Церковь зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы ея резолюція не толковалась превратно. Она поучала, что не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо снисхожденіи, если еретикъ не раскается и не засвидѣтельствуетъ своей искренности выдачей всѣхъ своихъ единомышленниковъ. Неумолимая логика св. Ѳомы

---

[1]) Bernard. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).

[2]) Coll. Doat. XXI, 143.—Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 9992.—Doctrina de modo procedendi (Martene, «Thes.», V, 1807).—Lami, «Antich. Toscane», 557, 559.—Lib. Sentent. Inq. Tolos., 2, 4, 36, 208, 254, 265, 289, 380.—Eymeric. «Direct. Inquis.» 510—512.—**Debita animadversio** точно опредѣлено Анджоло да Кіавассо († 1485,: Ista animadversio est poena ignis de consuetudine, licet de jure sit poena mortis» («Summa angelica» s. v. «Haereticus», § 16).—Бернардъ Комскій говоритъ такъ: «Poena animadversionis est poena quae evertit animam a corpore» («Lucerna Inquis.» s. v. «Executio», № 4). Церковь никогда не обманывала себя въ этомъ отношеніи.

Библиотека "Руниверс"

АУТО-ДА-ФЕ.

(Съ картины въ Національной Галлереѣ въ Мадридѣ).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

Аквината ясно установила, что свѣтская власть не могла не предавать еретиковъ смерти, и что только вслѣдствіе своей безграничной любви Церковь могла два раза обращаться къ еретикамъ со словами убѣжденія раньше, чѣмъ предать ихъ въ руки свѣтской власти на заслуженное наказаніе. Сами инквизиторы нисколько не скрывали этого и постоянно учили, что осужденный ими еретикъ долженъ быть преданъ смерти; это видно, между прочимъ, изъ того, что они воздерживались произносить свой приговоръ надъ нимъ въ предѣлахъ церковной ограды, которую осквернило бы осужденіе на смертную казнь, а произносили его на площади, гдѣ происходило послѣднее дѣйствіе ауто-да-фе. Одинъ изъ ихъ докторовъ XIII вѣка, цитируемый въ XIV вѣкѣ Бернаромъ Ги, такъ аргументируетъ это: «Цѣль Инквизиціи—уничтоженіе ереси; ересь же не можетъ быть уничтожена безъ уничтоженія еретиковъ; а еретиковъ нельзя уничтожить, если не будутъ уничтожены также защитники и сторонники ереси, а это можетъ быть достигнуто двумя способами: обращеніемъ ихъ въ истинную католическую вѣру или обращеніемъ ихъ плоти въ пепелъ, послѣ того какъ они будутъ выданы въ руки свѣтской власти». Въ слѣдующемъ столѣтіи братъ Алонзо де Спина замѣчаетъ, что ранѣе, чѣмъ осудить ихъ на уничтоженіе, нужно дважды обращаться къ нимъ съ предупрежденіями, чтобы они, добавляетъ онъ, по крайней мѣрѣ, не грозили спокойствію Церкви, въ каковомъ случаѣ ихъ слѣдуетъ уничтожать безъ промедленія и слѣдствія.

Проникнутыя подобными ученіями, свѣтскія власти, естественно, вѣрили, что, сжигая еретиковъ, онѣ исполняли лишь приказанія Инквизиціи. Въ предписаніи, данномъ 9 ноября 1431 г. Филиппомъ Красивымъ Бургундскимъ своимъ чиновникамъ относительно того, чтобы они повиновались брату Кайтейзену, назначенному инквизиторомъ Лилля и Камбрэ, говорится, что на ихъ обязанности лежитъ наказывать еретиковъ, «какъ предпишетъ это инквизиторъ и согласно обычаю». Въ отчетахъ королевскихъ прокуроровъ упоминаются издержки по приведенію въ исполненіе казней въ Лангедокѣ, какъ статья расходовъ Инквизиціи, относимыхъ на счетъ доходовъ отъ конфискацій; и это не было согласно съ обычной практикой уголовнаго суда, расходы котораго относились на счетъ прямыхъ доходовъ, но это были мѣры, принятыя за счетъ Инквизиціи, простыми исполнителями рѣшеній которой являлись королевскіе чиновники. Шпренгеръ, не стѣсняясь, говоритъ о жертвахъ, «которыя онъ приказалъ сжечь» — quas incinerari fecimus. И, дѣйствительно, Церковь полагала, что сжечь еретика было вполнѣ благочестивымъ дѣломъ, и она давала отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, кто приносилъ дрова для костра, принимая, такимъ образомъ, на себя всю отвѣтственность за казнь и раздавая сокровища «заслугъ Іисуса Христа», чтобы возбудить ярость простого народа. Говорить, что Церковь не была отвѣтственна за эти жестокости,—чисто-современный парадоксъ. Еще въ XVII вѣкѣ ученый кардиналъ Альбиціо, отвѣчая брату Паоло по вопросу о контролѣ надъ Инквизиціей Венеціанской республики, выразился слѣдующимъ образомъ: «Инквизиторы во всѣхъ процессахъ обыкновенно выносятъ окончательный приговоръ, и если это смертный приговоръ, то онъ непосредственно и обязательно приводится въ исполненіе дожемъ и сенатомъ» [1]).

Мы уже видѣли, что Церковь была отвѣтственна за жестокій законъ, осуждавшій

[1]) Pegnae, «Comment. XX in Eymeric.», 124.—Tract. de Paup. de Lugd. (Martène, «Thès.», V, 1792).—S. Thom. Aquinat. Summ. Sec. Q. XI, art. 3.—Eymeric. «Direct. Inquis.» 510—12.—Tract. de Inquis. (Doat, XXX).—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—A. de Spina «Fortalic. Fidei», изд. 1494 г., fol. 76a.—Mss. Bib. Nat., fonds Moreau, № 444, fol. 10. Ср. Archiv. di Napoli, Reg. 6, lett. D, fol. 39; Reg. 13, lett. A, fol. 139.—Coll. Doat, XXXIV, 189.—«Malleus maleficarum», P. II, Q I, c. 2.—Formulary of the papal penitentiary, Филадельфія, 1892, Rubr. XLII.—Jac. a Graffiis, «Decis. aureae casuum conscientiae», P. II, lib. II, cap. 19, № 53.—Albizio, «Risposto al P. Paolo Sarpi», 30.

Григорій IX не стѣснялся утверждать, что Церковь была обязана проливать кровь еретиковъ. Въ бреве отъ 1234 г., адресованномъ санскому архіепископу, онъ говоритъ: «Nec

Библиотека "Руниверс"

еретиковъ на смерть, и что она властно вмѣшивалась, когда нужно было отмѣнить какой-нибудь свѣтскій законъ, который могъ бы помѣшать точному и скорому исполненію наказанія. Рядомъ съ этимъ она принимала суровыя мѣры противъ городскихъ магистратовъ, когда они, по ея мнѣнію, слабо или небрежно дѣйствовали при приведеніи въ исполненіе приговоровъ Инквизиціи. Общимъ распространеніемъ пользовалось въ ту эпоху мнѣніе, что, поступая такъ, она лишь исполняла свои наиболѣе высокія и прямыя обязанности. Бонифацій VIII только формулировалъ установившійся на практикѣ обычай, внеся въ каноническое право напоминаніе свѣтскимъ властямъ, подъ угрозой отлученія отъ Церкви, чтобы всѣ, кого выдастъ имъ Инквизиція, подвергались быстрому и справедливому наказанію. Инквизиторамъ же было приказано возбуждать судебное преслѣдованіе противъ упорствующихъ чиновниковъ; но имъ предписывалось всегда говорить объ «исполненіи закона» безъ упоминанія о характерѣ наказанія; цѣль здѣсь была одна—избѣжать «неправильности», хотя всѣ знали, что единственнымъ наказаніемъ за ересь, къ которому присуждала Церковь, была смерть на кострѣ. Даже въ томъ случаѣ, если свѣтскій сановникъ былъ отлученъ отъ Церкви и не имѣлъ права по закону отправлять своихъ обязанностей, онъ все же долженъ былъ карать еретиковъ, и эта обязанность считалась самою высшею его обязанностью. Нашлись даже писатели, которые утверждали, что если инквизиторъ будетъ вынужденъ самъ привести приговоръ въ исполненіе, то, исполняя его, онъ не допуститъ «неправильности» [1]).

Нечего было думать, чтобы послѣ подобныхъ неоднократныхъ указовъ свѣтская власть проявила отвращеніе къ исполненію своей ужасной обязанности. Ученія Церкви черезчуръ глубоко проникли въ душу, чтобы тамъ могло зародиться малѣйшее сомнѣніе въ законности репрессіи. Какъ мы уже видѣли выше, законы всѣхъ государствъ Европы присуждали еретиковъ къ сожженію живыми, и даже свободныя республики Италіи признавали въ лицѣ инквизитора судью, приговоры котораго подлежали слѣпому исполненію. Даже самъ Раймундъ Тулузскій въ благочестивомъ порывѣ, предшествовавшемъ его смерти, въ 1249 г. приказалъ сжечь живыми въ Берлежѣ, близъ Ажана, восемьдесятъ еретиковъ, которые сознались въ его присутствіи, и онъ не далъ имъ даже времени отречься отъ ереси. Если судить по современнымъ этому приговорамъ Бернара Ко, то, весьма вѣроятно, что, если бы эти несчастные были судимы инквизиторомъ, никто изъ нихъ не былъ бы осужденъ на костеръ какъ не раскаявшійся. Столь же знаменательнымъ въ этомъ отношеніи является обвиненіе, возбужденное маршаломъ де Мирпуа противъ сенешаля Каркассона за то, что послѣдній посягнулъ на права маршала, предавъ кострy тѣхъ его подданныхъ, которыхъ Инквизиція признала еретиками. Въ 1269 г. Парижскій парламентъ нашелъ, что жалоба Мирпуа справедлива, вслѣдствіе чего 18 марта 1270 г. сенешаль разрѣшилъ, въ возстановленіе его правъ, торжественно передать ему останки семи мужчинъ и трехъ женщинъ изъ его подданныхъ, только-что сожженныхъ въ Каркассонѣ; если бы оказалось невозможнымъ отыскать или установить подлинность этихъ останковъ, то вмѣсто нихъ должны были быть выданы десять мѣшковъ, наполненныхъ соломой. Дѣло невѣроятное, но эта отвратительная церемонія дѣйствительно состоялась

---

enim decuit Apostolicam Sedem in oculis suis, cum Madianita coeunte Judeo, manum suam a sanguine prohibere, ne si secus ageret non custodire populum Israel.... videretur.»—Ripoll, I, 66.

Генрихъ Калтейзенъ былъ знаменитымъ докторомъ богословія и былъ впослѣдствіи инквизиторомъ въ Кельнѣ (Nider. Formicar. V, VIII).

[1]) C[l] 18 Sexto V. 2.—Concil. Albiens. ann. 1254, c. 22. Eymeric. «Direct. Inquis.», 372, 562.—Pegnae «Comment. in Eymeric.», 564.—Guid. Fulcod. «Quaest.» X.—Alex. PP. IV. Bull. «Ad audientiam», 1260 (Eymeric. Append. 34).—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Alex. PP. IV Bull. «Quaesivistis», 1260 (Ripoll, I, 393).—Wadding. «Annal.» ann. 1288, № 20.—Zanchini Tract. de Haeretic.», c. XVIII.—Fortalicii Fidei, fol. 74b.—Bern. Comens. «Luc. Inquis.» s. v. «Executio», №№ 1, 8.

Библиотека "Руниверс"

черезъ два дня, и память о ней сохранилась въ нотаріальномъ документѣ. Но хотя фамилія де Леви де Мирпуа гордилась титуломъ Маршаловъ Вѣры (Maréchaux de la Foi), все же трудно допустить, чтобы ихъ рвеніе въ данномъ случаѣ было проявленіемъ кровожаднаго фанатизма: въ дѣйствительности, сеньоръ-верховный судья болѣе всего заботился здѣсь о ненарушимости своихъ судебныхъ прерогативъ.

Подобный же споръ возникъ въ 1309 г., когда графъ де Фуа заявилъ свои права на сожженіе ересіарха катара Іакова Отье и одной женщины по имени Гильельма Кристоля, осужденныхъ Бернаромъ Ги и бывшихъ его подданными; но королевскіе чиновники поддерживали права своего повелителя, и вслѣдствіе этого возникла тяжба, тянувшаяся еще въ 1326 г. Равнымъ образомъ, тянулся долгій споръ и въ Нарбоннѣ между виконтомъ и архіепископомъ о ихъ юрисдикціи, и когда послѣдній въ 1319 г. съ согласія инквизитора Жана де Бонъ отпустилъ на волю трехъ еретиковъ, то онъ заявилъ свои права на ихъ сожженіе. Община, выступившая представителемъ виконта, заявила протестъ, и споръ былъ разрѣшенъ только представителемъ короля, который вмѣшался и самъ окончилъ все дѣло; но хотя онъ и заявилъ предусмотрительно, что онъ не думаетъ, такимъ образомъ, нарушать права той или другой стороны, однако, архіепископъ продолжалъ возставать противъ того, что онъ считалъ посягательствомъ на свои права [1]).

Если, однако, по той или другой причинѣ свѣтскія власти не рѣшались предать казни еретика, то тотчасъ всею силою своей власти вмѣшивалась Церковь, чтобы привести ихъ къ повиновенію. Такъ, напр., послѣ того какъ первое сопротивленіе въ Тулузѣ было сломлено, и была возстановлена Инквизиція, инквизиторы въ 1237 г. осудили какъ еретиковъ десять мужчинъ и женщинъ; консулы и вигье отказались «принять» осужденныхъ, конфисковать ихъ имущество и «поступить съ ними, какъ принято поступать съ еретиками», другими словами — отказались сжечь ихъ живыми. Немедленно, предварительно посовѣтовавшись съ епископомъ, съ аббатомъ изъ Ма, съ прево С.-Этьена и съ пріоромъ монастыря Дорадъ, инквизиторы торжественно въ соборномъ храмѣ С.-Этьена отлучили отъ Церкви упорствующихъ чиновниковъ. Въ 1288 г. Николай IV жаловался на небрежность и на нежеланіе, проявленныя во многихъ городахъ свѣтскими властями, уклонявшимися отъ приведенія въ исполненіе приговоровъ Инквизиціи; папа повелѣлъ отлучить виновныхъ отъ Церкви и отстранить ихъ отъ должности, а также наложить интердиктъ на ихъ городскія общины. Въ 1458 г. въ Страсбургѣ бугомистръ Гансъ Драхенфельсъ и его товарищи отказались сначала сжечь гуситскаго миссіонера Фридриха Рейзера и его служанку Анну Вейлеръ; но Церковь подавила ихъ сопротивленіе и заставила ихъ исполнить приговоръ. Тридцать лѣтъ спустя, въ 1486 г. городскія власти Брешіи отказались сжечь нѣсколько колдуновъ и колдуній, осужденныхъ Инквизиціей, требуя, чтобы имъ позволили разсмотрѣть дѣло. Это вполнѣ понятное желаніе было признано возмущеніемъ. Гражданскіе юристы правда, пытались доказать, что свѣтскія власти имѣютъ право ознакомиться съ дѣломъ, но инквизиторамъ удалось устранить это притязаніе. Иннокентій VIII не замедлилъ объявить, что желаніе городскихъ властей Брешіи оскорбительно для вѣры, и приказалъ отлучить ихъ отъ Церкви, если онѣ въ шестидневный срокъ не казнятъ осужденныхъ; всякій муниципальный законъ, противорѣчившій этому, былъ объявленъ недѣйствительнымъ и не имѣющимъ силы. Болѣе серьезная борьба произошла въ 1521 г., когда Инквизиція напрягала всѣ свои силы на то, чтобы очистить епархіи Брешіи и Бергама отъ колдуній, которыя, какъ думали, наслали заразу. Инквизиторъ и судьи епископскаго суда энергично повели дѣло противъ этихъ несчастныхъ, но вмѣшалась сеньорія Венеціи и обратилась къ папѣ Льву X, который поручилъ своему нунціо въ Венеціи

[1]) Guill. Pod. Laur., cap. 48.—Les Olim, I, 317.—Vaissete, изд. Privat, VIII, 674. Pr. 484, 659.—Baluz. et Mansi, II, 257.

Библиотека "Руниверс"

пересмотрѣть процессъ. Послѣдній передалъ свои права епископу Юстинополиса, который въ сопровожденіи инквизитора и епископскихъ судей явился въ брешіанскую Валькамонику, гдѣ было много воображаемыхъ еретиковъ, и нѣсколькихъ изъ нихъ осудилъ на выдачу свѣтскимъ властямъ. Недовольный этимъ судомъ, сенатъ Венеціи запретилъ губернатору Брешіи приводить самому въ исполненіе эти приговоры, допускать ихъ исполненіе другими и платить судебныя издержки; онъ долженъ былъ переслать все дѣло въ Венецію и обязать епископа Юстинополиса явиться въ сенатъ, что и было исполнено. Негодованіе папы не знало границъ. Онъ въ энергичныхъ выраженіяхъ подтвердилъ инквизитору и епископскимъ судьямъ, что они имѣли полное и неограниченное право надъ виновными, что ихъ приговоры должны быть исполнены безъ всякихъ пересмотровъ и разслѣдованій, и что у нихъ было полномочіе заставить признавать ихъ права, такъ какъ они могли наложить на ослушниковъ любое духовное наказаніе. Но въ ту эпоху уже вѣялъ духъ непокорства, а Венеція никогда не отличалась послушаніемъ въ отношеніи Св. Трибунала. Ниже мы увидимъ, какъ упорно Совѣтъ Десяти отстоялъ свое положеніе и съ безпримѣрной смѣлостью подтвердилъ верховность своей юридической власти [1]).

Сказанное нами даетъ намъ возможность по достоинству оцѣнить слѣдующія слова одного изъ новыхъ католическихъ историковъ Инквизиціи: «Церковь не принимала никакого участія въ тѣлесномъ наказаніи еретиковъ. Всѣ несчастные, которые погибли, были только наказаны за свои преступленія, будучи осуждены королевскими судьями. Исторія сохранила память о неистовствахъ, совершенныхъ еретиками Болгаріи, гностиками и манихеями, и къ смертной казни были лишь присуждаемы уголовные преступники, сознавшіеся въ насиліяхъ, убійствахъ и грабежахъ. Съ равной снисходительностью поступали съ альбигойцами...; католическая Церковь оплакивала всякій актъ возмездія, какъ бы ни былъ дерзокъ вызовъ, кинутый этими крамольными толпами».

Вотъ какъ пишется исторія по заказу! На самомъ же дѣлѣ Церковь съ такимъ остервененіемъ повелѣвала сжигать еретиковъ, что 18-й пунктъ обвиненія въ ереси, предъявленнаго Яну Гусу на Констанцскомъ соборѣ, ставилъ ему въ вину, что въ своемъ трактатѣ De Ecclesia онъ училъ, что ни одного еретика не слѣдуетъ выдавать свѣтской власти для преданія его смертной казни. Самъ Гусъ въ своей защитительной рѣчи допускаетъ, что еретика, котораго нельзя покорить кротостью, должно подвергнуть тѣлесному наказанію; а когда прочли то мѣсто его книги, гдѣ тѣ, кто передаетъ еретика, отрицающаго свою виновность, въ руки свѣтскихъ судей, сравниваются съ книжниками и фарисеями, предавшими Іисуса Христа Пилату, то святое собраніе разразилось криками протеста, и среди негодующихъ голосовъ раздавался голосъ кардинала Петра д'Айльи, громко кричавшаго: «Поистинѣ, люди, редактировавшіе эти пункты, были очень снисходительны, такъ какъ писанія этого человѣка возмутительны» [2]).

Постоянно повторяемое ученіе Церкви глубоко убѣдило лучшихъ ея членовъ, что смерть еретика было актомъ очевидной справедливости, и что требованіе снисходительнаго отношенія къ еретикамъ является ересью, достойной самаго строгаго осужденія. Даже самъ канцлеръ парижскаго университета Герсонъ не понималъ, что можно иначе поступать съ тѣми, кто упорно держался заблужденій, хотя и въ такихъ вопросахъ, которые теперь не

[1]) Vaissete, III, 410.—Wadding. «Annal.» ann. 1288, № XIX.—Hoffmann, «Gesch. der Inquisition», II, 391.—Bern. Com. «Luc. Inquis.» s. v. «Executio», № 6.—Innoc. PP. VIII. Bull. «Dilectus filius», 1486 (Pegnae «App. ad Eymeric.», 84).—Leo PP. X. Bull. «Honestis», 1521 (Mag. Bull. Rom., I, 617).—Albizio, «Risposto al. P. Paolo Sarpi», 64—70.

[2]) Rodrigo, «Historia verdadera de la Inquisition», Мадридъ, 1876 г., I, 176—7. [Не надо думать, что подобныя вещи печатаются только въ Испаніи. Аббатъ Дуэ, сдѣлавшійся въ 1899 г. епископомъ, писалъ въ 1881 г. («Rev. des quest. historic.», t. XXX. стр. 400): «Да, поистинѣ, Церковь по отношенію къ еретикамъ всегда заботилась о справедливости и милосердіи»!—С. Рейнахъ].—Von der Hardt, IV, 317—8.

Библиотека "Руниверс"

считаются догматами вѣры [1]). Фактъ тотъ, что Церковь не только опредѣляла виновность и предписывала наказаніе, но она сама выдумывала преступленіе. Какъ мы увидимъ ниже, при Николаѣ IV и Целестинѣ V строгіе францисканцы считались хорошими католиками; но когда Іоаннъ XXII объявилъ еретическимъ ученіе, что Спаситель жилъ въ полной нищетѣ, онъ перемѣстилъ францисканцевъ въ ряды враговъ Церкви, которыхъ свѣтскія власти были обязаны отправлять на костеръ, подъ угрозой быть самимъ причисленными къ еретикамъ.

Такимъ образомъ, всѣ были согласны, что еретиковъ слѣдовало сжигать; это мнѣніе было плодомъ воспитанія, даннаго Церковью поколѣніямъ среднихъ вѣковъ. Еретикомъ считался всякій, кто исповѣдывалъ еретическое вѣрованіе, защищалъ его и отказывался отречься отъ него; для подобнаго человѣка, упорствующаго и закоренѣлаго, было одно только ужасное наказаніе—костеръ. Но инквизиторъ не торопился съ этимъ. Оставимъ въ сторонѣ заботу о возможномъ спасеніи души; обращенный, выдающій своихъ соумышленниковъ, былъ болѣе полезенъ для Церкви, чѣмъ обугленный трупъ; поэтому не жалѣли усилій, чтобы добиться отреченія. Опытъ показалъ, что фанатически настроенные люди часто жаждали мученій и желали скорой смерти на кострѣ; но инквизиторъ не долженъ былъ являться исполнителемъ ихъ желаній. Онъ зналъ, что первый пылъ часто уступалъ дѣйствію времени и мученій; поэтому онъ предпочиталъ держать упорствующаго еретика, одинокаго и закованнаго, въ тюрьмѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ или цѣлаго года; къ нему допускались лишь богословы и законовѣды, которые должны были дѣйствовать на его умъ, или его жена и дѣти, которыя могли склонить его сердце. И только тогда, когда всѣ усилія не приводили ни къ чему, его «выпускали на волю»; но даже и послѣ этого казнь откладывалась на день, чтобы онъ могъ отречься, что, впрочемъ, случалось рѣдко, такъ какъ не уступившіе до этого времени обыкновенно не поддавались никакимъ убѣжденіямъ. Но если въ послѣднюю минуту упорство еретика уступало, и онъ выражалъ желаніе раскаяться, то признавалось, что его обращеніе было вызвано страхомъ, и его оставляли въ тюрьмѣ до самой смерти. Нельзя было не принять отреченія, сдѣланнаго даже на кострѣ, хотя относительно этого не было опредѣленныхъ правилъ. Эмерикъ разсказываетъ о бывшемъ въ Барселонѣ случаѣ при сожженіи трехъ еретиковъ; одинъ изъ нихъ, священникъ, сломленный ужаснымъ страданіемъ, когда уже одна сторона тѣла его совсѣмъ обгорѣла, закричалъ, что онъ желаетъ отречься; его сняли съ костра и приняли отъ него отреченіе; но спустя четырнадцать лѣтъ узнали, что онъ продолжаетъ оставаться еретикомъ, и что даже совращаетъ другихъ; тогда его поспѣшно сожгли [2]).

Не раскаявшійся еретикъ, предпочитавшій мученическую смерть вѣроотступничеству, не былъ единственной жертвой костра. Свѣтское законодательство установило это наказаніе за ересь, и предоставило Церкви опредѣлить, что надо подразумѣвать подъ ересью; и скоро понятіе ереси чрезвычайно расширилось. Тамъ, гдѣ доказательства признавались достаточными, отказъ сознаться лишь увеличивалъ вину; громкое заявленіе о своей принадлежности къ католической Церкви нисколько не помогало обвиняемому: его все равно, несмотря на его нежеланіе, признавали еретикомъ. Если два свидѣтеля показывали подъ присягой, что они видѣли кого-нибудь преклоняющимся передъ Совершеннымъ, то этого было достаточно: несчастный погибъ. Въ такомъ же положеніи находились не явившіеся по вызову Инквизиціи и отказывавшіеся принести присягу. Даже тогда, когда не было ни одного доказательства, простое подозрѣніе само собой превращалось въ ересь въ

[1]) Von der Hardt, III, 50—1.

[2]) Concil. Arelatens. ann. 1234, c. 6.—Concil. Tarraconens. ann. 1242. — Concil. Biterrens. ann. 1246, append. c. 17.—Bern. Guidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX). — Eumeric. «Direct. Inquis.», 514—16.—Anon. Passaviens. c. IX (Mag. Bib. Pat. XIII, 308). — Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XVIII.—Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 6.

Библиотека "Руниверс"

томъ случаѣ, если подозрѣваемый не могъ обѣлить себя, вызвавъ людей, которые согласились бы принять вмѣстѣ съ нимъ присягу, и въ такомъ положеніи онъ оставался въ теченіе года. Въ случаѣ тяжелаго подозрѣнія отказъ принести присягу превращалъ подозрѣваемаго черезъ годъ въ еретика. Еретикомъ также, и достойнымъ костра, считался тотъ, кто отказывался отъ исторгнутаго у него признанія. Однимъ словомъ, костеръ заполнялъ всѣ недостатки инквизиціоннаго судопроизводства. Это былъ высшій аргументъ, ultima ratio, и хотя до насъ дошло немного примѣровъ казней, мотивированныхъ только-что указанными причинами, но не подлежитъ сомнѣнію, что угрозы, такъ обоснованныя, были очень полезны на практикѣ, и что внушаемый ими ужасъ вырывалъ много признаній какъ искреннихъ, такъ и ложныхъ изъ устъ тѣхъ, кто безъ этого оставался бы нѣмъ [1]).

Была еще другая категорія случаевъ, которая сильно занимала инквизиторовъ и въ которой ихъ судопроизводство устанавливалось крайне медленно. Толпы вынужденныхъ къ раскаянію насиліемъ, темницей или страхомъ костра наполняли тюрьмы и страну, и въ глубинѣ сердца люди эти продолжали оставаться попрежнему еретиками. Выше я упоминалъ о бывшей всегда насторожѣ полиціи святой Инквизиціи, упоминалъ о правильно организованномъ шпіонствѣ за обращенными, свобода которыхъ въ сущности была условною и обрекала ихъ на положеніе поднадзорныхъ; и неизбѣжно число рецидивистовъ (или считаемыхъ таковыми) было очень многочисленно. Даже въ тюрьмахъ было невозможно изолировать всѣхъ заключенныхъ, и часто раздаются жалобы на волковъ въ овечьей шкурѣ, которые совращаютъ своихъ товарищей по заключенію. Человѣкъ, торжественное обращеніе котораго было признано ложнымъ, не могъ больше никогда внушить къ себѣ довѣрія; это былъ неисправимый еретикъ, обратить котораго Церковь потеряла всякую надежду; всякое снисхожденіе къ нему вело его только къ окончательной гибели: его требовалъ костеръ. Однако, надо сказать въ похвалу Инквизиціи, что она нескоро ввела въ практику ужасную теорію о рецидивистахъ, изложенную нами.

Уже въ 1184 г. Веронскій декретъ папы Луція III предписывалъ, что всякій еретикъ-рецидивистъ, т.-е. впавшій послѣ отреченія въ ту же ересь, долженъ выдаваться свѣтскимъ судамъ даже безъ новаго допроса. Равеннскій эдиктъ Фридриха II 1232 г. предписываетъ предавать смерти всѣхъ, кто, впавъ снова въ ересь, показалъ этимъ, что его обращеніе было притворнымъ, съ цѣлью избѣжать наказанія за ересь. Въ 1244 г. Нарбоннскій соборъ упоминаетъ о большомъ числѣ подобныхъ случаевъ и, слѣдуя указаніямъ Луція III, повелѣваетъ передавать виновныхъ въ руки свѣтской власти безъ новаго суда. Въ 1233 г. Григорій IX ограничивается осужденіемъ рецидивистовъ, число которыхъ, по его словамъ, было огромно, на пожизненное тюремное заключеніе. Однимъ приговоромъ отъ 19 февраля 1237 г. инквизиторы Тулузы присудили къ пожизненной тюрьмѣ семнадцать еретиковъ-рецидивистовъ. На соборѣ въ Таррагонѣ въ 1242 г. Раймундъ де Пеннафорте указываетъ на различіе въ мнѣніяхъ по этому вопросу и высказывается за тюремное заключеніе; въ 1246 г. соборъ въ Безье, подтверждая аналогичныя предписанія, заявляетъ, что они согласны съ завѣтами апостоловъ. Бывало даже, что строгость не заходила особенно далеко. Въ 1242 г. Петръ Селла ограничился тѣмъ, что предписалъ паломничества и ношеніе крестовъ, а въ одномъ случаѣ, бывшемъ въ 1245 г. во Флоренціи, братъ Руджіери Кальканьи наложилъ на виновнаго лишь незначительный штрафъ [2]).

Но что дѣлать съ массой неискренне обратившихся? Этотъ вопросъ сильно смущалъ и заботилъ Церковь. Какъ всегда, затрудненіе сначала было рѣшено такъ, что это

[1]) Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 26.—Concil. Biterrens. ann. 1246, App. c. 9.—Eymeric. «Direct. Inquis.» 376—7, 521—4.—Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 9992.—Lib. Sent. Inq. Tolosan., 379—80. - Zanchini «Tract. de Haeret.», c. XXIII.

[2]) Lucii PP. III. Epist. 171.—Hist. Diplom. Frid. II. T. IV, стр. 300. — Concil. Narbonn.

Библиотека "Руниверс"

дѣло предоставили на усмотрѣніе инквизиторовъ. Въ отвѣтъ на вопросъ ломбардской инквизиціи кардиналъ Альбано около 1245 г. предоставилъ инквизиторамъ накладывать наказанія, которыя они найдутъ нужнымъ. Въ 1248 г. Бернаръ Ко съ подобнымъ вопросомъ обратился къ нарбоннскому архіепископу; въ отвѣтъ онъ получилъ, что согласно апостольскимъ наставленіемъ всѣхъ тѣхъ, кто вторично возвращается въ лоно Церкви со смиреніемъ и покорностью, можно карать пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ, но мятущіеся должны быть выдаваемы въ руки свѣтской власти. На практикѣ въ этомъ отношеніи проявлялись то кротость, то строгость; но съ удовольствіемъ можно отмѣтить, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ инквизиторы болѣе склонялись къ милосердію. Даже такой ревностный инквизиторъ, какъ Бернаръ Ко, не злоупотреблялъ свободой дѣйствій, предоставленной въ этомъ отношеніи инквизиторамъ. Въ реестрѣ приговоровъ за 1246—8 гг. имѣется шестьдесятъ еретиковъ-рецидивистовъ, изъ которыхъ никто не былъ приговоренъ болѣе чѣмъ къ тюрьмѣ, причемъ нѣкоторые не были даже приговорены къ пожизненной тюрьмѣ. Такою же сравнительною снисходительностью отличаются приговоры, вынесенные въ слѣдующее десятилѣтіе какъ названнымъ Бернаромъ, такъ и другими инквизиторами. Однако, за исключеніемъ одного, всѣ руководства для судопроизводства Инквизиціи, относящіяся къ этой эпохѣ, учатъ, что рецидивистовъ надо выдавать въ руки свѣтской власти, притомъ безъ всякаго суда; отмѣченное нами исключеніе составляетъ одно компилятивное руководство, по которому возвращеніе въ ересь карается то пожизненной тюрьмой, то костромъ. Рецидивистъ-ростовщикъ подвергался менѣе суровому наказанію. Фактъ тотъ, что въ Лангедокѣ, согласно Парижскому трактату, клятвенное отреченіе приносилось каждые два года всѣми мужчинами старше четырнадцати лѣтъ и всѣми женщинами и дѣвушками старше двѣнадцати лѣтъ; поэтому всякое проявленіе ереси было тамъ, строго говоря, возвратомъ въ ересь; и это, быть-можетъ, объясняетъ нерѣшительность инквизиторовъ Тулузы [1]). Очевидно, невозможно было, не выслушивая объясненій, сжигать всѣхъ, въ первый разъ заподозрѣнныхъ въ ереси!

Товарищъ, впослѣдствіи преемникъ, Бернара Ко, Жанъ де С.-Пьеръ, слѣдовалъ его примѣру и всегда присуждалъ рецидивистовъ къ пожизненному заключенію. Это правило соблюдалось и послѣ смерти Бернара, послѣдовавшей въ 1252 г., когда къ Жану присоединился Рено Шартрскій; братъ Рено съ ужасомъ узналъ, что свѣтскіе судьи не обращали вниманія на снисходительные приговоры и сжигали несчастныя жертвы безъ всякаго милосердія; въ свое оправданіе гражданскія власти ссылались на то, что иначе не удастся очистить страну отъ еретиковъ, и что снисходительность поведетъ къ усиленію ереси. Рено понялъ, что онъ не можетъ, какъ его предшественники, закрывать глаза на подобную жестокость, и увѣдомилъ Альфонса де Пуатье, что онъ рѣшилъ представить дѣло на разрѣшеніе папы, и просилъ его, чтобы до полученія отвѣта изъ Рима онъ охранялъ заключенныхъ отъ грубаго насилія свѣтскихъ чиновниковъ [2]).

Отвѣтъ папы до насъ не дошелъ, но мы можемъ думать, что глава римской Церкви скорѣе одобрилъ жестокость чиновниковъ Альфонса, чѣмъ кротость Рено, такъ какъ около этого времени Римъ прямо предписалъ выдавать всѣхъ рецидивистовъ въ руки свѣтской

ann. 1244, c. 11.—Gregor. PP. IX. Bull. «Ad capiendas» (Vaissete, III. Pr. 364).—Epist. Saecul. XIII, № 514 (Mon. Germ. Hist.).—Ripoll, I, 55.—Concil. Tarracon. ann. 1242.—Doctrina de modo procedendi (Martène, «Thes.», V, 1800).—Concil. Biterrens. ann. 1246, App. c. 20.—Coll. Doat, XXI, 148, 292.—Lami, «Antich. Tosc.», 560.

[1]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 5, 139, 149). — Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 9992.—Martène, «Thes.», I, 1045.—Vaissete, III. Pr. 479. — Molinier, «L'Inq. dans le Midi», 387—8, 418.—Anon. Pasaviens. (Mag. Bib. Pat. XIII, 308).—Tract. de Paup. de Lugd. (Martène, «Thes.», V, 1791).—Doctrina de modo procedendi (ib. V, 1807).—Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 14930, fol. 206, 212, 213. 222, 223).—Concil. Biterrens. ann. 1246, App. c. 33

[2]) Boutaric, «S. Louis et Alphonse de Poitiers», 453—4.

Библиотека "Руниверс"

власти; точную дату этого постановленія выяснить, впрочемъ, мнѣ не удалось. Въ 1254 г. въ очень серьезномъ случаѣ повторнаго рецидива въ Миланѣ Иннокентій IV ограничился тѣмъ, что приказалъ разрушить дома виновныхъ еретиковъ и наложить на нихъ публичныя епитиміи; но уже въ 1258 г. Александръ IV говоритъ о выдачѣ рецидивистовъ въ руки свѣтской власти, какъ о прочно установившемся обычаѣ; быть-можетъ, это было даже слѣдствіемъ запроса Рено. Это жестокое рѣшеніе Рима, повидимому, поразило инквизиторовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не переставали спрашивать Св. Престолъ, какъ можно согласовать это рѣшеніе съ повсюду принятымъ положеніемъ, что Церковь никогда не отказываетъ приходящимъ къ ней и, какъ мать, принимаетъ заблудшихся овецъ. На это отвѣчали съ характернымъ лицемѣріемъ, что Церковь нисколько не закрыта для рецидивистовъ, принесшихъ раскаяніе, такъ какъ они могутъ получить святое причастіе даже и на кострѣ, но все же и раскаяніе не можетъ избавить ихъ отъ смерти. Мотивированное такимъ образомъ папское рѣшеніе было внесено въ каноническіе законы и попало въ «Summa» св. Ѳомы Аквината. Въ подобныхъ случаяхъ обѣщаніе дать причастіе въ послѣднюю минуту вносилось въ приговоръ, и жертву всегда сопровождали на костеръ священнослужители, старавшіеся спасти ея душу. Впрочемъ, инквизитору совѣтуютъ лично не проявлять при этомъ особой ревности, опасаясь, не безъ основанія, что видъ его можетъ вмѣсто того, чтобы смягчить осужденнаго, лишь ожесточить его [1]).

Хотя инквизиторы въ этомъ отношеніи продолжали дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, и хотя они не отправляли всѣхъ рецидивистовъ на костеръ, но, тѣмъ не менѣе, достовѣрно, что мнимое или дѣйствительное преступленіе возвращенія въ ересь стало съ этого времени наиболѣе частымъ поводомъ къ смертной казни. Еретики, жаждавшіе мученическаго вѣнца, были сравнительно рѣдки, но было много слабыхъ духомъ людей, которые не могли искренне отречься отъ заблужденій, разъ они полюбили ихъ, и которые, избѣгнувъ смерти, надѣялись, что теперь они сумѣютъ лучше скрывать свое преступленіе противъ Церкви [2]).

Все это придало новое значеніе желанію строго законно опредѣлить понятіе преступленія возврата къ ереси и вызвало тысячу споровъ и тонкихъ схоластическихъ измышленій. Явилась необходимость опредѣлить съ нѣкоторою точностью, когда виновный не могъ быть даже выслушанъ, а также опредѣлить степень его виновности по первому и второму преступленію, совокупность которыхъ оправдывала его осужденіе какъ не раскаявшагося еретика. Тамъ, гдѣ сама виновность была такъ часто неуловима и неосязаема, задача измѣрить и опредѣлить ее была, конечно, не изъ легкихъ.

Бывали случаи, когда при первой судимости обвиняемый оставался только подъ подозрѣніемъ безъ всякихъ уликъ, и казалось жестокимъ осуждать человѣка на смерть за второе преступленіе, когда онъ не былъ уличенъ въ первомъ. Недоумѣвая надъ разрѣшеніемъ этого вопроса, инквизиторы обратились къ папѣ Александру IV, который далъ имъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Если подозрѣніе было т я ж е л о е, отвѣтилъ онъ, то слѣдовало, «допуская своего рода законную фикцію», разсматривать его какъ законное доказательство виновности обвиняемаго, и поэтому обвиняемый долженъ быть осужденъ. Если же подозрѣніе было л е г к о е, то обвиняемаго слѣдуетъ наказать болѣе строго, чѣмъ наказываются за преступленіе въ первый разъ, но не примѣнять къ нему полностью наказаній, наложенныхъ для рецидивистовъ. Кромѣ того, для установленія вторичнаго преступленія требовались болѣе слабыя доказательства: достаточно было, если обвиняемый

[1]) Ripoll, I, 254.—C. 4 Sexto V. 2. — Potthast, № 17845.—S. Thom. Aquin. «Sec. Sec. Q. XI. Art. 4.—Eymeric. «Direct. Inquis.», 331, 512.—Lib. Sent. Inq. Tolos. 36.—Zanchini «Tract. de Haeretic.», c. XVI.

[2]) Lib. Sent. Inq. Tolos. 2—4, 22, 48, 63, 76, 81—90, 122, 142, 149, 150, 196—7, 230, 232, 287—8.

Библиотека "Руниверс"

Казнь еретиковъ въ Прагѣ (17-ый вѣкъ).

(„Atlas der Kulturgeschichte", Brockhaus).

Ауто-да-фе еретиковъ in effigie и костей умершихъ еретиковъ.

(„Histoire abrégée de l'Inquisition d'Espagne", L l o r e n t e).

Библиотека "Руниверс"

вступилъ въ сношенія съ еретикомъ или высказалъ ему какое-либо дружеское расположеніе. Это постановленіе неоднократно подтверждалось Александромъ и его преемниками съ настойчивостью, которая показываетъ, какъ много возникало недоразумѣній на этой почвѣ; но, въ концѣ концовъ, осужденіе рецидивистовъ было внесено въ каноническое право и стало ненарушимымъ закономъ Церкви. Всѣ авторы, кромѣ Цангино, единогласно говорятъ, что въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть ни малѣйшаго снисхожденія [1]).

Возникали также затрудненія по поводу прегрѣшеній менѣе серьезныхъ. Такъ, напр., задавались вопросомъ, какъ слѣдуетъ поступать съ сочувствующими ереси въ случаѣ вторичнаго ихъ обвиненія. Нарбоннскій соборъ 1244 г. полагалъ, что ихъ слѣдуетъ отсылать къ папѣ, чтобы онъ разрѣшилъ ихъ грѣхи и наложилъ на нихъ епитимію; но такая процедура была признана черезчуръ сложной. Въ средній періодъ исторіи Инквизиціи всѣ писатели, въ томъ числѣ и Бернаръ Ги, не предписывая выдачи виновнаго свѣтской власти, предлагаютъ налагать на него тяжелую епитимію, чтобы навести на другихъ спасительный страхъ. Но въ XIV в. Эмерикъ полагаетъ, что сочувствующій, привлеченный во второй разъ, долженъ безъ всякаго суда быть выдаваемъ въ руки свѣтской власти; строго по закону такъ же должно было поступать съ тѣми, кто попадался снова послѣ публичнаго обвиненія въ ереси; но это казалось столь жестокимъ, что Эмерикъ предложилъ представлять всѣ подобные случаи на утвержденіе Святого Престола [2]).

Былъ еще другой разрядъ преступниковъ, которые очень безпокоили инквизиторовъ, и для которыхъ было очень трудно установить однообразныя правила; это тѣ, кто убѣгалъ изъ тюрьмы или небрежно исполнялъ наложенную на нихъ епитимію. По теоріи чистосердечно обратившимися считались тѣ кающіеся, которые съ радостью принимали епитимію какъ единственную надежду для нихъ на вѣчное спасеніе; но, не выполняя послѣ этого епитиміи, они показывали или то, что ихъ обращеніе было неискренне, или то, что ихъ неустойчивая душа снова впала въ старыя заблужденія. Поэтому уже съ самаго начала на нихъ смотрѣли какъ на рецидивистовъ. Валансскій соборъ 1248 г. постановилъ, чтобы сначала ихъ милостиво усовѣщевали, послѣ чего, если они продолжали оказывать неповиновеніе, съ ними слѣдовало поступать какъ съ закоренѣлыми еретиками; это рѣшеніе вносилось даже иногда въ приговоръ, причемъ тѣмъ, кто сталъ бы небрежно исполнять епитимію, грозили наказаніемъ, опредѣленнымъ для клятвопреступниковъ и не раскаявшихся еретиковъ; и, однако, еще въ 1260 г. Александръ IV, повидимому, затруднялся издать особое правило для этихъ случаевъ и неопредѣленно говоритъ объ отлученіи отъ Церкви, о новомъ наложеніи наказаній и объ обращеніи, въ случаѣ надобности, къ помощи свѣтской власти. Около этого же времени Ги Фукуа высказывается за смертную казнь, считая, что подобная небрежность служитъ признакомъ закоснѣлой ереси; но Бернаръ Ги считалъ это чрезмѣрнымъ и совѣтовалъ предоставлять виновныхъ на усмотрѣніе инквизитора. Наиболѣе частыми преступленіями этого рода были самовольное снятіе желтыхъ крестовъ и побѣгъ изъ тюрьмы; первое, насколько я знаю, никогда не наказывалось смертью, хотя и влекло за собой довольно строгія наказанія, чтобы отбить у кающихся охоту дѣлать это. Что касается побѣга изъ тюрьмы, то инквизиторы послѣдняго періода Инквизиціи считали это преступленіемъ уголовнымъ: бѣжавшій изъ тюрьмы былъ еретикъ-рецидивистъ, и его слѣдовало сжечь живымъ безъ всякаго суда. Нѣкоторые законовѣды держались того убѣжденія, что обратившійся, если онъ

---

[1]) Alex. PP. IV. Bull. «Quod super nonnullis», 9 dec. 1257, 15 dec. 1258, 10 jan. 1260.—Urban. PP. IV. Bull. «Quod super nonnullis», 21 aug. 1262.—Can. 8 Sexto V. 2.—Bern. Guidon. «Practica», P. IV (Doat, XXX).—Eymeric. «Direct. Inquis.», 331.—Bernardi Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Relapsus».—Zanchini «Tract. de Haeretic.», c. XVI.

[2]) Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 13.—Doctrina de modo procedendi (Mart. «Thes.», V, 1802—8).—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Eymeric. «Direct. Inquis.», 386.

Библиотека "Руниверс"

не выдалъ всѣхъ извѣстныхъ ему еретиковъ, поклявшись сдѣлать это, былъ рецидивистъ; Бернаръ Ги находилъ еще это преувеличеннымъ. Рѣшительный отказъ выполнить епитимію, естественно, считался признакомъ упорной ереси и велъ прямо на костеръ. Впрочемъ, эти случаи были рѣдки, такъ какъ епитимія накладывалась только на тѣхъ, кто уже сознался и желалъ присоединиться къ Церкви; однако, мы знаемъ, что во второй половинѣ XV в. была сожжена живою одна женщина, которая отказалась выполнить епитимію, наложенную на нее картагенской инквизиціей [1]).

Несмотря на это широкое примѣненіе смертной казни, я убѣжденъ, что число жертвъ, погибшихъ на кострѣ, гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Фактъ сжиганія умышленно человѣка только за то, что онъ вѣритъ иначе, чѣмъ мы, представляется такой драматической жестокостью и такъ поражаетъ ужасомъ, что, въ концѣ концовъ, въ немъ стали видѣть существенную черту дѣятельности Инквизиціи. Но необходимо помнить, что среди другихъ наказаній, налагаемыхъ ея приговорами, костеръ былъ сравнительно менѣе употребителенъ. Большинство документовъ этой мрачной эпохи страданій до насъ не дошло, и мы не можемъ теперь установить статистику; но если бы они сохранились, то я думаю, что мы были бы поражены встрѣтить такъ мало случаевъ наказанія сожженіемъ среди другихъ болѣе или менѣе жестокихъ наказаній. Надо остерегаться по этому поводу отъ преувеличеній, столь обычныхъ у большинства писателей. Никто, конечно, не заподозритъ Домъ Бріаля въ легкомысліи или предвзятомъ мнѣніи, и, однако, въ предисловіи къ XXI т. своего «Recueil des Historiens des Gaules» (стр. XXIII) онъ приводитъ, какъ достовѣрное, утвержденіе, что Бернаръ Ги за время своей инквизиторской дѣятельности въ Тулузѣ (1308—1323 гг.) отправилъ на костеръ 637 еретиковъ; но, какъ мы уже видѣли, это только общая цифра его рѣшеній за данное время, а смертныхъ приговоровъ было только сорокъ, не считая шестьдесятъ-семь приговоровъ вырытія и сожженія останковъ умершихъ еретиковъ. Еще другой примѣръ. Ни одинъ изъ инквизиторовъ не прославился такъ своей энергіей и дѣятельностью, какъ Бернаръ Ко, который боролся съ ересью, когда она была во всей своей силѣ. Бернаръ Ги называетъ его молотомъ еретиковъ и человѣкомъ святымъ и полнымъ Бога, «удивительнымъ по своей жизни, удивительнымъ по своему образованію и удивительнымъ по уничтоженію ереси». Онъ при жизни еще творилъ чудеса, а въ 1281 г., черезъ двадцать-восемь лѣтъ послѣ его смерти, тѣло его было найдено сохранившимся, за исключеніемъ кончика носа (очевидный признакъ его чистоты и святости). Подобнаго человѣка нельзя заподозрить въ снисходительности къ еретикамъ,—между тѣмъ, въ спискѣ его рѣшеній за 1246—1248 гг. нѣтъ ни одного случая, не считая заочныхъ рѣшеній, гдѣ онъ выдалъ бы виновнаго въ руки свѣтской власти. Конечно, осужденные заочно могли быть сожжены свѣтской властью, но на практикѣ они могли спасти себя, выразивъ покорность, чему мы имѣемъ въ данномъ спискѣ поразительный примѣръ. Самымъ опаснымъ еретикомъ въ Тулузѣ былъ Аламанъ де Роэ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій города, давшей еретической церкви много приверженцевъ; самъ Аламанъ, думали, былъ у еретиковъ епископомъ. Въ 1229 г. легатъ Романо приказалъ ему отправиться съ крестоносцами въ Св. Землю; онъ клятвенно обѣщалъ исполнить это, но не сдѣлалъ ничего. Въ 1237 г. первые

[1]) Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 13.—Concil. Biterrens. ann. 1246, Append. c. 33.—Concil. Valentin. ann. 1248, c. 13.—Arch. de l'Évêché d'Albi (Doat, XXXV, 69).—Alex. PP. IV. Bull. «Ad audientiam», 1260 (Mag. Bull. Rom. I, 118).—Guidon. Fulcod. «Quaest.» XIII.—Bern. Guidon. «Practica» P. IV (Doat, XXX).—Lib. Sentent. Tolosan., 177, 199, 350, 393.—Mss. Bib. Nat., fon. lat., nouv. acquis. № 139, fol. 2.—Eymerici «Direct. Inquis.», 643.—Zanchini «Tract. de Haeretic.», c. X.—Bern. Comens. «Lucerna Inquis.» s. v. «Fuga», № 5.—Albertini, «Repertor. Inquisit.» s. vv. «Deficiens», «Impoenitens».

[2]) Bern. Guidon. «Fund. conv. praedicat.» (Martène, «Thes.» VI, 481—3).—Coll. Doat, XXI. 143. 146.—Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 9992.—Molinier, «L'Inquisit. dans le Midi», 73—4.

Библиотека "Руниверс"

инквизиторы, Гильемъ Арно и Этьенъ де С.-Тибери, снова занялись имъ; онъ дѣятельно покровительствовалъ еретикамъ, распространялъ ересь, грабилъ, ранилъ и убивалъ священниковъ и лицъ духовнаго званія. На этотъ разъ его осудили заочно. Его признали faydit, лишеннымъ правъ, живущимъ насиліемъ и грабящимъ католиковъ. Нельзя было представить себѣ другой случай болѣе тяжелой и закоренѣлой ереси и упорнаго нежеланія явиться на судъ. Однако, когда 16 января 1248 г. онъ, спустя двадцать лѣтъ послѣ перваго своего обращенія, сознавъ свои заблужденія, раскаялся, его приговорили лишь къ пожизненному тюремному заключенію.

На дѣлѣ, какъ мы уже говорили, инквизиторы болѣе добивались обращеній, разоблаченій и конфискацій, чѣмъ увеличенія числа мучениковъ. Костеръ, зажигаемый время-отъ-времени, поддерживалъ въ населеніи ужасъ, который считали спасительнымъ. Бернаръ Ги, отправивъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ сорокъ человѣкъ на костеръ, уничтожилъ послѣднія проявленія катаризма, нанесъ ударъ вальденцамъ и подавилъ неумѣстное рвеніе францисканцевъ-спиритуаловъ. Дѣйствительнымъ оружіемъ Св. Трибунала, притомъ оружіемъ страшнымъ, были грязныя тюрьмы, массовыя конфискаціи, унизительныя епитиміи и, наконецъ, невидимая полиція, благодаря которой она парализовала умъ и сердце всякаго, кто имѣлъ несчастье разъ попасть въ ея руки.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самой казни. Когда собиралась толпа смотрѣть предсмертную агонію мучениковъ, то старались не выказать никакой къ нимъ жалости, чтобы не смягчить фанатизма зрителей. Виновнаго не удушали раньше, чѣмъ поджигали дрова, какъ это практиковалось въ позднѣйшей испанской инквизиціи; порохъ еще не былъ изобрѣтенъ, и поэтому не прибѣгали еще къ менѣе человѣчному пріему, примѣнявшемуся впослѣдствіи,—обвязывать шею жертвы мѣшкомъ съ порохомъ, чтобы сократить ея мученія, когда пламя охватитъ ее. Несчастнаго привязывали живымъ къ столбу, возвышавшемуся надъ грудой дровъ настолько высоко, чтобы вѣрные могли видѣть всѣ дѣйствія ужасной трагедіи. Святые люди сопровождали его до послѣдней минуты въ надеждѣ вырвать, если возможно, душу его изъ когтей діавола; если онъ не былъ рецидивистомъ, онъ могъ еще въ послѣднюю минуту спасти свое тѣло. Но и въ этихъ окончательныхъ приготовленіяхъ мы видимъ примѣръ той крайней непослѣдовательности, съ которою Церковь пыталась сдѣлать видъ, что на нее не падаетъ отвѣтственность въ этихъ убійствахъ. Монахамъ, сопровождавшимъ несчастную жертву, строго запрещалось убѣждать ее умереть безъ сопротивленія, или взойти твердымъ шагомъ по лѣстницѣ, ведущей на эшафотъ, или мужественно отдать себя въ руки палача, ибо, давая подобные совѣты, они могли ускорить ея конецъ и допустить, такимъ образомъ, «неправильность». Назидательное и умѣстное зазрѣніе совѣсти людей, уже совершившихъ юридическое убійство. Обыкновенно казнь совершалась въ праздничный день, чтобы могло собраться больше народа, и чтобы зрѣлище было поучительнѣе; изъ боязни, чтобы жертва не вызвала въ собравшихся чувства жалости или симпатіи, на нее накладывалось молчаніе [1]).

Второстепенныя подробности извѣстны намъ изъ отчета одного свидѣтеля казни Яна Гуса въ Констанцѣ въ 1415 г. Несчастный долженъ былъ стать между двухъ вязанокъ хвороста, и его крѣпко привязали веревками къ толстому столбу; веревки охватывали его вокругъ лодыжекъ, колѣнъ, паховъ, таліи и подмышками; на шею ему надѣли цѣпь. Затѣмъ замѣтили, что онъ повернулся лицомъ къ востоку, а такъ какъ это было неприлично для еретика, то его повернули лицомъ къ западу. Онъ былъ обложенъ до самаго подбородка связками хвороста и соломы. Послѣ этого графъ палатинъ Людовикъ, наблюдавшій за исполненіемъ казни, подошелъ къ эшафоту вмѣстѣ съ констанцскимъ прево и въ послѣдній разъ предложилъ Гусу отречься. Когда онъ отказался, они отошли и ударили въ ладони, что было зна-

[1]) Eymerici «Direct. Inquis.», 512.—Tract. de Paup. de Lugd. (Martène, «Thesaur.», V, 1792).

Библиотека "Руниверс"

комъ для исполнителей казни поджечь костеръ. Когда огонь пожралъ все, то приступили къ возмутительному дѣлу окончательнаго уничтоженія обуглившагося трупа; его разорвали на части и перебили кости, а затѣмъ остатки и внутренности снова бросили въ огонь.

Когда можно было опасаться, чтобы присутствовавшіе не сохранили остатковъ мученика, какъ, напр., при казняхъ Арнольда Брешіанскаго, нѣкоторыхъ францисканцевъ-спиритуаловъ, Гуса, Савонаролы, то послѣ того, какъ огонь погасалъ, тщательно собирали пепелъ и бросали его въ проточную воду [1]).

Есть что-то забавное и ужасное въ контрастѣ между этимъ крайнимъ проявленіемъ человѣческой злобы и безстрастнымъ счетомъ издержекъ, который представлялся свѣтской власти. Въ отчетахъ Арно Ассали мы находимъ подробную запись расходовъ по сожженію четырехъ еретиковъ въ Каркассонѣ 24 апрѣля 1323 г.

Дрова	55	су	6 денье
Хворостъ	21	»	3 »
Солома	2	»	6 »
4 столба	10	»	9 »
Веревки	4	»	7 »
Палачу по 20 су съ головы. .	80	»	
Итого . . .	8 ливровъ	14	су 7 денье.

Немного болѣе двухъ ливровъ на каждаго сожженнаго еретика [2]).

Если еретикъ умиралъ до совершенія надъ нимъ казни, и если дѣлалось постановленіе о вырытіи его тѣла или костей, то церемонія сожженія ихъ была, конечно, менѣе торжественна, но не упускали ничего, чтобы сдѣлать ее ужасной. До насъ дошелъ отъ 1237 г. разсказъ одного современника, Гильема Пелиссона, о томъ, какъ было вырыто въ Тулузѣ много труповъ людей знатныхъ и другихъ покойниковъ. Ихъ кости и разложившіеся трупы тащили по улицамъ, причемъ впереди шелъ глашатай и кричалъ: «Qui aytal fara, aytal perira» («всякій, кто поступитъ такъ, такъ вотъ и погибнетъ»), затѣмъ они были сожжены «во славу Бога, Блаженной Дѣвы Маріи, Его Матери, и блаженнаго Доминика, ихъ служителя». Эта процедура, несмотря на то, что была довольно дорога, сохранялась во все время существованія Инквизиціи. Изъ отчетовъ Арно Ассали отъ 1323 г. мы видимъ, что вырыть кости трехъ еретиковъ, купить для нихъ мѣшокъ, купить веревки, чтобы завязать мѣшокъ, нанять двухъ лошадей дотащить мѣшокъ до площади и купить дрова для костра—стоило 5 ливровъ 19 су 6 денье [3]).

Костеръ служилъ Инквизиціи еще для того, чтобы очищать страну отъ «заразительныхъ и еретическихъ» сочиненій; это было начало цензуры, занявшей впослѣдствіи видное мѣсто въ дѣятельности Инквизиціи. Обычай сжигать непріятныя книги восходитъ къ глубокой древности. Императоръ Константинъ, какъ мы видѣли, требовалъ подъ страхомъ смертной казни выдачи его агентамъ всѣхъ аріанскихъ сочиненій. Въ 435 г. Ѳеодосій II и Валентиніанъ III приказали сжечь всѣ книги несторіанъ; другой законъ грозилъ смертью всѣмъ, кто не выдастъ сочиненій манихеевъ. Юстиніанъ осудилъ secunda editio, что по опредѣленію глоссаторовъ означало Талмудъ. Въ послѣдующую затѣмъ эпоху варварства этотъ пріемъ подавлять заблужденія человѣческаго ума, понятно, примѣнялся мало; однако, въ 680 г. король вестготовъ Эрвигъ запретилъ евреямъ читать книги, несогласныя съ христіанской вѣрой, между прочимъ, Талмудъ. Когда человѣческій умъ пробудился, то прибѣгли къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Когда въ 1210 г. парижскій университетъ былъ взволнованъ заблужденіями Амори, то былъ изданъ приказъ сжечь сочиненія его товарища,

[1]) Mladenowic Narrat. (Palacky, «Monument. J. Huss», II, 321—4). — Landucci, «Diar. Fiorent.», 178.

[2]) Coll. Doat, XXXIV, 189.

[3]) Guillem. Pelisso, «Chron.», изд. Molinier. 45.—Coll. Doat, XXXIV, 189.

Библиотека "Руниверс"

Давида де Динанъ, а также «Физику» и «Метафизику» Аристотеля. Мы уже упоминали о сожженіи переводовъ Св. Писанія Іаковомъ I Арагонскимъ, о канонахъ Нарбоннскаго собора 1229 г., запретившихъ мірянамъ имѣть Св. Писаніе, и о сожженіи сочиненія Вильгельма де С.-Амуръ: «De periculis». Книги евреевъ, въ особенности Талмудъ, благодаря своимъ богохульственнымъ намекамъ на Спасителя и Св. Дѣву, вызывали къ себѣ особую ненависть, и Церковь не щадила усилій, чтобы уничтожить ихъ. Въ серединѣ XII в. преподобный Петръ ограничился тѣмъ, что изучилъ Талмудъ и предалъ публичному осужденію нѣкоторыя странныя фантазіи этой любопытной амальгамы высокаго и смѣшного. Но его пріемъ чистаго діалектика не подходилъ къ горячему темпераменту XIII в., который болѣе сурово началъ преслѣдовать невѣрующихъ, и преслѣдованіе литературы евреевъ шло наряду съ преслѣдованіемъ литературы альбигойцевъ и вальденцевъ. Это преслѣдованіе было вызвано однимъ обращеннымъ въ христіанство евреемъ, по имени Николаемъ де Рупелла, который около 1236 г. обратилъ вниманіе Григорія IX на богохульство, заключающееся въ еврейскихъ книгахъ, въ особенности въ Талмудѣ. Въ іюнѣ 1239 г. Григорій писалъ королямъ Англіи, Франціи, Наварры, Арагоніи, Кастиліи и Португаліи, а также прелатамъ этихъ королевствъ, приказывая, чтобы въ субботу будущаго поста, когда всѣ евреи будутъ въ своихъ синагогахъ, всѣ книги ихъ были схвачены и выданы нищенствующимъ монахамъ. До насъ дошелъ отчетъ разслѣдованія, вызваннаго въ Парижѣ арестомъ этихъ книгъ. Здѣсь мы видимъ, какъ легко было найти въ книгахъ евреевъ достаточное число мѣстъ, оскорбительныхъ для благочестиваго уха, хотя раввины, рѣшившіеся выступить на защиту своихъ книгъ, и старались растолковать ихъ въ совершенно другомъ смыслѣ и оспаривали существованіе кощунственныхъ отзывовъ о христіанскомъ Мессіи, о Св. Дѣвѣ и о святыхъ. Дѣло тянулось много лѣтъ, и приговоръ былъ вынесенъ только 13 мая 1248 г., и тотчасъ же парижане имѣли счастье видѣть какъ было сожжено четырнадцать возовъ книгъ, а затѣмъ еще шесть. Но Талмудъ продолжалъ существовать. Въ 1255 г. Людовикъ Святой снова приказалъ въ своихъ инструкціяхъ сенешалямъ Нарбоннской провинціи уничтожить всѣ экземпляры Талмуда, а также всѣхъ книгъ, содержащихъ богохульства. Въ 1267 г. Климентъ IV предписалъ таррагонскому архіепископу заставить короля Арагоніи и его сеньоровъ, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, распорядиться о томъ, чтобы евреи выдали инквизиторамъ Талмудъ и другія книги. Книги, въ которыхъ не будетъ обнаружено богохульства, должны быть возвращены, а остальныя должны быть опечатаны и спрятаны въ надежное мѣсто. Альфонсъ Мудрый Кастильскій показалъ, что онъ достоинъ своего прозвища, если правда, какъ говорятъ, что онъ приказалъ перевести Талмудъ, чтобы всѣ могли судить о его заблужденіяхъ.

Пассивное сопротивленіе евреевъ сдѣлало всѣ эти усилія безплодными. Въ 1299 г. Филиппъ Красивый заявляетъ о постоянномъ увеличеніи числа экземпляровъ Талмуда и приказываетъ своимъ судьямъ помогать инквизиторамъ въ дѣлѣ ихъ уничтоженія. Черезъ десять лѣтъ, въ 1309 г., въ Парижѣ были публично сожжены четыре воза еврейскихъ книгъ. Безполезность всѣхъ этихъ мѣръ ясно сказалась въ рѣшеніи, произнесенномъ Бернаромъ Ги на ауто-да-фе въ 1319 г. Подъ вліяніемъ инквизиторовъ королевскіе чиновники снова принялись за тщательные розыски и собрали всѣ экземпляры Талмуда, которые они могли захватить. Спеціалисты въ еврейскомъ языкѣ, приглашенные по этому поводу, внимательно разсмотрѣли содержаніе; затѣмъ, послѣ долгихъ споровъ между инквизиторами и законниками, было рѣшено, чтобы эти книги, нагруженныя на два воза, были провезены по улицамъ Тулузы; королевскіе чиновники должны были громко возглашать, что эти книги подлежатъ уничтоженію за находящіеся въ нихъ богохульственные отзывы объ Іисусѣ Христѣ, о Пресв. Дѣвѣ Маріи, Его Матери, и о христіанствѣ; послѣ этого ихъ слѣдовало торжественно сжечь. Это единственный примѣръ сожженія книгъ за все время дѣятельности Бернара Ги; и тотъ фактъ, что въ 1319 г. понадобились двѣ телѣги, чтобы свезти осужденныя книги,

Библиотека "Руниверс"

показываетъ, что это былъ результатъ долгихъ и систематическихъ розысковъ. Но вообще этотъ инквизиторъ придавалъ большое значеніе уничтоженію этой еврейской литературы; такъ, напр., одна формула его сборника предписываетъ всѣмъ священникамъ подъ-рядъ три воскресенія приказывать выдавать Инквизиціи, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви, всѣ еврейскія книги, въ томъ числѣ и «Talamuz». Походъ противъ этой книги продолжался долго. Въ слѣдующемъ, 1320 г., Іоаннъ XXII приказалъ отбирать его и сжигать. Въ 1409 г. это было подтверждено Александромъ V. Извѣстно всѣмъ, какой споръ вызвалъ Талмудъ въ эпоху Возрожденія, но, несмотря на всѣ усилія гуманистовъ, во главѣ которыхъ стояли Пфефферкорнъ и Рейхлинъ, было рѣшено уничтожать Талмудъ. Въ 1554 г. Юлій III подтвердилъ указъ Инквизиціи; евреямъ было приказано подъ страхомъ смерти выдать всѣ книги, гдѣ встрѣчаются богохульственные отзывы о Христѣ; это папское предписаніе было внесено въ каноническое право и остается въ немъ до сихъ поръ. Цензура Инквизиціи не ограничивалась борьбою противъ заблужденій евреевъ; но дѣятельность ея въ другихъ литературныхъ областяхъ удобнѣе разсмотрѣть въ другомъ мѣстѣ [1]).

Въ заключеніе не лишнее будетъ бросить бѣглый взглядъ на то, какъ отразились на Церкви методы Инквизиціи.

Методы, изобрѣтенные и одобренные Инквизиціей, произвели на Церковь самое печальное дѣйствіе. Епископскіе суды примѣняли ихъ къ еретикамъ, а вскорѣ нашли, что насиліе и произволъ даютъ такіе блестящіе результаты, что ихъ распространили и на всѣ дѣла, подсудные епископскимъ судамъ. Уже въ 1317 г. Бернаръ Ги говоритъ о пыткѣ какъ о явленіи, обычномъ въ духовныхъ судахъ, и, возражая противъ стѣсненій Клементинъ, задается вопросомъ, почему стѣснять епископовъ въ примѣненіи пытки къ еретикамъ, тогда какъ они свободно могутъ примѣнять ее къ другимъ обвиняемымъ [2])?

Привыкнувъ, такимъ образомъ, къ безжалостному суду, Церковь становилась все болѣе и болѣе жестокой и грубой, все менѣе и менѣе христіанской. Самые худшіе папы XII и XIII столѣтій не рѣшились бы опозорить міръ поступкомъ, подобнымъ тому, въ которомъ Іоаннъ XXII проявилъ свою ненависть къ епископу Кагора, Гуго Герольду. Іоаннъ былъ сыномъ простого работника изъ этого города, и весьма возможно, что онъ питалъ къ Гуго старинную ненависть; фактъ тотъ, что, сдѣлавшись папой, онъ немедленно и яростно обрушился на своего врага. 4 мая 1317 г. несчастный прелатъ былъ въ Авиньонѣ лишенъ званія и осужденъ на пожизненное заключеніе въ тюрьму. Но этого Іоанну было мало. Подъ предлогомъ, что Гуго устроилъ покушеніе на жизнь папы, его выдали въ руки свѣтской власти и въ іюлѣ того же года съ него живого содрали кожу, протащили по улицамъ и сожгли на кострѣ [3]).

---

[1]) Sozomen. «H. E.», II, 20.—Const. VI; XVI, § 1. Cod. I. 5. -Auth. Novell. CXLVI, c. 1.—Concil. Toletan. XII, ann. 681, cap. IX.—Rigord. «de Gest. Phil. Aug.» ann. 1210.—Petri Venerab. «Tract. contra Judaeos», c. IV.—D'Argentré, «Collect. Judicior. de nov. Erroribus», I, I, 132, 146—56, 349—Potthast, №№ 10759, 10767, 11376.—Ripoll, I, 487—88.—Pelayo. «Heterodoxos Españoles», I, 509.—Coll. Doat, XXXVII, 125, 246.—Harduin. «Concil.» VII, 485.—S. Martial. «Chron.» ann. 1309 (Bouquet, XXI, 813).—Lib. Sentent. Inq. Tolos., 273—4.—Bern. Guidon. «Practica» (Doat, XXIX, 246).—Raynald. ann. 1320, № 23.—Wadding. ann. 1409, № 12.—C. 1 in Septimo V. 4.

Въ парижскомъ осужденіи 1248 г. поименованъ только Талмудъ, хотя въ отчетѣ упоминается комментарій Соломона изъ Труа и одно сочиненіе, повидимому, «Toldos Jeschu», та исторія Христа, которая вызвала столь сильное негодованіе картезіанца Рамона Марти въ его «Pugio Fidei», а также негодованіе послѣдующихъ христіанскихъ писателей (ср. Wagenseil, «Tela ignea Satanae», Altdorf. 1681). Никто не можетъ, читая эту странную исторію Христа, написанную съ еврейской точки зрѣнія, не задаться вопросомъ, какъ дошелъ до насъ хотя бы одинъ экземпляръ подобнаго пасквиля.

[2]) Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 101).

[3]) Extrav. Commun. lib. V. Tit. VIII, c. 1.—Amalrici Augerii, «Vit. Pontif.» ann. 1316—17.—Bern. Guidon. «Vita Joann. XXII».

Библиотека "Руниверс"

Дѣло зашло такъ далеко, и привычка къ звѣрскому насилію настолько вкоренилась, что встрѣчаются самые высокопоставленные прелаты, которые сводили свои счеты съ жестокостью, которой устыдилась бы шайка разбойниковъ. Въ 1335 г. шесть кардиналовъ были обвинены въ заговорѣ противъ Урбана VI; взбѣшенный папа велѣлъ схватить ихъ, когда они выходили изъ консисторіи, и бросить въ заброшенный водоемъ въ замкѣ Носера, гдѣ находилась его резиденція; этотъ водоемъ былъ такъ узокъ, что кардиналъ ди Сангро, человѣкъ толстый и высокій, не могъ тамъ даже протянуться. Къ несчастнымъ были примѣнены методы, введенные въ употребленіе Инквизиціей. Ихъ мучили голодомъ, холодомъ, червями, и въ то же время люди папы побуждали ихъ сознаться, обѣщая прощеніе. Когда они отказались, то подвергли пыткѣ епископа Аквилы, который не вынесъ страданій и оговорилъ остальныхъ. Послѣдніе продолжали отрицать свою вину и также подверглись пыткѣ. Отъ кардинала ди Сангро удалось получить только одно сознаніе, что онъ страдаетъ заслуженно за все то зло, которое онъ причинилъ, по приказанію папы Урбана, архіепископамъ, епископамъ и другимъ прелатамъ. Когда дошла очередь до кардинала Венеціи, то папа поручилъ дѣло старому пирату, котораго онъ назначилъ пріоромъ ордена св. Іоанна въ Сициліи, приказавъ ему мучить несчастнаго до тѣхъ поръ, пока онъ, папа, не услышитъ его стоновъ. Пытка тянулась съ утра до обѣда; а папа въ это время прогуливался по саду подъ окномъ застѣнка, громко читая бревіарій, такъ что звуки его голоса напоминали палачу о приказаніи мучить жертву. Но тщетно пиратъ прибѣгалъ и къ дыбѣ и къ кобылѣ; несмотря на преклонный возрастъ и болѣзнь жертвы, у нея не удалось вырвать никакого крика, кромѣ «Христосъ страдалъ за насъ»! Обвиненные сидѣли въ своей ужасной тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока Носера не была осаждена Карломъ изъ Дураццо; папѣ удалось бѣжать, захвативъ съ собой свои жертвы. Во время бѣгства ослабленный пыткой епископъ Аквилы, сидѣвшій на плохой лошаденкѣ, не могъ поспѣвать; разсерженный этимъ, папа приказалъ убить епископа и бросить трупъ его на дорогѣ безъ всякаго погребенія. Другіе кардиналы, менѣе счастливые, были моремъ отправлены въ Геную и заключены въ такую грязную тюрьму, что городскія власти, тронутыя жалостью, просили оказать имъ снисхожденіе. Англичанинъ кардиналъ Адамъ Астопъ былъ выпущенъ на свободу благодаря энергичному вмѣшательству Ричарда II, а остальные исчезли загадочнымъ образомъ. По однимъ свѣдѣніямъ, папа велѣлъ отрубить имъ головы, по другимъ—ихъ повезли моремъ въ Сицилію и по дорогѣ потопили; а третья версія передаетъ, что ихъ зарыли живыми во рву, наполненномъ негашенною известью, выкопанномъ въ папской конюшнѣ. Соперникъ Урбана, извѣстный подъ именемъ Климента VII, былъ не менѣе его кровожаденъ. Когда онъ былъ еще легатомъ Григорія XI и назывался кардиналомъ Робертомъ Женевскимъ, то онъ стоялъ во главѣ дорожныхъ грабителей, чтобы поддерживать папскія территоріальныя притязанія. Самымъ крупнымъ его подвигомъ была ужасная рѣзня въ Чезенѣ; для его характеристики можно вспомнить угрозу, съ которой онъ обратился къ жителямъ Болоньи: «омыть руки и ноги въ ихъ крови». Таково было обратное вліяніе Инквизиціи на Церковь, породившую ее для борьбы съ еретиками. Когда Бернабо и Галеаццо Висконти заставляли пытать и сжигать на медленномъ огнѣ духовныхъ лицъ, то жестокость ихъ не была оригинальной: они только слѣдовали примѣру Церкви [1]).

Еще болѣе гибельно сказалось вліяніе Инквизиціи на свѣтскомъ судопроизводствѣ. Оно сказалось въ то время, когда старый порядокъ вещей уже падалъ, когда уже начинали выходить изъ употребленія старые варварскіе обычаи: ордаліи, судебные поединки и денежныя пени; когда подъ вліяніемъ римскихъ законовъ вырабатывалось новое право, и когда юрисдикція феодальнаго сеньора быстро поглощалась все увеличивающейся юрис-

[1]) Theod. a Niem «de Schismate», lib. I, c. 42, 45, 48, 50, 51, 52, 56, 57, 60. — Gobelin, «Personae Cosmodrom. Act.», VI, c. 78.—Chronik des J. von. Königshofen (Chron. der deutschen Städte, IX, 598).—Raynald. ann. 1362, № 13; 1372, № 10.—Poggii «Hist. Florentin.» lib. II. ann. 1736.

Библиотека "Руниверс"

дикціей короля. Вся судебная система европейскихъ государствъ была на пути полнаго измѣненія, и счастье будущихъ поколѣній зависѣло отъ характера новыхъ учрежденій. И если при этой реформѣ были почти исключительно приняты худшія заблужденія императорскаго судопроизводства, а именно инквизиціонный процессъ и пытка; если были устранены всѣ гарантіи римскаго права противъ злоупотребленій, и допускались всякія беззаконія; если, наконецъ, эти возмутительные пріемы привились и въ теченіе пяти столѣтій оставались отличительной чертой уголовнаго судопроизводства Европы, то мы безъ всякаго колебанія можемъ объяснить это только тѣмъ, что все это получило высокую санкцію Церкви. Поддерживаемые ею, эти пріемы проникли всюду, куда проникла Инквизиція. Наоборотъ, большинство народностей, не испытавшихъ Инквизиціи, сохранило свои прадѣдовскіе обычаи и самостоятельно развило ихъ, вводя, такимъ образомъ, новые обычаи, которые намъ кажутся, конечно, очень суровыми, но гдѣ мы, по крайней мѣрѣ, не встрѣчаемъ къ счастію жестокихъ мѣръ, которыми отличалось уголовное судопроизводство въ странахъ, знакомыхъ съ Инквизиціей [1]).

Это, быть-можетъ, самое ужасное зло среди многихъ другихъ, порожденныхъ Инквизиціей: до конца XVIII в. въ большей части Европы инквизиціонное судопроизводство, развившееся въ цѣляхъ уничтоженія ереси, сдѣлалось обычнымъ методомъ, примѣнявшимся въ отношеніи всѣхъ обвиняемыхъ. Въ глазахъ свѣтскаго судьи обвиняемый былъ человѣкомъ, стоящимъ внѣ закона, виновность его всегда предполагалась, и изъ него надо было, во что бы то ни стало, хитростью или силою вырвать признаніе. Такъ же относились и къ свидѣтелямъ. Узникъ, сознавшійся подъ пыткою, подвергался новымъ пыткамъ, чтобы онъ выдалъ «другихъ преступниковъ», которыхъ онъ могъ знать. Равнымъ образомъ, Инквизиція ввела въ обычный судъ преступленіе «подозрѣнія»; если не удавалось обличить обвиняемаго въ преступленіи, которое приписывалось ему, то его можно было наказать какъ подозрѣваемаго, причемъ наказаніе предоставлялось усмотрѣнію судьи. Какъ назвать всю эту, порожденную Инквизиціей, систему, которая до послѣдняго столѣтія отдавала несчастныхъ и беззащитныхъ на произволъ жестокихъ судей? Она кажется настоящимъ изобрѣтеніемъ діавола, и сэръ Джонъ Фортескью не преувеличивалъ, называя ее «Дорогою ада» [2]).

---

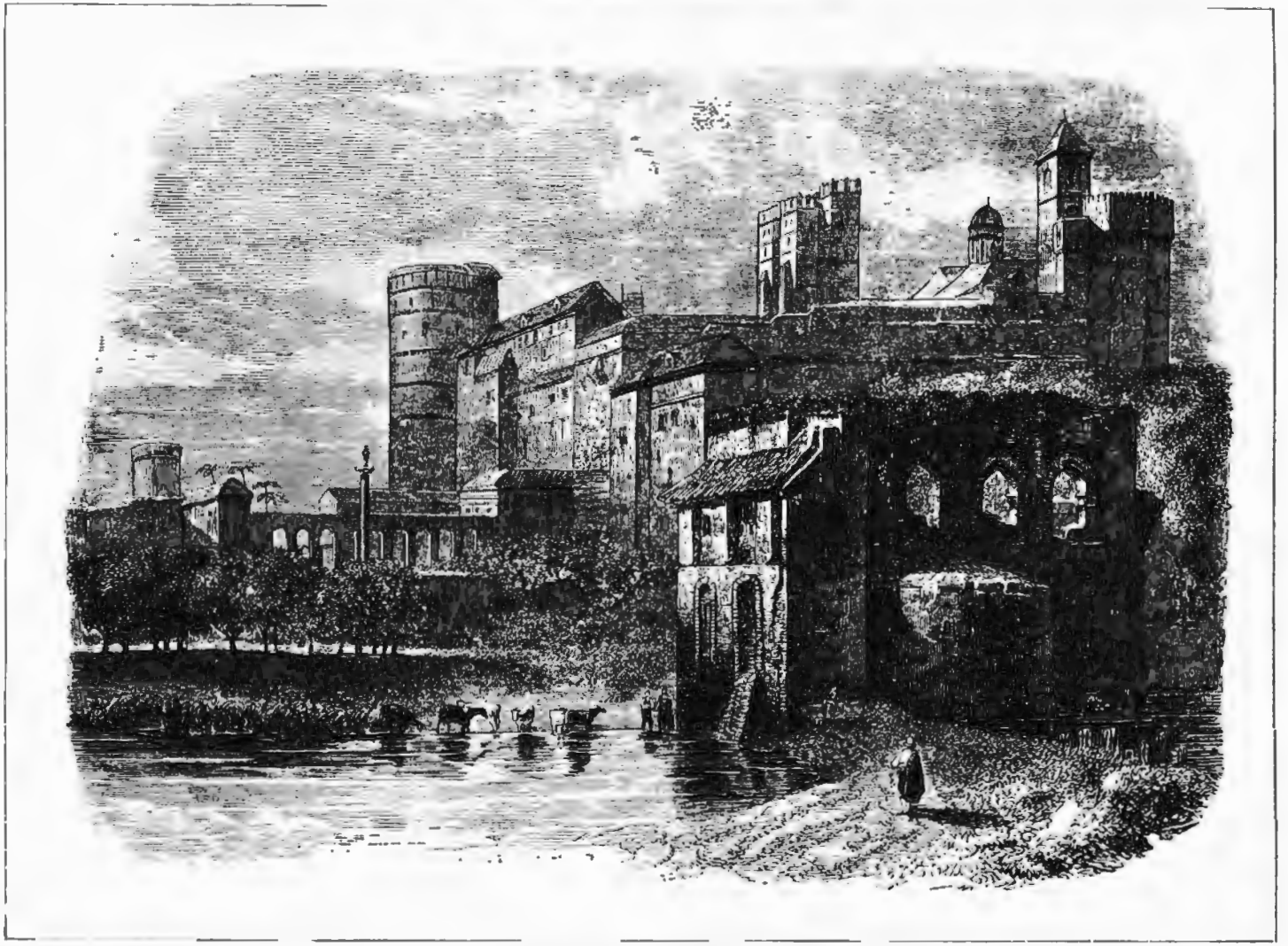
[1]) Я довольно подробно остановился на этомъ предметѣ въ своей работѣ, посвященной пыткѣ («Superstition and force», 3-е изд., 1878 г.), и поэтому могу здѣсь не останавливаться на немъ. Желающимъ ознакомиться съ тѣмъ, какую форму приняло впослѣдствіи инквизиціонное судопроизводство, я могу указать на Бруннемана («Tractatus juridicus de Inquisitionis processu», 8-е изд., Франкфуртъ, 1704 г.), который возводитъ его происхожденіе къ Моисееву закону (Второзак. XIII, 12; XVII, 4) и ставитъ его гораздо выше судопроизводства «per accusationem». Въ сущности дѣло, въ которомъ accusatio не имѣло успѣха или могло не имѣть его, можно было возобновить или продолжать путемъ inquisitio (op. cit., cap. I, № 2, 15—18). Эта система заполняла всѣ пробѣлы и давала судьѣ почти безграничную возможность осудить.

Миланскій эдиктъ, изданный въ 1393 г., ясно показываетъ, какъ гражданская власть была доведена до усвоенія злоупотребленій Инквизиціи. Магистраты этого города получили приказъ примѣнить инквизиціонный процессъ противъ преступниковъ «summarie et de plano sine strepitu et figura judicii», и пополнить возможный пробѣлъ въ слѣдствіи «ex certa scientia». (Antiq. Ducum. Mediolan. Decreta», Миланъ, 1654 г., стр. 188). Сравнивая это миланское судопроизводство съ бывшимъ шестьдесятъ лѣтъ передъ этимъ, которое мы уже проводили, мы видимъ, съ какой быстротой въ это короткое время насиліе замѣнило правосудіе.

[2]) Fortescue, «de Laudibus Legum Angliae», cap. XXII. Еще въ 1823 г. одинъ судъ на Мартиникѣ осудилъ человѣка на пожизненныя каторжныя работы, такъ какъ на него пало «тяжелое подозрѣніе» въ томъ, что онъ колдунъ (Isambert, «Anc. loix françaises», XI, 253).

Библиотека "Руниверс"

ТЮРЬМА ВЪ СЕВИЛЬѢ.



(„Mystères de l'Inquisition", C.-V. de Féréal).

Библиотека "Руниверс"

КНИГА ВТОРАЯ.

Инквизиція въ различныхъ христіанскихъ земляхъ.

ГЛАВА I.

Лангедокъ.

Люди, явившіеся въ Лангедокъ, чтобы заложить первыя основы Инквизиціи, брали на себя, повидимому, невыполнимую задачу. Имъ нужно было создать и пустить въ ходъ всѣ колеса, все устройство новаго института, и у нихъ не было передъ глазами никакого урока изъ прошлаго. Имъ приходилось среди совершенно новыхъ и трудныхъ условій примѣнять свою власть, размѣръ и предѣлы которой были мало опредѣленны. Ересь была повсюду. Значительную часть населенія составляли катары и вальденцы; даже и сами католики не внушали, по большей части, особаго довѣрія: не надо забывать, что они уже давно привыкли къ сравнительной вѣротерпимости. Огромное большинство семей имѣло среди своихъ членовъ еретиковъ; кромѣ того, у населенія было сильно чувство національнаго единства, и было свѣже воспоминаніе о претерпѣнныхъ вмѣстѣ несчастіяхъ въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати послѣднихъ лѣтъ. Во время гибельной борьбы противъ крестоносцевъ католики и катары дѣйствовали совмѣстно, защищая земли своихъ предковъ; узы прочной симпатіи связывали между собою различныя секты. Городскіе магистраты, если сами не были еретиками, то всегда были вѣротерпимы; съ другой стороны, они всегда стояли на стражѣ правъ и привилегій своихъ городовъ. Почти повсюду дворяне и могущественные сеньоры открыто или тайно исповѣдывали ересь. Самого Раймунда Тулузскаго ставили въ уровень съ еретиками. Такимъ образомъ, Инквизиція, какъ символъ ненавистнаго чужеземнаго господства, не могла найти себѣ опоры ни въ одномъ сословіи. Конечно, она встрѣтила радушный пріемъ у французовъ, которымъ удалось основаться въ странѣ; но эти послѣдніе, разсѣянные къ тому же по всей странѣ, пользовались страшной ненавистью своихъ сосѣдей. Народное чувство въ этомъ отношеніи нашло себѣ выраженіе въ пѣсняхъ трубадуровъ, которые съ удовольствіемъ подчеркиваютъ свое презрѣніе къ французамъ и свою вражду къ монахамъ. «Вотъ—говоритъ Гильемъ де Монтанагуль—духовныя лица сдѣлались инквизиторами и судятъ по своему произволу! Я ничего не имѣлъ бы противъ нихъ, если бы они стремились карать заблужденія добрымъ словомъ, если бы они безъ насилія выводили заблудшихся на путь истинной вѣры и если бы милостиво относились къ раскаявшимся». Болѣе смѣлый Петръ Кардиналъ выводилъ на сцену доминиканцевъ, ведущихъ послѣ обѣда серьезный споръ о сравнительныхъ достоинствахъ своихъ винъ: «Они—говоритъ онъ—образовали судебную

Библиотека "Руниверс"

палату, и всякій, несогласный съ ними, причисляется къ вальденцамъ; они стремятся узнать тайны всѣхъ гражданъ, чтобы всюду сѣять терроръ» [1]).

Мало того, области, оставленныя Раймунду, были изнурены огромными податями, наложенными на графа послѣ мира 1229 г. Побѣдители, чтобы дать ему возможность удовлетворить ихъ требованія, разрѣшили ему обложить вассаловъ Церкви, нарушивъ, такимъ образомъ, установившіяся привилегіи; и это средство, какъ и многія другія, къ которымъ ему приходилось прибѣгать для добыванія денегъ на контрибуцію, посѣяло повсюду одну ненависть. Трудно было собирать контрибуцію съ населенія, разореннаго двадцатилѣтней войной. Въ 1231 г., два года послѣ заключенія договора, аббатъ изъ Сито не получилъ еще ничего изъ тѣхъ двухъ тысячъ марокъ, которыя приходились на его долю, и онъ пошелъ на уступки: онъ согласился разсрочить уплату на десять лѣтъ, причемъ Раймундъ, въ обезпеченіе исправнаго поступленія денегъ, далъ ему доходы съ одного изъ своихъ имѣній [2]).

Правда, Инквизиція была съ радостью встрѣчена Церковью; но сама Церковь за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ утратила къ себѣ всякое уваженіе и довѣріе. Нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ ея вліяніе не пало такъ низко, какъ въ Лангедокѣ. Даже въ Арагоніи Тарраговскій соборъ 1238 г. былъ вынужденъ предать отлученію всѣхъ, кто писалъ и распространялъ памфлеты на духовенство. Но при наложеніи запрещеній очень часто бывали злоупотребленія, такъ что Иннокентій IV дважды, въ 1243 и 1245 гг., былъ вынужденъ осудить примѣненіе ихъ въ южной Франціи. Довольно часто въ городахъ, на которыхъ падало подозрѣніе въ ереси, эта мѣра примѣнялась, повидимому, изъ личныхъ соображеній, а не вызывалась желаніемъ спасти души; и еретики, конечно, не упускали случая громко указывать на это. Епископы постарались использовать смутное время, наступившее послѣ крестоваго похода Людовика VIII: имъ удалось захватить въ свои руки многочисленныя земли, на которыя они не имѣли никакого права; и если эти земли составляли государственную собственность, то между духовенствомъ и фискомъ возникали безконечные конфликты. Что касается земель, оставленныхъ по договору за Раймундомъ, то Людовикъ Святой былъ вынужденъ вмѣшаться, чтобы добиться возвращенія ихъ графу изъ рукъ епископовъ. Кромѣ всего этого, сама Церковь была заражена ересью: къ великому соблазну вѣрныхъ еретики изъ духовенства пользовались полною безнаказанностью; эта безнаказанность проистекала изъ трудности созывать число епископовъ, необходимое для лишенія виновныхъ сана, и въ виду этого Григорій IX счелъ нужнымъ установить въ 1233 г., что въ подобныхъ случаяхъ одинъ епископъ, пригласивъ нѣсколькихъ аббатовъ, могъ отлучать духовныхъ лицъ отъ Церкви и выдавать ихъ въ руки свѣтской власти для отправленія ихъ на костеръ. Позднѣе онъ внесъ это постановленіе въ каноническое право. Иннокентій IV пошелъ еще далѣе: въ 1245 г. онъ приказалъ своему легату въ Лангедокѣ слѣдить, чтобы ни одинъ человѣкъ, подозрѣваемый въ ереси, не былъ избираемъ или посвящаемъ въ епископы. Съ другой стороны, священники, искренне желавшіе помогать Инквизиціи, часто вызывали къ себѣ чувство такой ненависти, что имъ невозможно было даже оставаться въ своихъ приходахъ; такой случай былъ, напр., въ 1246 г. съ Гильемомъ Пьеромъ, священникомъ Нарбонны, которому было разрѣшено передать приходъ своему викарному, и который благодаря этому получилъ много бенефицій. Около этого же времени Иннокентій IV съ удивленіемъ отмѣтилъ, что прелаты не обращаютъ вниманія на неоднократныя приказанія оказывать содѣйствіе Инквизиціи, и онъ грозилъ имъ своимъ гнѣвомъ, если они не сдѣлаются болѣе ревностными. Бернаръ Ги,

---

[1]) Diez, «Leben und Werke der Troubadours», 450, 576. — Millot, «Hist. littéraire des Troubadours», III, 244—50.

[2]) Teulet, «Layettes», II, 185, 226—8.

Библиотека "Руниверс"

говоря объ одномъ изъ епископовъ, который поддерживалъ графа Раймунда, заявляетъ, что это самый ярый и опасный врагъ Инквизиціи. Между бѣлымъ духовенствомъ и нищенствующими орденами существовалъ естественный антагонизмъ, который еще болѣе увеличился благодаря надменности инквизиторовъ; послѣдніе желали наложить свои руки на епископовъ и слѣдили за ихъ поступками во всемъ, что касалось ихъ обязанности распространенія вѣры, чѣмъ епископы такъ долго пренебрегали. Понятно, что доминиканцы, занятые этими благочестивыми дѣяніями, постоянно подвергались оскорбленіямъ, и мало было пользы изъ того, что папа старался объяснить эти раздоры и ссоры вмѣшательствомъ Сатаны [1]).

Еще одно серьезное обстоятельство мѣшало правильной работѣ Инквизиціи — это отсутствіе мѣстъ заключенія для подсудимыхъ и осужденныхъ. Мы уже видѣли, что епископы, на которыхъ была возложена обязанность давать тюрьмы для многочисленныхъ арестованныхъ, всѣми силами старались уклониться отъ этого. Въ концѣ концовъ, былъ вынужденъ вмѣшаться Людовикъ Святой и построить тюрьмы; до этого времени многочисленные случаи неявки на судъ послѣ предварительнаго допроса показываютъ, какъ трудно было помѣшать побѣгу арестованныхъ еретиковъ [2]).

Таковы были условія, при которыхъ Инквизиція вступала въ борьбу съ ересью, и нужны были люди исключительной твердости, чтобы выполнить столь трудную задачу; и такіе люди нашлись. Какъ ни гнусны кажутся намъ ихъ поступки, мы не можемъ, однако, отказать имъ въ энергіи, которую внесли они въ свое дѣло. Ничто не было трудно для нихъ, никакая опасность не могла устрашить ихъ; они смотрѣли на себя какъ на избранныхъ выполнителей дѣла Бога; они принимались за свой трудъ въ смиренномъ упованіи на Бога, и это ставило ихъ выше толпы слабыхъ людей. Носитель Божьяго слова, нищенствующій монахъ, жившій на счетъ милосердія вѣрныхъ, говоря съ князьями и народами, опирался на страшный авторитетъ Церкви. Онъ требовалъ повиновенія и каралъ безъ размышленія и промедленія всякое упорство. Люди, подобные Петру Селла, Гильему Арно, Арнольду Катала, Ферреру де Каталанъ, Понсу де С.-Жиль, Понсу де л'Эспаръ, Бернару Ко, и многіе другіе, менѣе извѣстные, готовы были сами на всякое страданіе и безъ всякаго сожалѣнія могли заставить страдать другихъ; истинные Маккавеи этой борьбы не на животъ, а на смерть противъ ереси, они были, однако, полны доброты и кротости къ несчастнымъ и со слезами на глазахъ возносили молитвы и произносили проповѣди. Въ нихъ развились бывшія въ зародышѣ силы воинствующей Церкви среднихъ вѣковъ, такъ какъ только Инквизиція, обслуживаемая ими, поддержала ея главенство. Отмѣтимъ еще, что, съ другой стороны, Инквизиція косвеннымъ образомъ содѣйствовала полному подчиненію Юга парижскому королю и присоединенію его къ французскому государству.

Тѣ изъ вѣрныхъ, которые надѣялись, что договоръ 1229 г. положитъ конецъ борьбѣ противъ ереси, скоро увидѣли, что обманулись въ своихъ надеждахъ. Графъ Раймундъ обязался уплачивать извѣстную сумму за поимку каждаго еретика, и Инквизиція слѣдила за выполненіемъ этого условія и даже сама платила добровольно эти деньги, но

---

[1]) Concil. Tarraconens. ann. 1238, c. 11 (Mart. «Ampl. Coll.», VII, 134).—Ripoll, I, 120, 145, 165.—Potthast, №№ 9452, 11092, 11094, 11515.—Vaissete, III, Pr. 365.—Teulet, «Layettes», II, 262.—Arch. des Frères Prêcheurs de Toulouse (Doat, XXXI, 19).—C. 1. Sexto V, 2.—Raynald. ann. 1243, № 30.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 69).—Bern. Guidon. «de Trib. Grad. Praedicat.» (Bouquet. XXI, 739).—Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 14930, fol. 224).

Когда кардиналъ Wolsey пытался реформировать англійскую церковь, то ему встрѣтились тѣ же затрудненія, чтобы добиться отъ епископовъ смѣщенія преступныхъ священниковъ. Климентъ VII предложилъ ему то же средство (Rymer. XIV, 239).

[2]) Coll. Doat, XXI, 149, 153, 156, 158.—Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 9992.

Библиотека "Руниверс"

деньги эти доставались нелегко. Какъ среди дворянъ, такъ и среди горожанъ преслѣдуемые находили защитниковъ, и не рѣдки бывали случаи безжалостнаго убійства преслѣдователей. Еретики оставались попрежнему многочисленными. Мы уже видѣли, какъ безуспѣшны были усилія кардинала-легата Романо и Тулузскаго собора. Правда, Раймундъ обѣщалъ основать въ Тулузѣ университетъ для пропаганды вѣры; но это учрежденіе, принесшее впослѣдствіи крупную пользу, въ началѣ было довольно печально. Парижъ выслалъ ученыхъ богослововъ, но южане смѣялись надъ схоластическими тонкостями, глупыми выдумками въ ихъ глазахъ, и еретики осмѣливались даже вступать въ публичные диспуты съ профессорами. Немного спустя Раймундъ пересталъ платить деньги на содержаніе университета, и онъ нѣкоторое время не функціонировалъ [1]).

Но болѣе всего при данномъ положеніи возбуждалъ къ дальнѣйшей дѣятельности постоянный ростъ доминиканскаго ордена. Конгрегація быстро вышла за предѣлы скромной церкви св. Романа, предоставленной ей епископомъ Фулькомъ; въ 1230 г. набожный и щедрый тулузскій гражданинъ Понсъ де Канденье пожертвовалъ конгрегаціи болѣе просторное жилище съ огромнымъ паркомъ, частью въ городѣ, частью за городскими стѣнами. Монахи этого монастыря, числомъ около сорока, были всегда готовы выступить къ услугамъ Креста, и ихъ горячая ревность не останавливалась ни передъ трудами, ни передъ опасностями. Когда въ 1232 г. фанатикъ-епископъ Фулькъ умеръ, и его мѣсто занялъ еще болѣе неистовый фанатикъ, доминиканскій провинціалъ, Раймундъ дю Фога, то орденъ былъ уже всецѣло готовъ къ дѣлу истребленія еретиковъ, продолжавшемуся въ его рукахъ въ теченіе ста лѣтъ [2]).

Въ своемъ нетерпѣніи приняться за дѣло монахи не дожидались, чтобы инквизиторская власть, правильно организованная, вооружила ихъ своимъ авторитетомъ. Ихъ главною обязанностью было прежде всего бороться противъ ереси. Въ 1231 г. одинъ монахъ въ своей проповѣди объявилъ, что Тулуза полна еретиковъ, которые совершенно свободно устраиваютъ свои собранія и сѣютъ повсюду свои заблужденія. Безъ сомнѣнія, городскія власти косо уже смотрѣли на эти благочестивыя старанія ордена, такъ какъ эта проповѣдь послужила предлогомъ къ попыткѣ репрессіи. Консулы потребовали въ городскую думу пріора Петра д'Алэ. Они сильно напали на него, даже съ угрозами, заявили, что слова проповѣдника—чистая ложь, и запретили впередъ подобные намеки. Это происшествіе, неважное само по себѣ, показываетъ, какъ начались раздоры, возникшіе впослѣдствіи между властями Тулузы и Инквизиціей, и какъ горячо принимали къ сердцу города Юга свою независимость. Однако, достаточно оказалось нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, чтобы сковать гражданскія вольности, которыя могли выходить побѣдителями изъ борьбы съ феодализмомъ, но не могли устоять передъ болѣе коварнымъ и тонкимъ деспотизмомъ Церкви [3]).

Нелегко было обуздать пылкихъ и горячихъ доминиканцевъ. Заносчивый языкъ

---

[1]) Practica super Inquisit. (Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 14930, fol. 224).—Guill. Pelisso «Chron.» (изд. Molinier, Anicii, 1880 г., стр. 6, 15).—Epist. Saecul. XIII. T. I, № 688 (Monument. Hist. German.).—Bern. Guidon. «Vita Gregor. PP. IX» (Muratori «S. R. I.», III, 573).

Въ 1236 г. Григорій IX жаловался, между прочимъ, на Раймунда за то, что онъ не заботился о платѣ профессорамъ, и что тулузская школа была распущена (Teulet, «Layettes», II, 315). Однако, въ 1239 г. папскому легату была представлена расписка, подписанная всѣми преподавателями (Ibid., 397). Когда въ 1242 г. Раймундъ опасно заболѣлъ въ Аженуа, то главнымъ врачомъ у него былъ Лупъ изъ Испаніи, профессоръ медицины тулузскаго университета.

Чтобы основать университетъ, прибѣгли къ исключительнымъ средствамъ: ему разрѣшили издать циркуляръ, въ которомъ для привлеченія публики всѣмъ профессорамъ и студентамъ давалась полная индульгенція отъ имени кардинала легата (Denifle, «Cartul. Univ. Parisiensis», I, 129—31).

[2]) Pelisso, «Chron.», 7—8.

[3]) Ibid., 9—10.

Библиотека "Руниверс"

консуловъ привелъ въ негодованіе магистра Роланда Кремонскаго, перваго доминиканца, удостоеннаго званія лиценціата парижскаго университета; вызванный въ Тулузу, чтобы преподавать богословіе во вновь основанномъ университетѣ, онъ вскричалъ, что эта заносчивость должна возбудить энергію къ борьбѣ, и что проповѣди противъ ереси должны стать отнынѣ еще болѣе жестокими. Онъ самъ подалъ примѣръ, которому одинъ передъ другимъ старались подражать его собратья. Вскорѣ ему представился случай доказать ложность изобличенія, сдѣланнаго консулами. Разнесся слухъ, что надъ каноникомъ старинной церкви С.-Сернена, Жаномъ-Пьеромъ Дона, только-что умершимъ и погребеннымъ въ монастырѣ, былъ на смертномъ одрѣ совершенъ обрядъ аретикаціи. Никѣмъ не уполномоченный и, повидимому, безъ законнаго разслѣдованія, профессоръ Роландъ собралъ нѣсколько монаховъ и священниковъ, вырылъ тѣло, вытащилъ его изъ монастыря, протащилъ по улицамъ и сжегъ на глазахъ у всѣхъ. Черезъ нѣсколько времени онъ узнаетъ о смерти знаменитаго вальденскаго министра, по имени Гальванъ; немедленно горячей рѣчью онъ воспламеняетъ гнѣвъ народа и во главѣ толпы неистовствующихъ является къ дому покойника и сравниваетъ его съ землею; затѣмъ отправляется на то кладбище, гдѣ было погребено тѣло умершаго, выкапываетъ его и, сопровождаемый огромной толпой, влачитъ его черезъ городъ на то мѣсто, гдѣ за городскими стѣнами совершались казни, и тамъ торжественно сжигаетъ трупъ [1]).

Это было преслѣдованіе по частной иниціативѣ; оффиціально же дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ могъ въ то время только епископскій судъ, который, какъ мы видѣли, долженъ былъ передавать въ руки свѣтской власти приведеніе въ исполненіе казни. Но, повидимому, епископскій судъ не обратилъ вниманія на эти два дѣла и даже не протестовалъ противъ такого нарушенія толпою его законныхъ правъ. Но въ общемъ систематическое преслѣдованіе ереси еще не было организовано. Епископъ Раймундъ, повидимому, ограничивался тѣмъ, что при случаѣ предпринималъ походы противъ еретиковъ за предѣлами города; что же касается еретиковъ, жившихъ въ городѣ, то ихъ онъ оставлялъ безнаказанными подъ защитой консуловъ, хотя онъ имѣлъ достаточно власти для этого. Нельзя было ожидать прочныхъ результатовъ отъ этихъ случайныхъ вспышекъ фанатизма, и уничтоженіе ереси продолжало казаться попрежнему дѣломъ отдаленнаго будущаго; поэтому чувствовалась настоятельная нужда въ спеціальномъ институтѣ, который занялся бы преслѣдованіемъ ереси. Однако, назначеніе первыхъ инквизиторовъ въ 1233 г. не имѣло, повидимому, въ глазахъ современниковъ особаго значенія; оно казалось лишь опытомъ, отъ котораго не ждали серьезныхъ результатовъ. Братъ Гильемъ Пелиссонъ, который принималъ участіе въ трудахъ и опасностяхъ новой Инквизиціи и былъ ея восторженнымъ лѣтописцемъ, не думаетъ, чтобы ея учрежденіе заслуживало особаго вниманія. Пелиссонъ мимоходомъ упоминаетъ объ этомъ фактѣ, имѣвшемъ въ его глазахъ неизмѣримо меньшее значеніе, чѣмъ выборы новаго пріора въ Тулузѣ. «Братъ Понсъ де С.-Жиль былъ сдѣланъ пріоромъ въ Тулузѣ и энергично и успѣшно боролся противъ еретиковъ; ему помогали въ этомъ братъ Петръ Селла Тулузскій и братъ Гильемъ Арно изъ Монпелье, которыхъ Его Святѣйшество папа назначилъ инквизиторами въ епархіяхъ Тулузы и Кагора. Братъ Арно Катала, бывшій въ то время въ тулузскомъ монастырѣ, былъ также назначенъ инквизиторомъ легатомъ-архіепископомъ Віеннскимъ». Это единственный—и какой сухой!—современный документъ относительно учрежденія Св. Трибунала [2]).

---

[1]) Pelisso, «Chron.», 10—11. — Preger, «Vorarbeiten zu einer Geschichte der deutschen Mystik», 17.

[2]) Pelisso, «Chron.», 13.—Ср. Bern. Guidon. «Vita Gregor. PP. IX» (Muratori «S. R. I.», III, 573.

Библиотека "Руниверс"

А насколько плохо понимали вначалѣ роль вновь учрежденныхъ инквизиторовъ, видно изъ слѣдующаго случая, который даетъ намъ также очень точное представленіе о направленіи общественнаго мнѣнія той эпохи: между двумя гражданами, Бернаромъ Пейтевеномъ и Бернаромъ Солье, произошла ссора, и первый назвалъ второго еретикомъ; слыть еретикомъ было въ то время опасно, и Пейтевенъ вызвалъ Солье на судъ консуловъ. Мы уже знаемъ, что партія ереси имѣла большое вліяніе въ Тулузѣ, и что сами магистраты поощряли или раздѣляли запрещенныя вѣрованія. Консулы признали Пейтевена виновнымъ въ оскорбленіи Солье и приговорили его къ двухлѣтнему изгнанію, къ уплатѣ штрафа въ пользу Солье и города и къ заявленію публично, въ городской думѣ, подъ присягой, что онъ ложно обозвалъ Солье еретикомъ, и что Солье хорошій католикъ. Пейтевенъ остался недоволенъ приговоромъ и обратился за совѣтомъ къ доминиканцамъ, которые посовѣтовали ему подать апелляцію на имя епископа; хотя вопросъ о законности разсмотрѣнія подобной апелляціи епископомъ представляется сомнительнымъ, тѣмъ не менѣе, епископъ принялъ апелляцію, пересмотрѣлъ дѣло и призналъ Солье еретикомъ, такъ что несчастный долженъ былъ бѣжать въ Ломбардію. Нѣсколькими годами позднѣе это дѣло было бы подсудно не епископу, а суду Инквизиціи, но въ настоящемъ случаѣ инквизиторы Петръ Селла и Гильемъ Арно выступили передъ епископомъ только въ качествѣ адвокатовъ Пейтевена съ доказательствами ереси Солье [1]).

Подобная же неопредѣленность судопроизводства видна еще и въ слѣдующемъ дѣлѣ. Инквизиторы П. Селла и Г. Арно произвели розыскъ въ городѣ и вызвали на судъ многихъ подозрѣваемыхъ въ ереси, которые всѣ нашли себѣ защитниковъ среди вліятельныхъ гражданъ. Дѣло слушали инквизиторы, но, повидимому, оно велось еще публично. Одинъ изъ обвиняемыхъ, Жанъ Тейсеръ, заявилъ, что онъ считаетъ себя во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ хорошимъ католикомъ, такъ какъ исполняетъ всѣ предписанія; онъ предупредилъ присутствующихъ, что подобное же обвиненіе можетъ пасть на любого изъ нихъ, и что имъ умнѣе идти за одно съ нимъ, чѣмъ выдать его; тѣмъ не менѣе, онъ былъ осужденъ, и оффиціальный представитель графа ужъ приготовился вести его на костеръ, но поднялся такой страшный и грозный шумъ, что обвиненнаго поспѣшили тотчасъ же запрятать въ епископскую тюрьму, хотя онъ и продолжалъ заявлять о своемъ католичествѣ. Въ городѣ сдѣлалось страшное возбужденіе; противъ доминиканцевъ открыто раздавались угрозы; поговаривали даже о томъ, чтобы разрушить монастырь и перебить монаховъ, которыхъ обвиняли въ осужденіи невиннаго. Между тѣмъ, Тейсеръ, сидя въ тюрьмѣ, притворился больнымъ и попросилъ причастія; но затѣмъ, когда епископу были выданы дѣйствительные еретики изъ Лавора, Тейсеръ принялъ отъ нихъ въ тюрьмѣ *еретикацію* и сдѣлался такимъ горячимъ еретикомъ, что пошелъ съ новыми своими друзьями на епископскій судъ и объявилъ, что желаетъ раздѣлить одну съ ними участь. Всѣ были осуждены въ томъ числѣ и Тейсеръ, упорно отказавшійся отречься отъ ереси; теперь исполненіе, казни не встрѣтило препятствій, и всѣ они были сожжены [2]).

Какъ мы видимъ, до сихъ поръ юрисдикція Инквизиціи еще вполнѣ подчинена суду епископа; но немного спустя инквизиторы оставили Тулузу и перенесли свою дѣятельность въ другое мѣсто; тогда они стали дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Нигдѣ не упоминается, чтобы епископъ Керси вмѣшался въ Кагорѣ въ ихъ приговоръ, когда они осудили извѣстное число умершихъ, трупы которыхъ они вырыли и сожгли; они нагнали этимъ такой страхъ на всѣхъ, что одинъ изъ главныхъ *вѣрующихъ*, Раймундъ де Бролеасъ, бѣжалъ въ Римъ. Въ Мойсакѣ они осудили Жана дю Гаръ, который бѣжалъ въ Монсегюръ, и потребовали на судъ нѣкоего Фолька; послѣдній, перепуганный

[1]) Pelisso, Chron.», 10—17.
[2]) Pelisso, «Chron.», 17—20.

Библиотека "Руниверс"

вызовомъ въ судъ, поступилъ въ цистерціанскій монастырь; но, видя, что и монашеская ряса не можетъ служить ему надежной защитой отъ преслѣдователей, бѣжалъ въ Ломбардію. Въ то же время Арно Катала и Гильемъ Пелиссонъ производили розыски въ Альби; они послали оттуда въ Палестину двѣнадцать гражданъ, получившихъ прощеніе, и, соединившись съ третьимъ инквизиторомъ, Гильемомъ де Ломберъ, приказали сжечь двухъ еретиковъ, Петра де Пюекпердю и Петра Бомассипіо [1]).

Въ Тулузѣ отсутствіе инквизиторовъ не отразилось дурно на благочестивомъ дѣлѣ, такъ какъ пріоръ, Понсъ де С.-Жиль, принялъ на себя ихъ обязанности. Не извѣстно подлинно, кто далъ ему полномочія, но фактъ тотъ, что онъ взялъ себѣ помощникомъ одного монаха, и вдвоемъ они подвергли пыткѣ, осудили и послали на костеръ Арно Сансье, который до послѣдней минуты утверждалъ, что онъ—истинный католикъ, и вызвалъ этимъ въ городѣ большое движеніе, не имѣвшее, впрочемъ, особаго значенія [2]).

Пелиссонъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что всѣ эти мѣры нагнали страхъ на страну. Онѣ давали чувствовать, что близится правильно организованное и энергичное преслѣдованіе. Еретикъ, т.-е. ученый наставникъ, который отказывался отречься отъ своей вѣры, сжигался, и всѣ смотрѣли на это какъ на дѣло вполнѣ естественное; одинаково безразлично смотрѣли также, какъ сгоралъ на кострѣ вѣрующій, упорствующій въ своей ереси. Однако, до этого времени вѣрующій, если онъ исповѣдывалъ свое католичество, повидимому, избѣгалъ обыкновенно смертной казни, такъ какъ несовершенство судебныхъ пріемовъ дѣлало труднымъ доказательство его виновности. Монахи, опытные въ диспутахъ, знакомые какъ съ каноническимъ, такъ и съ гражданскимъ правомъ, были особенно пригодны для раскрытія тайнаго невѣрія. Они замучивали свои жертвы до смерти, чтобы распространять страхъ не только между виновными, но и невинными.

Страхъ, внушаемый этимъ судомъ, судомъ быстрымъ и не стѣснявшимся формой, былъ вполнѣ естественъ, какъ это видно изъ происшествія, имѣвшаго мѣсто въ 1234 г. Канонизація св. Доминика была отпразднована въ доминиканскомъ монастырѣ въ Тулузѣ торжественной мессой, которую служилъ епископъ Раймундъ. Несомнѣнно, св. Доминикъ въ этотъ торжественный для него день хотѣлъ показать свое спеціальное назначеніе; въ то время, когда епископъ вышелъ изъ церкви и вступилъ въ трапезную, гдѣ уже былъ приготовленъ ужинъ, ему доложили крупную новость: только-что совершили обрядъ еретикаціи надъ одной женщиной въ сосѣднемъ домѣ, въ улицѣ Olmet Sec. Въ сопровожденіи пріора и еще нѣсколькихъ монаховъ, епископъ быстро отправился въ этотъ домъ; здѣсь обиталъ видный тулузскій еретикъ Пейтавенъ Борсье, теща котораго умирала въ горячкѣ; нежданные гости вошли такъ быстро, что друзья умирающей едва успѣли сказать ей: «Вотъ епископъ»! Принявъ Раймунда за еретическаго епископа, котораго она ждала, она исповѣдывалась у него, прямо призналась ему въ ереси и подтвердила твердость своихъ убѣжденій. Тогда епископъ объявилъ ей, кто онъ, и потребовалъ отъ нея отреченія отъ ереси; она отказалась; тогда онъ приказалъ судьѣ осудить ее какъ еретичку, и несчастную, къ его удовольствію, вынесли на кровати и сожгли на площади. Борсье и его товарищъ Бернаръ Альдрикъ де Дремиль были арестованы и выдали многихъ своихъ друзей. Послѣ этого Раймундъ и монахи вернулись къ прерванному ужину, возвося благодарность Богу и св. Доминику, что они дали имъ возможность проявить такъ блистательно ихъ ревность къ вѣрѣ [3]).

Эти противозаконные ужасы всегда совершались съ дикою радостью, которая прекрасно отразилась въ современной поэмѣ, написанной доминиканскимъ монахомъ Изарномъ,

---

[1]) Pelisso, «Chron.», 20—1.
[2]) Ibid., 22.
[3]) Ibid., 23—5.

Библиотека "Руниверс"

быть-можетъ, пріоромъ монастыря Вильмюра. Авторъ выводитъ себя спорящимъ съ Сикартомъ де Фигейрасъ, катарскимъ епископомъ, и каждый его богословскій аргументъ подтверждается угрозой:

E s'aquestz no vols creyre, vec tel foc aizinat
Que art tos compahos.
Aras vuelh quem respondas en un mot o en dos.
Si cauziras el foc o remanras ab nos.

«Если ты не хочешь вѣрить этому, то посмотри на огонь, пожирающій твоихъ товарищей. Теперь я хочу, чтобы ты мнѣ отвѣтилъ однимъ или двумя словами, ибо ты сгоришь въ огнѣ или перейдешь къ намъ». И далѣе: «Если ты не сознаешься тотчасъ же, то костры уже зажжены; имя твое провозглашено по всему городу подъ звуки трубъ, и народъ собирается, чтобы посмотрѣть, какъ ты будешь горѣть».

Авторъ этой ужасной поэмы только выливалъ въ стихахъ чувства собственнаго сердца и рисовалъ сцены, которыя ежедневно происходили у него передъ глазами [1]).

Однако, понемногу святое дѣло облекалось въ опредѣленную форму. Первые шаги позволяли ожидать въ будущемъ успѣха, и ревность преслѣдователей росла по мѣрѣ того, какъ страхъ и ненависть преслѣдуемыхъ принимали угрожающій характеръ. И съ той и съ другой стороны страсти разгорались. Уже въ 1233 г. были убиты обезумѣвшей толпой два доминиканца, посланные въ Кордъ на розыски еретиковъ. Въ Альби населеніе было страшно возбуждено наказаніемъ двухъ еретиковъ, о смерти которыхъ мы сказали выше.

14 іюня 1234 г. вспыхнуло въ Альби возстаніе. Арнольдъ Катала приказалъ епископскому судьѣ вырыть останки одного еретика, по имени Бейсера, осужденнаго Инквизиціей. Судья отвѣтилъ, что онъ не смѣетъ исполнить подобное приказаніе. Тогда Арнольдъ вышелъ изъ епископскаго синода, гдѣ онъ засѣдалъ, спокойно направился на кладбище, выкинулъ первую лопату земли и, приказавъ своимъ помощникамъ окончить дѣло, пошелъ въ синодъ. Но его помощники тотчасъ же нагнали его и донесли, что народъ прогналъ ихъ съ кладбища. Арнольдъ пошелъ назадъ и увидѣлъ на площади огромную толпу, кричавшую по ихъ адресу: «Сыны Веліала!»; толпа бросилась на него, била его по лицу, поносила его и кричала: «Убьемте его! Онъ не имѣетъ права жить»! Одни тащили его къ ближайшей лавкѣ, чтобы тамъ убить, другіе хотѣли бросить его въ Тарнъ; но въ это время подоспѣли къ нему на помощь и увели его въ синодъ подъ громкіе крики разъяренной толпы, требовавшей его смерти. Всѣ жители города дѣйствовали единодушно; много видныхъ гражданъ стало во главѣ народнаго движенія. Арнольдъ наложилъ на возмутившійся городъ отлученіе, которое онъ вскорѣ снялъ добровольно; но преемникъ его, братъ Ферреръ, навелъ на виновный городъ судъ Божій и массу гражданъ заточилъ въ тюрьму и многихъ также сжегъ [2]).

Въ Нарбоннѣ возникли болѣе серьезныя волненія, хотя туда еще и не были посланы настоящіе инквизиторы. Въ мартѣ 1234 г. доминиканскій пріоръ Францискъ Ферреръ произвелъ по собственному почину розыскъ и заключилъ въ тюрьму одного гражданина, по имени Раймундъ д'Аржанъ. Пятнадцать лѣтъ передъ этимъ ремесленники предмѣстья образовали лигу взаимной защиты, которую они называли Amistance; всѣ они поднялись какъ одинъ человѣкъ и силою освободили заключеннаго. Архіепископъ Петръ Амьель и виконтъ Эмери Нарбоннскій рѣшили вторично арестовать Аржана; но Amistance, охранявшая домъ Аржана, бросилась на преслѣдователей съ криками: «Бей! Бей!» и послѣ

[1]) Millot, «Troubadours», II, 65—77.—P. Meyer, «Le débat d'Izarn et de Sicart» («Annal. Bull. de la Soc. de l'Histoire de la France», 1879 г., стр. 17, 36).

[2]) Vaissete, III, 403.— Martène, «Thesaur.», I, 985. - Pelisso, «Chron.», 13—14, 52—9.

Шабано (Vaissete, изд. Privat, X, 330) полагаетъ, что этотъ Арнольдъ Катала былъ, по всей вѣроятности, не кто иной, какъ одноименный съ нимъ трубадуръ, который, подобно Фулькэ изъ Марселя и многимъ другимъ, изъ поэта сдѣлался преслѣдователемъ.

Библиотека "Руниверс"

непродолжительной схватки разсѣяла ихъ, причемъ пріору были нанесены сильныя оскорбленія. Архіепископъ прибѣгъ къ отлученію и интердикту, безъ всякаго, впрочемъ, результата. Amistance захватила его земли и выгнала его самого изъ города. Обѣ стороны искали союзниковъ. Григорій IX обратился къ Іакову Арагонскому, а консулы Нарбонны направили просьбу къ гражданамъ Нима.

Повидимому, они хотѣли, представляя много доказательствъ произвола инквизиторскаго суда, вызвать федерацію городовъ противъ Инквизиціи. Нѣчто въ родѣ перемирія было заключено въ октябрѣ, но вскорѣ снова вспыхнули безпорядки. Пріоръ, по приказанію своего провинціала, предпринялъ новый розыскъ и произвелъ многочисленные аресты. Въ декабрѣ граждане обратились съ жалобой къ папѣ, королю и легату и добились пріостановки преслѣдованія. Но въ 1235 г. народъ возсталъ противъ доминиканцевъ, изгналъ монаховъ изъ города, осадилъ монастырь и уничтожилъ всѣ протоколы дѣлъ, возбужденныхъ противъ еретиковъ. Къ счастью, архіепископу пришла хорошая идея устроить демаркаціонную линію между городомъ и предмѣстьемъ, населеніе которыхъ было почти одинаково: онъ ограничилъ дѣйствія Инквизиціи предмѣстьемъ и, такимъ образомъ, обезпечилъ себѣ вооруженную помощь города. Предмѣстье стало подъ защиту гр. Раймунда. Послѣдній могъ только увеличить зло; онъ прибылъ и далъ въ качествѣ вождей народу двухъ извѣстныхъ защитниковъ ереси, Оливье де Термесъ и Гиро де Ніоръ. Кровавая война вспыхнула между городомъ и предмѣстьемъ, и длилась она до 1237 г., когда обѣ стороны заключили перемиріе на одинъ годъ. Въ августѣ того же года графъ Тулузскій и сенешаль Каркассонскій были приглашены въ качествѣ третейскихъ судей, и въ мартѣ 1238 г. былъ заключенъ миръ. Церковь торжествовала и наложила на многихъ мятежниковъ годъ службы въ Палестинѣ или противъ мавровъ въ Испаніи [1]).

Въ Тулузѣ, этомъ центрѣ ереси и преслѣдованія, долгое время были слышны только ропотъ и угрозы, и открытое возмущеніе противъ Инквизиціи тамъ вспыхнуло позднѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Хотя партія Церкви и старалась представить гр. Раймунда какъ главнаго противника Святого Трибунала, но, повидимому, только благодаря его вліянію неизбѣжный разрывъ произошелъ такъ поздно. Тяжелыя испытанія, которымъ онъ подвергался съ самаго своего дѣтства, не могли, конечно, сдѣлать изъ него горячаго католика; однако, опытъ научилъ его, что только благосклонность и покровительство Церкви могли обезпечить ему сохраненіе незначительной области и власти, оставленныхъ ему. Если онъ по убѣжденіямъ не могъ сдѣлаться преслѣдователемъ ереси, то, съ другой стороны, онъ не могъ идти противъ велѣній Церкви. Для него очень важно было сохранить къ себѣ любовь своихъ подданныхъ и не допустить разрушенія своихъ городовъ и удѣловъ, но еще важнѣе было не навлечь страшнаго клейма покровителя ереси: первая буря разбила бы его, и онъ долженъ былъ отводить отъ себя грозу новой гибели. Немногимъ князьямъ приходилось дѣйствовать въ болѣе трудныхъ обстоятельствахъ; опасности со всѣхъ сторонъ окружали и давили его. Непостоянный по характеру, безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, онъ умѣлъ, однако, до самой смерти удержать свое положеніе. Трубадуръ рисуетъ его намъ защищающимся отъ нападеній самыхъ низкихъ людей, не боящимся ни француза, ни священника, и кроткаго только съ людьми добрыми [2]).

---

[1]) Vaissete, III, 402—3, 406; Pr. 370—1, 379—81.—Coll. Doat, XXXI, 33.—Teulet, «Layettes», II, 321, 324.

[2])
Car del pejors homes que son
Se defen et de tot le mon;
Que Frances ni clergia
Ni las autras gens ne l'affron;
Mas als bos s'humilia
El mal confond.
(Peyrat, «Les Albigeois et l'Inquisition», II, 394)

Библиотека "Руниверс"

Онъ всегда былъ въ ссорѣ со своими прелатами. Неразрѣшимые вопросы о свѣтскихъ бенефиціяхъ порождали постоянныя затрудненія. Вся жизнь графа прошла подъ настоящимъ ливнемъ отлученій. Онъ такъ долго былъ изгнанникомъ Церкви, что всякій епископъ, не задумываясь, предавалъ его анаѳемѣ. Съ другой стороны, однимъ изъ пунктовъ договора 1229 г. обусловливалось, чтобы онъ въ двухлѣтній срокъ отправился въ Палестину и пять лѣтъ сражался бы тамъ противъ невѣрныхъ. Два года прошло, и графъ не исполнилъ обѣщанія; да и страна далеко не была еще успокоена, такъ что графъ не могъ покинуть спокойно ее на столь долгое время. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ главнымъ стараніемъ его политики было добиться отстрочекъ крестоваго похода и отстранить отъ себя упрекъ въ неисполненіи обѣщанія. Наконецъ, начиная съ Парижскаго договора и до самой своей смерти, онъ упорно, но безуспѣшно, добивался отъ Рима разрѣшенія похоронить тѣло своего отца. Таковы были стеченія обстоятельствъ, которыя парализовали его и оставляли его почти безоружнымъ въ борьбѣ его съ духовенствомъ.

Уже въ 1230 г. легатъ сдѣлалъ ему упрекъ въ томъ, что онъ не соблюдаетъ условій мира, и онъ долженъ былъ обѣщать исправиться. Въ 1232 г. Григорій IX надменно приказалъ ему быть энергичнымъ въ дѣлѣ преслѣдованія; и, должно-быть, въ силу этого приказанія онъ въ томъ же году сопровождалъ епископа тулузскаго, Раймунда, въ его ночномъ переходѣ за гору. Этотъ походъ далъ ему девятнадцать Совершенныхъ еретиковъ, мужчинъ и женщинъ, среди которыхъ находился и одинъ изъ наиболѣе важныхъ главарей—Паганъ, сеньоръ Беседа, у котораго, какъ мы видѣли, былъ отобранъ замокъ въ 1227 г. Всѣ эти несчастные искупили свои заблужденія костромъ. Но, тѣмъ не менѣе, немного спустя, епископъ Турнэ, въ качествѣ папскаго легата, созвалъ прелатовъ Лангедока и формальнымъ путемъ вызвалъ Раймунда на судъ короля Людовика, обвиняя его въ небрежномъ исполненіи статей договора. Слѣдствіемъ этой мѣры было то, что въ февралѣ 1234 г. графъ издалъ суровые указы противъ еретиковъ. Но это не имѣло успѣха, какъ не имѣло успѣха и распоряженіе Григорія IX, чтобы отнынѣ епископы порѣже отлучали графа отъ Церкви: менѣе, чѣмъ въ теченіе одного года, по чисто-свѣтскимъ мотивамъ, Раймундъ два раза подвергся новымъ отлученіямъ отъ Церкви. Папа болѣе настойчиво, чѣмъ прежде, требовалъ уничтоженія ереси; несомнѣнно, Раймундъ проявилъ послушаніе, такъ какъ онъ горячо желалъ добиться отъ Рима возстановленія Провансальскаго маркизата. Въ этомъ его энергично поддерживалъ король Людовикъ, сынъ котораго, Альфонсъ, былъ наслѣдникомъ Раймунда, и, быть-можетъ, благодаря этому въ концѣ года онъ получилъ аудіенцію у папы. Казалось теперь, что онъ вполнѣ примирился съ папою; онъ пользовался громкою военною славой, и папа извлекъ выгоду изъ его пріѣзда, поручивъ ему начальство надъ своими войсками, сражавшимися въ то время съ возмутившимися римлянами. Глава Церкви былъ изгнанъ изъ Рима, и Раймунду не удалось ввести его въ городъ; но, тѣмъ не менѣе, они разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; графъ вернулся въ Тулузу любимымъ сыномъ Церкви, готовымъ выполнить всѣ ея приказанія [1]).

У себя въ городѣ графъ нашелъ положеніе дѣлъ очень серьезнымъ: кризисъ былъ неизбѣженъ, и событія потребовали отъ него тяжелаго доказательства его таланта умиротворителя. Возбужденіе страстей двухъ партій, казалось, не могло долго сдерживаться. На Пасху 1235 г. доминиканцы объявили, что всякій, кто добровольно покается, получитъ прощеніе; кающіеся еретики явились въ такомъ множествѣ, что монахи были вынуждены позвать себѣ на

[1]) Bern. Guidon. «Vita Gregor. PP. IX» (Muratori, «S. R. J.», III, 573).—Archives Nat. de France, J. 430, №№ 17, 18).—Guill. Pod. Laur., c. 42.—Peyrat, «Hist. des Albigeois», I, 287.—Harduin. «Concil.», VII, 203—8.—D'Achery, «Spicileg.», III, 606.—Potthast, № 9771.—Epist. Saeculi XIII. T. I, № 577 (Monument. Germ. Hist.).—Matt. Paris, ann. 1234, стр. 280.—Vaissete, III, 399—400, 406.—Hist. Dip. Frid. II. T. IV, 485, 799—802.

Библиотека "Руниверс"

помощь принимать отреченія францисканцевъ и всѣхъ, исполнявшихъ обязанности священника въ городѣ. Этотъ успѣхъ придалъ новую энергію пріору Понсу де С.-Жиль, который началъ арестовывать всѣхъ, кто не принесъ добровольнаго раскаянія. Въ числѣ послѣднихъ оказался нѣкто Арно Доминикъ, который, чтобы спасти свою жизнь, обѣщалъ выдать одиннадцать еретиковъ, жившихъ въ Кассерѣ. Онъ сдержалъ свое слово; но четверымъ удалось бѣжать при помощи сосѣднихъ крестьянъ. Терпѣніе преслѣдуемыхъ не выдержало: предатель Арно получилъ свободу, но, немного спустя, онъ былъ убитъ въ постели друзьями тѣхъ, кого онъ выдалъ.

Другія событія еще болѣе наглядно показываютъ, какъ было возбуждено общественное мнѣніе. Такъ, напр., толпа, предводительствуемая двумя видными гражданами, силою освободила Петра-Гильема Делора, котораго арестовали и вели въ тюрьму судья и аббатъ С.-Сернена. Положеніе становилось невыносимымъ; вскорѣ нельзя стало влачить по улицамъ и сжигать трупы, не вызывая этимъ общаго возмущенія. Тогда пригласили Раймунда, надѣясь, что его вмѣшательство отклонитъ катастрофу. До этого времени, хотя онъ и не проявлялъ особой энергіи въ преслѣдованіи, противъ него не было никакихъ уликъ. Его представители, его вигье и бальи всегда отзывались на приглашеніе Инквизиціи и оказывали помощь, когда требовалось вмѣшательство свѣтской власти при арестахъ, конфискаціяхъ и кострахъ. Прибывъ въ Тулузу, онъ просилъ инквизиторовъ на время пріостановить строгости. Его не послушали. Тогда онъ обратился къ папскому легату Іоанну, архіепископу Віеннскому, и жаловался ему, главнымъ образомъ, на Петра Селлу, поступки котораго, по его мнѣнію, вызывались его личной къ нему ненавистью, и котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ безпорядковъ. Онъ просилъ, чтобы власть Селлы не распространялась далѣе Керси. Его ходатайство было удовлетворено, и инквизиторъ былъ отправленъ въ Кагоръ, гдѣ въ сотрудничествѣ съ Понсомъ Дельмономъ и Гильемомъ Пелиссономъ онъ предпринялъ по всей странѣ настоящую охоту за еретиками, принуждая ихъ каяться въ своихъ заблужденіяхъ [1]).

Но удаленіе Селлы изъ Тулузы не принесло большой пользы. Преслѣдованіе продолжалось все такъ же сильно, и все такъ же росло народное недовольство. Вскорѣ наступилъ неизбѣжный кризисъ, который долженъ былъ рѣшить судьбу Инквизиціи: ей предстояло или исчезнуть подобно тому, какъ пропали многія усилія, бывшія до нея, или выйти побѣдительницей и сдѣлаться могущественной повелительницей.

Изгнаніе товарища не смутило Гильема Арно. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Каркассонѣ, о чемъ мы будемъ говорить ниже, онъ, возвратившись, возбудилъ дѣло противъ двѣнадцати видныхъ гражданъ Тулузы, въ числѣ которыхъ былъ одинъ консулъ, и обвинилъ ихъ какъ вѣрующихъ. Они отказались явиться на судъ и грозили прибѣгнуть къ насилію, если Арно не прекратитъ преслѣдованія. Онъ остался при своемъ; тогда ему дали знать, съ одобренія графа Раймунда, что онъ долженъ или сложить съ себя обязанности инквизитора, или удалиться изъ города. Онъ посовѣтовался съ своими братьями доминиканцами, и было единогласно рѣшено, чтобы онъ энергично продолжалъ свое дѣло. Вслѣдствіе этого консулы силою изгнали его изъ города; всѣ монахи провожали его до моста черезъ Гаронну; когда провожавшіе его прощались съ нимъ, консулы снова подтвердили ему свое рѣшеніе: онъ имѣетъ право остаться, если сложитъ съ себя обязанности, въ противномъ случаѣ ему, отъ имени графа и консуловъ, запрещается жить въ Тулузѣ. Арно отправился въ Каркассонъ. Отсюда онъ послалъ пріору св. Стефана и священникамъ приказаніе возобновить отъ его имени сдѣланные имъ раньше вызовы въ судъ. Несмотря на угрозы, это приказаніе было исполнено; тогда консулы потребовали къ себѣ пріора и священниковъ, часть ночи они продержали ихъ подъ стражей въ город-

[1]) Pelisso, «Chron.», 25—8.

Библиотека "Руниверс"

ской думѣ и затѣмъ изгнали изъ города; послѣ этого они торжественно объявили, что всякій, кто осмѣлится возобновлять преслѣдованія, будетъ преданъ смерти, а кто будетъ слушаться приказаній инквизитора, тотъ будетъ лишенъ свободы, а имущество его будетъ конфисковано. Въ другомъ объявленіи, сдѣланномъ отъ имени самого Раймунда, консулы запрещали давать или продавать что-либо епископу, доминиканцамъ и каноникамъ св. Стефана. Такимъ образомъ, епископъ былъ вынужденъ удалиться изъ города, такъ какъ было строго запрещено печь на него хлѣбъ. Населеніе захватило его домъ, избило его клериковъ и украло его лошадей. Участь доминиканцевъ была лучше: многочисленные друзья доставляли имъ все необходимое; тогда консулы поставили стражу вокругъ монастыря; но арестъ нѣсколькихъ лицъ, старавшихся пронести съѣстные припасы, не помѣшалъ передавать черезъ стѣны хлѣбъ, сыръ и разные припасы. Однако, монахи страдали отъ недостатка воды; за водой надо было идти на Гаронну, путь къ которой былъ имъ отрѣзанъ, и они не могли варить овощей. Въ продолженіе трехъ недѣль они съ радостью переносили эти лишенія ради святого дѣла; но потомъ дѣла осложнились. Неукротимый Арно прислалъ изъ Каркассона пріору письмо. Такъ какъ никто не имѣлъ смѣлости вызвать къ суду отказавшихся явиться на судъ гражданъ, то онъ счелъ нужнымъ дать новыя приказанія: два монаха должны потребовать отъ возмутившихся личной явки къ нему въ Каркассонъ для того, чтобы они дали отвѣтъ въ своихъ ложныхъ вѣрованіяхъ; два другихъ монаха должны были сопровождать ихъ въ качествѣ свидѣтелей. Пріоръ велѣлъ ударить въ монастырскій колоколъ, собралъ всѣхъ братьевъ и съ увлеченіемъ сказалъ имъ: «Братія! возрадуйтесь: я сейчасъ пошлю четверыхъ изъ васъ мученичествомъ достигнуть престола Всевышняго. Таковы приказанія нашего брата, инквизитора Гильема; повиноваться имъ, какъ предупредили консулы, значитъ идти на вѣрную смерть. Пусть тѣ, кто готовъ умереть за Христа, исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ»! Какъ одинъ человѣкъ, всѣ монахи бросились на полъ и просили отпущенія грѣховъ. Пріоръ выбралъ изъ нихъ четырехъ, Раймунда де Фуа, Жана де С.-Мишель, Ги Наварскаго и Гильема Пелиссона. Избранные мужественно выполнили порученіе; въ случаѣ надобности они проникали даже въ спальни; и только въ одномъ домѣ они встрѣтили дурной пріемъ: сыновья обвиненнаго обнажили ножи, но присутствовавшіе остановили ихъ.

Ничего нельзя было сдѣлать съ людьми, искавшими мученической смерти; но, съ другой стороны, удовлетвореніе ихъ требованія равнялось самоубійству; и консулы рѣшили изгнать ихъ изъ города. Извѣщенный объ этомъ рѣшеніи, пріоръ распредѣлилъ между друзьями монастыря книги, сосуды и священныя одежды, принадлежавшіе монастырю. На другой день (5 или 6 ноября 1235 г.) монахи послѣ мессы сѣли за свой скромный обѣдъ. Въ это время явились консулы, сопровождаемые огромной толпой, грозя выломать двери. Монахи торжественно прослѣдовали въ часовню и сѣли на своихъ мѣстахъ; вошли консулы и пригласили ихъ удалиться. Такъ какъ монахи отказались, то ихъ схватили и вывели силой; двое изъ нихъ бросились на землю около паперти; ихъ взяли за ноги и за руки и вынесли изъ монастыря; затѣмъ ихъ всѣхъ провели черезъ городъ, не дѣлая никому изъ нихъ никакихъ оскорбленій. Идя по два въ рядъ и распѣвая Te Deum и Salve Regina, они придали своему шествію характеръ процессіи. Сначала они помѣстились на фермѣ, принадлежавшей Церкви св. Стефана; но такъ какъ консулы поставили стражу, чтобы никто не могъ прійти къ нимъ на помощь, то пріоръ на другой же день размѣстилъ ихъ по разнымъ монастырямъ провинціи. Это событіе привлекло симпатіи всѣхъ вѣрныхъ на сторону монаховъ, и два очень видныхъ лица присоединились къ нимъ и вступили въ орденъ во время этого самаго происшествія [1]).

---

[1]) Pellisso, «Chron.», 30—40.—Fern. Guidon. «Hist. Fundat. Convent. Praedicat» (Martène, «Thesaur.», VI, 460—1).—Epist. Saeculi XIII. T. I, № 688 (Monument. Germ. Hist.).—Gull. Pod. Laur., c. 43.

Библиотека "Руниверс"

Упорство Гильема придало такой авторитетъ обязанностямъ инквизитора, что на него было возложено отомстить за всѣ беззаконія, нанесенныя неприкосновенности духовенства. Епископъ Раймундъ, прибывшій къ нему въ Каркассонъ, не предалъ анаѳемѣ изгнавшихъ его изъ Тулузы; анаѳема была немедленно, 10 ноября 1235 г., произнесена инквизиторомъ. Наказаніе это распространялось только на консуловъ; но гр. Раймундъ не могъ также избѣгнуть отвѣтственности. Отлученіе было послано тулузскимъ францисканцамъ, которымъ было поручено обнародовать его; они послушались и были, въ свою очередь, довольно грубо изгнаны изъ города, такъ что возмутившійся городъ фактически остался безъ духовенства. Послѣдовали новыя отлученія отъ Церкви, и на этотъ разъ отлученъ былъ и гр. Раймундъ. Пріоръ Понсъ де С.-Жиль поспѣшилъ въ Италію, чтобы повѣдать о своихъ злоключеніяхъ папѣ и св. Коллегіи. Гнѣвъ папы обратился противъ графа какъ главнаго виновника; 28 апрѣля 1236 г. онъ написалъ ему грозное посланіе, составленное въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ. Въ этомъ посланіи говорилось, что графъ отвѣтственъ за незаконныя дѣйствія консуловъ; ему напоминалось, что онъ не выполнилъ своего обѣщанія отправиться въ крестовый походъ; не держа своего слова, онъ не только не искоренилъ ереси, но даже открыто покровительствуетъ еретикамъ; онъ сдѣлалъ изъ своихъ земель убѣжище для всѣхъ тѣхъ, кто бѣжалъ отъ преслѣдованія гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и благодаря этому ересь съ каждымъ днемъ распространяется все шире, и часты стали случаи совращенія католиковъ, а тѣ изъ духовныхъ лицъ, которыя стараются остановить зло, безнаказанно получаютъ оскорбленія и даже находятъ себѣ смерть. Ему было рѣшительно приказано отправиться въ св. Землю въ мартѣ 1237 г. Папа даже не перечислялъ ему всѣхъ бѣдствій и трудовъ, которые перенесли Церковь и крестоносцы, чтобы очистить его страну отъ ереси. Упоминать о прошедшемъ не было необходимости: Раймундъ прекрасно понималъ, изъ какой бездны былъ онъ вынутъ, чтобы снова рисковать попасть въ нее. Онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ смѣлости въ надеждѣ поддержать своихъ подданныхъ; было бы безуміемъ навлекать на свою голову и на головы своихъ подданныхъ новое нашествіе разбойничьихъ шаекъ, которыя могли вторгнуться по первому слову папы [1]).

Одновременно съ посланіемъ къ Раймунду было отправлено посланіе и къ легату. Послѣднему предлагалось заставить графа оправдать себя и предпринять крестовый походъ. Папа писалъ Фридриху II и запретилъ ему требовать отъ Раймунда феодальной службы въ виду того, что онъ отлученъ отъ Церкви, кромѣ того за то, что онъ, въ сущности, еретикъ. Императоръ отвѣтилъ умно: онъ заявилъ, что, пока Раймундъ будетъ владѣть въ Имперіи удѣломъ, отлученіе отъ Церкви не можетъ освободить его какъ вассала отъ своихъ обязанностей по отношенію сюзерена. Было сдѣлано также обращеніе къ королю Людовику, чтобы заставить его поторопиться съ бракосочетаніемъ его сына Альфонса съ дочерью Раймунда, Жанной. Графу не оставалось ничего другого, какъ уступить. Онъ, по приглашенію легата, смиренно явился въ Каркассонъ къ инквизиторамъ и вступилъ въ переговоры съ епископомъ и инквизиторами. Переговоры кончились тѣмъ, что графъ далъ обѣщаніе снова водворить епископа, монаховъ и духовенство въ Тулузѣ, что онъ и исполнилъ. Оффиціально монахи были водворены 4 сентября, а съ ними вмѣстѣ вернулся, конечно, и Гильемъ Арно [2]).

Петръ Селла сидѣлъ въ своей епархіи въ Керси. Представлялся вопросъ, кого

---

[1]) Martène, «Thesaur.», I, 992.—Epist. Saeculi XIII. T. I, № 688 (Mon. Germ. Hist.).—Teulet, «Layettes», II, 314.

Мы имѣемъ доказательство подчиненія епископа инквизиторамъ; въ отлученіи отъ Церкви вигье и консуловъ Тулузы, произнесенномъ 24 іюля 1237 г., епископъ Раймундъ и другіе прелаты упоминаются въ качествѣ засѣдателей суда инквизиторовъ (Doat, XXI, 148).

[2]) Potthast, № 10152.—Epist. Saeculi XIII. T. I, № 700 (Monum. Germ. Hist.).—Diplom. Fridr. II. T. IV. P. II, 912.—Vaissete, III, 408.—Pelisso, «Chron.», 40—1.

Библиотека "Руниверс"

избрать въ товарищи Гильему. Чтобы сдѣлать уступку народному чувству, легатъ избралъ францисканца: онъ полагалъ, что сравнительная кротость этого ордена смягчитъ ненависть, которую внушали къ себѣ доминиканцы; и вакантное мѣсто было предоставлено францисканскому провинціалу Жану де Нотойра. Послѣдній, черезчуръ обремененный своими другими обязанностями, взялъ себѣ въ помощники Этьена де С.-Тибери, пользовавшагося репутаціей человѣка простого и благодушнаго. Но надежда легата не оправдалась: Инквизиція нисколько не ослабила своей жестокости. Оба товарища соединились на общую работу, и съ одинаковой ревностью оба шли къ одной и той же цѣли [1]).

Гильемъ Арно отличался неутомимой дѣятельностью. Въ своемъ изгнаніи въ Каркассонѣ онъ утѣшился тѣмъ, что поднялъ тамъ процессъ противъ сеньора Ніора, котораго и осудилъ въ февралѣ или мартѣ 1236 г. Въ началѣ 1237 г. онъ былъ уже въ Керси и помогалъ Петру Селла въ преслѣдованіи еретиковъ Монтобана. Онъ еще былъ въ отсутствіи, когда въ Тулузѣ произошло блистательное обращеніе, поразившее ужасомъ еретиковъ и быстро подвинувшее впередъ дѣло уничтоженія ереси. Въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ Раймундъ Гро былъ Совершеннымъ еретикомъ, былъ главнымъ вождемъ секты и пользовался самымъ полнымъ ея довѣріемъ; и вдругъ онъ обратился. Преданіе разсказываетъ, что четверть вѣка тому назадъ, арестованный и приговоренный къ костру, онъ спасся отъ пламени благодаря заступничеству св. Доминика [2]). Святой, очевидно, предвидѣлъ, что этотъ человѣкъ вступитъ со временемъ въ лоно Церкви и послужитъ во славу Бога. 2 апрѣля безъ всякаго предупрежденія Раймундъ Гро является въ доминиканскій монастырь, смиренно проситъ допустить его до покаянія и соглашается выполнить все, что ему прикажутъ. Съ ревностью неофита онъ открылъ все, что узналъ за время своего общенія съ катарами. Признаніе за признаніемъ срывалось съ его устъ, такъ что потребовалось нѣсколько дней, чтобы записать всѣ имена и факты. Такимъ путемъ былъ составленъ длинный перечень дворянъ и видныхъ гражданъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ренегатъ подтвердилъ старыя подозрѣнія, а также указалъ на существованіе ереси тамъ, гдѣ ея никто и не думалъ искать.

Гильемъ Арно поспѣшилъ вернуться изъ Монтобана: нужно было извлечь все возможное изъ этого неожиданнаго случая. Еретики были напуганы. Никто не смѣлъ оспаривать истинности обвиненій, предъявленныхъ Раймундомъ Гро. Многіе бѣжали, и имена ихъ мы встрѣчаемъ въ авиньонской рѣзнѣ и въ конечной катастрофѣ Монсегюра. Другіе отреклись отъ ереси и прибавили новыя разоблаченія къ даннымъ ихъ бывшимъ главой. Составили длинный списокъ именъ лицъ, принявшихъ е р е т и к а ц і ю на смертномъ одрѣ; масса труповъ была вырыта и сожжена; масса конфискацій была произведена послѣ этого.

Это былъ страшный ударъ для еретиковъ. Тулуза была ихъ главнымъ центромъ. Дворяне и рыцари, консулы и богатые граждане презирали до сихъ поръ розыски инквизиторовъ, отстаивая передъ ними своихъ несчастныхъ братьевъ, и вдругъ они увидѣли себя разсѣянными преслѣдуемыми, вынужденными принести отреченіе или отправиться на костеръ; сила ихъ тайной организаціи была безвозвратно разбита. Понятна та благочестивая радость, съ которой лѣтописецъ повѣствуетъ, рисуя картины гибели и паденія еретической общины: «Имена ихъ не внесены въ Книгу Живота; тѣла ихъ сожжены на землѣ, а души ихъ горятъ въ вѣчномъ огнѣ ада»! Однимъ приговоромъ, вынесеннымъ 19 февраля 1238 г., были сразу осуждены къ пожизненному тюремному заключенію болѣе чѣмъ двадцать кающихся. Поэтому можно судить, насколько обильна была жатва, и какъ быстро работали жнецы [3]).

---

[1]) Pelisso, «Chron.», 41—2.

[2]) Coll. Doat, XXI, 163.

[3]) Pelisso, «Chron.», 43—51.—Coll. Doat, XXI, 149.—Думаютъ, что среди жертвъ находился катарскій епископъ Вигорось де Бокона. По Альберику де Trois-Fontaines онъ былъ сожженъ

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, Инквизиція, несмотря на страхъ, который ея дѣйствія внушали народу, торжествовала побѣду. Она разбила оппозицію свѣтскихъ властей и пустила глубокіе корни въ землю. Уничтоживъ зло въ Тулузѣ, инквизиторы пожелали проявить свою, не знающую устали, дѣятельность и въ другихъ мѣстахъ. Они предпринимали турнэ и устраивали суды по всѣмъ городамъ, на которые распространялась ихъ юрисдикція, избавляя обвиняемыхъ отъ скучной необходимости являться на судъ въ другой городъ. Ихъ неослабное рвеніе принесло плоды: еретики были вынуждены покинуть земли гр. Раймунда и искать убѣжища за границей. Повидимому, извѣстная часть ихъ поселилась на земляхъ Короны, такъ какъ въ томъ же году Григорій порицалъ королевскихъ чиновниковъ, не проявлявшихъ особаго рвенія при приведеніи въ исполненіе приговоровъ, вынесенныхъ противъ могущественныхъ еретиковъ. Инквизиція свирѣпствовала повсюду безъ отдыха. Именно въ этотъ годъ выдвинулся своей дикой энергіей Понсъ де л'Эспарръ, дѣйствовавшій въ Провансѣ противъ враговъ вѣры. Между тѣмъ, въ Монпелье безпрестанно притекали еретики и успѣшно распространяли свои заблужденія; обезпокоенные граждане просили помощи у папы. Папа послалъ къ нимъ своего легата, Іоанна Віеннскаго, поручивъ ему принять мѣры противъ потока еретиковъ [1]).

Впрочемъ, на нѣкоторое время ростъ Инквизиціи задержался. Графъ Раймундъ, казалось, мало безпокоился о томъ, что на немъ лежало такъ много отлученій отъ Церкви. Вмѣсто того, чтобы отплыть въ Палестину, онъ захватилъ Марсель, который взбунтовался противъ своего сюзерена, графа Провансальскаго. Папа снова разсердился: во-первыхъ, этотъ споръ между христіанскими князьями мѣшалъ войнѣ противъ сарацинъ въ Испаніи и противъ невѣрныхъ въ Св. Землѣ; а, во-вторыхъ, онъ обезпечивалъ еретикамъ временную безнаказанность. Раймунду было строго приказано немедленно оставить Марсель и выполнить, наконецъ, свое обѣщаніе—принять участіе въ крестовомъ походѣ; и только благодаря вмѣшательству короля Людовика и королевы Бланшъ ему удалось получить отсрочку на годъ. Въ то же время онъ просилъ, чтобы дѣло Инквизиціи отобрали отъ доминикацевъ, такъ какъ они, по его словамъ, питали къ нему личную ненависть; легату было поручено удовлетворить эту просьбу графа, если его жалоба послѣ разслѣдованія окажется основательной.

Въ Тулузѣ въ это время снова вспыхнули безпорядки. 24 іюля 1237 г. инквизиторъ еще разъ отлучилъ отъ Церкви вигье и консуловъ за то, что они не арестовали и не сожгли Аламана де Роэ и другихъ еретиковъ, осужденныхъ in absentia. Тогда Раймундъ рѣшилъ сдѣлать все возможное, чтобы освободиться самому и освободить своихъ подданныхъ отъ черезчуръ жестокаго гнета [2]).

Но старанія его въ этомъ отношеніи привели къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. 13 мая 1238 г. по просьбѣ Раймунда дѣятельность инквизиціоннаго суда была пріостановлена на три мѣсяца; графъ воспользовался этой отсрочкой,

---

въ Тулузѣ въ 1233 г. (Chron. ann. 1233); но имѣются доказательства, что онъ жилъ и даже дѣйствовалъ въ 1235 или 1236 г. (Doat, XXII, 222). Около 1229 г. онъ былъ возведенъ въ санъ filius major катарскимъ епископомъ Гильябертомъ изъ Кастра (Doat, XXII, 226). Имя его долго еще встрѣчается въ сознаніяхъ кающихся, которые отзывались о немъ какъ объ уважаемомъ наставникѣ.

[1]) Guill. Pod. Laur., c. 43.—Arch. de l'Evêché de Béziers (Doat, XXXI, 35).—Bern. Guidon. «Libell. de Magist. Ord. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 422).—Raynald. ann. 1237, № 32.

[2]) Epist. Saeculi XIII. T. I, № 706 (Mon. Germ. Hist.—Potthast, № 10357, 10361.—Raynald. ann. 1237, №№ 33, 37.—Teulet, «Layettes», II, 339, № 2514.—Vaissete, III, 410.—Coll. Doat, XXI, 146.

Послѣднимъ дѣйствіемъ Инквизиціи передъ ея вынужденнымъ отдыхомъ было, повидимому, низложеніе Раймунда Жана изъ Альби (30 апрѣля 1328 г.). (Doat, XXIII, 273).

Библиотека "Руниверс"

чтобы представить папѣ свои объясненія. Несомнѣнно, онъ собралъ вѣскія доказательства, такъ какъ Григорій предписалъ епископу продлить пріостановку до пріѣзда новаго легата, кардинала-епископа Палестрины; послѣднему было поручено разслѣдовать все, въ чемъ упрекали доминиканцевъ, и онъ долженъ былъ рѣшить, подлежало ли ходатайство Раймунда удовлетворенію, и слѣдовало ли передать юрисдикціи одного епископа всѣ дѣла по обвиненію въ ереси. Крестовый походъ Раймунда былъ сокращенъ до трехъ лѣтъ, вмѣсто прежнихъ пяти, и онъ долженъ былъ предпринять его свободно при условіи, что графъ дастъ оффиціально королю Людовику обѣщаніе отправиться въ слѣдующемъ году. Если Раймундъ совершитъ крестовый походъ, если онъ загладитъ всѣ свои прегрѣшенія передъ Церковью, то съ него будутъ сняты многочисленныя, тяготѣвшія на немъ, отлученія [1]).

Неожиданное обстоятельство продлило кратковременную остановку дѣятельности Инквизиціи. Въ виду борьбы противъ Фридриха II отъѣздъ кардинала-легата былъ отложенъ на цѣлый годъ. Прелатъ, облеченный полною властью противъ инквизиторовъ, прибылъ только въ 1239 г. Какое слѣдствіе произвелъ онъ, къ какому выводу пришелъ, этого мы не знаемъ; но фактъ тотъ, что до конца 1241 г. Инквизиція совершенно бездѣйствовала. Католики и катары могли свободно дышать, не чувствуя надъ собой постояннаго наблюденія и проявленія совершенно сверхчеловѣческой энергіи монаховъ [2]).

Но легко понять, почему, въ концѣ концовъ, Инквизиція опять была возстановлена. Епископы проявили небрежность, какою они отличались и раньше; они интересовались только своими свѣтскими бенефиціями и нисколько не заботились о религіозныхъ убѣжденіяхъ своей паствы. Еретики, ободренные вѣротерпимостью, стали смѣлѣе; они питали надежду, что вернутся старыя добрыя времена, когда они безбоязненно жили подъ властью князей-еретиковъ и спокойно смотрѣли на далекихъ враговъ, Римъ и Парижъ. Положеніе страны, однако, было мало успокоительно, въ особенности во владѣніяхъ короны. Страна была полна рыцарей и бароновъ, болѣе или менѣе открыто исповѣдывавшихъ ересь и жившихъ подъ постояннымъ страхомъ близкаго преслѣдованія. Здѣсь нашли также пристанище сеньоры, изгнанные за ересь; другіе, обращенные силою, тайно горѣли желаніемъ исповѣдывать свою гонимую вѣру и вернуть свои отнятыя земли; кающіеся, уставшіе носить свои кресты, мечтали объ отомщеніи за продолжительное униженіе. Бѣглецы, faidits и еретическіе наставники бродили по горамъ, скрываясь въ глуши лѣсовъ и въ пещерахъ. Не было ни одной семьи, которая не хотѣла бы отомстить за своихъ родныхъ, павшихъ на полѣ битвы или сожженныхъ на кострѣ. Недостатокъ тюремъ и скупость прелатовъ не позволяли прибѣгнуть къ заключенію всѣхъ въ тюрьму, и мало зажигалось костровъ, чтобы замѣтнымъ образомъ убавить число заклятыхъ враговъ существующаго порядка. Неожиданно въ 1240 г. вспыхнуло возстаніе, поднятое Тренкавелемъ. Тренкавель былъ сынъ виконта Безье, который, обманомъ захваченный Симономъ де Монфоръ, умеръ такъ во-время, что думали, что его отравили. Тренкавель привелъ изъ Каталоніи цѣлую армію рыцарей и изгнанныхъ дворянъ. Вассалы и подданные встрѣтили его съ энтузіазмомъ. Графъ Раймундъ, двоюродный братъ Тренкавеля, держалъ себя крайне осторожно; но его двусмысленное поведеніе давало понять, что онъ выступитъ на сцену, когда увидитъ себя заинтересованнымъ въ успѣхѣ или пораженіи одной изъ сторонъ. Возстаніе вначалѣ было удачно. Тренкавель осадилъ городъ своихъ предковъ, Каркассонъ; предмѣстье сдалось тотчасъ же. Каково было настроеніе побѣдителей, можно судить потому, что они хладно-

---

[1]) Teulet, «Layettes», II, 377, 386.—Epist. Saeculi XIII, T. I, № 731 (Mon. Germ. Hist.).—Raynald. ann. 1239, №№ 71—73.—Arch. du Vatican, T. XIX (Berger, «Actes d'Innocent IV», стр. XIX).

[2]) Arch. Nat. de France, J. 430, №№ 19, 20.—Guill. Pod. Laurent., с 43.—Vaissete, III, 411.

Библиотека "Руниверс"

кровно убили тридцать духовныхъ лицъ, которымъ сами торжественно обѣщали свободный пропускъ въ Нарбонну [1]).

Даже слабое королевское войско, подъ начальствомъ Жана де Бомонъ, подавило сразу возстаніе; а послѣдовавшія за этимъ репрессіи совершенно уничтожили немногочисленное дворянство страны. Это было для короны полезнымъ предувѣдомленіемъ. Гражданское устройство было въ эту эпоху въ южной Франціи неразрывно связано съ устройствомъ церковнымъ. Чтобы послѣднее не пало, нужно было его охрану поручить людямъ болѣе энергичнымъ и дѣятельнымъ, чѣмъ прелаты, думавшіе только о своихъ личныхъ дѣлахъ. Въ 1241 г., подъ предсѣдательствомъ Эмери де Колье, еретическаго епископа Альби, катары устроили большое собраніе на правомъ берегу Ларнеты, показывая этимъ, что ихъ дерзость возросла, и что они съ надеждой смотрѣли на будущее. Церковь и государство могли тогда понять лучше, чѣмъ прежде, насколько была необходима имъ Инквизиція, если они хотѣли сохранить добытое съ такимъ трудомъ крестовыми походами [2]).

Основатель Инквизиціи, Григорій IX, умеръ 22 августа 1241 г. Весьма вѣроятно, что передъ смертью онъ вернулъ Инквизиціи свободу дѣйствій. Его преемникъ, Целестинъ IV, былъ папой только девятнадцать дней (съ 20 сентября по 8 октября), а затѣмъ послѣдовало междупапствіе до избранія на папскій престолъ 28 іюня 1243 г. Иннокентія IV. Такимъ образомъ, около двухъ лѣтъ папскій престолъ оставался фактически незанятымъ. Въ эту эпоху политика Раймунда была направлена къ тому, чтобы поддерживать добрыя отношенія съ папствомъ. Графъ добивался отъ Григорія снятія четырехъ отлученій и одной индульгенціи за крестовый походъ, а затѣмъ разрѣшенія вступить въ бракъ съ Санчо, дочерью и наслѣдницей графа Прованскаго. Онъ не предвидѣлъ, что здѣсь его предупредитъ королева Бланшъ, и что, обезпечивъ этотъ блестящій союзъ для своего сына Карла, она оснуетъ домъ Анжу-Провансальскій и присоединитъ къ владѣніямъ королевства новыя прекрасныя земли Юга.

Всецѣло поглощенный этими проектами, при помощи которыхъ онъ надѣялся возстановить свое могущество, графъ заключилъ союзъ съ Іаковомъ I Арагонскимъ, чтобы защищать Св. Престолъ и католическую вѣру противъ еретиковъ. Занятый этимъ, онъ не могъ оказать сопротивленія возрожденію преслѣдованія. Мало того, замѣшанный въ возстаніи Тренкавеля и вызванный на судъ королемъ Людовикомъ, онъ былъ вынужденъ 14 марта обязаться клятвою изгнать изъ своихъ земель faiditz и враговъ короля и немедленно захватить замокъ Монсегюръ, послѣднее убѣжище ереси [3]).

Одинъ фактъ показываетъ, какія тѣсныя связи соединяли тогда вопросы религіи и политики, какія затрудненія встрѣчала Инквизиція въ своей борьбѣ противъ ереси и горячаго патріотизма, и какой вредъ нанесло еретикамъ пораженіе возстанія. Въ возстаніи Тренкавеля приняли участіе могущественные дворяне де Фенуйледъ, сеньоры де Ніоръ. Эти три брата, Гильемъ Гиро, Бернаръ Ото и Гиро Бернаръ, равно какъ и мать ихъ, Эсклармонда, представляли добычу, которую уже давно и энергично преслѣдовали инквизиторы и королевскій сенешаль Каркассона. Гильемъ пріобрѣлъ славу храбраго рыцаря во время крестовыхъ походовъ; его братья сумѣли удержать за собой свои замки и свое вліяніе среди всѣхъ превратностей времени. Когда кардиналъ Романо предпринялъ въ 1229 г. общій розыскъ, они были отмѣчены въ числѣ главныхъ начальниковъ еретиковъ. Въ то

[1]) Guill. Pod. Laurent., c. 43.—Guill. Nangiac. «Gest. S. Ludov.» ann. 1239.—Vaissete, III, 420.—Bern. Guidon. «Vit. Gregor. PP. IX» (Muratori «S. R. J.», III, 574).—Teulet, «Layettes», II, 457.—Тренкавель освободилъ отъ присяги на вѣрность консуловъ Безье только въ 1247 г.—Mascaro, «Libre de Memorias» ann. 1247.

[2]) A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, VII, 448—61).—Douais, «Les Albigeois», Парижъ, 1879 г.; Pièces justif. № 4.

[3]) D'Achery, «Spicileg.», III, 621.—Vaissete, III, 424; Pr. 400.

Библиотека "Руниверс"

же время Тулузскій соборъ объявилъ двухъ изъ нихъ врагами вѣры и грозилъ имъ отлученіемъ отъ Церкви, если они не покорятся въ теченіе пятнадцати дней. Около 1233 г. или немного ранѣе они, какъ передаютъ, опустошили огнемъ и мечомъ земли Петра Амьеля, архіепископа Нарбоннскаго. Они напали на самого прелата и ранили его въ то время, какъ онъ ѣхалъ въ Римъ. Григорій IX приказалъ архіепископу соединиться съ епископомъ Тулузскимъ и энергично начать дѣло противъ этихъ преступниковъ. Въ то же время онъ обратился съ воззваніемъ къ свѣтской власти въ лицѣ гр. Раймунда. Вслѣдствіе этого Раймундъ дю Фога и тулузскій прево начали дѣло. Кромѣ Петра Амьеля, вызвали сто-семь свидѣтелей. Архіепископъ подъ присягой перечислилъ массу преступленій, совершенныхъ его врагами. Всѣ они были, въ его глазахъ, еретиками: они одно время укрывали въ своемъ замкѣ до тридцати Совершенныхъ еретиковъ; они приказали убить Андре Шолэ, сенешаля Каркассонскаго, за то, что онъ пытался доказать ихъ виновность. Другіе свидѣтели также подтверждали виновность братьевъ. Такъ, напр., Бернаръ Ото однажды заставилъ замолчать священника въ его же собственной церкви и возвелъ на каѳедру вмѣсто католическаго священника еретика, который и произнесъ проповѣдь. Но, однако, нашлось много свидѣтелей, которые горячо защищали обвиняемыхъ. Наставникъ Госпиталя въ Пюисегюрѣ засвидѣтельствовалъ католичество Бернара Ото и заявилъ, что благодаря дѣйствіямъ этого сеньора на пользу вѣры и умиротворенія тысяча еретиковъ нашла себѣ смерть. Одинъ священникъ подтвердилъ клятвенно, что онъ видѣлъ, какъ Бернаръ принималъ участіе въ поимкѣ многихъ враговъ вѣры. Одинъ архидіаконъ заявилъ, что онъ не могъ бы остаться въ странѣ, если бы его не защитила армія, которую Бернаръ собралъ послѣ смерти покойнаго короля; этотъ же свидѣтель добавилъ, что преслѣдованіе, какъ ему кажется, начато скорѣе изъ личной ненависти, чѣмъ изъ благочестія. Благодаря этому первая попытка окончилась безуспѣшно, и въ 1234 г. Бернаръ Ото подписался, какъ свидѣтель, подъ договоромъ, заключеннымъ королевскимъ сенешалемъ съ монастыремъ въ Алэ.

Но, когда была учреждена Инквизиція, ей вскорѣ же пришлось наложить свою тяжелую руку на этихъ дворянъ, которые продолжали считать себя независимыми феодалами и не признавали авторитета короля, ставшаго теперь ихъ непосредственнымъ сюзереномъ. Въ 1235 г. инквизиторъ Гильемъ Арно, будучи въ Каркассонѣ, взялъ себѣ въ помощники мѣстнаго архидіакона и вызвалъ къ себѣ трехъ братьевъ и ихъ мать. Бернаръ Ото и Гильемъ явились по вызову, но ни въ чемъ не сознались; тогда сенешаль арестовалъ ихъ, и пытка вырвала у Гильема признаніе, которое инквизиторъ нашелъ достаточнымъ, чтобы подвергнуть его 2 марта 1236 г. пожизненному тюремному заключенію. Бернаръ продолжалъ упорствовать и былъ осужденъ, какъ мятежный еретикъ, 13 февраля 1236 г. Сенешаль готовилъ уже костеръ. Гиро и его мать были осуждены заочно 2 марта. Гиро, которому удалось избѣгнуть ареста, началъ укрѣплять свои замки. Его приготовленія въ войнѣ носили такой рѣшительный характеръ, что французы, разсѣянные по всей странѣ, перепугались. Леви де Мирпуа, Maréchal de la Foi, приготовился отражать нападеніе; но остальные французы настояли на томъ, чтобы сенешаль освободилъ братьевъ; и, такимъ образомъ, инквизиторскій приговоръ остался только на бумагѣ. Правда, инквизиторъ утѣшился въ этой неудачѣ тѣмъ, что послалъ на костеръ порядочное число менѣе страшныхъ еретиковъ изъ среды какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ. Два года спустя инквизиторы тщетно добивались, чтобы гр. Раймундъ привелъ въ исполненіе ихъ приговоръ и конфисковалъ земли братьевъ, и только пораженіе Тренкавеля заставило сеньоровъ де Ніоръ просить мира. Бернаръ Ото снова предсталъ предъ Инквизиціей, а Гильемъ изъявилъ покорность отъ своего имени и отъ имени своихъ братьевъ. Они согласились отдать свои замки королю подъ условіемъ, что послѣдній исходатайствуетъ у Церкви прощеніе имъ, ихъ матери, ихъ племянникамъ и ихъ союзникамъ. Если король не выполнитъ этого

Библиотека "Руниверс"

условія до праздника Пятидесятницы, то онъ долженъ вернуть имъ ихъ замки и дать имъ мѣсячный срокъ на приготовленіе къ защитѣ. Людовикъ Святой подписалъ этотъ договоръ въ январѣ 1241 г., но, когда наступилъ срокъ, онъ отказался вернуть замки, соглашаясь только платить доходъ отъ нихъ, лишь бы только братья не жили въ Фенуйледѣ. Гильемъ умеръ въ 1256 г., и Людовикъ оставилъ за собою и замки и доходы, ссылаясь на личный договоръ съ покойнымъ. Въ это время положеніе уже настолько окрѣпло, что можно было не бояться въ будущемъ никакихъ сопротивленій. Такъ былъ уничтоженъ этотъ могущественный домъ. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ мало-по-малу была уничтожаема Инквизиціей независимость сеньоровъ, и какъ постепенно авторитетъ короны и Церкви распространялся на всю страну [1]).

За пораженіемъ Тренкавеля послѣдовала реакція. Инквизиторы подняли голову, увидѣвъ, что народъ остался беззащитнымъ, и съ удвоенной ревностью и энергіей принялись за дѣло. До насъ дошелъ списокъ приговоровъ, вынесенныхъ Петромъ Селла во время его объѣзда своей области Керси за время съ Рождественскаго поста 1241 г. до Вознесенія 1242 г. Этотъ документъ очень важенъ, такъ какъ изъ него мы видимъ, какъ шла работа инквизиторовъ.

Мы знаемъ, что инквизиторы, являясь въ городъ, объявляли срокъ милосердія. Всѣ тѣ, кто добровольно приносилъ раскаяніе въ опредѣленный срокъ, избѣгали тюрьмы, конфискаціи или костра. Этотъ пріемъ былъ очень выгоденъ для Инквизиціи: онъ давалъ ей не только огромное число обращенныхъ, но также массу свидѣтельскихъ показаній противъ упорствующихъ еретиковъ. Упомянутый списокъ показываетъ, съ какой быстротой велось все дѣло [2]).

Гурдонъ . .	219	приговоровъ	во время Рождественскаго поста 1241 г.
Монкюкъ .	84	»	» Масляницы 1242 г.
Совтеръ . .	5	»	» » »
Белькейръ .	7	»	» » »
Монтобанъ.	254	»	въ недѣлю передъ Вознесеніемъ (21—28 мая 1242 г.).
Мойсакъ .	99	»	» Вознесенія (28 мая—5 іюня 1242 г.).
Монпеза .	22	»	» Масляницы 1242 г.
Монто . .	23	»	» » »
Кастельно.	11	»	» » »
Итого	724		

Четыремстамъ-двадцати-семи изъ этихъ кающихся было приказано совершить паломничество въ Компостель, на крайній сѣверо-западъ Испаніи; имъ предстояло сдѣлать отъ 400 до 500 миль по горнымъ тропинкамъ. Сто-восемь были посланы въ Кэнтербери. Всѣ, кромѣ трехъ или четырехъ, должны были совершить это паломничество сверхъ паломничества въ Компостель. Двое только были посланы въ Римъ. Семьдесятъ-девять были обязаны принять участіе въ крестовомъ походѣ срокомъ отъ одного до восьми лѣтъ. На остальныхъ были наложены болѣе легкія паломничества.

---

[1]) Guillem. de Tudela, V, 8980, 9183.—Trésor des Chartes du Roi à Carcassone (Doat, XXII, 34—49).—Vaissete, изд. Privat, VIII, 975.—Teulet, «Layettes», II, 252, № 2241.—Vaissete, III, 383, 422—3; Pr. 385, 397—99.—Ripoll, VII, 9.—Potthast, № 9024.—Pelisso, «Chron.», 28—9.—Coll. Doat, XXI, 163—4, 166; XXIV, 81.

[2]) Этотъ документъ находился въ коллекціи Доата (XXI, 185 и сл.).—Не указано, что дѣло идетъ о добровольныхъ обращеніяхъ, полученныхъ въ теченіе срока милосердія; но можно смѣло утверждать это. Всѣ наложенныя епитиміи относятся къ разряду тѣхъ, которыя накладывались на подобныхъ кающихся. Въ одномъ дѣлѣ (fol. 220) сказано, что осужденный не явился въ дни срока милосердія, откуда можно заключить, что остальные выполнили это условіе. Съ другой стороны, быстрота, которой отличаются эти рѣшенія, можетъ быть объяснена только тѣмъ, что не было преслѣдованія противъ обвиняемыхъ.

Библиотека "Руниверс"

При разсмотрѣніи этого списка намъ прежде всего бросается въ глаза поразительная быстрота, съ которой велось дѣло. Всѣ эти осужденія были сдѣланы въ теченіе только шести мѣсяцевъ. Ни откуда не видно, чтобы дѣло правосудія отправлялось безъ всякаго перерыва; не возможно допустить, чтобы инквизиторъ работалъ безостановочно: ему приходилось переѣзжать съ мѣста на мѣсто, онъ долженъ былъ давать вызваннымъ къ нему обвиняемымъ необходимый срокъ на явку, ему часто приходилось прерывать свою дѣятельность, чтобы собрать свидѣтельскія показанія относительно не явившихся на судъ. Какъ легкомысленно и небрежно должно было вестись дѣло, чтобы въ теченіе четырехъ недѣль успѣть записать признанія и вынести приговоръ по дѣлу о двухстахъ-девятнадцати лицахъ, какъ это было въ Гурдонѣ! Еще быстрѣе велось дѣло въ Монтобанѣ, гдѣ въ одну недѣлю было вынесено двѣсти-пятьдесятъ-четыре приговора, т.-е. среднимъ числомъ по сорокъ два приговора въ рабочій день. Въ различныхъ дѣлахъ одно и то же рѣшеніе было примѣнено къ двумъ виновнымъ.

Еще поразительнѣе количество осужденныхъ: двѣсти-девятнадцать въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Гурдонѣ, восемьдесятъ-четыре въ Монкюкѣ. Несомнѣнно, многіе изъ осужденныхъ были дѣйствительно еретиками, катарами и вальденцами, такъ какъ населеніе было сильно пропитано ересью, но большинство было хорошими католиками. Дружескія отношенія, существовавшія между различными сектами, приводили самаго убѣжденнаго католика въ сношенія съ еретиками и навлекали на него наказаніе какъ на еретика. Таково, напр., дѣло одного священника, который сознался, что онъ пошелъ разъ съ еретиками въ виноградникъ, читалъ ихъ книги и съѣлъ съ ними нѣсколько грушъ. Съ него строго взыскали за его безразсудство: ему запретили отправленіе священническихъ обязанностей и послали въ паломничество въ Компостель, а оттуда въ Римъ. Инквизиторы снабдили его письмами, которыя, конечно, не отличались благорасположеніемъ. Очевидно, затруднялись, какое наложить наказаніе за столь великое преступленіе. Самыя невинныя преступленія въ этомъ родѣ карались суровыми епитиміями. Одинъ гражданинъ Совтера видѣлъ, какъ три еретика вошли въ домъ больного и, какъ онъ слышалъ впослѣдствіи, совершили надъ нимъ обрядъ еретикаціи; самъ обвиняемый ничего объ этомъ не зналъ; но, тѣмъ не менѣе, его присудили совершить паломничество въ Пюи. Одинъ житель Белькейра за то, что передалъ письмо одного еретика другому, былъ осужденъ на паломничества въ Пюи, С.-Жиль и Компостель. Та же епитимія была наложена на врача, перевязавшаго руку еретику, и на женщину, пообѣдавшую разъ съ еретикомъ. Такое же тройное паломничество было наложено на нѣсколькихъ лодочниковъ, которые перевезли, не зная того, еретиковъ черезъ рѣку и узнали, что они еретики только около другого берега. Одна женщина за то, что ѣла и пила съ другою женщиной, о которой говорили, что она еретичка, была послана въ Пюи и С.-Жиль. Той же епитиміи подвергся одинъ мужчина за то, что однажды посѣтилъ еретика, и одна женщина за то, что, она, когда у нея захворалъ сынъ, обратилась за совѣтомъ къ врачу-вальденцу. Вообще среди вальденцевъ было много хорошихъ врачей, и два человѣка, позвавшіе ихъ къ больнымъ женамъ или дѣтямъ, были осуждены на паломничества въ Пюи, С.-Жиль и Компостель. Одинъ гражданинъ, два или три раза бывшій въ гостяхъ у еретиковъ, искупилъ свой грѣхъ вступленіемъ въ монастырь; но, тѣмъ не менѣе, ему были предписаны многочисленныя паломничества, въ томъ числѣ въ Компостель и въ Кэнтербери; кромѣ того, въ теченіе года онъ долженъ былъ носить желтый крестъ. Одинъ былъ посланъ въ Компостель за то, что разъ попалъ въ лодку, гдѣ были еретики, и, узнавъ это, поспѣшилъ удалиться; другой за то, что въ дѣтствѣ провелъ однажды часть дня и ночи съ еретиками. Одного послали въ Пюи за то, что, будучи двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, онъ былъ разъ въ гостяхъ у еретиковъ; одного за то, что принялъ у себя свою мать-вальденку и подарилъ ей

Библиотека "Руниверс"

аршинъ сукна, послали въ Пюи, С.-Жиль и Компостель [1]). Можно было бы до безконечности продолжать этотъ перечень, но и приведеннаго достаточно, чтобы показать характеръ преступленія и родъ наказаній, налагаемыхъ на добровольно кающихся. Ничто не позволяетъ намъ думать, что среди осужденныхъ не было католиковъ. Нужно было просто дать понять народу, что прежняя многолѣтняя вѣротерпимость отжила свое время. Сосѣдскія отношенія между католиками, катарами и вальденцами считались уже грѣхомъ. Еретикъ былъ дикій звѣрь; на него нужно было устраивать облавы и ловить его какъ звѣря или избѣгать какъ прокаженнаго.

Такъ поступали съ тѣми, кто добровольно являлся въ теченіе срока милосердія. Суровѣе поступали, если преступленіе открывалось позднѣе. Нетрудно представить, какія чувства возбуждала къ себѣ Инквизиція въ населеніи безъ различія религіозныхъ убѣжденій отдѣльныхъ лицъ. Слухъ о приближеніи инквизиторовъ нагонялъ страхъ на всѣхъ. Никто не могъ поручиться, что онъ не окажется виновнымъ въ глазахъ такихъ страшныхъ фанатиковъ, какъ Петръ Селла и Гильемъ Арно. Еретики ждали пожизненнаго тюремнаго заключенія, конфискаціи имущества или сожженія на кострѣ, а въ лучшемъ случаѣ отправки въ Константинополь защищать колеблющуюся Латинскую имперію. Съ своей стороны, и католики не ждали ничего хорошаго. Если они избѣгали болѣе суровыхъ наказаній, если ихъ освобождали отъ унизительнаго ношенія желтыхъ крестовъ, то вмѣсто этого ихъ осуждали на дальнія и трудныя паломничества; и поэтому приходъ инквизитора былъ въ глазахъ католиковъ бичемъ Божіимъ. Спокойно шествовали инквизиторы впередъ по странѣ, а за ними оставалась пустыня, почти лишенная населенія. Когда отецъ или мать отправлялись на мѣсяцы или даже на цѣлые годы на поклоненіе отдаленнымъ святынямъ, то ихъ дѣти оставались дома, осужденныя на голодную смерть; жатва на корню была добычей перваго пришельца; всѣ плоды долгой трудовой жизни были утрачены, конфискованы, сведены на нѣтъ. Къ тому же приведенный нами перечень приговоровъ Петра Селлы, вынесенныхъ имъ за срокъ милосердія, освѣщаетъ только одну сторону дѣла. Годъ или два позднѣе Нарбоннскій соборъ былъ вынужденъ предложить инквизиторамъ прекратить на время осужденія къ тюремному заключенію: число людей, приходившихъ цѣлыми толпами просить прощенія по истеченіи срока милосердія, было дѣйствительно такъ велико, что не хватало денегъ на содержаніе ихъ въ тюрьмахъ; чувствовался даже недостатокъ, въ этой гористой странѣ, въ камнѣ для постройки тюремъ [2])!

Часто также случалось, какъ это было въ Кастельнодари, что жители, предупрежденные во-время, объединялись, чтобы дать отпоръ инквизитору. Рано ли, поздно ли эти отдѣльныя попытки должны были привести къ катастрофѣ: такова была рѣзня въ Авиньонѣ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ замокъ Монсегюръ былъ для катаровъ горою Ѳаворъ. Какъ показываетъ самое названіе, онъ представлялъ вѣрное убѣжище, открытое для всѣхъ, кто нигдѣ не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности. Разрушенный въ первый разъ, онъ былъ возстановленъ въ началѣ столѣтія Раймундомъ де Перейль, который въ теченіе сорока лѣтъ давалъ въ немъ пріютъ еретикамъ, употребляя на защиту преслѣдуемыхъ всѣ свои силы и средства. Въ 1232 г. катарскіе епископы, Тентонъ Ажанскій и Гильберъ Тулузскій, и много другихъ наставниковъ, видя, что угнетеніе и преслѣдованіе растутъ постоянно, поняли, что необходимо имѣть крѣпость, которая при случаѣ могла бы служить убѣжищемъ. Было рѣшено, что Раймундъ будетъ принимать и укрывать всѣхъ гонимыхъ сектантовъ, и что ему будетъ ввѣрено храненіе общественныхъ денегъ.

---

[1]) Coll. Doat, XXI, 210, 215, 216, 227, 229, 230, 238, 265, 283, 285, 293, 299, 300, 301, 305, 307, 308, 310.

[2]) Concil. Narbonn. ann. 1244, c. 19.

Библиотека "Руниверс"

Замокъ, построенный на землѣ маршаловъ Мирпуа, никогда не впускалъ въ свои стѣны французовъ. Чтобы укрѣпить эту скалу, считавшуюся недоступной, примѣнили все, что знала современная военная техника, все, что могли сдѣлать преданныя руки людей, готовыхъ помочь. Уже съ самаго начала инквизиціоннаго преслѣдованія въ Монсегюрѣ укрывались закоренѣлые еретики, которые чувствовали на себѣ тяжелую руку Инквизиціи. Изгнанные рыцари и всевозможные faidits охотно предлагали къ услугамъ хозяина замка свою шпагу. Епископы и наставники катаровъ укрывались въ немъ отъ грозившей смерти или отдыхали въ немъ отъ трудовъ и опасностей своей миссіонерской дѣятельности. Самъ Раймундъ де Перейль нашелъ въ немъ въ 1237 г. убѣжище, когда, скомпрометированный разоблаченіями Раймунда Гро, бѣжалъ изъ Тулузы съ женой своей Корба. Приверженность его рода къ ереси была уже засвидѣтельствована смертью дочери его Эсклармонды на кострѣ и дѣятельностью брата его, Арнольда Роже, епископа катарскаго.

Эта крѣпость въ рукахъ людей, потерявшихъ всякую надежду и горящихъ дикимъ фанатизмомъ, была страшна для новаго порядка вещей. Въ глазахъ Церкви она была проклятымъ мѣстомъ, откуда всякую минуту могла выступить ересь и залить снова всю страну. Уже давно всѣ добрые католики желали, чтобы Монсегюръ былъ разрушенъ. 14 марта 1241 г. однимъ изъ условій, подъ которымъ было дано гр. Раймунду прощеніе за подозрительныя его сношенія съ Тренкавелемъ, было, чтобы онъ занялъ Монсегюръ. Дѣйствительно, онъ въ томъ же году сдѣлалъ видъ, что осаждаетъ замокъ; но взятіе замка не входило въ его тогдашніе разсчеты. Все это было лишь предлогомъ къ военнымъ подготовленіямъ съ совершенно другою цѣлью. Осаждала замокъ и французская армія, послѣ подавленія возстанія, но взять его ей не удалось [1]).

Наканунѣ Вознесенія 1242 г. Петръ Селла спокойно кончалъ свое дѣло въ Монтобанѣ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, напугавшее и изумившее всѣхъ: въ Авиньонѣ, маленькомъ городкѣ миляхъ въ двѣнадцати отъ Тулузы, убиты инквизиторы! Суровый Гильемъ Арно и добродушный Этьенъ де С.-Тиберп совершали въ это время такую же поѣздку по своей области, какъ и ихъ товарищъ Петръ Селла. Изъ дошедшихъ до насъ приговоровъ этихъ двухъ инквизиторовъ мы знаемъ, что въ ноябрѣ 1241 г. они дѣйствовали въ Лаворѣ и въ С.-Поль де Кожу, а весною 1242 г. прибыли въ Авиньонѣ [2]). Бальи въ этомъ городѣ отъ имени гр. Раймунда былъ Раймундъ д'Альфаро, мать котораго, Гильеметта, была незаконной дочерью Раймунда VI. Когда онъ узналъ о приближеніи инквизиторовъ и ихъ помощниковъ, онъ задумалъ ихъ погубить. Онъ послалъ нарочнаго къ еретикамъ Монсегюра. На его зовъ тотчасъ выступилъ Петръ Роже де Мирпуа съ большимъ числомъ рыцарей, сопровождаемыхъ ихъ слугами. Они остановились въ большомъ лѣсу вблизи Авиньонѣ, куда имъ принесли много съѣстныхъ припасовъ; здѣсь къ нимъ присоединилось еще около тридцати вооруженныхъ людей изъ окрестностей. Они ждали ночи. На случай неудачи этого плана Альфаро устроилъ другую засаду на дорогѣ изъ Кастельнодари. Жестокія дѣйствія Инквизиціи возбудили такую ненависть у всѣхъ, что столь широкій заговоръ могъ создаться въ какой-нибудь часъ, и не нашлось между заговорщиками ни одного предателя. Еще болѣе поучительно: убійцы, возвращаясь въ Монсегюръ, были очень любезно приняты въ замкѣ св. Феликса католическимъ священникомъ, не знавшимъ еще объ ихъ кровавомъ подвигѣ.

Жертвы, ничего не подозрѣвая, попали въ ловушку. Всѣхъ ихъ было девять: два инквизитора, доминиканскіе монахи, одинъ францисканскій монахъ, бенедиктинскій пріоръ изъ Авиньонѣ, архидіаконъ изъ Лезà, Раймундъ де Костиранъ, трубадуръ, отъ котораго

---

[1]) Pelisso, «Chron.», 49—50.—Coll. Doat, XXII, 216—7, 224, 228.—Schmidt, «Cathares», t. I, 315, 324.

[2]) Coll. Doat, XXI 153, 155, 158.

Библиотека "Руниверс"

сохранилась только одна непристойная пѣсня, клерикъ архидіакона, нотаріусъ и два сторожа. Они были любезно приняты въ замкѣ графа, гдѣ они рѣшили на другой день открыть засѣданія своего суда и судить жителей, которые дрожали отъ страха. Ночью изъ лѣсу вышло двѣнадцать выбранныхъ человѣкъ, вооруженныхъ топорами; крадучись, они проскользнули къ подземному ходу въ замокъ; тамъ встрѣтилъ ихъ одинъ изъ товарищей Альфаро, Голеранъ, сказалъ, что все идетъ хорошо, и пошелъ посмотрѣть, что дѣлаютъ инквизиторы. Вернувшись первый разъ, онъ сказалъ, что инквизиторы пьютъ; вернувшись второй разъ, онъ пришелъ съ добрыми вѣстями, сообщилъ, что они уже ложатся спать. Изъ опасенія они легли спать всѣ вмѣстѣ въ большой залѣ, двери которой забаррикадировали. Открыли подземный ходъ, люди изъ Монсегюра вошли, и къ нимъ присоединились Альфаро, вооруженный булавой, и двадцать-пять гражданъ Авиньона. Ихъ сопровождалъ одинъ изъ слугъ инквизиторовъ, что свидѣтельствуетъ объ измѣнѣ. Дверь въ залъ была тотчасъ же выломана, разъяренная толпа ворвалась, убила несчастныхъ и радостными криками ознаменовала отомщеніе. Каждый хвастался своими подвигами въ этомъ кровавомъ дѣлѣ. Альфаро кричалъ «Va be! Esta be!», хвалилъ свою булаву и при этомъ однимъ ударомъ раздробилъ черепъ Гильема Арно. Убійцы раздѣлили между собою все имущество своихъ жертвъ—лошадей, книги, одежду, даже наплечники. Когда вѣсть объ этомъ достигла Рима, коллегія кардиналовъ поспѣшила объявить убитыхъ инквизиторовъ мучениками за Христа. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Иннокентія IV, избраннаго въ іюнѣ 1243 г., было подтвержденіе этого объявленія. Однако, эти мученики не были канонизованы, несмотря на многочисленныя просьбы, обращенныя къ Св. Престолу, и проявленныя ими чудеса; и только въ 1866 г. Пій IX произвелъ ихъ запоздалое освященіе [1]).

Рѣзня въ Авиньонѣ была печальной ошибкой, подобной убійству легата Петра де Кастельно въ 1208 г. Это грубое насиліе вызвало содроганіе ужаса даже у тѣхъ, кто порицалъ жестокость Инквизиціи. Дерзость покушенія и дикая жестокость, сопровождавшая его, невольно позволяли думать, что ересь можно уничтожить только силою. Вполнѣ естественно, что послѣ этого симпатіи перемѣнились. Однако, убійство, въ сущности, прошло безнаказанно. Братъ Ферреръ, каркассонскій инквизиторъ, произвелъ правильное разслѣдованіе дѣла; послѣ взятія Монсегюра въ 1244 г. были раскрыты всѣ подробности заговора нѣсколькими людьми, принимавшими въ немъ участіе, но дѣйствительные виновные не понесли наказанія. Правда, когда тяжелыя условія давали гр. Раймунду свободное время, онъ вѣшалъ разныхъ неважныхъ участниковъ кроваваго дѣла; однако, Альфаро былъ въ 1247 г. назначенъ на должность вигье въ Тулузу; онъ велъ отъ имени графа переговоры о погребеніи покойнаго графа и, наконецъ, былъ однимъ изъ девяти свидѣтелей завѣщанія Раймунда. Другой коноводъ, Гильемъ де Масъ-Сентъ-Пюэль (de Mas-Saintes-Puelles) послѣ смерти Раймунда, въ 1249 г., принесъ присягу на вѣрность графу Альфонсу. Интересная подробность: раньше, чѣмъ волненіе, вызванное насиліемъ надъ Инквизиціей, заставило Гильема

---

[1]) Vaissete, III, 431; Pr. 438—42.—Doat, XXIV, 160.—Guill. Pod. Laur., c. 45.—Peyrat, «Les Albigeois et l'Inquisition», II, 304.—Diez, «Leben und Werke der Troubadours», 491.—Ripoll, I, 117.—Analecta Franciscana, Quaracchi, 1887, II, 65.

Преданіе католиковъ изъ Авиньона передаетъ, что слуги инквизиторовъ ускользнули и спрятались въ церкви, гдѣ они были убиты вмѣстѣ съ нѣкоторыми обывателями-католиками, искавшими тамъ себѣ пріюта. Вслѣдствіе этого осквернения святыни церковь оставалась заброшенной въ теченіе сорока лѣтъ. Годовщина ея освященія—первый вторникъ въ іюнѣ—до послѣдняго столѣтія праздновалась, какъ мѣстный праздникъ, иллюминаціей и торжествомъ.

Въ 1538 г. папа Павелъ III предложилъ полное прощеніе грѣховъ всѣмъ вѣрнымъ, которые исповѣдывались бы въ ней въ этотъ день (Ripoll, IV, 565).

Библиотека "Руниверс"

сдѣлаться однимъ изъ убійцъ въ Авиньонѣ, онъ въ качествѣ бальи въ Лаворѣ въ 1233 г. арестовалъ, отвелъ въ Тулузу и отдалъ на сожженіе большое число еретиковъ [1]).

Рѣзня эта много повредила гр. Раймунду. Онъ въ это время дѣлалъ разные проекты, чтобы добиться возстановленія своего дѣла и возвращенія своихъ земель, и эти проекты, повидимому, были близки къ осуществленію. Онъ не могъ снять съ себя отвѣтственности, которую всѣ приписывали ему за это дѣло. Незадолго передъ этимъ, 14 марта, считая себя смертельно больнымъ, онъ, чтобы получить отпущеніе грѣховъ отъ замѣстителя Ажанскаго епископа, поклялся направить всѣ свои силы на преслѣдованіе ереси. Но всѣмъ было извѣстно, что онъ враждебно относился къ доминиканцамъ какъ къ инквизиторамъ и былъ также противъ того, чтобы эти обязанности вообще были переданы монахамъ. 1-е мая, ровно за четыре недѣли передъ событіемъ въ Авиньонѣ, онъ, въ присутствіи многочисленныхъ прелатовъ и дворянъ, торжественно объявилъ, что будетъ жаловаться въ Римъ на то, что провинціалъ назначилъ въ его области доминиканцевъ инквизиторами. И онъ разсчитывалъ непремѣнно послать эту жалобу. Ратуя самымъ горячимъ образомъ за уничтоженіе ереси, онъ побуждалъ епископовъ энергично примѣнить въ этомъ дѣлѣ ихъ законную власть, обѣщалъ имъ свою поддержку и обязывался исполнять законъ о конфискаціяхъ и смертной казни. Онъ даже соглашался допустить монаховъ къ исполненію обязанностей инквизиторовъ, лишь при одномъ условіи, чтобы они дѣйствовали совершенно независимо, безъ всякаго контроля своихъ орденовъ и своихъ провинціаловъ. Одинъ изъ его бальи грозилъ даже въ церкви въ Мойсакѣ конфисковать имущество и арестовать всякаго, кто подчинится наказаніямъ, наложеннымъ инквизиторами, не аккредитованными графомъ. Поэтому нечего удивляться, что Раймунда считали причастнымъ къ убійству въ Авиньонѣ, и что общественное мнѣніе о немъ послѣ этого сильно измѣнилось [2]).

Раймундъ задумывалъ въ это время огромный союзъ, чтобы отнять у Капетинговъ ихъ завоеванія за послѣднюю четверть вѣка. Къ нему должны были присоединиться короли Англіи, Кастиліи и Арагоніи и графъ де ла Маршъ. Все позволяло ему надѣяться, что онъ вернетъ себѣ свои прежнія владѣнія. Рѣзня въ Авиньонѣ была грустнымъ предзнаменованіемъ возстанія, которое вскорѣ вспыхнуло противъ него. Вѣрность нѣкоторыхъ изъ его вассаловъ поколебалась, и они отказали ему въ помощи. Тогда графу, чтобы занять набранное имъ войско, пришлось приступить къ настоящей, а не притворной осадѣ Монсегюра. Однако, былъ моментъ, когда казалось, что онъ поднимется. Онъ даже принялъ свой старый титулъ герцога Нарбоннскаго. Но король Людовикъ умѣлъ встрѣчать опасности и не далъ союзникамъ времени соединить свои силы. Побѣдами надъ англичанами и гасконцами подъ Тайльбургомъ и Сентомъ 19 и 23 іюля онъ лишилъ Раймунда всякой надежды на постороннюю помощь. Чума заставила Людовика распустить главную армію, но сильный отрядъ, подъ начальствомъ опытнаго ветерана Эмбера де Божё, продолжалъ войну противъ графа, и 22 декабря, лишенный союзниковъ и покинутый почти всѣми своими вассалами, Раймундъ долженъ былъ сложить оружіе. Чтобы добиться мира, онъ соглашался уничтожить ересь и наказать убійцъ въ Авиньонѣ. Благоразумный и умѣренный король Людовикъ обошелся съ нимъ милостиво. Однако, отъ всѣхъ лицъ мужского пола старше пятнадцати лѣтъ онъ потребовалъ присягу въ томъ, что они будутъ помогать Церкви въ ея борьбѣ противъ ереси и будутъ поддерживать короля противъ Раймунда, если послѣдній снова возстанетъ. Этотъ договоръ еще разъ подтверждаетъ, что интересы

---

[1]) Vaissete, III, 456.—Guill. Pod. Laur., c. 45.—Molinier ap. Pelisso «Chron.», 19.—Molinier, «L'Ensev. de Raymond VI», 21.—Vaissete изд. Privat, VIII, 1258.

[2]) Teulet, «Layettes», II, 466.—Maj. Chron. Lemov. 1242 (Bouq. XXI, 765).—Vaissete, III. Pr. 410.—Guid. Pod. Laur., c. 45.—Schmidt, «Cathares», I, 320.—Bern. Guidon. «Vit. Coelest. PP. IV» (Muratori «S. R. J.» III, 589).

Библиотека "Руниверс"

Церкви и французской династіи на югѣ Франціи были связаны неразрывно, и тріумфъ Церкви и французской династіи на этотъ разъ былъ полный [1]).

Такъ кончилась послѣдняя серьезная попытка Юга вернуть свою независимость. Вскорѣ Парижскій договоръ отдалъ эти земли безповоротно въ руки иностранца, и Инквизиція получила полную возможность потребовать отъ нихъ подчиненія католической Церкви. Тщетно, на соборѣ въ Безье 20 апрѣля 1243 г. Раймундъ призывалъ епископовъ своихъ владѣній, Тулузы, Ажана, Кагора, Альби и Родеза какъ лично, такъ и черезъ уполномоченныхъ представителей—цистерціанцевъ, доминиканцевъ или францисканцевъ—взять въ свои руки дѣло Инквизиціи и обѣщалъ имъ поддержку свѣтской власти. Тщетно, сейчасъ же послѣ избранія Иннокентія IV доминиканцы, напуганные рѣзнею въ Авиньонѣ, обратились съ просьбою къ папѣ освободить ихъ отъ опасной и тяжелой обязанности инквизиторовъ. Папа рѣшительно отказалъ и приказалъ имъ продолжать ихъ святое дѣло, хотя бы имъ всѣмъ пришлось принять мученическій вѣнецъ [2]).

Это былъ единственный случай, гдѣ доминиканцы проявили колебаніе и слабость. Въ орденѣ было немало людей, готовыхъ въ своемъ горячемъ фанатизмѣ на всякую опасную миссію; къ тому же опасность была болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Опасные элементы были унесены реакціей, наступившей послѣ безполезнаго убійства въ Авиньонѣ и послѣ подавленія возстанія Раймунда. Создалось благопріятное для католичества направленіе. Епископомъ Альби Дюраномъ было въ 1243 г. основано братство, члены котораго, находившіеся подъ покровительствомъ св. Цециліи, обязывались помогать взаимно другъ другу, содѣйствовать епископу въ его борьбѣ противъ еретиковъ, вальденцевъ и сторонниковъ вальденцевъ и защищать инквизиторовъ какъ самихъ себя. Всякій членъ, заподозрѣнный въ ереси, подвергался немедленно исключенію. Всякому, кто схватитъ еретика и доставитъ его въ братство, выдавалась въ видѣ награды марка серебра. Подобныя же братства были, повидимому, основаны въ эту эпоху и въ другихъ мѣстахъ. Съ другой стороны, новый папа откровенно и прямо выражалъ свои взгляды. Отказавъ доминиканцамъ въ ихъ ходатайствѣ, онъ обратился ко всѣмъ прелатамъ страны съ приказаніемъ помогать инквизиторамъ и поддерживать ихъ въ ихъ трудахъ и испытаніяхъ. Онъ грозилъ гнѣвомъ и мщеніемъ всѣмъ тѣмъ, кто будетъ небрежно относиться къ этимъ обязанностямъ, и обѣщалъ свою особую милость всѣмъ ревностнымъ. Доминиканцевъ онъ призывалъ удвоить силы, чтобы задушить возродившуюся ересь. Новый легатъ Зонъ, избранный въ епископы Авиньона, отправился въ Лангедокъ, везя съ собою рѣшительныя инструкціи въ виду предстоящей усиленной дѣятельности. На его предшественника инквизиторы постоянно жаловались за то, что онъ, несмотря на ихъ увѣщанія, освобождалъ нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ ими и безъ разбора отмѣнялъ наказанія. Всѣ дѣйствія кроткаго епископа были признаны не имѣющими законной силы, и новый епископъ, въ силу полученныхъ приказаній, наложилъ снова отмѣненныя наказанія.

Еще тяжелѣй отразилось на ереси окончательное примиреніе Раймунда съ папствомъ. Въ сентябрѣ 1243 г. графъ отправился въ Италію, гдѣ онъ видѣлся въ Апуліи съ Фридрихомъ II и получилъ аудіенцію у папы въ Римѣ. Десять лѣтъ тому назадъ онъ подвергся отлученію отъ Церкви и все время велъ безполезную борьбу; теперь онъ не обманывалъ себя надеждами и готовъ былъ исполнить все, что отъ него потребуютъ. Съ другой стороны, новый папа не смотрѣлъ на него съ предубѣжденіемъ, какъ Григорій IX, и поэтому они безъ затрудненій пришли къ соглашенію, которому, впрочемъ, много помогъ Людовикъ IX.

---

[1]) Vaissete, III, 434—7, 439.—Teulet, «Layettes», II, 470, 481—2, 484, 487, 488, 489, 493, 495 и слл.

[2]) Vaissete, III. Pr. 325.—Ripoll, I, 118.—Булла Иннокентія помѣчена 10 іюля 1243 г., т.-е. черезъ двѣ недѣли послѣ его избранія. Очевидно, депутація была послана къ Целестину IV. Булла же была приготовлена заранѣе въ ожиданіи избранія новаго папы.

Библиотека "Руниверс"

2 декабря были сняты съ Раймунда всѣ тяготѣвшія надъ нимъ отлученія. 1 января 1244 г. этотъ актъ былъ объявленъ королю Людовику и прелатамъ королевства, которые должны были объявить его по всѣмъ церквамъ. 7 января легатъ Зонъ получилъ приказаніе засвидѣтельствовать графу отеческую любовь папы и не давать его въ обиду. Однако, это разрѣшеніе было дано ad cautelam, т.-е. съ оговоркой. Особое отлученіе было наложено на Раймунда какъ на покровителя еретиковъ послѣ рѣзни въ Авиньонѣ инквизиторами Феррерomъ и Гильемомъ Раймундомъ. По этому поводу графъ въ апрѣлѣ 1243 г. обратился съ жалобой къ Святому Престолу, а это отлученіе было снято особою буллою только 16 мая 1244 г. Раймундъ, повидимому, не былъ связанъ никакими условіями относительно такъ долго откладываемаго крестоваго похода и жилъ въ полномъ согласіи съ Св. Престоломъ; на него изливались даже многочисленныя милости. Булла 18 марта 1244 г. предоставляла ему огромную привилегію: ему разрѣшалось въ теченіе пяти лѣтъ не отвѣчать ни на одно папское посланіе, которое вызывало бы его на судъ за предѣлами его владѣній. Другою буллою отъ 27 апрѣля 1245 г. графъ, его семейство и его земли брались подъ особое покровительство Св. Престола; булла 12 мая 1245 г. объявляла, что ни одинъ уполномоченный папы безъ особаго на то полномочія не имѣетъ права отлучать Раймунда отъ Церкви или накладывать на него какое-либо наказаніе. Мало того, булла 21 апрѣля 1245 г. ограничивала даже, до извѣстной степени, инквизиторовъ, на что, впрочемъ, послѣдніе не обратили никакого вниманія. Раймундъ окончательно перешелъ на сторону католической Церкви. Онъ рѣшилъ склониться передъ требованіями времени; отнынѣ еретикамъ нечего было надѣяться на него, инквизиторамъ нечего было бояться его. Такъ подготовлялись къ усиленной и правильной дѣятельности, и въ это-то время Нарбоннскій соборъ выработалъ мѣры, о которыхъ мы не разъ упоминали [1]).

До тѣхъ поръ, пока въ рукахъ еретиковъ оставался укрѣпленный замокъ Монсегюръ, служившій имъ убѣжищемъ и мѣстомъ собраній, нельзя было уничтожить ихъ тайную и могущественную организацію. Надлежало взять этотъ притонъ разбойниковъ; и какъ только успокоилось волненіе, вызванное возстаніемъ 1242 г., былъ поднятъ крестовый походъ и не Раймундомъ на этотъ разъ, а архіепископомъ Нарбонны, епископомъ Альби, сенешалемъ Каркассона и другими дворянами, которые горѣли ревностью или желаніемъ обрѣсти вѣчное спасеніе. Съ своей стороны, и еретики не сидѣли, сложа руки. Многіе бароны графа Раймунда поддерживали ихъ. Имъ послали знаменитаго мастера военныхъ машинъ Бертрана де ла Бакалеріа, который принялъ мѣры къ защитѣ замка. Со всѣхъ сторонъ стекались въ замокъ деньги, съѣстные припасы, оружіе и запасы. Осада началась весною 1243 г. Нападеніе велось съ неослабной энергіей; осажденные защищались со стойкостью людей, лишенныхъ надежды. Женщины помогали мужчинамъ; уважаемый епископъ катаровъ, Бертранъ Мартинъ, возбуждалъ храбрость обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства. Настроеніе умовъ тогда было таково, что осужденные пользовались симпатіей даже въ лагерѣ своихъ враговъ, и благодаря этому они могли поддерживать сношенія съ своими друзьями внѣ замка и узнавать планы атаки. Передъ Рождествомъ 1243 г. удалось даже провезти безопасно черезъ всю линію осаждающихъ цѣнности, собранныя въ Монсегюрѣ, и переслать ихъ къ Понсу-Арнольду де Шатоверденъ въ Савартесъ. Осажденные поддерживали сношенія съ гр. Раймундомъ, который подкрѣплялъ ихъ, главнымъ образомъ, обѣщаніями, что, если Монсегюръ продержится до Пасхи 1244 г., то онъ явится къ нимъ на выручку съ вспомогательной арміей Фридриха II. Но все это

---

[1]) Vaissete, III, 443; Pr. 411, 433—4.—Potthast, №№ 10943, 11187, 11218, 11390, 11638.—Teulet, «Layettes»; II, 523, 524, 528, 534.—D'Achery, III, 621.—Berger, «Registres d'Innocent IV», №№ 21, 267, 360, 364, 594, 697, 1283.—Douais, «Les Sources de l'histoire de l'Inquisition» (loc. cit., 415).

Библиотека "Руниверс"

было тщетно. Осада продолжалась уже почти цѣлый годъ, когда ночью 1 марта 1244 г. пастухи предали своихъ соотечественниковъ и провели крестоносцевъ почти по неприступнымъ тропинкамъ черезъ крутыя скалы. Болѣе замокъ не могъ держаться. Переговоры окончились быстро: гарнизонъ долженъ былъ сдаться на зарѣ, всѣ Совершенные должны быть выданы архіепископу, остальнымъ сохранялась жизнь. Удалось спустить по веревкамъ со стѣны нѣсколько еретиковъ, которые спаслись такимъ образомъ. Капитуляція послѣдовала немедленно. Архіепископъ быстро началъ отбирать признанія. У подошвы скалы устроили, сложивъ кучи дровъ, цѣлый рядъ костровъ и зажгли ихъ. Совершеннымъ было приказано отречься; они отказались, и ихъ бросили въ огонь. Погибло такимъ образомъ двѣсти-пять мужчинъ и женщинъ. Побѣдители могли, торжествуя побѣду, донести папѣ: «Мы раздавили голову гидрѣ!» [1]).

Остальнымъ плѣнникамъ обѣщали сохранить жизнь; но это обѣщаніе было сдѣлано лишь для того, чтобы извлечь изъ нихъ все возможное. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ инквизиторы Ферреръ и Дюранъ вели допросы, стараясь собрать показанія противъ еретиковъ ближнихъ и дальнихъ, живыхъ и мертвыхъ. Всѣ, начиная отъ престарѣлаго Раймунда де Перейль до десятилѣтняго ребенка, должны были раскрыть всѣ извѣстные имъ случаи поклоненія (adoratio) и еретикаціи. Были исписаны цѣлые томы; были составлены безконечно длинные списки, въ которые были внесены имена всѣхъ тѣхъ, кто въ теченіе тридцати или сорока лѣтъ присутствовалъ на еретическихъ проповѣдяхъ или при consolamenta, по всей странѣ до самой Каталоніи. Тщательно разыскивали и записывали всѣхъ тѣхъ, кто доставлялъ съѣстные припасы осажденнымъ въ Монсегюрѣ. Такъ широко составлены были ужасные списки Инквизиціи, и теперь была извѣстна вся сѣть ереси, раскинувшаяся надъ страной болѣе чѣмъ за время одного поколѣнія. Это сулило много вырытыхъ труповъ, много выгодныхъ конфискацій; это давало въ руки инквизиторовъ неотразимое оружіе для ловли жертвъ и уличенія ихъ въ преступленіи. Что касается способовъ, какими были добыты эти разоблаченія, то мы должны сдѣлать оговорку. Пытка не была еще введена; плѣнникамъ обѣщали сохранить жизнь; но, съ другой стороны, подобные еретики не могли избѣгнуть пожизненной тюрьмы. Однако, удалось сломить самое твердое упорство. Такъ, напр., даже Раймундъ де Перейль, твердо перенесшій всѣ превратности крестовыхъ походовъ и твердо державшійся до послѣдняго момента, порылся въ своей памяти и выдалъ всѣхъ, кто, какъ онъ зналъ, выказывалъ поклоненіе передъ наставникомъ. Можно представить себѣ, какъ были ужасны эти два мѣсяца предварительнаго плѣна, въ теченіе которыхъ нужно было разбить такую духовную мощь и довести человѣка до послѣдней ступени безчестія; напр., Совершенный еретикъ Арнольдъ де Брето былъ схваченъ во время бѣгства въ Ломбардіи и выдалъ всѣхъ, кто давалъ ему убѣжище, и кто присутствовалъ на его богослуженіяхъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ останавливался во время своего бѣгства [2]).

Отнынѣ для катаровъ оставалось только возложить надежду на одного Бога. Послѣдніе устои сопротивленія были сломлены. Имъ оставалось только бороться пассивно, оставалось только идти на мученическую смерть. Инквизиція могла, сколько ей было угодно, ловить и хватать еретиковъ; король и графъ могли вмѣшиваться и производить конфискаціи, и земли южной Франціи постепенно переходили благодаря этому въ руки католиковъ и пришельцевъ. Однако, вѣра катаровъ была настолько живуча, что безнадежная борьба велась еще три поколѣнія. Но само собой понятно, что столь ужасныя событія не могли не внести разстройства въ среду еретиковъ. Въ современной поэмѣ доминиканца Изарна

---

[1]) Guill. Pod. Laur., c. 46.—Coll. Doat, XXII, 204, 210; XXIV, 76, 80, 168—72, 181.—Schmidt, «Cathares», I, 325.—Peyrat, «Les Albigeois et l'Inquisition», II, 363 и сл.

[2]) Collection Doat, XXII, 202, 214, 237; XXIV, 68, 160, 182, 198.

Библиотека "Руниверс"

ересткъ Сикаръ де Фигейрасъ жалуется, что лучшіе друзья обманули ихъ довѣріе, обращаются противъ нихъ и выдаютъ ихъ. У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы судить о числѣ вѣрующихъ, которые отреклись отъ своихъ убѣжденій на условіи даже пожизненной тюрьмы; но это число должно быть огромно, такъ какъ Нарбоннскій соборъ около этого времени просилъ инквизиторовъ пріостановить судъ въ виду недостатка матеріаловъ для постройки тюремъ. Невозможно было размѣстить толпы еретиковъ, которые постоянно приходили и просили прощенія по истеченіи срока милосердія; въ декабрѣ 1234 г. Иннокентій IV издалъ даже указъ о продленіи этого срока [1]).

Среди населенія, гдѣ ересь была въ постоянномъ броженіи, ревность инквизиторовъ находила себѣ широкое поле дѣйствія и помимо этихъ тысячъ добровольно кающихся. Всякій кающійся долженъ былъ назвать всѣхъ, кого онъ видѣлъ исполнявшимъ еретическіе обряды, или о комъ онъ зналъ, что онъ подвергся еретикаціи на смертномъ одрѣ. Благодаря этому представлялась возможность вызывать на судъ тѣхъ, кто не являлся добровольно, а покойниковъ, которыхъ нельзя было потребовать на судъ, вырывали изъ могилъ и кости ихъ сжигали.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ инквизиторы работали, не покладая рукъ. Терроризованное населеніе не оказывало болѣе никакого сопротивленія; оно привыкло къ пожизненному заключенію кающихся въ тюрьму; оно привыкло къ виду труповъ, вырытыхъ изъ могилъ и влекомыхъ по улицамъ; оно привыкло къ зареву костровъ, временный огонь которыхъ пожиралъ тѣла людей, души которыхъ шли въ неугасимый огнь ада. Но все же, кажется, обязанность инквизитора была не безопасна. Боялись еще возможности отпора, и соборъ въ Безье въ 1246 г., приказывая инквизиторамъ объѣзжать свои области, разрѣшаетъ имъ не посѣщать лично тѣхъ мѣстностей, гдѣ имъ могла бы грозить опасность; а въ 1247 г. Иннокентій разрѣшилъ инквизиторамъ вызывать къ себѣ далеко живущихъ обвиняемыхъ, чтобы во время пути не попасть въ засаду [2]).

Люди, отправлявшіе въ то время обязанности инквизиторовъ въ Лангедокѣ, не знали ни страха, ни устали и рѣдко пользовались этимъ благоразумнымъ разрѣшеніемъ. Бернаръ Ко, справедливо названный молотомъ еретиковъ, былъ въ это время душою тулузской инквизиціи. По окончаніи работъ въ Монпелье и Ажанѣ онъ получилъ себѣ въ помощники человѣка одинаковаго съ нимъ характера, Жана де С.-Пьера. Они приступили къ повальному обыску по всей провинціи и такъ перебрали населеніе, что мало, кто могъ ускользнуть отъ нихъ. До насъ дошелъ неполный отчетъ этого разслѣдованія, охватывающій только два года, 1245 и 1246; въ это время инквизиторы посѣтили шестьсотъ населенныхъ мѣстъ, почти половину Лангедока. Это была страшная работа, и инквизиторы вели ее съ невѣроятной энергіей, если судить по внушительному числу допросовъ въ слѣдующихъ городахъ: двѣсти-тридцать въ Авиньонэ, сто въ Фанжо, четыреста-двадцать въ Масъ-С.-Пуэль. По словамъ Молинье, изслѣдовавшаго этотъ интересный документъ, было произведено приблизительно отъ 8 до 10 тысячъ допросовъ. Если принять во вниманіе, что каждый допросъ сопровождался всегда судебнымъ разслѣдованіемъ и часто очными ставками, то прямо поражаешься сверхчеловѣческой энергіей, проявленной основателями Инквизиціи. Конечно, участь обвиняемыхъ, зачастую привлеченныхъ по простому доносу, рѣшалась довольно легкомысленно, но зато, по крайней мѣрѣ, они избѣгли безконечныхъ и жестокихъ формальностей Инквизиціи, которыя она примѣняла впослѣдствіи, работая на досугѣ. Трудно понять, имѣя передъ глазами подобный документъ, какъ могли въ 1245 г. епископы Лангедока жаловаться на чрезмѣрную мягкость Инквизиціи, какъ могли они утверждать, что ересь постоянно

[1]) Millot, «Troubadours», II, 77.—Berger, «Registres d'Innocent IV», № 37.
[2]) Concil. Biterrens. ann. 1246.—Consil. ad Inquis., c. 1.—Ripoll, I, 179.

Библиотека "Руниверс"

растетъ, и требовать отъ инквизиторовъ болѣе энергичной работы. Повидимому, между епископами и инквизиторами были нелады, такъ какъ въ томъ же году Иннокентій IV повелѣлъ инквизиторамъ Лангедока производить судъ только въ случаяхъ очевидной ереси и по преступленіямъ, влекущимъ за собою легкое наказаніе; разсмотрѣніе же дѣлъ серьезныхъ, караемыхъ тюрьмою, крестами, дальними паломничествами и конфискаціей, должно быть пріостановлено до изданія опредѣленныхъ правилъ на имѣющемъ открыться подъ его предсѣдательствомъ соборѣ въ Ліонѣ. Но въ дѣйствительности эти правила были выработаны на соборѣ въ Безье въ 1246 г., который издалъ новый судебный кодексъ для Инквизиціи [1]).

Графъ Раймундъ, отнынѣ всецѣло преданный католичеству, принялъ дѣятельное участіе въ подавленіи ереси. Его полная треволненій жизнь близилась къ концу. Чтобы сохранить добрыя отношенія съ Церковью, обѣщавшей ему покой и богатство, онъ не задумывался проливать кровь своихъ подданныхъ. Правда, онъ не былъ въ состояніи защитить ихъ, если бы даже и хотѣлъ; но теперь онъ хотѣлъ показать свою ненависть къ ереси. Въ 1247 г. онъ приказалъ своимъ служащимъ силою приводить на проповѣди монаховъ жителей всѣхъ городовъ и деревень. Въ 1249 г. въ Берлежѣ, близъ Ажана, онъ приказалъ сжечь восемьдесятъ вѣрующихъ, которые въ его присутствіи сознались въ своихъ заблужденіяхъ, превзойдя, такимъ образомъ, даже обычную жестокость инквизиторовъ. Около этого же времени король Іаковъ Арагонскій пріостановилъ дѣятельность Инквизиціи въ Нарбоннѣ. Быть-можетъ, это было вызвано убійствомъ двухъ служителей Инквизиціи и уничтоженіемъ бумагъ инквизиторовъ; нужно было много труда, чтобы возстановить списокъ осужденныхъ и длинный рядъ свидѣтельскихъ показаній, собранныхъ противъ подозрѣваемыхъ. Иннокентій IV, по ходатайству короля, запретилъ архіепископу и инквизиторамъ начинать дѣла о ереси; доминиканскій провинціалъ въ Испаніи и Раймундъ де Пеннафорте получили вслѣдъ за этимъ порученіе назначить новыхъ инквизиторовъ въ французскія владѣнія Арагоніи [2]).

Когда Людовикъ Святой рѣшилъ предпринять несчастный крестовый походъ въ Даміетту, онъ не пожелалъ оставить позади себя такого опаснаго вассала, какъ Раймундъ. Уже давно Иннокентій IV освободилъ его отъ обѣщанія служить святому дѣлу въ Палестинѣ, но теперь графъ легко сдавался на убѣжденія. Ему предложили подарки. Значительные размѣры этихъ даровъ показываютъ, какое значеніе придавали присутствію его въ арміи и отсутствію дома. Король обѣщалъ выдать ему на расходы отъ двадцати до тридцати тысячъ ливровъ и, по возвращеніи, возстановить Нарбоннское герцогство. Папа соглашался уплатить ему двѣ тысячи марокъ, какъ только онъ сядетъ на судно; кромѣ того, онъ предоставлялъ ему доходъ отъ всѣхъ «выкуповъ обѣщаній» и духовныхъ завѣщаній, сдѣланныхъ въ пользу крестоваго похода. Запрещеніе налагать на кающихся еретиковъ въ видѣ епитиміи отправленіе въ крестовый походъ будетъ также обращено въ пользу графа; не будутъ также во время его отсутствія въ видѣ епитиміи налагаться дальнія паломничества. Эти блестящія предложенія возбудили ревность новаго крестоносца, который серьезно сталъ готовиться къ отъѣзду. Его заботы о возстановленіи вѣры во всей ея чистотѣ возросли. Его даже не удовлетворяла неутомимая дѣятельность Бернара Ко, и онъ жаловался въ началѣ 1248 г. Иннокентію IV на инквизитора, что онъ

---

[1]) Doat, XXII, 217.—Molinier, «L'Inquisition dans le Midi de la France», 186—90.—См также Peyrat, «Les Albigeois et l'Inquis.», III, 467—73.—Vaissete III. Pr. 446—8.—Teulet, «Layettes», II, 566.

Аббатъ Дуэ (loc. cit., 419) говоритъ, что во время разслѣдованія Бернара Ко было сдѣлано до пяти тысячъ восьмисотъ-четырехъ допросовъ.

[2]) Vaissete, III, 457, 459; Pr. 467.—Guill. Pod. Laur. c. 48.—Baluz. et Mansi I, 210.—Arch. de l'Inq. de Carcassone (Doat, XXXI, 105, 149),—Ripoll, I, 184.

Библиотека "Руниверс"

недостаточно проявляетъ энергіи; если вѣрить ему, то Инквизиція небрежно вела свое дѣло: живые и мертвые еретики оставались безнаказанными; изъ-за границы прибывали новые и сѣяли свои заблужденія по сосѣднимъ областямъ, такъ что страна, недавно совершенно очищенная отъ ереси, снова была заражена ею [1]).

Смерть избавила Раймунда отъ участія въ несчастномъ крестовомъ походѣ въ Египетъ. Уже были окончены всѣ его приготовленія, когда онъ смертельно захворалъ. Умеръ онъ 27 сентября 1249 г. Передъ смертью онъ приказалъ своимъ наслѣдникамъ вернуть деньги, полученныя имъ на экспедицію, и послать на годъ на службу въ Палестину пятьдесятъ рыцарей. Всѣ подданные оплакивали его смерть, и эти слезы были имъ заслужены. Съ нимъ кончался домъ, который съ эпохи Каролинговъ доблестно занималъ свое мѣсто. Народъ чувствовалъ, что пала послѣдняя преграда, которая защищала его противъ ненавистныхъ французовъ. Его наслѣдница Жанна, воспитанная при дворѣ короля, была француженкой почти со дня своего рожденія; къ тому же она была совершенно безразлична и не имѣла никакого вліянія. Скипетръ Юга переходилъ въ руки Альфонса де Пуатье, жаднаго политика, ревность котораго къ католичеству основывалась, главнымъ образомъ, на томъ, что преслѣдованія влекли за собой выгодныя конфискаціи. Раймундъ неохотно и только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ къ конфискаціямъ; Альфонсъ искалъ ихъ Когда умеръ графъ, то Альфонсъ былъ въ Египтѣ съ женою и съ братомъ, королемъ Людовикомъ. Энергичная королева Бланшъ, въ качествѣ регентши, тотчасъ же приняла наслѣдство отъ его имени. Когда они вернулись въ 1251 г., то населеніе принесло имъ выраженіе своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Благодаря юридическимъ хитростямъ Альфонсъ не исполнилъ духовнаго завѣщанія Раймунда и не уплатилъ ничего на дѣла благочестія; вмѣсто этого, онъ, уѣзжая на сѣверъ, оставилъ крупную сумму на покрытіе издержекъ Инквизиціи и на покупку дровъ для костровъ. Немного позднѣе онъ напоминалъ епископамъ, чтобы они оказывали болѣе дѣйствительную помощь инквизиторамъ въ ихъ трудахъ. Его политика въ отношеніи Инквизиціи оставалась безъ перемѣны въ теченіе всѣхъ двадцати лѣтъ его царствованія. Онъ никогда не отступалъ въ своемъ поведеніи отъ разъ намѣченнаго направленія. Еще въ декабрѣ 1268 г. онъ писалъ Понсу де Пуайэ и Этьену де Гатинъ, призывая ихъ удвоить дѣятельность и немедленно очистить его владѣнія отъ всякой ереси. Это напоминаніе, конечно, было излишне, но оно характерно для политики Альфонса [2]).

Участь Лангедока была рѣшена безповоротно. Раньше можно было еще надѣяться, что непостоянный Раймундъ вернется къ своимъ старымъ заблужденіямъ. Затѣмъ подданные, зная его многочисленные проекты вступить въ бракъ, питали надежду, что когда-нибудь желаніе Раймунда осуществится, и у него родится сынъ, къ которому перейдутъ земли, не пошедшія въ приданое за дочерью. Надежда эта не имѣла въ себѣ ничего несбыточнаго, такъ какъ графъ умеръ, имѣя всего пятьдесятъ-одинъ годъ отъ роду; но со смертью его всѣ эти надежды рушились. Будущность катаровъ рисовалась имъ въ мрачныхъ краскахъ: облава, какъ на звѣря, а, въ концѣ концовъ, тюрьма или костеръ. Однако, еретическая Церковь упорно сопротивлялась. Число ея единомышленниковъ значительно порѣдѣло: многіе бѣжали въ Ломбардію, гдѣ послѣ смерти Фридриха, благодаря гражданскимъ войнамъ и взаимной борьбѣ мѣстныхъ тирановъ, какъ, напр., Эццелино да Романо, они находили убѣжище отъ преслѣдованія Инквизиціи. Много осталось ихъ въ Лангедокѣ, проповѣдуя среди католиковъ и не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства; шпіоны

[1]) Vaissete, III, 455—6; Pr. 468, 469.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 77, 79, 80).—Martène. «Thesaur.», I, 1040.

[2]) Martène, «Thesaur.», I, 1044.—Vaissete, III, 465.—Vaissete, изд. Privat, VIII, 1255, 1292, 1333, 1583.—Guill. Pod. Laur., c. 48.—Mary-Lafon, «Hist. du Midi de la France», III, 33, 49.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXI. 250).

Библиотека "Руниверс"

Инквизиціи постоянно выслѣживали ихъ, но крестьяне выдавали ихъ рѣдко. Эти скромные и простые люди, переносившіе безнадежно страданія, усталость и опасности за дѣло, которое они считали божескимъ, были истинными мучениками. Ихъ непоколебимый героизмъ показываетъ, насколько истина религіи мало вліяетъ на самоотреченіе ея послѣдователей. Райнеріо Сакконе, обращенный катаръ, освѣдомленный лучше кого-либо другого, насчитывалъ въ это время въ Ломбардіи сто-пятьдесятъ Совершенныхъ, пришедшихъ изъ Франціи; онъ насчитывалъ ихъ болѣе двухсотъ въ полуразрушенныхъ тогда церквахъ Тулузы, Каркассона, Альби и Ажана. Судя по этой цифрѣ, можно полагать, что, несмотря на систематическое и неумолимое двадцатилѣтнее преслѣдованіе, число вѣрующихъ было еще очень велико. Ихъ вѣра поддерживалась драгоцѣнными посѣщеніями странствующихъ наставниковъ и сношеніями съ Ломбардіей. До момента паденія секты къ югу отъ Альповъ во всѣхъ сознаніяхъ кающихся мы находимъ упоминанія объ этихъ паломничествахъ, поддерживавшихъ связь между изгнанниками и ихъ оставшимися на родинѣ братьями. Въ 1254 г. Гильемъ Фурнье на допросѣ тулузской инквизиціи показалъ, что онъ съ пятью товарищами, въ числѣ которыхъ были двѣ женщины, ходилъ въ Италію. Первая остановка ихъ была въ Кони, гдѣ они встрѣтили много еретиковъ; Раймундъ Мерсье, бывшій діаконъ Тулузы, совершилъ въ Павіи надъ нимъ обрядъ еретикаціи. Въ Кремонѣ онъ жилъ цѣлый годъ въ домѣ Вивьена, любимца тулузскаго епископа, у котораго онъ нашелъ много знатныхъ бѣглецовъ. Восемь мѣсяцевъ онъ прожилъ въ Пизѣ; въ Піаченцѣ онъ снова встрѣтился съ Вивьеномъ. Въ Лангедокъ вернулся онъ съ массой порученій отъ бѣглецовъ къ ихъ друзьямъ во Франціи. Допрошенный въ 1300 г. въ Альби, Этьенъ Маскотъ сознался, что его посылалъ въ Ломбардію наставникъ Раймундъ Кальвери съ порученіемъ привести Раймунда Андрэ или какого-нибудь другого Совершеннаго. Въ Генуѣ онъ встрѣтилъ Бертрана Фабри, имѣвшаго подобное же порученіе отъ Гильема Гольфье. Они дѣйствовали совмѣстно и нашли между бѣглецами много старыхъ друзей; послѣдніе свели ихъ въ лѣсъ, гдѣ были построены дома, служившіе убѣжищемъ для еретиковъ. Мѣстный сеньоръ приказалъ проводить ихъ одному ломбардцу, по имени Гильельмо Пагани, который съ ними же вернулся обратно. Въ 1309 г. Гильемъ Фалькэ сознался, что онъ пять разъ путешествовалъ въ Комо и даже въ Сицилію по дѣламъ Церкви. Арестованный во время посѣщенія имъ одного больного вѣрующаго, онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію въ оковахъ, но въ 1313 г. ему удалось бѣжать. Около этого же времени былъ осужденъ Раймундъ де Вердёнъ, совершившій четыре раза апостольское путешествіе въ Ломбардію [1]).

Преслѣдуемые еретики, оставаясь, такимъ образомъ, тайно дома, давали инквизиторамъ массу дѣла. Ряды этихъ еретиковъ рѣдѣли отъ преслѣдованія и бѣгства; но опытъ научалъ ихъ умѣнію избѣгать преслѣдователей. Уже нельзя было, какъ во время

[1]) Rainer, «Summa» (Martène, «Thesaur.», V, 1768).—Molinier, «L'Inquis. dans le Midi de la France», 254—5.—Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 11847.—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan. 13, 14. См. также любопытный разсказъ Ивона Нарбоннскаго у Matt. Paris, ann. 1243, стр. 412—13 (изд. 1644).

Аббатъ Дуэ, анализируя отрывки «Реестра тулузской инквизиціи» за время съ 1254 по 1256 г., говоритъ, что въ этомъ реестрѣ находятся имена шестисотъ-тринадцати обвиняемыхъ, принадлежащихъ къ департаментамъ Одъ, Арьежъ, Жеръ, Авейронъ и Тарнъ-и-Гаронна, большинство которыхъ составляли Совершенные. Здѣсь очевидно преувеличеніе, какъ это показываетъ статистика Райнеріо Сакконе, на которую мы ссылались въ текстѣ. На самомъ дѣлѣ въ эту эпоху вся катарская Церковь, отъ Константинополя до Арагоніи, насчитывала только четыре тысячи Совершенныхъ. Однако, число обвиняемыхъ показываетъ, что ересь продолжала быть крупнымъ соціальнымъ факторомъ, и что Инквизиціи дѣятельно и успѣшно преслѣдовала ее. Въ этомъ реестрѣ восемь свидѣтелей даютъ сто-семь именъ обвиняемыхъ (Sources de l'hist. de l'Inquisition, loc. cit., 423—32).

Библиотека "Руниверс"

Петра Селлы и Бернара Ко, собирать толпы кающихся; но все же еретиковъ оставалось достаточно, чтобы вознаграждать усилія инквизиторовъ и изощрять ловкость ихъ шпіоновъ.

Кромѣ того, понемногу совершенствовалась организація Инквизиціи, которую тщательно пересмотрѣлъ въ 1254 г. соборъ въ Альби. Были учреждены постоянныя судилища и точно опредѣлены границы инквизиторскихъ областей. Для Прованса и земель къ востоку отъ Роны центральнымъ пунктомъ былъ сдѣланъ Марсель, и эту область окончательно передали францисканцамъ. Остальныя зараженныя области были оставлены за доминиканцами, судилища которыхъ находились въ Тулузѣ, Каркассонѣ и Нарбоннѣ. Если вѣрить дошедшимъ до насъ неполнымъ документамъ, то каркассонская инквизиція дѣйствовала не менѣе энергично и плодотворно, чѣмъ тулузская. Одно время еретики искали убѣжища въ сѣверной Франціи; но и тамъ Инквизиція дѣлалась со дня на день энергичнѣе, и несчастные должны были повернуть назадъ. Въ 1255 г. Александръ IV уполномочилъ особой буллой провинціала и инквизиторовъ Парижа преслѣдовать бѣглецовъ даже въ земляхъ графа Тулузскаго. Въ эту эпоху должность инквизиторовъ неусыпно охранялась отъ вмѣшательства всякихъ другихъ властей. Вначалѣ, какъ мы видѣли, Инквизиція была подчинена контролю папскихъ легатовъ, но впослѣдствіи, прочно укрѣпившаяся и правильно организованная, она сдѣлалась независимой. Когда въ 1257 г. епископъ авиньонскій, легатъ Зонъ, пожелалъ въ силу своего легатскаго полномочія взять на себя дѣло Инквизиціи, Александръ IV довольно рѣзко призвалъ его къ порядку, предоставивъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію въ предѣлахъ своей епархіи, но запретивъ ему вмѣшиваться внѣ этихъ предѣловъ въ дѣла Инквизиціи. За это же время замѣчается полное порабощеніе всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ инквизиторамъ. Благочестивый Людовикъ Святой и жадные князья, Альфонсъ де Пуатье и Карлъ Анжуйскій, соревновали между собою, предоставляя всѣ силы государства въ распоряженіе Инквизиціи и принимая на себя ея расходы. Инквизиція была учрежденіемъ, вполнѣ самодержавнымъ—и сама была для себя закономъ [1]).

Послѣднее открытое сопротивленіе произошло въ 1255 г. Послѣ паденія Монсегюра изгнанные и лишенные званія рыцари, faidits, равно какъ и еретики, старались найти гдѣ-либо въ горахъ крѣпость, въ которой они могли бы чувствовать себя въ безопасности. Постепенно гонимые отовсюду, они овладѣли замкомъ Керибусъ въ Пиренеяхъ. Фенуйледа. Въ началѣ весны 1255 г. это послѣднее ихъ убѣжище было осаждено Петромъ д'Отёйлемъ, королевскимъ сенешалемъ Каркассона. Защита была упорная, и 5 мая сенешаль обратился за помощью къ епископамъ, засѣдавшимъ на соборѣ въ Безье и раньше оказавшимъ энергичную помощь при осадѣ Монсегюра. Отвѣтъ прелатовъ былъ крайне остороженъ. Они не имѣютъ права, отвѣчали они, послать королю вспомогательную армію; они могутъ присоединиться къ войску короля лишь по приказанію легата или архіепископа Нарбоннскаго; но въ виду того, что общественная толпа рисуетъ Керибусъ притономъ еретиковъ, разбойниковъ и воровъ, въ виду того, что взятіе его желательно въ интересахъ вѣры и мира, всякій прелатъ можетъ, не нарушая своихъ правъ, оказать помощь по своему усмотрѣнію. Этотъ отвѣтъ былъ равносиленъ отказу, и сенешаль жаловался королю, что прелаты скорѣе мѣшаютъ ему, чѣмъ помогаютъ. Тѣмъ не менѣе, крѣпость пала въ концѣ августа и безъ помощи прелатовъ, и изгнанникамъ остались только пещеры и лѣса. Въ этой дикой мѣстности густые кустарники служили прекраснымъ убѣжищемъ, и была предпринята попытка вырубить всѣ колючіе кустарники, въ которыхъ

[1]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., Nouv. Acquis., 139. — Molinier, op. cit., 404. — Ripoll, I, 273—4.—Arch. Nat. de France, J. 431, № 34.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXI, 239, 250, 252).—Vaissete, III. Pr. 528, 536.—Arch. di Napoli, Regestro 6, Lett. D, fol. 180.

Библиотека "Руниверс"

скрывались изгнанники и еретики. Особенной энергіей въ этомъ дѣлѣ отличился нѣкій Бернаръ, прозванный Espinasser, т.-е. собирателемъ терновника. Народная ненависть сохранила память объ этомъ человѣкѣ и выразилась въ легендѣ представляющей его повѣшеннымъ на лунѣ [1]).

Видя страну у своихъ ногъ, Инквизиція, достигшая тогда полнаго могущества, не задумывалась нападать на самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Передъ Всевышнимъ всѣ люди равны, а Инквизиція была мстительницей за дѣло Божіе. Самымъ могущественнымъ вассаломъ домовъ Тулузы и Арагоніи былъ графъ де Фуа. Земли его простирались по обѣ стороны Пиренеевъ, и онъ чувствовалъ себя довольно независимымъ подъ охраною горъ. Графъ Рожеръ Бернаръ II, прозванный Великимъ, былъ однимъ изъ самыхъ храбрыхъ и сильныхъ защитниковъ страны. Чтобы заставить его подчиниться, Раймундъ послѣ договора 1229 г. былъ вынужденъ пригрозить ему войной. Жители съ гордостью и съ благоговѣніемъ сохраняли память о Rogier Bernat lo pros et sens dengun reproche. Семейство его было совершенно еретическое: его жена и одна изъ его сестеръ были вальденки, другая сестра была катарка; онъ самъ, по отзыву монаха изъ Во-Сернэ, былъ врагомъ Бога и жестокимъ гонителемъ Церкви. Когда въ 1229 г. онъ покорился, то клятвенно обѣщалъ преслѣдовать ересь въ своихъ владѣніяхъ; но, повидимому, онъ не особенно энергично выполнялъ клятву, такъ какъ въ 1232 г. онъ, какъ говорятъ, имѣлъ частное свиданіе въ Э съ еретическимъ епископомъ Бертраномъ Мартиномъ. Въ другихъ отношеніяхъ онъ держалъ себя, впрочемъ, какъ вѣрный подданный и преданный сынъ Церкви. Въ 1237 г. онъ поручилъ своему сыну, въ то время виконту де Кастельбо въ Арагоніи, учредить въ его земляхъ Инквизицію, результатомъ чего были многочисленныя осужденія еретиковъ. Однако, епископъ Ургельскій Понсъ, личный его врагъ, долгое время отказывалъ ему въ снятіи отлученія, которое было наложено на него какъ на покровителя ереси; и отлученіе это было снято только въ 1240 г., когда Рожеръ Бернаръ подчинился условіямъ, предложеннымъ ему еще ранѣе, и отрекся отъ ереси. Онъ умеръ въ 1241 г. и въ своемъ духовномъ завѣщаніи проявилъ большую щедрость къ Церкви, особенно къ цистерціанскому монастырю въ Больбоннѣ, гдѣ онъ умеръ въ одеждѣ монаха, исповѣдавшись и причастившись. Сынъ его, Рожеръ IV, нанесъ послѣдній ударъ возстанію 1242 г., отдавшись подъ сюзеренное покровительство короля и выступивъ противъ Раймунда, послѣ того какъ побѣдоносными войсками Людовика Святого были разбиты англичане и гасконцы. У него были нѣкоторыя недоразумѣнія съ Инквизиціей, но, тѣмъ не менѣе, въ 1248 г. Иннокентій IV въ буллѣ превозноситъ его преданность Церкви и въ благодарность за это даетъ ему право снять кресты, съ какихъ угодно ему шести осужденныхъ. Въ 1261 г. онъ издалъ указъ, которымъ предписывалось строго соблюдать правило, чтобы не допускались къ занятію какой-либо должности всѣ тѣ, кто былъ осужденъ на ношеніе крестовъ, кто былъ заподозренъ въ ереси, или чей отецъ былъ осужденъ за что-либо подобное [2]).

Казалось бы, все это должно бы свидѣтельствовать объ истинномъ католичествѣ и о вѣрности дома де Фуа. Но Инквизиція не могла простить ему его патріотизма и былой вѣротерпимости. Кромѣ того, если бы можно было доказать ересь Рожера Бернара Великаго, то арестъ его огромнаго наслѣдства имѣлъ бы большое политическое значеніе и доставилъ бы хорошую поживу всѣмъ, кто поработалъ бы надъ этимъ. И вотъ въ 1263 г.,

[1]) Concil. Biterrens. ann. 1255.—Vaissete, III, 482—3; IV, 17.—A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, VI, 843).—Peyrat, op. cit., III, 54.

[2]) Miguel del Verms, «Chronique Béarnaise.»—P. Sarnaii «Hist. Albigens.», c. 6.—Guill. Pod. Laur., c. 8.—Schmidt, «Cathares», I, 299.—Vaissete, III, 426, 503; Pr. 383—5, 392—3.—Teulet, «Layettes», II, 490.—Bern. Guidon. «Vita Coelestin. PP. IV» (Muratori «S. R. J.» III, 589).—Berger, «Registres d'Innocent IV», № 3530.

Библиотека "Руниверс"

двадцать-два года спустя послѣ смерти Рожера Бернара, былъ начатъ процессъ противъ его памяти. Еще былъ живъ одинъ вѣрный слуга стараго графа, а именно бальи Мазера, Раймундъ Бернаръ де Фласканъ, бывшій дни и ночи при своемъ господинѣ во время его послѣдней болѣзни. Если бы можно было заставить этого человѣка присягнуть, что онъ видѣлъ, что умирающій передъ смертью подвергся обряду еретикаціи, то желанная цѣль была бы достигнута. Братъ Понсъ, инквизиторъ каркассонскій, отправился въ Мазеръ и, найдя въ старикѣ несговорчиваго свидѣтеля, заключилъ его въ башню. Несчастнаго, страдавшаго острымъ задержаніемъ урины, морили голодомъ и подвергали самымъ ужаснымъ пыткамъ, въ изобрѣтеніи которыхъ была столь искусна Инквизиція. Время-отъ-времени его подвергали допросу, но онъ упорствовалъ. Пытки и допросы длились тридцать-два дня, послѣ чего Понсъ рѣшилъ отвезти его въ Каркассонъ. Очевидно, тамъ въ распоряженіи инквизитора были болѣе дѣйствительныя средства для усмиренія упрямыхъ свидѣтелей. Передъ этимъ путешествіемъ, которое вѣрный бальи считалъ послѣднимъ въ своей жизни, ему дали день покоя, который онъ провелъ въ монастырѣ въ Больбоннѣ. Онъ воспользовался этимъ и 26 ноября 1263 г. составилъ нотаріальный актъ, подписанный въ качествѣ свидѣтелей двумя аббатами и многими монахами; въ этомъ актѣ онъ описываетъ, чему подвергался онъ до этого дня, торжественно заявляетъ, что онъ никогда не видалъ, чтобы покойный графъ совершалъ когда-либо что-нибудь несогласное съ вѣрой, и что умеръ онъ добрымъ католикомъ. Къ этому онъ прибавилъ, что, если подъ вліяніемъ жестокой пытки, которой онъ несомнѣнно подвергнется, онъ по слабости человѣческой скажетъ несогласное съ изложеннымъ въ этомъ актѣ, слова его будутъ ложью, а самъ онъ будетъ безчестнымъ измѣнникомъ вѣры. Что можетъ лучше показать, къ какимъ средствамъ убѣжденія прибѣгала Инквизиція? Лѣтъ пятьдесятъ позднѣе, когда эти средства достигли своего совершенства, всѣ, кто принялъ бы участіе въ составленіи и подписаніи подобнаго акта, нотаріусъ и свидѣтели, подверглись бы преслѣдованію какъ «мѣшающіе правильной работѣ Инквизиціи» и были бы наказаны какъ «соумышленники ереси» [1]).

Не извѣстно, какова была судьба этого несчастнаго. Безъ сомнѣнія, онъ умеръ отъ болѣзни или голода въ ужасной тюрьмѣ Каркассона. Но это юридическое убійство не принесло пользы, добрая память стараго графа осталась незапятнанной. Что касается его сына, Рожера Бернара III, то онъ, несмотря на папское расположеніе и на многочисленныя доказательства своего согласія съ новымъ порядкомъ вещей, постоянно былъ объектомъ недоброжелательства инквизиторовъ. Когда въ декабрѣ 1264 г. онъ тяжело больной находился въ Мазерѣ, то онъ получилъ отъ нарбоннскаго инквизитора, Этьена де Гатинъ, формальный приказъ, подъ угрозой преслѣдованія въ случаѣ неисполненія, арестовать и выдать своего бальи въ Фуа, Пьера Андрэ, подозрѣваемаго въ ереси и вызваннаго по этому дѣлу на судъ, но уклонившагося отъ явки. Въ своемъ отвѣтѣ графъ выразилъ удивленіе, что въ первый разъ слышитъ, что его бальи вызывался на судъ; къ этому онъ добавилъ, что онъ далъ приказъ арестовать его, и что самъ принялъ бы участіе въ розыскѣ, если бы не мѣшала ему тяжелая болѣзнь. Въ то же время онъ обратился съ жалобой къ папѣ на всѣ обиды, перенесенныя имъ отъ инквизиторовъ. Инквизиторы, писалъ онъ, не переставали преслѣдовать его; они не разъ во главѣ вооруженныхъ отрядовъ приходили опустошать его земли подъ предлогомъ розыска еретиковъ, и въ своей свитѣ они приводили его личныхъ враговъ, такъ что его области почти совершенно разорены, и его юрисдикція сведена на нѣтъ. Вслѣдствіе этого онъ отдавалъ себя и свои владѣнія подъ защиту Св. Престола. Онъ избѣгъ личныхъ непріятностей, такъ какъ черезъ два мѣсяца въ февралѣ 1265 г. умеръ, подобно отцу своему, въ одеждѣ цистерціанскаго

[1]) Vaissete, III. Pr. 551—3.

Библиотека "Руниверс"

монаха въ томъ же монастырѣ въ Больбоннѣ. Въ 1292 г. противъ его памяти было поднято дѣло у каркассонскаго инквизитора, Бертрана де Клермонъ; но оно не дало результатовъ; въ 1297 г. Бертранъ выдалъ сыну обвиненнаго, Рожеру Бернару IV, удостовѣреніе въ томъ, что обвиненіе было ложно, и что сыновья и отецъ признаны невинными [1]).

Если подобнымъ преслѣдованіямъ подвергались самыя высокопоставленныя лица, то можно представить себѣ послѣ этого, какую тиранніи должна была проявлять по всей странѣ безотвѣтственная власть инквизиторовъ. Если, съ одной стороны, никто не стоялъ такъ высоко, чтобы они не могли напасть на него, то, съ другой стороны, никто не стоялъ такъ низко, чтобы могъ скрыться отъ ихъ шпіоновъ. Человѣкъ, разъ навлекшій на себя ихъ гнѣвъ, не могъ болѣе считать себя въ безопасности. Жаловаться на нихъ можно было только папѣ. Но до Рима было далеко, и дорога туда, какъ мы видимъ, строго охранялась. Злоба и безуміе человѣческія создали въ дальнѣйшей исторіи болѣе тяжелыя формы деспотизма, но болѣе жестокаго, болѣе страшнаго и абсолютнаго деспотизма никогда не было.

Въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ въ дѣяніяхъ Инквизиціи въ Лангедокѣ было мало дѣлъ, которыя заслуживали бы упоминанія. Инквизиція неуклонно совершала свое дѣло, проявляя иногда внезапную энергію. Этьенъ де Гатинъ и Понсъ де Пуайе, долгіе годы предсѣдательствовавшіе въ ея судахъ, не оставались безъ дѣла, и часто ихъ ловкость, какъ, напр., въ 1373 — 75 г., давала богатую жатву. Конечно, еретики послѣ многихъ лѣтъ преслѣдованія встрѣчались все рѣже и рѣже, но оставался еще неисчерпаемый списокъ покойниковъ. Вырываніе ихъ тѣлъ изъ могилъ производило на толпу сильное впечатлѣніе, а конфискаціи, сопровождавшія это, радостно привѣтствовались набожными князьями и въ широкой степени содѣйствовали переходу въ другія руки земельной собственности, что было очень важно въ политическомъ отношеніи. Однако, ересь держалась еще съ невѣроятнымъ упорствомъ, хотя со дня на день ей становилось все труднѣе и труднѣе скрываться, и Италія дѣлалась все менѣе и менѣе вѣрнымъ убѣжищемъ [2]).

Въ 1271 г. умерли, не оставивъ дѣтей, Жанна и Альфонсъ, сопровождавшіе Людовика Святого въ его несчастномъ крестовомъ походѣ въ Тунисъ. Линія Раймунда прекратилась, и страна перешла окончательно къ французской коронѣ. Филиппъ Смѣлый забралъ себѣ даже тѣ земли, которыя Жанна, пользуясь своимъ правомъ, отчудила по духовному завѣщанію. Онъ былъ вынужденъ отдать провинцію Ажана Генриху III, но ему удалось удержать за собою Керси. Перемѣна повелителя не вызвала никакого сопротивленія. Когда 8 октября 1271 г. королевскій сенешаль въ Каркассонѣ, Гильомъ де Кобардонъ, обнародовалъ указъ о новомъ правленіи, то первое, о чемъ онъ подумалъ, были конфискаціи. Всѣ замки и деревни, на которыхъ лежало пятно безчестія по дѣламъ ереси, были отписаны на короля безъ возмездія законныхъ владѣльцевъ. Въ 1772 г. Филиппъ рѣшилъ совершить мирную поѣздку по своимъ новымъ землямъ. Безпорядки, произведенные Рожеромъ Бернаромъ IV, заставили короля взять съ собою войско. Филиппъ легко подавилъ сопротивленіе графа, занялъ возмутившіяся земли и заключилъ Рожера въ башню въ замкѣ. Выпущенный въ 1273 г. на свободу, Рожеръ оказалъ въ 1276 г. такія важныя услуги Филиппу во время наварскаго вторженія, что король искренне полюбилъ его и возвратилъ ему его замки подъ условіемъ, что онъ не будетъ болѣе считать себя вассаломъ Арагоніи. Такимъ образомъ, было уничтожено на югѣ Франціи послѣднее до нѣкоторой степени самостоятельное владѣніе, и на его развалинахъ прочно утвердилась монархія [3]).

---

[1]) Vaissete, III. Pr. 575—7; IV. Pr. 109.

[2]) Coll. Doat, XXV, XXVI.—Martène, «Thesaur.», V, 1809.

[3]) Vaissete, IV, 3—5, 9—11, 16, 24—5.—Baudouin, «Lettres inédites de Philippe le Bel», Парижъ, 1886 г., стр. 125.

Библиотека "Руниверс"

Окончательное подчиненіе юга Франціи королямъ Парижа давало въ возмѣщеніе крупныя преимущества. Монархъ пріобрѣталъ мало-по-малу власть, все обнимавшую собою и сильно отличавшуюся отъ верховной власти феодальнаго сеньора. Въ государствѣ, какъ и въ Церкви, римское право впервые получало приложеніе. Примѣненіе къ королевству теорій императорскаго абсолютизма незамѣтно видоизмѣняло всю прежнюю систему. Королевскій дворъ поглощалъ парламентъ и создавалъ школу тонкихъ и смѣлыхъ юристовъ, всегда готовыхъ расширить юрисдикцію короля и составить законы для всей страны. Со всѣхъ сторонъ въ парламентъ стекались жалобы. Сеньоръ, закованный въ латы, кругомъ опутанный юридическими тонкостями, почти неожиданно для себя оказывался лишеннымъ своихъ сеньоріальныхъ правъ.

Постоянно указы или общіе законы, исходившіе отъ трона, нарушали старинныя привилегіи, ослабляли мѣстныя юрисдикціи, давали всей странѣ сводъ законовъ, предоставлявшій коронѣ одновременно и законодательную и исполнительную власть. Безъ сомнѣнія, это давало королю въ руки оружіе для давленія, но въ то же время дѣлало его болѣе смѣлымъ въ дѣлѣ защиты своихъ подданныхъ. Значительное протяженіе королевскихъ владѣній съ самаго начала столѣтія давало монархіи матеріальную силу, необходимую для поддержанія своихъ увеличивающихся прерогативъ.

Невозможно, чтобы такое измѣненіе въ національныхъ установленіяхъ могло произойти безъ того, чтобы одновременно не видоизмѣнились отношенія между Церковью и государствомъ. Даже самъ Людовикъ IX, несмотря на все свое благочестіе, не задумывался защищать себя и своихъ подданныхъ отъ деспотизма духовенства, и при этомъ онъ проявлялъ такую энергію, какой не проявлялъ до него никто изъ французскихъ повелителей, кромѣ Карла Великаго. Перемѣна стала еще замѣтнѣе при его внукѣ, Филиппѣ Красивомъ. Когда онъ въ 1286 г. вступилъ на престолъ, ему было только восемнадцать лѣтъ. Его выдающійся умъ и энергичный характеръ привели его скоро къ тому, что онъ открыто заявилъ свою верховную власть. Въ предѣлахъ своего государства онъ считалъ себя выше всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Къ тому же небольшое колебаніе, какое могло еще остаться у него, легко было уничтожено его совѣтниками-юристами. Люди, подобные Петру Флотту и Гильому де Ногарэ, проводили настоящую политику подчиненія Церкви государству, какъ это осуществили преемники Константина; въ ихъ глазахъ Бонифацій VIII въ сравненіи съ королемъ былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ папа Вигилій въ сравненіи съ Юстиніаномъ. Среди повтореній, происходящихъ въ исторіи, мало такихъ точныхъ, какъ катастрофа Ананьи 1304 г., когда Ногарэ и Шіарра Колонна подняли руку на Намѣстника Бога, и Бонифацій въ гнѣвѣ отвѣтилъ на упреки Ногарэ: «Я могу безропотно перенести наказаніе и низложеніе отъ катара». Ногарэ дѣйствительно родился въ С.-Феликсъ де Караманѣ, и предки его, по преданію, были сожжены какъ катары. Если послѣдній фактъ справедливъ, то Ногарэ, не обладавшій сверхчеловѣческими добродѣтелями, долженъ былъ испытать особую радость, когда, по приказанію своего повелителя, онъ предсталъ передъ Климентомъ V съ формальнымъ обвиненіемъ Бонифація въ ереси и требовалъ, чтобы трупъ умершаго папы былъ вырытъ и сожженъ. Граждане Тулузы чтили въ немъ мстителя за претерпѣнныя ими несправедливости и помѣстили его бюстъ въ ратушѣ, въ галлереѣ своихъ великихъ людей [1]).

Такимъ образомъ, росло главенство королевской власти, и народъ инстинктивно искалъ въ ней защиты отъ инквизиторской тираніи, часъ-отъ-часу дѣлавшейся все

---

[1]) Raynald. ann. 1303, № 41.—Vaissete, IV, note XI.—Guill. Nangiac. Contin. ann. 1303, 1309, 1310.—Nich. Trivetti «Chron.» ann. 1306.—La Faille, «Annales de Toulouse», I, 284.

Вторженіе королевской юрисдикціи, выходившей побѣдительницей изъ постоянныхъ противодѣйствій, ясно видно въ серіи королевскихъ граматъ, недавно опубликованныхъ Ад. Бодуэномъ (Lettres inédites de Philippe le Bel», Пар., 1886).

Библиотека "Руниверс"

тяжелѣе и невыносимѣе. Власть инквизитора была произвольная и безконтрольная, такъ что при самыхъ лучшихъ стремленіяхъ онъ не могъ избѣгнуть народнаго нерасположенія. Съ другой стороны, эта власть давала злымъ людямъ безграничную возможность давить слабыхъ и позволяла имъ удовлетворять самыя низкія страсти. Населеніе Альби и Каркассона, доведенное до отчаянія жестокостью инквизиторовъ Жана Галанда и Жана Вигурё, собрало все свое мужество и представило въ 1280 г. всѣ свои жалобы Филиппу Смѣлому. Трудно было гражданамъ подтвердить свои обвиненія положительными доказательствами, и послѣ непродолжительнаго разслѣдованія ихъ просьбы о вмѣшательствѣ были оставлены безъ послѣдствія, какъ лишенныя основанія. Нужно помнить, что въ этомъ нарождавшемся движеніи противъ Инквизиціи еретики принимали слабое участіе. Они въ эту эпоху были совершенно разбиты и искали одного—возможности тайно исповѣдывать свою вѣру. Оппозиція идетъ отъ добрыхъ католиковъ, отъ городскихъ магистратовъ, отъ крупныхъ горожанъ; всѣ они видѣли, какъ гибло благоденствіе страны подъ смертельнымъ дѣйствіемъ инквизиторской тиранніи; они видѣли, что никто не могъ считать себя въ безопасности, если возбуждалъ алчность инквизитора своимъ богатствомъ или гнѣвъ его своей независимостью. Введеніе пытки поразило народъ чрезвычайнымъ ужасомъ; думали, что у людей богатыхъ, людей, вѣра которыхъ была незапятнана, вымогались признаніе, что ихъ заставляли страшно страдать. Одной изъ самыхъ суровыхъ мѣръ былъ жестокій законъ, каравшій конфискаціей имущества потомковъ еретиковъ; разореніе грозило всякому, если только инквизиторъ находилъ нужнымъ отыскать въ своихъ спискахъ доказательства, что одинъ изъ его предковъ былъ еретикомъ. И вотъ теперь всѣ усилія направляются противъ этихъ списковъ. Обманутые въ своемъ обращеніи къ королю, консулы Каркассона при содѣйствіи нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ области устроили въ 1283 или 1284 г. заговоръ, чтобы уничтожить книги Инквизиціи, содержащія въ себѣ разоблаченія и признанія. Въ настоящее время трудно опредѣлить значеніе и размѣры этого заговора. Показанія свидѣтелей настолько противорѣчивы, что на нихъ совершенно невозможно полагаться. Если хоть нѣсколько вѣрить этимъ показаніямъ, даннымъ ясно подъ пыткой, то въ числѣ главарей заговора были городскіе консулы, архидіаконъ Санчо Морлана, епископскій судья Гильемъ Брюне, другіе служащіе епископа и много бѣлаго духовенства; мало того, всѣ эти заговорщики были еретики, принадлежавшіе къ сектѣ катаровъ. Истинны или ложны эти указанія—безразлично, но они показываютъ, какой страшный антагонизмъ существовалъ между Инквизиціей и мѣстною Церковью. Весь разсказъ носитъ баснословный характеръ, и мы въ правѣ затрудняться вѣрить подробностямъ; но, во всякомъ случаѣ, въ основаніи этой сказки лежитъ дѣйствительный фактъ. Согласно свидѣтельскимъ показаніямъ, орудіемъ былъ избранъ Бернаръ Гаррикъ, бывшій раньше Совершеннымъ еретикомъ, filius major, а послѣ обращенія сдѣлавшійся служителемъ Инквизиціи; послѣ переговоровъ и торга онъ согласился выдать списки за двѣсти турскихъ ливровъ, въ уплатѣ которыхъ поручились консулы. Почему попытка не удалась, какъ ее открыли, не извѣстно. По всей вѣроятности, Бернаръ открылъ заговоръ своимъ начальникамъ и погубилъ заговорщиковъ [1]).

---

[1]) Bern. Guidon. «Gravam.» (Doat, XXX, 93, 97).—Molinier, op. cit., 35.—Doat. XXVI, 197, 245, 265, 266.—Lib. Sentent. Inquis. Tolos., 282.

Каркассонскій архидіаконъ Санчо Морлана, которому приписана видная роль въ этомъ заговорѣ, принадлежалъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій города. Братъ его Арнольдъ, бывшій раньше сенешалемъ у Фуа, былъ также замѣшанъ въ заговоръ и нѣсколько лѣтъ спустя умеръ въ лонѣ Церкви. Въ 1328 г. Жанъ Дюпра, бывшій тогда инквизиторомъ, собралъ свидѣтельскія показанія, подтверждавшія, что надъ Арнольдомъ былъ совершенъ во время его болѣзни обрядъ еретикаціи, и что этотъ обрядъ былъ возобновленъ на его смертномъ одрѣ (Doat, XXVIII, 128). Этотъ фактъ могъ бы придать нѣкоторое вѣроятіе взведенному противъ заговорщиковъ обвиненію въ ереси; однако, это свидѣтельство было найдено черезчуръ слабымъ, чтобы можно было основать на немъ обвиненіе.

Библиотека "Руниверс"

Теперь вся община была предоставлена на полное усмотрѣніе Инквизиціи; а она въ своемъ торжествѣ не была расположена проявить какое-либо великодушіе. Во время послѣдовавшихъ за этимъ процессовъ граждане снова обратились съ жалобой къ королевскому канцлеру Петру Шалюсу, посланному парижскимъ дворомъ ко двору Арагоніи. Онъ принялъ сторону Инквизиціи; 13 сентября 1285 г. инквизиторы привели къ нему Бернара Гаррика, который повторилъ слово въ слово показанія, данныя имъ на предшествующей недѣлѣ; и единственное заключеніе, къ которому пришелъ представитель короля, было, что Каркассонъ—гнѣздо еретиковъ, заслуживающее самаго суроваго наказанія. Въ отчаяніи граждане обратились къ Гонорію IV. Отвѣтомъ на это обращеніе было посланіе папы, въ которомъ онъ выражалъ инквизиторамъ свое сожалѣніе по поводу того, что населеніе Каркассона всѣми силами ставитъ преграды дѣятельности Инквизиціи; въ заключеніе онъ приказываетъ наказать всѣхъ непокорныхъ безъ различія положенія и званія. Эти предписанія прекрасно показываютъ, что оппозиція зародилась не между еретиками [1]).

Въ отвѣтъ на сѣтованія папы инквизиторы могли сослаться, съ нѣкоторой долей вѣроподобія, что ересь, хотя и скрытая, еще процвѣтала. Безъ сомнѣнія, сеньоры и знатные еретики были тогда почти совсѣмъ уже уничтожены, и ихъ земли перешли въ другія руки; тѣмъ не менѣе, зараза еще жила въ средѣ горожанъ и крестьянъ. Къ тому же одной изъ характерныхъ чертъ катаризма, пока онъ существовалъ, было то, что катары никогда не испытывали недостатка въ горячихъ и убѣжденныхъ руководителяхъ. Послѣдніе, готовые во всякое время жертвовать жизнью, бродили среди католиковъ, стараясь не быть узнанными, приносили имъ духовное утѣшеніе, при случаѣ обращали ихъ въ ересь, убѣждали молодыхъ, а надъ старыми совершали обрядъ *еретикаціи*. Среди страданій, усталости и опасностей они дѣлали свое дѣло, пробираясь по ночамъ изъ одной скрытой хижины въ другую и соперничая со своими учениками въ самоотверженіи. У крестьянъ, попадавшихся въ руки инквизиторовъ, вырывали безыскуственныя, но трогательныя и даже краснорѣчивыя въ своей простотѣ показанія. Они сознавались, что давали своимъ наставникамъ скромную милостыню: куски хлѣба, рыбу, отрѣзки сукна, мелкую монету; они подтверждали, что устраивали въ своихъ хижинахъ тайники для своихъ наставниковъ, которыхъ ночью они проводили черезъ опасныя мѣста. Съ упорной вѣрностью они отказывались выдать своихъ наставниковъ, когда инквизиторъ предлагалъ имъ на выборъ полное прощеніе и тюрьму или конфискацію имущества. Такимъ образомъ, героизмъ *вѣрующихъ* соотвѣтствовалъ самоотверженности ихъ наставниковъ. Эта вѣрность, соединенная съ прекрасной тайной организаціей, охватывавшей всю страну, позволяла, повидимому, многимъ наставникамъ долгое время оставаться неуловимыми. Двое изъ самыхъ выдающихся изъ нихъ, Раймундъ Дельбокъ и Раймундъ Гадайль или Дидье, были осуждены еще въ 1276 г. каркассонской инквизиціей какъ Совершенные еретики, но, переходя съ мѣста на мѣсто, они продолжали свое дѣло съ неослабной энергіей, постоянно преслѣдуемые инквизиторами, до 1300 г. Имя другого, Гильемъ Пажесъ, постоянно упоминается при признаніяхъ о *еретикаціяхъ* почти столь же долгій періодъ времени. И инквизиторы имѣли право утверждать, что ихъ рвеніе не было излишне; но ихъ судъ былъ таковъ, что даже при самыхъ лучшихъ желаніяхъ они не всегда могли избавить невиннаго отъ участи виновнаго [2]).

Новый каркассонскій инквизиторъ, Николай д'Аббевиль, дѣйствовалъ такъ же жестоко и произвольно, какъ его предшественники. Выведенное изъ терпѣнія населеніе послало жалобу королю, и инквизиторъ тотчасъ же заключилъ въ тюрьму нотаріуса, написавшаго

[1]) Doat, XXVI, 254.—Bern. Guidon. «Gravam.» (Doat, XXX, 93).—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXII, 132).

[2]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 11847.—Doat, XXVI, 197.—Lib. Sentent.Inquis. Tolos., 54, 109, 111, 130, 137, 138, 139, 143, 144, 146, 147.

Библиотека "Руниверс"

ее. Населеніе, въ своемъ отчаяніи, не обратило на это предупрежденіе никакого вниманія и послало къ королю депутацію, которая на этотъ разъ была принята королемъ. 13 мая 1291 г. Филиппъ послалъ письмо своему сенешалю въ Каркассонѣ, указывая на то, какія несправедливости терпятъ отъ Инквизиціи невинные Только-что введенныя пытки давали возможность уличать живыхъ и мертвыхъ въ мнимыхъ преступленіяхъ, безчестить и приводить въ отчаяніе всю страну. Королевскимъ чиновникамъ было приказано не арестовывать по требованію инквизиторовъ, если обвиняемый не сознавался въ томъ, что онъ еретикъ, или если достойныя довѣрія лица не засвидѣтельствуютъ публично о его ереси. Черезъ мѣсяцъ король подтвердилъ это распоряженіе и объявилъ, что онъ намѣренъ послать въ Лангедокъ уполномоченныхъ, чтобы окончательно установить вопросъ, кого и когда королевскіе чиновники должны арестовывать по требованію инквизиторовъ. Необходимо обратить вниманіе на эти заявленія короля, такъ какъ они показываютъ, что отношенія свѣтскихъ и духовныхъ властей вступали въ новую фазу. Вся Европа, и рыцари и народъ, видѣла, какъ за несравненно менѣе смѣлые, чѣмъ этотъ, поступки Раймунда, было обѣщано вѣчное спасеніе за изгнаніе графа изъ его владѣній [1]).

Слѣдовало, насколько возможно, помѣшать этому неслыханному присвоенію верховныхъ правъ Инквизиціи; и поэтому въ сентябрѣ 1292 г. каркассонскій инквизиторъ Гильемъ де С.-Сенъ приказалъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему священникамъ, въ продолженіе трехъ недѣль, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, произносить съ амвона отлученіе отъ Церкви всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые будутъ мѣшать дѣятельности Инквизиціи, и всѣхъ тѣхъ нотаріусовъ, которые будутъ составлять акты отреченія еретиковъ отъ своихъ показаній. Понятно, эта мѣра не могла быть очень дѣйствительной. Не вышло ничего также и изъ парламента, бывшаго 14 апрѣля 1293 г. въ Монпелье подъ предсѣдательствомъ королевскаго шамбеллана, Альфонса де Ронсейракъ, и при участіи всѣхъ королевскихъ чиновниковъ и инквизиторовъ Каркассона и Тулузы, по вопросу объ уничтоженіи злоупотребленій всѣхъ судебныхъ учрежденій [2]).

Немного позднѣе, въ сентябрѣ 1293 г., Филиппъ сдѣлалъ еще новый шагъ впередъ: онъ рѣшилъ взять подъ свою защиту несчастныхъ евреевъ. Евреи, какъ послѣдователи закона Моисея, не подлежали преслѣдованію Инквизиціи; но если еврей, принявшій христіанство, снова переходилъ въ іудаизмъ, или если онъ старался совратить христіанъ, то онъ становился еретикомъ въ глазахъ Церкви, подлежалъ суду Инквизиціи и могъ быть выданъ свѣтской власти. Притворныя обращенія евреевъ были многочисленны; отчасти они вызывались соображеніями матеріальными, отчасти—тѣми гоненіями, которымъ под-

---

[1]) Что касается вопроса о времени вмѣшательства Филиппа, то мнѣнія сильно расходятся. Лорьеръ и Изамберъ опубликовали указъ, помѣтивъ его 1287 г. Vaissete (IV. Pr. 97—8) относитъ его къ 1291 г. Имѣющаяся у Доата (XXXI, 226; Reg. Curiae Franciae de Carcass.) копія относитъ указъ къ 1297 г. Шмидтъ («Cathares», I, 342) принимаетъ 1287 г. A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, IX, 157) подтверждаетъ 1291 г. Послѣдній годъ лучше всего согласуется съ послѣдующими фактами. 1287 г. кажется совершенно невозможнымъ, такъ какъ Филиппъ, коронованный семнадцати лѣтъ отъ роду 6 января 1286 г., по всей вѣроятности, не осмѣлился бы черезъ пятнадцать мѣсяцевъ такъ легкомысленно выступить противъ вещей, считавшихся наиболѣе священными; если бы это было въ 1290 г., то Николай IV не хвалилъ бы въ томъ же году короля за его ревностную помощь Инквизиціи (Rippol, II, 29). Наконецъ, 1297 г. нельзя согласовать съ той ролью, которую Филиппъ сыгралъ впослѣдствіи въ этомъ дѣлѣ.

Въ 1292 г. Филиппъ запретилъ капитуламъ Тулузы подвергать пыткѣ духовныхъ, подвѣдомственныхъ епископскому суду: это запрещеніе пришлось повторить въ 1307 г.—Baudouin., «Lettres inédites de Philippe le Bel», 16, 73.

[2]) Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXII, 251).—Chron. Bardin. ann. 1293 (Vaissete, IV. Pr. 9).

Библиотека "Руниверс"

вергались несчастныя дѣти Израиля [1]). Въ 1268 г. Климентъ IX издалъ буллу Turbato corde, въ которой онъ приказываетъ инквизиторамъ быть болѣе энергичными въ преслѣдованіи евреевъ, виновныхъ въ неискреннемъ обращеніи. Эта булла издавалась послѣдовательно нѣсколькими папами, изъ чего видно, что ей придавали большое значеніе. Въ 1274 г. братъ Бертранъ де ла Рошъ былъ оффиціально назначенъ «инквизиторомъ Прованса противъ еретиковъ и дурныхъ іудействующихъ христіанъ». Въ 1285 г. братъ Гильомъ Оксерскій былъ именованъ «инквизиторомъ еретиковъ и евреевъ-вѣроотступниковъ во Франціи». Эти званія позволяютъ думать, что подобнаго рода дѣла часто представлялись Инквизиціи, тѣмъ болѣе, что эти дѣла, въ виду полнаго безправія евреевъ, давали широкій просторъ лихоимству и произволу.

Филиппъ взялъ на себя защиту евреевъ. Въ 1291 г. онъ уничтожилъ особыхъ судей для нихъ и велѣлъ имъ судиться въ королевскихъ судахъ; теперь онъ выступилъ еще энергичнѣе въ ихъ защиту. Онъ послалъ сенешалю Каркассона, Симону Бризтету, экземпляръ буллы Turbato corde и приказывалъ, чтобы она строго исполнялась, чтобы ни одинъ еврей не былъ арестуемъ за преступленія, въ этой буллѣ не поименованныя, и чтобы въ сомнительныхъ случаяхъ дѣло представлялось въ королевскій совѣтъ. Къ этому онъ присоединилъ еще указъ, чтобы ни одинъ еврей во Франціи не былъ арестуемъ по требованію члена или монаха какого бы то ни было ордена, несмотря на оффиціальное положеніе этого духовнаго лица, пока причина ареста не будетъ сообщена сенешалю или бальи; послѣдніе должны рѣшить, насколько ясно дѣло, и не требуетъ ли оно представленія въ королевскій совѣтъ. Каркассонскій сенешаль, Симонъ Бризтетъ, приказалъ всѣмъ чиновникамъ защищать евреевъ, наблюдать, чтобы они не дѣлались жертвой лихоимства, что можетъ дурно отразиться на уплатѣ ими налоговъ, и не арестовывать ихъ безъ предварительнаго представленія дѣла ему. Трудно было болѣе ловко ограничить власть инквизиторовъ въ отношеніи преслѣдованій гонимаго народа [2]).

Рѣшительное вмѣшательство Филиппа могло дать право давно угнетенному населенію Лангедока ждать отъ него постоянной поддержки; но колеблющаяся политика короля обманула эти надежды. Уже въ томъ же 1293 г. сенешаль Каркассона предлагалъ виконту нарбоннскому Эмерику строго исполнять приказанія короля и помогать въ своемъ городѣ инквизиторамъ. Но, быть-можетъ, это было чисто-мѣстное дѣло, такъ какъ Филиппъ нѣкоторое время оставался вѣренъ своему положенію. Въ концѣ 1295 г. вышелъ указъ, исходившій отъ королевскаго двора и распространявшійся на все королевство, которымъ запрещалось арестовывать всякаго гражданина по требованію монаха, какого бы онъ ни былъ ордена, и какое бы служебное положеніе онъ ни занималъ, если сенешаль или

[1]) Въ 1278 г. инквизиторы Франціи просили указаній у Николая III. Они указывали, что немного передъ этимъ, во время народнаго возстанія противъ евреевъ, много евреевъ крестилось изъ страха, а не по убѣжденію, а также крестили своихъ дѣтей. Когда прошла гроза, они вернулись къ своему іудейскому заблужденію и были заключены за это инквизиторами въ тюрьму. Ихъ, какъ и слѣдовало, отлучили отъ Церкви, но ни эта мѣра, ни squalor carceris не произвели никакого дѣйствія; и въ такомъ положеніи эти евреи оставались болѣе года. Исчерпавъ всѣ средства, инквизиторы запрашивали Святой Престолъ, какія мѣры принять имъ теперь? Николай приказалъ имъ поступить съ этими евреями какъ съ еретиками, т.-е. сжечь ихъ за непоколебимое упорство. Archives de l'Inq. de Carcassonne (Doat, XXXVII, 191).

[2]) Mag. Bull. Roman. I, 151, 155, 159.—Archivio di Napoli, Registro 20, Litt. B, fol. 91.—Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 14930, fol. 227—8.—Wadding. ann. 1290, №№ 5, 6.—C. 13, Sexto. V. 2.—Coll. Doat, XXXII, 127; XXXVII, 193, 206, 209, 242, 255, 258.—Wadding. ann. 1359, №№ 1—3.—Lib. Sentent. Inq. Tolosan. 230.—Уже въ 1288 г. Филиппъ приказалъ каркассонскому сенешалю защищать евреевъ отъ вызововъ на судъ и другихъ непріятностей, которыя причиняли имъ инквизиторскіе суды (Vaissete, изд. Privat, IX, Pr. 232). Тѣмъ не менѣе, въ 1306 г. онъ велѣлъ арестовать и изгнать всѣхъ евреевъ королевства, запретивъ имъ возвращеніе подъ страхомъ смерти (Guill. Nangiac. Contin. ann. 1306).

Библиотека "Руниверс"

бальи округа не изъявятъ своего согласія на арестъ, и если лицо, требующее ареста, не будетъ дѣйствовать по указанію папы. Этотъ указъ, со строгимъ подтвержденіемъ о его неуклонномъ исполненіи, былъ разосланъ всѣмъ королевскимъ чиновникамъ. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было опасаться побѣга обвиняемаго, его можно было задержать, но не выдавать до рѣшенія суда. Кромѣ того, всѣ арестованные раньше съ несоблюденіемъ настоящаго указа должны быть немедленно освобождены. Эти предписанія, однако, не привели къ ожидаемымъ Филиппомъ результатамъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ 1296 г. король жаловался каркассонскому сенешалю, что большое число гражданъ, арестованныхъ королевскими чиновниками, содержится безъ достаточныхъ основаній въ королевскихъ тюрьмахъ, что вызываетъ безпорядокъ и накладываетъ на невинныхъ пятно позора. Чтобы устранить это зло, король запретилъ всякіе аресты, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ подозрѣніе въ ереси настолько сильно, что нельзя откладывать преслѣдованія; чиновникамъ было приказано отвѣчать на требованія инквизиторовъ всевозможными отговорками. На этотъ разъ чиновники повиновались. Около этого времени каркассонскій вице-инквизиторъ, Фулькъ де С.-Жоржъ, обратился къ помощнику сенешаля, Адаму де Мароль, съ просьбой арестовать нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ; королевскій чиновникъ представилъ дѣло своему начальнику Генриху де Элизіа, который, посовѣтовавшись съ Робертомъ д'Артуа, королевскимъ намѣстникомъ въ Лангедокѣ и Гаскони, отказалъ въ ходатайствѣ [1]).

Ни одинъ изъ прежнихъ повелителей не старался такъ обуздать Инквизицію. Подобный порядокъ отнималъ у Инквизиціи всякую реальную власть, тѣмъ болѣе, что она не имѣла собственной организаціи, и даже тюрьмы, которыми она пользовалась, принадлежали королю, и онъ могъ ихъ во всякое время отобрать у нея. Чтобы примѣнять физическую силу, ей приходилось обращаться къ свѣтской власти. Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, напр., въ Альби, она постоянно находила поддержку со стороны епископовъ; но въ другихъ мѣстахъ она не въ силахъ была дѣйствовать, предоставленная сама себѣ. Кромѣ того, Филиппъ сильно заботился о томъ, чтобы не возбудить противъ себя недовольства своихъ епископовъ; во всѣхъ его указахъ и распоряженіяхъ онъ говоритъ только о монахахъ. Отказывая инквизиторамъ въ помощи своихъ чиновниковъ, онъ нигдѣ прямо не говоритъ о Святомъ Трибуналѣ. Въ это время только начиналась еще его ссора съ Бонифаціемъ VIII. Съ января 1296 г. по февраль 1297 г. вышли знаменитыя буллы Clericis laicos, Ineffabilis amoris, Exiit nos и Exiit a te, которыя, смѣло накладывая руку на свѣтскую власть, требовали отъ короля отпора. Прежде всего эти буллы, конечно, увеличили желаніе Филиппа ослабить въ своихъ владѣніяхъ власть такого вполнѣ папскаго учрежденія, какъ Инквизиція. Этотъ благоразумный король, несомнѣнно, понималъ, насколько могущественнымъ оружіемъ въ рукахъ папства является Инквизиція, такъ какъ Церковь имѣла полную свободу уничтожить ересь по своему усмотрѣнію. Бонифацій не задумался дать королю довольно ясное предостереженіе. Въ октябрѣ 1297 г. онъ приказалъ инквизиторамъ Каркассона начать преслѣдованіе противъ нѣсколькихъ сановниковъ Безье, которыхъ папа подозрѣвалъ въ ереси: они не обращали вниманія на отлученіе отъ Церкви, наложенное на нихъ за введеніе налога на духовенство; они громко говорили, что пища для нихъ не потеряла своей питательности, сонъ—своей сладости; мало того, они своими нечистыми устами осмѣливались оскорблять даже Св. Престолъ. Подобное расширеніе юрисдикціи могло угрожать безопасности даже самого Филиппа; поэтому нечего удивляться, что усилія, сдѣланныя въ 1296 и 1297 годахъ, согласовать новые королевскіе указы и освященный временемъ инквизиціонный абсолютизмъ кончились безуспѣшно [2]).

[1]) Registr. Curiae Franciae de Carcass. (Doat. XXXII, 254, 267, 268, 269). — Vaissete, IV. Pr. 99.

[2]) Du Puy, «Histoire de Différend». Pr. 14, 15, 23, 24. — D'Argentré, «Collect. Judic. de novis Error.» I, I, 125.—Vaissete, IV. Pr. 99.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXII, 104).—Faucon, «Registres de Boniface VIII», № 2140.

Библиотека "Руниверс"

Однако, требованія итальянской политики скоро заставили Бонифація вернуться къ старому. Въ своей ссорѣ съ кардиналами Джакомо и Пьетро Колонна онъ считалъ выгоднымъ для себя привлечь на свою сторону Филиппа. Въ маѣ 1297 г. онъ согласился, чтобы его епископы платили королю десятину; затѣмъ въ іюлѣ 1297 г. буллою Noveritis онъ прекратилъ примѣненіе во Франціи буллы Clericis laicos; наконецъ, буллою Licet per speciales, въ іюлѣ 1298 г., онъ отказался отъ высокомѣрнаго желанія насильственно заставить Францію и Англію сложить оружіе. Такимъ образомъ, было заключено перемиріе съ Филиппомъ, который, чтобы доказать свое расположеніе къ Св. Престолу, поспѣшилъ снова выдать своихъ подданныхъ инквизиторамъ. Въ Liber sextus Декреталій, опубликованной Бонифаціемъ 3 марта 1298 г., папа со своимъ обычнымъ высокомѣріемъ включилъ канонъ, требующій безусловнаго повиновенія всѣхъ свѣтскихъ чиновниковъ приказаніямъ инквизиторовъ. Всякое сопротивленіе каралось отлученіемъ отъ Церкви; упорство въ теченіе цѣлаго года влекло обвиненіе въ ереси. Это было отвѣтомъ на смѣло введенное французскимъ королемъ новое законодательство. Филиппъ въ это время не былъ расположенъ начинать споръ. Смиреннѣйшимъ образомъ въ сентябрѣ разослалъ онъ папскій канонъ своимъ представителямъ и, вмѣстѣ съ нимъ, послалъ наказъ, предписывающій безусловное подчиненіе папскимъ приказаніямъ, арестованіе и заключеніе въ тюрьму всѣхъ обвиняемыхъ по указанію инквизиторовъ и наказаніе всѣхъ осужденныхъ ими. Въ томъ же году, 2 марта, братъ Арно Жанъ, инквизиторъ Памье, обратился къ евреямъ съ посланіемъ, ручаясь имъ, что имъ нечего бояться новыхъ мѣръ строгости; повидимому, они не стояли уже подъ защитой короля.

Дружескія отношенія между королемъ и папой продолжались до 1300 г., когда вспыхнула еще болѣе ожесточенная ссора. Въ декабрѣ этого года положенія буллы Clericis laicos были снова внесены въ буллу Nuper ex rationabilibus; затѣмъ появилась небольшая булла, подлинность которой не доказана, Scire te volumus, подтверждавшая подчиненіе Филиппа въ свѣтскихъ дѣлахъ и немедленно вызвавшая его знаменитый отвѣтъ Sciat tua maxima fatuitas. Борьба все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ продолжалась до ареста Бонифація въ Ананьи 8 сентября 1303 г. Черезъ мѣсяцъ папа умеръ [1]).

Участь населенія Лангедока, при подобной перемѣнной политикѣ, была ужасна. Инквизиторъ каркассонскій, Николай д'Аббевиль, человѣкъ непреклонной суровости, надменно началъ примѣнять свою неограниченную власть. Достойнымъ помощникомъ былъ у него Фулькъ де С.-Жоржъ, пріоръ монастыря въ Альби; кромѣ того, фактически онъ имѣлъ еще второго помощника, въ лицѣ епископа Бернара де Кастанэ, который любилъ играть роль инквизитора. Къ своему усердію они присоединяли еще фанатизмъ и алчность, такъ какъ епископы Альби по особому соглашенію съ Людовикомъ Святымъ получали половину изъ конфискацій. До своего назначенія въ епископы Бернаръ былъ аудиторомъ Куріи, откуда мы въ правѣ заключить, что онъ былъ хорошій юристъ; равнымъ образомъ онъ гордился своимъ покровительствомъ искусствамъ и литературѣ. Но со своими духовными чадами онъ постоянно былъ не въ ладахъ. Уже въ 1277 г. онъ довелъ ихъ до такого отчаянія, что разъяренная толпа взяла приступомъ его дворецъ, и ему удалось только съ трудомъ спасти свою жизнь. Въ 1282 г. онъ началъ строить каѳедральный соборъ въ честь св. Цециліи, представлявшій грандіозное зданіе, на половину церковь, на половину крѣпость, поглотившее огромныя суммы и выражавшее его ненависть къ ереси, такъ какъ постройка его производилась на деньги еретиковъ [2]).

---

[1]) Du Puy, op. cit. Pr. 39, 41, 42, 44.—Faucon, «Registres de Boniface VIII», №№ 1822, 1823, 1829, 1830, 1831, 1930.—C. 18. Sexto. V. 2.—Isambert, «Anc. Loix franç.», II, 718.—Vaissete, изд. Privat, X. Pr. 347.—Archives de l'évêché d'Albi (Doat, XXXII, 275).

[2]) C. Molinier, «L' Inquis. dans le Midi de la France», 92.—A. Molinier (Vaissete,

Библиотека "Руниверс"

Подобные люди находили совершенно неумѣстнымъ покровительство, оказываемое Филиппомъ своимъ подданнымъ. Еретики, естественно, пользуясь ограниченіями, налагаемыми на Инквизицію, удвоили свою дѣятельность; и, дѣйствительно, они могли думать, что время господства Церкви прошло, что съ зарожденіемъ независимости свѣтской власти начнется эра сравнительной вѣротерпимости, и что ихъ гонимая религія распространится, наконецъ, по всему свѣту. Болѣе яснымъ, если не болѣе глубокимъ, было чувство, порожденное королевской политикой въ Каркассонѣ. Королевскіе указы, парализуя дѣятельность Инквизиціи, прежде всего показывали, что она не пользуется милостью короля. Въ 1295 г. нѣсколькимъ виднымъ гражданамъ, замѣшаннымъ въ процессѣ 1285 г., удалось безъ труда вызвать среди населенія открытое сопротивленіе; въ теченіе нѣкотораго времени они управляли городомъ, къ великому сожалѣнію доминиканцевъ и всѣхъ, стоявшихъ на сторонѣ монаховъ. Николай д'Аббевиль въ серединѣ проповѣди былъ прогнанъ съ каѳедры, побитъ камнями и выгнанъ вооруженной толпой. Что касается монаховъ, то ихъ били и оскорбляли при всякомъ появленіи на улицахъ. Ихъ держали въ сторонѣ какъ отлученныхъ. Бернаръ Ги, очевидецъ всего этого, понятно, приписываетъ все вліянію еретиковъ. Но въ настоящее время совершенно невозможно сказать, насколько отразился на этихъ событіяхъ религіозный антагонизмъ, и насколько сказалась здѣсь логическая реакція, вызванная среди католиковъ невыносимымъ гнетомъ Инквизиціи [1]).

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Каркассонѣ не было Инквизиціи. Общественное мнѣніе тамъ было сильно, и разъ Инквизиція не пользовалась тамъ поддержкой свѣтской власти, то она должна была прекратиться; дѣйствія Инквизиціи въ Каркассонѣ возобновились только тогда, когда между папой и королемъ состоялось перемиріе. Тогда граждане въ отчаяніи послали въ Бонифацію VIII депутацію съ Эмерикомъ Кастелемъ во главѣ и со многими францисканцами среди ея членовъ. Бонифацій выслушалъ ихъ жалобы и согласился послать епископа Виченцы съ порученіемъ произвести разслѣдованіе и донести ему; но папскій референдарій, впослѣдствіи кардиналъ св. Сабины, потребовалъ себѣ 10000 флориновъ для начала дѣла. Деньги были обѣщаны; но потомъ Эмерикъ, надѣясь на Петра Флотта и герцога Бургундскаго, рѣшилъ, что добьется своего дешевле, и отказался платить. Бонифацій, узнавъ объ этомъ отказѣ, съ ироніей вскричалъ: «Мы знаемъ, откуда набрались они храбрости; но, клянусь Богомъ, всѣ короли христіанскаго міра не спасутъ отъ костра жителей Каркассона, а въ особенности отца этого Эмерика Кастеля!».

Дѣло было проиграно. Николай д'Аббевиль торжествовалъ. Большинство гражданъ чувствовало страшное нравственное утомленіе и съ нетерпѣніемъ переносило тяготѣвшее почти на всемъ населеніи отлученіе отъ Церкви. Благосостояніе города падало; многіе предсказывали его скорое окончательное паденіе. Безполезность всякаго сопротивленія была очевидна. Когда, такимъ образомъ, положеніе вещей сдѣлалось благопріятнымъ для соглашенія, то 27 апрѣля 1299 г. состоялось торжественное собраніе. Городскія должностныя лица соединились съ инквизиторомъ въ присутствіи епископовъ Альби и Безье, тулузскаго инквизитора Бертрана Клермона, королевскихъ чиновниковъ, различныхъ аббатовъ и многихъ знатныхъ людей. Николай д'Аббевиль изложилъ условія, на которыхъ онъ соглашался снять отлученіе. Повидимому, онъ не проявилъ себя черезчуръ строгимъ. Люди, явно исповѣдывавшіе ересь или признанные еретиками по спеціальному разслѣдованію на основаніи уликъ,

---

изд. Privat, IX, 307). — Характеръ и власть епископовъ Альби ясно видны изъ поступковъ епископа Жеро, одного изъ преемниковъ Бернара де Кастанэ. Послѣдній, чтобы разрѣшить ссору, возникшую между нимъ и сеньоромъ де Пюигозонъ, собралъ въ 1312 г. армію въ пять тысячъ человѣкъ, во главѣ которой онъ напалъ на королевскій Château-Vieux въ Альби и произвелъ всевозможныя опустошенія.—Vaissete, IV. 160.

[1]) Bern. Guidon. «Hist. Conv. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 477—8). — Ejusd. «Gravam.» (Doat, XXX, 94).

Библиотека "Руниверс"

должны подвергнуться законной карѣ; на остальныхъ же будутъ наложены духовныя наказанія по усмотрѣнію епископовъ и аббата изъ Фонфруадъ; они не подвергнутся ни конфискаціи имущества, ни тѣлесному, ни унизительному наказанію. Все это съ точки зрѣнія Церкви было довольно умѣренно. Однако, недовѣріе пустило такіе глубокіе корни или такъ сильно было вліяніе еретиковъ, что населеніе просило сорокъ восемь часовъ для размышленія, и на другой уже день отказалось принять эти условія. Прошло шесть мѣсяцевъ, и безпомощное состояніе гражданъ дѣлалось съ каждымъ днемъ все чувствительнѣе. 8 октября состоялось новое собраніе, на которомъ консулы просили отъ имени города отпущенія грѣховъ. Николай не былъ очень требователенъ. Епитимія, наложенная на городъ, состояла въ обязательствѣ выстроить часовню въ честь Св. Людовика; часовня была выстроена въ 1300 г. и обошлась въ девяносто турскихъ ливровъ. Консулы отъ имени города тайно отреклись отъ ереси. На двѣнадцать наиболѣе виновныхъ гражданъ были наложены духовныя наказанія; это были четыре бывшихъ консула, четыре совѣтника, два адвоката и два нотаріуса. Участь этихъ несчастныхъ была, несомнѣнно, очень тяжела. До насъ дошло, по счастію, осужденіе, вынесенное противъ одного изъ виновниковъ безпорядковъ, Гильема Гаррика: послѣ двадцати-двухлѣтняго заключенія въ ужасной каркассонской тюрьмѣ онъ, наконецъ, въ 1321 г. предсталъ передъ судомъ. Принимая во вниманіе продолжительное предварительное заключеніе, ему предоставили выборъ между крестовымъ походомъ и изгнаніемъ; разбитый старикъ палъ на колѣни, благодаря Іисуса Христа и инквизиторовъ за оказанную ему милость. Нѣсколько лѣтъ спустя текстъ соглашенія попалъ въ руки Бернара Делисье, и онъ открылъ, что консулы принесли отъ имени всего города сознаніе въ томъ, что городъ оказывалъ помощь явнымъ еретикамъ; мало того, онъ раскрылъ, что консулы отъ имени всѣхъ гражданъ отреклись отъ ереси, и такимъ образомъ всѣ граждане лишались права на занятіе общественныхъ должностей, а въ случаѣ новыхъ безпорядковъ становились еретиками-рецидивистами. Это открытіе вызвало въ городѣ такое броженіе, что инквизиторъ Жофруа д'Абли былъ вынужденъ 10 августа 1303 г. торжественно объявить, что онъ совершенно не думаетъ воспользоваться этимъ оружіемъ противъ гражданъ. Тѣмъ не менѣе, когда въ 1305 г. прибылъ въ Каркассонъ король Филиппъ, то договоръ соглашенія былъ объявленъ незаконнымъ; сенешаль Ги Капріе, устраненный отъ должности за то, что приложилъ свою печать подъ этимъ актомъ, сознался, что онъ получилъ за это отъ Николая д'Аббевиля 1000 турскихъ ливровъ [1]).

Ободренные бездѣятельностью на время парализованной Инквизиціи катары снова принялись энергично за свою пропаганду. Въ 1299 г. соборъ въ Безье съ ужасомъ заявилъ, что въ странѣ снова появились Совершенные еретики, и приказывалъ тщательно разыскивать ихъ. Въ Альби, между тѣмъ, епископъ Бернаръ, по обыкновенію, находился въ неладахъ со своей паствой, которая жаловалась на него королю, прося защиты своихъ правъ. Но обстоятельства были благопріятны для епископа. Онъ призвалъ на помощь себѣ Николая д'Аббевиля и Бертрана де Клермона. Въ концѣ 1299 г. городъ пришелъ въ движеніе по случаю арестованія двадцати-пяти наиболѣе богатыхъ и уважаемыхъ гражданъ, которые стояли выше всякаго подозрѣнія въ ереси, такъ какъ замѣчательно усердно посѣщали обѣдню и строго соблюдали всѣ религіозные обряды. Дѣло было разобрано съ необыкновенной быстротой. Видя, какъ эти люди, сперва отрицавшіе свою связь съ еретиками, были вынуждены сознаться и назвать своихъ единовѣрцевъ, можно думать, какъ это полагали современники, что пытка была примѣнена въ самыхъ широкихъ раз-

[1]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 18, 119—23, 129, 135—6, 292.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXII, 283).—Vaissete, IV, 91; Pr. 100—2.—Lib. Sentent. Inquisit. Tolosan., 282—5.—Coll. Doat, XXXIV, 21.

Библиотека "Руниверс"

мѣрахъ. Упоминанія о ней мы даже встрѣчаемъ въ окончательномъ приговорѣ объ одной изъ жертвъ, Гильемѣ Кальвери. Отреченіе отъ ереси спасало несчастныхъ отъ костра, но всѣ они были приговорены къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ въ оковахъ. Много другихъ осталось въ тюрьмѣ на неопредѣленное время въ ожиданіи суда [1]).

Вся страна во всякую минуту была готова поднять возстаніе. Наступившій вскорѣ новый разрывъ между Филиппомъ и Бонифаціемъ далъ надежду, что король поддержитъ гонимыхъ. Если бы король не помогъ, то населеніе, доведенное до отчаянія, обратилось бы къ любому другому монарху, который изъявилъ бы готовность выслушать его. Арестъ и процессъ епископа Памье, обвиненнаго въ 1301 г. въ измѣнѣ, краснорѣчиво свидѣтельствовали о состояніи умовъ въ Лангедокѣ. На французовъ тамъ продолжали еще смотрѣть какъ на ненавистныхъ иностранцевъ, на короля какъ на тирана-чужеземца. Недовольное населеніе было готово принести присягу въ своемъ вѣрноподданствѣ Англіи или Арагоніи, какъ только увидитъ, что положеніе дѣла его стало безнадежно. Чтобы понять измѣнчивую политику Филиппа, нужно помнить, какъ слабы были еще связи, соединявшія тогда южную Францію съ королями Парижа [2]).

Преслѣдованія въ Альби вызвали всеобщій ужасъ. Жертвы Инквизиціи всѣ безъ исключенія пользовались репутаціей добрыхъ католиковъ. Только ихъ богатство обратило на нихъ вниманіе преслѣдователей. Всѣ были убѣждены, что инквизиторы, въ родѣ Жана де Фогу, Гильема де Мульсеонъ, Жана де С.-Сенъ, Жана Галланда, Николая д'Аббевиля и Фульке де С.-Жоржъ, не остановятся ни передъ чѣмъ, если можно угрозами или пыткой вырвать показанія противъ богатыхъ гражданъ, имущество которыхъ ихъ безпокоило. Говорили даже, что списки ихъ ложны и заключаютъ въ себѣ вымышленныя показанія. Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ (въ 1286 г.) доминиканецъ Жанъ Мартинъ попросилъ архіепископа Нарбоннскаго разсмотрѣть списки и положить конецъ этой несправедливости. Слѣдствіе установило, что списки дѣйствительно были подложны; особенно много было неправильно включено въ нихъ покойниковъ; даже строгое католичество Маршаловъ Вѣры не спасло Ги де Левя де Мирпуа отъ подобнаго посмертнаго обвиненія. Когда умеръ епископъ Каркассонскій Готье де Монбрёнъ, то инквизиторы извлекли изъ своихъ списковъ доказательства, что онъ оказывалъ еретикамъ adoratio, и что передъ смертью надъ нимъ была совершена еретикація. По счастью, при разсмотрѣніи этого послѣдняго дѣла, архіепископу удалось установить, что одинъ изъ свидѣтелей, Журденъ Ферроль, отсутствовалъ въ то время, когда онъ, согласно его мнимому показанію, присутствовалъ при adoratio. Братъ Мартинъ настаивалъ, чтобы епископъ уничтожилъ всѣ списки и отстранилъ доминиканцевъ отъ ихъ обязанностей. Архіепископъ написалъ въ этомъ духѣ въ Римъ, а въ ожиданіи отвѣта издалъ нѣсколько пастырскихъ посланій и секвестровалъ нѣкоторыя книги. По всей вѣроятности, во время этой бури каркассонскій и тулузскій инквизиторы, Николай д'Аббевиль и Петръ де Мульсеонъ, видя, что ихъ легко могутъ уличить въ подлогѣ, захвативъ съ собой списки, удалились въ безопасное убѣжище въ Пруиль. Здѣсь они принялись переписывать протоколы, опуская внесенныя ими компрометирующія ихъ ложныя показанія, которыя они ловко вклеили въ крышки переплетовъ старыхъ фоліантовъ [3]).

Около этого времени случилось событіе, которое утвердило населеніе въ мнѣніи о беззаконіяхъ Инквизиціи; результаты этого событія оказались гораздо важнѣе, чѣмъ думали

---

[1]) Concil. Biterrens. ann. 1299, c. 3 (Vaissete, IV, 96).—Mss. Bib. Nat., fon. lat., № 4270, fol. 264, 270.—Archives de l'évêché d'Albi (Doat, XXXV, 69). — Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 11847.—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan., 266.

[2]) Du Puy, «Hist. du Différend», Pr. 633 и слѣд. 653—4. — Marlène, «Thesaur.», I, 1320—36.

[3]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 125—8, 139.

Библиотека "Руниверс"

начавшіе дѣло. Клятва смѣщеннаго Бонифація VIII сжечь отца Эмерика Кастеля не была пустой угрозой. Николай д'Аббевиль былъ готовъ во всякое время исполнить папскую волю, и папа далъ ему на словахъ нужныя наставленія. Кастель Фабри, отецъ Эмерика, былъ каркассонскій гражданинъ, выдающійся своимъ благочестіемъ и благотворительностью, а также богатствомъ. Передъ смертью, въ 1278 г., онъ получилъ причастіе отъ францисканскихъ монаховъ, къ ордену которыхъ онъ былъ очень расположенъ, и шесть монаховъ были при немъ неотступно до самаго момента смерти; онъ былъ погребенъ на францисканскомъ кладбищѣ. Но процессъ графа дю Фуа показалъ намъ, какъ легко умѣла Инквизиція, не стѣснявшаяся никакими угрызеніями совѣсти, доводить свои дѣла до конца. Для Николая д'Аббевиля не представляло никакого труда отыскать или сфабриковать свидѣтельскія показанія, которыя были нужны ему [1]). Вдругъ въ 1300 г. населеніе Каркассона услышало, къ своему удивленію, возглашенное во всѣхъ приходскихъ церквахъ съ амвона поразительное извѣстіе: граждане, желающіе защищать память Кастеля Фабри, приглашались въ назначенный день явиться предъ Инквизиціей, такъ какъ покойный былъ уличенъ въ томъ, что надъ нимъ передъ смертью была совершена е р е т и к а ц і я. Время было выбрано удачно, такъ какъ сынъ его, Эмерикъ Кастель, въ это время отсутствовалъ. Францисканцы, которыхъ обвиняемый, безъ сомнѣнія, щедро одарилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, сочли нужнымъ взять на себя защиту. Послѣ краткаго совѣщанія они рѣшили послать своего л е к т о р а, Бернара де Ликгосси или Делисье, испросить указаній у генеральнаго собранія, засѣдавшаго въ то время въ Марселѣ. Въ виду постояннаго антагонизма между двумя нищенствующими орденами это дѣло носило характеръ удара, направленнаго противъ францисканцевъ. Жена Эмерика дала деньги на поѣздку. Бернаръ вернулся съ разрѣшеніемъ провинціала выступить на защиту памяти покойнаго. Настоятель монастыря далъ ему въ помощь синдика монастыря, Елеазара де Клермона. Но Николай уже приступилъ къ осужденію. Когда 4 іюля 1300 г. Бернаръ и Елеазаръ явились, чтобы доставить показанія монаховъ, напутствовавшихъ умершаго, Николай не далъ имъ времени сѣсть и отказался ихъ выслушать; а когда они стали настаивать на томъ, чтобы ихъ выслушали, инквизиторъ вышелъ изъ залы. Послѣ полудня оба францисканца пришли съ просьбой выдать имъ удостовѣреніе въ томъ, что они не были выслушаны, но нашли двери Инквизиціи запертыми. Тогда они рѣшили подать жалобу на имя папы; но это было не такъ-то легко. Страхъ, внушаемый Николаемъ, былъ такъ силенъ, что Жанъ де Пеннъ, къ которому они обратились съ просьбой составить бумагу, согласился только съ условіемъ, что его имя будетъ сохранено въ тайнѣ. И только черезъ девятнадцать лѣтъ пыткой заставили Бернара открыть имя. Еще труднѣе было найти нотаріуса, который скрѣпилъ бы жалобу. Каркассонскіе нотаріусы всѣ отказались, и пришлось искать нотаріуса въ другихъ мѣстахъ, такъ что жалоба была готова только 16 іюля. Этотъ шагъ считался всѣми столь серьезнымъ, что въ заключеніи жалобы отдавали себя подъ защиту Св. Престола не только Кастель Фабри, но и всѣ жалобщики и весь францисканскій монастырь. Когда явились подать жалобу Николаю, то, какъ и прежде,—нашли двери монастыря закрытыми, и видѣть его не удалось; тогда жалобу прочли на улицѣ и прибили къ двери Инквизиція сорвала ее, положила въ архивъ и предъявила, какъ обвиненіе противъ Бер-

[1]) Въ рядѣ сознаній, полученныхъ въ 1285 г. отъ магистра Арнольда Мата́, духовнаго лица въ Каркассонѣ, имѣются два признанія, отъ 4 и 10 октября, въ которыхъ онъ съ мельчайшими подробностями разоблачаетъ е р е т и к а ц і ю Кастеля Фабри, когда онъ умиралъ въ 1278 г. (Doat, XXVI, 258—60). Если нельзя положительно утверждать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обманомъ, то во всякомъ случаѣ, похоже на него; можно смѣло думать, что невозможно, чтобы подобное разоблаченіе оставалось тайною въ теченіе пятнадцати лѣтъ, въ то время какъ оно давало инквизиторамъ богатую добычу. Это, несомнѣнно, вымышленный протоколъ, который, какъ думали, имѣла обыкновеніе составлять Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

нара въ 1319 г. Больше объ этомъ дѣлѣ мы ничего не знаемъ. Очевидно, жалоба осталась безъ послѣдствій, такъ какъ еще въ 1322—23 гг. въ королевскую казну поступали доходы съ имѣній, конфискованныхъ у Кастеля Фабри, какъ это видно изъ счетовъ Арнольда Ассали; съ другой стороны, въ 1329 г. Инквизиція, ненависть которой еще не улеглась, приказала вырыть кости Риксенды, жены осужденнаго [1]).

Дѣло Кастеля Фабри прошло бы, быть-можетъ, незамѣтно, какъ тысяча другихъ, если бы не возникло конфликта между Инквизиціей и лекторомъ каркассонскихъ францисканцевъ. Бернаръ Делисье былъ человѣкъ не заурядный. Одинъ современникъ утверждаетъ даже, что во всемъ францисканскомъ орденѣ было мало людей, равныхъ ему. Принятый въ орденъ въ 1288 г., онъ былъ назначенъ лекторомъ, т.-е. профессоромъ, что свидѣтельствуетъ о томъ, какъ высоко цѣнили его знанія, такъ какъ нищенствующіе монахи весьма внимательно относились къ выбору лицъ, которымъ поручали эти должности. Кромѣ того, мы знаемъ, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ наиболѣе выдающимися людьми того времени, между прочимъ, съ Раймундомъ Люлліемъ и Арно де Вильневъ. Онъ былъ знаменитымъ проповѣдникомъ; его вліяніе на всѣхъ, съ кѣмъ приходилъ онъ въ сношеніе, было велико; въ своемъ энтузіазмѣ онъ былъ готовъ на всякія жертвы за симпатичное для него дѣло; онъ былъ стоекъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и не шелъ ни на какія уступки, и, когда въ орденѣ произошелъ расколъ, онъ на свою гибель сталъ на сторонѣ францисканцевъ-спиритуаловъ съ тѣмъ же пренебреженіемъ къ своимъ личнымъ интересамъ, какой онъ проявилъ въ своихъ спорахъ съ Инквизиціей; онъ не требовалъ вѣротерпимости и горячо желалъ уничтоженія ереси, но опытъ и наблюденіе убѣдили его, что въ рукахъ доминиканцевъ Инквизиція является только орудіемъ гнета и вымогательства; онъ думалъ, что переданная францисканцамъ Инквизиція, освободившись отъ своихъ недостатковъ, принесетъ пользу. Какъ извѣстно, около этого времени Бонифацій VIII, чтобы прекратить злоупотребленія, замѣстилъ доминиканцами францисканцевъ-инквизиторовъ въ Падуѣ и Виченцѣ. Соревнованіе и антагонизмъ, существовавшіе между этими двумя орденами въ Лангедокѣ, позволяли, повидимому, надѣяться на обратное дѣйствіе. Въ надеждѣ облегчить страданія народа Бернаръ въ теченіе многихъ лѣтъ посвящалъ себя на служеніе гонимыхъ, отдавая себя въ жертву ненависти, преслѣдованія и неблагодарности. Тѣ, интересы которыхъ онъ старался защищать, допустили его до необходимости продать свою библіотеку и войти въ долги; вражда же, которую онъ возбудилъ въ другомъ лагерѣ, преслѣдовала его безъ отдыха до самой смерти; но, по крайней мѣрѣ, онъ сохранилъ въ этой борьбѣ симпатіи къ себѣ своего ордена, который во всемъ Лангедокѣ оставался вѣрнымъ врагомъ доминиканской Инквизиціи. Францисканцы уже въ 1291 г. пытались вмѣшаться въ Каркассонѣ въ дѣла Инквизиціи, но Филиппъ Красивый, по настоянію инквизитора Гильома де С.-Сенъ, запретилъ имъ это. Въ 1298 г. они поддержали жалобу, поданную Бонифацію VIII жителями Каркассона. Но, пока былъ живъ Бернаръ, францисканскіе монастыри были центромъ оппозиціи. Въ нихъ Бернаръ произносилъ свои горячія проповѣди, въ нихъ имѣли мѣсто собранія, на которыхъ вырабатывались способы сопротивленія. Во время безпорядковъ въ Каркассонѣ Фулькъ де С.-Жоржъ съ 25 человѣками явился въ францисканскій монастырь съ требованіемъ на судъ противниковъ Инквизиціи. Монахи отказались

---

[1]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 14—16, 29—30, 35, 120, 148.—Coll. Doat, XXVII, 178; XXXIV, 123, 189.

Много лѣтъ спустя, въ 1338 г., домъ, конфискованный у Кастеля Фабри былъ еще предметомъ споровъ. Его потребовалъ Петръ де Мансъ, заявившій, что домъ этотъ, отданный Филиппомъ Красивымъ королевѣ, былъ возвращенъ ему благодаря посредничеству монархини. Королевскіе чиновники утверждали, что этотъ даръ имѣлъ только пожизненную силу, и снова захватили недвижимость. Филиппъ Валуа отдалъ его Мансу. — Vaissete, изд. Privat, X. I г. 831—883.

Библиотека "Руниверс"

принять его и велѣли звонить въ колоколъ; собралась раздраженная толпа, тогда какъ внутри монастыря на пришельцевъ посыпался градъ камней и ругательствъ; и Фулькъ со своими людьми поторопился убраться по-добру, по-здорову [1]).

Тщетно инквизиторы жаловались францисканскимъ прелатамъ и обвиняли Бернара въ томъ, что онъ устраиваетъ обструкцію Инквизиціи. Они добились лишь подобія процесса, на который ихъ врагъ явился съ граматами, подтверждающими его невинность. Доминиканцы утверждали, что главной причиной ревности францисканцевъ была зависть; францисканцы отвѣчали, что всѣ друзья ихъ обыкновенно были жертвами преслѣдованія Инквизиціи. Исповѣдникомъ короля Филиппа былъ доминиканецъ, исповѣдникомъ королевы Жанны—францисканецъ; эти два придворные монаха очень ревностно принимали участіе въ борьбѣ за и противъ Инквизиціи. Благодаря вѣчной взаимной ненависти оба ордена всегда были несогласны во всѣхъ вопросахъ догмы и обрядовъ, и это давало ненависти Инквизиціи безграничный просторъ для дѣятельности [2]).

Ударъ, нанесенный мнимымъ еретикамъ Альби въ декабрѣ 1299 г. и въ первыхъ мѣсяцахъ 1300 г., вызвалъ всеобщій ужасъ. Подобное дѣло не могло пройти незамѣченнымъ. Ссора между Бонифаціемъ и королемъ была готова вспыхнуть снова; и король могъ поэтому желать показать своимъ подданнымъ, что онъ сумѣетъ защитить ихъ. По требованію его совѣта, было назначено разслѣдованіе, порученное епископамъ Безье и Магелонна. Но инквизиторы оказали упорный отпоръ и отказались выдать тайны своего учрежденія. Эта неудача не могла успокоить населеніе. Въ 1301 г. Филиппъ послалъ въ Лангедокъ двухъ своихъ чиновниковъ, облеченныхъ неограниченною властью, которыхъ онъ назвалъ р е ф о р м а т о р а м и. Вслѣдствіе усиленія королевской власти подобные случаи назначенія королевскихъ уполномоченныхъ спеціально для разслѣдованія и исправленія злоупотребленій бывали нерѣдки. Въ данномъ случаѣ главной задачей посланныхъ въ Лангедокъ чиновниковъ было, повидимому, арестъ епископа Памье, обвиненнаго въ измѣнѣ; внѣшнимъ же предлогомъ ихъ командировки было разслѣдованіе злоупотребленій Инквизиціи. Одинъ изъ нихъ, Жанъ де Пекиньи, видамъ Амьенскій, былъ извѣстенъ своею честностью и разсудительностью; другимъ былъ Ричардъ Непвё, архидіаконъ Лизьё; о немъ мало слышно въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, и извѣстно только одно, что онъ подъ шумокъ пробрался на вакантную епископскую каѳедру въ Безье. Однако, до извѣстной степени онъ долженъ былъ выполнить свою задачу, такъ какъ Бернаръ Ги передаетъ, что онъ умеръ въ 1309 г. отъ проказы, посланной ему въ наказаніе Богомъ за его враждебное отношеніе къ Инквизиціи [3]).

Реформаторы основались въ Тулузѣ, гдѣ Фулькъ де С.-Жоржъ былъ инквизиторомъ до 29 сентября 1300 г. Въ короткое время они собрали противъ него большое число

---

[1]) Historia Tribulationum («Archiv für Litteratur- und Kirchengeschichte», 1886 г., стр. 148).—Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 231.—Vaissete, изд. Privat, X, 268.

[2]) Mss. Bib. Nat., fond., latin., № 4270, fol. 9, 19, 22, 24, 26, 32, 40, 63, 70, 73, 81, 82, 84, 119, 128, 149, 155, 163.—Bern. Guidon. «Hist. Conv. Albiens» (D. Bouquet, XXI, 748).—Coll. Doat, XXXIV, 26.

[3]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 163. — Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1303.—Grandes Chroniques. T. V, 156—7.—Girard de Fracheto, Chron. contin. ann. 1203 (D. Bouquet, XXI, 23). — Vaissete, IV, 112. — Bern. Guidon. «Hist. Fund. Conv.» (Martène, «Ampl. Coll.», V, 514).

Много лѣтъ спустя, въ 1319 г., Бернаръ Делисе былъ приведенъ изъ Авиньона въ Тулузу на судебный разборъ, который долженъ былъ кончиться его смертью. Одно изъ лицъ конвоя, нотаріусъ, по имени Арнольдъ Ногарэ, случайно упоминаетъ о шумѣ, произведенномъ Пекиньи, которому пришлось уплатить тысячу ливровъ за свою оппозицію Инквизиціи. Гнѣвъ старика вспыхнулъ на защиту своего умершаго друга: «Ты нахально врешь,—вскричалъ онъ;—намѣстникъ епископа былъ честный человѣкъ»!—Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 263.

Библиотека "Руниверс"

подавляющихъ свидѣтельскихъ показаній; его обвиняли не только въ томъ, что онъ пыткою вымогалъ деньги у невинныхъ, но и въ томъ, что подвергалъ аресту женщинъ, добродѣтель которыхъ сломить другимъ путемъ ему не удавалось. Толпою пришли делегаты, посланные изъ Альби, ведя съ собой женъ и дѣтей заключенныхъ, умоляя представителей короля разобрать ихъ дѣла и обѣщая дать разоблаченія, если только реформаторы дадутъ имъ охранныя граматы, чтобы свидѣтели могли чувствовать себя въ безопасности. Такъ великъ былъ страхъ, внушаемый Инквизиціей, что никто не осмѣливался выступить свидѣтелемъ противъ нея! Явился также и епископъ Альби, чтобы оправдаться. Когда онъ вернулся въ Альби, то населеніе устроило ему встрѣчу, въ которой прекрасно выразились чувства къ нему его паствы,—чувства, выказывать которыя не боялись граждане, ободренные прибытіемъ реформаторовъ. У городскихъ воротъ его встрѣтила толпа мужчинъ и женщинъ, громко кричащихъ: «Смерть, смерть измѣнникъ»! Разсказываютъ—не извѣстно, насколько вѣрно,—что онъ слушалъ всѣ эти угрозы и ругательства съ терпѣніемъ, достойнымъ Христа, и запретилъ своему конвою обнажать оружіе; достовѣрно одно, что онъ былъ встрѣченъ очень дурно и съ трудомъ добрался до своего дворца; былъ даже составленъ заговоръ поджечь дворецъ и, воспользовавшись суматохой, освободить узниковъ; но у заговорщиковъ не хватило храбрости, и этотъ планъ былъ оставленъ.

Еще болѣе грознымъ было рѣшеніе нѣсколькихъ гражданъ, согласившихся нотаріальнымъ актомъ преслѣдовать епископа и Николая д'Аббевиля передъ королевскимъ судомъ. Слѣдствіемъ этого процесса было секвестрованіе имущества епископа; а затѣмъ огромный штрафъ въ двадцать тысячъ ливровъ лишилъ его въ пользу короля части дурно нажитыхъ имъ денегъ. Бернаръ Делисье горько упрекалъ Филиппа въ томъ, что онъ предпочелъ деньги справедливости. Бернаръ де Кастанэ сохранялъ за собой каѳедру до 1308 г. среди тысячъ затрудненій, когда, не разсчитывая, что при Климентѣ V станетъ лучше, перешелъ въ Іюи. Однимъ изъ первыхъ симптомовъ реакціи, наступившей при Іоаннѣ XXII (декабрь 1316 г.), было наименованіе этого прелата кардиналомъ Порто; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого (въ августѣ 1317 г.) онъ умеръ [1]).

Между тѣмъ, реформаторы пригласили къ себѣ въ помощь Бернара, поглощеннаго въ то время своими занятіями въ качествѣ лектора. Очевидно, онъ сталъ уже извѣстнымъ послѣ дѣла Кастеля Фабри и казался цѣннымъ союзникомъ въ предстоящей борьбѣ. По его собственнымъ словамъ онъ посовѣтовалъ Пекиньи оставить Инквизицію въ покоѣ, такъ какъ опытъ показалъ ему, что противъ нея ничего нельзя сдѣлать. Однако, вызванный въ Тулузу по дѣлу пріорства Дорада, а затѣмъ вынужденный ѣхать въ Парижъ

---

[1]) Bern. Guidon. «Hist. Fund. Conv.» (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 510—11). — Arch. de l'Inquis. de Carcassonne (Doat, XXVII, 7).—Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 6, 7, 11, 42, 45, 48, 71, 161, 270.—Arch. de l'hôtel-de-ville d'Albi (Doat, XXXIV, 169).—Vaissete, IV, 143.

Въ «Regestum Clementis PP. V», изданномъ бенедектинцами (т. II, стр. 52, 165; т. III, стр. 3, 255), находится много граматъ, проливающихъ свѣтъ на непріятности, которыя пришлось испытать Бернару де Кастанэ. Въ 1307 г. двое изъ его епископскихъ канониковъ, Сикардъ Алеманъ и Бернаръ Астрюкъ, обвинили его передъ папою въ многочисленныхъ преступленіяхъ. Кардиналъ Неренъ и Ахилей Беранже, которому было поручено дѣло, приказалъ произвести разслѣдованіе и временно отстранилъ Бернара отъ всѣхъ его обязанностей. Экзекуторамъ было поручено собрать свидѣтельскія показанія въ Альби, посвятивъ три мѣсяца на преслѣдованіе, два на защиту и еще два на опроверженіе. 31 іюля былъ назначенъ вице-генералъ, которому было велѣно принять епархію; тремъ прокураторамъ было поручено собирать доходы. Однимъ изъ экзекуторовъ былъ Арнольдъ Новелли, аббатъ изъ Фонфруа, который позднѣе, по приказанію Филиппа Краснаго, замѣнилъ епископа въ отправленіи обязанностей инквизитора. Немного спустя Арнольдъ было сдѣланъ вице-канцлеромъ Куріи. Это перемѣщеніе, равно какъ и нѣкоторыя другія препятствія, затянули разслѣдованіе, такъ что 20 ноября было дано на преслѣдованіе еще два мѣсяца. Повидимому, изъ этого процесса ничего не вышло; но Бернаръ тѣмъ болѣе долженъ былъ желать покинуть эту безпокойную и тернистую каѳедру.

Библиотека "Руниверс"

по дѣлу духовнаго завѣщанія тулузскаго епископа Людовика, онъ согласился, по совѣту Пекиньи, сопровождать депутацію, посланную жителями Альби къ королю просить его вмѣшательства. Дворъ былъ въ это время въ Сенлисѣ, куда явились депутація и Пекиньи, а также Фулькъ и нѣсколько доминиканцевъ; послѣдніе желали доказать полную невинность инквизиторовъ [1]). Передъ королемъ разыгралась настоящая битва. Бернаръ настоятельно просилъ, чтобы начато было слѣдствіе, на время котораго инквизиторы были бы устранены отъ должности, или чтобы доминиканцы, до окончательнаго рѣшенія Св. Престола, не были назначаемы инквизиторами. Поддерживаемый бр. Гильомомъ, королевскимъ духовникомъ, Фулькъ выставилъ противъ Пекиньи обвиненія, но не могъ доказать ихъ. Пекиньи, въ свою очередь, обвинялъ Фулька. Тогда была назначена комиссія, въ составъ которой вошли архіепископъ нарбоннскій и коннетабль Франціи; комиссіи было поручено выслушать обѣ стороны. Послѣ тщательнаго обсужденія комиссія вынесла благопріятное для Пекиньи заключеніе. Тогда король принялъ мѣру, неслыханную по дерзости: онъ отрѣшилъ инквизитора отъ должности. Сначала онъ потребовалъ отъ доминиканскаго провинціала въ Парижѣ, чтобы онъ отрѣшилъ Фулька, на что только онъ одинъ и имѣлъ право; но послѣдній созвалъ капитулъ, который согласился назначить помощника инквизитора, а Фульку приказалъ остаться до середины будущаго великаго поста, чтобы окончить начатыя имъ дѣла. Король, страшно раздраженный этимъ рѣшеніемъ, излилъ свой гнѣвъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ въ письмахъ къ своему капеллану и тулузскому епископу, котораго онъ горько упрекалъ въ томъ, что это онъ посовѣтовалъ принять такое рѣшеніе. Но король не ограничился этимъ и 8 декабря 1301 г. написалъ епископу, тулузскому инквизитору и сенешалямъ Тулузы и Альби, что крики и мольбы подданныхъ, прелатовъ и духовныхъ лицъ, графовъ, барономъ и другихъ знатныхъ лицъ убѣдили его въ справедливости обвиненій, возводимыхъ на Фулька, виновнаго въ его глазахъ въ преступленіяхъ, вызывающихъ отвращеніе къ нему у всѣхъ людей. Этотъ инквизиторъ давилъ населеніе лихоимствомъ и притѣсненіями; онъ обыкновенно открывалъ свое судопроизводство пытками, жестокость которыхъ невообразима, и при помощи которыхъ онъ доводилъ подозрѣваемыхъ до сознанія; если это не давало желательныхъ результатовъ, то онъ подкупалъ свидѣтелей и склонялъ ихъ къ ложной присягѣ; его невыносимые поступки посѣяли повсюду такой страхъ, что можно было ожидать возстанія, если не принять немедленно мѣръ къ устраненію этихъ злоупотребленій. Нѣкоторые безуспѣшно пытались выступить противъ отрѣшенія Фулька отъ должности. Но граждане немного выиграли, когда на его мѣсто былъ назначенъ Гильомъ де Моріеръ, а Фульку дали хорошее пріорство въ Авиньонѣ. Позднѣе онъ умеръ въ бѣдности въ Ліонѣ, и орденъ смотрѣлъ на него какъ на мученика [2]).

Филиппъ не удовлетворился тѣмъ, что избавился отъ Фулька; онъ рѣшилъ ввести реформы. Эта попытка была одновременно и заявленіемъ королевскаго главенства и образцомъ для позднѣйшихъ усилій сократить злоупотребленія Инквизиціи. Было естественно, что эта реформа стремилась возстановить епископскую власть, въ то время пришедшую въ полный упадокъ. Во-первыхъ, тюрьма, построенная королемъ въ Тулузѣ на своей землѣ, но для нуждъ Инквизиціи, должна была находиться подъ наблюденіемъ особаго лица, выбраннаго совмѣстно епископомъ и инквизиторомъ; въ случаѣ несогласія между ними назначеніе дѣлалъ сенешаль. Затѣмъ, инквизиторъ лишался права арестовывать по своему произволу; онъ долженъ былъ посовѣтоваться съ епископомъ; если они не прихо-

---

[1]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270. fol. 16, 149.

[2]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 121, 125, 132, 150, 159, 165. — Vaissete, IV. Pr. 118—20. Bern. Guidon. «Hist. Conv. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.». VI, 5101. — Arch. de l'hôtel-de-ville d'Albi (Doat. XXXIV, 169).

Библиотека "Руниверс"

дили къ соглашенію, то вопросъ рѣшался по большинству голосовъ собраніемъ изъ представителей епископіи и францисканскихъ и доминиканскихъ монастырей. Когда эти предварительныя дѣйствія были окончены, то только одинъ сенешаль могъ произвести арестъ, если только дѣло не шло о еретикахъ иностранцахъ, которые могли бѣжать. Освобожденіе отъ ареста подъ залогъ должно было рѣшаться въ томъ же порядкѣ, какъ и арестованіе. Наконецъ, ни епископъ, ни инквизиторъ не могли требовать послушанія, каждый отдѣльно отъ другого. «Мы не можемъ перенести,—писалъ король,—чтобы жизнь нашихъ подданныхъ зависѣла отъ усмотрѣнія одного человѣка, который, если даже имъ не руководитъ алчность, можетъ быть недостаточно освѣдомленнымъ». Впослѣдствіи эти реформы оказались неполными, но въ первое время онѣ произвели хорошее дѣйствіе: по крайней мѣрѣ, на время Инквизиція была парализована: аресты, происходившіе раньше почти ежедневно, тотчасъ же прекратились. Въ теченіе 1302 г. эти постановленія были внесены въ Собраніе Указовъ; равнымъ образомъ было вновь обнародовано законоположеніе 1293 г. въ пользу евреевъ. Кромѣ того, Филиппъ, серьезно заботясь объ уничтоженіи ереси, вторично издалъ суровый указъ Людовика Святого. Когда инквизиторомъ въ Тулузу былъ назначенъ Гильомъ де Моріеръ, то король написалъ сенешалю, чтобы онъ предоставилъ королевскія тюрьмы въ распоряженіе инквизитора, уплатилъ ему положенное жалованье и помогалъ ему во всемъ до новаго распоряженія [1]).

Но для Альби эта реформа принесла мало пользы, такъ какъ въ немъ безпорядки были вызваны именно дѣйствіями епископа въ качествѣ инквизитора. Граждане Альби еще томились въ тюрьмѣ каркассонской инквизиціи. Къ королю была послана многочисленная депутація изъ мужчинъ и женщинъ, сопровождаемая двумя францисканцами; съ ними были также два францисканца, Жанъ-Гекторъ и Бертранъ де Вильдель. Участвовалъ также и Бернаръ Делисье, котораго орденъ послалъ къ королю въ качествѣ своего представителя по вопросу, поднятому королемъ, объ отношеніи монаховъ къ его ссорѣ съ папой Бонифаціемъ. Всѣ эти люди сопровождали короля сначала въ Пьерфонъ, а затѣмъ въ Компьень. Филиппъ наговорилъ имъ много хорошаго, обѣщалъ въ скоромъ будущемъ лично прибыть въ Лангедокъ для приведенія дѣлъ въ порядокъ и утѣшилъ ихъ, подаривъ имъ тысячу ливровъ; быть щедрымъ ему было нетрудно, такъ какъ имущество, конфискованное у арестованныхъ, находилось въ его рукахъ и не было еще возвращено имъ [2]).

Но это не могло, конечно, успокоить населеніе. Не было оно успокоено и отрѣшеніемъ отъ должности Николая д'Аббевиля, такъ какъ преемникомъ ему въ Каркассонѣ былъ сдѣланъ Жофруа д'Абли, отличавшійся не меньшей энергіей и жестокостью, чѣмъ Николай. Новый инквизиторъ привезъ съ собою королевскія граматы, помѣченныя 1 января 1303 г.; въ этихъ граматахъ предписывалось всѣмъ должностнымъ лицамъ оказывать полное повиновеніе новому инквизитору. Гнѣвъ населенія принималъ все болѣе угрожающіе размѣры. Такъ какъ въ Альби не было своихъ мѣстныхъ инквизиторовъ, то недовольство населенія направилось противъ доминиканцевъ, на которыхъ смотрѣли какъ на представителей ненавистнаго трибунала. Въ первое воскресенье Рождественскаго поста, 2 декабря 1302 г., монахи, какъ всегда, пришли въ церкви для произнесенія проповѣди, но тотчасъ же были грубо выгнаны изъ церквей съ крикомъ: «Смерть предателямъ»! Они были счастливы, что живыми добрались до своего монастыря. Озлобленіе противъ нихъ продолжалось нѣсколько лѣтъ; монахи едва осмѣливались показываться на улицахъ и постоянно подвергались оскорбленіямъ. Имъ не давали милостыни, не позволяли совершать

[1]) Vaissete, IV. Pr. 118—21—Mss. Bil. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 69. — Isambert, «Anc. loix franç.», II, 747, 749.

[2]) Arch. de l'hôtel-de-ville d'Albi (Doat, XXXIV, 169).—Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270 fol. 16, 70, 134, 151.—Coll. Doat, XXXIII, 270—72; XXXIV, 189.

Библиотека "Руниверс"

погребеній; населеніе даже не ходило къ обѣднѣ въ доминиканскую церковь Имена Доминика и Петра Мученика были выскоблены на крестѣ, поставленномъ передъ главными воротами города, и вмѣсто нихъ были написаны имена Пекиньи, Непвё и двухъ гражданъ, стоявшихъ во главѣ возстанія, Арно Гарсіа и Пьера Проби де Кастръ [1]).

Альбигойскіе узники все еще томились въ тюрьмѣ, не зная часа своего освобожденія. Бернаръ Делисье предложилъ Пекиньи пріѣхать въ Каркассонъ и разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Лѣтомъ 1303 г. Пекиньи прибылъ въ Каркассонъ, и къ нему явилась толпа альбигойскихъ мужчинъ и женщинъ, умоляя его освободить ихъ. Во время слѣдствія онъ нашелъ формально составленный въ 1299 г. договоръ между Николаемъ д'Аббевилемъ и консулами Каркассона. Въ горячей рѣчи Бернаръ Делисье сообщилъ народу его содержаніе; и когда народъ узналъ условія договора, то гнѣвъ его перешелъ въ бѣшенство. Вспыхнули безпорядки, и толпа разрушила дома старыхъ консуловъ и всѣхъ тѣхъ, кого считала на сторонѣ Инквизиціи. Доминиканская церковь была осаждена, окна были перебиты, статуи на паперти разбиты, и монахамъ нанесены оскорбленія. Разбить тюрьмы Инквизиціи дѣло было очень серьезное, и, повидимому, Пекиньи, раньше, чѣмъ сдѣлать этотъ смѣлый шагъ, рѣшилъ устранить отъ себя разъяренную толпу. Рѣшившись на это, онъ, по совѣту Бернара, ожидая сопротивленія, собралъ въ францисканскомъ монастырѣ восемьдесятъ ловкихъ ремесленниковъ, готовыхъ въ случаѣ надобности взять силою тюрьмы Инквизиціи. Но ихъ вмѣшательства не потребовалось: Жофруа д'Абли уступилъ, и въ августѣ 1303 г. Пекиньи выпустилъ альбигойскихъ узниковъ изъ тюремъ Инквизиціи и перевелъ ихъ въ королевскія тюрьмы. Онъ отказался послѣдовать совѣту Бернара отвести ихъ къ королю. Быть-можетъ, съ перемѣной мѣста заключенія положеніе ихъ нѣсколько облегчилось, но измѣнилось оно ненадолго. Инквизиція не любила упускать изъ рукъ свою добычу и, въ концѣ концовъ, вернула себѣ своихъ плѣнниковъ; ниже мы увидимъ, что она удержала ихъ до конца [2]).

Но важно уже то, что можно было увидать этихъ несчастныхъ, которые разсказывали объ ужасныхъ пыткахъ, вынесенныхъ ими. Были составлены списки именъ всѣхъ гражданъ, обвинить которыхъ они были вынуждены; списки эти благодаря францисканцамъ быстро распространились по всей странѣ и вызвали всеобщую панику. Съ своей стороны, инквизиторъ Жофруа д'Абли былъ на высотѣ своего положенія. Онъ вызвалъ Пекиньи къ себѣ на судъ и предъявилъ ему обвиненіе въ обструкціи противъ Инквизиціи; Пекиньи не явился на судъ и былъ 29 сентября отлученъ отъ Церкви. Немедленно и спѣшно это отлученіе было переслано въ Парижъ и провозглашено тамъ доминиканцами. Этотъ смѣлый шагъ далъ понять всѣмъ, насколько серьезно было на этотъ разъ столкновеніе Церкви съ Государствомъ. Консулы и населеніе Альби послали къ королевѣ убѣдительное прошеніе, умоляя ее повліять на короля, чтобы онъ не отзывалъ отъ нихъ реформаторовъ, которые сдѣлали такъ много добраго для гонимыхъ, и въ которыхъ была вся надежда населенія. Сдѣлали также, но безуспѣшно, попытку помѣшать обнародованію отлученія. Въ Кастрѣ 13 октября Жанъ Риколь, священникъ церкви св. Маріи, прочелъ съ каѳедры отлученіе, какъ это требовалось отъ него; делегатъ королевскаго вигье въ Альби тотчасъ же арестовалъ его и отвелъ во францисканскій монастырь, гдѣ онъ подвергся угрозамъ и оскорбленіямъ; монахи всѣми средствами старались заставить его снять отлученіе. Это было серьезное нарушеніе неприкосновенности духовнаго лица, но оно ни

---

[1]) Vaissete, изд. Privat. X. Pr. 409.—Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 165. — Bern. Guidon. «Hist. Conv. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 511).

[2]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 8, 17, 19, 20, 32, 44, 49, 58, 156, 162, 229.— Говорятъ также, что Пекиньи арестовалъ нѣсколько монаховъ, бывшихъ членами Инквизиціи (La Faille, «Annales de Toulouse» I, 34). Это мнѣ кажется невозможнымъ.

Библиотека "Руниверс"

къ чему не привело. Власть Пекиньи была парализована до тѣхъ поръ, пока не будетъ снято съ него отлученіе, а снять его могъ только папа или лицо, его наложившее [1]).

Избраніе на папскій престолъ Бенедикта XI 21 октября снова заволокло ненадолго просвѣтлѣвшій горизонтъ. Будучи доминиканцемъ, онъ, естественно, былъ расположенъ къ Инквизиціи. Чтобы не потерять и того немногаго, чего добились съ такимъ трудомъ, надо было удвоить усилія, но въ лучшемъ случаѣ дѣло въ римской куріи стоило большихъ денегъ. Пекиньи обратился съ жалобой къ папѣ; 29 октября онъ писалъ изъ Парижа городамъ Лангедока, требуя отъ нихъ поддержки въ преслѣдованіи, которому онъ подвергся, защищая ихъ дѣло. Бернаръ Делисье немедленно сталъ агитировать въ его пользу, и благодаря его энергіи три города — Каркассонъ, Альби и Кордъ — заключили союзъ и согласились дать три тысячи ливровъ, половина изъ которыхъ приходилась на долю Каркассона, а остальная сумма была раздѣлена между двумя другими городами, причемъ три названныхъ города обязались оказывать денежную помощь, если понадобится, и въ продолженіе всего процесса. По смерти Пекиньи это обѣщаніе было повторено его сыну Рено. Но, такъ какъ дѣло велось очень медленно, всѣ три города отпали, и Бернаръ, взявшій часть денегъ подъ свою личную отвѣтственность, оказался обремененнымъ огромными долгами и тщетно просилъ неблагодарные города уплатить ему ихъ доли [2]).

Итакъ, ссора на нѣкоторое время была перенесена въ Римъ. Пекиньи отправился въ Италію. Король и городскіе совѣты Каркассона и Альби дали ему своихъ уполномоченныхъ, чтобы они защищали его дѣло передъ папой. Противникомъ его былъ тулузскій инквизиторъ, Гильомъ де Моріеръ, посланный Инквизиціей въ Римъ. Бенедиктъ скоро показалъ, на чьей сторонѣ его симпатіи. Въ Перузѣ, когда папа 17 мая 1304 г. совершалъ торжественное богослуженіе въ праздникъ Пятидесятницы, Пекиньи вошелъ въ церковь; Бенедиктъ увидалъ его и, показавъ на него пальцемъ, сказалъ церемоніймейстеру де Брейда: «Прогоните этого катара!»; приказаніе папы было немедленно исполнено. Инцидентъ былъ знаменательный. Разсказъ объ этомъ, составленный Жофруа д'Абли послѣ смерти Бенедикта и Пекиньи, мы находимъ въ нотаріально засвидѣтельствованномъ документѣ, хранящемся въ дѣлѣ Пекиньи. Климатъ Италіи оказался вреднымъ для жителей сѣвера. Моріеръ умеръ въ Перузѣ, а вскорѣ за нимъ, въ день годовщины своего отлученія, 29 сентября 1304 г., умеръ близъ Абруццо и Пекиньи. Какъ находившійся цѣлый годъ подъ отлученіемъ за обструкцію Инквизиціи, онъ въ глазахъ закона былъ еретикъ. Тотъ фактъ, что онъ былъ похороненъ на освященной землѣ, можно объяснить только смертью Бенедикта, умершаго незадолго передъ этимъ. Жофруа д'Абли потребовалъ, чтобы кости его были вырыты и сожжены. Но сынъ покойнаго продолжалъ дѣло и старался возстановить добрую память отца. Дѣло тянулось до тѣхъ поръ, пока Климентъ V не передалъ его на разсмотрѣніе комиссіи изъ трехъ кардиналовъ. Послѣдніе выслушали обѣ стороны и 23 іюля 1308 г. объявили свое рѣшеніе. Они признали, что отлученіе было незаслуженное и несправедливое, и что нужно объявить о сложеніи его повсюду, гдѣ оно было обнародовано. Тщетно Жофруа жаловался на это рѣшеніе. Это было полное оправданіе всего, что говорилось и дѣлалось противъ Инквизиціи. Это рѣшеніе получило еще большее значеніе благодаря рѣзкимъ словамъ, въ которыхъ Климентъ отказалъ представителямъ Инквизиціи выслушать ихъ: «Это все ложь! Никогда страна не хотѣла бунтовать! Только

---

[1]) Mss. Bib. Nat., fond. lat., № 4270, fol. 27 272.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXII, 114).—Bern. Guidon. «Hist. Conv. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 511).—Vaissete, IV. Pr. 128.—Coll. Doat, XXXIV, 26.

Доминиканская партія объявила ложными показанія, приписанныя узникамъ. Бернаръ Ги съ дикою радостью сообщаетъ, что монахъ, по имени Раймундъ Бодье, участвовавшій въ собираніи этихъ показаній, повѣсился, какъ Іуда (l. c., 514).

[2]) Mss. Bib. Nat., fond. latin, № 4270, fol. 63, 153—6, 272—3.—Hauréau, «Bernard Délicieux», 187, 190.

Библиотека "Руниверс"

дѣйствія Инквизиціи одни довели ее до бѣдствія»! Съ другой стороны, одинъ изъ кардиналовъ объявилъ Жофруа, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ поступки инквизиторовъ постепенно доводили населеніе до отчаянія, такъ какъ на всѣ попытки ввести реформу инквизиторы отвѣчали новыми злодѣяніями [1]).

Бенедиктъ XI далъ еще и другія доказательства своей партійности. Правда, въ отвѣтъ на жалобы угнетеннаго населенія онъ назначилъ комиссію изъ кардиналовъ для производства разслѣдованія; но нигдѣ не сохранилось слѣдовъ ихъ работы, которая, повидимому, была прервана его смертью, послѣдовавшей 7 іюля 1304 г. Но мало вѣроятія, чтобы назначенная имъ комиссія вынесла рѣшеніе не въ пользу Инквизиціи: онъ показалъ свое отношеніе къ дѣлу, приказавъ министру Аквитаніи подъ угрозой лишенія сана арестовать безъ предварительнаго извѣщенія Бернара и подъ надежнымъ конвоемъ послать его въ Римъ къ папскому двору, какъ покровителя еретиковъ и считаемаго еретикомъ. Лучшіе граждане Альби, а именно вигье Гильомъ Пезаншъ и королевскій судья Гайляръ Этьенъ, старавшіеся оказать помощь Пекиньи, также были упомянуты папой. Министръ Аквитаніи поручилъ произвести арестъ бр. Жану Риго. Послѣдній началъ дѣло въ іюнѣ 1304 г. въ каркассонскомъ монастырѣ и отлучилъ Бернара отъ Церкви, такъ какъ онъ, опираясь на народную симпатію, медлилъ явиться на вызовъ папы. Интересенъ фактъ, показывающій направленіе францисканцевъ; министръ снялъ съ Бернара отлученіе, и провинціальный капитулъ ордена въ Альби рѣшилъ, что онъ поступилъ правильно. Быть-можетъ, однако, только смерть Бенедикта спасла монаховъ отъ преслѣдованія за ихъ сопротивленіе [2]).

Но Филиппъ Красивый, въ концѣ концовъ, сдержалъ свое обѣщаніе посѣтить южныя провинціи и облегчить бѣдствія, на которыя его подданные уже давно жаловались. Онъ ожидалъ благопріятнаго исхода изъ переговоровъ съ Бенедиктомъ XI о снятіи отлученія, наложеннаго Бонифаціемъ VIII на его подданныхъ и главныхъ агентовъ. Онъ добился своего 13 мая 1304 г.: отлученіе было снято со всѣхъ, кромѣ Ногаре и Колонны. Поэтому, когда онъ на Рождество 1303 г. явился въ Тулузу, то не имѣлъ ни малѣйшаго желанія, безъ серьезныхъ основаній, возбуждать противъ себя папу. Огромныя толпы людей сбѣжались изъ Альби и Каркассона навстрѣчу королю, громко требуя справедливости и покровительства. Пекиньи краснорѣчиво говорилъ въ ихъ пользу. Представителемъ инквизиторовъ былъ доминиканскій провинціалъ Гильемъ Пьеръ. Бернаръ Делисье сыгралъ видную роль въ этомъ дѣлѣ; тогда-то именно онъ произнесъ свои знаменитыя слова, что святые Петръ и Павелъ были бы уличены въ ереси, если бы къ нимъ примѣнили методы Инквизиціи. Когда возмущенный этимъ епископъ оксерскій строго осудилъ его за эти слова, то Бернаръ смѣло заявилъ, что онъ сказалъ истину. Подозрѣвали, что королевскій духовникъ, доминиканскій монахъ Николай, имѣлъ на короля опасное вліяніе, располагая его въ пользу Инквизиціи. Бернаръ постарался дискредитировать его, обвинивъ его въ продажѣ фламандцамъ всѣхъ тайнъ королевскаго совѣта. Съ другой стороны, Жофруа д'Абли, инквизиторъ Каркассона, пользовался въ это время расположеніемъ Филиппа за умѣлое веденіе переговоровъ о примиреніи его съ Римомъ [3]).

---

[1]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXI, 10; XXXII. 114).—Bern. Guidon. «Hist. Conv. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 510—11). — Mss. Bib. Nat., fond. latin, № 4270, fol. 88, 109, 122.

[2]) Arch. de l'hôtel-de-ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45). — Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXIV, 14). — Mss. Bib. Nat., fond. latin. № 4270, fol. 23, 25, 31, 86, 132, 137, 140—1, 152, 153.

[3]) Grandjean, «Registres de Benoit XI», №№ 1253—60, 1276. Mss. Bib. Nat., fond. latin, № 4270, fol. 21, 73, 74, 158, 162, 278.—Molinier, «L'Inquis. dans le Midi de la France», 126—7. — Жофруа д'Абли имѣлъ достаточно сильное вліяніе на короля, чтобы убѣдить его основать доминиканскій монастырь въ Пуассн.

Библиотека "Руниверс"

Филиппъ терпѣливо выслушалъ обѣ стороны и далъ свое заключеніе въ эдиктѣ 13 января 1304 г., очень похожемъ на компромиссъ. Было сказано, что король прибылъ въ Лангедокъ, чтобы успокоить страну, возбужденную дѣятельностью Инквизиціи, и имѣлъ длинные разговоры со всѣми, кто могъ ясно выразить свое мнѣніе. Вслѣдствіе этого королевскіе чиновники въ сопровожденіи инквизиторовъ должны навѣстить узниковъ Инквизиціи; тюрьмы должны хорошо охраняться, но заключенные не должны терпѣть въ нихъ страданій. Что касается тѣхъ заключенныхъ, дѣла которыхъ еще не разсматривались, то дѣла ихъ будутъ окончены подъ совмѣстнымъ наблюденіемъ епископовъ и инквизиторовъ. Отнынѣ подобная совмѣстная дѣятельность должна быть повсюду за исключеніемъ Альби, гдѣ епископъ, вслѣдствіе падающихъ на него подозрѣній, будетъ замѣщенъ Арнольдомъ Новелли, цистерціанскимъ аббатомъ изъ Фонфруа. Королевскимъ чиновникамъ было оффиціально приказано помогать всѣми способами по первому требованію инквизиторамъ и епископскимъ судьямъ, а также охранять отъ всякаго оскорбленія и насилія личность, церкви и жилища доминиканцевъ [1]).

Въ Альби реформа произвела дѣйствіе, котораго отъ нея ожидали: больше не оказалось еретиковъ, не надо было начинать новыхъ преслѣдованій. Однако, ограничивъ реформу осуществленіемъ своего стараго намѣренія — подвести Инквизицію подъ надзоръ епископовъ, король вызвалъ горькое разочарованіе. Населеніе не безъ основанія полагало, что если доминиканцы дѣйствовали хорошо, то не слѣдовало бы обижать ихъ, давая имъ въ сотрудники епископовъ; если же они виновны, то слѣдовало бы ихъ замѣнить другими. На пріѣздъ короля возлагали такъ много надеждъ, что результаты этого пріѣзда вызвали общее разочарованіе.

Мѣра, принятая Филиппомъ послѣ этого, также не успокоила общественнаго мнѣнія. Когда онъ посѣтилъ Каркассонъ, его просили навѣстить несчастныхъ заключенныхъ, преслѣдованіе которыхъ было главною причиною волненій. Онъ отказался и послалъ, вмѣсто себя, брата своего Людовика. Еще болѣе грустно было другое дѣло: граждане, чтобы снискать себѣ расположеніе короля и выказать ему свою вѣрность, рѣшили поднести ему серебряныя художественной работы вазы. Когда король и его свита прибыли въ Каркассонъ, эти вазы были еще у золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Монпелье; поэтому подарки были поднесены Филиппу уже послѣ его отъѣзда, когда онъ былъ въ Безье. Одна половина вазъ была предназначена для короля, другая половина — для королевы. Королева приняла подарокъ, но Филиппъ не только не принялъ самъ, но и королевѣ велѣлъ вернуть вазы обратно. Это повергло консуловъ Каркассона въ отчаяніе. Подношеніе подарковъ городами монарху было настолько обычно, благосклонный пріемъ ихъ былъ настолько въ порядкѣ вещей, что отказъ короля равнялся выраженію крайней немилости. Да, впрочемъ, и не было никакого основанія разсчитывать на расположеніе со стороны Филиппа послѣ инцидента, вызваннаго Эліасомъ Патрисомъ. Этотъ видный гражданинъ Каркассона, во время проѣзда короля, прямо заявилъ ему, что если онъ не произведетъ немедленнаго суда надъ Инквизиціей, то городъ будетъ вынужденъ искать себѣ другого сюзерена. Филиппъ прогналъ его; тогда граждане, слѣдуя приказаніямъ Патриса, тотчасъ же убрали всѣ украшенія съ улицъ. Думая, что король, перейдя на сторону доминиканцевъ, лишитъ ихъ своего покровительства, они боялись, что ихъ выдадутъ Инквизиціи; въ своемъ безуміи они заявили, что, если они не найдутъ другого сюзерена, который защищалъ бы ихъ, они сожгутъ городъ и будутъ искать себѣ мѣста гдѣ-либо дальше. Затѣмъ, посовѣтовавшись съ братомъ Бернаромъ, они рѣшили, недолго думая, изъявить покорность Феррану, сыну короля Майорки.

Младшая линія Араговскаго дома, ведшая свой титулъ отъ Балеарскихъ острововъ,

[1]) Vaissete. IV. Pr. 130—1.—Mss. Bib. Nat., fond. latin, № 4270, fol. 139.

Библиотека "Руниверс"

удерживала остатки старыхъ каталонскихъ владѣній во Франціи, Монпелье и Перпиньянъ. Она имѣла старинныя права на значительную часть страны, и ея законы могли быть приняты гражданами охотнѣе, чѣмъ иностранное владычество, которому они покорились противъ воли. Если бы вся страна рѣшила изъявить покорность этому дому, то Филиппу, для покоренія ихъ, пришлось бы выдержать борьбу, исходъ которой былъ сомнителенъ, въ виду постоянныхъ враждебныхъ дѣйствій со стороны фламандцевъ. Проектъ свой граждане открыли жителямъ Альби, но послѣдніе благоразумно отказались присоединиться къ нимъ. Отчаяніе каркассонцевъ было такъ велико, что они рѣшили дѣйствовать одни. Король Майорки и его сынъ были въ то время въ Монпелье, гдѣ принимали французскій дворъ, который они сопровождали до Нима. Ферранъ съ жадностью выслушалъ предложеніе и просилъ Бернара проводить его до Перпиньяна. Бернаръ отправился туда, но дорогой благоразумно уничтожилъ бывшее при немъ письмо, скрѣпленное консулами. Король Майорки, узнавъ въ чемъ дѣло, строго наказалъ своего честолюбиваго наслѣдника, побилъ его по щекамъ и отодралъ за волосы. Затѣмъ, чтобы сохранить добрыя отношенія со своимъ сосѣдомъ, королемъ Филиппомъ, онъ открылъ ему заговоръ [1]).

Конечно, этотъ безумный проектъ не представлялъ серьезной опасности; но отношенія между южными провинціями и королемъ были такъ натянуты, что король не могъ не показать имъ, какъ онъ умѣетъ мстить. Судъ, собравшійся въ Каркассонѣ, засѣдалъ въ теченіе лѣта 1305 г. и, согласно предписаніямъ короля, широко примѣнялъ пытки. Въ Альби, не приставшемъ къ заговору, не было произведено разслѣдованія, но ему пришлось дать взятку въ тысячу ливровъ сенешалю Жану д'Алнэ. Городъ же Лиму былъ замѣшанъ въ заговорѣ; онъ долженъ былъ заплатить штрафъ; его лишили вольностей, и сорокъ его гражданъ было повѣшено. Что же касается Каркассона, то его восемь консуловъ, съ Патрисомъ во главѣ, и семь другихъ гражданъ были повѣшены, одѣтые въ свои оффиціальныя одежды; городъ лишили автономіи и наложили на него огромный штрафъ въ шестьдесятъ тысячъ ливровъ, и тщетно жаловался онъ папѣ на это осужденіе. Бернаръ Ги съ дикой радостью говоритъ, что тѣ, кто каркалъ какъ вороны противъ доминиканцевъ, сами стали добычею вороновъ.

При этомъ удобномъ случаѣ Эмерикъ Кастель старался добиться правосудія противъ обвиненія, возбужденнаго противъ памяти и состоянія его отца. Онъ спасся бѣгствомъ, былъ схваченъ, долгое время томился въ тюрьмѣ и, наконецъ, купилъ себѣ миръ цѣною тяжелаго выкупа. Королевское казначейство собрало богатую жатву штрафовъ со всѣхъ тѣхъ, кого можно было обвинить въ потачкѣ. Братъ Бернаръ, смѣло ставшій во главѣ депутаціи гражданъ Альби, явившихся въ Парижъ съ увѣреніями въ невиновности города, немедленно узналъ отъ духовника королевы, что заговоръ открытъ. Узнавъ отъ него, что Альби не замѣшанъ, и что ему не грозятъ непріятности, депутаты удалились, оставивъ Бернара. Послѣдній, по ходатайству короля, былъ арестованъ по указу Климента V и былъ отведенъ въ Ліонъ; отсюда папскій дворъ увелъ его съ собою въ Бордо. Затѣмъ, когда папскій дворъ перебрался въ Пуатье, его заключили въ монастырь Св. Юніана въ Лиможѣ. Въ маѣ 1307 г., по настоянію Климента, Филиппъ опубликовалъ граматы о помя-

[1]) Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 4270, fol. 26, 74—8, 88—9, 198, 03—8, 198, 200—3, 226, 233, 265, 279.—Mascaro, «Memorias de Bezes», ann. 1336, 1389.

По вопросу о владѣніи Монпелье королями Майорки см. Vaissete, IV, 38, 42, 77—8, 151, 235—6. Только въ 1349 г. Филиппъ Валуа купилъ права Іакова II. Въ 1352 г. его сыну Іоанну пришлось бороться противъ требованій, предъявленныхъ Петромъ IV Арагонскимъ (ibidem, 247, 268, Pr. 219).

По всей вѣроятности, тѣсная связь Арагонскаго дома съ францисканскимъ орденомъ обратила вниманіе Бернара на этотъ домъ. Старшій братъ Феррана умеръ въ 1304 г. въ одеждѣ францисканскаго монаха, подъ именемъ брата Іакова. Другой братъ Феррана, Филиппъ, сдѣлался, какъ мы увидимъ ниже, францисканцемъ-спиритуаломъ.

Библиотека "Руниверс"

ловапіи и сложилъ съ Каркассона недоимку штрафа. Постомъ 1308 г. Бернару разрѣшили отправиться въ Пуатье. Когда въ этотъ городъ прибылъ король, Бернаръ горько жаловался ему на то, что онъ подвергся аресту, и что съ невинными было поступлено такъ же строго, какъ и съ виновными. Ему было приказано остаться при папскомъ дворѣ, съ которымъ онъ и послѣдовалъ въ Авиньонъ. Наконецъ, ему было дано прощеніе съ согласія короля; быть-можетъ, этимъ прощеніемъ онъ былъ обязанъ тѣмъ крупнымъ суммамъ, которыя его друзья изъ Альби уплатили тремъ кардиналамъ. Послѣ этого онъ отправился въ Тулузу и отказался отъ всякаго участія въ общественной жизни. Несомнѣнно, его неутомимый жаръ угасъ подъ вліяніемъ только-что перенесенныхъ опасностей, и къ тому же предпринятыя Климентомъ реформы Инквизиціи позволяли ему надѣяться, что отнынѣ онъ можетъ жить спокойно [1]).

Смерть Бенедикта XI, въ іюлѣ 1304 г., дала новыя надежды жертвамъ Инквизиціи. Избранію Климента V (5 іюня 1305 г.) предшествовало междупапствіе, тянувшееся почти цѣлый годъ. Во время этого періода коллегіи кардиналовъ была подана петиція семнадцатью духовными братствами Альби, среди которыхъ были каноники каѳедральнаго собора и многихъ другихъ церквей. Всѣ они убѣдительно просили вмѣшательства священной коллегіи, чтобы отвратить опасность, грозящую общинѣ. Страна, говорили они, вполнѣ католическая, народъ правовѣренъ, онъ обожаетъ въ душѣ своей католическую религію и исповѣдуетъ ее устами своими; однако, ссора между населеніемъ и инквизиторами настолько обострилась, что вся страна страшно раздражена и горитъ желаніемъ перерѣзать всѣхъ, кого она привыкла считать своими врагами. Несомнѣнно, инквизиторы воспользовались реакціей, послѣдовавшей послѣ безплодной измѣны Каркассона, а также и перемѣной въ настроеніи короля. Съ этого времени Филиппъ не вмѣшивался въ дѣла Инквизиціи, а только понуждалъ своихъ представителей неуклонно примѣнять всѣ законы, направленные противъ еретиковъ, и наблюдать за тѣмъ, чтобы потомки осужденныхъ не занимали никакихъ должностей. Причиной такой перемѣны въ отношеніяхъ короля не была одна только измѣна Каркассона; начиная съ 1307 г., онъ нуждался въ помощи инквизиторовъ, чтобы довести до конца свои планы относительно тампліеровъ, и поэтому онъ не могъ ни бороться противъ нея, ни ограничивать ея власти [2]).

Священная коллегія, вся поглощенная предвыборными интригами, не обратила никакого вниманія на просьбу альбигойскаго духовенства. Но когда этотъ полный волненій годъ окончился торжествомъ французской партіи и избраніемъ Климента V, то явилась возможность ожидать осуществленія надеждъ, родившихся со смертью его предшественника. Бертранъ де Готъ, кардиналъ-архіепископъ бордосскій, гасконецъ по происхожденію, несмотря на свое англійское подданство, зналъ лучше итальянцевъ бѣдствія и нужды Лангедока. Когда слухъ о его избраніи на папскій престолъ достигъ Альби, то братъ Бернаръ организовалъ посольство, которое отъ имени города должно было просить папу вмѣшаться въ дѣла Инквизиціи. Когда Климентъ посѣтилъ Тулузу, то къ нему были приведены жены заключенныхъ, которыя нарисовали ему ужасную картину своихъ бѣдствій. Сѣтованія подобнаго рода доходили до него съ момента его избранія, и ихъ поддерживали два доминиканца, Бертранъ Бланъ и Францискъ Эмерикъ, не менѣе представителей

---

[1]) Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 4270, fol. 78—80, 90—1, 196, 247, 252—3, 257—9.—Bern. Guidon. «Hist. Conv. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 479—80).—Vaissete, IV, 129—30.—Vaissete, изд. Privat, X. Pr. 461.

Бернаръ Ги упоминаетъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ доминиканцамъ во время волненій въ Каркассонѣ. Всѣхъ, кто показывался на улицахъ, преслѣдовали криками «Coac! Coac!»—«ad modum corvi».—Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 4270, fol. 281.

[2]) Arch. de l'hôtel-de-ville d'Albi (Doat, XXXIV, 42). — Arch. de l'évêché d'Albi (Doat, XXXII, 81).

Библиотека "Руниверс"

Альби желавшіе уничтоженія злоупотребленій Инквизиціи. Жофруа д'Абли съ такой поспѣшностью прибылъ изъ Каркассона, чтобы защищать себя, что не оставилъ даже никого вмѣсто себя замѣстителемъ, и лишь изъ Ліона 29 сентября 1305 г. послалъ Жану де Фогу и Геральду де Блюмакъ мандатъ о принятіи на себя исполненій его обязанностей; въ посланіи къ нимъ онъ говоритъ объ ужасныхъ животныхъ, о животныхъ жестокихъ, которыя расхищаютъ садъ Христа, и которыхъ надо преслѣдовать до самой берлоги и уничтожать безъ всякой жалости [1]).

Но усилія его отстоять Инквизицію были безуспѣшны, тѣмъ болѣе, что населеніе Альби подкупило трехъ кардиналовъ (одинъ изъ нихъ, Раймундъ де Готъ, былъ племянникъ папы), давъ двумъ изъ нихъ по двѣ тысячи турскихъ ливровъ, а одному пятьсотъ ливровъ. 13 марта 1306 г. Климентъ поручилъ двумъ кардиналамъ, Петру, кардиналу С.-Виталь (позднѣе Палестрины), и Беранже, кардиналу де С.-Нереи и Аквилеи (позднѣе Фраскати), объѣхать Лангедокъ, произвести разслѣдованіе и сдѣлать, какія они найдутъ нужнымъ, предварительныя реформы. Населеніе Альби, Каркассона и Корда представило доказательства, что добрые католики были принуждены пытками и ужасами тюрьмы сознаться въ ереси; и что, кромѣ того, списки Инквизиціи фальшивы и дополнены въ послѣднее время. До окончанія разслѣдованія инквизиторамъ было запрещено подвергать суровому тюремному заключенію и пыткѣ кого бы то ни было изъ гражданъ безъ согласія епархіальнаго епископа; аббатъ изъ Фонфруа былъ посланъ на мѣсто епископа Альби.

16 апрѣля 1306 г. въ присутствіи всѣхъ почетныхъ гражданъ состоялось въ Каркассонѣ публичное засѣданіе кардиналовъ. Консулы города и представители Альби изложили свои жалобы и были поддержаны двумя доминиканцами, Бланомъ и Эмерикомъ, тѣми самыми, которые выступили передъ папой. Съ другой стороны, Жофруа д'Абли и представитель альбигойскаго архіепископа защищали сами свое дѣло; они жаловались на народныя возстанія и на перенесенныя ими оскорбленія. Выслушавъ обѣ стороны, кардиналы назначили разборъ дѣла на 25 января, избравъ мѣстомъ для этого городъ Бордо. Городамъ Каркассону, Альби и Корду было предложено выслать въ Бордо по четыре уполномоченныхъ. Такъ какъ роль уполномоченныхъ была одна изъ самыхъ опасныхъ, то кардиналы поручились делегатамъ за ихъ безопасность отъ Инквизиціи въ теченіе всего времени ихъ дѣятельности; и эта мѣра не была пустою предосторожностью. Эмерикъ Кастель, одинъ изъ представителей Каркассона, оказался въ такой опасности, что былъ вынужденъ въ сентябрѣ 1308 г. обратиться къ Клименту съ просьбой запретить особой буллой инквизиторамъ покушеніе на его личность до окончанія дѣла. Еще большая опасность грозила свидѣтелямъ, вызваннымъ для подтвержденія факта поддѣлки списковъ Инквизиціи. Они были связаны клятвой не возобновлять своихъ прежнихъ разоблаченій подъ страхомъ костра; и они просили кардиналовъ разрѣшить ихъ отъ этой клятвы [2]).

До насъ не дошло свѣдѣній о подробностяхъ этого дѣла, принявшаго характеръ тяжбы между населеніемъ и Инквизиціей. Однако, кардиналы раньше, чѣмъ начать объѣздъ, показали своими дѣйствіями, что они убѣдились въ справедливости обвиненій. Они посѣтили каркассонскую тюрьму и велѣли показать себѣ сорокъ узниковъ, среди которыхъ были три женщины. Одни изъ этихъ несчастныхъ были больны, другіе разбиты старостью, недо-

[1]) Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 4270, fol. 10—11, 84, 128, 166—7.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXII, 83).

Пребываніе Жофруа въ Ліонѣ затянулось. 29 ноября онъ передалъ полномочія чиновникамъ, назначеннымъ его депутатами (Doat, XXXII, 85). Жанъ де Фогу имѣлъ дѣла съ Инквизиціей въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, двадцати лѣтъ (Doat, XXXII, 125).

[2]) Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 4270, fol. 254. — Arch. de l'hôtel-de-ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45).—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXIII, 48).

Библиотека "Руниверс"

ѣданіемъ, отсутствіемъ постелей, жестокостью сторожей. Кардиналы были такъ поражены, что прогнали всѣхъ тюремщиковъ и сторожей, кромѣ главнаго смотрителя тюрьмы, и поручили тюрьму надзору каркассонскаго епископа. Съ новыхъ служителей была взята присяга, что они будутъ вступать въ сношенія съ узниками только въ присутствіи третьяго лица и не будутъ воровать у нихъ пищи. Одинъ изъ кардиналовъ посѣтилъ тюрьму епископа Альби; о тюремщикахъ онъ услыхалъ только одно хорошее, но онъ возмутился положеніемъ заключенныхъ: на многихъ были тяжелыя цѣпи, камеры были тѣсныя и темныя, и многіе изъ узниковъ сидѣли въ нихъ по пяти лѣтъ и болѣе въ ожиданіи суда. Онъ велѣлъ снять оковы, дать доступъ свѣта въ камеры и въ теченіе одного мѣсяца выстроить новыя, болѣе удобныя камеры. Въ отношеніи улучшенія инквизиторскаго суда кардиналы ограничились лишь тѣмъ, что подтвердили распоряженія Филиппа, чтобы на немъ присутствовалъ мѣстный епископъ. Это распоряженіе было отмѣнено Климентомъ 12 августа 1308 г. особой буллой, въ которой онъ, извиняясь, объявляетъ, что кардиналы превысили его намѣренія [1]).

Такимъ образомъ, существованіе зла признавали, но Церковь отступала передъ необходимостью исправить его. Послѣ столькихъ лѣтъ борьбы трудно было ожидать облегченія. Климентъ оказался даже не въ состояніи сдѣлать реформу въ отношеніи вопіющаго и ничѣмъ не оправдываемаго злоупотребленія—держать въ теченіе долгихъ лѣтъ въ невозможныхъ тюрьмахъ узниковъ, не признанныхъ виновными и не осужденныхъ: инквизиторы сохраняли въ своихъ архивахъ буллу Иннокентія IV, разрѣшавшую имъ до безконечности откладывать произнесеніе приговора, если они находили подобную отсрочку полезной для дѣла вѣры; и мы знаемъ, какъ широко они примѣняли эту буллу. Когда кардиналъ С.-Виталя посѣтилъ епископскую тюрьму, то въ ней оказалось много арестованныхъ альбигойскимъ епископомъ еще въ 1299 г. и все еще ждавшихъ суда. Посѣщеніе кардинала не измѣнило положенія; черезъ пять лѣтъ, въ 1310 г., Климентъ писалъ епископу Альби и Жофруа д'Абли, что граждане Альби, имена которыхъ онъ приводитъ при этомъ, жалуются, что они уже болѣе восьми лѣтъ сидятъ въ тюрьмѣ въ предварительномъ заключеніи и умоляютъ его, чтобы онъ приказалъ разсмотрѣть ихъ дѣла. Онъ приказалъ немедленно окончить дѣла и приговоры представить на утвержденіе кардиналовъ Палестрины и Фраскати, его прежнихъ комиссаровъ. Бертранъ де Бордъ, епископъ Альби, и Жофруа д'Абли не обратили вниманія на эти приказы и утверждали, что многіе изъ поименованныхъ папою заключенныхъ уже умерли ранѣе составленія граматы: очевидно, папская грамата была неожиданностью. Года два спустя Климентъ узналъ объ этомъ неповиновеніи и написалъ Гераль ду, епископу Альби, и Жофруа немедленно исполнить его указъ и разсмотрѣть дѣла какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ. Но и теперь Жофруа не обратилъ на это никакого вниманія.

Мы не имѣемъ документовъ относительно участи этихъ несчастныхъ; по всей вѣроятности, до самой смерти они томились въ ужасныхъ темницахъ, все ожидая суда. Послѣ смерти Климента и его кардиналовъ, когда нечего было бояться сторонняго вмѣшательства, въ 1319 г., двое оставшихся въ живыхъ изъ этихъ несчастныхъ, Гильемъ Салаверъ и Изарнъ Кольи, были извлечены изъ темницъ, чтобы снова подвергнуться допросу. Одинъ изъ нихъ подтвердилъ свои показанія, другой отрекся отъ своихъ, такъ какъ они были исторгнуты у него пыткою. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого былъ выданъ въ руки свѣтской власти Гильемъ Кальвери изъ Корда, заключенный въ 1301 г. и отрекшійся отъ своего перваго показанія (по всей вѣроятности, передъ кардиналами Климента). Гильема Салавера, принявъ во вниманіе девятнадцатилѣтнее предварительное заключеніе, приговo-

[1]) Arch. de l'hôtel-de-ville d'Albi (Doat, XXXIV, 45).—Arch. de l'Inquis. de Carcassonne (Doat, XXXIV, 89, 112).—Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 95—6).—Ripoll, II, 112.

Библиотека "Руниверс"

рили только къ ношенію крестовъ. Въ 1328 г. мы находимъ засвидѣтельствованныя копіи, составленныя по приказанію королевскаго судьи Каркассона и заключавшія опись личнаго имущества Гильема Кальвери и Жана Бодье, двухъ заключенныхъ еще въ 1299—1300 гг., что свидѣтельствуетъ, что дѣло ихъ еще не было окончено. Другое дѣло свидѣтельствуетъ о непреклонномъ упорствѣ Инквизиціи: это дѣло Гильема Гаррика, посаженнаго въ тюрьму еще въ 1284 г. по обвиненію въ заговорѣ уничтожить списки каркассонской инквизиціи; изъ королевскихъ граматъ, помѣченныхъ 1312 г., мы узнаемъ, что Климентъ V, принимая во вниманіе заслуги и благочестіе заключеннаго, даруетъ ему полное прощеніе, а король вслѣдствіе этого возвращаетъ Гаррику и его потомкамъ замокъ Монтейра, ранѣе этого конфискованный. Инквизиція не исполнила повелѣнія папы и короля до 1321 г.; затѣмъ она вывела заключеннаго изъ тюрьмы, и Бернаръ Ги, въ виду сердечнаго раскаянія старца, ограничился тѣмъ, что приговорилъ его къ пожизненному изгнанію, обязавъ въ тридцатидневный срокъ покинуть Францію [1]).

Климентъ сдѣлалъ еще другую попытку, чтобы уменьшить злоупотребленія Инквизиціи. Онъ перенесъ подсудность евреевъ Тулузской и Нарбоннской провинцій изъ суда инквизиторскаго въ судъ епископскій, такъ какъ евреи постоянно подвергались несправедливымъ притѣсненіямъ. Было приказано передать даже дѣла, находившіяся въ производствѣ. Но послѣ смерти Климента предъявили буллу, которою покойный папа отмѣнялъ предшествовавшую и возстановлялъ подсудность евреевъ инквизиторскому суду [2]).

Результатъ всѣхъ этихъ долгихъ усилій сказался въ реформахъ, принятыхъ, по просьбѣ Климента, Віенскимъ соборомъ 1312 г. Соборъ редактировалъ пять книгъ каноническаго права, извѣстныхъ подъ именемъ «Клементинъ». Климентъ взялъ ихъ для просмотра и собирался издать, когда 20 апрѣля 1314 г. его постигла смерть. Изданіе ихъ замедлилось во время долгаго междупарствія, послѣдовавшаго послѣ его смерти, и онѣ были оффиціально изданы только 25 октября 1317 г. Іоанномъ XXII. Выше мы упоминали о канонахъ, касающихся Инквизиціи; напомнимъ, что они были направлены къ ограниченію произвола инквизитора и требовали епископскаго участія при примѣненіи пытки и строгаго заключенія, равносильнаго пыткѣ, а также и въ управленіи тюрьмами. Отлученіе отъ Церкви грозило тѣмъ, кто будетъ злоупотреблять своей властью изъ личной вражды, дружбы или алчности. Все это очень важно и не столько потому, что уничтожало зло, сколько потому, что оффиціально свидѣтельствуетъ о жестокости и продажности инквизиторскаго суда. Тщетно Бернаръ Ги поднималъ голосъ противъ обнародованія этихъ каноновъ; даже и послѣ ихъ обнародованія онъ не переставалъ утверждать, что эти каноны должны быть измѣнены св. Престоломъ или, еще лучше, совершенно отмѣнены имъ. Но эти требованія были совершенно не умѣстны, такъ какъ Клементины остались мертвою буквою. Разсматривая пріемы Инквизиціи до и послѣ изданія этихъ каноновъ, мы не можемъ рѣшить, какое вліяніе они произвели. Нигдѣ мы не видимъ слѣдовъ серьез-

---

[1]) Arch. de l'Inquis. de Carcassonne (Doat, XXXI, 74; XXXIV, 89).—Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 11847.—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan., 228, 266—7, 282—5. — Coll. Doat, XXXII, 309, 316.—Vaissete, изд. Privat, X. Pr. 526.

[2]) Archives de l'Inquis. de Carcassonne (Doat, XXXVII, 255).

Инквизиціи, повидимому, удалось присвоить себѣ судъ надъ евреями въ Лангедокѣ. Въ 1279 г. аббатъ отъ св. Антонина въ Памье Бернаръ далъ евреямъ Памье хартію, подтверждавшую нѣкоторые установленные противъ нихъ статуты и касавшуюся ихъ частныхъ дѣлъ; это показываетъ, что въ это время они были подчинены аббатскому суду. Однако, до насъ дошла грамата, помѣченная 1297 г. и подписанная инквизиторомъ бр. Арно Жаномъ, который приказываетъ евреямъ Памье жить, слѣдуя обычаямъ евреевъ Нарбонны, и обѣщаетъ не вводить aliquas graves et insolitas novitates. Такимъ образомъ, между этими двумя годами, 1279 и 1297, евреи попали подъ власть Инквизиціи.—Coll. Doat, XXXVII, 156, 160.

Библиотека "Руниверс"

наго желанія примѣненія ихъ на практикѣ. Инквизиторы попрежнему вели дѣла произвольно, не боясь никакой отвѣтственности и ничѣмъ не стѣсняясь [1]).

Одно дѣло, впрочемъ, можетъ быть приведено какъ примѣръ ослабленія судопроизводства противъ еретиковъ. Ненависть Филиппа къ Бонифацію была вѣчна, и ея не успокоилъ даже печальный конецъ его врага. Однако, король никакъ не могъ добиться отъ Климента, благодаря ему достигшаго папскаго престола, посмертнаго осужденія Бонифація какъ еретика. Климентъ, послѣ его неоднократныхъ просьбъ, собралъ по этому вопросу свидѣтельскія показанія. Король доставилъ цѣлую армію свидѣтелей, которые подъ присягой съ мельчайшими подробностями подтвердили, что покойный папа не вѣрилъ въ безсмертіе души, въ ученіе о воплощеніи и искупленіи, что онъ поклонялся демонамъ, что имѣлъ грязныя и противоестественныя страсти, и что, наконецъ, общественное мнѣніе представляло его безбожникомъ и развратникомъ. Большинство свидѣтелей были люди духовнаго званія и безупречной репутаціи; ихъ показанія были очень серьезны. Десятой части ихъ было бы достаточно, чтобы сжечь кости и лишить наслѣдниковъ наслѣдства, если бы дѣло шло о простомъ смертномъ. Но на этотъ разъ обыкновенныя правила судебной практики не были примѣнены. Филиппъ долженъ былъ отказаться отъ преслѣдованія, а Климентъ въ своей буллѣ отъ 27 апрѣля 1311 г. призналъ, что королемъ и его свидѣтелями руководила единственно ревность къ вѣрѣ. Требованія Бонифація, выраженныя имъ въ жестокихъ декреталіяхъ, были формально отмѣнены, и Гильомъ де Ногаре получилъ, наконецъ, отпущеніе грѣховъ, въ которомъ ему такъ долго отказывали [2]).

Климентъ умеръ въ Карпантра 20 апрѣля 1314 г., унося съ собой въ гробъ упреки и обвиненіе въ томъ, что содѣйствовалъ гибели тампліеровъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (29 ноября) за нимъ послѣдовалъ и его искуситель и соумышленникъ, Филиппъ Красивый. Кардиналы, которымъ надлежало избрать преемника Клименту, рѣзко раздѣлились. Итальянцы требовали, чтобы избраніе происходило въ Римѣ; французы — гасконцы, какъ ихъ называли,—настаивали на соблюденіи древняго правила, чтобы избраніе папы происходило на томъ мѣстѣ, гдѣ умеръ его предшественникъ. Они прекрасно знали, что въ Италіи они подвергнутся оскорбленіямъ и встрѣтятъ дурной пріемъ, какой сами у себя оказываютъ своимъ коллегамъ итальянцамъ. Запертый въ епископскомъ дворцѣ въ Карпантра, конклавъ тщетно ждалъ наитія Святого Духа въ то время, какъ люди, бывшіе внѣ дворца, любезно старались отрѣзать отъ избирателей жизненные припасы и разграбить ихъ дома. Положеніе стало невыносимымъ до того, что 23 іюля 1314 г. французская партія, предводительствуемая племянникомъ Климента, подожгла дворецъ и грозила смертью итальянцамъ; послѣдніе съ большимъ трудомъ спасли свою жизнь черезъ брешь въ задней стѣнѣ дворца. Прошло два года, и все еще не было выбрано папы. Можно было думать, что покойный папа былъ послѣднимъ. Но папа французъ, какъ показалъ опытъ прошлаго, былъ такимъ хорошимъ союзникомъ для французскаго двора, что намѣстникъ престола Св. Петра сталъ необходимымъ для него изъ политическихъ соображеній. Въ 1316 г. Людовикъ Сварливый послалъ въ Ліонъ своего брата Филиппа Длиннаго, графа Пуатье, съ приказаніемъ привести кардиналовъ къ соглашенію, причемъ Филиппъ клятвенно обѣщалъ не дѣлать

[1]) Martin Fuldens. «Chron.» ann. 1312.—C. 1, 2, 3, Clément. V. III.—Bern. Guidon. «Practica», P. IV, c. 1.

Нужно отдать Клименту ту справедливость, что онъ, несомнѣнно имѣлъ въ виду гораздо болѣе полную реформу, и бѣдность результатовъ надо приписать по всей вѣроятности окончательной редакціи, данной Іоанномъ XXII. Въ 1313 г. Анджело да Кларино писалъ по поводу новыхъ каноновъ, обнародованіе которыхъ казалось близкимъ: «Inquisitores etiam hereticæ pravitatis restringuntur et supponuntur episcopis»; это указываетъ, повидимому, на нѣчто болѣе рѣшительное, чѣмъ тѣ каноны, которые дошли до насъ. — Franz Ehrle, «Archiv. für Litteratur- und Kirchengeschichte», 1885, стр. 545.

[2]) Du Puy, «Histoire du Différend», Preuves, стр. 522—602.

Библиотека "Руниверс"

надъ ними никакого насилія и не сажать ихъ въ тюрьму. Но дѣло не подвинулось впередъ; и еще шесть мѣсяцевъ кардиналы не приходили къ соглашенію. Въ это время Филиппъ узналъ о внезапной смерти своего брата и о мнимой беременности его вдовы; надежда на полученіе престола или, по крайней мѣрѣ, регентства побуждала его ѣхать скорѣе въ Парижъ; съ другой стороны, онъ не могъ уѣхать изъ Ліона, не окончивъ своего дѣла. Посовѣтовавшись со своими юристами, которые нашли его присягу незаконной и поэтому необязательной, онъ пригласилъ кардиналовъ для переговоровъ въ доминиканскій монастырь. Когда всѣ они собрались, Филиппъ категорически заявилъ имъ что онъ не выпуститъ ихъ, пока они не изберутъ папы. Поставивъ стражу у всѣхъ выходовъ, онъ поспѣшно отправился въ Парижъ, оставивъ кардиналовъ размышлять на досугѣ въ плѣну. Теперь имъ ничего не оставалось иного, какъ скорѣе придти къ соглашенію; однако, прошло еще сорокъ дней, пока они не избрали въ намѣстники Христа Іакова д'Озо, кардинала Порто. Итальянцы поддержали новаго папу подъ условіемъ, что онъ клятвенно обѣщалъ никогда не садиться ни на лошадь, ни на мула, кромѣ того случая, если придется возвращаться въ Римъ; и эту клятву папа вѣрно сохранялъ все время своего первосвященства: онъ въ лодкѣ спустился по Ронѣ до Авиньона и пѣшкомъ дошелъ отъ пристани до дворца, изъ котораго выходилъ только въ сосѣдній соборъ. Подобный выборъ не могъ, конечно, доставить тіару святому: Іоаннъ XXII былъ вполнѣ сыномъ природы. Замѣчательно образованный и чрезвычайно способный, онъ поднялся высоко надъ той скромной средой, изъ которой происходилъ; его безграничное честолюбіе и его надменный характеръ вызывали постоянныя ссоры, но смѣлость его только росла [1]).

Это избраніе прекратило затрудненія, въ которыхъ находилась лангедокская инквизиція. Хотя Іоаннъ и опубликовалъ Клементины, но, тѣмъ не менѣе, онъ скоро показалъ, что инквизиторамъ нечего его бояться; и они поспѣшили удовлетворить свою старинную ненависть. Ихъ первой жертвой былъ Бернаръ Делисье.

Во время папства Климента и во время междупапствія Бернаръ жилъ въ покоѣ и могъ думать, что уже позабыли о его горячей защитѣ народныхъ интересовъ въ Лангедокѣ. Будучи человѣкомъ пылкаго характера, онъ сталъ въ рядахъ тѣхъ братьевъ своего ордена, которые извѣстны подъ именемъ спиритуаловъ. Онъ игралъ видную роль въ движеніи, благодаря которому спиритуалы, пока папскій престолъ былъ свободенъ, заняли монастыри Безье и Нарбонны. Одной изъ первыхъ заботъ Іоанна XXII было уничтожить этотъ расколъ въ орденѣ. Онъ тотчасъ же вызвалъ къ себѣ монаховъ Безье и Нарбонны. Бернаръ, не задумавшійся написать воззваніе къ папѣ, смѣло предсталъ передъ нимъ во главѣ своихъ собратій. Такъ какъ онъ отстаивалъ ихъ дѣло, то его обвинили въ томъ, что онъ мѣшаетъ дѣятельности Инквизиціи, и тотчасъ же его арестовали и предъявили противъ него рядъ обвиненій; утверждали между прочимъ, что онъ чародѣйствомъ наслалъ смерть на Бенедикта XI и измѣнилъ во время каркассонскаго дѣла. Папа назначилъ особую комиссію для разслѣдованія виновности Бернара, который въ теченіе двухъ лѣтъ находился въ строгомъ заточеніи. Слѣдствіе тянулось медленно; разборъ начался только 3 сентября 1319 г. Судъ, въ составѣ тулузскаго архіепископа и епископовъ Памье и С.-Папуля, собрался въ Кастельнодари. Архіепископъ уклонился, и остались только два епископа, которые 12 сентября перенесли судъ въ Каркассонъ. Этому дѣлу придавали такое

---

[1]) Joann. Canon. S. Victor. «Chron.» ann. 1314—16.—Rymer, «Foedera», III, 494—5.—Grandes Chroniques, ann. 1314—16.—Bern. Guidon. «Vita Joann. PP. XXII».—Ptolomaei Lucens. Append.

Іоанна XXII всегда считали сыномъ небогатаго сапожника изъ Кагора; но новыя разысканія позволяютъ думать, что онъ скорѣе принадлежалъ къ зажиточной буржуазной семьѣ.—A. Molinier, ap. Vaissete, изд. Privat, X, 363.

Библиотека "Руниверс"

большое значеніе, что папа прислалъ своего представителя въ лицѣ инквизитора Жана де Бона, представителемъ короля явился сенешаль Тулузы и Каркассона, также присутствовали реформаторы Рауль, епископъ ланскій и Жанъ, графъ де Форезъ [1]).

До насъ дошелъ оффиціальный отчетъ этого дѣла со всѣмъ его безконечнымъ многословіемъ, и мы имѣемъ мало документовъ, которые давали бы намъ лучшее понятіе о томъ, что подразумѣвалось тогда подъ справедливымъ судомъ. Извѣстные старинные сообщники Бернара, каковы Арнольдъ Гарсіа, Гильомъ Франса, Пьеръ Проби и другіе, были приведены на судъ, чтобы подвергнуться допросу одновременно съ главнымъ обвиняемымъ и быть свидѣтелями противъ него. Имъ обѣщали оставить жизнь, если ихъ показанія, данныя подъ присягой, поведутъ ихъ друга къ гибели. Престарѣлый Бернаръ, разбитый двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и долгимъ слѣдствіемъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ подвергался самому строгому допросу. Ему припомнили старыя дѣла, бывшія 12—18 лѣтъ тому назадъ, и, чтобы сбить его, искусно перемѣшивали факты различныхъ, возбужденныхъ противъ него, обвиненій. Подъ предлогомъ спасти его душу, ему неоднократно торжественно объявляли, что онъ, если судить по закону, еретикъ, такъ какъ болѣе года находился подъ отлученіемъ отъ Церкви, которое пало на него ipso facto за обструкцію Инквизиціи. Только безусловное подчиненіе и полное и искреннее признаніе могли спасти его отъ костра. Два раза подвергали его пыткѣ; первый разъ 3 октября по обвиненію въ измѣнѣ; второй разъ 20 ноября по обвиненію въ некромантіи. Хотя ему была назначена умѣренная пытка, однако, присутствовавшіе при ней нотаріусы передаютъ, что крики жертвы свидѣтельствовали о достаточной жестокости. Но двукратное примѣненіе пытки не вырвало у него признанія. Однако, искусно скомбинированныя улики и страданія, которымъ подвергали этого ослабленнаго старостью человѣка, должны были, въ концѣ концовъ, достигнуть цѣли. Его сумѣли мало-по-малу довести до того, что онъ сталъ противорѣчить самъ себѣ и обвинять самого себя, такъ что, въ концѣ концовъ, былъ вынужденъ смиренно просить прощенія [2]).

Приговоръ былъ вынесенъ 8 декабря: по обвиненію въ колдовствѣ противъ Бенедикта XI Бернаръ былъ оправданъ, но остальныя обвиненія были еще отягощены семьюдесятью клятвопреступленіями во время допроса. Послѣ отреченія отъ своихъ заблужденій онъ получилъ отпущеніе грѣховъ, былъ исключенъ изъ духовнаго званія и приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію въ каркассонской тюрьмѣ на хлѣбъ, на воду и въ цѣпяхъ. Въ виду амнистіи, данной Филиппомъ Красивымъ въ 1307 г. и освобожденія въ 1308 г. изъ заключенія, удивительно, что представители Филиппа Длиннаго въ настоящее время протестовали противъ черезчуръ снисходительнаго, по ихъ мнѣнію, приговора и подали апелляцію папѣ. Даже судьи были менѣе ожесточены; передавая осужденнаго Жану де Бону, они были настолько человѣчны, что приказали, въ виду преклоннаго возраста и слабости Бернара, освободить его отъ наказанія на хлѣбѣ и водѣ. Какую радость долженъ былъ испытать Жанъ де Бонъ, когда онъ увидѣлъ въ своихъ рукахъ своего стараго врага,—человѣка, нападенія котораго доставили такъ много непріятныхъ заботъ предшествовавшимъ инквизиторамъ. И радость эта, безъ сомнѣнія, еще увеличилась, когда 26 февраля 1320 г.

---

[1]) Joann. Can. S. Victor. «Chron.» ann. 1316—1319.—Historia Tribulationum («Archiv. für Litteratur- und Kirchengeschichte», 1886, стр. 145—8).—Wadding. ann. 1318, № 26—7.—Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 4270, fol. 1, 39.

[2]) Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 4270 fol. 5, 81, 103—4, 146—7, 169.

Арнольдъ Гарсіа и Петръ Проли содержались въ тюрьмѣ до 1325 г. Въ этомъ году они были выпущены на свободу цѣною штрафа въ двѣ тысячи флориновъ золотомъ и подверглись епитиміи, которую угодно было наложить на нихъ инквизитору Жану Дюпра. Было приказано вернуть имъ ихъ секвестрованное имущество.—Vaissete, изд. Priva X. Pr. 645.

Библиотека "Руниверс"

папа, быть-можетъ, желая угодить королю, отмѣнилъ смягченіе наказанія. Слабое тѣло Бернара, одушевлявшееся неукротимой энергіей, не могло долго переносить страданій, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ благодѣтельная смерть унесла единственнаго человѣка, который осмѣливался вести открытую борьбу противъ Инквизиціи [1]).

Реакція дѣлала быстрые успѣхи. Въ 1315 г. Людовикъ Сварливый издалъ эдиктъ, къ который были включены многія статьи законовъ Фридриха II. Этотъ документъ, совершенно излишній послѣ восьмидесятилѣтней дѣятельности Инквизиціи въ королевскихъ владѣніяхъ, представляетъ, однако, извѣстный интересъ: онъ показываетъ, какое вліяніе пріобрѣли доминиканцы во время междупапствія. Съ избраніемъ Іоанна XXII, хотя онъ и издалъ Клементины, Инквизиціи нечего было бояться посторонняго вмѣшательства. Населеніе снова было отдано въ ея полное распоряженіе. Указаніе знаменательное: новый папа отмѣнилъ неприкосновенность, дарованную кардиналами Климента Эмерику Кастелю и остальнымъ гражданамъ Каркассона, Альби и Корда, которые въ качествѣ уполномоченныхъ отъ городовъ поддерживали жалобу, поданную городами папѣ на инквизиторовъ; и въ то же время имъ было предложено начать преслѣдованіе противъ хулителей. Инквизиція поняла, что насталъ часъ отмщенія. Она захватила еще оставшихся въ живыхъ участниковъ бывшихъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ безпорядковъ. Заключенные еще въ 1299 и 1300 гг., которые еще не умерли въ тюрьмахъ Инквизиціи и, несмотря на указы Климента, все еще ждали суда, были извлечены изъ своихъ темницъ и переданы инквизиторамъ. Инквизиція показала, что власть ея снова возродилась, и потребовала покорности и возсоединенія съ Церковью мятежныхъ городовъ. Мы не знаемъ, что происходило въ Каркассонѣ, но всей вѣроятности, въ немъ произошло то же, что и въ Альби; и въ этомъ городѣ 11 марта 1319 г. консулы, городскіе совѣтники и огромная толпа гражданъ были собраны на епархіальномъ кладбищѣ въ присутствіи епископа Бернара и инквизитора Жана де Бона. Всѣ, поднявъ руку, принесли въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ раскаяніе и согласились подвергнуться всякой епитиміи и повиноваться отнынѣ приказаніямъ епископа и инквизитора. Затѣмъ было снято отлученіе съ присутствующихъ и съ покойниковъ, показавшихъ при жизни раскаяніе. Остальной части населенія приказали явиться въ мѣсячный срокъ, чтобы испросить прощеніе. Духовныя наказанія были слѣдующія: городъ долженъ былъ пополнить всѣ расходы и убытки епископіи и Инквизиціи, причиненные безпорядками; выстроить въ теченіе двухъ лѣтъ часовню для каѳедральнаго собора и входъ въ доминиканскую церковь; дать пятьдесятъ ливровъ кармелитамъ на покрытіе расходовъ по ихъ церкви и, наконецъ, поставить мраморные памятники на могилахъ Николая д'Аббевиля и Фулька де С.-Жоржъ въ Ліонѣ и Каркассонѣ, гдѣ эти инквизиторы умерли по винѣ мятежныхъ гражданъ въ нищетѣ и въ изгнаніи. Затѣмъ, десять паломничествъ было наложено на оставшихся въ живыхъ изъ числа тѣхъ, кто въ 1301 г. обвинялъ передъ королевскимъ дворомъ епископа Бертрана и инквизитора Николая д'Аббевиля; то же наказаніе постигло и лицъ, занимавшихъ съ 1302 по 1304 г. должности консуловъ и совѣтниковъ. Въ декабрѣ 1320 г. Жанъ де Бонъ оказалъ имъ, по его мнѣнію, особую милость, отложивъ на одинъ годъ совершеніе паломничествъ. 29 іюня 1321 г. возсоединился и городъ Кордъ въ не менѣе унизительной церемоніи, давъ при этомъ обѣщаніе своего полнаго повиновенія въ будущемъ. Такимъ-то образомъ праздновала Инквизиція свое торжество послѣ долгой борьбы; она вышла побѣдительницей, и ея противники могли спасти свою жизнь только изъявленіемъ полной покорности [2]).

---

[1]) Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 268—73.—Mss. Bib. Nat., fonds. latin, № 4270, fol. 186—92.—Joann. S. Victore, «Memor. Historiale» ann. 1319 (Bouquet, XXI, 664).

[2]) Isambert, «Anc. loix franç.», III, 123.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXII, 138).—Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 11847.—Lib. Sentent. Inq. Tolos. 228, 244—8, 266—7, 277—81.—Arch. de l'hôtel-de-ville d'Albi (Doat, XXXIV, 169—185).

Библиотека "Руниверс"

Трудно сказать, были ли дѣйствительно еретиками граждане Альби, арестъ которыхъ вызвалъ крупные безпорядки въ 1299 г. Правда, они дали полное признаніе; но мы знаемъ, что у Инквизиціи были надежныя средства, чтобы вырвать у своихъ жертвъ нужныя ей сознанія. Продолжительная отсрочка окончательнаго осужденія имѣла свое основаніе: Инквизиція не хотѣла вынести окончательныхъ приговоровъ при жизни Климента V, боясь, чтобы онъ не подвергъ ихъ тщательному разслѣдованію. Чтобы оправдать въ глазахъ папы аресты, инквизиторы при его жизни разобрали только одно дѣло, а именно Ламберта де Фуассё; онъ сначала принесъ жалобу кардиналамъ, что онъ обвиненъ несправедливо, но затѣмъ онъ смѣло заявилъ, что онъ еретикъ, отказался отречься и былъ сожженъ въ 1309 г. Это единственный случай; несчастные же, которыхъ судили въ 1319 г., были доведены до сознанія и отреченія отъ ереси тюрьмою и пыткою, и ихъ показанія не имѣютъ значенія [1]).

Однако, Бернаръ Ги, конечно, имѣлъ основаніе утверждать, что ограниченіе и стѣсненіе дѣятельности Инквизиціи во время царствованія Филиппа Красиваго вызвали возрожденіе ереси, совсѣмъ было угасшей. Во время преній, бывшихъ въ присутствіи короля въ Тулузѣ въ 1304 г., доминиканскій провинціалъ Гильемъ Пьеръ утверждалъ, что въ Лангедокѣ осталось не болѣе какихъ-нибудь сорока или пятидесяти еретиковъ, живущихъ въ Альби, Каркассонѣ, Кордѣ и на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ этихъ городовъ. Это, конечно, была гипербола. Но разъ появилась надежда на безнаказанность, были призваны Совершенные изъ Ломбардіи и Сициліи, и число вѣрующихъ быстро возросло. Бернаръ Ги съ гордостью говоритъ, что съ 1301 до 1305 г. болѣе тысячи еретиковъ было открыто Инквизиціей, и всѣ они сознались и были публично наказаны [2]).

Регистры Жофруа д'Абли по Каркассону за 1308—9 гг. показываютъ на усиленную дѣятельность, увѣнчавшуюся многочисленными успѣхами. Одинъ изъ свидѣтелей, показывавшихъ по дѣлу Бернара Делисье, говоритъ, что, когда Инквизиція получила возможность начать снова свою работу въ этомъ городѣ, было немедленно открыто много еретиковъ и вѣрующихъ [3]).

Около этого же времени начинается рядъ приговоровъ тулузской инквизиціи, изданныхъ Либорхомъ. Въ 1306 г. инквизиторомъ въ Тулузу былъ назначенъ Бернаръ Ги. Многочисленныя его сочиненія свидѣтельствуютъ о его учености и глубокомъ умѣ. При исполненіи своихъ обязанностей онъ дѣйствовалъ тѣмъ болѣе энергично, что поступалъ по глубокому убѣжденію. Онъ вѣрилъ, что ересь—страшное преступленіе; по его мнѣнію, главной обязанностью его ордена было всѣми средствами добиться преклоненія передъ католической религіей. Дважды папа посылалъ его своимъ легатомъ: разъ въ Италію, разъ во Францію; ему были даны двѣ епископіи, одна въ Тюи, другая въ Лодевѣ; и поэтому можно судить, какъ высоко цѣнилъ Іоаннъ XXII заслуги новаго инквизитора. Назначенный въ Тулузу, Бернаръ началъ тотчасъ же кампанію, которая должна была привести къ полному уничтоженію катаризма въ Лангедокѣ. Онъ былъ жестокъ и неумолимъ, когда обстоятельства требовали, по его мнѣнію, жестокости; но его регистры не носятъ слѣдовъ безпричинной жестокости и вымогательствъ [4]).

Въ это время катаризмъ, въ силу внѣшнихъ условій, былъ низведенъ въ низшій классъ населенія, гдѣ онъ нѣкогда нашелъ себѣ первыхъ адептовъ. Знать и дворяне, долгое время

---

[1]) Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 97).

[2]) Bern. Guidon. «Gravamina» (Doat, XXX, 96, 98).—Mss. Bib. Nat., fonds latin., № 4270, fol. 138—9, 213.

[3]) Molinier, «L'Inq. dans le Midi de la France», стр. 111.—Mss. Bib. Nat., fonds latin. № 4270, fol. 285.

[4]) Bern. Guidon. «Hist. Conv. Praedic.» (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 469).—Touron, «Hommes illustres de l'Ordre de S. Dominique», II, 94.

Библиотека "Руниверс"

стоявшіе въ рядахъ еретиковъ, или погибли, или были разорены немилосердными конфискаціями. Богатые горожане, занимавшіеся торговлей и ремеслами, знали, какое вниманіе обращало на себя ихъ богатство, и знали, что невозможно избѣжать Инквизиціи. Привлекательность мученической смерти имѣетъ свои границы, и мученики между катарами постепенно перевелись. Однако, старыя вѣрованія были еще крѣпки среди простого населенія глухихъ деревушекъ, особенно въ дикихъ долинахъ восточныхъ Пиренеевъ. Еще поддерживалось дѣятельное сношеніе съ Ломбардіей и Сициліей; множество пылкихъ наставниковъ, пренебрегая опасностями, приходило дать утѣшеніе вѣрующимъ и распространяло ересь подъ защитой естественныхъ укрѣпленій, гдѣ пріютились изгнанные катары. Однимъ изъ главныхъ наставниковъ былъ Петръ Отье, нѣкогда нотаріусъ въ Аксѣ (Памье). Первая половина его жизни прошла небезупречно; говорятъ, что онъ имѣлъ любовницу (druda) и незаконныхъ дѣтей; но, достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ сдѣлался строгимъ аскетомъ согласно ученію секты, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Вынужденный бѣжать въ 1295 г. въ Ломбардію, онъ въ 1298 г. снова вернулся на родину, гдѣ оставался до конца жизни и велъ неустанную войну противъ Инквизиціи. Его имущество было конфисковано, семья разсѣяна и разбита. Кантонъ, откуда онъ былъ родомъ, лежалъ у подошвы Пиренеевъ и представлялъ страну гористую, лишенную всякихъ дорогъ; масса пещеръ и скрытыхъ мѣстъ позволяла укрываться отъ преслѣдованія, и, въ случаѣ надобности, легко можно было перейти арагонскую границу. У Отье тамъ было много преданныхъ ему родственниковъ. Въ этихъ-то мѣстахъ онъ скрывался одиннадцать лѣтъ, бродя переодѣтый съ мѣста на мѣсто и безъ отдыху преслѣдуемый эмиссарами Инквизиціи. Онъ былъ посвященъ въ министры въ Комо и занималъ видное мѣсто въ сектѣ, однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ и дѣятельныхъ миссіонеровъ которой онъ былъ всю свою жизнь. Уже въ 1300 г. Инквизиція обратила на него свое вниманіе и всѣми силами старалась захватить его. Нѣкто Гильемъ Жанъ предложилъ даже доминиканцамъ Памье выдать его; но объ этомъ вѣроломномъ планѣ узнали вѣрующіе, и два изъ нихъ, Петръ д'Аэръ и Филиппъ де Ларна, ночью настигли Гильема на мосту черезъ Алліа, схватили его, заткнули ему ротъ и увели его въ горы, гдѣ, получивъ отъ него полное сознаніе, сбросили его въ пропасть. Петръ Отье имѣлъ около себя достойныхъ помощниковъ; это были его братъ Гильемъ, его сынъ Іаковъ, Аміель де Перль, Петръ Санчо и Санчо Меркадье, которые часто упоминаются въ показаніяхъ еретиковъ какъ дѣятельные миссіонеры. Іаковъ Отье осмѣлился даже разъ въ полночь говорить проповѣдь передъ женщинами-еретичками въ церкви св. Креста въ самой Тулузѣ: онъ выбралъ это мѣсто, потому что здѣсь менѣе всего можно было ожидать помѣхи собранію [1]).

Главнымъ дѣломъ Жофруа д'Або въ Каркассонѣ было открыть покровителей и убѣжище Петра Отье. Къ тому же была направлена и дѣятельность Бернара Ги въ Тулузѣ. Еретикъ послѣдовательно былъ изгнанъ изъ всѣхъ своихъ убѣжищъ, но поразительная вѣрность его учениковъ, казалось, парализовала всѣ усилія. Въ концѣ концовъ, Бернаръ Ги нашелъ нужнымъ издать 10 августа 1309 г. слѣдующее воззваніе, призывающее населеніе схватить этихъ непокорныхъ:

«Братъ Бернаръ Ги, изъ ордена Проповѣдниковъ, инквизиторъ тулузскій, всѣмъ вѣрнымъ во Христѣ шлетъ воздаяніе и вѣнецъ жизни вѣчной. Опояшьте чресла ваши, сыны Господа; возстаньте со мной, воины рати Христовой, противъ враговъ креста, противъ этихъ соблазнителей истинной и чистой вѣры католической, Петра Отье, ересіарха, и сообщниковъ его по ереси, Петра Санчо и Санчо Меркадье. Ихъ, которые скрываются въ тѣни и бродятъ въ потемкахъ, я приказываю, во имя милосерднаго Бога, обкладывать,

[1]) Lib. Sententi. Inq. Tolosan., 2, 3, 12, 13, 32, 68, 76, 81, 159.—Molinier, «L'Inquis. dans le Midi de la France», 145—56.

Библиотека "Руниверс"

какъ звѣрей, и ловить всюду, гдѣ только можно открыть ихъ; за это обѣщаю я вѣчное воздаяніе отъ Бога и возмездіе на этомъ свѣтѣ всѣмъ тѣмъ, кто захватитъ ихъ и доставитъ мнѣ. Будите, пастыри, дабы волки не утащили овецъ изъ стада вашего! Дѣйствуйте какъ люди и какъ ревнители вѣры, опасаясь, да не ускользнутъ изъ рукъ вашихъ противники вѣры!».

Это горячее воззваніе было, по всей вѣроятности, излишне: раньше, чѣмъ оно было обнародовано по всей странѣ, столь желанная добыча уже попалась въ сѣти. Арестъ почти всѣхъ его родныхъ и друзей въ 1308—1309 гг. изгналъ Петра Отье изъ его насиженныхъ убѣжищъ. Около дня св. Іоанна (24 іюня) 1309 г. онъ нашелъ себѣ пристанище у Перрена Мореля де Бельпехъ близъ Кастельнодари, гдѣ онъ прожилъ около пяти недѣль. Здѣсь къ нему присоединилась его дочь Гильельма; она оставалась съ нимъ нѣкоторое время, а затѣмъ они оба ушли вмѣстѣ. На другой день его схватили. Перренъ Морель, также арестованный, проявилъ обычную вѣрность и рѣшительно отвергалъ все, о чемъ его спрашивали, пока въ декабрѣ Петръ Отье не убѣдилъ его сознаться во всемъ [1]).

За этимъ послѣдовало въ октябрѣ арестованіе Аміеля де Перль, который сейчасъ же подвергъ себя обряду endura, отказавшись отъ пищи и питья. Онъ быстро угасалъ, и поэтому, чтобы костеръ не лишился своей добычи, 23 октября для него было устроено особое ауто-да-фе. Пока узники сохраняли еще остатки жизни, Бернаръ Ги доставилъ себѣ ужасное развлеченіе, заставивъ двухъ ересіарховъ исполнить при немъ еретическій обрядъ adoratio [2]).

Петръ Отье былъ сожженъ только на большомъ ауто-да-фе въ апрѣлѣ 1310 г., когда прибылъ изъ Каркассона Жофруа д'Абли для участія въ торжествѣ. Не думая скрывать своей вѣры, еретикъ смѣло изложилъ свое ученіе и сравнилъ римскую Церковь съ Синагогой Сатаны. Несомнѣнно, его подвергли пыткѣ; не затѣмъ, конечно, чтобы исторгнуть отъ него признаніе, а затѣмъ, чтобы заставить его выдать своихъ учениковъ и всѣхъ тѣхъ, кто давалъ ему пристанище; онъ могъ дать важныя разоблаченія, такъ какъ находился въ близкихъ сношеніяхъ со всѣми еретиками страны. Бернаръ Ги не могъ задуматься надъ тѣмъ, чтобы примѣнить всѣ средства для того, чтобы вырвать у него признанія: они дали богатый матеріалъ для многочисленныхъ приговоровъ, послѣдовавшихъ за этимъ. Не трудно представить, какими мѣрами заставили доблестнаго ересіарха выдать своихъ друзей и союзниковъ неумолимымъ заплечнымъ мастерамъ [3]).

Драматическая исторія катаризма въ Лангедокѣ приближается теперь къ концу. Вооруженнымъ добытыми ими разоблаченіями Бернару Ги и Жофруа д'Абли нужно было только нѣсколько лѣтъ, чтобы закончить дѣло, обративъ на путь истины и отправивъ на костеръ тѣхъ изъ учениковъ Петра Отье, которыхъ удалось имъ арестовать, и приговоривъ къ ссылкѣ тѣхъ изъ нихъ, которые ускользнули отъ эмиссаровъ Инквизиціи. Больше не являлось новыхъ миссіонеровъ, готовыхъ цѣною жизни продолжать дѣло Петра Отье: съ 1315 г. катары почти совершенно исчезли изъ регистровъ французской инквизиціи. Еще время-отъ-времени встрѣчаются отдѣльныя дѣла, но они относятся къ старымъ преступленіямъ и почти всѣ связаны съ дѣятельностью Отье и его сообщниковъ. Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ этого рода было осужденіе (по всей вѣроятности, въ 1327 или 1328 г.) тулузскимъ инквизиторомъ Жаномъ Дюпра Гильельмы Торньеръ. Она, послѣ отреченія отъ ереси, долгое время содержалась въ тюрьмѣ, когда была поймана на мѣстѣ преступленія на совращеніи въ ересь заключенныхъ въ тюрьмѣ, которымъ она, между прочимъ, разсказывала о добродѣтеляхъ и святости Гильема Отье и Гильема Балибаста. На допросѣ она отказалась дать присягу и была сожжена живой. Въ 1328 г. Генрихъ Шемэ присудилъ въ Каркассонѣ

[1]) Molinier, op. cit., 157.—Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 102.
[2]) Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 37.
[3]) Lib. Sent. Inq. Tolosan., 59, 60, 64, 73, 74, 75, 92—3, 132.

Библиотека "Руниверс"

къ тюремному заключенію Гильема Аміеля, обвиненнаго въ катаризмѣ; а въ 1329 г. онъ осудилъ еще двухъ катаровъ, Варѳоломея Пен и Раймунда Гаррика изъ Альби, за преступленія, совершенныя лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ. Въ томъ же году онъ приказалъ разрушить четыре дома и одну ферму, надъ владѣльцами которыхъ была совершена е р е т и к а ц і я; но она была совершена, несомнѣнно, много лѣтъ назадъ. Конфискаціи имущества за преступленія предковъ еще продолжались. Но можно рѣшительно утверждать, что въ эту эпоху катаризмъ въ Лангедокѣ, какъ живое вѣрованіе, уже совершенно угасъ, а лѣтъ сто-пятьдесятъ передъ этимъ можно было думать, съ извѣстной долей вѣроятія, что эта ересь сдѣлается господствующей религіей въ странѣ [1]).

Въ томъ же 1329 г. возникло одно новое интересное дѣло, — дѣло о Лиму Нуарѣ, страннымъ образомъ, въ своихъ размышленіяхъ о преступленіяхъ и бѣдствіяхъ міра, въ фантастической теоріи перемѣшавшемъ катаризмъ и аверроизмъ. Лиму Нуаръ былъ родомъ изъ мѣстечка С.-Поль въ епархіи Алэ, и о немъ производилось разслѣдованіе епископомъ еще въ 1326 г.; однако, ему удалось оправдаться передъ неопытными судьями епископскаго суда. Но Инквизиція умѣла лучше и быстрѣе доводить подсудимыхъ до сознанія. Онъ создалъ міровую философію, которая должна была вытѣснить всѣ религіи. Богъ, по его ученію, создалъ архангеловъ; послѣдніе создали ангеловъ, которые, въ свою очередь, сотворили землю и луну. Ангелы были непостоянными и развращенными существами женскаго пола. Рожденный отъ ихъ урины міръ былъ естественно развратенъ, какъ и все рожденное въ немъ. Моисей, Магометъ и Христосъ, всѣ посланные солнцемъ, были наставниками, равными между собой. Теперь въ подземномъ мірѣ Христосъ и Магометъ ссорятся между собой, стараясь привлечь людей, каждый на свою сторону. Крещеніе не болѣе полезно, чѣмъ обрѣзаніе у евреевъ и благословеніе у мусульманъ, такъ какъ и тѣ, кто при крещеніи отрицаетъ зло, съ годами дѣлаются, тѣмъ не менѣе, ворами и проститутками. Евхаристія не имѣетъ никакого значенія; Богъ не можетъ допустить, чтобы надъ нимъ производили манипуляціи такіе развратники, какъ священники. Нужно избѣгать вступать въ бракъ, такъ какъ отъ брака могутъ родиться только воры и проститутки. Чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли Спаситель постился сорокъ дней, онъ самъ постился въ уединенной хижинѣ десять дней и десять ночей, и тогда-то Богъ открылъ ему его философскую систему. Въ 1327 г. онъ снова подвергъ себя посту, рѣшивъ на этотъ разъ выдержать до конца; но его братъ убѣдилъ его причаститься, чтобы кости его не были сожжены послѣ смерти. Ему было въ это время уже шестьдесятъ лѣтъ. Его безумное ученіе увлекло нѣсколько человѣкъ, но ересь была уничтожена въ зародышѣ. На судѣ онъ заявилъ инквизитору, что лучше дастъ содрать съ себя живого кожу, чѣмъ повѣритъ въ пресуществленіе, и вообще рѣшительно отказался отречься и покаяться и былъ выданъ въ руки свѣтской власти. Съ нимъ погибла и его новая религія [2]).

---

[1]) Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 341—2.—Coll. Doat, XXVII, 198—200, 248; XXVIII, 128, 158.

Полное исчезновеніе столь многочисленной и столь могущественной секты, какою была въ свое время ересь катаровъ, показалось неправдоподобнымъ историкамъ; поэтому распространилось мнѣніе, что потомками катаровъ были Каготы (Cagots), жившіе въ Пиренеяхъ. Во французской Наваррѣ они были уравнены въ правахъ только въ 1709 г., а въ 1818 г. они получили эту милость въ Испаніи, гдѣ существуютъ еще до настоящаго времени. Сами Каготы приписывали себѣ подобное происхожденіе. Въ просьбѣ, которую они подали въ 1517 г. папѣ Льву X, добиваясь гражданскихъ правъ въ обществѣ людей, они говорили, что заблужденія ихъ предковъ давно уже искуплены. Среди всѣхъ догадокъ, сдѣланныхъ относительно происхожденія этой таинственной секты, наименѣе пріемлемой кажется именно та, которая связываетъ ихъ съ катарами. Мнѣніе Лагреза, который видитъ въ нихъ потомковъ прокаженныхъ, основывается на аргументахъ, кажущихся убѣдительными. — Lagrèze, «La Navarre française», I, 53—60—Ср. Vaissète, Liv. XXXIV, c. 79.

[2]) Coll. Doat, XXVII, 216—25, 234.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, Инквизиція торжествовала, какъ обыкновенно торжествуетъ грубое насиліе, достигшее своей цѣли. Въ XII в. югъ Франціи былъ наиболѣе цивилизованной страной въ Европѣ. Въ эту эпоху процвѣтали такъ торговля и промышленность, искусство и науки. Города пользовались сравнительной автономіей и гордились своимъ могуществомъ; ревностно охранявшіе свои свободы, они были въ своемъ патріотизмѣ готовы на всякія жертвы. Дворяне, по большей части, были людьми образованными, или сами были поэтами, или покровительствовали поэзіи; они понимали, что ихъ благосостояніе зависѣло отъ благосостоянія ихъ подданныхъ, и что городскія свободы должны быть въ глазахъ всякаго разумнаго правителя охраной порядка, а не угрозой ему. Но наступили крестовые походы. Дѣло, начатое и не оконченное ими, было доведено до конца Инквизиціей съ ея обычной жестокостью; и страна, пережив этотъ кризисъ, оказалась разбитой и истощенной; промышленность была уничтожена, торговля разорена; мѣстное дворянство, обнищавшее благодаря конфискаціямъ, смѣнилось пришлымъ, которое, захвативъ въ свои руки земли, ввело суровый феодализмъ сѣвера и принципы абсолютизма римскаго права. Населеніе, чрезвычайно богато одаренное природой, въ теченіе болѣе ста лѣтъ было жертвой мученій, рѣзни, униженія и хищенія. Ранняя цивилизація, которая, казалось, поведетъ всю Европу по пути просвѣщенія, была смята, и честь Возрожденія пришлась на долю Италіи, а наградой за всѣ несчастія было единство вѣры, наступившее послѣ долгой борьбы, во время которой Церковь сдѣлалась жестокой, развратилась и приняла, такъ сказать, свѣтскій характеръ. Таково было дѣло, и таковы были результаты, достигнутые Инквизиціей въ странѣ, давшей наибольшее поле для ея дѣятельности и наиболѣе благопріятныя условія для основанія ея могущества.

Однако, побѣда Инквизиціи уже въ самой себѣ несла зародышъ ея паденія. Поддержанная государствомъ, Инквизиція сумѣла снискать и заслужить королевское расположеніе, давая конфискаціями постоянный притокъ денегъ въ королевскіе сундуки. Быть-можетъ, ничто такъ не содѣйствовало укрѣпленію верховной власти короля, какъ перемѣна, которую пережила тогда земельная собственность,—перемѣна, передавшая большую часть земель юга въ новыя руки. Во владѣніяхъ крупныхъ вассаловъ право конфискаціи было признано неотдѣлимымъ отъ верховныхъ правъ сюзерена. Въ областяхъ короны конфискованныя земли были отдаваемы фаворитамъ или продаваемы за небольшую цѣну людямъ, которыхъ, такимъ образомъ, заинтересовывали въ поддержкѣ новаго порядка вещей. Королевскіе чиновники подъ предлогомъ измѣны или ереси захватывали все, что могли, не обращая никакого вниманія на права собственниковъ. Честный Людовикъ IX приказалъ, правда, въ 1262 г. произвести разслѣдованіе, послѣ котораго вернули прежнимъ владѣльцамъ много помѣстій, неправильно отнятыхъ у нихъ; но это была лишь ничтожная часть захваченнаго. Въ 1260 г., чтобы помочь парламенту разобрать безчисленное множество дѣлъ этого рода, онъ велѣлъ выслать въ Парижъ всѣ нужныя граматы и документы, и каждый изъ его шести сенешалей послалъ по огромному сундуку. Во всемъ этомъ дѣлѣ Инквизиція много содѣйствовала успѣху политическихъ видовъ короны.

Какъ примѣръ, можно привести дѣло крупнаго виконтства де Фенуйледъ. Во время крестовыхъ походовъ оно было взято и отдано Нуньесу Санчо де Руссильонъ; затѣмъ оно черезъ посредство арагонскаго короля перешло въ руки Людовика Святого. Въ 1264 г. Беатриса, вдова Гуго, сына бывшаго виконта Петра, обратилась въ парламентъ съ просьбой признать ея права, возстановить ея вдовью часть и вернуть ея дѣтямъ ихъ родовыя земли. Тотчасъ же инквизиторъ Понсъ де Пуайе началъ преслѣдованіе памяти виконта Петра, умершаго лѣтъ двадцать тому назадъ добрымъ католикомъ; онъ былъ погребенъ въ монастырѣ тампліеровъ въ Масъ-Дё, надѣлъ передъ смертью монашескую рясу и причастился Святыхъ Тайнъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ осужденъ за сношенія съ еретиками, кости его были сожжены, и парламентъ отказалъ въ просьбѣ его невѣсткѣ и внукамъ. Въ 1300 г. старшій

Библиотека "Руниверс"

внукъ покойнаго обратился къ Бонифацію VIII съ просьбой вернуть ему земли предковъ; папа благосклонно принялъ его просьбу, чтобы сдѣлать непріятное Филиппу Красивому. Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ, и рѣшеніе Инквизиціи было не въ пользу истца. Но земель лишали не только дѣйствительныхъ еретиковъ и ихъ потомковъ; страна была глубоко заражена ересью, и мало было людей, относительно предковъ которыхъ нельзя было найти въ регистрахъ Инквизиціи доказательствъ объ ихъ неприкосновенности къ ереси [1]).

Богатые горожане были разорены точно такимъ же образомъ. До насъ дошло нѣсколько описей имѣній и вещей, секвестрованныхъ во время арестовъ, произведенныхъ въ Альби въ 1299 и 1300 гг. Опись имущества нотаріуса Раймунда Кальвери даетъ намъ въ мельчайшихъ подробностяхъ картину того, что было въ домѣ богатаго горожанина; здѣсь перечислены всѣ подушки, простыни, одѣяла, посуда, кухонная утварь, соленье, хлѣбъ въ зернѣ и самыя мелкія бездѣлушки его жены; съ такой же тщательностью была описана ферма, или bastide, осужденнаго. До насъ дошла также опись товаровъ и имущества богатаго купца Жана Бодье; самые маленькіе куски матерій аккуратно измѣрены и оцѣнены: сукна Гента, Иперна, Амьена, Камбрэ, С.-Омера, Руана, Монкорнэ и т. д., бѣличьи мѣха и другія вещи. Такъ же тщательно была произведена опись городского дома и фермы Жана Бодье. Можно видѣть здѣсь такимъ образомъ, какъ богатые города были доведены до нищеты, какъ упала промышленность, какъ была разбита городская независимость и независимость отдѣльныхъ лицъ тѣмъ терроромъ, который навела Инквизиція на города и горожанъ [2]).

Помогая утвержденію королевской власти во вновь пріобрѣтенныхъ провинціяхъ, Инквизиція безсознательно содѣйствовала росту той власти, которая, въ концѣ концовъ, должна была сдѣлать роль ея ничтожной. Послѣ уничтоженія катаризма Лангедокъ сдѣлался нераздѣльной частью монархіи, и роль Инквизиціи въ этой странѣ отнынѣ сливается съ ея исторіей въ остальной части французской монархіи.

---

[1]) Vaissete, III, 362, 496; IV, 104–5, 211.—Archives de l'évêché de Béziers (Doat, XXXI 35).—Beugnot, «Les Olim», I, 1029—30.—«Les Olim», I, 580.—Coll. Doat, XXXIII, 1.

Одинъ документъ показываетъ намъ направленіе этихъ измѣненій въ поземельной собственности. Это списокъ земель и доходовъ, конфискованныхъ за ересь у вассаловъ Филиппа де Монфоръ въ пользу ихъ сюзерена. Въ этомъ спискѣ заключаются лены и другія владѣнія, расположенныя въ Лотрекѣ, Монтредонѣ, Сенегѣ, Рабастенѣ и Лаворѣ. Число рыцарей, дворянъ и крестьянъ, лишенныхъ, такимъ образомъ, своихъ имуществъ, очень велико; указаны также ихъ преступленія: одинъ умеръ еретикомъ, надъ другимъ на смертномъ ложѣ былъ совершенъ обрядъ еретикаціи, третій былъ осужденъ за ересь, четвертый сожженъ въ Лаворѣ, у другихъ мать, отецъ или они оба были еретиками (Doat, XXXII, 258—63).

Въ коллекціи Доата мы находимъ много примѣровъ отдачи въ даръ или продажи этихъ земель. Укажемъ между прочимъ: T. XXXI, fol. 171, 237, 255; T. XXXII, fol. 46, 53, 55, 57, 64, 67, 69, 244 и т. д.

То же, но въ меньшемъ масштабѣ происходило въ земляхъ англійской короны въ Аквитаніи (Rymer, «Foedera», III, 408).

[2]) Coll. Doat XXXII, 309, 316.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА II.

Франція.

На сѣверѣ Франціи катаризму не удавалось никогда усилиться настолько, чтобы онъ могъ грозить единству Церкви. Однако, послѣ крестовыхъ походовъ и мѣръ, принятыхъ противъ еретиковъ послѣ мира 1229 г., много еретиковъ бѣжало съ юга Франціи въ земли, гдѣ они надѣялись избѣгнуть подозрѣнія. Поэтому при учрежденіи Инквизиціи на югѣ необходимо было наблюдать болѣе тщательно, чѣмъ можно было ожидать отъ епископовъ, за странами, гдѣ еретики находили убѣжище. Безъ этой мѣры предосторожности всѣ усилія, направленныя въ Лангедокѣ къ подавленію ереси, повели бы только къ распространенію заразы; и поэтому было необходимо, чтобы охранители вѣры основались и въ тѣхъ странахъ, гдѣ число еретиковъ было ничтожно, а не только тамъ, гдѣ число ихъ было велико, и гдѣ они находили поддержку у дворянства и городскихъ магистратовъ. Благочестивый король Людовикъ Святой заявлялъ, что свѣтскій человѣкъ можетъ противопоставить еретику только одинъ аргументъ, а именно—обнаженную шпагу. Такимъ образомъ, во время царствованія этого короля защитники вѣры могли смѣло разсчитывать на помощь со стороны свѣтской власти [1]).

Уже въ 1233 г., когда были назначены инквизиторами въ Тулузу Петръ Селла и Гильемъ Арно, была сдѣлана аналогичная попытка и въ сѣверной части королевства, куда тоже пригласили для этого доминиканцевъ. Я уже упоминалъ о неудачной попыткѣ привлечь къ этому дѣлу монаховъ изъ Франшъ-Контэ; но на западѣ Бургундіи Церковь была счастливѣе и нашла себѣ нужныхъ помощниковъ.

Братъ Робертъ, прозванный Бугромъ, былъ, подобно Райнеріо Сакконе, катаромъ; поэтому онъ зналъ прекрасно, какъ и гдѣ открывать скрывающихся еретиковъ; онъ даже увѣрялъ, что можетъ узнать любого еретика по манерѣ говорить и держать себя. Кромѣ того, его личныя качества дѣлали его достойнымъ принятой на себя миссіи: онъ отличался горячимъ фанатизмомъ вновь обращеннаго, широкимъ образованіемъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ и неумолимой суровостью. Когда, въ началѣ 1233 г., пріору Безансона было предписано начать преслѣдованіе ереси, то онъ поручилъ это дѣло Роберту; послѣдній немедленно принялся за дѣло и началъ преслѣдованіе съ Шаритэ. Это мѣсто въ XII в. было извѣстно какъ центръ ереси, который тщетно старались очистить: всѣ усилія разбивались передъ закоснѣлостью еретиковъ. Братъ Робертъ, явившись, засталъ пріора Клюни, Этьена, тщетно старавшимся подѣйствовать убѣжденіемъ или силою на заблудшихся и привести ихъ въ лоно Церкви. Новый инквизиторъ не имѣлъ, повидимому, никакихъ спеціальныхъ полномочій, но его энергія быстро произвела на населеніе глубокое впечатлѣніе; еретики толпами приходили къ нему, сознаваясь въ своихъ заблужденіяхъ; мужья и жены, родители и дѣти,—всѣ обвиняли сами себя и другъ друга. Робертъ отправилъ тогда отчетъ къ папѣ Григорію IX. Дѣйствительность, писалъ онъ, много превосходила тѣ ужасы, которые рисовала народная молва; весь городъ представлялъ зачумленное гнѣздо ереси; католическая вѣра была почти совершенно изгнана изъ него; населеніе на своихъ тайныхъ собраніяхъ уже сбросило съ себя иго Рима. Болѣе

[1]) Joinville, P. I (изд. 1785 г., стр. 23).

Библиотека "Руниверс"

осторожные притворно выказывали еще благочестіе, между тѣмъ дѣятельность еретическихъ миссіонеровъ охватила всю Францію и совращала людей отъ Фландріи до Бретани. Не зная о характерѣ своихъ полномочій, Робертъ просилъ Григорія IX дать ему инструкціи. Ему было приказано дѣйствовать энергично совмѣстно съ епископами и для окончательнаго уничтоженія ереси въ этой странѣ примѣнять вновь опубликованные Св. Престоломъ статуты, требуя помощи свѣтскихъ властей и примѣняя къ нимъ, въ случаѣ надобности, духовныя наказанія [1]).

Мы не знаемъ, къ какимъ мѣрамъ прибѣгалъ Робертъ. Несомнѣнно, получивъ папское одобреніе, онъ дѣйствовалъ энергично и неумолимо; по всей вѣроятности, онъ, въ своемъ фанатизмѣ, преувеличивалъ размѣры зла и не отличалъ невинныхъ отъ виновныхъ. Архіепископъ санскій, въ епархіи котораго находилась Шартэ, не замедлилъ пожаловаться папѣ Григорію на вмѣшательство въ его юрисдикцію; то же сдѣлали и другіе прелаты, обезпокоенные правомъ, даннымъ доминиканскому провинціалу Парижа, назначать инквизиторовъ по всему королевству. Они заявляли папѣ, что въ ихъ провинціяхъ нѣтъ никакой ереси, и что не представляется никакой нужды въ исключительныхъ мѣрахъ. Въ первыхъ числахъ февраля 1234 г. Григорій отмѣнилъ всѣ назначенія и поручилъ наблюденіе прелатамъ при условіи, что они во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно будетъ дѣйствовать особенно энергично, будутъ прибѣгать къ помощи доминиканцевъ, какъ людей нарочито способныхъ къ подавленію ереси. Если бы Робертъ былъ человѣкомъ заурядымъ, то это вмѣшательство папы могло бы задержать на время распространеніе инквизиціи во Франціи, но ничто не могло сдержать его пыла. Въ іюнѣ 1234 г. Людовикъ Святой уплатилъ издержки по содержанію еретиковъ, забранныхъ въ С.-Пьеръ-ле-Мутье, близъ Невера; отсюда мы можемъ заключить, что Роберту удалось возобновить свою дѣятельность на ея старомъ мѣстѣ. Быть-можетъ, онъ дѣйствовалъ по просьбѣ епископа, такъ какъ епископы вообще не были противъ преслѣдованія, лишь бы не нарушалась ихъ юрисдикція. Король Людовикъ далъ Роберту вооруженную стражу, чтобы защищать его отъ народной ненависти; и преслѣдователь, подъ охраной королевскаго расположенія, прошелъ всю страну, всюду наводя страхъ и ужасъ. Въ Перонпѣ онъ сжегъ пять человѣкъ; въ Эленкурѣ—четырехъ, не считая одной беременной женщины, казнь которой была отстрочена по ходатайству королевы. Въ концѣ великаго поста мы застаемъ его въ Камбрэ, гдѣ онъ совмѣстно съ реймскимъ архіепископомъ и тремя епископами сжегъ до двадцати еретиковъ и многихъ присудилъ къ ношенію крестовъ и къ тюрьмѣ; отсюда онъ поспѣшно отправился въ Дуэ, гдѣ въ маѣ въ присутствіи графа Фландрскаго, архіепископа реймскаго, нѣсколькихъ епископовъ и толпы любопытныхъ сжегъ десять человѣкъ и многихъ приговорилъ къ тюремному заключенію и ношенію крестовъ. Затѣмъ онъ быстро направился въ Лилль, гдѣ тоже покаралъ еретиковъ. Все это убѣдило Григорія, что епископы, отрицая существованіе ереси, отрицали дѣйствительность, и папа, забывъ о непріятностяхъ, которыя доставила ему дѣятельность другого подобнаго апостола преслѣдованія, Конрада Марбургскаго, далъ знать въ августѣ 1235 г. доминиканскому провинціалу, что Богъ открылъ ему состояніе всей Франціи, зараженной ядомъ ереси, и что необходимо возстановить Инквизицію и дать ей свободу дѣйствій; и онъ согласился на назначеніе брата Роберта, который при содѣйствіи умѣлыхъ помощниковъ и при помощи прелатовъ сумѣетъ очистить все королевство.

Архіепископъ санскій получилъ особый указъ оказывать дѣятельное содѣйствіе Роберту, котораго Богъ избралъ на святое дѣло уничтоженія ереси; а Робертъ получилъ отъ самого папы полномочіе дѣйствовать по всей Франціи; мало того, намѣстникъ Христа горячо

---

[1]) Alberic. Trium Font. «Chron.» ann. 1236.—Gregor. PP. IX. Bull. «Gaudemus», 19 apr 1233 (Ripoll, I, 45—6).—Raynald. ann. 1233, № 59.

Библиотека "Руниверс"

убѣждалъ Роберта не жалѣть труда и не отступать передъ мученической смертью, если она послужитъ на спасеніе душъ [1]).

Это подлило масло въ огонь. Безграничный фанатизмъ Роберта не нуждался въ понужденіи, и съ этого времени его неудержимый пылъ становится дикимъ, безумнымъ. Необдуманный поступокъ Григорія отдалъ судьбу всей Франціи въ руки буйнаго сумасшедшаго. Такъ какъ Людовикъ Святой поддерживалъ Роберта, то епископы были вынуждены оказывать ему помощь и исполнять его приказанія; и онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствовалъ въ провинціяхъ Фландріи, Шампани, Бургундіи, Иль де Франса, не встрѣчая никого, кто осмѣлился бы ослушаться его или помѣшать ему. Въ своемъ неумѣренномъ усердіи этотъ человѣкъ, надо думать, не заботился объ особой точности суда и не взвѣшивалъ уликъ. Людямъ, которыхъ онъ признавалъ еретиками, приходилось выбирать между отреченіемъ съ послѣдующимъ пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ и костромъ. При случаѣ для разнообразія, вмѣсто того, чтобы сжигать, Робертъ зарывалъ свои жертвы живыми въ землю; въ промежутокъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ онъ отправилъ, такимъ образомъ, на тотъ свѣтъ до пятидесяти несчастныхъ обоего пола. А какъ велико должно быть общее число за все время его миссіи, которую онъ исполнялъ безъ всякаго контроля въ теченіе многихъ лѣтъ! Страхъ, наводимый его произвольнымъ и безжалостнымъ судомъ, заставлялъ дрожать не только стоящихъ низко на общественной лѣстницѣ, но и великихъ міра сего. Однако, въ концѣ концовъ, признали, что онъ въ своей жестокости не разбиралъ виновныхъ и невинныхъ, и поднялся такой страшный вопль, что даже самъ Григорій IX долженъ былъ обратить на него вниманіе. Слѣдствіе, произведенное въ 1238 г., раскрыло злоупотребленія Роберта, но, тѣмъ не менѣе, въ 1239 г. онъ успѣлъ еще сжечь сто-восемьдесять-три еретика въ Монъ-Вимерѣ, мѣстѣ происхожденія катаризма въ XI вѣкѣ; и на этомъ всесожженіи присутствовали наварскій король, множество прелатовъ и знати и толпа простыхъ людей до 700.000 душъ. Но это было послѣднее торжество монаха-убійцы: у него были отняты полномочія, и онъ былъ заключенъ пожизненно въ тюрьму. Можетъ-быть, еще ранѣе отрѣшенія Роберта отъ должности, Св. Престолъ, обезпокоенный его дѣйствіями, постановилъ, что приговоры инквизитора должны идти на утвержденіе Рима; по крайней мѣрѣ, одно дѣло, относящееся къ 1239 г., было разсмотрѣно папою и затѣмъ по утвержденію приговора препровождено Роберту и санскому архіепископу. Судьба этого бѣсноватаго инквизитора, а также судьба Конрада Марбургскаго, казалось, должна была послужить предостереженіемъ для другихъ; но, къ несчастью, духъ, порожденный Робертомъ, пережилъ его, и въ теченіе 3 или 4 лѣтъ послѣ его паденія преслѣдованіе свирѣпствовало отъ Рейна до Луары по всѣмъ провинціямъ, которыя, по мнѣнію инквизиторовъ, кишѣли тайными еретиками [2]).

---

[1]) Gregor. PP. IX. Bull. «Olim», 4 febr. 1234; Ejusd. Bull. «Dudum», 21 aug. 1235; Ejusd Bull. «Quo inter caeteras», 22 aug. 1235; Ejusd. Bull. «Dudum», 23 aug. 1235 (Ripoll, I, 80—1).—Potthast, № 9386.—Chron. breve Lobiens. ann. 1235 (Martène, «Thes.» III, 1427)—D. Bouquet, XXII, 570.—Chron. Rimée de Philippe Mousket, V, 28871—29025.—Alberic. Trium Font. ann. 1235.—Paul Fredericq, «Corpus Docum. Inquis. Neerlandicae», I, 94 и слѣд.; II, 41 и слѣд.

Мы не можемъ съ увѣренностью установить хронологію служебной дѣятельности брата Роберта. Фредерикъ въ своей чрезвычайно обстоятельной монографіи «Робертъ Бугръ, первый генералъ-инквизиторъ во Франціи» (Гентъ, 1892 г.) утверждаетъ, что Робертъ оставался не у дѣлъ съ февраля 1234 г. до своего вступленія на должность въ августѣ 1235 г.

[2]) Chron. S. Medardi Suessoniensis (D'Achery, II, 491).—Conc. Trevirens. ann. 1238, c. 31 (Martène, «Ampl. Coll.», VII, 130).—Wadding, «Annal.» ann. 1236, № 3.—Meyeri, «Annal. Flandrens.» lib. VIII, ann. 1236.—Raynald. ann. 1238, № 52.—Matt. Paris, ann. 1236, 1238, стр. 293, 326 (изд. 1644 г.).—Chron. Gaufridi de Colonne, ann. 1239. (Bouquet, XXII, 3).—Alberic. Trium Font. ann. 1239.—Chron. Rimée de Phil. de Mousket, V, 30525—34.—«Formulary of the Papal Penitentiary», Philadelphia, 1892 г.—Въ этомъ собраніи находится не имѣющее даты папское бреве;

Библиотека "Руниверс"

Несчастный конецъ Роберта не остановилъ его товарищей; съ этого времени доминиканская инквизиція навсегда установилась во всей Франціи. Сначала побуждали прелатовъ проявлять нѣкоторую дѣятельность въ исполненіи ихъ обязанностей, на которыя они до этого времени обращали очень мало вниманія; въ виду этого Турскій соборъ 1239 г. сдѣлалъ попытку возстановить забытую систему синодальныхъ свидѣтелей. Всѣмъ епископамъ было приказано выбрать въ каждомъ приходѣ трехъ духовныхъ лицъ или, за недостаткомъ таковыхъ, трехъ достойныхъ довѣрія мірянъ, которые дали бы присягу доносить о всѣхъ преступленіяхъ религіознаго характера и въ частности о преступленіяхъ противъ вѣры. Эти неудобныя и устарѣлыя мѣры не могли принести никакой пользы при розыскѣ ереси, преступленія, столь тщательно скрываемаго и маскируемаго; и доминиканцы оставались хозяевами въ странѣ, которой у нихъ никто не оспаривалъ; всегда дѣятельные, переѣзжающіе съ мѣста на мѣсто, разспрашивающіе жителей, они искали правды и силою вырывали ее изъ сердецъ возмутившихся людей. Однако, мы находимъ мало слѣдовъ ихъ трудовъ. На сѣверѣ Франціи еретики были рѣдки и разсѣяны. Лѣтописцы того времени не упоминаютъ ни объ открытіи, ни о наказаніи этихъ нечестивыхъ; они даже не отмѣчаютъ установленія Инквизиціи. Назначеніе нѣсколькихъ монаховъ на дѣло преслѣдованія еретиковъ было, въ ихъ глазахъ, фактомъ, не заслуживающимъ упоминанія; но, тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что благочестивый король Людовикъ Святой принималъ инквизиторовъ въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ съ тою же любезностію, какъ и во вновь присоединенныхъ областяхъ Лангедока; онъ даже принялъ на себя всѣ ихъ расходы, чтобы они дѣйствовали съ тѣмъ большей энергіей. Въ отчетахъ королевскихъ бальи за 1248 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о суммахъ, отпущенныхъ этимъ монахомъ въ Парижѣ, Орлеанѣ, Иссудэнѣ, Санлисѣ, Амьенѣ, Турѣ, Іевръ-ле-Шатель, Бомонѣ, С.-Кентинѣ, Ланѣ и Маконѣ. Отсюда мы видимъ, что королевская щедрость распространялась на инквизиторовъ даже и въ земляхъ его крупныхъ вассаловъ, и что дѣятельность инквизиторовъ охватила всю страну. Въ своей неутомимой ревности они преслѣдовали еретиковъ повсюду; мы уже видѣли, что въ 1255 г. инквизиторамъ было разрѣшено преслѣдовать свою добычу даже за границей, во владѣніяхъ Альфонса Тулузскаго, не обращая вниманія на границы инквизиторскихъ округовъ [1]).

Такимъ образомъ, Инквизиція начала организовываться систематически. Въ Провансѣ, гдѣ доминиканскій пріоръ Понсъ де л'Эспаръ предпринялъ сначала розыскъ еретиковъ по собственной иниціативѣ, только въ 1245 г. мы встрѣчаемъ инквизитора, дѣйствующаго оффиціально. Эта провинція, обнимавшая весь юго-востокъ современной Франціи, въ томъ числѣ и Савойю, была поручена францисканцамъ. Въ 1266 г. эти монахи объявили войну не на животъ, а на смерть доминиканцамъ въ Марселѣ, и преслѣдованіе, конечно, пришло въ упадокъ, такъ что Климентъ IV приказалъ бенедиктинцамъ монастыря св. Виктора принять мѣры къ уничтоженію многочисленныхъ еретиковъ долины Руссе, гдѣ находились имѣнія этого ордена. Въ 1288 г. инквизиція Прованса была распространена на Авиньонъ и графство Венессенъ, правитель котораго получилъ приказаніе уплатить расходы инквизиторовъ Бертрана де Сиготье и Гильема де С.-Марсель. Въ 1292 г. вошелъ

оно относится къ человѣку, жившему ранѣе на югѣ въ обществѣ еретиковъ слушавшему ихъ рѣчи. Онъ исповѣдывался въ своихъ заблужденіяхъ епископу и инквизиторамъ; они выдали ему удостовѣреніе, съ которымъ онъ могъ явиться во Францію; здѣсь онъ былъ обвиненъ въ ереси и обратился къ папскому духовнику, который отправилъ его къ брату Роберту, поручивъ инквизитору разслѣдовать жизнь и сношенія этого человѣка съ другими и вынести свое относительно его рѣшеніе.

Братъ Бремонъ старается смыть съ Роберта обвиненія, взводимыя на него Матьё Пари, и утверждаетъ, что онъ умеръ въ 1235 г. въ Парижѣ, въ монастырѣ св. Іакова.

[1]) Concil. Turonens. ann. 1239, c. 1.—D. Bouquet, XXI, 262, 264, 268, 273, 274, 276, 280, 281.—Ripoll, I, 273—4.

Библиотека "Руниверс"

также въ районъ дѣйствій Инквизиціи и Дофинэ, и, такимъ образомъ, было закончено установленіе Инквизиціи въ земляхъ къ востоку отъ Роны. Въ это время вниманіе инквизиторовъ было привлечено особымъ суевѣріемъ. Многіе христіане, когда съ ними случалась болѣзнь или какое-либо несчастіе, или когда они безпокоились о другѣ, ушедшемъ въ море, или когда приближались роды, отправлялись съ зажженными свѣчами въ еврейскія синагоги, приносили дары и бодрствовали тамъ всю ночь на субботу. Этотъ обычай, соблюдавшійся также и евреями, былъ признанъ языческимъ и еретическимъ, и всѣхъ, практиковавшихъ его, стали жестоко преслѣдовать [1]).

За исключеніемъ упомянутой области, вся Франція была подчинена доминиканцамъ. Въ 1253 г. Иннокентій IV особой буллой предоставилъ парижскому провинціалу высшую власть надъ остальной частью королевства, включая сюда и земли Альфонса Тулузскаго. Во время послѣдующихъ лѣтъ появились новыя буллы, въ которыхъ оплакивался возрастающій прогрессъ ереси, и которыя призывали къ усиленной борьбѣ съ этой заразой и упоминали о заботахъ короля Людовика, занятаго успѣхами Инквизиціи. Тщательно выработанныя инструкціи были присланы изъ Рима для руководства Святого Трибунала; измѣненія, то вводимыя, то отмѣняемыя, показываютъ ясно, что въ Римѣ внимательно слѣдили за работой Инквизиціи во Франціи и стремились укрѣпить ее. Папское бреве, датированное 1255 г., устанавливаетъ, что въ это время Инквизиція Лангедока не зависѣла отъ парижскаго провинціала; въ 1257 г. она снова была отдана въ его вѣдѣніе; въ 1261 г. ее снова освободили, въ 1264 г. опять подчинили ему, и на этотъ разъ навсегда. Такимъ образомъ, парижскій провинціалъ сталъ теперь какъ бы великимъ инквизиторомъ всей Франціи. Въ 1255 г. къ доминиканскому провинціалу былъ прибавленъ провинціалъ францисканскій; и, такимъ образомъ, оба ордена раздѣлили между собою дѣятельность. Но, какъ легко было предвидѣть, этотъ порядокъ не могъ долго удержаться, и въ 1256 г. власть снова сосредоточилась въ рукахъ доминиканцевъ. Число назначаемыхъ инквизиторовъ всегда строго опредѣлялось папою; оно зависѣло отъ потребностей минуты и площади провинцій Въ 1256 г. были утверждены только два инквизитора; въ 1258 г. это число было признано недостаточнымъ для столь обширной страны, и провинціалу было поручено назначить еще четырехъ инквизиторовъ. Когда въ 1261 г. Лангедокъ былъ отдѣленъ, число инквизиторовъ было опять сведено къ двумъ, но въ 1266 г. ихъ число снова было увеличено до четырехъ, не считая Лангедока и Прованса, куда въ 1267 г. были назначены два помощника инквизиторовъ. Въ 1273 г. число инквизиторовъ было доведено до шести, причемъ былъ выдѣленъ только одинъ Провансъ. И это, кажется, оставалось уже безъ перемѣны. Мы не видимъ, чтобы сѣверъ королевства былъ раздѣленъ, подобно югу, на строго разграниченные округи [2]).

Безансонская инквизиція была, повидимому, вначалѣ независима отъ парижской. Послѣ первой неудачи основаться тамъ въ 1233 г. Святой Трибуналъ основался тамъ, кажется, только въ 1247 г., когда Иннокентій IV приказалъ безансонскому пріору послать монаховъ по Бургундіи и Лотарингіи для уничтоженія ереси. Въ слѣдующемъ году графъ Бургундскій Жанъ потребовалъ болѣе энергичной дѣятельности, но, очевидно, онъ не хотѣлъ тратить для этого своихъ денегъ, такъ какъ въ 1255 г. доминиканцы просили освободить ихъ отъ неблагодарнаго дѣла, на успѣхъ котораго не было никакой надежды вслѣдствіе недостатка въ средствахъ. Александръ IV уступилъ ихъ просьбѣ. До насъ дошли

---

[1]) Coll. Doat, XXXI, 68.—Martène, «Ampl. Coll.», I, 1284.—Wadding. ann. 1288, № 14, 15; ann. 1290, №№ 3, 5, 6; ann. 1292, № 3.

[2]) Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXI, 90; XXXII, 41).—Wadding. ann. 1255, № 14.—Raynald. ann. 1255, № 33.—Arch. Nat. de France. J. 431, №№ 30, 31, 34—36.—Ripoll., I, 273—4, 291, 362, 472, 512; II, 29.—Mss. Bib. Nat., fonds latin, № 14930, fol. 226.—Martène, «Thesaur.» V, 1814, 1817.

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторыя свидѣтельства, позволяющія заключать, что Инквизиція дѣйствовала въ этомъ городѣ около 1283 г. Въ 1290 г. Николай IV приказалъ парижскому провинціалу избрать трехъ инквизиторовъ для епархіи Безансона, Женевы, Лозанны, Сіона, Меца, Туля и Вердена. Такимъ образомъ, Лотарингія, французскіе кантоны Швейцаріи и Франшъ-Контэ были подчинены французской инквизиціи, и такой порядокъ сохранялся болѣе столѣтія [1]).

До насъ дошло мало слѣдовъ дѣятельности Св. Трибунала на обширномъ пространствѣ между Бискайскимъ заливомъ и Рейномъ. Судя по результатамъ, инквизиторы дѣйствовали энергично: катаризму, медленно, но безжалостно уничтоженному въ Лангедокѣ, не удалось пустить корней на сѣверѣ. Мы постоянно встрѣчаемъ упоминанія о бѣглецахъ изъ Тулузы и Каркассона, ищущихъ себѣ вѣрнаго убѣжища въ Ломбардіи и даже въ Сициліи; но никто не бѣжалъ въ Турень или Шампань; также мы не знаемъ, чтобы самые горячіе миссіонеры катаризма когда-либо являлись съ своей проповѣдью по ту сторону Севеннъ. До насъ случайно дошло нѣсколько документовъ, исходящихъ отъ бр. Симона Дюваля и относящихся къ 1277 и 1278 гг. Эти тексты позволяютъ намъ бросить бѣглый взглядъ на дѣлопроизводство инквизитора и оцѣнить его дѣятельность. Онъ именуетъ себя инквизиторомъ in regno Franciae, откуда мы въ правѣ заключить, что его полномочія распространялись на все королевство къ сѣверу отъ Лангедока. Онъ заявляетъ, что онъ дѣйствуетъ отъ имени папы и короля, показывая этимъ, что Филиппъ Смѣлый предоставилъ ему въ случаѣ надобности прибѣгать къ помощи свѣтскихъ властей. 23 ноября 1277 г. ему было публично сообщено, что бѣжали два каноника изъ Льежа, Сюже де Вербанкъ и Берне де Нивиль, подозрѣваемые въ ереси; онъ вызвалъ ихъ на судъ въ монастырь С.-Кентина въ Вермандуа на 23 января будущаго года; но, очевидно, это дѣло было отложено, такъ какъ 21 января 1278 г. Дюваль приглашаетъ народъ и духовенство Кана на проповѣдь, имѣющую быть 23 того же мѣсяца. Въ этомъ городѣ ему удалось открыть одну еврейку, отступившую отъ христіанской вѣры и бѣжавшую; до насъ дошло обращеніе Дюваля къ гражданамъ, которыхъ онъ приглашаетъ содѣйствовать Копену, сержанту бальи Кана, которому было поручено преслѣдованіе бѣглянки. Въ это время Дюваль, повидимому, велъ въ широкихъ размѣрахъ разслѣдованіе, такъ какъ 5 іюля онъ приглашалъ на проповѣдь 7 іюля народъ и духовенство Орлеана. Двѣ недѣли спустя онъ былъ на обратномъ пути въ Нормандіи и здѣсь близъ Эврё открылъ цѣлое гнѣздо еретиковъ; до насъ дошелъ помѣченный 21 іюля вызовъ на судъ тринадцати жителей небольшой сосѣдней деревни. Эти документы, неполные и разрозненные, свидѣтельствуютъ, что инквизиторъ велъ дѣятельную жизнь, и что труды его иногда увѣнчивались успѣхомъ. Въ февралѣ 1285 г. молодой Филиппъ Красивый предписываетъ своимъ представителямъ въ Шампани и Бри оказывать содѣйствіе инквизитору, брату Гильому Оксерскому. Безъ сомнѣнія, этимъ провинціямъ предстояло въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлаться ареной дѣятельности Инквизиціи [2]).

Инквизиторы Франціи жаловались, что ихъ дѣлу много мѣшало право убѣжища, въ то время пользовавшееся всеобщимъ уваженіемъ; всякій преступникъ, которому удавалось скрыться въ церкви, былъ тамъ въ безопасности; ни одно должностное лицо не смѣло ни преслѣдовать его, ни арестовывать внутри священной ограды. Нарушеніе этого права убѣжища влекло отлученіе отъ Церкви, которое могло быть снято только цѣною примѣрнаго наказанія. Еретики не замедлили, конечно, воспользоваться подобной защитой, предоставляемой Церковью, противъ которой они боролись; а въ виду зависти, существовавшей между инквизиторами и бѣлымъ духовенствомъ, можно думать, что не было сдѣлано попытокъ прекратить это злоупотребленіе. Мартинъ IV, обезпокоенный этимъ дѣломъ, издалъ въ 1281 г. буллу, обращенную ко всѣмъ прелатамъ Франціи. Не слѣдуетъ, писалъ онъ,

[1]) Ripoll, I, 179, 183; II, 29.—Potthast, № 15995.—Lib. Sententt. Inquis. Tolosan., 252—4.
[2]) Martène, «Thésaur.», V, 1809, 1811—13.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXII, 127).

Библиотека "Руниверс"

терпѣть болѣе подобныхъ злоупотребленій правомъ убѣжища; въ послѣднемъ случаѣ инквизиторамъ должна быть дана полная возможность отомстить за вѣру; отнюдь не слѣдуетъ мѣшать имъ при исполненіи ими своихъ обязанностей, наоборотъ, имъ слѣдуетъ оказывать всякое содѣйствіе. Среди другихъ еретиковъ въ этой буллѣ упоминаются евреи-вѣроотступники и неискренне обратившіеся; мы въ правѣ заключить изъ этого, что этотъ несчастный народъ обращалъ на себя вниманіе ревностныхъ инквизиторовъ; и, дѣйствительно, много этихъ несчастныхъ было сожжено или наказано другими способами въ Парижѣ за 1307—10 гг. [1]).

Былъ еще цѣлый рядъ преступниковъ, которые могли бы дать широкое поприще для дѣятельности Инквизиціи, если бы Св. Трибуналъ пожелалъ открыть ихъ преступленія. Согласно канонамъ всякій, находившійся подъ отлученіемъ въ теченіе года и не покорившійся и не испросившій отпущенія грѣха, объявлялся подозрѣваемымъ въ ереси; и на основаніи этого въ 1297 г. Бонифацій VIII предложилъ инквизиторамъ Каркассона возбудить преслѣдованіе противъ консуловъ Безье. Страна была полна всякихъ отлученныхъ: священники и прелаты злоупотребляли анаѳемой изъ своихъ личныхъ видовъ, такъ что народъ пересталъ обращать вниманіе на это наказаніе, тѣмъ болѣе, что чаще всего для полученія разрѣшенія нужно было пожертвовать правами, отказаться отъ которыхъ не согласились бы и самые преданные сыны Церкви. Пренебрежительное отношеніе къ этому духовному наказанію, налагаемому епископами, не могло быть прощено, но инквизиторы, повидимому, и не думали добровольно придти на помощь свѣтскому духовенству; съ своей стороны, послѣднее и само не просило ихъ вмѣшательства. Въ 1301 г. Реймскій соборъ постановилъ, чтобы дѣла по подозрѣнію въ ереси возбуждались противъ тѣхъ, кто въ теченіе двухъ лѣтъ оставался отлученнымъ отъ Церкви. Въ 1303 г. тотъ же соборъ пригласилъ всѣхъ подсудимыхъ явиться добровольно и снять съ себя тяготѣвшее на нихъ подозрѣніе; но эта формальность должна была совершаться передъ судомъ епископа, а не передъ инквизиторами. Несомнѣнно, взаимная ненависть была такъ велика, что нельзя было поручить двумъ враждебнымъ юридическимъ властямъ одно и то же дѣло [2]).

Въ 1308 г. былъ поднятъ вопросъ объ одномъ гражданинѣ Суассона, Этьенѣ де Вербери, обвиненномъ передъ инквизиторами въ томъ, что онъ произносилъ богохульственныя рѣчи о тѣлѣ Христовомъ. Обвиняемый въ свое оправданіе ссылался на то, что былъ пьянъ, и съ нимъ обошлись снисходительно. Немного позднѣе имѣло мѣсто настоящее ауто-да-фе, насколько намъ извѣстно, первое въ Парижѣ. Это было 31 мая 1310 г.: былъ сожженъ одинъ еврей-вѣроотступникъ; но главною жертвою была Маргарита изъ Ганнау прозванная ла-Поретъ.

Эта б е г и н к а была во Франціи первымъ апостоломъ нѣмецкой секты Братьевъ Свободнаго Духа, на которыхъ мы ниже остановимся подробнѣе. Ея главнымъ заблужденіемъ было утвержденіе, что душа, поглощенная въ божественной любви, могла безъ всякаго грѣха и безъ всякаго угрызенія совѣсти уступать всѣмъ требованіямъ плоти. Кромѣ того, она проявляла недостаточное поклоненіе передъ жертвоприношеніемъ, совершаемымъ на алтарѣ. Для распространеній этихъ ученій она написала книгу, которую осудилъ Ги II, епископъ Камбре, и сжегъ какъ еретическую ранѣе 1305 г.; сочинительницу же книги епископъ милостиво пощадилъ, но запретилъ ей, подъ страхомъ костра, распространять свою книгу и свои ученія. Несмотря на это предостереженіе, она продолжала распространять свое осужденное сочиненіе среди низшаго класса, извѣстнаго подъ именемъ б е г а р д о в ъ. Ее привели на судъ преемника Ги, Филиппа де Мариньи, и инквизитора лотарингскаго; но и на этотъ разъ она избѣгла преслѣдованія. Неутомимая

[1]) Ripoll, II, 1.—Guill. Nangiac. Contin. ann. 1307, 1310.

[2]) Martène, «Ampliss. Collect.», VII, 1325—7. — Ср. Concil. Trident. Sess. XXV. Decret. Reform. c. 3.

Библиотека "Руниверс"

въ своей миссіи, она послѣ этого дошла до такой дерзости, что поднесла запрещенное сочиненіе Іоанну, епископу Шалонскому. Въ 1308 г. она распространила свою пропаганду до самого Парижа, гдѣ и попала въ руки инквизитора, бр. Гильома. На его предложеніе принести передъ допросомъ присягу она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Инквизиторъ былъ, по всей вѣроятности, поглощенъ дѣломъ тампліеровъ и не могъ судить ее немедленно; и она, обвиненная и отлученная отъ Церкви за отказъ принести присягу, восемнадцать мѣсяцевъ оставалась подъ интердиктомъ въ тюрьмѣ Инквизиціи. Этого было достаточно, чтобы осудить ее какъ не раскаявшуюся еретичку; но ея послѣдующія дѣйствія сдѣлали изъ нея еретичку-рецидивистку. Вмѣсто того, чтобы, согласно практикѣ лангедокской инквизиціи, созвать совѣщаніе экспертовъ, инквизиторъ передалъ письменное изложеніе дѣла канонистамъ университета, и послѣдніе 30 мая единодушно заявили, что, если изложенные факты вѣрны, эта женщина — еретичка-рецидивистка и должна быть выдана свѣтскимъ властямъ; вслѣдствіе этого она, послѣ обычнаго воззванія къ милосердію, была выдана парижскому прево, который и сжегъ ее на другой же день. Горячая набожность, выказанная ею на кострѣ, до слезъ тронула всѣхъ зрителей казни. Видную роль въ этой трагедіи сыгралъ ученикъ Маргариты, клеркъ изъ епархіи Бовэ, по имени Гіонъ Крессонессаръ. Онъ пытался вырвать Маргариту изъ рукъ Инквизиціи и также былъ схваченъ; подобно ей, онъ въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ тюремнаго заключенія отказался принести предварительную присягу. Очевидно, тюремное заключеніе разстроило его умственныя способности, такъ какъ, въ концѣ концовъ, онъ удивилъ инквизитора заявленіемъ, что онъ Ангелъ Филадельфіи, посланный Богомъ, какъ единственно могущій спасти человѣчество. Напрасно инквизиторъ объяснялъ ему, что это предоставлено одному только папѣ; Гіонъ не пожелалъ взять назадъ ни одного изъ своихъ заявленій и былъ обвиненъ въ ереси. Однако, въ силу соображеній, не указанныхъ въ приговорѣ, онъ былъ осужденъ только къ лишенію духовнаго сана и тюремному заключенію [1]).

Другое, дошедшее до насъ дѣло, было дѣло сеньора де Партенэ (1323 г.) Мы уже упоминали объ этомъ процессѣ, представляющемъ для насъ огромный интересъ: онъ показываетъ намъ, какъ велика была въ то время почти безотвѣтственная власть Инквизиціи. Партенэ, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ дворянъ Пуату, былъ объявленъ еретикомъ парижскимъ инквизиторомъ, бр. Морисомъ; король тотчасъ же заключилъ его въ тюрьму Тампля; а всѣ его земли, до окончанія дѣла, секвестровалъ. Къ счастью Партенэ, у него было много друзей и вліятельныхъ родственниковъ; одинъ изъ нихъ, епископъ въ Нуайонѣ, энергично выступилъ на его защиту. Обвиняемому удалось подать папѣ жалобу, въ которой онъ указывалъ на личную къ нему ненависть бр. Мориса. Подъ сильнымъ конвоемъ онъ былъ отправленъ въ Авиньонъ, гдѣ его друзьямъ удалось добиться, что папа Іоаннъ XXII придалъ въ качествѣ товарищей инквизитору для разсмотрѣнія этого дѣла нѣсколько епископовъ. Послѣ безконечныхъ отсрочекъ Партенэ получилъ свободу, но, конечно, состояніе его послѣ этого было уже сильно разстроено. Если подобный человѣкъ могъ быть арестованъ по простому доносу озлобленнаго монаха, то какимъ только опасностямъ не подвергались люди менѣе сильные? Это дѣло, одновременное съ послѣдними трудами Бернара Ги въ Тулузѣ, отмѣчаетъ высшій расцвѣтъ Инквизиціи во Франціи. Теперь мы будемъ слѣдить за постепеннымъ ея паденіемъ [2]).

Однако, въ продолженіе еще нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельность Инквизиціи въ Каркассонѣ при инквизиторѣ Генрихѣ де Шамэ не уменьшалась, а наоборотъ, развивалась.

---

[1]) Arc. Nat. de France, J. 428, № 15, № 19 bis.—Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1308, 1310.—Grandes Chroniques, V, 188.—P. Fredericq, «Corpus Document. Inquisit. Neerland», II, 63—5.

[2]) Guillel. Nangiac. Contin. ann. 1323.—Grandes Chroniques, V, 273—4.—Chron. Joann. S. Victor. Contin. ann. 1323 (Bouquet, XXI, 681).

Библиотека "Руниверс"

16 января 1328 г. онъ вмѣстѣ съ Пьеромъ Брюни справлялъ торжественное ауто-да-фе въ Памье: тридцать-пять лицъ были приговорены носить кресты; двѣнадцать было освобождено на томъ же условіи отъ тюрьмы; шесть получило прощеніе; семь было приговорено, вмѣстѣ съ четырьмя лже-свидѣтелями, къ пожизненному заключенію; было осуждено четверо мертвыхъ; одинъ монахъ и одинъ священникъ были лишены сана. Такъ какъ епархія Памье, давшая жертвы для этого ауто, была невелика, то по значительному числу осужденныхъ мы въ правѣ заключить о ревностной дѣятельности инквизитора. 12 декабря того же года Генрихъ де Шамэ совершилъ ауто-да-фе въ Нарбоннѣ, гдѣ была рѣшена участь приблизительно сорока преступниковъ. 7 января 1329 г. было другое ауто въ Памье; 19 мая было ауто въ Безье, 8 сентября—въ Каркассонѣ, гдѣ было сожжено шесть несчастныхъ, а двадцать-одинъ приговоренъ къ пожизненной тюрьмѣ; не много позднѣе трое были сожжены въ Альби; а въ концѣ года было шесть ауто (въ мѣстности, не указанной въ дошедшемъ до насъ документѣ), на которомъ восемь человѣкъ было приговорено къ простой тюрьмѣ, трое—къ тюрьмѣ въ оковахъ и двое—къ костру. Около этого же времени, повидимому, у инквизиторовъ происходили иногда конфликты съ королевскими чиновниками; въ 1334 г. инквизиторы жаловались Филиппу Валуа, что они встрѣчаютъ противодѣйствіе при исполненіи своихъ обязанностей. Филиппъ предписалъ своимъ сенешалямъ Нима, Тулузы и Каркассона, чтобы они не нарушали старыхъ привилегій Инквизиціи [1]).

Эта дѣятельность продолжалась еще нѣкоторое время; но всѣ регистры, которые могли бы познакомить насъ съ подробностями, погибли; случайно до насъ дошли отчеты тулузскаго сенешальства за 1337 г. Благодаря этимъ документамъ мы узнаемъ, что инквизиторъ Пьеръ Брюни не былъ бездѣятельнымъ. Сборщикъ конфискацій перечисляетъ имущество тридцати еретиковъ, доходы съ которыхъ онъ въ то время получалъ; онъ упоминаетъ объ уплатѣ издержекъ по одному ауто-да-фе; онъ свидѣтельствуетъ, что въ тюрьмахъ Инквизиціи въ это время находилось восемьдесятъ-два заключенныхъ. Но такъ какъ содержаніе этихъ осужденныхъ въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ обошлось въ 365 ливровъ 14 су, то легко высчитать, зная, что на человѣка въ день полагалось три денье, что ихъ число должно въ среднемъ равняться девяносто. Немного позднѣе ужасныя превратности Столѣтней войны ослабили энергію инквизиторовъ; однако, мы знаемъ что ауто-да-фе происходили въ Каркассонѣ въ 1346, 1357 и 1383 гг., а въ Тулузѣ было, ауто въ 1374 г. Должность инквизитора не оставалась не замѣщенной, но значеніе ея постепенно падало; такъ, напр., Пьеръ де Меркальмъ, тулузскій провинціалъ съ 1350 по 1363 г., одновременно болѣе чѣмъ два года, занималъ и должность инквизитора, что свидѣтельствуетъ, что она не давала много дѣла [2]).

Отъ этого времени дошло мало извѣстій объ Инквизиціи на сѣверѣ Франціи. Борьба съ Англіей должна была сильно затруднять ея дѣятельность; однако, какъ это видно изъ жалобы парижскаго провинціала папѣ Клименту VI въ 1351 г., инквизиторы продолжали исполнять свои обязанности: обычай исключать изъ вѣдѣнія инквизиторовъ, писалъ онъ, владѣнія Карла Анжуйскаго лишаетъ благодѣяній Инквизиціи Тюренъ и Менъ и въ то же время даетъ возможность ереси процвѣтать въ этихъ областяхъ; и папа немедленно распространилъ на нихъ юрисдикцію бр. Гильома Шевалье и юрисдикцію инквизиторовъ будущаго времени [3]).

Когда при Карлѣ Мудромъ наступилъ миръ, Инквизиція получила бо́льшую свободу дѣйствій. Бегарды или Братья Свободнаго Духа не потеряли энергіи

[1]) Coll. Doat, XXVII, 119, 132, 140, 146, 156, 178, 192, 198, 232.—Vaissete, IV. Pr. 23.

[2]) Vaissete, изд. Privat, X. Pr. 782—3, 792, 802, 813—4.—Arch. de l'évêché d'Albi (Doat, XXXV, 120).—Vaissete, IV, 184.—Martène, «Ampl. Coll», VI, 433.

[3]) Ripoll, II, 236.

Библиотека "Руниверс"

при видѣ мученической смерти Маргариты ла Поретъ и продолжали тайно существовать. Въ сентябрѣ 1365 г. Урбанъ V далъ знать прелатамъ и инквизиторамъ всей Франціи, что еретики дѣятельно распространяютъ свои заблужденія. Онъ послалъ парижскому епископу подробныя свѣдѣнія о ихъ ученіи и о мѣстностяхъ, гдѣ ихъ можно было открыть; эти свѣдѣнія епископъ долженъ былъ сообщить своимъ товарищамъ и Инквизиціи. Мы не знаемъ, возымѣло ли немедленное дѣйствіе это обращеніе папы, но въ 1372 г. инквизиторъ, бр. Іаковъ де Моръ, инквизиторъ бугровъ, дѣятельно трудился надъ искорененіемъ этой ереси. Послѣдователи этой секты называли ее Братствомъ Бѣдности; народъ же называлъ ихъ обыкновенно тюрлюпенами. Какъ и въ Германіи, они отличались особой одеждой и распространяли свое ученіе въ книгахъ, написанныхъ на разговорномъ языкѣ. Карлъ V вознаградилъ труды инквизитора принесеніемъ въ даръ пятидесяти книгъ и заслужилъ за это благодарность Григорія XI. Результатомъ же всего дѣла было сожженіе на свиномъ рынкѣ у воротъ С.-Оноре еретическихъ книгъ и одеждъ, а также главной ревнительницы секты, Іоанны Добантонъ. Товарищъ этой жертвы умеръ въ тюрьмѣ и избѣгъ, такимъ образомъ, костра. Трупъ его пятнадцать дней сохранялся въ негашеной извести, чтобы оба соучастника могли быть вмѣстѣ преданы пламени. Подобное зрѣлище было уже довольно рѣдкимъ, и это придало ему особое значеніе, какъ видно изъ посвященнаго этому событію четверостишія современнаго лѣтописца:

L'An MCCCLXXII, je vous dis tout pour voir,
Furent les Turelupins condamnez pour ardoir,
Pour ce qu'il beoient (?) le peuple à decepvoir
Par faulses heresies, l'Eveque en soult le voir.

Однако, секта продолжала существовать, въ особенности, какъ мы увидимъ ниже, въ Германіи; и въ началѣ слѣдующаго вѣка канцлеръ университета Герсонъ считаетъ ее настолько опасной, что не разъ старается разбить ея заблужденія. И, дѣйствительно, мистическая распущенность ученія секты была опасно соблазнительна. Особенно Герсонъ безпокоился тонкимъ изложеніемъ ученія секты въ книгѣ извѣстной Маріи Валансьенской. Въ маѣ 1421 г. двадцать пять адептовъ этого Братства были осуждены въ Дуэ епископомъ Арраса. Двадцать изъ нихъ отреклись отъ своихъ заблужденій, и на нихъ въ видѣ епитиміи наложили ношеніе крестовъ, изгнаніе или тюрьму. Пятеро остались непреклонными и понесли свои заблужденія на костеръ [1]).

Въ 1381 г. бр. Іаковъ де Моръ казнилъ одну изъ самыхъ знаменитыхъ жертвъ Инквизиціи — Гуго Обріо. Бургундецъ по рожденію, Обріо своей энергіей и заслугами сумѣлъ снискать довѣріе короля Карла, который сдѣлалъ его парижскимъ прево. Онъ такъ энергично исполнялъ свои обязанности, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Городъ обязанъ ему своею первою сѣтью сточныхъ трубъ, первыми ограниченіями процвѣтавшей въ то время проституціи и постройкой Бастиліи, долженствовавшей служить крѣпостью противъ англичанъ. Своимъ мудрымъ управленіемъ онъ снискалъ уваженіе и любовь всего населенія; но онъ навлекъ на себя непримиримую ненависть университета,

---

[1]) Raynald. ann. 1365, № 17; ann. 1373, №№ 19, 21. — Gaguini, «Hist. Francor.» Lib. IX, c. 2 (изд. 1576, стр. 158).—Meyeri «Annal. Flandr.», Lib. XIII, ann. 1372.—Du Cange s. v. «Turlupini.»—Gersoni «de Consolat. Theolog.». Lib. IV. Prosa 3; Ejusd. «de Mystica Theolog. Specul». P. I. Consid. 8; Ejusd. «de Distinctione verarum Visionum signum», 5.—Altmeyer, «Précurseurs de la Réforme aux Pays-Bas», I, 85.

По всей вѣроятности, была связь между тюрлюпенами и извѣстными бродячими шайками, которыхъ называли бандами «de Rexatiacho» и которыхъ подозрѣвали въ ереси. Одинъ изъ этихъ бродягъ, по имени Бидонъ де Пюи-Гильемъ, изъ бордосской епархіи, былъ осужденъ на пожизненное тюремное заключеніе и освобожденъ Григоріемъ XI въ 1371 г. (Coll. Doat, XXXV, 134).

Библиотека "Руниверс"

не признавая тѣхъ его привилегій, которыя университетъ считалъ неразрывно связанными съ своимъ существованіемъ. Онъ нанесъ университету кровную обиду тѣмъ, что при постройкѣ Пти Шателе назвалъ въ насмѣшку двѣ вонючія башни по имени двухъ главныхъ кварталовъ, занятыхъ университетомъ, Кло Брюно и улица Фуанъ; темницы, говорилъ онъ, предназначены для студентовъ. При энергичномъ Карлѣ V университетъ долженъ былъ молчать; а послѣ смерти короля въ 1380 г. онъ съ нетерпѣніемъ выжидалъ минуты отомстить. Случай не замедлилъ представиться.

Соперничество между герцогами Берри и Бургундіи, доведшее до открытой между ними ссоры, позволило привлечь перваго на сторону враговъ бургундца Обріо. Управленіе князей, одновременно слабое и деспотическое, вызывало безпорядки. 25 ноября 1380 г. населеніе возстало противъ евреевъ, разграбило ихъ дома и силою начало крестить дѣтей. Обріо навлекъ на себя гнѣвъ Церкви тѣмъ, что потребовалъ возвращенія дѣтей ихъ родителямъ. Коалиція, образовавшаяся противъ Обріо, сдѣлалась столь могущественной, что дворъ не могъ бороться съ нею. 21 января 1381 г. Обріо былъ вызванъ къ епископу и инквизитору; онъ не обратилъ вниманія на вызовъ; и отлученіе отъ Церкви, покаравшее его неявку, тотчасъ же было объявлено во всѣхъ церквахъ Парижа. Эта мѣра заставила его сдаться; но когда онъ 1 февраля предсталъ передъ инквизиторомъ, его немедленно заключили въ епископскую тюрьму и начали судъ. Обвиненія были въ общемъ легкія, за исключеніемъ двухъ—дѣло о еврейскихъ дѣтяхъ и объ освобожденіи изъ тюрьмы одного осужденнаго инквизиторомъ за ересь. Вотъ нѣкоторые изъ другихъ поступковъ Обріо, поставленные ему въ вину: однажды одинъ изъ его сержантовъ, въ оправданіе опозданія на службу, сказалъ, что онъ былъ въ церкви и ждалъ, чтобы «увидѣть Бога», т.-е. ждалъ возношенія св. Даровъ. Обріо съ сердцемъ сказалъ ему: «Дуракъ! развѣ ты не знаешь, что у меня больше власти наказать тебя, чѣмъ у Бога помочь тебѣ»? Въ другой разъ кто-то сказалъ, что онъ пойдетъ «посмотрѣть Бога» за обѣдней, которую совершалъ кутанскій епископъ Сильвестръ де-ла-Сервель; Обріо замѣтилъ на это, что Богъ не дастъ себя въ руки подобнаго человѣка. Раздраженіе враговъ прево было такъ сильно, что, несмотря на слабость обвиненія, онъ былъ тутъ же осужденъ на костеръ, причемъ ему не разрѣшили даже, какъ разрѣшали всѣмъ еретикамъ, для спасенія жизни принести раскаяніе и отречься отъ заблужденій; но тогда вмѣшались князья и настояли, чтобы ему дана была эта возможность спасти свою жизнь. 17 мая состоялось торжественное ауто-да-фе. Противъ собора Богоматери былъ воздвигнутъ эшафотъ, и Обріо смиренно покаялся и отрекся отъ ересей, виновнымъ въ которыхъ его признали. Въ то время, какъ читали приговоръ, осуждавшій его къ пожизненному тюремному заключенію и, конечно, къ конфискаціи имущества, студенты университета оскорбляли его, распѣвая безобразныя пѣсни. Съ площади его отвели въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ до 1382 г.; въ это время вспыхнуло возстаніе майлотинцевъ, и первою мыслью народа было освободить своего стараго прево; двери тюрьмы были разбиты, Обріо выведенъ изъ темницы и поставленъ во главѣ инсургентовъ. Онъ согласился на это, но въ тотъ же вечеръ бѣжалъ въ свою родную Бургундію, гдѣ жизнь его окончилась въ полной безвѣстности. Исторія этого человѣка поучительна: на ней мы видимъ, какимъ драгоцѣннымъ орудіемъ была Инквизиція для удовлетворенія личной ненависти. Впрочемъ, роль, которую сыгралъ Св. Трибуналъ въ политическихъ распряхъ, заслуживаетъ въ виду своего значенія обстоятельнаго изученія, и поэтому мы ниже остановимся на ней подробнѣе [1]).

Послѣ этого событія мы не встрѣчаемъ почти ни одного упоминанія о парижской инквизиціи, хотя она и продолжала существовать. Въ 1388 г. Ѳома Апулійскій увлекъ

[1]) Grandes Chroniques, ann. 1380—1.—Religieux de S. Denis, «Hist. de Charles VI», liv. I, c. 13; liv. II, c. 1.

Библиотека "Руниверс"

за собой толпу, очарованную его краснорѣчіемъ. Съ благоговѣніемъ слушали, когда онъ поучалъ, что единственный законъ Евангелія—любовь, и что, слѣдовательно, таинства, призываніе святыхъ и всѣ измышленія богословія ни къ чему не нужны. Онъ написалъ книгу, полную обличеній грѣховъ прелатовъ и папы; въ ней онъ, кромѣ того, утверждалъ, на основаніи вѣры въ Вѣчное Евангеліе, что царство Св. Духа смѣнило царство Отца и Сына. Онъ дошелъ даже до того, что утверждалъ, что онъ посланъ Св. Духомъ для преобразованія міра. Однако, не Инквизиція наложила молчаніе на этого еретика-реформатора; на этотъ разъ запрещеніе ему проповѣди послѣдовало отъ парижскаго прево. Ѳома отказался повиноваться, и тогда университетъ и епископъ судили его и постановили сжечь его сочиненія на Гревской площади. Его также осудили бы на костеръ, если бы психіатры той эпохи не признали его сумасшедшимъ; онъ былъ приговоренъ къ пожизненной тюрьмѣ [1]).

Различныя причины повели во Франціи къ ограниченію значенія Инквизиціи. Она прекратила приливъ конфискаціи въ государственное казначейство, она уже болѣе ничего не дѣлала для упроченія королевской власти; она уже окончила свое дѣло и сдѣлалась даже безполезной для королевскаго престола, который, созданный ею, заставилъ ее подчиниться. Даже и во время высшаго расцвѣта Инквизиціи старались представить королевскій судъ облеченнымъ верховною властью; эта тенденція ясно сказалась на дѣлѣ аббата изъ монастыря св. Сернена, Аміеля де Лотрека. Въ 1322 г. тулузскій вигье донесъ Инквизиціи, что Лотрекъ проповѣдуетъ, что душа сама по себѣ смертна и безсмертіемъ обязана только милости Бога. Инквизиція, разсмотрѣвъ ученіе Лотрека, не нашла въ немъ ничего еретическаго. Королевскій прокуроръ, недовольный этимъ приговоромъ, принесъ жалобу не папѣ, а парламенту, т.-е. королевскому трибуналу. Трудно представить себѣ дѣло болѣе богословское, тѣмъ не менѣе, парламентъ принялъ жалобу и, чтобы показать всю компетентность, разсмотрѣлъ дѣло и утвердилъ приговоръ Инквизиціи [2]).

Подобный фактъ былъ серьезнымъ предупрежденіемъ. Однако, неутомимый Генрихъ де Шамэ, обезпокоенный успѣхомъ усилій Филиппа Валуа взять подъ свой контроль и ограничить духовную юрисдикцію, получилъ въ ноябрѣ 1329 г. отъ этого государя благопріятный указъ, которымъ подтверждались всѣ привилегіи Инквизиціи; всѣ свѣтскіе чиновники снова предоставлялись въ распоряженіе Святого Трибунала; въ то же время признавались не имѣющими значенія всѣ граматы, какъ уже вышедшія, такъ и имѣющія выйти, которыя, исходя отъ королевскаго трибунала, могли бы въ какомъ-либо отношеніи мѣшать инквизиторамъ при исполненіи ими обязанностей, наложенныхъ на нихъ Св. Престоломъ. Но движеніе монархіи противъ автократіи шло такъ быстро, что остановить его было невозможно. Самъ Генрихъ де Шамэ былъ въ 1328 г. именованъ инквизиторомъ не папою (какъ это съ гордостью отмѣчалось въ древнихъ актахъ), а королемъ; и это назначеніе было подтверждено юридическимъ актомъ. Филиппъ поставилъ себѣ политическимъ правиломъ ввести и распространить юрисдикцію короны. Сообразно съ этимъ планомъ онъ послалъ Гильома де Вилляръ въ Тулузу, поручивъ ему реформировать вмѣшательство духовныхъ трибуналовъ въ дѣла королевскихъ судовъ. Чтобы довести свою миссію до конца, Вилляръ въ 1330 г. потребовалъ къ себѣ регистры духовныхъ судовъ, а также судовъ Инквизиціи. Мы знаемъ, какъ ревниво хранились эти документы въ тайнѣ, какъ надменно Николай д'Аббевиль отказался показать ихъ епископамъ, посланнымъ Филиппомъ Краснвымъ; мы помнимъ, какъ долго колебался Пекиньи отобрать ихъ у Жофруа д'Абли; и мы можемъ оцѣнить все значеніе революціи,

---

[1]) Religieux de S. Denis, op. cit., Liv. IV, c. 13.—D'Argentré, «Collect. Judic. de novis erroribus» I, II, 151.

[2]) Chron. Bardin, ann. 1322 (Vaissete, IV. Pr. 21—22).

Библиотека "Руниверс"

мирно происшедшей за это время. Когда Вилляру было отказано въ выдачѣ просимыхъ имъ документовъ, онъ спокойно велѣлъ выломать дверь въ комнату, гдѣ хранились регистры; тогда инквизиторъ обратился съ жалобой, и опять-таки не къ папѣ, а въ парламентъ, который, считая Инквизицію не духовнымъ судомъ, а королевскимъ, приказалъ Вилляру уплатить протори и убытки. Это была побѣда Пирра. Государство купило Инквизицію. Въ 1334 г. Филиппъ провелъ тотъ же принципъ, принявъ жалобу инквизиторовъ на сенешалей, которые будто бы мѣшали правильному ходу ихъ судебной дѣятельности; онъ приказалъ возстановить всѣ старинныя привилегіи инквизиторовъ, отожествляя ихъ съ королевскими чиновниками. Теперь Инквизиція уже зависѣла вполнѣ отъ короля и была поставлена подъ контроль парламента. Въ то же время Авиньонское плѣненіе, за которымъ послѣдовалъ Великій Расколъ, благопріятствовало примѣненію свѣтской власти даже и въ вопросахъ духовнаго характера [1]).

Два случая показываютъ, насколько Инквизиція приняла подчиненное положеніе въ отношеніи государства. Въ 1340 г. намѣстникъ короля въ Лангедокѣ, Людовикъ Пуату, графъ де Ди и де Валантинуа, при въѣздѣ въ Тулузу нашелъ городскія ворота запертыми; тогда онъ слѣзъ съ лошади, опустился на колѣни на подушку и, обнаживъ голову, принесъ надъ Евангеліемъ двойную присягу; онъ, во-первыхъ, поклялся инквизиторамъ сохранять привилегіи Инквизиціи, а, во-вторыхъ, поклялся консуламъ поддерживать городскія свободы. Такимъ образомъ, обѣ власти были уравнены и обѣ требовали одинаковыхъ гарантій,—гарантій довольно призрачныхъ, одно упоминаніе о которыхъ вызвало бы снисходительную улыбку у Бернара Ги. Когда въ 1368 г. королевскихъ доходовъ, истощенныхъ войною съ Англіей, не хватило на уплату жалованья каркассонскому инквизитору, то государственный казначей, Петръ Скатисъ, приказалъ консуламъ собрать налогъ въ двадцать-шесть турскихъ ливровъ, чтобы пополнить нужную сумму. Конфискаціи уже давно перестали идти на покрытіе расходовъ Инквизиціи; инквизиторъ, какъ чиновникъ королевства, получалъ жалованье отъ государства или, въ крайнемъ случаѣ, отъ города [2]).

Насколько полно подчинились всѣ духовныя установленія государству, и насколько пала Инквизиція, лишенная своего выдающагося положенія, прекрасно видно изъ одного факта, случившагося въ 1364 г. Въ это время, впрочемъ, авторитетъ короля палъ довольно низко. Король Іоаннъ умеръ плѣнникомъ 8 апрѣля въ Лондонѣ; коронація Карла V ожидалась только 19 мая; королевство было доведено почти до анархіи благодаря какъ чужеземнымъ вторженіямъ, такъ и внутреннимъ междоусобицамъ. Однако, 16 апрѣля маршалъ Арнольдъ Оденгемъ, намѣстникъ короля въ Лангедокѣ, созвалъ въ Нимѣ собраніе трехъ сословій подъ предсѣдательствомъ нарбоннскаго архіепископа. Однимъ изъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію собранія, была ссора между тулузскимъ архіепископомъ и инквизиторомъ; послѣднему было запрещено отправлять свои обязанности подъ предлогомъ, что Инквизиція, устроенная нѣкогда по просьбѣ провинціи Лангедока, стала теперь вредной. Всѣ прелаты, за исключеніемъ епископа вивьерскаго, приняли сторону архіепископа. Представители Тулузы просили, чтобы ихъ допустили поддержать требованіе инквизитора, и никому, повидимому, не пришло въ голову сомнѣваться въ компетенціи маршала, представителя короны. Судья вынесъ рѣшеніе, неблагопріятное архіепископу [3]).

Перестали бояться доминиканцевъ даже и въ Каркассонѣ, гдѣ они нѣкогда были полновластными господами. Въ 1354 г. одинъ кузнецъ дошелъ даже до такой дерзости, что построилъ кузницу рядомъ съ доминиканской церковью. Онъ съ такимъ стараніемъ и шумомъ работалъ въ своей кузницѣ, что пришлось прервать богослуженіе. Увѣщанія и

[1]) Isambert, «Anc. lois franç.». IV, 361—5.—Coll. Doat, XXVII, 118.—Vaissete, IV. Pr. 23.
[2]) Chron. Bardin, ann. 1340, 1368 (Vaissete, IV. Pr. 27, 31).
[3]) Chron. Bardin, ann. 1364 (Vaissete, IV. Pr. 30.—Ср. A. Molinier, изд. Priv at, X, 673).

Библиотека "Руниверс"

угрозы не оказали никакого дѣйствія; тогда монахи обратились съ жалобой не къ епископу или инквизитору, но къ королю, который приказалъ своему сенешалю перенести кузницу на другое мѣсто или запретить кузнецу работать [1]).

Въ концѣ столѣтія въ Реймсѣ возникли разныя дѣла, въ которыхъ рельефно выяснилось паденіе Инквизиціи. Юрисдикція королевскаго трибунала—парламента—была тогда уже признана высшею въ религіозныхъ вопросахъ. Въ 1385 г. возникъ споръ между городскимъ муниципалитетомъ и архіепископомъ по вопросу о преступленіи богохульства, которое обѣ стороны считали подсуднымъ себѣ. Дѣло кончилось соглашеніемъ, причемъ подсудность богохульства осталась за архіепископомъ. Но черезъ двадцать лѣтъ снова возникъ споръ о томъ же по поводу дѣла Друэ Ларжель, обвиненнаго въ произношеніи богохульственныхъ и еретическихъ словъ о страданіяхъ Христа и о Св. Дѣвѣ. Дѣло было передано въ парламентъ, который вынесъ приговоръ, благопріятный для архіепископа. Въ теченіе всего дѣла не было даже и упомянуто о правѣ на вмѣшательство, которое могла бы предъявить Инквизиція. Изъ этого ясно, что Святой Трибуналъ въ это время потерялъ уже всякое значеніе. Однако, именно Реймсъ былъ мѣстомъ нахожденія суда Инквизиціи; въ 1419 г. тамъ былъ инквизиторомъ Пьеръ Флоре, который произнесъ 13 октября надгробное слово при погребеніи Жана Безстрашнаго Бургундскаго и вызвалъ большой скандалъ тѣмъ, что призывалъ Филиппа Добраго не мстить за убійство своего отца. Въ 1423 г. мы видимъ еще выступленіе Инквизиціи въ Тулузѣ по дѣлу о богохульствѣ. Вошло въ обычай представлять инквизитору списокъ всѣхъ кандидатовъ на городскія должности, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, что ни на кого изъ нихъ не падаетъ подозрѣніе въ ереси. Среди избранныхъ въ 1423 г. синдиковъ былъ нѣкто Франсуа Альбертъ, выборъ котораго не былъ одобренъ инквизиторомъ Варѳоломеемъ Гискаромъ, такъ какъ новый синдикъ дѣйствительно имѣлъ привычку пересыпать свою рѣчь клятвами, въ родѣ Tête-Dieu и Ventre-Dieu. Тогда граждане призвали на его мѣсто Пьера де Сарла. Альбертъ перенесъ дѣло въ парламентъ, но послѣдній призналъ дѣйствія инквизитора правильными [2]).

Высшій авторитетъ парламента еще болѣе наглядно сказался въ дѣлѣ Маріи дю Канешъ изъ Камбрэ. Послѣдняя утверждала, что даже и послѣ принесенія присяги она не обязана говорить правды въ ущербъ своей чести; тогда епископъ Камбрэ и бр. Николай Перронскій, именовавшій себя делегатомъ генералъ-инквизитора или парижскаго провинціала, обвинили ее въ ереси и наложили на нее огромный штрафъ. Тогда она подала жалобу реймсскому архіепископу, который издалъ указъ о пріостановленіи дѣла. На такое рѣшеніе архіепископа епископъ и инквизиторъ принесли жалобу въ парламентъ. Архіепископъ утверждалъ, что въ настоящее время во Франціи нѣтъ инквизитора, и подтвердилъ это тысячью тонкихъ толкованій. Парламентъ не задумался разсмотрѣть этотъ вопросъ, совершенно не имѣвшій свѣтскаго характера; онъ даже не остановился на доводахъ архіепископа и прямо постановилъ, что епископъ и инквизиторъ не имѣли никакого права ослушаться архіепископа, требовавшаго передачи дѣла на его судъ, и постановилъ взыскать съ нихъ судебныя издержки. Такимъ образомъ, снова утверждалась епископская юрисдикція, которая подчиняла себѣ юрисдикцію Инквизиціи [3]).

Великій Расколъ и послѣдовавшіе Констанцскій и Базельскій соборы сильно пошатнули папскую власть, на которой основывался авторитетъ Инквизиціи. Карлъ VII въ отношеніи Рима всегда проявлялъ непослушаніе. Опубликованной имъ въ 1438 г. Pragmatica Sanctio онъ предоставлялъ Галликанской Церкви независимость и усиливалъ юрисдикцію парламента. Когда въ 1461 г. Людовикъ XI отмѣнилъ этотъ актъ,

[1]) Martène, «Thésaur.», I, 1399.

[2]) Arch. administratives de Reims, III, 637—45.—Meyeri «Annal. Flandr.». Lib. XVI, ann. 1419.—Lafaille, «Annales de Toulouse», I,183.—Chron.Bardin, ann. 1423 (Vaissete, IV. Pr.38).

[3]) Arch. administratives de Reims, III, 639—43.

Библиотека "Руниверс"

го парламентъ обратился къ королю съ увѣщеваніями, которыя представляютъ чрезвычайно рѣзкое обличеніе пороковъ Рима, и продолжалъ примѣнять отмѣненный актъ, какъ-будто онъ оставался попрежнему въ силѣ. Людовикъ, съ своей стороны, мѣропріятіями, сдѣланными въ 1463, 1470, 1472, 1474, 1475 и 1479 гг., мало-по-малу возстановилъ принципы Pragmaticae Sanctionis. Если бы Франсуа I своимъ конкордатомъ 1516 г. не уничтожилъ его совсѣмъ, то Франція благодаря ему освободилась бы, можетъ-быть, отъ подчиненія Риму. Франсуа прекрасно зналъ, что его рѣшеніе отмѣнить Pragmatica Sanctio вызоветъ сильную оппозицію, и онъ цѣлый годъ не рѣшался внести его въ парламентъ. Парламентъ отложилъ утвержденіе этого рѣшенія еще на годъ, и только благодаря вліянію кардинала Дюпра удалось получить желаемую санкцію. Во время пререканій по этому вопросу университетъ сталъ на сторону парламента, чтобы выработать жалобу для внесенія ея въ ближайшее генеральное собраніе [1]).

Пока длилась борьба противъ римскаго владычества, парижскій университетъ много содѣйствалъ паденію Инквизиціи. Онъ замѣнялъ послѣднюю въ вопросахъ изслѣдованія ученій и въ опредѣленіи преступленій ереси. Онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ благодаря своему громкому имени, которое постоянно поддерживали энергичные и ученые профессора. Это было національное учрежденіе, которымъ одинаково могли гордиться лица духовныя и свѣтскія, и которое одно время, казалось, соперничало съ парламентомъ и могло сдѣлаться столь же вліятельнымъ, какъ и онъ, въ государствѣ. Во время ужасной анархіи, вызванной безуміемъ Карла VI, университетъ смѣло присвоилъ себѣ право вмѣшиваться въ общественные вопросы, и это вмѣшательство было встрѣчено съ удовольствіемъ. Въ 1411 г. король, находившійся въ то время въ рукахъ бургундцевъ, просилъ университетъ отлучить отъ церкви Арманьяковъ, и онъ съ готовностью исполнилъ это желаніе. Въ 1412 г. онъ представилъ королю записку о печальномъ состояніи финансовъ. Поддержанный жителями Парижа онъ легко добился устраненія не исполняв-

---

[1]) Isambert, «Anc. loix franç.», IX, 3; X, 393, 396—416, 477.—Bochelli, «Decret. Eccles. Gallican.». Lib. IV. Tit. 4, 5.—Bull. de la Soc. de l'Hist. du Protestantisme en France, 1860 г., стр. 121.—D'Argentré, «Coll. Judic. de novis Error.», I, II, 357.—Fascic. Rer. Expetend. et. Fugiend. I, 68 (изд. 1690).

Чувства, съ которыми встрѣтили въ 1461 г. отмѣну Pragmaticae Sanctionis, ясно выражены въ «Pragmatica Sanctionis Passio» (Baluz et Mansi, IV, 29).

Пій II съ замѣчательной наивностью разсказываетъ, какъ, при помощи мировой сдѣлки, носившей характеръ симоніи, ему удалось добиться этой отмѣны. Онъ долженъ былъ дать кардинальскую шапку епископу Арраса Іоанну. Одна уже мысль объ этомъ возвышеніи Іоанна произвела сильное волненіе среди коллегіи кардиналовъ. Выразителемъ ихъ чувствъ выступилъ кардиналъ Авиньона, предупредившій Пія II, что не будетъ больше мира въ Консисторіи, такъ какъ епископъ Іоаннъ способенъ посѣять раздоръ между кардиналами; духъ этого кардинала былъ настолько буйнымъ, что казалось, что отцомъ его былъ какой-либо демонъ. Пій II призналъ справедливость всѣхъ этихъ указаній, но сослался на печальную необходимость, вынуждавшую его на это назначеніе, котораго просили одновременно и Людовикъ XI и Филиппъ Добрый; и если онъ не уступитъ этой просьбѣ, то Pragmatica Sanctio не будетъ отмѣнена. Обманутый въ своемъ ожиданіи, епископъ сдѣлается ея ярымъ защитникомъ, а благодаря своей учености онъ сумѣетъ найти въ Священномъ Писаніи тысячи аргументовъ для поддержки Pragmaticae Sanctionis; дѣйствіе же его защиты будетъ рѣшительнымъ, такъ какъ епископъ единственный человѣкъ во Франціи, который стоитъ за отмѣну, и онъ настолько вліятеленъ, что можетъ заставить короля измѣнить свое мнѣніе. Коллегія кардиналовъ уступила, и Пій II имѣлъ удовольствіе уничтожить послѣдніе остатки реформъ Констанцскаго и Базельскаго соборовъ. Но онъ дорого заплатилъ за эту побѣду. Новый кардиналъ причинилъ ему всевозможныя непріятности. Папа описываетъ его какъ лжеца и клятвопреступника, какъ человѣка скупого и честолюбиваго, обжору, пьяницу и великаго скандалиста. Онъ былъ такъ сердитъ, что часто во время обѣдовъ бросалъ тарелки и серебряныя вазы въ голову слугамъ, а иногда даже, къ великой непріятности своихъ гостей, опрокидывалъ весь столъ (Aen. Sylvii «Op. ined.» въ «Atti della Accad. dei Lincei», 1883 г., стр. 531, 546—8).

Библиотека "Руниверс"

шихъ своего долга чиновниковъ вѣдомства финансовъ, за исключеніемъ канцлера. Придворные, очень недовольные этимъ вмѣшательствомъ, насмѣхались надъ этими богословами и называли ихъ библіотечными крысами. Въ томъ же году университетъ вмѣстѣ съ парламентомъ сразу установили миръ между враждебными между собою партіями въ странѣ. Герцогъ Гіенскій, предполагаемый наслѣдникъ престола, сопровождаемый герцогами Берри, Бургундіи, Баваріи и Бара, торжественно благодарилъ весь факультетъ, признавъ, такимъ образомъ, въ немъ одно изъ крупныхъ учрежденій государства. Однако, посланная университетомъ въ 1415 г. депутація для выраженія протеста противъ чрезмѣрныхъ налоговъ, разорявшихъ населеніе, была принята дурно. Герцогъ Гіенскій, недовольный участіемъ университета безъ согласія двора въ дѣлѣ лишенія сана Іоанна XXIII на Констанцскомъ соборѣ, сухо объявилъ депутатамъ, что они вмѣшиваются не въ свое дѣло; а когда глава депутаціи сталъ возражать на это, то онъ велѣлъ арестовать его и нѣсколько дней продержалъ въ тюрьмѣ [1]).

Если бы даже не осуществилось это мимолетное желаніе соперничать съ парламентомъ въ участіи въ общественныхъ дѣлахъ, то все равно въ богословскихъ вопросахъ университетъ пользовался бы высшимъ авторитетомъ. Онъ естественно былъ призванъ давать экспертовъ, которые руководили бы епископами и инквизиторами при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ. По мѣрѣ того, какъ на мѣсто старыхъ угасшихъ ересей нарождались новыя, вошло въ обычай подвергать обсужденію университета все, что не сходствовало съ ученіемъ католической Церкви, и рѣшеніе ученой корпораціи считалось окончательнымъ. Чаще всего дѣло шло о схоластическихъ тонкостяхъ, на которыхъ я остановлюсь ниже при разсмотрѣніи крупныхъ споровъ, возникшихъ по поводу Непорочнаго Зачатія и Реализма и Номинализма; но иногда бывали вопросы чисто-практическаго характера. Такъ, напр., въ 1432 г. одинъ человѣкъ имѣлъ несчастіе сказать бр. Пьеру де Вуа, инквизитору-делегату Эврё, что вызовы инквизиторами на судъ не что иное, какъ простое злоупотребленіе; инквизиторъ обидѣлся и пожаловался въ университетъ. Онъ выигралъ дѣло; ему торжественно было объявлено, что слова, на которыя онъ жалуется, безразсудны, предосудительны и свидѣтельствуютъ о мятежномъ настроеніи сказавшаго ихъ, и поэтому человѣкъ этотъ заслуживаетъ наказанія. Но эти слова, однако, не повлекли за собой обвиненія въ ереси. Бернаръ Ги и Николай д'Аббевиль въ подобномъ случаѣ ни къ кому не стали бы обращаться, а просто посадили бы преступника въ тюрьму [2]).

Дѣло франциска́нца обсерватина Жана Витріе показываетъ, насколько полно уже замѣнилъ университетъ Инквизицію въ 1498 г. Въ эпоху умственныхъ броженій, предшествовавшую Реформаціи, Витріе, неизвѣстный монахъ, еще болѣе, чѣмъ Жанъ де Везель, предварилъ Лютера, хотя въ своемъ строгомъ аскетизмѣ онъ училъ, что женщина скорѣе могла нарушить супружескій обѣтъ, чѣмъ постъ. Въ своихъ проповѣдяхъ въ Турнэ онъ призывалъ народъ вытащить священниковъ и ихъ наложницъ изъ ихъ домовъ и нанести имъ оскорбленія; онъ утверждалъ, что смертельный грѣхъ слушать обѣдню, совершаемую развратнымъ священникомъ. Разрѣшенія грѣховъ и индульгенціи—порожденіе ада, и покупать ихъ не должны никоимъ образомъ вѣрные, которые могутъ найти много лучшихъ примѣненій денегъ, чѣмъ трату ихъ на содержаніе публичныхъ домовъ. Не слѣдуетъ также прибѣгать въ молитвахъ къ посредничеству святыхъ. Это были старыя ереси; первый встрѣчный инквизиторъ могъ бы сразу заставить подобнаго человѣка сдѣлать выборъ между отреченіемъ отъ ереси и костромъ, но прелаты и магистраты

[1]) Juvénal des Ursins, ann. 1411, 1413.—Religieux de S. Denis, «Hist. de Charles VI». Liv. XXXII, ch. 14; XXXIII, ch. 1, 15, 16; XXXV, ch. 18.

[2]) D'Argentré, op. cit., I, II, 370.

Библиотека "Руниверс"

Турпэ переслали дѣло въ университетъ, и послѣдній старательно извлекъ изъ рѣчей Витріе шестнадцать положеній, подлежащихъ осужденію [1]).

Какъ росъ авторитетъ университета по мѣрѣ паденія папскаго могущества, видно изъ одного интереснаго дѣла 1502 г. Александръ VI обложилъ десятиннымъ налогомъ французское духовенство подъ предлогомъ войны противъ турокъ. Это былъ обычный предлогъ. Духовенство, не спрошенное предварительно, отказалось платить. Папа отвѣтилъ имъ общимъ отлученіемъ; тогда духовенство просило университетъ разрѣшить вопросъ, имѣетъ ли значеніе папское отлученіе, и должны ли духовныя лица, подвергшіяся ему, прекратить отправленіе богослуженія. Единодушно и немедленно университетъ вынесъ отрицательный отвѣтъ. Если бы обстоятельства сложились такъ, чтобы духъ независимости утвердился въ Германіи, то былъ бы одинъ лишній шагъ на этомъ пути, дѣлавшій излишними старанія Лютера [2]).

Однако, не слѣдуетъ думать, что Инквизиція, потерявшая свое прежнее величіе, перестала существовать и, дурно ли, хорошо ли, выполнять свои обязанности. Папы были заинтересованы въ поддержаніи Инквизиціи; должность инквизитора пользовалась еще вліяніемъ и иногда приносила доходы; и поэтому ея горячо домогались. Въ 1414 г. два кандидата спорили о мѣстѣ въ Тулузѣ; въ 1424 г. въ Каркассонѣ разыгралась позорная ссора между двумя соискателями. Женевская епархія была также предметомъ спора, которому особый интересъ придало старинное соперничество двухъ нищенствующихъ орденовъ. Мы уже говорили о распоряженіи Николая IV, который въ 1290 г. женевскій кантонъ вмѣстѣ съ другими французскими кантонами присоединилъ къ инквизитору Безансонской провинціи, гдѣ дѣйствовали доминиканцы. Женева въ церковномъ отношеніи зависѣла отъ Віеннской архіепископіи, которая, въ свою очередь, находилась въ вѣдѣніи францисканской Инквизиціи Прованса, и папа Григорій XI въ 1375 г. отнесъ Женеву къ провансальской Инквизиціи. Когда въ 1409 г. былъ назначенъ инквизиторомъ въ Провансъ Понсъ Фёжейронъ, Женева не была упомянута въ спискѣ епархій, подчиненныхъ ему. Мартинъ V, возобновляя въ 1418 г. полномочія Фёжейрона, исправилъ эту ошибку, и инквизиторъ началъ дѣйствовать въ городѣ. Немедленно возникла страшная ссора между двумя орденами, и доминиканцы обратились съ жалобой къ Мартину, который вернулъ имъ Женеву въ 1419 г. Однако, когда въ 1434 г. Евгеній IV, въ свою очередь, подтверждалъ полномочія Фёжейрона, то Женева снова попала въ списокъ. Повидимому, доминиканцы опять жаловались папѣ; по крайней мѣрѣ, когда въ 1472 г. при Сикстѣ IV снова вспыхнула дѣятельность Инквизиціи и инквизиторомъ въ Провансъ былъ назначенъ бр. Жанъ Вейлеттъ, съ тѣми же полномочіями, какими пользовался Понсъ Фёжейронъ, то Женева не упоминается въ спискѣ епархій, подчиненныхъ новому инквизитору, и въ то же время въ Женеву и Лозанну были назначены доминиканцы Викторъ Руфи и Клавдій Руфи. Въ 1491 г. въ Женеву былъ назначенъ другой доминиканецъ, Франсуа Гране [3]).

Однако, постъ инквизитора, хотя его и искали горячо, не давалъ никакихъ законныхъ доходовъ. Во время ужасныхъ смутъ XV в. корона прекратила отпускъ денегъ инквизиторамъ. Въ 1409 г. Александръ V предписалъ своему легату, кардиналу Св. Сусанны, изыскать средства для покрытія расходовъ инквизитора, его товарища, нотаріуса и служителя; послѣдній предложилъ, чтобы или евреи Авиньона уплачивали триста ливровъ золотомъ, или чтобы каждый епископъ уплачивалъ расходы инквизитора за все время пребыванія его въ епархіи, или чтобы каждый епископъ доставлялъ ежегодно по

[1]) D'Argentré, op. cit., I, II, 340.

[2]) D'Argentré, op. cit., I, II, 346.

[3]) Wadding. ann. 1375, № 17; 1418, №№ 1, 2; 1419, № 2; 1434, №№ 2, 3; 1472, № 24.— Ripoll, II, 522, 566—9, 637, 644; III, 487; IV, 6.

Библиотека "Руниверс"

десять флориновъ за счетъ духовныхъ завѣщаній, сдѣланныхъ съ благотворительною цѣлью. Какой изъ этихъ проектовъ былъ принятъ, мы не знаемъ; повидимому, всѣ они остались на бумагѣ, такъ какъ въ 1418 г. Мартинъ V писалъ нарбоннскому архіепископу, чтобы онъ изыскалъ средства на покрытіе неотложныхъ нуждъ Инквизиціи. При подобныхъ условіяхъ невольно рождается вопросъ, что же было привлекательнаго въ должности инквизитора? Быть-можетъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ петиція, поданная въ 1418 г. жителями Авиньона въ пользу евреевъ. Покровительство, оказанное авиньонскими папами этому гонимому народу, превратило городъ въ еврейскій центръ. Они приносили городу огромную пользу, которую населеніе цѣнило, но, съ другой стороны, ихъ безустанно преслѣдовали инквизиторы, которые возбуждали противъ нихъ дѣла безъ всякаго основанія, но не безъ выгоды для себя. Мартинъ благосклонно принялъ ходатайство; и паденіе Инквизиціи было настолько глубоко, что папа предоставилъ евреямъ право назначать засѣдателя, который сидѣлъ бы рядомъ съ инквизиторомъ при разборѣ всѣхъ дѣлъ, касающихся евреевъ [1]).

Однако, Инквизиція продолжала проявлять извѣстную дѣятельность въ своей области. Ниже мы увидимъ, что Пьеръ д'Айльи, епископъ Камбрэ, преслѣдуя въ 1411 г. Hommes d'Intelligence, пригласилъ къ участію въ судѣ мѣстнаго инквизитора, бывшаго пріоромъ доминиканскаго монастыря Св. Кентина въ Вермандуа. Въ 1430 г. инквизиторъ вмѣстѣ съ епископомъ Турнэ сжегъ нѣсколько еретиковъ въ Лиллѣ. Въ 1431 г. Филиппъ Добрый приказалъ своимъ чиновникамъ приводить въ исполненіе всѣ приговоры бр. Генриха Калейзера, котораго доминиканскій провинціалъ Германіи назначилъ инквизиторомъ въ Лилль и Камбрэ. Въ этомъ случаѣ провинціалъ Германіи открыто нарушалъ право своего парижскаго товарища, пользуясь, несомнѣнно, политическими неурядицами минуты. Изъ указа Филиппа Добраго видно, что примѣръ контроля и наблюденія, данный парламентомъ, не прошелъ безслѣдно, такъ какъ чиновникамъ предписывалось производить аресты только въ томъ случаѣ, если было произведено предварительное слѣдствіе, и если были соблюдены всѣ законныя формальности. Ниже я буду имѣть случай вернуться къ той роли, которую Инквизиція сыграла въ дѣлѣ Жанны д'Аркъ. Въ настоящемъ случаѣ я только напомню о назначеніи папою Евгеніемъ IV бр. Жана Граверана инквизиторомъ въ Руанъ, гдѣ онъ раньше исполнялъ эту обязанность; преемникомъ ему въ 1433 г. былъ назначенъ бр. Себастьянъ д'Аббе, папскій духовникъ и капелланъ. Отлученіе отъ Церкви производило все меньше и меньше дѣйствія, и около 1415 г. инквизиторъ Жанъ дю Пюи поднялъ по этому поводу преслѣдованіе противъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ; они обратились съ жалобой на Констанцскій соборъ, и въ 1418 г. дѣло было передано на разсмотрѣніе архіепископа. Въ 1435 г. Евгеній IV издалъ приказъ, чтобы инквизиторы преслѣдовали всякаго, находящагося въ теченіе нѣсколько лѣтъ подъ отлученіемъ, если онъ не считаетъ нужнымъ просить отпущенія [2]).

Когда англичане были окончательно изгнаны изъ Франціи, то Николай V нашелъ время благопріятнымъ для того, чтобы возстановить Инквизицію и поставить ее болѣе прочно. Булла отъ 1 августа 1451 г., посланная на имя инквизитора Франціи Гуго Чернаго, опредѣляетъ предѣлы его власти; его юрисдикція, говорится въ буллѣ, распространяется не только на королевство Францію, но и на герцогство Аквитанское, на Гасконь и Лангедокъ. За исключеніемъ восточныхъ провинцій, всѣ земли были объединены въ одну епархію, центромъ которой была, по всей вѣроятности, Тулуза. Въ то же время папа поручалъ инквизитору вѣдѣніе всѣхъ преступленій, подсудность которыхъ Инквизи-

[1]) Wadding. ann. 1409, № 13; 1418, №№ 1, 2, 4.

[2]) Baluz et Mansi, I, 288—93.—Arch. Gen. de Belgique, Papiers d'État, V. 4, 5.—Mss. Bib. Nat., fonds Moreau, 444, fol. 10.—Ripoll, II, 533; III, 6, 8, 21, 193.

Библиотека "Руниверс"

зиціи была до сихъ поръ спорной; таковы: богохульство, святотатство, колдовство, преступленія противоестественнаго характера. Мало того, инквизиторъ былъ освобожденъ отъ обязательной до того времени совмѣстной работы съ епископомъ; онъ получалъ право вести всѣ дѣла и выносить рѣшенія, не приглашая на совѣщаніе епископа. Лѣтъ двѣсти тому назадъ эти огромныя прерогативы сдѣлали бы Гуго почти всемогущимъ, но теперь было уже поздно; Инквизиція пала такъ низко, что ничто не могло поднять ее. Въ 1458 г. францискапскій министръ Бургундіи обрисовалъ Пію II печальное состояніе этого института въ обширныхъ земляхъ, находившихся въ вѣдѣніи францискапскаго ордена и охватывавшихъ большія архіепископіи Ліона, Віенны, Арля, Э, Эмбрена, Тарантезы и занимавшихъ оба берега Роны и значительную часть Савойи. Всю эту область подъ надзоръ бургундскаго министра передалъ Климентъ IV еще въ XIII ст., но со временемъ надзоръ этотъ сдѣлался совершенно номинальнымъ. Честолюбивымъ монахамъ удавалось получать полномочія непосредственно отъ папы, и поэтому они дѣйствовали въ качествѣ инквизиторовъ въ разныхъ округахъ, не признавая никого, кромѣ самихъ себя; другіе самовольно, безъ всякаго назначенія, принимали на себя инквизиторскія обязанности, и не было возможности прекратить эти злоупотребленія. Скандалы происходили часто, населеніе было угнетено, орденъ былъ предметомъ презрѣнія. Пій II поспѣшилъ вмѣшаться: онъ немедленно поднялъ авторитетъ министра, давъ ему право отрѣшать propriо motu даже тѣхъ инквизиторовъ, у которыхъ были полномочія отъ папы [1]).

Эта реформа не произвела особаго эффекта. Уже въ томъ же самомъ 1458 г. ліонскій инквизиторъ, бр. Бернаръ Трему, жестокость котораго возбудила всеобщую къ нему вражду, былъ заключенъ гражданами въ тюрьму, и Пію II, равно какъ и его легату, кардиналу Алано, пришлось немало потрудиться, чтобы добиться его освобожденія. Съ другой стороны, курія была настолько продажна и испорчена, что отъ нея нельзя было ожидать никакихъ серьезныхъ реформъ: три года спустя послѣ того, какъ Пій II отдалъ всю страну въ вѣдѣніе бургундскаго министра, онъ же самъ возобновилъ старыя злоупотребленія, назначивъ инквизиторомъ въ Гренобль бр. Варѳоломея Эгерскаго; и мы смѣло можемъ предполагать, что подобныя назначенія дѣлались за деньги или изъ личныхъ отношеній; назначенные нападали на свои округа, какъ спущенные съ цѣпи, и старались извлечь доходы съ напуганныхъ жителей; иначе трудно объяснить общераспространенную формулу, которая заключала въ себѣ назначеніе инквизитора Франціи на должность: «sans préjudice de tous autres inquisiteurs autorisés par nous ou par d'autres». Это было какъ бы каперное свидѣтельство, дававшее пирату право грабить вѣрныхъ. Интересно назначеніе въ 1478 г. на должность инквизитора Буржа, бр. Петра Кордра, исповѣдника герцога Іоанна Бурбонскаго; оно шло совершенно въ разрѣзъ съ мѣропріятіями, принятыми Николаемъ V для объединенія инквизиціи въ королевствѣ. Безполезно перечислять всѣ подобныя назначенія; папы назначали инквизиторовъ то для всего королевства Франціи, то для отдѣльныхъ областей; несомнѣнно, это приносило извѣстную пользу, но, конечно, не для религіи и Церкви [2]).

Естественно, что назначенія на однѣ и тѣ же должности одновременно разными лицами влекли къ недоразумѣніямъ, и нерѣдко происходили случаи, подобные слѣдую-

[1]) Ripoll, III, 301. -Wadding. ann. 1458, № 12.

[2]) Wadding. ann. 1438, № 13; 1461, № 3.—Ripoll, III, 317, 423. 487; IV, 103, 217, 303, 304, 356, 373.

На поляхъ рукописи «Practica» Бернара Ги, хранящейся въ настоящее время въ муниципальной библіотекѣ Тулузы, имѣется помѣтка, свидѣтельствующая, что въ 1483 г., тулузская инквизиція одолжила этотъ трудъ доминиканцамъ Бордо, пожелавшимъ снять съ него копію; слѣдовательно, въ Бордо была инквизиція, а инквизиторы, очевидно, нуждались въ указаніяхъ, какъ отправлять свои обязанности (Molinier, «L'Inq. dans le Midi de la France», 201).

Библиотека "Руниверс"

щему: 13 сентября 1478 г. умеръ каркассонскій инквизиторъ, и доминиканскій провинціалъ въ силу предоставленной ему папою власти собралъ совѣтъ и назначилъ на мѣсто покойнаго инквизитора бр. Іоанна, который, какъ магистръ богословія и человѣкъ, имѣющій болѣе сорока лѣтъ отъ роду, имѣлъ право на этотъ постъ; но тамъ уже поселился другой, который собиралъ доходы и не желалъ удалиться; тогда назначенный законно инквизиторъ провозгласилъ отрѣшеніе своего соперника отъ должности. Очевидно, были незаконные источники доходовъ, которые придавали жаръ этимъ исканіямъ [1]).

Около этого же времени случилось нѣсколько дѣлъ, изъ которыхъ ясно видно, какъ силенъ сталъ духъ критическаго отношенія и до какого подчиненнаго положенія дошла Инквизиція. Въ 1459 г. былъ сожженъ въ Лиллѣ еретикъ, извѣстный подъ именемъ Альфонса Португальскаго. Онъ велъ строгую жизнь аскета, усердно посѣщалъ церкви, но въ то же время утверждалъ, что послѣ смерти Григорія Великаго не было ни одного истиннаго папы, и поэтому совершенныя за это время таинства не имѣли значенія. До насъ дошло все дѣло, но нигдѣ въ немъ не упоминается объ участіи Св. Трибунала. Еще болѣе поучительно дѣло Жана Лайлье бывшее въ 1484 г. Это былъ парижскій священникъ, лиценціатъ богословія и кандидатъ на степень доктора. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ проявилъ чрезвычайную смѣлость, а именно: онъ отрицалъ целибатъ, ссылался на Виклефа какъ на великаго ученаго, отвергалъ главенство Рима, авторитетъ преданія и декреталій; Іоаннъ XXII, говорилъ онъ, не имѣлъ никакого права осудить Жана де Пуальи; Св. Францискъ не только не занимаетъ на небѣ свободнаго престола Люцифера, а скорѣе сидитъ въ аду рядомъ съ этимъ духомъ зла; со времени Сильвестра Святой Престолъ занимали люди алчные и деспотичные, канонизовавшіе святыхъ за деньги. Былой авторитетъ Церкви надъ совѣстью вѣрующихъ сталъ настолько слабъ, что эти мятежныя рѣчи не вызвали, повидимому, никакого отпора даже со стороны Инквизиціи. Лайлье, недовольный этой терпимостью, потребовалъ отъ университета докторскаго званія. Ему отказали, заявивъ, что онъ не будетъ допущенъ до предварительнаго диспута раньше, чѣмъ не исправится, не понесетъ епитиміи и не получитъ одобренія Св. Престола. Въ отвѣтъ на это Лайлье смѣло обратился къ парламенту, который въ то время, по молчаливому признанію всѣхъ, пользовался высшею юрисдикціей въ духовныхъ вопросахъ, и просилъ его приказать университету дать ему ученую степень. Парламентъ, не сомнѣваясь въ своей компетентности, разсмотрѣлъ дѣло, но вынесъ рѣшеніе, неблагопріятное для Лайлье; онъ поручилъ парижскому епископу взять инквизитора и четырехъ докторовъ, избранныхъ университетомъ, и начать преслѣдованіе непокорнаго священника. Епископъ и инквизиторъ рѣшили дѣйствовать независимо одинъ отъ другого и только сообщать другъ другу ходъ дѣла. У Лайлье были, несомнѣнно, могущественные покровители, такъ какъ епископъ, не посовѣтовавшись ни съ инквизиторами, ни съ экспертами, приговорилъ подсудимаго принести частичное отреченіе отъ своихъ словъ и публичное отреченіе, составленное въ умѣренныхъ и скромныхъ выраженіяхъ; затѣмъ 23 іюня 1486 г. онъ вынесъ ему оправданіе, объявивъ его внѣ всякаго подозрѣнія въ ереси и провозгласивъ достойнымъ всякихъ почестей и степеней. Инквизиторъ Жанъ Коссаръ, собравшій массу доказательствъ преступности рѣчей Лайлье, сообщилъ собранный имъ матеріалъ епископу, епископъ не обратилъ на него никакого вниманія, и инквизиторъ молча перенесъ это оскорбленіе. Но университетъ полагалъ, что въ этомъ дѣлѣ затронута его честь, и не былъ расположенъ смириться. 6 ноября 1486 г. онъ обнародовалъ формальный протестъ противъ рѣшенія епископа, подалъ апелляцію папѣ и просилъ a p o s t o l i. Папа немедленно отмѣнилъ рѣшенія епископа, приказалъ инквизитору заключить Лайлье въ тюрьму и совмѣстно съ архіепископомъ Сана и епископомъ Мо раз-

[1]) Formularium Advocatorum et Procuratorum Romanae Curiae, fol. LXII (Basilea, 1493).

Библиотека "Руниверс"

слѣдовать ереси, отъ которыхъ не отрекся Лайле; затѣмъ все дѣло должно было быть переслано въ Римъ, гдѣ и будетъ произнесенъ приговоръ. Въ этомъ дѣлѣ папа выражаетъ нерѣшительность, которая даетъ понять, что Лайле пользовался очень сильной поддержкой. Опасаясь, чтобы не было оказано давленія на университетъ, и чтобы не заставили его дать Лайле докторскую степень, Иннокентій VIII заранѣе объявляетъ, что подобное рѣшеніе не будетъ имѣть силы, и приказываетъ всѣмъ заботящимся объ этомъ прекратить свои старанія, угрожая имъ, что въ противномъ случаѣ они навлекутъ на себя подозрѣніе въ ереси. Но особенно удивительно, что епископъ Мо, назначенный папою участвовать въ дѣлѣ Лайле, находился въ это время подъ интердиктомъ университета за возобновленіе ереси Доната и за утвержденіе, что таинства, совершаемыя нечистыми руками, не имѣютъ никакого значенія; евхаристія, совершаемая священникомъ, живущимъ въ блудѣ, говорилъ онъ, стоитъ столько же, сколько собачій лай. Не одинъ вальденецъ былъ сожженъ за меньшее преступленіе, но въ данномъ случаѣ инквизиторъ долженъ былъ молчать. Не видимъ мы также, чтобы Инквизиція вмѣшалась въ дѣло Жана Ланглуа, священника церкви св. Криспина, который 3 іюня 1491 г., во время богослуженія, къ великому ужасу молящихся, бросилъ на полъ и растоптalъ Святые Дары; святотатецъ упорно утверждалъ, что тѣло и кровь Христа не были пресуществлены въ Святыхъ Дарахъ; онъ рѣшительно отказался отречься и былъ сожженъ на кострѣ. Подобный же поступокъ совершилъ 25 августа 1503 г. Аймонъ Пикаръ, который вырвалъ въ церкви изъ рукъ священника Дары, бросилъ ихъ на полъ и отказался покаяться. Все это были предвѣстники близкаго будущаго, когда Инквизиція сдѣлалась болѣе необходимой, чѣмъ когда-либо прежде [1]).

Чтобы судить, до какой степени паденія дошла въ это время Инквизиція, достаточно познакомиться съ документомъ, которымъ въ 1485 г. бр. Антоній Кледскій назначилъ вмѣсто себя викарія въ Родезъ и Вабръ; въ этомъ документѣ онъ именуетъ себя инквизиторомъ Франціи, Аквитаніи, Гаскони, Лангедока, уполномоченнымъ Св. Престоломъ и парламентомъ; другими словами обѣ власти признавались равными, и назначеніе, исходящее отъ папы, чтобы получить законную силу, нуждалось въ утвержденіи королевскаго трибунала. Даже и духовенство относилось къ Инквизиціи съ презрѣніемъ. Въ этомъ отношеніи интересна мелкая ссора инквизитора Раймунда Гозена съ его собратьями-доминиканцами. Когда около 1516 г. Раймундъ Гозенъ замѣнилъ покойнаго Гальяра де-ла-Рошъ, то онъ не нашелъ въ помѣщеніи инквизитора въ Тулузѣ ни мебели, ни утвари: все было утащено монахами доминиканскаго монастыря. По его настоятельнымъ требованіямъ монахи вернули часть вещей, но тотчасъ же потребовали ихъ назадъ. Онъ отказалъ; тогда монахи послали черезъ генералъ-министра ордена инструкціи викарному; послѣдній, въ силу полученныхъ инструкцій, проявилъ въ отношеніи инквизитора открытое насиліе, не обращая вниманія на то, что Гозенъ подалъ жалобу папѣ. Въ концѣ концовъ, инквизитору удалось въ 1520 г. добиться вмѣшательства папы Льва X [2]).

Споръ, по всей вѣроятности, обострялся еще благодаря неизбѣжной зависти, существовавшей между низшимъ классомъ ордена и его пуританской частью, извѣстной подъ именемъ Реформированной Конгрегаціи, генеральнымъ викаріемъ которой былъ Раймундъ Гозенъ; и настойчивость, съ которой онъ добивался возвращенія своей обстановки, объясняется, несомнѣнно, его намѣреніемъ обратить домъ Инквизиціи въ монастырь Реформаторовъ. Огромныя помѣщенія, въ которыхъ нуждалась Инквизиція во время своего высшаго расцвѣта, въ настоящее время, конечно, не были ей нужны. Первоначально (до 1230 г.)

---

[1]) Mémoires de Jacques du Clercq, Liv. III, c. 43.—D'Argentré, op. cit., I, II, 308—18, 319—20, 323, 347.

[2]) Bremond, ap. Ripoll, IV, 373.—Ripoll, IV, 390.

Библиотека "Руниверс"

это было помѣщеніемъ доминиканскаго ордена; въ немъ была церковь съ тремя алтарями, трапезная, кельи, комнаты для монаховъ и ихъ гостей, помѣщенія для отшельниковъ и два сада. Одобряя предположенныя реформы, Левъ X постановилъ, что для нуждъ Инквизиціи достаточно особой залы и приспособленныхъ подъ канцелярію помѣщеній. Однако, вредная власть Инквизиціи все еще не была уничтожена окончательно; въ 1521 г. Іоаннъ Боммъ, доминиканскій пріоръ въ Безансонѣ, имѣлъ еще удовольствіе сжечь торжественно двухъ оборотней [1]).

Вальденская ересь представляетъ такой интересный и обособленный эпизодъ въ общей исторіи преслѣдованій, что я умышленно не упоминалъ до сихъ поръ объ этой сектѣ, желая дать отдѣльно краткій очеркъ отношеній къ ней Инквизиціи. Послѣ уничтоженія катаровъ вальденцы были единственными еретиками во Франціи, дававшими для Инквизиціи достойное ея поле дѣйствія. Хотя вальденцы въ Лангедокѣ не были столь могущественны и численны, какъ катары, однако, они пользовались тамъ бо́льшимъ значеніемъ. Ряды ихъ обыкновенно пополнялись изъ низшихъ слоевъ населенія, и мы знаемъ немногихъ знатныхъ, принадлежавшихъ къ ихъ сектѣ. Насколько многочисленны были вальденцы, и насколько энергично дѣйствовали они, мы можемъ видѣть изъ списка приговоровъ, вынесенныхъ Петромъ Селлой въ Керси въ 1241 и 1242 гг. Такъ, напр., число дѣлъ, въ которыхъ упоминается о вальденцахъ, было слѣдующее:

Гурдонъ	55	дѣлъ	изъ	219
Монкюкъ	44	»	»	84
Совтеръ	1	»	»	5
Белькейръ	3	»	»	7
Монтобанъ	175	»	»	252
Мойсакъ	1	»	»	94
Монпеза	0	»	»	22
Монто	0	»	»	23
Кастельно	1	»	»	11

Несомнѣнно, во многихъ случаяхъ говорится только, что обвиняемый видѣлъ вальденцевъ или имѣлъ съ ними сношенія, но по этому списку мы можемъ вывести заключеніе о томъ, въ какихъ мѣстностяхъ вальденская ересь была наиболѣе распространена. Такъ, напр., главнымъ центромъ ереси въ провинціи былъ Монтобанъ; много было еретиковъ также въ Гурдонѣ и Монкюкѣ.

Они имѣли правильную организацію: у нихъ были свои начальныя школы, гдѣ, безъ сомнѣнія, ихъ ученіе влагалось въ умы дѣтей, родители которыхъ были католиками; у нихъ были свои кладбища, гдѣ они хоронили своихъ мертвыхъ; ихъ дѣятельные миссіонеры обходили всю страну, проповѣдуя вѣру и не требуя за это ничего, кромѣ гостепріимства. Въ дѣлахъ часто упоминается имя нѣкоего Петра де Во (Vaux), бывшаго однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ и уважаемыхъ ихъ наставниковъ; по словамъ одного изъ его учениковъ на него смотрѣли какъ на «свѣтлаго ангела». Имъ были обычны проповѣди на открытой улицѣ; часто упоминается также о диспутахъ между министрами вальденцевъ и Совершенными катаровъ. Но въ общемъ отношенія между обѣими сектами были дружественныя, и мы находимъ даже такихъ людей, которые считали себя вальденцами и въ то же время признавали adoratio катаровъ. Въ соединявшей ихъ общей ненависти къ Риму они всякую не католическую религію считали хорошей. Много помогала вальденцамъ въ ихъ пропагандѣ своего ученія слава ихъ какъ хорошихъ врачей; ихъ постоянно приглашали къ больнымъ и раненымъ, и почти никогда не брали они за свои совѣты ничего, кромѣ пищи. Одна женщина показала, что врачу катару она заплатила

[1]) Ripoll, IV, 376.—Wieri «de Praestig. Daemon». Lib. VI, c. 11.

Библиотека "Руниверс"

за совѣтъ сорокъ су, тогда какъ врачамъ вальденцамъ она давала только вина и хлѣба. Говорится также о томъ, что они принимали исповѣдь и налагали епитиміи, что они отправляли обрядовую вечерю, на которой благословляли хлѣбъ и рыбу, которые раздѣлялись между присутствующими. Хлѣбъ, освященный министрами знакомъ креста, считался у нихъ освященнымъ. Несмотря на энергичную дѣятельность и сильную организацію секты, мы видимъ, что Петръ Селла менѣе строго относился къ вальденцамъ, чѣмъ къ катарамъ, и налагалъ на нихъ обыкновенно болѣе легкія епитиміи [1]).

Изъ Ліона вальденская ересь распространилась какъ къ сѣверу и востоку, такъ къ югу и западу. Интересный фактъ: катарамъ никогда не удавалось прочно основаться за предѣлами романскихъ странъ, между тѣмъ вальденцы уже съ 1192 г. были настолько многочисленны въ Лотарингіи, что епископъ Туля долженъ былъ принять противъ нихъ мѣры. Онъ приказалъ хватать ихъ и скованными приводить къ нему на судъ; въ награду за это онъ объщалъ отпущеніе грѣховъ и дошелъ даже до того, что заявилъ, что онъ приметъ на себя обязанности кормить и одѣвать ихъ, если католики за преслѣдованіе этихъ сектантовъ будутъ изгнаны изъ своихъ жилищъ. Во Франшконтэ Жанъ, графъ Бургундскій, свидѣтельствовалъ о сильномъ распространеніи секты и просилъ въ 1248 г. Иннокентія IV ввести Инквизицію въ его владѣніяхъ, гдѣ вальденцы, несомнѣнно, могли размножиться благодаря спокойствію, наступавшему послѣ прекращенія дѣятельности Святого Трибунала въ 1257 г. Въ 1251 г. нарбоннскій архіепископъ осудилъ вальденцевъ на пожизненное тюремное заключеніе. Однако, наиболѣе вѣрное убѣжище нашли себѣ вальденцы въ горахъ Оверня, въ Альпахъ и у подошвы Альповъ, между Женевой и Средиземнымъ моремъ. Въ то время, какъ Петръ Селла накладывалъ наказанія на вальденцевъ Керси, архіепископъ Эмбренскій дѣятельно занимался ими въ Фрейсиньерѣ, Аржантьерѣ и Валь-Шютѣ,—мѣстностяхъ, долгое время служившихъ имъ какъ бы крѣпостями. Когда въ 1251 г. въ Бокерѣ Альфонсъ и Жанна, вступивъ въ права владѣнія, гарантировали Авиньону и графству Венессенъ ихъ свободы, то епископъ-легатъ Зонъ убѣдительно просилъ ихъ уничтожить вальденцевъ въ этихъ странахъ. Въ городскихъ законахъ Авиньона и Арля были статьи, достаточныя для истребленія «еретиковъ и вальденцевъ», но мѣстныя городскія власти не любили примѣнять ихъ; тогда ихъ заставили дать присягу, что они уничтожатъ вѣроотступниковъ. Въ большинствѣ вальденцы были простые жители горъ, у которыхъ нечего было конфисковать, и гораздо выгоднѣе было преслѣдовать богатыхъ катаровъ. Правда, съ 1271 по 1274 г. каркассонскій сенешаль, Гильемъ де Кобардонъ, побуждалъ инквизиторовъ энергичнѣе дѣйствовать противъ вальденцевъ, и тогда число обвиненій значительно увеличилось; но между прибрежными общинами Роны, общинами многолюдными, Инквизиція была введена сравнительно поздно: въ графствѣ Венессенъ только въ 1288 г., а въ Дофинэ въ 1292 г., когда распространеніе ереси приняло угрожающіе размѣры. Въ 1288 г. отмѣчаютъ также ростъ не католическаго населенія въ провинціяхъ Арля, Э и Эмбрена: Николай IV послалъ въ этомъ году дворянамъ и магистратамъ этихъ провинцій эдикты Фридриха II съ приказаніемъ строго примѣнять ихъ, а инквизиторы по этому случаю получили отъ него правила судопроизводства [2]).

---

[1]) Coll. Doat, XXI, 197, 203, 208, 223, 225, 232, 233, 234, 236, 238, 241, 244, 250, 252, 254, 261—2, 263, 264, 265, 266, 267, 269, 270, 271, 275, 276, 281, 282, 289, 296.

Быть-можетъ, здѣсь не лишне будетъ отмѣтить слѣдующій фактъ. Владѣлецъ замка Монсегюра, Раймундъ де Перелль, и его товарищи во время ихъ процесса выдали очень много катаровъ, но заявили, что не знали ничего относительно вальденцевъ; это, повидимому, указываетъ на то, что между этими двумя сектами было мало сношеній (Doat, XXII, 217; XXIII, 344; XXIV, 8).

[2]) Statut. Synod. Odonis Tullensis, ann. 1192, c. IX, X (Martène, «Thesaur.» IV, 1180).—Ripoll, I, 183.—Douais, «Les sources de l'histoire de l'inquis.» («Revue des Questions Histo-

Библиотека "Руниверс"

Около этого же времени произошелъ интересный случай съ однимъ священникомъ, по имени Жанъ Филиберъ. Его послали изъ Бургундіи въ Гасконь поймать одного бѣжавшаго вальденца; онъ преслѣдовалъ его до Оха, гдѣ нашелъ многолюдную общину послѣдователей этой секты; у нихъ происходили правильныя собранія, они проповѣдывали и исполняли свои обряды, въ то же время исправно посѣщая церкви для устраненія всякаго подозрѣнія. Ихъ евангельское благочестіе такъ увлекло его, что онъ, исполнивъ свою миссію, вернулся въ Охъ и открыто присоединился къ нимъ. Затѣмъ онъ вернулся въ Бургундію, гдѣ навлекъ на себя подозрѣніе; его въ 1298 г. представили безансонскому инквизитору, онъ отказался принести присягу, и его заключили въ тюрьму, гдѣ онъ отрекся отъ своихъ заблужденій; но, выпущенный на свободу, онъ снова присоединился къ вальденцамъ Гаскони, снова былъ арестованъ и приведенъ въ 1311 г. къ Бернару Ги, который сжегъ его, наконецъ, въ 1319 г. какъ еретика-рецидивиста. Въ 1302 г. говорится о двухъ вальденскихъ министрахъ, которые ходили по окрестностямъ Кастра, пробираясь по ночамъ изъ деревни въ деревню и ревностно проповѣдуя свое ученіе; однако, несмотря на эту энергичную дѣятельность вальденскихъ миссіонеровъ, мы не видимъ, чтобы въ эту эпоху вальденцы подвергались серьезному преслѣдованію. Въ теченіе нѣкотораго времени Инквизиціи мѣшали дѣйствовать ея несогласія съ Филиппомъ Краснвымъ и Климентомъ V; а когда она, ни отъ кого независимая, могла возобновить свою дѣятельность, то вся ея энергія была поглощена Петромъ Отье и его учениками. Приговоры Бернара Ги въ Тулузѣ начинаются съ 1308 г., но только съ ауто-да-фе 1316 г. мы находимъ вальденцевъ между его жертвами; тогда былъ присужденъ къ пожизненному тюремному заключенію одинъ вальденецъ, а другой сожженъ какъ не раскаявшійся еретикъ. Ауто 1319 г. для многихъ было избавленіемъ, такъ какъ мы находимъ въ немъ имена несчастныхъ, сознанія которыхъ восходятъ къ 1309, 1311, 1312 и 1315 гг.; на этомъ ауто восемнадцать вальденцевъ были осуждены на паломничества, причемъ нѣкоторымъ нашили кресты; двадцать-шесть были приговорены къ пожизненному тюремному заключенію, и трое сожжены. На ауто 1321 г. были сожжены мужъ и жена, отказавшіеся отречься отъ заблужденій. На ауто 1322 г. восемь человѣкъ были осуждены на паломничества, причемъ пятерымъ изъ нихъ нашили кресты; двое были приговорены къ тюрьмѣ, и было вырыто и сожжено шесть труповъ; кромѣ того, братъ одного осужденнаго былъ сожженъ въ Авиньонѣ. Вотъ все, сдѣланное Бернаромъ Ги съ 1308 по 1323 г.; и это не свидѣтельствуетъ объ энергичномъ преслѣдованіи. Быть-можетъ, не лишне замѣтить здѣсь, что всѣ еретики, наказанные въ 1319 г., были изъ Оха, между тѣмъ, какъ прозвище «Бургундцевъ», данное народомъ вальденцамъ, указываетъ на то, что Франшконтэ продолжалъ быть главнымъ центромъ ереси. Этотъ округъ былъ, дѣйствительно, центромъ ревностной пропаганды вальденскаго ученія, какъ это свидѣтельствуетъ упоминаніе о Жанѣ Лотарингскомъ, миссіонерѣ, дѣятельность котораго была чрезвычайно успѣшна. Но, впрочемъ, факты показываютъ, что безансонская инквизиція въ это время дѣйствовала энергично. На ауто 1322 г. многіе осужденные были бѣглецами, пришедшими изъ Бургундіи, гдѣ вальденская Церковь, судя по тому, что у вальденцевъ былъ тамъ свой провинціалъ по имени Жираръ, имѣла правильную организацію и іерархію [1]).

Въ своихъ Practica Бернаръ Ги даетъ намъ цѣнное изложеніе вальденскаго ученія въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ его время, послѣ полуторавѣкового преслѣдованія. Больше уже не было надежды на возсоединеніе секты съ римскою Церковью: преслѣдованіе

riques», окт. 1881, стр. 434).—Peyrat, «Les Alb. et l'Inquis.», III, 74.—Chabrand, «Vaudois et Protestants des Alpes», Гренобль, 1886, стр. 34. Havet, «L'hérésie et le bras séculier» («Bib. de l'École des Chartes», 1880, стр. 585).—Vaissete, IV, 17.—A. Molinier (Vaissete, изд. Privat, VI, 819).—Wadding. ann. 1288, №№ 14—15, 1292, № 3.—Raynald. ann. 1288, №№ 27—8.

[1]) Lib. Sentent. Inq. Tolosan., 200—1, 207—8, 216—43, 252—4, 262—5, 289—90, 340—7, 352, 355, 364—6.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 7 и сл.).

Библиотека "Руниверс"

сдѣлало свое дѣло, и вальденцы окончательно порвали съ католичествомъ; они только свою Церковь считали истинною, Церковь папы была въ ихъ глазахъ обиталищемъ лжи, на громы которой не стоило обращать вниманія, и указы которой можно безнаказанно нарушать. У нихъ были епископы, священники и діаконы. Ежегодно въ одномъ изъ большихъ городовъ собирались два или три главныхъ капитула, назначали духовныхъ лицъ и устанавливали, какія мѣры слѣдуетъ принять въ дѣлѣ миссіи. Вальденское духовенство, однако, не имѣло въ себѣ сверхъ-естественнаго могущества. Вальденцы, правда, вѣрили въ пресуществленіе, но обращеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Іисуса Христа зависѣло отъ нравственной чистоты совершавшаго богослуженіе. Человѣкъ грѣшный не могъ освятить Святые Дары, тогда какъ это чудо могло совершиться въ рукахъ всякаго перваго встрѣчнаго, мужчины или женщины все равно, лишь бы они были добродѣтельны. Такъ же смотрѣли и на отпущеніе грѣховъ; право вязать и разрѣшать было дано Христомъ непосредственно всякому, кто принималъ исповѣдь и накладывалъ епитиміи. Антисацердотальный характеръ былъ одной изъ отличительныхъ чертъ этой упрощенной вѣры. Она не знала Чистилища; поэтому заупокойныя обѣдни и обращеніе къ посредничеству святыхъ были излишни; и вообще святые никого не слушали и никому не помогали; мнимыя чудеса, творимыя отъ ихъ имени въ церквахъ, были обманомъ; не надо было соблюдать постовъ и предписанныхъ календаремъ праздниковъ; индульгенціи, выгодно продаваемыя римской Церковью, ничего не стоятъ. Клятва и человѣкоубійство были безусловно запрещены. Остатокъ традиціоннаго стремленія къ аскетизму побуждалъ ихъ вести образъ жизни въ родѣ монашескаго братства, члены котораго отрекались отъ всякой личной собственности и давали обѣтъ цѣломудрія и послушанія высшему. Если судить по краткости его упоминанія, то Бернаръ Ги не придавалъ большого значенія исторіямъ о свальномъ грѣхѣ, который происходилъ будто бы на ихъ ночныхъ собраніяхъ; но, впрочемъ, онъ упоминаетъ объ этомъ, какъ и о народномъ вѣрованіи въ то, что на собранія вальденцевъ приводили собаку, которая хвостомъ окропляла присутствовавшихъ [1]).

Ученіе вальденцевъ, заключавшее въ себѣ также и непротивленіе злу, дѣлало этихъ еретиковъ вообще легкою добычею инквизитора. Однако, иногда человѣческая природа брала свое. Жестокое преслѣдованіе, предпринятое въ это время инквизиторомъ Прованса, бр. Іаковомъ Бернаромъ, вызвало кровавое возмездіе. Въ 1321 г. Іаковъ Бернаръ поручилъ братьямъ Каталану Фабри и Петру Паскалю произвести разслѣдованіе въ епархіи Валанса. Прежнія попытки этого рода оставили въ населеніи города живое чувство злобы. Множество гражданъ было присуждено къ унизительному ношенію крестовъ. При приближеніи новыхъ инквизиторовъ осужденные и ихъ друзья поклялись отомстить за себя. Составили заговоръ съ цѣлью убить инквизиторовъ въ деревнѣ, гдѣ они должны были остановиться на ночь; но по какому-то случаю инквизиторы измѣнили свой планъ и остановились немного дальше, въ пріорствѣ Монтуазона. Заговорщики послѣдовали за ними туда, выломали дверь и убили обоихъ монаховъ. Странная вещь: пріоръ Монтуазона былъ обвиненъ въ соучастіи въ убійствѣ и арестованъ вмѣстѣ съ убійцами. Тѣла убитыхъ были торжественно погребены въ францисканскомъ монастырѣ, и скоро святость ихъ проявилась въ цѣломъ рядѣ чудесъ. Іоаннъ XXII уже хотѣлъ ихъ канонизовать, но вспыхнувшая между нимъ и францисканцами ссора заставила его отложить это намѣреніе, такъ какъ онъ нашелъ неудобнымъ увеличивать число святыхъ этого ордена [2]).

Нѣсколько вальденцевъ было захвачено во время преслѣдованія, поднятаго въ 1328 и 1329 гг. каркассонскимъ инквизиторомъ, Генрихомъ Шамэ. По нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ мы въ правѣ заключить, что преслѣдованіе въ слѣдующіе годы никогда не

---

[1]) Bernard. Guidon. «Practica» P. V (Doat, XXX).

[2]) Wadding. ann. 1321, №№ 21—24.

Библиотека "Руниверс"

прекращалось совершенно; тѣмъ не менѣе, ересь продолжала расти. Послѣ исчезновенія катаризма вальденская вѣра осталась единственнымъ прибѣжищемъ для простыхъ душъ, которыхъ Римъ не удовлетворялъ. Мистическое умозрѣніе Бегардовъ могло привлекать только немногихъ. Спиритуалы и Фратичелли были францисканцами-аскетами. Вальденцы же стремились только къ тому, чтобы вернуть христіанству его древнюю простоту; ученіе ихъ было доступно бѣднымъ и неграмотнымъ, и поэтому это ученіе все болѣе и болѣе проникало въ народъ, несмотря на всѣ усилія уже ослабленной Инквизиціи.

Въ 1335 г. Бенедиктъ XII просилъ Гумберта II, дофина Віеннскаго, и Адемара де Пуату оказать поддержку инквизиторамъ. Гумбертъ повиновался, и съ 1336 по 1346 г. были снаряжаемы походы противъ вальденцевъ, которые, выгнанные изъ своихъ жилищъ, оставили много плѣнныхъ въ рукахъ преслѣдователей. Нѣкоторые изъ этихъ еретиковъ отреклись, другіе были сожжены; имущества ихъ были конфискованы; кости покойниковъ вырыты изъ могилъ. Свѣтскіе и духовные сановники Эмбрена приняли участіе въ этихъ усиліяхъ подавить ересь, но не достигли прочныхъ результатовъ. Въ 1344 г. инквизиторъ тулузскій, бр. Жанъ Дюмоленъ, энергично напалъ на вальденцевъ въ Лангедокѣ, но только разсѣялъ ихъ по Беарну, графству Фуа и Арагоніи. Въ 1348 г. Климентъ VI снова обратился къ Гумберту съ горячимъ воззваніемъ, и послѣдній въ отвѣтъ на это послалъ своимъ чиновникамъ формальный приказъ помогать духовнымъ властямъ со всей строгостью, которую онѣ потребуютъ. На этотъ разъ было схвачено двѣнадцать вальденцевъ, которые были приведены въ Эмбренъ и сожжены на каѳедральной площади.

Когда Дофинэ сдѣлалось удѣломъ французской короны, то королевскіе чиновники также предложили свое содѣйствіе. 20 октября 1351 г. властямъ Безансона было предписано дать вооруженную помощь инквизитору въ его походѣ противъ еретиковъ Бріансонской области. Но, кажется, это приказаніе не было выполнено. Въ слѣдующемъ году Климентъ VI просилъ дофина Карла, Людовика и Жанну Неапольскихъ оказать содѣйствіе инквизитору Прованса, Петру Дюмону; одновременно съ этимъ онъ призывалъ прелатовъ и магистровъ служить святому дѣлу. Результатомъ этого воззванія, насколько намъ извѣстно, были различныя епитиміи, наложенныя въ 1353 г. инквизиторомъ Дюмономъ на семерыхъ вальденцевъ. Болѣе успѣшна была дѣятельность эмбренскаго архіепископа Гильомаде Бордъ, прозваннаго Апостоломъ вальденцевъ. Онъ дѣйствовалъ съ 1352 по 1363 г. и дѣйствовалъ не обычными способами, а кротостью и убѣжденіемъ; онъ самъ посѣщалъ горныя долины, и ему удалось вернуть многихъ еретиковъ въ лоно Церкви; но послѣ его смерти его пріемъ былъ оставленъ. Съ 1363 по 1365 г. Урбанъ V обращался съ горячими воззваніями къ свѣтской власти и понуждалъ инквизиторовъ Прованса, Гуго Кардильона и Жана Ричарда, дѣйствовать энергичнѣе. Въ это именно время выступаетъ на сцену знаменитый инквизиторъ Франсуа Борель. Вооруженныя экспедиціи были посланы въ горы, и успѣхъ ихъ былъ очень значителенъ: много упорствующихъ еретиковъ было сожжено, другіе спасли свою жизнь отреченіемъ; ихъ скудное имущество было конфисковано: у одного была единственная корова, у другого—двѣ коровы и бѣлыя одежды; у третьяго, болѣе богатаго, въ кошелькѣ нашли два флорина—жалкая добыча, которой не хватило даже на покупку дровъ для костра, такъ какъ за дрова, чтобы сжечь двухъ людей, было заплачено шестьдесятъ су и шесть денье. Одна сожженная женщина владѣла виноградникомъ; виноградъ собрали и виноградный сокъ помѣстили въ хижинѣ жертвы; ожесточенные сосѣди ночью подожгли хижину и, такимъ образомъ, лишили грабителей послѣдней добычи [1]).

Призванный въ 1370 г. на папскій престолъ Григорій XI скоро обратилъ свое

[1]) Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVII, 119 и сл. — Raynald. ann. 1335, № 63; 1344, № 9; 1352, № 20.— Chabrand, op. cit., 36—7.—Wadding. ann. 1352, № 14; 1363, №№ 14, 15; 1364, №№ 14, 15; 1365, № 3.—Lombard, «Pierre aldo et les Vaudois du Briançonnais», Женева, 1880 г., стр. 17, 20, 23—7.

Библиотека "Руниверс"

вниманіе на печальное положеніе Церкви въ Провансѣ, Дофинэ и Ліонской провинціи. Вся область была полна вальденцевъ, и даже много знатныхъ начало переходить въ ересь, и прелаты или не могли, или не хотѣли ничего дѣлать; Инквизиція ни откуда не имѣла поддержки. Папа энергично принялся за дѣло, назначилъ инквизиторовъ и возбудилъ рвеніе своихъ служителей; но вся система была уже настолько дискредитирована, что нельзя было ждать серьезныхъ результатовъ. Королевскіе чиновники далеки были отъ мысли оказывать содѣйствіе инквизиторамъ, а, наоборотъ, не стѣснялись мѣшать ихъ дѣятельности. Инквизиторамъ указывали, какъ на мѣста дѣйствій, на наиболѣе опасныя мѣстности; ихъ заставляли въ качествѣ ассессоровъ принимать свѣтскихъ судей; ихъ дѣлопроизводство подвергали пересмотру свѣтскихъ судовъ, даже выпускали на свободу арестованныхъ, не спрашивая ихъ согласія. Гражданскіе чиновники отказывались дать присягу въ томъ, что они очистятъ страну отъ ереси, и открыто поддерживали еретиковъ въ особенности, если преслѣдованіе направлялось противъ людей знатныхъ [1]).

Въ 1373 г. Григорій горячо жаловался Карлу Мудрому; но жалоба осталась почти безрезультатной. Зло упорно держалось, и ничего не дѣлали для его устраненія; и въ 1375 г. папа болѣе энергично занялся этимъ дѣломъ. Онъ не только потребовалъ, чтобы король послалъ особаго уполномоченнаго въ зараженную провинцію, но и непосредственно написалъ королевскому намѣстнику, Карлу де Банвилю; онъ упрекалъ его за то, что онъ покровительствуетъ еретикамъ, и приглашалъ его исправиться, грозя въ противномъ случаѣ духовнымъ наказаніемъ. Нѣкоторымъ знатнымъ, замѣченнымъ въ сочувствіи ереси, онъ многозначительно напоминалъ о судьбѣ Раймунда Тулузскаго; онъ строго выговаривалъ прелатамъ, просилъ помощи у Амедея Савойскаго и, наконецъ, включилъ Тарантезу въ область Прованса, чтобы ничто не могло мѣшать предполагаемой кампаніи. Такъ какъ распространеніе ереси приписывали недостаточному числу проповѣдниковъ и небрежности прелатовъ и духовенства въ дѣлѣ обученія паствы, то инквизитору было дано право требовать услугъ доминиканцевъ, францисканцевъ, кармелитовъ и августиновъ, чтобы распространить по странѣ истины религіи. Эти многочисленныя усилія увѣнчались извѣстнымъ успѣхомъ. Карлъ издалъ указы, чтобы строго были примѣняемы законы, изданные противъ ереси; для общаго руководства дѣйствіями папа послалъ особаго интернунція Антонія, епископа Массы. Это было началомъ горячаго преслѣдованія. Инквизиторъ Прованса, бр. Франсуа Борель, долго боровшійся съ индифферентизмомъ прелатовъ и враждебнымъ настроеніемъ свѣтской власти, обезпеченный теперь дѣйствительной поддержкой, былъ подобенъ звѣрю, выпущенному изъ клѣтки. Его выступленія противъ несчастнаго населенія Фрейсиньера, Аржантьера и Валь-Пюта (или Валь-Луизъ) доставили ему печальную славу, которой не выкупаетъ его участіе въ возстановленіи вольностей его родного города Гапа [2]).

Успѣхи этихъ усилій были такъ поразительны, что явились новые поводы къ безпокойству. Миссія епископа Массы началась въ первые дни мая 1375 г., а уже 17 іюня Григорій былъ озабоченъ размѣщеніемъ и содержаніемъ несчастныхъ арестованныхъ. Несмотря на многочисленные костры, на которыхъ сжигали закоренѣлыхъ еретиковъ, въ странѣ не находилось болѣе свободныхъ тюремъ для заключенныхъ. Григорій немедленно приказалъ построить новыя обширныя тюрьмы въ Эмбренѣ, Авиньонѣ и Віеннѣ. Чтобы выйти изъ затруднительнаго финансоваго положенія, давшаго сейчасъ же себя почувствовать, онъ обязалъ прелатовъ, благодаря небрежности которыхъ ересь такъ разрослась, доставить въ теченіе трехъ мѣсяцевъ четыре тысячи флориновъ золотомъ на постройку

---

[1]) Raynald. ann. 1372, № 34; ann. 1373, № 19.

[2]) Wadding. ann. 1375, №№ 11—19.—D'Argentré, op. cit., I, I, 394.—Ripoll, II, 289.—Raynald. ann. 1375, № 26.—Gautier, «Hist. de la Ville de Gap», 39.

Библиотека "Руниверс"

тюремъ и ежегодно въ теченіе пяти лѣтъ давать на содержаніе заключенныхъ по восемьсотъ флориновъ. Имъ было разрѣшено взять эти деньги изъ суммъ, оставленныхъ по духовнымъ завѣщаніямъ на дѣла благочестія, и изъ имуществъ, незаконно ими пріобрѣтенныхъ; а въ случаѣ ослушанія папа грозилъ отнять у нихъ эти источники доходовъ и даже отлучить ихъ отъ Церкви. Однако, эти угрозы папы подѣйствовали на епископовъ столько же, сколько подѣйствовали на ихъ собратьевъ подобныя же угрозы въ Лангедокѣ въ 1245 г. По истеченію трехъ мѣсяцевъ епископъ Массы съ безпокойствомъ спрашивалъ папу, на какія средства содержать ему арестованныхъ. 5 октября папа отвѣтилъ, что каждый епископъ долженъ содержать арестованныхъ своей епархіи, а если кто откажется, то его слѣдуетъ заставить или силою отлученія отъ Церкви, или силою свѣтской власти. Но это было не что иное, какъ brutum fulmen. Въ 1376 г. папа попытался обезпечить за собой часть конфискацій, но король Карлъ отказался отъ всякаго дѣлежа и только въ 1378 г. согласился давать инквизиторамъ ежегодно жалованіе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ получали инквизиторы Тулузы [1]).

Исчерпавъ всѣ средства, Григорій, наконецъ, обратился къ источнику, который Курія всегда держала въ запасѣ,—къ индульгенціямъ. Ужасное и въ то же время забавное зрѣлище: тысячами выгонять изъ ихъ жилищъ честныхъ, трудолюбивыхъ гражданъ, бросать ихъ въ темницы, гдѣ они заживо гнили и умирали отъ голода, а затѣмъ отказаться отъ всякихъ издержекъ на ихъ содержаніе и предоставить ихъ на милость сострадательныхъ вѣрныхъ! Воззваніе, выпущенное по этому поводу Григоріемъ 15 августа 1376 г., является, быть-можетъ, самымъ позорнымъ памятникомъ эпохи, въ которую стыдъ былъ почти неизвѣстною вещью:

«Всѣмъ нашимъ вѣрнымъ въ Іисусѣ Христѣ! Въ виду того, что облегченіе узниковъ относится къ числу добрыхъ дѣлъ, вѣрные должны съ любовью придти на помощь къ заключеннымъ, страдающимъ отъ крайней нужды. Такъ какъ мы знаемъ, что нашъ возлюбленный сынъ, инквизиторъ Франсуа Борель, заключилъ въ тюрьму подъ надежную охрану или подъ наказаніе много еретиковъ и людей, извѣстныхъ за таковыхъ, которые, въ виду ихъ бѣдности, не могутъ содержаться въ тюрьмѣ, если къ нимъ не придетъ на помощь щедрость вѣрныхъ; такъ какъ мы желаемъ, съ другой стороны, чтобы эти узники не умерли съ голоду, но чтобы они имѣли время покаяться въ своихъ тюрьмахъ, и такъ какъ, наконецъ, наши вѣрные въ Іисусѣ Христѣ могутъ, по своему благочестію, протянуть намъ руку помощи, то мы увѣдомляемъ, просимъ и убѣждаемъ васъ всѣхъ, за отпущеніе вамъ вашихъ грѣховъ, удѣлить изъ богатствъ, данныхъ вамъ Богомъ, милостыню и благостыню на содержаніе этихъ узниковъ, дабы можно было поддержать ихъ благодаря вашей помощи, и дабы вы черезъ это доброе дѣло и другія добрыя дѣла, которыя внушитъ вамъ Богъ, могли получить вѣчное блаженство» [2]).

Трудно представить себѣ ужасъ этихъ тюремъ, выстроенныхъ экономическимъ образомъ, гдѣ несчастные, сваленные въ кучу, печально влачили послѣдніе дни своей жизни въ то время, какъ тюремщики тщетно выпрашивали имъ скудное содержаніе для продленія ихъ агоніи. Однако, Григорій не считалъ достаточнымъ число этихъ жертвъ, существованіе которыхъ онъ не могъ обезпечить. 28 декабря 1375 г. онъ давалъ строгій выговоръ гражданскимъ чиновникамъ Дофинэ за небрежное исполненіе ими приказанія короля помогать инквизиторамъ. Этотъ выговоръ былъ повторенъ 18 мая 1376 г. На основаніи нѣкоторыхъ выраженій, проскальзывающихъ въ этихъ граматахъ, нужно думать, что это безчеловѣчное дѣло возмущало даже слабую чувствительность этой грубой эпохи. Однако, несмотря на все сдѣланное, ересь далеко не уменьшалась. Въ 1377 г. Григорій

[1]) Lombard, op. cit., 27—8.—Wadding. ann. 1375, №№ 21—3.—Isambert, «Anc. loix franç.», IV, 491.

[2]) Wadding. ann. 1376, № 3.

Библиотека "Руниверс"

съ негодованіемъ отмѣчаетъ, что число вальденцевъ постоянно растетъ, и упрекаетъ инквизиторовъ въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей [1]).

Быть-можетъ, однако, неутомимая энергія Григорія и увѣнчалась бы успѣхомъ, если бы смерть не прервала его дѣла. Папа умеръ 27 марта 1378 г. Великій Расколъ, вскорѣ послѣ этого наступившій, далъ еретикамъ нѣкоторую отсрочку, благодаря которой они продолжали размножаться. Но въ 1380 г. Климентъ VII возобновилъ полномочія Бореля, дѣятельность котораго продолжалась до 1393 г., и жертвы котораго считались сотнями. Значительное число обращенныхъ платило инквизитору своими трудовыми деньгами; обращеннымъ оставлялось ихъ имущество, но они обязывались платить ежегодно извѣстную сумму, какъ это мы видимъ изъ списка, составленнаго въ 1385 г. Въ 1393 г. сто-пятьдесятъ еретиковъ, говорятъ, были сожжены въ одинъ день въ Греноблѣ по приказанію Бореля. Совершенно другого рода былъ миссіонеромъ С.-Винцентъ Феррерскій; самопожертвованіе, проявленное имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ дѣлѣ поученія вальденцевъ долинъ, дало ему массу обращенныхъ. Его память до сихъ поръ почитается въ странѣ; деревня Пюи-С.-Винцентъ и часовня, посвященная этому святому, показываютъ, что кроткія увѣщанія не были безполезны [2]).

Въ сущности въ эту эпоху вальденцы внѣ предѣловъ Германіи были единственными еретиками, съ которыми Церкви приходилось бороться. Французскій переводъ «Schwabenspiegel», или муниципальнаго кодекса южной Германіи, сдѣланный для тѣхъ имперскихъ провинцій, гдѣ говорили на романскомъ нарѣчіи, относится, повидимому, къ послѣднимъ годамъ столѣтія; и въ немъ преобладаніе вальденцевъ подтверждается тѣмъ фактомъ, что во главѣ ереси слово Käczer (катаръ) переведено на французскій языкъ словомъ «вальденецъ»; также говорится, что Leschandus (Хильдерикъ III) былъ низложенъ папой Захаріемъ за покровительство вальденцамъ. Имѣются также доказательства, что послѣ XIV ст. Инквизиція бездѣйствовала въ этой странѣ, гдѣ она раньше проявила много энергіи: епископскіе суды признаются единственными, вѣдующими преступленіе ереси; объ еретикѣ слѣдуетъ доносить своему епископу, который обязанъ испытать его при помощи людей свѣдущихъ [3]).

Въ спорахъ, происходившихъ во время Великаго Раскола, о вальденцахъ совершенно забыли, какъ это видно изъ буллы, посланной въ 1409 г. Александромъ V бр. Понсу Фёжейрону, завѣдывавшему огромной инквизиторской областью, тянувшейся отъ Марселя до Ліона и отъ Бокера до Валь д'Аоста и обнимавшей собою всѣ земли, гдѣ, со времени Франсуа Бореля и Винцента Феррерскаго, еретики кишѣли какъ муравьи. Инквизиторъ убѣдительно призывается направить всѣ свои силы противъ отщепенцевъ, сторонниковъ Бенедикта XIII и Григорія XII, противъ колдуновъ, противъ евреевъ-вѣроотступниковъ и противъ Талмуда, но нѣтъ ни слова о вальденцахъ. О нихъ, повидимому, совершенно забыли [4]).

Когда на Констанцскомъ соборѣ Церковь была реорганизована, она получила возможность заботиться объ интересахъ вѣры, хотя вся почти ея энергія уходила на дѣла гуситовъ. Въ 1417 г. мы находимъ дѣло объ одной отшельницѣ, Екатеринѣ Совъ, сожженной въ Монпелье за принадлежность къ вальденской ереси инквизиторомъ — делегатомъ бр. Раймундомъ Кабасъ, дѣйствовавшимъ совмѣстно съ епископомъ Магеллона. Прекращеніе суровыхъ мѣръ отнюдь не было вызвано уменьшеніемъ числа еретиковъ,

[1]) Wadding. ann. 1375, № 24; ann. 1376, № 2.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXXV, 163).

[2]) Perrin's «Waldenses», translated by Lennard, London, 1624, Bk. 2. стр. 18, 19.—Léger, «Hist. des Eglises Vaud.», II, 26.—Chabrand, op. cit., 39, 40.

[3]) Miroir de Souabe, ch. 89 (изд. Matile, Neuschâtel, 1843).

[4]) Wadding. ann. 1409, № 12.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1432 г. соборъ въ Буржѣ жалуется, что вальденцы Дофинэ сложились, чтобы послать денегъ гуситамъ, которыхъ они считали своими братьями. И если бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ поискать еретиковъ, то онъ легко нашелъ бы ихъ множество. До насъ дошло письмо, посланное 23 августа того же года инквизиторомъ Эмбрена, бр. Петромъ Фабри, на Базельскій соборъ. Инквизиторъ извиняется, что не можетъ явиться сейчасъ же, согласно приглашенію, на засѣданія собора и ссылается на свою крайнюю бѣдность и на массу занятій по преслѣдованію вальденцевъ; онъ говоритъ, что, несмотря на многочисленныя казни, уже произведенныя имъ, вальденцы продолжаютъ процвѣтать въ долинахъ Фрейсиньера, Аржантьера и Пюта, странахъ, нѣкогда почти совсѣмъ лишенныхъ жителей послѣ жестокихъ походовъ Бореля. Онъ содержитъ, пишетъ онъ далѣе, въ своихъ темницахъ въ Эмбренѣ и Безансонѣ шесть еретиковъ-рецидивистовъ, которые назвали ему болѣе пятисотъ еретиковъ, и онъ надѣется въ самомъ непродолжительномъ времени схватить этихъ мятежниковъ, и на разборъ ихъ дѣлъ потребуется много времени. Лишь только онъ будетъ въ состояніи уѣхать безъ ущерба для дѣла вѣры, то онъ первымъ долгомъ явится на соборъ. Очевидно, жатва была богата, но жнецовъ было мало [1]).

Въ 1441 г. инквизиторъ Прованса, Жанъ Вуайль, сдѣлалъ нѣсколько попытокъ преслѣдованія, но, кажется, безъ большого успѣха. Вальденцы пользовались, повидимому, продолжительнымъ отдыхомъ. Ужасный эпизодъ въ Аррасѣ въ 1460 г. былъ, какъ мы увидимъ ниже, дѣломъ о колдовствѣ; вообще во Франціи въ глазахъ общества вальденцы пользовались такимъ недовѣріемъ, что народъ называлъ колдовство вальденствомъ vaudcrie, а колдуній—вальденками (vaudoises). Поэтому, когда въ 1465 г. въ Лиллѣ имѣлъ мѣсто процессъ пяти Ліонскихъ бѣдныхъ, изъ которыхъ четверо принесли покаянія, а одинъ былъ сожженъ, нашли нужнымъ дать имъ другое имя; ихъ называли тогда Тюрлюпенами [2]).

И только въ 1475 г. инквизиторы серьезно занялись преслѣдованіемъ вальденцевъ въ ихъ старинныхъ земляхъ, въ долинахъ у истоковъ Дюранса. Пользуясь покоемъ, вальденцы начали размножаться; они устраивали сборища и осмѣливались открыто проповѣдывать свою вѣру и многихъ совратили. Мало того, когда епископы или инквизиторы пытались усмирить ихъ обычными мѣрами, они обращались съ жалобой въ королевскій судъ, который давалъ имъ охранныя граматы. Благодаря этому они становились все болѣе заносчивыми. Тщетно Сикстъ IV посылалъ спеціальныхъ уполномоченныхъ положить предѣлъ этому печальному положенію. Въ это время во Франціи мало обращали вниманія на власть папы, и его уполномоченныхъ встрѣчали съ презрѣніемъ. Поэтому 1 іюня 1475 г. Сикстъ послалъ Людовику XI грозное предостереженіе; король, писалъ папа, повидимому, не знаетъ, какъ поступаютъ его представители; если бы онъ зналъ, онъ поторопился бы осудить ихъ поступки и предоставилъ бы, какъ было прежде, Инквизиціи поддержку всѣхъ силъ государства [3]).

Было бы интересно изучить послѣдовавшую затѣмъ переписку, и очень жаль, что она утрачена. Но, къ счастью, до насъ дошло, благодаря ордоннансамъ 18 мая 1478 г., содержаніе граматы, въ которой ясно подтверждается главенство государства надъ Церковью. Король объявлялъ, что всѣ его подданные въ Дофинэ—добрые католики. Съ надменностью и пренебреженіемъ упоминаетъ онъ о «старыхъ нищихъ», которые имс-

---

[1]) Mary-Lafon, «Hist. du Midi de la France», III, 384.—C. Bituricens. ann. 1432 (Harduin, VIII, 1459).—Martène, «Ampl. Coll.», VII, 161—3.

[2]) Léger, «Hist. des Eglises Vaudoises», II, 24.—Duverger, «La Vauderie dans les Etats de Philippe le Bon», Arras, 1885, стр. 112.

Даже въ началѣ XVI вѣка Робертъ Гагенъ, говоря о вѣдьмахъ, которыя ѣздятъ на палкѣ метлы и поклоняются сатанѣ, добавляетъ: «quod impietatis genus Valdensium esse dicitur» (Rer. Gallican. Annal. lib. X; 242. Francof. ad M. 1587).

[3]) Martène, «Ampl. Coll.», II, 1506—7.

Библиотека "Руниверс"

нуютъ себя инквизиторами, мучатъ вѣрныхъ католиковъ обвиненіями въ ереси и изнуряютъ ихъ преслѣдованіями передъ королевскими и духовными трибуналами съ единственной цѣлью выжать изъ нихъ деньги или поживиться отъ конфискацій. Въ заключеніе онъ запрещаетъ своимъ представителямъ помогать этому дѣлу; онъ повелѣваетъ возстановить еретиковъ во владѣніи отнятыми у нихъ родовыми имуществами и, чтобы положить предѣлъ обманамъ и злоупотребленіямъ инквизиторовъ, добавляетъ, что впредь не позволитъ имъ преслѣдовать королевскихъ подданныхъ [1]).

Таковъ былъ результатъ непрерывныхъ усилій Церкви въ теченіе двухсотъ-пятидесяти лѣтъ установить абсолютный деспотизмъ надъ совѣстью вѣрныхъ. Чтобы наказать гораздо менѣе дерзкое оскорбленіе, она разорила Раймунда Тулузскаго и уничтожила цивилизацію Лангедока. На смертныхъ останкахъ ереси она воздвигла монархію, а теперь эта монархія дала ей пощечину и приказала ей убрать Инквизицію подальше съ глазъ честныхъ людей. Покушенія Святого Трибунала на вальденцевъ Дофинэ на нѣкоторое время прекратились; но все же еще еретики не могли считать себя въ полной безопасности. Въ 1483 г. смерть Людовика XI лишила ихъ покровителя. Итальянская политика Карла VIII дѣлала этого короля менѣе индифферентнымъ къ желаніямъ Св. Престола. По ходатайству архіепископа Эмбренскаго, Иннокентій VIII снова приказалъ начать преслѣдованія. Инквизиторъ, францисканецъ Жанъ Вейлети, дѣйствія котораго вызвали въ 1475 г. жалобу королю, снова принялся за дѣло и имѣлъ удовольствіе сжечь двухъ консуловъ Фрейсиньера. Хотя вальденцы представили себя Людовику XI добрыми католиками, но пытка дала возможность доказать противное. Несомнѣнно, вальденцы вѣрили въ пресуществленіе, но они не допускали, что чудо это можетъ совершаться въ рукахъ грѣшныхъ священниковъ. Ихъ б о р о д ы, или пастыри, получали посвященіе въ санъ и давали разрѣшеніе грѣховъ на исповѣди; но папа, епископы и священники, по ихъ ученію, утратили это право. Вальденцы отрицали существованіе чистилища, дѣйствительность молитвъ за умершихъ, предстательство святыхъ, могущество Дѣвы Маріи и всѣ праздники, кромѣ одного воскресенія. Раздраженный упорствомъ еретиковъ, архіепископъ предложилъ имъ, въ іюнѣ или іюлѣ 1486 г., или покинуть страну, или покориться. Такъ какъ они не исполнили ни того, ни другого, то онъ ихъ отлучилъ отъ Церкви; но и это не оказало никакого дѣйствія. Тогда онъ снова обратился къ Иннокентію VIII, который рѣшилъ однимъ ударомъ покончить съ ересью; въ 1488 г. былъ предпринятъ крестовый походъ противъ Дофинэ и Савойи. Делегатъ папы, Альбертъ де'Капитанеи, получилъ помощь отъ парламента Гренобля; была собрана армія подъ начальствомъ Гуго де ла-Палю, графа де Ванаксъ. Рѣшено было напасть на еретиковъ со всѣхъ сторонъ. Законныя формальности нѣсколько задержали рѣшительныя дѣйствія, и въ это время старались заставить вальденцевъ покориться; они отказались, заявивъ, что признаютъ свою вѣру истинною и готовы скорѣе умереть, чѣмъ отречься отъ нея. Наконецъ, въ мартѣ 1489 г. крестоносцы двинулись въ походъ. Прежде всего нападеніе было сдѣлано на долину Пражелато, и въ теченіе нѣсколькихъ дней жителямъ оставался только выборъ между отреченіемъ отъ ереси и смертью, и пятнадцать закоренѣлыхъ еретиковъ было сожжено. Въ Валь-Клюзонѣ и Фрейсиньерѣ сопротивленіе было болѣе упорное; тамъ была такая рѣзня, что напуганные жители Аржантьера покорились безъ сопротивленія. Въ Валь-Піотѣ населеніе укрылось въ пещерѣ Эгю-Фредъ, которую оно считало неприступной, но ла-Палю зажегъ огонь у входа въ пещеру, и всѣ несчастные задохнулись. Этотъ походъ и конфискаціи, которыя раздѣлили между собой Карлъ VIII и Эмбренскій архіепископъ, нанесли смертельный ударъ вальденской ереси, укрывшейся въ долинахъ. Чтобы ересь не воскресла, легатъ оставилъ на мѣстѣ Франсуа Плуарери, который въ качествѣ

[1]) Isambert, «Anc. lois franç.», X. 793—4.

Библиотека "Руниверс"

инквизитора Прованса продолжалъ вызывать на судъ, произносилъ обвиненіе противъ не явившихся, сжигалъ при случаѣ б о р о д у и конфисковалъ имущество еретиковъ-рецидивистовъ и закоренѣлыхъ [1]).

Вступленіе на престолъ Людовика XII дало новое направленіе дѣламъ вальденцевъ. Въ присутствіи королевскаго канцлера произошло въ Парижѣ совѣщаніе, на которомъ депутаты Фрейнсиньера встрѣтились съ новымъ Эмбренскимъ архіепископомъ Ростеномъ и съ уполномоченными Гренобльскаго парламента. Было постановлено отправить на мѣсто папскихъ и королевскихъ комиссаровъ для изученія вопроса о мнимыхъ еретикахъ. Комиссары явились въ Фрейсиньеръ и допросили свидѣтелей, которые убѣдили ихъ въ томъ, что все населеніе, вопреки настойчивымъ заявленіямъ архіепископа, строго-католическое. Были сняты всѣ отлученія, и, такимъ образомъ, былъ положенъ конецъ преслѣдованіямъ. 12 октября 1502 г. Людовикъ XII утвердилъ это рѣшеніе. Что касается Александра VI, сынъ котораго, Цезарь Борджіа, получилъ отъ Людовика XII эту область, то онъ не имѣлъ никакого желанія ссориться съ королемъ. Однако, вальденцамъ не удалось вырвать изъ рукъ Эмбренскаго архіепископа конфискованныя имъ земли, несмотря на рѣшительное распоряженіе короля о возвращеніи конфискованныхъ земель прежнимъ владѣльцамъ, но зато они теперь получили возможность поклоняться Господу согласно своему ученію, не прикрываясь католичествомъ; а впослѣдствіи реформаціонное движеніе повлекло ихъ сліяніе съ кальвинистами. Въ провинціи Безансонъ, несмотря на то, что время-отъ-времени возжигались костры, ересь продолжала распространяться до 1514 г., пока не былъ посланъ туда Антоній д'Эстенгъ, епископъ Ангулема. Принятыя имъ мѣры и энергичное содѣйствіе, оказанное ему свѣтской властью, въ нѣсколько лѣтъ искоренили ересь [2]).

ГЛАВА III.

Пиренейскій полуостровъ.

Арагонское королевство, простиравшееся къ западу и востоку отъ Пиренеевъ, имѣло населеніе, родственное по происхожденію и языку жителямъ южной Франціи, и въ него легко могла быть занесена ересь изъ сосѣдней страны. Барселонскіе графы были вассалами дома Каролинговъ и до нѣкоторой степени признавали даже сюзеренитетъ первыхъ Капетинговъ. Мы уже видѣли, насколько Петръ II и его преемники проявили себя врагами усиленія французской монархіи, рискуя даже дать возможность усилиться ереси. Еретическая миссіонерская дѣятельность неизбѣжно должна была основаться въ такихъ густо населенныхъ центрахъ, какъ Барселона; неизбѣжно было также, что изгнанные еретики искали себѣ убѣжища въ горахъ Уржеля и Серданья. Однако, къ западу отъ Пиренеевъ ересь никогда не была такъ сильна, какъ къ востоку отъ нихъ; она проявлялась только порывами, и уничтоженіе ея не потребовало большихъ усилій.

---

[1]) Chabraud, op. cit., 43, 48—52, 70.—Herzog, «Die romanischen Waldenser», 277—82.—D'Argentré, I, I, 105.—Léger, «Hist. des Eglises Vaudoises», II, 23—5.—Filippo de Boni, «J. Calabro Valdesi», 71.—Comba, «Histoire des Vaudois d'Italie», Парижъ, 1887 г., I, 160—66, 169.

Вальденское преданіе сообщаетъ, что въ пещерѣ Эгю-Фредъ погибли три тысячи жертвъ, въ томъ числѣ четыреста дѣтей. Chabraud достаточно убѣдительно доказалъ, что эта цифра неправдоподобна.

[2]) Herzog, op. cit., 283—5,—Perrin, «Hist. Waldens.», B. II, c. 3.—Chabraud, op. cit., 73—4.

Библиотека "Руниверс"

Любопытно, что мы не имѣемъ положительныхъ указаній на существованіе катаровъ въ собственной Арагоніи. Правда, до насъ дошелъ баснословный разсказъ Матье Парн: въ 1234 г. катары были, по его словамъ, такъ многочисленны въ этой части Испаніи, что отмѣнили христіанство, собрали сильное войско, сожгли церкви и избивали всѣхъ, не разбирая ни пола, ни возраста, пока Григорій IX не объявилъ противъ нихъ крестоваго похода. Мы смѣло можемъ считать этотъ разсказъ вымысломъ какого-либо пилигрима, разсказывавшаго его гостепріимнымъ хозяевамъ на обратномъ пути изъ Компостеля. Въ перечнѣ Райнеріо Сакконе, сдѣланномъ въ 1250 г., нѣтъ ни слова о катарахъ къ западу отъ Пиренеевъ. Сомнѣваться въ томъ, что въ Арагоніи были катары, невозможно, но они были извѣстны тамъ подъ другимъ именемъ. Единственными еретиками въ Арагоніи, о которыхъ говоритъ Сакконе, были Los Encabats, Insabbatati, т.-е. вальденцы. Припомнимъ, что въ концѣ XII ст. Альфонсъ II и Петръ II издали противъ нихъ жестокіе эдикты [1]).

Но послѣ этого на нѣкоторое время преслѣдованіе, повидимому, заглохло. Честолюбіе и личныя симпатіи заставили короля Петра стать на сторону Раймунда Тулузскаго. Когда Петръ погибъ подъ стѣнами Мюре, то арагонцы, во время малолѣтства Іакова I, выжидали, по всей вѣроятности, исхода альбигойскихъ войнъ, причемъ сочувствіе ихъ было скорѣе на сторонѣ еретиковъ, чѣмъ католиковъ. Единственное преслѣдованіе, о которомъ мы знаемъ за это время, было предпринято Эспараго де Барка изъ Монпелье, назначеннымъ въ 1215 г. архіепископомъ Таррагоны. Онъ нашелъ свою епархію полной еретиковъ и поручилъ изгнать ихъ картезіанцамъ монастыря Scala Dei. До насъ дошелъ документъ, помѣченный 1220 г., въ которомъ архіепископъ восхваляетъ ревность пріора и монаховъ и въ награду даетъ имъ нѣсколько аллодовъ. Наконецъ, въ 1226 г. король Іаковъ особымъ указомъ запретилъ еретикамъ въѣздъ въ свое государство; эта мѣра была, несомнѣнно, вызвана огромнымъ наплывомъ преслѣдуемыхъ, искавшихъ убѣжища отъ крестоносцевъ Людовика VIII. Другой указъ, лишавшій «общественнаго мира» еретиковъ, ихъ защитниковъ, сторонниковъ и укрывателей, былъ изданъ въ 1228 г. Этотъ второй указъ, по словамъ лѣтописцевъ Инквизиціи, былъ изданъ по настоянію доминиканца Раймунда де Пеннафорте, духовника молодого короля; этому монаху удалось также заставить короля обратиться къ Григорію IX съ просьбой прислать инквизиторовъ, чтобы очистить страну отъ еретиковъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ булла Declinante, посланная 26 мая 1232 г. архіепископу Эспараго и его суффраганамъ и приглашавшая ихъ произвести въ ихъ епархіяхъ розыскъ еретиковъ или лично, или при помощи доминиканцевъ, или другихъ пригодныхъ для этого дѣла помощниковъ; всѣ еретики, которыхъ удастся обнаружить, должны быть наказаны согласно статутамъ, вновь изданнымъ папою и римскимъ сенаторомъ Аннибальдо. Но здѣсь еще нѣтъ и рѣчи о папской или доминиканской инквизиціи.

Въ слѣдующемъ 1233 г. король Іаковъ, выслушавъ пожеланія собравшихся прелатовъ, издалъ въ Таррагонѣ статутъ, регулировавшій этотъ вопросъ; но онъ скорѣе имѣетъ въ виду государство, чѣмъ Церковь. Сеньоры, которые стали бы оказывать еретикамъ покровительство въ предѣлахъ своихъ владѣній, были объявлены подлежащими отвѣтственности за вѣроломство; земли ихъ переходили къ сюзерену, а если это были аллоды, то къ самому королю. Жилища еретиковъ, если они были аллодіальныя, подлежали уничтоженію, а если они пользовались ими на ленномъ правѣ, подлежали переходу въ руки сеньора. Всякій, признанный еретикомъ или заподозрѣнный въ ереси, лишался права избранія на общественныя должности. Чтобы невинный не пострадалъ

[1]) Matt. Paris, ann. 1234 (изд. 1644 г., стр. 270).—Rainerii «Summa» (Martène, «Thesaur.», V, 1767—8).

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ съ виновнымъ, право наказанія еретиковъ предоставлялось исключительно епископу или такому духовному лицу, которое было бы въ состояніи выяснить виновность. Епископамъ предлагалось, въ случаѣ настоятельной надобности, въ мѣстностяхъ, заподозрѣнныхъ въ ереси, передавать свою власть священнику или какому-либо духовному лицу. Съ своей стороны, король или его бальи должны были назначить двухъ или трехъ мірянъ для розыска еретиковъ, для принятія мѣръ предупрежденія побѣга подсудимыхъ и выдачи захваченныхъ ими въ руки епископа, королевскихъ чиновниковъ или мѣстнаго сеньора. Въ этомъ странномъ смѣшеніи духовныхъ и свѣтскихъ принциповъ можно, конечно, видѣть зародышъ Инквизиціи; но эта Инквизиція существенно отличалась отъ той, которая въ это время образовалась въ Тулузѣ. Подчиненное положеніе этихъ якобы инквизиторовъ было очевидно: въ случаѣ небрежнаго исполненія дѣла имъ, если они были лица духовнаго званія, грозило отнятіе бенефицій, а если они были міряне,— штрафъ [1]).

Въ какихъ размѣрахъ былъ примѣненъ этотъ статутъ, мы не знаемъ. По всей вѣроятности, были сдѣланы нѣкоторыя попытки его примѣненія, показавшія все неудобство системы. Эспараго умеръ 3 марта 1233 г. Послѣ отказа Раймунда де Пеннафорте митра была дана Гильену Монгріу, проявившему свою энергію при завоеваніи острова Ивизы. Онъ скоро увидѣлъ, что національная Инквизиція не можетъ принести много пользы, и представилъ на разрѣшеніе Григорія нѣкоторыя изъ своихъ сомнѣній; 30 апрѣля 1235 г. папа послалъ ему кодексъ всего дѣлопроизводства, выработанный Раймундомъ де Пеннафорте. Къ этому именно времени восходитъ первое свидѣтельство о дѣйствительномъ преслѣдованіи, отличающемся отсутствіемъ всякаго формальнаго инквизиціоннаго судопроизводства. Одинъ изъ крупныхъ вассаловъ арагонской короны былъ Робертъ, графъ Руссильонскій; какъ почти всѣ дворяне его времени, онъ находился изъ-за ленныхъ владѣній и десятиннаго налога въ ссорѣ съ епископомъ Эльна, епархія котораго захватывала его земли. Епископъ обвинялъ его, говоря, что онъ стоитъ во главѣ еретиковъ и даетъ имъ пристанище въ своихъ замкахъ; эти обвиненія были сравнительно обоснованы; по крайней мѣрѣ, епископъ нашелъ безъ труда свидѣтелей, готовыхъ подтвердить ихъ. Робертъ покорился и принесъ отреченіе; затѣмъ снова впалъ въ свои заблужденія. Тогда король Іаковъ приказалъ арестовать его и заключить въ тюрьму. Роберту удалось бѣжать, и онъ заперся въ одномъ изъ своихъ неприступныхъ замковъ въ горахъ; но положеніе его было отчаянное, такъ какъ ему грозила конфискація владѣній. Поэтому онъ выразилъ Григорію IX свое желаніе вернуться въ лоно Церкви и вмѣстѣ со своими сторонниками воевать противъ сарацинъ столько лѣтъ, сколько прикажетъ папа. 8 февраля 1237 г. Григорій написалъ Раймунду де Пеннафорте, что, если графъ согласится въ теченіе трехъ лѣтъ вмѣстѣ со своими подданными помогать завоеванію Валенсіи, и если онъ обяжется въ случаѣ новаго возврата къ ереси на передачу своихъ владѣній коронѣ, то онъ можетъ получить отпущеніе грѣховъ. Получивъ это посланіе, епископъ поспѣшилъ въ Римъ и заявилъ, что, если Робертъ будетъ прощенъ, то онъ и его свидѣтели очутятся въ крайне опасномъ положеніи, и ересь въ епархіи восторжествуетъ; но когда ему было сказано, что его владѣнія и десятинный налогъ будутъ охраняемы, онъ успокоился и примирился съ папскимъ рѣшеніемъ [2]).

По настоянію Григорія и Раймунда де Пеннафорте прибѣгли, наконецъ, къ инквизиторамъ доминиканцамъ. Въ этомъ самомъ 1237 г. монахи впервые появляются въ Арагоніи. По

---

[1]) Villanueva, «Viage Literario», T. XIX, 310.—Archives Nat. de France, J. 426, № 4.—D'Achéry, «Spicileg.», III, 598.—Constitucions de Cathalunya, Lib. I. Tit. IX. Cap. I—V (Barcelona, 1588, стр. 33).—Paramo, «de orig. offic. S. Inquis.», 177.—Zurita, Añales de Aragon, lib. III, c. 94.—Ripoll, I, 38 (ср. Llorente, ch. III Art. I, № 3).—Marca Hispanica, стр. 1425—6.

[2]) Llorente, ch. III, Art. I, № 5.—Ripoll, I, 91—2.

Библиотека "Руниверс"

АУТО-ДА-ФЕ ВЪ ИСПАНІИ.

(Съ современной гравюры).

Библиотека "Руниверс"

праву своей жены Эрмессенды Рожеръ Бернаръ Великій (де Фуа) былъ виконтомъ Кастельбо; этотъ ленъ зависѣлъ отъ Уржельскаго епископа, противъ котораго Рожеръ выдержалъ ожесточенную войну. Онъ отдалъ Кастельбо своему сыну Рожеру, а послѣдній въ 1237 г., по совѣту отца, предоставилъ въ своихъ земляхъ полную свободу дѣйствій Инквизиціи, передалъ замокъ Рамону Фулько, виконту де Кардона, отъ имени Таррагонскаго архіепископа и епископовъ, собравшихся на совѣщаніе въ Лериdѣ. Соборъ назначилъ извѣстное количество инквизиторовъ, какъ доминиканцевъ, такъ и францисканцевъ; эти монахи спустились въ Кастельбо, которое долгое время считалось гнѣздомъ катаровъ. Въ 1225 г., подъ покровительствомъ Арнальдо, бывшаго въ то время сеньоромъ данной мѣстности, Совершенные еретики открыто проповѣдывали тамъ свое ученіе. Въ 1234 г. туда, говорятъ, прибылъ одинъ еретикъ изъ Марцуа, чтобы получить consolamentum на одрѣ смерти. Инквизиторы легко нашли жертвы: они разрушили два дома, вырыли и сожгли кости восемнадцати покойниковъ, осужденныхъ въ качествѣ еретиковъ, увели до сорока-пяти захваченныхъ мужчинъ и женщинъ, осудили пятнадцать скрывшихся бѣгствомъ и не вынесли никакого рѣшенія о нѣсколькихъ другихъ; однако Уржельскому епископу этого показалось мало, и онъ, чтобы удовлетворить свою упорную вражду, осудилъ и отлучилъ отъ Церкви Рожера Бернара какъ защитника еретиковъ; и только въ 1240 г. благодаря вмѣшательству Таррагонскаго архіепископа епископъ далъ ему прощеніе и выдалъ удостовѣреніе, что онъ «per bon e per leyal e per catholich», но предварительно Рожеръ покорился, отрекся отъ ереси и далъ присягу перенести всякую епитимію [1]). Однако, миръ скоро былъ нарушенъ; въ 1243 г. графъ письменно жаловался папѣ, что епископъ началъ противъ него новое дѣло, и поручалъ свои земли покровительству папы, ссылаясь на то, что не можетъ надѣяться на справедливое отношеніе къ нему прелата. Послѣдній съ оружіемъ въ рукахъ напалъ на Рожера въ самомъ Уржелѣ и убилъ во время перемирія многихъ людей графа. Немного позднѣе видные члены капитула епископа пожаловались на него папѣ, обвиняя его въ убійствахъ, изнасилованіи дѣвушекъ, въ связи со своими родной и двоюродной сестрами, въ дѣланіи фальшивыхъ денегъ, въ служеніи обѣдни, когда на немъ тяготѣло повторное отлученіе отъ Церкви, и, наконецъ, въ томъ, что онъ имѣлъ десять человѣкъ дѣтей, которыхъ обогащалъ на счетъ епископскихъ доходовъ. Его агентъ при папскомъ дворѣ ручался ему, что онъ восторжествуетъ надъ своими врагами, если онъ исполнитъ данное отъ его имени обѣщаніе и пришлетъ племяннику папы нѣсколько хорошихъ лошадей; но эти ручательства были ложны: епископъ былъ отрѣшенъ отъ должности и окончательно лишенъ епископства.

Подобная Церковь не могла, конечно, подавить ереси, но все же она заботилась объ этомъ. Въ 1238 г. была основана въ Арагоніи Инквизиція, и въ апрѣлѣ того же года Григорій IX писалъ францисканскому министру и доминиканскому пріору Арагоніи, жалуясь на распространеніе ереси по всему королевству. Онъ заявлялъ, что еретики и не думаютъ скрываться, а, наоборотъ, открыто нападаютъ на Церковь, которую хотятъ подавить. Конечно, въ этихъ словахъ есть доля преувеличенія, но все же изъ одного сознанія, сдѣланнаго передъ тулузской инквизиціей, мы знаемъ, что въ странѣ было разсѣяно достаточно еретиковъ, чтобы давать пристанище странствующимъ миссіонерамъ катаровъ. Григорій вручалъ нищенствующимъ монахамъ мечъ Бога Слова, который они должны были обагрить кровью. Монахамъ было приказано энергичное разслѣдованіе ереси и розыскъ еретиковъ, примѣняя при производствѣ дѣла опубликованные папою статуты и прибѣгая въ случаѣ надобности къ свѣтской власти. Въ то же время Григорій принималъ подобныя же мѣры и относительно Наварры, также наполненной

[1]) Vaissete, III. Pr. 383—5, 392—3.—Doat, XXII, 218; XXIV, 184.—Villanueva, «Viage Literario», T. XI, 82—91, 220—4.—Ripoll, I, 204.

Библиотека "Руниверс"

еретиками. Онъ назначилъ туда, въ качествѣ инквизиторовъ, францисканскаго настоятеля изъ Памплоны и доминиканца Педро де Леодегаріа. Наварская инквизиція, повидимому, не пошла дальше своего эмбріональнаго періода. Въ 1246 г. Иннокентій IV особой граматой предложилъ францисканскому министру Наварры объявить публично, что Гримальдо де ла Мота, гражданинъ Памплоны, не долженъ считаться еретикомъ за то, что въ Ломбардіи онъ ѣлъ и пилъ въ компаніи подозрительныхъ людей. Это единственное, извѣстное мнѣ, проявленіе жизни наваррской инквизиціи; затѣмъ страна была присоединена къ арагонской инквизиціи [1]).

Въ Арагоніи установленіе Инквизиціи вырабатывалось постепенно. Епископъ Барселонскій, Беренже де Палау, дѣятельно трудился надъ ея организаціей въ своей епархіи, когда въ 1241 г. его постигла смерть; дѣло его продолжалъ викарный, временно замѣщавшій его каѳедру. Въ 1242 г. преемникъ Гильена Монгріу, архіепископъ Педро Арбалате, поддержанный Раймундомъ де Пеннафорте, созвалъ соборъ въ Таррагонѣ, чтобы опредѣлить подробности дѣлопроизводства. Подъ руководствомъ этого выдающагося канониста соборъ опубликовалъ кодексъ, свидѣтельствующій о глубокомъ знаніи принциповъ, опредѣляющихъ отношенія Церкви и еретиковъ, и бывшій долгое время въ употребленіи не только въ Испаніи, но и во Франціи. Съ другой стороны, тщаніе, съ которымъ составлены всѣ опредѣленія, свидѣтельствуетъ, что Церковь, для которой были предназначены эти инструкціи, не знала первыхъ основаній систематическаго преслѣдованія, уже прочно установившагося въ другихъ странахъ. По всей вѣроятности, появленіе этого кодекса дало толчокъ къ возобновленію преслѣдованія въ Кастельбо, которое, несомнѣнно, не было совершенно очищено отъ еретиковъ въ 1237 г. На этотъ разъ еретики проявили меньше терпѣнія и прибѣгли къ яду. Они попытались такимъ путемъ отдѣлаться отъ инквизитора, бр. Понсе де Бланесъ или де Эспира, сдѣлавшагося особенно ненавистнымъ уже съ давняго времени. Это убійство пробудило воинственные инстинкты почетнаго архіепископа Гильена Монгріу; онъ собралъ войско, осадилъ и взялъ замокъ, сжегъ огромное число еретиковъ, а остальныхъ заключилъ пожизненно въ тюрьму. Въ это же время была сдѣлана попытка распространить Инквизицію на все королевство. Приходскихъ священниковъ, каждаго отдѣльно, просили оказывать Инквизиціи всякую посильную помощь. Уржель, повидимому, былъ главной квартирой еретиковъ, и они подверглись жестокому преслѣдованію со стороны доминиканскаго инквизитора Бернардо Травессера, отъ котораго они, въ концѣ концовъ, отдѣлались насиліемъ. По обыкновенію, Понсе де Бланесъ и Бернардо Травессеръ засвидѣтельствовали свою святую мученическую смерть рядомъ чудесъ и сдѣлались особо почитаемыми святыми Уржельской церкви, несмотря на то, что въ 1262 г. останки Бланеса были перенесены въ Монпелье, гдѣ ему воздвигли превосходный памятникъ [2]).

Организація, повидимому, развивалась медленно. Одно дѣло, разсмотрѣнное въ послѣдней инстанціи Иннокентіемъ IV въ 1244 г., свидѣтельствуетъ объ отсутствіи всякаго практическаго дѣлопроизводства. Епископъ Эльна и одинъ доминиканскій монахъ, дѣйствуя въ качествѣ инквизиторовъ, осудили, какъ еретиковъ, Рамона де Мальсолиса и его жену Елену; имъ удалось подать апелляцію папѣ, и послѣдній передалъ дѣло на пересмотръ архидіакону въ Безалю и ризничему Жироны. Новые судьи оправдали обвиняемыхъ и вернули

---

[1]) Wadding. ann. 1238, № 6.—Doat, XXIV, 182.—Pet. Rodulphii «Hist. Seraph.». Lib. II, fol. 285 b.—Berger, «Registres d'Innoc. IV», № 2257.—Monteiro, «Hist. da Inquisição». P. I. Liv. II, ch. 36.

[2]) Llorente. Ch. III. Art. 1, №№ 7, 8, 19. - Concil. Tarraconens. ann. 1242.—Pagano, 110, 177—8.

Библиотека "Руниверс"

имъ конфискованное имущество; но дѣло было снова перенесено въ Римъ, и папа утвердилъ первый приговоръ. Затѣмъ въ 1248 г. Иннокентій послалъ епископу Лериды письменныя инструкціи о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принимать въ отношеніи еретиковъ его епархіи, которые добровольно вернутся въ лоно Церкви. Это вмѣшательство папы можетъ быть объяснено только отсутствіемъ инквизиторовъ и полнымъ незнаніемъ основныхъ принциповъ Инквизиціи. Въ томъ же году доминиканскій провинціалъ Испаніи и Раймундъ де Пеннафорте получили право назначить инквизиторовъ, но, повидимому, они имъ не воспользовались; несомнѣнно одно, что старанія, употребленныя Раймундомъ де Пеннафорте и архіепископомъ Монгріу, не дали прочныхъ результатовъ. Въ 1254 г. король Іаковъ, все болѣе и болѣе недовольный, настоятельно просилъ Иннокентія IV сдѣлать новую попытку. По совѣту Іакова папа на этотъ разъ рѣшилъ передать все дѣло въ руки однихъ доминиканцевъ; общее устройство Инквизиціи въ Испаніи такъ мало подвинулось къ этому времени впередъ, что выборъ инквизиторовъ былъ порученъ Иннокентіемъ пріорамъ Барселоны, Лериды, Перпиньяна и Эльна. Всякій изъ этихъ прелатовъ долженъ былъ дѣйствовать въ предѣлахъ собственной епархіи, если только тамъ не было инквизиторовъ, назначенныхъ папою. Послѣдняя оговорка показываетъ, насколько дѣло было въ то время неясно. Позднѣе Иннокентій счелъ нужнымъ предоставить выборъ архіепископамъ Таррагоны и Нарбонны, приглашая ихъ оказывать содѣйствіе новымъ инквизиторамъ. Этотъ проектъ, повидимому, не былъ выполненъ удовлетворительнымъ образомъ; и, дѣйствительно, такъ плохо знали организацію и юрисдикцію Инквизиціи, что не могли сдѣлать ничего положительнаго. Нашъ старый знакомый, епископъ Уржельскій Попсъ, продолжалъ борьбу, начатую противъ графа де Фуа. Онъ донесъ, но, впрочемъ, безрезультатно, на своего врага папѣ, что онъ еретикъ и сторонникъ еретиковъ. Затѣмъ, при содѣйствіи доминиканскаго инквизитора, бр. Педро де Терресъ, онъ предпринялъ походъ противъ вальденцевъ Пуйсерды и Берга. Во время этого предпріятія онъ получилъ извѣстіе объ отрѣшеніи его отъ должности, а вскорѣ приказаніе доминиканскаго провинціала прекратить брату Педро всякое преслѣдованіе. Этотъ ударъ перевернулъ все, такъ что архіепископъ Таррагонскій, чувствуя себя отвѣтственнымъ и не зная, что дѣлать, обратился за помощью и совѣтомъ къ Раймунду де Пеннафорте и доминиканскому пріору въ Барселонѣ; они высказались за то, чтобы онъ судилъ еретиковъ, и чтобы бр. Педро, несмотря на указы провинціала, былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе и согласіе въ силу полномочій, данныхъ ему смѣщеннымъ епископомъ. Съ другой стороны, чтобы предупредить скандалъ, который вызвалъ бы бѣгство еретиковъ, Раймундъ одновременно написалъ бр. Педро и другому инквизитору, бр. Ферреру де Вилроа, предлагая имъ немедленно явиться въ Бергъ. Въ то же время онъ признавался, что не въ состояніи сказать, что могли бы сдѣлать здѣсь эти лица безъ помощи архіепископа; онъ полагался въ этомъ на ихъ рвеніе и разсудительность. Ясно: созданіе прочной и дѣятельной организаціи сдѣлалось настоятельною потребностью.

Въ это время весь полуостровъ представлялъ одну доминиканскую провинцію. Въ 1262 г. Урбанъ IV окончательно принялъ систему, имѣвшую уже повсемѣстное распространеніе,—предоставлять право провинціалу назначать инквизиторовъ, тогда еще только въ числѣ двухъ. За нѣсколько дней передъ этимъ онъ обратился къ инквизиторамъ Арагоніи съ буллой, въ которой опредѣлялъ предѣлы ихъ вѣдѣній и ихъ дѣлопроизводство; копія этой буллы была послана провинціалу, чтобы облегчить ему его задачу; и эта булла долгое время служила основаніемъ всей организаціи. Но, когда генеральный капитулъ въ Кельнѣ въ 1301 г. раздѣлилъ провинцію на двѣ части, то арагонцы были очень недовольны, что ихъ подчинили испанскому провинціалу, область котораго охватывала только Кастилію, Леонъ и Португалію. Борьба тянулась долго, и, въ концѣ концовъ, арагонской инквизиціи удалось отстоять свою независимость. Въ 1351 г. провинціалъ

Библиотека "Руниверс"

Арагоніи, бр. Николай Росельи, получилъ отъ Климента VI право назначать и увольнять инквизиторовъ въ королевствѣ [1]).

Тѣмъ не менѣе, инквизиторы все время проявляли свою дѣятельность; особенно выдавался бр. Педро де Кадрейта. Какъ обыкновенно, главнымъ мѣстомъ дѣйствія былъ Уржель. При помощи своего товарища, бр. Педро де Тоненесъ, и Арнальдо, епископа барселонскаго, онъ вынесъ 11 января 1257 г. окончательное рѣшеніе относительно покойнаго графа Уржельскаго Рамона. Покойникъ былъ признанъ еретикомъ-рецидивистомъ, несмотря на то, что отрекся отъ ереси въ присутствіи Уржельскаго епископа, и былъ приговоренъ къ вырытію костей; однако, въ отношеніи его вдовы и сына была проявлена необычная снисходительность: ихъ допустили до возсоединенія съ Церковью, и они сохранили свои владѣнія. Два года спустя, въ 1269 г., мы встрѣчаемъ снова Кадрейта, который, совмѣстно съ другимъ товарищемъ, бр. Гильеномъ де Колонико, и епископомъ уржельскимъ Абрилемъ, осудилъ покойнаго Арнальдо, виконта Кастельбо, и его дочь Эрмессенду, которая была женою еретика Рожера Бернара Великаго, гр. де Фуа. Оба они умерли слишкомъ за тридцать лѣтъ передъ этимъ. Внуку Эрмессенды, Рожеру Бернару III де Фуа, наслѣдовавшему виконтство Кастельбо, предложили взять на себя защиту своихъ предковъ. Если онъ и исполнилъ это, то безуспѣшно, такъ какъ кости осужденныхъ были вырыты. Конечно, горячіе поборники вѣры не могли ограничивать свое рвеніе однимъ осужденіемъ мертвыхъ, но мы знаемъ только объ одной казни, а именно — о казни Берангера де Аморосъ, сожженнаго въ 1263 г.; но мученическая смерть Кадрейты позволяетъ думать, что живые часто подвергались преслѣдованію. Кадрейта былъ убитъ камнями доведенными до отчаянія жителями Уржеля и, конечно, былъ причисленъ къ лику мѣстныхъ святыхъ [2]). Указаніе на безпорядки, подробности которыхъ до насъ не дошли, мы находимъ въ бреве, посланномъ 2 августа 1265 г. Урбаномъ IV инквизиторамъ; свидѣтельство о возобновленіи дѣятельности мы находимъ въ декретѣ Альфонса II отъ 1286 г., въ которомъ король приказываетъ всѣмъ своимъ представителямъ оказывать содѣйствіе инквизиторамъ.

Свѣдѣній о дѣятельности арагонской инквизиціи за послѣдніе годы столѣтія до насъ совершенно не дошло. Акты Таррагонскаго собора 1291 г., повидимому, свидѣтельствуютъ, что она не отличалась особой дѣятельностью и не пользовалась особымъ уваженіемъ; иначе соборъ не счелъ бы нужнымъ приказать, чтобы подвергались наказанію еретики, отрицающіе будущую жизнь, и чтобы держались въ спасительномъ страхѣ всѣ хулители католической вѣры. Еще болѣе знаменательно приказаніе, данное приходскимъ священникамъ,—съ любовью принимать возлюбленныхъ доминиканскихъ инквизиторовъ, работающихъ надъ искорененіемъ ереси, и оказывать имъ всякое содѣйствіе. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ этого собора Іаковъ II издалъ 22 апрѣля 1292 г. указъ, по которому всѣ королевскіе чиновники предоставлялись въ распоряженіе инквизиторовъ, и всѣ ихъ расходы по разъѣздамъ принимались на счетъ королевства [3]).

Въ началѣ XIV ст. преслѣдованіе, повидимому, начинаетъ дѣлаться понемногу бо-

---

[1]) Berger, «Registres d'Innocent IV», №№ 799, 3904.—Bulario de la Orden de Santiago. T. III, fol. 551 (Archivio Historica Nacional).—Baluz. et Mansi, I, 208.—Ripoll, I, 245, 427, 429; II, 235.—Villanueva, «Viage Literario». T. XI, 226—34.—Eymeric. «Direct. Inquis.», 129—36.—Paramo, 132.

[2]) Llorente. Ch. III. Art. 1, №№ 14, 17.—Monteiro, «Hist. da Inquisição». P. I. Liv. II, ch. 10.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 492.—Zurita, «Añales de Aragon», lib. II, c. 76.—Paramo, 178.—Bulario de la Orden de Santiago. T. III, fol. 555.—Carbonell, «de Gestis Haereticorum» (Colleccion de Documentos de la Corona de Aragon, XXVIII, 76).

[3]) Concil. Tarraconens. ann. 1291, c. 8 (Martène, «Ampl. Coll.», VII, 294).—Bulario de la Orden de Santiago. T. III, fol. 544.

Библиотека "Руниверс"

лѣе энергичнымъ. Въ 1302 г. братъ Бернардо совершилъ нѣсколько ауто-да-фе, на которыхъ много еретиковъ было передано въ руки свѣтскихъ властей. Въ 1304 г. совершилъ ауто бр. Доминго Перегрино, на которомъ, какъ говорятъ, всѣ избѣжавшіе костра были съ одобренія короля Іакова изгнаны изъ королевства; это одинъ изъ немногихъ примѣровъ примѣненія изгнанія въ лѣтописяхъ Инквизиціи. Въ 1314 г. брату Бернардо Пуигсеркосъ удалось открыть большое число еретиковъ, одни изъ которыхъ были сожжены, другіе изгнаны. Хуанъ де Лонжеріо получилъ незавидную извѣстность тѣмъ, что въ 1317 г. осудилъ сочиненія Арнольда де Вильнева. Сохранились еще до насъ имена Арнальдо Бургета, Гильема де Коста и Леопардо де Пуисерда, инквизиторовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, но ихъ труды были направлены противъ францисканцевъ-спиритуаловъ; и къ нимъ вернемся ниже. Арагонцы не испытали на себѣ Инквизиціи, такъ какъ кортесы въ 1325 г., съ одобренія короля Іакова II, запретили инквизиціонное судопроизводство и пытку, какъ нарушавшіе ихъ Fueros. Трудно сказать, была ли эта мѣра предназначена къ примѣненію и въ свѣтскихъ судахъ; но если это и предполагалось, то желаемые результаты не были достигнуты, какъ это видно изъ подробныхъ инструкцій, данныхъ Эмерикомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этого. Около половины столѣтія инквизиторъ Николай Росельи за свои заслуги получилъ кардинальскую шапку; а въ 1344 г., когда энергичныя дѣйствія инквизитора Жана Дюмулена изгнали вальденцевъ изъ Тулузы и заставили ихъ искать убѣжища за Пиренеями, Климентъ VI писалъ королямъ и прелатамъ Арагоніи и Наварры, убѣдительно прося ихъ помочь Инквизиціи уничтожить бѣглецовъ; но мы не знаемъ, какое дѣйствіе имѣло это посланіе [1]).

Росельи пришлось затронуть вопросъ, который воспламенилъ традиціонный антагонизмъ двухъ нищенствующихъ орденовъ. На этомъ эпизодѣ стоитъ остановиться: онъ показываетъ, до какихъ тонкостей дошло догматическое богословіе подъ двойнымъ вліяніемъ хитросплетеній схоластики и авторитета Инквизиціи; первая всегда создавала тонкія затрудненія, а вторая требовала безусловнаго повиновенія самымъ ничтожнымъ догматамъ вѣры. Въ 1351 г. францисканскій настоятель въ Барселонѣ въ публичной проповѣди утверждалъ, что кровь, пролитая Христомъ во время его страданій, потеряла всякую божественную силу, отдѣлилась отъ Бога Слова и осталась на землѣ. Положеніе было новое и нѣсколько трудное для доказательства. Но Росельи воспользовался этимъ какъ предлогомъ нанести ударъ ненавистнымъ францисканцамъ и представилъ ученіе ихъ настоятеля на разсмотрѣніе Рима. Отвѣтъ превзошелъ всѣ ожиданія Росельи. Кардиналъ св. Сабины, по приказанію Климента VI, написалъ, что папа съ ужасомъ выслушалъ новое ученіе. Его Святѣйшество, собравъ богослововъ, самъ лично разбилъ это ученіе и подвергъ его строгому осужденію, и инквизиторамъ было приказано возбуждать дѣла повсюду противъ всѣхъ, кто осмѣлится поддерживать эту ересь. Торжество Росельи было полное: несчастному настоятелю пришлось отречься отъ своихъ словъ съ той же самой каѳедры, съ которой онъ ихъ произнесъ. Францисканцы возмутились этимъ, считая это ударомъ, направленнымъ противъ всего ордена. Несмотря на рѣшеніе папы, вопросъ этотъ остался открытымъ въ школахъ и вызывалъ горячіе споры за и противъ. Францисканцы доказывали, строя смѣлыя логическія посылки, что кровь Христа могла прекрасно остаться на землѣ, такъ какъ крайняя плоть, отнятая при обрѣзаніи, сохранилась въ Латеранской церкви и считается святыней даже въ глазахъ самого папы и кардиналовъ, и такъ какъ капли крови и воды, упавшія на крестъ, были предъявлены вѣрующимъ въ Мантуѣ, Брюггѣ и другихъ мѣстностяхъ. Прошло цѣлое столѣтіе, когда въ 1448 г. францисканецъ Жанъ Бретонелль, профессоръ богословія парижскаго университета, представивъ дѣло на разсмотрѣніе факультета, за-

[1]) Llorente. Ch. III. Art. II, №№ 4, 5, 9, 10, 11, 12, 14. Eymeric. «Direct. Inquis.», 265.—Ripoll, II, 245.—Zurita, «Añales». lib. VI, c. 61.—Raynald. ann. 1344, № 9.

Библиотека "Руниверс"

явилъ, что этотъ вопросъ вызываетъ споры въ Ла-Рошели и другихъ мѣстахъ. Была назначена комиссія изъ богослововъ, которая послѣ серьезныхъ дебатовъ вынесла торжественное рѣшеніе, будто мнѣніе, что кровь, пролитая во время страданій, осталась на землѣ, не противорѣчитъ вѣрѣ. Это рѣшеніе придало смѣлость францисканцамъ.

Францисканецъ обсервантинъ Джакомо да Монтепрандоне, болѣе извѣстный подъ именемъ делла Марка, былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся духовныхъ лицъ XV в. Его несравнимое краснорѣчіе, строгая нравственность, сверхчеловѣческая энергія, неукротимое рвеніе въ дѣлѣ уничтоженія ереси вполнѣ справедливо вызвали послѣ его смерти поклоненіе ему какъ святому. Съ 1417 г. онъ дѣлается извѣстенъ подъ именемъ «молота еретиковъ». Онъ получилъ отъ папы полномочія вселенскаго инквизитора, такъ что онъ могъ дѣйствовать въ предѣлахъ всего христіанскаго міра. Въ самыхъ глухихъ углахъ Италіи, Богеміи, Венгріи, Босніи, Далмаціи еретики имѣли основаніе трепетать предъ его именемъ. Нужна была особая смѣлость, чтобы напасть на подобнаго человѣка, но, тѣмъ не менѣе, когда Джакомо 18 апрѣля 1462 г. публично проповѣдывалъ въ Брешіи запрещенное ученіе, то доминиканскій инквизиторъ, Джакомо да Брешіа, немедленно потребовалъ отъ него объясненій. Сначала изъ вѣжливости онъ сообщилъ ему, что не вѣритъ тому, что слышалъ о его проповѣди, и просилъ опроверженіе слуха. Делла Марка подтвердилъ свое ученіе и немедленно былъ вызванъ явиться на другой же день въ трибуналъ. Такимъ образомъ, загорѣлась борьба между двумя орденами. Въ дѣло вмѣшался Брешіанскій епископъ и настаивалъ на взятіи обратно вызова въ судъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ надо было представить спорный вопросъ на разрѣшеніе папы. Жалоба инквизитора показываетъ, насколько вражда уже была сильна. Его противникъ, говорилъ онъ, такъ возбудилъ населеніе Брешіи противъ него и доминиканцевъ, что если бы онъ не принялъ немедленно мѣръ, то многіе бы изъ нихъ были перерѣзаны. Съ другой стороны, отъ Милана до Вероны не было ни одной доминиканской каѳедры, съ которой не раздавались бы обвиненія Джакомо делла Марка въ ереси.

Тонкій политикъ Пій II боялся ссоры какъ съ однимъ, такъ и съ другимъ орденомъ. Доминиканцамъ онъ далъ заграненную копію съ рѣшенія Климента VI, а Джакомо делла Марка онъ написалъ, что онъ далъ этотъ документъ его противникамъ не затѣмъ, чтобы они воспользовались имъ, но потому только, что невозможно было отказать имъ въ его сообщеніи; впрочемъ, рѣшеніе было обнародовано не самимъ Климентомъ, а только отъ имени этого папы, и вопросъ остался открытымъ. Джакомо могъ жить спокойно, увѣренный, что папа питаетъ полное довѣріе къ его рвенію и его набожности, и что на его клеветниковъ будетъ наложено молчаніе. 31 мая Пій II приказалъ прекратить всѣ споры по этому поводу и велѣлъ обѣимъ сторонамъ выслать наиболѣе ученыхъ своихъ членовъ на собраніе, которое состоится въ сентябрѣ подъ его предсѣдательствомъ, и на которомъ вопросъ будетъ рѣшенъ окончательно. Онъ думалъ такимъ пріемомъ положить конецъ несогласію, а, съ другой стороны, надѣялся, что дѣло, если ловко откладывать совѣщаніе, затихнетъ само собой. Но онъ плохо зналъ взаимную вражду нищенствующихъ орденовъ. Споръ распалялся и сдѣлался бѣшенымъ. Францисканцы утверждали, что инквизиторъ, виновникъ всего зла, долженъ быть отрѣшенъ отъ должности и лишенъ званія магистра богословія; но Пій II успокоилъ доминиканца, увѣривъ его, что онъ выполнилъ только свое дѣло, и что поэтому ему нечего бояться.

Совѣщаніе сдѣлалось неизбѣжнымъ несчастіемъ, и Пій II былъ вынужденъ созвать собраніе въ декабрѣ 1463 г. [1]). Каждая сторона избрала по три доктора, которые въ теченіе

[1]) Pastor («Geschichte der Päpste», II, 191) указываетъ мнѣ, что я даю невѣрную дату, и что совѣщаніе состоялось въ декабрѣ 1462 г. Дѣйствительно, такъ оно было назначено первоначально, но Wadding («Annal.» ann. 1463, № 1) говоритъ, что оно было перенесено на Пасху 1463 г., а затѣмъ отложено до декабря 1463 г. Тотъ фактъ, что рѣшеніе папы было вынесено только въ августѣ 1464 г., повидимому, подтверждаютъ слова Ваддинга.

Библиотека "Руниверс"

трехъ дней въ присутствіи папы и священной коллегіи вели такой горячій споръ, что, несмотря на зимнюю стужу, потъ катился съ нихъ градомъ. Вмѣшались другіе, и вопросъ остался нерѣшеннымъ. Какъ доказательство, францисканцы приводили остатки крови Христовой, заключенные въ многочисленныя раки, и крайнюю плоть, которая находилась въ Латеранѣ, въ королевской часовнѣ Франціи и въ Антверпенѣ; они указывали также на пряди волосъ и бороды, отрѣзанныя у Христа, на обрѣзки Его ногтей и т. д., и при этомъ спрашивали, остались ли эти предметы на землѣ, или они были обоготворены и взяты на небо? На эти аргументы доминиканцы отвѣчали уклончиво. Но такъ какъ никто не могъ привести соотвѣтствующихъ текстовъ Св. Писанія, то ни одна изъ сторонъ не вышла побѣдительницей. Добродушный епископъ Брешіи, сыгравшій въ самомъ началѣ роль умиротворителя, представилъ теперь письменно свое аргументированное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ, что папа не долженъ рѣшать этого спора; рѣшеніе папы, по его словамъ, было бы, во-первыхъ, сомнительно, во-вторыхъ, безполезно, а въ-третьихъ, опасно. Это мудрое предложеніе было, по всей вѣроятности, внушено Св. Духомъ, такъ какъ папа воздержался отъ рѣшенія. 1 августа 1464 г., за недѣлю до смерти, онъ издалъ буллу, въ которой вспоминаетъ, какой великій соблазнъ произвелъ среди вѣрныхъ этотъ споръ двухъ орденовъ, и запрещаетъ впредь поднимать его, пока Св. Престолъ не вынесетъ окончательнаго рѣшенія; доминиканцамъ же было строго запрещено считать еретиками францисканцевъ за слѣдованіе этому ученію. Всякое нарушеніе папскихъ приказаній влекло ipso facto отлученіе отъ Церкви, а также строгое тюремное заключеніе. Папа сообщаетъ при этомъ, что послѣ публичнаго диспута кардиналы еще въ теченіе нѣсколькихъ дней обсуждали вопросъ; большинство стало на сторону доминиканцевъ; но проповѣдь францисканцевъ была необходима для крестоваго похода, который папа предполагаетъ лично повести противъ турокъ. Оскорблять союзниковъ было нельзя, и поэтому рѣшеніе было отложено. Тихіе споры, не переходящіе въ открытую ссору, поднимались послѣ этого время-отъ-времени между орденами; но папы никогда не находили нужнымъ покончить это несогласіе, объявивъ свое окончательное рѣшеніе, и вопросъ, поднятый Росельи, еще и до сихъ поръ остается открытымъ [1]).

Въ 1356 г. Росельи былъ возведенъ въ кардиналы С.-Систо. Немного спустя, преемникомъ ему былъ назначенъ Николай Эмерикъ, самый выдающійся изъ всѣхъ арагонскихъ инквизиторовъ, хотя, послѣ болѣе тридцатилѣтняго служенія, онъ и окончилъ свои дни въ опалѣ и изгнаніи. Разносторонній ученый и крайне дѣятельный, онъ оставилъ много трудовъ, изъ которыхъ одинъ удостоился печати. Это Directorium Inquisitorum, въ которомъ впервые дано систематическое изложеніе всего судопроизводства Инквизиціи, столь дорогой его сердцу, и даны основныя положенія и опредѣленныя формулы для руководства инквизиторамъ. Эта книга всегда сохраняла свое значеніе и легла въ основаніе почти всѣхъ послѣдующихъ компиляцій. Эмерикъ составилъ себѣ очень высокое понятіе объ образцовомъ инквизиторѣ. Онъ требовалъ отъ него глубокаго знанія всѣхъ тонкостей ученія и всѣхъ заблужденій ереси, и не только заблужденій общеизвѣстныхъ, распространенныхъ въ массѣ, но и темныхъ умозрѣній школъ, аверроизма и аристотелизма, требовалъ знанія вѣрованій сарацинъ и татаръ. Въ эту эпоху, когда Инквизиція,

[1]) Eymeric. «Direct. Inquis.», 262.—Ripoll, III, 421; VII, 90.—Wadding. ann. 1351, №№ 16, 18, 21; ann. 1462, №№ 1—18; 1463, №№ 1—5; 1464, №№ 1—6.—D'Argentré I, I, 372; II, 250, 254.—Gradonici, «Pontif. Brixianorum Series», Brixiae, 1755 г., стр. 348—51.—Aen. Sylvii, «Comment.», liv. XI; ejusdem, lib. «de Contentione Divini Sanguinis».

По всей вѣроятности, вслѣдствіе этого запрещенія всякаго спора по этому вопросу была включена въ Пармскій Индексъ 1580 г. книга подъ заглавіемъ: «Modo di contemplare e dir la devotione del pretiosissimo sangue» Сильвестро Капуччино (Reusch, «Index Librorum Prohibitorum gedrückt zu Parma 1580», Bonna, 1889, стр. 6, 11). Однако, эта книга не попала ни въ Тридентскій Индексъ 1564, ни въ Индексъ Сикста V 1594 г.

Библиотека "Руниверс"

уже падающая, мало-по-малу становилась предметомъ презрительнаго отношенія, Эмерикъ смѣло настаивалъ на неограниченныхъ прерогативахъ и неотъемлемыхъ привилегіяхъ Святого Трибунала. Признавая за еретикомъ только одно право, право выбора между подчиненіемъ и костромъ, онъ выражалъ взгляды своего времени. Его труды одушевлены и какъ бы озарены убѣжденіемъ, что дѣло инквизитора—спасеніе душъ [1]).

Эмерикъ горько жалуется, что такъ трудно находить средства для оплаты издержекъ такого необходимаго для блага Церкви учрежденія, какъ Инквизиція. Понятно, что короли Арагоніи не считали себя обязанными содержать Св. Трибуналъ; съ своей стороны, епископы, говоритъ Эмерикъ, старались, подобно своимъ заграничнымъ собратьямъ, уклоняться отъ выполненія лежавшихъ на нихъ обязательствъ. Конфискаціи, добавляетъ онъ, давали немного или совсѣмъ ничего, такъ какъ еретики были бѣдняки, вальденцы, фратичелли и другіе въ этомъ же родѣ. Появилась-было надежда на болѣе богатую поживу въ 1359 г., когда бѣжали въ Арагонію обратившіеся въ христіанство и снова отпавшіе евреи графства Венессенъ; но Иннокентій IV приберегъ ихъ для себя и послалъ къ нимъ своего собственнаго инквизитора Бернара дю Пюи, которому Петръ IV предоставилъ полное право разыскивать и наказывать вѣроотступниковъ. Въ дѣйствительности, насколько мы можемъ судить, незначительность дѣятельности, проявленной Эмерикомъ въ теченіе его долгаго служенія, показываетъ, что ересь въ эту эпоху стала уже рѣдкостью. Иногда инквизитору удавалось найти нѣсколько вальденцевъ, фратичелли, евреевъ-вѣроотступниковъ или сарацинъ-ренегатовъ; время-отъ-времени онъ накладывалъ свою руку на какого-нибудь безобиднаго сумасшедшаго, манія котораго по несчастью принимала религіозное направленіе, или на какого-нибудь тонкаго казуиста, заблудившагося въ догматическомъ богословіи. Такъ, напр., около 1360 г. въ самомъ началѣ своей дѣятельности Эмерикъ имѣлъ удовольствіе сжечь, какъ еретика-рецидивиста, нѣкоего Николая Калабрійца, который упорно настаивалъ, что его учитель, Мартинъ Гонсальво де Куенка, былъ сыномъ Божіимъ, которому предназначено вѣчно жить, обратить міръ и въ день Страшнаго суда умолять за всѣхъ умершихъ, которыхъ онъ выведетъ изъ ада.

Въ 1371 г. онъ былъ еще болѣе счастливъ тѣмъ, что благодаря рѣшенію Григорія IX ему удалось заставить молчать францисканца Педро Бонагету. Точное отношеніе между личностью Іисуса Христа и конкретнымъ содержаніемъ Св. Даровъ долгое время служило поводомъ къ спорамъ въ Церкви. Братъ Педро училъ, что если облатка упадетъ въ пыль или будетъ какимъ-нибудь образомъ запачкана, или если ее погрызетъ мышь, то тѣло Христа возносится на небо, и опрѣснокъ становится простымъ хлѣбомъ; то же происходило, если пріобщающійся дотронется до облатки зубами раньше, чѣмъ проглотитъ ее. Григорій не рѣшился объявить это ученіе еретическимъ и ограничился лишь запрещеніемъ проповѣдывать его открыто. Около этого же времени Эмерику доставило много непріятностей дѣло одного еврея, крестившагося и вступившаго въ доминиканскій орденъ, бр. Рамона де Таррага, многочисленныя философскія сочиненія котораго сильно отзывались ересью. Эмерикъ два года держалъ его въ тюрьмѣ; затѣмъ Григорій велѣлъ немедленно произвести надъ нимъ судъ, угрожая инквизитору въ случаѣ неповиновенія строгимъ наказаніемъ. Несомнѣнно, у Рамона были въ орденѣ вліятельные друзья, затронуть которыхъ Эмерикъ не рѣшался, такъ какъ черезъ шесть мѣсяцевъ пришла новая грамата отъ папы; Григорій объявлялъ, что, если виновный по арагонскому закону не можетъ быть наказанъ, его слѣдуетъ подъ хорошимъ конвоемъ выслать на судъ папы и переслать всѣ относящіяся къ дѣлу бумаги, тщательно ихъ запечатавъ. Въ дѣйствительности, Инквизиція не могла судить доминиканцевъ. Въ то же время другого еврея,

---

[1]) Судя по концу рукописи «Directorium», приводимой у Вильнуэва (Viage Literario, XIX, 120), это сочиненіе написано, повидимому, въ 1374 г.

Библиотека "Руниверс"

Астрюкіо де Пьера, арестованнаго Эмерикомъ по обвиненію въ колдовствѣ и призываніи демоновъ, потребовала свѣтская власть и держала его у себя подъ арестомъ, пока папа не приказалъ выдать его инквизитору, который приговорилъ его къ пожизненному тюремному заключенію, предварительно заставивъ его силою принести отреченіе.

Незадолго передъ этимъ (1361 г.) Эмерикъ заставилъ отречься нѣкоего Бартоло Ханевизіо изъ Майорки, который любилъ писать сочиненія апокалиптическаго характера, посвященныя вопросу объ антихристѣ; книги его были сожжены публично. Кромѣ того, Эмерикъ проповѣдывалъ ученіе скорѣе политическаго, чѣмъ религіознаго характера: онъ училъ что всякій, оказавшій помощь сарацинамъ долженъ быть наказанъ какъ соумышленникъ ереси. Но, повидимому, это ученіе осталось мертвою буквою и не было введено въ практику Св. Трибунала. Ниже мы увидимъ, чѣмъ окончилась попытка Эмерика осудить сочиненія Раймунда Люлля; здѣсь мы ограничимся лишь указаніемъ результатовъ этой попытки. Преемникомъ Эмерика, послѣ его отстраненія отъ должности въ 1386 г., былъ назначенъ его смертельный врагъ Бернардо Эрменгауди. Въ 1387 г., когда взошелъ на престолъ враждебный Эмерику Іоаннъ I, онъ дважды былъ осужденъ и изгнанъ. Король отозвался о немъ какъ о неизлѣчимомъ сумасшедшемъ, какъ о врагѣ вѣры, вдохновляемомъ Сатаною и напитанномъ ядомъ безвѣрія. Небольшихъ результатовъ добился Эмерикъ, когда въ своей безумной ревности напалъ на благочестиваго Св. Винцента Феррерскаго за то, что послѣдній въ одной изъ своихъ проповѣдей сказалъ, что раскаяніе Іуды Искаріотскаго было искренне и спасительно, что Іуда повѣсился, не будучи въ состояніи вслѣдствіе большой толпы подойти къ Іисусу и испросить у него прощенія, и получилъ на небѣ отпущеніе своего преступленія. Дѣло уже близилось къ концу, когда Педро де Луна, кардиналъ Арагоніи, взялъ Винцента подъ свое покровительство и сдѣлалъ его своимъ духовникомъ; избранный въ 1394 г. въ Авиньонѣ папой подъ именемъ Бенедикта XIII, Луна потребовалъ отъ Эмерика все дѣло Феррера и безъ всякой церемоніи сжегъ его.

Преемникъ Эмерика, Бернардо Пюигъ, былъ, говорятъ, энергичнымъ и счастливымъ инквизиторомъ; онъ покаралъ многихъ еретиковъ и уничтожилъ многія ереси. Около 1390 г. въ Валенсіи возникло дѣло объ одномъ священникѣ, Педро де Сепланесъ, который поучалъ съ каѳедры, что Христосъ имѣлъ тройственную натуру—божескую, духовную и человѣческую. Одинъ городской купецъ тутъ же громко опровергъ это ученіе; поднялся громкій говоръ. Инквизиторъ немедленно арестовалъ черезчуръ ужъ топкаго богослова, который избѣгъ костра только потому, что публично отрекся отъ своихъ словъ, и отдѣлался пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Но осужденный бѣжалъ на Балеарскіе острова и подалъ апелляцію папѣ [1]).

Майоркское королевство, основанное въ 1262 г. Іаковомъ I Арагонскимъ для его младшаго сына Іакова, заключало Балеарскіе острова, Руссильонъ и Сердань. Это новое королевство, повидимому, потребовало особой Инквизиціи. Время, когда она была тамъ основана, не извѣстно; первымъ инквизиторомъ Майорки, имя котораго дошло до насъ, былъ бр. Рамонъ Дюрфоръ, упоминаемый въ качествѣ свидѣтеля въ хартіи 1332 г. Онъ занималъ этотъ постъ до 1343 г., когда былъ избранъ провинціаломъ Тулузы. Съ этого времени инквизиторы слѣдуютъ преемственно. Когда въ 1348 г. Петръ IV силою присоединилъ къ Арагоніи сосѣднія области, объединенія трибуналовъ не произошло, хотя въ 1351 г. Климентъ VI въ бреве, адресованномъ на имя Николая Росельи, въ то время

[1]) Eymeric. «Direct. Inquis.», 44, 266, 314—6, 357—8, 652—3.—Carbonell, «Lib. de Gestis Haereticor.» (Colec. de Doc. de la Corona de Aragon, XXVII, 378; XXVIII, 7, 8).—Mag. Bull. Rom. I, 263.—Ripoll, II, 268, 269, 270.—Martène, «Thesaur.», II, 1181—2, 1182 bis, 1189.—Raynald. ann. 1398, № 23.—Wadding. ann. 1371, №№ 14—24.—Paramo, 111.—Pelayo, «Heterodoxos Espanoles», I, 499—500, 528.

Библиотека "Руниверс"

доминиканскаго провинціала Арагоніи, заявляетъ, что раздѣленіе отнюдь не лишаетъ его права назначать инквизиторовъ. Вообще, Инквизиція, чувствуя, что ея кредитъ и значеніе падаютъ, повидимому, старалась исправить это несчастіе, увеличивая число мѣстныхъ инквизиторовъ. Въ 1413 г. Бенедиктъ XIII, признаваемый еще папою въ Арагоніи, произвелъ новое дѣленіе: графства Руссильонъ и Сердань были даны бр. Бернардо Пажесу, а Балеарскіе острова получилъ Гильенъ Сарраго. Эти два трибунала продолжали проявлять нѣкоторую дѣятельность; время-отъ-времени зажигали костры, на которыхъ сжигали, главнымъ образомъ, евреевъ или сарацинъ, уличенныхъ въ вѣроотступничествѣ или колдовствѣ. Преемникомъ Сарраго былъ Бернардо Мойль, послѣ котораго былъ Антоніо Мурта, занимавшій должность до 1420 г., когда Мартинъ V произвелъ существенныя измѣненія во внутреннемъ устройствѣ Инквизиціи. Въ это же время Мартинъ, по ходатайству короля и консуловъ Валенсіи, преобразовалъ эту провинцію въ особый инквизиторскій округъ. Арагонскій провинціалъ назначилъ на эту должность бр. Андрея Росъ; послѣдній въ 1433 г. былъ утвержденъ въ этой должности Евгеніемъ IV, но уже въ слѣдующемъ году этотъ же самый папа безъ всякихъ мотивовъ уволилъ его; говорятъ, что онъ безжалостно преслѣдовалъ огнемъ и желѣзомъ Виклефистовъ. Его преемники, Доминго Кортесъ и Антоніо Кремонскій, прославились уничтоженіемъ вальденцевъ[1]).

Одно дѣло, случившееся въ 1423 г., указываетъ, повидимому, на то, что Инквизиція уже не пользовалась тою властью, которая нѣкогда дѣлала ее столь страшной. Бр. Педро Салацо, инквизиторъ Руссильонскій и Серданьскій, заключилъ въ тюрьму по обвиненію въ ереси отшельника, по имени Педро Фрезеріи, пользовавшагося среди населенія славою великаго святого. Обвиняемый ссылался, что свидѣтелями были все его личные враги, и заявлялъ, что онъ готовъ оправдать себя передъ настоящимъ судьей; его друзья обратились съ жалобой къ Мартину V. Папа передалъ дѣло, съ правомъ вынести окончательный приговоръ, Бернардо, аббату бенедиктинскаго монастыря въ Арлѣ, въ епархіи Эльна. Бернардо поручилъ дѣло канонику церкви въ Эльнѣ, который оправдалъ подсудимаго, не дожидаясь отвѣта папы на апелляцію, поданную инквизиторомъ. Въ концѣ концовъ, Мартинъ передалъ все дѣло Нарбоннскому ординарію, давъ ему полномочіе вызвать къ себѣ обѣ стороны и постановить окончательное рѣшеніе. Вся эта передача дѣла отъ одного къ другому свидѣтельствуетъ о полномъ пренебреженіи къ прерогативамъ Инквизиціи [2]).

Еще болѣе поучительна жалоба, поданная въ 1456 г. Каллисту III братомъ Матео де Рапика, инквизиторомъ Руссильона и Серданя. Нѣсколько вновь обращенныхъ евреевъ продолжали соблюдать нѣкоторые свои старые обряды; напр., они ѣли мясо постомъ и заставляли дѣлать то же своихъ слугъ-христіанъ. Бр. Матео и Эльненскій епископъ Хуанъ подняли противъ нихъ преслѣдованіе; но еретики не только не покорились, но выпустили еще памфлетъ на епископа и при помощи нѣкоторыхъ мірянъ дѣлали ему много непріятностей и огорченій. Въ своемъ безсильномъ гнѣвѣ инквизиторъ обратился къ папѣ, который приказалъ архіепископу и судьѣ нарбоннской консисторіи разобрать это дѣло. Тотъ же духъ неповиновенія еще болѣе рѣзко проявился въ одномъ дѣлѣ, о которомъ мы уже упоминали. Этотъ случай имѣлъ мѣсто въ 1458 г., когда были нанесены оскорбленія инквизитору Арагоніи, бр. Мигуелю: въ теченіе девяти мѣсяцевъ дворяне и королевскіе чиновники, которыхъ онъ обидѣлъ тѣмъ, что слѣдовалъ инструкціямъ папы Николая V, держали его въ тюрьмѣ [3]).

---

[1]) Dameto, Mut, y Alemany, «Historial General de Mallorca» (изд. 1840 г. I, 101—3; II, 652). Bulario de la Orden de Santiago, T. III, fol. 553 (Archivio Hist. Nacional).—Villanueva, «Viage Literario», XXI, 219, 216.—Libell. de Magist. Ordi Praedic. (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 432.—Paramo, 179, 186—7.—Ripoll, II, 579, 594; III, 20, 28.—Monteiro, P. I. Lib. II, c. 30.—Llorente, ch. III. Art. III. №№ 4, 8.

[2]) Ripoll. II, 613.

[3]) Ripoll. III, 347.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXXV, 192).

Библиотека "Руниверс"

Однако, противъ бѣдныхъ, беззащитныхъ людей, Инквизиція сохраняла еще свое могущество. Виклефизмъ, подъ которымъ стали подразумѣвать также и ересь вальденцевъ, продолжалъ распространяться. Около 1440 г. было открыто много этихъ еретиковъ инквизиторомъ Арагоніи, Мигуелемъ Феррисомъ, и Мартиномъ Трильесомъ изъ Валенсіи. Однимъ изъ нихъ позволили возсоединиться съ Церковью, другихъ сожгли, какъ упорствующихъ еретиковъ. Среди этихъ жертвъ находилась, какъ полагаютъ, Леонора, несчастная жена доктора Іакова де Лиминанна, вызванная около этого времени на судъ за то, что отказалась выполнить епитимію, наложенную на нее картагенской инквизиціей.

Должность инквизитора продолжала привлекать къ себѣ много желающихъ. Чтобы увеличить число этихъ блюстителей вѣры, Николай V вскорѣ послѣ своего избранія въ 1447 г. отдѣлилъ Каталонію отъ Арагоніи, а въ 1459 г. было произведено новое раздѣленіе: генералъ-министръ доминиканцевъ Марціалъ Аурибелли преобразовалъ въ самостоятельный трибуналъ барселонскую епархію и поручилъ ее бр. Хуану Конде, совѣтнику и духовнику инфанта Карлоса, принца Віанскаго. Впрочемъ, новый инквизиторъ недолго отправлялъ въ мирѣ свою должность; по всей вѣроятности, каталонскому инквизитору, недовольному раздробленіемъ своей провинціи, удалось въ 1461 г. добиться отъ Пія II breve, которымъ отмѣнялось это отдѣленіе подъ предлогомъ, что достаточно одного инквизитора. Бр. Хуанъ оказалъ сопротивленіе и былъ отлученъ отъ Церкви. Но вліяніе его царственнаго покровителя было настолько сильно, что 13 октября того же 1461 г. Пій II издалъ другую буллу, которой Хуану возвращался его постъ, и снималось съ него отлученіе. Въ 1479 г. въ Валенсіи вспыхнула ссора, показывающая, что обязанности инквизитора были для многихъ привлекательны. Провинціалъ Арагоніи отстранилъ отъ должности бр. Іакова Борреля и назначилъ на его мѣсто Хуана Маркеса. Боррель отправился съ жалобой къ Сиксту V, и папа приказалъ генералъ-министру возстановить отстраненнаго инквизитора въ его должности и поручился Боррелю, что никто не посмѣетъ тронуть его [1]).

Фердинандъ Католикъ, занявшій уже въ 1474 г., по праву своей супруги Изабеллы, тронъ Кастиліи, принялъ въ 1479 г. корону Арагоніи. Еще раньше, чѣмъ была въ 1483 г. реформирована арагонская инквизиція, вліяніе Фердинанда должно было много содѣйствовать возстановленію ея могущества. Наканунѣ реформы въ 1482 г. Инквизиція Арагоніи дѣйствовала съ удвоенной энергіей и смѣлостью подъ управленіемъ доминиканца Хуана де Эпила. До насъ дошло со всѣми подробностями много дѣлъ этой эпохи, между прочимъ, дѣло о преслѣдованіи отца и матери королевскаго протонотарія Фелипе де Клементе. Во время этого усиленія преслѣдованій Христоферъ Гвальбесъ, бывшій съ 1452 г. инквизиторомъ Валенсіи, сильно поссорился съ архидіакономъ Меркадеромъ, креатурою кардинала Борджіа, бывшаго въ то время епископомъ Валенсіи, а позднѣе папою подъ именемъ Александра VI. Вслѣдствіе этой ссоры Гвальбесъ былъ изгнанъ, какъ сынъ беззаконія, и генералъ-инквизитору Торквемадѣ было поручено назначить на его мѣсто другого [2]).

Огромное королевство Кастиліи и Леона, занимавшее большую часть Пиренейскаго полуострова, не знало тяжести средневѣковой Инквизиціи; это государство пользовалось большей независимостью отъ Рима, чѣмъ всѣ остальныя въ ту эпоху. Централизаціи власти въ рукахъ короля мѣшали здѣсь богатые прелаты, буйные дворяне и города, ревниво охранявшіе свои свободы; народъ былъ малообразованъ и не интересовался пустыми богословскими умозрѣніями. Вся энергія уходила на возвращеніе земель, завоеванныхъ сарацинами. Частныя затрудненія, которыя создавало присутствіе въ Кастиліи большого числа покорен-

[1]) Llorente. Ch. III. Art. II, № 11.—Albertini, «Repertor. Inquis.» s. v. «Deficiens».—Ripoll, III, 397, 415, 572.

[2]) Llorente. Ch. VII. Art. II, № 2.—Ripoll, III, 422, 621.—Paramo, 187.—Archivio Gen. de la Corona de Aragon, Reg. 3681, fol. 31.—Boletin de la Acad. de la Hist. T. XV, 472.—Butario de la Orden de Santiago, T. I, fol. 43.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ евреевъ и мавровъ, скорѣе осложнялись, чѣмъ разрѣшались Инквизиціей. Однако, наступилъ день, когда объединеніе Арагоніи и Кастиліи подъ владычествомъ Фердинанда и Изабеллы, сопровождавшееся завоеваніемъ Гренады, позволило этимъ повелителямъ серьезно приняться за дѣло, которое соотвѣтствовало ихъ политикѣ и ихъ фанатизму; а именно—за дѣло возстановленія силою единства вѣры.

Доминиканская легенда передаетъ, что Доминикъ вернулся изъ Рима въ Испанію въ качествѣ генералъ-инквизитора, чтобы основать тамъ Инквизицію для наказанія обращенныхъ евреевъ и мавровъ, небрежно относившихся къ исполненію своей новой вѣры; св. Фердинандъ III оказалъ ему горячее содѣйствіе, и онъ основалъ Инквизицію по всей странѣ; онъ самъ лично совершилъ первое ауто-да-фе въ Бургосѣ, гдѣ было сожжено триста вѣроотступниковъ, и затѣмъ еще одно ауто, на которомъ присутствовалъ и король, принесшій на своихъ плечахъ связки дровъ для сожженія своихъ подданныхъ; несчастные ожесточенные нагло дразнили его изъ пламени, пожиравшаго ихъ. Затѣмъ Доминикъ основалъ инквизицію въ Арагоніи, откуда отправился въ Парижъ и организовалъ Инквизицію по всей Франціи; въ 1220 г. онъ послалъ къ Германію въ качествѣ инквизитора Конрада Марбургскаго, а въ 1221 онъ закончилъ свое дѣло основаніемъ Инквизиціи во всѣхъ государствахъ Италіи. Эта нелѣпая исторія стоитъ разсказа стараго лѣтописца, повѣствующаго, что св. Бонифацій былъ инквизиторомъ и сжегъ при помощи Пипина Короткаго множество еретиковъ. Въ подтвержденіе намъ даютъ длинный списокъ инквизиторовъ, бывшихъ послѣдовательно на полуостровѣ—Сусро Гомесъ, Бернардо Жиль, Педро де Хуеска, Арнальдо Сегарра, Гарсіа де Валькосъ и т. д. Но все это были только доминиканскіе провинціалы въ Испаніи, которымъ папы давали право назначать инквизиторовъ, и которые пользовались этимъ правомъ только въ предѣлахъ Арагоніи. Даже самъ Парамо, старающійся доказать номинальное существованіе Инквизиціи въ Кастиліи, вынужденъ сознаться, что на практикѣ въ этой странѣ не было Инквизиціи [1]).

Между тѣмъ, даже въ такомъ отдаленномъ городѣ, какъ Леонъ, катаризму удалось пустить корни. Огромное число катаровъ изгналъ епископъ Родриго, умершій въ 1232 г. Они сами привлекли на себя вниманіе распространеніемъ легенды съ цѣлью вызвать ненависть населенія къ священникамъ. Одна бѣдная женщина, разсказывали они, поставила на алтарь восковую свѣчку въ честь Божьей Матери; когда она ушла, священникъ взялъ свѣчку для своихъ личныхъ надобностей. Ночью Св. Дѣва явилась предъ своей почитательницей и, бросивъ ей въ глаза горячій воскъ, сказала: «Вотъ тебѣ благодарность за твои добрыя отношенія! Лишь только ты вышла, священникъ взялъ твою свѣчку. Ты получила бы должную награду, если бы свѣчка сгорѣла на моемъ алтарѣ, но ты должна быть наказана за то, что, благодаря твоей небрежности, я пользовалась свѣтомъ только мгновеніе». По свидѣтельству очевидца Луки Тюи эта исторія произвела такое сильное впечатлѣніе на простыхъ людей, что перестали ставить свѣчи. Чтобы вернуть народу его вѣру, нужны были подлинныя чудеса!

За періодъ времени, протекшій со дня смерти епископа Родриго (мартъ 1232 г.) до назначенія ему преемникомъ Арнальдо (августъ 1234 г.), еретики имѣли достаточно времени, чтобы проявить свою злую волю. Одинъ катаръ, по имени Арнальдо, былъ сожженъ около 1218 г. въ томъ мѣстѣ предмѣстья, гдѣ сваливались всѣ нечистоты; здѣсь былъ ручей; еретики выкрасили воду его въ красный цвѣтъ и заявили, что вода въ немъ чудеснымъ образомъ превратилась въ кровь. Многихъ изъ нихъ, притворявшихся слѣпыми, хромыми или одержимыми нечистой силой, приносили къ этому источнику, и они тотчасъ же выздоравливали. Затѣмъ они вырыли кости одного еретика, и объявили, что это—мощи святого

[1]) Monteiro, P. I, liv. I, c. 38, 44, 46, 48—51; liv. II, c. 5—12.—Chron. Eccles. Hamelens. (Script Rer. Brunsv. II, 508).—Herculano, I, 39.—Baluz et Mansi, I, 208.—Paramo, «de Orig. Offic. S. Inquis.», 131.

Библиотека "Руниверс"

мученика. Охваченное энтузіазмомъ населеніе построило часовню и поклонялось этимъ мощамъ. Напрасно священники и монахи старались остановить это движеніе; народъ объявилъ ихъ еретиками и не обратилъ никакого вниманія на отлученіе отъ Церкви, наложенное сосѣдними епископами на поклонниковъ новаго святого. Въ то же время еретики потихоньку разсказывали подкладку всего дѣла, какъ примѣръ того, какимъ образомъ создаются святые, и какъ творятся чудеса, и благодаря этому произвели много обращеній. Чтобы покарать это святотатство, Богъ наслалъ десятимѣсячную засуху, которая прекратилась только тогда, когда епископъ Лука съ опасностью для жизни, разрушилъ еретическую часовню; тотчасъ же полилъ дождь, и Лука ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ для изгнанія еретиковъ. Вся эта исторія ясно показываетъ, что еретики были многочисленны и имѣли правильную организацію, и что не было спеціальнаго учрежденія, которое боролось бы съ ними. Но, когда въ 1239 г. Лука былъ назначенъ епископомъ въ Тюи, прекратились и слухи объ еретикахъ и преслѣдованіе ихъ. По всей вѣроятности, разсказанный случай былъ единичнымъ явленіемъ, дѣломъ бѣглецовъ изъ Лангедока, которые исчезли, не оставивъ по себѣ послѣдователей [1]).

Если вѣрить заявленію Луки, что лица духовнаго званія часто вмѣстѣ съ еретиками смѣялись надъ таинствами и духовенствомъ, то церковь Испаніи не могла стоять за введеніе Инквизиціи. Одинъ примѣръ позволяетъ намъ судить, какъ мало было развито въ странѣ точное представленіе о методахъ Инквизиціи. Открывъ въ 1236 г. еретиковъ въ Паленсіи, св. Фердинандъ III приказалъ опалить имъ лица, и эта мѣра заставила ихъ одуматься и просить прощенія. Никто, повидимому, не зналъ, какъ поступить съ этими людьми, и обратились къ Григорію IX, который поручилъ епископу Паленсіи присоединить ихъ къ Церкви. Нѣкоторые историки передаютъ, что король часто требовалъ отъ своихъ подданныхъ доставки дровъ для наказанія не раскаявшихся еретиковъ; этотъ разсказъ, конечно, апокрифическій, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что идеи Инквизиціи прививались въ странѣ не безъ труда [2]).

Болѣе вѣскія данныя почерпаемъ изъ двухъ кодексовъ Альфонса Мудраго, извѣстныхъ подъ именемъ El Fuero Real и Las Siete Partidas, изъ которыхъ первый былъ изданъ въ 1255 г., а второй лѣтъ десять спустя. Инквизиція тогда находилась въ своемъ апогеѣ. Повсюду, гдѣ трудились надъ уничтоженіемъ ереси, эта задача была поручена Святому Трибуналу. Однако, Альфонсъ не только не считается съ Инквизиціей, но, упорядочивая свѣтскимъ закономъ отношенія между Церковью и свѣтской властью, онъ показываетъ даже, насколько въ это время Испанія оставалась внѣ крупныхъ движеній XII и XIII вв. Правда, ересь подсудна духовнымъ судамъ, и всякій гражданинъ могъ донести о еретикѣ своему епископу или его викарію; если будетъ установлено, что обвиняемый вѣритъ иначе, чѣмъ учитъ Церковь, его нужно постараться склонить къ обращенію и простить его, если онъ вернется въ лоно Церкви; если же онъ будетъ упорствовать въ заблужденіи, то его должно выдать свѣтскому судьѣ, и тогда его участь рѣшалась независимо отъ законовъ, которые Церковь старалась ввести во всѣхъ христіанскихъ земляхъ. Если обвиняемый получилъ consо-

---

[1]) Lucae Tudens. «De altera Vita», lib. III, c. 7, 9.—Ср. c. 18, 20.—Floreal, «Española Sagrada», XXII, 120—22, 126—30.

[2]) Lucae Tudens. lib. III, c. 12.—Raynald. ann. 1236, № 60.—Rodrigo, «Hist. Verdadera de la Inquisicion», II, 10.

Около конца XIII вѣка Эгидій изъ Заморы въ своей біографіи св. Фердинанда говоритъ, что король сжигалъ всѣхъ еретиковъ, которыхъ могъ открыть, и самъ на своихъ плечахъ приносилъ хворостъ для костра. Очевидно, эти слова имѣли цѣлью подогрѣть очень слабое рвеніе Санчо Храбраго, внука короля св. Фердинанда. Дѣйствительно, Эгидій съ грустью сравниваетъ настоящее время съ счастливыми днями прошлаго. «O quam beata tempora ista, in quibus fides catholica sublimatur, heretica pravitas trucidatur et Sarracenorum urbes et castra fidelium gladio devastantur!»—Boletin de la Real Acad. de la Hist. T. IV, 310, 311.

Библиотека "Руниверс"

lamentum, если онъ исполнялъ обряды вѣрующихъ, или если онъ отрицалъ будущую жизнь, то подлежалъ сожженію; но вѣрующій, не соблюдающій обрядовъ, долженъ быть изгнанъ или заключенъ въ тюрьму до тѣхъ поръ, пока не вернется къ истинной вѣрѣ; всякій, присоединившійся къ ереси, но еще не сдѣлавшійся вѣрующимъ, подвергался въ пользу государственной казны штрафу въ размѣрѣ десяти ливровъ золотомъ, а въ случаѣ несостоятельности его наказывали пятьюдесятью ударами плети; имущество умершихъ еретиками или казненныхъ переходило къ ихъ прямымъ наслѣдникамъ католикамъ, а за неимѣніемъ таковыхъ—къ ближайшему родственнику; если же совсѣмъ не было родственниковъ католиковъ, то имущество мірянина переходило въ казну, а лица духовнаго—Церкви; а если Церковь не требовала въ теченіе года подобнаго имущества, то оно переходило въ казну. Дѣти, лишенныя наслѣдства за свое исповѣданіе ереси, получали обратно свои части, если приносили отреченіе. Осужденный за ересь не имѣлъ права занимать общественной или государственной должности, получать по духовнымъ завѣщаніямъ, оставлять завѣщанія, вести торговлю, быть свидѣтелемъ въ судѣ. Домъ, гдѣ дано было убѣжище странствующему миссіонеру, отдавался Церкви, если въ немъ жилъ самъ хозяинъ, а если онъ былъ въ арендѣ, то владѣлецъ подвергался штрафу въ десять ливровъ золотомъ или публичному наказанію кнутомъ. Если rico home, т.-е. знатный, будетъ укрывать еретиковъ въ своихъ земляхъ или замкахъ и будетъ упорствовать въ этомъ послѣ года отлученія, то имѣніе его или замокъ должны быть отобраны для короля; а если виновнымъ будетъ простой человѣкъ, то и личность его и его имѣніе предоставляются въ полное распоряженіе суверена. Христіанинъ, перешедшій въ іудейство или мусульманство, являлся въ глазахъ закона еретикомъ и долженъ быть сожженъ; тому же наказанію подлежалъ и всякій, кто сталъ бы воспитывать ребенка въ запрещенной вѣрѣ. Но преслѣдованіе мертвыхъ покрывалось давностью черезъ пять лѣтъ послѣ смерти [1]).

Всѣ эти законы показываютъ, что, если Альфонсъ и его совѣтники считали обязанностью государства охранять вѣру въ ея чистотѣ, то эта обязанность въ ихъ глазахъ была вполнѣ гражданской, а Церкви предоставлялось только опредѣлить виновность обвиняемаго. На обширное и мелочное законодательство, выработанное Григоріемъ IX, Иннокентіемъ IV и Александромъ IV, не было обращено никакого вниманія. Каноническое право не примѣнялось въ Кастиліи, гдѣ вопросы этого характера разсматривались сообразно съ нуждами страны, какъ это видно изъ Ordenamiento de Alcalà, изданнаго въ 1348 г.: въ немъ нѣтъ никакого упоминанія о ереси. Повидимому, не считали нужнымъ измѣнять статей Partidas, тогда впервые утвержденныхъ народнымъ собраніемъ. По этому законодательству доминиканскій провинціалъ не могъ назначать инквизиторовъ нигдѣ, кромѣ Арагоніи, въ силу буллы Урбана IV (1262 г.).

Кастилія продолжала жить, не зная бѣдствій Инквизиціи, и преслѣдованіе ереси было тамъ почти не извѣстно. Въ 1316 г. Бернаръ Ги Тулузскій открылъ въ своемъ округѣ страшныхъ сектантовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Dolcinistes или Pseudo-Apostoli, онъ поднялъ противъ нихъ энергичное преслѣдованіе, и они бѣжали въ Испанію. 1 мая 1316 г. Бернаръ писалъ всѣмъ прелатамъ и монахамъ Испаніи, знакомилъ ихъ съ отличительными чертами этой ереси и просилъ ихъ хватать и наказывать этихъ еретиковъ. Если бы въ то время въ Испаніи была Инквизиція, то, конечно, Бернаръ обратился бы прямо къ ней. Отвѣтъ пришелъ изъ отдаленнаго города Компостелля. Епископъ Родриго увѣдомлялъ его, что схвачено пять лицъ, отвѣчающихъ даннымъ имъ примѣтамъ, и что они содержатся въ оковахъ; при этомъ онъ спрашивалъ указаній насчетъ того, какъ надо судить ихъ, и какому наказанію подлежатъ они, если будутъ признаны винов-

[1]) Las Siete Partidas, P. I. Tit. VI. l. 58; P. VII. Tit. XXIV. I, 7; Tit. XXV. II, 2—7.—El Fuero real, Lib. IV. Tit. I. II, 1, 7.

Библиотека "Руниверс"

пыми, «ибо—добавлялъ онъ—все это для насъ дѣло совершенно новое». Очевидно, въ Кастиліи и Леонѣ не было Инквизиціи, къ которой можно было бы обратиться, и тамъ даже не были извѣстны предписанія Partidas относительно ереси; между тѣмъ, изъ всѣхъ городовъ королевства Компостелль долженъ былъ лучше другихъ знать внѣшній міръ и еретиковъ, такъ какъ толпы паломниковъ посылались туда ежегодно отовсюду [1]).

Въ 1401 г. Бонифацій IX демонстративно назначилъ инквизиторомъ всей Испаніи доминиканскаго провинціала Винцента Лиссабонскаго и предписалъ, чтобы всѣ его издержки оплачивались епископами, и чтобы ни одинъ изъ высшихъ лицъ его ордена не имѣлъ права смѣстить его. Единственной ересью, упоминаемой въ буллѣ, является идолопоклонническое почитаніе растеній, деревьевъ, камней, алтарей; все это остатки языческаго суевѣрія, показывающіе, на какомъ уровнѣ стояли на полуостровѣ религія и культура. Надѣяться на то, чтобы вмѣшательство Бонифація произвело какое-либо дѣйствіе, было невозможно, такъ какъ Испанія признавала авиньонскаго антипапу Бенедикта XIII. Мы не будемъ обсуждать, какія причины побудили Бонифація сдѣлать этотъ шагъ, такъ какъ онъ былъ запоздалымъ: когда вышла булла, бр. Винцентъ уже умеръ, окруженный ореоломъ святости. Узнавъ объ этомъ, Бонифацій 1 февраля 1402 г. предоставилъ на будущее время доминиканскому провинціалу Испаніи право назначать и отставлять инквизиторовъ или дѣйствовать самому въ качествѣ таковыхъ, пользуясь всѣми привилегіями и властью, признанными канонами. Если мѣра эта и не была приведена въ исполненіе, то, по крайней мѣрѣ, она дала возможность испанскимъ историкамъ составить послѣдовательный списокъ генералъ-инквизиторовъ. Около этого же времени король Генрихъ III увеличилъ наказанія, карающія ересь, рѣшивъ, что половина имущества еретиковъ, осужденныхъ духовными судьями, конфисковалась королевской казной [2]).

Упомянутая булла Бонифація, быть-можетъ, оправдываетъ съ исторической точки зрѣнія слова Алонсо Тостадо, епископа Авилы, который немного позднѣе упоминаетъ объ инквизиторахъ, разыскивающихъ въ Испаніи людей, считаемыхъ еретиками. Она объясняетъ также замѣчанія Сикста IV, который 1 января 1482 г., утверждая инквизиторовъ, назначенныхъ въ Севильѣ Фердинандомъ и Изебеллой, запрещаетъ на будущее время подобныя назначенія на томъ основаніи, что для этого достаточно лицъ, назначаемыхъ доминиканскимъ провинціаломъ. Но, несмотря на все, испанская инквизиція существовала только юридически, а не фактически.

Въ государствѣ видное мѣсто занимали conversos, или обращенные евреи, которыхъ всюду подозрѣвали въ тайномъ исповѣданіи іудейства. Во время анархизма, царившаго въ Испаніи при Іоаннѣ II, большинство ихъ принадлежало къ партіи, враждебной любимцу короля, Альваро де Луна. Это были опасные враги, и Альваро, повидимому, полагалъ, что, взявъ въ свои руки Инквизицію, онъ сумѣетъ ихъ уничтожить, такъ какъ Іоаннъ просилъ въ 1451 г. Николая V дать для наказанія этого вѣроотступничества нѣкоторыя полномочія, которыми предоставлялись бы инквизиторскія привилегіи. Изъ этого ясно, что въ это время въ Кастиліи не было ничего въ этомъ родѣ. Николай охотно откликнулся и назначилъ инквизиторами епископа Осмы, его викарія и Схоластика изъ Саламанки. Это только побудило противниковъ Луны усилить дѣятельность, чтобы на его гибели основать свое спасеніе; и имъ удалось отдалить короля отъ своего любимца, который былъ поспѣшно осужденъ и казненъ въ 1453 г. Но мы ни откуда не видимъ, чтобы инквизиторы когда-либо примѣняли свою власть; повидимому, папская булла не оказала никакого дѣйствія.

Въ 1453 г. былъ судимъ вмѣстѣ со своими соучастниками Алонзо да Альмарзо, аббатъ крупнаго бенедиктинскаго монастыря Antealtares въ Компостеллѣ. Они продавали по

[1]) Coll. Doat, XXX, 132 и слѣд.

[2]) Ripoll, II, 421, 433.—Monteiro, P. I. Liv. II, c. 35, 36.—Ordenanzas Reales, Lib. VIII. Tit. IV. I, 4.

Библиотека "Руниверс"

всей Испаніи и Португаліи индульгенціи, которыя, по ихъ словамъ, изводили изъ ада души осужденныхъ; они поддѣлывали благословенный папой Agnus Dei, они сочиняли и поддѣлывали папскія граматы и побуждали обращенныхъ евреевъ къ вѣроотступничеству. Если бы была въ Испаніи Инквизиція, то она немедленно вмѣшалась бы, но не было ничего подобнаго; дѣло было представлено Николаю V, который поручилъ веденіе его Таррагонскому епископу. Немного позднѣе, около 1460 г. Альфонсъ де Эспинаръ отмѣчаетъ и оплакиваетъ отсутствіе всякаго преслѣдованія ереси. Епископы, инквизиторы и проповѣдники—всѣ должны были бороться съ еретиками, но среди нихъ нѣтъ ни одного расположеннаго къ этому. «Никто не разыскиваетъ заблужденій еретиковъ. Хищные волки, Господи, проникли въ стадо Твое, ибо мало истинныхъ пастырей. Многіе изъ нихъ—наемники и, какъ наемники, думаютъ только о томъ, чтобы стричь, а не кормить овецъ!» Далѣе Альфонсъ рисуетъ намъ грустную картину испанской Церкви, разрываемой еретиками, евреями и сарацинами. Немного позднѣе, въ 1464 г., собранные въ Мединѣ кортесы обратили на это вниманіе и жаловались на большое число «malos cristianos esospechosos en la fe», но національное отвращеніе къ римской Инквизиціи проявилось и здѣсь въ томъ, что не поднимали даже вопроса о введеніи ея въ странѣ. Ограничились только тѣмъ, что поручили строго разыскивать еретиковъ архіепископамъ и епископамъ. Короля Генриха IV просили оказать имъ содѣйствіе, чтобы можно было основательно обслѣдовать всю подозрѣваемую область, и чтобы всѣ виновные были открыты, заключены въ тюрьму и наказаны. При этомъ королю поставили на видъ, что это дѣло дастъ ему хорошую выгоду, такъ какъ конфискованное имущество пойдетъ въ его казну. Король охотно выразилъ свое согласіе, но изъ этого дѣла не вышло ничего[1]).

Въ общемъ чистота вѣры въ Испаніи страдала только отъ нѣсколькихъ фратичелли и вальденцевъ, которыхъ было очень мало, чтобы стоило принимать противъ нихъ энергичныя мѣры. Главная опасность была въ евреяхъ и маврахъ, которымъ законъ предоставлялъ свободу, но которыхъ народъ въ своемъ фанатизмѣ заставлялъ креститься толпами. Чистота вѣры этихъ вновь обращенныхъ была сомнительна. Ниже я надѣюсь показать, что мѣры, принятыя Фердинандомъ и Изабеллой, не были совершенно несправедливы, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія религіозныхъ и политическихъ убѣжденій той эпохи, хотя и привели къ гибельнымъ послѣдствіямъ; теперь же я ограничусь тѣмъ, что покажу, каково было положеніе дѣлъ, и какъ общее недовольство заставляло искать его исправленія.

Въ это время даже и Испанія была нѣсколько потрясена духомъ безпокойства и разслѣдованія, которымъ отмѣчена вторая половина XV столѣтія, и который подрывалъ основы традиціи и оспаривалъ притязанія духовенства. Около 1460 г., по свидѣтельству Альфонса де Эспина, многіе начали отрицать силу изустной исповѣди, но, чтобы дойти до этого, надо было предварительно подвергнуть сомнѣнію многіе другіе ученія и обряды, соблюденіе которыхъ, по словамъ Церкви, было неразрывно связано съ вѣчнымъ спасеніемъ. Эти новаторы дошли до такой смѣлости, что магистръ саламанкскаго университета, Педро изъ Осмы, рѣшился напечатать изложеніе ихъ мнѣній. Изустная исповѣдь, утверждалъ онъ, измышленіе человѣческое, а не божеское и не является необходимымъ условіемъ отпущенія грѣховъ; никакая папская индульгенція не можетъ спасти отъ огня Чистилища; папы могутъ ошибаться и не имѣютъ никакого права разрѣшать нарушеніе церковныхъ статутовъ. Если бы подъ руками была Инквизиція, то смѣлаго еретика сейчасъ бы заставили замолчать; но власти такъ мало знали, что имъ нужно предпринять, что запросили Сикста IV, и папа поручилъ произвести надъ Педро изъ Осмы судъ то-

[1]) Monteiro. P. I. Lib. II, c. 30.—Rodrigo, II, 11, 14—15.—Paramo, 136.—Raynald. ann. 1451, № 6; ann. 1453, № 19.—Alphons. de Spina, «Fortalic. Fidei», Prolog. fol. 56 b (над. 1494 г.).

Библиотека "Руниверс"

Великій инквизиторъ Франциско Хименесъ, возведшій на костеръ свыше 2500 еретиковъ (1436—1517).

Инквизиція.

Библиотека "Руниверс"

ледскому архіепископу Альфонсу Каррильо, самому высшему, послѣ короля, сановнику королевства. Въ 1479 г. состоялось по этому поводу собраніе въ Алкала, на которое явилось до пятидесяти-двухъ лучшихъ испанскихъ богослововъ и огромное число канонистовъ. Былъ вызванъ Педро, но онъ не явился; его ученіе было осуждено какъ еретическое, а его приговорили не къ костру, какъ слѣдовало, а только къ публичному отреченію съ каѳедры отъ своихъ словъ. Онъ покорился и подчинился наказанію. Оффиціальный отчетъ передаетъ что всѣ вѣрные проливали слезы, видя столь великое проявленіе побѣды руки Божіей. Педро мирно умеръ въ слѣдующемъ году какъ вѣрный сынъ католической Церкви. Сикстъ IV, утверждая постановленія собора, приказалъ архіепископу преслѣдовать какъ еретиковъ всѣхъ тѣхъ учениковъ Педро, которые не послѣдуютъ примѣру своего учителя и не покорятся [1]).

На другой день послѣ восшествія на престолъ Фердинанда и Изабеллы (1474 г.) Сикстъ IV послалъ въ качествѣ легата при испанскомъ дворѣ Николо Франко и далъ ему всѣ права инквизитора для преслѣдованія и наказанія ложныхъ христіанъ, которые и послѣ крещенія продолжали соблюдать іудейскіе обряды [2]). Фердинандъ и Изабелла, не желая допускать вмѣшательства легата во внутреннія дѣла королевства, не позволили ему, повидимому, воспользоваться властью, данной ему папою; впрочемъ, повидимому, и онъ самъ не старался примѣнять ее. Королевская чета просила дать нѣкоторую отсрочку и предлагала условія, такъ что, въ концѣ концовъ, когда 1 ноября 1478 г. вышла булла Сикста IV объ основаніи Инквизиціи въ Испаніи, право папскаго вмѣшательства было низведено тамъ до минимума.

Въ 1211 г., въ началѣ своего царствованія, Альфонсъ II Португальскій проявилъ свое рвеніе къ вѣрѣ тѣмъ, что настоялъ на изданіи кортесами строгихъ законовъ о подавленіи ереси; но, когда первый доминиканскій провинціалъ въ Испаніи, Суэйро Гомесъ, попытался ввести въ Португаліи инквизиторовъ изъ своего ордена, то Альфонсъ отказался принять ихъ и настоялъ, чтобы еретики, какъ и прежде, судились обыкновенными епископскими судами; въ теченіе почти ста-пятидесяти лѣтъ Инквизиція помнила это. Мысль, повидимому, пользовалась въ Португаліи полною свободой, такъ какъ около 1325 г. Альваро Пелайо даетъ намъ длинный перечень заблужденій, открыто проповѣдуемыхъ въ школахъ Лиссабона Ѳомою Скотомъ, монахомъ-вѣроотступникомъ. Характеръ этихъ ученій можно видѣть изъ положенія, заимствованнаго у Аверроэса, что три человѣка обманули міръ: Моисей обманулъ евреевъ, Христосъ—христіанъ и Магометъ—сарацинъ. Ересіархъ, повидимому, оставался безнаказаннымъ до тѣхъ поръ, пока не заявилъ, что св. Антоній Падуанскій содержалъ наложницъ; только тогда францисканскій пріоръ приказалъ заключить его въ тюрьму, и возникло дѣло. Наконецъ, буллою отъ 17 января 1376 г. Григорій XI, предоставилъ Агапито Колоннѣ, лиссабонскому епископу, назначить, въ видѣ исключенія инквизиторомъ франциканца, такъ какъ ересь сильно распространилась, а въ королевствѣ не было инквизиторовъ. Вновь назначаемый инквизиторъ долженъ былъ получать ежегодное содержаніе въ размѣрѣ двухсотъ флориновъ золотомъ, которые надлежало собирать со всѣхъ епархій въ размѣрѣ налога, взимаемаго съ каждой изъ нихъ въ пользу римской куріи. Агапито назначилъ тогда перваго португальскаго инквизитора; это былъ Мартинъ Васкесъ. Удалось ли этому инквизитору собрать назначенную на его содержаніе сумму, мы не можемъ сказать; но какъ бы ни были малы его доходы, они были въ соотвѣтствіи съ его дѣятельностью, отъ которой не сохранилось никакихъ слѣдовъ [3]).

---

[1]) Alphons. de Castro, «Adv. Haereses.». Lib. III, s. v. «Confessio».—Illescas, «Historia Pontifical», lib. VI, c. 18.—Aguirre, «Concil. Hispan.», V, 351—8.—D'Argentre, I, II, 298—302.

[2]) Archivio Vaticano. Sisto IV. Registro 679. Tom. I, fol. 52.

[3]) Herculano, I, 40.—Monteiro. P. I, lib. II, c. 34.– Pelago, «Heterodoxos. Españoles», I, 782—3.

Библиотека "Руниверс"

тогда какъ Испанія держала сторону антипапы Климента VII, то доминиканская провинція Испаніи была раздѣлена. Португалія была сначала подчинена викарію, а въ 1418 г., когда Мартинъ V въ законномъ порядкѣ призналъ это раздѣленіе, туда былъ назначенъ провинціаломъ Гонсало; этимъ объясняется, почему преемникомъ Мартина Васкеса былъ еще францискапецъ. Въ 1394 г. Родриго изъ Синтры, именовавшій себя инквизиторомъ Португаліи и Альгарвы, просилъ утвержденія у Бонифація IX, исполнившаго его просьбу. Повидимому, доходы португальскаго инквизитора были ничтожны, такъ какъ Родриго была предоставлена привилегія жить съ однимъ избраннымъ имъ товарищемъ въ одномъ изъ францискапскихъ монастырей, члены котораго должны были давать ему доходы, какими пользовались всѣ магистры богословія. Родриго былъ проповѣдникомъ короля Іоанна I, который и испросилъ у Бонифація ему эту милость. До насъ не дошло никакихъ слѣдовъ дѣятельности этого инквизитора, какъ и его предшественника. Преемникомъ его былъ доминиканецъ Винцентъ изъ Лиссабона, который былъ во время раздѣленія провинціаломъ въ Испаніи и послѣ этого вернулся въ Португалію, гдѣ сдѣлался исповѣдникомъ короля Іоанна. Въ 1399 г. Бонифацій, по просьбѣ короля, сдѣлалъ Винцента инквизиторомъ, а въ 1401 г., какъ мы уже видѣли, папа сдѣлалъ попытку распространить его юрисдикцію на Кастилію и Леонъ. Послѣ смерти Винцента (1401 г.), о дѣятельности котораго мы ничего не знаемъ, былъ, повидимому, перерывъ. Очевидно, на должность инквизитора смотрѣли какъ на случайную, связанную съ званіемъ королевскаго капеллана, если послѣдній соглашался принять ее. Первымъ послѣ этого назначеніемъ, о которомъ дошло до насъ извѣстіе, было назначеніе (1413 г.) другого исповѣдника короля Іоанна, францискапца Альфонса де Альпрано, о дѣятельности котораго не сохранилось никакого воспоминанія. Когда въ 1418 г. королевство было реорганизовано и образовало независимую доминиканскую провинцію, то, по увѣренію историковъ Инквизиціи, всѣ провинціалы были, въ силу буллы Бонифація IX (1402 г.), послѣдовательно и генералъ-инквизиторами, и шли они непрерывнымъ рядомъ до 1531 г., когда была основана новая Инквизиція. Но не сохранилось ни одного упоминанія объ ихъ дѣйствіяхъ въ качествѣ инквизиторовъ. Святой Трибуналъ спалъ, не имѣя даже оффиціально назначеннаго на должность лица, до тѣхъ поръ, пока въ первыхъ годахъ XVI ст. Домъ Маноэль, побуждаемый примѣромъ своихъ сосѣдей по Кастиліи и обезпокоенный положеніемъ *новыхъ христіанъ*, т.-е. перешедшихъ изъ іудейства и ислама, не призвалъ Инквизиціи снова къ жизни. Хотя къ его услугамъ былъ доминиканскій провинціалъ, но онъ, повидимому, не хотѣлъ имѣть инквизиторомъ этого монаха и добился отъ папы назначенія францискапца Генриха изъ Коимбры, дѣятельность котораго прошла безслѣдно [1]).

Новая испанская Инквизиція дала примѣръ, которому не замедлила послѣдовать маленькая Португалія. И, дѣйствительно, въ глазахъ горячихъ католиковъ Португаліи казалось необходимымъ устроить и у себя нѣчто подобное тому, что было въ Испаніи въ виду многочисленности *новыхъ христіанъ*, бѣжавшихъ отъ испанскаго преслѣдованія. Въ 1515 г. Д. Маноэль приказалъ своему посланнику въ Римѣ, Д. Мигуелю да Сильва, обратиться къ папѣ Льву X съ просьбой о предоставленіи португальской Инквизиціи тѣхъ привилегій, которыя были даны Инквизиціи въ Кастиліи. Но этотъ проектъ не былъ исполненъ по неизвѣстной для насъ причинѣ. Сынъ Д. Маноэля, Іоаннъ III, наслѣдовавшій отцу въ 1521 г., былъ фанатикъ и человѣкъ слабоумный, и мы можемъ только удивляться, почему замедлилось на цѣлыхъ десять лѣтъ введеніе Инквизиціи по образцу испанской. Борьба, возникшая по поводу этого мѣропріятія, не принадлежитъ къ эпохѣ среднихъ вѣковъ, и ея исторія выходитъ уже за предѣлы нашей работы [2]).

---

[1]) Llorente. Ch. III. Art. II, № 24.—Monteiro, P. I, lib. II, c. 35, 37, 38, 39.—Wadding. ann 1394, № 4; 1413, № 4.—Ripoll. II. 389

[2]) Herculano. «Da Origem, etc., da Inquisição». I. 163—5.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА IV.

Италія.

Во Франціи, какъ мы видѣли, ересь, въ союзѣ съ феодализмомъ, упорно боролась противъ усиленія монархіи. Въ Италіи условія были болѣе разнообразны и болѣе сложны; благодаря этому борьба противъ господствующей Церкви была болѣе энергична, и подавить сопротивленіе было гораздо труднѣе. Ересь и политика по временамъ такъ сплетаются въ Италіи, что трудно иногда бываетъ отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Судьба еретиковъ болѣе зависитъ отъ политическихъ превратностей, чѣмъ отъ рвенія людей, подобныхъ св. Петру Мученику и Райнеріо Сакконе.

Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій нормальное положеніе Италіи было близко къ анархіи. Спазмодическія усилія государства, стремившагося заставить признать его традиціонныя притязанія на верховную власть, разбивались о политику папъ, мечтавшихъ о распространеніи на всю Италію своей свѣтской власти. Въ теченіе столѣтняго царствованія Гогенштауфеновъ (1152 — 1254), когда государство, казалось, было близко къ достиженію своей цѣли, папы старались мѣшать имъ и поддерживали города въ ихъ стремленіи стать независимыми и создать самостоятельныя республики; поэтому во всѣхъ городахъ у нихъ была своя партія. Къ сѣверу отъ Папской области Италія дробилась на маленькія государства съ болѣе или менѣе демократическимъ устройствомъ. Огромное большинство ихъ страдало отъ внутреннихъ раздоровъ между разными партіями, которыя, какъ, напр., гвельфы и гибеллины, поднимали то знамя папы, то знамя императора, лишь бы создать поводъ къ раздору. Въ общемъ всѣ эти государства вели постоянно войны. Иногда, правда, какая-либо настоятельная необходимость на короткое время объединяла ихъ, какъ, напр., это было въ 1176 г., когда Ломбардская Лига разбила на поляхъ Леньяно могущество Барбароссы; но гораздо чаще лѣтописцы этой несчастной эпохи рисуютъ намъ картины кровавыхъ стычекъ, происходившихъ внутри всѣхъ городовъ и подъ ихъ стѣнами.

Ереси трудно было разсчитывать на болѣе благопріятныя условія для распространенія. Церковь была вся поглощена мірскими дѣлами и удовольствіями. Во время борьбы Александра III съ четырьмя антипапами, Викторомъ, Паскалемъ, Каликстомъ и Иннокентіемъ, которыхъ одного за другимъ выставлялъ противъ него Фридрихъ I, не могло быть и рѣчи о возстановленіи католичества. Когда папы восторжествовали, то суровые эдикты, изданные Луціемъ III, были, какъ мы видѣли, опубликованы Генрихомъ VI въ 1194 г. и Оттономъ IV въ 1210 г. Но всѣ эти мѣры не имѣли практическихъ результатовъ. Такъ какъ всѣ города были разбиты на партіи, то къ ереси, поддерживавшей власть въ равновѣсіи, относились снисходительно, и она могла иногда наклонить чашку вѣсовъ въ ту или другую сторону, обезпечивая себѣ, такимъ образомъ, участіе въ дѣлахъ правленія. Еще болѣе серьезные споры одного города съ другимъ и папы съ императоромъ открыли широкое поле для дипломатическихъ комбинацій, которыми еретики сумѣли прекрасно воспользоваться. Когда при Гоноріи III, Григоріи IX и Фридрихѣ II были выработаны принципы преслѣдованія, и соумышленники ереси были сравнены съ еретиками, то партіи и знатные, оказывавшіе покровительство или терпимость въ отношеніи еретиковъ, подверглись общей анаѳемѣ; населенія цѣлыхъ областей были признаны впавшими въ ересь. Хотя въ глазахъ папы гибеллины и еретики часто представлялись однимъ и тѣмъ же, все же не было безошибочнаго мѣрила; такъ, напр., традиціонная ненависть Милана къ

Библиотека "Руниверс"

имперіи дѣлала его городомъ совершенно гвельфскимъ, между тѣмъ, онъ былъ всюду извѣстенъ какъ самый дѣятельный центръ ереси.

На самомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, не такъ ужъ еретическое ученіе распространилось широко, какъ объ этомъ можно было бы судить по папскимъ отлученіямъ отъ Церкви; тѣмъ не менѣе, еретики были достаточно многочисленны, чтобы играть видную роль въ политикѣ и надѣяться, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, занять со временемъ господствующее положеніе. Они совсѣмъ не находили нужнымъ скрываться. Когда въ 1209 г. Оттонъ IV прибылъ въ Римъ на коронацію, то духовныя лица, сопровождавшія его, къ великому своему соблазну, открыли существованіе школъ, гдѣ открыто проповѣдывали манихеизмъ; это было въ Римѣ при бдительномъ Иннокентіи III!

Въ первое время преслѣдованія доминиканцамъ приходилось вести публичные споры съ еретиками въ самыхъ населенныхъ городахъ Италіи. Въ 1210 г. Оттонъ IV былъ вынужденъ приказать магистратамъ Феррары изгнать изъ города катаровъ, отказавшихся подчиниться приказаніямъ епископа и принять ученіе Церкви, а также изгнать всѣхъ, открыто державшихъ сторону этихъ мятежниковъ [1]).

Этьенъ Бурбонскій передаетъ, что, по словамъ одного обращеннаго еретика, въ Миланѣ было не менѣе семнадцати ожесточенно враждовавшихъ между собою сектъ; однако, ихъ можно, какъ и во Франціи, свести къ двумъ главнымъ сектамъ—катарамъ или патаренамъ и вальденцамъ. Припомнимъ, что катары въ Ломбардіи появились въ первой половинѣ XI вѣка въ Монфортѣ, и что съ того времени число ихъ постоянно росло. Около половины XIII вѣка Райнеріо Сакконе перечисляетъ ихъ церкви. Въ Ломбардіи и въ Маркахъ было до пятисотъ Совершенныхъ катаровъ секты Albanenses, болѣе тысячи пятисотъ Concorrezenses и до двухсотъ Bajolenses. Церковь въ Виченцѣ насчитывала до ста катаровъ; такое же число было во Флоренціи и Сполето; кромѣ того, въ Ломбардіи было до ста-пятидесяти бѣглецовъ изъ Франціи. Общее число катаровъ отъ Константинополя до Пиренеевъ Райнеріо Сакконе опредѣляетъ въ 4000, не считая безчисленнаго множества вѣрующихъ; такимъ образомъ, мы видимъ, что около двухъ третей этихъ еретиковъ было сосредоточено въ сѣверной Италіи, преимущественно въ Ломбардіи, гдѣ они составляли значительную часть населенія [2]).

Ломбардія была фактическимъ центромъ, откуда катаризмъ распространялся по всей Европѣ. Выше мы видѣли, какъ эта страна болѣе полустолѣтія служила убѣжищемъ для гонимыхъ въ Лангедокѣ и въ то же время мѣстомъ, куда отправлялись искать миссіонеровъ и наставниковъ. Около 1240 г. нѣкто Ивонъ Нарбоннскій, по ошибкѣ обвиненный въ ереси, бѣжалъ въ Италію, гдѣ его встрѣтили какъ мученика, и гдѣ ему удалось проникнуть во всѣ тайны сектантовъ. Въ письмѣ къ бордоскому архіепископу Жеро онъ описываетъ прекрасное устройство секты, охватившей всю Италію и распространившейся на сосѣднія страны. Изъ всѣхъ городовъ Ломбардіи и Тосканы катарская молодежь отправлялась въ Парижъ обучаться логикѣ и богословію, чтобы быть въ состояніи защищать потомъ заблужденія своего ученія. Купцы, катары разъѣзжали по ярмаркамъ и останавливались въ разныхъ домахъ, гдѣ они всегда старались посѣять сѣмена своей вѣры. Полные рвенія и энергіи катары смотрѣли на свою вѣру какъ на религію будущаго; въ своемъ энтузіазмѣ они искали мученической смерти, видя въ ней средство для распространенія своихъ идей. Главной квартирой ихъ былъ Миланъ. Всѣ катарскія церкви христіанскаго міра посылали туда ежегодно своихъ уполномоченныхъ, привозившихъ съ собою деньги на содержаніе центральной организаціи; имъ сообщали измѣнявшійся еже-

[1]) Caesar. Heisterbacens. «Dial. Mirac.». Dist. V, c. 25.—Muratori, «Antiq. Ital.». Diss, LX (T. XII, стр. 447).

[2]) D'Argentré, «Coll. Judic. de Novis Error.», I, I, 86.—Reinerii Saccon. «Summa» (Martène «Thesaur.», V, 1767).

Библиотека "Руниверс"

годно лозунгъ, по которому странствующій катаръ могъ узнать жилище своихъ единовѣрцевъ и безбоязненно просить гостепріимства. Тщетно въ 1212 г. Иннокентій III грозилъ ересямъ участью Лангедока и крестовымъ походомъ; къ счастью ломбардцевъ, не было никого, кому папа могъ бы поручить ихъ уничтоженіе. Германія, несмотря на все свое желаніе покорить Италію, не могла предпринять подобнаго дѣла; къ тому же, папы почти столько же боялись императорскаго господства, сколько ненавидѣли ересь. Когда въ 1236 г. Фридрихъ II приводилъ въ повиновеніе возставшихъ ломбардцевъ, Григорій IX обратился къ нему съ настоятельной просьбой обратить свое оружіе противъ Сиріи; отвѣтъ императора полонъ горькой ироніи; онъ указываетъ папѣ, что жители Милана гораздо хуже сарацинъ, и что покореніе ихъ гораздо важнѣе [1]).

У насъ нѣтъ данныхъ даже для приблизительнаго опредѣленія числа вальденцевъ; однако, въ нѣкоторыхъ округахъ число ихъ не должно было уступать числу катаровъ. Немногочисленные, сохранившіеся еще, Арнальдисты и Umiliati съ радостью приняли миссіонеровъЛіонскихъ бѣдныхъ; принимая ученіе новыхъ проповѣдниковъ, они еще развили его въ духѣ оппозиціи римской Церкви. Уже съ 1206 г. Иннокентій III упоминаетъ, не различая ихъ, Umiliati и Ліонскихъ Бѣдныхъ, и безъ особаго успѣха старается изгнать этихъ еретиковъ изъ Фаэнцы, гдѣ они распространяли свое ученіе между народомъ. Въ Миланѣ они построили школу, гдѣ открыто проповѣдывали свое ученіе; эта школа была, наконецъ, разрушена ревностнымъ архіепископомъ. Когда въ 1209 г. Дурандо де Хуеска старался вернуть этихъ заблудшихся въ лоно Церкви, то сто изъ нихъ согласились возсоединиться подъ условіемъ, что зданіе школы будетъ возстановлено и отдано имъ. Очевидно, они не боялись никакого дѣятельнаго преслѣдованія; и изъ граматъ Иннокентія мы узнаемъ, что еретики продолжали процвѣтать въ этомъ городѣ. Сожженные въ 1212 г. въ Страсбургѣ вальденцы заявили, что глава ихъ живетъ въ Миланѣ, и что они высылаютъ ему деньги, собранныя между ними [2]).

Наиболѣе прочно вальденцы основались въ долинахъ Коттійскихъ Альповъ, откуда они распространились въ Дофинэ. Въ этихъ негостепріимныхъ странахъ, до того времени почти необитаемыхъ, они заняли почти каждую пядь земли, гдѣ человѣкъ неустаннымъ трудомъ могъ заработать себѣ кусокъ хлѣба. Они здѣсь быстро размножились и населили долины Лузерны, Ангроньи, С.-Мартино и Перозы. Въ 1210 г. епископъ туринскій, Джакомо ди Каризіо, обезпокоенный постояннымъ ростомъ ереси въ своей епархіи, обратился къ Оттону IV съ просьбой уничтожить ее, но императоръ посовѣтовалъ ему только построже наказывать и изгонять виновныхъ. Каноническое право давало для этого страшныя постановленія, но епископъ не имѣлъ силы, нужной для ихъ примѣненія, и совѣтъ императора остался мертвою буквою. Мѣстные сюзерены не дѣлали ничего въ пользу преслѣдованія, и поэтому еретики продолжали размножаться. Наиболѣе охваченнымъ ересью былъ округъ, непосредственно зависѣвшій отъ аббатства Ринайль, намѣстникъ котораго, видя, что онъ ничего не можетъ сдѣлать съ еретиками, уступилъ свои свѣтскія права графу Савойскому Томмасо I; послѣдній издалъ эдиктъ, о которомъ я уже упоминалъ; по этому эдикту всякій, дававшій убѣжище еретикамъ, подвергался штрафу въ десять су; но эта мѣра не имѣла никакого дѣйствія. Такимъ образомъ, благодаря отсутствію всякой дѣйствительной репрессіи, у подошвы Альповъ образовались общины, которыя упорно отстаивали свою вѣру и въ теченіе столѣтій давали непрерывный рядъ скромныхъ мучениковъ, твердость и упорство которыхъ представляли много хорошихъ уроковъ человѣчеству [3]).

---

[1]) Matt. Paris, ann. 1236, стр. 293; ann. 1243, стр. 412—13 (изд. 1644 г.).—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1230.—Innoc. PP. III. «Regest.», XV, 189.—Hist. Diplom. Frid. II. T. IV, 881.

[2]) Montet, «Hist. litter. des Vaudois du Piémont», 40—41.—Innoc. PP. III. «Regest.» IX, 18, 19, 204; XII, 7; XIII, 63.—Kaltner, «Konrad von Marburg», 42. 44.—Annal. Marbacens. ann. 1231 (Urstisii, «Germ. Hist. Script.», II, 90).

[3]) Böhmer, «Regest. Imp.», V, 110.—Comba, «La Riforma in Italia», I, 254—57.—Ejusd.

Библиотека "Руниверс"

Хотя вальденцы Ломбардіи и считали себя одного происхожденія съ Ліонскими Бѣдными, но ихъ быстрое развитіе породило различія въ ученіи. Въ 1218 г. въ Бергамо произошло совѣщаніе между представителями двухъ секцій. На этомъ совѣщаніи не было установлено соглашенія, и около 1230 г. вальденцы Ломбардіи послали своимъ нѣмецкимъ братьямъ изложеніе спорныхъ пунктовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе мелкихъ подробностей вѣроученія вальденцевъ и внутренней ихъ организаціи; но упомянуть объ этомъ необходимо, такъ какъ все это показываетъ, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилась еретическая Церковь, какою вѣротерпимостью пользовалась она фактически, и насколько дѣятельны были сношенія между членами ея, распространившимися по всей Европѣ [1]).

Наступательное настроеніе еретиковъ, расположеніе къ нимъ народа, невозможность для Церкви уничтожить ихъ въ виду политическаго состоянія эпохи, прекрасно явствуютъ изъ безпорядковъ, происшедшихъ въ 1204 г. въ Піаченцѣ. Еретики были тамъ достаточно могущественны, чтобы вызвать ссору между властями и епископомъ Гримеріо, слѣдствіемъ чего было устраненіе отъ должности и изгнаніе епископа и всего духовенства. Изгнанники явились въ Кремону; но въ 1205 г. и этотъ городъ вступилъ въ борьбу со своимъ духовенствомъ, и священники, снова изгнанные, бѣжали въ Кастель Арквато. Въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ въ Піаченцѣ не было католическихъ священниковъ и не отправлялось никакихъ службъ; но Церковь пользовалась столь малымъ уваженіемъ въ народѣ, что къ этому лишенію отнеслись совершенно безразлично. Въ октябрѣ 1206 г. Иннокентій III послалъ трехъ уполномоченныхъ съ тѣмъ, чтобы они возсоединили возмутившихся, пригрозивъ имъ, что въ противномъ случаѣ ихъ епархія будетъ распредѣлена между сосѣдними каѳедрами. Но граждане не обратили вниманія на эту угрозу и отказались принять условія папы, который повелѣвалъ имъ удовлетворить епископа за всѣ понесенные имъ убытки. Уполномоченные шесть мѣсяцевъ провели въ безплодныхъ переговорахъ, а затѣмъ вернулись назадъ; и только въ іюлѣ 1207 г. другому посольству, предложившему болѣе пріемлемыя условія, удалось добиться примиренія, давшаго возможность священникамъ вернуться изъ изгнанія. Около этого же времени Иннокентій нашелъ нужнымъ обратиться къ жителямъ Тревизо съ увѣщаніемъ, чтобы они изгнали еретиковъ. Не прибѣгая ни къ какимъ угрозамъ, онъ просилъ жителей относиться съ довѣріемъ къ своему епископу, который уничтожитъ злоупотребленія духовенства, дурное поведеніе котораго довело городъ до возмущенія. Можно легко понять, съ какой радостью ожидали еретики окончательнаго торжества своего ученія; этимъ же объясняется отчаяніе Іоахима Флорійскаго, который въ своемъ комментаріи къ Апокалипсису видитъ въ этихъ еретикахъ саранчу, вооруженную ядомъ скорпіоновъ, выпрыгивающую при звукѣ пятой трубы изъ глубинъ и бездны бездонной [2]). Въ его глазахъ эти еретики—самъ Антихристъ. Могущество ихъ будетъ только расти, король ихъ, этой саранчи, уже избранъ, и «имя ему по-еврейски Аваддонъ, по-гречески Аполліонъ» [3]). Всякое сопротивленіе противъ нихъ безсильно. Они соединятся съ сарацинами, съ которыми они, по его словамъ, вошли въ сношенія уже съ 1195 года [4]).

«Histoire des Vaudois d'Italie», I, 124 и слѣд., 140. — Charvaz, «Origine dei Valdesi», App. № XXII.

Джузеппе Мануель де С. Джованни («Un'Episodia della Storia del Piemonte», Туринъ, 1874 г., стр. 15—21) полагаетъ, что грамата Оттона IV была просто черновикомъ граматы, которую хотѣлось получить епископу; но этотъ вопросъ имѣетъ чисто-археологическій интересъ, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, указъ не былъ приведенъ въ дѣйствіе.

[1]) Rescript. Heres. Lombard. (Preger, «Beiträge», Мюнхенъ, 1875 г., стр. 56—63).—Reinerii «Summa» (Martene, «Thesaur.» V, 1775).

[2]) Апокалипсисъ, IX, 3, 4.

[3]) Ibid. IX, 11.

[4]) Campi, «Dell'Historia Ecclesiastica di Piacenza», P. II. 92 и слѣд.—Innoc. PP. III. «Regest.» IX, 131, 186—9; X, 54, 64; 222.—Tocco, «L'Eresia nel Medio Evo», 364, 365 (Флоренція, 1884 г.).—Ср. Pseudo-Joachim. «de septem temporibus Ecclesiae», P. V.

Библиотека "Руниверс"

Когда Гонорій III получилъ въ 1220 г. отъ Фридриха II извѣстный уже жестокій коронаціонный эдиктъ, онъ могъ одно время надѣяться на возможность полнаго уничтоженія ереси; но скоро ему пришлось разочароваться. Какія бы доказательства своей вѣры ни проявлялъ Фридрихъ II, какія бы суровыя мѣры ни примѣнялъ онъ въ своихъ владѣніяхъ въ Сициліи, его политика не позволяла ему порвать съ вождями гибеллиновъ или усилить партію гвельфовъ въ маленькихъ безпокойныхъ республикахъ, подчиненія которыхъ онъ добивался. Все его царствованіе было не что иное, какъ смертельная борьба, то явная, то тайная, противъ Рима, и онъ былъ черезчуръ свободомыслящимъ, чтобы задумываться надъ выборомъ наступательнаго или оборонительнаго оружія; такимъ образомъ, на сѣверѣ и въ центрѣ Италіи его законы вообще остались мертвою буквой. Уже въ 1221 г. одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ гибеллиновъ Тревизской Марки, Эццелино да Романо, былъ обвиненъ въ покровительствѣ еретикамъ; но онъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, очевидно, считая это выгоднымъ для себя съ политической точки зрѣнія. Когда въ 1227 г. Ингерамо да Мачерата, прежній подестатъ Римини, былъ обвиненъ гражданами за то, что сжегъ на кострѣ, какъ еретиковъ, ихъ дочерей и сестеръ, и за то, что хотѣлъ внести въ собраніе городскихъ законовъ указы Фридриха, то онъ обратился за поддержкой не къ императору, а къ папѣ Гонорію III [1]).

Очевидно, нужно было нѣчто другое, чѣмъ императорскіе эдикты. Отыскивая средство остановить распространеніе ереси, Гонорій отправилъ въ 1224 г. епископовъ Брешіи и Модены, давъ имъ особыя полномочія, въ Ломбардію для уничтоженія еретиковъ. Это въ сущности были инквизиторы. Здѣсь мы видимъ первый шагъ, который постепенно долженъ былъ привести къ устройству Инквизиціи. Доминиканцы не проявили еще своей пригодности для этой цѣли. Между тѣмъ, епископъ Моденскій занялся обращеніемъ прусскихъ язычниковъ, и его замѣнилъ епископъ Римини. Делегаты начали съ самой Брешіи, гдѣ епископъ не зналъ, повидимому, что ему дѣлать. Они приказали разрушить дома, въ которыхъ обыкновенно проповѣдывали еретическіе проповѣдники. Тотчасъ же вспыхнуло вооруженное возстаніе. Поднялись вѣчно враждовавшія между собою партіи. Многія церкви были сожжены, и на ихъ развалинахъ еретики устраивали пародію церемоніи провозглашенія анаѳемы, бросая тряпки изъ оконъ и торжественно предавая отлученію отъ Церкви всѣхъ членовъ римской Церкви; и только послѣ долгой и кровопролитной борьбы католикамъ удалось побѣдить ихъ. Условія, предложенныя при этомъ Гонеріемъ, показываютъ свою мягкость, что находили опаснымъ, съ политической точки зрѣнія, доводить побѣжденныхъ до отчаянія. Всѣмъ отлученнымъ было приказано лично испросить разрѣшеніе Св. Престола. Укрѣпленныя жилища сеньоровъ Гамбары, Угоны, Оріани и сыновей Ботаціо, которые стали во главѣ возставшихъ, должны были быть снесены безъ права возобновленія; остальныя, оказавшія сопротивленіе католикамъ, крѣпости должны были быть разрушены на одну треть или на половину. Имѣвшіе бенефиціи священники, родители которыхъ были еретиками или соумышленниками ереси, отрѣшались отъ должности на три года или болѣе, сообразно со степенью ихъ участія въ безпорядкахъ. На духовенство Ломбардіи и Тревизской Марки налагалась контрибуція въ размѣрѣ трехсотъ тридцати лиръ на вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ католиками въ борьбѣ. Ломбардцы настолько еще мало привыкли къ преслѣдованіямъ, что эти сравнительно мягкія условія показались имъ черезчуръ строгими. Муниципалитетъ Милана вступился за побѣжденныхъ, и, въ концѣ концовъ, сами власти Брешіи высказались въ томъ смыслѣ, что въ интересахъ мира желательно смягченіе наказанія. 1 мая 1226 г. Гонорій поручилъ епископамъ уменьшить наказанія по ихъ усмотрѣнію; однако, доминиканцу Гуала, назначенному въ 1230 г. епископомъ въ Брешію, удалось вскорѣ внести въ мѣстные статуты законы, которыми въ мартѣ 1224 г.

[1]) Epist. Saecul. XIII. T. I. № 151. (Mon. Hist. Germ.).—Potthast, № 7672.

Библиотека "Руниверс"

Фридрихъ опредѣлилъ, что еретики подлежатъ или сожженію на кострѣ, или вырѣзыванію языка, и епископъ заставилъ даже подеста принести присягу на примѣненіе этихъ законовъ [1]).

Несмотря на свои восемьдесятъ-восемь лѣтъ, Григорій IX былъ человѣкомъ болѣе твердаго характера, чѣмъ Гонорій, и его восшествіе на папскій престолъ въ 1227 г. послужило сигналомъ къ ожесточенной войнѣ противъ ереси. Въ теченіе первыхъ трехъ недѣль, послѣдовавшихъ за его избраніемъ, былъ съ благословенія папы заключенъ миръ между Фридрихомъ II и Ломбардскою Лигою. Однимъ изъ условій мирнаго договора было уничтоженіе ереси. Немедленно послѣ этого Григорій предложилъ ломбардцамъ исполнять свои обязанности. До сихъ поръ, говорилъ имъ папа, всѣ ихъ такъ называемыя усилія были чистый обманъ; императорскія предписанія совершенно не примѣнялись; если иногда еретики и подвергались изгнанію, то втайнѣ имъ при этомъ обѣщали, что имъ сейчасъ же разрѣшатъ вернуться, и что они будутъ жить спокойно; если налагался какой-либо штрафъ, то его тайно восполняли; если начинали примѣнять статуты, то всегда имѣли въ запасѣ что-нибудь парализовавшее ихъ дѣйствіе. Благодаря этому ересь выросла и окрѣпла, тогда какъ права Церкви пришли въ забвеніе. Еретикамъ разрѣшали открыто проповѣдывать свое ученіе, между тѣмъ какъ священниковъ ставили внѣ законовъ и заключали въ тюрьму. Всему этому долженъ быть положенъ конецъ; условія мирнаго договора должны быть выполнены; если же жители Ломбардіи будутъ продолжать свое дурное поведеніе, то Святой Престолъ сумѣетъ привести ихъ къ повиновенію [2])

Это были грозныя слова, но политическое состояніе Ломбардіи лишало ихъ всякой силы. Ближе къ своимъ владѣніямъ Григорію легче было наложить свою руку, и мы видѣли, что онъ не замедлилъ признать всю пользу доминиканскаго ордена и заложить первыя основанія Инквизиціи во Флоренціи. Но пока это дѣло дѣлалось, новое открытіе усилило его рвеніе. Въ 1231 г. онъ узналъ, что ересь сдѣлалась даже въ самомъ Римѣ настолько наглой, что открыто заявляла о себѣ и привлекала къ себѣ много священниковъ и другихъ лицъ духовнаго званія. Первое ауто-да-фе, о которомъ сохранилось воспоминаніе, было, по всей вѣроятности, совершено сенаторомъ Аннибальдо передъ порталомъ церкви S. Maria Maggiore. Одни изъ еретиковъ были сожжены, другіе осуждены на тюремное заключеніе. Григорій воспользовался этимъ обстоятельствомъ и издалъ декреталій, легшій въ основу судопроизводства Инквизиціи, и отъ имени сенатора объявилъ примѣненіе суровыхъ свѣтскихъ законовъ. Я уже разсмотрѣлъ это въ подробностяхъ и теперь не буду останавливаться на этомъ. Но Григорій не ограничился сдѣланнымъ имъ въ Римѣ; его помощь нужна была Фридриху II, дѣла котораго въ Ломбардіи очень осложнились. Несомнѣнно, вліянію Григорія слѣдуетъ приписать жестокое законодательство Сицилійскихъ Конституцій, опубликованныхъ около этого времени, и Равеннскихъ декретовъ, изданныхъ въ 1232 г. Немного позднѣе Фридрихъ писалъ папѣ, что они, какъ отецъ съ сыномъ, обязаны держать на-готовѣ два меча, духовный и матеріальный, которые вручены каждому изъ нихъ для борьбы съ еретиками и мятежниками, и они не должны терять времени въ пустыхъ тонкостяхъ, такъ какъ, если они будутъ проводить время въ словопреніяхъ, то міромъ овладѣетъ зло, которое снѣдаетъ его. Весьма вѣроятно, что Григорій не очень полагался на ревность императора; однако, онъ послалъ въ Миланъ указъ Аннибальдо съ приказаніемъ, чтобы мѣры, предписанныя въ немъ, примѣнялись и исполнялись въ этомъ городѣ. Уже въ 1228 г. его легатъ Готфридъ, кардиналъ С.-Марко, добился отъ жителей Милана признанія закона, предписывающаго разрушеніе

---

[1]) Epist. Saecul. XIII. T. I. №№ 264—66, 275, 295 (Mon. Hist. Germ.).—Havet, «Bibl. de l'Ecole des Chartes», 1880 г., стр. 602.

[2]) Epist. Saecul. XIII, T. I, № 355.

Библиотека "Руниверс"

домовъ еретиковъ; свѣтскимъ властямъ приказывалось предавать въ теченіе десяти дней смерти всѣхъ, кто будетъ осужденъ Церковью; но до этого времени, повидимому, не было совершено ни одной казни согласно этому закону [1]).

Въ это самое время Григорій, видя, что всѣ его усилія, кромѣ попытки ввести доминиканцевъ во Флоренціи, остаются безуспѣшны, прибѣгъ къ крайнему средству, которое должно было дать ему побѣду: онъ поручилъ ордену уничтоженіе ереси, какъ одну изъ обязанностей, налагаемыхъ на него Уставомъ. Съ этого момента все дѣло приняло новый оборотъ. Церковь сразу и неожиданно для себя поняла, что она можетъ разсчитывать на энтузіазмъ, безпредѣльный, неисчерпаемый, не заботящійся объ опасностяхъ и о послѣдствіяхъ дѣла. Въ эту минуту на сцену выступаютъ новые люди, достойные стать рядомъ со своими собратьями въ Лангедокѣ: Св. Петръ Мученикъ, Джованни изъ Виченцы, Роландо изъ Кремоны, Райнеріо Сакконе. Эти преслѣдователи посвятили себя выполненію принятой на себя задачи съ такимъ самоотверженіемъ, что невольно внушаютъ къ себѣ уваженіе, несмотря на свои ужасные поступки.

Съ извѣстной точки зрѣнія ихъ дѣло было легче, чѣмъ дѣло ихъ товарищей на Западѣ: имъ не приходилось бороться противъ зависти епископовъ, ни подчиняться ихъ контролю. Независимость итальянскихъ епископовъ была уничтожена въ XI вѣкѣ; мало того, епископы, естественно, принадлежали къ партіи гвельфовъ и благосклонно принимали всякаго, обѣщавшаго имъ помощь противъ гибеллиновъ. Но, съ другой стороны, политическіе раздоры, волновавшіе всѣ города, увеличивали до нѣкоторой степени трудности и опасности ихъ задачи.

Въ Италіи такъ же, какъ во Франціи, организація Святого Трибунала шла постепенно. Первыя дѣла, какъ во Флоренціи, такъ и въ Тулузѣ, велись еще ощупью, и только мало-по-малу былъ выработанъ точный кодексъ дѣлопроизводства, почти повсемѣстно одинаковый, кромѣ статей, касающихся конфискаціи, распредѣленія конфискованныхъ имуществъ и прощенія преступниковъ. Здѣсь мы не будемъ останавливаться на общихъ положеніяхъ, о которыхъ уже говорили; но въ Италіи основатели Инквизиціи встрѣтились съ особыми затрудненіями, и чтобы составить себѣ понятіе о нихъ, мы дадимъ очеркъ дѣятельности итальянскихъ инквизиторовъ.

Первымъ инквизиторомъ Ломбардіи былъ бр. Альберико (1232 г.). Кардиналъ, легатъ Готфридъ, съ дѣятельностью котораго въ Миланѣ мы уже знакомы, съ согласія различныхъ партій задумалъ прекратить въ Бергамо междоусобную войну, назначивъ туда подестатомъ Петра Торріани изъ Милана. Въ то же время онъ воспользовался случаемъ, чтобы начать дѣло противъ еретиковъ, нѣсколькихъ изъ которыхъ онъ заключилъ въ тюрьму; но лишь только онъ удалился, граждане отказались принять его подестата, выбрали на его мѣсто другого, Р. да Маделло, и даже освободили еретиковъ изъ тюрьмы. Тогда легатъ отлучилъ весь городъ отъ Церкви, и это образумило населеніе; вслѣдствіе чего Григорій 3 ноября 1232 года назначилъ Альберико инквизиторомъ Ломбардіи и поручилъ ему возсоединить городъ съ Церковью на условіи, чтобы населеніе пополнило всѣ расходы Торріани и дало вѣрныя гарантіи, что ересь будетъ уничтожена. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какая тѣсная связь существовала между политикой и ересью, и какія затрудненія вытекали отсюда въ дѣлѣ преслѣдованія [2]).

Бр. Роландо Кремонскаго мы уже знаемъ какъ профессора только-что основаннаго

---

[2]) См. выше стран. 207.

[1]) Raynald. ann. 1231, №№ 13—18.—Constit. Sicular. Lib. I. Tit. I.—Risch. S. Germ. «Chron.» (Muratori, «S. R. I.», VII, 1026).—Vita Gregor. PP. IX (Ibid. III. 57e).—Hist. Diplom. Frid. II. T. IV, 299—300, 409—11.—Verri, «Storia di Milano», I, 242.—Bern. Corio, «Hist. Mi-lanese», ann. 1228.

Библиотека "Руниверс"

тулузскаго университета, и мы видѣли, какое несокрушимое рвеніе одушевляло его. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ покинулъ Лангедокъ, мы находимъ его въ Піаченцѣ (1233 г.), гдѣ онъ энергично борется съ ересью. Пятнадцать лѣтъ передъ этимъ жители Піаченцы проявили крайній индифферентизмъ къ своимъ духовнымъ потребностямъ, и съ тѣхъ поръ ихъ уваженіе къ католичеству не возросло. Роландо созвалъ ихъ, произнесъ проповѣдь и затѣмъ приказалъ подестату изгнать еретиковъ. Но результатъ не оправдалъ его ожиданій. Съ согласія подестата еретики и ихъ друзья поднялись и сдѣлали настоящее нападеніе на священниковъ, епископа и монаховъ. Одинъ монахъ былъ убитъ; Роландо и многіе изъ его спутниковъ были ранены. Доминиканцы вынесли полуживого Роландо за городъ, на который епископъ наложилъ интердиктъ. Тогда направленіе умовъ измѣнилось, и городъ просилъ Роландо вернуться, обѣщая ему полное послушаніе. Онъ благоразумно не пошелъ въ городъ, но приказалъ, чтобы въ ожиданіи папскаго рѣшенія были заключены въ тюрьму подестатъ и двадцать-четыре зачинщика. Григорій воспользовался этимъ случаемъ и послалъ въ Піаченцу архидіакона Повары съ порученіемъ отдать городъ подъ контроль католической партіи и взять съ него вѣрное ручательство скораго уничтоженія еретиковъ. Эти условія не понравились гражданамъ; вспыхнуло новое возстаніе, и были освобождены изъ тюрьмы заключенные. Но эта печальная неудача не ослабила энергіи Роландо, и уже въ слѣдующемъ году онъ дѣйствуетъ въ Миланской области, гдѣ ему доставилъ немало затрудненій одинъ вельможа, по имени Лантельмо, который давалъ пріютъ еретикамъ въ своемъ замкѣ близъ Лоди. За это Лантельмо былъ осужденъ: его должны были провести по всему городу въ одной рубашкѣ съ петлей на шеѣ до судилища Роландо, а затѣмъ онъ долженъ былъ выполнить епитимію, которую наложитъ на него монахъ по приказанію папы. Мѣсяцъ спустя Роландо арестовалъ двухъ купцовъ, Феріабенте и Кансо, и отобралъ всѣ ихъ товары; повидимому, они пользовались значеніемъ, такъ какъ Григорій приказалъ освободить ихъ, взявъ съ нихъ огромный залогъ, въ размѣрѣ двухъ тысячъ серебряныхъ марокъ [1]).

Въ это переходное время, когда постепенно вырабатывалась организація Святого Трибунала, былъ привлеченъ къ дѣлу преслѣдованія одинъ изъ самыхъ выдающихся доминиканцевъ, Джованни Скіо изъ Виченцы. Въ одной изъ предшествующихъ главъ я уже упоминалъ о чудесномъ выступленіи его въ роли миротворца. Быть-можетъ, не одна христіанская любовь къ миру заставляла его пускать въ ходъ свое краснорѣчіе, чтобы примирить враждующія партіи; возможно, что онъ понималъ, что, прекращая эти постоянныя ссоры, онъ уничтожалъ одно изъ препятствій въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ; дѣйствительно, почти во всѣхъ этихъ безпорядкахъ можно отмѣтить тѣсную связь между ересью и политикой. Послѣ поразительныхъ успѣховъ Джованни въ Болоньѣ папа просилъ его примѣнить свои силы во Флоренціи, гдѣ безпрерывные безпорядки сопровождались ростомъ ереси; несмотря на усилія молодой Инквизиціи, ересь тамъ росла не по днямъ, а по часамъ; служителей Христа открыто оскорбляли и безчестили. Григорій, считая Джованни вдохновленнымъ непосредственно Святымъ Духомъ, обратился къ нему не съ приказаніями, а съ просьбой. Какъ всѣ его товарищи, Джованни считался въ народѣ чудотворцемъ; говорили, что онъ переходилъ рѣки, не замочивъ ногъ, и что по его зову ястребы слетали къ нему съ неба. Болонцы не хотѣли отпустить его и даже прибѣгли къ кроткому насилію, чтобы удержать его, и отпустили только тогда, когда Григорій пригрозилъ имъ отлученіемъ

[1]) Epist. Saecul. XIII. T. 1, № 559.—Raynald. ann. 1233, № 40.—Ripoll. I, 69, 71.

По всей вѣроятности, около этой эпохи произошелъ случай, касающійся Монеты. Этотъ ученикъ св. Доминика своими энергичными дѣйствіями противъ еретиковъ Ломбардіи возбудилъ такую ненависть у этихъ людей, что одинъ дворянинъ, по имени Перальдо, подкупилъ убійцу, чтобы убить его. Объ этомъ было сообщено Монетѣ, который, взявъ крестъ, собралъ толпу вѣрныхъ и захватилъ Перальдо и наемнаго убійцу. Онъ выдалъ ихъ свѣтскимъ властямъ, и они были сожжены живыми.—Ricchini, «Vita Monetae», стр. VIII.

Библиотека "Руниверс"

отъ Церкви и лишеніемъ епископской каѳедры всякаго города, который задержалъ бы инквизитора.

Джованни съ полнымъ успѣхомъ выполнилъ свою миссію во Флоренціи и былъ посланъ въ Ломбардію. Лига, бывшая столь цѣннымъ орудіемъ для смиренія императорской власти, была близка къ распаденію. Опасались скораго прихода изъ Германіи Фридриха съ арміей. Нѣкоторые города и нѣкоторые знатные ломбардцы были готовы позвать его. Нужно было, чтобы кто-нибудь, пользующійся сильнымъ вліяніемъ, уравновѣсилъ это непріятное настроеніе, и нельзя было прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительному оружію, чѣмъ краснорѣчіе Джованни. Въ Падуѣ, Тревизо, Конельяно, Ченедѣ, Одерцо, Беллунѣ и Фельтрѣ онъ проповѣдывалъ на текстъ: «Да будутъ благословленны ноги приносящихъ миръ!» Дѣйствіе проповѣди было таково, что самъ ужасный Эццелино да Романо, говорятъ, дважды заливался слезами. Вся страна была успокоена; осталась только старая ссора между Эццелино и графами Кампо Санъ-Пьеро, ссора, отравляемая незабываемыми оскорбленіями. Послѣ посѣщенія Мантуи апостолъ мира отправился въ Верону, которую въ то время осаждали арміи Мантуи, Болоньи, Брешіи и Фаэнцы; онъ убѣдилъ осаждавшихъ удалиться, и благодарные жители Вероны выбрали его подестатомъ своего города. Онъ воспользовался властью и сжегъ на базарной площади до шестидесяти еретиковъ обоего пола, принадлежавшихъ къ самымъ знатнымъ фамиліямъ города. Затѣмъ онъ пригласилъ собраться въ сосѣднюю долину жителей всѣхъ городовъ и союзныхъ сеньоровъ. На его призывъ явились патріархъ Аквилеи, епископы Мантуи, Болоньи, Модены, Реджіо, Тревизо, Виченцы, Падуи и Ченеды, Эццелино да Романо, маркизъ д'Эсте, бывшій тогда сеньоромъ Мантуи, графъ де С.-Бонифачіо, правитель Феррары и уполномоченные отъ всѣхъ городовъ съ ихъ carroccbi. Эта толпа отъ четырехсотъ до пятисотъ тысячъ человѣкъ была увлечена краснорѣчіемъ монаха, убѣждавшаго собравшихся забыть всѣ раздоры. Назвавъ мятежниками и врагами Церкви всѣхъ, кто принадлежалъ къ партіи Фридриха или кто звалъ его въ Италію, Джованни убѣдилъ своихъ слушателей заранѣе подъ присягой дать согласіе на условія, которыя онъ предложитъ имъ для улаженія ссоръ; а когда онъ изложилъ условія мира, то всѣ единогласно подписались подъ ними [1]).

Слава Джованни приняла огромные размѣры; Григорію IX донесли, что онъ думаетъ сдѣлаться папою. Григорій страшно обезпокоился и созвалъ синодъ, которому предложилъ рѣшить вопросъ, не слѣдуетъ ли отлучить Джованни отъ Церкви; и, несомнѣнно, состоялось бы подобное рѣшеніе, если бы моденскій епископъ не поклялся на требникѣ, что онъ самъ видѣлъ однажды, какъ во время проповѣди Джованни съ неба спустился ангелъ и возложилъ на его чело золотой крестъ.

Тайно были посланы въ Болонью комиссары, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ дѣйствіями Джованни; вернувшись, они принесли вѣрныя свѣдѣнія о многочисленныхъ чудесахъ, совершенныхъ имъ; онъ воскресилъ не менѣе десяти мертвыхъ. Нельзя было и думать объ отлученіи отъ Церкви такого святого, и проектъ былъ оставленъ [2]).

Между тѣмъ, Джованни, по приглашенію епископа, посѣтилъ свой родной городъ Виченцу. Онъ произвелъ здѣсь такое впечатлѣніе на населеніе, что его просили исправить по своему усмотрѣнію муниципальные статуты и провозгласили герцогомъ, маркизомъ и графомъ города. Эти титулы принадлежали епископу, который предложилъ ему даже свою каѳедру. Какъ и въ Веронѣ, инквизиторъ воспользовался и здѣсь своей властью, чтобы сжечь много еретиковъ.

---

[1]) Ripoll, I, 48, 51, 56—9.—Matt. Paris, ann. 1238, стр. 320.—Chron. Veronens. ann. 1233 (Muratori, «S. K. I.» VIII, 67).—Gerardi Maurisii, «Hist.» (Ib. 37—9).—Barbarano de'Mironi, «Hist. Eccles. di Vicenza», II, 79—84.—Carl Sutter, «Johann von Vicenza», 117 (Freiburg i. B., 1891).

[2]) Barbarano de'Mironi, op. cit., II, 90—1.

Библиотека "Руниверс"

Когда онъ отправился изъ Виченцы въ Верону, то одинъ врагъ фамиліи Скіо, Угуччіоне Пилео, произвелъ тамъ народное возстаніе. Джованни быстро вернулся, подавилъ мятежъ и предалъ не безъ пытокъ смерти многихъ гражданъ, бывшихъ, быть-можетъ, еретиками. Угуччіоне привелъ подкрѣпленія, и на улицахъ произошла страшная битва. Джованни потерпѣлъ пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ. Время этого событія опредѣляется посланіемъ папы Григорія IX, который 22 сентября 1233 г. обратился къ нему съ утѣшеніями, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ то же время это посланіе показываетъ намъ, насколько безсильны были папы защищать своихъ агентовъ въ эту грубую эпоху междоусобій. Джованни былъ вынужденъ уплатить выкупъ и вернуться въ Верону, а оттуда въ Болонью. Миръ, заключенный имъ, оказался непродолжительнымъ; снова начались постоянныя войны. Джованни, по просьбѣ папы, отправился снова водворять миръ; ему удалось прекратить безпорядки, но, лишь только онъ ушелъ, вражда снова вспыхнула. Его вліяніе кончилось, и съ нимъ вмѣстѣ кончилась его политическая дѣятельность, но гордость его осталась. Салимбене передастъ, что однажды Джованни въ Болоньѣ, брѣясь въ францискаскомъ монастырѣ, удивился, что братія не собираетъ, какъ святыню, волосы его бороды. Не прибѣгая къ посредству этого инквизитора, Григорій сдѣлалъ третью попытку прекратить междоусобныя распри и обратился на этотъ разъ къ помощи епископовъ Реджіо и Тревизо. Они убѣдили воинственныя партіи сложить на нѣкоторое время оружіе; но конечная цѣль—держать Фридриха внѣ Италіи, противопоставляя ему сильную лигу,—не могла быть достигнута. Эццелино и многіе итальянскіе города позвали императора. Окончательная битва при Кортенуова въ ноябрѣ 1237 г. уничтожила Ломбардскую Лигу, столь долгое время угрожавшую имперіи, и сдѣлала Фридриха повелителемъ Ломбардіи [1]).

Все это время Григорій безъ отдыха работалъ надъ уничтоженіемъ ереси въ Ломбардіи. Отсутствіе положительнаго результата не лишало его энергіи. Своимъ легатамъ этой провинціи онъ приказывалъ смотрѣть на дѣло уничтоженія ереси какъ на ихъ первую обязанность. Въ маѣ 1236 г. онъ даже сдѣлалъ попытку учредить въ Ломбардіи Инквизицію; но при настоящемъ состояніи страны даже самъ папа, дѣйствуя лично, не могъ бы разсчитывать на какой-либо успѣхъ. Неожиданно явился Фридрихъ и заявилъ, что желаніе уничтожить ересь было однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ его захватить Ломбардію; когда же Григорій упрекнулъ его, что онъ мѣшалъ проповѣди монаховъ и, такимъ образомъ, оказывалъ покровительство еретикамъ, то императоръ насмѣшливо напомнилъ ему о Джованни. Онъ выступилъ противъ людей, которые подъ предлогомъ уничтоженія ереси старались захватить власть надъ городами и подъ видомъ залоговъ конфисковали замки дворянъ, подозрѣваемыхъ въ ереси. Григорій вмѣсто всѣхъ объясненій отклонилъ отъ себя отвѣтственность за дѣйствія смѣлаго монаха; самъ же онъ въ интересахъ своей политики въ Ломбардіи не задумался смягчить строгость въ отношеніи еретиковъ. Въ Германіи общественное мнѣніе утверждало, что враги Церкви подкупили папу [2]).

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Джованни Скіо велъ сравнительно тихую жизнь въ Болоньѣ. Въ 1247 г., когда Инквизиція стала получать правильное устройство, Иннокентій IV назначилъ Джованни постояннымъ инквизиторомъ всей Ломбардіи, далъ ему полныя полномочія и освободилъ его отъ всякаго повиновенія генералу, или провинціалу

---

[1]) Ripoll, I, 60—1.—Sutter, op. cit., 139.—Barbarano de'Mironi, op. cit., II, 86, 91—2.—Salimbene, «Cronica», 39.

[2]) Gregor. PP. IX. Bull. «Ille humani generis», 20 maii, 1236 (Ripoll, I, 95, приводитъ этотъ документъ, какъ относящійся къ 1237 г.; это, по всей вѣроятности, новое изданіе первой буллы).—Epist. Saecul. XIII. T. I. №№ 693, 700, 702, 704.—Hist. Diplom. Frid. II. T. IV. P. II, 907—8.—Schmidt, «Cathares», I, 161.

Библиотека "Руниверс"

доминиканскаго ордена; но состояніе сѣверной Италіи въ эту эпоху было таково, что всѣ эти права и полномочія почти ничего не стоили. Но интересно содержаніе этого документа; онъ показываетъ, что до этого времени тамъ не было правильной Инквизиціи О Джованни мы не слышимъ ничего до 1256 г., когда былъ предпринятъ, столь долгое время откладываемый, крестовый походъ противъ Эццелино да Романо. Увлекательное краснорѣчіе Джованни позволило ему собрать огромную толпу крестоносцевъ, во главѣ которыхъ онъ выступилъ противъ тирана Тревизо. Но, утомленный ссорами между вождями, онъ вернулся въ Болонью, не дождавшись конца. Думаютъ, что онъ умеръ въ 1265 г. во время крестоваго похода противъ Манфреда; въ арміи Карла Анжуйскаго, дѣйствительно, былъ десятитысячный отрядъ болонцевъ [1]).

Наиболѣе замѣчательнымъ изъ всѣхъ борцовъ противъ ереси, борцовъ, ведшихъ, повидимому, безнадежную борьбу, былъ Петръ Веронскій, болѣе извѣстный подъ именемъ Св. Петра Мученика. Онъ родился въ Веронѣ въ 1203 или 1206 г.; родители его были еретики; по словамъ легенды, божеское вмѣшательство открыло ему заблужденія родителей. Когда ему было только семь лѣтъ, и онъ былъ еще въ школѣ, дядя началъ его разспрашивать о его занятіяхъ, и онъ изложилъ ему ученіе католической Церкви. Тогда дядя объяснилъ ему, что не надо говорить, что Богъ создалъ небо и землю, такъ какъ Богъ не былъ творцомъ видимаго міра. Но вдохновленный Святымъ Духомъ ребенокъ привелъ въ подтвержденіе своихъ словъ неопровержимыя доказательства; тогда дядя-катаръ просилъ родителей взять мальчика изъ школы; но отецъ, надѣясь, что Петръ будетъ со временемъ однимъ изъ руководителей секты, далъ ему окончить образованіе. Выросши, Петръ почувствовалъ большое рвеніе къ католической вѣрѣ и въ 1221 г. вступилъ въ доминиканскій орденъ. По свидѣтельству своего духовника, онъ никогда не совершилъ смертнаго грѣха. Булла, санціонирующая его канонизацію, отмѣчаетъ его смиреніе, его безпрекословное повиновеніе, его нѣжность, его неисчерпаемую кротость, его безконечное терпѣніе, его удивительную любовь къ ближнему, его страстное моленіе къ Богу о мученической смерти и, наконецъ, его многочисленныя чудеса при жизни [2]).

Раньше, чѣмъ право преслѣдованія было предоставлено доминиканцамъ, Петръ горячо предался исполненію первой обязанности своего ордена, дѣлу проповѣди противъ еретиковъ. Здѣсь краснорѣчію молодого апостола огромную помощь оказывалъ его даръ творить чудеса. Въ Равеннѣ, Миланѣ, Мантуѣ, Венеціи и по другимъ городамъ разсказывали о его многочисленныхъ чудесахъ. Такъ, напр., въ Чезенѣ успѣхъ его проповѣди такъ раздражилъ еретиковъ, что однажды, когда онъ проповѣдывалъ на площади, они прервали его рѣчь, начавъ лить на него изъ окна сосѣдняго дома нечистоты и бросать камни. Тщетно проповѣдникъ нѣсколько разъ кротко приглашалъ ихъ прекратить безобразіе; наконецъ, ощутивъ въ себѣ божественный гнѣвъ, онъ произнесъ противъ этихъ несчастныхъ страшное проклятіе, и тотчасъ же домъ обрушился, задавивъ всѣхъ святотатцевъ; и долгое время его никакъ нельзя было построить снова [3]).

Когда доминиканцамъ было поручено начать преслѣдованіе ереси, то Петръ, горячая ревность котораго была извѣстна, былъ избранъ въ число первыхъ тружениковъ. Въ 1233 г. онъ былъ посланъ въ Миланъ. До этого времени никакія усилія папы — ни граматы, ни посылка легатовъ — не могли пробудить къ дѣятельности власти и гражданъ, не могли заставить ихъ взяться за святое дѣло. Законы, внесенные въ 1228 г. въ городскіе статуты кардиналомъ Готфридомъ, не исполнялись. Все измѣнилось, когда дало почувствовать себя вліяніе Петра Веронскаго. Не ограничиваясь внесеніемъ въ городской законъ узаконенія, выработаннаго въ 1231 г.

[1]) Ripoll, I, 174—5.—Barbarano de'Mironi, op. cit., II, 94—6.
[2]) Jac. de Voragine, «Legenda Aurea» s. v.—Mag. Bull. Rom. I, 94.
[3]) Campana, «Storia di San Piero-Martire», Миланъ, 1711 г., стр. 28—39.

Библиотека "Руниверс"

Григоріемъ, онъ возбудилъ рвеніе подестата Ольдрадо да Трессено и архіепископа Энрико да Сеттала. Много еретиковъ было сожжено; это были, повидимому, первыя жертвы фанатизма въ Миланѣ съ эпохи катаровъ Монфорта, и эта казнь произвела такое сильное впечатлѣніе, что въ честь подестата Ольдрадо было сдѣлано его барельефное изображеніе верхомъ на конѣ съ слѣдующей надписью:

Qui solium struxit, Catharos ut debuit uxit.

Этотъ барельефъ и до сихъ поръ украшаетъ бывшую Залу Засѣданій, нынѣ Общественный Архивъ. Архіепископъ былъ менѣе счастливъ; непопулярность его возросла до такой степени, что городскія власти изгнали его, за что и подверглись отлученію отъ Церкви; но, впрочемъ, послѣ смерти и прелату было воздано должное: на его гробницѣ вырѣзали слѣдующія слова: «Instituto inquisitore jugulavit haereses». Петръ, кромѣ того, основалъ въ Миланѣ общество для уничтоженія ереси подъ непосредственнымъ покровительствомъ папы; это было прототипомъ учрежденія, которое десять лѣтъ спустя совершило во Флоренціи такъ много кровавыхъ подвиговъ. Хотя о Петрѣ и нѣтъ никакихъ упоминаній до 1242 г., однако, смѣло можно утверждать, что его лихорадочная дѣятельность продолжалась неослабно; а въ 1242 г. мы находимъ его въ Миланѣ, гдѣ его жестокости вызвали, какъ говорятъ, открытый мятежъ [1]).

Черезъ два года онъ боролся съ ересью уже во Флоренціи. Этотъ городъ былъ, какъ мы знаемъ, мѣстомъ первыхъ опытовъ Инквизиціи. Въ 1228 г. бр. Джованни ди Салерно, пріоръ С.-Маріи Новелла, былъ отправленъ туда съ порученіемъ преслѣдовать еретиковъ. Послѣ его смерти въ 1230 г. дѣло это было поручено бр. Альдобрандини Кавальканте, затѣмъ около 1241 .—бр. Руджіери Калькапьи. Два первыхъ мало дѣйствовали; они были скорѣе проповѣдниками, чѣмъ инквизиторами. Еретики находили тамъ себѣ поддержку въ партіи гибеллиновъ и въ сторонникахъ Фридриха II; поэтому, несмотря на зажигавшіеся при случаѣ костры, ересь тамъ быстро распространялась. Когда скрылся бѣгствомъ катарскій епископъ Патернонъ, то постъ его послѣдовательно занимали Торселло, Брунетто и Джакопо да Монтефіасконе. Многія знатныя фамиліи исповѣдывали ересь или открыто защищали ее; таковы, между прочими, были Барони, Пульчи, Чипріани, Кавальканти, Сарачени и Мальпреса. Барони выстроили въ С.-Гаджіо, за городскими стѣнами, укрѣпленный замокъ, гдѣ находили себѣ убѣжище Совершенные; впрочемъ, и въ городѣ было много домовъ, гдѣ они безбоязненно могли устраивать свои тайныя собранія. Чипріани владѣли двумя замками (одинъ—въ Муньонѣ, другой—во Флоренціи), гдѣ происходили катарскія собранія подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго ересіарха Маркизіано. Наконецъ, у нихъ были крупныя школы въ Поджибонси, Піанъ ди Кашіа и Понте а Сіеве [2]).

Центральная Италія въ общемъ была такъ же глубоко заражена ересью, какъ и Ломбардія; и только въ 1235 г. была впервые сдѣлана, нѣсколько запоздалая, серьезная попытка ввести тамъ Инквизицію, какъ это мы видимъ изъ папскаго бреве, посланнаго въ этомъ году доминиканцамъ Витербо и предоставлявшаго имъ право во всѣхъ епархіяхъ Тосканы, Витербо, Орты, Бальнеореджіо, Кастро, Соано, Америно и Нарни отпускать прегрѣшенія тѣмъ еретикамъ изъ непризнанныхъ таковыми открыто, которые добровольно принесутъ повинную, при условіи, что епископы изъявятъ свое согласіе на отпущеніе имъ грѣховъ, а ими будетъ данъ достаточный залогъ. Епископамъ было предписано оказывать содѣйствіе. Что же касается тѣхъ еретиковъ, которые не покаятся добровольно, то ихъ

[1]) Bern. Corio, «Hist. Milanese», ann. 1233, 1242.—Verri, «Storia di Milano», I, 211—3.—Ripoll, I, 65.—Annal. Mediolanens. c. XIV (Muratori, «S. R. I.», XVI, 651).—Sarpi, «Discorso» (изд. Helmstadt, 1763, IV, 21).

[2]) Lami, «Antichita Toscane», 407, 500.

Библиотека "Руниверс"

участь должна быть рѣшена согласно съ папскими статутами. Въ Витербо проживалъ Джованни да Беневенто, прозванный папою ерстиковъ; только въ 1237 году была сдѣлана въ этомъ городѣ первая серьезная попытка, когда Григорій самъ взялъ на себя дѣло оздоровленія города. Папа осудилъ Джованни, а также и много другихъ еретиковъ; кромѣ того, онъ велѣлъ разрушить дворцы нѣсколькихъ знатныхъ фамилій, дававшихъ у себя пріютъ ерстикамъ. Въ то же время онъ приглашалъ Падуанскаго епископа неуклонно идти по истинному пути, а въ Пармѣ въ то время генералъ доминиканскаго ордена, Іорданъ, основалъ общество Рыцарей Іисуса Христа, цѣлью котораго была также борьба съ ересью. Все это показывало начало систематическихъ дѣйствій,—и, дѣйствительно, дѣятельность усиливалась съ каждымъ годомъ. Подъ энергичнымъ руководствомъ Руджіери Калканьи флорентинская Инквизиція быстро облекалась въ правильныя формы, и число казней росло. Въ сознаніяхъ обвиняемыхъ мы находимъ упоминаніе о еретикахъ, сожженныхъ въ другихъ мѣстностяхъ, и это показываетъ намъ, что преслѣдованіе становилось энергичнымъ всюду, гдѣ это позволяло политическое положеніе; такъ, напр., въ одномъ сознаніи, данномъ въ 1244 г., упоминается о двухъ несчастныхъ, Маффео и Мартелло, сожженныхъ незадолго передъ этимъ въ Пизѣ [1]).

Во Флоренціи энергія Руджіери доводила еретиковъ до отчаянія. Всякое дѣло раскрывало новыя имена, и по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ дѣйствій, преслѣдованія становились все болѣе многочисленны и все болѣе суровы. Папскія граматы предписывали сеньоріи исполнять приказанія инквизитора. Такъ какъ одновременно съ увеличеніемъ числа арестованныхъ, росло и число разоблаченій, то вскорѣ добрая треть населенія, въ томъ числѣ и много знатныхъ, очутилась замѣшанной въ преслѣдованіи. Подстрекаемый грандіозностью своего дѣла, Руджіери рѣшилъ разбить ересь на голову. Онъ арестовалъ многихъ вождей и приговорилъ признанныхъ виновными къ сожженію на кострѣ. Наступило время, когда преслѣдуемымъ приходилось выбирать между открытымъ сопротивленіемъ или гибелью. Бароны собрали своихъ сторонниковъ, выломали двери тюремъ и освободили заключенныхъ, которые разсѣялись по разнымъ укрѣпленнымъ замкамъ флорентійской области и продолжали проповѣдывать, распространяя кругомъ ересь.

Приближался рѣшающій моментъ. Съ одной стороны, еретическое населеніе было чересчуръ многочисленно, чтобы молча позволять себя сжигать и грабить; съ другой стороны, преслѣдователи были возбуждены борьбой и надеждой на близкое торжество надъ врагами, столь долго надъ ними надсмѣхавшимися. Иннокентій IV въ рѣшительныхъ выраженіяхъ писалъ сеньоріи, чтобы было приказано оказывать инквизиторамъ энергичное содѣйствіе; онъ вызвалъ изъ Ломбардіи Петра Веронскаго, чтобы этотъ страшный монахъ принялъ участіе въ предстоящей битвѣ. Петръ прибылъ въ послѣднихъ дняхъ 1244 г.; его краснорѣчіе привлекло такую огромную толпу, что пришлось расширить площадь Santa Maria Novella, чтобы всѣ могли помѣститься. Онъ воспользовался этимъ приподнятымъ настроеніемъ и образовалъ изъ католической знати стражу для охраны доминиканцевъ. Онъ образовалъ, подъ именемъ Società de' Capitani di Santa Maria, военный орденъ, внѣшнимъ отличіемъ котораго была бѣлая куртка съ краснымъ крестомъ. Это былъ первый этапъ на пути къ основанію Compagnia della Fede, которая приносила присягу защищать во всѣхъ случаяхъ Инквизицію, въ силу привилегій, предоставленныхъ Св. Престоломъ. Получивъ, такимъ бразомъ, поддержку, Руджіери предпринялъ рѣшительный шагъ и сжегъ много жертвъ. Если бы еретики не приняли этого вызова, то этимъ они осудили бы себя на скорое уничтоженіе. Они, съ своей стороны, объединились подъ управленіемъ Барони; можно было безъ особаго труда получить поддержку отъ только-что

[1]) Ripoll, I, 79—80.—Raynald. ann. 1235, № 15.—Vita Gregor. PP. IX (Muratori, «S. R. I.», III, 581).—Lami, op. cit., 554, 557.

Библиотека "Руниверс"

назначеннаго Фридрихомъ II подестатомъ Серъ Паче да Пезаннола изъ Бергамо, убѣдивъ его, что интересы его повелителя требуютъ покровительства еретиковъ. Вѣчный споръ между Церковью и имперіей подъ знаменами католичества и иновѣрія готовился залить кровью улицы Флоренціи.

Руджіери не задумался создать конфликтъ. Онъ вызвалъ къ себѣ Барони. Получивъ отъ нихъ презрительный отказъ, онъ испросилъ у папы Иннокентія IV особаго полномочія. Тогда Барони повиновались, и 1 августа 1245 г. они принесли присягу на вѣрность Церкви и внесли залогъ въ тысячу лиръ. Но, видя, что Руджіери готовится произнести надъ ними приговоръ, они подали апелляцію подестату. 12 августа Серъ Паче послалъ къ Руджіери нѣсколькихъ изъ своихъ чиновниковъ съ приказаніемъ прекратить процессъ, какъ не согласный съ приказомъ императора, вернуть взятыя въ видѣ залога деньги, а въ случаѣ отказа явиться завтра же къ нему, иначе ему грозитъ штрафъ въ тысячу марокъ. Вмѣсто отвѣта, Руджіери вызвалъ на завтра къ себѣ самого Серъ Паче, какъ подозрѣваемаго въ ереси и предполагаемаго покровителя еретиковъ, подъ угрозой обвиненія въ злоупотребленіи по должности и увольненія отъ службы. Горячее слово бр. Петра подлило масла въ огонь, такъ что городъ оказался раздѣленнымъ на двѣ почти равныя партіи, горѣвшія желаніемъ вступить въ рукопашный бой. Воспользовавшись тѣмъ, что масса вѣрныхъ находилась въ храмахъ по случаю праздничнаго дня, подестатъ велѣлъ ударить въ набатъ. Много безоружныхъ католиковъ, говорятъ, было убито въ тотъ день у подножія алтарей. Тогда въ день Св. Варѳоломея, 24 августа, Руджіери и епископъ Ардинго публично на площади Santa Maria Novella прочли приговоръ, осуждавшій Барони и постановлявшій конфисковать ихъ имѣнія и разрушить ихъ замки и дворцы. Это послужило сигналомъ къ кровавому столкновенію между двумя партіями. Петръ сталъ во главѣ Compagnia della Fede и наравнѣ съ другими сеньорами несъ знамя; между послѣдними особенно выдавались сеньоры де Росси. Подъ предводительствомъ монаха произошли двѣ кровавыхъ схватки: одна—на Croce al Trebbio, другая—на Piazza di S. Felicita. Для еретиковъ это было два полныхъ пораженія. До сего дня памятники украшаютъ еще мѣсто побѣды вѣры, и до послѣднихъ дней общество св. Петра Мученика носило 29 апрѣля, въ день рожденія святого, знамя, данное имъ сеньорамъ Росси, а знамя, которое несъ въ сраженіи Петръ, сохраняется какъ святыня въ церкви С. Марія Новелла, гдѣ его носятъ торжественно въ день памяти святого.

Такимъ образомъ, было уничтожено во Флоренціи могущество еретиковъ и гибеллиновъ. Епископство Кастро вознаградило въ концѣ 1245 г. упорство и энергію Руджіери. Обязанности инквизитора перешли къ самому Петру, неутомимая ревность котораго не давала еретикамъ ни минуты покоя. Многіе изъ этихъ гонимыхъ, поняв всю безполезность дальнѣйшаго сопротивленія, отказались отъ своихъ заблужденій, другіе обратились въ бѣгство, и Петръ, покидая Флоренцію, могъ гордиться тѣмъ, что онъ побѣдилъ ересь и основалъ Инквизицію на непреодолимомъ фундаментѣ. Однако, нѣсколько лѣтъ спустя, Райнеріо, подсчитывая число флорентинскихъ катаровъ, показываетъ, что оставалось ихъ еще довольно, чтобы оправдать дѣятельность Святого Трибунала [1]).

Между тѣмъ какъ Руджіери посвятилъ лѣто 1245 г. окончанію недоразумѣній во Флоренціи, Иннокентій IV произнесъ на Ліонскомъ соборѣ постановленіе о лишеніи

---

[1]) Lami, op. cit., 560—85.—Сообщеніе объ этихъ безпорядкахъ, сдѣланное Лами и почерпнутое изъ первоисточниковъ, дастъ достаточно полную картину, такъ что я счелъ возможнымъ ограничиться однимъ Лами. Большинство документовъ находится еще въ архивѣ Флоренціи (Archiv. Diplom. Prov. S. Maria Novella, ann. 1245).

Compagnia della Fede, называвшаяся позднѣе Compagnia della Bigallo, была около половины XV столѣтія преобразована пріоромъ св. Марка святымъ Антоніемъ въ благотворительное общество призрѣнія сиротъ. Villari, «Storia di Girol. Savonarola», Флоренція, 1887 г., I, 37).

Библиотека "Руниверс"

Фридриха II трона и старался найти кого-нибудь, кто рѣшился бы возложить на себя императорскую корону. Фридрихъ, узнавъ о своемъ низложеніи, презрительно разсмѣялся и легко справился со своими соперниками, но ему пришлось выдержать упорную борьбу, чтобы сохранить свои владѣнія въ Италіи. Его смерть, послѣдовавшая 13 декабря 1250 г., избавила папство отъ самаго страшнаго врага, который когда-либо боролся противъ честолюбивыхъ плановъ Святого Престола. Одинаково искусный и какъ администраторъ, и какъ военачальникъ, отличавшійся неутомимой энергіей, не отступавшій ни передъ какими неудачами, стоявшій много выше своей эпохи и мало разборчивый въ средствахъ, Фридрихъ одинъ только мѣшалъ папамъ въ ихъ честолюбивыхъ планахъ захватить господство надъ всей Италіей и основать всемірную теократическую монархію.

Сынъ покойнаго, Конрадъ IV, молодой человѣкъ двадцати-одного года, былъ сравнительно не особенно страшенъ; тѣмъ не менѣе, Иннокентій благоразумно выждалъ нѣкоторое время въ Ліонѣ раньше, чѣмъ рискнулъ вернуться въ Италію. Прибывъ въ Геную, онъ тотчасъ же 8 іюня 1251 г. послалъ бреве Петру Веронскому и Вивіану Бергамскому, и мы видимъ, что радость его по случаю смерти своего главнаго врага все еще не улеглась. Случай былъ удобенъ, и имъ нужно было воспользоваться. Но прежде всего всѣ должны были возблагодарить Бога за его неоцѣнимую милость къ вѣрнымъ сынамъ Церкви, и эта благодарность должна была выразиться не въ словахъ, а въ дѣлахъ. А какое дѣло могло быть пріятнѣе Господу, какъ не очищеніе вѣры? Покровительство, которое Фридрихъ оказывалъ еретикамъ, долгое время мѣшало дѣятельности Инквизиціи въ Италіи; теперь это препятствіе было устранено, и Святой Трибуналъ долженъ былъ начать дѣйствовать съ усиленной энергіей. Были разосланы инквизиторы во всѣ мѣстности Ломбардіи. Петру и Вивіану, получившимъ полныя полномочія, было предписано немедленно отправиться въ Кремону; если сеньоры не окажутъ имъ энергичной поддержки, то ихъ должно принудить къ этому силою духовныхъ наказаній, а если это окажется недѣйствительнымъ, то весь христіанскій міръ долженъ начать крестовый походъ, чтобы уничтожить мятежныхъ. За этой буллой вскорѣ послѣдовало нѣсколько другихъ, обращенныхъ къ доминиканскимъ провинціаламъ и главамъ государствъ: папа требовалъ отъ нихъ дѣятельной помощи со стороны властей и внесенія во всѣ мѣстные статуты декретовъ, изданныхъ покойнымъ императоромъ и папами. Эти буллы выходили такъ поспѣшно, что 13 іюня 1252 г. папа былъ вынужденъ объявить, что погрѣшности и ошибки, допущенныя въ нихъ писцами, не лишаютъ ихъ значенія. Дѣятельность папы завѣнчалась изданіемъ 15 мая 1252 г. буллы Ad extirpanda, о которой мы уже говорили въ одной изъ предшествующихъ главъ. Эта булла стремилась вполнѣ подчинить гражданскую власть Инквизиціи и уничтоженіе ереси ставила первою задачей государства [1]).

Когда Петръ получилъ указъ папы, онъ былъ, какъ думаютъ, въ монастырѣ св. Джованни in Canali въ Піаченцѣ. Сдѣлавшись въ 1250 г. пріоромъ этого монастыря, онъ произвелъ своимъ аскетизмомъ такое впечатлѣніе на братію, что она просила его друга, городского претора Маттео да Корреджіо, повліять на него, чтобы онъ уменьшилъ свое рвеніе, боясь, что постоянно бичуемая плоть его не вынесетъ духовнаго жара. Если вѣрить словамъ современниковъ, онъ постился до самаго захода солнца, большую часть ночи онъ проводилъ на молитвѣ и спалъ чрезвычайно мало. Несомнѣнно, въ этихъ словахъ много правды. Недостатокъ питанія, соединенный съ постояннымъ нервнымъ возбужденіемъ, и нарушеніе всѣхъ законовъ природы должны были сдѣлать изъ этого монаха человѣка совершенно не отвѣтственнаго за свои поступки [2]).

До насъ не дошло подробностей о его дѣятельности въ Кремонѣ, а затѣмъ въ Миланѣ;

---

[1]) Ripoll, I, 192—3, 199, 205, 208—11, 231.—Berger, «Registres d'Innoc. IV», №№ 5065, 5345.—Mag. Bull. Rom. I, 91.

[2]) Campana, «Vita di San Piero-Martire», 100—1.

Библиотека "Руниверс"

можно только предполагать, что его жестокая энергія вполнѣ отвѣчала желанію тѣхъ, кто видѣлъ въ немъ самое вѣрное оружіе для использованія неожиданно представившагося случая. Въ мѣстахъ, наиболѣе зараженныхъ ересью, беззащитные теперь еретики были предоставлены гнѣву Божьему. Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ своего выступленія Петръ навелъ такой ужасъ, что враги его, потерявъ всякую надежду, устроили заговоръ съ цѣлью убить его. Приведеніе замысла въ исполненіе было возложено на Стефана Конфалоньеро, сеньора изъ Аліате. Вознагражденіе убійцамъ, въ размѣрѣ двадцати-пяти лиръ, далъ Гидотто Сакелла. За восемь дней до Пасхи (23—30 марта) 1252 г. Стефанъ предложилъ Манфреду Клиторо де Гиссано убить Петра; Манфредъ согласился и взялъ себѣ въ помощники Карино де Бальзамо. Въ то же время Джакопо делла Кіуза отправился въ Падую съ цѣлью убить Райнеріо Сакконе; онъ прибылъ въ Падую, но не могъ исполнить своего намѣренія. Другіе заговорщики были счастливѣе. Бр. Петръ, бывшій въ это время пріоромъ въ Комо, отправился на праздникъ Пасхи въ этотъ городъ, и въ Миланъ онъ долженъ былъ вернуться въ Ѳомино воскресенье, когда оканчивался двухнедѣльный срокъ, данный имъ одному уклонившемуся отъ явки еретику. На Пасхальной недѣлѣ Стефанъ, Манфредъ и Карино отправились въ Комо, чтобы подкараулить отъѣздъ Петра. Неутомимость и строгость жизни этого человѣка были таковы, что 7 апрѣля онъ, несмотря на мучившую его лихорадку, вышелъ пѣшкомъ въ сопровожденіи одного только монаха, по имени Доминикъ. Манфредъ и Карино слѣдовали за путниками до Барлассины и въ глухомъ мѣстѣ напали на нихъ. Карино однимъ ударомъ размозжилъ черепъ Петру, а затѣмъ напалъ на Доминика, но, замѣтивъ, что Петръ еще дышетъ, онъ вонзилъ ему въ грудь свой кинжалъ. Случайные прохожіе перенесли тѣло мученика въ монастырь св. Симплиціана, а Доминика доставили въ Меду, гдѣ онъ черезъ пять дней умеръ. Что касается заговорщиковъ, то я уже упоминалъ, что окончательное рѣшеніе относительно Стефана Конфалоньеро состоялось крайне поздно: только черезъ сорокъ-три года; упоминалъ я также о томъ, что Карино раскаялся и былъ даже канонизованъ подъ именемъ св. Ацерина. Раскаялся также и де Гиссано, вступившій въ доминиканскій орденъ; а Джакопо делла Кіуса остался, повидимому, совершенно безнаказаннымъ. Манфредъ и нѣкто Томасо были арестованы и сознались. Манфредъ сознался, кромѣ того, въ томъ, что принималъ участіе въ убійствѣ двухъ другихъ инквизиторовъ, францисканцевъ бр. Петра да Брачіано и бр. Каталано, убитыхъ въ Ломбардіи. Ему было только приказано явиться на судъ папы, но онъ, какъ полагаютъ, не исполнилъ этого приказанія и бѣжалъ. Дальнѣйшая судьба его не извѣстна. Ни одинъ изъ убійцъ не былъ казненъ. Народная молва утверждала, что убійцы нашли себѣ убѣжище у вальденцевъ въ альпійскихъ долинахъ, и это предположеніе вполнѣ правдоподобно [1]).

Церковь могла заставить простой народъ отомстить за это убійство, и она сумѣла ловко извлечь выгоду изъ мученической смерти своего служителя. Было пущено въ ходъ все, чтобы убѣдить народъ въ святости мученика. Чудеса около его тѣла проявлялись все чаще и чаще. Генеральный капитулъ ордена собрался въ маѣ мѣсяцѣ въ Болоньѣ. По этому случаю Иннокентій послалъ собравшимся монахамъ грамату, въ которой онъ въ страшно преувеличенномъ видѣ выставлялъ дѣятельность усопшаго и приглашалъ доминиканцевъ выступить съ новой энергіей на защиту дѣла Христа. 31 августа онъ при-

[1]) Bern. Corio, «Hist. Mediolanens.», ann. 1252.—Gualvaneo Flamma, c. 286 (Muratori, «S. R. I.», XI, 684).—Ripoll, I, 224, 244, 389.—Campana, «Vita di San Piero-Martire», 118—20, 125, 128—9, 132—3.—Annal. Mediolanens. c. 24 (Muratori, XVI, 656).—Tamburini, «Storia dell'Inquisizione», I, 492—502). — Wadding. ann. 1284, № 3. — Rodulphii «Hist. Seraph. Relig.», lib. I, fol. 126.—Raynald. ann. 1402, № 24.

Нѣкій Даніель да Гиссано былъ въ 1279 г. инквизиторомъ въ Ломбардіи (Ripoll, I, 567). Весьма возможно, что это одно лицо съ участникомъ въ убійствѣ.

Библиотека "Руниверс"

казалъ начать дѣло о канонизаціи святого, а 25 марта 1253 г, т.-е. менѣе, чѣмъ черезъ годъ, была обнародована булла о его канонизаціи. Это, какъ я думаю, единственный примѣръ столь скораго признанія святымъ. Трудно представить, какое почитаніе окружало мученика. Въ концѣ столѣтія Джакопо да Вораджине сравнивалъ уже страданія Петра со страданіями Іисуса Христа и проводилъ между ними цѣлый рядъ параллелей. Исчезновеніе ереси въ Миланѣ онъ приписывалъ трудамъ только его одного. Уже булла о канонизаціи заявляла, что мученическая смерть и чудеса Петра вызвали обращеніе многихъ еретиковъ. Въ 1291 г. одинъ неаполитанскій доминиканецъ, Томасо д'Аверса, осмѣлился въ проповѣди, произнесенной въ день памяти св. Петра, сравнить раны святого со стигматами св. Франциска, но это сравненіе показалось до извѣстной степени кощунственнымъ. Проповѣдникъ заявилъ, что раны Петра были нанесены ему какъ Богу живому, тогда какъ стигматы Франциска были знаками Бога мертваго. Папа Николай IV оказался францисканцемъ, и Томасо, вызванный на судъ папы, былъ вынужденъ сознаться въ своемъ заблужденіи и затѣмъ былъ отосланъ къ своему провинціалу, которому было приказано наказать его, чтобы впредь онъ не позволялъ себѣ подобнаго кощунства; однако, папы поддерживали поклоненіе св. Петру, пока Сикстъ V въ 1586 г. не провозгласилъ его второю главою Инквизиціи, послѣ св. Доминика, и первымъ мученикомъ Святого Трибунала. Въ 1588 г. этотъ же папа объявилъ полное отпущеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, кто будетъ исповѣдываться въ доминиканскихъ церквахъ въ дни памяти св. Доминика, св. Петра Мученика и св. Екатерины Сіенской. Въ XVII ст. одинъ испанецъ замѣнилъ въ своемъ энтузіазмѣ, что Петръ увѣнчанъ тройною короной, como Emperador de Martyres. Въ 1373 г. Григорій XI разрѣшилъ соорудить на мѣстѣ его убіенія небольшую часовню, которая вскорѣ превратилась въ великолѣпную церковь и богатый монастырь, благодаря пожертвованіямъ безчисленныхъ пилигримовъ, стекавшихся толпами. Святость мученика во всей своей непреложности проявилась въ 1340 г., черезъ восемьдесятъ-семь лѣтъ послѣ его смерти: тѣло его было вырыто тогда для перенесенія въ роскошную гробницу и оказалось нетронутымъ тлѣніемъ. Когда гробница была вторично открыта въ 1736 г., то тѣло святого снова оказалось пощаженнымъ тлѣніемъ и сохранившимъ на себѣ совершенно такія раны, какія были описаны исторіей [1]).

Возбужденіемъ, которое было вызвано дѣяніями Петра, воспользовались въ большинствѣ итальянскихъ городовъ. Были образованы отряды изъ лучшихъ рыцарей, извѣстные подъ именемъ Crocesegnati; эти рыцари приносили присягу защищать инквизиторовъ и помогать имъ съ опасностью для своей жизни и обязывались силой и имуществомъ

---

[1]) Ripoll, I, 212.—Campana, op. cit. 126, 149, 151, 257, 259, 262—3.—Jac. de Vorag. «Legenda Aurea», s. v.—Mag. Bull. Roman. I, 94.—Wadding. ann. 1291, № 24.—Juan de Mata, «Santoral de los Santos», Барселона, 1637 г., fol. 28. — Gualvaneo Flamma, «Opusc.» (Muratori, «S. R. I.», XII, 1035).

Опала бр. Томасо была непродолжительна. Ниже мы увидимъ его инквизиторомъ, то покровительствующимъ францисканцамъ, спиритуаламъ, то преслѣдующимъ ихъ. Если вѣрить послѣднимъ, то смерть въ 1306 г. была наказаніемъ, посланнымъ на него Богомъ за тѣ ужасныя жестокости, которыя они терпѣли отъ него (Hist. Tribulationum, ap. Archiv. für Litteratur- und Kirchengeschichte, 1886 г., стр. 326).

Вопросъ о стигматахъ былъ всегда причиной горячихъ ссоръ между двумя орденами. Сначала доминиканцы отказывались вѣрить въ это чудо, пока энергичныя мѣры, принятыя папами, не заставили ихъ покориться (Chron. Glassberger, ann. 1237.—Analecta Franciscana II, 58, Quaracchi, 1887). Когда же доминиканцы заявили о стигматахъ св. Екатерины Сіенской, то францисканцы, съ своей стороны, выказали недовѣріе. Въ 1473 г. въ Трапани два ордена подняли такой горячій споръ по этому вопросу въ своихъ проповѣдяхъ, что между ихъ свѣтскими сторонниками возникли серьезные безпорядки, и потребовалось даже вмѣшательство вице-короля Сициліи (La Mantia, «L'Inquisizione in Sicilia», Турин, 1886 г., стр. 17). Какъ мы уже отмѣтили, Сикстъ IV въ 1475 г. запретилъ приписывать стигматы св. Екатеринѣ.

Библиотека "Руниверс"

служитъ дѣлу уничтоженія ереси. Взамѣнъ этого они получали полное прощеніе грѣховъ. Это общество обыкновенно собиралось въ праздникъ св. Петра въ доминиканскихъ церквахъ, гдѣ помѣщалась Инквизиція; во время чтенія Евангелія рыцари поднимали кверху обнаженныя шпаги, свидѣтельствуя, такимъ образомъ, о своей готовности разрубить ересь. Эти общества существовали еще въ XVIII ст.; бр. Петръ — Томасо Кампана, бывшій инквизиторомъ въ Кремѣ, съ гордостью разсказываетъ, что онъ руководилъ подобной церемоніей въ 1738 г. въ Миланѣ. Кромѣ того, Crocesegnati давали Инквизиціи матеріальную поддержку, предоставляя въ случаѣ надобности инквизиторамъ людей и деньги, необходимыя имъ для выполненія ихъ задачи; къ тому же, если они отказывались доставить потребованную инквизиторами поддержку, они подлежали отлученію отъ Церкви. Легко понять, насколько подобныя общества облегчали дѣло Инквизиціи [1]).

Если еретики разсчитывали запугать своихъ преслѣдователей убійствами, то они жестоко ошиблись. Доминиканскій орденъ могъ доставить безчисленное количество фанатиковъ, жаждавшихъ получить мученическую корону неутомимою дѣятельностью въ преслѣдованіи. Едва кончились блестящія похороны св. Петра, какъ уже мѣсто его было занято Гвидо изъ Сеста и Райнеріо Сакконе изъ Виченцы. Послѣдній, какъ мы уже упоминали, занималъ раньше видное положеніе въ церкви катаровъ; божественный свѣтъ открылъ ему его заблужденія, онъ покаялся и, чтобы загладить свое прошлое, вступилъ въ доминиканскій орденъ; и, быть-можетъ, изъ уваженія къ нему только, Иннокентій IV разрѣшилъ въ 1246 г. доминиканскому пріору Милана принимать въ орденъ раскаявшихся еретиковъ, не требуя отъ нихъ года послушанія, обязательнаго для католиковъ. Зная прекрасно всѣ тайны еретиковъ, Райнеріо могъ оказать неоцѣнимыя услуги въ дѣлѣ преслѣдованія своихъ прежнихъ единовѣрцевъ. Онъ преслѣдовалъ ихъ съ неумолимостью вѣроотступника. Назначенный вскорѣ инквизиторомъ, онъ снискалъ себѣ славу горячаго и счастливаго воина католической Церкви. Насколько его ненавидѣли преслѣдуемые, можно судить по тому, что онъ, какъ мы уже говорили, одновременно съ Петромъ былъ обреченъ на смерть. Мы не знаемъ подробностей покушенія; извѣстно только, что Джакопо делла Кіуса вернулся изъ Павіи, не выполнивъ своего намѣренія. Вслѣдъ за этимъ Райнеріо былъ перемѣщенъ въ Миланъ какъ лицо, наиболѣе достойное занять мѣсто Петра Мученика, и онъ оправдалъ выборъ. Инквизиція была въ Ломбардіи еще новостью, и, чтобы насадить и устроить ее тамъ, требовался человѣкъ такой, какъ онъ, человѣкъ остраго ума и рѣдкой настойчивости въ достиженіи цѣли [2]).

Ересь была распространена въ Ломбардіи болѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Дѣятельность, проявленная въ Лангедокѣ Бернаромъ изъ Ко и его товарищами, вызвала массовую эмиграцію. До смерти Фридриха II Ломбардія считалась вѣрнымъ убѣжищемъ; тамъ устраивались цѣлыя колоніи, и даже послѣ окончательнаго устройства ломбардской Инквизиціи, еще въ теченіе цѣлаго столѣтія, несчастные гонимые искали тамъ себѣ пріюта. Незамѣтно, чтобы ихъ часто тамъ открывали [3]). Задача, представлявшаяся Райнеріо, была достойна его разрѣшенія и его энергіи. Въ Тревизской Маркѣ продолжалъ оказывать покровительство еретикамъ Эццелино да Романо, вліяніе котораго сказывалось далеко на Западѣ. Казалось также, что надежды, вызванныя у Церкви смертью Фридриха, не осуществятся.

Конрадъ IV, проѣзжая въ 1253 г. черезъ Тревиза въ Сицилію, назначилъ вице-генераломъ Ломбардіи Гумберта Паллавичино, который вскорѣ сдѣлался для Церкви столь же опаснымъ, какъ и Эццелино. Послѣ смерти Конрада въ 1254 г. Иннокентій IV за-

[1]) Ripoll, VIII, 113.—Chron. Parmens. ann. 1286 (Muratori «S. R. I. , IX, 810).—Campana, op. cit., 63.—Bernard. Comens. «Lucerna Inquisit.» s. v. «Bona haereticor.», № 6, «Crucesignati», «Indulgentia».

[2]) Ripoll, I, 144, 168.—Campi, «Dell'Hist. Eccles. di Piacenza». P. II, 208—9.

[3]) Molinier, «De Fratre Guillelmo Pelisso., Anicii, 1880, стр. LIX—LX.

Библиотека "Руниверс"

хватилъ Неаполь какъ ленное владѣніе, измѣнически отнятое у Церкви и возвращенное ей; но могущество Палавичино не перестало отъ этого расти: онъ вошелъ въ сношенія съ незаконнымъ сыномъ Фридриха, Манфредомъ, который отнялъ у папы Неаполь и сталъ во главѣ гибеллиновъ. Еще болѣе грозной была перемѣна направленія образа мыслей въ Миланѣ. Граждане изъ горячихъ гвельфовъ обратились въ индифферентныхъ благодаря неловкому поступку Иннокентія, который предоставилъ нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ права, отобранныя у нихъ гражданами. Положеніе было въ высшей степени опаснымъ.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Райнеріо былъ вызовъ въ 1253 г. на судъ, какъ сторонника и защитника ереси, Эгидія да Кортенуова. Замокъ графа около Бергамо былъ срытъ, какъ гнѣздо еретиковъ, и было запрещено возобновлять его. Но графъ занялъ замокъ Монгано, который требовалъ себѣ Кремонскій епископъ, и обратилъ его въ притонъ, гдѣ еретики, подъ его защитой, пользовались полной неприкосновенностью. Онъ не обратилъ никакого вниманія на отлученіе его отъ Церкви за неявку по вызову Райнеріо. 23 марта 1254 г. Иннокентій IV приказалъ властямъ Милана взять замокъ силою и доставить его жителей въ трибуналъ инквизиторовъ. Между тѣмъ, графъ заключилъ тѣсный союзъ съ Палавичино, «этимъ врагомъ Бога и Церкви», и жители Милана не проявили, повидимому, особаго желанія повиноваться приказанію Иннокентія. Монгано до 1269 г. продолжалъ служить убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ, и только въ этомъ году жители Милана согласились осадить замокъ и, взявъ его, передали доминиканцамъ [1]).

Болѣе счастливъ былъ Райнеріо въ дѣлѣ съ знатнымъ миланцемъ Робертомъ Патта да Гиссано, который въ теченіе двадцати лѣтъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ защитниковъ ереси въ Ломбардіи. Въ своемъ замкѣ въ Гаттѣ Робертъ открыто держалъ еретическихъ епископовъ; онъ позволялъ еретикамъ строить дома и открывать школы, откуда они по всей странѣ распространяли ядъ своего ученія. Они имѣли даже свое особое кладбище, гдѣ между другими было похоронены ихъ епископы Назарій и Дезидерій; это мѣсто прославилось; какъ доказательство пророческаго дара Петра Мученика, приводятъ разсказъ, что онъ, проходя однажды мимо кладбища, предсказалъ, что оно будетъ уничтожено, а кости еретиковъ будутъ вырыты. Робертъ былъ вызванъ архіепископомъ и отрекся отъ ереси, но не смѣли примѣнить къ нему принудительныхъ мѣръ, чтобы вернуть его на путь истины, и онъ продолжалъ покровительствовать еретикамъ въ Гаттѣ. Обстоятельства измѣнились, когда въ 1254 г. Райнеріо и Гвидо послали Роберту новый вызовъ о явкѣ. Такъ какъ онъ не явился, то инквизиторы осудили его за ересь, конфисковали его земли и объявили его потомковъ лишенными правъ. Робертъ понялъ, что съ новыми инквизиторами шутки плохи; съ другой стороны, въ это время дѣла гибеллиновъ сильно пошатнулись; и онъ поторопился кончить все миромъ, согласившись заранѣе принять всѣ условія, которыя предложитъ ему папа. Несомнѣнно, Иннокентій думалъ показать себя милостивымъ, когда вынесъ 19 августа 1254 г. свой приговоръ. Онъ приказалъ предать пламени замокъ Гатта и всѣ жилища еретиковъ и вырыть и сжечь кости похороненныхъ на кладбищѣ, а графу онъ приказалъ подчиниться тому духовному наказанію, который по своему усмотрѣнію наложитъ на него Райнеріо [2]).

Папство достигло тогда высшаго могущества. Конрадъ IV умеръ 20 мая 1254 г., быть-можетъ, отъ яда; Иннокентій IV захватилъ сицилійскія королевства покойнаго и до побѣды Манфреда у Фоджіи могъ надѣяться, что въ самомъ непродолжительномъ времени ему удастся сдѣлаться безспорнымъ главой Италіи какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ. Всѣ его старанія были направлены къ тому, чтобы усовершенствовать Инквизицію и сдѣлать изъ нея полезное орудіе своей политики и средство достигнуть желаннаго единства

[1]) Ripoll, I, 238, 242—3; VII, 31.—Bern. Corio, «Hist. Milanese», ann. 1269.
[2]) Ripoll, I, 254.—Campana, op. cit., 114.

Библиотека "Руниверс"

вѣры. 8 марта Иннокентій принялъ важную мѣру, приказавъ францисканскому министру Рима послать въ качествѣ инквизиторовъ монаховъ во всѣ южныя провинціи Ломбардіи. 20 мая онъ снова обнародовалъ буллу Ad extirpanda, а 22-го онъ послалъ всѣмъ итальянскимъ владѣтелямъ конституціи Фридриха II съ приказаніемъ внести эти законы въ мѣстные статуты. Въ то же время онъ предупреждалъ ихъ, что, въ случаѣ неповиновенія, нищенствующимъ поручено заставить ихъ слушаться. 29-го онъ приступилъ къ реорганизаціи ломбардской инквизиціи и приказалъ провинціалу назначить четырехъ инквизиторовъ, которымъ были бы подсудны всѣ области отъ Болоньи и Феррары до Генуи. Благодаря этимъ мѣрамъ, а также неутомимой энергіи Райнеріо, Инквизиція быстро распространилась на всѣ мѣстности, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ властители гибеллины, въ родѣ Эццелино и Гумберта, мѣшали ея введенію. До насъ случайно дошелъ образчикъ дѣлопроизводства этой эпохи, сохранившійся въ регистрахъ маленькой республики Асти, сосѣдней съ Савойей. Въ этомъ документѣ разсказывается, что въ 1254 г. два инквизитора, Джованни Туринскій и Павелъ Миланскій, явились со своими товарищами въ Совѣтъ Республики и сообщили членамъ совѣта, что папа приказалъ имъ ввести Инквизицію въ ихъ области. Граждане Асти заявили, что они готовы исполнить повелѣнія папы, но что у нихъ нѣтъ никакого закона о преслѣдованіяхъ, и что нужно установить для этого особое законодательство. Вслѣдствіе этого сейчасъ же выработали и внесли въ мѣстные статуты Ordenamento, предписывавшее повиновеніе декретамъ Иннокентія IV и Фридриха II. Несомнѣнно, подобныя мѣры должны были быть приняты повсюду, гдѣ населеніе не знало еще, что первою и главною обязанностью властей было уничтоженіе ереси [1]).

Послѣдовавшая 7 декабря 1254 г. смерть Иннокентія IV,—произошла ли она отъ чародѣйственной силы молитвъ доминиканцевъ, или отъ огорченія вслѣдствіе успѣха Манфреда,—не отразилась на возрастающихъ успѣхахъ Инквизиціи. Вступленіе Александра IV было отмѣчено изданіемъ цѣлаго ряда буллъ, подтверждавшихъ и дѣлавшихъ обязательными мѣропріятія, предписанныя его предшественникомъ, и приглашавшихъ прелатовъ и инквизиторовъ къ усиленной дѣятельности. Чтобы сломить упорство нѣкоторыхъ городовъ, выказывавшихъ недостаточную готовность въ дѣлѣ арестовъ и выдачи гражданъ, указанныхъ инквизиторами, послѣднимъ было дано право карать это преступленіе тяжелымъ штрафомъ въ двѣсти серебряныхъ марокъ. Получивъ этотъ папскій указъ, Райнеріо 1 августа 1255 г. собралъ все населеніе Милана на площади передъ ратушей, громко прочелъ грамату папы и добавилъ, что, если онъ до сего времени дѣйствовалъ крайне кротко, теперь будетъ совсѣмъ иное. Многіе изъ гражданъ, говорилъ онъ, открыто смѣялись надъ Инквизиціей; многіе производили соблазнъ, противодѣйствуя Святому Трибуналу. Вслѣдствіе этого онъ обратился къ населенію съ тремя оффиціальными предупрежденіями, скрѣпленными нотаріальнымъ актомъ, и заявилъ, что, если кто будетъ хулить Инквизицію и мѣшать ея дѣятельности, то тотъ будетъ отлученъ отъ Церкви, какъ соумышленникъ ереси, и наказанъ сообразно со степенью своихъ дерзкихъ поступковъ [2]).

Увеличившееся рвеніе, съ которымъ принялась Инквизиція за свое дѣло, сдѣлало недостаточнымъ четырехъ инквизиторовъ, установленныхъ для Ломбардіи Иннокентіемъ IV, и 20 марта 1256 г. Александръ IV даетъ приказъ провинціалу увеличить число инквизиторовъ до восьми. Повидимому, провинціалъ проявилъ нѣкоторую медленность въ послушаніи, такъ какъ въ 1260 г. онъ получилъ строгое подтвержденіе этого указа, съ предписаніемъ немедленно примѣнить его. Быть-можетъ, это замедленіе въ исполненіи указа вызвало повышеніе Райнеріо, который въ январѣ 1257 г. былъ назначенъ верховнымъ инквизиторомъ всей

[1]) Bern. Guidon. «Vita Innocent. PP. IV» (Muratori. «S. R. I.», III, 529).—Wadding. ann. 1251, № 8.—Ripoll, I, 246.—Sclopis, «Antica Legislazione del Piemonte», 410.

[2]) Ripoll, I, 283.—Raynald. ann. 1255, № 31.—Campi, «Dell'Hist. Eccles. di Piacenza». P. II, 212—13, 402.

Библиотека "Руниверс"

Ломбардіи и Генуэзской и Тревизанской Марокъ. Получивъ теперь право назначать своихъ делегатовъ, онъ былъ, такимъ образомъ, освобожденъ отъ контроля провинціала; если онъ найдетъ число работниковъ недостаточнымъ, то онъ можетъ набрать новыхъ помощниковъ среди людей, исключительно зависящихъ отъ него. Въ мартѣ 1256 г. настоятельно было предложено прелатамъ оказывать инквизиторамъ всякую посильную помощь. Въ январѣ 1257 г. это было подтверждено оффиціально. Тотъ, кто проявитъ небрежность, будетъ наказанъ, а тотъ, кто выкажетъ энергію, получитъ благоволеніе Святого Престола. Нельзя ошибиться въ значеніи этой мѣры: трудно было ограничить власть, сосредоточенную, такимъ образомъ, въ рукахъ катара-ренегата [1]).

Между тѣмъ, его власть доходила до границъ земель запрещенныхъ: во владѣніяхъ Гумберта и Эццелина не могъ показываться ни одинъ инквизиторъ. Въ томъ же самомъ 1257 г. Піаченца, перешедшая во власть Гумберта, приняла такое враждебное настроеніе по отношенію къ Церкви, что изъ нея перенесли даже епископскую каѳедру въ Феррару. Въ Виченцѣ, гдѣ властвовалъ Эццелино, положеніе было еще серьезнѣе. Вождемъ еретиковъ былъ Петръ Галло да Борго ди С.-Пьеро, имя котораго служило для нихъ сигналомъ къ сбору. На этотъ крикъ католики отвѣчали крикомъ: «Viva Volpe!», такъ какъ во главѣ католической партіи стоялъ тогда одинъ изъ членовъ фамиліи Вольпе. Эта привычка удержалась въ народѣ такъ долго, что еще въ XVII ст. крикомъ обитателей Борго (называвшагося уже Porsampiero) была «Viva Gallo!», а крикомъ жителей Piazza и Porta Nuova: «Viva Volpe!». Эццелино не позволялъ никакого преслѣдованія; когда въ 1256 г. блаженный Варѳоломей, одинъ изъ непосредственныхъ учениковъ св. Доминика, былъ назначенъ епископомъ въ Виченцу, онъ долженъ былъ ограничить дѣло обращенія только проповѣдью и убѣжденіемъ. Послѣ многихъ безплодныхъ проповѣдей у него произошелъ публичный диспутъ съ Петромъ Галло, и онъ такъ хорошо доказалъ свои положенія, что еретикъ обратился. Говорятъ (но, впрочемъ, это извѣстіе далеко недостовѣрно), что Эццелино, раздраженный этимъ, изгналъ Варѳоломея изъ своихъ владѣній. Каковы бы ни были истинныя причины изгнанія Варѳоломея, но онъ былъ вознагражденъ за это Александромъ IV назначеніемъ на постъ нунція въ Англію. Во время отсутствія епископа его архидіаконъ, Бернардо Ничелли, пошелъ далѣе и въ 1258 г. арестовалъ виднаго катарскаго епископа Вивіано Боголо. Его старанія обратить плѣнника на путь истины не имѣли успѣха, а вмѣшавшійся въ дѣло Эццелино освободилъ еретика [2]).

Было ясно, что, пока эти вожди гибеллиновъ сохраняютъ еще нѣкоторую власть, положеніе ереси прочно, и надежды, возлагавшіяся на смерть Фридриха II, далеки отъ своего осуществленія. Все уже давно заставляло Церковь желать гибели своего самаго опаснаго врага, Эццелино. Всѣ средства были пущены въ ходъ, чтобы заставить его смириться. Уже въ 1221 г. Григорій IX, бывшій тогда легатомъ Ломбардіи, добился отъ него изъявленія своей ненависти къ ереси. Въ 1231 г. сыновья мятежника, Эццелино и Альберико, явились къ папѣ, высказали свой ужасъ передъ преступленіями отца и обѣщали выдать его, чтобы его судили какъ еретика, если онъ не согласится исправиться. Они разсчитывали такимъ путемъ сохранить за собой наслѣдство, котораго они, какъ дѣти еретика, лишались по законамъ Фридриха. Мало того, они вызвались передать своему отцу посланіе, которое Григорій вручилъ имъ 1 сентября. Папа горько упрекалъ Эццелино за его покровительство еретикамъ и писалъ, что, если онъ смиренно сознаетъ свои заблужденія и изгонитъ изъ своихъ земель всѣхъ катаровъ, можетъ, въ теченіе двухмѣсячнаго срока, явиться къ Святому Престолу за приказаніями. Въ против-

[1]) Ripoll, I, 300, 326, 327, 399.—Potthast, № 16292.

[2]) Campi, «Dell'Hist. Eccles. di Piacenza». P. II, 214-15.—Barbarano de'Mironi, «Hist. Eccles. di Vicenza», II, 99, 104.

Библиотека "Руниверс"

номъ случаѣ и небо, и земля будутъ призваны погубить его, его владѣнія отдутъ конфискованы, а онъ самъ, поношеніе и ужасъ для всего человѣчества, будетъ преданъ вѣчному позору [1]).

Мы не знаемъ, передали ли сыновья это грозное посланіе отцу; но интереснымъ является то, что съ этого времени на Эццелино стали смотрѣть какъ на главную опору ереси, и что католическая Церковь еще разъ показала, что подъ ея ревностью къ вѣрѣ скрывались честолюбивые политическіе замыслы. Энергія Эццелино не ослабла, и онъ почти безпрепятственно продолжалъ свою карьеру. Когда Фридрихъ II сломилъ сопротивленіе Ломбардіи, то онъ выдалъ въ 1238 г. свою незаконорожденную дочь Сельваджію замужъ за Эццелино и назначилъ его своимъ намѣстникомъ. Единогласное свидѣтельство духовныхъ лѣтописцевъ представляетъ этого князя чудовищемъ, преступленія котораго превышали все, позволенное человѣку. Но нарисованный такими мрачными красками портретъ выдаетъ тайные замыслы художника. Эццелино, быть-можетъ, былъ самымъ дурнымъ изъ итальянскихъ деспотовъ въ эпоху, когда всѣ отличались вѣроломствомъ, и никто не обращалъ вниманія на страданія другихъ. Но, чтобы пользоваться такими постоянными успѣхами, необходимо было ему обладать извѣстными дарованіями, чтобы привлекать къ себѣ людей. Съ другой стороны, сообщаютъ, что краснорѣчіе бр. Джованни Скіо дважды доводило его до слезъ, что свидѣтельствуетъ объ извѣстной чувствительности, которой не могло быть у человѣка, вполнѣ испорченнаго. Бенвенуто да Имола разсказываетъ, что Эццелино взвалилъ себѣ на спину Сорделло, любовника своей сестры, отнесъ его, такимъ образомъ, на свиданіе и принесъ обратно, послѣ чего дружески предостерегъ напуганнаго трубадура. Этотъ разсказъ представляетъ намъ его характеръ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ рисуютъ обыкновенно. Многіе разсказы, распространявшіеся съ цѣлью вызвать къ нему ненависть, настолько нелѣпы и преувеличены, что они подрываютъ довѣріе и къ другимъ обвиненіямъ, взводимымъ на Эццелино писателями папской партіи [2]).

Посланіе, написанное папою Григоріемъ Эццелино 1 сентября 1231 г., было простою хитростью. Папа такъ мало думалъ ждать окончанія двухмѣсячнаго срока, даннаго имъ Эццелино для явки, что уже 4 сентября, т.-е. черезъ три только дня, началъ приводить въ исполненіе свою месть: онъ приказалъ епископамъ Реджіо, Модены, Брешіи и Мантуи отдать земли Эццелино на разграбленіе и проповѣдывать противъ этого еретика крестовый походъ, обѣщая участникамъ похода такое же отпущеніе грѣховъ, какъ за походъ въ Св. Землю. Но эта попытка не имѣла успѣха. Когда въ 1233 г. Джованни Скіо былъ посланъ съ порученіемъ возстановить спокойствіе, то общій миръ далъ разрѣшеніе грѣховъ и Эццелино, хотя онъ не отказался покровительствовать еретикамъ и нисколько не исправился. Пока между Церковью и Фридрихомъ было согласіе, на Эццелино, повидимому, не обращали вниманія.

Когда императоръ подчинилъ себѣ Ломбардію, и ссора снова вспыхнула, то и на Эццелино снова напали. 7 апрѣля былъ отлученъ отъ Церкви Фридрихъ, а 20 ноября 1239 г. та же участь постигла и Эццелино. На этотъ разъ ничего не говорится о его покровительствѣ еретикамъ, но только о его насиліяхъ надъ Тревизскою Церковью и о томъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ онъ находился подъ отлученіемъ. Ему былъ данъ мѣсячный

---

[1]) Epist. Saecul. XIII. T. I, № 451.—Raynald. ann. 1231, №№ 20—22.

[2]) Chabaneau (Vaissete, изд. Privat, X, 314).—Monach. Patavin. Chron. (Muratori, «S. R. I.», VIII, 707—9). — Фридрихъ описывается также писателями папской партіи какъ чудовище, находившее удовольствіе въ безполезныхъ жестокостяхъ.—Ср. Vita Greg. PP. IX (Muratori, III, 583—4).

Народное преданіе въ Тревизской Маркѣ смотритъ на Эццелино какъ на демона, заражающаго и до сего времени страну, бывшую ареной его дѣятельности. Его представляютъ различно: то воплощеніемъ демона, то порожденіемъ демона и колдуньи, то порожденіемъ собаки.—Brentari, «Eccelino da Romano», Падуя, 1889 г., стр. 32.

Библиотека "Руниверс"

срокъ для изъявленія покорности, послѣ чего ему предстояло подвергнуться суду по обвиненію въ ереси. Церковь уже поняла, какъ важно и выгодно было для нея всякое неповиновеніе подводить подъ ересь. Это не произвело никакого дѣйствія, и въ 1244 г. Иннокентій рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи Инквизиціи. Брату Роландо Кремонскому, несокрушимую энергію котораго мы уже видѣли, было поручено произвести разслѣдованіе объ Эццелино какъ о человѣкѣ, подозрѣваемомъ въ ереси и публично считаемомъ за еретика въ силу своихъ сношеній съ еретиками. Законный вызовъ въ судъ этого „страшнаго и могущественнаго“ еретика было поручено инквизитору сдѣлать изъ какого-либо безопаснаго мѣста. Результатомъ этого былъ процессъ in absentia. Было дознано, что отецъ Эццелино былъ еретикомъ, что всѣ его близкіе родственники—еретики, и что ересь, благодаря его покровительству, наводнила всю Тревизскую Марку; отсюда вывели заключеніе, что онъ самъ невѣренъ религіи Христа, и что на него должно падать подозрѣніе въ ереси. Въ мартѣ 1248 г. Иннокентій вывесъ приговоръ. Какъ открытый еретикъ, Эццелино долженъ быть осужденъ наравнѣ со всѣми другими еретиками; но, если онъ явится въ день Вознесенія (28 мая), Церковь проявитъ въ отношеніи его свое неисчерпаемое милосердіе. Старый вождь не вышелъ изъ своего обычнаго благоразумія и не сталъ любопытствовать, до какихъ предѣловъ простирается милосердіе папы. Онъ ограничился тѣмъ, что послалъ депутатовъ, которымъ поручилъ клятвенно заявить о его католичествѣ и снять, такимъ образомъ, съ него подозрѣніе въ ереси. Но Иннокентій остался непреклоненъ и настаивалъ, чтобы Эццелино явился лично, обѣщая дать ему охранный листъ на оба конца дороги. Но развѣ не могли арестовать его въ самомъ Римѣ? Эццелино былъ очень остороженъ, чтобы поддаться на это. Срокъ, данный ему, истекъ, и немедленно было утверждено его отлученіе отъ Церкви. Два года спустя мятежнику было послано новое увѣдомленіе: если онъ не явится до 1 августа 1250 г., то съ нимъ будетъ поступлено какъ съ еретикомъ; но закоренѣлый грѣшникъ не обратилъ на эту угрозу никакого вниманія. Въ іюнѣ 1251 г. епископу Тревизскому и доминиканскому пріору Мантуи было приказано устно передать ему вызовъ о явкѣ въ назначенный день и гарантировать ему безопасность. Если же онъ и на этотъ разъ ослушается, то гражданамъ Тревизо, его подданнымъ, было приказано заставить его повиноваться папѣ; а если и это не дастъ желательныхъ результатовъ, то противъ него будутъ проповѣдывать крестовый походъ [1]).

Папа, жаждавшій расширить свою свѣтскую власть, имѣлъ полный разсчетъ осуждать своихъ политическихъ противниковъ какъ еретиковъ. Подчиненіе ихъ можно было экономнымъ образомъ отнести на счетъ дохода отъ индульгенцій. Такъ, напр., въ апрѣлѣ 1253 г. Иннокентій IV, поссорившись съ римскимъ сенаторомъ Бранкалеоне, приказалъ доминиканцамъ римской провинціи проповѣдывать крестовый походъ противъ воображаемыхъ еретиковъ Тосканы, обѣщая за это участникамъ похода индульгенціи, какъ за походъ въ Св. Землю. Для уничтоженія еретиковъ Ломбардіи, сдѣлавшихся, какъ говорили, болѣе многочисленными и болѣе смѣлыми, чѣмъ когда-либо раньше, были сдѣланы подобныя же приготовленія, но въ болѣе широкомъ масштабѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ выходили одна за другой буллы, приказывавшія всѣмъ прелатамъ, и въ частности инквизиторамъ, проповѣдывать святую войну противъ этихъ враговъ вѣры, раздавая щедрою рукою всевозможныя индульгенціи. Одной изъ этихъ буллъ обѣщалось непосредственное прощеніе владѣльцамъ когда-либо раньше не правильно пріобрѣтенныхъ земель, подъ условіемъ, что цѣна за нихъ будетъ внесена какъ контрибуція на покрытіе расходовъ крестоваго похода;

[1]) Epist. Saeculi. XIII. T. I, №№ 453, 741, 757—9. — Ripoll, I, 59, 135, 193. — Potthast, № 12899. — Berger, «Registres d'Innocent IV», № 4095. — Raynald. ann. 1248, №№ 25—6. — Harduin. «Concil.» VII, 362.

Библиотека "Руниверс"

Церковь, такимъ образомъ, дѣлалась участницей воровства. Другая булла предписывала, что всякій отдѣльный человѣкъ или всякая община, которые не придутъ на помощь крестовому походу, будутъ преслѣдуемы инквизиторами какъ соумышленники ереси. 9 апрѣля 1254 г. Эццелино былъ вызванъ явиться лично въ день Вознесенія (21 мая). Если же онъ не явится по этому вызову, то онъ будетъ объявленъ открытымъ еретикомъ, и съ нимъ будетъ поступлено какъ съ таковымъ. Всѣ эти мѣропріятія отзываются подражаніемъ инквизиціонному дѣлопроизводству; очевидно, Инквизиція уже произвела извѣстное впечатлѣніе на умы духовенства. Съ другой стороны, роль, предоставленная инквизиторамъ, свидѣтельствуетъ, что Инквизиція становилась вѣрнымъ факторомъ для увеличенія авторитета Святого Престола [1]).

Завоеваніе Неаполя и смерть Иннокентія IV задержали устройство крестоваго похода, и только въ іюнѣ 1256 г. войска выступили изъ Венеціи подъ предводительствомъ легата Филиппа, избраннаго Равеннскимъ архіепископомъ. Начало кампаніи было счастливо; была взята приступомъ Падуя, самый важный городъ Эццелина. Несчастный городъ въ теченіе семи дней былъ отданъ на разграбленіе; и можно положительно сказать, что крестоносцы рѣшили, насколько возможно, использовать предложенныя имъ за ихъ рвеніе индульгенціи. Но этотъ первый успѣхъ былъ и послѣднимъ; руководимый неискуснымъ вождемъ, крестовый походъ тянулся медленно, несмотря на всѣ буллы, дававшія вѣчное спасеніе старавшимся за доброе дѣло. Наконецъ, въ 1258 г. легатъ потерпѣлъ окончательное пораженіе въ Брешіи и былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ астрологомъ, доминиканцемъ Эверардомъ. Брешія перешла въ руки Эццелина, который, болѣе могущественный, чѣмъ когда-либо прежде, питалъ проектъ о взятіи Милана, гдѣ онъ велъ переговоры съ партіей гибеллиновъ. Но судьба его рѣзко измѣнилась какъ-разъ въ то время, когда, казалось, прошла всякая опасность. Вожди ломбардскихъ гибеллиновъ, Гумбертъ Паллавичино и Буозо да Довара, сеньоры Кремоны, были союзниками Эццелина; они помогали ему при взятіи Брешіи подъ условіемъ, что часть добычи будетъ дана имъ. Но Эццелино взялъ все себѣ, и они рѣшили отомстить ему. 11 іюня 1259 г. они заключили противъ Эццелина союзъ съ миланцами и съ Аццо д'Эсте, вождемъ ломбардскихъ гвельфовъ. Тиранъ располагалъ значительной арміей и разсчитывалъ захватить Миланъ, гдѣ у него было много сильныхъ сторонниковъ; но Гумбертъ, Буозо и Аццо напали на него по дорогѣ въ Миланъ, искусной атакой обратили въ бѣгство его армію и взяли тяжело раненаго Эццелина въ плѣнъ. Его безграничная гордость не могла вынести этого пораженія; онъ сорвалъ перевязки съ ранъ, отказался отъ всякой медицинской помощи и черезъ нѣсколько дней умеръ [2]).

Гумбертъ оказалъ Церкви величайшую услугу; онъ былъ и на полѣ битвы и въ совѣтѣ душою союза, сломившаго ужаснаго Эццелина и открывшаго, послѣ 30-тилѣтнихъ безплодныхъ усилій, Тревизскую Марку для Инквизиціи. Надо было проявить благосклонность въ отношеніи такого дорогого союзника. Но въ договорѣ 11 іюня союзники упомя-

---

[1]) Ripoll, I, 230, 247, 249—51, 286, 291.—Mag. Bull. Rom. I, 102—4.—Pegnae Append. Eymeric. 77.—Harduin. «Concil.» VII, 362.

[2]) Raynald. ann. 1257, №№ 38—9; 1258, №№ 1—4; 1259, №№ 1—3.—Rolandini, «Chron.». Lib. IX—XII (Muratori, «S. R. I.» VIII, 299—352).—Monach. Patavin. «Chron.» (Ibid. VIII, 691—705).—Nic. Smeregi «Chron.» (Ibid. VIII, 101).—Wadding. ann. 1258, № 6.—Mag. Bull. Rom. I, 118.

Вся грубость той эпохи прекрасно видна на судьбѣ, постигшей Альберико, брата Эццелина, который со всею семьею своею попалъ въ плѣнъ. Ему заткнули ротъ и привязали къ дереву. У него на глазахъ сожгли живыми его жену и дочерей, убили его сыновей и члены ихъ бросили ему въ лицо. Затѣмъ его хладнокровно разрубили на части. Laurentii de Monacis «Ezerinus», III (Muratori, VIII, 150). Альберико былъ человѣкомъ образованнымъ, трубадуромъ и покровителемъ «gaie science» (Vaissete, изд. Privat. X, 313).

Библиотека "Руниверс"

нули о Манфредѣ какъ о королѣ Сициліи и обязались трудиться надъ примиреніемъ его съ папой. Никакая услуга, тѣмъ болѣе уже оказанная, не могла извинить это признаніе правъ ужаснаго сына Фридриха. Когда Гумбертъ, Буозо и кремонцы заключили союзъ, то съ нихъ было снято отлученіе отъ Церкви; но 13 декабря 1259 г. Александръ IV особою граматою сообщилъ своему легату въ Ломбардію, что это разрѣшеніе не имѣетъ никакой силы, такъ какъ оно не подтверждено доминиканцемъ или францисканцемъ, единственными лицами, имѣющими на то право; впрочемъ, если союзники согласятся отдѣлиться отъ Манфреда, дадутъ достаточныя доказательства своего подчиненія Церкви и обѣщаютъ возстановить всѣ церковныя имѣнія, то они еще могутъ получить разрѣшеніе [1]).

Очевидно, Александръ еще находился подъ впечатлѣніемъ своей побѣды надъ Эццелиномъ и не зналъ человѣка, съ которымъ обращался такъ неблагодарно. При помощи интригъ съ Торріани и другими сеньорами Милана, Гумбертъ образовалъ себѣ партію въ городѣ и въ 1260 г. былъ избранъ подестатомъ. Тщетно Райнеріо Сакконе старался помѣшать этому. Онъ собралъ гражданъ, заявилъ, что на Гумберта падаетъ сильное подозрѣніе въ ереси, и что онъ открыто стоитъ на сторонѣ еретиковъ; онъ угрожалъ въ случаѣ, если Гумбертъ будетъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, ударить въ набатъ во всѣхъ церквахъ и призвать народъ, духовенство и Crocesegnati силою помѣшать осуществленію его плановъ. Къ несчастью, жители Милана дурно приняли подобное вмѣшательство чужеземца въ ихъ внутреннія дѣла или, какъ говоритъ Александръ IV, «этотъ спасительный совѣтъ, данный въ духѣ кротости и милосердія». Раздраженные, они огромной толпою кинулись къ доминиканскому монастырю и предоставили Райнеріо на выборъ или покинуть городъ, или подвергнуться непріятностямъ. Райнеріо выбралъ первое и удалился изъ города [2]).

Тщетно Александръ выпустилъ буллу съ исчисленіемъ преступленій миланцевъ, тщетно приказывалъ онъ Райнеріо и другимъ инквизиторамъ преслѣдовать виновныхъ; тщетно одобрилъ онъ 14 октября 1260 г. уставъ общества Защитниковъ Вѣры, только-что возникшаго въ Миланѣ въ честь Іисуса Христа, Святой Дѣвы Маріи, св. Іоанна Крестителя и св. Петра Мученика,—общества, ставившаго своей задачей оружіемъ и всѣми средствами поддерживать дѣйствія Инквизиціи, направленныя къ уничтоженію ереси. Гумбертъ былъ въ это время самымъ сильнымъ лицомъ въ Ломбардіи; повсюду, гдѣ распространялось его вліяніе, онъ запрещалъ инквизиторамъ выполнять ихъ обязанности. Подъ его защитой еретики чувствовали себя въ безопасности и толпами стекались со всѣхъ другихъ мѣстностей Ломбардіи, изъ Лангедока и Прованса. Однимъ изъ довѣренныхъ подестата былъ нѣкто Беренже, осужденный за ересь. Александръ тотчасъ же началъ противъ Гумберта пародію инквизиціоннаго процесса, подобнаго тому, какой онъ сыгралъ съ Эццелиномъ. 9 декабря 1260 г. онъ приказалъ инквизиторамъ Ломбардіи вызвать Гумберта изъ мѣстностей, гдѣ имъ не грозила бы никакая опасность, явиться въ двухмѣсячный срокъ на папскій судъ, причемъ преступнику должны были выдать охранный листъ только на его дорогу въ Римъ, а не на оба конца пути; если Гумбертъ будетъ тогда въ состояніи доказать свою невинность, то ему будетъ разрѣшено принести присягу въ томъ, что онъ будетъ повиноваться приказаніямъ папы. Если же онъ не явится, то противъ него будетъ возбужденъ инквизиціонный процессъ [3]).

Гумбертъ не обратилъ на это вниманія; онъ спокойно продолжалъ укрѣплять свое положеніе и присоединялъ новые города къ своимъ владѣніямъ, несмотря на грозныя

---

[1]) Raynald. ann. 1259, №№ 6—9.

[2]) Ripoll, I, 398. Bern. Corio, «Hist. Milanese», ann. 1259.

[3]) Arch. de l'Inquis. de Carcassone (Doat, XXXI).—Ripoll, I, 400.

Библиотека "Руниверс"

распоряженія папы, призывавшаго Райнеріо и инквизиторовъ дѣйствовать энергичнѣе и проповѣдывать крестовый походъ. При видѣ успѣховъ Гумберта на сѣверѣ и на югѣ и при видѣ роста вліянія мудраго и энергичнаго владычества Манфреда, можно было одно время думать, что честолюбивые замыслы папства потерпѣли пораженіе, и что итальянская Инквизиція близка къ окончательной гибели. Инквизиторы не могли болѣе безопасно разъѣзжать даже въ предѣлахъ Римской провинціи, хотя прелаты и города были обязаны доставлять имъ во всѣхъ ихъ выѣздахъ достаточное число стражниковъ. О настроеніи массъ можно судить по той мѣрѣ, которую, къ великому негодованію Курія, приняло въ 1264 г. населеніе Бергамо съ цѣлью оградить себя отъ произвола инквизиторскаго суда. Граждане постановили, что всякій, вызванный на судъ или отлученный отъ Церкви по обвиненію въ принадлежности къ ереси или по обвиненію въ поддержкѣ ереси, имѣетъ право въ присутствіи обвинителя или епископа клятвенно заявить о своей вѣрности всѣмъ ученіямъ католической Церкви; затѣмъ другою присягою, принесенной въ присутствіи подестата, онъ обязывался уплачивать сто су всякій разъ, когда онъ отступитъ отъ католической вѣры. Послѣ этого никто не имѣлъ права вызывать этого человѣка на судъ за предѣлы города, а также устранять его отъ исполненія какой-либо должности по городскому самоуправленію. Всѣ городскіе чиновники должны были, на счетъ города, защищать его отъ всякаго вызова въ судъ или отъ отлученія отъ Церкви.

Но внѣ владѣній Гумберта и внѣ области, на которую распространялось его вліяніе, дѣло Инквизиціи въ Ломбардіи шло правильно. Въ 1265 и 1266 гг. Климентъ IV издавалъ распоряженія и дѣлалъ назначенія инквизиторовъ съ такой энергіей, какъ-будто дѣятельность инквизиторовъ нигдѣ не встрѣчала помѣхи; но уже можно было предвидѣть, что скоро наступитъ день, когда для нея закроются и послѣднія открытыя еще области [1]).

Тогда произошла революція, чрезвычайно богатая по послѣдствіямъ; папы, отказавшись отъ надежды пріобрѣсти для самихъ себя королевство Сициліи и увидѣвъ, что ихъ жертвы отвергнуты Эдмундомъ, сыномъ Генриха III Англійскаго, постарались пробудить честолюбіе Карла Анжуйскаго и велѣли повсюду проповѣдывать крестовый походъ въ пользу этого князя. Папы прекрасно понимали, насколько важенъ для нихъ успѣхъ этого предпріятія, и возлагали всѣ свои надежды на этотъ успѣхъ. Они щедрою рукою черпали изъ сокровищницы вѣчнаго спасенія: полныя индульгенціи были обѣщаны всякому, кто дастъ на святую войну четверть своихъ доходовъ или десятую часть своего состоянія. Съ такою же щедростью было предоставлено на это дѣло и церковное имущество; десятая часть всѣхъ доходовъ за три года духовенства Франціи и Фландріи была предоставлена Карлу; а когда выяснилось, что этого мало, то Климентъ IV не задумался принести въ жертву собственность римскихъ церквей. Сначала онъ попытался обязать ихъ внести сто тысячъ ливровъ, но получилъ только тридцать тысячъ; тогда онъ заложилъ, чтобы получить еще пятьдесятъ тысячъ ливровъ, серебро и драгоцѣнности Святого Престола. И онъ говорилъ правду, когда на постоянныя требованія Карла, просившаго денегъ на содержаніе своихъ раздѣтыхъ и умирающихъ отъ голода крестоносцевъ, отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ все возможное, и что средства его истощены. У папы не было ни золотыхъ горъ, ни золо-

---

[1]) Potthast, №№ 17984—5.—Arch. de l'Inquis. de Carcass. (Doat, XXI, 216).—Ripoll, I, 402, 460, 462, 466, 469, 478.—Raynald. ann. 1260, № 12.—Mag. Bull. Rom. I, 119.

Булла, угрожающая интердиктомъ населенію Бергамо за его законодательство, находится въ архивѣ Каркассонской Инквизиціи (Doat, XXX, 288), она помѣчена 1264 годомъ и подписана Урбаномъ IV. Ripoll (I, 499) приписываетъ ее Клименту IV и относитъ къ 1265 г., что свидѣтельствуетъ, что бергамцы упорствовали. Бергамо подвергся интердикту за то, что сталъ на сторону Фридриха и Конрада, и былъ возсоединенъ съ Церковью только послѣ смерти послѣдняго въ 1255 г. (Ripoll, I, 268).

Библиотека "Руниверс"

тыхъ рѣкъ, и онъ не могъ обратить въ деньги землю и камни. Онъ дошелъ до такой степени нищеты, что его кардиналы должны были жить на счетъ монастырей. Когда настоятель монастыря Casa Dei жаловался, что ему навязали непомѣрно большое число пенсіонеровъ, то согласились взять изъ ихъ числа одного только кардинала Остіи. Однако, нашли нѣкоторое средство облегчить положеніе, назначивъ кардиналамъ доходы съ заграничныхъ церквей въ размѣрѣ трехъ сотъ марокъ въ годъ на каждаго [1]).

Паллавичино тщетно пытался не допустить крестоносцевъ пройти черезъ Ломбардію. Судьба Италіи—можно сказать, судьба папства—была поставлена на карту 26 февраля 1266 г. въ долинѣ Беневента, гдѣ встрѣтились лицомъ къ лицу всѣ гвельфы и гибеллины полуострова; если бы Карлъ потерпѣлъ пораженіе, то это было бы страшнымъ ударомъ для Святого Престола. Уронивъ свое духовное могущество въ погонѣ за свѣтскою властью, папство навлекло на себя упреки всей Европы, и только успѣхъ могъ оправдать его въ эту эпоху, когда на исходъ битвы смотрѣли какъ на рѣшеніе Божескаго суда. Въ августѣ предшествовавшаго года на просьбу Карла о деньгахъ Климентъ былъ вынужденъ отвѣтить, что онъ ни откуда не можетъ ждать помощи: Англія настроена враждебно, Германія почти открыто возстала, Франція выражала недовольство и жаловалась, Испанія съ трудомъ удовлетворяла свои внутреннія нужды, а Италія не покрывала даже своихъ собственныхъ расходовъ. А въ маѣ, послѣ битвы, папа съ радостью писалъ кардиналу Оттобони св. Адріана, своему легату въ Англіи: «Карлъ Анжуйскій мирно владѣетъ всѣмъ королевствомъ зачумленнаго и держитъ въ своихъ рукахъ жену, дѣтей и богатства Манфреда». Уже Анконская Марка, писалъ онъ дальше, приведена въ повиновеніе; Флоренція, Сіенна, Пистойя и Пиза покорены; Гумбертъ и Піаченца прислали уполномоченныхъ и ждутъ прибытія делегатовъ Кремоны и Генуи. 1 іюня Климентъ извѣщалъ, что Гумбертъ, Піаченца и Кремона изъявили покорность [2]).

Города, управляемые Паллавичино, одинъ за другимъ отпадали отъ него подъ впечатлѣніемъ овладѣвшаго всѣми ужаса. Но Гумбертъ изъявилъ покорность только въ разсчетѣ выиграть время; въ 1267 г. онъ присоединился къ городамъ, которые призывали въ Италію молодого Конрадина. Но пораженіе и плѣненіе послѣдняго въ августѣ 1268 г. въ Тальякоццѣ, а затѣмъ жестокая казнь побѣжденнаго въ октябрѣ, подняли одновременно Швабскій домъ и гибеллиновъ. Хозяиномъ Италіи былъ Карлъ Анжуйскій, получившій званіе императорскаго намѣстника Тосканы; въ томъ же году власть его распространилась на сѣверъ, и онъ назначилъ Адальберто де Гамберти подестатомъ Піаченцы. Въ концѣ 1268 г. разбитый старостью Паллавичино умеръ въ крайней бѣдности, когда жители Піаченцы и Пармы осаждали его въ его замкѣ Гузалиджіо. Конецъ его былъ хорошъ для еретика, какимъ его считали: окруженный доминиканцами и францисканцами, онъ покаялся въ своихъ грѣхахъ и получилъ послѣднее напутствіе, и вмѣстѣ съ однимъ благочестивымъ лѣтописцемъ мы можемъ вѣрить, что душа его получила вѣчное спасеніе, несмотря на всѣ клеветы, распространявшіяся о немъ сторонниками папы. Гумбертъ оставилъ по себѣ память какъ о человѣкѣ достойномъ, возвышенномъ и высоко-даровитомъ. Что же касается Райнеріо Сакконе, то упоминаніе о немъ послѣдній разъ мы находимъ въ іюлѣ 1262 г.: его поспѣшно вызвалъ къ себѣ, принявъ на себя всѣ дорожные расходы, папа Урбанъ IV, чтобы посовѣтоваться съ нимъ объ одномъ важномъ дѣлѣ. Очевидно, изгнаніе изъ Милана не подорвало кредита Райнеріо [3]).

---

[1]) Epist. Urbani PP. IV (Martène, «Thesaur.» II, 49—50, 74—9, 116—18, 220—237).—Epist. Clement. PP. IV (Ibid. 176, 186, 196—200, 213, 218, 241—5, 250, 260, 274).

[2]) Epist. Clem. PP. IV (Martène, «Thesaur.» I, 174, 319, 327).—Raynald. ann. 1266, № 23.

[3]) Ripoll, I, 427, 541.—Campi, «Dell'Hist. Eccles. di Piacenza», P. II, 218—31.—Philippi Bergomat. «Supplem. Chron.» ann. 1261.

Библиотека "Руниверс"

Почти трехлѣтнее междуцарствіе, послѣдовавшее послѣ смерти Климента IV (1268 г.), не измѣнило положенія вещей. Ересь не могла болѣе найти себѣ нигдѣ убѣжища; Инквизиція всюду могла основаться и свободно отправлять свои обязанности. Мало того, въ это время права, обязанности и дѣлопроизводство Св. Трибунала были окончательно выработаны и повсемѣстно признаны; не было ни одного прелата, ни одного владѣтеля, которые осмѣлились бы подвергнуть ихъ сомнѣнію. Какъ мы уже видѣли выше, Иннокентій IV раздѣлилъ въ 1254 г. полуостровъ между двумя орденами, предоставивъ Геную и Ломбардію доминиканцамъ, а центральную и южную Италію францисканцамъ. Въ Римскую и Тосканскую провинціи было назначено по два инквизитора; въ Сполето, или провинцію св. Франциска, одинъ; но въ 1261 г. каждому инквизитору было дано по два помощника, а провинціальнымъ было предоставлено право назначать сверхъ этого столько, сколько понадобится, чтобы святое дѣло могло идти успѣшно и быстро. Въ Ломбардіи было восемь инквизиторовъ, а когда въ 1304 г. доминиканцы раздѣлили эту провинцію, то число ихъ было увеличено до десяти, причемъ въ Верхней Ломбардіи было семь инквизиторовъ, въ Нижней—три. Въ теченіе нѣкотораго времени Тревизская Марка и Романія были поручены францисканцамъ. Какъ мы уже знаемъ, ихъ вымогательства были настолько невыносимы, что въ 1302 г. Бонифацій VIII передалъ эти округа доминиканцамъ, что не принесло населенію особаго облегченія [1]).

Побѣдители сейчасъ же стали вводить въ земляхъ, завоеванныхъ у гибеллиновъ, единство вѣры. Уже въ февралѣ 1259 г. францисканскому министру Болоньи было приказано назначить двухъ монаховъ-инквизиторовъ въ римскую провинцію. Какъ только Виченца успокоилась послѣ смерти Эццелина, туда явился бр. Джованни Скіо, чтобы снять съ населенія отлученіе отъ Церкви, тяготѣвшее надъ нимъ за послушаніе Эццелину. Церемонія носила характеръ бичеванія, налагавшагося обыкновенно на кающихся. Подестатъ и консулы города собрались въ обычномъ мѣстѣ ихъ собраній и по двое въ рядъ отправились въ каѳедральный соборъ. У южныхъ дверей собора стояли Джованни и съ нимъ семь священниковъ, которые слегка прикасались концами жезловъ къ плечамъ входившихъ въ соборъ магистратовъ, послѣ чего отлученіе торжественно было снято. Изгнанный епископъ Вареоломей, возвращаясь изъ Англіи, остановился у Людовика Святого, духовникомъ котораго онъ былъ въ Палестинѣ, гдѣ находился во время крестоваго похода въ качествѣ папскаго легата. Узнавъ о смерти Эццелина, онъ поспѣшилъ въ свой городъ, неся съ собой, какъ драгоцѣнное сокровище, шипъ изъ терноваго вѣнца и кусокъ креста Господня, подаренныхъ ему Людовикомъ Святымъ. Онъ немедленно приступилъ къ постройкѣ огромной доминиканской Церкви и монастыря Santa Corona, избравъ мѣстомъ для этого самый возвышенный пунктъ въ городѣ, извѣстный подъ именемъ Colle; среди многихъ зданій, разрушенныхъ для расчистки мѣста для новыхъ построекъ, была также церковь Святого Креста, въ которой нѣкогда происходили собранія и религіозныя церемоніи еретиковъ. Говорятъ, что присутствіе святынь, принесенныхъ епископомъ, оказало чудесное дѣйствіе, очистивъ городъ отъ его трехъ наиболѣе крупныхъ грѣховъ—скупости, ереси и раздоровъ. Въ отношеніи ереси чудо состояло въ неожиданномъ обращеніи главнаго еретика всего округа, Джеремія, извѣстнаго въ качествѣ архіепископа Марки; онъ, равно какъ и его сынъ Алтиклеро, отрекся публично отъ ереси. Еретическій епископъ Вивіано Боголо, бѣжавшій въ Павію, былъ открытъ и сожженъ. Два діакона, Ольдеріо да Марола и Толомео, и восемь другихъ лицъ, быть-можетъ, Совершенныхъ еретиковъ, упорствовали въ своихъ заблужденіяхъ и были немедленно сожжены. Среди вѣрующихъ не

[1]) Wadding. ann. 1254, №№ 7, 8, 11, 16; 1261, № 2.—Grandjean, «Registres de Benoît XI», № 1167.—Ripoll, II, 87.

Библиотека "Руниверс"

было никого, готоваго принять мученическую смерть. Съ этого времени ересь не проявлялась болѣе, по крайней мѣрѣ, открыто [1]).

Между тѣмъ, въ мѣстностяхъ, незнакомыхъ съ дѣйствительностью ея пріемовъ, Инквизиціи труднѣе было достигнуть торжества католичества. Въ Піаченцѣ, какъ говорятъ, ей пришлось сжечь двадцать-восемь повозокъ еретиковъ. Въ Серміоне жители въ теченіе шестнадцати лѣтъ сильно не допускали у себя преслѣдованія и, будучи сами хорошими католиками, оказывали покровительство еретикамъ, которые сбѣгались толпами, не чувствуя себя безопасными, вслѣдствіе рвенія инквизиторовъ, въ своихъ старыхъ убѣжищахъ. Напрасно инквизитору бр. Тимедео удалось получить разоблаченія отъ нѣкоей Констанцы Бергамской, которая, явившись туда въ качествѣ шпіонки, выдала себя за еретичку, получила consolamentum и проникла во всѣ тайны катаровъ. Наконецъ, эта нечестивая вѣротерпимость обратилась въ невыносимый болѣе соблазнъ, и епископъ Веронскій обратился къ тиранамъ Вероны и Мантуи, Мастино и Альберто делла Скала и Пинамонте де'Бонакольси, съ просьбой образумить Серміоне. Въ 1276 г. мятежный городъ былъ вынужденъ покориться, выдалъ до ста-семидесяти-четырехъ Совершенныхъ, смиренно умолялъ возстановить католичество и обѣщалъ выполнить всѣ требованія Церкви. Бр. Филиппъ Бонаккорсо, инквизиторъ Тревизо, запросилъ папу Іоанна XXI о томъ, какую епитимію слѣдуетъ наложить на городъ? Папа, человѣкъ высокообразованный и добрый, склонный болѣе къ поэзіи, чѣмъ къ богословію, проявилъ большую снисходительность къ раскаявшимся грѣшникамъ. Онъ предписалъ инквизитору снять отлученіе, если городъ назначитъ синдика, который отъ имени всѣхъ гражданъ отречется отъ ереси и принесетъ присягу, что въ будущемъ будетъ арестовывать и выдавать Инквизиціи всѣхъ еретиковъ. Всякое нарушеніе этой клятвы ipso facto влекло за собой новое отлученіе. Затѣмъ всякій гражданинъ долженъ былъ лично явиться къ инквизитору, сознаться во всемъ, что касалось ереси, отречься и выполнить епитимію, которая будетъ наложена на него. Благодаря снисходительности папы граждане избѣгли всѣхъ позорныхъ наказаній, тюрьмы, конфискаціи и лишенія права на занятіе общественныхъ должностей. О каждомъ долженъ быть составленъ особый подробный протоколъ, и если кто утаитъ правду или снова впадетъ впослѣдствіи въ заблужденія, то съ нимъ будетъ поступлено по всѣмъ строгостямъ законовъ. Что же касается закоренѣлыхъ еретиковъ, то ихъ слѣдовало судить строго согласно съ канонами; и такихъ нашлось семьдесятъ несчастныхъ, которые были осуждены инквизиторомъ и сожжены. Въ 1278 г., чтобы обезпечить чистоту вѣры, въ Серміоне былъ основанъ францисканскій монастырь, причемъ на его постройку пошло четыре тысячи лиръ штрафа, уплаченнаго Вероною; этотъ штрафъ былъ однимъ изъ условій, на которыхъ былъ снятъ съ города интердиктъ, наложенный за его участіе въ судьбѣ несчастнаго Конрадина. Въ 1289 г. замокъ Эццелина въ Иллазіо былъ отданъ нѣсколькимъ знатнымъ лицамъ, отличившимся въ борьбѣ противъ Серміоне; это было одновременно и наградою имъ и поощреніемъ въ дальнѣйшей поддержкѣ Инквизиціи [2]).

Ересь, лишенная всякаго покровительства, была такимъ образомъ постепенно совершенно уничтожена, и Инквизиція прочно основала свое могущество во всей странѣ. Мы уже видѣли, какъ она злоупотребляла своею властью, преслѣдуя католиковъ и выжимая у нихъ деньги. Дѣйствительно, въ областяхъ, бывшихъ нѣкогда гибеллинскими, ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни было чисто его католичество, не могъ считать себя безопаснымъ отъ преслѣдованія; достаточно было какому-нибудь несчастному дурно отозваться о дѣятельности инквизиторовъ или имѣть состояніе, которое обратило бы на себя ихъ вни-

[1]) Wadding. ann. 1259, № 3.—Barbarano de'Mironi, «Hist. Eccles. di Vicenza», II, 95, 105, 108, 113, 121.

[2]) Annal. Mediolanens. cap. 31 (Muratori, XVI, 662).—Muratori, «Antiq. Ital.» XII, 513.—Wadding. ann. 1277, №№ 10, 11; 1278, № 33; 1289, № 18.

Библиотека "Руниверс"

маніе. Церковь такъ ловко воспользовалась недоразумѣніями между политической оппозиціей и ересью, что одинъ тотъ фактъ, что она захватила владѣнія Эццелина, долгое время оправдывалъ преслѣдованія еретиковъ и конфискацію ихъ имущества. Когда современники Эццелина перемерли, то стали возбуждать дѣла противъ мертвыхъ и лишать наслѣдниковъ состоянія. Во всемъ этомъ не было никакихъ преступленій противъ вѣры, но люди, которымъ Церковь ввѣрила ужасное могущество Инквизиціи, рѣшились, повидимому, безжалостно уничтожить въ странѣ всякій слѣдъ тѣхъ, кто нѣкогда осмѣлился выказать сопротивленіе Святому Трибуналу. Наконецъ, въ 1304 г. власти Виченцы обратились съ жалобой къ Бенедикту XI; папа милостиво отнесся къ ихъ просьбѣ. Въ это время имперія была только тѣнью, партія гибеллиновъ не представляла живой силы, которая могла бы быть страшна папамъ, и преслѣдованіе этихъ побѣжденныхъ уже давно было проявленіемъ только злобы и алчности [1]).

Но Инквизиціи ея торжество досталось не безъ борьбы. Въ 1277 г. бр. Коррадо Пагано предпринялъ походъ противъ еретиковъ Вальтелино. Походъ былъ обставленъ съ извѣстной пышностью, такъ какъ инквизиторъ взялъ съ собою двухъ товарищей и двухъ нотаріусовъ. Изъ этого мы въ правѣ заключить, что еретики были многочисленны. Дальнѣйшія событія показали, что у нихъ были сильные защитники. Одинъ изъ самыхъ могущественныхъ вельможъ области, нѣкто Коррадо да Веноста, быстро прекратилъ походъ, убивъ 26 декабря инквизитора и перерѣзавъ всѣхъ его спутниковъ. Пагано былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ преслѣдователей ереси; трупъ его, перенесенный въ Комо, въ продолженіе восьми дней былъ выставленъ, и раны, изъ которыхъ все время сочилась кровь, показали, что покойникъ палъ мученикомъ за святое дѣло, и что онъ вполнѣ заслужилъ имя святого, Santo Pagano da Como, данное ему доминиканцами. Мощи его до сихъ поръ сохраняются въ городѣ и служатъ предметомъ мѣстнаго почитанія. Николай III попытался отомстить за это убійство и обратился даже къ содѣйствію Рудольфа Габсбургскаго; радость его была неограниченна, когда въ ноябрѣ 1279 г. подестату и населенію Бергамо удалось захватить Коррадо и соучастниковъ его преступленія. Онъ тотчасъ же приказалъ препроводить ихъ подъ усиленнымъ конвоемъ къ инквизиторамъ Ансельмо да Алессандрія, Даніэлю да Джуссано и Гвидону да Коконате; имъ было приказано наказать преступниковъ такъ, чтобы навести страхъ на всякаго, кто захотѣлъ бы имъ подражать, а всѣмъ владѣтельнымъ лицамъ Ломбардіи было предписано озаботиться, чтобы арестованные были доставлены въ цѣлости [2]).

Въ томъ же году народное возстаніе, вспыхнувшее въ Пармѣ, показало, какъ мало оказала Инквизиція вліянія на населеніе. Бр. Флоріо проявилъ особую ревность въ исполненіи своихъ обязанностей; благодаря ему много еретиковъ, говорятъ, было сожжено, когда въ 1279 г. ему пришлось судить одну женщину рецидивистку. Вполнѣ понятно, что она была выдана свѣтскимъ властямъ и сожжена. Но жители Пармы не прониклись благочестивыми мыслями при видѣ этого наказанія, а, наоборотъ, побуждаемые Сатаною, осадили доминиканскій монастырь, уничтожили дѣла Инквизиціи и такъ грубо обошлись съ монахами, что одинъ изъ нихъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Доминиканцы отвѣтили на это насиліе тѣмъ, что поголовно удалились и торжественно покинули неблагодарный городъ. Городскія власти отнеслись крайне безучастно; по требованію кардинала-легата Остіи были назначены судьи, но у нихъ не было нужныхъ полномочій, чтобы наказать виновныхъ, такъ что, въ концѣ концовъ, легатъ, тщетно дожидавшійся удовлетворенія, отлучилъ городъ

---

[1]) Grandjean, «Registres de Benoît XI», № 508.

[2]) Paramo, 264.—Verri, «Storia di Milano», I, 244.—Ripoll, I, 567.—Raynald. ann. 1278, № 78. У Доата (XXXII, 160) находится письмо властей Бергамо, которое Brémond (Ripoll, ср. выше) считаетъ утерянным навсегда.

Библиотека "Руниверс"

отъ Церкви. Этотъ интердиктъ былъ снятъ только въ 1282 г., но и тогда виновные не были наказаны. Въ 1285 г. Гонорій IV снова поднялъ это дѣло и потребовалъ, чтобы жители Пармы выслали къ нему въ мѣсячный срокъ делегатовъ, уполномоченныхъ выслушать папское рѣшеніе. Мы не знаемъ, каковъ былъ этотъ приговоръ, но въ 1287 г. граждане, возстановленные въ своихъ правахъ, подали просьбу о возвращеніи къ нимъ доминиканцевъ, приняли ихъ съ величайшими почестями и назначили имъ субсидію на постройку церкви въ размѣрѣ тысячи лиръ, съ обязательствомъ уплаты ихъ въ теченіе пяти лѣтъ по двѣсти лиръ ежегодно. Въ другихъ мѣстностяхъ Инквизиція и инквизиціонный процессъ также вызывали настолько серьезную оппозицію, что провинціальный соборъ въ Миланѣ въ 1287 г. счелъ нужнымъ принять строгія мѣры. Онъ постановилъ, чтобы всякій членъ городского управленія въ разныхъ городахъ провинцій, который будетъ открыто оказывать покровительство ереси, былъ причисленъ къ числу подозрѣваемыхъ въ ереси и лишенъ всѣхъ средствъ и бенефицій, исходящихъ отъ Церкви [1]).

Даже въ самой папской области сопротивленіе не было совершенно подавлено. Когда въ 1254 г. папство торжествовало побѣду, Иннокентій IV побуждалъ инквизиторовъ городовъ Орвіето и Ананьи воспользоваться благопріятными обстоятельствами и дѣйствовать болѣе энергично. Въ 1258 г. Александръ IV страшно обезпокоился: ересь росла даже въ самомъ Римѣ, и папа требовалъ немедленнаго усиленія дѣятельности отъ инквизиторовъ и болѣе энергичной помощи отъ епископовъ. Но эти усилія не всегда бывали успѣшны. Спустя еще двадцать лѣтъ одинъ рыцарь, по имени Пандольфо, сохранялъ укрѣпленный замокъ въ Кастро Сиріани, близъ Ананьи, гдѣ скрывалъ еретиковъ. Бр. Синибальдо да Лаго, инквизиторъ римской провинціи, неоднократно, но безуспѣшно, пытался начать преслѣдованіе мятежниковъ. Въ 1278 г. Николай III послалъ своего нотаріуса, магистра Бенедикта, съ полномочіемъ дать прощеніе въ случаѣ изъявленія покорности. Но еретики держались твердо, и папа приказалъ Орсо Орсини, маршалу Церкви въ Тосканѣ, собрать войско и оказать бр. Синибальдо вооруженную помощь, чтобы онъ могъ силою заставить еретиковъ раскаяться. Я уже говорилъ о подобномъ же походѣ въ 1260 г. противъ одного знатнаго гражданина Витербо, Капелло да Кіа [2]). Въ этомъ случаѣ рвеніе жителей Витербо, поддерживавшихъ оружіемъ инквизитора, было, по всей вѣроятности, вызвано политическими мотивами, такъ какъ городъ не славился своей ревностью къ вѣрѣ. Въ 1265 г. населеніе, ободренное поддержкою Манфреда, поднялось противъ Инквизиціи и было приведено къ порядку только послѣ кровопролитнаго сраженія, въ которомъ были убиты два монаха. Въ 1279 г. Николай, въ свое время много поработавшій въ качествѣ генералъ-инквизитора надъ уничтоженіемъ ереси въ Витербо, жаловался, что всѣ его усилія не привели ни къ чему: еретики постоянно находили убѣжище въ городѣ, и все населеніе было заражено; поэтому бр. Синибальдо было приказано отправиться въ Витербо и произвести тамъ разслѣдованіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ [3]).

Хотя инквизиторы не щадили ни трудовъ, ни энергіи, однако, казалось невозможнымъ искоренить ересь. Открытыя проявленія ея были подавлены легко послѣ того, какъ не стало вождей—гибеллиновъ, покровительствовавшихъ еретикамъ, но все же ересь продолжала

---

[1]) Memor. Protest. Regiens. ann. 1279, 1282 (Muratori, «S. R. I.» VIII, 1146, 1150).—Bern. Corio, «Hist. Milanese», ann. 1279.—Parano, Lib. II, Tit. II, cap. 30, № 13.—Pegnae «Append. ad Eymeric.», 55.—Salimbene, «Chron.», 274, 276, 342.—Chron. Parmens. ann. 1279, 1282, 1286, 1287 (Muratori, IX, 792, 799, 809—11).—Sarpi, «Discorso» («Opere», IV, 21).—Concil. Mediolanens. ann. 1287, c. XI.

[2]) См. выше, стр. 218.

[3]) Ripoll, I, 241—2.—Wadding. ann. 1258, №№ 3, 5; ann. 1278, № 33; ann. 1279, № 29.—Regest. Nich. PP. III, № 11.—Mag. Bull. Rom. I, 118.—Martène, «Thesaur.» II, 191.—Raynald. ann. 1278, № 78.

Библиотека "Руниверс"

существовать въ тайнѣ и даже процвѣтала. Слѣдствіе, веденное противъ памяти Арманно Понджилупо Феррарскаго, свидѣтельствуетъ не только о дѣятельности и успѣхахъ Инквизиціи въ Феррарѣ, но и объ упорствѣ еретиковъ по всей области; здѣсь упоминаются имена многочисленныхъ еретиковъ, жившихъ въ Виченцѣ, Бергамо, Римини и Веронѣ. Въ послѣднемъ городѣ была сожжена въ 1270 г. пѣкая Спера, статсъ-дама маркизы д'Эсте. Около этого же времени тамъ же, въ Веронѣ, были открыты два катарскихъ епископа, Альберто и Бонавентура Белесмагра. Въ 1273 г. епископомъ въ Серміоне былъ Лоренцо, а въ Мантуѣ—Джованни да Казалетто. Тайная организація охватывала всѣ города Италіи; visitores и filli majores прекрасно вели дѣло проповѣди; гонцы постоянно посылались изъ одного города въ другой, и были приняты мѣры, чтобы они находили безопасное убѣжище. Заключенные въ тюрьмахъ получали помощь отъ своихъ братьевъ, ждавшихъ каждую минуту, что настанетъ и ихъ очередь очутиться за рѣшеткой. Приговоры Бернара Ги показываютъ, что уже въ его время катары Лангедока смотрѣли на Италію какъ на страну, гдѣ они всегда найдутъ себѣ убѣжище; пилигримы, направлявшіеся туда, легко находили своихъ единовѣрцевъ въ Ломбардіи, Тосканѣ и въ королевствѣ Сициліи; когда во Франціи были уничтожены катарскія церкви, люди, мечтавшіе вступить въ среду Совершенныхъ, или желавшіе снова получить consolamentum, отправлялись въ Ломбардію, увѣренные, что тамъ найдутъ наставниковъ, имѣющихъ право совершать всѣ обряды. Когда Аміель де Перль обезчестилъ свой духовный санъ, то на посвященномъ этому вопросу совѣщаніи было рѣшено отправить его въ сопровожденіи одного еретика въ Ломбардію и просить возсоединенія его у Старѣйшаго изъ еретиковъ, Бернара Одойна де Монтегю. Въ другихъ случаяхъ Бернаръ самъ лично являлся въ Тулузу по дѣлу распространенія ереси [1]).

Дѣло Арманно Понджилупо прекрасно показываетъ, какія затрудненія встрѣчали инквизиторы при раскрытіи ереси, скрывавшейся подъ маской католичества. Въ Феррарѣ еретики были многочисленны. Родители Арманно были еретики; самъ онъ былъ consolatus и жена его была consolata. Въ 1254 г. онъ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму; послѣ сознанія и отреченія онъ былъ выпущенъ на свободу, получилъ отъ своего катарскаго епископа разрѣшеніе за свое отреченіе и снова былъ принятъ въ секту. Съ этого времени до самой своей смерти (въ 1269 г.) онъ безпрерывно распространялъ катарское ученіе и помогалъ своимъ менѣе счастливымъ братьямъ, содержавшимся въ темницахъ Инквизиціи, трудившейся тогда съ большимъ успѣхомъ; а, между тѣмъ, онъ велъ себя какъ самый строгій католикъ: онъ постоянно посѣщалъ церковныя службы, ходилъ на исповѣдь и всецѣло отдался дѣламъ благочестія и милосердія. Умеръ онъ, окруженный ореоломъ святости, былъ погребенъ въ каѳедральномъ соборѣ и сейчасъ же началъ проявлять чудеса. Вскорѣ его стали почитать какъ святого. Надъ мѣстомъ, гдѣ почивали его останки, воздвигли пышную гробницу, а вскорѣ воздвигли и алтарь. Чудесныя проявленія его святости стали болѣе частыми; его часовня наполнилась иконами и вкладами къ великой выгодѣ храма, гдѣ онъ былъ погребенъ. Народъ почиталъ его какъ святого, и былъ поднятъ вопросъ о его канонизаціи. Городъ дѣятельно хлопоталъ объ этомъ, но Инквизиція горячо выступила противъ. Въ собранныхъ Святымъ Трибуналомъ сознаніяхъ имя Арманно встрѣчалось постоянно какъ имя одного изъ самыхъ дѣятельныхъ и убѣжденныхъ еретиковъ; многочисленныя свидѣтельскія показанія подтверждали его упорную ересь. Тогда возникъ странный и горячій споръ, длившійся тридцать-два года. Лишь только останки Арманно были положены въ каѳедральномъ соборѣ, какъ инквизиторъ бр. Альдобрандини, ведшій процессъ 1254 г., приказалъ настоятелю и капитулу вырыть и сжечь трупъ. Получивъ отказъ,

---

[1]) Muratori, «Antiq. Ital.», XII, 513—14, 521—3, 537—8.—Lib. Sentent. Inquis. Tolosan., 2, 3, 12, 13, 32, 68, 75, 7 , 81 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

онъ отлучилъ священниковъ отъ Церкви и наложилъ интердиктъ на соборъ. Священники подали жалобу Григорію X и принялись собирать свидѣтельства въ пользу канонизаціи. Съ этой цѣлью они въ разное время произвели пять различныхъ разслѣдованій и собрали массу свидѣтельствъ. Молитвенное призываніе Арманно всегда приносило пользу: больные выздоравливали, слѣпые прозрѣвали, хромые начинали ходить. Съ другой стороны, многіе священники дали убѣдительныя доказательства замѣчательно благочестивой жизни Арманно. Григорій и Альдобрандини умерли, не рѣшивъ дѣла. Новый инквизиторъ, бр. Флоріо, послалъ въ Римъ нарочнаго посла и просилъ папу Гонорія IV дать рѣшеніе, но папа умеръ, не рѣшивъ этого вопроса. Въ 1294 г., когда папскій престолъ занялъ Бонифацій VIII, тогдашній инквизиторъ Феррары, бр. Гвидо да Виченца отправилъ въ Римъ папѣ новую просьбу о разрѣшеніи вопроса. Но обѣ спорящія партіи были одинаково сильны, такъ что ни одна изъ нихъ не могла выйти побѣдительницей. Наконецъ, въ споръ вмѣшался сеньоръ Феррары, Ацціо X, такъ какъ это разногласіе между инквизиторомъ и бѣлымъ духовенствомъ грозило спокойствію города. Въ 1300 г. Бонифацій назначилъ комиссію произвести подробное разслѣдованіе и вынести уже окончательное рѣшеніе. Рѣшеніе было объявлено въ 1301 г.; въ немъ говорилось, что Арманно умеръ еретикомъ-рецидивистомъ; всѣмъ запрещалось видѣть въ немъ что-либо другое, чѣмъ еретика; кости его должны быть вырыты и сожжены; саркофагъ, въ которомъ онѣ находились, и алтарь предъ гробницей должны быть уничтожены; всѣ статуи, иконы, вклады и всякія приношенія, собранныя въ честь его въ каѳедральномъ соборѣ и въ другихъ церквахъ Феррары, должны быть отобраны въ десятидневный срокъ; все движимое и недвижимое имущество Арманно должно быть конфисковано въ пользу Инквизиціи, причемъ были признаны не имѣющими значенія всѣ продажи и уступки этого имущества, происшедшія въ теченіе тридцати-двухъ лѣтъ, протекшихъ со дня его смерти. Бр. Гвидо торжествовалъ и въ 1303 г. послѣ смерти Феррарскаго епископа получилъ въ награду его каѳедру. Какъ ни страннымъ кажется намъ это дѣло, но оно не было единственнымъ въ этомъ родѣ. Въ Брешіи долгое время почитался въ народѣ святымъ одинъ ересіархъ по имени Гвидо Лакха, но, въ концѣ концовъ, Инквизиція доказала ошибку и приказала вырыть и сжечь его кости [1]).

Могущество и дѣятельность Инквизиціи достигли въ это время своего высшаго развитія. Совершенство ея организаціи засвидѣтельствовано однимъ документомъ отъ 1302 г., въ которомъ бр. Гвидо да Тузисъ, инквизиторъ римской провинціи, сообщаетъ городскому совѣту въ Римини имена тридцати-девяти должностныхъ лицъ, избранныхъ имъ себѣ въ помощники. Расходы подобнаго трибунала были, конечно, очень большіе; для покрытія ихъ нужно было, чтобы сундуки Инквизиціи постоянно пополнялись штрафами и конфискаціями, которыя въ то же время свидѣтельствовали бы о многочисленности ересиковъ и о дѣятельности Инквизиціи [2]).

Трактатъ Цангино Уголини, упоминавшійся нами много разъ, вышелъ, вѣроятно, между 1320 и 1330 гг. Выдающійся юристъ Римини составилъ этотъ сводъ основныхъ правилъ инквизиціоннаго судопроизводства для вновь назначеннаго инквизитора Донато да Сантъ-Агата. Это руководство самое ясное и самое подробное изъ всѣхъ, имѣющихся у насъ.

---

[1]) Muratori, «Antiq. Ital.», XII, 508—55.—Bern. Guidon. «Vita Bonif. VIII» («S. R. I.», III, 671—2)—Barbarano de'Mironi, «Hist. Eccles. di Vicenza», II, 153.—Salimbene, «Chron.» ann. 1279, стр. 276.—Paramo. 299.

Дѣло Арманно возбудило такой огромный интересъ, что о немъ упоминаютъ даже нѣмецкіе лѣтописцы.—Trithem. «Chron. Hirsaug.» ann. 1299.—Chron. Cornel. Zanfliet (Martène, «Ampl. Coll.», V, 142—3).

[2]) Introductio ad Zanchini «Tract. de Haeres.» изд. Campegii, Romae. 1568.

Благодаря любезности проф. Феличе Токко я имѣю экземпляръ этого документа.

Библиотека "Руниверс"

Немного ранѣе свѣтская власть проявила небывалый примѣръ кротости. Этотъ эпизодъ имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ онъ, повидимому, показываетъ, что наверху поняли всю безполезность драконовскихъ законовъ противъ ереси. Если было бы иначе, то сочли бы преступленіемъ противъ вѣры смягченіе строгости этихъ законовъ въ отдѣльной провинціи. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1286 г. Гонорій IV, принимая во вниманіе вѣрность, выказанную населеніемъ Тосканы къ римской Церкви и лично къ нему до его избранія въ папы, снялъ съ жителей, съ каждаго порознь и со всѣхъ вмѣстѣ, наказанія, наложенныя на нихъ за ересь, равно какъ и всѣ ограниченія правъ, которыми, согласно указамъ его предшественниковъ и Фридриха II, карались за ересь виновные и ихъ потомки. Дѣти католики, родители которыхъ были еретиками, возстановлялись ipso facto во всѣхъ своихъ правахъ и могли не бояться лишенія наслѣдства. Что касается еретиковъ, находящихся еще въ живыхъ, то имъ было приказано явиться предъ инквизиторомъ въ срокъ, который онъ имъ назначитъ; а находившимся въ данное время за-границей давался для явки пятимѣсячный срокъ. Эти преступники должны отречься отъ ереси передъ Святымъ трибуналомъ, и на нихъ будутъ наложены епитеміи, которыя не будутъ публичны, не будутъ заключать въ себѣ ничего унижающаго и не повлекутъ за собою ни ограниченія правъ, ни конфискаціи имущества; но съ рецидивистами будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Такъ какъ эта булла отмѣняла въ Тосканѣ конституціи Фридриха II, то требовалось ея утвержденіе Рудольфомъ Габсбургскимъ; и оно было получено безъ всякаго труда. Повидимому, эта исключительная привилегія соблюдалась извѣстное время; по крайней мѣрѣ, когда въ 1289 г. Николай IV предавалъ еретиковъ анаѳемѣ и побуждалъ къ болѣе энергичной дѣятельности инквизиторовъ Генуи, Ломбардіи, Романіи, Неаполя и Сициліи, то онъ систематически не включалъ Тосканы въ свой списокъ. Но со временемъ эту буллу перестали примѣнять, какъ это видно на дѣлѣ Герардо Флорентинскаго, о которомъ мы уже говорили. Онъ умеръ до 1250 г., а преслѣдованіе противъ него было возбуждено только въ 1313 г. Его многочисленные дѣти и внуки всѣ были хорошими католиками, тѣмъ не менѣе, они всѣ были лишены наслѣдства и ограничены въ правахъ, согласно канонамъ [1]).

Наряду съ этимъ проявленіемъ папской снисходительности встрѣчаются также дѣла, въ которыя Святой Престолъ вмѣшивался и смягчалъ жестокость каноновъ или сдерживалъ чрезмѣрное рвеніе своего инквизитора, если жертва была достаточно вліятельна или достаточно богата, чтобы привлечь вниманіе папы. Мы приведемъ три примѣра подобнаго вмѣшательства со стороны деспотическаго папы Бонифація VIII. Въ 1297 г. Бонифацій объявилъ, что одинъ знатный витербецъ, Райнеріо Гатти, и его сыновья сдѣлались жертвами преслѣдованія Инквизиціи вслѣдствіе ложнаго доноса; поэтому папа прекратилъ все дѣло и очистилъ обвиняемаго и его наслѣдниковъ отъ всякаго подозрѣнія въ ереси. Въ 1298 г. Бонифацій приказалъ инквизитору вернуть невиннымъ дѣтямъ одного еретика имущество, конфискованное инквизиторомъ бр. Андреа; и, наконецъ, онъ приказалъ инквизитору римской провинціи бр. Адаму Комскому прекратить преслѣдованіе одного гражданина Орвіето, по имени Джованни Ферралоко, признаннаго невиннымъ предшествовавшими инквизиторами, Анджело да Ріети и Леонардо да Тиволи. Этотъ бр. Адамъ, повидимому, сдѣлалъ изъ своего трибунала грозу для невинныхъ. 8 мая 1293 г. онъ напалъ на одного каркассонскаго дворянина, Петра Арагонскаго, ѣздившаго въ Римъ, вызвалъ его въ трехмѣсячный срокъ явиться предъ судомъ каркассонской Инквизиціи и въ видѣ залога взялъ у него огромную сумму—сто марокъ. 19 іюня Петръ явился къ Бертрану Клермонскому и подвергся самому тщательному допросу; вторично его допрашивали 16 августа и не нашли

[1]) Cod. Epist. Rodulphi I. Lipsiae, 1807, стр. 266—9.—Wadding. ann. 1289, № 20.—Lami, «Antichita Toscane», 497, 536—7.

Библиотека "Руниверс"

за нимъ никакой вины. Вопросъ о томъ, вернулъ ли братъ Адамъ ему залогъ, остается открытымъ, но все это дѣло показываетъ, насколько могущественна была Инквизиція, имѣвшая возможность приказывать даже путешественникамъ [1]).

Такимъ образомъ, въ центрѣ и на сѣверѣ Италіи Инквизиція была прекрасно организована и дѣйствовала энергично; передъ ея неослабной и неумолимой энергіей ересь мало-по-малу пропадала. Много преслѣдуемыхъ бѣжало тогда въ Сардинію, но въ 1285 г. островъ былъ присоединенъ къ Тосканской инквизиціонной области, и инквизиторы явились туда за еретиками [2]).

Двѣ страны въ Италіи, Венеція и Сицилійское королевство, остались внѣ движенія, различныя фазы котораго мы прослѣдили.

Неаполь, какъ и другія области южной Европы, былъ доступенъ вторженію ереси. Уже давно болгарскіе миссіонеры перешли черезъ южные Аппенины, и смѣшанное населеніе, сарацины и норманны, дало имъ много послѣдователей. Норманскіе короли, вообще враждебно относившіеся къ Святому Престолу, не очень заботились о вѣрности своихъ подданныхъ католической вѣрѣ; кромѣ того, независимость феодальныхъ бароновъ сильно затрудняла разслѣдованія. Аббатъ Іоахимъ Флорійскій дѣлаетъ нѣкоторые намеки на катаровъ, что позволяетъ заключать о существованіи ереси въ Калабріи; но такъ какъ Райнеріо не упоминаетъ ни объ одной катарской церкви въ Италіи къ югу отъ Флоренціи, то надо думать, что еретики были очень разсѣянны и не имѣли правильной организаціи. Когда въ 1235 г. было совершено нападеніе на доминиканскій монастырь въ Неаполѣ и многіе монахи были тяжело ранены, то Григорій IX приписалъ это насиліе друзьямъ еретиковъ [3]).

Хотя Фридрихъ II часто бывалъ вынужденъ въ силу политическихъ соображеній издавать жестокіе указы о преслѣдованіи и иногда примѣнять ихъ, но самъ онъ, однако, не былъ настолько убѣжденнымъ католикомъ, чтобы могъ горячо преслѣдовать еретиковъ. Его постоянныя столкновенія съ папами заставляли его, по крайней мѣрѣ тайно, стоять на сторонѣ тѣхъ, кто боролся противъ главенства Святого Престола, какъ въ мірскихъ вопросахъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ. Походы, предпринимавшіеся время-отъ-времени, какъ, напр., попытка, сдѣланная въ 1231 г. подъ покровительствомъ архіепископа Реджіо, или нѣчто въ родѣ свѣтской Инквизиціи, учрежденной этимъ же прелатомъ въ 1233 г., не были продолжительны. Когда катары, изгнанные изъ Лангедока, чувствовали себя недостаточно безопасно въ Ломбардіи, они могли почти навѣрное разсчитывать найти себѣ убѣжище въ дикихъ и уединенныхъ долинахъ Калабріи и Абруццо, вдали отъ большихъ проѣзжихъ дорогъ. Господство Иннокентія IV въ Неаполѣ было такъ непродолжительно, что не было времени организовать систематическое преслѣдованіе. Когда Манфредъ отвоевалъ королевство, онъ, повидимому, считалъ свое положеніе слишкомъ непрочнымъ, чтобы открыто ввести тамъ вѣротерпимость; несомнѣнно тоже, подъ вліяніемъ Іакова Арагонскаго, онъ изгналъ изъ своихъ владѣній Тулузскаго епископа катаровъ Вивіана и его учениковъ, которые устроились въ Апуліи, но дальше этого по пути репрессій онъ не пошелъ [4]).

Карлъ Анжуйскій явился крестоносцемъ и защитникомъ Церкви. Когда казнь Конрадина (29 октября 1268 г.) передала государство окончательно въ его руки, то онъ

---

[1]) Faucon, «Régistres de Boniface VIII», № 1673, стр. 632.—Wadding. ann. 1298, № 3.—Arch. de l'Inq. de Carcass. (Doat, XXVI, 147).

[2]) Wadding. ann. 1285, №№ 9, 10.

[3]) Tocco, «L'Eresia nel Medio Evo», 403.—Reinerii Sacc. «Summa» (Martène, «Thesaur.», V, 1767).—Ripoll, I, 74.

[4]) Raynald. ann. 1231, № 19.—Rich. de S. Germ. «Chron.» ann. 1233.—Giannone, «Ist. Civ. di Napoli», lib. XVII, c. 6; lib. XIX, c. 5.—Vaissete, IV, 17.

Библиотека "Руниверс"

горячо приступилъ къ введенію Инквизиціи во всемъ королевствѣ. Многочисленныя королевскія граматы, помѣченныя 1269 г., показываютъ намъ, что Карлъ энергично принялся за дѣло, что онъ заботился о вознагражденіи и о расходахъ инквизиторовъ, что онъ настойчиво требовалъ, чтобы гражданскіе чиновники оказывали имъ помощь; каждый инквизиторъ получалъ указъ, предоставлявшій въ его распоряженіе всѣ силы государства, и въ Неаполитанской Инквизиціи не было недостатка въ инквизиторахъ. Былъ инквизиторъ на Бари и Капитанатѣ, инквизиторъ на Отранто, инквизиторъ на Лабуръ и на Абруццо; а въ 1271 г. было назначено еще двое: одинъ въ Сицилію, одинъ въ Калабрію. Большинство этихъ инквизиторовъ было изъ доминиканцевъ; но былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ францисканецъ, бр. Бенвенуто. Повидимому, не было выстроено для нихъ особыхъ зданій и тюремъ; въ ихъ распоряженіе были отданы королевскія тюрьмы, и тюремнымъ смотрителямъ было приказано подвергать арестованныхъ пыткѣ по требованію инквизиторовъ. Подобный порядокъ вещей, повидимому, сохранялся до 1305 г. [1]).

Карлъ не ограничился тѣмъ, что устроилъ и поддерживалъ Инквизицію; онъ самъ предпринималъ походы противъ еретиковъ. Такъ, напр., 13 декабря 1269 г. онъ послалъ въ Абруццо, гдѣ уже дѣйствовалъ инквизиторъ, рыцаря Берардо де Райано разыскивать и хватать еретиковъ и ихъ соумышленниковъ. Всѣмъ чиновникамъ было приказано оказывать ему всякое содѣйствіе, но не было ничего сказано о томъ, что онъ долженъ дѣйствовать совмѣстно съ инквизиторомъ. Еще другимъ блестящимъ доказательствомъ набожности Карла была закладка въ 1274 г. для доминиканцевъ Неаполя церкви Св. Петра Мученика; онъ богато одарилъ ее и также заставлялъ своихъ дворянъ щедро жертвовать на нее. Однако, еще въ 1324 г. зданіе это не было окончено за недостаткомъ средствъ; король Робертъ пожертвовалъ на постройку пятьдесятъ унцій золота, приказавъ инквизиторамъ взять ихъ изъ части короля въ конфискаціяхъ, части, равной трети полученной ими суммы. Эта подробность не лишена интереса: она показываетъ, что въ Неаполѣ матеріальныя выгоды отъ преслѣдованія были въ полномъ распоряженіи Инквизиціи [2]).

Мы знаемъ мало подробностей о дѣятельности Неаполитанской Инквизиціи. Несомнѣнно, еретикамъ удалось удержаться въ этой, по большей части, гористой странѣ, гдѣ легко было найти безопасное убѣжище. Уже въ августѣ 1269 г. Карлъ приказалъ схватить семьдесятъ-восемь еретиковъ, открытыхъ бр. Бенвенуто; это служитъ доказательствомъ его энергичной дѣятельности. Въ другой граматѣ, отъ 14 марта 1270 г., говорится о трехъ еретикахъ, только-что сожженныхъ въ Беневентѣ бр. Маттео ди Кастелламаре. Съ другой стороны, съ 1269 г. инквизиторы Лангедока посылали въ Неаполь своихъ агентовъ, уполномоченныхъ преслѣдовать бѣжавшихъ туда еретиковъ. Карлъ приказалъ оказывать помощь этимъ агентамъ, чѣмъ до извѣстной степени объясняется успѣхъ и бр. Бенвенуто. Но необходимость постояннаго вмѣшательства короля позволяетъ думать, что Инквизиція въ Неаполѣ не была такъ счастлива, какъ въ Лангедокѣ и Ломбардіи. Если нужно было, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствія инквизиторовъ опирались на авторитетъ короля, то, очевидно, король оставлялъ имъ слишкомъ мало иниціативы, а, быть-можетъ, и королевскіе чиновники не всегда являлись на

---

[1]) Archivio di Napoli, Mss. Chioccarello, T. VIII.—Ibid. Regist. 3. Lett. A, fol. 64; Reg. 4. Lett. B, fol. 47; Reg. 5. Lett. C, fol. 224; Reg. 6. Lett. D, fol. 35, 39, 174; Reg. 10. Lett. B, fol. 6, 7, 96; Reg. 11. Lett. C, fol. 40; Reg. 13. Lett. A, fol. 212; Reg. 113. Lett. A, fol. 385; Reg. 154. Let. C, fol. 81. Reg. 167. Lett. A, fol. 324.

[2]) Archivio di Napoli, Reg. 6. Lett. D, fol. 135; Reg. 253. Lett. A, fol. 63.—Giannone, «Ist. Civ. di Napoli», lib. XIX, c. 5.

Библиотека "Руниверс"

помощь по требованію инквизиторовъ. Поэтому Неаполитанская Инквизиція, даже и при Анжуйской династіи, никогда, повидимому, не достигала такой сильной и крѣпкой организаціи, какъ та, которую мы отмѣтили въ другихъ мѣстахъ; между тѣмъ, Карлъ II энергично велъ преслѣдованіе, а сынъ его Робертъ даже заслужилъ прозвище Благочестиваго. Ниже мы увидимъ, какую энергію проявилъ въ 1305 г. бр. Томассо да Аверса при преслѣдованіи францисканцевъ-спиритуаловъ. Въ 1311 г. король Робертъ по просьбѣ бр. Маттео да Понца приказалъ всѣхъ вновь обращенныхъ евреевъ разселять между христіанами, чтобы они не впадали снова въ іудейство [1]).

Неудовлетворительность Неаполитанской Инквизиціи сказалась въ сравнительной безопасности, съ которой шло переселеніе вальденцевъ, шедшихъ изъ долинъ Коттійскихъ Альповъ. Первая колонна ихъ вышла изъ Савойи, по всей вѣроятности, въ 1315 г. подъ предводительствомъ знатнаго миланца Цанино дель Поджіо. Предварительно были посланы ходоки, чтобы осмотрѣть мѣста, свободныя для будущихъ эмигрантовъ, и имъ были впередъ обезпечены нѣкоторыя льготы и предоставлены извѣстныя мѣстности для поселенія. За первыми переселенцами послѣдовали другіе. Возникъ цѣлый рядъ деревень (Guardia Piemontese, или Borgo degli Oltremontani, Argentina, La Rocca, Vaccarizzo и San Vincenzo въ Калабріи; Monteleone, Montanto, Faito, La Cella и Matta въ Апуліи), которыя регулярно посѣщались бородами, или вальденскими священниками-миссіонерами, которые проводили всю свою жизнь въ разъѣздахъ, переходя изъ одной Церкви въ другую, принося утѣшеніе вѣрующимъ и наблюдая за чистотой вѣры. Жестокія преслѣдованія, поднятыя Фр. Борелемъ, вызвали новое переселеніе, еще болѣе крупное, чѣмъ первое. Переселенцы, естественно, стремились въ предѣлы Неаполитанскаго королевства, гдѣ они находили себѣ безопасное убѣжище, такъ что, въ концѣ концовъ, Апулія сдѣлалась какъ бы главной квартирой ереси. Что еретики могли въ такомъ большомъ числѣ основаться и процвѣтать здѣсь, объясняется, конечно, небрежнымъ отношеніемъ Инквизиціи къ своимъ обязанностямъ. Бездѣятельность Инквизиціи сказалась въ 1326 г., когда Іоаннъ XXII поднялъ преслѣдованіе противъ фратичелли, бѣжавшихъ въ Калабрію. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ инквизиторамъ, папа просилъ короля Роберта и герцога Калабрійскаго хватать бѣглецовъ и выдавать ихъ епископскимъ трибуналамъ [2]).

Перейдя послѣ Сицилійской Вечерни въ 1282 г. въ руки Петра III Арагонскаго, Сицилія проявляла крайне враждебное отношеніе къ Святому Престолу, и поэтому мы не находимъ здѣсь слѣдовъ преслѣдованія. Кромѣ того, Мартинъ V, приказывая въ 1285 г. проповѣдывать крестовый походъ противъ Петра III, ссылается, какъ на одну изъ четырехъ главныхъ причинъ, на постоянный ростъ ереси на островѣ и на нежеланіе короля допускать посѣщенія инквизиторовъ. Только въ 1302 г. Бонифацій VIII примирился съ совершившимся фактомъ и призналъ Фридриха Арагонскаго королемъ Тринакріи, и немного спустя послѣ этого въ странѣ была введена Инквизиція. Въ 1304 г. Бенедиктъ XI приказывалъ Фридриху принять инквизитора бр. Томассо да Аверса и другихъ инквизиторовъ, которые могутъ быть посланы въ Сицилію, и оказывать имъ во всемъ содѣйствіе; однако, папа не далъ острову самостоятельнаго трибунала, а далъ

---

[1]) Archivio di Napoli, Regist. 3. Lett. A, fol. 64; Regist. 4. Lett. B, fol. 47; Reg. 9, Lett. C, fol. 39.—Mss. Chioccarello, T. VIII.

[2]) Lombard, «Jean Louis Paschal et les Martyrs de Calabre», Женева, 1881 г., стр. 22—32.—Filippo di Boni, «L'Inquisizione e i Calabro-Valdesi», Миланъ, 1864 г., стр. 73—77. - Perrin, «Hist. de Vaudois», lib. II, ch. 7.—Comba, «Hist. des Vaudois d'Italie», I, 128, 181—6. 190.—Rorengo, «Memorie Historiche», Torino, 1649, стр. 79 и слѣд.—Martini, «Append. ad Mosheim de Begardis», 638.

Vegezzy-Ruscalla («Rivista Contemporanea», 1862 г.), показывая тожественность нарѣчій Калабрійской Гуардіи и Ангроньской Долины, подтвердилъ дѣйствительность эмиграціи.

Библиотека "Руниверс"

знать Святому Трибуналу материка, что отнынѣ его юрисдикція будетъ простираться на оба берега Мессинскаго пролива. Но Инквизиція въ Сициліи существовала только номинально, кромѣ, какъ мы увидимъ ниже, времени борьбы съ тамплiерами. Долгое время островъ былъ безопаснымъ убѣжищемъ для гонимыхъ фратичелли. Безъ сомнѣнія, много помогъ этой терпимости Арнальдо де Виллановa своимъ изображеніемъ Фридриху современныхъ инквизиторовъ. Эти монахи, торгующіе своимъ могуществомъ, были, по его словамъ, діавольскимъ бичомъ; они и не думаютъ трудиться надъ укрѣпленіемъ вѣры, скорѣе они плодятъ невѣрующихъ, всюду проявляя только злобу, хищность, лихоимство, и никто не думаетъ осуждать или обуздывать ихъ. Въ 1328 г. архіепископъ Палермо арестовалъ одного фратичелли; сейчасъ же была послана жалоба Фридриху, и Іоаннъ XXII писалъ архіепископу, побуждая его уничтожить ересь. Этотъ случай ясно показываетъ, что въ это время Инквизиція на островѣ бездѣйствовала [1]).

Венеціанская республика всегда сохраняла свою автономію. Хотя она и составляла часть Тревизской Марки, но въ XIII в. ея насущные интересы заставили ее повернуться къ востоку отъ Адріатики; крупною континентальною державою она стала только въ 1339 г. послѣ пріобрѣтенія Тревизо. Въ 1405 г. къ ней присоединилась Падуя, затѣмъ Верона, Виченца, Фельтре, Беллуна и Брешія. Эти пріобрѣтенія значительно увеличили силы республики, которая въ 1448 г. отняла Бергамо у миланскихъ герцоговъ; поэтому въ отношеніи Инквизиціи венеціанская политика имѣла вліяніе на всю Тревизскую Марку и даже на значительную часть Ломбардіи. Эта политика во всемъ шла противъ притязаній Святого Престола и подозрительно относилась ко всему, что могло дать папству предлогъ вмѣшаться какъ во внутреннія, такъ и во внѣшнія дѣла Сеньоріи. Вполнѣ католическая, но безъ всякаго ханжества, Венеція не приняла участія въ борьбѣ гвельфовъ и гибеллиновъ, и на нее не распространилось дѣйствіе анаѳемы, произнесенной противъ Эццелина. Мало того, она была базою для крестоваго похода, предпринятаго противъ этого подестата; въ походѣ на Бренту начальствовалъ венеціанецъ, который захватилъ Капую. Тѣмъ не менѣе, республика не выразила готовности принять участіе въ уничтоженіи ереси, такъ энергично начатомъ Григоріемъ IX и его преемниками. Статуты Фридриха II никогда не были внесены въ кодексъ Сеньоріи. Принесенная въ 1219 г. дожемъ Джакопо Тіеполи присяга на вѣрность республикѣ заключаетъ въ себѣ, какъ всегда, изложеніе уголовной юриспруденціи, но въ ней нѣтъ и упоминанія о ереси и объ уничтоженіи еретиковъ. Тотъ же пропускъ мы замѣчаемъ въ уголовномъ кодексѣ, изданномъ этимъ же дожемъ въ 1232 г. [2])

Около этого времени Григорій IX весь отдался дѣлу служенія Инквизиціи; но въ Венеціи Святой Трибуналъ не нашелъ для себя твердой почвы. Правда, кончили тѣмъ, что признали необходимымъ наказывать за ересь, но свѣтскія власти не хотѣли ничего уступать изъ своихъ правъ и желали имѣть въ своихъ рукахъ какъ свѣтскій, такъ и духовный судъ. Въ присягѣ, принесенной въ 1249 г. дожемъ Марино Морозини, имѣется обѣщаніе назначить для розыска еретиковъ, съ согласія Совѣта, нѣсколькихъ католиковъ, извѣстныхъ какъ людей почтенныхъ и разсудительныхъ. Съ другой стороны, всѣ еретики должны быть выдаваемы архіепископу Градо или епископамъ венеціанской области и не быть присуждаемы къ костру безъ согласія Совѣта или большинства его членовъ. Это было нѣчто въ родѣ свѣтской Инквизиціи. Была признана только старая юрисдикція епископскихъ судовъ, но при этомъ приговоръ епископовъ для примѣненія высшаго наказанія долженъ былъ утверждаться Совѣтомъ [3]).

---

[1]) Salimbene, 330.—Grandjean, «Registres de Benoît XI», №№ 831—5.—Pelayo, «Heterodoxos Españoles», I, 730.—La Mantia, «Origine e Vicende dell'Inquisizione in Sicilia», Турин, 1886 г., стр. 12.

[2]) Sarpi, «Discorso» («Opere», изд. Helmstadt, IV, 20).

[3]) Archivio Generale di Venezia, Codice ex Brera, № 277, Carte 5.

Библиотека "Руниверс"

Это совсѣмъ не удовлетворяло папъ, и когда, послѣ смерти Фридриха II, попытались распространить Инквизицію на области, которыя были еще закрыты для нея, то не забыли и о Венеціи. Буллою отъ 2 іюня 1251 г. Иннокентій IV приказалъ бр. Віенцо Миланскому и бр. Джованни Верчейльскому отправиться въ Венецію и начать тамъ преслѣдованіе еретиковъ одинаково съ инквизиторами Ломбардіи. Не извѣстно, попытались ли монахи проявить свою власть, но извѣстно, что они не достигли ничего. Въ одномъ документѣ, помѣченномъ 1256 г., сохранилась присяга преслѣдовать еретиковъ и выдавать ихъ не духовнымъ судамъ, а дожу и магистратамъ. По всей вѣроятности, эта присяга была потребована отъ инквизиторовъ изъ бѣлаго духовенства, назначенныхъ въ 1249 г. Въ данномъ документѣ мы находимъ еще оговорку, что смертная казнь, предусмотрѣнная въ 1249 г., уже отмѣнена. Катары и ростовщики судились одинаково. Сохранилось указаніе на наказаніе, установленное за то и другое преступленіе, и наказаніе это, очевидно, не было смертнымъ, такъ какъ говорится, что осужденный иностранецъ изгоняется изъ Венеціи, но что гражданинъ не долженъ быть изгнанъ. Повидимому, смертная казнь была установлена позднѣе, такъ какъ въ 1275 г. Джакомо Контарини принесъ присягу, тожественную съ присягой 1249 г., лишь съ незначительнымъ дополненіемъ о томъ, что епископскому викарію дозволяется рѣшать дѣла вмѣсто епископа, если каѳедра будетъ вакантна [1]).

Такъ какъ Инквизиція становилась все болѣе и болѣе настойчивой по всей Ломбардіи и въ Маркахъ, то преслѣдуемые еретики, естетественно, искали себѣ убѣжища на венеціанской территоріи, гдѣ надзоръ былъ менѣе строгъ. Напрасно около 1286 г. Гонорій IV посылалъ тревизскаго инквизитора, бр. Филиппа Мантуанскаго, потребовать отъ Республики внесенія въ ея законы постановленій Фридриха и папъ противъ еретиковъ. Несмотря на приведенный ей примѣръ другихъ городовъ тревизской Марки, Республика упорно отказывалась повиноваться. Наконецъ, въ 1288 г. это упрямство вывело изъ терпѣнія Николая IV. Папа послалъ Сеньоріи рѣшительный приказъ принять императорскіе и папскіе законы и потребовать отъ дожа присяги въ томъ, что онъ не только не будетъ мѣшать, но будетъ содѣйствовать тревизскому инквизитору въ исполненіи имъ его дѣла. Въ случаѣ неповиновенія папа грозилъ направить противъ города духовное и свѣтское оружіе [2]).

Положеніе Республики было непростительно въ глазахъ общественнаго мнѣнія той эпохи. Дѣйствительно, Венеція составила для себя особые законы, которые гарантировали безопасность цѣлому классу людей, повсюду признанныхъ виновными, и желала, чтобы Церковь для исправленія этого зла прибѣгала къ средству, которое одно только признавалось въ то время дѣйствительнымъ. Наконецъ, она уступила, принявъ при этомъ всѣ мѣры къ огражденію своей автономіи и независимости. Она рѣшительно отказалась внести въ свои статуты законы папъ и императора, но 4 августа 1289 г. она приказала дожу Джованни Дандоло оказывать содѣйствіе инквизитору по первому его требованію, не испрашивая на то особаго разрѣшенія Совѣта. Кромѣ того, благоразумно было оговорено, что всѣ штрафы и конфискаціи будутъ поступать въ пользу Республики, которая взамѣнъ этого принимаетъ на себя всѣ расходы Святого Трибунала. Расходы по содержанію Инквизиціи были очень крупны, такъ какъ, кромѣ издержекъ по арестованію и содержанію еретиковъ, инквизиторъ еще получалъ ежемѣсячное жалованье въ размѣрѣ двѣнадцати дукатовъ. Для этого были предназначены доходы отъ пошлины на хлѣбъ, и они складывались у Proveditore delle Viare, которому было поручено выдавать деньги по требованію инквизитора. Этотъ компромиссъ былъ принятъ 28 августа 1288 г. Николаемъ IV и включенъ въ формулу присяги, которую принесъ слѣдующій

---

[1]) Ripoll. VII, 25. — Arch. di Venez. Miscellanea. Codice № 133. 121; Cod. ex Brera, № 277, Carte 5.

[2]) Albizio, «Risposta al PP. Sarpi», 20—23.—Wadding. ann. 1288. № 23.

Библиотека "Руниверс"

дожъ, Петръ Градениго. Благодаря этому порядку инквизитору представлялась полная свобода уничтожать ересь, но, въ то же время, онъ не могъ злоупотреблять своей властью для вымогательства денегъ, а государство, оставляя за собою всю финансовую сторону дѣла, могло благодаря этому имѣть за нимъ наблюденіе [1]).

Подчиняться какому-либо контролю было дѣломъ, непривычнымъ для Инквизиціи, которая и не замедлила возмутиться этимъ. Уже въ 1292 г. Николай IV жаловался Петру Градениго, что условія договора не соблюдаются. Инквизиторы Бонаджунта Мантуанскій и Джуліано Падуанскій заявляли, что папскіе и императорскіе законы не исполняются, и что они, въ виду ихъ зависимости въ денежномъ отношеніи отъ государства, не могутъ имѣть при розыскахъ и арестахъ еретиковъ достаточнаго числа людей, и поэтому ересь продолжаетъ процвѣтать въ земляхъ Венеціанской республики. Получивъ эту жалобу, Николай горько упрекалъ дожа и просилъ его измѣнить порядокъ. Но дожъ не внялъ его просьбѣ. Сеньорія, безъ сомнѣнія, не находила нужнымъ уничтожать должности свѣтскихъ инквизиторовъ, установленной законодательствомъ 1249 г. Эти должностныя лица, числомъ трое, назывались tre Savi dell'eresia или assistenti. Эта двойственная система неизбѣжно должна была вызывать на практикѣ столкновенія, и вскорѣ положеніе сдѣлалось невыносимымъ. Въ 1301 г. тревизскій инквизиторъ бр. Антоніо рѣшилъ положить этому конецъ. Онъ объявилъ тремъ Savi, Томмасо Віаро, Марино Цорци и Лоренцо Седжико, что ихъ начальникомъ является только онъ одинъ. Такъ какъ они не обратили вниманія на его слова, то онъ отправился въ Венецію и потребовалъ отъ дожа Градениго подъ угрозой отлученія отъ Церкви принести присягу на выполненіе всѣхъ папскихъ законовъ противъ ереси. Градениго отказался, заявивъ, что это было бы нарушеніемъ его присяги на вѣрность конституціи. Инквизиторъ взялъ свою угрозу обратно, и дѣло осталось по-старому. Если разсчитывали, что этотъ первый ударъ проложитъ дорогу къ устройству Верховной Инквизиціи, то упорство республики разбило эти надежды. Трое Savi продолжали попрежнему отправлять свои обязанности, и, быть-можетъ, значеніе ихъ даже увеличилось. Вошло въ обычай избирать ихъ изъ сенаторовъ, и они вели вмѣстѣ съ инквизиторомъ всѣ дѣла, подлежащія юрисдикціи Святого Трибунала. По мѣрѣ того, какъ Венеція расширяла свои владѣнія на континентѣ, всѣ эти обязанности во всѣхъ городахъ, подчиненныхъ республикѣ, исполняли rettori или губернаторы. Къ ихъ помощи во всѣхъ дѣлахъ по преслѣдованію ереси обращался не только инквизиторъ, но и епископы [2]).

Исторія Инквизиціи въ Италіи въ XIV и XV вѣкахъ, какъ и во Франціи, есть исторія ея паденія. Правда, въ Италіи Инквизиціи не приходилось бороться противъ монархіи, стремившейся понемногу взять въ свои руки всю власть; но Авиньонское плѣненіе и паденіе папства подъ вліяніемъ французскаго двора, рядомъ съ ростомъ богатства и цивилизаціи городовъ, привели къ одинаковымъ послѣдствіямъ; кромѣ того, Великій Расколъ, вызвавшій Констанцскій и Базельскій соборы, содѣйствовали умственной эмансипаціи человѣчества. Въ теченіе XIV ст. новые еретики, фратичелли, поглотили всю дѣятельность Инквизиціи, какъ мы увидимъ это ниже при изученіи этого крупнаго религіознаго движенія. По мѣрѣ того, какъ число еретиковъ уменьшалось, и сами они бѣднѣли, уменьшалась и полезность Инквизиціи; она уже не производила былого сильнаго впечатлѣнія на народное воображеніе, и падала матеріальная выгода отъ ея работъ.

Что касается катаровъ, то Инквизиція прекрасно выполнила свою задачу. Долгое и

---

[1]) Albizio, op. cit., 24—27.—Wadding. ann. 1289, № 15.—Sarpi, op. cit., 21.—Arch. di Venezia, Codice ex Bréra, № 277, Carte 41; Maggior Consiglio. Carte 67.

[2]) Wadding. ann. 1292, № 5.—Albanese, «L'Inquisizione nella Repubblica di Venezia», 1875 г., стр. 52-3.—Sarpi, loc. cit.—Cecchetti, «La Repubblica di Venezia e la Corte di Roma», Венеція, 1874 г., I, 18.

Библиотека "Руниверс"

неумолимое преслѣдованіе мало-по-малу уничтожило секту, которая въ первой половинѣ XIII ст. казалась настолько сильною, что почти могла спорить съ Римомъ за обладаніе Италіей. Но если мы обратимъ вниманіе на то, что вальденцы, которыхъ преслѣдовали не менѣе энергично, не исчезли совсѣмъ; если мы вспомнимъ о томъ вліяніи, которое нѣкогда имѣло ученіе катаровъ на умы людей,—вліяніи настолько сильномъ, что тысячи людей съ радостью шли за свои убѣжденія на костеръ, то мы придемъ къ выводу, что преслѣдованіе не могло быть единственнымъ факторомъ исчезновенія катаризма. Нужно искать скрытую причину этого въ мрачномъ пессимизмѣ самого ученія. Манесъ лишилъ древній маздеизмъ его жизненности, приписавъ Началу Зла полную власть надъ всѣмъ видимымъ міромъ. Цивилизація шла впередъ, глубокая ночь мрачнаго средневѣковья уступала передъ зарею новыхъ идей, и человѣчество перестало предаваться отчаянію, и поэтому теорія манихензма понемногу теряла свою привлекательность. Души закрывались для мрачной философіи пессимизма, и уже появлялись предвѣстники того близкаго будущаго, когда человѣкъ долженъ былъ увидѣть въ природѣ не своего врага, а нѣжную мать и источникъ всѣхъ знаній. Катаризмъ, не поддававшійся эволюціи, былъ осужденъ на гибель.

Простая и горячая вѣра вальденцевъ, наоборотъ, давала своимъ послѣдователямъ твердую надежду, терпѣніе среди испытаній и вѣру въ благой Промыселъ Всевышняго. Тяжелый трудъ ремесленника и земледѣльца возвышался чувствомъ исполненнаго долга. Добродѣтели, составляющія основу всякой христіанской общины: дѣятельная жизнь, любовь къ ближнему, самоотверженіе, трезвость, цѣломудріе, бережливость—строго соблюдались ими; человѣкъ научился понимать, что его судьба на этомъ и на томъ свѣтѣ зависѣла отъ него самого, а не отъ заботъ и ходатайствъ его братьевъ, живыхъ и мертвыхъ. Подобная вѣра могла примѣниться ко всѣмъ измѣненіямъ человѣческаго прогресса; и поэтому вальденская ересь не умерла. Совершенно уничтоженная въ одномъ мѣстѣ, она сейчасъ же пускала корни въ другомъ. Она такъ полно отвѣчала нуждамъ и стремленіямъ массъ, что ее нельзя было никогда уничтожить съ корнемъ: брошенныя ею сѣмена всегда находили плодородную почву, и ея энергія была еще сильнѣе, чѣмъ неутолимая энергія ея преслѣдователей.

Однако, катары держались въ Италіи долгое время послѣ своего исчезновенія во Франціи. Изгнанные изъ равнинъ Ломбардіи и центральной Италіи, они удалились въ мѣста менѣе доступныя. Въ 1340 г. мы находимъ ихъ въ Корсикѣ; генералъ францискан-скаго ордена Геральдъ послалъ на островъ монаховъ, которымъ удалось на нѣкоторое время уничтожить еретиковъ. Въ 1369 г. противъ нихъ вели ожесточенную кампанію францисканцы подъ руководствомъ бр. Мондино Болонскаго и при горячемъ содѣйствіи Григорія XI. Въ 1372 и 1373 г. Григорій писалъ епископамъ Марроны и Аяччіо и бр. Гавріилу да Монтальчино, побуждая ихъ усилить дѣятельность; проявляя необычайную снисходительность, онъ приказывалъ не приговаривать къ смертной казни въ случаѣ перваго рецидива. Преслѣдуемые, такимъ образомъ, бѣглецы укрывались, по большей части, въ лѣсахъ и горахъ; чтобы покорить ихъ, устроили цѣлую линію духовныхъ крѣпостей подъ видомъ францисканскихъ монастырей. Даже еще въ 1397 г. былъ посланъ въ Корсику извѣстный бр. Франческо, выполнявшій одновременно должности папскаго нунція и инквизитора [1]).

На континентѣ катары, несмотря на бдительность Инквизиціи, продолжали существовать въ Пьемонтѣ. Въ 1388 г. бр. Антоніо Секко де Савильяно удалось захватить одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ секты, Джакомо Бекъ изъ Кіери близъ Турина. Опубликованный Джироламо Амати протоколъ допроса этого еретика, сдѣлавшаго свои показанія въ присутствіи инквизитора и туринскаго епископа, даетъ много данныхъ

[1]) Wadding. ann. 1340, № 10; ann. 1369, № 4; ann. 1373, № 7; Regest. Gregor. PP. XI, №№ 45—7; Tom. VII, 481.—Raynaldi ann. 1372, № 35.

Библиотека "Руниверс"

о состояніи секты въ это время. Когда повторное примѣненіе пытки развязало языкъ еретика, то онъ далъ признаніе, подтвердившее существованіе въ данной мѣстности многочисленныхъ колоній. Среди еретиковъ было много членовъ знатныхъ фамилій, Патрици, Бертони, Петити, Нарро, предки Бальби и Кавура. Хотя въ Италіи, какъ и во Франціи, имя «вальденцы» стало обычнымъ названіемъ всѣхъ еретиковъ, но эти еретики слѣдовали дуализму, смягченному катарами Ломбардіи. Сатана, изгнанный съ неба, создалъ, по ихъ ученію, видимый міръ и, въ концѣ концовъ, возстанетъ въ славѣ. Онъ далъ Моисею законы, и Моисей былъ однимъ изъ величайшихъ грѣшниковъ. Души людей суть падшіе ангелы, перешедшіе въ тѣла разныхъ людей или въ тѣла животныхъ, и только consolamentum освободитъ ихъ на одрѣ смерти. Чистота вѣры поддерживалась благодаря постояннымъ сношеніямъ съ главнымъ штабомъ ереси въ Босніи. Джакомо Бекъ былъ обращенъ однимъ миссіонеромъ славяниномъ, а также катарскими наставниками Іочерино де Бальби и Пьеро Патриці; послѣдній далъ ему десять флориновъ и послалъ его въ Боснію для болѣе основательнаго ознакомленія съ ученіемъ, но случившееся на морѣ несчастье заставило его вернуться, и онъ не выполнилъ дѣла. Сорокъ лѣтъ передъ этимъ туда ѣздилъ съ тою же цѣлью одинъ изъ Бальби; подобное же путешествіе было сдѣлано въ 1360 г. однимъ изъ Нарро и однимъ изъ Бенсо; въ 1377 г. ѣздилъ самъ Пьеро Патриці, а въ 1380 г. Бернарде Раскеріо. Очевидно, небольшая община Кіери поддерживала дѣятельныя сношенія съ вождями катарской Церкви. Бекъ въ 1370 г. попалъ въ первый разъ въ руки инквизитора бр. Томмасо да Казако, но былъ выпущенъ на свободу, такъ какъ отрекся отъ ереси и выдалъ своихъ единовѣрцевъ [1]).

Старанія бр. Антоніо вознаградились открытіемъ другой секты катаровъ, занимавшей долины къ западу и сѣверо-западу отъ Турина. Ересіархомъ у нихъ былъ Мартино дель Прете. Община Кіери тщетно старалась возсоединить ихъ съ собою. Въ Пиньеролѣ бр. Антоніо въ ноябрѣ 1387 г. арестовалъ нѣкоего Антоніо Галосна, подозрѣваемаго въ ереси и выдававшаго себя за францисканца-терціарія. Въ этой странѣ Инквизиція нуждалась въ поддержкѣ свѣтскихъ властей, а графъ савойскій, Амедей VII, не былъ расположенъ поддерживать ее энергично. Галосна вначалѣ отрицалъ все, но бр. Антоніо удалось подвергнуть его пыткѣ, такъ что несчастный обѣщалъ сознаться во всемъ, если прекратятъ его мученія. На другой день онъ принесъ сознаніе. Но капелланъ Амедея, Джованни ди Брайда, и пиньерольскій судья Антоніо ди Валенція обѣщали ему освободить его, если онъ отречется отъ своихъ показаній. Владѣлецъ пиньерольскаго замка, на которомъ лежала обязанность караулить плѣнника, предложилъ ему выпустить его на свободу за семьдесятъ-пять флориновъ, изъ которыхъ пять бралъ себѣ, а семьдесятъ на необходимые расходы. Галосна заложилъ все свое имущество, чтобы собрать нужную сумму; но проектъ этотъ, повидимому, остался не исполненнымъ, такъ какъ 29 декабря арестованный былъ приведенъ къ самому графу. Галосна, предупрежденный Джованни ди Брайда, зналъ, что если онъ подтвердитъ свое сознаніе, то будетъ повѣшенъ; поэтому онъ отрекся отъ своего перваго признанія, но свободы не получилъ. Мѣсяцъ спустя въ присутствіи графа и инквизитора онъ снова заявилъ, что сознаніе было вырвано у него силою. Повидимому, о немъ возникли длинные споры между государствомъ и Церковью, и послѣдняя, въ концѣ концовъ, вышла побѣдительницей; 29 мая онъ былъ выданъ туринскому епископу и инквизитору, и дѣло его подверглось новому разслѣдованію въ замкѣ Дроссъ, близъ Турина [2]). Съ 29 мая по 10 іюня несчастнаго подвергли цѣлому ряду допросовъ, которые не были излишни, такъ какъ у него былъ неисчерпаемый источникъ свѣдѣній. Онъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ былъ членомъ секты, въ теченіе пятнадцати лѣтъ былъ странствующимъ миссіонеромъ и поддерживалъ близкія сношенія со всѣми общинами, число которыхъ было, повидимому, значительно.

[1]) Archivio Storico Italiano, 1865 г., № 39, стр. 46—61.

[2]) Archivio Storico Italiano, 1865 г., № 39, стр. 32—5.

Библиотека "Руниверс"

Нѣкоторыя находились по сосѣдству съ Туриномъ, но большая часть занимала глубокія альпійскія долины между Пиньеролемъ и Сузой. Хотя Галосна неоднократно называетъ сектантовъ вальденцами, но эти еретики не имѣли ничего общаго съ настоящими вальденцами; къ тому же нужно отмѣтить, что Галосна нигдѣ не указываетъ на присутствіе еретиковъ въ тѣхъ долинахъ, гдѣ, какъ мы знаемъ навѣрное, жили вальденцы; таковы, напр., долины Ангронь, Пероза или Санъ-Мартино. Всѣ они были, по большей части, бѣдные люди, крестьяне, прислуга, погонщики муловъ, содержатели постоялыхъ дворовъ, работники и ремесленники; къ послѣднему классу принадлежали обыкновенно главы ихъ «синагогъ», хотя иногда въ числѣ членовъ упоминаются и клерикъ, капоникъ, нотаріусъ или какой-либо другой образованный человѣкъ. Трудно теперь выяснить ихъ ученіе. Дурное обращеніе, которому подвергался Галосна, заставило его постараться удовлетворить легковѣріе своихъ судей. Многія изъ его разоблаченій носятъ такой фантастическій характеръ, что подрываютъ довѣріе ко всѣмъ его показаніямъ. Всякій вновь принимаемый долженъ былъ выпить довольно отвратительный напитокъ, составленный изъ испражненій нарочно для этого откармливаемой жабы; если выпивали черезчуръ большую дозу этой жидкости, то исходъ могъ быть даже смертельнымъ; волшебное дѣйствіе этого напитка было таково, что всякій, разъ хлебнувшій его, не могъ уже никогда оставить секту. У верховнаго ересіарха, Мартино дель Прете, была черная кошка, ростомъ съ ягненка, которую онъ называлъ своимъ лучшимъ другомъ на землѣ. Безъ всякаго колебанія можемъ мы отвергнуть, какъ не менѣе неправдоподобные, разсказы Галосна о половыхъ мерзостяхъ, которыя совершали сектанты впотьмахъ на своихъ тайныхъ собраніяхъ какъ религіозный обрядъ. Противорѣчія, встрѣчающіяся въ разныхъ показаніяхъ относительно ученія сектантовъ, показываютъ, что Галосна больше руководствовался своимъ воображеніемъ, чѣмъ памятью. Если вѣрить ему, то ему было сказано, что, вступая въ секту, онъ обезпечиваетъ себѣ вѣчное блаженство рядомъ съ Богомъ Отцомъ; въ то же время онъ утверждаетъ, что секта отрицаетъ безсмертіе души, учитъ, что душа умираетъ одновременно съ тѣломъ, но рядомъ съ этимъ говоритъ, что чистилища не существуетъ, а есть только небо и преисподняя. Далѣе еретики вѣрили въ Бога Отца, сотворившаго небеса, и почитали Великаго Дракона, создавшаго міръ; Драконъ этотъ велъ борьбу съ Богомъ и ангелами и былъ на землѣ могущественнѣе духовъ небесныхъ. Христосъ былъ сыномъ Іосифа, а не Бога Отца, и поэтому его не слѣдуетъ особо почитать. Въ общемъ эти разоблаченія носятъ характеръ отчаянной путаницы, все же въ нихъ можно замѣтить дуализмъ извращеннаго катаризма; въ нихъ упоминается и consolamentum и освященіе хлѣба. Галосна, какъ и Джакомо Бекъ, уже раньше отрекся отъ ереси передъ бр. Томмасо да Казако, и, такимъ образомъ, оба они были рецидивистами, недостойными снисхожденія, и 5 сентября 1388 г. они были выданы въ руки свѣтскихъ властей Турина и сожжены на кострѣ. Къ сожалѣнію, этимъ оканчиваются документальныя данныя по этому дѣлу, и мы не знаемъ ничего о томъ, какъ воспользовался бр. Антоніо богатымъ матеріаломъ, разоблаченнымъ этими еретиками и касавшимся еретиковъ, разсѣянныхъ по всей странѣ [1]).

Несмотря на это, катаризмъ быстро вымиралъ. Послѣднее положительное извѣстіе о существованіи его къ западу отъ Адріатики относится къ 1403 г., когда св. Винцентъ Феррерскій, апостолъ религіознаго возрожденія Испаніи, предпринялъ мирное обращеніе жителей уединенныхъ долинъ, куда въ теченіе тридцати лѣтъ не смѣлъ показываться ни одинъ католическій священникъ. Онъ открылъ и обратилъ много катаровъ, жившихъ среди вальденцевъ. Онъ смотрѣлъ, какъ на видъ манихеизма, на поклоненіе восходящему солнцу, бывшее обычнымъ у крестьянъ лозаннской епархіи; этотъ пережитокъ культа природы

[1]) Archivio Storico Italiano, 1865 г., № 39, 40—45. — G. Manuel di S. Giovanni, «Un Episodio della Storia del Piemonte», Турин, 1874 г., стр. 75 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

былъ, по всей вѣроятности, очень распространенъ, такъ какъ одинъ еретикъ, принесшій въ 1387 г. покаяніе передъ бр. Антоніо Секко, говоритъ о поклоненіи солнцу и лунѣ. Повидимому, остатки катаризма сохранялись еще среди вальденцевъ долины Савойи до до 1451 г., до процесса Филиппо Реджисъ [1]).

Вальденцы Италіи продолжали процвѣтать въ мало доступныхъ горахъ Пьемонта, гдѣ постоянная борьба съ суровой природой поддерживала ихъ энергію и нравственную чистоту. Оттуда, какъ мы видѣли, выходили эмигранты и даже цѣлыя колоніи отчасти благодаря преслѣдованію, отчасти вслѣдствіе недостатка средствъ къ существованію увеличивавшагося населенія. Благодаря болѣе мягкому климату Неаполя, а также и сравнительной снисходительности неаполитанской Инквизиціи, южныя колоніи, въ концѣ концовъ, сдѣлались для секты главнымъ центромъ, съ которымъ еретики поддерживали постоянныя сношенія. Въ 1387 г. ихъ высшее духовное лицо, говорятъ, жило въ Апуліи, и вождями вальденской общины въ Пьемонтѣ были два апулійца; и еще столѣтіе послѣ этого общины Коттійскихъ Альповъ считали южную Италію центромъ ихъ Церкви [2]).

Въ 1292 г. были подняты преслѣдованія въ Валь Пероза, и въ 1312 г. много не раскаявшихся еретиковъ было сожжено въ этихъ долинахъ. Но старанія католичества не увѣнчались большимъ успѣхомъ, и бреве Іоанна XXII показываетъ, что въ 1382 г. вальденская Церковь Туринской епархіи была въ полномъ расцвѣтѣ. Еретики были настолько многочисленны, что не считали нужнымъ скрываться, и ихъ собранія, на которыхъ бывало до пятисотъ человѣкъ, происходили совершенно открыто. Туринскій инквизиторъ, бр. Джованни Альберто, незадолго передъ этимъ попытавшійся ввести репрессіи, вызвалъ вооруженное возстаніе. На площади въ Ангропьѣ жители убили приходскаго священника Гиллельмо, подозрѣваемаго въ доносѣ. Самому Альберто пришлось выдержать осаду въ замкѣ, куда онъ скрылся, и съ трудомъ удалось ему бѣжать, оставивъ страну ереси. Въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ главою вальденцевъ былъ нѣкто Пьеръ Мартино, называвшійся также Джуліано или Мартино Пастрэ. Однажды, во время своей миссіонерской дѣятельности, онъ попалъ въ руки провансальскаго инквизитора, Жана де Бадъ. Папа тотчасъ же приказалъ инквизитору выдать своего плѣнника бр. Альберто, который сумѣетъ получить отъ виновнаго болѣе важныя указанія для розыска и захвата другихъ еретиковъ; папа добавилъ даже, что въ виду важности этихъ разоблаченій можетъ быть примѣнена пытка. Несомнѣнно, арестъ такого крупнаго дѣятеля еретической Церкви далъ бр. Альберто возможность захватить много еретиковъ, жившихъ на далекомъ разстояніи; но можно думать, что самъ онъ уже не отправлялся въ многолюдныя общины, которыя такъ энергично защищали себя [3]).

Преслѣдованіе шло своимъ чередомъ. Въ 1354 г. упоминается о приказѣ, данномъ пьемонтскимъ княземъ Джакомо графамъ Лузерны объ арестѣ вальденцевъ, только-что открытыхъ въ Лузернѣ и въ сосѣднихъ долинахъ. Этотъ приказъ былъ сдѣланъ по настоянію пьемонтскаго инквизитора, Пьетро ди Руффіа, заплатившаго немного позднѣе въ Сузѣ жизнью за свое благочестивое рвеніе. Въ 1363 и 1364 гг. Урбанъ IV сдѣлалъ новую попытку привести еретиковъ къ послушанію. Зараженный округъ находился подъ перекрестнымъ огнемъ, такъ какъ юрисдикція инквизитора Прованса распространялась и на Тарантезу. Марсельскій инквизиторъ, бр. Жанъ Ричардъ, напалъ на мятежниковъ съ запада, тогда какъ инквизиторъ и Туринскій епископъ дѣйствовали на востокѣ. Амедею

[1]) Raynald. ann. 1403, № 24.—Archivio Storico Italiano, 1865 г., № 38, стр. 22.—Comba, «Hist. des Vaudois d'Italie», I, 120.

[2]) Processus contra Valdenses (Archivio Storico Italiano, 1865 г., № 38, стр. 39—40).—Comba, «Hist. des Vaudois d'Italie», I, 354—7.

[3]) Comba, «Hist. des Vaudois d'Italie», I, 141.—Herzog. «Die romanischen Waldenser», 273. - Wadding. ann. 1332, № 6.

Библиотека "Руниверс"

Савойскому предложили соединиться съ сенешалемъ Прованса. Результатомъ этого соединеннаго нападенія была масса арестовъ и процессовъ. Несомнѣнно, отчаяніе и жажда мести, вызванныя этими преслѣдованіями, заставили многихъ вальденцевъ принять участіе въ Савойской жакеріи 1365 г., которая была подавлена королемъ Наварры и Венцелемъ Брабантскимъ съ жестокостью, свойственной той эпохѣ; несмотря на всѣ эти огорченія, вальденцы продолжали считаться вождями секты, какъ это видно изъ письма, посланнаго ими въ 1368 г. ихъ нѣмецкимъ собратьямъ [1]).

Григорій XI проявилъ невѣроятную энергію въ борьбѣ противъ ереси. Мы уже говорили о его стараніяхъ въ 1375 г. уничтожить вальденцевъ Прованса и Дофинэ. Вальденцы Пьемонта отличались своимъ враждебнымъ настроеніемъ. Немного ранѣе бр. Антоніо Паво явился въ Брикараксъ, мѣстности глубоко зараженной ересью; онъ началъ проповѣдывать противъ вальденцевъ и, понятно, потребовалъ явки предъ его трибуналомъ; но еретики и только не выразили смиренной покорности, а двѣнадцать изъ нихъ, дѣйствуя по внушенію демона, бросились на инквизитора и убили его при выходѣ изъ церкви. Такая же участь постигла и другого инквизитора, по всей вѣроятности, Пьетро ди Руффіа, въ доминиканскомъ монастырѣ въ Сузѣ въ день Срѣтенія Господня. Подобныя злодѣянія заслуживали примѣрнаго наказанія. Григорій обратился съ увѣщаніями къ Карлу V французскому и, въ то же время, послалъ очень настоятельныя граматы Амедею VI Савойскому съ требованіемъ, чтобы онъ очистилъ свои земли отъ опасныхъ плевелъ. Мы также упоминали уже о плодотворныхъ работахъ епископа Массы, нунція Антоніо, и инквизитора Прованса Франсуа Бореля. Эти люди не ограничили своей энергичной дѣятельности только долинами Франціи; вальденцы Валь де Сузъ также подверглись самому безжалостному преслѣдованію. Въ одну рождественскую ночь Борель во главѣ вооруженнаго отряда напалъ на Пражелато и перебилъ всѣхъ попавшихся ему еретиковъ; ускользнувшіе отъ его рукъ погибли отъ холода и голода. Въ числѣ жертвъ было, говорятъ, пятьдесятъ женщинъ съ грудными младенцами [2]).

Безъ сомнѣнія, эта жертва успокоила души убитыхъ инквизиторовъ, такъ какъ другого удовлетворенія имъ дано не было. Цѣлый рядъ инквизиторовъ, которыхъ не остановила участь ихъ предшественниковъ,—Пьеро ди Кастельмонте, Руффино ди Тердона, Томмасо да Казако и Михаилъ Грасси—энергично дѣйствовалъ противъ вальденцевъ Пьемонта, но имъ не удалось покорить ихъ. Жестокое преслѣдованіе Бореля изгнало несчастныхъ изъ ихъ родныхъ долинъ и разсѣяло по всему Пьемонту. Амедей VII, наслѣдовавшій своему отцу въ 1383 г., повидимому, слабо поддерживалъ Инквизицію. До насъ дошли въ отрывкахъ протоколы дѣлъ, веденныхъ бр. Антоніо Секко весною 1387 г. Этотъ документъ показываетъ, что попытка помочь Борелю въ его жестокомъ обращеніи еретиковъ въ истинную вѣру была безплодна. Правда, бр. Антоніо захватилъ Изабеллу Феррреріа, жену Джованни Габріеле, одного изъ убійцъ Антоніо Паво, и подвергъ ее пыткѣ; но ему не удалось найти обвиненій противъ нея, и онъ узналъ отъ нея только, что мужъ ея умеръ въ 1386 г. Другихъ подозрѣваемыхъ, также подвергшихся пыткѣ, приговорили къ ношенію крестовъ, очевидно потому, что у преслѣдователя не было тюремъ, куда бы онъ могъ заключить ихъ. Обвиненія и доносы дѣлались ему сотнями, и поэтому мы въ правѣ заключить, что страна кишѣла еретиками; но онъ не могъ наказать ихъ такъ, чтобы это наказаніе произвело впечатлѣніе на другихъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, разобранныхъ имъ, было дѣло Лоренцо Бандоріа, отрекшагося отъ ереси въ присутствіи Антоніо Паво; подвергнутый пыткѣ, онъ сознался, что продолжалъ быть еретикомъ; какъ рецидивистъ, не заслуживающій никакого снисхожденія, онъ былъ 31 марта выданъ въ руки свѣтскихъ

[1]) Rorengo, «Memorie Historiche». Torino, 1649, p. 17.—Wadding. ann. 1364, №№ 14, 15.—Cantu, «Eretici», I, 86.—D'Argentré, «Collect. Judic.» I, I, 387.—Comba, «Rivista Cristiana», 1887 г., стр. 65 и слѣд.

[2]) Raynald. ann. 1375, № 26.—Filippo de Boni, «L'Inquisiz. e i Calabro-Valdesi», 70.

Библиотека "Руниверс"

властей, и все его состояніе перешло Инквизиціи. Однако, 6 мая Антоніо долженъ былъ приказать Угонетто Бруно, сеньору Оцаско, арестовать Лоренцо и доставить его на другой день въ трибуналъ подъ угрозой штрафа въ сто марокъ. Въ то же время казначею Оцаско было приказано, подъ угрозой отлученія отъ Церкви, явиться въ тотъ же день и доставить опись всего имущества осужденнаго. Изъ того, что Лоренцо для приведенія надъ нимъ приговора въ исполненіе былъ выданъ кастеляну Пиньероля, ясно, что свѣтскія власти отказались исполнить приговоръ инквизитора. Но и новая попытка Антоніо была безуспѣшна: на его вызовы не обращали никакого вниманія. Такъ, напр., 19 мая онъ приказалъ сеньору Оцаско, подъ угрозой штрафа въ сто марокъ, арестовать трехъ еретиковъ, но этотъ приказъ, насколько извѣстно, не былъ исполненъ. Неповиновеніе росло, и спустя нѣкоторое время мы видимъ, что въ случаѣ отказа сознаться—страшная фраза: «господинъ инквизиторъ не удовлетворенъ» не влекла за собой обычной пытки, и виновнаго милостиво отпускали подъ залогъ.

Произошелъ одинъ случай, который возмутилъ душу бр. Антоніо. 27 іюня онъ вызвалъ къ себѣ Джакомо До и Санціо Маргаритъ изъ Сангано. Они не явились, но 6 августа онъ отыскалъ ихъ въ Туринѣ и арестовалъ. Въ теченіе пятнадцати дней они сидѣли въ оковахъ, затѣмъ бѣжали; съ помощью Бога инквизиторъ снова арестовалъ ихъ и отвелъ въ замокъ Авельяно, гдѣ они пробыли десять дней. Антоніо не могъ подвергнуть ихъ пыткѣ и поэтому не могъ добиться отъ нихъ сознанія. Магистраты Авельяно подали жалобу графу Амедею, который приказалъ освободить узниковъ, и бр. Антоніо пришлось, какъ онъ самъ сознается, покориться противъ воли. Онъ рѣшилъ извлечь какую-либо пользу изъ своего пребыванія въ Авельяно и обратился ко всѣмъ гражданамъ съ обычнымъ приглашеніемъ явиться къ нему добровольно и сознаться въ ереси или указать подозрѣваемыхъ въ ней. Цѣлыхъ девять дней ждалъ онъ, но никто не явился ни съ самообвиненіемъ, ни съ доносомъ. Тогда Антоніо удалился, возмущенный упорствомъ населенія. На самомъ дѣлѣ, было извѣстно всѣмъ, что въ окрестностяхъ, въ особенности въ Коаццо и Вальджіонѣ, было множество еретиковъ. Но роковой ударъ былъ нанесенъ ему въ декабрѣ. Онъ послалъ вызовъ всѣмъ должностнымъ лицамъ Валь Перозы, одной изъ долинъ, населенныхъ вальденцами, и объявилъ, что они, такъ какъ страна полна еретиковъ, должны явиться къ нему въ Пиньероль и снять этотъ позоръ съ себя и съ своихъ общинъ. Никто изъ вызванныхъ не явился. Благодаря посредничеству Джованни ди Брайда, канцлера Пьемонта, и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ они согласились платить графу Амедею ежегодно земельный налогъ въ размѣрѣ ста флориновъ, за что графъ долженъ запретить инквизитору дѣйствовать въ Валь Перозѣ и разрѣшить жителямъ не являться по вызовамъ Инквизиціи. Это преисполнило мѣру терпѣнія Антоніо, и онъ отрясъ прахъ ногъ своихъ на Пиньероль и занялся менѣе неблагодарнымъ на видъ дѣломъ обращенія катаровъ, жившихъ близъ Турина; но раньше этого онъ объявилъ, что должностныя лица Валь Перозы подлежатъ отлученію отъ Церкви и наказанію за неявку въ судъ. Этимъ Антоніо навлекъ только на себя гнѣвъ Амедея. Не большимъ успѣхомъ увѣнчалась попытка Антоніо добиться того, чтобы Инквизиція получила доходы отъ имущества, конфискованнаго у жителей Пражелато, осужденныхъ провансальскимъ инквизиторомъ Борелемъ. Особымъ указомъ Климента VII юрисдикція инквизитора Прованса распространялась на нѣкоторыя долины Пьемонта. Вынужденный уступить еретиковъ своему францисканскому противнику, Антоніо рѣшилъ, если возможно, захватить себѣ имущество общинъ. Злоключенія Антоніо интересны для насъ, потому что показываютъ, какія затрудненія встрѣчали инквизиторы, и объясняютъ, почему жестокія преслѣдованія Бореля такъ мало коснулись вальденской ереси [1]).

[1]) Processus contra Valdenses (Archivio Storia Italiano, 1865 г., № 38, стр. 18—52.

Относительно даты этихъ событій существуетъ противорѣчіе, которое я не берусь выяснить. Въ граматѣ къ Амедею VI, помѣченной 20 апрѣля 1375 г. Григорій XI говоритъ

Библиотека "Руниверс"

По Пражелаго болѣе жестоко пострадалъ въ 1400 г., когда на Рождество городъ подвергся нападенію вооруженнаго отряда, пришедшаго изъ Сузы. Жители, которымъ удалось избѣжать смерти или плѣна, бѣжали на высоты Валь Санъ Мартино, гдѣ многіе изъ нихъ погибли отъ морозовъ; когда отрядъ ушелъ, то оставшіеся въ живыхъ вернулись домой и нашли только однѣ развалины своихъ жилищъ. Эти жестокости, совершенныя съ такимъ хладнокровіемъ, возмутили даже Бонифація IX, который приказалъ инквизитору сдерживать на будущее время свое рвеніе [1]).

Въ 1403 г. посѣтилъ Пьемонтъ Винцентъ Феррерскій, дѣятельность котораго носила болѣе мирный характеръ; но тѣ обращенія, которыми онъ гордился, повидимому, были столь же малоискренни, какъ и произведенныя имъ у себя на родинѣ обращенія мавровъ и евреевъ, всегда готовыхъ креститься, когда имъ угрожала рѣзня [2]).

Во время Великаго Раскола преслѣдованіе пріостановилось; но уже въ 1416 г. вышли новые декреты противъ вальденцевъ. До насъ дошли объ этомъ только отрывочныя свѣдѣнія, и невозможно представить полную и подробную историческую картину борьбы Инквизиціи противъ этихъ еретиковъ. Можно, впрочемъ, предполагать, что Святой Трибуналъ, по крайней мѣрѣ спорадически, проявлялъ энергію. Просьба, поданная сеньорами Лузерны герцогу Савойскому, свидѣтельствуетъ, что жители долины подняли настоящее возстаніе вслѣдствіе новыхъ преслѣдованій; этотъ документъ не помѣченъ годомъ, но онъ, несомнѣнно, позднѣе 1417 г.,—времени, когда Сигизмундъ переименовалъ Савойское графство въ герцогство. Далѣе мы знаемъ, что между 1440 и 1450 гг. викарій инквизитора, бр. Бертрандо Пьеро, въ теченіе одного разслѣдованія сжегъ въ Кони двадцать-двухъ еретиковъ-рецидивистовъ, имущество которыхъ онъ конфисковалъ. Объ этомъ фактѣ упоминается въ запискѣ, поданной въ 1457 г. Каликсту III жителями сосѣдней деревни Бернецъ; въ ней говорится, что послѣ этого подвига бр. Бертрандо, въ сопровожденіи инквизитора, бр. Людовика да Сончино, явился въ Бернецъ и началъ тамъ розыскъ, вскорѣ прерванный и не доведенный до конца къ великому соблазну населенія. Тогда Феликсъ V (Амедей Савойскій) послалъ аббата монастыря С.-Пьеро де Савильяно окончить дѣло, и послѣдній оправдалъ огромное число обвиненныхъ. Послѣ этого явился новый инквизиторъ, который снова пересмотрѣлъ дѣла и наложилъ разныя наказанія на оправданныхъ аббатомъ; вслѣдствіе этого населеніе просило папу предписать этому инквизитору прекратить все дѣлопроизводство, пока не будутъ даны ему въ помощь два свѣдущихъ магистра богословія епископомъ изъ Мондови и аббатомъ Савильяно. Много, повидимому, должна была потерять въ своемъ престижѣ Инквизиція въ глазахъ населенія, чтобы осмѣлились подать подобную просьбу. Рѣшеніе Каликста также показываетъ, какъ сильно измѣнилось все дѣло Инквизиціи: папа приказалъ Туринскому епископу и инквизитору взять себѣ помощниками для разбора дѣлъ двухъ богословъ. Съ другой стороны, этотъ случай показываетъ, что вальденцевъ не оставляли въ покоѣ. Между тѣмъ, какъ тянулось это дѣло, Николай V послалъ въ 1453 г. епископамъ Турина и Ниццы и инквизитору Джакомо ди Буронцо буллу, въ которой подтверждалось,

---

о только-что случившемся убійствѣ инквизитора Антонія изъ Сальвіано (Antonius Salvianensis), убитаго въ Брикеразіо (Raynald. ann. 1375, № 26). А въ регистрахъ Антоніо Секко значится, что въ 1384 г. Антоніо Паво изъ Савильяно принялъ отреченіе Лоренцо Бандоріа (loc. cit., 23); убійство, согласно свидѣтельскимъ показаніямъ сына одного изъ убійцъ, Джов. Габріеле изъ Брикеразіо, должно было быть совершено въ этомъ же году (ibid., 31). Наконецъ, Роренго относитъ мученическую смерть Антоніо Паво къ 1374 г. и говоритъ, что въ Савильяно его почитали, какъ мѣстнаго святого, подъ именемъ «блаженнаго». Былъ также убитъ другой доминиканецъ, бр. Бартоломео ди Червере; помощникъ его, Рикардо, получилъ смертельную рану. Но дата этого убійства также не установлена (Rorengo, «Memorie Historiche», 17).

[1]) Chabraud, «Vaudois et Protestants des Alpes», Гренобль, 1886 г., стр. 39.

[2]) Raynald. ann. 1403, № 24.—Melgares Marin, «Procedimientos de la Inquisicion», Мадридъ, 1886 г., I, 50.

Библиотека "Руниверс"

что Джакомо открылъ въ долинѣ Лузерны населеніе, которое глубоко было поражено ересью, и среди котораго было много людей, вторично впавшихъ въ ересь. Не будучи въ состояніи обратить этихъ отпавшихъ, инквизиторъ наложилъ на долину интердиктъ; тогда жители раскаялись и смиренно просили принять ихъ обратно въ лоно Церкви; Николай приказалъ снять интердиктъ и дать прощеніе всѣмъ, даже рецидивистамъ, и возстановить ихъ въ гражданскихъ правахъ. Это крайне милостивое рѣшеніе показываетъ, что тогда поняли уже всю безполезность суровыхъ мѣръ [1]).

Герцогъ Амедей IX пытался путемъ убѣжденія привести заблудшихся въ лоно Церкви, и труды его, говорятъ, увѣнчались большимъ числомъ обращеній [2]); но послѣ его смерти (1472 г.) регентство перешло въ руки его жены Іоланды, которая стояла за болѣе энергичныя дѣйствія. Въ 1475 г. она предприняла противъ вальденцевъ настоящую войну, съ цѣлью ихъ окончательнаго истребленія. Эдиктомъ 23 января 1476 г. всѣ должностныя лица зараженныхъ ересью округовъ были предоставлены въ распоряженіе Святого Трибунала. Подестатъ Лузерны былъ вызванъ явиться 10 февраля, чтобы дать отвѣтъ за свои дѣйствія; онъ отказался обнародовать по требованію инквизитора Андрея да Аквапедентe объявленіе, въ которомъ говорилось, что никто изъ обращенныхъ Джакомо да Буронцо не имѣетъ права совершать сдѣлку на сумму болѣе одного флорина, и что всѣ сдѣлки, сдѣланныя ими ранѣе, признаются недѣйствительными, такъ какъ всѣ они—рецидивисты и старались выселиться и ликвидировать свое имущество, подлежащее по закону конфискаціи. Людовикъ XI, который, какъ мы видѣли, безъ всякой церемоніи прекратилъ преслѣдованія въ своихъ владѣніяхъ, счелъ нужнымъ въ личныхъ интересахъ взять подъ свое покровительство и несчастныхъ подданныхъ своей сестры. Слово его было достаточно сильно, чтобы сдержать рвеніе герцогини, которая послѣ смерти Карла Смѣлаго находилась въ прямой зависимости отъ Людовика. Это вмѣшательство задѣло за-живое Сикста IV. Онъ послалъ спеціальнаго комиссара продолжать благочестивое дѣло и, въ то же время, убѣдительно писалъ Людовику, высказывая предположеніе, что охранныя граматы выданы имъ по недоразумѣнію; онъ приказалъ Туринскому епископу, если возможно, лично отправиться къ Людовику и принять всѣ мѣры къ уничтоженію еретиковъ, которые смѣли среди бѣлаго дня открыто проповѣдывать свое ученіе и совращать вѣрныхъ. Смерть Людовика въ 1483 г. лишила вальденцевъ ихъ покровителя, и снова началось преслѣдованіе. Борьба вспыхнула съ новою силой, какъ это видно изъ распоряженія герцога Карла I въ 1484 г. начать разслѣдованіе по поводу насилій, произведенныхъ населеніемъ Андроньи, Виллляра и Боббіо противъ мѣстныхъ сеньоровъ, сдѣлавшихъ попытку уничтожить ересь. Съ еретиками, разсѣянными по долинамъ, было поступлено безъ всякаго снисхожденія; тѣ же, кто жилъ въ горахъ, уцѣлѣли, хотя и имъ пришлось много страдать отъ нападеній сильныхъ отрядовъ. Въ апрѣлѣ 1487 г. Иннокентій VIII свидѣтельствуетъ, что генералъ-инквизиторъ, бр. Блазіо да Монреале, лично посѣтилъ зараженные округа и тщетно пытался путемъ убѣжденій заставить еретиковъ отречься отъ заблужденій: эти люди дерзко отвергли всѣ духовныя наказанія, наложенныя инквизиторомъ, и продолжали проповѣдывать и совращать; они даже напали на домъ самого инквизитора, перебили его слугъ и разграбили его жилище. Очевидно, нужно было прибѣгнуть къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Иннокентій назначилъ своимъ нунціемъ и комиссаромъ въ Пьемонтъ и Дофинэ архидіакона Кремоны, Альберто де'Капитанеи, поручивъ ему заставить населеніе принять бр. Блазіо и дать ему

---

[1]) Rorengo, «Memorie Historiche», 18—20.—E. Comba, «Rivista Cristiana», іюнь, 1882 г., стр. 204.—Ripoll, III, 359.

[2]) «Storia politica e religiosa del B. Amedeo IX». Туринъ, 1865 г., стр. 80.—Амедея тотчасъ же начали почитать въ Савойѣ какъ святого; однако, къ лику блаженныхъ онъ былъ причисленъ только въ 1477 г. Иннокентіемъ VIII, уступившимъ настоятельнымъ просьбамъ жителей Пьемонта (Bened. PP. XIV, «De Servor. Dei Beatificatione», lib. II, cap. XXIV, § 14).

Библиотека "Руниверс"

возможность спокойно отправлять свои обязанности, «дабы раздавить еретиковъ какъ ядовитыхъ змѣй». Съ этой цѣлью Альберто былъ уполномоченъ проповѣдывать крестовый походъ, съ обѣщаніемъ участникамъ его полнаго отпущенія грѣховъ и лишать сана и должностей всѣхъ тѣхъ лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, которыя откажутся повиноваться ему. Съ февраля по май 1488 г. Альберто посылалъ еретикамъ вызовы о явкѣ къ нему, а такъ какъ никто не явился, то онъ осудилъ ихъ за неявку и выдалъ всѣхъ въ руки свѣтской власти.

Между тѣмъ, во Франціи и Пьемонтѣ удалось собрать отрядъ крестоносцевъ до восьми тысячъ человѣкъ, которые двинулись четырьмя колоннами, чтобы закрыть всѣ выходы. Мы уже упоминали о рѣзнѣ въ Валь-Луизѣ. Валь-Ангронь былъ счастливѣе: тамъ были уничтожены всѣ крестоносцы. Эта побѣда дала вальденцамъ нѣкоторый отдыхъ. Въ 1490 г. Карлъ I пригласилъ ихъ на совѣщаніе въ Пиньероль, гдѣ герцогъ заключилъ съ ними миръ и подтвердилъ ихъ привилегіи. Въ 1498 г. ихъ посѣтили Лука Пражскій и Ѳома Германусъ, депутаты чешской Unitas Fratrum. Они послали съ этими депутатами чешскому королю Владиславу и чешскимъ вельможамъ письмо, въ которомъ съ гордостью писали, что не посѣщаютъ католическихъ церквей, описывали пороки духовенства и заявляли, что благословеніе, данное подобными людьми, равносильно проклятію. Очевидно, ничто не могло сломить энергію преслѣдуемыхъ. Вскорѣ этой энергіи пришлось подвергнуться испытанію въ долинѣ По, гдѣ были открыты цѣлыя вальденскія селенія. Маргарита де Фуа, маркиза Салуччи, предоставила войска къ услугамъ инквизитора Анджело Риччіардино, который ничего не могъ сдѣлать съ еретиками. Нѣсколько деревень подверглось нападенію; большинству населенія удалось бѣжать и скрыться въ Лузернѣ, но нѣкоторые попались въ плѣнъ, и пять изъ нихъ были 24 марта 1510 г. осуждены на костеръ. Страшная буря со снѣгомъ заставила отложить казнь, а ночью узникамъ удалось бѣжать; но инквизиторъ не желалъ лишиться пріятнаго зрѣлища и замѣнилъ бѣжавшихъ тремя другими заключенными, которымъ онъ обѣщалъ снисхожденіе въ виду ихъ сознанія. Несчастные погибли въ пламени. Селенія, покинутыя жителями, были конфискованы и отданы добрымъ католикамъ; но такъ какъ бѣглецы время-отъ-времени спускались и безъ всякой жалости убивали и грабили новыхъ поселенцевъ, то скоро никто уже не смѣлъ селиться на ихъ мѣстѣ. Маркиза рѣшила уступить. Въ 1512 г. за крупную сумму денегъ она позволила изгнанникамъ вернуться и жить покойно.

Это достигнутое силою торжество вѣротерпимости было мѣстное и непродолжительное. Савойскіе статуты, изданные въ 1513 г., заключаютъ всѣ статьи, освященныя временемъ относительно истребленія ереси. Въ нихъ приказывается всѣмъ должностнымъ лицамъ во всемъ помогать Инквизиціи, издержки которой должны были покрываться конфискаціями. Борьба еще не окончилась, когда въ 1530 г. вальденцы вошли въ открытыя сношенія со швейцарскими протестантами и слились, въ концѣ концовъ, съ кальвинистами [1]).

Эти безпрестанныя опустошенія естественно вызвали крупную эмиграцію, направлявшуюся, главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, въ Калабрію и Апулію, гдѣ братья преслѣдуемыхъ жили уже двѣсти лѣтъ сравнительно спокойно. Такъ, напр., значительная часть населенія Фрейсиньера выселилась въ долину Вольтурары. Въ XV в. Инквизиція уже вполнѣ распространилась на Неаполитанское королевство, и еретики поняли, что необходимо выказать вѣротерпимость. Они иногда присутствовали на обѣднѣ, крестили своихъ дѣтей у священниковъ и, что гораздо важнѣе, платили съ образцовою аккуратностью де-

[1]) Hahn, «Geschichte der Ketzer im Mittelalter», II, 705.—Rorengo, «Memorie Historiche», 22—5.—Martène, «Ampl. Coll.», II, 1510—11.—Leger, «Hist. des Eglises Vaudoises», II, 8—15, 26, 71.—Perrin, «Hist. des Vaudois», liv. II, c. 4.—Filippo de Boni, op. cit., 71.—Comba, «Les Vaudois d'Italie», I, 167, 175—8.—Herzog, «Die roman. Waldenser», 274.—Montet, «Hist. Litt. des Vaudois», 152—55.—D'Argentré, «Coll. Judic.», I, 1, 105—7.

Библиотека "Руниверс"

ситинный налогъ, который росъ изъ года въ годъ благодаря трудолюбію благочестивыхъ земледѣльцевъ. Долины, нѣкогда почти пустынныя, были обращены въ поля, пастбища, сады и виноградники. Дворяне, принявшіе на извѣстныхъ условіяхъ вальденцевъ на свои земли, охотно оказывали покровительство людямъ, которые такъ увеличивали ихъ доходы. Когда, одновременно съ ростомъ могущества Арагонскаго королевскаго дома, кончилась феодальная независимость, еретики обратились въ 1497 г. съ просьбою къ королю Фридриху, чтобы корона утвердила условія, заключенныя нѣкогда между ними и дворянами, и король удовлетворилъ ихъ просьбу. Такимъ образомъ, они обезпечивали себѣ на долгое время мирное существованіе. Каждые два года ихъ посѣщали странствующіе пастыри, или б о р о д ы; они приходили по-двое; одинъ былъ старикъ, называвшійся r e g g i t o r e, другой помоложе—c o a d i u t o r e. Они совершали путешествіе подъ предлогомъ какихъ-либо дѣлъ; въ каждомъ городѣ они находили общины в ѣ р у ю щ и х ъ, которымъ они приносили утѣшеніе, и которыхъ они укрѣпляли въ вѣрѣ. В ѣ р у ю щ і е давали б о р о д а м ъ деньги по раскладкѣ; б о р о д ы отдавали ихъ общему Собранію или Совѣту. Отъ Пиньероля до Калабріи по западному берегу полуострова было двадцать-пять дней пути; обратный путь совершали по восточному берегу до Венеціи. Повсюду миссіонеры находили друзей, которыхъ они узнавали по паролю. Несмотря на всю бдительность духовенства, вся Италія была покрыта какъ бы подземной сѣтью ереси, скрывавшейся подъ обликомъ католичества. Въ 1497 г. депутаты Чешскихъ Братьевъ, Лука и Ѳома, нашли въ самомъ Римѣ нѣсколько своихъ единовѣрцевъ, которыхъ они горько упрекали за то, что они скрывали свою вѣру. Въ 1530 г. въ Калабріи насчитывали десять тысячъ еретиковъ, въ Венеціи—шесть тысячъ. Цѣлыя поколѣнія жили мирно, такъ что, казалось, никогда болѣе не вспыхнетъ борьба. Конечная судьба этихъ несчастныхъ относится къ эпохѣ, не подлежащей нашему изученію, но тотъ фактъ, что они могли жить счастливо, и что число ихъ росло, показываетъ, что Инквизиція упала и инквизиторы были безсильны [1]).

Намъ остается еще упомянуть вкратцѣ о положеніи и работахъ Инквизиціи въ различныхъ провинціяхъ Италіи въ XIV и XV столѣтіяхъ. Какъ мы уже видѣли, жестокая борьба противъ вальденцевъ въ Савойѣ поддерживала дѣятельность Святого Трибунала, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ Инквизиція мало-по-малу выходила изъ употребленія; впрочемъ, въ Ломбардіи Инквизиція нѣкоторое время продолжала внушать ужасъ. Въ 1318 г. она проявила большую энергію въ преслѣдованіи еретиковъ, квалифицированныхъ какъ лолларды; и мы не знаемъ, были ли это бегарды или вальденцы. Весьма возможно, что это были вальденцы, такъ какъ передаютъ, что они, когда не могли болѣе скрываться, бѣжали въ Чехію, бросивъ женъ съ грудными дѣтьми. Женщины были сожжены, а дѣтей раздали добрымъ католикамъ, чтобы они воспитали ихъ въ истинной вѣрѣ. Въ 1344 г. въ Ломбардіи было большое народное волненіе; говорили, что много невинныхъ пало жертвой Инквизиціи. Дѣло дошло даже до того, что императорскій намѣстникъ, Луккино Висконти, просилъ Климента VI назначить разслѣдованіе, результатовъ котораго мы не знаемъ. Быть-можетъ, эти случаи вызвали въ 1346 г. убійство въ Миланской провинціи одного францисканца инквизитора, извѣстнаго своимъ рвеніемъ въ дѣлѣ преслѣдованія. Въ статутахъ миланскихъ герцоговъ съ 1343 по 1495 г. нигдѣ не упоминается ни объ Инквизиціи, ни о наказаніи еретиковъ; но до насъ дошелъ одинъ указъ отъ 1388 г., который предоставляетъ гражданскихъ чиновниковъ въ распоряженіе Святого Трибунала, но на условіяхъ, предписанныхъ Клементинами, т.-е.—для примѣненія пытки, строгаго тюрем-

[1]) Filippo di Boni, op. cit., 79—81.—Lombard, «Jean-Louis Paschale», 29—33.—Perrin, «Hist. des Vaudois», liv. II, ch. 7, 10.—Comba, «La Reforma», I, 269.—Vegezzi-Ruscallo, «Rivista Contemporanea», 1862.—Camerarii, «Hist. Frat. Orthodox.», 120.

Библиотека "Руниверс"

наго заключенія и вынесенія окончательнаго приговора необходимо требовалось согласіе епископа. Мало того, этотъ указъ грозитъ наказаніемъ инквизиторамъ, если они будутъ пользоваться своею властью для вымогательства денегъ и удовлетворенія личной ненависти. Далѣе инквизиторамъ строго предписывалось не злоупотреблять правомъ имѣть вооруженныхъ слугъ и не увеличивать ихъ числа безъ особой нужды. Въ эту эпоху политическія страсти мѣшали правильному ходу работъ Инквизиціи, какъ это видно, напр., изъ дѣла бр. Убертино ди Карлеоне. Этотъ неспокойный францисканецъ, назначенный впослѣдствіи епископомъ въ Липари, былъ около 1360 г. обвиненъ въ ереси инквизиторомъ Піаченцы; тогда онъ немедленно во всеуслышаніе объявилъ, что единственной причиной преслѣдованія была его принадлежность къ партіи гибеллиновъ, и вызвалъ, такимъ образомъ, возстаніе въ этомъ городѣ, гдѣ отношенія партій были обострены, а самъ, воспользовавшись этимъ, ускользнулъ отъ преслѣдованія [1]).

Назначеніе инквизиторовъ продолжалось правильно, и они, насколько могли, исполняли свои обязанности. Но Инквизиція уже не приносила пользы, какъ это видно изъ одного поступка Мартина V. Въ 1417 г., раньше, чѣмъ покинуть Констанцъ, новый папа назначилъ францисканца-обсервантина, Джованни да Капистрано, спеціальнымъ инквизиторомъ противъ еретиковъ Мантуи. И вообще съ этого времени всякій разъ, когда необходимо было болѣе энергично дѣйствовать противъ ереси, уже не разсчитывали на обычный инквизиціонный судъ; его, повидимому, считали неспособнымъ выполнять свое назначеніе и находили нужнымъ назначать особыми декретами людей, преданныхъ дѣлу, какъ Капистрано и его другъ Джакомо делла Марка. Нѣкогда инквизиціонная юрисдикція замѣнила епископскій судъ; теперь же оба эти юридическіе института были признаны неудовлетворительными. Такъ, напр., когда въ 1457 г. въ Брешіи и Бергамо возникла новая ересь, касавшаяся Христа, Дѣвы Маріи и воинствующей Церкви, и стала быстро распространяться между духовными и мірянами, то Каликстъ III приказалъ своему нунціо въ этихъ мѣстностяхъ, Бернардо дель Боско, схватить и судить еретиковъ. Ему были предоставлены всѣ привилегіи инквизиторовъ и даже болѣе широкія права; ему было дано право безапелляціонно вести все дѣло до конца, до приговора къ смертной казни включительно, и ему была предоставлена свобода, если онъ найдетъ нужнымъ, совѣтоваться съ инквизиторами и епископскими судьями. Правда, два года спустя въ процессѣ Цанино да Сольчіа, къ которому я вернусь впослѣдствіи, приговоръ былъ постановленъ ломбардскимъ инквизиторомъ, бр. Джакопо Брешіанскимъ, но допросъ велся въ присутствіи Бернардо дель Боско, который также принялъ и отреченіе Цанино. Народъ терялъ уваженіе къ Инквизиціи, какъ это видно изъ того, что въ 1459 г. былъ публично поднятъ вопросъ о дѣйствительности буллъ Иннокентія IV и Александра IV, разрѣшавшихъ инквизиторамъ проповѣдывать крестовые походы противъ еретиковъ и преслѣдовать, какъ еретиковъ, отдѣльныя лица и цѣлыя общины по обвиненію въ обструкціи; и потребовалось новое подтвержденіе ихъ со стороны Каликста III [2]).

Интересное дѣло, возникшее около этого времени, показываетъ, какъ индифферентно стали смотрѣть на Инквизицію въ Ломбардіи. Около 1440 г. одинъ ученый миланскій математикъ, Амадео де'Ланди, былъ обвиненъ передъ инквизиторами въ ереси. Пока шло дѣло, репутація Амадео сильно пострадала отъ извѣтовъ, которые позволяли себѣ по его адресу разные монахи съ высоты церковныхъ каѳедръ, особенно Бернардино Сіенскій, глава обсервантиновъ. Инквизиція оправдала обвиняемаго, признавъ его добрымъ като-

[1]) Bremond in Ripoll. II, 139.—Raynald. ann. 1344, №№ 9, 70.—Antigua Ducum Mediolani Decreta, Mediolani, 1654.—Albanese, «L'Inquisizione religiosa nella Republica di Venezia», 1875 г., стр. 167.—Giuseppe Cosentino, «Archivio Storico Siciliano», 1885 г., стр. 92.

[2]) Ripoll, II, 351; III. 368.—Wadding. ann. 1452, № 14.—Raynald. ann. 1457, № 90; ann. 1459, № 31.

Библиотека "Руниверс"

ликомъ; но клеветники не дали ему никакого удовлетворенія. Повидимому, оправдательный приговоръ Инквизиціи не опровергъ извѣтовъ Бернардино, такъ какъ Амадео подалъ апелляцію Евгенію IV, который передалъ дѣло Джузеппо ди Бриппо, предоставивъ ему право настоять на признаніи его рѣшенія мѣрами церковныхъ наказаній. Послѣдній вызвалъ въ назначенный день къ себѣ клеветниковъ; такъ какъ виновные не явились, то Джузеппо ди Бриппо приговорилъ главнаго изъ нихъ, Бернардино, главу обсервантинскихъ францисканцевъ, къ публичному отреченію отъ своихъ словъ, подъ угрозой отлученія отъ Церкви. Бернардино не обратилъ на это никакого вниманія. Когда онъ умеръ въ 1444 г. и былъ поднятъ вопросъ о его канонизаціи, то Амадео вызвалъ большое броженіе, заявивъ, что Бернардино умеръ въ состояніи смертнаго грѣха, такъ какъ былъ отлученъ Джузеппо отъ Церкви. Это событіе сильно возбудило ненависть, которую питали къ обсервантинамъ вѣтвь монастырскихъ францисканцевъ и часть бѣлаго духовенства, и они постарались произвести всюду соблазнъ. Но обсервантины пользовались тогда такимъ большимъ вліяніемъ, что нападеніе на память ихъ викарнаго генерала не могло дать желаннаго результата. Въ 1447 г. обсервантины добились отъ Николая V буллы, которою отмѣнялось все дѣлопроизводство Джузеппо, приказывалось уничтожить протоколы, накладывалось молчаніе на Амадео, поведеніе Бернардино объявлялось вполнѣ корректнымъ, и запрещалось взводить, кому бы то ни было, на покойнаго новыя обвиненія. Но все же оппозиція монастырскихъ францисканцевъ была настолька сильна, что канонизація Бернардино состоялась только въ 1450 г. Стоитъ упомянуть объ одномъ довольно забавномъ эпизодѣ этой борьбы. Когда въ 1447 г. умеръ въ Ріети блаженный Томмасо Флорентинскій, и мощи его стали сейчасъ же проявлять чудеса, то Капистрано запретилъ ему проявлять сверхъестественную силу до тѣхъ поръ, пока не будетъ канонизованъ Бернардино, и Томмасо покорно повиновался этому приказанію [1]).

Хотя Инквизиція и потеряла всякую силу, но должность инквизитора продолжала привлекать къ себѣ несомнѣнно потому, что инквизиторъ пользовался относительнымъ почетомъ, а быть-можетъ, и потому, что она приносила незаконные доходы. Назначенія шли правильно. Въ Ломбардіи во всѣхъ городахъ, гдѣ былъ трибуналъ, право замѣщать вакантныя мѣста принадлежало пріору мѣстнаго доминиканскаго монастыря съ одобренія уважаемыхъ братьевъ; затѣмъ генералъ ордена давалъ оффиціальное полномочіе. Въ 1500 г. этотъ порядокъ былъ измѣненъ; право утверждать или отмѣнять назначенія было предоставлено викарному генералу Ломбардіи. Въ послѣднія десятилѣтія XV ст., когда инквизиторомъ въ Брешію былъ назначенъ бр. Антоніо Брешіанскій, ясно обнаружилось, какъ глубоко пала Инквизиція. Антоніо считался украшеніемъ доминиканскаго ордена; его панегиристъ восхваляетъ его подвиги въ разныхъ городахъ Италіи, но ни слова не говоритъ о преслѣдованіи имъ еретиковъ. Другимъ доказательствомъ паденія Ломбардской Инквизиціи является слѣланное въ 1515 г. Львомъ X назначеніе доминиканца Августина де Мори инквизиторомъ Брешіи. Въ граматѣ на назначеніе говорится, что въ теченіе десяти лѣтъ этотъ постъ занимали иностранцы, не знающіе мѣстныхъ законовъ и обычаевъ, и что граждане Брешіи просили исправить эту ошибку. Въ эпоху процвѣтанія Инквизиціи инквизиторъ самъ составлялъ законы для городовъ; если эти законы мѣшали его дѣятельности, то онъ или не считался съ ними, или отмѣнялъ ихъ [2]).

Въ Венеціи, какъ мы уже знаемъ, Инквизиціи никогда не удалось освободиться отъ надзора и вмѣшательства свѣтской власти. Одинъ случай, происшедшій въ 1356 г., освѣщаетъ характеръ взаимныхъ отношеній государства и Святого Трибунала. Тревизскій

---

[1]) Wadding. ann. 1447, №№ 8, 47; ann. 1450, № 2.—Raynald. ann. 1446, № 8.

[2]) Ripoll, IV, 6, 102, 103, 158, 339.—Brev. Hist. Magist. Ord. Praedic. (Martène, «Ampl. Coll.», VI, 393).—Hergenröther, «Leonis X Regesta», № 16572.

Библиотека "Руниверс"

инквизиторъ, бр. Михаилъ Пизанскій, подвергъ тюремному заключенію за вѣроотступничество довольно много евреевъ, обращенныхъ въ христіанство. Онъ дѣйствовалъ вполнѣ въ предѣлахъ своей власти; однако, свѣтскія власти вмѣшались, запретили ему разбирать это дѣло, схватили его слугъ и подвергли ихъ пыткѣ, обвиняя ихъ въ вымогательствѣ денегъ у арестованныхъ. Эти дѣйствія властей вызвали самое горячее негодованіе Иннокентія IV. Но Республика стояла твердо, и, повидимому, папѣ не удалось заставить ее уступить. Въ перепискѣ по этому дѣлу встрѣчаются указанія на то, что и раньше свѣтская власть мѣшала дѣйствіямъ Инквизиціи. Иногда случалось, что сеньорія не обращала совершенно никакого вниманія на Инквизицію. Такъ, напр., въ 1365 г. Великій Совѣтъ разсматривалъ дѣло о хулѣ на Божію Матерь. Совѣтъ постановилъ передать обвиняемаго на судъ Кастельскаго епископа и изгнать его, если его виновность будетъ установлена; такимъ образомъ, свѣтская власть опредѣляла наказаніе и признавала только епископскую юрисдикцію [1]).

Въ 1373 г. Венеція удостоилась чести получить особаго инквизитора, бр. Людовика де С.-Мартино, а бр. Николай Мучіо Венеціанскій былъ назначенъ инквизиторомъ Тревизо. Между ними тогда возникъ споръ о раздѣлѣ большого патріархата Аквилеи, простиравшагося отъ провинціи Спалатро до провинціи Милана. Патріархатъ Градо (присоединенный къ Венеціи только въ 1451 г.) былъ признанъ за Людовикомъ, равно какъ и каѳедра Іезоля. Эта послѣдняя мѣстность, хотя и очень близкая къ Венеціи, говорятъ, была въ развалинахъ. Каѳедральный соборъ, стоявшій безъ крыши, служилъ убѣжищемъ еретикамъ, которые находились тамъ внѣ преслѣдованія. Это раздѣленіе не улучшило положенія венеціанскаго инквизитора, значеніе котораго было сведено до minimum'а; на него смотрѣли, повидимому, какъ на простого чиновника гражданской администраціи. 17 апрѣля 1412 г. Великій Совѣтъ приказалъ ему прекратить соблазнъ, вызванный греческимъ священникомъ Михаиломъ, который совершалъ богослуженія и привлекалъ массу богомольцевъ. Людовику было поручено изгнать его, но вести это дѣло такъ, чтобы никто не подозрѣвалъ вмѣшательства Совѣта. Спустя мѣсяцъ, 26 мая, приказъ объ изгнаніи былъ взятъ обратно, и сохранило силу только распоряженіе объ отстраненіи отъ должности священника. Во всемъ, что касалось личнаго его вѣдѣнія, съ инквизиторомъ не считались. Въ 1422 г. Совѣтъ Десяти назначилъ особую комиссію для изслѣдованія виновности нѣсколькихъ францисканцевъ, обвиненныхъ въ жертвоприношеніяхъ демонамъ. Мѣсяцемъ позднѣе эта свѣтская власть проспла у Мартина V полномочія начать процессъ по вопросу о неприкосновенности, которой пользовались нищенствующіе. Въ слѣдующемъ (1423) году Сенатъ выключилъ изъ государственной смѣты статью на покрытіе расходовъ Инквизиціи; мѣра эта свидѣтельствуетъ, что Сенатъ считалъ Инквизицію учрежденіемъ безполезнымъ и не чувствовалъ къ ней никакого уваженія. Быть-можетъ, это вызвало соединеніе Венеціанской и Тревизской областей, такъ какъ въ 1433 г. и 1434 г. на обѣ провинціи былъ назначенъ одинъ инквизиторъ. Въ этомъ послѣднемъ году (1434) сказалось на дѣлѣ безсиліе инквизитора, бр. Луки Чіони: когда онъ задумалъ поднять дѣло противъ Руджіери и Кертона, обвиненныхъ въ ереси, онъ былъ вынужденъ обратиться къ Евгенію IV за указомъ о прикомандированіи къ нему въ качествѣ судьи епископа изъ Кастелло [2]).

Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ мы упоминали объ установленномъ въ 1450 г. Совѣтомъ Десяти опредѣленномъ числѣ вооруженныхъ слугъ инквизитора. Это число было ограничено четырьмя, но затѣмъ въ 1451 г. доведено до двѣнадцати. Въ то

[1]) Wadding. ann. 1356, №№ 12, 19.—Arch. di Venez. Misti, Cons. X. Vol. VI, стр. 26.

[2]) Wadding. ann. 1373, №№ 15—16; ann. 1376, №№ 4—5; ann. 1133, № 15; ann. 1434, №№ 4—6; ann. 1437, №№ 24—28; ann. 1456, № 108.—Archivio di Venezia, Misti. Cons. X, № 9, стр. 84, 85.—Cecchetti, «La Republica di Venezia», I, 18.

Библиотека "Руниверс"

же время полиція должна была удостовѣрить, дѣйствительно ли всѣ эти лица употребляются Святымъ Трибуналомъ на его нужды. То обстоятельство, что столь ограниченный трибуналъ оказывался достаточнымъ на такой обширный и густо населенный округъ, показываетъ, что обязанности инквизитора сдѣлались вполнѣ теоретическими, и что государство зорко слѣдило за этимъ институтомъ; тѣмъ не менѣе, продолжали назначать инквизиторовъ, хотя они и не могли дѣйствовать самостоятельно; въ дѣлѣ о колдуньяхъ 1521 г. даже вмѣшательство самого Льва X, какъ мы уже видѣли, не могло заставить сеньорію отказаться отъ постановки окончательнаго рѣшенія [1]).

Мантуя составляла часть патріархата Аквилеи. Въ 1494 г. одинъ инквизиторъ этого города, за неимѣніемъ еретиковъ, направилъ свою энергію противъ ссудныхъ кассъ и всѣхъ гражданъ, заинтересованныхъ въ нихъ. Ссудныя кассы были основаны около этого времени для поддержки бѣдныхъ, находившихся во власти у еретиковъ и евреевъ. Знаменитый францисканецъ-обсервантинецъ, бр. Бернардино, сдѣлалъ изъ этого спеціальный предметъ своихъ миссій по итальянскимъ городамъ и, явившись въ Мантую, заставилъ умолкнуть своихъ противниковъ. Увеличивавшееся съ года на годъ, по словамъ Луки Ваддинга, значеніе Бернардино свидѣтельствуетъ о паденіи ереси. Этотъ монахъ объѣзжалъ всю Италію, призывая всюду населеніе къ покаянію; города спорили между собой о благотворности его присутствія, но въ своихъ отчетахъ онъ нигдѣ не упоминаетъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ ереси; если бы какое-либо ложное ученіе могло оправдать преслѣдованіе, то Бернардино не оставилъ бы виновныхъ безъ наказанія [2]).

Все возраставшее неповиновеніе Инквизиціи въ Тосканѣ выразилось въ 1340 г. въ Сіеннѣ тѣмъ, что были приняты законы противъ нѣкоторыхъ злоупотребленій Святого Трибунала. Инквизиторъ, бр. Симонъ-Филиппъ, обратился съ жалобой къ Бенедикту XI, который тотчасъ объявилъ эти законы недѣйствительными и приказалъ вычеркнуть ихъ изъ книги статутовъ. Еще яснѣе сказался характеръ взаимнаго отношенія Святого Трибунала и населенія въ цѣломъ рядѣ инцидентовъ, мѣстомъ дѣйствія которыхъ была Флоренція, и которые, по счастью, во всѣхъ подробностяхъ дошли до насъ. Въ Тосканѣ торжество католичества было полное. Въ 1304 г. бр. Джордано да Ривальто въ одной проповѣди заявилъ, что ересь здѣсь совершенно уничтожена; осталось только нѣсколько отдѣльныхъ еретиковъ, вынужденныхъ скрываться. Это заявленіе было подтверждено Виллани, по словамъ котораго въ половинѣ столѣтія во Флоренціи не было еретиковъ. Несомнѣнно, въ словахъ этихъ есть нѣкоторое преувеличеніе, но, несомнѣнно, существованіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ вальденцевъ или фратичелли не могло оправдать проявленія дѣятельности, къ которому привыкла Инквизиція. Въ 1337 г. архіепископъ Эмбрена, папскій нунцій Бертранъ, сдѣлалъ строгое замѣчаніе инквизитору за то, что онъ злоупотребилъ своимъ правомъ и назначилъ чрезмѣрно много себѣ помощниковъ. Онъ приказалъ на будущее время инквизитору довольствоваться четырьмя совѣтниками или ассессорами, двумя нотаріусами, двумя тюремщиками и двѣнадцатью служителями. Этотъ составъ должностныхъ лицъ былъ довольно значителенъ и стоилъ дорого; части, приходившейся на долю Инквизиціи отъ конфискацій, которымъ время-отъ-времени подвергались отдѣльные бѣдняки еретики, не хватало на содержаніе всего этого народа. Нужно было изыскать честныя или безчестныя средства, чтобы обезпечить Святой Трибуналъ доходомъ, пропорціональнымъ его составу. Мы уже упоминали, какъ добывались эти средства: деньги вымогались то на нужды святой куріи, то путемъ ложныхъ обвиненій въ ереси, то продажей bravi разрѣшенія на ношеніе оружія. Первое изъ этихъ

[1]) Archiv. di Venez. Misti, Cons. X, vol. XIII, 192; vol. XIX, 29.—Wadding. ann. 1455, № 97.—Mag. Bull. Rom. I, 617.—Albizio, «Riposto al P. Paolo Sarpi», 64—70.

[2]) Wadding. ann. 1494, № 6. Когда Бернардо задумалъ устроить во Флоренціи ссудную кассу, то вліяніе богатыхъ людей оказалось столь сильнымъ, что Бернардо долженъ былъ покинуть Флоренцію (Burlamacchi, «Vita di Savonarola», Baluz. et Mansi, I, 557).

Библиотека "Руниверс"

злоупотребленій, въ случаѣ его обнаруженія, не легко извинялось. Въ началѣ 1344 г. подобное разоблаченіе вызвало непредвидѣнное замедленіе въ замѣщеніи поста флорентинскаго инквизитора. Республика по обычаю представляла на утвержденіе генерала францисканскаго ордена списокъ кандидатовъ, и обыкновенно ея выборъ утверждался; 26 февраля она, основываясь на обычной практикѣ, представила бр. Джованни ди Казале, но предложеніе это было отвергнуто, и въ мартѣ былъ назначенъ на этотъ постъ бр. Петръ ди Аквила [1]).

Бр. Петръ былъ выдающимся членомъ францисканскаго ордена. За два мѣсяца до его назначенія во Флоренцію королева Іоанна Неаполитанская избрала его своимъ капелланомъ; его комментаріи къ «Sententiae» Петра Ломбардскаго цѣнились весьма высоко и выдержали три изданія: первое изданіе вышло въ Шпейерѣ въ 1480 г., второе— въ Венеціи въ 1501 г., третье — также въ Венеціи въ 1600 г. Какъ францисканецъ, бр. Петръ былъ, понятно, послѣдователемъ Скота, и его даже называли Scotillus. Такая знаменитость была принята съ восторгомъ, и Республика благодарила генерала францисканскаго ордена за этотъ выборъ. Я уже говорилъ, какъ Петръ повторилъ ошибки своихъ предшественниковъ; онъ, какъ извѣстно, допустилъ поборы въ пользу Святого Престола и подвергся за это преслѣдованію со стороны Республики, которая квалифицировала его дѣйствія какъ estorsioni nefande, и менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ своего назначенія онъ былъ вынужденъ бѣжать и не смѣлъ даже поднять дѣло въ свое оправданіе. Но другая сторона его дѣятельности заслуживаетъ вниманія, такъ какъ она показываетъ, какимъ цѣннымъ орудіемъ была Инквизиція для римской куріи при преслѣдованіи ею своихъ цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго съ вопросомъ о чистотѣ вѣры [2]).

Кардиналъ де Санта Сабина, во время своихъ посѣщеній различныхъ европейскихъ дворовъ въ качествѣ папскаго легата, имѣлъ возможность собрать большія суммы денегъ. Мы смѣло, зная его, можемъ сказать, что онѣ принадлежали папѣ, хотя и были внесены на имя кардинала въ крупный флорентинскій банкъ братьевъ Аччьяюоли. Принимая деньги, администраторы банка, каждый порознь и всѣ вмѣстѣ, обязались уплатить ихъ, предоставляя рѣшеніе всякаго спора суду папской куріи. Въ 1343 г. кардиналу приходилось около двѣнадцати тысячъ флориновъ, которые банкъ не былъ въ состояніи уплатить ему; городъ переживалъ торговый и финансовый кризисъ, къ тому же банкиры Флоренціи выдали крупныя суммы Эдуарду III Англійскому и Роберту Доброму Неапольскому и никакъ не могли получить ихъ обратно. Ломбардская война истощила государственное казначейство, и банкротство было общее. Аччьяюоли, Перуцци и другія крупныя банкирскія конторы закрылись; флорентинцамъ угрожалъ страшный кризисъ; но былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ кредиторъ, который зналъ, что ему вернутъ его деньги [3]).

9 октября 1343 г. Климентъ VI писалъ Республикѣ и требовалъ, чтобы Сеньорія заставила Аччьяюоли выдать кардиналу внесенныя имъ деньги; при данныхъ обстоятельствахъ это было невозможно, но курія приказала подвергнуть должниковъ аресту; и этого было достаточно, чтобы дѣло перешло въ вѣдѣніе духовнаго суда. Инквизитору было приказано постановить приговоръ, причемъ, въ случаѣ нужды, ему разрѣшалось прибѣгнуть къ помощи свѣтской власти и наложить интердиктъ на городъ. Дѣло тянулось долго; наконецъ, 23 ноября 1345 г. бр. Петръ явился передъ Гонфалоньеромъ и высшими сановниками города, приказалъ имъ заключить должниковъ въ тюрьму и держать ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока они не упла-

[1]) Prediche di Frà Giordano da Rivalto. Флоренція, 1831 г., I, 172.—Wadding. ann. 1340, № 11.—Archivio di Firenze, Riformagioni, Diplomatico, 27; classe V; № 129, fol. 46, 54.

[2]) Wadding. T. III. App. стр. 3.—Ughelli, «Italia Sacra», изд. 1659 г., II, 1075.—Archivio di Firenze, Riformag. Classe V, № 129, fol. 55.

[3]) Archivio di Firenze, Riformagioni, Atti Pubblici, Lib. XVI, de'Capitolari, fol. 15.—Villani, «Chron.» XI, 138; XII, 55, 58.

Библиотека "Руниверс"

тятъ все до копѣйки, и пригрозилъ отлученіемъ отъ Церкви и интердиктомъ. Магистратъ отвѣтилъ, что изъ уваженія къ папѣ, изъ почтенія къ инквизитору и изъ желанія оказать услугу кардиналу онъ готовъ оказать помощь; тѣмъ не менѣе, денегъ найти не могли. У Ачьяюоли взяли все, что могли, и передали бр. Петру, поручившись въ уплатѣ остальной суммы; но инквизиторъ хотѣлъ сдѣлать весь городъ отвѣтственнымъ за долги отдѣльныхъ гражданъ. Вспыхнула ссора. Инквизиторъ дошелъ до того, что нарушилъ законъ Республики, приказавъ арестовать Сальвестро Барончелли, одного изъ директоровъ несостоятельнаго банка. Тотчасъ трое слугъ инквизитора, исполнившихъ его приказаніе, были изгнаны согласно закону изъ города, причемъ имъ отрѣзали правыя руки. Несмотря на все это, несостоятельные должники не платили денегъ. Тогда бр. Петръ наложилъ на городъ интердиктъ, но мѣстное духовенство и населеніе отказались повиноваться; впрочемъ, они имѣли на это полное право, такъ какъ Бонифацій VIII оффиціально запретилъ прибѣгать къ этой незаконной мѣрѣ съ цѣлью взысканія долговъ, и это папское распоряженіе не было отмѣнено. Церкви были по-старому открыты, и въ нихъ совершались службы, что вызвало новыя преслѣдованія противъ епископа и священниковъ. Подъ охраной своихъ стѣнъ флорентинцы могли смѣяться надъ духовными наказаніями, но торговый центръ не могъ терять своихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Флорентинскіе купцы и ихъ товары были на всѣхъ рынкахъ христіанскаго міра, и интердиктъ ставилъ ихъ внѣ закона. Въ виду этого пріоры города смирили свою гордость и 14 іюня 1346 г. послали къ папѣ комиссаровъ, уполномоченныхъ дать отъ имени Республики обязательство уплатить кардиналу въ восьмимѣсячный срокъ долги банка въ размѣрѣ семи тысячъ флориновъ. 28 февраля 1347 г. папа приказалъ снять интердиктъ, благоразумно оговоривъ, что, если деньги не будутъ уплачены во-время, ipso facto интердиктъ снова войдетъ въ силу [1]).

Въ это время разыгралась другая комедія. Въ своемъ спорѣ съ бр. Петромъ Республика не ограничилась одними оборонительными дѣйствіями. Папскій нунцій въ Луккѣ-Петръ, на обязанности котораго лежало преслѣдовать инквизиторовъ за растрату денегъ, слѣдуемыхъ римской куріи, назначилъ своимъ делегатомъ во Флоренцію аббата Никколо, который тотчасъ же возбудилъ дѣло противъ бр. Петра. Сеньорія тотчасъ же обвинила, доставивъ массу доказательствъ, бр. Петра въ томъ, что онъ вымогалъ у нѣкоторыхъ гражданъ деньги, возбуждая противъ нихъ ложныя преслѣдованія по обвиненію въ ереси. 13 марта 1346 г. Сеньорія просила, чтобы на мѣсто его былъ назначенъ бр. Михаилъ ди Лапо. Бѣжавшій Петръ, несмотря на вызовы и обѣщаніе охранной граматы, отказался вернуться и подвергнуться непріятностямъ процесса. По истеченіи законнаго срока, аббатъ Никколо, имѣвшій полномочіе отъ папы, объявилъ въ 1347 г. бр. Петра уклоняющимся отъ суда и мятежникомъ и отлучилъ его отъ Церкви. Отлученіе было объявлено во всѣхъ церквахъ Флоренціи, и бр. Петръ, отрѣзанный отъ общества вѣрныхъ, былъ отданъ Сатанѣ. Онъ могъ съ философскимъ спокойствіемъ отнестись ко всему этому; онъ могъ утѣшаться своимъ успѣхомъ въ дѣлѣ взысканія денегъ кардинала, и унесенные имъ съ собой изъ Флоренціи, какъ доходъ отъ его двухлѣтней инквизиторской дѣятельности, семь тысячъ флориновъ могли сослужить ему пользу. Въ то время, какъ Никколо тщетно вы-

---

[1]) Septimi Decretal. Lib. II. Tit. VIII. Cap. I. — Archiv. delle Riformag. Atti Pubblici, Lib. XVI, de'Capitolari, fol. 22: Classe V, № 129, fol. 622 и слѣд.—Archiv. Diplomatico, XXXVII, XXXVIII, XL, XLI, XLII.—Villani, XII, 58.

Сумма, подлежащая уплатѣ, была значительна. Доходъ Флоренціи въ эту эпоху не превышалъ трехсотъ тысячъ флориновъ (Sismondi, «Rep. Ital.» ch. 26), и Флоренція была однимъ изъ самыхъ богатыхъ государствъ Европы. Виллани (XI, 92) съ гордостью говоритъ, что только одна Франція имѣла большій доходъ. Доходъ Неаполя былъ меньше, а эти три государства были самыми богатыми во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Библиотека "Руниверс"

звалъ его на судъ, онъ былъ назначенъ 12 февраля 1347 г. епископомъ С.-Анджели де'Ломбарди, а въ отвѣтъ на отлученіе онъ былъ переведенъ 29 іюня 1348 г. на архіепископскую каѳедру въ Тривенто. Флорентинцы могли сдѣлать одно: посылать одну за другой просьбы о выборѣ на будущее время инквизиторовъ изъ числа гражданъ; быть-можетъ, послѣдніе будутъ вести себя скромнѣе иностранцевъ. Эта просьба была удовлетворена въ 1354 г., когда инквизиторомъ Тосканы былъ назначенъ флорентинецъ бр. Бернардо де'Гуастони [1]).

Но этого было, очевидно, недостаточно, и Сеньорія въ цѣляхъ самозащиты сдѣлала попытку, обѣщавшую лучшіе результаты. Она обнародовала различные законы, подобные тѣмъ, которые только-что приняла Перуза. Чтобы сократить злоупотребленіе продажею права ношенія оружія, инквизитора, какъ мы уже знаемъ, обязали ограничить число своихъ вооруженныхъ слугъ шестью. Затѣмъ постановили, что ни одинъ гражданинъ не можетъ быть арестованъ безъ согласія подестата, который былъ обязанъ арестовывать всякаго, указаннаго ему епископомъ. Объ инквизиторѣ не было и рѣчи. Эти мѣропріятія оставляли, повидимому, за инквизиторомъ ничтожную долю инціативы, тѣмъ болѣе, что у него отобрали его особую тюрьму и приказали заключать арестованныхъ въ общественную тюрьму. Кромѣ того, ему было запрещено накладывать денежныя наказанія; всѣ осужденные, признанные имъ еретиками, должны быть сжигаемы. Это были совершенно революціонныя мѣры, которыя не могли установить согласія между республикой и папствомъ. Жестокая ссора, вспыхнувшая въ 1375 г. между этими двумя силами, несомнѣнно, была вызвана политическими причинами; но волненіе, вызванное Инквизиціей, придало ей особое ожесточеніе. Еще въ 1355 г. Иннокентій VI потребовалъ пересмотра статутовъ, но его просьба осталась неудовлетворенной. Въ 1372 г. была сдѣлана попытка смѣщенія крайне непопулярнаго тосканскаго инквизитора, бр. Толомео да Сіена. Григорій XI заявилъ, что онъ питаетъ къ нему самое полное довѣріе, и приказалъ викарному генералу Филиппу, епископу Сабины, оказывать ему покровительство; но, повидимому, папѣ пришлось уступить, такъ какъ въ 1373 г. инквизиторомъ Тосканы былъ назначенъ, на мѣсто нѣкоего бр. Андрея ди Рикко, бр. Петръ ди Серъ Липпо, занимавшій этотъ постъ въ 1371 г. Служебная карьера Петра, неоднократно прерывавшаяся, продолжалась, по крайней мѣрѣ, до 1384 г. Какъ и его предшественники, онъ былъ мало расположенъ уступать передъ сопротивленіемъ, вызваннымъ въ свободныхъ городахъ Италіи процессами Инквизиціи. Пистойя послѣдовала примѣру Флоренціи и попыталась оградить своихъ гражданъ муниципальными статутами. За это въ 1375 г. на нее былъ наложенъ интердиктъ, и жители ея были отлучены отъ Церкви. Въ то же время бр. Петръ жаловался на Флоренцію, которая, по его словамъ, мѣшала свободѣ дѣйствій Инквизиціи. Григорій немедленно приказалъ Сеньоріи отмѣнить статуты, противорѣчащіе Инквизиціи. Флоренція не обратила на этотъ указъ никакого вниманія, и когда произошелъ неизбѣжный разрывъ, то городскіе жители разрушили инквизиторскую тюрьму и изгнали инквизитора изъ города. Эти злодѣянія, отвергаемыя, впрочемъ, Сеньоріей, были приведены въ оправданіе жестокой буллы противъ Флоренціи, изданной Григоріемъ 31 марта 1376 г. Папа не только наложилъ на городъ интердиктъ и отлучилъ его отъ Церкви, но исключилъ также гражданъ изъ числа христіанъ; имущество ихъ, гдѣ бы оно ни было, было объявлено подлежащимъ конфискаціи, а они сами—отдачѣ въ рабство. Это возмутительное злоупотребленіе силою было какъ бы выводомъ изъ всѣхъ законовъ, изданныхъ противъ ереси, и было санкціонировано общественнымъ мнѣніемъ. По всему христіанскому міру хватали флорентинскіе товары, и купцы могли считать себя счастли-

[1]) Archivio delle Riformagioni, Classe IX, Distinzione I, № 39; Classe V, № 129, fol. 62 и слѣд.; Prov. del Convento di S. Croce, 23 Ott. 1354.—Villani, XII, 58.—Ughelli, liv. VII, 1015.

Библиотека "Руниверс"

выми, если имъ удавалось добраться домой живыми, питаясь дорогой Христовымъ именемъ; но не всѣ были такъ счастливы, такъ какъ нѣкоторые монархи, подобные ханжѣ Эдуарду III, обратили ихъ въ рабство. Ни одинъ торговый центръ не могъ выдерживать долго подобной борьбы, и Флоренція, какъ и раньше, была вынуждена смириться. Въ силу условій мирнаго договора, заключеннаго 28 іюля 1378 г., Республика соглашалась отмѣнить всѣ законы, ограничивавшіе власть Инквизиціи и стѣснявшіе свободу Церкви; она предоставляла папскому комиссару право вычеркнуть эти законы изъ Книги Статутовъ. Но Великій Расколъ ослабилъ на нѣкоторое время поступательную энергію папства, и запрещенное законодательство почти цѣликомъ вошло въ кодексъ, пересмотрѣнный въ 1415 г. [1]).

Исторія Томмазино изъ Фолиньо, умершаго въ 1377 г., представляетъ извѣстный интересъ, во-первыхъ, потому, что она освѣщаетъ характеръ дѣятельности Инквизиціи въ эту эпоху, а, во-вторыхъ, потому, что имѣетъ нѣчто общее съ исторіей Савонаролы. Томмазино, подобно святой Бригитѣ Шведской, св. Екатеринѣ Сіенской и Друзьямъ Бога Рейнскихъ провинцій, былъ однимъ изъ пророковъ, вдохновленныхъ страданіями современнаго ему человѣчества. Онъ былъ терціаріемъ францисканскаго ордена и въ теченіе трехъ лѣтъ жилъ анахоретомъ, ведя самый строгій образъ жизни, когда Богъ призвалъ его проповѣдывать покаяніе среди воинственныхъ партій, ссоры которыхъ разоряли страну. Какъ всѣ современные ему пророки, онъ не щадилъ ни мірянина, ни духовнаго. Суровость, съ которой онъ осуждалъ въ Перузѣ безчестное поведеніе Геральда, аббата Мармутьерскаго монастыря и папскаго викарія, объясняетъ, быть-можетъ, причину дурного обращенія съ нимъ Инквизиціи. Одаренный даромъ творить чудеса и духомъ пророчества, онъ переходилъ изъ города въ городъ, возвѣщая гнѣвъ Божій и предсказывая грядущія несчастія, которыя, принимая во вниманіе условія общественной жизни, были болѣе чѣмъ правдоподобны. Однажды среди лѣта, чтобы убѣдить въ Сіеннѣ невѣрующихъ, онъ предсказалъ, что на слѣдующій день будетъ морозъ; такъ какъ это предсказаніе исполнилось, то Инквизиція обвинила его въ колдовствѣ, арестовала и подвергла пыткѣ до полусмерти. Но чудо подтвердило его невинность: раны, полученныя имъ въ застѣнкѣ, закрывались сами собой, и онъ былъ оправданъ. Совершивъ продолжительное паломничество въ Компостелль, онъ выступилъ со своими проповѣдями во Флоренціи и возбудилъ противъ себя такую ненависть, что Инквизиція схватила его, заключила въ темницу, держала трое сутокъ безъ пищи и питья и выпустила, наконецъ, какъ сумасшедшаго. Онъ умеръ въ Фолиньо. Хотя не удалось добиться его канонизаціи, но, тѣмъ не менѣе, его долгое время почитали въ этомъ городѣ какъ святого [2]).

Въ теченіе XV ст. Инквизиція въ центральной Италіи упала такъ же низко, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Великій Расколъ, уничтожившій всякое былое уваженіе къ папству, особенно сильно отразился въ Италіи. Служители папскаго престола не имѣли уже никакой власти, чтобы заставить повиноваться, хотя Пизанская Инквизиція, ободренная присутствіемъ собора, бывшаго въ этомъ городѣ въ 1409 г., и отомстила за себя, приговоривъ нѣкоего

---

[1]) Archiv. delle Riformag. Classe II, Distinzione I, № 14.—Archiv. Diplom. LXXVIII—IX, LXXX—I; Prov. del Convento di S. Croce, 1371, Febb. 18, Ott. 8, 14; 1372, Marz. 15; 1375, Marz. 9; 1380, Genn. 12; 1380, Dic. 1; 1381, Nov. 18; 1383, Lugl. 12; 1384, Dic. 13.—Werunsky, «Excerpt. ex Regist. Clement. VI et Innoc. VI», 95.—Villani, XII, 38.—Wadding. ann. 1372, № 35; ann. 1375, № 32.—Raynald. ann. 1375, №№ 13—17; ann. 1376, №№ 1—5.—Poggii «Hist. Florentin.» lib. II, ann. 1376.—Въ одномъ документѣ 1374 г. (Arch. Fior. Prov. di S. Croce, 1374, Nov. 17) бр. Пьеро ди Серъ Лапо, бывшій тогда инквизиторомъ Флоренціи, выступаетъ защитникомъ въ дѣлѣ, поднятомъ противъ него передъ папской куріей доминиканцемъ бр. Симоне дель Поццо, инквизиторомъ Неаполя. Бр. Пьеро добился того, что мы теперь назвали бы неимѣніемъ причинъ.

[2]) Wadding. ann. 1377, №№ 4—23.

Библиотека "Руниверс"

Андреани къ костру за постоянныя и открытыя хулы и оскорбленія Святого Трибунала. Когда на Констанцскомъ соборѣ былъ положенъ конецъ Расколу, то однимъ изъ первыхъ дѣйствій Мартина V было нападеніе на фратичелли, на распространеніе которыхъ, особенно въ римской провинціи, онъ горько жаловался. Въ буллѣ, изданной имъ по этому поводу 14 ноября 1418 г., онъ жалуется, что еретики, когда инквизиторы пытаются примѣнить къ нимъ свою власть, требуютъ суда какого-нибудь свѣтскаго сеньора, грозятъ своимъ преслѣдователямъ и обижаютъ ихъ, такъ что инквизиторы не смѣютъ болѣе исполнять своихъ обязанностей. Единственная мѣра, принятая Мартиномъ для устраненія этого зла, состояла въ томъ, что онъ сталъ въ этихъ случаяхъ замѣнять оффиціальныхъ инквизиторовъ лицами, спеціально уполномоченными; но мѣра эта, естественно, содѣйствовала только окончательному паденію инквизиціоннаго Трибунала. Такъ, напр., въ 1424 г. Мартинъ послалъ во Флоренцію профессора богословія бр. Леонарда и одного доминиканца судить трехъ фратичелли. Постъ инквизитора, однако, никогда не оставался незанятымъ, хотя мы и не находимъ никакихъ слѣдовъ ихъ дѣятельности, направленной противъ еретиковъ. Насколько упала должность инквизитора въ Болоньѣ, видно изъ того, что папа Пій II разрѣшилъ инквизитору Габріелю Барселонскому назначить на свое мѣсто на время отсутствія викарнаго, когда въ 1461 г. онъ былъ посланъ въ Римъ преподавать богословіе въ монастырѣ Минервы. Десять лѣтъ спустя болонскому инквизитору, бр. Симону да Новара, удалось захватить нѣкоего Гизардо да Сассуоло, подозрѣваемаго въ ереси. Судебная процедура въ дѣлахъ подобнаго рода была уже настолько позабыта, что бр. Симонъ долженъ былъ просить указаній папы Павла II. Папа поздравлялъ его съ удачей, совѣтовалъ ему справиться въ канонахъ и приказывалъ дѣйствовать совмѣстно съ викаріемъ епископа. Ясно, что еретики стали рѣдки, и инквизиторскія обязанности пришли въ забвеніе [1]).

Въ Римѣ, когда появился настоящій ересіархъ, не оказалось Инквизиціи, которая могла бы вести дѣло. Въ процессѣ Лютера мы нигдѣ не видимъ участія Инквизиціи. Въ буллѣ Exsurge Domine отъ 15 іюня 1520 г. не говорится ни слова о томъ, что ученіе Лютера было разсмотрѣно Святымъ Трибуналомъ; когда 21 іюня 1521 г. это ученіе было публично осуждено, то церемонію совершалъ епископъ Асколи, аудиторъ роты, и Сильвестро Пріеріасъ, магистръ папскаго двора, тогда какъ приговоръ, осуждавшій на сожженіе изображенія и книги еретика, былъ произнесенъ бр. Кипріаномъ, профессоромъ богословскаго коллегіума. Это было, быть-можетъ, самое важное изъ всѣхъ ауто-да-фе, но Инквизиція не удостоилась принять въ немъ участія.

Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій Инквизиція влачила печальное существованіе. Изъ граматъ короля Роберта отъ 1334 и 1335 гг. и Іоанны I отъ 1342 и 1343 гг. мы видимъ, что назначеніе инквизиторовъ еще продолжалось, и что они получали королевское exaequatur. Но никто изъ нихъ не могъ произвести болѣе пятидесяти арестовъ, и протоколы объявлялись королевскими судами, обязанными вносить ихъ въ свои книги. У инквизиторовъ не было тюремъ, и арестованные передавались королевскимъ чиновникамъ, которые, по требованію Святого Трибунала, также подвергали ихъ пыткѣ. Повидимому, дѣятельность Инквизиціи была, главнымъ образомъ, направлена противъ евреевъ; впрочемъ, эта дѣятель-

---

[1]) Tamburini, «Storia Gener. dell'Inquisizione», II, 433—6.—Raynald. ann. 1418, № 11.—Archivio di Firenze, Prov. S. Maria Novella, 1424, Ap. 24.—Wadding. ann. 1437, № 33; ann. 1438, № 26; ann. 1439, № 57; ann. 1440, № 26; ann. 1444, № 61; ann. 1452, № 30; ann. 1471, № 11; ann. 1496, № 7.—Ripoll, VII, 89, 100.

Бр. Габріеле, болонскій инквизиторъ, въ этомъ же самомъ 1461 г. купилъ въ Римѣ за двадцать-три ливра десять су списокъ «Directorium Inquisitionis» Эмерика. — Denifle, «Archiv. für Litteratur», 1885 г., стр. 144.

[2]) Paramo, «de Orig. Offic. S. Inq.» 113.

Библиотека "Руниверс"

ность была слабая, такъ какъ въ 1344 г. Климентъ VI приказываетъ Аймерико, кардиналу изъ С.-Мартино, своему легату въ Неаполѣ, строго карать всѣхъ евреевъ-вѣроотступниковъ, какъ-будто бы въ этомъ городѣ не было Инквизиціи. Въ 1355 г. Иннокентій VI приказалъ Франческо Мессинскому и доминиканскому инквизитору Неаполитанскаго королевства энергично заняться своимъ дѣломъ. Но длинная грамата, въ которой онъ даетъ имъ инструкціи, повидимому, показываетъ, что они не знали своихъ обязанностей и службы. Папа, очевидно, боялся оппозиціи епископскихъ судей и монашескихъ орденовъ. Въ 1362 г. мы находимъ Франческо инквизиторомъ въ Неаполѣ, гдѣ онъ велъ вмѣстѣ съ двумя другими лицами, Анджело Чичерелло да Монополи и Лудовико да Наполи, дѣло Луиджи ди Дураццо. Однако, когда понадобилось начать преслѣдованіе противъ фратичелли, то Урбанъ V послалъ въ Неаполь въ 1368 г. спеціальнаго инквизитора, бр. Симона дель Поццо. Юрисдикція этого лица простиралась и на островъ Сицилію; однако, Григорій IX, узнавъ въ 1372 г., что тамъ поклоняются останкамъ фратичелли, приказалъ положить конецъ этой ереси прелатамъ, какъ-будто не было инквизитора, къ которому онъ могъ бы обратиться: а, между тѣмъ, въ этомъ самомъ году бр. Симонъ находился на островѣ, гдѣ имѣлъ богословскій споръ съ ученымъ францисканцемъ, провинціаломъ ордена, бр. Николаемъ ди Джиренти. Споръ шелъ о схоластическихъ тонкостяхъ касательно трехъ лицъ Троицы. Такъ какъ каждый изъ противниковъ считалъ себя побѣдителемъ, то Симонъ, чтобы рѣшить вопросъ въ свою пользу, тайно рѣшилъ возбудить противъ своего противника обвиненіе въ ереси. Николай узналъ объ этомъ намѣреніи и немедленно обратился въ Римъ къ архіепископу Палермскому, прося у него apostoli. Симонъ объявилъ, что эта жалоба не обоснована. Разоблаченія Николая даютъ довольно мрачную картину внутренняго состоянія Церкви въ эту эпоху. Но бр. Симонъ, считавшійся благодаря своему образованію и аскетизму въ народѣ святымъ, получилъ епископскую каѳедру въ Катанѣ и сталъ, такимъ образомъ, видным политическимъ дѣятелемъ. Въ 1373 г. Фридрихъ III приказалъ всѣмъ королевскимъ чиновникамъ оказывать содѣйствіе бр. Симону и его служителямъ. Въ это время Инквизиція, повидимому, основалась прочно и даже имѣла собственныя тюрьмы. Въ 1375 г. Григорій потребовалъ у короля выдачи конфискованныхъ имуществъ и получилъ изъ доходовъ по Палермо двѣнадцать унцій золотомъ, назначенныхъ на уничтоженіе ереси. Въ этой вспышкѣ преслѣдованія главными жертвами были, повидимому, евреи. Они обратились съ жалобой къ королю, и Фридрихъ въ тотъ же 1375 г. объявилъ инквизиторамъ строгій выговоръ; онъ распорядился, чтобы на будущее время ихъ узники содержались исключительно въ королевскихъ тюрьмахъ, чтобы приговоръ постановлялся при участіи гражданскихъ судей, и чтобы апелляціи подавались въ высшую судебную инстанцію. Это очень стѣсняло юрисдикцію Инквизиціи; тѣмъ не менѣе, эти мѣры не вызвали никакого протеста. Изъ граматъ, посланныхъ Карломъ III въ 1382 г. бр. Доминику ди Астрагола и бр. Леонарду ди Наполи, видно, что назначеніе инквизиторовъ шло правильно. Въ 1384 г. Бонифацій IX, повидимому, объединилъ въ одинъ инквизиціонный округъ Неаполь и Сицилію, назначивъ въ обѣ мѣстности одного инквизитора, бр. Антонія Траверсо ди Аверса; но въ другомъ бреве того же папы говорится, что за смертью бр. Франческо да Мессина въ Сициліи освободилось мѣсто инквизитора, и такъ какъ обыкновенно здѣсь былъ только одинъ инквизиторъ, то папа назначилъ на освободившееся мѣсто бр. Симона де Аматоре.

Судьба этого Симона была довольно бурная. Уже въ 1392 г. его замѣнилъ бр. Джуліано Милетскій, бывшій позднѣе епископомъ въ Чефалу; но, несомнѣнно, онъ получилъ обратно свое мѣсто, такъ какъ въ 1393 г. по указу короля Мартина онъ долженъ былъ вернуть обратно суммы, взятыя имъ вымогательствомъ съ евреевъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ за незаконныя связи съ христіанскими женщинами. Въ то же время ему было предписано не вмѣшиваться въ дѣла, ему неподсудныя. Замѣшанный въ дѣло измѣны,

Библиотека "Руниверс"

онъ былъ изгнанъ съ острова; въ 1397 г. мы находимъ его въ качествѣ папскаго легата и провинціала въ Германіи. Въ 1400 г. король Мартинъ простилъ его, и ему было разрѣшено поселиться въ Сиракузахъ, причемъ ему было запрещено исполнять инквизиторскія обязанности. Съ другой стороны, въ 1395 г. мы находимъ инквизиторомъ бр. Гильельмо ди Джирдженти, а въ 1397 г.—бр. Маттео ди Катанія. Послѣдній въ этомъ году приговорилъ одного еврея и его жену къ штрафу въ сорокъ унцій, и этотъ приговоръ былъ утвержденъ королемъ, откуда ясно, что Инквизиція была подчинена свѣтской власти. Бр. Маттео былъ инквизиторомъ по обѣ стороны пролива, какъ это видно изъ королевской граматы отъ 1399 г., которая предписываетъ повиноваться викарію этого инквизитора. Другая грамата свидѣтельствуетъ, что онъ занималъ этотъ постъ еще въ 1403 г. Въ 1402 г. королевскій указъ предоставлялъ спеціально евреямъ право приносить королю жалобы на всѣ приговоры инквизитора. Этотъ указъ узаконивалъ только старый обычай. Въ 1415 г. королевскія граматы подтвердили полномочіе бр. Антонія де Понтекорона; въ 1427 г. были опубликованы граматы въ пользу бр. Бенедетто да Перино, а въ 1446 г.—бр. Андреаде ла Пашена. Эти граматы показываютъ, что Инквизиція продолжала еще существовать, но всѣ приговоры должны были быть передаваемы вице-королю, который раньше, чѣмъ утвердить арестъ, долженъ былъ представить дѣло королевскому судьѣ. Такъ, напр., въ 1451 г. король Альфонсъ утвердилъ штрафъ въ десять тысячъ флориновъ, наложенный на евреевъ за лихоимство и другіе проступки [1]).

Правильное развитіе вальденскихъ общинъ на континентѣ, какъ мы видѣли, свидѣтельствовало о паденіи Инквизиціи. Полный упадокъ всей системы ясно сказался въ 1427 г., когда Іоанна II рѣшилась принять нѣкоторыя мѣры противъ евреевъ въ своемъ королевствѣ. Если бы въ ея распоряженіи была сильная и организованная Инквизиція, то она не могла бы желать себѣ лучшихъ помощниковъ для выполненія своихъ плановъ. Несомнѣнно, отсутствіе какого-либо подобнаго института заставило королеву позвать неутомимаго преслѣдователя, бр. Джованни да Капистрано. Она поручила ему заставить евреевъ отречься отъ лихоимства и носить на одеждѣ знакъ Тау, согласно съ закономъ. Ему было предоставлено право назначать наказанія, какія онъ найдетъ нужнымъ, и приговоры его подлежали немедленному и точному исполненію со стороны судей и другихъ должностныхъ лицъ. Кромѣ того, онъ былъ обязанъ заставить евреевъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества, вернуть всѣ граматы и привилегіи, данныя имъ предшествующими королями и нынѣ подлежащія отмѣнѣ. Однако, существовало еще нѣкоторое подобіе Инквизиціи: въ слѣдующемъ, 1428 г., Мартинъ V утвердилъ полномочія бр. Никколо ди Камизіо, назначеннаго инквизиторомъ въ Беневентъ, Бари и Капитанате [2]).

Тѣ немногія жизненныя силы, которыя остались у Инквизиціи, были еще болѣе ослаблены въ 1442 г., когда корона Неаполя перешла къ Арагонскому дому. Джанноне передаетъ, что арагонскіе короли рѣдко допускали инквизиторовъ; кромѣ того, когда они разрѣшали Святому Трибуналу дѣйствовать, то всегда требовали, чтобы инквизиторы давали имъ подробные отчеты во всякомъ оффиціальномъ шагѣ, и чтобы рѣшеніе выносилось совмѣстно съ гражданскими судьями и утверждалось королемъ. Это такое же узаконеніе, какъ то, которое было въ Сициліи. Когда въ 1449 г. Николай V назначилъ бр. Маттео

[1]) Mss. Chioccarello. T. VIII. — Raynald. ann. 1311, № 9; ann. 1368, № 16; ann. 1372, № 36; ann. 1375, № 26.—Bulario de la Orden de Santiago, T. III, fol. 535.—Tocco, «Archivio Storico Napolitano», Ann. XII (1887), Fasc. I.—Ripoll, II, 311, 324, 364.—Guiseppe Cosentino, «Archivio Storico Siciliano», 1885 г., стр. 74—5, 87.—La Mantia, «Dell'Inquisizione in Sicilia», Турин, 1886 г., стр. 13—15.

[2]) Wadding. T. III. Regestra. 392.—Ripoll, II, 689.

Когда въ 1447 г. Николай V опубликовалъ жестокій эдиктъ, предававшій евреевъ суровымъ ограниченіямъ въ правахъ и униженіямъ, то Капистрано былъ назначенъ также инспекторомъ, и ему было поручено наблюдать за исполненіемъ этихъ мѣръ (Wadding. ann. 1447, № 10).

Библиотека "Руниверс"

да Реджіо на должность инквизитора для уничтоженія многочисленныхъ въ королевствѣ евреевъ-вѣроотступниковъ, то изъ содержанія граматы о назначеніи можно заключить, что нѣкоторое время Инквизиціи на практикѣ не существовало. Однако, два года передъ этимъ тотъ же папа далъ полномочія бр. Джованни да Наполи, и впослѣдствіи, при случаѣ, назначались и другіе инквизиторы [1]).

Въ Сициліи благодаря ловкой хитрости Инквизиція возродилась въ 1451 г. съ новою силою. Бр. Энрико Лугарди, инквизиторъ Палермо, сдѣлалъ самый безжалостный подлогъ, а именно: составилъ длинный и крайне подробный указъ отъ имени Фридриха II. Этотъ актъ, помѣченный 1224 г., приказывалъ всѣмъ его сицилійскимъ подданнымъ оказывать помощь и поддержку инквизиторамъ, объявлялъ незаконнымъ, чтобы всѣ конфискаціи шли въ королевскую казну, не оплачивая трудовъ и опасностей инквизиторовъ, и предписывалъ поэтому, чтобы конфискаціи распредѣлялись равномѣрно между фискомъ, Инквизиціей и Святымъ Престоломъ. Кромѣ того, евреи и невѣрные обязывались доставлять разъ въ годъ инквизиторамъ и ихъ слугамъ все необходимое для содержанія людей и вьючныхъ животныхъ. Подложность этого документа бросалась въ глаза, не говоря уже о крупной ошибкѣ въ годѣ царствованія, которымъ онъ былъ помѣченъ; но въ ту эпоху критика была весьма слаба, и Энрико, повидимому, безъ труда удалось получить отъ короля Альфонса подтвержденіе этого документа, который былъ вторично подтвержденъ въ 1477 г. Фердинандомъ Католикомъ и Изабеллой. Права, предоставляемыя, такимъ образомъ, бр. Энрико, были очень широки и давали Инквизиціи полную силу, хотя приговоры ея и подлежали по-старому утвержденію свѣтской власти. Когда въ 1474 г. голодъ заставилъ Сикста IV просить вице-короля Хименеса прислать изъ Сициліи въ Римъ большой транспортъ хлѣба, то въ то же время онъ писалъ инквизитору, бр. Сальво ди Кассетта, убѣждая его приложить всѣ старанія, чтобы отвѣтъ былъ благопріятенъ. Очевидно, инквизиторъ пользовался тогда вліяніемъ, и дѣйствительно Сальво былъ духовникомъ вице-короля. Но Фердинандъ Католикъ, сдѣлавшись повелителемъ Сициліи, не обращалъ никакого вниманія на религіозные вопросы на островѣ, такъ какъ всецѣло былъ занятъ введеніемъ своей Инквизиціи у себя въ Арагоніи, такъ что Сикстъ IV въ бреве отъ 23 февраля 1483 г. горько жалуется, что его буллы, направленныя противъ ереси обращенныхъ евреевъ, встрѣчаютъ отпоръ со стороны королевскихъ чиновниковъ и теряютъ всякое значеніе. Это можетъ служить лишнимъ доказательствомъ стремленія Фердинанда ограничить въ своихъ владѣніяхъ папское вліяніе. Въ это время Инквизиція была вполнѣ организована: центральный трибуналъ находился въ Палермо; три комиссара или депутата вели дѣла трехъ «долинъ» острова [2]).

Основывая новую испанскую Инквизицію, Фердинандъ Католикъ получилъ для своего великаго инквизитора право назначать делегатовъ во всѣ страны, зависѣвшія отъ Кастиліи и Арагоніи. Въ качествѣ такого делегата былъ посланъ въ Сицилію около 1487 г. бр. Антоніо де ла Пенья; 18 августа того же года состоялось первое ауто-да-фе, на которомъ была сожжена Евлалія Тамаритъ, бѣжавшая въ Сицилію изъ Арагоніи. Затѣмъ идетъ довольно смутный періодъ борьбы между папской Инквизиціей и Инквизиціей испанской, которую Фердинандъ старался установить на островѣ подъ своимъ контролемъ.

---

[1]) Giannone, «Ist. Civ. di Napoli», lib. XXXII, c. 5.—Wadding. ann. 1449, № 13.—Ripoll, III, 240, 441, 501.

[2]) Paramo, 197—99.—Ripoll, III, 510.—La Mantia, «L'Inquisizione in Sicilia», 16—18.—Llorente, «Hist. Critique», IV, 353.

Джузеппе Козентино говоритъ («Archivio Storico Siciliano», 1885 г., стр. 73), что въ архивѣ Палермо не находится утвержденія, даннаго въ 1415 г. королемъ Альфонсомъ диплому Фридриха II, но что королевскія граматы 1415 г. упоминаютъ о привилегіи, предоставленной Фридрихомъ. См. также La Mantia, 8—10, 13, 15.

Библиотека "Руниверс"

ПАПА ЮЛІЙ II.
(1503—1513).

Библиотека "Руниверс"

Пенья покинулъ Сицилію въ 1488 г., оставивъ послѣ себя своего помощника доминиканскаго провинціала, Джакомо Мансо; но прежній инквизиторъ, доминиканецъ Джакомо Реда, не желалъ отказываться отъ своего мѣста, и, чтобы заставить его отказаться отъ своихъ притязаній, потребовалось 7 февраля 1488 г. бреве Иннокентія VIII. Мы также находимъ слѣды дѣятельности Энрико Лугарди, котораго замѣстилъ доминиканецъ Пьетро Ранцани. Послѣдній 19 января 1489 г. получилъ отъ Палермскаго сената обычную присягу на повиновеніе. Въ 1492 г. указъ объ изгнаніи евреевъ изъ всѣхъ испанскихъ владѣній былъ съ особой жестокостью приведенъ въ исполненіе въ Сициліи; несомнѣнно, много обращеній было вызвано насильственно, и, такимъ образомъ, поле преслѣдованія сдѣлалось шире и плодороднѣе. Въ концѣ столѣтія Фердинандъ насадилъ въ Сициліи вполнѣ испанскую Инквизицію, но ея исторія не входитъ въ рамки нашей работы [1]).

Въ Неаполѣ другіе факторы осложнили задачу. Когда въ 1425 г. Карлъ VIII Французскій покорилъ королевство, то евреевъ крестили силою, но, конечно, отъ этого они не сдѣлались христіанами, хотя и стали уже подлежать юрисдикціи Инквизиціи. Ограниченія, которыя стѣсняли въ Неаполѣ эту юрисдикцію, до извѣстной степени охраняли евреевъ отъ преслѣдованія. Королевство сдѣлалось излюбленнымъ убѣжищемъ всѣхъ бѣжавшихъ отъ ужасовъ испанской Инквизиціи. Когда въ 1503 г. Гонзальво де Кордова велъ переговоры о передачѣ Неаполя Фердинанду, то однимъ изъ условій было, чтобы въ городѣ не была введена испанская Инквизиція, уже получившая печальную извѣстность. Но страсть къ легкой наживѣ была настолько сильна, что трудно было устоять. Юлій II, представивъ оговорку, устроилъ въ Бенвенутѣ подъ руководствомъ доминиканцевъ суровое преслѣдованіе. Фердинандъ немедленно отвѣтилъ на эту угрозу: тайными указами отъ 30 іюня 1504 г. онъ, вопреки всѣмъ условіямъ договора, распространилъ на Неаполь юрисдикцію сицилійской Инквизиціи, предписавъ Гонзальву и всѣмъ королевскимъ чиновникамъ оказывать ей поддержку и слѣдить за тѣмъ, чтобы ни одинъ подозрительный не могъ уйти изъ королевства. Попытка не удалась по причинамъ, которыя трудно установить. По всей вѣроятности, Гонзальво убѣдилъ своего повелителя, что страшная ненависть неаполитанцевъ къ испанской Инквизиціи и сомнительная вѣрность недавно присоединенныхъ дѣлали черезчуръ опаснымъ введеніе этого ненавистнаго института. Фердинандъ долженъ былъ уступить: во время своихъ посѣщеній Неаполя въ 1506 и 1507 гг. онъ, повидимому, молча примирился со своей неудачей; тѣмъ не менѣе, королевскіе указы побуждали доминиканскихъ инквизиторовъ дѣйствовать энергичнѣе; происходили аресты и ауто-да-фе; и въ 1510 г. Фердинандъ думалъ, что населеніе уже достаточно привыкло подчиняться желаніямъ короны. Тайно были сдѣланы всѣ нужныя приготовленія, и Андреасъ Паласіо былъ посланъ въ качествѣ инквизитора. Но народъ узналъ эти планы и такъ внушительно заявилъ свою оппозицію, что Паласіо поспѣшно скрылся. Приходилось отказаться отъ дальнѣйшихъ шаговъ, такъ какъ все королевство было готово встать на защиту своихъ правъ. Политическое положеніе было очень грозно. Перемѣщеніе изъ Вероны испанскихъ войскъ, посланныхъ на югъ для подавленія ожидаемаго возстанія, обезпокоило Юлія II; онъ побуждалъ неаполитанцевъ къ отложенію, обѣщая прекратить назначеніе доминиканскихъ инквизиторовъ и запретить отнынѣ Инквизицію. Въ этотъ моментъ могли снова ожить старыя притязанія папъ на Неаполь; населеніе, страшно возбужденное, могло принести вѣрноподданническую присягу Риму или Франціи. Трудно сказать, получилъ ли вице-король Монкадо инструкціи отъ Фердинанда или дѣйствовалъ на свой страхъ; но какъ бы то ни было, онъ, оказавъ возможно долгое сопротивленіе, объявилъ, что проектъ введенія

[1]) Pirro, «Sicilia Sacra», I, 185—6.—G. Cosentino, op. cit., 76. Caruso, «Memorie Iostriche di Sicilia», P. II, T. I, 92.—La Mantia, 20—1.—Franchina, «Breve Rapporta del Tribunale della SS. Inquisizione in Sicilia», 23 ,108—16.—Giov. di Giovanni, «L'Ebraismo della Sicila», 96, 233—5 (Palermo, 1748).

Библиотека "Руниверс"

испанской Инквизиціи оставленъ, и, чтобы прикрыть свое отступленіе, издалъ указы объ изгнаніи евреевъ и новыхъ христіанъ. Паласіо получилъ постъ инквизитора въ Валенсіи, и старая доминиканская Инквизиція продолжала дѣйствовать довольно неправильно до того времени, когда болѣе энергичная попытка ввести испанскую Инквизицію, съ цѣлью уничтоженія протестантизма, не вызвала безпорядковъ 1547 г. [1]).

— —

ГЛАВА V.

Славянскія земли.

Когда Иннокентій III выступилъ противъ грознаго распространенія ереси катаровъ, то онъ не ограничилъ своей дѣятельности Италіей и Лангедокомъ. Истинный очагъ ереси находился къ востоку отъ Адріатическаго моря, въ славянскихъ земляхъ; оттуда выходили миссіонеры, возбуждавшіе ревность своихъ послѣдователей. Всѣ соображенія, какъ духовныя, такъ и политическія, побуждали папу поразить ересь въ самомъ ея источникѣ, и, такимъ образомъ, поле дѣйствій тянулось отъ Балканъ до Пиренеевъ, на протяженіи болѣе десяти тысячъ километровъ. Задача требовала объединенія духовныхъ и матеріальныхъ силъ, столь прекрасно централизованныхъ теократіей, основанной папой Григоріемъ VII.

Борьба въ земляхъ, расположенныхъ къ югу отъ Венгріи, одна изъ наиболѣе поучительныхъ; она показываетъ, съ какимъ непоколебимымъ упорствомъ Римъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій боролся, не обращая вниманія на видимую безуспѣшность борьбы. Никакое пораженіе не останавливало его, всякій поводъ къ открытію враждебныхъ дѣйствій считался хорошимъ; онъ умѣлъ извлекать пользу и изъ честолюбія монаховъ, и изъ рвенія энтузіастовъ, готовыхъ на всякія жертвы. Здѣсь нелишне бросить бѣглый взглядъ на перипетіи этой великой борьбы; если дѣйствія въ земляхъ, столь удаленныхъ отъ крупныхъ центровъ европейской жизни, и не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на эволюцію мысли и религіи въ Европѣ, то все же страна, гдѣ совершались они, заслуживаетъ вниманія историка, какъ убѣжище еретиковъ и непрерывный источникъ жизненной силы ереси.

Обширныя области, лежавшія къ востоку отъ Адріатическаго моря, только теоретически находились въ духовной зависимости отъ Рима. Дикое и безпокойное населеніе, покоренное въ концѣ XI вѣка мадьярами и постоянно стремившееся свергнуть ихъ иго, было христіанскимъ только по имени. Мало того, христіанство ихъ не было католическимъ. Несмотря на запрещеніе Григорія VII, богослужебнымъ языкомъ былъ славянскій, и къ католическимъ обрядамъ относились съ ненавистью какъ къ символу рабства. Нѣсколько прелатовъ, священниковъ и монаховъ расположились среди враждебнаго населенія, не знавшаго ихъ языка и обычаевъ; съ другой стороны, эти представители католичества, благодаря своей распущенной жизни, не могли пріобрѣсти нравственнаго вліянія, которое разбило бы народную и расовую ненависть. При такихъ условіяхъ катаризмъ могъ развиваться безпрепятственно. Если опустошительныя войны мадьяръ именовались крестовыми походами для уничтоженія ереси, то ересь, съ своей стороны, могла отожествлять себя съ

[1]) Paramo, 191—4.—Giannone, «Hist. Civile di Napoli», lib. XXXII, cap. 5. – Zurita «Hist. del Rey Hernando», lib. V, cap. 70; lib. IX, cap. 24, 26.—Mss. Chioccarello T. VIII.—Amabile, «Il Santo Officio in Napoli», I, 93, 97, 101, 118—120.—Tristani Caraccioli «Epist. de, Inquisizione» (Muratori, «S. R. I.» T. XXII, 97).—Spondani, «Annal. Eccles.» ann. 1510, № 13.—Archivio de Simancas, Con. de Inquisicion, lib. 3, fol. 1—11, 68, 74, 145—6, 238—9, 280, 313.

Библиотека "Руниверс"

патріотизмомъ. На всемъ протяженіи отъ Дуная до Македоніи и отъ Адріатическаго моря до Чернаго, катарская Церковь имѣла прекрасную организацію, была раздѣлена на епархіи, имѣвшія каждая своего епископа, и энергично занималась обращеніемъ. Наиболѣе цвѣтущей изъ этихъ провинцій была Боснія, въ которой въ концѣ XII вѣка насчитывали до десяти тысячъ горячихъ послѣдователей ереси. Катаромъ былъ даже самъ банъ Кулинъ, правившій Босніей въ качествѣ вассала Венгріи; его жена и вся его семья были также еретиками. Не безъ нѣкотораго основанія подозрѣвали даже нѣсколькихъ католическихъ прелатовъ въ тайномъ послѣдованіи ереси [1]).

Первое столкновеніе съ ересью произошло въ концѣ XII ст., когда архіепископъ Спалатро изгналъ, несомнѣнно по приказанію Иннокентія, изъ Спалатро и Тріеста довольно большое число катаровъ; послѣдніе безъ труда нашли себѣ убѣжище въ Босніи, гдѣ ихъ хорошо принялъ банъ Кулинъ. Въ 1199 г. король Далмаціи Вуканъ, имѣвшій виды на Боснію, изобразилъ Иннокентію печальное преобладаніе въ ней ереси и совѣтовалъ ему приказать королю Венгріи Эмерику изгнать изъ нея еретиковъ. Иннокентій написалъ Эмерику и послалъ ему для руководства суровый указъ, изданный противъ катаровъ Витербо. Онъ приказывалъ ему очистить свои земли отъ ереси и конфисковать имущество еретиковъ. Но Кулинъ, повидимому, предупредилъ Эмерика и напалъ первый на мадьяръ. Въ то же время онъ старался заключить миръ съ Римомъ, утверждая, что обвиненіе его подданныхъ въ ереси ложно; при этомъ онъ послалъ нѣсколькихъ изъ нихъ съ двумя своими епископами къ Иннокентію, чтобы онъ могъ лично убѣдиться въ ихъ правовѣріи, и просилъ папу прислать двухъ легатовъ для разслѣдованія этого вопроса на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого папа послалъ въ 1202 г. въ Боснію своего капеллана Джованни да Каземіріо и архіепископа Спалатро, приказавъ имъ, если они найдутъ тамъ еретиковъ, то будь это самъ банъ, преслѣдовать ихъ со всею строгостью каноновъ. Джованни окончилъ свою миссію въ 1203 г. Вернувшись, онъ вручилъ Иннокентію обязательство катаровъ принять католичество и совѣтовалъ папѣ основать въ земляхъ бана три или четыре новыхъ епископіи; надобность была настоятельна, такъ какъ на разстояніи десяти дней пути была только одна епископская каѳедра, къ тому же свободная за смертью епископа. Со своей стороны, король Эмерикъ писалъ папѣ, что Джованни привелъ къ нему вождей еретиковъ, и что онъ свидѣтельствуетъ объ ихъ обращеніи въ католичество. Сынъ Кулина также явился къ Эмерику и обязался уплатить тысячу марокъ, въ случаѣ дальнѣйшаго покровительства еретикамъ. Торжество Церкви казалось полнымъ; и это убѣжденіе особенно укрѣпилось, когда въ томъ же году болгарскій императоръ Кало-Іоаннъ обратился къ Иннокентію съ просьбой прислать кардиналовъ короновать его и выразилъ свое полное повиновеніе Святому Престолу [2]).

Но скоро наступило разочарованіе. Занятый альбигойцами, Иннокентій упустилъ славянъ изъ виду. Вынужденныя обращенія оказались непродолжительными. Архіепископъ Рагузы, Аррингѐръ, считавшійся митрополитомъ всей страны, назначилъ на вакантную каѳедру одного катара; самъ онъ скоро умеръ, и его епархія обратилась въ гнѣздо ереси. Немногочисленные католическіе священники, разбросанные по всей странѣ, покинули свои приходы, и католичество почти совершенно исчезло. Въ 1221 г., говорятъ, во всей Босніи не было ни одного католическаго проповѣдника. Не лучше было положеніе и въ Болгаріи. Коронованный легатомъ, прибывшимъ изъ Рима, Кало-Іоаннъ вскорѣ поссорился съ латинскими императорами Константинополя и порвалъ съ Римомъ. Отнынѣ катары получили полную свободу въ обширныхъ владѣніяхъ этого императора [3]).

---

[1]) Schmidt, «Histoire des Cathares», I, 101—9.—Gregor. PP. VII. «Regist.» VII, 11.—Batthyani, «Legg. Eccles. Hung.» II, 274, 289—90, 415—17.—Raynald. ann. 1203, № 22.—Innocent. PP. III «Regest.» II, 176.

[2]) Innocent. PP. III. «Regest.» II, 176; III, 3; V, 103; VI, 140, 141, 142, 212.

[3]) Schmidt, I, 112—13.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, это печальное положеніе снова обратило на себя вниманіе папы. Въ 1221 г. Гонорій III послалъ въ качествѣ легата въ Венгрію своего капеллана Акончіо пробудить у короля и прелатовъ чувство долга и заставить ихъ уничтожить ересь, шедшую быстро впередъ. По дорогѣ легатъ остановился въ Рагузѣ для избранія католическаго архіепископа; затѣмъ онъ приказалъ всѣмъ далматинцамъ и кроатамъ принять участіе въ крестовомъ походѣ. Но никто не послушалъ его, и онъ одинъ прибылъ въ Боснію, гдѣ и умеръ въ томъ же году. Можно было надѣяться на большій успѣхъ, если дѣйствовать на честолюбіе архіепископа Калочи Уголина, который желалъ увеличить свою провинцію. Этотъ прелатъ предложилъ Андрею II Венгерскому предпринять на его счетъ крестовый походъ. Король и папа обѣщали отдать ему всѣ земли, которыя онъ очиститъ отъ еретиковъ. Но Уголинъ преувеличивалъ свое могущество и долженъ былъ искать средствъ, чтобы выпутаться изъ бѣды: онъ нанялъ за двѣсти серебряныхъ марокъ правителя Сирміи, князя Іоанна, сына Маргариты, вдовы императора Исаака Ангела. Іоаннъ взялъ деньги, но не сдержалъ обѣщанія, несмотря на напоминаніе, сдѣланное ему Гоноріемъ III въ 1227 г. Не боясь болѣе никого и ничего, боснійцы смѣстили своего бана Стефана и выбрали на его мѣсто катара Нинослава, который правилъ страною съ 1232 по 1250 г. и оставилъ по себѣ память какъ о наиболѣе выдающемся историческомъ лицѣ Босніи [1]).

Наконецъ, чашка вѣсовъ, повидимому, должна была склониться на сторону католичества: на сцену выступили нищенствующіе ордены, которые, какъ мы уже видѣли, отличались качествами, особенно пригодными для борьбы съ ересью: безпредѣльнымъ энтузіазмомъ, презрѣніемъ къ страданіямъ и трудамъ, горячею жаждою мученичества; къ тому же за ними стоялъ Григорій XI, неумолимый и неутомимый преслѣдователь ереси, который постоянно побуждалъ ихъ къ дѣятельности. Первыми прибыли сюда доминиканцы. Уже съ 1221 г. орденъ началъ основывать въ Венгріи монастыри, которые дѣятельно распространяли римскую религію. Доминиканская легенда передаетъ, что Инквизиція въ Венгріи была основана св. Гіацинтомъ, однимъ изъ первыхъ членовъ ордена, умершимъ въ 1257 г., и что уже скоро она удостоилась имѣть двухъ мучениковъ: бр. Николая, съ котораго живого содрали кожу, и бр. Іоанна, котораго еретики забили до смерти камнями. Подъ 1233 г. упоминается объ убійствѣ девяноста доминиканцевъ у куманъ, и, по всей вѣроятности, еще ранѣе этого, тридцать-два монаха были потоплены боснійцами-еретиками, которыхъ они хотѣли обратить. Но подобные случаи только воспламеняли энергію доминиканцевъ. Готовили правильный походъ. Въ 1232 г. Григорій приказалъ своему легату въ Венгріи, Джакопо, епископу Палестрины, обратить боснійцевъ. Король Андрей отдалъ банство своему сыну Коломану, герцогу Кроаціи и Далмаціи, приказавъ ему помогать дѣлу обращенія еретиковъ. Результаты сказались почти немедленно. Даже самъ католическій епископъ Босніи былъ зараженъ ересью и въ свое оправданіе ссылался на то, что онъ по невѣжеству считалъ катаровъ католиками. Рагузанскій архіепископъ зналъ объ этомъ, но не обращалъ на это вниманія; поэтому Джакопо присоединилъ Боснію къ архіепископіи Калочи. Но болѣе важнымъ событіемъ было обращеніе Нинослава, который отрекся отъ вѣры своихъ братьевъ, чтобы отклонить удары Коломана, разорявшаго его владѣнія. Григорій принялъ его съ выраженіями нѣжности, и онъ далъ доминиканцамъ денегъ на постройку собора. Многіе изъ его вельможъ послѣдовали его примѣру. Одинъ изъ его родственниковъ, Убанъ Пріезда, далъ даже сына своего въ заложники доминиканцамъ, какъ ручательство въ искренности своего обращенія. Такой поразительный успѣхъ наполнилъ радостью сердце Григорія. Въ 1233 г. папа велѣлъ вернуть ребенка отцу, принялъ Бос-

[1]) Potthast. №№ 6612, 6725, 6802.—Raynald. ann. 1225, № 21.—Klaic', «Geshichte Bosniens, nach dem Kroatischen von Ivan v. Bojnicic'», Лейпцигъ, 1885 г., стр. 89—91.

Библиотека "Руниверс"

нію подъ особое покровительство Святого Престола и приказалъ Коломану защищать Нинослава отъ враждебныхъ ему еретиковъ. Онъ устранилъ отъ должности епископа-еретика и поручилъ своему легату раздѣлить область на двѣ или на три епархіи и назначить епископами людей, способныхъ съ честью занимать этотъ постъ. Послѣдняя мѣра не была выполнена: одинъ нѣмецъ, доминиканецъ, Іоаннъ фонъ Вильдесгаузенъ былъ назначенъ епископомъ всей Босніи [1]).

Легатъ Джакопо вернулся въ Венгрію, довольный обращеніемъ цѣлой страны; но этотъ успѣхъ былъ непроченъ. Или обращеніе Нинослава было притворное, или онъ не могъ удержать своихъ подданныхъ; но уже въ слѣдующемъ 1234 г. Григорій жаловался, что ересь безпрерывно растетъ, и Боснія обращается «въ пустыню для вѣры, въ гнѣздо драконовъ и въ убѣжище строфокаміловъ». Условившись съ Андреемъ, онъ приказалъ начать крестовый походъ. Коломану было поручено напасть на еретиковъ. Пріоръ картезіанскаго монастыря св. Варѳоломея былъ посланъ въ страну проповѣдывать крестовый походъ, обѣщая участникамъ прощеніе грѣховъ. Въ концѣ 1234 г. Коломанъ залилъ Боснію кровью и огнемъ. Нинославъ всею душою предался катарамъ. Борьба была смертельная и долгая. Бела IV клятвенно обѣщалъ легату Джакопо уничтожить еретиковъ во всѣхъ земляхъ, зависимыхъ отъ Венгріи. Съ своей стороны, и францисканцы поторопились принять участіе въ святомъ дѣлѣ. Они начали трудиться въ Зарѣ, но мѣстный архіепископъ не только не оказывалъ имъ содѣйствія, а, наоборотъ, мѣшалъ, за что получилъ выговоръ отъ папы Григорія. Но если судить по словамъ Ивона Нарбоннскаго, то приморскіе катары не очень были обезпокоены этими мѣрами [2]).

Въ 1235 г. счастье покинуло крестоносцевъ. Епископъ Іоаннъ, потерявъ всякую надежду получить свою каѳедру, просилъ Григорія освободить его отъ обязанностей, ссылаясь на то, что онъ не можетъ переносить трудовъ военнаго времени. Но Григорій осудилъ это отсутствіе мужества, объявивъ, что если епископъ и ненавидитъ войну, онъ все равно долженъ принимать въ ней дѣятельное участіе изъ любви къ Богу [3]). Въ 1236 г. обстоятельства приняли болѣе благопріятный поворотъ. Этотъ успѣхъ произошелъ, по всей вѣроятности, отъ того, что Бела IV смѣнилъ Андрея на венгерскомъ престолѣ, между тѣмъ, какъ сынъ стараго бана Стефана Себиславъ; желая вернуть себѣ родовое наслѣдіе, энергично помогалъ крестоносцамъ. Григорій называлъ его «лиліей среди терній» и единственнымъ католикомъ среди боснійскихъ вождей-еретиковъ. Наконецъ, въ 1237 г. Коломанъ одержалъ побѣду; но, несмотря на всѣ его послѣдующія усилія, ему не удалось уничтожить ересь. Чтобы удовлетворить ходатайство Коломана, Григорій приказалъ посвятить епископомъ въ Боснію доминиканца Попса, а немного позднѣе назначилъ его на три года легатомъ, поручивъ ему окончательное уничтоженіе остатковъ ереси. Но остатки эти, несомнѣнно, были значительные, такъ какъ папа въ то же время обѣщалъ покровительство Св. Престола всякому, кто подниметъ крестъ на ихъ уничтоженіе. Въ 1239 г. венгерскій провинціалъ получилъ приказъ послать въ еретическіе округа для окончанія дѣла извѣст-

---

[1]) Monteiro, «Historia da Sacra Inquisição», P. I, lib. 1, c. 59.—Paramo, 111.—Raynald. ann. 1257, № 13.—Hist. Ord. Praedic. c. 8 (Martène, «Amp. Coll.» VI, 338).—Ripoll, I, 70.—Klaic', 92—4.

[2]) Epist. Saeculi XIII. T. I, №№ 574. 601.—Ripoll, I, 70.—Potthast, №№ 9726, 9733—8, 10019, 10052.—Klaic', 96.—Battyani, «Legg. Eccles. Hung.» I, 755.—Matt. Paris, ann. 1243 (изд. 1644 г., стр. 412—3).

[3]) Епископу Іоанну удалось сложить съ себя епископство, и онъ занялъ постъ Великаго Магистра своего ордена. Одинъ современникъ, знавшій его лично, рисуетъ его человѣкомъ апостольской добродѣтели; онъ раздавалъ бѣднымъ весь доходъ своей епархіи (8000 марокъ) путешествовалъ онъ всегда пѣшкомъ, ведя осла, навьюченнаго книгами и одеждами. Послѣ своей смерти въ Страсбургѣ онъ проявлялъ поразительныя чудеса.—Thomae Cantimprat. «Bonum Universale», lib. II, c. 56.

Библиотека "Руниверс"

ное число энергичныхъ и краснорѣчивыхъ монаховъ. Понса, хотя былъ епископомъ и легатомъ, не имѣлъ ни доходовъ, ни средствъ, и Григорій назначилъ ему деньги, полученныя отъ крестоносцевъ за выкупъ обѣщанія и данныя Иннославомъ на постройку собора. Около конца 1239 г. ересь, казалось, была уничтожена. Но едва Коломанъ и крестоносцы покинули страну, какъ все дѣло ихъ рушилось, и ересь стала столь же сильна, какъ и прежде. Въ 1240 г. Иннославъ былъ снова сдѣланъ баномъ и съ блестящей свитой прибылъ въ Рагузу для возобновленія стараго торговаго и союзнаго договора. Дѣятельность короля Белы вся уходила на другія дѣла: болгарскій князь Асанъ перешелъ на сторону грековъ; поэтому все населеніе Болгаріи было объявлено еретическимъ и схизматическимъ, и Белѣ было предложено предпринять противъ этого князя крестовый походъ, участникамъ котораго, какъ обыкновенно, было обѣщано отпущеніе грѣховъ. Было трудно одновременно бороться съ врагами вѣры на два фронта, и это затрудненіе дало катарамъ, Босніи возможность нѣкоторое время жить спокойно. Еще болѣе спасло ихъ отъ преслѣдованія случившееся въ 1241 г. вторженіе татаръ въ Венгрію, обратившее ее въ пустыню: венгерская армія была уничтожена, король Бела съ большимъ трудомъ спасся бѣгствомъ, а сынъ его Коломанъ былъ убитъ; однако, отсрочка была не продолжительна: въ 1244 г. Бела снова захватилъ Боснію. Иннославъ заключилъ миръ, и еретики подвергались преслѣдованію вплоть до 1246 г.; когда же Венгрія начала войну съ Австріей, то боснійцы поднялись и снова признали своимъ вождемъ Иннослава [1]).

Всѣ эти усилія по распространенію благодѣяній истинной вѣры не обошлись безъ пролитія крови. До насъ мало дошло подробностей о борьбѣ, мѣстомъ дѣйствія которой была эта удаленная отъ цивилизованнаго міра страна; однако, сохранился одинъ документъ, свидѣтельствующій, что тамъ совершались всѣ ужасы альбигойскихъ крестовыхъ походовъ. Въ 1247 г Иннокентій IV, перенося епископскую каѳедру изъ Босніи въ Калочу, упоминаетъ о томъ, что сдѣлали предшественники епископа и онъ для уничтоженія ереси въ этой странѣ. Они опустошили большую часть области, тысячи еретиковъ были уведены въ плѣнъ, кровь лилась широкимъ потокомъ, было убито много вѣрныхъ сыновъ Церкви, и были истрачены огромныя суммы. Несмотря на всѣ эти жертвы, церкви и замки, выстроенные ими, не были въ состояніи поддерживать епископскую каѳедру, и поэтому нельзя было охранять католичества въ странѣ. Босція снова впала въ ересь, и нельзя было и думать, чтобы она сама порвала съ нею. Калочская Церковь истощила всѣ свои доходы; въ восполненіе этого ея юрисдикція была распространена на всю мятежную страну въ надеждѣ, что какой-нибудь будущій крестовый походъ будетъ счастливѣе. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ Иннокентій IV приказалъ Белѣ предпринять рѣшительную борьбу противъ катаръ. Но Иннославъ подалъ папѣ жалобу, въ которой онъ протестовалъ противъ подчиненія его Церкви. Если, писалъ онъ, послѣ обращенія онъ прибѣгалъ къ помощи еретиковъ, то потому только, что эта помощь нужна была ему для сохраненія независимости банства. Иннокентій IV внялъ жалобѣ и предписалъ епископу Калочи воздержаться отъ всякаго новаго преслѣдованія. Онъ приказалъ произвести разслѣдованіе о вѣрѣ и поступкахъ Иннослава и разрѣшилъ употребленіе глаголическаго письма и богослуженіе на славянскомъ языкѣ, думая этими поступками устранить одно изъ препятствій къ распространенію католичества. Иннославъ спокойно окончилъ свою жизнь, но послѣ его смерти, около 1250 г., вспыхнули гражданскія войны, вызванныя враждою между катарами и католиками. Преемникомъ Иннослава былъ Пріезда, обратившійся въ 1233 г. и оставшійся съ этого времени вѣрнымъ католичеству. Подъ предлогомъ поддержать Пріезду Бела вмѣшался въ 1254 г. въ дѣла и снова подчинилъ себѣ Боснію. Это событіе, безъ сомнѣнія,

---

[1]) Potthast, №№ 10223, 10555, 10631—9, 10688—93, 10822—4, 10842.—Ripoll, I, 102—4, 106—7.—Schmidt, I, 122.—Klaic', 97—107.

Библиотека "Руниверс"

вызвало дѣятельное преслѣдованіе ереси, хотя переносъ епископской каѳедры изъ Босніи въ Калочу не осуществился на практикѣ [1]).

Около этого времени Райнеріо Сакконе установилъ число Совершенныхъ въ разныхъ катарскихъ Церквахъ. Въ Константинополѣ было двѣ церкви—латинская и греческая; въ первой было до пятидесяти Совершенныхъ, что касается послѣдней, то Райнеріо присоединяетъ ее къ церквамъ Болгаріи, Румыніи, Славоніи и Далмаціи, и число Совершенныхъ опредѣляетъ около пятисотъ. Отсюда мы въ правѣ заключать, что число вѣрующихъ было огромно, и что всѣ усилія и войны многихъ лѣтъ были безплодны; и хотя царствованіе Белы продолжалось до 1270 г., всѣ попытки его уничтожить ересь кончились, однако, ничѣмъ. Вопреки ожиданіямъ катаризмъ все болѣе и болѣе усиливался, а Церковь падала ниже. Боснійскіе епископы не смѣли даже жить въ своихъ епархіяхъ и жили всѣ въ Дьяковарѣ. Въ этихъ областяхъ Святой Престолъ такъ мало пользовался уваженіемъ, что даже въ Тріестѣ, сравнительно такъ близко отъ Рима, два доминиканца, которымъ было приказано проповѣдывать крестовый походъ противъ турокъ, были въ 1264 г. грубо выгнаны діакономъ и канониками изъ церкви, гдѣ они проповѣдывали; имъ даже не позволили собрать толпу на площади. Архидіаконъ дошелъ даже до того, что во всеуслышаніе объявилъ, что будетъ отлученъ отъ Церкви всякій, кто будетъ слушать миссіонеровъ [2]).

Положеніе еще болѣе осложнилось въ 1272 г., когда на престолъ вступилъ внукъ Белы, Владиславъ IV. Новый король былъ извѣстенъ подъ именемъ Кумана, такъ какъ мать его, Елизавета, происходила изъ этого языческаго народа. Владиславъ жилъ среди кумановъ и раздѣлялъ ихъ религіозныя вѣрованія. Свое презрѣніе къ Святому Престолу онъ въ одинъ прекрасный день выразилъ самымъ яркимъ образомъ. Когда епископъ Фермо, папскій легатъ Филиппъ, созвалъ соборъ въ Будѣ, то Владиславъ приказалъ магистратамъ города не впускать въ городъ ни одного прелата и слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не доставлялъ легату съѣстныхъ припасовъ; и послѣднему пришлось со стыдомъ удалиться. Этотъ поступокъ Владислава навлекъ на него гнѣвъ Рудольфа Габсбургскаго и Карла Анжуйскаго, и въ 1280 г. его заставили принести повинную: онъ долженъ былъ не только смиренно просить прощенія и ежегодно платить по сто марокъ на устройство больницъ, но также принять и опубликовать папскіе статуты противъ ереси и принести клятву въ томъ, что онъ энергично будетъ преслѣдовать ересь. То же должна была сдѣлать и мать его Елизавета. Говоря относительно, это былъ большой успѣхъ, который сталъ еще замѣтнѣе въ 1282 г., когда Владиславъ назначилъ правителемъ Босніи своего зятя, изгнаннаго сербскаго короля Стефана Драгутина. Послѣдній, хотя и принадлежалъ къ греческой Церкви, преслѣдовалъ, однако, энергично катаровъ. Рвеніе его еще увеличилось, когда около 1290 г., онъ перешелъ въ католичество. Онъ послалъ въ Римъ епископа Антивари Марино, поручивъ ему обрисовать господствующее положеніе ереси и просить помощи. Николай IV немедленно отозвался на эту просьбу; онъ послалъ къ венгерскому королю Андрею III легата для проповѣдыванія крестоваго похода и просилъ императора Рудольфа оказывать свое содѣйствіе. Но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ. Не больше имѣлъ успѣха папа, когда приказалъ францисканскому министру Славоніи выбрать двухъ монаховъ, знающихъ мѣстный языкъ, и послать ихъ въ Боснію проповѣдывать противъ еретиковъ. Эти миссіонеры были одновременно и инквизиторами, какъ это видно изъ просьбы, посланной Стефану, чтобы свѣтская власть оказывала имъ поддержку. Къ несчастью, Николай въ своей ревности употребилъ на это также и доминиканцевъ. Инквизиторы, или миссіонеры, питая

[1]) Ripoll, I, 175—6.- Klaic', 107—13.—Kukuljevic', «Jura Regni Croaticae, Dalmaticae et Slavoniae», Zagrabiae, 1862, I. 67.

[2]) Rainerii «Summa» (Martène, «Thesaur.» V, 1768.—Klaic', 153.—Theiner, «Monumenta Slavor. Meridional.» I, 90.

Библиотека "Руниверс"

традиціонную ненависть, бывшую между двумя орденами, тратили всю свою энергію на взаимныя ссоры и сдѣлались для еретиковъ объектомъ не страха, а насмѣшекъ [1]).

Въ 1298 г. Бонифацій VIII окончательно рѣшилъ устроить Инквизицію въ францисканской провинціи Славоніи, обнимавшей всю южную часть Венгріи отъ Дуная до Македоніи. Провинціальному министру было поручено назначить двухъ монаховъ на должность инквизиторовъ этой огромной области; какъ обыкновенно, провинціалъ имѣлъ полное право назначать и смѣщать ихъ. Онъ попытался подкрѣпить это учрежденіе, приказавъ калочскому архіепископу проповѣдывать крестовый походъ; но это приказаніе осталось не исполненнымъ, и проектируемая Инквизиція не осуществилась. Однако, о катарахъ Венгріи не позабыли; въ 1299 г. папа уполномочилъ Гранскаго архіепископа преслѣдовать ихъ при посредствѣ двухъ инквизиторовъ, выборъ которыхъ долженъ принадлежать генералу доминиканцевъ или генералу францисканцевъ. Чѣмъ окончилась эта попытка, мы не знаемъ. Въ 1314 г., когда умеръ Стефанъ Драгутинъ, Боснія была завоевана сыномъ бана Кроаціи, Младеномъ Шубичемъ, и подъ его владычествомъ она жила вполнѣ независимо отъ Венгріи. Иногда Младенъ, когда ему нужно было выпросить что-нибудь у авиньонскихъ папъ, дѣлалъ видъ, что преслѣдуетъ еретиковъ; но такъ какъ большинство его подданныхъ были катары, въ поддержкѣ которыхъ онъ нуждался, то можно утверждать, что онъ не дѣлалъ серьезныхъ попытокъ. Въ 1319 г. Іоаннъ XXII рисуетъ печальную картину, которую представляла тогда Боснія. Въ ней не было католическихъ священниковъ, таинства не соблюдались; никто не причащался и во многихъ мѣстностяхъ не знали даже таинства крещенія или понимали его невѣрно. Чтобы папа, подобный Іоанну XXII, нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ Младену, чтобы положить предѣлъ этому злу, нужно было, чтобы онъ самъ не располагалъ никакими средствами для водворенія тамъ католичества [2]).

Младенъ, низложенный Стефаномъ Костроманичемъ, бѣжалъ въ Венгрію, гдѣ Карлъ-Робертъ заключилъ его въ тюрьму. Узурпаторъ Стефанъ, именовавшій себя «Баномъ милостію Божіей», спокойно пользовался властью. Въ 1322 г. онъ, повидимому, отложился отъ католичества и присоединился или къ греческой Церкви, или къ катарамъ; но, несмотря на это, дѣла начали принимать болѣе благопріятный поворотъ. Венгрія мало-по-малу оправлялась отъ пораженія, такъ долго парализовавшаго ее. Король Карлъ-Робертъ былъ расположенъ послѣдовать благочестивымъ наставленіямъ и выполнить свой долгъ въ отношеніи еретиковъ Босніи. Поэтому въ 1323 г. Іоаннъ XXII сдѣлалъ новую попытку: онъ послалъ бр. Фабіана и приказалъ Карлу-Роберту и Стефану энергично поддерживать его. Стефанъ не обратилъ на приказъ папы никакого вниманія, но Карлъ-Робертъ проявилъ нѣкоторое рвеніе, если судить по хваламъ, которыя расточалъ ему Іоаннъ въ 1327 г. Фабіанъ былъ неутомимъ, но задача была неблагодарна. Уже съ самаго начала онъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе со стороны города Тріеста; когда онъ сдѣлалъ тамъ попытку ввести примѣненіе указовъ, опубликованныхъ противъ ереси, и пробудить въ населеніи чувство долга, то ударили въ набатъ, собралась толпа, Фабіана стащили съ каѳедры и сильно избили. Руководителями этихъ безпорядковъ были два каѳедральныхъ каноника, Михаилъ Падуанскій и Раймундъ Кремонскій, противъ которыхъ было немедленно, по распоряженію папы, возбуждено преслѣдованіе какъ противъ подозрѣваемыхъ въ ереси. Не успѣлъ инквизиторъ покончить съ этимъ дѣломъ, какъ у него возникли пререканія съ его соперниками доминиканцами, дѣйствовавшими въ его земляхъ. Одинъ ревностный доминиканецъ, по имени Маттео Загребскій, притворившись, что не знаетъ что Славонія была областью францисканцевъ, получилъ отъ папы Іоанна граматы, которыми предоставлялось доминиканскому провинціалу право назначать инквизиторовъ,

[1]) Raynald. ann. 1289, №№ 8, 9; ann. 1291, №№ 42—44.—Klaić, 116—9.—Wadding. ann. 1291, № 12.

[2]) Wadding. ann. 1298, № 2.—Digard, «Registres de Boniface VIII», № 2923.—Klaić, 123—4.—Raynald. ann. 1319, № 24.

Библиотека "Руниверс"

уполномоченныхъ проповѣдывать крестовый походъ. Папа горячо рекомендовалъ этихъ инквизиторовъ королю Венгріи и всѣмъ князьямъ. Два ордена совмѣстно дружно работать не могли; Фабіанъ поспѣшилъ выяснить Іоанну, въ какое неловкое положеніе онъ поставленъ. Въ это время былъ въ полномъ разгарѣ споръ папы съ большинствомъ францисканцевъ по вопросу объ обѣтѣ бѣдности, и папа находилъ неудобнымъ давать поводъ къ нареканіямъ на него оставшимся вѣрными ему францисканцамъ; поэтому онъ тотчасъ же взялъ обратно граматы, данныя имъ доминиканцамъ, и горько упрекалъ ихъ за то, что они обманули его. Но, несмотря на все это, Фабіану на каждомъ шагу приходилось встрѣчать препятствія; такъ, напр., когда въ 1329 г. онъ началъ преслѣдованіе за ересь одного монаха и аббата монастыря св. Косьмы и Даміана въ Зарѣ, то архіепископъ Зары грубо вмѣшался и прервалъ дѣло. Повидимому, Фабіанъ встрѣчалъ большія затрудненія, такъ какъ рѣшился даже отправиться въ Авиньонъ къ папѣ; но злая судьба преслѣдовала его и въ этомъ путешествіи. Благодаря раздорамъ между папами, съ одной стороны, и Висконти и Людовикомъ Баварскимъ, съ другой, путешествіе по Ломбардіи не было безопасно для служителей Св. Престола, и одинъ «сынъ Беліала», по имени Франческино да Павіа, не побоялся поднять руку на инквизитора и укралъ у него лошадей, книги и бумаги. Это происшествіе на нѣкоторое время задержало Инквизицію. Въ концѣ концовъ, Фабіанъ преодолѣлъ всѣ препятствія. Въ 1330 г. онъ вернулся на мѣсто дѣйствій и, поддерживаемый Карломъ-Робертомъ и Стефаномъ, началъ при благопріятныхъ условіяхъ дѣло истребленія катаровъ, примѣняя мѣры, дѣйствительность которыхъ мы уже отмѣтили. Положеніе боснійской Церкви было таково, что Іоаннъ XXII, опасаясь, чтобы, еретики не попадали въ епископы, постановилъ въ 1331 г. оставить за Святымъ Престоломъ заботу объ ихъ назначеніи. Однако, послѣ смерти епископа Петра, въ 1334 г., капитулъ выбралъ ему преемника, а Карлъ-Робертъ хотѣлъ назначить своего кандидата; это вызвало большіе споры, которымъ конецъ былъ положенъ только въ 1336 г. Бенедиктомъ XII, утвердившимъ кандидата капитула [1]).

Одно событіе, происшедшее въ 1331 г. недалеко отъ Италіи, рисуетъ намъ духовный уровень славянъ той эпохи. Инквизиторъ Венеціи, бр. Франческо Кіоджіа, объѣзжая свой округъ, открылъ въ провинціи Акилеи огромное число славянъ, поклонявшихся дереву и одному источнику. Повидимому, они не вняли его убѣжденіямъ, и онъ, не имѣя средствъ заставить ихъ повиноваться, былъ вынужденъ проповѣдывать противъ нихъ во Фріулѣ крестовый походъ, обѣщая индульгенціи, какъ за походъ въ Святую Землю. Онъ собралъ сильное войско, при помощи котораго срубилъ дерево и засыпалъ камнями источникъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній объ участи этихъ поклонниковъ природы [2]).

Бенедиктъ XII былъ столь же энергиченъ, какъ и его предшественники. Однако, даже Далмація все еще оставалась полна еретиковъ. Въ 1335 г. папа былъ вынужденъ приказать архіепископу Зары и епископамъ Трогиры и Цегны всѣми силами трудиться надъ уничтоженіемъ еретиковъ и оказывать инквизиторамъ дѣятельную поддержку. Прелатамъ Далмаціи удалось добиться отъ магистратовъ Спалатро и Трогиры обнародованія законовъ противъ ереси, но мѣры, предписанныя ими, не были никогда примѣняемы на практикѣ. Инквизиція существовала уже цѣлый годъ, и, несмотря на это, преслѣдованіе совершенно не было извѣстно на берегахъ Адріатическаго моря, гдѣ катары продолжали множиться подъ покровительствомъ Стефана и его вельможъ. Но въ 1337 г. неожиданно блеснулъ лучъ надежды: смертельный врагъ Стефана, графъ Кроаціи Нелипичъ, предложилъ

[1]) Klaic', 124—5, 139—40, 151—6.—Theiner. «Monument. Slavor. Merid.» I, 157, 234.—Raynald. ann. 1325, № 28; ann. 1327, № 48.—Wadding. ann. 1325, №№ 1—4; ann. 1326, №№ 3—7; ann. 1329, № 16; ann. 1330, № 10.

[2]) Archivio di Venezia, Fontanini Mss. III, 560.

Библиотека "Руниверс"

свои услуги Бенедикту, который съ радостью принялъ ихъ и пригласилъ всѣхъ бароновъ Кроаціи стать подъ знамя графа, чтобы поддержать благочестивыя старанія Фабіана и его товарищей. Тогда между Босніей и Кроаціей вспыхнула война, подробностей которой мы не знаемъ, но которая не принесла большой пользы католичеству [1]).

Положеніе Стефана стало опаснымъ. На востокѣ Стефанъ Душанъ Великій, именовавшій себя императоромъ Сербіи, Греціи и Болгаріи, былъ настроенъ враждебно послѣ присоединенія Герцеговины и Босніи. На сѣверѣ Карлъ-Робертъ готовился къ войнѣ. Правда, венеціанцы, желая лишить Венгрію ея владѣній по Адріатическому морю, были готовы соединиться со Стефаномъ; но все же положеніе сторонъ было неравное, и Стефанъ далъ понять, что онъ готовъ покориться. Когда въ 1339 г. Карлъ-Робертъ сопровождалъ до боснійской границы генерала францисканскаго ордена Герардо, посланнаго папою въ Венгрію въ качествѣ легата, Стефанъ выѣхалъ навстрѣчу монаху, принялъ его со всѣми почестями и объявилъ, что онъ нисколько не противъ уничтоженія катаровъ. Но онъ боялся, добавилъ онъ, чтобы еретики, въ случаѣ преслѣдованія, не призвали Стефана Душана; тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ бы попытку, если бы его поддержали папа и венгерскій король. Въ 1340 г. Бенедиктъ обѣщалъ ему помощь всего католическаго міра и убѣдилъ его обратиться; многіе вельможи послѣдовали его примѣру. И было время, такъ какъ католичество почти совершенно исчезло въ Босніи, и почти всѣ церкви были заброшены или разрушены. Герардо поспѣшилъ воспользоваться этимъ успѣхомъ и послалъ въ Боснію миссіонеровъ и инквизиторовъ. Но инквизиціонные пріемы не были пригодны въ этой странѣ, гдѣ, если вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, надо было дѣйствовать не силой, а путемъ убѣжденія. Одинъ инквизиторъ, бр. Хуанъ Арагонскій, послѣ продолжительнаго и горячаго диспута на одномъ собраніи еретиковъ, въ концѣ концовъ, обратилъ очень многихъ изъ нихъ, оставшись невредимымъ среди пламени костра. Одинъ изъ его учениковъ повторилъ пріемъ своего учителя и простоялъ въ огнѣ, пока пѣли Miserere. Эти чудеса были, говорятъ, гораздо дѣйствительнѣе насилія. Стефанъ честно сдержалъ свои обѣщанія, и католическая Церковь начала возрождаться. Въ 1344 г. Климентъ VI объявилъ въ буллѣ, что, введенный въ заблужденіе генераломъ францисканскаго ордена, онъ опредѣлилъ доходъ отъ десятиннаго налога въ Босніи на постройку церквей, но боснійскій епископъ Лаврентій разъяснилъ Святому Престолу, что этотъ налогъ по праву принадлежитъ ему и составляетъ его единственный доходъ, и поэтому отнынѣ этотъ налогъ долженъ весь идти въ его пользу. По просьбѣ Климента Стефанъ согласился въ 1345 г. на возвращеніе епископа Макарска Валентина, лѣтъ двадцать тому назадъ изгнаннаго изъ своей епархіи. Въ слѣдующемъ году была основана въ Дувно третья епископская каѳедра. Тѣмъ не менѣе, вельможи катары были по-старому буйны: когда въ 1350 г. Душанъ Великій завоевалъ Боснію, многіе изъ нихъ присоединились къ нему. Но уже скоро закатилась ихъ счастливая звѣзда; въ 1351 г. былъ заключенъ миръ, а въ 1353 г., незадолго до своей смерти, Стефанъ выдалъ свою единственную дочь за горячаго католика Людовика Венгерскаго, наслѣдовавшаго въ 1342 г. своему отцу Карлу-Роберту [2]).

Наслѣдникомъ Стефана Костроманича былъ его малолѣтній племянникъ Стефанъ Твертко, а регентшей была сдѣлана мать молодого бана Елена. При такихъ условіяхъ недовольные и буйные вельможи-катары прекрасно могли вызывать волненія; этимъ воспользовался Людовикъ Венгерскій, когда въ 1355 г. смерть Душана Великаго освободила его отъ опаснаго соперника. Въ 1356 г. доминиканцы получили отъ Иннокентія VI подтвержденіе граматъ, которыми въ 1327 г. Іоаннъ XXII уполномачивалъ ихъ проповѣдывать крестовый походъ противъ еретиковъ и обѣщать участникамъ его такія же индуль-

[1]) Theiner, «Monument. Slavor. Meridion.» I, 174, 175. — Wadding. ann. 1331, № 4; ann. 1337, № 1.—Raynald. ann. 1335, № 62.—Klaic', 157—8.

[2]) Klaic'. 159—61, 181—3.—Wadding. ann. 1340, №№ 6—10.—Theiner, op. cit., I, 211.

Библиотека "Руниверс"

генціи, какія давались за крестовый походъ въ Святую Землю. Людовикъ захватилъ Герцеговину какъ вдовью часть своей жены Елизаветы, а затѣмъ низвелъ Стефана Твертко до роли вассала и заставилъ его принести присягу, что онъ уничтожитъ катаровъ. Недовольный этимъ успѣхомъ, онъ началъ побуждать вельможъ къ возстанію и вызвалъ общіе безпорядки, благодаря которымъ катары заняли свое старое положеніе. Въ 1360 г. Иннокентій VI предоставилъ епископу Босніи Петру всѣ права папскаго инквизитора и приказалъ поднять новый крестовый походъ, который послужилъ для Людовика поводомъ къ новому вторженію. Все это не привело ни къ чему. Въ 1365 г. катары, выведенные изъ себя стараніями Твертко уничтожить ихъ, изгнали изъ Босніи бана и его мать. Людовикъ далъ изгнаннику войско и просилъ Урбана V прислать двѣ тысячи францисканцевъ для обращенія еретиковъ. Послѣ упорной борьбы Твертко вернулъ себѣ свою власть, а братъ его, Стефанъ Вукъ, стоявшій на сторонѣ мятежниковъ, бѣжалъ въ Рагузу и перешелъ въ католичество. Позднѣе въ 1368 г. этотъ же самый Вукъ просилъ покровительства у Урбана V, говоря, что его братъ еретикъ лишилъ его наслѣдства за то, что онъ преслѣдовалъ еретиковъ. Папа просилъ Людовика поддержать католика Вука и заставить Твертко отказаться отъ заблужденій. Но и изъ этого ничего не вышло. Мы не можемъ сказать навѣрное, былъ ли Твертко католикъ или катаръ; по всей вѣроятности, онъ безразлично относился ко всему, что не затрагивало его личныхъ интересовъ, и готовъ былъ вести всякую политику, разъ она была выгодна для его честолюбія; но его удачи показываютъ, что онъ долженъ былъ имѣть поддержку у своихъ подданныхъ, бывшихъ почти поголовно катарами. Въ 1368 г. Урбанъ V поздравлялъ Людовика Венгерскаго, оружіе котораго при помощи монаховъ привело, по его словамъ, въ лоно Церкви тысячи еретиковъ и схизматиковъ. Но самъ Людовикъ признавался въ 1372 г., что католицизмъ упрочился только въ немногихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ; въ другихъ мѣстностяхъ онъ существовалъ рядомъ съ катаризмомъ, но большинство жителей были катары. Тщетно Григорій XI пытался основать францисканскіе монастыри, откуда выходили бы миссіонеры: боснійцы упорно держались своей вѣры. Если бы Твертко слѣдовалъ политикѣ преслѣдованія, онъ не совершилъ бы тѣхъ завоеваній, которыя прославили его имя и его страну. Онъ подчинилъ себѣ большую часть Сербіи, Кроацію и Далмацію, и, когда въ 1376 г. онъ принялъ титулъ короля, никто не смѣлъ у него его оспаривать. Онъ умеръ въ 1391 г., и вельможи стали вполнѣ независимыми при такихъ безсильныхъ королях, какъ малолѣтній сынъ покойнаго Стефанъ Дабиша, а затѣмъ Стефанъ Остоя. Наиболѣе могущественнымъ человѣкомъ въ Босніи былъ воевода Хрвое Вукшичъ, правившій ея сѣверной частью; непосредственно за нимъ слѣдовалъ его родственникъ Сандаль Граничъ, повелитель южной части. Оба они были еретиками; король Стефанъ Остоя и вся его семья также исповѣдывали еретическую религію. Католическая религія почти совершенно пропала, и катаризмъ сдѣлался государственной религіей. Во главѣ еретиковъ стоялъ Дѣдъ и двѣнадцать Учителей; первый изъ нихъ, Гость, обыкновенно былъ представителемъ и преемникомъ Дѣда, второй назывался Старцемъ [1]).

---

[1]) Klaic', 184—5, 187—8, 190—5, 200—1, 223, 262, 268—77, 287, 369.—Theiner, «Monument. Slavor. Meridional.» I, 233, 240.—Wadding. ann. 1356, № 7; ann. 1368, №№ 1—3; ann. 1369, № 11; ann. 1372, № 31—33; ann. 1373, № 17; ann. 1382, № 2.—Raynald. ann. 1368, № 18; ann. 1372, № 32.—Pet. Ranzani Epit. Rer. Hung.» XIX (Schwandtner, «Rer. Hung. Script.», 377).

Въ 1367 г. населеніе Каттаро просило у Урбана V помощи противъ схизматиковъ Албаніи и еретиковъ Босніи, которые хотѣли обратить ихъ силою (Theiner, op. cit., I, 259). По всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь о какомъ-нибудь походѣ безпокойнаго Сандоля Граничъ. Съ другой стороны, въ 1383 г. упоминается объ одномъ боснійскомъ епископѣ, умершемъ незадолго передъ этимъ, который далъ взаймы Людовику Венгерскому двѣнадцать тысячъ флориновъ и завѣщалъ этотъ долгъ Святому Престолу (ibid., стр. 337). Это позволяетъ заключить, что католическая церковь въ Босніи продолжала существовать, и ее нельзя было назвать очень бѣдною.

Библиотека "Руниверс"

Эти лица считались сановниками государства и иногда выступали въ качествѣ оффиціальныхъ представителей власти; такъ, напр., въ 1404 г. Дѣдъ Радомиръ послалъ въ Рагузу уполномоченныхъ привести изгнаннаго воеводу Павла Клесича и писалъ объ этомъ дожу Рагузы. Клесичъ былъ катаръ; другіе катары, также изгнанные, жили въ большомъ числѣ въ Рагузѣ, откуда мы въ правѣ заключать, что даже на Адріатическомъ побережьѣ преслѣдованіе уже прекратилось. Несмотря на катаризмъ Хрвоя Вукшича, Владиславъ Неапольскій назначилъ его герцогомъ Спалатро и повелителемъ нѣсколькихъ далматскихъ острововъ; благодаря этому, катаризмъ сталъ господствовать на всемъ побережьѣ. Во время безпорядковъ, вызвавшихъ низложеніе Стефана Остои и избраніе Стефана Твертко II, состоялось въ 1404 г. «Собраніе боснійскихъ вельможъ»; среди членовъ этого собранія упоминаются Дѣдъ и нѣсколько Учителей, но не упоминается ни объ одномъ католическомъ епископѣ. Отнынѣ установилась вѣротерпимость. Великій Расколъ поглотилъ всю энергію Св. Престола, и мы не слышимъ болѣе о попыткахъ возобновить миссіонерскую дѣятельность до тѣхъ поръ, пока императоръ Сигизмундъ, въ качествѣ короля Венгріи, не предъявилъ своихъ правъ на Боснію. Двѣ арміи, посланныя въ 1405 г., потерпѣли пораженіе. Но въ 1407 г. Григорій XII принялъ участіе и издалъ буллу, призывавшую весь христіанскій міръ къ крестовому походу противъ турокъ, аріанъ и манихеевъ. Съ его благословенія императоръ вступилъ въ Боснію во главѣ шестидесяти тысячъ венгерцевъ и поляковъ, разбилъ и взялъ въ плѣнъ Твертко II и вернулъ Кроацію и Далмацію; но боснійцы продолжали упорствовать и возстановили на престолѣ Стефана Остою. Другой походъ былъ предпринятъ въ 1410—11 гг. Остоя былъ отброшенъ къ югу, и Сигизмундъ на короткое время сдѣлался повелителемъ Босніи. Но, когда въ 1415 г. онъ освободилъ Твертко II и послалъ его царствовать въ Боснію, вспыхнула междоусобная война. Твертко, котораго поддерживала огромная венгерская армія, сначала имѣлъ перевѣсъ, но затѣмъ Остоя призвалъ на помощь турокъ, и въ рѣшительномъ сраженіи венгерцы были разбиты. Турки проникли до Cillei въ Штиріи, всюду опустошая и грабя, и вернулись домой, ведя тысячи христіанскихъ плѣнниковъ [1]).

Такимъ образомъ, въ это и безъ того сложное дѣло вмѣшался новый факторъ. Въ 1389 г. побѣда на Коссовомъ полѣ отдала въ руки турокъ весь Балканскій полуостровъ. Съ этого времени невѣрные безостановочно прокладывали себѣ дорогу вглубь страны. Въ 1392 г. они произвели первое вторженіе въ южную Боснію, и съ этого времени они уже постоянно принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ Баната. Въ странѣ происходили постоянныя междоусобныя войны, и не было королевской власти, способной поддержать порядокъ; вельможи вѣчно ссорились между собою. Было утрачено всякое сознаніе своей національности; ни одинъ вождь не задумывался приглашать невѣрныхъ себѣ на помощь, приносить имъ присягу на вѣрность и подкупать ихъ, чтобы помѣшать имъ стать на сторону противника. Подобные нравы были общи всѣмъ: и католикамъ, и православнымъ, и катарамъ. Сознаніе постоянно грозившей опасности не могло заставить ихъ прекратить эти вѣчные раздоры; никто изъ нихъ не задумывался помогать туркамъ, лишь бы на время стать выше другихъ; и насъ можетъ удивлять только то, что турецкое завоеваніе такъ медленно подвигалось впередъ. Несомнѣнно, соединенныя силы христіанъ могли бы остановить движеніе Ислама. Но, во всякомъ случаѣ, господство невѣрныхъ было лучше полной анархіи, мѣсто которой оно мало-по-малу занимало. Сельскому населенію турки до извѣстной степени приносили облегченіе. Когда въ 1461 г. Стефанъ Томашевичъ вступилъ на престолъ, то онъ писалъ папѣ Пію II, что турки привлекаютъ крестьянъ на свою сторону кроткимъ обращеніемъ и обѣщаніемъ свободы, и добавлялъ при этомъ, что вельможи, оставленные своими рабами, не могутъ болѣе защищать своихъ замковъ [2]).

[1]) Klaić, 275, 287—8, 291, 297—8, 304—5, 312—13, 324.

[2]) Klaić, 416.

Библиотека "Руниверс"

Въ отношеніи катаровъ турецкое нашествіе имѣло два противоположныхъ дѣйствія. Съ одной стороны, можно было опасаться, чтобы преслѣдованіе не заставило еретиковъ искать защиты у невѣрныхъ; съ другой стороны, страна безусловно нуждалась въ помощи христіанскаго міра, а получить ее она могла, только подчинившись Риму и выполнивъ приказъ папъ, требовавшихъ уничтоженія еретиковъ. Эти два условія вызвали гибель Босніи. Когда тамъ царила вѣротерпимость, то католическій міръ отказывалъ ей въ своей помощи; когда же изъ политическихъ соображеній тамъ начинали преслѣдованіе, то катары становились на сторону невѣрныхъ и помогали покоренію государства.

Въ 1420 г. Стефанъ Твертко II снова выступилъ на сцену и заявилъ о себѣ въ слѣдующемъ году. Тогда можно было на время свободно вздохнуть: турецкій генералъ Исаакъ потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ во время похода въ Венгрію, а Мухаммедъ II, занятый своею борьбою съ Мустафой, не имѣлъ времени исправить это несчастіе. Но этотъ отдыхъ былъ непродолжителенъ. Въ 1424 г. сыновья Остои попытались съ помощью турокъ вернуть отцовскій престолъ. Единственнымъ результатомъ этой попытки была война, окончившаяся подчиненіемъ части Босніи Мураду II. Въ другой разъ, въ 1433 г., когда Твертко боролся противъ сербскаго деспота Юрія Бранковича, онъ неожиданно былъ отозванъ на югъ, чтобы остановить турецкое нашествіе, вызванное Радивоемъ, однимъ изъ сыновей Остои. Вскорѣ послѣ этого поднялся могущественный герцеговинскій вельможа Сандаль Граничъ и заставилъ Твертко бѣжать къ Сигизмунду. Во время трехлѣтняго отсутствія бана, въ Босніи происходили страшныя волненія, въ которыя постоянно вмѣшивались турки, призываемые то одной, то другой партіей [1]).

Но все увеличивающійся орденъ францисканцевъ-обсерватиновъ вернулъ Церкви нѣсколько ея стараго жара въ дѣлѣ миссіонерства и далъ ей многочисленный контингентъ преданныхъ идеѣ служителей. Несмотря на массу заботъ, вызванныхъ конфликтомъ между Евгеніемъ IV и Базельскимъ соборомъ, была сдѣлана попытка присоединить Боснію къ истинной вѣрѣ. Если кто могъ разсчитывать въ этомъ дѣлѣ на нѣкоторый успѣхъ, то, казалось, только единственно обсервантинскій монахъ, блаженный Джакомо делла Марка, человѣкъ горячей и неутомимой энергіи, который уже проявилъ ее въ качествѣ инквизитора среди итальянскихъ фратичелли. Въ 1432 г. онъ былъ посланъ въ Славонію съ неограниченными полномочіями для проведенія тамъ реформы францисканскаго ордена и для обращенія братьевъ къ миссіонерской дѣятельности. Подъ руководствомъ подобнаго вождя обращенія, говорятъ, были многочисленны отъ Босніи до Валахіи. Но Евгеній IV возбудилъ соперничество, присоединивъ къ нимъ доминиканцевъ. Въ 1434 г. Джакомо былъ изгнанъ; посланный снова въ слѣдующемъ году онъ проявилъ удвоенную дѣятельность, увѣнчавшуюся огромными успѣхами, которыми, по словамъ его біографовъ, онъ былъ обязанъ своему дару творить чудеса. Обезпокоенная успѣхами монаха, злая царица послала противъ него четырехъ убійцъ: Джакомо, поднявъ руки, просилъ ихъ выполнить то, на что будетъ соизволеніе Божье; тотчасъ же эти люди были какъ бы разбиты параличемъ и испытывали страшныя муки, пока молитвы францисканца не исцѣлили ихъ. Возмущенный этимъ покушеніемъ, Джакомо при всемъ дворѣ поносилъ короля и королеву, и эта смѣлость вызвала такъ много обращеній, что король началъ бояться за свой престолъ. Тогда поручили одному колдуну убить безстрашнаго инквизитора, но Джакомо совершилъ новое чудо, сдѣлавъ этого человѣка нѣмымъ на всю его жизнь. Послѣ этого еретики подпилили подпорки высокой эстрады, съ которой проповѣдывалъ Джакомо; эстрада рухнула, но Джакомо остался невредимъ, и съ тѣхъ поръ всѣ потомки виновныхъ рождались изуродованными и хромыми. Эти проявленія божескаго расположенія вызвали безчисленныя обращенія. Но инквизиторъ поссорился съ бѣлымъ духовенствомъ, завидовавшимъ ему, и

[1]) Klaić, 335—8, 344—6, 351—3.

Библиотека "Руниверс"

отлученный имъ отъ Церкви долженъ былъ просить у папы снятія отлученія. Его блестящая дѣятельность была прервана императоромъ Сигизмундомъ, вызвавшимъ его къ себѣ на помощь противъ гуситовъ. Но и далеко на сѣверѣ онъ не забывалъ о своихъ противникахъ въ Босніи; встрѣтивъ въ Штульвейссенбургѣ легатовъ Базельскаго собора, онъ просилъ ихъ оказать давленіе на Сигизмунда. «Несомнѣнно, говорилъ онъ, король Стефанъ—еретикъ, который, не получивъ самъ крещенія, не позволяетъ крестить и своихъ подданныхъ, между тѣмъ, императорскій указъ заставитъ его уступить». Кромѣ того, Джакомо оставилъ въ Босніи достойныхъ учениковъ, выбранныхъ изъ мѣстнаго населенія. Одинъ изъ нихъ, Анджело изъ Вербозы, также имѣлъ даръ творить чудеса: однажды еретики дали ему яду, онъ перекрестилъ кубокъ, и напитокъ сдѣлался безвреднымъ. Это чудо обратило многихъ. Какъ ни невѣроятны кажутся эти легенды, тѣмъ не менѣе, онѣ основаны на фактахъ [1]).

Въ буллѣ Евгенія IV отъ 1437 г. упоминается о шестнадцати церквахъ и францискан-скихъ монастыряхъ, разрушенныхъ турками въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ другомъ бреве того же папы оставшимся въ живыхъ монахамъ предоставляются нѣкоторыя привилегіи. Эти монахи показали себя дѣятельными и проложили себѣ дорогу. Съ другой стороны, вліяніе Джакомо давало чувствовать себя въ Штульвейссенбургѣ. Ему удалось добиться, что Сигизмундъ заставилъ Твертко принять крещеніе и въ январѣ 1346 г. въ этомъ же самомъ городѣ издалъ указъ, ставившій францисканцевъ подъ покровительство короля и предоставлявшій имъ право распространять католичество по всей Босніи. Взамѣнъ этого Сигизмундъ помогъ Твертко вступить въ его королевство, раздѣленное въ то время между Сербіей и Турціей и совершенно опустошенное. Изъ того немногаго, что онъ могъ получить въ этой разоренной странѣ, Твертко долженъ былъ ежегодно платить Мураду II двадцать-пять тысячъ дукатовъ дани. Какъ ни было слабо это подобіе королевства, однако, оно отказалось оказать католической Церкви покровительство, обѣщанное Твертко. Въ это время южная Боснія была независима подъ владычествомъ Стефана Вукшича, племянника и наслѣдника Сандаля; на него, какъ на катара, вся Боснія смотрѣла какъ на защитника вѣры. Вступивъ въ союзъ съ Мурадомъ II, онъ снова лишилъ Твертко престола [2]).

Въ 1444 г. былъ избранъ новый король, Стефанъ Томашъ Остоя, младшій побочный братъ Остои. До этого времени этотъ князь благоразумно держался въ тѣни около женщины низкаго происхожденія, на которой онъ женился по катарскому обряду, что впослѣдствіи послужило поводомъ къ разводу. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, потребовавшихъ отъ короля разрѣшенія, былъ вопросъ о томъ, станетъ ли онъ на сторонѣ ереси или католичества? Церковь продолжала стараться обратить въ католичество раздробленные остатки Босніи, не думая о томъ, что, увеличивая такимъ путемъ безпорядки и междоусобія, она дѣйствовала въ интересахъ турокъ. Въ 1437 г. каѳедра, оставшаяся свободной послѣ Джакомо делла Марка, была отдана бр. Николаю изъ Трогиры. Съ 1439 г. епископомъ лесинскимъ Томмасо пользовались въ качествѣ папскаго легата въ интересахъ католической Церкви. Его попытка обратить Стефана Вукшича кончилась неудачей; но вступленіе новаго короля требовало со стороны Церкви новыхъ усилій. Папа Евгеній немедленно далъ викарному генералу обсерватиновъ Босніи, Фабіану де Бачъ, и его преемникамъ титулъ *пожизненныхъ инквизиторовъ* въ славянскихъ земляхъ. Онъ поручилъ лесинскому епископу обѣщать Стефану Томашу признаніе его избранія, если онъ согласится перейти въ католичество. Положеніе Стефана было затруднительное. Всѣ его вельможи, за исключеніемъ Петра Войшалича, были катарами; оскорбить ихъ значило вызвать турецкое вмѣшательство; не принять католичества значило потерять всякую надежду на

---

[1]) Wadding. ann. 1433, №№ 12—13; ann. 1435, №№ 1—7, 9; ann. 1476, №№ 39—40; ann. 1498 № 2.—Aegid. Carlerii «de Legationibus» (Monument. Concil. General. Saecul. XV. T. I, 676).

[2]) Theiner, «Monument. Slavor. Meridional.» I, 375, 376.—Klaic', 354—6, 364—5, 369.

Библиотека "Руниверс"

возможность помощи съ запада. Очевидно, ему было сдѣлано много неосуществимыхъ обѣщаній, такъ какъ, въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ перейти на сторону католичества; но, боясь возбудить недовольство своихъ подданныхъ катаровъ, онъ отказался отъ короны, предложенной папой. Онъ разрѣшилъ устройство двухъ новыхъ епископій, принялъ крещеніе и горячо и упорно старался убѣдить своихъ подданныхъ послѣдовать его примѣру. Почти всѣ вельможи обратились. Однимъ изъ наиболѣе упрямыхъ былъ Стефанъ Вукшичъ, а также и масса населенія нелегко сдавалась на убѣжденія. Самъ король не рѣшался отказывать Совершеннымъ въ adoratio, что заставило инквизитора отлучить его отъ Церкви; но папа зналъ, какъ трудно было положеніе короля, и разрѣшилъ ему сохранять сношенія съ еретиками [1]).

Несмотря на то, что было выстроено много католическихъ церквей, страна оставалась еретической. Будучи въ Римѣ, легатъ заявилъ, что единственнымъ средствомъ противъ ереси былъ мечъ. Положеніе короля было черезчуръ непрочно, такъ что онъ не могъ начать преслѣдованія, которое неизбѣжно вызвало бы мятежъ. Давая въ 1446 г. нѣсколько городовъ Павлу Драгишичу и его братьямъ, которые всѣ были убѣжденными катарами, Твертко долженъ былъ сдѣлать оговорку, что, въ случаѣ измѣны, этотъ даръ будетъ отнятъ у нихъ только послѣ разслѣдованія, произведеннаго «господиномъ Дѣдомъ, боснійскою Церковью и добрыми боснійцами». Францисканцы жаловались папѣ Николаю V на равнодушное отношеніе Твертко, но король въ свое оправданіе ссылался на обстоятельства. Онъ надѣется, говорилъ онъ, что настанетъ день, когда онъ предложитъ своимъ подданнымъ обращеніе или смерть, но въ настоящее время его положеніе очень непрочно, такъ какъ еретики многочисленны и могущественны. Николай успокоилъ францисканцевъ, нетерпѣливо ждавшихъ лучшаго будущаго [2]).

Въ 1448 г. былъ разбитъ послѣ трехдневной битвы Янъ Гуніади на знаменитомъ Коссовомъ полѣ. Въ 1449 г. онъ заключилъ съ Мурадомъ II миръ, длившійся семь лѣтъ; Боснія была включена въ мирный договоръ; а затѣмъ его подписала и Сербія. Избавленному теперь отъ опасности иноземнаго вторженія Стефану Томашу было предложено выполнить свои обѣщанія. Онъ долженъ былъ торжественно, въ присутствіи представителей папы, обѣщать Яну Гуніади окончательно уничтожить ересь. Николай V приказалъ лесинскому епископу, снова посланному въ качествѣ легата въ Боснію, проповѣдывать крестовый походъ и обѣщать полныя индульгенціи, какъ за походъ въ Святую Землю. За дѣло взялись энергично. Въ началѣ 1451 г. лесинскій епископъ сообщалъ такія свѣдѣнія, которыя предвѣщали близкій успѣхъ. Много вельможъ выразило желаніе обратиться; король изъ всѣхъ силъ помогалъ францисканцамъ, которымъ онъ далъ много монастырей; повсюду, гдѣ были монастыри, еретики таяли, какъ воскъ предъ лицомъ огня, и если бы было достаточное число монаховъ, то ересь скоро была бы уничтожена. Но доминиканецъ, бр. Джованни изъ Рагузы, представлялъ положеніе въ менѣе радужныхъ краскахъ: въ Босніи и Сербіи, говорилъ онъ, такъ мало монаховъ и священниковъ, что населеніе совершенно не знаетъ истинной вѣры. Не думая объ опасности, которую должна была породить совмѣстная дѣятельность двухъ орденовъ, Николай послалъ этого доминиканца и нѣсколько другихъ его братьевъ миссіонерами въ Боснію въ то самое время, когда отправлялъ въ Албанію, Болгарію и Сербію францисканца Евгенія Сомму съ двойнымъ титуломъ нунція и инквизитора [3]).

---

[1]) Klaic', 366—7, 369—70, 372—3.—Wadding. ann. 1437, №№ 2—3; ann. 1444, №№ 42—43.—Ripoll, III, 91.—Raynald. ann. 1444, № 2; ann. 1445, № 23; ann. 1447 , № 21.—Theiner op. cit., I, 388, 389, 395.

[2]) Klaic', 373—4.—Raynald. ann. 1449, № 9.

[3]) Klaic', 376—7.—Rainald. ann. 1449, № 9; ann. 1450, № 13; ann. 1461, № 136.—Wadding. ann. 1451, №№ 47, 52 - 3.—Ripoll, III, 286.

Библиотека "Руниверс"

Добродушный лесинскій епископъ поторопился учесть успѣхъ. Лишь только было начато преслѣдованіе, сорокъ вождей катарской Церкви со множествомъ людей бѣжали къ Стефану Вукшичу, который началъ помышлять о нападеніи на католиковъ Рагузы; много другихъ еретиковъ бѣжало въ Сербію и къ туркамъ, которыхъ они умоляли о помощи, а оставшіеся дома готовились къ упорному сопротивленію. Вспыхнула кровопролитная религіозная война, и Юрій Бранковичъ воспользовался обстоятельствами, чтобы возобновить войну, прерванную въ 1449 г. Стефанъ Томашъ не могъ выдержать этого; онъ долженъ былъ отказаться отъ преслѣдованія и просить помощи. Раздраженный слабостью Стефана, Янъ Гуніади приказалъ ему заключить миръ съ Сербіей. Стефанъ обратился съ жалобой къ Николаю V, и папа сдѣлалъ замѣчаніе Гуніади; послѣдній, оправдываясь, обвинялъ Стефана въ томъ, что онъ не держитъ слова, и вмѣсто того, чтобы уничтожить еретиковъ, къ великому соблазну христіанъ оказываетъ имъ поддержку [1]).

Когда въ маѣ 1453 г. Константинополь перешелъ въ руки турокъ, Стефанъ Томашъ поспѣшилъ послать посольство къ Мухаммеду II съ изъявленіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Въ виду все болѣе и болѣе грозившаго вторженія турокъ невозможно было вести дѣла преслѣдованія; тѣмъ не менѣе, папы дали Стефану Томашу часть денегъ, собранныхъ за крестовый походъ. Катары были унижены и наказаны, насколько это было возможно при данныхъ обстоятельствахъ; вскорѣ они образовали въ странѣ опасную партію недовольныхъ. Въ 1459 г. король подтверждаетъ Пію II, что онъ энергично преслѣдуетъ еретиковъ, и проситъ прислать новыхъ епископовъ. Однимъ изъ послѣднихъ актовъ его царствованія была отправка къ папѣ епископа Ноны съ тремя вельможами катарами—Юріемъ Кучиничемъ, Стойсавомъ Твертковичемъ и Радованомъ Віенцеличемъ, выразившими желаніе обратиться. Трудно повѣрить, чтобы нашлись люди, которые могли бы желать подобнаго престола; однако, въ 1461 г., во время войны съ кроатскими вельможами, Стефанъ былъ убитъ своимъ сыномъ Стефаномъ Томашевичемъ и своимъ братомъ Радивоемъ. Это отцеубійство дало Стефану Томашевичу терновую корону. На сѣверѣ онъ имѣлъ врага въ лицѣ Матвѣя Корвина; на западѣ онъ велъ войну съ Кроаціей; на югѣ у него былъ врагомъ Стефанъ Вукшичъ, и, наконецъ, на востокѣ въ Сербіи, обращенной въ турецкій пашалыкъ, Мухаммедъ II только ждалъ удобнаго случая, чтобы подчинить себѣ и Боснію. Окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, страна и внутри была безпокойна; она была полна явныхъ и тайныхъ катаровъ, которые были полны жажды мщенія и готовы были позвать на помощь перваго встрѣчнаго [2]).

Единственная надежда новаго короля была на помощь христіанскаго міра. Чтобы заслужить ее, онъ дѣятельно старался укрѣпить въ своихъ владѣніяхъ католическую Церковь; но это только ускорило его паденіе. Отъ Пія II онъ добился только того, что аббату изъ Спалатро, легату Лоренцо, были даны инструкціи относительно сбора денегъ и набора крестоносцевъ. Онъ заключилъ союзъ съ Матвѣемъ Корвиномъ, уплативъ ему крупную сумму денегъ, отдалъ ему нѣсколько замковъ, порвалъ всѣ отношенія съ турками и прекратилъ уплату дани Мухаммеду II. Всѣми этими поступками онъ отдалилъ отъ себя своихъ подданныхъ катаровъ и навлекъ на себя гнѣвъ султана. Много изгнанныхъ изъ Босніи катаровъ нашли себѣ убѣжище въ земляхъ, занятыхъ мусульманами; другіе, особенно вельможи, вынужденные притворяться обращенными, поддерживали постоянныя сношенія съ турками, сообщали имъ все, что дѣлалось, и готовы были во всякое время оказать имъ помощь. О заключеніи договора съ Матвѣемъ Корвиномъ было немедленно сообщено Мухаммеду, который, чтобы провѣрить это извѣстіе, отправилъ посла потребовать дани. Король Стефанъ свелъ турецкаго посла въ свое казнохранилище, по-

[1]) Theiner, op. cit., I, 408.—Klaić, 380—2.

[2]) Klaić, 398, 408—9, 412, 414—15.—Theiner, op. cit., I, 432.

Библиотека "Руниверс"

казалъ ему деньги и заявилъ, что не желаетъ платить требуемой съ него суммы, говоря, что она нужна ему для защиты противъ враговъ или для жизни въ изгнаніи, если судьба лишитъ его королевства. Онъ не обратилъ никакого вниманія на предостереженіе, сдѣланное ему турецкимъ посломъ, который утверждалъ, что это богатство не принесетъ ему пользы, такъ какъ онъ не держитъ своего обѣщанія [1]).

Послѣ подобнаго вызова нечего было ждать отъ турокъ. Но въ теченіе 1462 г. Мухаммедъ былъ весь поглощенъ дѣлами въ Валахіи; онъ отложилъ свое мщеніе до будущаго года. Римъ по-старому не понималъ опасности положенія и продолжалъ неизмѣнно настаивать на своемъ желаніи ввести единую вѣру. Во время этой короткой передышки Пій II послалъ въ Боснію ученыхъ монаховъ, которымъ онъ, какъ на лучшее средство уничтоженія ереси, указалъ на подъемъ образованія! Мухаммедъ посвятилъ зиму и весну 1463 г. на подготовленія и собралъ въ Андріанополѣ сто-пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Чтобы усыпить Стефана, онъ далъ ему просимое имъ перемиріе на пятнадцать лѣтъ; когда посланные Стефана несли ему это пріятное извѣстіе, то за ними на разстояніи четырехъ дней пути шла турецкая армія. Страна была беззащитна, и турки нигдѣ не встрѣтили сопротивленія, пока не дошли до хорошо укрѣпленнаго королевскаго замка въ Бобовцѣ, способнаго выдержать продолжительную осаду; но начальникъ замка, графъ Радакъ, катаръ, котораго нѣкогда принудили перейти въ католичество, сдался черезъ три дня, польстившись на обѣщанія турокъ; когда измѣнникъ потребовалъ себѣ вознагражденія, то Мухаммедъ упрекнулъ его въ вѣроломствѣ и приказалъ обезглавить. Народное преданіе показываетъ еще до сихъ поръ скалу Радаковицу, на которой погибъ несчастный измѣнникъ. Сдача Бобовца навела страхъ на всю страну. Болѣе уже не думали сопротивляться; оставалось выбирать между бѣгствомъ и подчиненіемъ. Король бѣжалъ къ кроатской границѣ. Мухаммедъ-паша слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, и Стефану Томашевичу пришлось направиться въ Ключъ, причемъ ему обѣщали сохранить жизнь и свободу; тѣмъ не менѣе, онъ былъ обезглавленъ послѣ того, какъ далъ всѣмъ начальникамъ городовъ и замковъ приказъ сдаться на капитуляцію. Въ теченіе недѣли болѣе семидесяти городовъ перешли въ руки турокъ, а около половины іюня вся Боснія находилась въ ихъ рукахъ. Тогда Мухаммедъ направился къ югу и захватилъ земли Стефана Вукшича, но катары мужественно отстояли горы Герцеговины, и въ концѣ іюня турецкая армія отступила, уводя съ собой сто тысячъ плѣнныхъ и тридцать тысячъ молодыхъ людей, обреченныхъ стать янычарами [2]).

Такимъ образомъ, безъ сопротивленія была завоевана Боснія, покинутая христіанскимъ міромъ, который вмѣшивался въ ея внутреннюю жизнь только для того, чтобы зажигать религіозную борьбу. Герцеговина еще отстаивала свою независимость въ теченіе двадцати лѣтъ. Тотъ фактъ, что въ 1463 г. Матвѣй Корвинъ отвоевалъ большую область, столь легко занятую врагомъ, показываетъ, что безъ большого труда можно было избѣгнуть этой катастрофы. Эта область оставалась христіанской до 1526 г., когда было сломлено въ битвѣ подъ Могачемъ могущество Венгріи. Въ земляхъ, перешедшихъ въ руки турокъ, катары почти всѣ приняли Исламъ, и секта, болѣе десяти столѣтій выдерживавшая упорную борьбу за свое существованіе, угасла безвѣстно. Христіане могли искать спасенія въ бѣгствѣ, и ихъ выселеніе продолжалось безпрерывно до XVIII столѣтія. Но они бѣжали скорѣе отъ притѣсненія, чѣмъ отъ преслѣдованія, такъ какъ турки не мѣшали имъ свободно исповѣдывать свою вѣру. Когда ученикъ Джакомо делла Марка, блаженный Анджело изъ Вербозы, убѣждалъ своихъ единовѣрцевъ покинуть страну, Мухаммедъ призвалъ его къ себѣ и грозно спросилъ, почему они хотятъ уйти. «Мы хотимъ

[1]) Klaić, 424—6.
[2]) Klaić, 427—8, 432—6.—Wadding. ann. 1463, № 82.

Библиотека "Руниверс"

въ другомъ мѣстѣ свободно поклоняться Богу!»—смѣло отвѣтилъ Анджело, и онъ такъ хорошо показалъ положеніе христіанъ, что Мухаммедъ запретилъ притѣснять ихъ и даже разрѣшилъ Анджело продолжать проповѣдывать. И съ того времени францисканцы остались тамъ до послѣдняго времени единственными защитниками христіанства, несмотря на многочисленныя мученія, которымъ ихъ подвергали варвары побѣдители [1])

---

[1]) Klaic', 437—9, 443.—Wadding. ann. 1478, № 67; ann. 1498, №№ 2—3; ann. 1500, № 44.

Когда турки заняли столицу Босніи, то францисканцы бѣжали въ Венецію, унося съ собою тѣло св. Луки, которое было перенесено изъ Константинополя въ ихъ городъ. Обладаніе столь важными мощами вызывало къ нимъ всеобщее уваженіе, но вовлекло ихъ въ крайне непріятный споръ. Въ теченіе трехсотъ лѣтъ бенедиктинскій монастырь св. Іустина въ Падуѣ пользовался славою обладателя мощами св. Луки, что было источникомъ огромныхъ доходовъ для монастыря. Бенедиктинцы начали утверждать, что мощи двойника подложны. Такъ какъ ни одно преданіе, достойное вѣры, не приписывало святому одновременно двухъ тѣлъ, то было невозможно придти къ соглашенію. Обратились къ папѣ Пію II, который поручилъ это дѣло съ правомъ вынести окончательное рѣшеніе своему легату въ Венеціи, кардиналу Виссаріону. Тогда начался формальный процессъ, длившійся три мѣсяца и кончившійся побѣдой францисканцевъ. Лука Падуанскій былъ признанъ самозванцемъ, и было запрещено на будущее время вѣрнымъ поклоняться ему, но не было дано никакого удовлетворенія людямъ, которые въ теченіе трехсотъ лѣтъ безполезно тратили свои молитвы и приношенія, думая снискать заступничество подлиннаго апостола. Много лѣтъ падуанцы тщетно старались добиться отмѣны рѣшенія кардинала Виссаріона; въ концѣ концовъ, они должны были покориться. Главнымъ ихъ аргументомъ было то, что императоръ Тиберій II далъ около 580 г. послу папы Пелагія II въ Константинополѣ, святому Григорію, голову святого Луки, которую можно видѣть еще въ базиликѣ Ватикана, и которой поклоняются вѣрные; мощи святого Луки бенедиктинцевъ представляли трупъ, лишенный головы, тогда какъ мощи, которыми обладали францисканцы, были полныя, и бенедиктинцы совершенно основательно утверждали, что трудно допустить, чтобы у святого Луки были двѣ головы. Доказательство это было вѣское, но успѣха не имѣло. Однако, духовенство Ватикана не сочло нужнымъ отказаться отъ своей драгоцѣнной святыни и продолжало показывать голову апостола какъ настоящую. Вопросъ еще болѣе осложнился тѣмъ, что въ базиликѣ Св. Маріи ad Praesepe сохранилась рука евангелиста, такъ что выходило, будто у него были три руки (Wadding. ann. 1463, №№ 13—23).

Библиотека "Руниверс"

Оглавленіе *).

отг.

Предисловіе къ русскому изданію . . . . . I—II

Исторіографія Инквизиціи . . . . . III—XIV

Предисловіе автора . . . . . XV—XVI

КНИГА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе и устройство.

Глава I. Церковь . . . . . 1—36

Господство Церкви въ XII ст., 1.—Причина антагонизма между Церковью и свѣтскимъ обществомъ, 3.—Избраніе епископовъ. Симонія и фаворизмъ, 4.—Воинственный характеръ прелатовъ, 6.—Трудность наложенія наказаній на виновныхъ, 9.—Униженіе епископскаго сана. Злоупотребленія папскаго суда, 11.—Злоупотребленія епископскаго суда, 14.—Вымогательство на построеніе соборныхъ храмовъ, 15.—Упадокъ проповѣди. Злоупотребленія протекціей, 16.—Соединеніе нѣсколькихъ должностей въ одномъ лицѣ, 17.—Десятинные налоги. Торговля таинствами, 18.—Вымогательство духовныхъ завѣщаній на благотворительныя цѣли, 19.—Позорныя ссоры при погребеніяхъ, 20.—Безнравственность духовенства, 21.—Безнаказанность духовенства, 22.—Монашескіе ордены, 23.—Религія въ Средніе вѣка. Стремленіе къ фетишизму. Индульгенція, 27.—Магическая сила молитвъ и мощей, 30.—Отзывы современниковъ, 33.

Глава II. Ересь . . . . . 36—57

Умственное пробужденіе XII вѣка, 36.—Бѣдственное положеніе народа. Характеръ ересей, 38.—Ереси, враждебныя священству. Недѣйствительность таинствъ въ недостойныхъ рукахъ, 40.—Танхельмъ, 41.—Эонъ де Этуаль. Цивилизація въ южной Франціи, 43.—Петръ Брюсіенскій, 44.—Генрихъ, монахъ изъ Лозанны, 45.—Арнольдъ Брешіанскій, 47.—Петръ Вальдо и вальденцы, 49.—Passagii, Joseppini, Siscidentes, Rucarii, 57.

Глава III. Катары . . . . . 57—83

Привлекательность дуалистической теоріи, 57.—Происхожденіе катаризма изъ ученія манихеевъ, 58.—Вѣрованія и внутреннее устройство катарской Церкви, 60.—Ревность миссіонеровъ и жажда мученичества, 67.—Катары не были поклонниками діавола, 69.—Центръ катаризма въ славянскихъ земляхъ. Его распространеніе по Европѣ въ XI вѣкѣ, 70.—Его успѣхи въ XII вѣкѣ, 72.—Сравнительная непричастность Англіи и Германіи, 73.—Успѣхъ въ Италіи. Усилія Иннокентія III, 74.—Главный оплотъ катаризма—южная Франція, 76.—Возможность его торжества, 79.—Неудача крестоваго похода 1181 года, 81.—Періодъ терпимости и роста ереси, 82.

Глава IV. Крестовые походы противъ альбигойцевъ . . . . . 83—132

Политика Церкви въ отношеніи ереси, 83.—Подъ вліяніе ереси въ Ниверне, 84.—Переводы Священнаго Писанія, запрещенные въ Мецѣ. Могущество Раймунда VI Тулузскаго, 85.—Состояніе Церкви въ его владѣніяхъ, 86.—

*) Указатель будетъ приложенъ въ концѣ 2-го тома.

Библиотека "Руниверс"

стр.

Иннокентій III предпринимаетъ подавленіе ереси, 87.—Прелаты отказываютъ въ своемъ содѣйствіи, 88.—Посылка Арнольда Citосскаго въ качествѣ главнаго легата, 89.—Безполезныя попытки организовать крестовый походъ 1204 года. Епископъ Осмы и св. Доминикъ снова возобновляютъ попытки въ 1206 году, 90.—Попытка организовать крестовый походъ въ 1207 г., 92.—Убійство Петра Кастельно 16 января 1208 года, 93.—Успѣшная проповѣдь крестоваго похода въ 1208 г., 95.—Старанія Раймунда отвратить грозу. Его подчиненіе. Двуличность Иннокентія III, 96.—Раймундъ руководитъ крестовымъ походомъ противъ Виконта Безье, 97.—Взятіе Безье и капитуляція Каркассона, 98.—Петръ Арагонскій и Симонъ де-Монфоръ, 100.—Монфоръ принимаетъ завоеванныя владѣнія, 102.—Раймундъ осажденъ. Коварная политика Церкви, 104.—Безнадежныя усилія Раймунда отвратить разрывъ, 106.—Первая осада Тулузы. Раймундъ терпитъ пораженіе, 107.—Вмѣшательство Петра Арагонскаго, 109.—Раймунду отказываютъ въ судѣ, 110.—Петръ объявляетъ войну. Сраженіе при Мюрэ 13 сентября 1213 г., 112.—Перемѣнные успѣхи Монфора. Благочестивый обманъ со стороны легата, 113.—Низложеніе Раймунда и замѣщеніе его Монфоромъ, 115.—Латеранскій соборъ рѣшаетъ въ пользу Монфора, 116.—Народное возстаніе подъ предводительствомъ молодого Раймунда, 117.—Вторая осада Тулузы въ 1217 г. Смерть Монфора, 118.—Крестовый походъ Людовика Львиное Сердце. Третья осада Тулузы, 119.—Раймундъ VII получаетъ обратно свои владѣнія. Усиленіе ереси, 120.—Начало переговоровъ.—Смерть Филиппа-Августа, 121.—Людовикъ VIII предлагаетъ крестовый походъ.—Примиреніе Раймунда съ Церковью, 122.—Двуличность Гонорія III.—Соборъ въ Буржѣ въ ноябрѣ 1225 г., 123.—Людовикъ организуетъ крестовый походъ въ 1226 г., 126.—Его успѣхи, его отступленіе и смерть, 127.—Безрезультатная война 1227 г., 128.—Парижскій трактатъ апрѣля 1229 г.—Установленіе преслѣдованія, 130.

Глава V. Преслѣдованіе . . . . . 132—154

Развитіе нетерпимости въ первоначальной Церкви 132.—Преслѣдованіе начинается при Константинѣ, 134.—Церковь принимаетъ смертную казнь какъ наказаніе за ересь, 135.—На правительство возлагается обязанность подавлять ересь, 136.—Ослабленіе духа преслѣдованія во время господства варваровъ, 138.—Колебанія принять суровыя мѣры въ XI и XII вѣкахъ, 139.—Неопредѣленность во взглядѣ на характеръ и наказанія, 140.—Признаніе костра въ XIII вѣкѣ, 141.—Церковь снимаетъ съ себя отвѣтственность, 142.—Возложеніе преслѣдованія на свѣтскую власть, 143.—Преслѣдованія мертвыхъ, 147.—Мотивы преслѣдованія, 148.—Жестокость Среднихъ вѣковъ, 149.—Преувеличенный ужасъ, внушаемый ересью, 151.—Вліяніе аскетизма, 153.—Низменность мотива преслѣдованія, 154.

Глава VI. Нищенствующіе монахи. . . . . . 155—194

Реформаціонное направленіе въ Церкви. Фулькъ изъ Нейльи, 155.—Дурандо изъ Хуески, предшественникъ Св. Доминика и св Франциска, 156.—Св. Доминикъ, его жизнь и характеръ, 158.—Успѣхъ ордена св. Доминика, основаннаго въ 1213 г., 160.—Святой Францискъ Ассизскій, 163.—Основаніе ордена. Обѣтъ нищеты, 164.—Св. Францискъ осуществляетъ христіанскій идеалъ, 166.—Чрезмѣрное восхваленіе нищеты, 168.—Вліяніе нищенствующихъ орденовъ, 170.—Pastoureaux и флагелланты, 171.—Нищенствующіе получаютъ независимость отъ прелатовъ, 174.—Услуги, оказанныя ими папству, 175.—Антагонизмъ между нищенствующими монахами и бѣлымъ духовенствомъ, 177.—Разсмотрѣніе ссоры между ними парижскимъ университетомъ, 179.—Побѣда нищенствующихъ, 183.—Нравственное паденіе нищенствующихъ орденовъ, 188.—Миссіонерская дѣятельность монаховъ, 189.—Ихъ роль въ качествѣ инквизиторовъ, 191.—Соперничество между двумя орденами, 193.

Библиотека "Руниверс"

стр.

Глава VII. Установленіе Инквизиціи . . . . . 194—234

Трудность открытія ереси и неопредѣленность вопроса о наказаніяхъ за нее, 194.—Развитіе епископскихъ судовъ, 196.—Дѣлопроизводство въ епископскихъ судахъ, 197.—Система розыска, 198.—Стараніе установить епископскую Инквизицію, 199.—Попытка основать Инквизицію легатовъ, 201.—Пригодность для этой цѣли нищенствующихъ орденовъ, 202.—Свѣтское законодательство, направленное къ подавленію ереси, 203.—Эдиктъ Григорія IX 1231 г. Попытка образовать свѣтскую Инквизицію, 207.—Попытка ввести папскую Инквизицію, 208.—Доминиканцы въ качествѣ инквизиторовъ, 209.—Надзоръ епископовъ за еретиками, 211.—Столкновенія между епископами и инквизиторами, 212.—Права инквизиторовъ въ Италіи, Франціи и Арагоніи, 214.—Отмѣна всѣхъ законовъ, мѣшавшихъ дѣятельности Инквизиціи, и подчиненіе Инквизиціи всѣхъ соціальныхъ силъ, 218.—Безконтрольность и неотвѣтственность инквизиторовъ, 219.—Предѣлы юрисдикціи инквизитора 221.—Наказанія за препятствіе дѣятельности Инквизиціи, 222.—Соперничество между епископами, 223. — Народы сѣвера избѣгли Инквизиціи, 224. — Африка и Востокъ, 226.—Судьба епископской Инквизиціи, 227.—Преимущество папской Инквизиціи надъ епископской, 232.—Образцовый инквизиторъ по Бернару Ги, 233.

Глава VIII. Устройство Инквизиціи. . . . . . 234—251

Простота Инквизиціи, 234.—Инквизиціонные округа.—Разслѣдованія на мѣстахъ, 235.—Срокъ милосердія, 236.—Помѣщенія Инквизиціи и тюрьмы. Личный составъ суда, 237.—Важное значеніе архивовъ, 240.—Разрѣшеніе носить оружіе, 241.—Содѣйствіе государства инквизиторамъ, 244.—Участіе епископовъ въ постановленіи рѣшеній, 245. — Эксперты, 246. — Ауто-да-фе, 247. — Совмѣстная работа инквизиціонныхъ судовъ, 249. — Временные генералъ-инквизиторы, 250.

Глава IX. Судопроизводство Инквизиціи . . . . . 251—271

Инквизиторъ одновременно судья и духовникъ, 252.—Характеръ инквизиціоннаго судопроизводства, 253.—Минимальный возрастъ обвиняемаго. Судъ надъ не явившимися и умершими, 254.—Безпомощность обвиняемыхъ, 256.—Таинственность процесса, 256.—Возможность обвиненія при несознаніи обвиняемаго. Взглядъ на несознаніе, 257. — Допросъ обвиняемаго, 259.—Пріемы для доведенія обвиняемого до сознанія, 261.—Физическія и нравственныя мученія, 262.—Безконечныя отсрочки суда, 264.—Пытки, 265.—Смягченіе пытки Климентомъ V, 267.—Правила для примѣненія пытки, 268.—Отреченія отъ признаній, 270.

Глава X. Свидѣтельскія показанія . . . . . 271—279

Малое значеніе свидѣтельскихъ показаній, 271.—Преступленіе—«подозрѣніе въ ереси», 273.—Число свидѣтелей. Ихъ общественное положеніе. Ихъ возрастъ, 274.—Возможность отвода свидѣтелей, 275.—Нарушеніе тайны исповѣди, 276. — Скрываніе именъ свидѣтелей, 277. —Лжесвидѣтели, 278.—Наказанія за лжесвидѣтельство, 279.

Глава XI. Защита . . . . . 280—289

Ограниченіе права защиты, 280.—Отказъ еретикамъ въ адвокатѣ, 281.—Отводъ свидѣтелей—единственный пріемъ защиты, 282.—Преслѣдованія умершихъ, 283 — Фактическая беззащитность обвиняемаго. Апелляціи, 284.—Вмѣшательство папъ, 285.—Подозрѣніе въ ереси, 287.—Присяга подозрѣваемыхъ, 288.—Отреченіе отъ ереси, 288.

Глава XII. Приговоръ . . . . . 289—315

Епитимія, а не наказаніе, 289.—Различныя епитиміи, 291.—Бичеваніе. Паломничества, 293.—Крестовые походы въ Палестину, 294.—Ношеніе

Библиотека "Руниверс"

СТР.

крестовъ, 295.—Штрафы, 297.—Невыполненіе епитиміи, 299.—Залоги, 300.—Злоупотребленія, 301.—Разрушеніе домовъ, 303.—Свобода инквизитора въ выборѣ наказанія, 305.—Тюремныя заключенія, 306. Вопросъ о постройкѣ и содержаніи тюремъ, 308.—Положеніе заключенныхъ, 309.—Сравнительная таблица примѣненія разныхъ наказаній, 311.—Смягченіе приговоровъ, 312. Наказанія потомковъ еретиковъ, 314.—Отлученіе отъ Церкви, 315.

Глава XIII. Конфискація . . . . . 316—336

Конфискація въ римскомъ законѣ.—Введеніе ея Церковью, 316.—Измѣненія законовъ въ этомъ отношеніи, 317.—Преступленія, влекшія за собой конфискацію, 320.—Вопросъ о приданомъ жены, 321.—Распредѣленіе конфискованнаго имущества, 322.—Злоупотребленія конфискаціями, 326.—Недѣйствительность отчужденія имущества, 328.—Конфискація и торговля, 330.—Вопросъ о покрытіи издержекъ Инквизиціи, 331.—Отношенія между преслѣдованіемъ и конфискаціей, 334.

Глава XIV. Костеръ . . . . . 336—352

Неотвѣтственность Инквизиціи въ теоріи, 336.—Церковь заставляетъ свѣтскія власти сжигать еретиковъ, 337.—Сжигаютъ только нераскаянныхъ еретиковъ, 340.—Еретики-рецидивисты, 342.—Отказъ подчиниться епитиміи, 345.—Часты ли были случаи костра, 346. Подробности казни, 347.—Сжиганіе книгъ, 348.—Вліяніе методовъ Инквизиціи на Церковь. 350.—Вліяніе ихъ на свѣтское судопроизводство, 351.

КНИГА ВТОРАЯ.

Инквизиція въ различныхъ христіанскихъ земляхъ.

Глава I. Лангедокъ . . . . . 353—422

Препятствія при введеніи Инквизиціи, 353.—Ростъ доминиканскаго ордена и ревность доминиканцевъ, 356.—Первое назначеніе инквизиторовъ, 357.—Народныя возстанія, 360.—Положеніе графа Раймунда, 361.—Волненія въ Тулузѣ. Изгнаніе инквизитора, 362.—Возвращеніе Инквизиціи, 365.—Пріостановка дѣятельности Инквизиціи съ 1236 г. по 1241 г., 367.—Положеніе страны. Возстаніе Тренкавеля, 368.—Связи между Церковью и Государствомъ, 369.—Дѣятельность Петра Селлы въ 1241—1242 г.г., 371.—Крѣпость еретиковъ Монсегюръ, 373.—Рѣзня въ Авиньонѣ, 374.—Послѣднія усилія гр. Раймунда, 376.—Торжество Инквизиціи. Воссоединеніе Раймунда съ Церковью, 377.—Паденіе Монсегюра, 378.—Усиленная дѣятельность Инквизиціи, 380.—Участіе Раймунда въ преслѣдованіи, 381.—Смерть Раймунда. Безнадежное положеніе еретиковъ. Ихъ сношенія съ Ломбардіей, 382.—Главенство Инквизиціи. Преслѣдованіе гр. де Фуа, 385.—Смерть Альфонса и Жанны, 387.—Усиленіе королевской власти, 388.—Безпорядки въ Каркассонѣ, 389.—Вмѣшательство Филиппа Краснаго 391.—Новые безпорядки въ Каркассонѣ, 394.—Преслѣдованія въ Альби, 396.—Обманы Инквизиціи. Дѣло Кастеля Фабри, 397.—Братъ Бернаръ Делисье, 399.—Новыя волненія, 400. Попытка Филиппа произвести реформу Инквизиціи, 402.—Безпорядки въ Альби, 403.—Конфликтъ между Церковью и Государствомъ, 404.—Пріѣздъ Филиппа въ Лангедокъ, 405.—Отчаяніе Каркассона. Проекты измѣны, 407.—Обращеніе къ Клименту V. Разслѣдованіе, 409.—Признаніе злоупотребленій. Реформы, выработанныя Вьенскимъ соборомъ, 411.—Избраніе Іоанна XXII, 413.—Торжество Инквизиціи. Судьба Бернара Делисье, 414.—Возрожденіе ереси. Петръ Отье, 417.—Уничтоженіе катаризма Бернаромъ Ги, 419. Дѣло Лиму Нуара; 420.—Результаты торжества Инквизиціи, 421.

Библиотека "Руниверс"

стр.

Глава II. Франція . . . . . 423—454

Введеніе Инквизиціи въ 1233 г. Робертомъ Бугромъ, 423.—Оппозиція прелатовъ. Поддержка со стороны Людовика Святого, 424.—Жестокость Роберта и его конечная судьба, 425.—Дѣятельность правильно организованной Инквизиціи въ 1248 г., 426.—Ауто-да-фе въ Парижѣ въ 1310 г.—Маргарита ла Порентъ, 429.—Постепенное паденіе Инквизиціи, 430.—Дѣло Гуго Обріо, 432.—Присвоеніе парламентомъ высшей юрисдикціи, 434.—Парижскій университетъ вмѣсто Инквизиціи, 437.—Слабое проявленіе дѣятельности Инквизиціи въ XV ст. Попытка поднять ее въ 1451 г., 440.—Окончательное паденіе Инквизиціи, 442. — Вальденцы Франціи. Ихъ число и организація, 444.—Спорадическія преслѣдованія, 446.—Ученія вальденцевъ, 447.—Франсуа Борель и Григорій XI, 449.—Новыя преслѣдованія въ 1432 и 1441 гг., 451. Покровительство Людовика XI, 452. - Смѣна то вѣротерпимости, то преслѣдованія, 453.

Глава III. Пиренейскій полуостровъ . . . . . 454—474

Арагонія.—Незначительность ереси, 454.—Попытка епископской Инквизиціи и Инквизиціи свѣтской въ 1233 г., 455.—Введеніе папской Инквизиціи, 456.—Медленность ея устройства, 458.—Усиленія ея дѣятельности въ XIV ст., 460.—Споръ по вопросу о крови Іисуса Христа, 461. - Николай Эмерикъ, 463.—Отдѣленіе Майорки и Валенсіи, 465.—Паденіе Инквизиціи, 466.—Возрожденіе Инквизиціи при Фердинандѣ Католикѣ, 467. Кастилія. - Отсутствіе Инквизиціи въ королевствѣ, 467.—Катары Леона, 468.—Независимое законодательство Альфонса Мудраго 469.—Преслѣдованіе въ Кастиліи, 470.—Дѣло Педро изъ Осмы, 472. Португалія.—Отсутствіе настоящей Инквизиціи, 473.

Глава IV. Италія . . . . . 475—538

Политическія условія, благопріятствовавшія ереси, 475.—Господство катаризма, 476.—Развитіе вальденцевъ, 477.—Безразличное отношеніе народа къ Церкви, 477.—Старанія Григорія IX подавить ересь, 480.—Постепенное развитіе Инквизиціи, 481.—Бр. Роландо Кремонскій, 481.—Джованни Скіо изъ Виченцы, 482.—Св. Петръ Мученикъ, 485.—Петръ вызываетъ междоусобную войну во Флоренціи, 487.—Смерть Фридриха II въ 1250 г. Папство освободилось отъ своего самаго великаго врага, 489.—Убійство Петра Мученика и его слѣдствія, 490.—Райнеріо Сакконе, 492.—Торжество папства, 493.—Гумбертъ и Эццелино покровители ереси, 495.—Преслѣдованіе Эццелино какъ еретика, 496.—Гумбертъ Паллавичино, 498.—Завоеваніе Неаполя Карломъ Анжуйскимъ, 500.—Торжество преслѣдованія, 501.—Народная оппозиція, 504.—Дѣло Арманно Поджилупо, 506.—Могущество Инквизиціи, 507.—Папское вмѣшательство, 508.—Неаполь. Вѣротерпимость при Норманнахъ и Гогенштауфенахъ, 509.—Инквизиція во время господства Анжуйскаго дома, 510.—Сицилія, 511.—Венеція. Ея независимость, 512.—Введеніе Инквизиціи въ 1298 г. подъ надзоромъ Государства, 513.—Паденія Инквизиціи въ XIV вѣкѣ, 514.—Остатки катаризма на Корсикѣ и въ Пьемонтѣ, 515.—Преслѣдованіе вальденцевъ Пьемонта, 518.—Паденіе Ломабрдской Инквизиціи, 524.—Подчиненіе Инквизиціи государству въ Венеціи, 526.—Тоскана. Усиленіе неповиновенія, 528.—Петръ ди Аквила, 529.—Постоянныя волненія во Флоренціи, 530.—Томмасино изъ Фолиньо, 532. Паденіе Инквизиціи въ центральной Италіи, 532.—Инквизиція въ Сицилійскомъ королевствѣ, 533.

Глава V. Славянскія земли . . . . . 538—554

Труды Иннокентія III и Гонорія III къ востоку отъ Адріатическаго моря, 538.—Выступленіе нищенствующихъ орденовъ, 540.—Кровавые крестовые походы Венгріи, 541.—Возрожденіе катаризма, 543.—Попытка Бонифація VIII и Іоанна XXII, 544.—Безуспѣшность ихъ стараній, 545.—Царствованіе Стефана Твертко, 546.—Усиленіе турокъ, 548. Отношеніе катаровъ къ туркамъ, 552.—Исчезновеніе катаровъ, 553.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"